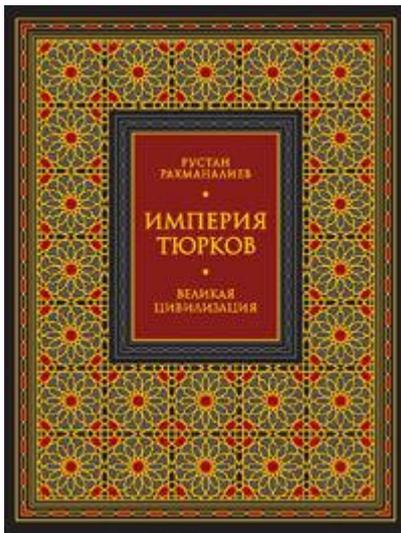

Рустан Рахманалиев

Империя тюрков. Великая цивилизация

Рустан Рахманалиев

Империя тюрков. Великая цивилизация

«В наши дни не остается никакого сомнения в том, что всемирную историю время от времени придется переписывать. Подобная необходимость проистекает не вследствие того, что со временем выявляются все новые и новые события, а оттого, что появляются новые взгляды, побуждающие передового человека нового времени занять такую точку зрения, с которой он мог бы совершенно по-новому видеть и оценивать прошлое».

Гёте

Предисловие

Правящих рас, народов с имперским мышлением, не так много. В их числе, рядом с персами, греками и римлянами, можно назвать тюрков.

В чем же суть имперского мышления тюрков? Они, как правило, властители земли по природе или по характеру. Их империи, непохожие друг на друга, демонстрировали за три тысячи лет общие основные черты. Тюрки стремились к тому, чтобы заставить самые разные народы жить вместе в гармонии, оставляя им, правда, под своей централизованной до предела и деспотической властью их идентичность, язык, культуру, религию, а часто и правителей. Взойдя на вершины власти благодаря праву завоевателя, они не гнушались обращаться за помощью к вассалам, когда те были более цивилизованными, чем они сами, и часто доверяли им важные дела; они также не стеснялись заимствовать у них то, что могло быть полезным: иногда технику, иногда образ жизни, иногда религию или язык. Их главная забота заключалась в том, чтобы организовать покоренные народы и племена, управлять ими, вести их на битву, писать хроники. Это объясняет, почему так часто они заканчивали тем, что ассимилировали в покоренных массах.

Представителям нашей цивилизации довольно сложно представить, чем были и чем остаются тюркские архивные хроники, поражавшие своим качеством и количеством. Они встречаются повсюду, во всех крупных городах, когда-либо захваченных тюрками, потому что те фиксировали все события и хранили их на бумаге.

Тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны с глубокой

древности, однако термина «тюрк» тогда не существовало. Народ, именовавший себя «тюрки», сложился в начале VI в. Тюрки VI в. – это сложносоставной народ, образовавшийся в результате соединения в единое государство монголоязычной орды Ашина, вынесшей из ордосских степей воинственные традиции своих предков, и тюркоязычного населения Большого Алтая. В середине VI в. оба эти элемента слились в единое целое, создав огромную державу от Желтого до Черного моря, успешно воевавшую с Китаем, Ираном, Византией и распространившую имя «тюрк» на пол-Азии.

История знает тюрков под разными именами: хунны, гунны, уйгуры, гулямы, сельджуки, мамлюки, кыпчаки, шейбаниды, – и этот список далеко не полный. Европейцы воспринимали название «тюрк» как общее определение всех кочевых племен Центральной Азии. Арабы называли тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы, и те приняли это название, ибо первоначальные носители его стали для кочевников-степняков образцом доблести и геройства. В дальнейшем термин «тюрк» трансформировался и стал названием языковой группы. Так сделались тюрками народы, в VI–VII вв. не входившие в Великий Тюркский каганат, – туркмены, азербайджанцы, курыканы (предки якутов) и многие другие. В конце дохристианской эры к тюркам начинают причислять кыргызов – светловолосых людей высокого роста, голубоглазых, которые, скорее, относились к палеоазиатам или тюркизированным индоевропейцам. С тех пор эта тенденция распространяется все шире, поскольку тюрки привержены экзогамии и женятся на женщинах не тюркского происхождения. Они смешиваются со всеми этническими группами, встречающимися на пути, а их язык обладает удивительной способностью притяжения, так что сегодня уже невозможно считать физический (брахицефальный) признак характерным. По сути, не существует абсолютно чистых рас.

Если пойти еще дальше, можно сказать, что тюрки представляют собой смешанную расу – они вообще лишены расовых признаков, т. е. нет тюркской расы как таковой. По всему миру (за исключением, может быть, изолированных горных уголков Центральной Азии) в жилах тюрков течет намного больше чужой крови – монгольской, китайской, иранской, греческой, кавказской, русской, африканской, – чем исконно тюркской крови, той самой, что делала скулы выступающими, а глаза раскосыми.

Кто сказал, что основной движущей силой мировой истории в продолжение тысячелетий, почти до порога новой эпохи, было соперничество между кочевыми и оседлыми народами? Как раз об этом упоминается в Библии, где противопоставляются двое сыновей Авраама – Каин и Авель. Но для тюрков это соперничество – ключ, открывающий двери в мир их языка и славных авантур, если принять за факт, что кочевники всегда одерживали верх над оседлыми народами и что именно они стояли у истоков мира.

Тюрки – это народ с трехтысячелетней историей, которая совершалась от Тихого океана до Средиземного моря, от Пекина до Вены, Туниса, Алжира. Однако колоссальная территория между Западной Европой и Китаем, страна с оригинальной природой, разнообразным населением и неповторимой культурой – Евразия, – долгое время была незамеченной, вследствие чего считалась несуществующей. Тем не менее она существовала. Великая степь – сердце Евразии, и простиралась она от Китайской стены до Карпат, окаймленная с севера полосой сибирской тайги, а с юга – пустынями Иранского плоскогорья и оазисами Персии. Великую степь в древности греки называли Скифией, персы – тураном, а китайцы – степью «северных варваров». Таким образом, Китай, Ближний Восток, Византия и Европа являлись как бы рамкой, обрамляющей картину – тюрко-монгольскую степь.

История Великой степи – это история тюрко-монгольских орд, оспаривавших лучшие пастбища и перемещавшихся вместе со своими стадами, иногда в течение столетий, по огромным пространствам, которые природа приспособила для их физической конституции и образа жизни.

В протоисторическую эпоху движение кочевников было преимущественно с запада на восток. Когда кочевники иранской расы, т. е. индоевропейцы, которых греческие историки называли «скифы» и «сарматы» (в иранских текстах – «саки»), углубились очень далеко на

северо-восток, к Алтаю и Саянам, другие индоевропейцы заселяли оазисы Тарима от Кашгара до Куча, Карашара и Турфана. Однако начиная с христианской эры течение повернулось с востока на запад. Теперь индоевропейские диалекты уже не доминировали в оазисах будущего Туркестана, и что касается «внутренних перемен», то это была смена гегемонии кочевых кланов тюрок и монголов, жаждавших власти над другими ордами: тюрки-хунны – X в. до н. э., монголы-сеньпей – III в. н. э., монголы-жужани – V в., тюрки-тукю – VI в., тюрки-уйгуры – VIII в., тюрки-кыргызы – IX в., монголыкидани – X в., тюрки-кераиты, или найманы, – XII в., тюрко-монголы – XIII в. и, наконец, тюрки-темуриды – XIV–XV вв.

На западе происходило то же самое, что и на востоке. В Европе, в русских степях, продолжавших азиатскую степь, сменяли друг друга гунны Аттилы, болгары, авары, венгры (последние были из угро-финской группы, но входили в число гуннской аристократии), хазары, печенег, команы, чингисиды. То же можно сказать об исламских землях, где процесс исламизации и иранизации среди тюрок-завоевателей Ирана и Анатолии – точная копия китаизации завоевателей Небесной Империи – тюрок, монголов, тунгусов. Хан здесь становился султаном или падишахом, так же как там – Сыном Неба.

Ираном поочередно правили и истребляли друг друга тюрки-газневиды, тюрки-сельджуки, тюрки из Хорезма, тюрко-монголы, тюрки-темуриды, тюрки-шейбаниды, не говоря уже о тюрках-османах, которые стрелой промчались по мусульманским землям и разгромили в Малой Азии ослабших сельджуков, а затем – неслыханное дело! – ринулись покорять Византию. И этот процесс стал одним из географических законов в мировой истории. Но есть и другой, противоположный, закон – постепенного поглощения кочевых завоевателей старыми цивилизованными странами; это явление имеет две стороны: прежде всего, демографическую – варвары-всадники, превратившись в правящий класс, ассимилируют в общей массе, в человеческом муравейнике; затем культурную – покоренная китайская или иранская цивилизация оболыщает, усыпляет, покоряет своего завоевателя и в конце концов так или иначе уничтожает его. Чингисхан не без оснований остерегался удобств цивилизованной жизни: когда его потомки обосновались во дворцах Пекина и Тауриса – тут же началось их вырождение.

Тюрки связали свою судьбу с судьбой всех народов Древнего мира. Хотя история человечества изучена крайне неравномерно и особенно много пробелов в истории евразийской степи, тем не менее можно с уверенностью отметить тот факт, что именно история тюрок изобилует событиями исключительной насыщенности, которые коренным образом меняли картину мира: Аттила и гунны, империя Табгача в Северном Китае, сооружение Самарры, аббасиды, мирное сосуществование всех крупных религий в уйгурской Центральной Азии, сельджуки Ирана, Чингисхан и тюрко-монгольская гегемония, мамлюки Египта, Золотая Орда, поработившая на два столетия Русь, Амир Темур, темуридский Ренессанс в Самарканде и Герате, Бабур и создание империи Великих Моголов, Османская империя – ведущая мировая держава XVI в., Ататюрк и национальная революция в Турции.

Поражают сложные формы общественного бытия и социальные институты тюрок: эль, удельно-лествичная система, иерархия чинов, военная дисциплина, дипломатия, а также наличие четко отработанного мировоззрения, противопоставляемого идеологическим системам соседних стран. Здесь, очевидно, следует вспомнить теорию Л. Гумилева о пассионарности этногенеза, где пассионарность – способность и стремление к изменению окружения, а этногенез – природный процесс, проходящий в течение свыше тысячи лет, оставляющий после себя следы не меньшие, нежели наводнение или выброс лавы из вулкана.

Без сомнения, без войны нет тюркского феномена. Это вовсе не означает, что другие народы обходились без войн. Но есть такие народы, которые утвердились, несмотря на войну, другие служили богу войны, третьи покрыли себя славой и извлекли из нее выгоду, но их судьба непосредственно не зависела от войны. Трудно представить, кем бы стали тюрки в условиях всеобщего мира. И дело не в том, что у них не было иных доблестей,

кроме воинских, – их родина не могла быть колыбелью крупной цивилизации, хорошо то, что она могла прокормить их, когда их было не так много, когда они не дрались за пропитание и не допускали в свои земли посторонних.

Любой демографический взрыв заставлял их убивать друг друга. Разделенные на племена, тюрки могли выжить только посредством войн. Объединенные в федерации, которые академик Р. Груссе удачно назвал «степными империями», они могли существовать, только навязывая волю сильного слабому. В этом случае они обладали такой ударной силой, которая требовала неременного применения. Они и применяли ее против богатых царств оседлых народов. Захватив троны трех континентов – в Пекине, Дели, Исфахане, Дамаске, Багдаде, Каире, Константинополе, Алжире, – они должны были действовать так, чтобы не потерять их. Следует отметить, что на завоеванных землях чаще всего наблюдался невиданный расцвет, к примеру Китай под властью Табгача, Иран под сельджуками, Египет под мамлюками, Индия под владычеством Великих Моголов; что касается Османской империи – то это была одна из крупнейших тюркских держав мира, которая сначала являлась для ислама мечом, затем – щитом.

Начиная с эпохи Крестовых походов тюрки представляются нам истовыми приверженцами ислама, однако их исламизм – это относительно недавний феномен, причем он не распространяется на всех тюрков. Хотя ислам очень давно, по крайней мере еще в VIII в., вступил в контакт с тюрками и нашел среди них верных сторонников, только постепенно, начиная с XI в., он стал глубоко проникать в их среду. Однако существовали специфические тюркские (или, точнее, тюрко-монгольские) структуры, внутри которых сформировались первые цивилизации и которые не только сопротивлялись исламу, но и атаковали его, сохранив древние верования, пусть и в несколько измененном виде. Исламизация широких масс в Центральной Азии стала фактом лишь в начале XVII в., но до сих пор есть немало тех, которые так и не приняли ислам. В разные моменты своей истории тюрки впитывали в себя великие мировые религии и часто прославляли их своими деяниями.

Тюрки – народ самобытный, они, как минимум, страстные любители и ценители искусства, антиквары и меценаты, но это и великие создатели: именно при владычестве тюркской династии Вэй в Китае сформировалась одна из лучших скульптурных школ в пещерах Юньгана и Лунмэня; тюрками были созданы самые прекрасные и экспрессивные монументы Азии – большая мечеть Пятницы в Исфахане, Тадж-Махал в Агре, Регистан в Самарканде и мечеть Сулеймание в Стамбуле...

Итак, перед нами наследники всех кочевников – как живой организм со своими специфическими законами и проявлениями, как часть человечества, состоящая из очень разных элементов, но образующая великолепную совокупность, которую можно назвать конкретным именем: тюрки. Среди мудрых изречений о тюрках есть одно, особенно отвечающее сути: «Тюрк подобен жемчужине в морской раковине, которая не имеет ценности, пока живет в своем жилище, но когда она выходит наружу из морской раковины, то приобретает ценность, служа украшением царских корон».

В монографии мы не собираемся совершать насилие над источниками, дабы втиснуть их в заранее задуманную схему – хотя обязательно отметим те, что не вписываются в наши рассуждения, – но мы хотим понять тюркскую реальность, исследуя трехтысячелетнюю историю этого народа в контексте их великих империй.

Глава 1

Тюркские народы с X в. до н. э. по V в. н. э

Мировая история свидетельствует, что не было и не могло быть этноса, происходящего от одного предка. Все этносы имеют двух и более предков, как все люди имеют отца и мать, и это подтверждено многовековой историей тюрков.

Степные кочевники сыграли в истории и культуре человечества не меньшую роль, чем персы, греки и римляне. И роль их в мировой истории была особой, как, впрочем, у каждого

этноса.

Это настоящие варвары, если термин предполагает не столько отсутствие цивилизованности, сколько агрессивный тип поведения. Варвары, которых не одну тысячу лет китайцы называли «ху» и которые, подчиняясь таинственному на первый взгляд порыву – а если говорить ученым языком, речь идет об объединении, переселении, голоде, эпидемиях, – упорно продвигаются все дальше, прогрессируя или деградируя, объединяясь или снова разделяясь на племена. Они нападают на города, завоевывают царства, а затем скрываются неизвестно куда, оставляя в качестве следов бесчисленные курганы своих захоронений. Это – прекрасные всадники, составляющие одно целое со своими лошадьми, которые были одними из лучших лошадей в мире, причем сами всадники будто родились на коне и никогда не спускались на землю. Они первыми научились седлать и запрягать лошадей, они изобрели седло и упряжь, они – искусные лучники, и их стрелы летят дальше всех и рязят сильнее всех. Таким образом, верхом на коне, вооруженные до зубов, они стремятся вперед, они непобедимы в течение веков.

Тюрки – это гораздо больше, чем только тюркоязычные народы, а тюркизм – это гораздо больше, чем этнообразующая идея одного народа или одной нации.

Существует легенда, где повествуется о том, что Верховный Отец всех тюрков Тенгри подарил некогда своим детям-тюркам Большой Казан, сделанный из чистой меди, который водружался на железный треножник. Все большие и малые племена тюрков ели из этого Большого Казана, который еще называли Тенгри-Казаном, и никто из них не был обделен, никто не жаловался на недостаток пищи. Тучные стада кобылиц и бесчисленное множество скота паслись на землях тюрков. Охота всегда была удачной. Дети были здоровыми, семьи – крепкими, старики были в почете, а мужчины умели все: выращивать скот, защищать свои земли от врагов, ладить с соседями, вступая с ними в торговые отношения. Тюркские старики славились своей мудростью и талантом красноречия, передаваемыми из поколения в поколение; тюркские девушки блистали красотой, грацией и умом, а тюркские юноши были самыми непревзойденными воинами. Все тюрки превыше всего ценили свою свободу, честь и достоинство.

Тюркский народ приумножался в лоне Отца своего – Тенгри, но с каждым днем приближался День Великого Расставания, когда повзрослевший Сын должен был оседлать коня и, простившись с Отцом, войти в неведомый ему мир. И этот День настал.

Тюрки сняли Тенгри-Казан с железного треножника и, поставив его на глиняный очаг, приступили к приготовлению прощальной трапезы.

Умельцы расплавили железный треножник и изготовили из него большое количество боевых топоров, железных наконечников для стрел и копий, пробивающих любой панцирь, стремян, позволяющих всадникам ловко управлять своими боевыми конями и вести бой обеими руками, быстрых, как молния, сабель, островерхих шлемов, символизирующих свод небесного купола, дома Отца своего – Тенгри. Тюркские женщины сшили большое количество кожаных шаровар и коротких рубах – одежды для верховой езды – и накатали большое количество войлока для походных юрт, родного дома кочевников.

Прощальная еда тюрков из Тенгри-Казана была обильной, и многие навечно запомнили неповторимый вкус пищи родного дома.

А эта трапеза из Тенгри-Казана была действительно прощальной, ибо, когда люди насытились, Тенгри-Казан разлетелся на миллиарды мелких кусочков.

Верхняя разлетевшаяся часть Тенгри-Казана вознеслась на небо и образовала вокруг Темир Казык (Полярной звезды) Круг Времен в виде зодиакальных созвездий, по которым тюрки могли определяться в непрерывном течении времени.

Кусочки средней части Тенгри-Казана образовали на небе Млечный Путь, по которому тюрки могли определять свое местоположение в пространстве, в какой бы части Земли они ни находились и куда бы они ни продвигались.

Нижняя часть Тенгри-Казана, которая всегда была подвержена действию огня, разлетелась на миллиарды медных капель, которые попали в сердце каждого тюрка и,

переходя от отца к сыну, сохраняли в сердце тюрков горячую любовь к родному дому, к Большому Тенгри-Казану.

Остатки пищи из Тенгри-Казана упали на землю тюрков и, просочившись в глубину ее, превратились во множество полезных ископаемых, которые в будущем должны были прокормить далеких потомков тюрков.

Проведя последнюю ночь на родной земле, тюрки наутро выступили в поход. Но он не был завоевательным – это было движение новой мысли и нового духа. Ибо на своем пути в Страну Заката тюрки шли по местам, народы которых еще только начинали узнавать, что такое железо, и даже самый маленький его кусочек стоил гораздо дороже равного ему по мере золота. Эти люди не знали, что такое стремя, и даже двурога вилка (шанышки), с помощью которой тюрки, не обжигаясь, ели горячее мясо, вызвала у них большой интерес. Эти народы, облаченные в длиннополые платья, скрывающие наготу, но абсолютно не приспособленные для ведения пешего и конного боя, поразились конструкции тюркских шароваров, удобных для верховой езды и в повседневной жизни.

В своем движении тюрки несли миру качественно новый уровень («железный») цивилизации: лошадь, укрощенную до уровня боевой единицы; изогнутую саблю, более эффективное оружие ближнего боя, чем прямой меч; новую тактику и стратегию применения больших, но легких (летучих) конных отрядов; одежду, приспособленную для ведения конного и пешего боя, и многое другое, что для того времени представляло самый передовой уровень научно-технического прогресса.

Тюрки принесли на запад символ Креста, как обозначение четырех стрел, летящих из одной точки (от Тенгри-Казана) в разные стороны света, неся на своем острие знания новой цивилизации. Круглые и островерхие шлемы тюрков, символизирующие форму небесного свода, стали прообразом куполов православных церквей и мечетей, которые нередко окрашивались в синий цвет, олицетворяющий цвет Неба и Тенгри.

Много веков прошло с тех пор, как Аттила, возглавлявший «конный народ» (атты ель), прошел до самых западных пределов тогдашней Ойкумены. Много рассеялось по земле тюрков, которые превратились в бесчисленные народы, забыв свои обычаи и язык. Но в глубине сердца каждого тюрка жила и продолжает жить маленькая медная капля Большого Тенгри-Казана, соединяющая его с далеким тюркским прошлым.

Обратимся к Евразийскому материка – вернее, его срединной части – Великой степи, которая простирается от Западной Маньчжурии на востоке до венгерской степи на западе, на юге – Тибетское нагорье и Семиречье, от Сибири ее отделяют хребты: Саянский, Хамар-Дабан и Яблоновый. В восточной зоне Степи, в так называемой Внутренней Азии, где располагались Монголия, Джунгария и Восточный Туркестан создавались могучие державы хуннов, уйгуров и монголов.

Переселение предков хуннов – хяньюнь и хунной – с южной окраины Гоби на северную совершилось в X в. до н. э., и это переселение связывается с образованием империи Чжоу, породившей античный Китай, древнекитайский суперэтнос (IX в. до н. э. – V в. н. э.) и знаменитую ханьскую агрессию. А эти грандиозные события, в свою очередь, сопоставимы с началом скифских поселений.

Таким образом, рубеж доисторических периодов и исторических эпох приходится на X в. до н. э.

В X в. до н. э. два этноса – чжоуский (древнекитайский) и скифский – смыкались в южной части Центральной Азии. Однако расширились они в разных направлениях: чжоусцы – на восток, скифы – на северо-запад.

Скифская экспансия

Между 750 и 700 гг. до н. э., как свидетельствуют греческие историки и ассирийские хронологи, киммерийцев вытеснили из южно-русских степей скифы, пришедшие из Туркестана и Западной Сибири. Племена, которых греки называли скифами, – это те самые,

которым ассирийцы дали имя «ашкузай», а персы и индусы – «саки».

По данным ономастики, скифы принадлежали к иранской расе. Это северные иранцы, остававшиеся кочевниками на своей «иранской родине», в степях нынешнего Туркестана, и большей частью избежавшие влияния цивилизации Ассирии и Вавилона, которое достаточно сильно отразилось на их дальних оседлых сородичах – мидах и персах, – живших на юге, на Иранском плоскогорье. Подобно своим собратьям сарматам, скифы также остались чужды воздействию зороастрийской реформации, которая вскоре постепенно трансформировала мидо-персидские верования.

На греко-скифских вазах (Кулоба и Воронеж) запечатлены лица скифов: бородатые и волосатые, как и их собратья саки на барельефах Персеполиса, в остроконечных шапках, защищающих уши от сильных степных ветров; одеты, как и саки, в свободную тунику и широкие штаны – одежду их сородичей, мидов и персов. Средством передвижения скифов была лошадь – великолепный степной скакун, их верный спутник, так же, как и лук со стрелами. У этих конных лучников не было постоянных селений, лишь повозки, на которых они совершали дальние переходы; на таких повозках монголы Чингисхана в XIII в. промчатся по тем же русским степям. В этих повозках скифы везли женщин и все свое имущество: украшения, орнаментальные пластинки, снаряжение и вооружение, а также ковры – все то, что ныне составляет суть скифского искусства. Они были хозяевами русской степи с VII по III в. до н. э.

Хотя, по мнению современных исследователей, скифы относятся к иранским народам – индоевропейская семья, индоиранская или арийская группа, – их образ жизни весьма схож с образом жизни хуннских племен – прототюрков, или доисторических тюрков, – которые в ту же эпоху начали движение на другом конце степи, на китайских границах.

В принципе условия кочевой жизни в степи одинаковы от Северного Причерноморья до Прикаспия и дальше до Монголии, хотя в последнем регионе они более суровые. Поэтому нет ничего удивительного в том, что без учета физического облика и языка скифы, описанные греческими историками или изображенные на греко-скифских вазах, напоминают нам племена юэчжи, ту-кю и монголов, которых описывают и изображают китайские летописцы и художники, – имеется в виду их культурный уровень и условия существования. У этих групп есть общие обычаи; возможно, одинаковый образ жизни вынуждал и скифов и хуннов подчиняться одинаковым законам и правилам: и конный лучник-скиф и хуннский всадник с луком носили штаны и сапоги, а не свободное платье жителя Средиземноморья или древнего китайца, то же самое можно сказать о конской сбруе, изобретенной северными степняками, надолго обеспечившей им превосходство над конниками оседлых народов. У юэчжей сбруя появилась в III в. до н. э., и она отсутствует на китайских рельефах эпохи Хань; у ойротов (алтайцев) она существовала в I в. до н. э., когда ни греки, ни римляне не имели понятия о ней. Возможно, географические связи между скифами и хуннами, находившимися на одном культурном уровне, способствовали распространению одинаковых обычаев: например, ритуальные похоронные убийства долгое время сохранялись и у скифов и у тюрко-монголов, между тем как в Передней Азии и в Китае они давно не практиковались, начиная с захоронений Ура и Наньяна. Кстати, Геродот отмечает у скифов обычай делать порезы на руках, лбу и носу, убивать слуг и лошадей и класть их в могилу вокруг тела своего господина. Есть данные, что у хуннов был обычай убивать на могиле вождя сотни и тысячи женщин и слуг.

Обычай резать лицо ножом существовал у тукю, монгольских тюрков.

Итак, между 750 и 700 гг. до н. э. скифы (или, скорее, часть скифо-сакских племен, потому что основная масса саксов осталась в районах Тянь-Шаня, Ферганы и Кашгарии) перебрались из района Тургая и реки Урал в Южную Россию и вытеснили оттуда киммерийцев.

Наиболее обстоятельные сведения о скифах оставил Геродот (V в. до н. э.). Во главе скифского племенного союза Геродот называет царских скифов – кочевников, считавших скифов-земледельцев своими рабами.

По Геродоту, миграция скифов в направлении Европы была вызвана давлением с востока, вернее, северо-востока: скифов изгнали исседоны, а исседонов теснили аримаспы. Исседоны – это, возможно, угро-финны, которые проживали где-то на Урале. Аримаспы, обитавшие дальше на востоке – Иртыше и Енисее, – это, очевидно, иранцы, как и сами скифы: в отдельных хрониках их имя переводится как «друзья лошадей». Что касается массагетов, живших восточнее Аральского моря по Яксарту (Сырдарье) и в Прибалхашье, то Геродот считает их скифами; Страбон говорит о пяти племенах массагетов: дербики, апасиаки, аттасы, хорезмийцы и абгасы. Само название «массагеты» историки объясняют различным образом: Маркварт – от иранского «рыбаки», Кристенсен – также от иранского «большая скифская орда»; Марцеллин, Кассий, Арриан видят в массагетах предков сарматского племени алан.

Итак, часть киммерийцев под давлением скифов ушла в Венгрию, где уже обитали другие родственные фракийцам народы. Именно пришедшие киммерийцы закопали около Шилагии «сокровища» Михаени, под Хевесом – «сокровища» Фокору и Михалковский клад в Галиции.

Остальные киммерийцы двинулись через Фракию (по мнению Страбона) или Колхиду (по Геродоту) в Малую Азию, где жили они сначала во Фригии (720 г. до н. э.), затем в Каппадокии и Киликии (650 г. до н. э.) и, наконец, пришли в Понт (около 630 г. до н. э.). Часть скифов бросилась их преследовать (720–700 гг. до н. э.), но преследователи сбились с пути (по Геродоту), прошли через Кавказ, около Дербента, к Ассирии. Скифский царь Ишпакай напал на нее, но получил отпор (около 678 г. до н. э.). Другой, более мудрый скифский царь, Бартатуа, приблизившись к Ассирии и сообразив, что для ассирийцев киммерийцы также были врагами, так как угрожали их границам со стороны Киликии и Каппадокии, действуя в угоду ассирийцам, направил скифское войско в Понт и разгромил последних киммерийцев (около 638 г. до н. э.).

Через 10 лет сын Бартатуа (Геродот называет его Мадей) по просьбе Ассирии, в которую вторглись мидийцы (или миды), сам захватил Мидию (около 628 г. до н. э.). Но мидийцы поднялись на борьбу с захватчиками, и их царь Киаксар истребил скифских вождей, а остатки скифов ушли назад в Южную Русь через Кавказ.

В IV в. до н. э. скифы создали государство в пределах Южной России и торговали с греческими городами на северном побережье Черного моря.

Относительно времени образования Скифского государства у исследователей нет единого мнения: одни относят его сложение ко времени скифских походов в Малую Азию (VII в. до н. э.) или к эпохе Геродота (V в. до н. э.); другие – к IV в. до н. э., когда Скифию объединил царь Атей и Скифия переживала свой расцвет; третьи определяют его рубежом III–II вв. до н. э., когда столица скифов под натиском сарматов переносится в Крым на реку Салгир (Неаполь Скифский), а Скифия переживает политический и экономический подъем при царях Скилуре и Палаке.

К V в. до н. э. Скифия еще сохраняла первобытно-общинный строй в его последней переходной к классовому обществу фазе – военной демократии. Действующими органами этого строя были народное собрание, совет старейшин и племенные вожди.

По Геродоту, территория Скифии имела форму правильного квадрата, что отражало, видимо, космологические представления, поскольку квадрат есть одна из простейших реализаций идеи организованного, упорядоченного пространства. Южной границей «скифского квадрата» было море, а северной – мифические Рипейские горы, достигающие, по утверждению некоторых авторов, небес. Кстати, у скифов существовала развитая мифология.

Наибольшим почитанием у скифов пользовалась богиня Табити – покровительница домашнего очага. Верховным божеством у них считался Папай, его греки сравнивали с Зевсом.

Скифы более 500 лет держали в страхе Переднюю Азию. Все это время ужас на старый мир наводили племена варваров-степняков. Их конница продвигалась от Каппадокии до

Мидии, от Кавказа до Сирии, грабя и разрушая все, что встречалось на ее пути. Этот бурный поток, отголоски которого мы находим у израильских пророков, представляет собой первое в истории вторжение северных степных кочевников в среду древних южных цивилизаций, и это движение будет периодически возобновляться в течение двадцати веков.

Когда ассирийцев, вавилонян и мидов в качестве гегемонов в Передней Азии сменили персы, они занялись защитой «оседлого» Ирана.

Незаяданный политический деятель, царь из династии Ахеменидов Кир Великий был одержим химерической идеей – завладеть миром. В этой связи в исторических хрониках есть факт, свидетельствующий, что иноземным захватчикам сумели дать сокрушительный отпор свободолюбивые племена массагетов под предводительством царицы Томирис.

По Геродоту, Кир осуществил свой последний поход против массагетов, живших восточнее Хивы около 530 г. до н. э., но потерпел полное поражение и погиб.

Следует остановиться на историческом портрете Кира Великого, основателя Персидской империи Ахеменидов, свергнувшем Астиага, царя Мидии, и захватившем его столицу Экбатану (550 г. до н. э.). В 546 г. до н. э. Кир разгромил Креза и установил свое господство над Малой Азией и царством Набонида (последнего из халдейских царей), добавив к своим владениям Вавилон, Ассирию, Сирию и Палестину. Дальнейшие завоевания на севере и востоке завершили создание огромной империи.

Следующим противником скифов из династии Ахеменидов был правитель Персии Дарий I (ум. в 486 г. до н. э.). Скифия в VI в. до н. э. уже представляла большую политическую силу.

Дарий начал с крупной экспедиции против «европейских» скифов (514–512 гг. до н. э.). Через Фракию и нынешнюю Бессарабию он вступил на территорию Степи, где скифы, следуя обычной тактике кочевников, тактике выжженной земли, не вступая в сражение, стали отступать и заманивать его все дальше в пустынные просторы. У Дария хватило мудрости вовремя повернуть назад. Геродот считал эту «русскую кампанию» безумным капризом деспота. В действительности же Дарий стремился осуществить естественную политическую идею – сделать «внешний Иран» персидским и завершить паниранское объединение.

Древние персы, покорив на западе Вавилон, Малую Азию, Сирию и Египет, а на востоке Согдиану и часть Индии, рассматривали себя как мировую империю – Иран, противопоставлявший себя Турану. Иран и Туран населяли близкородственные племена арийцев. Разделяла их не раса или язык, а религия.

Инициатива разделения древнеарийской культурной целостности приписывается пророку Заратустре, жившему в VI в. до н. э. и проповедовавшему монотеизм – почитание Ахурамазды («мудрого владыки») вместо пантеона арийских богов – дэвов, тех самых, которых эллины помещали на Олимпе, а германцы – в Валгалле. Помощники Ахурамазды – ахуры – эквивалентны эллинским гигантам и индийским асурам – врагам дэвов. Мифология и космогония в новом исповедании оказались перевернутыми на сто восемьдесят градусов.

Новую веру приняли далеко не все. Даже в Иране она возобладала не сразу. Но все арийцы, которые сохранили верность древним богам, стали туранцами, а сторонники Заратустры – иранцами. Так совершилось разделение на Иран и Туран.

После того как попытка объединения провалилась, скифы оставались хозяевами Южной Руси еще на протяжении трех столетий.

В результате экспедиций Дария I в Малой Азии все-таки был поставлен надежный заслон набегам кочевников.

В III в. до н. э. скифы пали жертвой сарматов, за исключением небольшой их группы в Крыму, которая была завоевана готами в III в. н. э.

Крупные скифские вторжения VII в. до н. э. на Кавказ, в Малую Азию, Армению, Мидию и Ассирию интересны не только для политической истории. Первый контакт скифов с ассирийским миром (не забудем, что скифы были его союзниками), который продолжался около ста лет, представляет собой важнейшее событие для истории степного искусства.

Прежде всего именно во время походов в Малую Азию в VII в. до н. э. скифы завершили переход из бронзового в железный век. И начало скифского искусства проходило под влиянием Хальштатской техники обработки железа в кельтско-дунайском регионе. Но главным образом великое перемещение народов в VII в. до н. э. привело к тесным отношениям между Кавказом и страной мидийцев (Луристан), с одной стороны, и скифов – с другой. Имеются бесспорные свидетельства прямого влияния ассирийско-вавилонской Месопотамии на первые произведения скифского искусства.

Это – отправная точка всего скифского искусства, о котором можно сказать, что оно обошло стороной ассирийский (или греческий) натурализм, предпочтя ему декоративность. Так, на юге России на целые столетия воцаряется эстетика Степи, а ее четкие тенденции можно проследить в их развитии на востоке, вплоть до Монголии и Китая. С самого начала в скифском искусстве существовали два течения: натурализм, периодически подпитываемый из ассирийско-ахеменидских источников, с одной стороны, и эллинизм, с другой, и декоративное течение, которое подавляет, деформирует и отводит в сторону первое течение ради чисто орнаментальных целей. В конце концов, анималистический реализм, с которым никогда не расставался этот народ всадников и охотников, превратился в предлог для декоративной стилизации.

Такая тенденция объясняется условиями жизни кочевников – как скифо-сарматов на западе, так и хуннов на востоке. Они не имели постоянных поселений, поэтому скульптура, барельеф и живопись, которые изначально предполагают реализм, были для них чуждыми. Их атрибуты роскоши сводились к одежде и украшениям, к аксессуарам снаряжения и конской сбруи. Поэтому такие предметы, как застежки и пряжки, подвески для сабли, элементы лошадиной сбруи, будто специально предназначены для стилизации. Кроме того, все северные кочевники проводили жизнь верхом на лошади, преследуя и загоняя зверей, как волки загоняют антилоп. И естественно, что они усвоили из ассирийско-вавилонских уроков только геральдические темы и стилизованные сражения животных. И наконец, эти анималистические сюжеты имели для степных охотников магическое значение.

Если оставить в стороне греко-скифские предметы украшения, которые можно назвать скифскими только по сюжету, но на деле они выполнены греческими художниками, работавшими для эллинских колоний в Крыму или непосредственно для степных царей, мы увидим в скифском искусстве только образы животных, сведенные к геометрическим формам и служащие для орнаментальных целей. Повсюду: в Костромском захоронении V в. до н. э., в Елизаветовских раскопках той же эпохи, в Кул-Оба, в Крыму (450–350 гг. до н. э.), в сокровищнице сарматской эпохи из Западной Сибири (I в. н. э.), в Верхне-Удинске (Забайкалье), – где найдены образцы хуннского искусства нашей эры, мы видим оленей и лошадей с пышной гривой, а когти хищников завиваются в кольца и спирали, в два раза превышающие размер животного. Даже верхняя губа лошади вывернута в форме улитки. В западносибирском искусстве скифов и сарматов и в искусстве аналогичного типа, которое сформировали юечжи, стилизация анималистических форм достигает совершенства.

Степное искусство далеко уходит от искусства оседлых народов: скифское искусство можно противопоставить ассирийско-ахеменидскому, хуннское – китайскому, несмотря на их общую почву, которой являются сцены охоты и сражения зверей. Ассирийцы, ахемениды и китайцы эпохи Хань показывают нам тех же животных, преследующих или угрожающих друг другу, в простом, наполненном воздухом декоре. А у скифов и хуннов мы наблюдаем зверей, которые сплетаются в смертельной схватке. Здесь нет никакого движения. Это драма, в которой жертва как будто увлекает своего палача в пропасть гибели. Но здесь есть внутренний динамизм, внутренняя трагическая мощь.

Находки предметов скифского искусства дают возможность проследить скифское продвижение по Руси. Примерно в 700–550 гг. до н. э. центр скифской культуры находился в степях юго-восточной части – на Кубани и Таманском полуострове. Разумеется, скифы властвовали уже и на Южной Украине, между нижним течением Днепра и низовьем Буга, как свидетельствуют находки в Мартоноше и Мельгунове, но эта власть, скорее, носила

спорадический характер. По Таллгрену, только между 550 и 450 гг. до н. э. скифская культура окончательно утвердилась на территории нынешней Украины, а ее апогей датируется 350–250 гг. до н. э., о чем свидетельствуют большие царские курганы в низовьях Днепра, в Чертомлыке, Александрополе, Солоке, Деневе и т. д. Самая северная зона на западе, затронутая скифской экспансией, находится на северной границе лесостепной полосы, южнее Киева и около Воронежа. К северо-востоку скифская экспансия достигает Саратова, где сделаны важные открытия и где Таллгрен локализует скифский, или находившийся под скифским влиянием, народ, – в любом случае представляющий иранскую расу. Это сарматы. Вполне возможно, что скифы в Южной Руси составляли всегда только правящую верхушку, а основу составляли киммерийцы, т. е. фракийцы и фригийцы.

Сведения Геродота о скифах обнаруживают чисто иранскую ономастику, данные греческого происхождения о тех же скифах указывают на фракийско-фригийскую ономастику. Это лингвистические следы, подтверждаемые следами археологическими. Таллгрен пишет: «Хальштатский тип киммерийской бронзы продолжал существовать на Украине в качестве крестьянской культуры даже во времена укрепления связей между скифами и эллинизмом». Наконец, к северу от скифской области с киммерийской основой жили другие варвары, не скифы, которых Геродот называет «андрофаги», «меланкелены» или «исседоны», которых можно отнести также и к угро-финнам. Таллгрен локализует андрофагов к северу от Чернигова, а меланкеленов – к северу от Воронежа. Мы знаем, что эти два народа вступили в союз со скифами для отражения нашествия Дария. Что касается исседонов, то они жили, очевидно, на Урале, в районе Екатеринбурга. Кстати, андрофаги и меланкелены, т. е. угро-финские соседи скифов, относятся к так называемой мордовской культуре, следы которой обнаружены на Десне и Оке, в которой присутствует геометрический орнамент, более бедный и совсем не похожий на скифский стиль.

Вытеснение скифов сарматами

В IV в. до н. э. в районе Оренбурга, у подножия Уральских гор, в Прохоровке, существовала местная культура – сарматская, – характерной особенностью которой было изготовление большого количества копий, и это, безусловно, свидетельствует о том, что именно копья были их главным оружием.

По мнению Ростовцева, в Прохоровских захоронениях обнаружены первые свидетельства о появлении сарматов в европейской части России. Хотя еще в V в. до н. э. Геродот упоминал «саурамагов», живших к востоку от устья Дона, считая их метисами скифов и амазонок, говоривших на скифском языке. Возможно, это был их авангард, пришедший вслед за скифами, а основная масса еще кочевала на северном берегу Каспийского моря. Ростовцев замечает, что матриархат, который греки наблюдали у «саурамагов», на самом деле сарматам не был свойствен, и считает, что между этими народами нет ничего общего. Как бы то ни было, во второй половине III в. до н. э. сарматы, принадлежавшие к той же расе, что и скифы, т. е. к группе североиранских кочевников, живших к северу от Арала, перешли Волгу и заселили русскую степь, вытеснив скифов в Крым.

Скифы в это время оказались между сарматами, которые наступали из Азии, и гетами (будущими даками) фракийско-фригийского происхождения, которые основали свою империю в Венгрии и Румынии.

III в. до н. э. – именно с этого времени, по мнению историков, можно осмыслить этническую историю Евразийской степи: племена Монголии были объединены хуннами; династия Цинь устанавливала единодержавие в Китае, среди северных варваров появились хуннские богатыри, героически отстаивавшие от циньцев свою землю; возникла могучая держава Центральной Азии – Парфия: парфяне под предводительством скифа Аршака изгнали из Ирана македонян и основали на месте разрушенной Александром Великим мидоперсидской монархии собственное царство; полуполюгендарные скифы Причерноморья

были сменены сарматами.

Так в Степи началась новая эпоха, и с начала III в. до н. э. в степях к северу от Черного моря теперь жили сарматы.

Кочевники-сарматы вторглись в Скифию и убивали там всех, кого могли настичь. Это было не завоевание, а война на истребление. Весьма трудно объяснить, чем было вызвано такое ожесточение. Во II в. до н. э. сарматская экспансия достигает своего наивысшего напряжения.

Расселение сарматов в степях Поволжья, Южного Урала и нынешнего Казахстана привело к утверждению гегемонии сарматов в степях Восточной Европы со II в. до н. э.

Основная масса сарматов кочевала между низовьем Волги и Днестра. Некоторые сарматские племена были независимы, например аланы (предки осетин), кочевавшие в районе Терека до самой Кубани, роксоланы, которые в 62 г. н. э. поселились к западу от нижнего течения Дона, назиги, которые с 50 г. н. э. обитали на равнине между Тиссой и Дунаем – территории даков и римской провинции Паннония в срединной части нынешней Венгрии. Макс Эберт писал: «В конце II в. до н. э. аланы кочевали в арало-каспийских степях. Оттуда они пошли на Дон».

Сарматы стали активной политической силой в международных делах Древнего мира.

В 179 г. до н. э. сарматский царь Гатал примкнул к союзу малоазийских государств. В I в. до н. э. сарматы были союзниками понтийского царя Митридата VI в его борьбе против Рима. С этого времени бывшая территория Скифии на античной карте, составленной Випсанием Агриппой, стала называться Сарматией. Восточная группа сарматов экономически и политически была тесно связана с государствами Центральной Азии, особенно с Хорезмом. Начиная с I в. н. э. сарматы неоднократно совершали военные походы в Закавказье и выступали там союзниками отдельных государств.

Сарматы появились и на Дунае, где часть племен, в основном языги и роксоланы, осела близ границ Римской империи. Здесь происходили столкновения римлян с сарматами.

Политическая гегемония сарматов в Северном Причерноморье была подорвана в III в. нашествием готов, а в IV в. сармато-аланские племена были разгромлены гуннами.

Остановимся на переходе скифского искусства в сарматское, опираясь на находки, обнаруженные в Западной Сибири.

Несмотря на общие кочевнические корни, сарматы отличались от своих предшественников. Скифов мы знаем как всадников с луками в островерхих шапках и широких одеждах, как варваров, набравшихся греческой культуры, имевших анималистическое искусство и хранивших, несмотря на стилизацию, память о натуралистической пластике. Сарматы – тоже всадники, но вооруженные копьями, носившие конической формы шлемы и кольчугу. Их искусство, также анималистическое в своей основе, уже обнаруживает более тонкий вкус, что касается стилизации и геометрического орнамента, например многоцветная эмалевая инкрустация на металле. Короче говоря, в нем чувствуется «восточная» реакция на греко-римскую пластику. Это можно считать первым появлением в Европе искусства восточного Средневековья, которое сарматы передали готам, а те – всем германцам. В III и II вв. до н. э. сарматское искусство пришло в Южную Русь.

Ученые склонны приписать золотые украшения, обнаруженные в Западной Сибири, народам, близким к сарматам, а найденные человеческие черепа (Оглакты под Минусинском, т. е. дальше на восток), как они считают, никак не могут принадлежать тюрко-монголам, скорее, индоевропейцам, имевшим отношение к скифам, сакам и сарматам.

На самой первой географической карте Верхней Азии отмечено, что на восточной оконечности, в нынешней Маньчжурии, обитали прототунгусы (доисторические тунгусы), в Западной Маньчжурии и Восточной Монголии – протомонголы, на самой большей части Монголии и несколько дальше к западу, в направлении озера Балхаш, – прототюрки. Вся остальная часть, включая южные и западные степи, была заселена индоевропейцами и палеоазиатами, причем здесь так и не обнаружено никаких следов алтайского народа. Раскопки в районе Минусинска в верхнем течении Енисея, находки которых относятся к так

называемой «карасукской» эпохе (1200–700 гг. до н. э.), выявили все большее распространение брахицефального типа, и это, по всей вероятности, связано с тем, что позже здесь поселился другой народ – прототюрки. В «тахарскую» эпоху (700–300 гг. до н. э.) этот феномен зарегистрирован на Алтае. Наконец, около 300 г. до н. э. произошел «брахицефальный взрыв» в Южной Сибири и на южных склонах Алтайского хребта. Поэтому можно предположить, что вначале постепенно, затем все быстрее, подобно снежному кому, предки тюрков, жившие до тех пор на севере, спускаются из лесных массивов и примерно в начале новой эры добираются до северных отрогов Тянь-Шаня и степных районов озера Балхаш. Пришельцы на своем пути вытесняют индоевропейцев, или смешиваются с ними, или оказывают на них влияние, заставляя местные народы принять их язык и культуру. Это, по всей вероятности, произошло с кыргызами (стали известны через китайских историографов в 201 г. до н. э.; относятся к индоевропейскому антропологическому типу), и, таким образом, в массе тюркского населения появились индоевропейцы или, по крайней мере, немонголоидные народы.

Переселение из лесов в степи для прототюрков ознаменовалось одной из самых важных революций в их истории: они перешли из цивилизации охотников и собирателей «подножного корма» в цивилизацию скотоводов, в культуру одомашнивания лошади. Интересные результаты раскопок в Пазирике (V–II вв. до н. э.) на Алтае, которые подарили ученым удивительно сохранившиеся в вечной мерзлоте предметы и тела умерших, позволяют обнаружить признаки таких болезней, как пародонтоз, а также людей в масках и лошадей в сбруе, что свидетельствует о ностальгии по утраченному миру и о нелегкой адаптации к новой жизни.

Центр металлургии Минусинск в верховьях Енисея, начиная с V в. до н. э., был ареной новых процессов. Там найдены захоронения с оградой из камней, датируемые так называемым бронзовым периодом (500–300 или 200 гг. до н. э.). Эта эпоха характеризуется обилием анималистических мотивов – спящий олень, стоящий олень, олень, оглядывающийся назад, и свернувшееся животное (этот мотив, по мнению Таллгрена, пришел из Южной России).

К периоду между 500 и 300 гг. до н. э. относится также первое появление сибирских бронзовых кинжалов и ножей, а также цилиндрических ударных орудий типа кистеня, которые из Минусинска распространились до Ордоса времен юечжей и до Венгрии эпохи великих завоеваний. Ножи, найденные в Минусинске и Тагорском, тонкие, слегка искривленные, с ручкой, заканчивающейся иногда очень изящной оленьей головой, также были распространены во всей Монголии, вплоть до Ордоса эпохи юечжей. В 300–200 гг. до н. э. в Минусинске устанавливается железный век с топорами-пиками из бронзы и железа и группой больших коллективных захоронений.

Вообще минусинские находки II–I вв. до н. э. обнаруживают явное сходство с сарматским искусством Южной России и Западной Сибири, и, по мнению археологов, Минусинск передал этот стиль хуннскому искусству Ордоса.

Минусинск находится на северном склоне Саянских гор. Дальше к юго-западу, в Пасирике, на северном склоне Большого Алтая, у истоков Оби и Катуня, в 1929 г. были обнаружены захоронения 100 г. до н. э. (или более раннего периода) со скелетами лошадей, «замаскированных под северных оленей» (кстати, это значит, что речь идет о племенах, которые заменили лошадь оленем). Эти маски и сбруя из кожи, дерева и золота украшены стилизованными анималистическими мотивами – мчащиеся во весь опор козлы, крылатый грифон, убивающий козла, пантеры, бросающиеся на оленей и козлов, петухи перед боем и т. п. Эти изображения еще близки греко-скифскому стилю без лишней орнаменталистики. Упорядоченная строгая стилизация производит сильный декоративный эффект. В Пасирике встречаются бородатые декоративные маски, явно греко-римского происхождения, связанные с эллинским царством на киммерийском Босфоре. Такие же греко-римские маски примерно той же эпохи – II–I вв. до н. э. – обнаружены в минусинской группе захоронений. Что касается Алтайской группы, она включает кроме Пасирика другие курганы I в. до н. э.

сарматского типа. Здесь также мы видим анималистическое искусство со строгой стилизацией, близкое к реализму.

В I в. н. э. алтайская культура представлена курганом в Катанде с предметами, изображающими сражения медведей с оленями, расцвеченными ветвистыми рогами (работа по дереву), а также бронзовые пластины и куски ткани со стилизованными анималистическими мотивами сражений грифонов и оленей, которые напоминают хуннские мотивы той же эпохи (2 г. н. э.), отмеченные в Нон-Ула, в Монголии. В Нон-Ула тоже обнаружен кусок ткани, вероятнее всего попавшей сюда из киммерийского Босфора.

В течение двух первых столетий новой эры вокруг Минусинска продолжает процветать переходная культура, которую Теплухов назвал «таштыкской» и к которой, в частности, относятся находки в Оглакты, севернее Минусинска, датируемые эпохой второй династии Тан, судя по китайским шелковым тканям.

Вскоре после этого указанные очаги скифо-сарматского стиля в Минусинске и на Алтае угасают или, вернее, трансформируются, потому что еще в начале VII в. район Минусинска оставил нам бронзовые предметы, датируемые по китайским монетам династии Тан. Очевидно, страну завоевали тюркские племена, предки кыргызов, появление которых китайские историки отмечали в V в. По Теплухову, вытеснение кыргызами индоевропейской аристократии сарматского происхождения в Минусинске имело место после III в. Но прежде чем исчезнуть, культурные центры в Минусинске, Пасирике и Катанде сыграли большую роль в передаче степного стилизованного анималистического искусства хуннским народам.

Создание государства Хунну

Пока кочевники иранской расы – скифы и сарматы – занимали в Южной России, Тургае и Западной Сибири западную часть степной зоны, восточная часть находилась под властью тюркских народностей. В древности доминирующим народом у тюрков были «юнь-ну», или «хьонг-ну», как называли их китайцы, – имя, сближающее их с именем «хунны» и «хуна», – как впоследствии называли этих варваров римляне и индусы. Вполне вероятно, что именно юнь-ну (это название появляется в китайских хрониках только в эпоху Цинь в III в. до н. э.) китайцы ранее называли «хяньюнь» (IX–VIII вв. до н. э.), или просто «ху».

По мнению Гумилева, хотя тюркоязычные народы в западной части Центральной Азии известны с самой глубокой древности, начиная с III в. до н. э., однако термина «тюрк» тогда не существовало, и на заре истории (III в. до н. э.) они назывались хунны.

Момент рождения этноса хунну связан с переходом племен хяньюнь и хуньюй с южной окраины пустыни Гоби на северную и слиянием их с аборигенами, имевшими уже развитую и богатую культуру.

В китайских хрониках хунны описываются как тип, характерный для прототюрков: «Невысокого роста, коренастые, с круглой и большой головой, круглым лицом, выступающими скулами, приплюснутым носом с широкими крыльями, довольно густыми усами, без бороды, не считая редких волос на подбородке, с длинными ушами, проколотыми для серег. Голова, как правило, бритая, не считая пучка волос на макушке. Густые брови, раскосые миндалевидные глаза с горящими зрачками. Они носили свободное платье, достигающее до икр, с разрезами по бокам, подвязанное поясом, концы которого свисают спереди. По причине холодов манжеты туго прилегают к запястьям. Плечи покрывает короткая меховая накидка, а голову – меховая шапочка. На ногах кожаные туфли. Широкие штаны, завязанные на лодыжке. Колчан с луком висит у левого бедра...» Некоторые детали этого костюма напоминают одежду скифов. Схожи также многие обычаи, к примеру погребальные убийства: и хунны, и скифы на могиле вождя перерезали горло женам и слугам умершего, иногда число убиенных доходило до ста и даже тысячи.

Геродот писал, что скифы срезали скальп с убитого врага и делали из черепа кубок. Такой же обычай отмечен у хуннов: шаньюй Лаошань пил из черепа царя племени юэжжи.

И хунны, и скифы охотились за головами. По Геродоту, скиф считал делом чести

принести с войны головы врагов, отрезанные его рукой, а снятую с черепа кожу подвешивал к поводу своего коня.

У потомков хуннов – племени тугю (VI в.) – число камней на могильном холме погибшего воина равно числу убитых им врагов. У кочевника индоевропейской расы и у кочевника тюрко-монгола одинаковое отношение к крови: скиф выпивал кровь первого убитого им врага, хунн пил кровь из человеческого черепа в знак клятвы. Оплакивая мертвых, и скиф, и хунн резали ножом свое лицо, чтобы кровь текла вместе со слезами.

Подобно скифам, хунны были преимущественно кочевниками. Стада лошадей, быков, баранов и верблюдов определяли ритм их жизни. Хунны перемещались вместе со своим скотом в поисках воды и пастбищ. Питались они исключительно мясом, что поражало китайцев, которые были, скорее, вегетарианцами; одевались хунны в кожу, жили на стоянках в войлочных шатрах, спали на мехах.

Что касается религии, хунны исповедовали шаманизм, опиравшийся на культ Тенгри – обожествленного Неба, и на культ некоторых священных гор. Их верховный правитель, шаньюй, осенью собирал всеобщий сход – «сезон, когда лошади уже разжирили» – для подсчета людей и стад.

Китайцы называли хуннов варварами за дикие набеги и грабежи. Когда хуннов преследовали, они, как и скифы, использовали тактику выжженной земли, увлекая неприятельские войска в пустыню Гоби или в голую степь и обстреливая врагов на безопасном для себя расстоянии; решающий же удар наносили, когда неприятель был совершенно деморализован. Такая тактика, благодаря их мобильности и искусству стрельбы из лука, оставалась неизменной у всех степняков – от первых хуннов до Чингисхана. Надо отметить, что она типична для всех всадников, вооруженных луками: и скифов на западе, и хуннов на востоке. Именно так воевали скифы с Дарием. Но Дарий вовремя разгадал эту уловку и отступил до того, как дело закончилось бы для него поражением.

Китайские же военачальники не обладали такой мудростью и теряли свои войска в сердце Гоби, куда заводили их хунны.

Что касается языка хуннов в среде тюрко-монгольских народов, некоторые ученые, например Сиратори, относят его к монгольским. Пеллио придерживается противоположного мнения, опираясь на китайскую транскрипцию, и считает хуннов тюркским племенем, и с этим, на наш взгляд, следует согласиться.

Новый этнос всегда богаче и мощнее, нежели старые, составившие его: хуннам предстояло великое будущее.

Империя хуннов родилась так, как будут позже рождаться все степные империи: из энергии человека, который смог навязать свою волю своему клану, а затем целой группе племен. О таком человеке, умершем около 209 г. до н. э., нам известно его имя, Тумань, и его титул – шаньюй (Величественный Сын Неба), что должно соответствовать титулу императора. Мы точно не знаем о клане, из которого он вышел, что же касается племен, пошедших за ним, они, скорее всего, состояли из представителей разных этносов, или, точнее, разных языковых групп, по крайней мере, исходя из последовательности тех далеких событий, но основную массу составляли конечно же прототюркские племена.

В IV в. до н. э. хунны образовали мощную державу – племенной союз 24 родов, возглавляемый пожизненным императором (шаньюем) и иерархией племенных князей «правых» (западных) и «левых» (восточных). Ниже шаньюя стояли два высших чиновника – князя ту-ки, т. е. «два мудрых князя – правый и левый» (китайская транскрипция «ту-ки» близка тюркскому слову «тогри», т. е. правый или верный). Шаньюй восседал в Верхнем Орхоне, горном районе, где позже будет находиться столица чингисидов Каракорум. Мудрый князь «слева», бывший в принципе наследником, сидел на востоке, в Верхнем Керулене, а мудрый князь «справа» – на западе, в Хангайских горах. Далее следовали князя ку-ли – левый и правый, генералиссимусы (левый и правый), высшие правители-губернаторы (левый и правый), высшие танг-ху (левый и правый), высшие ку-ту (левый и правый), тысячники, сотники и десятники. Этот народ мобильных кочевников был организован по

принципу армии. По тюркскому обычаю вся система была направлена на юг – то же самое мы увидим у потомков хуннов – тюрков VI в. и воинов Чингисхана.

В течение многих веков господство над бескрайними степями Центральной Азии принадлежало хуннам, они не только держали в повиновении все жившие здесь кочевые племена и народы, но и были главными противниками китайцев.

В V в. до н. э. в Китае произошли изменения и важные события периода Чжань-го (403–221 гг.). В то время на его территории существовало семь крупных царств: Цинь, Хань, Вэй, Чжао, Янь, Ци, Чу, между которыми велась непрерывающаяся борьба за господство. В результате ожесточенной борьбы царству Цинь удалось уничтожить остальные шесть царств и создать первое в истории Китая централизованное государство.

В эту эпоху китайцы достигли особых успехов в науках и в освоении техники. Тогда же была освоена технология обработки железа. Из него стали изготавливать сельскохозяйственные орудия, использование которых вызывало интенсивное развитие земледелия. Началось быстрое совершенствование оружия и теории военного искусства. Появились новые виды оружия, такие как самострелы и алебарды. Создавались и новые виды войск. Если раньше основной силой были малоповоротливые, тяжелые на ходу колесницы, то теперь их заменила пехота, а в северных владениях по образцу кочевников была введена конница. Помимо наступательных средств стали совершенствоваться и оборонительные. Города обносились прочными стенами, против которых кочевники, незнакомые с осадной техникой, были бессильны.

После взятия китайцами Ордоса борьба хуннов с китайцами обострилась. Земли к югу от реки Хуанхэ имели для хуннов огромное хозяйственное значение: песчаные барханы с хорошим травяным покровом, солончаковые луга в низинах и многочисленные озера с пресной водой создавали исключительно благоприятные условия для кочевого скотоводства.

Успех китайцев в завоевании хуннских земель был связан с их тысячелетней историей государственности. Что касается хуннов, то, начиная с их легендарного родоначальника Шунвея до шаньюя Туманя, они не имели государственности. В течение более тысячи лет хунны то объединялись и усиливались, то распадались и ослабевали, и это продолжалось до тех пор, пока они не образовали единого Хуннского государства.

В 222 г. до н. э. в китайском правительстве началась междоусобная борьба, в которой победил император Цинь Шихуанди. И пока китайцы были заняты этой борьбой, шаньюй хуннов Тумань вновь занял Ордос.

Император Шихуанди в 215 г. до н. э., закончив войну со своими соплеменниками, послал в Ордос огромную армию (до 300 тыс. человек) во главе с полководцем Мэн Тянем. После битвы с китайцами хунны отступили. Китайцы вновь захватили Ордос. Чтобы усилить Ордос, император приказал начать строительство Великой стены, обеспечившей защиту от хуннов и Великой степи. (Стена была продлена в период правления династии Хань; современный вид она приобрела в период правления династии Мин.)

Стена была проведена не только по географической, но и по этнографической границе Китая; население, жившее к северу от стены, считалось китайцами «варварским», чуждым как по происхождению, так и по образу жизни, а в политическом отношении враждебным.

В 212 г. до н. э. по приказу императора построили прямую дорогу, соединившую вновь созданный в Ордосе округ со столицей империи Цинь. Таким образом, внутренние районы Циньской империи соединились с северными окраинами, что имело не только военно-политическое, но и экономическое значение. Вновь занятые земли были разделены на 34 уезда, в которые направляли переселенцев из внутренних районов страны. Началось строительство новых городов.

В 210 г. до н. э. умер император Шихуанди. На престол вступил молодой император Ху-Хай. Начало его правления в Китае отмечено антиправительственным восстанием. Период правления династии Цинь (221–207 гг. до н. э.) отмечен особо жестоким режимом. В Китае бушевала гражданская война, которая унесла две трети населения.

В 207 г. до н. э. под мощным натиском восставших династия Цинь прекратила свое

существование. В 202 г. до н. э. победу одержал Лю Бан, который провозгласил новую династию – Хань (202 г. до н. э. – 220 н. э.). Это был период экономического и культурного расцвета Китая. Во II–I вв. до н. э. в прогрессивном развитии Китая, в активизации его сельскохозяйственной и городской жизни, в развитии ремесел и поднятии политического сознания, главную роль играли политические силы. Все вместе было основной причиной успеха китайцев в борьбе с хуннами.

К рубежу новой эры численность китайцев достигла почти 59,6 млн человек, а хуннов по-прежнему было около 300 тыс., и казалось, силы хуннов и империи Хань несоизмеримы. Так думали правители Китая и их советники. Однако сравнительная сила древности измерялась не только числом жителей. В те времена в Китае преобладал трудолюбивый, но отнюдь не воинственный обыватель. Поэтому китайскую армию комплектовали из преступников («молодых негодяев») и пограничных племен, для коих Китай являлся порабителем. И хотя Китай имел прекрасных полководцев, боеспособность армии была не велика.

У хуннов же понятия «войско и «народ» совпадали. Хуннский шаньюй Тумань и его сподвижники были людьми старого склада, степняками. Но среди молодых хуннов уже появилось поколение энергичное, предприимчивое и патриотически настроенное. Одним из таких новых людей был Модэ (209–174 гг. до н. э.). У Туманя было два сына. Согласно обычаю, на престол после его смерти должен был вступить старший сын Модэ. Когда же родился сын от второй жены – наложницы, Тумань решил завещать трон ему. Он отдал Модэ в заложники юэчжи (племенам, жившим в Восточном Туркестане – современной западной части провинции Ганьсу). Затем неожиданно напал на юэчжи, надеясь, что они убьют его сына. Задуманный план не удался. Модэ сумел выкрасть коня и бежал обратно к отцу. Восхищенный такой смелостью, под давлением общественного мнения Тумань поручил ему командование десятитысячным войском.

Командование туменом и положило начало совершенствованию военного искусства Модэ, его способности править. Модэ ввел в своем войске жесткую дисциплину. Воины научились пользоваться стрелой, издававшей при полете свист. Модэ приказал пускать стрелы лишь вслед за его свистящей стрелой: невыполнение этого приказа каралось смертной казнью. Как-то, чтобы проверить дисциплинированность воинов, Модэ пустил свистящую стрелу в своего аргамака и не выстрелившим в великолепного коня приказал отрубить головы. Через некоторое время Модэ выстрелил в свою красавицу жену. Некоторые из приближенных в ужасе опустили луки, не находя в себе сил стрелять в беззащитную молодую женщину. Им немедленно отрубили головы. Однажды на охоте Модэ направил свистящую стрелу в аргамака своего отца, и не было ни одного уклонившегося. Увидев, что воины подготовлены достаточно, Модэ, следуя за отцом на охоту, пустил стрелу в него, и в ту же минуту воины пустили стрелы в шаньюя Туманя.

Воспользовавшись смертью отца, Модэ покончил с мачехой, братом, старейшинами и объявил себя шаньюем. Это было в 209 г. до н. э. Придя к власти, он взялся за создание первого Хуннского государства, которое в последствии стало мощной державой. Укрепляя повсеместно дисциплину, Модэ начал подготовку к войне с китайцами за освобождение захваченных хуннских земель. Однако в это время произошло ухудшение отношений с дунху, монгольскими племенами, которые стали сильны и достигли своего расцвета. Приведем несколько эпизодов, касательно отношений с дунху, восточными соседями хуннов, которые ярко характеризуют Модэ уже как состоявшегося правителя.

Узнав, что у хуннов произошел переворот, учитывая сложную обстановку внутри создавшегося государства, дунху выслали послов с заверениями в дружбе и в подтверждение тому с просьбой получить в подарок принадлежавшего Туманю коня. Модэ посоветовался со своими сановниками, и те сказали: «Конь, пробегающий 100 ли в день, является драгоценным для хуннов, не отдавай его». Модэ ответил: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него коня?» Он отдал послам коня.

Через некоторое время дунху, полагая, что Модэ весьма сговорчив, отправили послов

передать ему, что они хотят получить старшую жену шаньюя. Модэ вновь решил посоветоваться с приближенными, на что те с негодованием ответили: «Дунху не знают правил приличия, а потому требуют жену шаньюя. Нападите на них». Модэ воскликнул: «Разве можно жить рядом с другим государством и жалеть для него женщину?» И он отдал свою любимую жену послам.

Правитель дунху, уверовав в свое превосходство, решил захватить восточные земли хуннов. Между дунху и хуннами лежала брошенная земля, на которой никто не жил. Дунху отправили послов сказать Модэ: «Брошенную землю за пределами твоей заставы, служащую границей между хуннами и нами, хунны не должны посещать, мы хотим владеть ею». Модэ вновь решил посоветоваться с сановниками, и некоторые из них сказали: «Это брошенная земля, ее можно отдать, а можно не отдавать». Модэ готовился к созданию Хуннского государства, ему нужны были единомышленники. Однако позиция старейшин еще раз продемонстрировала, что в его окружении людей с государственным мышлением совсем не много. С теми, кто родовые интересы ставил выше государственных, разумеется, государства не построишь, но и бороться с ними, стоявшими во главе родов и племен, имеющим сильные военные отряды или даже войска, – непросто. Требовались убедительные действия со стороны Модэ в доказательство того, что эти люди не способны управлять государством. И действия последовали. Сказал: «Земля – основа государства, разве можно отдавать ее? Земля дана каждому народу Великим Тэнгри. Есть земля – есть народ, и можно создать государство», – и всех, советовавших отдать землю, приказал казнить.

Этот эпизод вошел в историю тюрков и прославил Модэ навечно. Можно было отдать коня – богатство, можно отдать даже любимую женщину – поступиться личными интересами, но не под каким предлогом нельзя отдавать землю, даже если она «брошенная». Модэ дал приказ всем хуннским родам, всем воинам срочно явиться на войну, а опоздавшим с явкой на сборный пункт в указанное время рубить головы. С огромным войском Модэ двинулся против дунху и внезапно напал на них. Дунху, пренебрегавшие до сих пор Модэ-шаньюем, не предприняли мер предосторожности: Модэ разгромил дунху наголову, убив правителя и взяв в плен его людей. Остатки племени дунху поселились у гор Ухуань и Сяньби.

В войне с дунху хунны одержали блестящую победу и, развивая успех, напали на северные тюркские племена динлинов. Разгромив их, двинулись к реке Иртыш. Затем направились на восток, одерживая одну победу за другой, и вышли к берегам Тихого океана.

Дав возможность своему народу и войску отдохнуть, Модэ начинает войну против китайцев. Как ни старались разведчики китайцев, так и не смогли узнать ни численности хуннского войска, ни замыслов, ни сроков и места наступления. Войско китайцев по численности в 15–20 раз превосходило хуннов, они в основном были пешими, и самоуверенность китайских полководцев в отношении хуннов была велика. Войско шаньюя Модэ состояло из конницы, было маневренным и мощным. Непосредственно в боях и в ходе вой ны боевое искусство Модэ раскрылось в полной мере. Обычно, готовя войско, тех, кто послабее, он ставил вперед, а сильных, хорошо вооруженных – по флангам и в резерв. Спустя какое-то время после начала сражения передние, не выдержав натиска, отступали, китайцы, преследуя их, растягивались, терялся порядок и терялось управление войском. Тут-то на них обрушивались с флангов основные, свежие силы шаньюя Модэ и разбивали противника наголову. Как мы уже отмечали, Модэ ввел в ратный арсенал свистящие стрелы. Звуки сотен, тысяч таких стрел, слившись воедино, издавали такой устрашающий вой, что противник уже заранее впадал в панику.

В результате многолетней войны шаньюй Модэ отвоевал у китайцев и вернул хуннские земли Ордоса. Государство его расширилось, и созданная им держава была настолько сильна, что китайцы сравнивали ее с Ханьской империей. В войско в случае необходимости можно было собрать до 300 тыс. лучников. С хорошо подготовленными войсками Модэ пересек границу и начал наступление на Китай.

В 200 г. до н. э. китайский император Лю Бан решил лично нанести поражение шаньюю

Модэ. Возглавив огромное войско из 300 тыс. воинов, он двинулся против хуннов. В это время Модэ из Дайгу, где размещались его войска, выслал 100 тыс. всадников, которые должны были завлечь императора Лю Бана в засаду на горе Бейден, расположенной в 17 км к востоку от Пинчэна. Одну часть отборных войск он спрятал вдоль дороги, ближе к горам, другую – в засаде в горах. Высланные навстречу Лю Бану хуннские воины атаковали китайскую армию. Началась битва. Хуннские воины «не выдержали» контратаку китайских войск и стали отступать к горам. Китайские войска во главе с императором устремились за бегущим противником. После того как авангард с императором вошел в ущелье, Модэ пустил из засады всадников, которые окружили их. Другие отряды, спрятавшиеся вдоль дороги, разбили и отбросили оставшиеся без императора китайские войска. Все это происходило зимой, стояли сильные морозы. Семь дней авангард китайской армии во главе с императором, оторвавшись от основной армии и обозов, находился в окружении без запасов продовольствия. Китайские войска, разделенные надвое, ничего не смогли сделать для спасения императора. Критическое положение вынудило Лю Бана отправить лазутчика с подарками к жене Модэ. Китайский лазутчик добрался до жены Модэ и сумел подкупить ее. Она стала советовать мужу помириться с императором, сказав, что, приобретя китайские земли, хунны все равно не смогут на них жить. Подумав, что на чужой земле не приобретешь ни счастья, ни покоя, Модэ отказался от дальнейшей борьбы и приказал открыть проход войскам императора. Китайские войска вышли и соединились со своими главными силами, а Модэ повернул войска на Ордос.

С выходом Лю Бана из окружения военные действия, тем не менее, не прекратились. Модэ стал часто нападать на Китай с целью грабежа. Непрерывные набеги тревожили императора, поэтому один сановник предложил императору отдать Модэ в жены старшую дочь, послав ему щедрые подарки: «Модэ будет твоим зятем, а родившийся от нее сын – твоим внуком. Внук императора не станет нападать на своего деда и таким образом в будущем удастся не только достигнуть мира, но и подчинить Хунну». Император так и сделал.

Так в 198 г. до н. э. было положено начало унижительному для Китая договору с хуннами, известному в истории как договор о мире, основанный на родстве. Договор «мира и родства» заключался в том, что китайский двор выдавал царевну за Модэ и обязывался ежегодно посылать ему обусловленное в договоре количество даров. Это была замаскированная дань.

Могущество хуннов возрастало. Но военное командование и управление народом возможно лишь при наличии сильного аппарата центральной власти. Эта власть достигалась путем установления государственной собственности на землю и регламентации перекочевков.

Особенность новой социальной структуры, появление которой говорило о возникновении государства, состояла в ее тесной связи с военной организацией. Все земли, принадлежавшие Хунну, оказались под властью шаньюя, раздававшего уделы своим сыновьям и ближайшим родственникам, которые в свою очередь наделяли землей приближенных. За предоставленные участки для содержания скота кочевники несли в отношении государства повинности хозяйственного характера, куда входило обслуживание почтовой связи и т. д., но главной была воинская повинность. Воинами считалось все мужское население. У хуннов все возмужавшие юноши, которые могли натягивать лук, становились конными латниками. Появился и аппарат принуждения. Установленные правила требовали безоговорочной явки воинов на сборный пункт в назначенное время.

Для содержания шаньюя и вельмож требовались средства. Роды и свободные воины были не согласны никому платить, так как в этой уплате они усматривали ущемление своей свободы. Средства поступали с подчиненных племен в виде дани от врагов и в виде военной добычи.

Основным оружием хуннского всадника были лук, копьё и меч. Китайские полководцы писали о них так: «Перед решительным наступлением противника хуннские всадники расступаются подобно стае птиц, для того чтобы собраться и снова вступить в бой. Отогнать

их легко, разбить трудно, уничтожить невозможно. Хунский род был патриархальным, т. е. дети принадлежали отцу, а не матери. Женятся они вот так: всякий берет столько жен, сколько пожелает, хотя бы сотню, коли может их содержать. Приданое отдается матери жены, а жена мужу ничего не приносит. Первую жену почитают за старшую и самую милую».

У хуннов были развиты родовая взаимопомощь и общественная солидарность, нарушение которых каралось смертью: «Извлекший из ножен меч на один фут подлежит смерти». При таком строгом законе хунны боялись ссориться друг с другом. «Они редко бранятся между собой и никогда не дерутся, воров у них нет, друг с другом общительны и помогают в беде, даже в пьяном виде не бранятся и не дерутся», – отмечал Бичурин.

Хунны чтили одно божество – Тангри. Они верили в Бога Неба – Тангри и Землю. Небо – отец, добро, а Земля – мать. Хунны, согласно обычаю, три раза в год совершали жертвоприношение в ставке, где при 1, 5 и 10-й луне приносили жертвы духу Неба. В первой луне каждого года все начальники съезжались на малое собрание в ставку шаньюя и приносили жертвы предкам, Небу, Земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжались на собрание, где подсчитывали, проверяли число людей и домашнего скота; обсуждали государственные дела и устраивали развлечения – скачки лошадей и бег верблюдов.

В 195 г. до н. э. император Лю Бан умер. Поскольку его сын, наследник, был малолетним, страной стала управлять императрица Люйхоу – жена Лю Бана.

В 192 г. до н. э. Модэ написал письмо и отправил гонца доставить его императрице Люйхоу. В письме говорилось: «Я одинокий (у Модэ было уже 4 жены) и находящийся от этого в возбуждении государь, родился среди низин и болот, вырос в краю степных волов и лошадей. Несколько раз подходил к границам, желая подружиться с Китаем. Вы, Ваше Величество, сидите одна на престоле, а я, одинокий и возбужденный, не имею никого рядом. Обоим нам скучно, мы лишены того, чем могли бы потешить себя. Хотелось бы поменять то, что имею, на то, чего не имею».

Разумеется, императрица, прочитав это послание, пришла в ярость. Однако помощники успокоили ее, и она составила письмо с отказом, сославшись на свою старость. Между странами по-прежнему продолжались отношения, установленные договором о мире, основанном на родстве.

Тем не менее это не мешало хуннам продолжать набеги (несмотря на Великую стену): они вступали в Китай в 166, 159, 144, 129 гг. до н. э. и доходили до нынешнего Пекина. Устанавливалось равновесие сил между Ханьской оседлой империей и кочевым царством хуннов.

После смерти императрицы Китаем правил император Вэн-ди, который признал Хуннскую державу равной Ханьской империи, а шаньюя назвал братом. Для хуннов это было большим достижением. До сих пор ни один вождь кочевых племен не мечтал сравниться с Ханьским императором.

В 177 г. до н. э. хуннским войскам удалось разбить тюркские племена юэчжей. В результате этой победы хунны присоединили к Хуннскому государству все княжества Восточного Туркестана. На арене истории появилось Великое Хуннское государство, которое простиралось от Восточного Туркестана до Кореи.

Итак, во II в. до н. э. решалась судьба хуннского народа. Если бы не ум и энергия Модэ, хунны истратили бы свои силы в родовых распрях или в бессистемных грабежах и истребительных войнах с соседями, а земли их были бы захвачены. Реформы Модэ, такие как поголовная воинская обязанность, безусловное подчинение начальникам и создание системы чинов, а самое главное, что земля рассматривалась как основа создания государства, – все это консолидировало хуннов и способствовало превращению их в сильнейшее государство Азии.

Шаньюй Модэ умер в 174 г. до н. э. Его потомки преумножили славу Хуннского государства. Политическое и военное искусство, унаследованные от Модэ, еще долго и

успешно служили тюркам. Государство Хунну было первым известным нам крупным государством тюрков и просуществовало с 209 г. до н. э. до 216 г. до н. э.

Сын Модэ Гиюй, вступивший на престол под именем Лаошань-шаньюя, получил в наследство мощную державу. Он продолжил ратные дела своего отца, и в частности, борьбу на западе в Восточном Туркестане, в Семиречье, с тюркскими племенами юэчжи, с народом, который заявил о себе в контексте мировой истории.

Изгнание хуннами юэчжей из Западного Ганьсу и его последствия в евразийском мире

Юэчжи – еще один народ туранского мира. Этот этнос появился, гранича на северо-востоке с хуннами, а на юго-востоке – с царством Цинь. Согласно китайской географии того времени, во владении юэчжей находились пустынные земли между Ордосом и оазисом Хами, но, по-видимому, эту территорию они просто захватили, имея базой богатую пастбищами Западную Джунгарию, к которой с севера примыкает Монгольский Алтай.

В 177 г. до н. э. шаньюй Модэ, продолжая войну с племенем юэчжи Западного Ганьсу, нанес им первое поражение.

Его сын и наследник Лаошань (174–161 гг. до н. э.) окончательно победил юэчжей, сделал кубок из черепа их царя и заставил их уйти на запад, вызвав таким образом первый отток народов в Верхнюю Азию, который отмечен в мировой истории.

Некоторые востоковеды предлагали идентифицировать юэчжей с тохарами – народом, хорошо известным греческим историкам тем, что во II в. до н. э. они ушли из Туркестана в Бактрию, а также с индо-скифами; по сути, тохары и индо-скифы – это один и тот же народ в два разных периода своего существования, который считается скифского происхождения, т. е. индоевропейского. Кстати, Густав Халун видит в китайском названии «юэчжи» старое произношение «згуджа», т. е. «скифы». В частности, эта идентификация опирается на тот факт, что в нынешнем Западном Ганьсу, который, по свидетельству китайских историков, в начале II в. до н. э. был родиной юэчжи, Птоломей (в том же временном периоде) отмечал народ «тагури», гору Тагурон и город Тогара. Он же называет такие страны, как Бешбалич, Турфан, Карашар и др. Страбон же упоминает племена тохаров в числе народов, которые отобрали Бактрию у греков-бактрийцев, т. е. в то время, когда китайские историки указывают на появление юэчжей у границ Тахья, т. е. Бактрии.

Прежде чем продолжить тему идентификации юэчжей, следует остановиться на том, что же представляло из себя Бактрийское царство в древности.

Бактрия – область, славившаяся в ту пору плодородием, находилась к северу от Афганистана и соседних с ним территорий (ныне территория Афганистана и частично Узбекистана и Туркмении). При Ахеменидах была сатрапией, оказавшей упорное сопротивление Александру Македонскому, который покорил ее в 329 г. до н. э. В середине III в. до н. э. Диодот I основал здесь царство, независимое от Селевкидов (македонская династия); его преемник Эвтидем I (правил ок. 235–200 гг. до н. э.) вынужден был признать своим сюзереном Антиоха Великого, а Менандр (правил в 155–130 гг. до н. э.) завоевал территорию современного Афганистана, часть Пакистана и Туркестана.

Такова была история Бактрии до юэчжей. Однако вернемся к вопросу их идентификации.

По нашему мнению, существует убедительный аргумент за то, что юэчжи в китайских хрониках – это «тохары» греческих историков, «тукара» в санскритских текстах и будущие индо-скифы римской эпохи. Кстати, оазисы Северного Тарима, которые, несомненно, были если не исконной страной юэчжей, то, во всяком случае, частью территории родственных им племен, а в Турфане, Карашаре и Куче еще в Средневековье (V–VIII вв.) говорили на индоевропейских языках, которые лингвисты совсем недавно называли «тохарийскими», а сегодня согласились считать «кучийским», «карашарийским» и т. д.

Таким образом, очевидно, что индоевропейские племена на заре истории ушли далеко на восток. Тот факт, что Западная Сибирь, возможно даже район Минусинска, была населена до новой эры скифо-сарматскими народами, и также то, что на обоих склонах Тянь-Шаня, со стороны Ферганы и Кашгара, в ахеменидскую эпоху жили саки, говорившие на восточноиранском языке, подтверждает эту гипотезу. Значительная часть нынешнего Восточного Туркестана была населена индоевропейской, либо восточноиранской (Кашгар), либо тохарийской расами (Куча, Ганьсу), таким образом, юэчжи должны относиться к последней ветви.

Но сведения из китайской истории указывают на первые пертурбации индоевропеизма в этих крайних точках: хунны наносят серьезное поражение юэчжам, затем вынуждают этот народ уйти из Ганьсу на запад, через северную часть Гоби (165 г. до н. э.), лишь часть юэчжей («маленькие юэчжи», как их называли китайцы – «сяо юэчжи») обосновалась на юге Тянь-Шаня, среди кьянгов, или тибетцев, язык которых двести пятьдесят лет спустя они сделали своим. Другая часть юэчжей («большие юэчжи», или «та юэчжи»), пройдя через Гоби, пыталась остановиться в долине Или и в бассейне Иссык-Куля, но их сразу прогнали усунь. Усуней китайские историки описывают как людей с голубыми глазами и рыжей бородой. Ярл Карпентьер связывает имя «усунь» с именем «асианой», или «асионы», второе название сарматского племени аланов, т. е. он видит в них предков или сородичей аланов. Если принять эту гипотезу, тогда получается, что часть усуней, по тем же причинам, что юэчжи и хунны, ушли в направлении Южной России, где несколько раньше сарматов начали вытеснять скифские племена.

Как бы то ни было, юэчжи, которых изгнали из Ганьсу хунны, пытались вначале закрепиться в долине р. Или, но местное население, усунь (возможно, ветвь прототюрков), оказало сопротивление. Тогда юэчжи перешли Ферганскую долину в Согдиане, где они разрушили Греко-Бактрийское царство, последний осколок империи Александра Македонского. По нашим сведениям, это – первое крупное, исторически установленное переселение народа, сопоставимое по масштабу с другими, которые имели место в истории. В этом практически заключается весь событийный ряд великих завоеваний. Юэчжи продолжили их, покорили илийских усуней и совершили грандиозный поход. На юге они столкнулись с китайцами. Но те, к их счастью, переживали в это время эпоху процветания и могущества.

В районе нынешнего Ташкента, в Фергане и Кашгаре жил народ, известный под именем ссеи, персам и индусам – под именем сака, грекам – саки, т. е. «азиатские скифы». Речь идет о ветви большой скифо-сарматской группы, кочевниках-иранцах северо-западных степей. Язык, приписываемый им, – сакский, много текстов на котором, датированных ранним Средневековьем, обнаружено в Хотане, по сути – это диалект восточноиранского.

Появление юэчжей среди сакских племен вызвало общее смятение. Под давлением юэчжей саки вторглись в Согдиану, затем в Греко-Бактрийское царство.

Между 140 и 130 гг. Бактрию действительно отвоевали кочевые племена, самыми известными из которых Страбон называет асианоев, пасианоев, тохараев и сакаралаев, пришедших из стран севернее Яксарта (Сырдарьи). Точная идентификация этих племен невозможна.

Как сказано выше, Карпентьер считал сианоев усунями из бассейна Или; сакаралаи, или сакараи – это, возможно, древнее племя саков; тохары – основа народа юэчжи.

В 128 г. до н. э. китайские историки уже считали юэчжи покорителями Согдианы («страны к северу от реки Вей», т. е. Окса – Амударьи), и, по свидетельству «Цяньханьшу» («Истории Старшей династии Хань», составленной Бань Гу в I в. н. э.), их столицей был город Кьеньше, из названия которого Ханеда Тору фонетическим путем выводит слово Канда, сокращенное от Мараканда, или Самарканда. Китайские историки добавляют, что юэчжи подчинили себе Бактрию. Возникает вопрос: были ли властители Бактрии, покоренные народом юэчжи, бактрийскими греками, которых саки еще не изгнали, или же это были сами саки? Многие востоковеды полагают, что вскоре после этого, около 126 г. до

н. э., юэчжи, не довольствуясь ролью сюзеренов Бактрии, перешли Окс и фактически заняли эту провинцию. При этом они ссылаются на отрывок из «Хоуханьшу» («Истори Младшей династии Хань»), где описывается, как юэчжи переселяются в Бактрию и делят эту страну между пятью вождями («ябгху»). В более поздней книге «Цяньханьшу» упоминается, что «люди Тахья» (т. е. бактрийцы) не имели выдающихся вождей, у них были мелкие правители городов или селений, и в целом это был тихий и боязливый народ (т. е. никак не греческие авантюристы), что с появлением юэчжи они подчинились пришельцам. Это довольно расплывчатые сведения, хотя существует другой, более четкий документ в «Хоуханьшу» («История Младшей династии Хань»), который гласит, что в 84 г. до н. э. китайский генерал Бань-Чао потребовал от царя юэчжей оказать почести царю Согдианы. Таким образом, в то время Согдиана и страна юэчжей были отдельными, поэтому последних следует искать, скорее всего, южнее, рядом с Бактрией. Значит, после недолгого пребывания на северном берегу Окса племена юэчжей переправились через реку и вытеснили саков. Однако историк Тарн прямо указывает на то, что именно юэчжи отобрали Бактрию у греков. В любом случае это был толчок к большому передвижению народов через Восточный Иран. Саки, отброшенные на юг племенами юэчжей, захватили Дрангиану (Систан) и Аракозию (Кандагар). С тех пор эти провинции стали называться «сакской страной», Сакастан, отсюда персидское название Систан.

С этих мест кочевники ринулись на Парфянскую империю и едва не разгромили ее.

Здесь следует сделать небольшое отступление и более подробно остановиться на македонской династии Селевкидов и Парфянской империи.

Селевкиды правили на Ближнем и Среднем Востоке с 312 г. до н. э., когда Селевк I, полководец Александра Македонского, присоединил к Вавилону Мидию и Сузиану. Затем его империя начала расширяться: он занял Сирию, основав там в 300 г. до н. э. Антиохию, а после победы над Лисимахом (281 г. до н. э.) овладел всей Малой Азией.

Преемники Селевка утратили контроль над Сирией и Малой Азией, которые затем несколько раз переходили из рук в руки, и на Востоке была основана Парфянская империя.

Традиционно основанием Парфянской империи считается 247 г. до н. э., когда Аршан I поднял восстание против Селевкидов. К концу II в. до н. э. она охватывала территорию от реки Ефрат на западе до Афганистана на востоке. К середине I в. до н. э. – период расцвета империи – территория государства простиралась от Двуречья до реки Инд. Парфяне были основными соперниками Рима на Востоке: в 53 г. до н. э. парфяне в битве при Каррах разгромили римского полководца Красса.

Что касается дальнейшей истории династии Селевкидов, то в годы правления Антиоха III (223–187 гг. до н. э.) был вновь установлен контроль над Сирией и Малой Азией, ему также удалось вернуть Палестину, но, завоевав Фракию и вторгшись в Грецию, он столкнулся с Римом. При Фермопилах Антиох III потерпел поражение и в 188 г. до н. э. заключил мир, по условиям которого уступил Малую Азию римлянам. После этого Селевкиды утратили свое влияние.

Но вновь обратимся к 125 г. до н. э., когда парфянский царь Фраат II, которому в Мидии угрожали Селевкиды в лице сирийского царя, имел неосторожность обратиться за помощью к варварам. Те не замедлили явиться, но скоро повернули оружие против Фраата, который был побежден и убит (128 или 127 г. до н. э.). Новый парфянский царь Артабан II получил смертельную рану во время контрнаступления на тохарийцев (124 или 123 г. до н. э.), и этот факт доказывает, что юэчжи из китайской истории, если они действительно соответствуют тохарам из греческой истории, в то время уже обосновались в Бактрии и называли ее Тохаристан.

Парфянский царь Митридат I (128–88 гг. до н. э.) сумел остановить натиск кочевников и даже стать сюзереном саков Сейстана. Тем не менее в 77 г. до н. э. сакаралаи были достаточно сильны в Иране, чтобы снова посадить на парфянский трон своего протеже по имени Синатрук или Санатроик, который впоследствии захотел стать их предводителем и погиб в борьбе с ними (70 г. до н. э.).

Истории Ирана и Индии было суждено следовать судьбам саков и юэчжей в этих регионах. Стоит напомнить, что из Систана и Кандагара саки распространились в районы Кабула и Пенджаба, затем, когда эти земли захватили юэчжи, пришли в Мальву и Гуджерат, где сакские сатрапы продержались до IV в. Что касается бактрийских юэчжей, китайские историки свидетельствуют, что в I в. они основали знаменитую династию Кушанов. С того времени их могущество резко возросло. Соседние царства называли их «кушаны», только хунны попрежнему называли их «юэчжи». Эти кушаны были одним из пяти кланов, которые в 128 г. до н. э. поделили между собой Бактрию.

Хунны – главный противник империи Хань

Китай провозгласил политику, от которой с тех пор не отступал: речь идет о гибком сочетании политических и военных действий. Будучи прирожденными мастерами интриг, жертвой которых нередко становились тюрки, китайцы непрестанно разжигали распри и натравливали друг на друга членов императорских семейств, вдохновляли бунтовщиков – словом, сеяли смуту в их рядах. Китайцы пытались, правда с меньшим успехом, привлечь на свою сторону юэчжей, однако те оставались глухи к китайским сладкоголосым сиренам.

Лаошань-шаньюй, принимая и хорошо обеспечивая жизнь китайских специалистов–перебежчиков (по примеру своего отца), с их помощью усовершенствовал государственное делопроизводство. Начали регулярно вести перепись населения, упорядочилось обложение налогами вассальных народов и т. д. От торговли с Китаем у хуннов появились китайские товары, лакомства и хлеб, но правительство Китая держало торговлю в своих руках. Недостаточное количество тканей и хлеба, получаемых от торговли с Китаем, толкало хуннов к войне. И она не заставила себя долго ждать. В 166 г. до н. э. Лаошань-шаньюй пошел войной на Китай со 140-тысячной армией. Захватив множество пленных и имущества, он сжег летний дворец императора и с богатой добычей покинул Китай, разграбив всю восточную границу. В 162 г. до н. э. император Ван-ди запросил мира. Для Китая этот мир был позорным. Китай обязывался ежегодно отправлять в Хунну «известное количество проса и белого риса, парчи, шелка, хлопчатки и разных других вещей». Это была завуалированная дань.

Лаошань умер в 161 г. до н. э., и на престол сел его сын Гюньчень, который старался сохранить мир с Китаем. В 152 г. до н. э. был заключен договор, по которому пограничные рынки открывались для свободного обмена и, сверх того, шаньюю была отдана в жены китайская царевна с большой данью. Это был год наивысшего могущества хуннов. Теперь они доминировали в Восточном Гоби, в Верхней Монголии, где резиденция шаньюя находилась недалеко от Каракорума, в Орхоне, а так же во Внутренней Монголии, у подножья Великой стены. Тем не менее их конные отряды, продолжали совершать дерзкие набеги на китайские земли.

В 142 г. до н. э. хунны атаковали Великую стену со стороны Йеньмэня вблизи Татона, к северу от Шэньси. Вся китайская граница была объектом нападений, когда на ханьский трон сел выдающийся император У-ди (140–87 гг. до н. э.). С приходом к власти он сразу начал готовиться к войне с хуннами. Вначале он хотел применить хитрость: заманить хуннов в засаду через китайского лазутчика, втершегося в доверие к шаньюю, но замысел императора был раскрыт хуннами. Тогда император направил своего приближенного Чжань Цяня с заданием убедить юэчжи напасть на хуннов одновременно с китайскими войсками. Хунны узнали об этом через своих шпионов и в ответ вторглись в китайские северные провинции, разбили войско, разграбили всю местность и увели с собой пленных. Что касается юэчжи, то они были довольны своим новым царством в Бактрии, и дела Гоби их больше не интересовали.

У-ди начал войну в одиночку. Его генерал Вей-Цинь, выйдя с войском из Татона (129 г. до н. э.), в северной части Шэньси, пересек Гоби, дошел до Лоя на берегу Онгинь-гола и обратил хуннов в бегство. В 127 г. до н. э. китайцы создали военную колонию, построив

новую крепость Шо-Фан, на Хуанхэ, между Ордосом и Алашанем.

Зимой 126 г. до н. э. умер Гюньчжень-шаньюй, внук Модэ. Он не уронил достоинства державы, созданной его дедом, и выдержал шестилетнюю войну с противником, который был во много раз сильнее. На престол сел его брат Ичиси-шаньюй. Он удачливыми набегами разрушил и разграбил северные провинции и области Китая, а в 125 г. до н. э. шаньюй ворвался в Ордос, но не смог его удержать.

В 121 г. до н. э. племянник Вей-Циня, юный полководец Хо-Цюй-Бин, с отрядом в 10 тыс. всадников изгнал хуннов из Ганьсу. Обе второстепенные орды хуннов, которые владели этой страной – орда хуэнь-си с центром в Ганьчжеу и орда хьеу-чу с центром в Ланьчжеу, – отказались служить шаньюю и перешли на службу Империи, став членами китайской федерации к северу от земель Наньшань.

Тем временем У-ди готовился к новому наступлению на хуннов.

В 119 г. до н. э. Вей-Цинь и Хо-Цюй-Бин – первый из района Кукукото в северной части Шэньси, а второй из Чаньку, северо-западнее Пекина, – прошли через Гоби до Внешней Монголии, т. е. до центра Хуннской империи. Очевидно, Вей-Цинь дошел до нижнего течения Онгинь-гола, захватил врасплох шаньюя Ичиси и обратил его в бегство. 19 тыс. хуннов были убиты или попали в плен. Хо-Цюй-Бин совершил еще более дерзкий марш: на 1000 км проник во Внешнюю Монголию до верховьев Орхона. Он взял в плен около сотни хуннских вождей и совершил торжественные жертвоприношения в горах хуннской страны. (Хо-Цюй-Бин умер в 117 г. до н. э., вскоре после возвращения из похода.)

Хунны вынуждены были оставить Инышань и отступить за песчаную пустыню. Границей между Китаем и Хунну стала пустыня Гоби. Китайцы, учитывая важность одержанной победы, поспешили укрепиться на завоеванной территории. Император У-ди вновь начал набор войска и лошадей для нового похода на хуннов.

В 114 г. до н. э. умер Ичиси-шаньюй, и власть перешла к его сыну Увею.

В 108 г. китайский генерал Чао-По-Ну пошел еще дальше на северо-запад – до царств Леулань, Лобнор и Кью-Че. Он пленил царя Леуланя и сделал своим вассалом правителя Кью-Че. К тому времени Китай установил торговые связи с Ферганой (Даюнь в китайской транскрипции), где жили восточные иранцы, или саки (родственные скифам-кочевникам), которые поставляли китайцам лошадей лучших мавераннахрских пород.

В 105 г. до н. э. ферганцы, уставшие от поборов, убили китайского посла. В 102 г. до н. э. китайский генерал Ли-Куань во главе 60-тысячной армии совершил беспрецедентный в истории марш-бросок на Фергану. Правда, когда он дошел до Ферганы, у него оставалось только 30 тыс. воинов. Он разрушил столицу – возможно, город Усрушна (нынешний Ура-Тюбе), в том числе ирригационные каналы, и ушел только после того, как получил дань в виде 3 тыс. лошадей. Надо отметить, что кампании китайцев в Фергану имели целью не территориальные завоевания. Им было нелегко сражаться с грозной конницей хуннов и их искусными лучниками, которые на своих низкорослых монгольских лошадях (лошадь Пржевальского) периодически вторгались в Китай. У китайцев были такие же лошади, хотя всадники уступали кочевникам. А в Фергане, как и в соседней Согдиане, были настоящие боевые кони, как ранее было сказано, мавераннахрской породы, возможно, именно таких греки увидели в Мидии и назвали их «нисейскими». Поэтому китайцы решили пересадить часть своей конницы на этих лошадей, чтобы получить превосходство над хуннами.

Разумеется, император понимал, что главная проблема – хуннская – еще не решена. Советники представили У-ди оригинальный план борьбы с хуннами: они предложили привлечь на сторону Китая тюркские племена усуней (поселившихся в Восточном Туркестане), опираясь на них, склонить к подданству Бактрию и другие владения на западе и этим отсечь «правую руку хуннов».

Но усунь были вассалами хуннов и по образу жизни тяготели к ним, а согдийские владетели несравненно приветливее принимали хуннских послов, чем китайских. Для того чтобы воздействовать на них, Китаю было необходимо ублажать их. И в 107 г. до н. э. китайцы привезли в жены усуньскому вождю (йабугу) китайскую царевну. Китайка,

времени не теряя, создала прокитайскую группировку, которая и после ее смерти продолжала существовать, реализуя планы У-ди на западе. Семь лет готовился император У-ди к новой войне.

В 101 г. до н. э. талантливый вождь хуннов неожиданно умер, и наследником престола оказался младенец – внук покойного. Однако время требовало энергичного правителя, посему на курултае был избран один из низших принцев крови – Цзюйдихэу, который спустя некоторое время умер и на престол взшел его сын Хулугу.

Хулугу получил сведения о готовящемся наступлении китайской армии. На помощь шаньюю пришли енисейские тюркские племена динлины, монгольские племена сяньби, забайкальские племена тоба и др. Кстати, согласно археологическим данным, в Забайкалье найдено немало предметов, оставшихся от хуннов и обнаруженных в могилах Дерестуйска, датированных (по китайским монетам) примерно 118 г. до н. э., и в захоронениях под Читой, также относящихся ко II–I вв. до н. э. Забайкалье представляло собой хуннский тыл, где черпали свои резервы орды, угрожавшие Китаю в районе излучины Ордоса.

Итак, Восточная Азия разделилась на два лагеря. И лишь усунь не приняли участие в предстоящей войне, внутри усунь китаефилы боролись с хуннофилами.

Первым этапом китайская армия двинулась с запада в Джунгарию. Но китайский удар ничего не достиг, и на этом закончились действия западной армии.

Восточная армия углубилась в степь и в горы, но когда припасы закончились и китайская армия повернула назад, ее атаковали и изрядно потрепали хунны. Так закончилась восточная операция.

Основные силы Хулугу направил навстречу главной армии. Китай потерпел небывалое поражение, которое перечеркнуло все достигнутые до этого успехи в борьбе против хуннов. От этого разгрома Китай долго не мог оправиться. Хунны в 90 г. до н. э. вновь стали хозяевами Восточной Азии. Их победа оказала влияние на ход развития мировой истории – хунны не допустили заселения китайцами Великой степи.

Согласно китайским источникам, Хулугу в 89 г. до н. э. отправил У-ди письмо следующего содержания: «На юге есть великое государство Хань, а на севере могущественные хунны. Хунны – это любимые сыны Неба (Тэнгри), поэтому не обременяю себя мелкими правилами приличия. Ныне я хочу открыть вместе с Хань большие заставы для торговли, взять в жены дочь из дома Хань, хочу, чтобы мне ежегодно посылали 10 тыс. даней рисового вина, 5 тыс. ху проса, 10 тыс. кусков различных шелковых тканей, а также остальное, согласно прежнему договору, и в этом случае на границах не будет больше взаимных грабежей». Источники не уточняют, каков был ответ императора, но война не возобновилась, а в 87 г. до н. э. император У-ди умер.

В последующие времена хунны и китайцы, не вступая в открытую войну, оспаривали власть над северными оазисами Тарима, т. е. контроль над Великим Шелковым путем.

Что же касается послевоенного периода, то среди хуннов увеличилось количество китайского населения: то были пленные и перебежчики, воры и преступники, набранные на войну. Среди хуннской знати стали появляется прокитайские группировки. Женившись на китайках, хуннские дети получали китайское воспитание, тяготели к китайской культуре и больше думали не о войне, а о дружбе с Китаем. Китайское правительство внимательно следило за политической ситуацией внутри государства Хунну.

В 85 г. до н. э. умер шаньюй Хулугу, его распоряжение о престолонаследии было нарушено не без помощи прокитайских придворных: вместо западного принца на престол был посажен восточный – Хуаньди, по сути марионетка в руках прокитайской группировки.

В 77 г. до н. э. царь Леуланя (правитель Лобнора) вступил в союз с хуннами и взбунтовался против китайского владычества, но он был обезглавлен, а в его стране появилась китайская колония. При ханьском императоре Сюаньди (73–49 гг. до н. э.) имела место решительная экспансия Китая в бассейне Тарима. Император заявил: «У ханей есть свой закон – это закон завоевателей!» В 71 г. до н. э. китайский генерал Чань-Хуэй помог усуням долины Или в борьбе против хуннов. Дело в том, что усунь начали активно

ориентироваться на Китай. Хунны потребовали от усуней, своих вассалов, прекращения связей с Китаем. Император Сюаньди с восторгом принял предложение усуней о военном союзе и нападении на хуннов. Китай мобилизовал на эту кампанию 160 тыс. легких конников, и хунны не устояли.

В 67 г. царство Турфана (Кью-Че), бывшее союзником хуннов, захватил китайский генерал Чень-Ки. В 65 г. другой военачальник, Фон-Фон-Ше, сверг царя Яркенда и поставил оазис под китайский контроль. В следующем году китайский гарнизон был вынужден уйти из Турфана, который тут же попал под влияние хуннов, но в 60 г. Чень-Ки снова оккупировал это царство. Он создал крупный военный лагерь в Курлей, к югу от Карашара, и стал управлять Таримом из Улэй – между Карашаром и Кучей. Так китайцы лишили хуннов контроля над Шелковым путем. Начиная с 60-х гг. до н. э., кочевников раздирали гражданские войны.

Пока хунны терпели поражения, внутри государства шла мощная политическая борьба за власть, в результате которой всколыхнулись все хуннские племена. Борьба антикитайской и прокитайской партий не затихла. У Грумм-Гржимайло мы находим: «В Хуннской империи объявили себя шаньюями сначала два вельможи. Из восточного крыла Хуханье и из западного – Чжичи. Впервые хунны стали вести войну друг против друга. Некоторые роды, чтобы не участвовать в братоубийственной войне, откочевали поближе к китайской границе. В такой междоусобице появились новые претенденты, которые стали объявлять себя шаньюями. Но, усилившись в ходе междоусобной войны, западный князь Чжичи напал на Хуханье и обратил его войско в бегство, захватив его ставку в Хангае».

В 51 г. до н. э. Хуханье лично явился к китайскому двору просить помощи у императора Сюаньди, объявив себя его вассалом. Начиная с 49 г. до н. э., благодаря китайской поддержке, он одерживал победы над соперником и в 43 г. стал победителем в междоусобных спорах на Орхоне. В 33 г. до н. э. он снова обратился к Сыну Неба и получил высшую награду, о которой мечтали все тюрки: руку китайской инфанты.

А проигравший Чжичи оставил старую Монголию своему сопернику, вассалу Китая, и ушел на запад, в Туркестан (44 г. до н. э.). По пути он разгромил илийских усуней, подчинил своей власти племена хукье и кьенку аральских степей и даже согдианцев кянь-кью которые имели неосторожность помочь ему, а затем разбил свои лагеря в степях Чу и Таласа. Это была попытка создать свою большую империю хуннов на западе. Но китайцы не дали ему времени для укрепления. В 36 г. до н. э. генерал Чань-Тан совершил молниеносный бросок на берега Чу, пленил Чжичи и обезглавил его (36–35 гг. до н. э.). После этого теряются следы хуннов, которые ушли на Арал. Об этих западных хуннах не было долгое время исторической хроники, так как не соседствовали они с какой-нибудь крупной цивилизованной нацией, какой был Китай для восточных хуннов. Вплоть до конца IV в. они были потеряны во времени, и лишь в 370–375 гг. западные хунны вновь вышли на арену истории: их потомки перешли Волгу и Дон и вторглись в Европу. Эти хунны появились в мировой истории, но уже под именем гуннов, ведомых Атилиой.

Что касается Хуханье, то он завладел всей территорией хуннов. В Хуннской державе воцарился мир под покровительством Китая, с которым был заключен договор, гласящий, что «дома Хань и Хунну равноправны». Тем временем Усунь продолжали раздирать распри, и она была уже не опасна для китайского правления на западе.

С середины I в. до н. э. у хуннов, как этнической системы, начался раскол.

Ловкость китайских дипломатов, сумевших поднять против хуннов окрестные племена и вызвать в среде самих хуннов междоусобную войну, позволила империи Хань счесть хуннов покоренными и включенными в состав империи.

Весьма распространено, особенно среди западных историков, предвзятое мнение, что хунны были дикими, обижавшими своих трудолюбивых соседей. Итак, прежде всего отметим, что хунны стремились не к территориальным захватам, а к организации обменной торговли с Китаем на паритетных началах. И даже Модэ, захватив Шэньси, о чем говорилось выше, заключил с китайским императором договор «мира и родства» без каких-либо

территориальных посягательств, основываясь на том, что, захватив китайские земли, хунны не смогли бы на них жить. Но свои земли они защищали отчаянно и, потеряв Иньшань, «плакали, проезжая мимо него».

Поскольку территория, населенная хуннами, была, скорее, удобна для кочевого скотоводства, но не для земледелия, то они, как и все кочевники, нуждались в хлебе и тканях. Легче всего это было получать из Китая путем меновой торговли, на что очень охотно шло китайское население, но между народами встало ханьское имперское правительство. Императору требовались средства на содержание армии, чиновников, и правительство взяло торговлю с хуннами в свои руки, вследствие чего хунны стали получать значительно меньше тканей и хлеба, чем им было нужно. Хунны на это ответили войной и к 152 г. до н. э. добились открытия рынков меновой торговли.

В 133 г. до н. э. китайцы возобновили войну и, пользуясь численным перевесом, отеснили хуннов на север пустыни Гоби. Однако попытка покорить хуннов закончилась в 90 г. до н. э. полным разгромом китайской экспедиционной армии.

Новое наступление Китая на хуннов, начавшееся в 72 г. до н. э., проводилось путем дипломатии: китайцы сумели внести раскол в кочевые племена и поднять против хуннов их соседей.

Межродовая война, вспыхнувшая среди самих хуннов в 58 г. до н. э., облегчила победу Китая. Один из претендентов на престол вступил в союз с Китаем, а прочие погибли. Хунны в 51 г. до н. э. признали верховную власть Китая.

В 36 г. до н. э. отряд ханьцев, преследуя хуннского князя, натолкнулся около города Талас на странных воинов, которые сдвинули высокие четырехугольные щиты, выставили короткие копья и пошли в атаку на китайцев. Те удивились, посмеялись и расстреляли сомкнутый строй из тугих арбалетов. По выяснению оказалось, что побежденные были римскими легионерами из легиона, сдавшегося парфянам при Карра, где погиб триумвир Красс, о чем упоминалось ранее. Парфяне перевели пленных на свою восточную границу и при первой же надобности отправили их выручать своего хуннского друга и союзника.

Большой удачей для Европы было то, что китайцы не добрались до нее на рубеже новой эры. А ведь могли, если бы их не задержали хунны, главный противник империи Хань.

Судя по археологическим находкам, у хуннов было очень оригинальное искусство – в основном пряжки и пластины для пояса, застёжки и пуговицы из бронзы со стилизованными анималистическими мотивами или с характерными плавными окончаниями узора. Его часто называют «ордосским искусством» по названию племени, которое жило в излучине Желтой реки, к северу от Шаньси, где обнаружено особенно много находок. Впрочем, это – всего лишь ответвление стилизованного анималистического искусства степей, пропитанного ассирийско-иранскими и греческими элементами в Южной России, а в районе Ордоса – близкого к китайской эстетике. По многим деталям – сражения оленей, лошадей, тигров, медведей, фантастических животных, а также концы рукояток, выполненные в виде оленьих и ланьих голов, – ордосское искусство напоминает минусинское, хотя и превосходит его в богатстве фантазии.

Искусство хуннов и Ордоса такое же древнее, как и скифское. Шведский археолог Арне относил ордосскую бронзу к началу III в. до н. э. и даже ко второй половине IV в. до н. э. Японский археолог Умехара считает, что ордосское искусство оказало большое влияние на формирование китайского стиля «Воинственных царств», который находился в расцвете в V в. до н. э. Шведский востоковед Калгрэн отодвинул зарождение упомянутого китайского стиля еще дальше – до 650 г. до н. э. Многие ученые согласны с тем, что влияние ордосского искусства является одним из факторов, которые, наряду с законами внутренней эволюции, обусловили переход от так называемого стиля Среднего Чжеу с его архаической китайской бронзой к стилю «Воинственных царств».

Основные места находок, принадлежащих хуннам, располагаются от Байкала до границы Хэбэй, Шаньси.

Если большая часть «ордосской бронзы», т. е. бронзы хуннов Внутренней Монголии,

относится к эпохе «Воинственных царств» (V–III вв. до н. э.), то же самое искусство продолжало процветать и во Внешней Монголии во времена Ханей (начало II в. до н. э. – начало III в.), о чем свидетельствуют находки в Ноин-Ула и многочисленные бронзовые пластинки с изображением многоголовых животных той же эпохи, а также китайские бронзовые пряжки с хуннскими мотивами, скопированные с ордосских моделей ханьскими художниками.

Что касается следующей эпохи – эпохи «Шести Династий» (IV–VI вв. н. э.), – влияние ордосского искусства чувствуется и в некоторых китайских бронзовых пряжках с «тяжелым» извилистым анималистическим орнаментом, переходящим в чистую «химеру». С другой стороны, бронзовые предметы в Западной Сибири до IX в. н. э. сохраняют характерные черты древнего анималистического стиля степей. Это же искусство можно проследить вплоть до онгутов времен Чингисхана в небольших несторианских бронзовых предметах – кресты, голубки и «параклеты», в изобилии встречающиеся в Ордосе и соседних районах.

Завершая этап истории тюрков длиной в десять веков, следует отметить, прежде всего, огромное влияние первой «хуннской волны» на судьбы народов Евразии. Последствия изгнания хуннами народа юэчжей из Западного Ганьсу докатились до порога Передней Азии и Индии. Эллинский мир потерял Афганистан, последние остатки завоеваний Александра Македонского в этом регионе. Парфянский Иран покачнулся, и изгнанные из Ганьсу племена основали империю с центром в Кабуле, включавшую в себя северо-западную часть Индии – Кушанскую империю, появления которой никто не ожидал. Так же будут развиваться дальнейшие события в пределах интересующего нас отрезка истории. Малейший толчок на одном конце Великой степи вызывал бесконечные, самые непредсказуемые последствия во всех четырех уголках этой огромной зоны миграции, и вся история тюрков тому подтверждение.

Древние тюрки I–V вв

Этносы, как люди и животные, рождаются, стареют и распадаются на части, которые затем образуют новые комбинации, т. е. новые этносы.

Еще в I в. до н. э. начались внутренние процессы, расколовшие державу хуннов на четыре ветви. Часть их подчинилась Китаю, другая – отступила с боями на запад.

Одна из них, наиболее неукротимая, отошла через степи современного Казахстана в междуречье Урала и Волги в поисках новой родины. Вторая осела в Тарбагатае и овладела Семиречьем, после чего не раз удивила Азию своими подвигами. Третья, наиболее инертная, осталась на родине и смешалась с победителями. Наконец, четвертая ветвь осела по обе стороны Великой стены, в Шэньси, Ордосе и Алашани. Именно эта ветвь взяла на себя инициативу восстановления былой хуннской славы.

Хань и Хунну были естественно возникшими этносами, органически связанными с ландшафтами своих стран. Разница была лишь в возрасте. «Хань – мощный мудрый пожилой человек, еще не потерявший силы и воли; Хунну – юноша, для которого все впереди» – так определил особенности этих двух этносов Гумилев.

В начале I в. отношения хуннов с китайцами были стабильными: последние даже старались приобщить хуннов к китайской культуре и хорошими деньгами привлечь к военной службе. Однако и хунны и китайцы понимали: хотя надо стараться жить мирно, но, тем не менее, порознь. До тех пор пока китайская власть в Степи была номинальной, мир сохранялся.

В I в. н. э. на императорский престол вступил малолетний Пин-ди. Регентшей была объявлена императрица, но фактическим правителем стал фаворит Ван Манн, который, узурпировав власть, круто изменил внешнюю и внутреннюю политику Китая. Прежде всего, он объявил о конце Старшей Ханьской династии и начал проводить реформы. Он имел неограниченную власть, такой власти не имели даже императоры, которые все-таки считались с законами своей страны. В I в. гражданские войны потрясли государственную

систему Китайской империи. Согласно хроникам, «голодные поедали друг друга, убитых насчитывалось несколько сот тысяч, столица превратилась в развалины».

Что касается политики Ван Манна по отношению к хуннам, то Бичурин по этому поводу писал следующее: «В отношениях с хуннами Ван Манн повернул так же резко, как внутри страны. Преисполненный высокого мнения о своей власти, он задумал перевести шаньюя в ранг пограничного вассального князька. Для этого нужно было сменить государственную печать шаньюя, где вырезаны слова: „Государственная печать хуннского шаньюя“. По распоряжению Ван Манна шаньюю сделали другую печать, которая выдавалась в Китае удельным князьям и высшим чиновникам. Приняв ее, шаньюй перестал быть независимым государем».

В 9 г. посол Китая объявил шаньюю Учжулю о смене династии и необходимости поменять старую печать на новую. Обманным путем у шаньюя забрали печать и вручили новую, тем самым обязав его принять новое назначение, угодное императору. Позже, когда посол отбыл в Китай, шаньюй послал 10 тыс. всадников на границу. К его войску присоединились взбунтовавшиеся западные кочевые племена, и все они обрушились на пограничные гарнизоны. Началась война.

Ван Манн решил хитростью ослабить силы хуннов, предложив каждому из хуннских князей титул шаньюя, взамен на предательство, но князья не пошли на измену. В ответ на интриги Ван Манна шаньюй отказался признать его императором. Гумилев писал: «Разгневанный Ван Манн приказал мобилизовать 300 тыс. ратников и загнать хуннов в Саянские горы. Опытные китайские полководцы предлагали вести борьбу мобильными отрядами, громить хуннские кочевья и угонять стада – материальную базу противника, но Ван Манн никого не слушал. Сбор войск и провианта продолжался, а хунны тем временем нападали, грабили, срывая возможность похода». Таким образом, поход Ван Манна против хуннов не состоялся.

После смерти в 13 г. Учжулю прокитайские сторонники пытались сориентировать политику хуннов на мир с Китаем, однако новый шаньюй Хань, сын которого был казнен Ван Манном, не стал мешать войне в Степи, которая вспыхнула с новой силой.

В 17 г. в Китае произошло народное восстание. Основной причиной народного движения были невыносимые условия жизни, созданные реформами Ван Манна, и, как следствие, голод. К 21 г. весь восток Китая был охвачен восстанием, а северная граница разграблена хуннами.

Восставшие выкрасили брови в красный цвет, чтобы отличить своих воинов от воинов Ван Манна. Хунны поддержали «краснобровых» во главе с Лю Пен-Цы: восставшие одержали победу, столица была взята, убиты Ван Манн и император. С большим трудом в 25 г. царевичу Лю Сю, из дома Хань, удалось разбить Лю Пен-Цы, после чего он принял императорский титул Гуан У-ди и начал новую династию – Младшую (или Восточную) Хань. Несмотря на гражданскую войну, Китай оставался силен по-прежнему.

В 30–40-х гг. хунны активизировали набеги на Китай, они стали тревожить уже внутренние области Китая. В эти годы хунны восстановили границу, установленную еще Модэ.

Китайцы были серьезно обеспокоены – как спасти Китай и династию Хань.

Около 48 г., в результате действий китайской дипломатии и внутренних распри, случился второй кризис, который закончился разделением Империи хуннов на два царства – Северное, в Северной Монголии, и Южное, на нынешней территории Внутренней Монголии. Этот раскол стал для них крахом, но спасением для Китая.

Упадок Хуннской державы

В 46 г. на престол вззошел шаньюй Пуну. Би – претендовавший также на власть, являясь не менее законным наследником, – встал на путь измены. Согласно исторической хронике, «в 48 г. вожди восьми хуннских кочевий после совместного обсуждения решили возвести на

престол Би под титулом шаньюя Хуханье II. Они хотели, чтобы он принял этот титул, так как в свое время его дед с помощью Китая установил спокойствие в стране. После этого Би явился к укрепленной линии в округе Уюань с выражением покорности и объявил о желании поставить вечный заслон для империи Хань и северных варваров. Император удовлетворил эту просьбу. Зимой того же года Би вступил на престол под титулом шаньюя Хуханье II».

Итак, восемь орд южных хуннов взбунтовались против шаньюя Пуну и пришли на поклон Китаю. Китайский император Гуан У-ди сделал их федератами во Внутренней Монголии, на южной границе Гоби, вдоль границ Ганьсу и Шэньси. Так появилось царство Южных хуннов, которые оставались верными вассалами империи до тех пор, пока Китай был в силе, во времена же китайского упадка, в VI в., они стали его разрушителями. Произошло то же самое, что с федеральными германскими народами, жившими на границах Римской империи.

Обе конфедерации – Южная и Северная – по социальному устройству были схожи между собой. У тех и у других существовало деление на два крыла, система аналогичных высших и других рангов, одинаковая система наследования. Правда, Северная хуннская конфедерация изначально была раза в два крупнее. Тем не менее переход части хуннов на сторону Китая был переломным и губительным для империи Хунну.

До 49 г. усунь и сяньби (монгольские племена) активно сражались на стороне хуннов и наносили китайцам большой урон. Но как только в Хуннской империи произошел раскол и часть хуннов во главе с Би стали служить Китаю, отношение к хуннам изменилось. Они постепенно установили дружеские отношения с Китаем, а затем стали активизировать свои действия против хуннов, нанося им значительный урон.

Однако у южного шаньюя Би было не все благополучно. Статус вассала предполагал унижительное положение, что роняло достоинство шаньюя в глазах гордых хуннов. Зимой 50 г. войска Северной и Южной конфедераций столкнулись. Южные хунны были разбиты и отброшены. Это заставило Би принять китайскую военную помощь, что еще более понизило его авторитет у собственного народа.

Самыми серьезными врагами Китая были северные хунны – старое хуннское царство на Орхоне во Внешней Монголии. Тем не менее северный шаньюй пытался придерживаться традиционной дистанционной политики кочевников в отношении Китая – в 51, 52 и 55 гг. он пытался заключить «договор о мире, основанном на родстве», но императорский двор отмалчивался. Демонстративно щедрые дары Китая южному шаньюю снижали престиж северного шаньюя в глазах подданных, алчных до шелка, изысканных продуктов и иных диковинок. И, как следствие, кочевники понемногу стали ретироваться в пределы Южной конфедерации.

Шаньюй вынужден был сменить тактику. Примерно на рубеже 50–60-х гг. северные хунны возобновляют набеги на Китай. Набеги оказались результативными: южные хунны не смогли выполнить функции буфера между Монгольской степью и Китаем. В результате в 63 г. ханьская администрация пошла на заключение официального договора с шаньюем Северной конфедерации, а также на открытие приграничных рынков. Данное решение оказалось политической ошибкой китайских дипломатов. Официальное признание Китаем существенно подняло престиж северного шаньюя. Набеги и грабежи продолжались. Кочевники до того затерроризировали приграничное население, что, согласно Фань Е, в Хэси ворота городов держались закрытыми даже в дневное время. Положение изменилось только в конце 70-х гг. В этот период «северные варвары ослабли, их сообщники отложились».

В 83 г. Китай начал войну с северными хуннами. Война продолжалась три года. Объединенные китайско-южнохуннские войска нанесли серьезное поражение северным хуннам. Северные хунны потеряли более 13 тыс. воинов, среди них было немало именитых хуннов.

Южные хунну были для китайцев не столько буфером от набегов кочевников из-за Гоби, сколько опытным союзником в организации карательных рейдов на свою историческую родину. Внешнеполитическая обстановка сложилась исключительно против

Северного хуннского союза. В этот период территория Монголии подвергалась постоянным нашествиям со всех сторон: «...южные кочевья нападали на них спереди, динлины совершали набеги сзади, сяньбийцы нападали с левой, а владения западного края с правой стороны». В такой ситуации уцелеть было практически невозможно. Тем не менее Хунну в I в. было все еще «великое государство».

Итак, в 86 г. северный шаньюй Юлю оказался в кольце врагов. С юга нажимали южные хунны и китайцы, к которым перебежали его подданные, на востоке свирепствовали сяньби, на севере восстали динлины.

Первый удар нанесли сяньби. В 87 г. они вступили в восточные земли хуннов и те потерпели полное поражение. Шаньюй был захвачен врагами, которые «содрали с него кожу». Поражение северных хуннов подтолкнуло часть хуннских старейшин откочевать в Китай. Весной 89 г. китайская армия вместе с южными хуннами обрушилась на северных хуннов, и войска северных были разбиты. В руки врагов попали семья шаньюя и все его имущество. Окончательное поражение ослабевшему северному союзу было нанесено в 91 г. китайской армией, которая разбила северных хуннов у горы Цзыньвэйшань, а сам шаньюй бежал неизвестно куда. После его бегства земли хуннов стали заселяться сяньби, оставшиеся 100 тыс. хуннских семей стали называть себя сяньби, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев. Таким образом, господство над современными монгольскими степями постепенно переходило от тюркоязычных племен к монгольским.

В 93 г. объединенные китайско-южнохуннские войска вновь нанесли поражение северным хуннам. Шаньюй Уйчугань погиб в этой битве. Он был последним северным шаньюем из рода Модэ. С этого времени династия Модэ передала правление династии рода Хуань.

Потерпев сокрушительное поражение и будучи не в силах победить многочисленных врагов: южных хуннов, сяньби, динлинов, перешедших в 90 г. на сторону китайской коалиции, – хунны стали отступать; часть их подчинилась сяньби, часть перешла к южным хуннам, третья часть, покинув свою родину, но, спасая свою свободу, ушла в степи современного Казахстана и Аральского моря, чтобы через определенное время вновь возродиться и дать знать о себе миру.

Часть северных хуннов, которые не хотели сдаваться и отступать, считавшие себя достойными сидеть на коне, сделали свою ставку в Бэй-Шане, но после сяньбийского вторжения разместились около Тарбагатая.

В 104 г. в Китай прибыло из Северного Хунну посольство с предложением «мира и родства». Оно было отпущено без ответа. В 105 г. явилось второе посольство с мирными предложениями, но также не получило ответа. Вслед за ним вспыхнуло восстание в Западном крае (Восточном Туркестане) – китайцы были выбиты оттуда, и там укрепились северные хунны, причем достаточно основательно. Теперь территория Северного Хунну простиралась от озера Баркуль до Западного моря (Каспийского). Власть, как уже отмечалось, принадлежала роду Хуань. После перехода Западного края в руки хуннов, северо-западные области Китая стали театром военных действий на протяжении пятидесяти лет. На севере северным хуннам покорились все степные народы Западной Сибири.

Что касается южных хуннов, то численность их, оказавшихся на китайских землях, росла. В основном рост происходил за счет пленных, захватываемых в войнах с северными хуннами, и уже к 90 г. южных хуннов насчитывалось 34 тыс. семейств общей численностью 237 тыс. человек, способных выставить 50 тыс. отборных воинов. Хотя население Южного Хунну увеличивалось, это не усилило, а, наоборот, ослабило державу. Захваченные в плен и добровольно подчинившиеся северные хунны были иного склада, нежели южане. Они ненавидели как победителей-китайцев, которые таскали на аркане их жен и детей, так и пресмыкающихся перед ними и воюющих против своих братьев южных хуннов.

Южные шаньюи и некоторые старейшины, стремившиеся привлечь на свою сторону китайцев и заручиться их поддержкой, стали искать в китайских летописях свои родословные в генеалогии по материнской линии от императоров и знатных китайских

вельмож. Найдя эти доказательства, они гордились своей китайской родословной, забывая о тех временах, когда хуннские шаньюи, пользуясь силой, диктовали Китаю свои условия. Заносчивость таких полукитайских вождей еще более озлобляла северных хуннов.

В последний период (142–215 гг.) южные хунны разделились надвое: одни постепенно уходили на север, а другие окитаивались на месте. В степь уходили повстанцы. Много хуннов ушло на север к сяньби в 158 г. Совместная жизнь с китайцами и смешанные браки постепенно меняли менталитет оставшихся в Китае хуннов.

Южные хунны утратили свою государственность в 215 г.

Противостояние империи Хань и Хунну длилось более двух с половиной столетий.

Каким же образом хунны смогли на протяжении столь длительного времени противостоять имперскому Китаю? Если сравнить численность населения Хуннской державы и Китая, то грозные и воинственные в обычном представлении степняки предстают лишь небольшой этнической группой. Численность хуннов соответствовала приблизительно численности населения одного ханьского округа, тогда как численность Ханьской империи доходила почти до 60 млн. человек.

Анализ источников по этому вопросу позволяет назвать две причины противостояния: 1) оригинальный способ организации власти в форме «кочевой империи»; 2) самобытная пограничная политика кочевников в отношении Китая.

Это драматическое противостояние вылилось в то, что хуннам удалось остановить ханьскую агрессию на север; они заставили китайцев выплачивать им под видом «подарков» крупные платежи.

Безусловно, Хань и Хунну отстаивали свои собственные интересы, которые диктовались как адаптивной необходимостью, так и субъективными амбициями лидеров обеих стран. У Китая должно было быть две стратегии: активное давление на хуннов с последующей войной до победного конца или тонкий дипломатический мир с признанием определенных уступок кочевникам.

Что касается войн, то они не принесли китайцам успеха. Более эффективной оказалась политика откупа. Таким путем ханьское правительство избегало не только дорогостоящих войн и разрушений в северных провинциях Китая, но и рассматривала «подарки» кочевникам как своеобразный способ ослабить и разрушить хуннское единство изнутри.

При ханьском дворе была разработана специальная стратегия «пяти искушений», которая преследовала следующие цели: 1) дать кочевникам дорогие ткани и колесницы, чтобы испортить их глаза; 2) дать им вкусную пищу, чтобы закрыть их рты; 3) усладить музыкой, чтобы закрыть их уши; 4) построить им величественные здания, хранилища для зерна и подарить рабов, чтобы испортить их желудки; 5) преподнести богатые дары и оказать особое внимание тем племенам хуннов, которые примут китайский протекторат.

К данным «пяти искушениям» можно добавить еще одно универсальное средство, которое стыдливо не упомянуто конфуцианскими интеллектуалами, – это алкоголь.

Спаивание полукцивилизованных народов в ходе колонизации периферии – явление, неоднократно отмечавшееся в историографии, начиная от контактов скифов с греческими полисами вплоть до освоения Дикого Запада американскими пионерами. Вино было одним из традиционных составляющих ханьского экспорта неизбалованным благами «цивилизации», неприхотливым кочевникам.

Согласно политике «пяти искушений» китайцы поставляли ежегодно хуннскому шаньюю 10 000 даней рисового вина, что соответствовало 1 млн литров. При ежедневной норме потребления это составляло более 2700 литров в день. Даже если гипотетически допустить, что хуннское войско составляло 300 тыс. лучников, о которых пишут китайские летописи, то при ежедневном потреблении алкоголя на каждого представителя хуннской высшей военной элиты приходилось более 8 литров рисового вина!

Хуннская внешнеполитическая доктрина была основана совсем на иных принципах. Т. Барфилд выделяет три ее главных компонента: 1) умышленный отказ от завоевания разграбленных китайских земледельческих территорий даже после больших побед; 2)

грабительские набеги, производимые с целью запугивания китайского правительства; 3) чередование войны и мира для того, чтобы увеличить размер «подарков» и торговых привилегий от Китая.

После заключения очередного договора и получения даров набеги на какое-то время прекращались, и соблюдалась официальная граница между Хань и Хунну, коей являлась Великая стена.

Последний этап отношений между империей Хань и имперской конфедерацией Хунну начался с 9 г., когда поводом к разрыву отношений послужили территориальные претензии тогдашнего правителя Китая, узурпатора Ван Мана, и его оскорбление хуннского шаньюя. Набеги совершались с определенной периодичностью вплоть до упадка Хуннской державы.

Завоевание оазисов Тарима

Протекторат над царствами Тарима, который отвоевывали друг у друга Хань и Хунну, имел большое экономическое значение.

Оазисы образуют большую двойную дугу с севера и с юга от Тарима. На севере располагался Турфан, Карашар, Куча, Аксу и Кашгар, а на юге – Леулань (вокруг Лобнора), Хотан и Яркенд.

Тот факт, что в VII в. на индоевропейских языках еще говорили в Карашаре, Куче и Кашгаре, указывает на то, что жители оазисов Тарима, по крайней мере частично, принадлежали к индоевропейскому семейству. Кучийский язык, известный нам по текстам VII в., имеет общие черты с индоиранским, хиттитским, армянским и со славянскими языками. Если нет абсолютной уверенности в том, что кучийский и карашарский диалекты можно отнести к тохарийской группе, то их принадлежность к индоевропейскому семейству несомненна. Поскольку никакого индоевропейского вторжения в Тарим в начале Средних веков быть не могло, логично предположить наличие в этом регионе древнего индоевропейского населения в то время, когда скифы-сарматы расселялись в Западной Сибири до верховьев Енисея, а саки по обоим отрогам Тянь-Шаня – между Ферганой и Кашгаром. Помимо лингвистических свидетельств (восточноиранский язык в Западной Кашгарии и кучийский на севере) имеются сведения китайских историков о голубоглазых и русоволосых усунях бассейна Или, к северо-западу от района Кучи.

Еще раз уточним, что эти небольшие царства Тарима имели огромное экономическое значение, потому что через их оазисы проходил великий караванный путь от Китая к индоиранскому и греческому миру.

«Великий Шелковый путь» – термин, впервые введенный в 1870 г. немецким географом Карлом фон Рихтгофеном для обозначения системы торговых караванных путей, связывавших (со II в. до н. э. до XVI в. н. э.) главные культурно-хозяйственные регионы Евразии: Китай, Центральную Азию, Индию, Средний и Ближний Восток, Средиземноморье и Европу. Идея проложить первый маршрут для доставки китайского шелка на запад принадлежала императору династии Хань, известному под именем У-ди.

О Шелковом пути упоминает Птоломей, который приводит свидетельство своего предшественника Марина Тирского о том, что один македонский торговец по имени Маэс Тицианос в I в., т. е. в эпоху, о которой мы ведем речь, составил карту этого маршрута. Шелковый путь начинался в Антиохии, столице римской Сирии, проходил через Евфрат в Иераполисе (Менбидж), через парфянскую империю – Экбатан (Хамадан), Рагес, или Рейи, около нынешнего Тегерана, Гекатомпил, затем через Мерв и Бактр, город, принадлежавший в ту эпоху индоскифам, вероятнее всего племенам юэчжи, как их называли китайцы. Оттуда Шелковый путь достигал Памира.

В одной памирской долине у подножья Комедайских гор, как писал Птоломей, стояла каменная башня, возле которой происходил обмен товарами между левантийскими и серскими караванщиками. Альберт Геррман локализует это место в памирской долине р. Кызыл-Су, между продольными Алайским и Заалайским хребтами, на переходе от бассейна

верхнего течения Окса в Кашгарскую долину. Хакин считает, что башню следует искать рядом с нынешним Ташкурганом, между Ваханом (Малый Памир) и истоком Яркендаря, к северу от ущелья Минтеке.

В Кашгаре Шелковый путь раздваивается. Северная тропа ведет к Куче, городу, который, по мнению Геррмана, александрийские географы называли Скифским Исседоном, затем к Карашару и Леуланю на Лобноре (Серский Исседон) и, наконец, к Юймыньгуаню.

Маршрут южного пути начинается от Кашгара и идет через Яркенд, Хотан, Нию, Миран (царство Леулань) к Лобнору. Обе ветки снова соединяются в Юймыньгуане, Шелковый путь продолжается по территории Китая и доходит до Чананя и Лояна.

Независимо от локализации этапов трансконтинентального Шелкового пути, соединявшего Римскую и Парфянскую империи с Ханьской империей, небольшие царства с индоевропейским населением в северных и южных оазисах бассейна Тарима имели немалое торговое значение. Поэтому хунны и китайцы соперничали за право контролировать его: первые держали под контролем Тарим и Алтай, вторые – выходы через Юймынь на востоке.

Завоевание или возвращение бассейна Тарима Младшими Ханями происходило медленно, но методично в царствование императоров Мин-ди (58–75 гг.), Чжан-ди (76–88 гг.) и Хо-ди (89–105 гг.). Но слава принадлежит нескольким выдающимся военачальникам.

В 73 г. генералы Кень-Пин (командир быстрых коней) и Теу-Ку возглавили экспедицию против северных хуннов, которые отступали под натиском ханьских войск.

Генерал кавалерии Бань Чао, заместитель Теу-Ку и один из выдающихся полководцев в истории Китая, был послан против хуньюев – баркульской орды хуннов; он разгромил их и «обезглавил много варваров», как гласят хроники. В том же 73 г. китайская военная колония была создана в Ий-Ву: Шавани идентифицирует это место с Ха-Ми, а Геррман локализует между Леуланем и Йеньпенем в северной части Лобнора.

В 74 г. Кень-Пин и Теу-Ку атаковали Турфан, который в то время состоял из двух царств – Передняя Кью-Че с центром в Турфане и Задняя Кью-Че – дальше на север, в районе Ку-Ченя, с другой стороны Тянь-Шаньского хребта, – во главе которых стояла одна и та же династия. Кень-Пин совершил неожиданный бросок и сначала напал на дальнейшее царство (Кью-Че в Ку-Чене); царь этой страны Нань-То испугался и отказался от сражения: «...он вышел из города, снял колпак, обнял ноги коня Кень-ПИНА и выразил свое повиновение». Царь Турфана, сын упомянутого царя, также сдался. В обоих царствах остались китайские гарнизоны: один в Ку-Чене под командованием кузена Кень-ПИНА по имени Кень-Кон, другой в Лукчуне (собственно говоря, Турфан).

Однако Бань Чао считал, что «тот, кто не проникнет в логово тигра, не захватит тигрят». Во главе небольшого отряда он контролировал царство Шаньшань к юго-западу от Леуланя и Лобнора. Когда он узнал, что царь этой страны плел заговор против Китая, сговорившись с хуннами, Бань Чао тут же собрал своих офицеров на совет. Обычно он обращался в таких случаях к гражданскому комиссару, состоявшему при нем, но на сей раз так не поступил: «Это тупой гражданский чиновник, если мы сообщим ему о наших планах, он провалит все дело. А дело наше решается в эту самую минуту. Умереть бесславно – это не судьба храбрецов». Той же ночью китайцы подожгли бараки, где спали хуннские посланники, и истребили их. После чего Бань Чао явился к царю Шаньшаня и молча показал ему отрубленную голову посла хуннов. Испуганный монарх тут же объявил себя вассалом Китая. Затем Бань Чао занялся делами Кашгарии.

Следует отметить, что, когда хунны и китайцы не вмешивались в дела небольших царств Тарима, те постоянно ссорились друг с другом.

Царь Яркенда, известный китайцам под именем Хьень (33–61 гг.), захватил всю власть в регионе, покорив Кучу (46 г.) и Хотан, но был сметен всеобщим восстанием, и тогда Куча встала под протекторатом хуннов, а царь Хотана расправился с Хьенем (61 г.). Власть в южной части Тарима перешла в руки того же царя Хотана, а на севере – в руки царя Кучи (Кьеня), который при помощи хуннов в 73 г. захватил Кашгар. Все это случилось, когда в

Кашгарию прибыл Бань Чао, которого император Мин-ди уполномочил навести порядок в регионе.

Сначала Бань Чао отправился в Хотан, где царь Хотана, возгордившийся своим недавним успехом и слушавшийся советов хуннов, принял его весьма высокомерно. Бань Чао, недолго думая, собственной рукой отрубил голову колдуну – главному советнику царя. Последний перепугался и объявил о своей верности Китаю, а в доказательство искренности приказал перебить хуннских посланников.

Затем Бань Чао двинулся на Кашгар. Как сказано выше, царь Кучи Кьень, вассал хуннов, подчинил своей власти Кашгар и посадил на трон в этом городе своего человека, кучийца. Бань Чао, несмотря на малочисленность своего отряда, прогнал чужака и в 74 г. восстановил старую кашгарскую династию в лице царя Чон.

В 75 г., накануне кончины императора Минди, в Тариме началось всеобщее восстание против китайского протектората, конечно при действенной поддержке хуннов. Царь Карашара убил китайского резидента, генерального протектора Чень-Му. Кучийцы и аксуйцы осадили Бань Чао в Кашгаре. Более года китайский военачальник держал осаду. В это время хунны захватили царство Кью-Че в Ку-Чене (Заднее царство), осадную крепость, где находился китайский генерал Кень-Кон, и убили вассального царя Нань-То. Как и Бань Чао, Кень-Кон держался с героической стойкостью. У него не оставалось припасов, его малочисленный отряд варил вместо мяса кожу своего обмундирования, но держался до конца.

Между тем новый император Чжан-ди приказал Бань Чао и Кень-Кону оставить Тарим. Китайский двор опасался постоянных бунтов и понимал, что протекторат над Центральной Азией требует больших жертв. Но Бань Чао считал, что уход означает сдачу страны в руки хуннов. Прибыв в Хотан, по дороге домой, он остановился и, нарушив приказ, снова вернулся в Кашгар. За время его краткого отсутствия городом овладели кучийцы, т. е. хуннская фракция. Бань Чао отрубил голову руководителям бунтовщиков и решил не уходить из Кашгара. Более того, в 78 г. вместе со вспомогательными отрядами, сформированными в Кашгаре, Хотане и по всей Согдиане, он овладел Аксу, Турфаном и «обезглавил 700 человек». В это время китайские легионы из Ганьсу отвоевали у хуннов царство Кью-Че, т. е. Турфан. «Они отрубили 3800 голов и захватили 37 тыс. голов скота». Северные варвары в страхе бежали прочь; согласно древнекитайскому источнику «Хоуханьшу», хунны обрели, таким образом, властителей в лице Бань Чао и Кень-Кона.

В письме на имя императора Бань Чао пытался оправдаться и примирить «робость» двора со своим опытом и знанием «великого запада». Свои далекие походы, осуждаемые придворными, китайский герой называл оборонительными действиями, желанием защитить китайскую землю от агрессивных хуннов: «Захватить 36 царств Центральной Азии – значит отрубить правую руку хуннов». Его боевые действия сводились к знаменитой фразе: «Воевать с варварами руками самих варваров». В сущности, покорение Тарима стало возможным благодаря тому, что каждый захваченный оазис поставлял ему людей для захвата следующего. Из китайцев в походах участвовала только кучка авантюристов и депортированных лиц. И воевали они за счет страны, которую охраняли от хуннских орд. Относительно же поставляемых из оазисов людей Бань Чао уточнял: «В Яркенде и Кашгаре много плодородной и возделываемой земли, и солдаты, которые здесь находятся, ничего не требуют от империи». Этот современник Траяна относился к военным делам так же, как и завоеватель Дакии.

Что касается хуннов, то самый мощный удар по ним нанесли сяньби. В 87 г. сяньби вступили в восточные земли хуннов, и те потерпели полное поражение. Их шаньюй был захвачен врагами, которые «содрали с него кожу», о чем говорилось выше.

В то время как северохуннская держава гибла под напором сяньби, Бань Чао ждал своего времени.

Цель его состояла в том, чтобы отбросить хуннов во Внешнюю Монголию, отрезать от Шелкового пути, который кормил их и снабжал всем необходимым. Реализуя на практике

свои принципы, Бань Чао подавил новые восстания в Кашгаре (87 г.), Яркенде (88 г.), а ранее – в 83 г. – превратил усуней р. Или в своих союзников.

Получая информацию от своих шпионов, он прекрасно знал психологию варваров, поэтому без особого труда побеждал их.

В 84 г. в Кашгаре царь Чон, его протеже, его креатура, предал Бань Чао, подняв восстание, заручившись поддержкой жителей Яркенда, согдианцев и юэчжей. В 87 г., когда Бань Чао прогнал его из Кашгара, Чон разыграл раскаяние и попросил о личной встрече, на которую явился в сопровождении отряда всадников с целью убить Бань Чао. Однако тот в свою очередь тоже притворился, будто поверил в добрые намерения бывшего вассала, и устроил в его честь праздник, затем, «когда вино потекло рекой», он схватил коварного царя и отрубил ему голову. В тот же миг китайские солдаты бросились на противников и перебили всех до одного.

Под Яркендом в 88 г. у Бань Чао стоял небольшой отряд, состоявший из китайцев и хотанцев, лицом к лицу с яркендским войском, которому помогали 50 тыс. кучийцев и жители соседних городов. Бань Чао сделал вид, что ночью начал отступление, однако быстро и незаметно вернулся и напал врасплох на яркендцев, перебив 5 тыс. и заставив их покориться. Непокоренными оставались только Куча и Карашар, которые искали себе союзников повсюду – от хуннов Монголии до юэчжей Кушанской империи.

В том же году Бань Чао совершил необъяснимый поступок, чем сам развязал новую и бесполезную войну. А дело было в следующем.

В 78 г. на престол Кушана вступил Канишка, воинственный царь, продолжатель традиций отца и деда.

Остановимся коротко на истории Кушанского царства.

Кушанское царство – рабовладельческое государство, образовавшееся в начале I в. до н. э. на территории Согдианы и Бактрии, занятых с конца II в. до н. э. пятью юэчжийскими племенами. При Кадфизе I (15–45 гг.) произошло объединение юэчжийских племен. Сын Кадфиза I, Вима Кадфиз II (45–78 гг.), покорил индо-греческое государство Индии. Наивысшего развития Кушанское царство достигло при царе Канишке (78–123 гг.). При нем расширилась и укрепилась власть кушан в Северной Индии, велись успешные войны с Парфией. Канишка перенес столицу из Кушании в Северо-Западную Индию – в Пешевар. В 99 г. кушанское посольство посетило Рим. При дворе Канишки жили крупнейшие индийские философы и писатели того времени – Ашвагхоша, Васумитра, Нагардихуна и др.

В 225 г. умирает последний великий царь кушанов – Васудэва, и его империя распадается на части. При Сасанидах кушанские князья не были лишены своих владений: на Иранском плоскогорье они лишь признали власть шахиншаха, а в Пенджабе просуществовали до V в. Наместник восточной границы с титулом «кушаншах» сидел в Балхе и следил за тем, чтобы не восставали покоренные и не объединялись независимые варвары – хиониты в низовьях Сырдарьи и горные эфталиты Памира и Гиндукуша.

Однако вернемся в I в., когда агрессия кушан была обращена на запад и юг. Они воевали с парфянами и саками, завоевали Северную Индию, крепко держали Согд. Кушане не мешали китайцам, китайцы не мешали им. Естественная граница между ними была границей их интересов, и обе великие державы находились в самых дружественных отношениях около ста лет.

В 88 г. кушанский император решил упрочить союз и отправил посольство просить руки китайской принцессы. Бао Чань не пропустил посла и заставил его вернуться. Вызов, брошенный китайским полководцем, был принят кушанским императором: в 90 г. 70 тыс. кушанских всадников, закованных в броню, с длинными копьями и прямыми тяжелыми мечами, вышли в поход. Император направил армию на северо-восток Памира для поддержки Кучи в борьбе с Бань Чао. Бань Чао, блокируя все коммуникации между армией и кучийцами, дабы не допустить снабжения неприятельских войск продовольствием, пропустил их дальше. Кушаны углубились в бескрайние просторы Кашгарии, не имея припасов, и скоро были вынуждены бесславно повернуть обратно. Кушанский двор,

наученный горьким опытом, снова вернулся к политике, традиционной для юэчжей, – дружбе с Китаем (90 г.).

На севере Монголии генералы Тьеу-Хьень и Кень-Пин также одержали крупную победу над северными хуннами (89–90 гг.). В результате оба царства Кью-Че (Ку-Чен и Турфан) укрепили свои связи с империей. В 91 г. китайский генерал Кень-Куэй еще раз устроил хуннам кровавое побоище. Он дошел до Внешней Монголии (до Орхона), захватил в заложники мать и всю семью шаньюя и вместо него поставил шаньюем его же брата – Ю-Чу-Кьена. В 93 г. новый шаньюй хуннов взбунтовался, и китайцы бросили против него сяньби, которые разгромили войска мятежника и убили его самого. От этого поражения северные хунны так и не смогли полностью оправиться.

Без помощи хуннов и сяньби три из четырех мятежных городов в северной части Тарима – Куча, Аксу и Турфан – покорились китайцам (91 г.). Китайский полководец получил от императора титул «генерального протектора», т. е. практически власть вице-короля Центральной Азии. Его резиденцией стал небольшой городок около Кучи, а другой китайский генерал стал лагерем в Кашгаре. Непокоренным остался Карашар.

В 94 г. во главе туземных отрядов Кучи и Шаньшаня (Лобнор) Бань Чао двинулся на мятежный город. Жители Карашара уничтожили мост через Юлдуз, но это им не помогло. Войска Бань Чао форсировали реку по пояс в воде и вышли на болота перед Карашаром. Часть жителей бежала на озеро Баграч, правитель же сдался. Бань Чао, помня старые обиды, отрубил ему голову, казнив на том самом месте, где девятнадцать лет назад был убит китайский губернатор Чень-Му. Затем «...Бань Чао отдал город на разграбление солдатам, которые отрубили более 5 тыс. человеческих голов, взяли 15 тыс. пленников и более 300 тыс. голов скота – коров, лошадей, быков и овец». Весь бассейн Тарима перешел под власть Китая.

В 97 г. Бань Чао поручил своему военачальнику Кань-Йину пройти через Нань-Си, т. е. через всю Парфянскую империю Аршакидов, в Дацинь, т. е. вторгнуться в пределы Римской империи. Но тот, напуганный рассказами о парфянах, не вступил на их территорию и не дошел до римской границы.

Бань Чао вернулся в Китай в 102 г. и в том же году умер. Преемникам великого полководца не удалось продолжить его гибкую политику, и в 106–107 гг. в Тариме разразилась настоящая революция. Китайский генерал Лянь-Кинь оказался осажденным в Куче. В конечном счете, он одержал победу, но перед лицом непрерывных восстаний китайский двор в 107 г. отозвал из Тарима все гарнизоны, оставив лишь в Лукчаке и Иву.

В следующем году кяны, или тибетцы, в то время совершенно дикое племена, которые кочевали к западу и к югу от Кукунора, атаковали китайские посты в Ганьсу, угрожая перерезать путь на Юймыньгуан, Лянь-Кинь сдержал их натиск ценой больших потерь (108 г.). В 109 г. южные хунны, жившие во Внешней Монголии, напали на границы Китая. Китайский губернатор Лаотона по имени Кень-Куэй бросил против них сяньбийские орды. Тем не менее южные хунны разорили северную часть Шэньси, а Лянь-Киню в 110 г. пришлось заключить мир с хуннским шаньюем.

Одним словом, Китай с трудом защищал свои границы до тех пор, пока в 119 г. положение не начало улучшаться: в Иву была снова создана военная колония (Хами или Лобнор?); опять покорились Шаньшань и правитель Турфана, но вскоре после этих событий северные хунны и войска Заднего царства Кью-Че (КуЧен) перебили китайский гарнизон в Иву.

Сын Бань Чао, Бань Юн, в конце концов сумел восстановить то, что сделал его отец. В 123 г. он вновь основал военную колонию в Лукчаке; в 124 г. снова привел правителя Шаньшаня к вассальности, пригрозил правителям Кучи и Аксу, заставив их заявить о своей преданности Китаю, и с помощью отрядов, которые предоставили в его распоряжение эти царства, изгнал из Турфана хуннов; в 126 г. он даже подчинил на какое-то время племена хуньюев, принадлежавших северным хуннам и живших к северо-востоку от оз. Баркуль, и обратил в бегство войска хуннов, которые хотели ему помешать. В 127 г. китайцы завершили

повторное завоевание Тарима, вступив в Карашар. В 130 г. сын кашгарского царя вместе с посольством царя Ферганы прибыли в китайскую столицу Лоян выразить свое уважение императору Шун-ди.

В последующие годы, не считая кратковременного восстания (140–144 гг.) одного из вождей южных хуннов, их левого или восточного крыла, беспокойство Китаю доставляли только хуньюи – баркульская орда хуннов. В 131 г. они напали на Заднее царство Кью-Че и перебили немало его жителей; в 151 г. они пытались уничтожить китайскую военную колонию в Иву, которая выстояла с большим трудом. Тем не менее в 153 г. Заднее царство Кью-Че вновь стало вассалом Китая. А в 151 г. жестокость одного китайского губернатора привела к восстанию хотанцев, которые убили деспота, но затем Хотан заплатил дань, и инцидент был урегулирован.

Тем временем воинственные сяньби были так неукротимы, что для того, чтобы хоть немного организовать их, нужен был человек необычайно сильной воли. Такой человек нашелся, но самое удивительное то, что ему было, согласно источнику, только 14 лет: Таншихай родился в 141 г.

Окончательный удар по северным хуннам был нанесен именно Таншихаем в 155 г., после чего хунны разделились снова: 200 тыс. «малосильных» попрятались в горных лесах и ущельях Тарбагатая и бассейна Черного Иртыша, где пересидели опасность и впоследствии завоевали Семиречье. В конце III в. они образовали там новую хуннскую державу – Юэбань. А «неукротимые» хунны отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и Нижнего Дона. О прибытии их сообщил античный географ Дионисий Периегет.

Ранее мы говорили о том, что в I в. до н. э. хуннов было 300 тыс. человек. Прирост их численности за I–II вв. был очень небольшой, так как они все время воевали.

В III в. в Китае насчитывалось 30 тыс. хуннских семей, т. е. около 150 тыс. человек, а «малосильных» в Центральной Азии было около 200 тыс. Так сколько же могло уйти на запад? В лучшем случае 20–30 тыс. воинов, без жен, детей и стариков, неспособных вынести отступление по чужой стране без передышек, ибо сяньби преследовали хуннов и убивали отстававших.

Этот отход затянулся на два с лишним года, пока хунны не оторвались от преследователей и не нашли покой в Волго-Уральском междуречье. За это время было пройдено по прямой 2600 км, а если учесть неизбежные зигзаги, то вдвое больше. Нормальная перекочевка на телегах, запряженных волами, за этот срок на столь огромное расстояние не могла быть осуществлена. К тому же приходилось вести арьергардные бои, где и погибли семьи уцелевших воинов. И уж, конечно, мертвых не хоронили, так как на пути следования хуннов «остатков палеосибирского типа почти нигде найдено не было, за исключением Алтая». На запад в 155–158 гг. ушли только наиболее крепкие воины. Это был процесс отбора, проведенный в экстремальных условиях, по психологическому складу, с учетом свободы выбора своей судьбы.

Во II в. началось Великое переселение народов. Миграций в Восточную Европу было две: готы около 160 г. с «острова Скандзы» перебрались в устье Вислы, после чего дошли до Черного моря, и хунны из Центральной Азии в 155–158 гг. достигли берегов Волги.

Итак, на смену тюркскому владычеству во Внутренней Азии пришло монгольское. Вождь сяньби Таншихай, победив Север, двинул свои войска в Западную Монголию до территории усуней Или и разгромил их. В 166 г. он царствовал от Маньчжурии до страны усуней, т. е. до Балхаша, хотя китайские историки явно преувеличивают, и его власть, очевидно, не распространялась в этом направлении дальше земель Богдо-Хана (Тушету-Хан) и Сетсерлик-Мандала (Саин-Нойан).

Оказавшись на вершине могущества, вождь сяньби проникся вожделенной мечтой древних хуннов – захватить Китай. Таншихай напал на китайскую провинцию Лаотон, но нападение было отбито. Тогда он взялся за южных хуннов во Внутренней Монголии, союзников и вассалов Китая, затем договорился с ними и увлек их в поход на Шэньси и Ганьсу, но союзным ордам пришлось отступить под ударами китайской армии (158 г.).

Наконец в 177 г. китайцы решили разбить врага на его территории, и 30-тысячное войско выступило за границу. Сяньби достойно встретили китайский удар, и все три китайские колонны были разбиты наголову. Осенью 177 г. сяньби разбили Ляоси, а в 178 г. перекинулись в Хэси. От этого поражения Китай долго не мог оправиться.

Расходы Китая на войну усиливали налоговый гнет на крестьян, которые наконец ответили восстанием «желтых повязок», подорвавшим силу династии Хань (184 г.). Разложившиеся ханьские войска не смогли справиться с повстанцами. Инициативу взяли на себя аристократы, члены «сильных домов». Победив крестьян, они разделились и, встав во главе отдельных армий, вступили в борьбу друг с другом и большей частью погибли в междоусобной войне. Трое уцелевших основали три царства – на севере, юго-востоке и юго-западе, на полвека разорвав Китай (220–280 гг.), – Цао-Вэй, У и Шу.

Так пала империя Хань, одна из четырех мировых империй (наряду с Римом, Парфией и Кушанской империей) древности.

С 200 г. до н. э. по 150 г. Ханьская династия Китая вела крайне активную внешнюю политику, закончившуюся разгромом державы Хунну. И сразу после этого Китай ослабел настолько, что в IV в. исконные китайские земли в бассейне Хуанхэ попали в руки кочевников.

Хунны, сяньби, кяны побеждали организованные китайские войска с невероятной легкостью.

Для Китая это была настоящая катастрофа. Достаточно сказать, что его население с 221 по 280 г. уменьшилось с 50 млн налогоплательщиков до 7,5 млн. Города лежали в развалинах. При государственном перевороте Сыма Яня к власти пришли вместо землевладельцев и ученых-конфуцианцев безграмотные, морально разложившиеся солдаты, еще меньше понимавшие задачи своей страны.

На момент распада Ханьской династии северные степные орды, которым за предыдущий период нанесли ощутимые удары китайские легионы, все еще были напуганы или ослаблены, чтобы воспользоваться благоприятной ситуацией. Оазисы Тарима, несмотря на гражданские войны между «тремя царствами» Китая, наследниками Ханей, продолжали подчиняться Вэю, правителю Северного Китая (220–265 гг.). В 224 г. Шаньшань (Лобнор), Куча и Хотан присягнули на верность царю государства Цао-Вэй.

Во время кровавых десятилетий Троецарствия хунны особо о себе не заявляли. В волнениях, захлестнувших китайский народ, они участвовали. Сначала массы хуннов примкнули к «желтому» движению, потом, когда оно пошло на спад, явились к генералу Цао-Цао с изъявлением покорности и передали ему степных коней для обновления кавалерии (203 г.). Это спасло хуннов от истребления.

Правительство Цао-Вэй разделило хуннские кочевья на пять частей, поставив во главе каждого потомка хуннских шаньюев. Однако, вновь назначенные были подчинены чиновникам-наблюдателям.

В конце III в., согласно хроникам, зафиксированы только два возмущения хуннов: в северной ставке хуннов в 271 г. «взбунтовался шаньюй Мэн»; он был убит подосланным убийцей. В 291 г. восстал хуннский Хаосань, но был схвачен своими же старейшинами, и восстание задушили. Таким образом, в этом временном периоде хунны жили относительно спокойно и накапливали силу.

Следует отметить что IV–VIII вв. – эпоха Великого переселения народов. Именно тогда, в IV в., на Дальнем Востоке начались масштабные походы варваров. Тем не менее, в отличие от ситуации в Европе, здесь вторжения были вызваны не внутренними пертурбациями на родине варваров, а ослаблением китайского могущества, в результате чего варвары-федераты двинулись на юг, к центру Китая. Это был период, в общей сложности длившийся четыре столетия, когда кочевники хозяйничали в пределах Китая.

Цивилизация оазисов Тарима

Контроль Китая (Поздние, или Младшие Хани) за Шелковым путем, обеспечивавшим свободу трансконтинентального маршрута через двойную цепочку оазисов на севере и юге Тарима, благоприятствовал распространению буддизма, а вместе с ним индийской литературы и эллинского искусства. Этим путем шли в Кашгарию и Китай проповедники буддизма, индийские миссионеры, а с товарами и религией сюда поступали образцы греко-римской культуры. В этом отношении активность проявляли и агенты Маэса Тицианоса и апостолы Будды. Скорее всего, самой оживленной в ту эпоху была южная ветка, которая проходила через Яркенд и Хотан. В древнем Хотане обнаружены римские монеты императора Валенса (364–378 гг.), в Раваке, к востоку от Хотана, нашли несколько греко-буддийских барельефов и красивые эллинские ткани чистейшего гандарийского стиля. Немного дальше к востоку, в Нийе, городе, брошенном в конце III столетия, найдены римские печати и индоскифские монеты. В Миране, юго-западном Лобноре, в древнем царстве Шаньшань, обнаружены прекрасные греко-буддийские фрески с изображением самого Будды, его монахов и сподвижников, ярко выраженного римско-азиатского стиля, кстати подписанные с использованием индийского алфавита именем Тита, эти находки датируются III–IV вв.

В эпоху Китайского Мира по этому пути прибыли в Китай великие буддийские миссионеры: Нань-Чже-Као, парфянин, пришедший в 148 г., Чу-Шо-Фо, индус, и Чже-Чань из племени юэчжи, которые пришли в 170 г. и основали монастырь в китайской столице Лоян.

В следующем столетии Чже-Кьень, сын посланника юэчжей, за период 223–253 гг. перевел на китайский язык несколько буддийских трудов. Здесь интересно упоминание юэчжей, потому что это свидетельствует о том, что Кушанская империя, простиравшаяся на территории Афганистана, Кандагара и Пенджаба, через Шелковый путь во многом способствовала распространению буддизма в бассейне Тарима и в Китае. Не менее интересно узнать, что наряду с этими кушанскими или индийскими миссионерами там встречались и парфяне, обращенные в буддизм, которые даже проповедовали прозелитизм в Верхней Азии и на Дальнем Востоке.

В китайской «Трипитаке» приводится список миссионеров и переводчиков, пришедших из Тарима в Китай, и это значит, что в самом Тариме работали монахи из Восточного Ирана и Северо-Западной Индии, которые переводили свои священные тексты с санскрита на местные языки, – с восточноиранского до кучийского. Одним из таких выдающихся переводчиков санскритских текстов на китайский язык был буддийский монах Кумараджива (344–413 гг.). Кумараджива принадлежал к индийскому роду, поселившемуся в Куче. Его предки занимали высокие посты в этой стране. Отец Кумарадживы, ярый буддист, хотел даже отказаться от высоких почестей, дабы уйти в монастырь, но царь Кучи уговорил его остаться в миру и отдал ему в жены свою сестру. От этого брака родился Кумараджива. В юности мать возила его в Кашмир, чтобы приобщить к индийским текстам и буддизму. Вернувшись из Индии, Кумараджива год провел в Кашгаре, продолжая изучать «Абхидхарму». В те времена Кашгар и Куча были очагами индуизма, и цари тех лет считали за честь принимать у себя буддистов. Затем он жил в Куче со своим учителем, индусом Вималакшей, уроженцем Кашмира. Источники отмечают колоссальную работоспособность Кумарадживы. Им были сделаны прекрасные переводы знаменитого буддийского поэта-философа Ашвагхоши. (Умер Кумараджива в 413 г., оставив после себя память как об одном из буддийских светил Центральной Азии.) Китайский генерал Люкуан, захвативший Кучу, увез Кумарадживу в Китай. Кстати, этот генерал пришел в восторг, увидев великолепные дворцы Кучи – произведения индийского и иранского искусства эпохи, которой датируются живописные работы, найденные в пещерах Кызыла.

Цивилизация Верхней Азии делится на две различные зоны. На севере, от русского Причерноморья до Маньчжурии и Ордоса, – степное искусство, главным образом искусство кочевников, для которого характерны бронзовые набалдашники в виде звериных голов и анималистическая стилизация и орнаменталистика. На юге, вдоль Шелкового пути, от

Афганистана до Тхунь-Гуаня, через оазисы, окружавшие бассейн Тарима, – цивилизация оседлых народов, проявляющаяся в живописи и скульптуре, вдохновленная греческим искусством, искусствами Ирана и Индии, которые пришли сюда по Шелковому пути.

Истоки таримского искусства в конце древней или античной эпохи и в начале Средних веков следует искать в Афганистане. Здесь, в долине Кабула, в IV в. последние кушанские цари находились под глубоким влиянием Сасанидского Ирана, в орбите которого они вращались. Сасанидо-буддийская цивилизация, сасанидо-буддийское искусство зародились на границе Индии и Ирана. Отметим в этой связи большие фрески в Бамиане и Какраке конца III и всего IV вв., где в типах персонажей и их одежде очевидно сасанидское влияние. Судя по многочисленным находкам той эпохи, Афганистан предстает перед нами как страна, где религия и литература Индии тесно связаны с материальной цивилизацией Ирана времен династий Сапора и Хосрова.

Именно этот сасанидо-буддийский сплав буддийские миссионеры, последователи Кумарадживы, привнесли во все оазисы Тарима на всем протяжении Шелкового пути, который стал, благодаря им, дорогой в будущее.

Этот ирано-буддийский синтез мы встречаем в южной зоне Тарима, в частности в живописных панно на дереве в оазисе, расположенном к северу от Хотана (конец VII в.). Здесь изображены, например, девушка индийского типа, похожая на гибких обнаженных красавиц Аджанты, рыцарь и погонщик верблюдов иранского типа и бородатый бодхисаттва в тиаре, в длинном зеленом халате, штанах и сапогах, т. е. настоящий сасанидский аристократ. Наконец, иранское влияние ощущается во фресках и миниатюрах из района Турфана, Базаклика, Муртука и т. д. В Базаклике низшие божества облачены в кирасу и напоминают сасанидских кучийских рыцарей Кызыла и Кумтура, закованных в латы. Такие же образы мы видим в Муртуке. С другой стороны, изящные миниатюрные скульптуры в Карашаре очень похожи на греко-буддийские фигурки, найденные в Хадде, в Афганистане. Кстати, влияние кучийских фресок распространяется далеко на север, в Сибирь. Например, «скачущие всадники» Сулека, заставляющие вспомнить сасанидские и тангские скачки, могут датироваться VII в. А антропоморфные рисунки на стелах в районе Семипалатинска, в верховьях Иртыша, лишь отдаленно напоминают сасанидское искусство Кучи.

Таким образом, до завоевания страны тюркскими народами во второй половине VIII в. индоевропейские оазисы на севере и на юге Тарима, от Яркенда и Хотана до Лобнора, от Кашгара, Кучи и Карашара до Турфана, черпали свою культуру не на Алтае и в степной цивилизации, а в великих цивилизациях Ирана и Индии. Они представляли собой продолжение «внешней» Индии и «внешнего» Ирана до китайской границы. Более того, благодаря им и Индия, и Иран проникли в Китай, о чем говорят буддийские фрески и розетки, обнаруженные под Тхунь-Гуанем, там, где Шелковый путь пересекает границу Ганьсу.

Великие походы в IV в.

К концу Ханьской династии южные хунны, отгесненные сяньби, пришли в большую излучину Хуанхэ, в Ордоские степи и в соседний Алашань, где и расселились. Южные хунны выполняли для Китайской империи функции федератов – примерно такие же, что осуществляли многочисленные германские народы, поселившиеся у границ Римской империи в IV в. Отношения между вождями этих ордоских хуннов-федератов и китайскими императорами династии Вэй (220–265 гг.), затем Северной династии Цинь (265–316 гг.) напоминают отношения между вождями готов, франков или бургундцев в IV в. и римскими императорами семейства Константина или Феодосия. Варварские правители в обоих случаях часто посещали имперскую столицу – Чанань или Лоян и Милан и Константинополь, их тепло принимали при дворе, и по возвращении домой они старались применить у себя все, что познали на чужбине.

Южные хунны, будучи федератами, поставляли империи вспомогательные войска и

жили у Великой стены с северной стороны. Их шаньюй Хучуцунь (195–216 гг.) поселился в Пинчэне, в самом центре Шаньси. В Китае был канун падения Ханей. Хучуцунь, памятуя, что ханьская принцесса была его далеким предком, дал своему дому название по имени великой китайской императорской династии – Лю. И легитимность, угасшая в Китае по вине многих узурпаторов, начала возрождаться под куполом юрт хуннов.

В 304 г. один из вождей хуннов, по имени Лю Юань, прочно сидевший в Тайюане (Шаньси), получил от китайского двора Циней титул «шаньюй» и власть над пятью ордами. В 308 г. Лю Юань во главе 50-тысячной армии хуннов, как законный наследник Ханей, объявил себя императором в Тайюане. Основанная этим хуннским царем династия известна в истории под династическим именем Северные Хани (Пей-Хани), или Старшие Чжао (Цянь-Чжао).

Сын и преемник Лю Юаня по имени Лю Цун (310–318 гг.) был для Китая Атиллой. В 311 г. его войска захватили китайскую столицу Лоян, сожгли императорский дворец и взяли в плен императора Цзин-Хуай-ди, затем пришли в Чанань, где истребили половину населения (312 г.). Пленного императора отправили в Пинчэн, резиденцию Лю Цуна, где он был казнен в 313 г.

После ухода хуннов на китайский трон сел новый император, Цзин-Минь-ди (312–316 гг.), но в 316 г. хунны вернулись, осадили город и вынудили слабого монарха капитулировать. И снова на троне Пинчэна оказался хуннский царь, который заставил пленного императора «мыть посуду на праздничных обедах», а затем также казнил его в 318 г.

Один из членов императорской семьи Цинь, которому удалось бежать в Нанкин, отклонив защиту Китая от северных варваров, основал там, за рекой Янцзы, вторую династию Цинь – Восточные Цинь (Дун Цинь) (317 г.). Точно так же последние римляне в V в. уступили германским захватчикам западные провинции, чтобы укрыться от них в Восточной империи. В течение трех столетий (317–589 гг.) Нанкин заменял собой Чанань и Лоян, как в свое время Константинополь выполнял функции Рима и Милана.

Лю Цун, хуннский завоеватель Северного Китая, сразу же сделался крупной фигурой. Он был хозяином старых китайских столиц, Лояна и Чананя, хотя его резиденцией был Пинчэн в Шаньси, он царствовал в центре и на юге Шаньси, в северной части Хэбэя, на юге Хэнаня и на севере Шаньдуна. Но к северу от этого хуннского царства, правитель которого в какой-то мере воспринял китайскую цивилизацию (он воспитывался при императорском дворе), кочевали другие орды, полностью остававшиеся варварами.

Орда табгачей (по-китайски «тоба»), очевидно, тюркского происхождения, обосновалась в 260 г. на крайнем севере Шаньси, севернее Великой стены. В течение последующих лет тоба перебрались на юг от Великой стены, на древние китайские земли Йеньмэня, севернее Шаньси, и на тайские территории (около Ю-Чжеу), т. е. в район Татона, где они прочно закрепились в 310 г. Наконец, один клан монгольской орды сяньби, клан Муюнов, основал новое царство в Лаотоне и Ляоси, на юго-западе нынешней Маньчжурии.

Большая часть этих тюрко-монгольских царств в Китае в IV в. была так же нестабильна, как германские государства на западе Римской империи в V в., и по тем же причинам: они истребляли друг друга.

Лю Цун умер в 318 г., а его преемники смогли сохранить за собой только северо-западную часть своих государств с центром в Чанане, а один из военачальников покойного властителя, Ши Лэй, человек амбициозный, создал отдельное княжество вокруг Сянго на юге Хопея. В 329 г. Ши Лэй сверг потомков Лю Цуна (династию Цянь-Чжао, или Пей-Ханей) и основал новую династию хуннов, известную под именем Младшие Чжао (Хэу-Чжао), которая продержалась с 330 по 350 г.

Ши Лэй сделал своей резиденцией город Йе, а второй его столицей был Лоян. Этому хунну нравилось изучать классические китайские тексты с помощью переводчиков, что делало его похожим на Теодориха.

Преемником Ши Лэя был Ши Ху (334–349 гг.), человек необузданного нрава, которого

пытался убить собственный сын – настоящий монстр, заставлявший жарить и подавать к столу самых красивых своих наложниц, кстати, за покушение на отца это чудовище поплатилось жизнью. И вот, как это часто случалось с варварами, соприкоснувшимися с китайской цивилизацией, Ши Ху стал ярым сторонником буддизма. Итак, хуннский царь, столицей которого оставался Йе в северной части Хэнаня, властвовал над Шаньси, Хэбэем, Шаньдунем и даже над северной частью Ганьсу.

Это хуннское царство рухнуло так же быстро, как и создавалось. После смерти Ши Ху его преемник и его генералы просто-напросто истребили друг друга.

Муюны, сяньби, которые сформировали царство в Лаотоне, воспользовались этой анархией и отобрали у хуннов весь Хэбэй (350–352 гг.), Шэньси и Шаньдун. Вождь победителей Муюн Цзюнь (349–360 гг.) сделал своей столицей Янь (350 г.), затем Йе (357 г.). Его династия известна в истории под именем Старшие Яни, или Цянь-Янь (349–370 гг.). В 364 г. его преемник захватил Лоян, затем северный берег реки Хуанхэ (366 г.). Но владычество Муюнов продолжалось недолго.

В 350 г. военачальник, служивший царю хуннов Ши Ху, по имени Пу-Хонь, вероятно монгольской расы, хотя его порой называют тангутом, т. е. тибетцем, создал независимое государство в Шаньси со столицей Чанань. Его династия – дело в том, что все мелкие тюрко-монгольские царьки считали своим долгом основывать настоящие китайские царствующие дома, – известна под именем Старшие Цини (Цянь-Цинь, 350–395 гг.).

Сын Пу-Хоня, Фу Цзянь (357–385 гг.), был одним из самых замечательных в когорте этих тюрко-монгольских царей: он приобщился к китайской цивилизации, показал себя добрым правителем и большим другом буддистов. Он отвоевал у муюнов сначала Лоян (369 г.), затем Тайюань и, наконец, Йе, столицу потомков Муюна, пленив их царя (370 г.). Таким образом, все царство Муюнов – Хэбэй, Шэньси, Шаньдун, Хонань – перешло в руки Фу Цзяня в 370 г. Он уже был правителем в Шаньси, а теперь ему принадлежал весь Северный Китай. В 376 г. он аннексировал еще одно небольшое государство варваров, царство Лянь в Ганьсу.

В 382 г. Фу Цзянь послал своего военачальника Лю-Гуана на завоевание Тарима. Лю-Гуана радушно встретили цари Шаньшаня (Лобнор), Турфана (Передний Кью-Че) и Карашара (Яньци). Царь Кучи (китайцы называли его По-Шуэнь) пытался оказать сопротивление, но был разбит и изгнан (383 г.). Лю-Гуан захватил Кучу и привез в Китай знаменитого буддийского монаха Кумарадживу, выдающегося переводчика санскритских текстов на китайский язык, о чем говорилось выше.

По всей очевидности, Фу Цзянь, покорив все варварские государства в Северном Китае, готовился покорить Южную Китайскую империю и объединить всю страну под своей властью, как сделает восемь столетий спустя другой тюрко-монгольский завоеватель – Хубилай. В 383 г. он действительно атаковал империю на реке Хуанхэ, но в верховьях реки потерпел поражение, от которого так и не оправился.

Один из потомков древнего сяньбийского клана Муюнов по имени Муюн Чуй, служивший клану, взбунтовался и отобрал Хэбэй и Шаньдун, основав царство Младших Яней (Хэу-Янь), которое продержалось с 384 по 407 г. Его столица находилась в городе Чжуншане, к югу от Баодина, в Хэбэе. Другой член муюнского семейства в те же годы (384 г.) основал другое царство – Западный Янь (Си-Янь) в Шэньси, но в 394 г. его присоединил к своим владениям Муюн Чуй. Наконец, Шэньси и часть Хэнаня отобрали у царствующего дома Фу Цзяня один бывший генерал Яо-Чань (тибетец), который основал здесь династию Младших Циней (Хэу-Цинь) со столицей в Чанане, которая просуществовала всего с 384 по 417 г. Надо отметить, что и другие генералы-тюрки основали в Ганьсу два других княжества – Западные Цини (Си-Цинь, 385–400 и 409–431 гг.) со столицей Ланьчжоу и Младшие Ляни (Хэу-Лянь, 386–403 гг.).

Династия Вэй – «тюркский Китай». Военные кампании против жужаней

Рядом с ордами, чьи царства рушились одно за другим, крепла тюркская орда табгачей (в китайской транскрипции тоба), которая в конце концов поглотила их всех и сформировала в Северном Китае прочную власть. Точно так же франки, пережившие бургундцев, вестготов, ломбардцев, создали Каролингскую империю, которая объединила в себе германское настоящее с римским прошлым. Такая же судьба была у тоба, которые объединили остальные тюрко-монгольские государства Китая (северной его части), китаизировали их и все смешали с китайской массой, а их приверженность буддизму сродни приверженности Меровингов и Каролингов христианству. Наконец, так же, как франки превратились в защитников романского мира против новых германских завоевателей, так и тоба стали на страже на Хуанхэ против монгольских орд, остававшихся дикими в своих родных степях.

Итак, в течение III в., смутного времени в китайской истории, когда варвары, сменившие хуннов, заполняя пустоту, хлынули повторяющимися потоками на север страны, в 260 г. в Северном Шаньси обосновалось племя тоба, выходцев с берегов Байкала и, вероятнее всего, говоривших на тюркском языке. Об этих людях, которым суждено было сыграть большую роль в истории, мы имеем достаточно сведений, чтобы точно идентифицировать их.

На протяжении нескольких сот лет о них почти ничего не было слышно. Но в конце IV в. их предводитель Тоба Гуй (386–409 гг.) покорил шансийцев и быстро вышел на историческую арену. В 422 г. тоба взяли столицу Лоян и под династическим именем Вэй (Тоба-Вэй) стали настоящими китайскими императорами. Они захватили всю территорию Китая, включая его протектораты, оазисы Центральной Азии, которые прибрали к рукам около 448 г. (Куча и Карашар) и 456 г. (Хами); они почти завоевали его северную половину, аннексировав Шаньси (436 г.), Шандунь, Хэнань и часть Ганьсу (446 г.). Только утрата исконных кочевнических качеств стала причиной их поражения в борьбе с Южным Китаем после 469 г., когда они бросили свои войска на стены Нанкина.

Однако не блестящие военные операции сделали их известными и определили их историческое значение, а их исключительное приятие цивилизации и тот факт, что они стали защитниками китайской цивилизации от остальных варваров.

Разумеется, в самом начале, в царствование Тоба Гуя, Тоба Сэ (409–423 гг.) и Тоба Дао (423–452 гг.), которые были у тоба самыми заметными правителями, они проявили все свои лучшие качества и одновременно все пороки, присущие варварам. Но, начиная с царствования Тоба Сюня (452–465 гг.), они приняли буддизм и стали усиленно насаждать его в Китае: к примеру, в Лояне насчитывалось не менее 1300 пагод. Тоба Хун I проявил такое религиозное рвение, что отказался от трона и ушел в монастырь. Его сын Тоба Хун II (471–499 гг.) прославился тем, что при нем были созданы скульптурные гроты Лоньшэня. В таких условиях буддизм стал государственной религией.

Пятисотлетнее владычество тоба в Китае и вытекающие отсюда значительные политические и военные последствия обязывают нас более подробно остановиться на завоевательных устремлениях этого народа.

К началу 400-х гг. царству Вэй, т. е. «тюркскому Китаю» племени тоба, угрожала волна варваров – жужаней, чье название в китайской транскрипции может звучать как «дурно пахнущие насекомые». По мнению лингвистов, речь идет о чисто монгольской орде (как и их предшественники сяньби). Один из предводителей, Шо-Луэнь, прославил свой народ тем, что в 402 г. покорил соперничавшую орду – као-кью, – которая обитала в районе Кобдо и Урумчи и представляла собой предков тюркских талашей и уйгуров. После этого жужани царствовали в Северном Гоби от Леахо на востоке, на корейской границе, до верховьев Иртыша на западе и почти до Карашара. Титулы «хан» и «каган» впервые появились у жужаней, т. е. это монгольские титулы, заменившие прежний титул шаньюй, который использовали племена хуннов.

Перед лицом угрозы со стороны новой империи кочевников правители тоба, или династия Вэй Северного Китая, предпринимали решительные наступления в виде

превентивных операций в Гоби. Тоба Гуй одержал первую победу и отбросил кагана жужаней Шо-Луэня с излучины Хуанхэ (402 г.).

Тоба Сэ, продолжая защищать северные подходы к Великой стене от жужаней, продвинулся дальше на юг и отобрал у Южной Китайской империи город Лоян вместе с частью Хэнаня (423 г.).

Тоба Дао, сын Тоба Сэ, отразил угрозу со стороны жужаней в 423 г. В 425 г. он совершил против них карательный поход со своей конницей и прошел Гоби с юга на север (резиденция кагана жужаней находилась на Орхоне), затем он напал на другое царство варваров – Хья, основанное в Шаньси ханом хольенов, и захватил ханскую ставку около Пиньяна, на севере Шаньси (427 г.). В это время его военачальники действовали в Чанане (426 г.). В 431 г. они разгромили хольенов и присоединили Шаньси к царству тоба. В 436 г. войска Тоба Дао захватили царство Янь, последнюю территорию муюнов, и аннексировали его.

В 439 г. Тоба Дао покорил государство Пей-Лянь в Ганьсу. Правящее семейство Пей-Лянь – хуннский клан, правивший там с 397 г. под именем Цеу-Кью, – сбежало в Турфан, захватило этот район и царствовало здесь с 442 по 460 г.

Аннексией страны Пей-Лянь тоба завершили завоевание всех тюрко-монгольских царств в Северном Китае, исключением было царство Наньян в Шаньдуне, остаток муюнских государств, которое было аннексировано в 410 г. Южно-Китайской империей. После чего в этом регионе остались две силы: большое царство Тоба, или царство Вэй, как они называли свою страну на китайский манер, и исконно Китайская империя на юге, где Нанкин играл роль Византии. Действительно, картина напоминает римский мир, поделенный в VIII в. между франками, которые завоевали Запад, уничтожив остальные «варварские» царства, и Византийской империей, которая оставалась властительницей Востока.

Последствия этих завоеваний для народов Центральной Азии были настолько значительны, что они стали называть Северный Китай страной Тоба, так же, следуя их примеру, называли этот народ византийцы: табгачи – по-тюркски, тамгадж – по-арабски, тайгаст – по-гречески.

Объединив северную часть Китая, Тоба Дао провел в Гоби большую военную кампанию против жужаней, которая стала для последних настоящим бедствием (429 г.), затем укрепил свой успех в 443 г.

В 445 г. армия тоба примерно наказала Шаньшань, который блокировал все пути на запад, а в 448 г. генерал тоба Ванду Гуй наложил дань на Карашар и Кучу. В 449 г. состоялась третья экспедиция Тоба Дао в Гоби.

Тоба Дао – самая яркая личность этой энергичной тюркской династии, которая рьяно защищала от своих вчерашних родичей, оставшихся кочевниками, древнюю китайскую цивилизацию. Он отличался исключительной храбростью и наводил страх на жужаней, которые прежде пользовались слабостью китайских императоров и постоянно нападали на империю. Он поставил точку в масштабных походах, т. е. сделал примерно то же, что Хлодвиг сделал для Галлии. Он сам китаизировался в достаточной степени, но поддерживал в своей орде традиционный тюркский воинственный дух. Он отказался сменить старые стоянки в Пинчэне, на севере Шаньси, на пороге степей в исторические столицы древнего Китая – Лоян и Чанань, захваченные его армиями. Он также сохранил варварский тюрко-монгольский обычай, согласно которому перед восхождением на трон очередного царя тоба убивали его мать, чтобы избежать обиды и зависти возможных детей-соперников. Нет нужды говорить, что с такими взглядами он питал к буддизму глубокую антипатию, в которой сочетались его чувства воина-варвара и ненависть к даосам со стороны его окружения. В 438 г. он упразднил орден буддийских монахов, а в 446 г. издал указ об их преследовании.

Преследования буддистов прекратил его внук, Тоба Сюнь, который пришел к власти в результате дворцового переворота (452–465 гг.).

В буддийских пещерах Юньгана, на севере Шаньси, вырытых между 414 и 520 гг.,

обнаружены скульптуры, составившие славу вэйского искусства и датированные временем царствования этих властителей; они выполнены с глубоким религиозным подтекстом, греко-буддийская основа которого пришла сюда через Гандхару по тропам Тарима и создала творения того высокого мистицизма, который можно назвать предшественником романской и готической скульптуры. Даже собственно китайские династии были слишком пропитаны национальными предрассудками и конфуцианским классицизмом, чтобы безоговорочно воспринимать мистику, пришедшую из Индии, поэтому буддийская скульптура императорских династий того времени – в Нанкине и даже в Лане – далека от таких взлетов религиозного экстаза.

Во многих отношениях именно благодаря своему варварскому происхождению племени тоба, эти франки Дальнего Востока, оставили в Юньгане, а затем в Лунмэне шедевры, сравнимые с Шартрским и Реймским соборами, и в этом, возможно, заключается один из самых неожиданных результатов завоевания древнего Китая степными кочевниками. Более того, великие походы V в. на Западе, когда общество, созданное западными варварами, в достаточной степени христианизировалось, принесли после «смутных» веков блестящие столетия Средневековья. Великие походы IV в. на Востоке еще раньше дали такие же результаты, потому что уже в течение ста лет Вэйский Китай впитал в себя достаточно буддизма, чтобы дать нам выдающуюся скульптуру Юньгана и Лунмэня.

Шли годы, а китаизация и обращение тоба в буддизм не погасили в них тюркскую энергию. В царствование Тоба Сюня племени тоба захватили оазис Хами (456 г.) и наконец в 448 г. нанесли жужаням такой сильный удар, после которого у тех осталась (до 552 г.) лишь тень былого могущества. Местные племена подняли головы и стали готовиться к предстоящему владычеству тюрков.

При Тоба Хуне I тоба перенесли направление своих завоеваний в исконно Китайскую империю, т. е. на юг: в 466 г. они взяли Пинчэн в Ганьсу, в 467 г. захватили бассейн Хуанхэ, в 469 г. завоевали Шаньдун. В 467 г. они нанесли сильный удар по родичам сяньби, т. е. монголам, которые с начала века поселились в Кукуноре.

Тоба Хун был настолько ревностным буддистом, что в 471 г. отрекся от трона в пользу своего юного сына и ушел в монастырь. Новый монарх – Тоба Хун II – с такой же симпатией относился к буддизму и под влиянием этой религии сделал законы намного гуманнее. Он завершил китаизацию тоба, а в 494 г. перенес свою столицу из Пинчэна в Лоян (кстати, византийские и сирийские географы иногда называли его Таугаст по имени тоба), и именно к этому периоду относятся знаменитые буддийские пещеры Лунмэня, с их скульптурами, которые датируются 494–759 гг. Но, полностью приняв китайскую культуру и буддийскую веру, тоба утратили воинственный дух своих прародителей тюрков. Все их попытки объединить Китай под своей властью, т. е. присоединить Южную империю, успехом не увенчались. Царь Тоба Ко (499–515 гг.) сделал последнее усилие в этом направлении, но его войска не смогли преодолеть линию Хуанхэ, которая служила границей между двумя империями и за которой находилась неприступная крепость Чоньли.

После смерти Тоба Ко царством Тоба правила его вдова, императрица Ху Ши (515–528 гг.). Наследница древних тоба была последней из династии, в которой еще чувствовались тюркская сила и энергия. Это была твердая, временами даже жестокая женщина, жаждавшая власти, но, тем не менее, благоволившая к буддизму. Она привела в порядок буддийские святыни Лунмэня и отправила в Северо-Западную Индию буддийского монаха-путешественника Сонь-Юня, который оставил интересные записки о положении дел в Центральной Азии того времени.

Сонь-Юнь прошел через Шаньшань, Хотан, Памир и в Бадахшане встретился с ханом эфталитов. Затем он побывал в Уддиане и Гандхаре и привез оттуда своей царице интересующую ее буддийскую литературу (518–521 гг.).

К этому времени тоба китаизировались до такой степени, что в их царстве начались дворцовые перевороты, гражданские войны и споры из-за наследства. В 534 г. они разделились на две ветви: Восточные Вэй (Дун Вэй), которые владели Хэбэем, Шаньдуном и

Хэнанем со столицей в Чанто (534–550 гг.), и Западные Вэй (Си-Вэй), которой принадлежали Шэньси и Ганьсу, а столицей был Чанань (534–557 гг.). Обе династии были свергнуты своими министрами, в результате в Чанто вместо Восточных Вэев образовалась династия Пей-Ци (550–577 гг.), а в Чан-Ане вместо Западных Вэев – династия Пей-Чжеу (557–581 гг.). Но эти династии скоро стали китайскими, поэтому не имеют отношения к истории Степи. Однако интересно то, каким образом тюркская сила, ярко выраженная у первых императоров тоба, постепенно ослабла и растворилась в китайской массе. Это вечная история, которая за столетия произошла с киданями, чингисидами, маньчжурами и др. К тому же следует добавить, что на судьбу тоба во многом повлиял буддизм, так же как позже он вмешался в судьбу чингисидов, а еще позже – племен халкха. Эти суровые варвары, которых коснулась милость Бодхисатвы, настолько сильно воспринимали гуманность буддийских заповедей, что не только забывали свою врожденную воинственность, но даже переставали заботиться о своей защите.

К 534 г. империя ослабла и постепенно пришла к закату, от нее остались только тоба, поглощенные китайскими массами.

А теперь остановимся более подробно на жужанях, согласно терминологии китайских авторов. Возможно, это – протомонголы, благодаря которым в глазах цивилизации оправдано присутствие в Китае тоба, их врагов. Жужани не имеют никакого отношения к псевдоаварам, западным аварам, истребленным Карлом Великим. Под предводительством Че-Луэня они разгромили као-кью тинь-линей около Кобдо (Западная Монголия), в Тарбагатае и в районе нынешнего Семипалатинска, затем за короткое время восстановили, почти во всей целостности, степное государство от Кореи до Иртыша и Карашара, которое раньше было империей хуннов. Жужань не имела особой известности и просуществовала недолго.

Итак, 420 г. был кульминацией жужаньского могущества. Легкие победы над северными и западными племенами сделали Жужань гегемоном в Великой степи, но ни в коей мере не обеспечили этому ханству ни покоя, ни процветания. Главным врагом жужаней была империя Тоба-Вэй, и жужаньский хан Датань попытался сделать все возможное, чтобы не допустить усиления своего естественного соперника.

В 424 г. Датань с 60 тыс. конницы вторгся в Китай, дошел до столицы и разграбил императорский загородный дворец.

В 430 г. император Тоба Дао рассеял в степи войска жужаней.

Теперь роли переменялись: империя Тоба-Вэй достигла своего зенита. К тому же телеуты (прототюрки) в количестве 100 тыс. кибиток откочевали от Жужани в долину Иртыша, где телеский старейшина принял титул Великого Сына Неба, и война вспыхнула.

Переход теле на запад был событием чрезвычайной важности: эти разрозненные кочевники образовали свою державу Гаогюй.

В конце V в. в Китае началось возрождение. Античный период истории Восточной Азии заканчивался, и пережиток этой эпохи – Жужань – должна была погибнуть.

Таким образом, уход телеутов и государственный переворот 492 г. были переломными моментами в истории Жужани. Она потеряла гегемонию в Центральной Азии и принуждена была сражаться уже не за власть, а за существование.

Тем временем теле освоились на новом месте и, уничтожив Юэбань, последний остаток хуннской эпохи, создали новое государство.

В политическом отношении Гаогюй держался китайской ориентации, рассчитывая получить шелк. Однако в 495 г. эфталиты (враги жужаней и союзники китайцев), расправившись с Ираном, разгромили Гаогюй. Эфталиты выбрали из числа пленного князя Мивоту и поставили его над оставшимися телеутами. Итак, Гаогюй превратился в вассала эфталитов, которые заплатили ему за союз 60 кусков шелковых тканей.

Но шелк надо было отработать: против жужаней были подняты телеуты, которые должны были оплатить кровью свои 60 кусков шелка. При оз. Пулэй Мивоту разбил жужаней. Те бежали на юг, но в горах Бэйшаня встретили отряды Мын Вэя. В панике

бросившись обратно, жужани натолкнулись на телеутов и были снова разбиты (508 г.). В резне погиб злополучный хан жужаней Футу. Мивоту отправил его скальп Мын Вэю. За это ему были присланы дары: полный набор музыкальных инструментов, 80 музыкантов, 10 кусков пунцовых и 60 кусков разноцветных шелковых тканей.

В 516 г. наследник Футу убил Мивоту, и спасшиеся телеуты примкнули к эфталитам. В Жужань тем временем проник буддизм, и единство в орде нарушилось: начались распри.

Распрями воспользовались телеуты: младший брат замученного Мивоту восстановил государство Гаогюй и разбил в 521 г. жужаней, загнав их в Китай.

В 534 г., оставшись один на один с телеутами, жужани разбили их наголову. В 540 г. держава Гаогюй перестала существовать.

Несмотря на бесспорное превосходство жужаней в Верхней Азии, их экспансии мешали яростные атаки тоба, теле, внутренние распри (особенно в 521 г.), восстания подданных.

Жужани имеют отношение к истории тюрков не только потому, что они сразу после них появились в Монголии, сражались с ними, поработали их и, наконец, пали под их ударами, но и потому, что они привнесли в Верхнюю Азию новые черты цивилизации, которые позже стали признаком тюркской специфичности.

Владычество жужаней (407–552 гг.) не приняли народы Верхней Азии, которые в большинстве своем были тюрки, и оно кажется некоей исторической случайностью в той долгой эпохе, когда на первый план выходят тюркоязычные племена, а монголы большей частью остаются на крайнем Востоке.

Примерно в ту же эпоху на Енисее, в районе Минусинска, сформировалась новая культура – так называемая культура «рыцарей-кочевников», от которой остались бронзовые пластины, элементы упряжи и сбруи, удила, стремяна, ножи, сабли, копья, седла и т. п. Они хранятся в музеях Минусинска и Хельсинки. Кстати, такие же предметы (оружие) обнаружены южнее Байкала. По-видимому, эта культура существовала и при жужанях и после них, потому что в тех же местах ее следы связаны с китайскими монетами начала династии Тан (VII в.) и теряются только в IX в. Она интересует нас в связи с тем, что является поразительной аналогией с аварской культурой в Венгрии VI–VIII вв. и с протовенгерской культурой IX в. Однако этот факт не является убедительным доводом для того, чтобы считать жужаней прямыми предками европейских аварцев, по крайней мере, это позволяет заключить, что и те и другие вращались вокруг одного культурного центра.

После жужаней и телеутов можно вести речь о родственной орде – об эфталитах, хозяевах Западного Туркестана того периода.

Держава эфталитов

Эфталиты – это тюрко-монгольская орда, родиной которых, по сообщениям Сонь-Юня, были горы Алтая и которая спустилась в степи нынешнего Туркестана. Их имя – эфталиты – у византийских историков, хейафелиты – у персидского историка Мирконда, йе-тай – у китайцев, которое, по-видимому, происходит от царского клана Эфта, или Йе-Та. Византийские историки называют их, впрочем безосновательно, «белыми гуннами».

В начале V в. эфталиты представляли собой второстепенную орду вассалов жужаней, которая, как уже говорилось, владычествовала в Монголии. Во второй четверти V в. эфталиты набрали силу и распространили свою власть на запад: начиная с верховьев Юлдуза (северо-западнее Карашара), затем бассейн р. Или до Балхаша, бассейн Иссык-Куля, Чуйские и Таласские степи и район Сырдарьи до Аральского моря. Согласно некоторым источникам, одна из резиденций ханов эфталитов находилась рядом с Таласом. В 440 г. они оккупировали Согдиану, или Мавераннахр, и, вероятно, Балх, Бактрию, или Туркестан.

Некоторые востоковеды, в частности Ноельдке, считают, что начиная с царствования персидского царя Бахрама Гуру (420–438 гг.) эфталиты поселились в Бактрии. Возможно, они даже захватили сасанидскую провинцию Хорасан, откуда Бахрам Гур изгнал их в

результате битвы при Кусмехане около Мерва. Наоборот, Маркарт полагает, что Бахрам Гур, а затем его преемник Йездигерд II (438–456 гг.) вынуждены были защищаться не от набегов эфталитов, а от хионитов, которые кочевали севернее Мерва. В любом случае именно эфталиты при сасанидском шахиншахе Перозе (459–484 гг.) напали на Хорасан и в конце концов победили и убили этого монарха. Эфталитский вождь, одержавший победу, известен арабо-персидским историкам под именем Ахшунвара или Ахшунваза (возможно, это искаженное согдийское слово «ахшеван», т. е. царь).

После победы над шахиншахом Перозом, эфталиты захватили не только пограничные районы Талекана (между Балхом и Мервом), граничавшие на северо-востоке с империей Сасанидов, но также Мерв и Герат. Кроме того, они поддержали дворцовые интриги среди Сасанидской династии Ирана. Так, сасанидский царь Кавадх, лишенный трона в Ктесифоне, нашел у них убежище, женился на племяннице их хана и получил от него армию, при помощи которой вернул себе корону (498 или 499 г.).

Здесь, очевидно, следует обратиться к истории Сасанидской империи, которая была основана в 224 г. Ардаширом, свергнувшим Артабана V, последнего парфянского царя, мстя за ахеменидского царя. Империя располагалась на Среднем Востоке и получила свое название по имени деда Ардашира, Сасана.

Царство простиралось от Сирийской пустыни, где постоянно приходилось обороняться от наступавших римлян, до северо-западной Индии, где были покорены Кушанская и Эфталитская империи, которые являлись препятствием на главных торговых путях, связывавших Индию и Китай с западными странами.

В политическом отношении империя то склонялась к полной централизации при сильной монархической власти, которая поддерживалась армией и бюрократией, как при Хосрове I (ум. в 579 г.), то впадала в анархию при всевластии местной знати.

Зороастризм объявлен в III в. государственной религией. Христиане в Армении и Закавказье подвергались гонениям, но, порвав в 424 г. с Византийской церковью, освободились от подозрений в служении врагам империи.

Царский двор в Ктесифоне притягивал к себе все лучшее в культурном отношении, испытывал сильное греко-римское влияние и не был чужд новшествам с Востока. Однако население в последние годы правления династии очень сильно страдало от постоянных войн, чем, возможно, объясняется быстрый распад империи накануне арабского завоевания в 636–661 гг., о чем речь пойдет далее.

Однако обратимся к концу V в., когда эфталиты стали грозной силой в Центральной Азии. В «Лань-Шу» говорится о посольстве, отправленном в 516 г. к китайскому двору в Нанкине эфталитским царем Йе-Тай-Ли-То.

Несмотря на поражение шахиншаха Пероза, сасанидский Иран обладал достаточной силой, и эфталиты отказались от мысли покорить его. Они вернулись на юго-восток в район Кабула. Очень возможно, что при их приближении последних кушанов заменила другая династия – юечжи, пришедшая из Бактрии.

В иранских источниках того времени говорится о Кидаритской династии, которая обосновалась к югу от Окса, между Балхом и Мервом, и воевала против сасанидов. По тем же источникам, сасанид Пероз, тот самый, который якобы погиб от рук эфталитов, – сражался против кидаритских вождей: сначала против их героя Кидары, а позже – Кунха, сына Кидары. Далее говорится, что именно в результате поражения, которое нанес им Пероз, кунхи ушли из Бактрии, и ее тут же заняли эфталиты, после чего Пероз перешел Гиндукуш и остановился в Кабуле, где заменил последних кушанов. Эти сведения подтверждают китайцы, но датируют этот эпизод несколькими годами раньше. В китайских источниках, которые, очевидно, восходят к 436–451 гг., отмечается, что «один царь юечжи из По-Ло, т. е. из Балха, под давлением эфталитов покинул Бактрию и перебрался в Гандхару, где поселился в Пешаваре, подчинившись своим сородичам юечжи Кабула, т. е. последним кушанам». Китайцы называют этого царя Ки-То-Ло, что точно соответствует имени Кидара. Получается, что под натиском эфталитов, а не сасанидов кидариты ушли из Бактрии и нашли

убежище в Кабуле. Впрочем, эфталиты преследовали их и прошли по их следам через Гиндукуш. А древняя земля юечжи – Бактрия, Кабул и Кандагар – перешла в руки эфталитов. Более того, из долины Кабула эфталитский авангард, как когда-то кушаны, отправился покорять Индию.

Основная часть Индии – весь бассейн Ганга, Мальвы, Гуджерата и север Декхана – составляла тогда крупную империю во главе с большой местной династией Гуптов, которая находилась на вершине могущества в царствование Кумарагупты (414–455 гг.), которого сменил его сын Скандагупта (455–470 гг.). В последние годы Кумарагупты или в начале царствования Скандагупты эфталиты, покорив Кабул, спустились в Пенджаб и в районе Доаба или Мальвы подошли к границам Гуптской империи. Скандагупта заставил их отступить – либо сразу после восхождения на трон, либо несколько раньше, в бытность наследного принца. В 460 г. в стране воцарился покой.

Однако эфталиты прочно закрепились по обе стороны Гиндукуша – в Бактрии и Кабуле.

В 520 г. их хан (во время путешествия китайского паломника-хронографа Сонь-Юня) имел резиденцию к северу от Гиндукуша, переезжая в зависимости от времени года из Бактрии, где он проводил зиму, в Бадахшан, летнюю резиденцию. В Кабуле, в старых греко-буддийских провинциях Капика и Гандхара, обосновался второстепенный эфталитский вождь, тегин, отпрыск династии, второй царь которой правил в 520 г. В Гандхаре, в среде высокой культуры, где эллинизм и буддизм превратили эту страну в новую Элладу и новую «буддийскую Святую землю», эфталиты вели себя как варвары, убивая местных жителей, преследуя буддистов, уничтожая монастыри и памятники искусства, разрушая пятисотлетнюю греко-буддийскую цивилизацию. И персидские, и китайские тексты в один голос констатируют тиранию и вандализм этой орды.

Исторические хроники «Цей-Ше» и Сонь-Юнь, посетивший эфталитского хана в 520 г. в его летней резиденции Бадахшана, затем тегина в Гандхаре, описывают эфталитов как настоящих кочевников: «Они не живут в городах, их правители постоянно находятся в кочевом лагере, в войлочных шатрах. Они перемещаются в поисках воды и пастбищ, уходя на лето в прохладные места, на зиму – в районы с умеренным климатом. Для царя сооружают большой шатер квадратной формы, 40 пядей с каждой стороны, вокруг которого расстилают шерстяные ковры. Царь носит шелковые цветастые одежды. Он восседает на золотой кровати, ножки которой сделаны в форме четырех золотых фениксов. Его главная жена также носит одежды из раскрашенного шелка, которые на три шага волочатся по земле. На голове у нее коса длиной 8 пядей, украшенная драгоценными камнями пяти разных цветов». Это рассказ Сонь-Юня, который отметил у эфталитов обычай братской полиандрии, а также враждебность к буддизму. «Они совсем не верят в буддийский закон и поклоняются многим божествам. Они убивают живых существ и едят мясо с кровью». По свидетельству Хьюань-Цана, эфталиты вырезали в Гандхаре две трети жителей, остальных обратили в рабство, кроме того, уничтожили большинство монастырей и буддийских святынь.

Из Кабула эфталиты зорко следили за богатствами Индии. Получив отпор со стороны индийского императора Скандагупты, они ждали благоприятного случая, который не замедлил представиться, когда после смерти монарха (470 г.) Индийская империя пришла в упадок, возможно в результате раздела страны на две ветви Гуптской династии: одна царствовала в Мальве в лице Буддхагупты (476–494 гг.) и Бханугупты (499–543 гг.), другая – в Бехаре и Бенгалии во главе с Пурагуптой и Нарасим-хагуптой. По причине ослабления гуптского могущества эфталиты начали совершать набеги на Индию. Возглавлявший их эфталитский хан, которого индусы называли Торамана (ум. в 502 г.), не был ханом всех эфталитов (последний жил севернее Гиндукуша, в Бактрии и Бадахшане, как говорилось выше), походом руководил второстепенный принц, или тегин, а именно тегин Кабула. Три надписи, касающиеся этого военачальника, обнаруженные в Куре (северо-запад Пенджаба), в Гвалиоре и Эрране, доказывают, что он покорил не только бассейн Инда, но и Мальву. Его монеты представляют собой имитацию монет индийского императора Буддхагупты, его

современника.

Михиракула, сын и преемник Тораманы, который известен нам по своему «культовому» индийскому имени «солнечная раса» на санскрите, царствовавший в своей орде в период между 502 и 530 гг., был настоящим Атилой для Индии. Он сделал своей столицей Сакалу (Сиакот) в Восточном Пенджабе. Именно с этим тегинем Гандхары встречался в 520 г. Сонь-Юнь; этот тегин завоевал Кашмир, после чего вернулся в Гандхару и учинил там резню. Буддийские древние историки изображают его как ярого врага их религии. Хьюань-Цан пишет, что гуптский суверен Магадху, или Бехара по имени Баладитья, был единственным, кто оказал сопротивление. Михиракула дошел до Ганга, преследуя своего врага. Баладитья сначала отступил, затем неожиданно атаковал и пленил его. Этот рассказ заканчивается морализирующим выводом. С другой стороны, надпись в Эроне, в Мальве, датированная 510 г. и рассказывающая о победах другого гуптского принца, Бханугупты, свидетельствует о том, что и здесь идет речь о войне с эфталитами. В 533 г. третий индийский принц, Ясодхарман, которого связывают с династией Мандасорских раджей Мальвы, похваляется в своих надписях, что он победил племена эфталитов и заставил Михиракулу покориться ему. После этих поражений Михиракула, видимо, отступил в Кашмир, откуда обрушил на своих подданных в Гандхаре кровавые репрессии, о которых сообщают китайские паломники. В буддийских текстах за все его жестокости предрекается жестокая смерть.

Нам неизвестно, что стало с кланами эфталитов в Пенджабе после Михиракулы. Должно быть, они продолжали беспокоить своих соседей, хотя уже не были настолько опасными: во второй половине VI в. махараджа Танесвара по имени Прабхакара (605 г.) разгромил их. В 605 г. его старший сын Радживардхана тоже воевал с ними, а позже великий индийский император Харша Силадитья (606–647 гг.) прославился своими победами над теми же эфталитами. Тем не менее, начиная со второй половины VIII в., эфталиты Индии исчезают из поля зрения истории. Очевидно, их орды истребили друг друга или влились в население Пенджаба. Некоторые из их кланов сумели пробиться в индийскую аристократию.

Историческая судьба Эфталитской державы удивительно напоминает судьбу средневековой Швейцарии. И там, и тут воинственные племена добились возможности объединения, используя временный упадок и затруднения соседних монархий; и там, и тут были одержаны блестящие победы, там – над австрийцами и бургундцами, тут – над персами и индийцами, но в обоих случаях удержать захваченные территории и закрепить успех не удалось. И как впоследствии швейцарские наемники украшали собою гвардию французских королей, так и эфталитские воины умножили ряды раджпутов, облегчив им победу над остатками развалившейся империи Гупта.

Эфталиты были народом воинственным, но немногочисленным. Успехи их объясняются глубоким разложением захваченных ими областей. Это же разложение Согдианы обусловило слабость эфталитской державы, так как многочисленных подданных бесполезно было мобилизовать. Сами эфталиты, видимо, не переоценивали своих сил и в авантюры не пускались. Режим, установленный эфталитами в Центральной Азии, очевидно, был непопулярен, так как при нападении орд кочевников в 560–570 гг. согдийцы и юэчжи никакой помощи эфталитам не оказали.

Религии Великой степи

Проследим процесс проникновения религий в Великую степь во временном периоде с III в. и, забегаая вперед, по XI в.

Во все времена каждый отдельный человек, будучи одиноким, чувствовал себя беззащитным. Не играла роли принадлежность ни к семье или определенному кругу, ни даже к политической группировке, потому что предательство было заурядным явлением, и каждый человек вынужден был искать людей, близких себе хотя бы по духу.

Зачастую религиозные общины совпадали с определенными

территориально-политическими образованиями. Например, буддистов тянуло в Тангут или в Кидань, а христиан – к уйгурам или шато.

Входя в ту или иную религиозную общину, человек попадал в среду людей, которым мог доверять, потому что общину он выбирал согласно своим вкусам и наклонностям, и тем самым решал многие проблемы бытия.

Начнем с концепции персидского мыслителя Мани (III в.), объединившего идеи христианские, зороастрийские и даже индийские. Мани учил, что существует «беснующийся мрак» – пространство вечной тьмы, имеющей сгустки еще более темные, чем вмещающая их среда. Эти скопления мрака движутся беспорядочно, как молекулы в броуновском движении, но однажды они случайно приблизились к краю своего пространства, к границе «вечного Света» и попытались проникнуть туда, чтобы омрачить «царство Света». Против них вышел сражаться носитель светлого начала, которого Мани называет Первочеловек, и придает ему качество Ормузда. Силы мрака победили, растерзали Первочеловека и облекли тьмой частицы Света, которые теперь томятся в плену. На выручку этим частицам, т. е. душам, приходил Христос, а вслед за ним он, Мани, воплощение Святого Духа, Параклета-Утешителя. Цель их прихода – освобождение душ от материи – кристаллизованной тьмы; отсюда вытекает, что все материальное, все, что привязывает человека к миру и жизни, – греховно.

С этой концепцией боролись христиане, утверждавшие, что создатель мира благ, а мир, созданный им, прекрасен. В противовес возникли монистические мысли: неоплатонизм, утверждавший, что материя – ничто (мэон), а мир – это истечение из Божественной Плеромы – полноты всего сущего, и христианский монизм в учении Оригена, проповедовавшего, что после светопреставления и Страшного суда по милосердию Божьему дьявол будет прощен.

Православная мысль к IV в., усвоив отдельные элементы всех перечисленных концепций, выкристаллизовывалась в особую философему. Но тогда начались новые затруднения, уже чисто богословского, а не философского характера, отразившиеся в жестокой борьбе на Вселенских соборах.

Появились четыре направления христианской мысли: арианское – распространившееся среди германских племен, несторианское – наиболее важное для нашей темы, монофизитское – возникшее как антитеза несторианству, и халкедонитское (от места, где происходил IV собор) – ставшее господствующим исповеданием Византийской империи.

Вулканом вольномыслия в первые века нашей эры был Передний Восток. В начале IV в. александриец пресвитер Арий выступил с проповедью, что Христос-Логос меньше своего Отца, ибо Он Сын и, значит, рожден. Архиепископ Александр и его диакон Афанасий возражали Арию, указывая, что слово «рожден» к Божественной сущности неприменимо, и обвинили его в ереси Павла Самосатского, учившего, что Христос был человек, осененный Божественной мудростью. Спор быстро перерос в гражданскую войну, причем одни императоры поддерживали ариан, а другие – православных. Одновременно проповедовали свои учения гностики, неоплатоники, митраисты, и все боролись против всех.

Не следует думать, что представители этих учений были неискренни в своих привязанностях к исповеданиям веры. В те времена потребность в логически-последовательном мировоззрении была очень острой. Конечно, не случайно, что наиболее рационалистические и буквалистские толкования догмы религии были связаны с антиохийской школой, философские – с александрийской, а эмоционально-эстетические – с константинопольской, где эллинский элемент среди населения был преобладающим. Но нам нет необходимости далее останавливаться на перипетиях религиозной борьбы в Римской империи, а следует сосредоточить внимание на проникновении этой бурлящей, раскаленной мысли в бескрайние пространства Великой степи.

После того, как в 277 г. в Гундишапуре, резиденции персидского шаха, принял мученический венец мыслитель и писатель Мани, объявивший себя наследником Христа и Параклетом, замученный мобедами, зороастрийским духовенством, его последователи вынуждены были бежать из Ирана, но на Западе манихейство подвергалось постоянному

гонению и ушло в подполье. На Востоке манихеи нашли приют в Мавераннахре и в оазисах вдоль Великого караванного пути.

В 431 г. на Вселенском соборе в Эфесе был предан анафеме константинопольский патриарх Несторий, неосторожно заявивший, что «у Бога нет матери». Его победители немедленно вступили в борьбу между собою, но как монофизиты, так и православные халкедониты были единодушно нетерпимы к несторианству. Особенно обострилась вражда после 484 г., когда на соборе в Бит-Запате несторианство было признано господствующим исповеданием персидских христиан, в том числе и прихожан Мервской митрополии. Поддержка персидского шаха для византийских несториан оказалась роковой. В 489 г. император Зенон подтвердил осуждение несториан и закрыл эдесскую школу, где несториане преподавали свое учение. Школа переехала в Иран, в Низиб, а в 499 г. в Ктезифоне возникла несторианская патриархия, расцветшая в VI в.

Из Ирана несториане широко распространились по Восточной Азии. В VI в. христиане проповедовали свою веру среди кочевых тюрок не без успеха. Тюрки, захваченные в плен византийцами в битве при Балярате в 591 г., имели на лбах татуировку в виде креста и объясняли, что это сделано по совету христиан, живших в их среде, чтобы избежать моровой язвы. Этот факт отнюдь не говорит о распространении христианства среди кочевых тюрок VI в., но позволяет констатировать нахождение христиан в Степи.

В 635 г. несторианство проникло в Китай и было встречено правительством весьма благожелательно. Первые императоры династии Тан, Тай-цзун и Гао-цзун, покровительствовали христианам и позволяли им строить церкви. Во время узурпации престола императрицей У Цзэ-тянь, связанной с буддистами, на христиан началось гонение, но узурпаторша была быстро лишена власти сторонниками династии Тан. В 714 г. в империи Тан император Сюань-цзун указом запретил буддизм, а в 745 г. разрешил проповедь христианства. С этого времени несторианство начало распространяться в Джунгарии, находившейся под контролем империи Тан, и обретать неофитов среди кочевников, главным образом басмалов, но довольно долго его успехи были незначительны.

Распространяющееся несторианство встречало сопротивление не со стороны местных религий, пришедших в упадок после падения Тюркского каганата, а от подобных ему прозелитических религий: буддизма, ислама, манихейства и бона. Первые две религии долгое время не находили последователей в Степи. Тонь-кук воспрепятствовал пропаганде буддизма на том основании, что «учение Будды делает людей слабыми и человеколюбивыми», а тюргешский хан Сулу ответил послу халифа Хишама (724–743 гг.) так: «Среди моих воинов нет ни цирюльников, ни кузнецов, ни портных; если они сделаются мусульманами, и будут следовать предписаниям ислама, то откуда же они добудут себе средства к жизни». Ислам представлялся кочевникам исключительно городской религией, и они относились к нему так же, как и бедуины Аравии век назад. Зато манихеи, изгнанные в 732 г. из китайских владений императором Сюань-цзунов, нашли сторонников среди уйгуров и поддержали хана Моянчура в тяжелой внутренней войне.

Поскольку христиане оказались противниками уйгурского хана, то после победы он склонился на сторону манихеев, которые его поддержали. Вскоре Уйгурия быстро превратилась в теократическую державу, где правила манихейская община. Хану оставили только военные дела.

Манихеи, оказавшись у власти, проявили такую религиозную нетерпимость, что рассорились со всеми соседями: тибетскими буддистами и последователями религии бон, сибирскими шаманистами, мусульманами, китайцами и уж, конечно, несторианами. Здесь мы не станем проследивать политическую историю Уйгурии, поскольку это будет рассматриваться далее, отметим лишь, что, когда эта страна была сокрушена в 840–847 гг. кыргызами, вместе с ней погибла и манихейская община. Опустевшие после ухода уйгуров на юг степи постепенно заселились монголоязычными племенами. Культурная традиция на время оборвалась, но как только восстановился кое-какой порядок, несторианство буквально затопило Центральную Азию.

Зато в Китае, где несторианство было терпимо с 635 г., в 945 г. специальным указом Танского правительства оно было объявлено вне закона вместе с буддизмом и манихейством. Это событие совпало с разгромом Уйгурии, в которой до сих пор Китай нуждался как в союзнике и которая охраняла интересы и жизнь кочевников, обитавших в пределах Срединной империи. Последовавшим за указом гонениям христиане оказали куда более сильное сопротивление, чем буддисты и манихеи. Но позиции христианства в Китае были сильно подорваны. В 987 г. христианский монах, вернувшийся в Константинополь с Дальнего Востока, рассказал, что «христиане в Китае исчезли и уничтожены по разным причинам и что только он один убежал». Можно быть уверенным, что здесь имеется некоторое преувеличение и что осколки несторианства оставались на северной границе Китая вплоть до начала XI в., когда развернулась интересующая нас вторая волна христианской экспансии на Дальнем Востоке.

Буддизм выдержал натиск куда более успешно, чем христианство. И даже манихейство не было полностью подавлено, хотя для того, чтобы удержаться, оно прибегло к обману. Манихеи начали притворяться буддистами. Сначала это была сознательная мимикрия: нельзя же было, в самом деле, каждому неопиту объяснять, что он вступает в запрещенную правительством общину, которая маскируется под буддийскую, будучи в действительности манихейской! Такими разъяснениями можно было только оттолкнуть неопитов, да еще и нарваться на предателей. Поэтому, выдавая себя за буддистов и соблюдая соответствующий декорум, китайские манихеи постепенно слились с буддистами, и даже такие ученые, как Бируни, перестали различать их. Особенно интенсивным было это смешение в тех областях, где позже возникло Тангутское царство: манихейские божества светил в буддийском облике обнаружены на иконах Хара-Хото.

Итак, в аспекте борьбы мировоззрений влияние китайской и мусульманской культур в Степи было ограничено и остановлено византийской культурой, понимаемой в самом широком смысле. И самое любопытное в этом явлении было то, что успех «степного византизма» (Л. Гумилев), т. е. проникновение христианства и манихейства в Степь, нельзя подвести под рубрику «культурных влияний». Всякое влияние предполагает какую-нибудь форму принуждения, хотя бы моральную, интеллектуальную, эмоциональную.

А кочевники были всегда очень чувствительны к любым формам принуждения и умели весьма успешно отбиваться от них. Но Византийская империя, находясь далеко от степей Центральной Азии, не давила и не могла давить на кочевников. К тому же проповедь христианства среди кочевников вели те, кого в самой Византии считали еретиками. Поэтому распространение христианства в Степи было не «культурным влиянием», а пересадкой идейных ценностей.

Универсализм христианства, в котором «несть ни варвар, ни скиф, ни еллин, ни иудей», привился в кочевом мире, потому что он не третировал кочевников как неполноценных людей и не вел к подчинению чужому хану, будь то Сын Неба или Наместник пророка. Напротив же, победа «китайского гуманизма», т. е. стремление избавиться от чужеродных элементов в своей культуре, свелась к расправе над беззащитными подданными и потому не переклестнула Китайскую стену.

К 1000 г. несторианство в Китае исчезло. Сунское правительство объявило войну религии как таковой и победило. Но кого? Кучку монахов и немногих пограничных метисов, искавших утешения и покоя! Уцелевшие китайские несториане бежали в Степь, и с этого момента несторианство стало антикитайской силой, во много раз более мощной, чем до гонений.

Глава 2

Империя Аттилы

Гунны – возвращенная молодость хуннов

В середине II в. хуннская эра во Внутренней Азии закончилась, но с этого времени начинается новый этап их истории – гуннская инвазия в Европу и их завоевания в Старом Свете.

Если Птоломей прав, гунны обосновались в районе Нижней Волги во II в.

История хуннов с 158 по 350 г. совершенно неведома. Можно лишь констатировать, что за 200 лет они изменились настолько, что стали новым этносом, который принято называть «гунны».

По этому поводу существует легенда, что король готов Филимер, при котором готы во второй половине II в. появились на Висле, привел свой народ в страну Ойум. Предполагается, что эта страна располагалась на правом берегу Днепра. Там Филимер разгневался на женщин, обладающих сверхъестественными силами, одним словом, колдуний, и изгнал их в пустыню. С изгнанницами встретились «нечистые духи», и потомки их образовали племя гуннов. Видимо, так и было. Хунны, спасшиеся от стрел и мечей сяньби, остались почти без женщин. Ведь редкая хуннка могла вынести тысячу дней без отдыха. Описанная в легенде метисация – единственное, что могло спасти хуннов от исчезновения.

Хунны и гунны – пример этнической дивергенции.

Мы не знаем, каков был социальный и политический строй гуннов периода миграции из зоны периферии китайской цивилизации в Поволжские степи и периода нашествия на земли аланов и готов Северного Причерноморья, но гунны должны были принципиально упростить свои социально-политические структуры с началом миграции на запад. Несомненно, однако, что гунны, тем не менее, сохраняли ту или иную меру памяти о своем прежнем социально-политическом опыте.

А каково же было положение в Европе?

К середине III в. германские племена между Эльбой и Рейном, обессилившие и спившиеся, стали образовывать военные союзы. Так, на базе древних племен, уже превратившихся в реликты и не способных отразить наступление римской армии Германика, возникли новые этнические образования с условными названиями: франки – свободные, саксы – ножовщики, алеманны – сброд, свевы – бродяги. Это были организации, созданные исключительно для войны, то есть военная демократия, уживавшаяся в Европе с родовым строем, так как некоторые племена сохранили его.

Предки славян – лугии и вены – не уступали германцам в энергии, а иногда превосходили их, и за короткое время они распространились до Балтийского моря, а в последующие века овладели Балканским полуостровом. Позднее восточные славяне и росомоны слились в единый древнерусский этнос. Но в III–IV вв. они были только союзниками, ибо их общими врагами были готы, победившие римлян и отторгшие у них в 271 г. целую провинцию – Дакию. Кровь лилась обильно.

Но где же в эту эпоху – 160–360 гг. – царил мир? Какой этнос избегал столкновений, потрясавших Европу, Ближний Восток и Центральную Азию? Кто сумел избежать кровопролитий? Только те, о ком не вспоминают историки тех лет: это гунны. Можно подумать, что античные историки просто не уделяли внимания кочевым народам. Но это не так. Об аланах сообщают Иосиф Флавий, Лукиан и Птоломей, а о гуннах подробно рассказывает только Аммиан Марцеллин.

Аланы были одним из сарматских племен. Вот что писали о них историки: «Постепенно ослабив соседние племена частыми над ними победами, они стянули их под одно родовое имя». Об этом же сообщают китайские географы эпохи Младшей Хань, называя вновь образовавшееся государство Аланья. Территория аланов включала Северный Кавказ и Доно-Волжское междуречье. Хозяйство их было основано на сочетании скотоводства с земледелием, а ремесла и искусство были на очень высоком уровне. Культура их являлась продолжением скифской, хотя царских скифов и скифов-кочевников сарматы истребили так, что тех вообще не осталось, кроме как в степном Крыму. Последних

прикончили готы.

Западные сарматы, роксоланы и язиги постоянно воевали с римлянами на берегах Дуная; восточные, проходя через «Аланские ворота» – Дарьяльское ущелье, вторгались в Армению и Мидию. Короче говоря, аланы 200 лет постоянно воевали.

Где в это время были гунны – историческая загадка.

Марцеллин дает следующий портрет гунна (очевидно, под впечатлением от ужаса при известии о вторжении гуннов в Старый Свет): «Гунны превосходят в жестокости и варварстве все, что можно себе представить. Они уродуют шрамами щеки своих детей, чтобы не росла борода. Их приземистая фигура с огромными руками и непропорциональная голова придают им чудовищный облик. Они и живут, как животные. Они не жарят и не варят пищу, питаются кореньями диких растений и сырым мясом, протухшим под седлом. Они не имеют понятия о плуге, о жилищах оседлых людей. Это вечные кочевники, с детства привыкшие к холоду, голоду, жажде. Они повсюду водят с собой свои стада, а семьи перевозят в повозках, где женщины ткут и шьют одежду, нянчат и воспитывают детей. Спросите у этих людей, откуда они пришли, где они родились – они этого не знают. Их одежда состоит из льняной туники и накидки из крысиной кожи. Они меняют одежду только когда она уже сгнила от пота. Шлем или шапка, сдвинутая на затылок, и обмотки из козьей кожи на ногах дополняют одеяние гуннов. Бесформенная обувь не дает им возможности ходить, поэтому они неспособны сражаться в пешем строю, зато в седле, будто сросшиеся со своими небольшими уродливыми лошадьми, – это неутомимые и быстрые, как молния, всадники. Они проводят на лошади свою жизнь – то верхом, то сидя, свесив ноги в одну сторону, на женский манер. На лошадях они проводят свои собрания, покупают и продают товары, едят и пьют и даже спят, склонившись на шею животного. В сражении они запугивают противника жуткими воплями. Встретив сопротивление, они рассеиваются в стороны, но тут же вновь возвращаются с невероятной быстротой, круша все на своем пути. Однако они не умеют закрепляться или осаждают укрепленный лагерь. Но ничто не сравнится с ловкостью, с какой они посылают на большое расстояние свои стрелы с острыми костяными наконечниками, твердыми и смертоносными, как железо».

Аполлинер, который объясняет физический облик гуннов намеренной деформацией тела в детстве, с таким же страхом пишет об этих «брахицефалах» с плоским носом («бесформенный плоский выступ на лице»), с выступающими скулами, глубоко сидящими глазами («из глазниц, как из пещеры, их острый взгляд охватывает далекие пространства»). Это орлиный взгляд кочевника, привыкшего обозревать огромную территорию, различать стада оленей и ланей или диких коней на самом горизонте степи. А вот портрет вечного степного всадника, написанный тем же автором: «Пеший гунн – роста, ниже среднего, а верхом на коне он огромен».

Интересно сравнить этот портрет с описанием хуннов, которое оставили китайские историки: и физический тип, и нравы – все сходится. Такой же портрет монголов XIII в. дают и китайские, и христианские авторы. Гунн, тюрк или монгол, степняк, брахицефал с большой головой, мощным торсом, короткими ногами, «вечный всадник», «верховой лучник» Верхней Азии, живущий по соседству с культурой и цивилизацией, почти не изменился за пятнадцать столетий набегов на оседлые государства.

Большинство востоковедов считают гуннов тюрками, поскольку эти народы восходят к одной языковой группе. Кроме того, раскопки в Венгрии показали, что речь идет о народе с сильно выраженной брахицефальностью. Наконец, когда гунны окончательно сошли с исторической арены, их место заняли племена, которые, несомненно, являлись прототюрками, их наследниками.

Итак, отношения между пришельцами – гуннами и редким коренным населением Западной Сибири, видимо, повели не к конфликтам, а, скорее, наоборот – к углублению контактов и установлению политических союзов. Это видно из того, что много лет спустя племена болгар и сабир носят приставку – «гунно». Причислять себя к гуннам в VI в. было почетно.

Зато по-иному восприняли эти изменения аланы.

Известно, что гунно-аланская война началась в 360 г. и закончилась победой гуннов в 370 г. И это несмотря на то, что аланы были гораздо сильнее гуннов. Подобно юэчжам и парфянам они применяли сарматскую тактику ближнего боя. Всадники в чешуйчатой броне, с длинными копьями на цепочках, прикрепленных к шее коня, так что в их удар вкладывалась вся сила движения коня и всадника, бросались в атаку и сокрушали даже римские легионы – лучшую пехоту III в.

За спиной у алан было громадное Готское царство, созданное Германарихом из рода Аманов. Оно простиралось от берегов Балтийского моря до Азовского, от Тисы до Дона. Остготы стояли во главе державы; вестготы, гепиды, язиги, часть вандалов, оставшаяся в Дакии, тайфалы, карпы, герулы, их южные соседи – скиры и северные – росомоны, венеды, морденс (мордва) и другие были их подданными. Готам принадлежали степной Крым, Черноморское побережье Северного Кавказа. При этом они были надежными союзниками алан. Так что последние считали, что их тыл обеспечен. Наконец, у алан имелись крепости. Гунны же брать крепости не умели. Так почему же гунны победили и алан, и готов, чего не смогли сделать ни римляне, ни персы? Потому что, когда в 360 г. началась война с гото-аланским союзом, поддержанным Византией, у гуннов уже было много сторонников, говоривших на своих языках, имевших свои религии и свои нравы, но выступавших вместе с гуннами и умноживших их ряды.

Очевидно, здесь следует вспомнить понятие «симбиоз», введенное в научный обиход Л. Гумилевым: «...близкое сосуществование двух и более этносов, причем каждый из которых имеет свою экологическую нишу» (в отличие от «химеры» – чисто хищнического сосуществования этносов в одной экологической нише). Так что именно симбиозом можно объяснить победу гуннов.

Дальнейшее повествование требует исторической справки на готов, остготов, вестготов.

Готы – германские племена, вторгшиеся в Западную Римскую империю. Выходцы из Прибалтийских земель, к III в. они переселились на северное побережье Черного моря и в низовья Дуная. Здесь они смешались с местными племенами, в основном скифо-сарматскими.

Восточная группа племен, населявших Причерноморье, известна под именем остготы.

Остготы вступили в союз с гуннами и в V в. основали свое королевство в Италии во главе с Теодорихом.

Вестготы – западная ветвь готов. В начале V в. вторглись в Италию, в 411 г. разбили Рим. В 418 г. основали в Южной Галии раннефеодальное Тулузское королевство. В V в. захватили большую часть Пиринейского полуострова. Их государство было завоевано арабами в 714 г.

В Испании королевство вестготов пало в 711 г. под напором мусульман.

Итак, к 370 г. стало ясно, что аланы войну с гуннами проиграли, но до полного разгрома и покорения ими аланов было далеко. Мобильные конные отряды гуннов контролировали степи Северного Кавказа от Каспийского моря до Азовского. Но предгорные крепости аланов взяты не были, не была захвачена и пойма Дона, что вообще было не под силу кочевникам. Гунны не пытались форсировать низовья Дона. Они нашли иной путь.

Согласно исторической хронике Иордана, в 371 г. гуннские всадники увидели на Таманском полуострове пасущуюся самку оленя и погнались за ней. Притиснутая к берегу моря олениха вошла в воду и, «то ступая вперед, то приостанавливаясь», перешла в Крым. Охотники последовали за ней и установили место подводной отмели, по которой шел брод. Они вызвали сюда своих соратников, перешли пролив и «подобные урагану племен... захватили врасплох племена, сидевшие на побережье этой самой Скифии», т. е. Северного Крыма. Дальнейшее легко представить. Гунны прошли через степи до Перекопа и вышли в тыл готов, которые, будучи союзниками аланов, сосредоточили свои войска на Дону, обороняя его высокий правый берег от возможного вторжения гуннов. Гуннам никто не мог

помешать развернуться на равнине Приазовья.

Автор V в. Евнапий писал: «Побежденные скифы (готы) были истреблены гуннами, и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство».

В отличие от гуннов, держава готов была построена на принципе силы, без принятия обычаев других племен (пример «химеры») и без симпатии ко всем, за исключением римлян; гунны же искали не врагов, а друзей, и все обиженные племена и народы вошли с ними в контакт.

Держава короля готов Германариха, представлявшая собой не союз племен, а «лоскутную империю», была покорена, и их престарелый король, потерпев поражение, от отчаяния покончил с собой.

Винитарий, преемник Германариха, также был побежден и убит. Большая часть остготов подчинилась владычеству гуннов, а вестготы, отступая под натиском гуннов, перешли через Дунай и вступили в Римскую империю (376 г.). Кубанские и терекские аланы также большей частью покорились на какое-то время гуннам и остались на месте, где позже обратились в христианство византийского толка (IX в.) и сформировали народность сегодняшних осетин. Другие аланы ушли на запад и вместе с западными германцами участвовали в «великих походах»; некоторые обосновались в Галлии, в нижнем течении Луары, другие ушли в Испанию, смешались с свевами в Галиции или вместе с вестготами сформировали смешанное население, которое, как предполагают, дало части этой страны название «гот-алан», или Каталония (?).

Итак, гунны привнесли новую модель социальной и политической организации (или, по крайней мере, ее элементы). Истоки этой модели – мир степей Евразии со своими традиционными контактами с иранским среднеазиатским миром и с Китаем. Хотя она очень скоро начала трансформироваться, включив в себя отдельные элементы европейского происхождения (например, римских секретарей-нотариев для переписки с западным императором), суть происходившего от этого мало изменилась. За формировавшимся европейским «социально-политическим фасадом» стояло совершенно иное отношение к власти – иное по сравнению с распространенными в мире европейских варваров представлениями.

По причине чрезвычайного характера гуннского вторжения и в результате последовавших за ним передвижений народов и племен, к началу V в. в Центральной и Восточной Европе складывается чрезвычайно сложная ситуация. До сих пор в течение уже достаточно долгого времени в этом регионе находились группы населения, уже давно если и не имевшие тесные контакты друг с другом, то, по крайней мере, обладавшие информацией друг о друге. При этом они могли принадлежать к различным этнокультурным «мирам» (например, дако-фракийскому, восточногерманскому, средиземноморскому, ирано-сарматскому). Однако, во-первых, во всех этих мирах преобладали общие для них индоевропейские традиции, и, во-вторых, каждый из этих миров уже накопил опыт общения с окружающими его соседями. Хотя в результате переселения приходили в соприкосновение народы, ранее не знакомые друг с другом, тем не менее выработанные прежде образы «соседа» и старые приемы общения с успехом могли быть использованы (так, греки не без основания составляли свое суждение о готах III в., в частности, по бастарнам и западным германцам). В начале же V в. н. э. в Центральной и на юге Восточной Европы ситуация принципиально меняется: в ткань уже достаточно спаянного и значительно «гомогенизированного» средиземноморско-варварского (в основном греко-романо-германского) мира вклиниваются в качестве господствующих элементы совершенно чуждого, до сих пор не ведомого Европе мира азиатских неиндоевропейских (прототюркских? проенисейских?) кочевников – гуннов. В результате неожиданного и чрезвычайно интенсивного столкновения германского мира с чуждым миром европейских гуннов произошло внезапное включение в ткань германских политико-идеологических

структур чуждого образа гуннского властителя.

Контакты между этими мирами сразу же оказываются настолько интенсивными, что на «осторожное» знакомство времени не хватает. Иначе говоря, в общение друг с другом вошли практически не готовые к взаимопониманию «собеседники».

Аттила – «Маленький отец народов» или «Бич Божий»?

Система организации власти у гуннов существенно отличалась от схем, привычных для европейских варваров. Управление у гуннов было, судя по всему, организовано не столько личным примером или контролем со стороны вождя-воина (как у римского императора или германского короля), сколько через посредство узкого круга приближенных к правителю лиц. Эти лица были организованы в какое-то подобие бюрократического аппарата и формально выполняли лишь хозяйственные задачи по организации быта властителя.

Вполне вероятно, в начале такая форма осуществления власти не вызывала у воинственной германской знати ничего, кроме презрения – презрения к трусости (т. е. невоинственности). Но в последней четверти IV в. последовали неожиданные и труднообъяснимые для традиционного германского сознания события – разгром готов Германариха и установление всевластия гуннских владык. Германская знать была поставлена перед необходимостью пересмотреть свое отношение к гуннской системе власти, тем более что вскоре многие германские вожди вошли в состав элиты нового политического образования – остгот Валамир, гепид Ардарих. К тому же это новое политическое образование оказалось способным не только подчинить практически все германские народы за пределами Римской империи, но и обложить данью обе части империи – Западную и Восточную. Новая жизнь создала новые вкусы, и новые ценности постепенно вошли в германскую политическую культуру.

К началу четырехсотых годов покорность аланов, остготов и исход вестготов сделали гуннов хозяевами всей зоны равнин от Урала до Карпат. Гунны, преодолев карпатские перевалы и пройдя по Валахской равнине, оккупировали Венгерскую равнину, где сделали своими подданными гепидов и вышли на правый берег Дуная.

Очевидно, в это время гунны разделились на три орды во главе с тремя предводителями, тремя братьями – Роасом, Октаром и Мундзуком. Три брата стали повелителями гуннов и правили с 425 по 434 г. В этом окружении и вырос один из величайших вождей всех времен и народов – Аттила (ок. 395–453 гг.), король гуннов.

Сотворение мифа об Аттиле началось еще в древности, с успехом продолжилось в Средние века и, похоже, не завершилось по сей день, с той лишь разницей, что современное мифотворчество выступает в виде гипотез, с большей или меньшей основательностью претендующих на научность. Исторический же Аттила малоизвестен читателям, хотя о нем и дошло до наших дней больше свидетельств современников, чем о многих исторических персонажах той эпохи.

Итак, родился Аттила где-то в долине Дуная примерно в 395 г. Будучи сыном вождя Мундзука, Аттила знал своих предков на тридцать поколений. Именно его род сохранял целостность родословной основной орды и явно тюркские черты.

Научившись ездить верхом сначала на овце, Аттила затем освоил верховую езду в совершенстве и виртуозно владел луком, пикой, арканом, мечом и кнутом – традиционным оружием своего народа, обязательным для высокородных юношей. Свою гордыню и силу он частенько выставлял напоказ, затевая рискованные охотничьи вылазки, где ловил волков и медведей сетями, а после выпускал им кишки в рукопашной, вооружившись одним лишь коротким кинжалом.

Смерть отца, вождя Мундзука, до срока оборвала крепкие узы и добрые отношения с сыном, когда тот был еще отроком. Впоследствии Аттиле довелось пострадать от злобных милостей собственных дядюшек, а особенно – наследника престола по имени Роас.

Главная ставка гуннских вождей в начале V в. находилась в степях Причерноморья.

Туда направлялись византийские посольства до 412 г. Однако переселение гуннов на берега Дуная шло неуклонно: венгерская пушта (степь) напоминала им заволжскую родину, которую к V в. гунны покинули.

Из трех братьев Роас был самым хитрым и осторожным правителем. Когда в 430 г. гунны достигли Рейна, он попытался наладить с Римом дипломатические контакты и даже давал империи свои войска для подавления багаудов в Галлии.

Поскольку война была средством существования гуннов, они сражались постоянно, как за себя, так и за тех, кто пожелал их нанять. В первом случае надо было награть как можно больше, во втором – продаться как можно дороже. Для этих наемников политические предпочтения не играли никакой роли. Кочевая жизнь не способствовала ни развитию сельского хозяйства, ни освоению ремесел. Грабеж, наемничество были их единственными источниками дохода и любимыми занятиями, которые они всегда старались совмещать.

Открыто выступив против решения Роаса отдать орду на службу чужеземцам, которых гунны, по мнению Аттилы, могли бы без труда разгромить, Аттила тем самым изменил свою юношескую биографию.

Дабы убрать с глаз долой Аттилу, Роас направил его в качестве заложника в Рим, ко двору Гонория. В обмен же, во исполнение уговора, римляне отправили в улус Роаса юношу по имени Аэций. Роас старался поддерживать максимально корректные отношения с Гонорием, императором Западной Римской империи. Искусно воздействуя из Рима на другие нации, империя прибегала к практике обмена малолетними заложниками, чтобы усилить контроль над странами, которые она хотела завлечь в неволю. Проще говоря, империя отправляла одного из своих подданных к чужакам, а те в ответ посылали одного из своих знатных отроков, дабы тот жил и учился в Риме при дворе императора.

Этот хитроумный подход являет собой мастерский образчик искусства диверсионно-подрывной дипломатии. Юные шпионы империи внедрялись в страны, удостоенные сей чести, на высших уровнях их иерархии. Стоило молодому римлянину оказаться при дворе чужой державы, как он начинал слать в империю донесения с жизненно важной для политики и войны информацией, одновременно на собственном опыте постигая обычаи, этикет и традиции хозяев. Эта двоякая стратегия заодно давала империи возможность перековать заложников, посланных к ее двору, на свой лад. Приучение их к роскоши помогало влиять на политику и культуру менее цивилизованных наций, когда повзрослевшие заложники возвращались в родные края.

Одним словом, Роас с радостью ухватился за возможность воспользоваться римской практикой, чтобы сбыть с рук молодого смутьяна. Роас считал, что имперская выучка наверняка обуздает бешеный норв Аттилы, сделав его более покладистым членом царской династии гуннов.

При дворе Гонория Аттила увидел роскошь, разврат, пороки и интриги. С ним обходились как с юным принцем, каким он в сущности и был и каким его воспринимали эти «римляне», все больше полагававшиеся на «суверенных» варваров в деле защиты и укрепления столь обветшавшей империи.

Аттила отвергал роскошные наряды, пышные прически, изысканные блюда и благоухающее жилище, полагававшиеся ему как заложнику, хотя его неискушенных сотоварищей все это весьма привлекало; Аттила безуспешно пытался воспламенить их дух, дабы те воспротивились подобным пропагандистским искушениям. Не сумев однажды бежать, Аттила перешел к пассивному сопротивлению, решив приспособиться к обстановке и вынести из этого полезное. При римском дворе он присматривался и прислушивался. И с каждым днем все больше проникался решимостью избавить мир от влияния римлян, этих загадочных христиан. Постигание внутренней и внешней политики империи давалось Аттиле необычайно легко. Он изучил принцип организации римской армии, оружие, боевые порядки, выяснил, что достойного военного флота у римлян уже нет. Все это время он приглядывал за заезжими послами, вникая в хитросплетение интриг империи, тем самым постигая искусство политики и дипломатии. Жизнь при римском дворе давалась Аттиле

крайне тяжело: тоска по соплеменникам, по родне, жажда избавить гуннов от службы чужестранцам, которых они могут разгромить без труда, стоит им только объединиться.

Азиатская добродетель долготерпения на славу послужила отроку, отправленному заложником ко двору Гонория. Он нашел опору в стоицизме и непоколебимой уверенности. Он постиг, что куда важнее достичь конечной цели, нежели понукать события, чтобы они разыгрались до срока. И посему вознамерился развить личные способности, сулившие ему успех, когда он всерьез вознамерится взойти на престол царства гуннов. Именно в Риме Аттила замыслил стратегию покорения вселенной, дотошно разработав ее во всех деталях: чрезвычайно четкий план ничуть не походил на прожект невежественного кочевника.

По возвращении на родину Аттила не ринулся очертя голову захватывать трон. Тщательно спланировав каждый шаг, он терпеливо ждал, понимая, что его познания правителя и умение повелевать должны сперва созреть, как бы не жгла его жажда взять бразды правления.

Роас поручает ему объезд соседних дунайских племен, с целью внушения другим гуннским вождям, что Роас среди них – самый главный. Следовало уважать «независимость» вождей, но при этом убедить их признать Роаса и его преемников – а значит, и самого Аттилу – верховным вождем, кем-то вроде императора. То маня пряником, то грозя кнутом, рассыпая подарки вперемену с угрозами, понимая, что, работая на Роаса, он работает на самого себя, Аттила блестяще справился с поручением, о чем стало известно обоим императорам и Аэцию, с которым у Аттилы сложились относительно дружеские отношения.

По свидетельству современников, Аттила знал греческий и латинский, причем греческим языком владел лучше. Это позволило ему стать естественным посредником дяди во всех переговорах с Западной и Восточной империями. К тому же он располагал и личными связями. Теперь Аттила причастен к власти, которую уже можно назвать имперской.

Политика Аттилы определилась быстро: на западе относиться лояльно к империи, пока Аэций будет там заметной фигурой, на востоке – по мере возможности запугивать глуповатого императора Феодосия II, расстраивать его примитивные козни и пользоваться его бездарностью и слабостью.

В 423 г., после смерти императора Западной Римской империи Гонория, Аэций попросил у Роаса войска для поддержки Иоанна Узурпатора. Аттила посодействовал в этом вопросе, и просьба была удовлетворена. Большинство историков сходятся во мнении, что предоставленная армия гуннов и их союзников насчитывала от пятидесяти до шестидесяти тысяч воинов. Одним словом, Аттила не только вышел на международную арену, но и прошел серьезную школу, предшествовавшую созданию империи гуннов.

Когда же момент настал, Аттила взял власть в свои руки: он был уже готов во всеоружии встретить любую проблему и сопротивление, подстерегавшие его как короля. Обескуражить или заставить свернуть его с полпути было попросту невозможно. Он был готов идти на риск, готов сплотить гуннов, дабы те в едином порыве взойшли к вершинам. Ни на йоту не растратив своего несокрушимого упорства и жажды занять престол, он наконец-то добился своего. Час пробил! В 434 г. умер Роас, и власть перешла к Аттиле и его брату Бледе.

Бледа получил в наследство большую часть земли гуннов. Аттила же, любя войну, страстно желал объединить под своей властью всех гуннов и собрать воедино все народы, подчиненные им, для покорения мира. Свое восхождение к власти Аттила начал с укрепления связей с племенными вождями. Изрядная часть этих знакомств налаживалась благодаря многочисленным вылазкам Аттилы на охоту по гуннским территориям. Преданность этих вождей он завоевывал, взывая к их чувствам – будя воинские инстинкты и дразня аппетиты доступной славой и легкой, богатой добычей.

Образ жизни гуннов складывался в условиях вечной неопределенности, дух их воспламенялся сражением, добычей или кочевкой на новое место. На самом деле рамки поведения им задавала только природа и прихоти судьбы, а высокий дух проистекал из

неизменно воинственного настроя. Аттиле, как царю гуннов, требовалось насадить новые принципы морали и дисциплины, способные сплотить варварские племена и сами по себе и между собой. Мир в стойбищах принесет лишь новообретенное националистическое сознание. Задача Аттиле предстояла не из легких!

Согласно исторической версии, Аттила стал королем племени, обитавшего в долине Дуная, после случайной гибели своего брата Бледы на охоте. Придания гуннов толковали его восхождение куда романтичнее: по смерти Бледы старейшины племени, собравшиеся на тризну, заспорили о том, кто теперь должен стать их королем, и тут прибежал отрок с вестью, что посреди ближнего луга появился огненный меч. Последовав за ним на луг, вожди с благоговейным трепетом узрели, как пламенный меч сам вспрыгнул на протянутую ладонь Аттилы. Сработав меч был столь искусно, что изготовить его могло только божество: то было знамение, «Меч Божий». Уж наверняка он был послан, дабы положить конец спорам, подтвердив, что королем надлежит избрать Аттилу. Его великие замыслы получили подпитку свыше посредством меча Марса, который короли скифов считали священным.

Став повелителем царского племени, Аттила взялся за объединение остальных неистово независимых племен в единую нацию гуннов. В хрониках описывается, что он целыми днями просиживал перед своим шатром, толкую с племенными вождями, чтобы заручиться их верностью плану объединения. Мятежных вождей Аттила, недолго думая, казнил. Боязнь сказать ему хоть слово поперек стала настолько явной, что один стареющий вождь отговорился от личной встречи с царем Аттилой, сказав: «Глаза мои чересчур слабы, чтобы взирать на солнце, где уж им вынести светозарный блеск завоевателя». Аттила понял и принял сию искусную лесть без возражений.

В сознании европейцев сформировался образ Аттилы как самого яркого правителя гуннов. Столкновение западного сознания с чуждым для него феноменом правителя, управляющего подчиненными не только привычными для них методами, но и через различные административные структуры (например, с помощью двора), вызвало рождение новой реальности, которая была привнесена из глубин совершенно иного культурного круга – степей Зауралья и Центральной Азии.

В противовес общепринятой традиции, которая хранит лишь гуннские жестокости, есть немало историков, склонных говорить об Аттиле как о славном герое гуннов. В этой связи следует остановиться на античных хрониках, хрониках венгров, германцев и других народов. Можно вспомнить эпические поэмы, в частности бургундские, близкие «Нибелунгам»: «Песнь бургундских королей при дворе Аттилы», «Смерть Аттилы», – в которых восхваляется добрый правитель по имени Атти. В Альзасе есть цикл святой Одили, принцессы франкского происхождения (кстати, часть франков были союзниками Аттилы), где изображены ее отец Этельрик (возможный вариант имен Атти и Этти), ее кузина святая Хунна, ее муж Хунно, а все действия происходят в городе Хуннавир.

Загадочно звучит имя «Аттила», в котором пытались найти тюркское название Волги – Этиль или Итиль. Мог ли этот легендарный персонаж носить германо-тюркское имя с пан-тюркским корнем «ата», что значит «отец», и германским уменьшительным суффиксом «ила»? Если принять эту гипотезу, тогда Аттила означает «маленький отец народов». Но как «Бич Божий» – именно в таком образе он запечатлен в некоторых культурах мира.

Античные историки описывают Аттилу как невысокого, широкоплечего, с темными волосами, плоским носом и редкой бородой. Узкие глаза смотрели так пронзительно, что все подходившие к нему дрожали, ощущая реальную силу. Страшный в гневе и беспощадный к врагам, он был милостив к своим соратникам. Гунны верили в его таланты и отвагу, поэтому под его властью объединялись все племена от Волги до Рейна. Под его знаменем сражались кроме тюркского ядра – гуннов – остготы, гепиды, тюринги, герулы, турклинги, руги, акациры, а также много римлян и греков, предпочитавших справедливость гуннского царя произволу и корысти цивилизованных римских чиновников.

Хотя властью своей он пользовался на славу, прочие атрибуты нового положения его отнюдь не прельщали. Восседавая на деревянном троне в деревянном дворце, Аттила даже для

еды и питья использовал незатейливую деревянную утварь. Платье его и отдаленно не напоминало пышные одеяния римских правителей: он предпочитал меховую куртку и черную кожаную шапку, нахлобученную до бровей.

Войско перевозило Аттилу до небес. На его вступление в стойбище какого-нибудь племени стоило полюбоваться. Женщины, дети и воины выстраивались вдоль тропы, криками восхваляя его. Когда же он проезжал мимо, женщины подносили ему еду. Аттила принимал дары с достоинством и пробовал угощение, не покидая седла своего великолепного черного коня Виллама (Молния).

Его правление гуннами было отмечено скорым, но вдумчивым судом. Он никогда не действовал второпях. Аттила наделил гуннов общенациональной целью: подчинить себе германцев и славян, завоевать Рим и Константинополь, пройти через всю Азию, а затем в Африку – тогда гунны будут править всеми землями на севере, юге, востоке и западе. Аттила воистину будет править вселенной. Амбициозный план Аттилы был вдохновлен отроческими мечтами, но окончательную форму ему придал юношеский опыт. И Аттила методично осуществлял его шаг за шагом. Он действовал терпеливо, с неослабной хваткой азиата, наделенного вдобавок политической прозорливостью человека, прислушивающегося и присматривающегося к происходящему, терпеливо поджидая тот единственный момент, когда надлежит перейти к действию.

Этот человек родился в мир для потрясения народов и внушения страха всему миру. Завоевания гуннов под его началом вошли в легенды. Исполнял свой план Аттила просто мастерски. Его рать, численность которой у многих исследователей достигала 700 тыс. воинов, представляла собой скопление варваров, но объединенных общей целью, дисциплинированных и преисполненных высоким боевым духом.

Гунны были исключительно свободными людьми и гордились этим. Существовала только военная иерархия, причем постоянно, а не только во время походов, – того требовала необходимость нападать и обороняться. «Суверенные вожди» являлись главнокомандующими, министры были одновременно и военачальниками, вожди племенных союзов возглавляли войска, а их командиры сочетали военные функции с гражданскими.

Каждый гунн был по определению воином, независимо от того, занимался ли он ремеслом или сельским хозяйством. Оседлый гунн держал оружие наготове, а кочевник вообще никогда с ним не расставался. По первому сигналу тревоги гунны бросали все, а женщин, детей и стариков везли с собой в кибитках. Моногамия не была абсолютной и сосуществовала с полигамией.

Гунны не дорого ценили жизнь. Вопреки мнению историков классического периода, а также Мишле и Рамбо, Аттила берег жизни не только своих воинов, но и других подданных. Он предпочитал демонстрировать своему народу силу, нежели пользоваться ею, запугивать, а не убивать. Умереть ради славы – вот истинная доблесть. Неверие в загробную жизнь не охлаждало пыл воинов, напротив, оно являлось источником отваги гуннов.

Наставал великий период в истории гуннов. Аттила начинал свои завоевания. Он задумал покорить две первые нации в мире – римлян и вестготов. Но прежде надо было определить границы Гуннской империи. И Аттила сам определил границы империи, которую считал своей по праву на момент прихода к власти. Для признания своей земли было достаточно, чтобы на ней имелось поселение гуннов или через нее пролегал путь гуннских переселенцев. Его империя простиралась от Уральских гор и Каспийского моря до Дуная. На юге ее естественными границами были Кавказ, Азовское и Черное моря, Карпаты. Территория современной Венгрии рассматривалась Аттилой как неотъемлемая часть его империи. На севере естественных границ не имелось. Граница его империи была искусственной, выдуманной и даже иллюзорной, тем не менее надо было принимать решения и закреплять земли, чтобы никто не приходил сюда без его ведома, не жил здесь не по его законам. Одним словом, Аттила определил границы, теперь нужно было поддерживать порядок в империи и обеспечивать ее защиту. Следует отметить, что Аттила не питал ни малейших иллюзий насчет реальности своей империи, ее единства и

сплоченности, размеров подвластных ему территорий и лояльности тех, кого он называл своими подданными. Насколько же трезво Аттила оценивал силу власти императоров Восточной и Западной Римских империй? Аттила в бытность свою при дворе Гонория научился отличать видимость от реальности. Он знал, что огромная территория империи стала, в конце концов, причиной раздела ее на две части, каждая из которых оставалась слишком большой, чтобы в ней можно было установить прочный порядок. Императоров обеих империй Аттила считал номинальными, а потому не видел причин, по которым нельзя было бы ему стать императором, великим императором: он считал, что был способен не только стать полновластным господином своей империи, но и захватить обе Римские империи. Империй, по крайней мере официально, становилось теперь четыре: Западная Римская, Восточная Римская, Китайская и Гуннская.

Двор Аттилы. Внешняя политика

Наиболее интересные, на наш взгляд, сведения о дворе Аттилы, придворной жизни, внешних отношениях имеются в сохранившихся хрониках Приска Панийского (V в.), Иордана (VI в.), Пьерри (VI в.).

Ученый грек Приск, лично посещавший двор гуннского правителя, оставил нам подробное описание ставки Аттилы и жизни в ней. Образ Аттилы у Приска основан на личных впечатлениях от общения с Аттилой и, что важно отметить, от общения с его в значительной степени германским окружением. Поэтому в образе Аттилы у Приска реальный исторический Аттила как бы преломлен в призме греко-римского и германского мировосприятия того времени. Не менее интересные сведения оставили и византийские послы Феодосия II.

Резиденция Аттилы находилась за Дунаем, на территории современной Венгрии. Дворец Аттилы, построенный на холме, возвышался над всем городком и издали привлекал взоры своими огромными башнями, поднимавшимися к небу. Дворец окружала территория, где находилось несколько дворцов: самого императора, его любимой жены Керки, некоторых из его сыновей и, вероятно, также жилище его придворных. Двор был окружен деревянной стеной, здания были также деревянные.

Кстати, Аттиле приписывали невероятное количество жен. Приск писал, что им несть числа, а вестгот Иордан, бывший епископом и занявшийся историей Аттилы, утверждал, что тот «имел несметное количество жен», а «чада его – что народ целый». Другие древние источники сообщали о трехстах женах и более чем тысяче двухстах детей. Весьма лестный отзыв о мужской силе гуннов, но едва ли этому примеру следовали в массовом порядке.

Аттила, будучи еще наследным принцем, женился около 413 г. на дочери вождя племени. Возможно, ее звали Энга. Она, видимо, имела статус наследной принцессы и родила сына Эллака, которого Аттила любил больше других. Но она умерла. Около 421 г. Аттила женился на гуннской княжне. Звали ее Керка. Став королем гуннов, он сделал ее королевой. Керка была, видимо, единственной из всех жен, которую Аттила допускал к участию в своей политической деятельности. Керка родила двоих сыновей и нескольких дочерей. Сыновья получили титул «правителей», что обеспечивало им статус королевских наследников, принцев, допущенных к государственным делам.

«Случайные» жены – предмет внезапной страсти – могли претендовать только на совместную трапезу и проживали в некоем подобии серала вблизи королевской резиденции, удовлетворяя сиюминутные прихоти повелителя. Содержались они за счет казны, а дети их могли рассчитывать на высокое положение, если не были совсем бездарны. Тем не менее единственной «женщиной всей жизни» Аттилы была Керка, и никто не мог занять ее место.

Однако обратимся вновь к описанию ставки гуннского короля. Дворец Аттилы был обшит удивительно гладко выструганными и так правильно между собой подогнанными досками, что казалось, они были сделаны из одного цельного дерева.

Дворец императрицы, архитектуры более легкой и красивой, со всех сторон был

украшен рельефными изображениями и резными фигурами, не лишенными грации. Его кровля поддерживалась искусно отделанными столбами, между которыми находился ряд выточенных арок, прикрепленных к вершинам маленьких колонн, образующих нечто вроде аркады.

На некотором расстоянии от главного дворца находился дом министра Аттилы Онегеца, окруженный также оградой и построенный, как и прочие здания, только попроще.

Онегез был греком, как видно из самого его имени, но воспитание получил у гуннов и занимал в Гуннской империи после Аттилы первое место как по своей силе, так и по богатству. Этой высочайшей степенью могущества, перед которой безропотно преклоняются исконные гунны, Онегез обязан был храбрости на поле брани, искренности в советах и той твердости, с которой боролся как против насильственных решений, так и против дурных наклонностей Аттилы. Он был для римлян лучшим заступником перед Аттилою, и не из личного интереса или вследствие отдаленного воспоминания о своем происхождении, но по чувству справедливости, по врожденной привязанности ко всему, что носило на себе печать цивилизации. Гуннский король, столь самовластный, столь раздражительный, уступал этому характеру, твердому в самой его мягкости; Онегез сделался его неизменным советником, и ему же Аттила поручил воинское образование и заботу о своем старшем сыне, Эллаке.

С Онегезом связано появление римских терм на территории гуннской ставки. Одна особенность обращала на себя внимание чужеземцев: в этой стране, где не только не было камней для постройки домов, но даже чувствовался недостаток и в дереве и где надо было издалека привозить материалы для зданий, Онегез выстроил баню именно по образцу римских терм. Вот история этой бани, как изложена она была византийскими послами: «В числе пленников, выведенных гуннами из разграбленного Сирмия, находился один архитектор, которого Онегез взял себе в качестве военного трофея. Министр Аттилы, будучи родом грек, пришел к гуннам еще молодым и привнес с собой, в частности, и любовь к баням в римском вкусе. Взяв не золото и драгоценности, а именно архитектора как часть добычи, он хотел приобрести в нем человека, который был бы искусен в строительном деле и мог бы тем самым служить ему. Пленник, прилагая все свое старание, думал таким образом ускорить минуту, когда спадут наконец с него оковы. Он ревностно принялся за работу: из Паннонии были привезены камни; устроены были печи, купальни, мыльни. Но когда все было профессионально сделано, архитектор остался при дворе».

Аттила любил пышные церемониалы. Вот, к примеру, церемония въезда Аттилы в столицу своей империи и как эту встречу, по свидетельству хронистов, обставлял Онегез.

Аттилу встречала процессия, состоявшая из женщин города. Выстроившись в два ряда, они держали над головами переброшенные с одного ряда на другой белые покрывала во всю их длину, под которыми проходили группами молодые девушки, по семи в ряд, и пели стихи, составленные в честь Аттилы. Все они направлялись ко дворцу, мимо дома Онегеца. У ограды стояла жена министра, окруженная толпой прислужниц, которые держали в руках блюдо с мясом и кубок, наполненный вином. Когда подъехал Аттила, она подошла к нему и попросила откусать яств, для него приготовленных. Благосклонным знаком Аттила выразил свое согласие; это было величайшим благоволением, какое только мог оказать гуннский император своим подданным. Тотчас же четверо сильных мужчин подняли серебряный стол в уровень с лошадьёю, и Аттила, не сходя с коня, откусал всех блюд, выпил чашу с вином и потом вступил в свой дворец. В отсутствие мужа, который, по возвращении из дальнего путешествия, потребован был к Аттиле, жена Онегеца пригласила византийских послов к себе на ужин вместе с гуннскими вельможами, которые почти все были ей родственники.

Что касается глав посольских миссий, то они получали распоряжение относительно своего размещения: устанавливать свои палатки в том месте, которое было близко к дому министра и к императорскому дворцу.

Максимин, глава византийской посольской миссии, сгорал от нетерпения увидеться с Онегезом, чтобы сообщить ему инструкции от Феодосия II, кроме того, он надеялся при помощи этого всемогущего вельможи решить проблемы, которые должны были возникнуть

при исполнении этого поручения. Он почти не спал и, как только забрезжил рассвет, отправил своего секретаря Приска к министру с подарками. Ограда была заперта; слуг не было видно, и Приск должен был ждать. Отдав подарки на сохранение посольским служителям, он решил прогуляться.

Тогда-то и состоялась любопытная встреча, позволяющая читателям получить представление о положении подданных в Гуннской и Римской империях.

Эта встреча описана в сочинении Приска, и мы остановимся на ней подробнее.

Так вот, когда Приск сделал несколько шагов, кто-то, прогуливавшийся так же, как и он, поравнялся с ним и обратился к нему на весьма чистом греческом языке. Услышать греческую речь в царстве Аттилы, где обыкновенно употреблялись языки гуннский, готский и латинский, и то при торговых делах, – это было неожиданностью, которая поразила Приска. Единственные греки, с которыми он мог ожидать встречи, были пленники из Фракии или приморской Иллирии, люди жалкие, которых легко было узнать по их длинным, растрепанным волосам, тогда как человек, заговоривший с Приском, был совсем не таков: голова у него была обрита кругом, и на нем была гуннская одежда, какую носят только богатые сословия. Эти мысли промелькнули, как молния, в голове Приска, и, чтобы узнать, что это за человек, после взаимного приветствия он спросил его: из какой страны света прибыл он сюда жить варварскою жизнью среди гуннов?

«Почему ты меня об этом спрашиваешь?» – сказал незнакомец.

«Потому что ты слишком хорошо говоришь по-гречески», – засмеялся Приск.

«Действительно, я грек, – сказал он. – У меня была обширная торговля в Виминации, в Мизии, и я женат был там на богатой девушке. Жил счастливо, но война разрушила мое счастье. Так как я был богат, то и сделался вместе со своим достоянием добычей Онегеца, потому что – тебе, конечно, известно это – вожди гуннов имеют привилегию брать себе богатейших пленников. Мой новый господин водил меня с собой на войну; я бился мужественно и возвращался с добычею. Я дрался с римлянами, дрался с акатцирами и, приобретя достаточное количество добычи, принес ее моему господину – варвару и, в силу скифских законов, получил свободу. После этого я стал гунном, женился на женщине варварского племени и прижил с нею детей. Я сотрапезник Онегеца и, взяв все во внимание, мое настоящее положение могу считать даже лучше моего прошедшего.

О, да, – продолжал этот человек после минутного молчания, – закончив раз и навсегда военные труды, среди гуннов можно вести совершенно беззаботную жизнь: что каждый нажил для себя, тем и пользуется мирно, никто не обременяет его ничем, ничто не возмущает его спокойствия. Война нас поит и кормит, а тех, которые живут под управлением римлян, война разоряет и губит. Римский подданный ставится в необходимость поручать другим охрану своей безопасности, потому что жестокий закон не позволяет ему носить необходимого для собственной защиты оружия, а те, которым то позволено, как ни храбры, войну ведут плохо, потому что связаны сколько незнанием, столько же и трусостью своих вождей. Но несчастья вой ны ничего не значат для римлян в сравнении с теми бедствиями, которые терпят они во время мира, потому что тогда являются во всей силе и жестокости налоги, и конфискации, и угнетения вельмож. Да и как быть иначе? Законы не для всех одни. Если богатый или сильный нарушает их, то он делает это безнаказанно; а бедный, а человек, который не знает судебных формальностей, – о! такого человека наказание не заставит ждать себя, если только он, измученный, разоренный бесконечной тяжбой, не умрет от отчаяния прежде, нежели будет произнесен приговор. Не иметь возможности получить законного удовлетворения иначе, как только посредством денег – это, по моему мнению, верх несправедливости. Какую бы вам обиду ни сделали, вы не можете ни обратиться к суду, ни требовать у судьбы решения дела, не отдавши за это приготовленной наперед суммы денег, чтобы задобрить судью и его свиту».

Отступник римской цивилизации долго говорил в этом тоне и проповедовал свои убеждения с жаром, который часто придавал ему вид адвоката, ратующего за самого себя. Когда он, по-видимому, сказал уже все, Приск попросил его в свою очередь дать ему сказать

несколько слов и терпеливо его выслушать. «По моему мнению, – начал он, – основатели римского государства были люди мудрые и предусмотрительные: чтобы каждый хорошо знал свое дело, они учредили, с одной стороны, стражей закона, с другой – стражей общественной безопасности. Не имея никакого иного занятия в мире, кроме упражнения в искусстве владеть оружием, воевать и драться, эти последние образовали собою превосходный класс людей, назначение которого составляет защита других. Законодатели наши учредили сверх того еще третий класс – это класс поселян, которые возделывают землю; требование, чтобы этот класс вносил военные подати для содержания своих защитников, совершенно справедливо. Это еще не все: они учредили блюстителей правды и права в пользу слабых и бессильных, то есть юридических защитников для тех, которые не умеют защищать сами себя. После этого что же незаконного в том, если судья и адвокат получают плату от истца точно так же, как солдат от земледельца? Кто пользуется услугами, естественно, обязан давать жалованье тому, кто служит ему, – услуга за услугу. Всадник покупает лошадь, пастух – быков, охотник – собак, и каждый заботится о своей покупке. Если есть плохие истцы, которые разоряются на процессы, то тем хуже для них; а что касается до продолжительности судопроизводства, то она зависит большей частью от того, что необходимо разъяснять дело, а это делается не скоро, и все-таки хорошее решение дела, которого надо было долго ждать, лучше дурного, произнесенного вдруг, необдуманно. Отважиться на несправедливость – значит не только вредить людям, но и оскорблять Бога, источника всякой правды. Законы обнародуются, их знают или, по крайней мере, могут знать все; им повинуется сам император. Твоя жалоба на безнаказанность вельмож отчасти справедлива, но она удобоприложима ко всем народам; с другой стороны, и бедняк может избежать наказания, если не найдется удовлетворительных доказательств его виновности. Ты радуешься, что дарована тебе свобода: за это благодари судьбу, а не своего господина. Отправляя тебя на войну – человека гражданского, он подвергал тебя опасности быть убитым или – если бы ты вздумал убежать – сам убил бы тебя. У римлян нет такой жестокости; их законы ограждают раба от излишней суровости господина; они обеспечивают ему пользование приобретенным имуществом и потому отпускают его на волю, возвышают до состояния людей свободных, тогда как здесь за малейший проступок грозит смерть».

Этот возвышенный взгляд на цивилизацию, эта картина различных родов защиты, которые окружают человека в благоустроенных государствах, казалось, глубоко тронули собеседника Приска; строя софизмы на софизмах, он, вероятно, старался только заглушить в душе некоторые угрызения совести и изгладить из сердца кой-какие сожаления. На глазах у него навернулись слезы, и затем он сказал: «Законы римлян хороши, их государственный порядок также хорошо устроен, но дурные начальники колеблют и разрушают его».

Онегез был искренне предан своему повелителю, подтверждением тому описание Приском беседы Онегеза с византийским послом Максиминим. Что касается внешней политики, то Аттила сначала строил ее на паритетных началах, а затем с явным превосходством: он хотел выгодных союзов и выполняемых обещаний. Ведение в этом духе дипломатических дел Аттила зачастую поручал Онегезу. Максимин убеждал Онегеза в том, что гуннам легко можно было бы заключить с византийцами прочный мир – мир, честь которого принадлежала бы исключительно его (Онегеза) благоразумию, что огромная польза, которую гуннский министр принес бы обоим народам, пролила бы на него и на его детей вечные благоденствия императора и всей его фамилии. «Каким же образом, – наивно спросил Онегез, – мог бы я удостоиться такой чести и как могу я быть таким самовластным миротворцем между вами и нами?» «Для того нужно только рассмотреть внимательнее, – отвечал посол, – все пункты, которые нас разделяют, все условия договоров, и взвесить все со свойственным тебе беспристрастием. Император будет совершенно согласен с твоим решением». «Но, – возразил Онегез, – это не относится к роли посланника, и если б я был таким, то руководился бы только одним правилом, приказаниями моего государя. Уж не надеются ли византийцы склонить меня своими просьбами к измене? Не думают ли они заставить меня обратить в ничто все мое прошедшее, всю мою жизнь, проведенную среди

гуннов, забыть моих жен и детей, родившихся от них? В таком случае они очень ошибаются. Даже рабство у Аттилы было бы для меня приятнее, нежели почести и богатство в их империи». Эти слова, сказанные спокойным, но решительным тоном, не допускали более никакого возражения. Онегез, как бы желая смягчить суровость сказанного им, поспешно прибавил, что он был более полезен для римлян, находясь при Аттиле, а именно тем, что нередко укрощал его раздражительность.

Между тем на площади перед дворцом прогуливались послы других миссий в ожидании аудиенции или у самого Аттилы, или у его министра; они могли уходить, приходить, все рассматривать; им не мешал ни один страж. Здесь был и граф Ромул с товарищами по посольству, прибывшими в то же время из Рима от Валентиниана III; они прохаживались вместе с двумя секретарями Аттилы, Констанцием и Констанциолом, которые были паннонцы, и с Рустичием, который еще прежде явился с посольством Восточной империи, надеясь определиться в качестве писца в канцелярию гуннского императора.

В то время ничто не могло склонить Аттилу в пользу Западной империи: ему непременно нужно было получить или сирмийские сосуды, или ростовщика Сильвана. А дело было в следующем. При разрушении гуннами Сирмии один из секретарей Аттилы скрыл священные золотые сосуды и продал их в Италию Сильвану; Аттила, узнав о том, потребовал выдачи или вещей, или их владельца, и для успокоения Аттилы Валентиниан III отправил это посольство. Многие из присутствовавших жаловались на такое безрассудное упрямство варварского короля; тогда Ромул, которого все и всегда охотно слушали, как мужа, опытного в государственных делах, со вздохом сказал: «Да, удачи и могущество до того избаловали этого человека, что он не слушает и справедливых объяснений, если они ему не нравятся. Но надобно согласиться, что ни в Скифии, ни в другом каком-либо месте никто и никогда не совершал более великих дел в такое непродолжительное время: ставши обладателем всей Скифии, до островов океана, он сделал нас своими данниками, но теперь вот строит еще дальнейшие планы: хочет завоевать Персию». «Персию! – прервал один из присутствующих, – да каким же путем пройдет он из Скифии в Персию?» «Самым кратчайшим, – отвечал Ромул. – Мидийские горы недалеко от последних пределов гуннов; они знают это очень хорошо. Однажды, во время свирепствовавшего у них голода, так как нельзя было им получать хлеба из Римской империи, потому что в то время вели они войну с нею, двое из гуннских вождей попытались добыть себе хлеба из Азии. Углубившись в пустыню, они достигли топей, которые, по моему мнению, составляют Меотийское болото; потом, после пятнадцати дней ходьбы, прибыли к подошве высоких гор, перешли их и увидели себя в Мидии. Страна была плодородна; гунны занялись уже жатвой и собрали огромную добычу, как в один день пришли персы и своими стрелами затмили небо. Гунны, захваченные врасплох, бросили все на месте и, отступая назад долгой дорогой, увидели, что и новый путь привел их также на родину. Теперь предположите, что Аттиле пришла бы мысль возобновить этот поход: победить мидян и персов ему не будет стоить ни больших трудов, ни продолжительного времени, потому что ни один народ в свете не может противостоять его войскам». Римляне с любопытством, смешанным со страхом, следили за рассказом Ромула, посетившего столько стран и принимавшего участие в стольких событиях. Один из собеседников выразил желание, чтобы Аттила поскорее пустился в эту отдаленную войну и дал отдохнуть Римской империи. «Надобно опасаться, – сказал Констанциол, – чтобы, покоривши персов – а это будет нетрудно для него, – он не возвратился к нам, и уже не как друг, а как повелитель. Теперь он довольствуется золотом, которое мы даем ему как жалованье по его званию римского полководца; а когда покорит он Персию и Римская империя останется пред ним одна, неужели вы думаете, что тогда он пощадит ее? Ему уже и теперь досажен этот титул римского полководца, который мы ему даем, отказывая в титуле короля, и многие слышали, как он громко и с негодованием говорил, что у него есть рабы, которые стоят римских полководцев, а его полководцы стоят императоров». Этот разговор, в котором представители цивилизованного мира делились друг с другом своими мрачными

предчувствиями, но, тем не менее, наперебой возвышали того, в чьих руках находилась гибель их отечества, был внезапно прерван. Подошел Онегез и объявил, что Аттила с этих пор будет принимать в качестве послов только трех сановников, и перечислил их имена. Послы заметили, что назначать таким образом известных лиц значило бы приводить их в подозрение у императора; Онегез отвечал на это коротко: «Это необходимо, а не то – война!» Таков был дипломатический язык гуннов.

Однако церемониал соблюдался. По случаю прибытия дипломатических миссий, как правило, устраивалось пиршество.

Зала пиршества была огромная, уставленная кругом стульями и маленькими столами, придвинутыми один к другому; за каждым столом могли усесться четыре или пять человек. Посередине возвышались подмости, на которых стояли стол для Аттилы и ложе. На некотором расстоянии позади находилось другое ложе, убранное, как и первое, белой тканью и разноцветными коврами и похожее на ложе, используемое в Греции и Риме на брачных церемониях.

Как только вошли послы, кравчие подали им кубки, наполненные вином, которые они должны были выпить за здоровье Аттилы, это был ритуал, который непременно должен был исполнить всякий, прежде чем займет свое место.

Почетное ложе, поставленное вправо от подмосток, занято было Онегезом, а напротив него сидели двое сыновей Аттилы. Послы были усажены за стол, который стоял на левой стороне, т. е. был второй по значимости, и здесь высшее между ними место занимал один гунн знаменитого рода, по имени Берик, пользовавшийся большим уважением и обладавший множеством селений в Гуннии.

Эллак, старший сын Аттилы, занял место на отцовском ложе, но значительно ниже его, он сидел с опущенными глазами и в течение обеда держал себя чрезвычайно почтительно и скромно.

Когда все уселись, кравчий подал Аттиле кубок, полный вина, и он выпил его за здоровье одного почетного гостя, который тотчас же встал, взял также кубок из рук кравчего, стоявшего позади, и взаимно приветствовал Аттилу.

Затем следовала очередь послов, которые, также с кубками в руках, отвечали на императорское приветствие. Все гости были приветствованы один за другим, в порядке их сана, и ответствовали тем же; позади каждого стоял кравчий с кубком в руке.

По окончании приветствий вошли столовые прислужники с блюдами, наполненными мясом, и расставили их по столам; на стол Аттилы ставились блюда деревянные, и кубок его тоже был деревянный, тогда как гостям и хлеб, и различные кушанья подавались на серебряных блюдах, и их кубки были или серебряные, или золотые.

Гости брали кому сколько угодно с блюд, стоявших далее. После первого кушанья опять явились кравчие, снова начались приветствия, с той же церемонией по местам, начиная с первого до последнего. За вторым блюдом, состоявшим из разнородных яств, следовало третье приветствие кубками, во время которого гости, бывшие уже навеселе, опустошали свои кубки как нельзя добросовестнее.

К вечеру, когда зажжены были факелы, вошли два поэта и на гуннском языке начали петь перед Аттилой стихи своего сочинения, в которых прославлялись его воинские доблести и победы. Их песни привели слушателей в восторг, доходивший до иступления: глаза гуннов разгорались, лица принимали страшное выражение, многие плакали, очевидно, молодые – от жажды новых битв, старцы – от сожаления о прошлых. Эти гуннские Тиртеи были сменены шутом, кривляния и дурачества которого в одну минуту заставили гостей перейти к шумной веселости. При этом Аттила оставался важным и неподвижным: ни один мускул на его лице, ни один жест, ни один звук не обнаруживал в нем ни малейшего внутреннего движения. Только когда самый младший из его сыновей, Эрнак, вошел и приблизился к нему, то в глазах его блеснул луч нежности; взяв дитя ласково за щеку, он привлек его к своему ложу. Удивленный такой внезапной переменой в лице Аттилы, один из послов наклонился к одному из своих соседей-гуннов, говорившему немного по-латыни, и

спросил его на ухо: вследствие чего этот человек, будучи холоден к другим детям, так ласков с этим ребенком. «Я охотно объясню это тебе, только обещаешь сохранить в тайне, – отвечал гунн. – Гадатели предсказали королю, что его поколение прекратится в прочих детях, а Эрнак продолжит его. Вот причина такой нежности: он любит в этом ребенке единственную надежду на потомство».

В эту минуту вошел мавр Зеркон, и вдруг вся зала огласилась хохотом и стуком, которые, казалось, способны были поколебать ее. Мавр Зеркон, карлик, горбатый, кривоногий, курносый или, точнее, вовсе безносый, заика и идиот, скитался уже лет двадцать из одного конца света в другой и переходил от одного господина к другому, как самый редкий необычайный предмет, какой только можно придумать для забавы.

Гости продолжали пировать до утра.

Между тем послы, не получившие ни аудиенции, ни какого-нибудь удовлетворительного ответа, теряли понапрасну время. Они просили уже позволения возвратиться домой, но Аттила, не отказывая прямо в том, продолжал задерживать их под различными предлогами.

В свою очередь императрица Керка также развлекала послов, пригласив их в дом министра своего двора «на великолепное и весьма веселое пиршество», на котором гости, несмотря на свою римскую важность, принуждены были пить и обниматься со всеми.

Второй ужин, данный Аттилою, повторял весь церемониал первого, только Аттила держался несколько проще. Весьма часто, и чего прежде не было, он обращался к Максимино и между многим другим рекомендовал ему устроить брак паннонца Констанция, своего секретаря. Этот человек за несколько лет перед тем был отправлен Аттилою в Константинополь в качестве толмача, причисленного к посольству. Он был предметом внимания всего двора, рассчитывавшего склонить его на свою сторону; и в самом деле, Констанций предлагал свои услуги для поддержания мира с гуннами, но с условием если Феодосий II даст слово выдать за него какую-нибудь богатую наследницу из своих подданных. Феодосий, которому подобного рода подарки ничего не стоили, предложил ему немедленно руку одной сироты, дочери бывшего начальника телохранителей, который был обвинен императрицей Атенайдой в заговоре и казнен. Молодая девушка, содержащаяся под стражей в укрепленном месте, с величайшим отвращением узнала, какая ожидает ее участь, и, решившись во что бы то ни стало избавиться от того, допустила похитить себя командовавшему войсками на востоке. Аттила, взбешенный при этом известии, отправил резкое письмо Феодосию II, говоря, что если он сам не имеет силы заставить повиноваться, то он ему придет на помощь в этом. Но разрыв был предупрежден тем, что Констанцию обещана была другая жена. Это-то последнее обстоятельство и напоминал Аттила Максимино в разговоре с ним. «Неприлично будет, – говорил он послу через переводчика, – Феодосию смеяться над доверчивостью Констанция: ложь унизит достоинство императора». Эти слова он заключил, как будто бы желая представить Максимино самый решительный довод и убедительный аргумент: «Если брак состоится, я разделю приданое со своим секретарем». Вот как обдeldывались дела при дворе императора гуннов.

Наконец Аттила, выведав у послов все, что ему было нужно, позволил им возвратиться на родину, так как их присутствие не представляло уже для него интереса.

Война с Восточной Римской империей

Еще в бытность правителя гуннов Роаса Аттила разработал свою первую имперскую программу, с учетом собственного опыта поездок, встреч и переговоров. У него были виды на обе Римские империи (время, проведенное в почетных заложниках, не прошло зря), но особенно на территории Западной Римской империи, управляемые из Равенны, и дунайские земли, находившиеся под властью Византии. Обстоятельства складывались так, что следовало торопить события: Аттиле стало известно о римских эмиссарах, которые предлагали дунайским племенам тайный или явный союз. В то время гуннские отряды

открыто переходили на службу Риму, представители гуннской племенной верхушки становились советниками императоров в Равенне и Константинополе, на дунайских землях задерживались тайные римские гонцы с золотом. И тогда Атила сумел убедить Роаса в необходимости предпринять ответные действия, и притом самые решительные.

Роас отправил Феодосию II гневное послание, с требованием прислать к нему полномочных послов, которым будут подробно изложены причины неудовольствия и сообщено, какая сумма компенсаций и какие гарантии позволят избежать войны. Феодосий согласился направить посольство в римский город Маргус в устье Моравы, где должна была состояться встреча с Роасом и его советниками. Переговоры назначились на начало ноября 434 г. Тем временем скоропостижно скончался Роас. Вожди и воины провозгласили «суверенными вождями» двух его племянников – Бледу и Атилу. Официально Атила провозгласил себя императором, королем гуннов только в начале 435 г. Но уже с самого начала самостоятельного правления иностранные партнеры величали Атилу правителем империи. Послы Феодосия первыми обратили на это внимание и были вынуждены последовать общему примеру. Атилле предстояло установить дипломатические отношения с римлянами, поскольку, как уже отмечалось ранее, он задумал покорить две первые нации в мире – римлян и вестготов. Посему не к лицу независимому правителю гуннов было встречаться с послами Феодосия в римском городе Маргусе, а лучше неподалеку от него, на моравской равнине на правом берегу Дуная. Послов ободрял тот факт, что переговоры предстояло вести с новоиспеченным королем, а не с матерым несговорчивым Роасом. Однако Атила повел себя очень жестко: никаких уступок и сумма, которую римляне должны были заплатить, чтобы избежать войны; послам же на изложенные требования необходимо ответить только «да» или «нет». Послы не ожидали ни такого приема, ни грозной речи на латинском: расторгнуть все союзы, заключенные де-юре и де-факто между Константинополем и странами, вошедшими в Гуннскую империю; отказать в какой либо поддержке дунайским и каспийским племенам и отозвать эмиссаров; уволить со службы всех гуннов, выдать всех гуннов, предательски укрываемых Феодосием II и всех дезертиров, нашедших прибежище в Восточной Римской империи; никогда не оказывать, прямо или косвенно, помощи врагам гуннов. На размышление была дана одна ночь. Наутро Маргусский договор был подписан, а затем, в связи с безвыходностью ситуации, одобрен Феодосием II.

Однако вскоре у Атилы появились доказательства того, что император Восточной империи, в нарушение Маргусского договора, продолжает свою антигуннскую политику. Гуннский король решил заставить Феодосия II дорого заплатить за свое предательство. Внезапное нападение должно было произойти там же, где подписывался нарушенный Феодосием договор, но на этот раз уже на римской стороне, на левом берегу Дуная.

На поле, возле Маргуса, ежегодно раскрывала свои яркие шатры ярмарка. В те трудные времена она была для купцов обеих империй, а особенно для византийцев, одним из важнейших источников обогащения. Здесь торговали тканями, предметами искусства, изделиями ремесленников, дорогой посудой и вином. Целые стада скота, мешки зерна и пряностей переходили из рук в руки. В заключаемых договорах зачастую предусматривались охрана груза в пути и страховые гарантии, которые, в силу жизненной необходимости международной торговли, по большей части признавались везде. Известность ярмарки была такова, что на нее порой приезжали персы, индусы и китайцы, а фессалийцы, медийцы, македонцы и далматы бывали здесь постоянно. Римляне привозили товары из Африки и Сицилии. Варвары торговали мехами, кожей, глиняной посудой, коврами, тканями, слоновой костью, украшениями и конечно же отменными кожаными ремнями. Охрану обеспечивал византийский император, который собирал многочисленные налоги.

В 441 г. на ярмарку явилась под видом покупателей внушительная толпа гуннов, которые вскоре обнажили кинжалы и мечи, – стража бежала, толпа не смела оказывать сопротивление. Гунны грабили, громили лавки, поджигали все, что могло гореть, и, захватив скот и издавая страшные вопли, убралась восвояси. Когда об этом узнал Феодосий, то направил посла выяснить у Атилы, что это – разбойники, которых следует наказать, или

намеренное нарушение Маргусского договора. Атилла, разумеется, изобразил возмущение. Феодосий конечно же понимал истинный смысл совершенного гуннами погрома, но он как раз тогда не мог собрать необходимые войска для борьбы с гуннами. Пока велась переписка по данному инциденту, Атилла начал осаду Маргуса.

Город сдался Аттиле и вошел в состав империи. Феодосий в отчаянии молил императора Западной Римской империи Валентиниана III двинуть свои легионы против захватчика, но тот ответил отказом, возможно, здесь обошлось не без совета Аэция. На тот момент между гуннами и Западной империей не было разногласий, хотя захват Аттилой Маргуса облегчал им совершение набегов на западные римские земли. Атилла не скрывал своего стремления двигаться дальше по Восточной империи, и нападение Западной империи остановило бы его продвижение, поэтому отказ Феодосию отвечал его интересам.

Феодосий был бессилен что-либо предпринять. Атилла начал с захвата Мезии на Балканском полуострове (Босния, Сербия, Болгария), перешел через Драву и захватил Виминаций, затем пала Ратиара; Атилла подошел к воротам Сингидунума (Белграда), гарнизон которого предпочел сдаться, и часть солдат перешла на сторону гуннов. Затем войска поднялись вверх по Савве, завладели югом Второй Паннонии, принадлежавшей также Восточной империи. Панноно-римскому гарнизону Атилла предложил выбор: либо уйти в Первую Паннонию, находившуюся под властью Западной Римской империи, либо вступить в гуннские легионы. Практически все воины предпочли второе. Город Сирмий когда-то был столицей всей Паннонии и жемчужиной византийской короны, посему захват этого города был одним из самых счастливых моментов в жизни Атиллы. Отсюда можно было совершать набеги на Иллирию, Далмацию, Мезию, Македонию, Фракию и угрожать самому Константинополю. Так и случилось: войска Атиллы завершили завоевание Мезии, разрушили Сердику, обрушились на Фракию и захватили Филиппополь – болгарский Пловдив, – после чего остановились в Аркадиополисе – современной части Турции, – совсем рядом с Константинополем.

Находясь на грани отчаяния, Феодосий II поспешил заключить постыдный мир с иранскими Сасанидами. Тем временем римляне отступали в глубь Фракии в направлении Константинополя. Войска гуннов теснили их с запада и востока. Если верить древним авторам, Атилла возглавлял одновременно три экспедиции. Вскоре он появился у стен Наисса (сегодняшний Ниш), который исторически по своему значению стоял после Рима, Равенны и Константинополя: это был родной город Константина Великого, того самого, который превратил греческий Византий в Константинополь, а Константинополь – в столицу Восточной Римской империи.

Несметные войска гуннов должны были оставаться в виду Константинополя в полной готовности и броситься на штурм по первому приказу, но штурмовать столицу запрещалось. Самые различные предположения высказывали по этому поводу древние историки, по-видимому, все выдвигаемые ими доводы в той или иной мере соединялись в уме Атиллы, однако одно из этих объяснений, на наш взгляд, стоит ближе к истине: Атилла был вынужден остановиться, так как столкнулся с большими трудностями на востоке своей империи – гуннские и другие племена, лишь номинально признавшие власть империи гуннов, двинулись с востока на запад, чиня по дороге разбой и грабежи. Пресловутые укрепленные пункты не имели достаточных сил, чтобы остановить это продвижение или хотя бы защитить окрестности от разорения. Необходимо было обеспечить единство империи от Урала до Каспия и от Волги до Дуная. Кроме того, Феодосий уже истратил последний заряд энергии и был готов к переговорам с Аттилой.

За время «объезда» центральных и восточных земель Гуннской империи в боях и массовых расправах, по свидетельствам историков, войсками Атиллы было убито около 40 тыс. человек, еще 10 тыс. погибло в междоусобных стычках, казнено 250 вождей. После этой карательной экспедиции империя уже не была прежней. Все было подчинено воле императора, центральная власть признавалась во всех провинциях. Империя стала действительно империей.

Едва возвратившись, Атила дал приказ своим главнокомандующим войти в Македонию. Войска молниеносно продвинулись по Македонии, легко преодолевая сопротивление византийцев. На это ушли последние месяцы 445 г. Затем войска гуннов вторглись в Фессалию, где одну за другой разбили две римские армии. Атила торжественно вошел в Аркадиополис. Феодосий предложил Аттиле мир. Условия Атилы были следующие: император Восточной Римской империи молит императора гуннов о мире; компенсация расходов военной кампании, предпринятой Аттилой в связи с недостойным поведением (нарушением Маргусского договора) Феодосия II, составляет 6 тыс. фунтов золота; за каждого сбежавшего заложника плата двенадцать золотых; ежегодная дань увеличивается до 2100 золотых монет. Кроме того, были изложены территориальные требования: присоединение к империи гуннов всех завоеванных земель к западу от Дуная; присоединение Второй Паннонии и юго-восточной части Первой Паннонии с Сирмием; долина и равнины Маргуса и Нишавы, крупные дунайские торговые города также отходят к империи; в Афирасе и Аркадиополисе размещаются постоянные гуннские гарнизоны. Феодосий II был вынужден скрепить договор печатью. Восточная Римская империя усмирена и будет платить.

Вторжение Атилы в Западную Римскую империю

Конец 449 г. и начало 450 г. были невероятно насыщены драматическими событиями: сильнейшие землетрясения сеют панику в Испании, Центральной, Южной и Юго-Западной Галлии. Упоминания о катастрофах можно найти во всех древних хрониках. 450 г. стал необычайно «урожайным» на природные катаклизмы: наводящие ужас кометы, падающие метеориты, опустошительные ураганы, кровавые закаты, грозы и пожары – полный набор декораций конца света.

14 июля 450 г. к воротам дворца Феодосия II прибыл гонец Атилы. На аудиенции посланник объявил: «Атила, мой и твой господин, приказывает тебе подготовить для него дворец, поскольку он уже идет к тебе». Феодосий был ошеломлен. В тот же день и час другой гонец передал такое же уведомление императору Западной Римской империи Валентиниану III. В ответ на этот демарш Аэций заявил: «Атила игрок. Возможно, и сам он еще не знает, что собирается предпринять. Главное для него – сиюминутное удовлетворение собственного тщеславия. Но последствия могут быть ужасны».

Неоднозначность взаимоотношений между Аттилой и яркой политической фигурой своего времени Аэцием всегда были интригой для историков, посему остановимся на этой неординарной личности подробнее.

Аэций родился около 390 г. (т. е. был лет на пять старше Атилы) в Паннонии, принадлежавшей Западной Римской империи. Отец был римским военачальником, мать происходила из очень знатной римской семьи. Как мы писали ранее, Аэций в 405 г. попал почетным заложником к Роасу и с детских лет узнал, кто такие гунны, с которыми в дальнейшем переплетается вся его жизнь. Он становится другом Роаса и молодого Атилы. Аэций возвращается ко двору Гонория в конце 408 г. или начале 409 г., когда готовится его брак с дочерью патриция. Гонорий назначил его на высокую должность управляющего императорским дворцом.

Со смертью Гонория наступает смута, и Аэций без малейших колебаний признает узурпатора Иоанна императором Иоанном, идя на конфликт с сестрой Гонория Плацидией, которая стремилась посадить на трон своего сына Валентиниана. Аэций усмотрел в Иоанне человека, способного восстановить порядок в империи и, может быть, даже объединить обе империи, возродив единство римского государства. Он обратился за поддержкой к гуннам, которые направили на защиту узурпатора 6 тыс. человек, но опоздали на три дня: Иоанн был побежден и обезглавлен, Валентиниан III провозглашен императором. Когда гуннские и римские войска застыли друг против друга в ожидании приказа, Плацидия и Аэций дружески обнялись. Тем не менее, желая избавиться от соперника, Плацидия отправляет Аэция в

Галлию для усмирения вестготов. И все же вскоре Аэций становился настоящим правителем империи, наставником Валентиниана III. Между Аэцием и Атилией, несомненно, был сговор, и не дружеский, а политический. Изъявлениями своей признательности и искренней привязанности патриций старался прикрывать опасения, которые внушал ему гуннский завоеватель, угрожавший обеим империям своими бесчисленными армиями. Требования Атилии Аэций или удовлетворял, или устранял под благовидными предложениями. Оба героя считали, что от них зависит равновесие мировых сил и гибель одного из них может его нарушить. Гунны пока еще оставались единственным сильным союзником Рима, хотя Аэций уже тогда понимал, что дружба эта продлится недолго.

28 июля 450 г. Феодосий II скорострительно скончался. Он завещал корону сестре Августе Пульхерии. Та в скором времени выходит замуж за военачальника Марциана Флавия, который стал императором Марцианом. Это был энергичный иллириец, проявивший себя как хороший полководец и умелый правитель. Ему было пятьдесят девять лет.

Марциан расторг договор, заключенный Феодосием II с Атилией, заявив: «Передайте Атилие, что золото я приберегаю для друзей, для врагов же у меня ничего нет, кроме стали». Марциан держался того мнения, что войн следует избегать, пока есть возможность сохранять надежный мир без унижения своего достоинства; но он вместе с тем был убежден, что мир не может быть ни почетным, ни прочным, если монарх обнаруживает малодушное отвращение к войне. Это сдержанное мужество и внушило ему ответ, данный на требования Атилии, который торопил его с уплатой денежной дани. Император объявил варварам, что они впредь не должны оскорблять достоинства Рима употреблением слова «дань» и что он готов с надлежащей щедростью награждать своих союзников за их преданность, но если они позволят себе нарушить общественное спокойствие, то узнают, что у него есть достаточно и войск, и оружия, и мужества, дабы отразить их нападение. Поскольку гуннский монарх презирал – или делал вид, что презирает, – восточных римлян, которых так часто побеждал, то он скоро объявил о своей решимости отложить их «умиротворение» до тех пор, пока не доведет до конца более блестящего и более важного предприятия. В то время как человечество с трепетом ожидало, на какую из империй гунны направят свои неотразимые удары, Атила, как следует из хроник, разыграл политический фарс. Бездействие Атилии в отношении Марциана могло ввести в заблуждение Валентиниана III и – хотя и менее вероятно! – самого Аэция. Дальше – больше: Атила направляет в Равенну посла с письмом для Валентиниана III, с которым возвращает императору полученное от сестры его, Гонории, кольцо, поскольку она, будучи замужем, не может принять ранее сделанное ей предложение, а он, Атила, рад, что она счастлива и свободна. Единственное, что его печалит, так это невозможность, в силу сложившихся обстоятельств, стать зятем императора. При этом Атила просит Валентиниана принять серебряный меч с чеканной рукоятью и заверяет, что во всем мире у императора нет столь преданного друга. Валентиниан в восторге показал письмо Аэцию, который, поразмыслив, решил, что Атила развлекается и что его развлечения добром не закончатся.

А предыстория взаимоотношений Атилии и Гонории такова. Гонория ненавидела своего брата Валентиниана, делала все вопреки предостережениям матери и очень рано познала разврат. Впрочем, она была образованна, любила искусство и историю. Однако репутация молодой девушки была несовместима с порядочным браком. Ей пришлось познакомиться с монастырской кельей в Равенне. В двадцать три года она пообещала образумиться, если ее выдадут замуж за иностранного принца. История с «мечом Марса» привела ее в восторг. Она послала Атилию гонца передать ему письмо и кольцо. Гонория просила – всего лишь – о том, чтобы Атила женился на ней и потребовал в качестве приданого половину Западной Римской империи, которая причиталась ей по наследству от отца – Констанция III. Кольцо же должно было стать символом помолвки. Атила отнесся к этому письму с недоверием и отослал гонца без ответа. Когда об этом письме узнали Платиция и Валентиниан, то они вновь заточили Гонорию в монастырь, правда периодически возвращая ей право быть при дворе, но ненадолго, поскольку она немедленно

нарушала все нормы приличия. Спустя пятнадцать лет Атила «вспомнил» о предложении Гонории и дал согласие на брак, приписав в послании к императору: «...меня вполне устраивает приданое Гонории, и я согласен определить границы владений, ибо надо уметь договариваться, особенно с родными». Валентиниан был поражен подобной дерзостью. Гонорию срочно выпустили из монастыря и выдали замуж за военачальника Флавия, услугу которого пришлось оплатить. После чего Валентиниан направил ответ Атиле, где уверял, что рад бы породниться, но, к сожалению, Гонория вышла замуж. Этот ход Валентиниана весьма развеселил Атилу.

Следующим хитрым шагом к развязыванию военных действий против Западной Римской империи было очередное письмо Атилы Валентиниану, где он писал императору о том, что Теодорих I (вестгот, правящий в Аквитании) обещал гуннам выдать дезертиров и, не сдержав слово, обещал заключить договор о дружбе и обманул; плетет заговоры против власти и самой жизни императора. В интересах Рима и Гуннии Атилы образумит Теодориха и накажет его за непокорность. Поэтому он просит римского императора разрешить перейти Рейн и вторгнуться в Галлию с целью карательной экспедиции, которая позволит ему самому захватить дезертиров, не выданных Теодорихом. Валентиниан нашел доводы очень убедительными и в целом одобрил это предприятие, однако, когда Аэций раскрыл ему истинную цель – начало вторжения, – тогда был составлен корректный ответ, исключающий нападение гуннов на Галлию.

Однако ситуация была сложнее, чем полагали римляне. Вскоре Валентиниан получил от Теодориха копию письма, которое тот, в свою очередь, получил от Атилы, где гунн объяснял ему, что у него личные счеты с Римом, а потому он намерен захватить Галлию. Всем стало ясно, что столкновения не избежать. Атиле в то время было около пятидесяти пяти лет.

Подготовка нападения и обороны проводилась твердой рукой.

История сохранила нам мрачный список народов, вошедших в состав армии Атилы, которая толпилась массами не только на ближайших берегах Дуная, но и в окрестных равнинах перед вторжением в пределы Западной Римской империи в 450 г. Со времени Ксеркса Европа никогда не видела такого скопления известных и неизвестных наций: насчитывали не менее 500 тыс. воинов, а по другим – до 700 тыс. Азия выслала самых свирепых представителей: черный гунн и акатцир, вооруженные длинными луками; алан с огромным копьем и в роговой кирасе; невр, беллонот; гелон, раскрашенный и татуированный, с косою вместо оружия и в накидке из человеческой кожи вместо одежды. С равнин Сарматии явились в своих кибитках наполовину славяне, наполовину азиаты, по оружию сходные с германцами, по нравам – со скифами и допускавшие многобрачие, как гунны. Германия выслала с севера и запада самые отдаленные из своих народов: руг с берегов Одера и Вислы, окир и туклинг, живших у Немана и Западной Двины, рек в то время еще малоизвестных, которые шли, вооруженные круглым щитом и коротким мечом скандинавов. Там можно было увидеть и герула, быстрого на бегу, непобедимого в битве, ужас прочих германцев, которые кончили тем, что истребили это племя. И остгот, и гепид явились на зов со своей грозной пехотой, приводившей в отчаяние римлян. Король Ардарик руководил гепидами; три брата из фамилии Амалов: Валамир, Теодемир и Видемир – стояли во главе остготов. Хотя королевская власть по избранию досталась в руки старшего, Валамира, он добровольно разделил ее с братьями, которых искренне любил. Предводители этого муравейника народов, дрожа перед Атилою, держались от него на некотором расстоянии, как его слуги или стража, внимательные к малейшему движению его головы или мановению бровей: немедленно подбегали к нему за приказами и исполняли их без прекословия и ропота. Среди этой толпы королей Атилы особенно отличал двоих, которых он призывал на все советы: королей гепидов и остготов. Валамир вносил в свои речи откровенность и лаконичность, которые нравились королю гуннов; Ардарик служил образчиком редкого благоразумия и испытанной верности. Такова была армия, которая словно исчерпала весь варварский мир. Перемещение такого множества народов произвело,

если можно так сказать, революцию на громадной равнине севера Европы: славянское племя спустилось к берегам Черного моря, чтобы занять луга, оставленные остготами и некогда принадлежавшие им; задние ряды черных гуннов и передовые линии белых гуннов, авары, болгары, гунугары подвинулись на один шаг к Европе. Опустошители всех родов, будущие властелины Италии, сменившие западных цезарей, заключались в этом хаосе, как предводители и как простые воины, друзья и враги: все обломки образованного мира и та часть мира варваров, которой судьба предрекла будущее величие, собрались вместе, чтобы окружить собою гений разрушения, устремившийся на Западную Римскую империю.

Аэций и Атила стояли во главе военно-политических коалиций (отнюдь не «племенных союзов»), население которых большей частью было чуждо своим правителям по крови, по религии, да и по этническому облику. Во главе восточной коалиции тюрко-германо-славяно-угорских племен стоял гунн, потомок древнейших тюрков; во главе западной – германо-кельтско-аланской – римлянин, потомок захватчиков и рабовладельцев.

Военные историки полагают, что основное различие между римским войском и варварами заключалось в преобладании пехоты у первых и кавалерии у вторых. Тактика гуннов имела преимущества, а их внешне грубое снаряжение во многом превосходило римское.

В январе–феврале 451 г. Атила сконцентрировал свою армию на Венгерской равнине. Чтобы достичь берегов Рейна в первых числах марта, Атила должен был в январе подняться с берегов Дуная. Он разделил свою армию на два корпуса: один следовал по правому берегу Дуная, разрушая на своем пути замки почти до основания; другой, поднимаясь по левому берегу, вербовал по дороге остатки квадов и маркоманов в Западных Карпатах и свевов – в Шварцвальде. Соединившись вместе на истоке Дуная, оба корпуса расположились по близости лесов, откуда они могли взять необходимую древесину для обеспечения похода в Галлию. Франки, жившие по берегам Неккера, при приближении Атилы выгнали или убили молодого короля, поставленного римлянами, заменили его своим «длинноволосым» князем, и вместе с ним встали под знамена гуннов. Туринги сделали то же; даже зарейнские бургунды, забыв свои прежние счеты с королем Октаром, вступили в войска Атилы. Укрепив таким образом войска новыми союзниками, гунны начали готовиться к переходу через Рейн. Древний Герцинский лес, выдавший Цезаря и Юлиана, обеспечил Аттиле все материалы для переправы: его вековые дубы падали тысячами под ударами секиры; грубые барки, сколоченные из них, соединили оба берега реки плавучим мостом. Очевидно, Атила сделал несколько мостов, чтобы переправиться в одно и то же время из различных пунктов. Самый восточный отряд перешел Рейн возле города Аугте, главное место равраков, и затем пошел между берегом реки и подошвою Вогезского хребта. Сам Атила, сколько можно догадываться по документальным подробностям его похода, избрал для переправы место, лежащее несколько ниже слияния Рейна с Мозелем (около Кобленца), где обыкновенно переходили римские армии; потом, следуя со своим войском по дороге, которая вела от места переправы к Триру, утвердился в древней столице Галлии, среди ужасов опустошения.

В V в. Галлия была процветающей страной, намного богаче дунайских провинций, византийских земель и даже самой Италии. В многочисленных шахтах и каменоломнях добывалось необходимое сырье, хорошо оборудованные мастерские работали даже на экспорт. Производство предметов обихода и роскоши было развито более, чем где бы то ни было. Торговля процветала, а цены, несмотря на алчных римлян, оставались невысокими. Варвары нашли здесь цивилизацию, административную организацию, открыли для себя то, что может дать оседлая жизнь, мирная эволюция.

Атила, верный однажды начертанному плану, издал прокламацию по всей Галлии, объявляя, что он пришел в качестве друга римлян и с единственной целью – наказать вестготов, своих беглых подданных и врагов Рима и потому галлы должны оказать ему дружественный прием как своему освободителю и одному из полководцев Римской империи.

Некоторые города повиновались, другие пытались оказывать сопротивление, но и те и другие были одинаково ограблены. Слабые римские гарнизоны, не имея сил держать натиск,

убегали в хорошо укрепленные места или отступали шаг за шагом к Луаре, сделавшейся местом соединения.

Аттила ошибался, полагая, что франки, бургунды и даже вестготы рано или поздно присоединятся к нему в надежде на поживу. Но они и так уже были, на разных условиях, федератами и, наблюдая ежедневно растущую слабость Римской империи, знали, что время работает на них, а потому в подавляющем большинстве не желали помогать кому-то еще, какими бы обещаниями их не пытались прельстить.

Итак, зимой 451 г. Аттила вторгся в Римскую империю около Майенса, там, где граница была наиболее уязвима, и, несмотря на опустошительные набеги франков в 440–441 гг., это был один из самых густонаселенных районов, самых активных и самых организованных в римских владениях. И Аттила наносит удар, сравнимый с бомбовым. Города должны заплатить дань или погибнуть в огне. И они горят. Они платят. Западный мир видел, кто такие гунны, и знал, что они превратили Мессию, Иллирию, Фракию, Македонию (444–447 гг.) в пустыню.

Между тем вся Галлия и, в особенности, бельгийские провинции были поражены паническим страхом. Все бежало или готовилось к бегству при виде этого вихря народов, которому предшествовали пожары и за которым следовал голод. Каждый спешил укрыть в безопасном месте свои припасы, деньги, домашнюю утварь; жители небольших селений сбегались в большие города, но и там не находили они безопасных мест; жители равнин перебирались в горы, леса населялись крестьянами; жившие по берегам морей и рек спускали на воду суда и были наготове переправлять свои семейства и имущество в те места, которые считались менее опасными. Так поступили жители небольшого города Лютеции. Лютеция, современный Париж, – по господствовавшему тогда обычаю называть города по имени тех племен, у которых они были центральным местом жительства, – была незначительным селением во времена Юлия Цезаря, при Констанции Хлоре сделалась довольно важным городом. Торговая значимость маленького города шла рука об руку с политическим его значением: он стал центральным местом торговли на всем пространстве между Верхней и Нижней Сеной. При других обстоятельствах жители Лютеции, состоявшие почти все из рыбаков, сумели бы внушить уважение к своему острову, защищенному двойной оградой, то есть глубокими рукавами Сены и высокой стеной, с установленными по бокам башнями, но панический страх, вызываемый даже упоминанием имени Аттилы, отнимал спокойствие у самых отважных и склонял народ к бегству как к единственному средству спасения. Жители города, посоветовавшись между собой, решили не дожидаться неприятеля. Уже все было готово к переселению. Но всюду, где проходил завоеватель, на его пути появлялись святые люди, будь то епископы или девственницы. Но что они могли сказать Аттиле от имени терзаемой Галлии?

И тогда-то явилась прелестная девочка из Нантерра, которая решила остановить это массовое бегство. Ее звали Женевьева и была она галлоримлянка. За ней шла слава праведницы, целительницы, пророчицы. Точно так же, но при других бедствиях Отечества, другая, дочь Галлии – Жанна Д'Арк имела ведения.

С тех пор, как появились слухи о скором приходе Аттилы, особенно когда начались опустошительные войны (Мец и Реймс были уже разорены), Женевьева была глубоко убеждена, что земные события суть следствия высших определений Божества и что раскаяние и молитва, смягчая гнев Божий, могут отвратить угрожающие бедствия, посему дни и ночи молилась она в храме, со слезами взывая к Богу о помиловании своей страны. Через видения ей было свыше открыто, что город будет пощажён, если принесет покаяние, и что Аттила не приблизится к его стенам. Она стала убеждать своих соотечественников совершить покаяние и не переселяться, но мужчины отвечали ей отказом, и тогда она решила обратиться к женщинам.

Собрав их около себя, она говорила, указывая на опустевшие дома: «Женщины, вы без сердца! Вы оставляете свое пепелище и эти кровли, под которыми были зачаты, вскормлены и родились ваши дети, как будто у вас нет, кроме бегства, никаких других средств для

защиты от меча самих себя и ваших мужей! Почему вы не обратитесь к Господу, избрав своим оружием пост и молитву, как то сделали Эсфирь и Юдифь? Именем Всевышнего предрекаю вам, что город ваш будет помилован, если вы сделаете это; а те места, где думаете найти безопасность, попадут в руки врага, и не останется там камня на камне». Женщины в покорном молчании последовали за Женевьевой. На восточной оконечности острова Лютеции, на том месте, где теперь возвышается собор Парижской Богоматери, находилась тогда церковь во имя святого первомученика Стефана. Туда-то Женеьева и привела идущую толпу женщин. В этой церкви женщины закрылись и начали молиться. Удивленные продолжительным отсутствием своих жен, мужа также пришли в церковь и, найдя двери ее запертыми, спрашивали, что все это значит, на что женщины отвечали, что не хотят покидать город. Мужчины пришли в бешенство. Женеьеву от мужской расправы спас случай – подоспевший дьякон, который устыдил мужчин: «Это святая дева, повинуйтесь ей». Горожане остались в городе. Предсказание Женеьевы сбылось: войска Атиллы, соединившиеся между Сенной и Марной, не подошли к Лютеции, и город был обязан спасением непоколебимой твердости бедной девушки, которую потомки впоследствии причислили к лику святых.

Небезынтересно, что в летописных хрониках присутствуют факты, свидетельствующие, что в самые экстремальные, можно сказать, переломные моменты истории человечества, определенную роль играет Провидение. В подтверждение тому следует отметить, что в главе VI приводится факт, когда в критический момент для Руси икона Святой Богородицы якобы отвратила наступление войск Амира Темура на Москву.

Тем временем Атила перешел Сене у Охсеры и, после продолжительного и трудного похода, раскинул свой лагерь под стенами Орлеана. Он рассчитывал на тайное приглашение короля аланов Сангибана, обещавшего изменой выдать ему город и перейти под его знамя. Но этот заговор был раскрыт, и вокруг Орлеана были возведены новые укрепления.

Весной 451 г. войска Атиллы осадили Орлеан. Стены города сотрясались от таранов. Народ был доведен осадой до крайности.

14 июня город почти был взят, но подоспела римская армия под командованием Аэция, Теодориха, короля вестготов, и его сына Торисмода. Атила отступил к Труа. Западнее Труа его остановили римские и вестготские войска: сражение принесло минимальный перевес союзникам, но не спасло Запад (конец июня 451 г.). Атила, достигнув полей Мавриака, начал готовиться к новому сражению.

Основываясь на исторических документах, можно предположить, что гунны не видели в бегстве какого-нибудь бесчестия для себя; ища более добычи, нежели славы, они старались вступить в сражение не иначе, как имея уверенность в победе, и потому при встрече с сильным неприятелем зачастую уклонялись от битвы, с тем чтобы напасть в более благоприятное время. Так поступил и Атила: обманутый в своих планах, проклиная Аэция, он думал о безопасном размещении своего войска и награбленной добыче. Ночью, не нарушая тишины, он снялся с лагеря и, следуя той же дорогой, которой пришел, был к восходу солнца уже далеко от Орлеана.

Легкость, с которой Атила проник в глубь Галлии, может быть приписана столько же его восточной политике, сколько и страху, который наводили его военные силы. Свои публичные заявления он искусно смягчал своими приватными заверениями и попеременно то успокаивал римлян и вестготов, то грозил им; а дворяне равеннский и тулузский, относившиеся один к другому с недоверием, смотрели с беспечным равнодушием на приближение их общего врага. Аэций был единственным хранителем общественной безопасности, но самые благоразумные из его распоряжений встречали помеху со стороны партии, господствующей в императорском дворце после смерти Платидии; итальянская молодежь трепетала от страха при звуке военных труб, а варвары, склонившиеся из страха или корысти на сторону Атиллы, ожидали исхода войны с сомнительной преданностью, всегда готовой продать себя за деньги. Патриций перешел через Альпы во главе войска,

которые по своей силе и по своему числу едва ли заслуживали названия армии. Но когда он прибыл в Арль или в Лион, его смутило известие, что вестготы, отказавшись от участия в обороне Галлии, решили ожидать на своей собственной территории грозного завоевателя. Тогда сенатор Авит, согласился взять на себя важную миссию посла, которую искусно исполнил. Он поставил Теодориху на вид, что стремившийся к всемирному владычеству честолюбивый завоеватель может быть остановлен только при энергичном и единодушном противодействии со стороны тех государей, которых он замышлял низвергнуть. Полное огня красноречие Авита воспламенило вестготских воинов описанием оскорблений, нанесенных гуннами их предкам, гуннами, которые с неукротимой яростью преследовали их от берегов Дуная до подножия Пиренеев. Он блестяще аргументировал, что на каждом христианине лежит обязанность сохранять церкви Божьи и мощи святых от нечестивых посягательств и что в интересах каждого из поселившихся в Галлии варваров оберегать возделанные ими для своего пользования поля и виноградники от опустошения их «скифскими пастухами». Теодорих преклонился перед очевидной основательностью этих доводов, принял те меры, которые казались ему самыми благоразумными и согласными с его достоинством, и объявил, что в качестве верного союзника Аэция и римлян он готов рисковать и своей жизнью и своими владениями ради безопасности всей Галии. Вестготы, находившиеся в ту пору на вершине славы и могущества, охотно отозвались на первый сигнал к войне, приготовили оружие, коней и собрались под знаменем престарелого царя, который решил лично встать во главе многочисленных и храбрых подданных вместе со своими двумя старшими сыновьями. Примеру вестготов последовали некоторые другие племена или народы, сначала, по-видимому, колебавшиеся в выборе между вестготами и римлянами. Неутомимая деятельность патриция мало-помалу собрала под одно знамя воинов галльских и германских, которые когда-то признавали себя подданными или солдатами республики, а теперь требовали награду за добровольную службу и ранга независимых союзников; то были леты, арморицианы, брионы, саксы, бургунды, аланы, рипуарии и те из франков, которые признавали Меровея своим законным государем. Таков был разнохарактерный состав армии, которая под предводительством Аэция и Теодориха двинулась форсированным маршем на спасение Орлеана. Рим понимал, что, несмотря на поражение Аттилы под Орлеаном, он был еще достаточно силен, чтобы предложить войну. Между тем обескровленная страна взывала к помощи. Все народы Галлии осознавали, что это их последний шанс.

Легко догадаться, что Аттила при быстром отступлении допускал грабеж, но не более, чем это было необходимо для пропитания войска. При переходе Сены у Труа он не вошел в город: епископ Лу предстал перед Аттилой, прося его пощадить не только жителей такого беззащитного города, каким был Труа, не имевший ни ворот, ни стен, но также и сельское население.

Иордан приводит диалог между Аттилой и епископом. Вот отрывок из него. «Хорошо, – отвечал ему владыка гуннов тоном холодной насмешки, которая у него часто следовала за вспышкой гнева, – но ты будешь меня сопровождать до самого Рейна. Святой человек не может не принести счастья мне и моему войску». Аттила хотел иметь епископа своим заложником на всякий случай, как пастыря, уважаемого во всей стране и важного в глазах римлян.

За городом Сансом Аттила вышел на место менее опустошенное, нежели окрестности Орлеана, и совершенно открытое, где гуннская кавалерия, в случае битвы, имела бы преимущества. На север от Санса, между долинами рек Йонны и Эн, на протяжении 50 км в длину и от 35 до 40 км в ширину, следует целый ряд равнин, пересеченных глубокими реками; с VI в. эта земля называлась Кампань (ныне Шампань).

Чтобы достичь нижнего течения Рейна, нет другого выхода, кроме опасных ущелий Аргона с северо-востока, а с юго-запада – длинный переход через Вогезы и Юру; две римские дороги, ведущие по этим двум направлениям, перекрещивались тогда возле города Шалон-на-Марне. Аттила, идя из Реймса, шел уже по этим землям и, отступая, поспешно занял город и окрестную равнину, называемую Каталаунскими полями, с тем чтобы

обеспечить себе возможности к отступлению в случае, если бы римская армия, стеснив его со всех сторон, принудила к битве. Не в первый раз в истории Галлии Каталаунские поля избирались театром страшной битвы народов – и не в последний.

Каталаунская битва

Для обеспечения перехода гуннских войск через р. Об при Арсиане на равнине, образующей треугольник при слиянии Сены и Оба, в арьергарде оставался отряд гепидов, возглавляемый Ардариком.

Армия Аэция нагоняла уже гуннов, измученных голодом, болезнями, засадами крестьян по дороге, и вскоре римский авангард, состоявший из меровейских франков, столкнулся с гепидами, прикрывавшими переправу через Об. Стычка произошла ночью; в ужасной сумятице дрались впотьмах до рассвета: с одной стороны – секира франков, с другой – меч и дротик гепидов работали так усердно, что к восходу солнца 15 тыс. убитых и тяжелораненых покрывали поле сражения.

Ардарик, успев перевести гепидов на другую сторону реки, присоединился к главной армии гуннов, которая в тот же день вступила в Шалон.

Более уже не было никаких средств к избежанию генеральной битвы. В нескольких милях за Шалоном, недалеко от места, называемого в древних путеводителях храмом Минервы, был разбит лагерь по римскому образцу; находясь на страсбургской дороге, он, по-видимому, имел назначение прикрывать собой оба города, Реймс и Шалон, между которыми был расположен. Недалеко от этого лагеря, по необозримой равнине, протекала река Везль, которая, находясь еще при своем истоке, имела вид ничтожного ручья; это последнее обстоятельство, в соединении с другими топографическими подробностями, упоминаемыми историей, подтверждает то мнение, что на этом самом месте происходила битва римлян с гуннами. Может быть, Атилл, найдя годными для себя римские укрепления, воспользовался ими как счастливым случаем? Может быть, римские окопы пригодились для составления центра лагеря? Все это вполне возможно.

Решившись на битву, Атилл построил свои кибитки в виде круга, внутри которого были раскинута палатки.

В тот же день армия Аэция расположилась на виду гуннов; римские легионы по всем правилам римского военного искусства становятся лагерем, союзные же варвары – без окопов и палисадов, по национальным признакам.

Атилл провел всю эту ночь весьма тревожно. Дурное состояние его расстроенной армии, ослабленной лишениями и значительно уменьшившейся и в людях, и в лошадях, делало для него поражение весьма вероятным, и такая вероятность не укрылась бы от глаз даже менее проницательных.

Солдаты захватили в соседнем лесу странника, который слыл среди крестьян прорицателем. Атилл спросил его о своей судьбе. «Ты – бич Божий, – отвечал ему странник, – и палица, которою Провидение поражает мир; но Бог, по воле Своей, ломает орудие своей кары и, по Своим предначертаниям, передает меч из одних рук в другие. Знай же, что ты будешь побежден в битве с римлянами, и чрез то поймешь, что твоя сила не от мира сего». Такой смелый ответ несколько не разгневал Атиллу. Выслушав христианского прорицателя, он хотел в свою очередь обратиться к предсказателям, находившимся при войске, потому что у гуннов, как позже и у монголов, в принятии каких-либо важных решений участвовали «особые» люди. Атилл велел призвать к себе предсказателей, и, как свидетельствует историк этой войны Иордан, следовавший за войском, произошла необычная и вместе с тем страшная сцена.

Представьте себе гуннскую ставку, раскинутую среди долин Шампани. При погребальном свете факелов собрались на совет всевозможные прорицатели Европы и Азии: жрец из остготов или ругов, с руками, запущенными во внутренности жертвы, наблюдает за ее последними содроганиями; жрец из алан, встряхивая гадательные прутья на белой

скатерти, видит в их расположении таинственные знаки будущего; кудесник из белых гуннов, вызывая души умерших, при грое волшебного барабана кружится с быстротой колеса и в изнеможении падает с пеной у рта; а в глубине палатки Аттила в своем кресле следит за конвульсиями и прислушивается ко всякому взвизгиванию этих адских предсказателей.

Но гунны знали и особое, им только известное гадание, которое, по свидетельству европейских путешественников, сохраняло свою силу в XIII и XIV столетиях при дворе потомков Чингисхана: это гадание на костях животных, преимущественно бараньих лопатках. Процесс гадания состоял в том, что от костей, для того предназначенных, отделялось мясо; потом их клали на огонь и по направлению жил или трещин на кости предсказывали будущее. Правила этого искусства были точно определены известным церемониалом, как то было и у римских птицегадателей.

Аттила смотрел на кости и по ним также убедился в ожидаемом его поражении. Жрецы, посовещавшись, объявили, что гуннов ждет поражение, но предводитель неприятелей падет в битве. Аттила понял, что это Аэций, и на лице его блеснула радость. Аэций был большим препятствием во всех его начинаниях: он ловко уничтожил искусно составленный Аттилой план отделения вестготов от римлян; он остановил гуннов в их победоносном шествии; он был душой той массы мелких народов, завидовавших друг другу, с которыми Аттила без Аэция справился бы легко. И Аттила решил: смерть Аэция – достойная цена собственного поражения.

Аттила принял все меры к тому, чтобы начать битву как можно позже, что сделает почти невозможным абсолютное поражение: наступившая ночь дала бы время для принятия контрмер.

Около трех часов пополудни гунны вышли из окопов лагеря. Аттила занял центр со своими гуннами, на левом крыле расположился Валамир с остготами, на правом – Ардарик с гепидами и другими народами, подчиненными Аттиле.

Аэций распорядился на левом крыле, занимаемом римскими легионами; на правом вестготы стояли против остготов, а в центре были размещены бургунды, франки, арморики и аланы, предводительствуемые Сангибаном, верность которого была под сомнением еще при осаде Орлеана, и потому войскам более надежным было поручено наблюдать за ним.

Распоряжения, сделанные Аттилой, достаточно указывали на его план. Сосредоточив лучшую часть кавалерии в центре позиции и поблизости баррикад, устроенных из кибиток, он, очевидно, хотел повести быструю атаку на неприятельский лагерь и в то же время обеспечить себе отступление к своим укреплениям.

Аэций, напротив, расположив главные свои силы на флангах, имел целью воспользоваться таким маневром Аттилы, окружить его, если будет то возможно, и перерезать ему отступление.

Между двумя армиями находилось небольшое возвышение, и овладеть этой вышкой представляло большую выгоду: гунны отправили туда несколько эскадронов, отделив их от авангарда, а Аэций, находясь ближе, послал туда же Торисмонда с вестготской конницей, который, прибыв первым на возвышение, атаковал гуннов сверху и отбросил их без труда. Такое неудачное начало было дурным предзнаменованием для гуннской армии, томимой уже и без того печальным предчувствием.

Аттила для воодушевления войска собрал около себя предводителей и обратился к ним с речью, слова которой приводит Иордан. Если принять во внимание необыкновенную силу памяти у народов, которые, не зная искусства письма, имели устное предание как единственный исторический источник, тогда не будет удивительным, что до нас дошла речь Аттилы. События общественной жизни варваров, вместе с их мифологическими повествованиями, составляют исключительный предмет их литературы, и потому они удерживают их в памяти с такой точностью, образчик которой нам представляет Эдда, и если им случается что-нибудь прибавить к действительности совершившегося, то они остаются до того верны краскам времени и описываемого общества, что сама выдумка получает в глазах

потомства род некоторой достоверности. Допустим, если угодно, что речь, которую Иордан вкладывает в уста властителя гуннов, принадлежит к числу подобных выдумок, во всяком случае, она не была произведением какого-нибудь греческого или латинского ритора, тем более что по своей суровой энергии эта речь представляет величайший контраст со слогом и идеями, которые мог бы придумать компилятор истории готов. Итак, речь Аттилы перед битвой: «Одержав уже столько побед над народами, и почти достигнув обладания миром, я был бы бессмыслен и смешон в своих собственных глазах, если бы вздумал возбуждать вас еще словами, как будто бы вы не умели биться. Предоставим такую меру какому-нибудь новичку-полководцу и неопытным воинам: она была бы не достойна ни вас, ни меня. В самом деле, к чему же вы больше привыкли, как не к войне? И что для храброго может быть приятнее, как искать мести с оружием в руках? О! Да, пресыщать сердце мстью – величайшее благодеяние природы!.. Нападем смело на неприятеля: кто храбрее – тот всегда нападает. Смотрите с презрением на эту массу разнообразных народов, ни в чем не согласных между собою: кто при защите себя рассчитывает на чужую помощь, тот обличает собственную слабость пред всем светом. Вы видите, как овладевает ими уже страх, прежде нежели началась битва: они хотят овладеть возвышенностью; они торопятся занять высоты, которые не помогут им, а вскоре им придется не с большим успехом искать спасения в долине. Мы знаем все, с каким трудом римляне переносят тяжесть своего вооружения; я не говорю о первой ране, их может задушить одна пыль. Пока они будут строиться в неподвижные массы, чтоб составить черепаху из своих щитов, не обращайтесь на них внимания и идите дальше; бегите на алан, бросьтесь на вестготов: мы должны искать быстрой победы там, где сосредоточены главные силы. Если перерезать мускулы, члены опустятся сами собою, и тело не может прямо стоять, когда из него вынуты кости. Итак, возвысьте свою храбрость и раздуйте свой обычный пыл. Покажите как следует свое мужество; пусть узнают доброкачественность вашего оружия; пусть раненый ищет смерти своего противника, а тот, кто останется невредим, насытится избиением врага: кому суждено остаться в живых, на том не будет ни одной царапины, а кому суждено умереть, того судьба постигнет и среди мира. Наконец, к чему бы фортуна даровала гуннам победу над столькими народами, если бы она не хотела нас осчастливить предстоящею битвою? К чему она указала бы нашим предкам дорогу через Меотийские болота, остававшиеся в течение стольких веков неизвестными и непроходимыми. Я не ошибаюсь несколько относительно настоящего: пред нами то поле битвы, которое обещали нам наши прежние победы, и этот случайно скученный сброд не выдержит и на одно мгновение вида гуннов. Я бросаю первый дротик в неприятеля; если кто-либо думает остаться спокойным в то время, когда бьется Аттила, тот уже погиб».

«Затем, – продолжал Иордан, сделавшийся в своем повествовании столь же страстным, как и его герой, – затем началась битва свирепая, повсеместная, ужасная, отчаянная. Древность не повествует нам ни о таких подвигах, ни о такой резне, а тот, что не был свидетелем этого удивительного зрелища, тому не встретить того другой раз в своей жизни».

Все народы от берегов Волги до Атлантического океана собрались на Шалонской равнине, но многие из этих народов были разъединены завоеваниями и переселениями, и внешний вид одинакового оружия и одинаковых знамен у людей, готовых вступить между собой в борьбу, представлял картину междоусобицы.

Военная дисциплина и тактика греков и римлян составляли интересную часть их национальных нравов. Внимательное изучение военных операций Ксенофонта, Цезаря и Фридриха Великого, когда эти операции были описаны теми же гениальными людьми, которые их задумали и приводили в исполнение, могло бы способствовать усовершенствованию искусства истреблять человеческий род.

Битва началась на правом римском крыле, которое схватилось с левым крылом Аттилы; западные готы боролись с восточными, братья – с братьями. Полуиссыкающие ручейки, протекавшие по долине, внезапно раздулись от потоков крови, смешавшейся с их водами, и раненые, утоляя жажду таким ужасным питьем, умирали мгновенно.

Воспользовавшись знаниями о тактике варваров, приобретенными за время жизни среди гуннов, Аэций тотчас же нейтрализовал сильные стороны их войска – лучников и кавалерию, – навязав им рукопашный бой. Бронзовые шлемы и панцири римских солдат защитили их от каменных топоров варваров, не искушенных в тактике пехотного боя. Мечи римлян возобладали над арканами и длинными пиками гуннов.

Тем временем Теодорих, проезжая вдоль рядов, стараясь воодушевить свои войска, был поражен насмерть дротиком знатного остгота Андага и сброшен с лошади. Раненого царя сдавили со всех сторон среди общего смятения; собственная кавалерия топтала его копытами своих коней, и смерть этого знатного противника оправдала первую часть предсказания. Аттила уже ликовал в уверенности, что победа на его стороне, когда храбрый Торисмонд спустился с высот и осуществил остальную часть предсказания.

В то время как гунны Аттилы бросились на центр римской армии, пробили его и удержали в своих руках позицию, вестготы, победив на правом крыле, атаковали их с фланга. Левое крыло римской армии сделало такое же движение, и Аттила, заметив опасность, отступил к своему лагерю. В этой битве, преследуемой с яростью вестготами, он едва не был убит и смог спастись только бегством. Сеча была яростная, пленных никто не брал, и очень немногие из раненых выжили.

Понимая тщетность продолжения битвы, Аттила приказал отступить, слегка озадачив римлян, увидевших спины гуннской орды при первом – и единственном – поражении их царя. Его армия, смешавшись, последовала за ним в место, загороженное кибитками; и как ни было слабо подобное укрепление, но туча стрел, пускаемых непрерывно из-за кибиток, остановила нападающих. Наступила ночь, и за ней последовал такой мрак, что нельзя было отличить своих от неприятелей; целые отряды сбивались с пути. Торисмонд, спускаясь с холма, чтобы присоединиться к главной армии, сам того не замечая, наткнулся на кибитки гуннов, откуда вылетела куча стрел; он был ранен в голову и сброшен с лошади. Вестготы унесли его, истекающего кровью. Сам Аэций, отделившись от своих и оттискивая вестготов, которых он считал погибшими, бродил некоторое время среди неприятеля. Остальную часть ночи и римляне, и их союзники провели на страже в своем лагере, со щитами в руках.

Исход борьбы был сомнителен, но Аттила приберег для себя последнее и не унижительное для его достоинства средство спасения. Мужественный варвар приказал устроить погребальный костер из богатой конской сбруи, решив – в случае если его укрепленный лагерь будет взят приступом – броситься в пламя и тем самым лишить своих врагов той славы, которую они приобрели бы, убив Аттилу или взяв его в плен.

Солнце вошло над долиной, усеянной трупами. По Иордану 160 тыс. убитыми остались на поле битвы, по другим источникам – до 300 тыс. Римляне и их союзники результаты битвы оценивали однозначно: Аттила потерпел сокрушительное поражение; его отступление, столь поспешное и беспорядочное, указывало на это.

Императорский главнокомандующий скоро доподлинно убедился в поражении Аттилы, не выходящего из-за своих укреплений; когда же он обозрел поле сражения, то с тайным удовольствием заметил, что самые тяжелые потери потерпели варвары. Покрытый ранами труп Теодориха был найден под грудой убитых; его подданные оплакивали смерть своего царя, но их слезы перемешивались с песнями и радостными возгласами, и его погребение было совершено на глазах у побежденного врага. Вестготы, бряцая своим оружием, подняли на щите его старшего сына Торисмонда, которому приписывали честь победы, и новый царь принял на себя обязанность отмщения как священную долю отцовского наследства. Тем не менее вестготы поражались тому, что их грозный соперник не вел себя как побежденный, и даже их историк сравнивал Аттилу со львом, который, лежа в своей берлоге, готовится с удвоенной яростью напасть на окруживших его охотников. «Как лев, гонимый отовсюду охотниками, большим прыжком удаляется в свое логовище, не смея броситься вперед, и своим рыканьем наводит ужас на окрестные места, так, – по словам Иордана, – гордый король гуннов среди своих кибиток наводил ужас на своих победителей».

Цари и народы, которые могли бы покинуть его знамена в минуту поражения, были

проникнуты сознанием, что гнев их повелителя был бы для них самой страшной и неизбежной опасностью. Его лагерь непрестанно оглашали воинственные звуки, как будто вызывавшие врагов на бой, а передовые войска Аэция, пытавшиеся взять лагерь приступом, были или остановлены, или истреблены градом стрел, со всех сторон летевших на них из-за укреплений. На военном совете римской армии было решено осадить короля гуннов в его лагере, не допускать подвоза провианта и принудить его или заключить постыдный для него мирный договор, или возобновить неравный бой. Но здравые политические соображения внушали Аэцию опасение, что после совершенного истребления гуннов республике придется тяжело от присутствия высокомерных и могущественных вестготов. Поэтому патриций, употребив свое влияние на сына Теодориха, жаждущего отомстить гуннам за смерть отца, внушил Торисмонду, что было бы опасным для его короны столь продолжительное отсутствие, и убедил его разрушить своим быстрым возвращением домой честолюбивые замыслы братьев, которые могли бы завладеть вестготским тронem и сокровищами. (Кстати, некто Идаций сообщает странную подробность – будто Аэций втайне посетил ночью короля гуннов и получил взятку в десять тысяч золотых монет за то, чтобы не препятствовать их отступлению.) Разумеется, доводы были убедительными, и вестготы покинули армию. Впоследствии римляне привыкли к подобным внезапным уходам, к постоянному колебанию своих союзников, недальновидных, эгоистичных, всегда более готовых к тому, чтобы ослабить, нежели подкрепить империю, принявшую их в свои ряды.

Очевидно, Аэций в глубине души был доволен освобождением своего войска от вестготов, которые сыграли столь блестящую роль в сражении. Но хвастовство и притязания их командования были оскорбительными для римлян, и Аэций опасался, что после поражения гуннов эти защитники Галлии обрушатся на империю.

Уход армии Торисмонда равнялся прекращению осадного положения для Аттилы. Ничего не зная о положении дел у римлян и по-прежнему заключенный в своем лагере, Аттила с отчаянием наблюдал, как лишения и болезни уничтожают его армию. Он, казалось, ожидал какой-нибудь случайности, вроде той, которая и произошла, разделив армию Аэция. Аттила увидел, что бивуаки Торисмонда опустели; но так как здесь могла быть западня, Аттила оставался настороже. Спустя некоторое время тишина и слишком продолжительное опустение лагеря вестготов убедили его в справедливости факта, и он предался величайшей радости: «Его душа возвратилась к мысли о победе, и его мощный гений овладел своею прежнею фортуной».

Приказав немедленно запрячь кибитки, Аттила отдал приказ к отступлению. Аэций, с войском, уменьшенным наполовину, считал благоразумным не беспокоить отступающего льва. Он следил за ним на некотором расстоянии, чтобы воспрепятствовать грабежу и напасть на него, если бы он вздумал уклониться с прямой дороги.

Меровей и его франки, державшиеся на благоразумном отдалении и старавшиеся создать устрашающее впечатление о своих силах тем, что каждую ночь зажигали многочисленные огни, не прекращали следовать за арьергардом гуннов, пока не достигли пределов Тюрингии. Тюринги служили в армии Аттилы; они и во время наступательного движения и во время отступления проходили через территорию франков и, может быть, именно в этой вой не совершили те жестокости, за которые отомстил им сын Хлодвига почти через восемнадцать лет после этих событий. Они умерщвляли и заложников и пленников; двести молодых девушек были преданы изощренным пыткам.

От поражения галльской экспедиции не ослабили ни мужество, ни военные силы, ни репутация Аттилы. Запад «кричал» о поражении врага: возможно, для того, чтобы убедить в этом современников, а затем и потомков. Но с точки зрения сегодняшней науки это было полупоражением: Аттила сохранил армию и ее боевой дух, и менее чем через год он предпринял новую экспедицию – на этот раз не в Галлию, где больше нечего было взять, а в Италию.

На Каталаунских полях сошлись Запад и Восток, город и степь, крестьянин и кочевник, дом и шатер. Сто шестьдесят тысяч убитых из пятисот тысяч воинов, ступивших на равнины

Шампани. Прежде чем на полях сражений снова столкнутся такие огромные армии, пройдут века, наступят эпохи Чингисхана, Амира Темура, Наполеона.

Вторжение в Италию

Отступление гуннов представляло собой человеческую драму, о которой свидетельствовали и современник Приск, и, столетие спустя, Иордан, Кассиодор и Прокопий. Тяжелораненые умирали один за другим. По пути от Шалона до Рейна погибло до девяти тысяч гуннов и их союзников.

В ближайшем окружении Атилы не сомневались, что он откажется от продолжения борьбы, хотя полководец оставался все еще очень силен. Для Атилы это отступление было лишь неудачным эпизодом войны, этапом, который он считал нужным преждевременно и с некоторыми потерями завершить, чтобы начать новые кампании, лучше спланированные и подготовленные. Отступление – не поражение, отойти еще не значит уйти – продолжение битвы могло обойтись слишком дорого, разумнее было пересмотреть план кампании.

Вернувшись со своим потрепанным войском в долину Дуная, Атила направил энергию на изучение военной науки и необходимые преобразования. Но для реорганизации армии до такой степени, чтобы возобладать над тактикой противостоящего ему Аэция, требовалось внести коренные перемены в устоявшиеся обычаи гуннов, не менявшиеся испокон веков. Прежде всего, гунны укрепили свою столицу Этцельбург (важно отметить, что город назван в честь Атилы, имя которого в германском варианте звучало как Этцель), чтобы она могла выдержать длительную осаду. От кочевой жизни им пришлось отказаться – обретя родину и основательно укрепившись на ее территории, они больше не блуждали по бескрайним степям. меховые одеяния его ратников сменили кожаные латы с металлическими накладками. Начали строить баллисты и катапульты. Воинов учили пехотной тактике, отрабатывали движения в строю и пешие маневры, безопасность их обеспечивала уже не меткая стрельба из луков, а высокие щиты.

Кроме того, Атила без труда добился от остготов, ставших частью империи, обещания присоединиться к его армии по первому зову и милостиво оказал гостеприимство войскам тех союзников, которым далеко было добираться до родных краев.

Теперь Атила спокойно ждал новостей из Рима и Равенны. А новости были ободряющими. Плохой прием, оказанный Валентинианом Аэцию, весьма его порадовал. Можно было с уверенностью заключить, что их примирение не будет ни искренним, ни долгим. Тонкий дипломат, Атила, понял, что сейчас не стоило предпринимать каких-либо решительных действий, надо было только выдержать необходимое время, пока ситуация в Равенне не накалится до предела. И в этот период ожидания он активно взялся за подготовку итальянского похода, о котором давно мечтал: он вторгнется в Италию, раздавит Валентиниана и Марциана, а затем ему откроется дорога в Галлию с юга, тогда как остготы и их союзники обрушатся на нее с северо-востока. Обстоятельства, проистекшие из заключения союза между персами и римлянами, положили конец планам Атилы полностью реформировать армию гуннов. Дабы не дать этому союзу принести свои плоды, необходимо было действовать без промедления.

В глазах многих римлян возвращение римлян на поле брани не представляло такой уж большой опасности их благополучию, ведь они не видели собственными глазами, как яростно войско гуннов может опустошать все на своем пути. Впрочем, вскоре им предстояло познакомиться с неистовством этого океана варваров.

Тем временем Атила занялся укреплением союзов, но столкнулся с большими сложностями, которых совершенно не ожидал: остготы не спешили принимать активное участие в новой эпопее, гепиды мялись в нерешительности, герулы после галльского похода полностью погрузились в анархию. Все это в целом выглядело не блестяще. Атила тяжело переживал неудачи, что отразилось даже на его здоровье. Но он не отказывался от своих планов. Да, он покажет, что отступление не было поражением, а преддверьем самой

вершины его победы.

Аттила наметил план кампании: пройти классической дорогой римских легионов до Сирмия на Савве в Нижней Паннонии, затем обрушиться на самую мощную крепость во всей Италии – Аквилею, на северном побережье Адриатического моря, недалеко от современной Венеции. Оттуда предполагалось осуществить вторжение в Венецию и Лигирию, а затем в Этрурию до самого Рима, который он, естественно, желал захватить. Аттила намеревался оставить сильное войско у Аквилеи, чтобы пресечь возможные попытки вмешаться в войну византийского императора. В зависимости от достигнутых результатов, он мог бы затем воссоединиться с этими силами и уже со всей армией пойти в Константинополь. Однако он допускал, что может удовлетвориться одним сдерживанием сил византийцев, отложив захват Восточной Римской империи, когда уже завладеет Галлией.

Аэций оказался достаточно умен, чтобы разгадать готовящееся вторжение, на этот раз в Италию. Оставалась, однако, слабая надежда, что удар будет направлен на Восточную Римскую империю, не в обоих направлениях.

Тогда еще не завершился тот краткий период, когда Аэций мог надеяться вернуть себе полное доверие Валентиниана и оставаться всемогущим верховным главнокомандующим и политическим советником. Аэций изложил Валентиниану то, что считал необходимым предпринять для спасения империи. В ответ последовала буря негодования. В конце концов, Аэций поспешил в Рим и, мобилизовав все свои силы для восстановления и укрепления стен, за несколько месяцев напряженного труда превратил Рим в неприступную крепость. После чего, с разрешения императора, он отправился в Константинополь. Аэций изложил Марциану свои опасения: Аттила готовится перейти через Альпы. Однако Марциан был слишком уверен в себе и отказал Аэцию в непосредственной оперативной помощи и обещал выступить лишь в том случае, если гунны дойдут до По или одновременно двинутся на Рим и Константинополь.

Император счел дипломатическую миссию Аэция провалившейся, расстроил бракосочетание сына патриция и своей дочери и удалил его от дел. Против Аэция была развязана клеветническая кампания.

Тем временем министры-военачальники Аттилы все больше недоумевали по поводу бездействия своего императора. Январским вечером 452 г. Аттила собрал совет из самого близкого круга приближенных и объявил им, что вот уже несколько месяцев он серьезно болен: у него постоянная и ужасная головная боль. Он предпочел бы пасть на поле боя в лучах славы, чем испустить дух от апоплексического удара. Он не бессмертен, поэтому надо все предусмотреть. И Аттила изложил им свое завещание.

Единство империи гуннов должно быть сохранено – один император, которым станет его старший сын Эллак, наставником и советником – Онегез. Эрнак, самый молодой из сыновей, будет властелином Галлии и Италии после их завоевания. Узиндур получит земли от Одера до Днепра. Денгизих – от Днепра до Волги, а также весь азиатский север. Геймс станет правителем территории от Западной Паннонии до Черного моря. Эмнедзар станет правителем кавказских и каспийских провинций. Все дали торжественную клятву исполнить его волю.

Начиналась самая ужасающая кампания Аттилы. Она была примечательна, помимо кровавой резни, достижениями гуннов в области военной техники и стратегии, а также своим неожиданным, парадоксальным финалом.

«Лавина гуннов спускается со склонов Альп, Вы являетесь главнокомандующим империи и Вы один можете ее спасти», – писал римский император Аэцию. Аэций расположил свои легионы на берегах По. Все мероприятия по укреплению обороны земель к северу от этого рубежа свелись к укреплению гарнизонов Аквилеи и ряда других городов.

Аттила понимал, что Аквилея – это не Мец, не Орлеан, не Реймс... Это козырь из козырей – ключ к Риму, к Равенне, Константинополю и Галлии.

Стремительно ворвавшись весной 452 г. в Италию, гунны предприняли осаду Аквилеи – твердыни, привычной к вторжениям завоевателей. Но вскоре аквилейцы убедились, что

гунны – отнюдь не полоумные дикари, а прекрасно снаряженная и дисциплинированная армия, искушенная в войсковых маневрах. Стены Аквилеи были окружены множеством таранов, подвижных башен и машин, метавших камни, стрелы и зажигательные снаряды, а король гуннов то прибегал к обещаниям и запугиваниям, то поощрял соперничество и стимулировал личные интересы. Аквилея была в ту пору одним из самых богатых, самых многолюдных и самых укрепленных городов Адриатического побережья.

Три месяца были безуспешно потрачены на осаду Аквилеи, пока недостаток в провианте и ропот армии не принудил Аттилу отказаться от этого предприятия и неохотно сделать распоряжение, чтобы войска собрали свои палатки и начали отступление. Но в то время как он объезжал верхом городские стены, погрузившись в задумчивость и скорбя о постигшей его неудаче, он увидел аиста, готовившегося покинуть вместе со своими детенышами гнездо в одной из башен. С прозорливостью находчивого политика он увидел предзнаменование в этом, казалось бы, ничтожном, суеверном факте и радостно воскликнул, что эта птица, обычно живущая в соседстве с людьми, не покинула бы своего старого убежища, если бы эти башни не были обречены на разрушение и безлюдье. Благоприятный знак внушил уверенность в победе: осада возобновилась с новой силой. Широкая брешь была пробита в той части стены, откуда улетел аист, гунны бросились на приступ с непреодолимой стремительностью, и следующее поколение с трудом могло отыскать развалины Аквилеи.

Орда получила время на мародерство, после чего снова выступила в поход, преисполненная боевым духом, подкрепленным грандиозным триумфом. Уцелевшие же аквилейцы рассказывали о неисчислимом воинстве Аттилы, зловеще и неуклонно подступающем к Риму. Империя, уstraшенная неудержимой ратью, впала в ярость, граничащую с паникой.

Войска же Аттилы продолжали опустошительное шествие через Ломбардию, Пьемонт и Лигурию. Победоносный марш продолжался: Манитуя, Верона, Кастильо, Кремона, Брешиа, Бергама, Лоди, Павия, Милан, Комо, Наварра, Трекате, Верчелли, Чильяно, Мортара, Маджента, Виджевана... Кстати, когда Аттила покорил Милан и вошел в императорский дворец, он был поражен и оскорблен при виде картины, на которой Цезари были изображены восседающими на троне, а скифские государи распростертыми у их ног. Аттила среагировал на этот памятник римского тщеславия весьма остроумно. Он приказал одному из живописцев изобразить фигуры и положения в обратном виде: император был представлен на том же самом полотне приближающимся в позе просителя к трону скифского монарха и выкладывающим из мешка золото в уплату дани. Зрители должны знать, что такая перемена вполне обоснованна и уместна.

Любопытно, что Аттила намеренно способствовал основанию Венецианской республики, воскресившей в века феодализма дух коммерческой предприимчивости. Знаменитое название Венеция первоначально означало обширную и плодородную провинцию, простиравшуюся от пределов Паннонии до реки Адды и от берегов реки По до Ретийских и Юлийских Альп. До нашествия варваров пятьдесят венецианских городов процветали в мире и благоденствии, а Аквилея занимала среди них самое выдающееся положение. Древнее величие Падуи поддерживалось земледелием и промышленностью, и собственность пятисот ее граждан, принадлежавших к сословию всадников, доходила, по самым точным расчетам, до 1700 тыс. фунтов стерлингов. Многие семейства из Аквилеи, Падуи и соседних городов, спасаясь от гуннов, нашли хотя и скромное, но безопасное убежище на соседних островах. В глубине залива, где Адриатическое море слабо подражает приливам и отливам океана, около сотни небольших островков отделяются от континента неглубокими водами и охраняются от морских волн узкими полосками земли, между которыми есть секретные узкие проходы для кораблей. До середины V в. эта глухая местность оставалась без культуры, без населения и едва ли имела какое-нибудь название. Нравы венецианских изгнанников, их деятельность и форма управления мало-помалу приняли определенную форму, соответствующую новым условиям их существования, а одно

из посланий Кассиодора, в котором он описывает их положение почти через семьдесят лет, может считаться первым письменным памятником республики. Министр Теодориха, изъясняясь витиевато, сравнивает их с морскими птицами, свившими свои гнезда на поверхности волн, и хотя он предполагает, что в венецианских провинциях было много знатных семейств, он уточняет, что постепенно они были низведены несчастиями на один общий уровень бедности. Со временем мерилom их достатка стала соль, которую они начали в изобилии добывать в море. Этот столь необходимый человеку продукт на соседних рынках был эквивалентен золоту и серебру. Народ, о жилищах которого трудно было сказать, построены ли они на земле или на воде, вскоре, в соответствии со своими доходами, вновь разделился на бедных и богатых. На двенадцати главных островах ежегодно назначались, путем народного избрания, двенадцать трибунов, или судей. Венецианская республика существовала и в то время, когда Италия находилась под властью готских королей.

Что касается Атилы, то он сконцентрировал войска к югу от Мантуи у слияния По и Минчио, на широком тракте. Собрать воедино воинство, разбежаться в поисках добычи, оказалось нелегким делом, но это было сделано. И вот, любуясь на свои когорты, Атила заявил, что не намерен идти дальше. Его военачальники ничего не понимали. Однако это был гениальный ход, который и поныне восхищает стратегов. Согласно плану, войска под началом Онегеца переходят По. Соответственно Аэций, приняв их за авангард армии Атилы, снимает значительную часть своего оборонительного заслона, дабы отбросить гуннов за реку. Пока войска римлян соберутся дать отпор «авангарду» гуннов, Онегез уйдет дальше к югу. Аэций будет рыскать по берегам реки, выискивая армию Атилы, а Онегез со своим войском нападет на его тылы, и патриций вынужден будет отражать его нападение, оставив часть легионов как заслон против ожидаемого приближения Атилы. Силы римлян рассеются. Онегез, обратив в бегство арьергард Аэция, направится к Пизе, откуда по побережью ведет в Рим Аврелианова дорога. Аэций поспешит преградить гуннам путь к столице, тем самым еще больше ослабит свою линию обороны. И тогда Атила перейдет По, дойдет до Мантуи и Флоренции и оттуда, по Кассиевой дороге, достигнет Рима!

Таков был план покорения сердца Италии – Рима, и в той части, которая зависела от Онегеца, результаты даже превзошли ожидания. Однако – воистину чудеса! – главная часть гениального плана так и не была реализована, потому что его разработчик, Атила, не стал ее завершать.

Почему же Атила отказался от своего плана, который его соратники нашли превосходным, и почему, пока Онегез водил за собой Аэция, не форсировал По и не пошел через долину Тибра осаждать Рим?

Наступила вторая половина июня, и стояла душливая жара. Снова начались болезни. Часть войска была поражена эпидемиями, другая мучилась от последствий излишеств удачной кампании в богатой стране. Кроме того, обозы ломились от награбленного добра и многие жаловались на усталость, которая была тем тяжелей, чем сильнее распирало их желание доставить поскорее добычу домой.

Кругом свирепствовала эпидемия и распространялись слухи, что к югу от По она сильнее, чем на севере, а посему заманчивая мысль о продолжении войны по ту сторону реки По теперь не сулила ничего хорошего. К тому же Аэций расходовал свои силы, гонясь за тенью Онегеца, и не знал, откуда ждать главного удара. Значит, завтра переправа окажется еще легче, чем сегодня, и враг быстрее сложит оружие. И у Атилы появилась новая идея: а нельзя ли вместо наступления создать лишь видимость наступления, посеять такую панику, что страх вынудит Рим капитулировать и в сражении не будет нужды?

Атила призвал к себе Онегеца. Аэций понял, что производится концентрация сил перед решающим наступлением. Он стал стягивать все свои легионы для защиты Апеннин любой ценой.

В это время в Риме царил паника. Валентиниан III собрал министров и советников, а затем и сенат. Сенат единогласно постановил назначить несколько сенаторов, которые попросят мира за ту цену, которую назначит Атила. Свое постановление они подкрепили

поддержкой народа. Решили, что возглавит посольство папа Лев I, который в истории известен как Лев Великий, а в церкви – Лев Святой. Папой его избрали в 440 г., когда он еще даже не был рукоположен в сан священника. Лев повел войну с основными ересями того времени – манихейством в Италии, которое противопоставляло доброго Бога злому Богу и пыталось соединить христианство и восточное языческое верования, присциллианизмом в Испании, который, признавая в едином абстрактном Боге высшую силу, распределял ее среди целого пантеона божеств, и монофизитством в Константинополе, трактовавшем, что человеческая природа впитала в себя Божественную суть, создав единство природы Мессии.

Вот этот святой человек, семидесятилетний тосканец с длинной седой бородой, возглавил дипломатическую миссию к Аттиле. Посольство добралось до По и недалеко от Мантуанского моста встретилось с Аэцием, который приветствовал их, не скрывая своего удивления. Он решил, что готовится последняя попытка положить конец войне и перейти к мирным переговорам. Послы отбыли к лагерю гуннов без вооруженной охраны, но с папским штандартом и высоким серебряным крестом, который должен был обеспечить им защиту. Со стороны гуннов для встречи миссии был направлен представитель, который разместил их в шатре на отдых. В честь прибытия послов был дан праздничный обед. Блюда подавали изысканные, вина выдержанные. Велась светская беседа, папа рассказывал о Малой Азии, Аттила – о Востоке. Произошло невероятное, но Аттила исполнился восхищения благородным и мудрым старцем, а папа не устоял перед обаянием несокрушимого и даже цивилизованного вождя. По окончании трапезы папа и Аттила условились встретиться на следующий день, с глазу на глаз.

Никогда не будет известно, о чем говорили Лев I и Аттила. Но 6 июля 452 г. Аттила объявил, что стороны пришли к согласию: он начнет вывод войск из Италии 8 июля и выберет тот путь, который его устроит. Император Западной Римской империи выплатит в пятилетний срок разумную дань. Аттила отказывается от дальнейших попыток вторжения в Галлию и Италию при условии, что на него не нападут в другом месте и Рим воздержится от любых подстрекательств, сеющих смуту и подрывающих порядок в его империи. Он ожидает, что Валентиниан призовет Марциана выплачивать дань, обещанную его предшественником, и также не беспокоить императора гуннов. В противном случае он будет считать себя свободным от обязательств, и Константинополь окажется под ударом. С тем послы и уехали.

Спасение Рима было достойно заступничества со стороны небесных сил, и мы должны относиться с некоторой снисходительностью к такому вымыслу, который был изображен кистью Рафаэля и резцом Альгарди. Но историк Приск, как кажется, понял настоящую причину отступления Аттилы: его войска были довольны награбленной добычей и желали укрыть ее в безопасном месте, не подвергая ни ее, ни себя новым опасностям.

Народ Рима ликовал и славил Аэция, хотя на этот раз патриций не сделал ничего выдающегося, напротив, он стоял в стороне от политических решений и не участвовал в переговорах. Но Аэций был на тот момент в чести, и это было для него главное. Летом 452 г. Аттила повернул свое войско на север, не тронув Рим, и вернулся в родной улус, воздержавшись от дальнейших сражений. Исследователи выдвигают ряд предположений оценке военных компаний Аттилы на Запад: он совершил походы в Галлию и Италию лишь для того, чтобы показать свою силу и оставить там неизгладимую память о себе; он отказался повторить сражение на Каталаунских полях, захватить Рим и продолжить завоевание Италии, потому как был уверен, что уже достаточно показал свое могущество и что позднее Италия и Галлия сдадутся ему без боя; он пощадил Рим и уступил уговорам папы, чтобы придать себе величия и заручиться поддержкой Церкви; он намеренно позволил думать византийскому императору Марциану, будто боится его и не нападет, тогда как собирался в свое время нанести ему смертельный удар и захватить всю Восточную Римскую империю, после чего Западная империя, включая Галлию и Италию, пала бы перед ним на колени; и, наконец, он понимал, что решительный штурм всей Римской империи будет возможен только после восстановления порядка во всей империи гуннов.

Попытки объяснить поступки Атиллы парадоксальностью склада его ума, идущего зачастую наперекор логике, не стоит все же сбрасывать со счетов, хотя некоторые историки, такие, как Эдуард Троплонг и Рашид Атабинен, допускают, что его дипломатический гений основывался на тщательном анализе всех возможных вариантов событий.

Смерть Атиллы. Развал империи

Быть может, с возрастом мировое господство потеряло для Атиллы былую привлекательность, а может, он смирил свою гордыню, добровольно оставив Рим в покое. Тем не менее, несмотря на пошатнувшееся здоровье, Атила не мог смириться, что это его последняя кампания. С сентября по декабрь 452 г. император со своим войском совершил карательный поход по восстановлению порядка в центральных и восточных областях империи гуннов. С января 453 г. Атила преступил к подготовке «великого похода» на «римский мир», кампания должна была начаться 20 марта. Одним словом, дел предстояло много. К тому же по возвращении из карательного похода Атила узнал об измене вождей рипуарских франков, обещавших выступить на стороне гуннов в подготавливаемой кампании и не сдержавших слова. Он жестко наказал предателей и казнил их предводителей. Дочь одного из вождей бросилась в ноги к Аттиле, тщетно вымаливая прощение для своего отца. Девушку звали Ильдикко, и была она из весьма почитаемого в своей стране рода. По мнению Приска, девушка являла собою прекрасную Венеру. Атила сообщил пленнице, что намерен жениться на ней и сделать ее королевой. Негодующая Ильдикко ответила решительным отказом. Атила назначил день свадьбы; в то время «жениху» было пятьдесят восемь лет, «невесте» – шестнадцать.

Бракосочетание отмечалось с большой пышностью, Марсель Брион писал: «Германцы, славяне, азиаты – все вассалы Атиллы съехались на свадебную церемонию. Поляны были забиты кибитками, и приготовления к пиру смешивались с передвижением войск, так как король хотел выступить в поход сразу после завершения торжества... Весь день прошел в увеселениях, а Атила увлек новую супругу в свадебные покои. Очарованный ее белой кожей и волосами, он разорвал на ней одежды и лег подле нее».

На другой день, ближе к полудню, стражами овладело беспокойство, поскольку из спальни не доносилось ни звука. Выломав двери топором, охрана и сыновья императора ворвались в опочивальню. Атила был распростерт на своей постели из груды шкур без признаков жизни. В самом дальнем углу комнаты, закутавшись в свои разорванные одежды, съежилась Ильдикко. Врачи вынесли свой вердикт: апоплексия с удущьем из-за обилия крови, шедшей из носа и горла. Охрана собралась было расправиться с Ильдикко, но вмешались врачи, подтвердившие непричастность женщины к смерти императора.

Так скончался Атила, сын Мундзука, племянник и наследник Роаса, император гуннов.

Тело Атиллы, великого тюрка, было положено посреди равнины, под шелковым шатром, и избранные эскадроны гуннов совершили вокруг него мерным шагом военные почести, распевая надгробные песни в честь героя, который был славен во время жизни и непобедим даже в смерти, который был отцом для своего народа, бичом для своих врагов. Согласно обычаю, варвары укоротили свои волосы, обезобразили лица порезами и оплакивали своего отважного вождя так, как он того стоил, проливая над его трупом не слезы, а кровь воинов. Останки Атиллы, заключенные в три гроба – золотой, серебряный и железный, – были преданы земле ночью; часть захваченной добычи была положена в могилу, пленники, вырывшие ее, были безжалостно умерщвлены, дабы не позволить установить точное место последнего приюта вождя, и те же самые гунны, которые только что предавались чрезмерной скорби, закончили печальные обряды пиром, на котором предавались необузданному веселью. В Константинополе рассказывали, что в ту ночь, когда Атила испустил дух, Марциан видел во сне, что лук великого гунна переломился пополам, – вот так будоражил образ грозного тюрка разум римских императоров.

В марте 453 г. меч Марса, прикованный золотым браслетом к запястью правой руки «Бича Божьего», снова скрылся под землей. Закончив погребальные обряды, наследники Аттилы подняли спор о разделе государства, но, безрассудно желая повелевать все вместе, они все вместе потеряли власть.

Переворот, низвергнувший владычество гуннов, упрочил славу Аттилы, который одним своим гением поддерживал это громадное, но неплотно сложенное здание.

Большое количество наследников, как часто бывает, более вредно государству, нежели недостаток в них. Сыновья Аттилы, которые, вследствие его крайней чувственности, составляли почти целый народ, требовали, чтобы подданные были разделены между ними поровну, подобно домашней прислуге.

Империя распадается на нации, из одного тела образуются отдельные члены, и один не чувствует боли другого, но, по отсечении головы, наносят взаимные удары. Смерть Аттилы оказалась переломным моментом в истории Восточной Европы. Когда после похорон сыновья правителя стали спорить за права наследования, король гепидов Ардарих объявил, что считает себя обиженным недостаточным уважением к нему, и поднял восстание. В возникшей войне приняли участие все племена и народы, только что подчинявшиеся Аттиле. Произошла решительная битва на р. Недао (Недава, приток Савы), о которой повествует Иордан: «В ней можно было видеть и гота, сражающегося копьями, и гепида, безумствующего мечом, и руга, переламывающего дротики в его ране, и свева, отважно действующего дубинкой, а гунна – стрелой, и алана с тяжелым, а гепида – с легким оружием».

Кто был за кого? Из текста Иордана это неясно. Известно, что остготы были на стороне гепидов, а поэтому можно думать, что там же были и аланы. А вот руги и свевы? Видимо, они были за гуннов, потому что позже, в 469 г., они бьются против готов на реке Болии. А поскольку Одоакр, сын одного из ближайших министров Аттилы, покорил часть рогов, то надо полагать, что герулы, на которых он опирался, были врагами рогов и, следовательно, друзьями гепидов. Иордану все эти отношения были, конечно, ясны. В этой битве погибли любимый сын Аттилы – Эллак и 30 тыс. гуннов и их союзников. Уцелевших гуннов братья, Эллака Денгизих и Эрнак, увели на восток, на старые земли готов, в низовья Днепра. Остготы заняли опустевшую Паннонию, а руги ушли в Норик (кроме тех, которые нашли приют в Византии).

Гунны продолжали войну против готов, но тут их настигла вторая беда, на этот раз с востока. «В 463 г. к ромеям (византийцам) пришло посольство от сарагур, урогов и оногур и рассказало, что они покинули свою страну, будучи изгнаны савирами, а те, в свою очередь, были прогнаны аvaraми, бежавшими от некоего народа, обитавшего на берегах океана. Послы также сообщили, что сарагуры покорили акацир... и желают вместо них быть союзниками империи». Ныне названия перечисленных здесь народов расшифрованы. Сарагуры, оногуры и уроги – угры, предки древних болгар; савиры – этнос самодийской группы, населявшей окраину сибирской тайги; абары – джунгарское племя. Разгромив акациров, болгары уничтожили гуннский тыл, а савиры продвинулись по лесостепной полосе до Десны и остановили движение антов на восток. Анты же были союзниками гуннов.

Чем объяснить такую странную и внезапную подвижку племен, явно обусловленную событиями на юго-востоке? И почему эта война стала возможной? Ведь 200 лет сибирские народы не испытывали никаких неприятностей от южных соседей, так как между ними лежала пустыня. Они начали смещаться к югу и заселять уже не северную тайгу, а ее южную окраину. Сухая степь зазеленела и стала легкопроходимой. Тогда-то события, происходившие в Центральной Азии, и отозвались эхом, достигшим Восточной Европы.

После болгарского удара в спину – разгрома акациров – положение гуннов стало безнадежным. Но гунны сохранили древнюю тюркскую доблесть и упорство. Тем временем Денгизих продолжал войну с готами. Его поддерживали три гуннских племени (ултзинзуры, биттогуры, бардоры) и одно германское, враждебное готам, – ангискиры. На его стороне были и садаги, гуннское племя, оставшееся в Паннонии после битвы при Недао. Готы напали

на садагов в 60-х гг. V в., но Денгизих совершил поход на город Басиану в Южной Паннонии. Готы были вынуждены оставить садагов в покое и бросить свои войска на гуннов. Те же, выполнив боевую задачу, отошли в степи Приднепровья.

После удачной диверсии, связавшей руки готам – врагам не только гуннов, но и Византии, – Денгизих попытался в 468 г. наладить союз и торговлю с константинопольским двором, но получил отказ. Вместо контакта возник конфликт. Но почему? Потому что готы были одновременно проклятием и опорой поздней Римской империи. Они 90 лет (378–468 гг.) грабили население Италии и Балканского полуострова, так что древние этносы (македонцы, фракийцы, многие эллины, часть иллирийцев) просто исчезли с этнографической карты. Но вместе с тем готские наемники были наиболее боеспособной частью императорской гвардии. Будучи арианами, они охотно подавляли народные движения в городах, где после Халкидонского собора 451 г. православные и монофизитские монахи придавали народным волнениям неслыханный размах. И за все расплачивалось сельское население, отдаваемое правительством империи в жертву воинственным варварам.

На западе свев Рицимир, на востоке алан Аспар, командуя германскими гвардейцами, готовили Рим и Константинополь для сдачи варварам. Рицимир умер от заразы, оставив Италию беззащитной, ибо ее население начисто потеряло древнюю доблесть. Но восток устоял, хотя готские гвардейцы держали в своих руках столицу и заставили Льва I выплачивать ежегодную стипендию не только себе, но и своим паннонским сородичам. В 469 г. арианин Аспар разбил естественного союзника Византии Денгизиха и отправил его голову в Константинополь.

Официальная версия событий гласила, что гунны совершили набег на Византию, но были окружены: с запада им грозили готы, с востока – болгары, с севера – савиры. Могли ли они начать новую войну? А вот Аспару гибель гуннов была выгодна, за это можно было получить благодарность от готов. Поэтому и было объявлено, что гунны «прорвались» через Дунай. Но когда в 471 г. Аспар был убит и гвардейцы его перебиты савирскими войсками, находившимися под командованием будущего императора Зинона, выяснилось, что гунны переходят Дунай вовсе не для войны.

Может быть, грядет новая эпопея? Степные народы в период упадка всегда стремятся возродить прошлое. Однако, как это случилось с хуннами в Азии, гунны просят римлян взять их под свой протекторат и создают федерации на захваченных землях в Месии и Добрудже.

В этой связи следует остановиться на следующих исторических фактах.

Один из ближайших советников и военачальников Аттилы Орест (в прошлом римский командир) возвращается в Италию, назначается начальником городского ополчения при западном императоре Юлии Непоте, заставляя того отречься от престола и провозглашает императором своего сына Ромула Августула. Итак, сын одного из полководцев Аттилы становится римским императором (476 г.)! Но ненадолго: в том же 476 г. Одоакр низлагает Ромула Августула – последнего императора Западной Римской империи – и принимает помимо прочих титул короля Италии. С его согласия гунны занимают в Италии обширные земли.

Последним известным потомком Аттилы является его внук Мунд, который стал полководцем императора Восточной Римской империи Юстиниана и был убит гунном в 560 г.

Что касается Западной Римской империи, то катаклизмы, происходившие в Гуннской империи после смерти Аттилы, казалось бы способствовали ее безопасности. Однако царствовавший Валентиниан, достигший уже тридцатичетырехлетнего возраста, но все еще не приобретший политической прозорливости, использовал это непрочное спокойствие для того, чтобы физически уничтожить патриция Аэция, не задумываясь, что тем самым он ощутимо пошатнет основы своего собственного могущества. Он ненавидел человека, которого народ превозносил за то, что он умел сдерживать варваров и был опорой республики.

Слава Аэция, его богатство и высокое положение, многочисленная и воинственная

свита приверженцев, влиятельные друзья, занимавшие высшие государственные должности, и надежды на будущее сына Гауденция, помолвленного с дочерью императора Евдокией, – все это возвышало его над подданными. Честолюбивые замыслы, в которых его втайне обвиняли, будоражили у Валентиниана и опасения и досаду. Сам Аэций, полагаясь на свои личные достоинства, заслуги и, быть может, на свою честность, вел себя достаточно высокомерно, без надлежащей сдержанности: патриций унижил Валентиниана, публично выразив неодобрение его политики, усугубив ситуацию, настояв на подкреплении торжественной клятвой императора договора о перемирии и всем своим поведением не выказав особого почтения к правителю. Их отношения не замедлили разрешиться. Не позаботясь о личной охране, Аэций отправился в римский дворец, и когда он, быть может с чрезмерной горячностью, настаивал на скорейшем бракосочетании своего сына с дочерью императора, Валентиниан обнажил меч и вонзил его в грудь полководца. Царедворцы же и евнухи, стараясь превзойти друг друга в демонстрации преданности императору, вонзили множество раз свои кинжалы в уже бездыханное тело Аэция. Затем началась жестокая расправа со сторонниками Аэция. По окончании этих кровавых действий Валентиниан выступил перед народом и солдатами, сообщив им о справедливости и своевременности свершенного «правосудия», полагая, что тем самым заручился поддержкой своих подданных. Однако все это еще больше отвратило народ от императора. И даже один из царедворцев позволил себе заметить Валентиниану: «Мне неизвестно, Ваше Величество, какие соображения или обиды заставили Вас так поступить, я знаю только то, что Вы поступили точно так же, как тот человек, который своей левою рукой отрезал себе правую руку». Оставшиеся в живых сторонники Аэция скорбили и жаждали мщения.

Царствовавшая в Риме роскошь была притягательна для Валентиниана, и это способствовало его продолжительным и частым пребываниям в столице. Республиканский дух оживал в сенаторах по мере того, как их влияние и даже их денежная помощь становились необходимыми для поддержания слабой правительственной власти. Подчеркнутое высокомерие, с которым держался император, было унижительным для сенаторов, а удовольствия, которым предавался Валентиниан, нарушали спокойствие и оскорбляли честь знатных семей.

Валентиниан, не веривший ни в дружбу, ни в преданность, так как сам был не способен на это, имел неосторожность принять в число своих телохранителей нескольких слуг и приверженцев Аэция. Двое из них, по происхождению варвары, жаждали исполнить свой священный долг, лишив жизни того, кто убил их полководца, и их неустрашимое мужество не долго ожидало благоприятной минуты. В то время как Валентиниан развлекался на Марсовом поле зрелищем военных игр, они внезапно устремились на него с обнаженными мечами и вонзили их прямо в сердце императора, причем без всякого сопротивления его многочисленной свиты, по-видимому возрадовавшейся смерти тирана. Таков был конец Валентиниана III, последнего римского императора из дома Феодосия. Он отличался точно таким же наследственным слабоумием, как его двоюродный брат и двое дядей, но он не унаследовал кротости, душевной чистоты и невинности, которые компенсировали им отсутствие ума и дарований. Валентиниан не имел таких же прав на снисходительность, поскольку при своих пагубных страстях он не обладал никакими добродетелями; даже его религия сомнительна, и хотя он никогда не вовлекался в заблуждения еретиков, он оскорблял благочестивых христиан своим увлечением магией и ворожбой.

Еще во времена Цицерона и Варрона римские авгуры держались того мнения, что двенадцать коршунов, которых видел Ромул, обозначали двенадцать столетий, по истечении которых закончит свое существование основанный им город. Это предсказание, быть может, внушало народу самые мрачные опасения, когда ознаменовавшееся позором и бедствиями двенадцатое столетие приближалось к концу, и даже потомки не без некоторого удивления сознавали, что произвольное истолкование случайного или вымышленного факта вполне оправдывалось падением Западной Римской империи. Но это падение предвещали более верные предзнаменования, чем полет коршунов. Римское правительство становилось с

каждым днем все менее страшным для своих врагов и все более ненавистным и притесняющим для своих подданных. Подати увеличивались вместе с общей нищетой; бережливостью пренебрегали по мере того, как она становится более необходимой, власть имущие переложили на народ несоразмерное бремя налогов и обратили в свою пользу все те сложения недоимок, которые могли хоть как-то облегчить народную нужду. Жесткие расследования, заканчивающиеся конфискацией имущества и сопровождающиеся пытками обвиняемых, вынуждали подданных Валентиниана укрываться в лесах и горах и даже бежать к варварам.

Если бы все варварские завоеватели могли быть стерты с лица земли в одно мгновение, то и совершенное их истребление не восстановило бы Западной Римской империи, а если бы Рим и пережил это событие, он пережил бы вместе с тем утрату свободы, мужества и чести.

Наследство, оставленное Атиллой, было губительным для его сыновей и близких. Заслуга Атиллы перед своим народом в том, что он отдалил гибель гуннов на 20 лет, а среди европейцев оставил о себе память едва ли не мифическую.

В V в. войны велись за власть, за господство, за обладание сокровищами. Не было геноцида – грандиозного достижения западноевропейской цивилизации. Великое же переселение народов, начавшееся до вторжения гуннов, продолжалось.

То, что имя гуннов стало синонимом жестоких убийств, очередной миф, созданный древними авторами в угоду готским вождям, фактически контролировавшим Испанию, Галлию, Рим, Константинополь.

Потомки гуннов вошли в состав болгар и антов (славян), поволжских угров, что породило этнос чувашей и прикавказских аланов; не менее вероятно, что отдельные гунны могли найти приют у тюрингов и даже франков.

Таким образом, потомки гуннов уцелели в достаточном числе, но этническая система распалась, поскольку оборвались связи и традиции.

Около восьми десятилетий, с 375 по 453 г., из них девятнадцать лет под предводительством Атиллы, гунны ввергали Европу в ужас.

Атила был единственным королем гуннов, которому удалось объединить под собственным верховным господством отдельные гуннские и многие другие покоренные им варварские племена и поставить их на службу своим политическим целям. Во внешней политике он демонстрировал удивительную прозорливость и осмотрительность, умело сочетая силу и хитрость. Проведенные им военные кампании обнаруживают в нем великий талант стратега. Современные Атилле греки и римляне видели в нем в высшей мере опасного врага, христиане презирали его как нехриста, который, на их взгляд, концентрировал в себе варварство неизмеримо больше, чем какой-нибудь вестгот или вандал. Готы и вандалы долгое время поддерживали тесные отношения с римским миром, тогда как между гуннами и римлянами не наблюдалось никакого сближения. Гунны оказались для народов Европы одним из самых тяжелых испытаний в ту, столь обильную страшными бедствиями эпоху.

Великий человек, сколь бы велик он ни был, всего лишь представитель своего этноса, своего окружения, своего времени. Исторические катастрофы приводят к переоценке реальных средств, которыми он мог в действительности располагать. Атила был тюрком-кочевником, урожденным вождем воинственных захватчиков. Его ум, энергия, пороки, слабости определяли его действия, которые, возможно, могли быть и другими, но если бы они были другими, мир был бы иной.

Конец Атиллы был и концом Западной Римской империи. Вождь гуннов нанес последний смертельный удар этой великой империи, безнадежно пытавшейся сохранить свое призрачное единство. Теперь Галлия готова была начать разматывать путеводную нить клубка собственной судьбы. Зато отказ Атиллы от взятия Константинополя и его смерть перед началом задуманного завоевания всех римских земель, ставшего его последней мечтой, отдалили конец Восточной Римской империи еще на тысячу лет. В обоих случаях Атила решающим образом повлиял на ход мировой истории.

Глава 3 Великий Тюркский каганат. Уйгурский каганат

Тюркоязычные народы и федерации в V–VII вв

Великое переселение народов в III–V вв. привело к глобальным переменам в полосе цивилизаций между Рейном и рекой Хуанхэ.

В самых восточных районах Монголии, по соседству с маньчжурскими протомонголами, в тесном контакте с ними обитали племена тюркских народов, самые известные из которых – изгили, байырку, татары и огузы. К этому времени рядом с ними уже появились кидани, протомонголы, которым предстояло сыграть важную роль. Два первых упомянутых народа не представляют особого для нас интереса: место обитания изгилей точно не известно, а байырку жили в верхнем течении Керулена. Зато двух других ожидало блестящее будущее.

Татары составляли федерацию, насчитывающую не менее тридцати племен – отузтатар (тридцать татар); была другая, меньшая федерация из девяти племен – тогузтатар (девять татар), хотя она могла быть частью первой. Их территория простиралась между Керуленом и озером Байкал, причем никак не дальше его юго-восточной оконечности. Согласно некоторым гипотезам, древние монголы тюркизировались позже. Во всяком случае, упомянутые племена всегда жили в тесном контакте с монголами, вплоть до эпохи Чингисхана (XIII в.), когда их имя прогремело на весь мир, правда, их ошибочно называли татарами, или «тартарами» – результат путаницы и произвольного соединения названия античной мифической реки и тюркского слова. Они были почти неизвестны в древности, зато часто упоминаются начиная с X в., когда стало модным описывать их воинственность и дикость. В XI в., либо в результате их очень быстрого переселения, либо в силу ошибки, Махмуд аль-Кашгари поселил их в стране Отюкен, но в XIII в. они вновь фигурируют в верховьях Керулена.

Что касается тогуз-огузов (девяти огузов), они могли составлять огромную тюркоязычную совокупность, которая занимала территорию, простиравшуюся далеко на запад, и частью которой могли быть будущие тюрки, ту-кю, как называли их китайцы. В эту совокупность также могли входить байырку и уйгуры, причем последние, возможно, имели над первыми определенное превосходство. Согласно текстам начала VIII в. сфера деятельности тогуз-огузов находилась к югу и юго-востоку от Байкала.

В северной Монголии и на юге Сибири до того, как ту-кю обосновались в стране Отюкен, где до них жили хунны и жужани, кочевали курикань, кыргызы, тардуши и уйгуры. Две первые группы локализовать несложно. Курикань жили к западу от Байкала, где ныне находится Иркутск, и, возможно, входили в уйгурскую конфедерацию. Кыргызы занимали верховье сибирского Енисея, т. е. районы Минусинска и Абакана. Иногда их земли расширяют до устья Енисея, до нынешней Тувы, но найденные там древние надписи указывают на довольно существенные различия по сравнению с кыргызскими надписями, так что можно сказать, что речь идет о другом, неизвестном племени.

Как было сказано, кыргызы – один из самых древних тюркских народов, однако у них нет антропологических признаков, присущих так называемой тюркской расе. Как правило, их считают тюркизированными индоевропейцами. Китайцы описывают их как людей крупных и светловолосых, а араб Гардизи в XI в. приводит легенду, согласно которой кыргызы имеют славянское происхождение, и добавляет, что они сохранили свой прежний внешний облик, а именно – рыжие волосы и светлую кожу.

Само название – кыргызы, как и многие слова их языка, чисто тюркское. Название этого народа можно объяснить корнем «кырк» (сорок) и четко выраженным суффиксом «ыз» – эки (два), «икиз» (близнецы).

Второй этимологический вариант – кырк (сорок) и кыз (девушка), т. е. сорок девушек, –

связан с кыргызским мифом, который гласит, что они произошли от сорока девственников, вступивших в связь с диким хищником. Очевидно, кыргызы были объединены в федерацию из сорока членов, точно так же по числу членов именовали свои объединения татары и огузы. Они оставили интересную эпитафию, согласно которой в VIII в. кыргызы предприняли попытку подчинить себе Центральную Азию, но в X в. им пришлось отступить на свои исходные земли, где оставались до XVIII в. (см. далее «Кыргызы»). Это редкий пример географического постоянства в истории Центральной Азии. Впрочем, некоторые из них могли мигрировать, этот факт объясняет, почему западные тюрки подарили кыргызскую рабыню византийскому послу Земарку; однако девушка-кыргызка могла оказаться там в результате не только миграции, но и войны.

Что касается тардушей, которые пасли свои стада южнее кыргызов, между Алтайскими горами и озером Байкал, они до сих пор остаются загадкой. Возможно, слово тардуши в VII в. и даже в V в. означало «западные тюрки».

Уйгуры, группа из десяти союзных племен (он-уйгур), судя по текстам VIII в., жили к югу от Байкала, хотя, если говорить точнее, они могли жить севернее гор Отюкен до самых границ, разделяющих сегодня Сибирь и Монголию.

Присутствие тюркских народов в южных районах Гоби, т. е. на территории Китая, уже не является серьезным утверждением, тем более что тюркские надписи, обнаруженные в Монголии, указывают на то, что южнее жили только китайцы и тибетцы.

Монгольский и сибирский Алтай, несомненно, был колыбелью тюркских народов, среди которых в эпоху жужаньского владычества фигурировали и племена, называемые китайцами ту-кю, они – первые тюрки, носившие это имя.

На востоке, до самых берегов озера Балхаш, жили «снежные люди», карлуки и теле; именно они заключили союз с арабами, чтобы одержать победу над китайцами в решающей битве на р. Талас, о чем речь будет идти позже. Этот народ был такой же загадочный, как и тардуши, и, скорее всего, во всяком случае в эпоху уйгурского владычества, представлял собой западный фланг империи.

Южнее Алтая кочевали «племена пустыни», которых китайцы называли «шато», не зная, к какому тюркскому имени относится это слово. Они были последними тюрками, которые самостоятельно вторглись в Китай и образовали последнее тюркское царство. По соседству с ними обитали басмилы, чье название является вариантом глагольной формы «басмиш» (те, которые наступают); они занимали юго-восточные земли Джунгарии. Их наступление, возможно, было направлено на Тарим, но вопреки некоторым утверждениям, они вряд ли вторгались туда, и будущий Синьцзян оставался территорией, вмещающей в себя несколько царств индосасанидской культуры и буддийской религии.

Наконец, к югу от Балхаша жили тюргешы, несомненно, родственники ту-кю (собственно говоря, тюрки, если судить по суффиксу «еш», что значит «спутник»). Впрочем, в тюркских текстах не чувствуется большой разницы между словами «тюргеш» и «он-ок» (десять стрел). Он-ок – это десять западных племен, входивших в федерацию ту-кю. Можно сказать, что речь идет об одном из этих племен, подчинивших себе остальные. Они были хорошо известны китайцам и делились на «черные» и «желтые» племена. До 711 г. они составляли доминирующую группу, затем, в период 716–766 гг., когда их территорию заняли карлуки, они снова были правящей группой.

Нет оснований сомневаться в том, что страна между озером Балхаш и Аральским морем оставалась заселенной, по крайней мере частично, потомками хуннов и тинь-линей.

Что касается территории между Каспием и северным побережьем Черного моря, она была предметом вождения тюркских племен, которые не поддаются идентификации, и гуннских орд, которые вторглись туда после смерти Аттилы и поражения его сына в войне против Византии. При этом на арену вышли болгары, венгры и хазары.

Совершенно очевидно, что динамичный тюркский мир простирался почти сплошной длинной, но относительно узкой полосой от Маньчжурии до Византии (примерно между 45-й и 55-й параллелями). Эта полоса зажата между лесами Северного полушария и

высокими горами, территорией развитой Южной цивилизации.

Образование Великого Тюркского каганата. Завоевательные походы

Для азиатских народов знание родословной было издавна весьма характерным.

К примеру, тибетцы считали своими предками самца обезьяны и самку ракшаса (лесного духа), монголы – волка и лань, телесцы – тоже волка и дочь хуннского шаньюя, а тюрки – хуннского царевича и волчицу.

Говоря о появлении на исторической арене древних тюрков, следует остановиться на происхождении их правящего клана – рода Ашина.

Итак, среди племен, побежденных тобасцами при покорении ими Северного Китая, находилось «пятьсот семейств Ашина». Эти «пятьсот семейств» возникли из смешения разных родов, обитавших в западной части Шэньси, отвоёванной в IV в. у китайцев хуннами и сяньби. Ашина подчинялись хуннскому князю Мутаню, владевшему Хэси (область к западу от Ордоса, между излучиной Хуанхэ и Наньшанем). Когда в 439 г. тобасцы победили хуннов и присоединили Хэси к империи Вэй, то Ашина с пятьюстами семействами бежал к жужаням и, поселившись по южную сторону Алтайских гор, добывал железо для жужаней.

Слово «Ашина» означало «волк», «А» – префикс уважения в китайском языке. Следовательно, «Ашина» – «благородный волк».

По-видимому, Ашина был вождем небольшой дружины, состоявшей из удальцов. Имя Ашина сохранилось как имя династии.

Китайцы называли подданных ханов Ашина – ту-кю. Это слово удачно расшифровано историками как «тюрк+ют», т. е. «тюрки», но с суффиксом множественного числа не тюркским, а монгольским. В древнетюркском языке все политические термины оформлялись монгольским множественным числом. Это дает основание полагать, что они привнесены в тюркскую языковую среду извне.

Само слово «тюрк» значит «сильный, крепкий». Согласно мнению большинства ученых, «тюрк» – собирательное имя, которое впоследствии превратилось в этническое наименование племенного объединения.

Таким образом, древние тюрки сложились в V в. из небольшого народа, населявшего отроги Монгольского Алтая и орды Ашина, пришедшей из Ганьсу в 439 г. Создавшийся таким образом народ получил название «тюрки».

Род Ашина до середины VI в. был подданным жужаней.

В 545–547 гг. союзом племен ту-кю (тюркютов) во главе с Бумыном было положено начало Великому Тюркскому каганату.

Как же возникла степная империя? По этому вопросу обратимся к труду О. Трицака: «Когда в степи появлялся талантливый организатор, то он собирал вокруг себя толпу сильных и преданных людей, чтобы подчинить с их помощью свой род, а потом племя и, наконец, тот племенной союз, о коем идет речь. Потом он предпринимал со своими людьми разбойничьи походы. Если они протекали успешно, то следствием их было присоединение соседних племен. Следующей задачей было, с одной стороны, уничтожение господствующих родов племенных федераций, с другой, – размещение гарнизонов в степных укреплениях.

Обладание священными местами в степи давало основателю новой федерации благодать (харизму), которая придавала его империи силу законности. Так как только принадлежащие к господствующему роду могли рассматриваться как господа, то созываемый на священном месте вблизи от укрепления курултай, в котором принимали участие старейшины племен, вошедших в эту федерацию, выбирал кандидата в степные цари. Кроме титула правителя, устанавливалось название для нового государства и федерации».

Естественно, можно поспорить с некоторыми положениями историка, но, как очевидно, именно эпоха Великого каганата дала ему основание для построения этой концепции.

Великий Тюркский каганат – первое крупное государство, объединившее народы,

проживавшие на огромной территории от Днепра на западе до Амура на востоке и от Енисея на севере до предгорий Тибета на юге.

Великий Тюркский каганат прочно объединял кочевую степь и очаги земледельческой оазисной цивилизации – города Центральной Азии.

Теперь остановимся на процессе объединения более подробно.

Итак, уже в 545 г. Бумын установил дипломатические отношения с Китаем. Тем не менее тюркюты продолжали плавить железо для жужаней.

Но в 546 г. Бумын разбил и присоединил к своему айману 50 тыс. кибиток уйгуров, воевавших тогда против его сюзерена, жужаньского хана Анахуаня. Успех окрылил его надеждой, и он обратился к хану Анахуаню с просьбой отдать ему в жены царевну. Оскорбительный ответ последнего послужил поводом к войне. К тому же в указанном году Бумын получил поддержку от телеутов – 50 тыс. конников. Все это дало возможность для формирования профессиональной армии.

В 551 г. Бумын женился на китайской принцессе. Тот же год был знаменателен тем, что Бумын получил титул кагана (хана), объединил тюркские народы в одно государство и в 551–555 гг. нанес сокрушительный удар по Жужаньскому царству. Таким образом закончилась зависимость тюркютов от жужаней.

В 553 г. на трон взошел его сын Муганькаган (553–572 гг.), который превратил Тюркское объединение в каганат. Появление тюркской централизованной державы, охватывавшей всю азиатскую степь, оказалось для Китая, Византии и Ирана фактором неожиданности и огромного значения для дипломатии.

Восточная политика сасанидского Ирана была гибкой и прозорливой: в столицу каганата прибыло персидское посольство, установившее союз, скрепленный браком шаха и дочери Истеми-хана. Согласно китайским источникам, вместе с десятью влиятельными вождями он-ок (десять стрел) Истеми сопровождал своего брата Бумына в поход на Джунгарию, затем, когда брат умер в год своей победы, он получил титул «ябгу» (можно перевести как вице-император), охранял западные земли империи по поручению своего племянника, сына Бумына Мугань-кагана, который сделал своей резиденцией «священную страну Отюкен» на берегах Орхона и Селенги в Верхней Монголии, представляя огромную угрозу Китаю.

Для закрепления договора с Ираном к персам было направлено тюркское посольство. Их путь лежал через Центральную Азию, в ту пору завоеванную эфталитами. Эфталиты разграбили караван, а послов предали смерти. С требованием немедленной выдачи убийц к царю эфталитов обратился Мугань-каган, но получил резкий отказ. Война с эфталитами стала неизбежной.

В 560 г. Истеми-хан выступил в поход в Центральную Азию. Решающая битва между объединенными персидскими и тюркскими войсками против армии эфталитов произошла в 565 г. в горах у Несефа и завершилась полным разгромом последних. Победители же поделили их земли: персам досталась Бактрия, тюрки вступили в Согдиану, страну древней иранской цивилизации, где заложили основы будущей тюркизации. Тот факт, что она осуществлялась медленно и сопровождалась метисацией, т. е. смешением населения, не меняет ее разрушительной сути: Иран окончательно потерял одну из своих главных провинций, а индоевропеизм вновь откатился назад, однако родился Туран, который позже назовут Туркестан. Так Центральная Азия стала неотъемлемой частью каганата. Вскоре к тюркютам примкнули остатки хазар, болгары-утургуты (на Северном Кавказе), кидани (в Маньчжурии) и согдийцы. Тюркюты дошли до Волги, но не перешли ее, ограничившись подчинением народов, населявших приуральские степи.

Времена изменились. На сцену великих цивилизаций вышли тюрки.

С тех пор тюрки и персы имели общую протяженную границу: Туран, Иран – уже начертан план «Книги Царей» и великой эпопеи Фирдоуси.

Каганат достиг не только политического, но и экономического могущества. По сути дела, каганат стал колониальной империей, как Рим в эпоху принципата, или как Англия и

Франция в XVIII–XIX вв. Каганат был не только обширнее, но и экономически сильнее государства Хунну, ибо он взял контроль над «дорогой шелка» – караванным путем, по которому китайский шелк уходил в Европу в обмен на европейское золото.

Шелк тюркюты получали из раздробленного Китая, где два царства – Бэй-Чжоу и Бэй-Ид – охотно платили за военную помощь и даже за нейтралитет. Тюркютский хан говорил: «Только бы на юге два мальчика были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности» (два мальчика – Чжоу и Ци).

В VI в. шелк был валютой и ценился в Византии наравне с золотом и драгоценными камнями. За шелк Византия получала и союзников, пусть подкупленных, и наемников, и рабов, и любые товары. Она готова была покупать сколько угодно шелка, но торговый путь шел через Иран, который жил за счет таможенных пошлин с караванов и потому вынужден был их пропускать, при этом строго ограничивая, ибо при получении лишнего шелка Византия наращивала военный потенциал, направленный против Ирана.

Вскоре после 565 г. Истеми направляет сасанидскому царю посольство, состоящее из согдийцев, под руководством некоего Маниаха. Затем, в 567 г., он расширяет область своих связей с Византией.

Первая война между Ираном и Тюркском каганатом в 568 г. явилась следствием посольства Маниаха, который сумел убедить Истемикагана изменить персидскую ориентацию на византийскую. И не последнюю роль здесь сыграл факт ограничения прохождения караванов с шелком через Иран.

Истеми-каган решил с помощью оружия сделать Иран более сговорчивым: его войска перешли Амударью и в Джурджане захватили торговые города, принадлежащие персам. Но линии пограничных укреплений, воздвигнутых персами еще в V в. против эфталитов, не смогли пройти и в 569 г. вернулись в Согдиану, зная, что Византия вот-вот начнет войну в Месопотамии и отвлечет персидские войска. Тем временем другая часть войск Истемихана вступила на территорию Северного Кавказа, стремясь проложить новый караванный путь вокруг Каспийского моря через Кавказ.

Мир с Ираном был заключен в 571 г.

В 572 г. умер Мугань-каган. На похороны приехали послы всех соседних государств. Византийская империя послала специальную делегацию. На курултае, созванном после похорон, присутствовали представители всех тюркских племен, входящих в состав Великого Тюркского каганата, и на престол был посажен Арслан-хан с титулом Тобо-каган.

Тюркский каганат быстро расширялся, особенно на западе, в его состав входили новые тюркские племена со своими территориями. Каганат, для облегчения правления, разбили на восемь улусов: Тобо-каган отдал восточное крыло улуса в управление своему племяннику Шету, западное крыло – своему брату, у которого был сын Бурихан.

Тем временем Истеми-хан, закончив организацию государственного аппарата, начал войну с аварами.

Авары, бежавшие из Центральной Азии в Причерноморье, за короткое время создали крепкое тюркское государство. Чтобы противостоять Великому Тюркскому каганату, авары заключили мир с Византией. Война между каганатом и Аварским государством была долгой и кровопролитной. Одержав победу над аварами, тюрки в 576 г. дошли до Босфора и вышли к границам Византийской империи. У Менандра мы находим обращение Истеми-хана к послу византийского императора Валентиниана: «Не те ли вы римляне, которые говорят на десяти языках и на всех одинаково обманывают! Мы, тюрки, не знаем ни лжи, ни обмана, и знайте, что я найду случай отомстить вашему государю, который, уверяя меня в своей дружбе, покровительствует аварам, беглым рабам нашим».

В 576 г. умер Истеми-хан. Командование армией и верховной властью на западе Тобо-каган поручил его сыну Кара-Чурин Тюрку с титулом Тардуш-хан (576–603 гг.). Он стал первым лицом после кагана.

Начиная с 576 по 583 гг. тюрки вели войну с Византией и аварами. Война шла на Черноморском побережье, в Крыму и на Кавказе. Тюрки завладели северо-восточными

берегами Черного моря и прорвались в Крым, но потерпели поражение и отступили, оставив Крым.

Что касается восточных дел, то Каганат заключил мирный договор с империей Бэй-Чжоу, которая ежегодно выплачивала 100 тыс. кусков шелковых тканей, за что тюрки помогали ей совершать походы в глубь территории Бэй-Ци.

В 576 г. началась война между двумя китайскими империями – Бэй-Чжоу и Бэй-Ци. Чжоусцы победили. Но объединение Северного Китая не входило в планы Тобо-кагана, поэтому он приютил царевича Ци у себя и объявил его законным императором Бэй-Ци. В 578 г. Тобо-каган вторгся в Китай и наголову разбил чжоускую армию. Однако китайцы пошли на хитрость, предложив Тобо-кагану в жены китайскую принцессу и большое приданое в обмен на императора Ци. Тобо-каган дал согласие, и это подорвало его авторитет среди высшего сословия и народа. Кроме того, Тобо-каган принял буддийскую веру и покровительствовал буддийским миссионерам, но это учение тюрками не воспринималось, лишь усиливало противостояние народа и религиозных деятелей. В 581 г. Тобо-каган неожиданно умер, а в Китае Чжоуская династия была свергнута генералом Ян Цзяном – основателем династии Суй. А в Великом Тюркском каганате медленно назревал конфликт. Следует отметить, что до этого периода внутри Тюркской державы не было распрей.

Итак, движение тюрков на запад было не просто завоеванием, а крупной миграцией тюркоязычных народов и заселением ими обширных территорий.

Под энергичным командованием Истеми-кагана и его выдающегося сына Кара-Чурина Тюрка на западе тюрки добились больших успехов, и в первую очередь успехов дипломатических. Истеми-хан принял язык иранских сасанидов, возобновив, таким образом, союз кочевников с оседлыми племенами, союз естественный и очень опасный, наподобие того, что римляне заключали с германцами, затем с Атилией, а также того, что Китай и Византия позже так часто заключали с варварами: он упрочил связи для борьбы против эфталитов.

Хосров I, Царь царей, самый великий из династии Сасанидов, взял в жены тюркскую принцессу, которая родила ему сына, Хормизада IV, названного при коронации Тюркзаде – Сын Тюрка. Это был факт исключительной важности, если не для того времени, то для будущего; он призвал в свою армию тюркских наемников, несомненно, христианского вероисповедания, но все-таки тюрков.

Его политику будет продолжать мусульманский Иран, затем Византия, Арабский халифат Аббасидов, Египет, позже эти страны окажутся под властью тюрков, т. е. утратят свою независимость и самобытность.

При Хосрове I Иран был так могуч, что тюрки не шли на решительную агрессию.

Дипломатические связи тюрков на западе (благодаря которым мы имеем ценные источники – византийские заметки о западных тюрках) сделали возможным протекторат, который Истеми и Кара-Чурин установили над жителями равнин Юго-Восточной Европы: об этом впервые заговорили в 569 г., затем в 576 г. Все сказанное свидетельствует о размахе тюркской дипломатии. Связи подпитывались амбициями тюрков и византийцев. Последние в течение долгого периода, начиная с римской эпохи, вели бесконечную войну против иранцев, борьбу, которая истощила обе стороны и сделала их беззащитными к тому моменту, когда арабы вышли из своих пустынь. Новая ситуация, обусловленная появлением тюрков далеко на западе, сделала их потенциальными союзниками.

Итак, Кара-Чурин в 567 г., после смерти Истеми-кагана, унаследовал верховную власть на западе и титул Тардуш-хана и был самым сильным из князей, несмотря на то что занимал по иерархии лестничной системы подчиненное положение. Остановимся на этой социальной системе подробнее.

Чтобы держать в покорности такую огромную страну, как Великий Тюркский каганат, надо было создать жесткую социальную систему. Тюркюты ее создали и назвали «эль». В центре этой социально-политической системы была орда – ставка хана с воинами, их женами, детьми и слугами. Вельможи имели каждый свою орду с офицерами и солдатами.

Все вместе они составляли этнос «кара будун» – «тюркские беки и народ», почти как в Риме: «сенат и народ римский». По сути, орда – это было упорядоченное войско с правым (восточным) и левым (западным) крылом. Восточные назывались «толос», а западные – «тардуш». Все вместе составляли ядро державы, заставлявшее «головы склониться и колени согнуться». А кормили этот народ-войско огузы – покоренные племена, служившие орде и хану из страха.

Прежде всего, мы должны учесть, что покоренное племя было верным до тех пор, пока панцирная конница с волчьими головами на знаменах была недалеко. Только наместник, обладающий значительными силами, мог предотвратить откол племени.

Но что могло заставить самого наместника сохранить верность, если в его руках были власть и войско и огромные расстояния отделяли его от ханской ставки? Правда, можно было посадить в наместники родственника, но война между родственниками – дело обычное, и одно это положения не спасало. Тогда-то и была принята удельно-лествичная система. Смысл ее заключался в следующем. Наместник, сажаемый в отдаленную область, должен был быть заинтересован в верности великому хану. Тюркские владыки не имели того цемента, которым для халифов дамасских и багдадских был ислам, а для китайских императоров – развитая бюрократия. Добрые чувства или личные качества наместников не служили гарантией. Необходима была его личная заинтересованность, и таковую могла создать лишь перспектива роста. Эту-то перспективу и давал лествичный, или очередной, порядок занятия престола. Первое время, пока Тюркская держава была невелика, в нем не было надобности. Но со времени фактического основания империи Мугань-кагана тюрки ввели закон о престолонаследии, по которому младший брат наследовал старшему, а старший племянник – дяде. В ожидании престола близкие родственники хана получали в управление уделы. Лествичная система свою роль сыграла, и Великая Тюркская держава просуществовала двести лет.

Обратимся вновь к Кара-Чурину, который правильно оценивая политическую реальность, отказался от дружбы с иранцами и обратился к византийцам. Он напал на Иран в 584 г., затем в 588 и 590 гг. и наконец захватил Тохаристан. Это не помешало ему, как только представился случай, вмешаться во внутренние византийские распри. Именно тогда, когда при его дворе находился византийский посланник Валентин, он послал войска на помощь тюркам, жившим на территории нынешней Украины, в их борьбе против крымских заговорщиков.

Казалось, ничто не могло удержать тюрков в их агрессивной экспансии. Они распространили свою власть на Монголию, Туркестан, часть китайского Туркестана, западный берег Каспийского моря, север и восток Афганистана, дошли почти до Инда, оказались на пороге Индии.

Что касается китайцев, то на громадную империю тюрков они смотрели, естественно, с опаской. Вначале китайцы были поражены появлением новой варварской державы и по своей привычке решили отгородиться от нее. Однако, когда в их стране стали искать убежище последние потомки жужаней, они не смогли устоять перед требованием кагана об их высылке: беженцы были выданы и истреблены у Великой стены. Затем китайцы опомнились: это случилось в тот самый момент, когда они собирались возвести на трон династию Тан. После чего они с еще большим упорством продолжили свою традиционную внешнюю политику, состоящую из военных походов, которым предшествуют и которые сопровождают дипломатические игры. Тюрки понимали ее двойственность и достаточно точно оценивали поведение противника. «Китайцы, – писали они, – люди хитрые, ловкие интриганы и смутьяны. Они плетут заговоры между старшими и младшими братьями... клеветуют на беков и народ... Если ты отправишься к китайцам – тебе конец».

Итак, за период с 546 по 582 г. были покорены жужани, кидани, кыргызы и разбиты эфталиты. В 556 г. удачный набег на Тогон заставил и это государство считаться с тюрками. В 558 г. тюркам подчинились огоры. В 60-е гг. начинаются войны в Китае, в результате которых обе северные империи – Ци и Чжоу – стали тюркскими данниками. В 570 г. поход

на Иран стабилизирует границу на Джейхуне, а в 576 г. тюрки отнимают у Византии Боспор и в 582 г. вторгаются в Лазику.

Это апогей их могущества, и необходимо еще раз отметить, что в этот период внутри Тюркской державы не было распрей.

И прежде чем обратиться к следующему этапу истории тюрков – распаду Великого Тюркского каганата на Западный и Восточный, – остановимся на древней тюркской цивилизации.

Цивилизация древних тюрков: Великая степь. Кочевое скотоводство. Люди. Война. Социальная жизнь. Культура. Религия

Внимательнее присмотримся к тюркам, поскольку их деяния уже ко второй половине VI в. обеспечили им всемирную славу.

Сначала обратимся к месту обитания древних тюрков.

Итак, выйдя из сибирских лесов, тюркюты сделались степняками, и их новой родиной стали безлюдны просторы Великой степи.

Совершенно незнакомая географическая среда создала для них большие трудности, связанные с адаптацией, однако они справились с ними, сохранили все, что можно было сохранить из прежнего уклада жизни (о чем свидетельствует большое сходство в верованиях лесных охотников и кочевых скотоводов), и оставили в прошлом все, что надо было оставить, причем иногда в ущерб древним традициям, (например, в захоронениях Пазирика обнаружены останки лошадей в сбруе!).

Новая страна оказалась суровой и безжалостной, здесь мог выжить только тот, кто соблюдал ее законы. Мы никогда не узнаем, сколько детей погибло в младенческом возрасте, скольких слабых и больных людей погубили степи. Оставшиеся в живых, «с детства закаленные холодом, голодом и жаждой, – как писал Аммиан Марцеллин, – порожденные и принятые Степью, унаследовали степную суровость в своем характере. Их тело и их дух сформировались в атмосфере буранов, морозов и каменистой пустыни. Тюрки не случайно назвали себя сильными».

Речь идет о плоскогорье, которое лежит на высоте от 1200 до 4000 м над уровнем моря с резкими впадинами и впечатляющими горными массивами. Алтайские горы достигают высоты более 4500 м. Кунгей, где находится страна Отюкен, – 4000 м, а Танну-Ола – около 3000 м. Здесь практически не идут дожди: в Джунгарии, Гоби осадков выпадает менее 100 мм в год, и их количество нигде, за исключением горных районов, не превышает 200 мм. Зимой стоят сильные морозы с абсолютным минимумом -50°C , когда земля покрывается тонким слоем снега, когда замерзают реки и озера. Летом может неожиданно случиться сильная жара, между тем как в ненастные годы солнце не успевает прогреть землю, когда дуют холодные ветры с севера. У подножья высоких гор, покрытых густыми хвойными лесами, расстилаются степи, а в низменных местах прячутся пышные травы; затем постепенно зона бедных кустарников переходит в пустыню.

Там бродят стада животных, на первый взгляд их движение беспорядочно, однако оно подчиняется определенному ритму жизни кочевников, который диктуется чередованием времен года: летом они поднимаются на джайлоо, выше в горы, зимой спускаются на менее суровые равнины. Самый древний расчет, который не смогли вытеснить ученые календари, основан на солнечном годе, который начинается во время появления первой зелени, и на лунных месяцах, которые не связаны с наблюдениями за природными явлениями: буранами, брачным зовом оленей, рождением детенышей, возвращением перелетных птиц. Изучение неба, в ту пору мало развитое, привело к разделению года на сезоны, в противоположность совмещению орбит солнца и Плеяд.

Календарь Двенадцати Животных был настолько глубоко прочувствован и усвоен тюрками, что в XI в. они создали на его основе свои мифы о происхождении. Самое первое упоминание о нем в 584 г. связано с западными тюрками, и, без всякого сомнения, он

пришел к ним через аварцев и достиг степей Украины, где использовался булгарами в начале VII в. Этот календарь основан на двенадцатичном цикле, в соответствии с которым каждый год, каждый месяц, день и час соответствует определенному животному.

Транспортным средством служили двугорбые верблюды, называемые бактрийскими, хорошо приспособленные к морозу, а также лошади, запряженные в повозки или сани, причем последние упоминаются в надписях и изображаются на примитивных гравюрах.

Тюрки и их сородичи из Центральной Азии использовали верблюдов для передвижения, хотя зачастую предпочитали повозки. Повозки не имели конкуренции в западных степях. Запряженные быками, реже верблюдами, они представляли собой впечатляющее зрелище для путешественников, например, Кларк так описывал их: «Они не спеша, сотнями, друг за другом движутся по прямой линии». Такие повозки были довольно большие, о чем говорят результаты раскопок в Пазирике: высота 3 м, ширина 3,35 м, колеса 2,15 м в диаметре, – что позволяло двигаться по труднопроходимой местности. Китайцы тоже пользовались повозками, но те были меньших размеров. Такие же повозки служили гуннам для «перевозки целых семей»; о них писали Ибн-Баттута в XIV в. во время пребывания в Южной Руси, а также многие другие авторы. Эти повозки представляли собой настоящие жилища, где царили покровители домашнего очага, где женщины ткали, шили, рожали и кормили детей.

Повозки или кибитки не исключали применение войлочного шатра прямоугольной или квадратной формы, иногда они имели внушительные размеры для племенных правителей (шатер эфталитского принца имел сорок шагов с каждой стороны), кроме того, были распространены юрты, названные так первыми русскими путешественниками, которые придали новый смысл тюркскому слову «юрт», т. е. «страна», «место разбивки лагеря», «участок земли, на котором ставят жилище». Юрта сделана из жердей, связанных между собой и накрытых войлоком, она имеет круглую форму, напоминающую колокол. В верхней части предусмотрено отверстие для выхода дыма, а прямо под ним находится очаг, и все это вместе создает целый микрокосм. В верхней части юрты имеется полог, которым прикрывают дымоход, чтобы погашенный очаг дольше сохранял тепло.

«Дверь» открывается на восток – дань уважения той стороне, откуда встает солнце. Такая ориентация, неукоснительно соблюдавшаяся древними тюрками, к концу X столетия изменится под китайским влиянием: дверь будет открываться на юг, соответственно положению солнца в зените. По китайской традиции стороны света соответствуют определенному цвету и одному из четырех элементов Вселенной. Османы Черное море называли «черным», потому что это – северное море, а Средиземное море, расположенное южнее, называлось «Ак Дениз», т. е. Белое море.

Теперь перейдем к кочевому скотоводству – основному занятию степных тюрков. В этом заключается их сила и этим объясняется, почему именно в их месте обитания формируются империи степей. Этот факт дает ключ к пониманию ее истории, которая в конечном счете есть «история лошади», и проясняет судьбу тюрков и их роль в мире, а также множество черт, которые без этого, несмотря на ценные аргументы, остались бы в густом тумане, как фотография, снятая без наводки на резкость. Для того чтобы могли свободно развиваться все качества, которые обуславливают превосходство кочевников, последние должны были иметь сильную конницу.

Интенсивное коневодство достигло у тюрков совершенства. Оно распространилось во всех степных странах, кроме пустынь, а также в лесных и земледельческих районах, в частности в Сибири, Китае, Европе, в долинах Тигра, Евфрата, Нила. Тюрко-мусульманское могущество на Балканах, Ближнем Востоке, в Индии будет базироваться на другом фундаменте. Ни один оседлый народ не имел достаточно пастбищ для крупных стад. Вот почему так часто кочевники предпочитали грабить такие земли, но не селиться на них, зная, что рано или поздно им придется ассимилироваться с местным населением или уйти оттуда по причине не столько «изнеживающей» цивилизации, сколько из-за утраты орудия их завоеваний – конницы.

Кочевник брал с собой на войну минимум две-три лошади, что позволяло ему всегда иметь свежего коня, 900 тыс. лошадей было более чем достаточно для армии численностью в 300 тыс. воинов, а это была огромная армия для того времени, хотя приведенная цифра вызывает у нынешних историков сомнения, на мой взгляд, неоправданные. В любом случае этого хватало, чтобы иметь превосходство над всеми пехотными армиями мира.

Можно смело сказать, что ни Китай, ни Индия, ни Европа не были способны прокормить столько лошадей. А высокогорные плато Ирана и Турции – тем более.

Венгерская равнина, самая богатая пастбищами на Западе, в лучшем случае могла прокормить 323 тыс. голов, т. е. одну двенадцатую часть тюркского поголовья, причем в прошлом леса покрывали большую ее часть, чем сегодня. Если свести к реальной цифре поголовье крупного и мелкого рогатого скота, необходимого для пропитания населения, Венгрия могла содержать только 50–70 тыс. всадников: этого было достаточно, чтобы совершать походы в Галлию и Италию, особенно с помощью союзников, но слишком мало, чтобы оккупировать эти страны, тем более что для лошадей там почти не было корма. Поэтому, к примеру, в планы Аттилы не входило завоевание Европы. Поэтому сельджуки, опытные всадники, были вынуждены заняться земледелием в Иране и Анатолии. Поэтому тюрки не могли надолго закрепиться в Сирии, Иране или использовать эти страны в качестве плацдарма для вторжения в долину Нила, где им пришлось противостоять мамлюкам (между тем их сильная конница смогла пройти через Синайскую пустыню). Поэтому Чингисхан, человек проницательного ума, прекрасно понимал эту проблему, но, не желая отказываться от мирового господства, думал о том, чтобы превратить в пастбища все пахотные земли Китая. Вот почему, когда не было войны, степняки экспортировали лошадей. К примеру, Китай, чтобы сохранить мир с уйгурами, был вынужден делать массовые закупки лошадей по баснословным ценам и оставлял купленных животных сдыхать от бескормицы. Вот почему походы зачастую бывали такими кратковременными: они продолжались до тех пор, пока не иссякал фураж и не истощались лошади, и возобновлялись почти каждый год.

Для того чтобы обосноваться на цивилизованных землях, не превращая их в степи, требовалось беззаботное отношение к завтрашнему дню, сильная тяга к городской жизни и та жадность, которая, наподобие пьянства, заставляет терять разум. Или медленная адаптация, в продолжение одного-двух столетий, к новым условиям, результат оседлости, при которой конница остается важным элементом, но не является первостепенным, как это было у османов.

Аттила, арбитр Римской империи, не уходил дальше равнин Венгрии. Как волк, который был его эмблемой и его любимым животным, этот настоящий кочевник, разумный человек, должен был бродить по окраинам цивилизации, чтобы прокормиться, не смея пойти дальше. Что толку в сильной армии, прекрасной конской сбруе, в быстроте и выносливости лошадей, когда их недостаточно? Лошадь не проживет долго без степей. В этой связи становится ясно, почему многие великие завоеватели в конечном счете выбирали для создания своих государств страны с оседлым населением. И в то же время понятен факт, почему огромные пространства нынешней Азии, когда-то бывшие очагами культуры, опустели: это случилось потому, что там жили кочевники.

Скотоводство, охота, война – казалось бы, этих основных занятий вполне достаточно для обеспечения существования тюрков. Между тем было бы ошибкой считать, что тюрки Верхней Азии не занимались и другой деятельностью. Помимо торговли в том узком смысле, в каком она служила основой благополучия, к примеру, в древнем тюркском мире существовала целая торговая сеть, которая не ограничивалась продажей лошадей. Контроль за той великой осью, которая связывала Средиземное море с Китаем, проходя через Месопотамию, Иран, южное побережье Каспия, Мавераннахр и оазисы Синьцзяна, северную и южную части пустыни Такла-Макан и заканчиваясь в Синганфу, и которая получила название Шелковый путь по названию основного товара, всегда была предметом вождения многих народов: кочевников, иранцев, китайцев. В Центральной Азии монополистами были согдийцы, которые даже хотели захватить в свои руки контроль над этим путем в Иране.

Конфликт между сасанидами и тюрками был в основном порожден желанием тех и других получить для своих вассалов и для себя решающие выгоды и преимущества на иранских рынках.

Земледелие играло меньшую роль, но оно существовало. Развиваясь в долинах рек, оно расцветало в богатых оазисах, куда часто заходили тюрки и приобщались к нему. Городская жизнь была недостаточно известна, но уже привлекала людей. Для многих она казалась идеалом, сказкой – рискованной, но соблазнительной. Бильге-каган мечтал построить город по китайскому образцу, и уже не за горами был тот день, когда соблазн все-таки одержал верх над опасением.

Существовала и промышленность. Речь идет не только о производстве войлока и ковров – предметов монополии тюрко-иранского мира, – но и о выплавке металлов: железа, бронзы, золота. Искусство хуннов, которое пережило своих создателей на целые столетия и которое всего лишь вариант степного анималистического искусства, свидетельствует о мастерстве древних азиатских степняков в области металлургии. В Ордосе, в излучине Хуанхэ, Минусинске, Южной Сибири, на севере Монголии, в частности в районе Ноин-Ула, древнем поселении, обнаружены металлические пряжки, застежки и аксессуары сбруи, наконечники кнутовищ, и эти предметы вызывают восхищение. Тюркюты обязаны части своего могущества мастерству алтайских кузнецов во времена владычества жужаней: алтайцы умели обращаться с огнем и выплавлять железо, что в ту эпоху было чем-то вроде шаманства, и, кроме того, они делали оружие. Получив независимость, тюркюты стали продавать железные изделия византийцам.

Даже если оставить в стороне тюркские черты этих рыжеволосых людей со светлыми глазами, которых часто сравнивали с аламанам и викингами, вряд ли можно говорить о том, что существует общий, собирательный портрет тюрков, жителей Верхней Азии, – настолько они стали метисами по причине разноплеменных браков, связей с рабынями-наложницами и стремления их правителей брать в жены чужеземных принцесс, в частности китайских. Однако тюрки отличались сильно выраженным общим типом, и черты лица и телосложение этих людей вызвали у иностранцев живой интерес, смешанный со страхом. Их облик производил неизгладимое впечатление на жителей Запада. Марцеллин отмечал их «коренастое телосложение, огромные верхние конечности, непропорционально крупную голову». Апполинер подчеркивал особенность носа – «бесформенный и плоский, глаза, глубоко сидящие в орбитах, как в пещерах», откуда «исходит пронзительный взгляд, охватывающий далекие пространства».

Можно ли говорить о трансформации тюрков во времени? В XII и XIII вв. эти люди с длинными косичками, выступающими скулами, раскосыми миндалевидными глазами считались образцом человеческой красоты для эстета-мусульманина. И действительно, мы любуемся ими на иранских миниатюрах и газневидских фресках!

Их характер не менее интересен, и суждения о нем не более благоприятны. Чаще всего негативные оценки были результатом страха, презрения или ненависти. Это – люди гордые и вспыльчивые, алчные, хитрые, коварные, жестокие, склонные к грабежу. «Они превосходят в жестокости и варварстве все, что только можно себе представить». «Они не варят пищу, а мясо хранят, положив его на спину лошади и прижав ногами». «Их породили нечеловеческие существа. Под маской человека таится звериная жестокость». Так пишут Марцеллин и Иордан о гуннах, эти выражения почти слово в слово повторяет Матвей Парижский в описании монголов Чингисхана. Конечно, эсхатологические черты связаны с нашествиями и, возможно, в них отражаются видения Жоэля: «Неизвестный доселе народ выступил против моей страны... Идет истребление, земля лежит в трауре... Близится день гнева Иеговы... Это – народ, подобного которому не было никогда... перед ним все пожирает огонь, за ним все горит пламенем».

Здесь есть и правда, и вымысел, справедливые комментарии, иногда непонятные, иногда специально драматизированные, есть неверные суждения, которые вошли в обиход. Что мог думать рафинированный римлянин эпохи декаданса о людях, которые из уважения к

воде, из боязни осквернить ее, не хотят мыться и чистить свои вещи и одежду, по крайней мере не приняв заранее многих мер предосторожности? Было ли большим преувеличением говорить о «нечеловеческих существах, которые рыскают в пустыне» и порождают людей, а те высокомерно утверждают, что они произошли от совокупления волка и лани или от других самых разных животных, чьи матери зачинали потомство в болотах и пещерах? Широко известен анекдот о куске мяса, зажатого между ягодиц мужчины и спиной лошади, и в этой истории сквозит глубокое презрение. Любой всадник знает, что невозможно, не поранив при этом коня, положить мясо под седло прямо на кожу животного; и гуннам действительно приходилось питаться, не слезая с лошади, мясом, которое они доставали, но из седельной сумки.

Свирепость их вторжений, сопровождающихся резней, ужас, который они наводили, жуткие легенды, которые сами же и распускали, чтобы посеять всеобщий страх, – однозначны. Они убивали безо всякой жалости, а их нервы должны были быть железными, чтобы с таким хладнокровием проливать чужую кровь, впрочем, как нам кажется, они делали это без особой изощренности. Ведь пытки не свойственны варварам – это изобретение людей высокоцивилизованных. Может быть, дело в отсутствии чувствительности или воображения? Массовое истребление не пугало их. Они считали, что лучше убить, чем погибнуть, и что их жизнь напрямую зависит от смерти других.

Живя в лоне природы, они знали ее законы, они усвоили, что жизнь рождается из смерти, что она не длится вечно, потому что существуют пожиратели и пожираемые. Да, они меньше других боялись смерти и предпочитали погибнуть на поле битвы, чем в постели. Смерть, говорили они, есть «необходимость». Но это были люди, обладавшие чувствами, которые могли быть глубоко человеческими. Вот как прочувственно говорит Бильге-каган о смерти своего младшего брата Кюльтегина: «Мои глаза, которые все видели, стали слепыми; мой разум, который все понимал, помутился... Если из глаз льются слезы, если из души и сердца рвутся рыдания...» А сын правителя выгравировал на погребальном памятнике отцу такие слова: «Улетел мудрый каган. Когда приходит лето, когда вверху поднимается радуга, когда в горах пробегает марал, я думаю о тебе...» Приведем еще один пример: сдавленный отчаянием крик одного племенного вождя, который выразительнее длинной речи: «Ты ушел на войну, и с тех пор я больше не видел тебя, мой сын, мой лев!»

Какими же тюрки были воинами и какова была их тактика ведения войны?

Тюрки имели репутацию непобедимых воинов, и это было действительно так. Тот факт, что заслуженная ими репутация – ужасна, зачастую соответствовала реалиям их военных походов, но здесь не следует сбрасывать со счетов и психологический фактор воздействия их непобедимости на народы, против которых тюрки направляли свои действия: чем больше их боялись, тем меньше им сопротивлялись. Таким образом, из воинственных тюркских масс сформировался образ неорганизованных жестоких дикарей устрашающей внешности. Мы располагаем документами, позволяющими усомниться в этом.

Итак, это не банда недисциплинированных и беспощадных дикарей, а организованная армия с талантливыми полководцами. Приказы командира не обсуждались, а строгая организация присутствовала во всем войске. Армия состояла из подразделений по десять, сто, тысячи и десятки тысяч солдат; самая крупная единица называлась персидским словом «тумен» и имела свой штандарт: хвост яка или лошади на древке, увенчанном позолоченной волчьей головой или изображением другого зверя.

В основном это – всадники, причем превосходные, но у них была и пехота. Историки нередко отрицают этот факт или, по крайней мере, обходят его молчанием: гунны, как пишет, например, один историк, совершенно не способны сражаться в пешем строю. Однако на грубо выполненных гравюрах изображены воины, стоящие на коленях и натягивающие луки; а в кургане около Кул-Оба в Крыму найдено изображение двух скифов, которые стоят, прижавшись спинами друг к другу, широко расставив ноги и слегка согнув колени, и вытаскивают из колчана стрелы. Тюркский генерал Тонюкук писал, что с ним идет в сражение армия, состоящая на две трети из всадников и на одну треть из пехотинцев. К

сожалению, нам ничего не известно о действиях пехоты. Зато чего только ни писали о воинах, сражавшихся верхом на конях! Подвижные, быстрые, не знающие усталости, вездесущие на поле брани – они иногда воспринимаются нами как индейцы Дикого Запада, которые скачут без седла, полуголые и легковооруженные. В действительности экипировка и вооружение тюрков постоянно совершенствовались в продолжение столетий с учетом новых условий. В интересующую нас эпоху у них была прекрасная экипировка: лошадь, защищенная доспехами, а ее голова – бронзовыми пластинами. Солдат носил кирасу и кольчугу, имел щит, длинное и тонкое копье, боевой топор и, возможно, саблю, которая стала обычным холодным оружием в более поздние времена, прямой меч с рукоятью, надежно защищающей руку, и великолепный лук, который прославили скифы и парфяне. «Горе тому, кто станет мишенью, потому что его стрелы несут смерть», – писал Сидуан, а Амьен добавлял: «Ничто не сравнится с ловкостью, с которой они посылают далеко свои стрелы... твердые и смертоносные, как само железо».

Что не меняется со временем, так это надежный степной скакун небольшого роста, крепкий, неприхотливый, выносливый, послушный седоку, занимающий в клане почти такое же место, как человек, носящий имя своего хозяина, или имя, связанное с одеждой, происхождением или внешностью хозяина. В текстах коню часто уделяется больше места, чем всаднику.

Эта армия настроена на наступательные действия, но всегда готова к отражению внезапного нападения и сама часто использует фактор неожиданности. Если она не прячется за стенами, то всегда расставляются многочисленные дозоры. Способная действовать в городских условиях, она, тем не менее, не имеет осадных орудий, но тюрки брали города.

Численность войск оценить трудно, она может меняться в широких пределах. Стоит напомнить, что у истока империй стояли семнадцать, семьдесят и семьсот человек – цифра, конечно, символическая и намеренно заниженная. (Но генерал Халджи, имея 90 всадников, захватил столицу Бенгалии в конце XII в.!) В надписях, встречающихся в Монголии, рассказывается о битве двух-трех тысяч тюркютов против шести тысяч огузов, а согласно другой надписи тюркюты атаковали стотысячную армию, сосредоточенную на равнине. Сто тысяч воинов! Возможно, речь идет просто о большом количестве, когда оно не исчисляется кратными величинами семи и девяти и когда армия не делится на десятки, сотни и т. д. Хазары предлагают византийцам 40 тыс. всадников, а западные тюркюты выставляют 300 тыс. солдат. В продолжение более пятиста лет самые разные документы настаивали на малой или, напротив, большой численности войск, при этом не надо забывать, что тюрки имели слабость к архивам, статистическим данным и отчетам. Что касается китайцев, они оценивали тюркютские силы примерно в один миллион человек. И здесь нет никакого преувеличения. Каждый тюркют был солдатом с возраста совершеннолетия до глубокой старости. Не являются выдумкой рассказы о массовых мобилизациях или о том, что каждый человек должен был убивать других либо быть убитым, какой бы чудовищной ни казалась такая мысль в наш цивилизованный век.

В тюркютских текстах подробно описываются боевые действия, которые иногда велись посреди зимы. «Я с трудом прошел по глубокому снегу, – писал Тонюкук, – я заставил солдат пешком подняться на вершину, а лошадей вести на поводу. Мои люди помогали себе саблями».

Солдаты форсировали реки вброд, вплавь или на плотках, когда реки не были покрыты льдом. Они убегали и преследовали отступающих. Нападали на спящего врага ночью или на рассвете, когда враг чувствовал себя в безопасности, под защитой большого расстояния или естественных препятствий; солдаты шли в бой, даже если они были измучены, если ворчали, требуя отдыха; быстрота и воля к победе – вот решающие факторы. Воля может все. Но она подкреплялась верой в Бога, который «заставлял», когда это нужно, и умелой тактикой, причем складывается впечатление, что все тюрки – прирожденные тактики.

Нельзя понять причину постоянных успехов кочевников, начиная с эпохи скифов до времени появления огнестрельного оружия, если, допуская, что они – лучшие всадники и

лучшие лучники, забыть о том, как они пользовались этим двойным преимуществом: тюрки избегали рукопашного боя, если не были твердо уверены в победе, исходя из численного превосходства.

Они предпочитали мчаться на врага галопом, а приблизившись к вражеским боевым порядкам, сразу начинали стрелять, вольтижируя и на скаку доставая из-за спины «парфянские стрелы». Марцеллин подчеркивал такую тактику гуннов: «Встречая сопротивление, они рассеиваются в стороны, но возвращаются с той же быстротой, продолжая мчаться вперед и снова рассеиваться». Побеждая, но чувствуя, что враг не сломлен до конца, они уничтожали его, возможно, бессознательно помогая природе избежать перенаселения. Массовые истребления и геноцид? Теофилакт приводит цифру в 300 тыс. погибших в ходе только одной кампании: «Трупы валяются вокруг на протяжении четырех дней марша».

Тюрки нисколько не стыдились обращаться в бегство. Напротив, они старались держать противника на большом расстоянии, чтобы чувствовать себя неуязвимым; по пути они, «подобно пчелиному рою», как писали китайские хроники, нападали на отставшие вражеские отряды и арьергарды, отсекая их от главных сил, истребляя их и забирая провиант. Они стояли насмерть. Только оказавшись прижатыми к могилам предков, как говорили сами скифы, или когда их отступлению мешала тяжелая добыча, они занимали круговую оборону, укрывшись за своими кибитками, настоящими мобильными крепостями; так поступал Атила на полях Каталаунских.

Какой же была социальная жизнь тюрков? Основной социальной ячейкой была семья, ограниченная рамками экзогамного родства по отцовской линии, члены которой имели общее имя и общую легенду о происхождении. Семья была членом клана, связанного сложной сетью отношений, потому что географические и экономические условия не допускали изоляции. Однако были и одиночки, которые в силу магических способностей (шаманы) или по причине исключения из группы вели бродячую жизнь, как правило нищенскую, что касается последних. Позже из таких отшельников вышло несколько известных личностей. Тогда они старались во что бы то ни стало обрести свою родословную, ссылаясь на древние узы либо кровные, либо обусловленные брачными отношениями, на брачные союзы, заключенные в детстве, кровное братство, т. е. союз, скрепленный клятвой двух людей, которые обычно обменивались подарками и в знак верности пили кровь друг друга, надрезав руку кинжалом.

Однако отдельное существование было опасным, поэтому тюрки объединялись в федерации, которые вскоре превращались в империи. Социальная жизнь в те времена была чрезвычайно изменчивой: тотемизм, как изначальная система тюркского мира, политемизм, основой которого являлось Небо как «пассивное божество», идентифицирующие и разделяющие элементы, в которых «тамга», абстрактный знак собственности – клеймо, выжженное на спине домашних животных и выгравированное на камне, – уступает место династическому тотему, который становится Великим Предком, и монотеизму с множеством богов, а тамга превращается в печать.

Империя централизуется по иерархическому принципу. Во главе ее находится суверен, шаньюй у хуннов, каган, или хан, начиная с эпохи жужаней. Императрица называется хатун и ханум, именно ей, «дорогой, обожаемой и пугающей памяти» дамы, Пьер Лоти посвятил свои «Очарования». Царственная чета «создана Небом», «подобна Небу», «происходит от Неба». Она получила от Неба свой «кут», жизненную силу, или душу. В момент церемонии восхождения на трон чету представляют Небу, поднимая обоих на войлочном ковре, чтобы Оно узнало свои создания. Их окружают важные лица – беки. Беки, как члены привилегированного класса, имеют выраженную склонность к цивилизации и первыми принимают чужеземные нравы, отдаляясь от народной массы, например, через китаизацию. Они берут на себя функции и носят титулы. Самые почетные – ябгу, что равнозначно «вицекоролю», возможно, это – старшие сыновья правителей, возглавлявших походы тюркютов на запад, тегины – младшие сыновья или братья или, по меньшей мере,

родственники императора, и «шады», вероятно, самые важные после правителей, если судить по Бильге, который был «шадом», прежде чем стать каганом. За ними идут «тарканы», «чоры», «тутуки», «атаманы», последний титул есть у казаков, и он не происходит от немецкого «гауптман», как полагают некоторые ученые. Они – сборщики налогов, чиновники, презираемые народом, это говорит о том, что они являются креатурой принца, но не организационным элементом жизни племени.

Титулы переходят по наследству, но в произвольном порядке, в зависимости от выбора или личных качеств. Братья часто ссорятся между собой, а их согласие имеет первостепенное значение; об этом свидетельствуют примеры Бумына и Истеми, Бильге-кагана и Кара-Чурина, возможно, также Бледы и Аттилы.

В более поздние времена мы увидим, как, используя символы и пословицы, матери пытались убедить своих сыновей в необходимости единства. До тех пор, пока не были приняты радикальные меры, пленение или истребление членов правящей семьи и распри между родственниками оставались бедствием для тюркских империй. Нет достоверных фактов того, что в то время действовал закон, согласно которому старшие сыновья с детства получали надел или при жизни отца имели часть отцовского наследства, между тем как младшие оставляли за собой родительский дом или императорский трон.

Жизнь народных масс, за исключением времени катаклизмов, нельзя назвать трудной, когда в стране царил порядок или велась захватническая война. Тогда простых людей называли «будун», т. е. «народ», и это слово несет скорее политический, нежели социальный смысл. Согласие народа с каганом показывало, что люди хорошо понимали пользу от действий властителя, и тот часто оправдывал их доверие. «Мои племена живут в довольстве, и этого мне достаточно» – так говорил один каган в китайском тексте.

Согласно хроникам, тюрки носили меховые и шерстяные одежды, а головы их оставались непокрытыми. Гунны «одевались в льняные туники, куртки из крысиных шкурок, носили каску или колпак... и обмотки из козлиной кожи».

Работа чередовалась с долгими периодами отдыха. Многие целыми днями пасли стада, неподвижно сидя на лошадях, и этим объясняется бытовавшее утверждение о том, что гунны, а затем и тюрки рождались на коне. Они ели, а иногда и спали, не слезая с коня. Исключая обычные развлечения, например игру в кости, прятки, запускание бумажного змея, нескончаемые сказки и музыку, «полудикую, но приятную для слуха и радующую сердце», их времяпрепровождение, как правило, носило бурный характер: прежде всего это – занятия любовью, попойки и охота. Последняя считалась заменой войны или, как сказано в одном тексте, лучшей тренировкой. В их глазах это почти одно и то же: надо было убить человека, чтобы тебя признали взрослым, и охотничий подвиг часто рассматривался как почетное убийство. Они стреляли из луков, но поскольку кровавая смерть опасна для дичи, которая будто тем самым лишается души вместе с кровью, следовательно, она опасна для человека, потому что жертва будет мстить, они предпочитали охоту с ястребом, лассо, ловушки, забрасывали загнанную в круг дичь камнями или насмерть забивали кнудом.

Любовь к женщинам ценилась больше, чем все богатства, и служила движущей силой их жизни. Чингисхан завоевал мир, но что им в том числе двигало? Он говорил так: «Нет для меня большего опьянения, чем прижимать к себе жен и дочерей врагов!»

Отношение к женщине у тюрков было подчеркнуто почтительным, даже рыцарским. Сын, входя в юрту, кланялся сначала матери, а потом отцу.

Наследование жен предполагает полигамию, однако это не делало тюркютскую женщину бесправной.

Влияние жены на мужа подчеркивает Табари, который писал: «У тюрков всего можно добиться через женщину».

Происхождению по линии матери придавалось большое значение. Утверждалось право охранять женщину: изнасилование замужней женщины каралось смертью; соблазнитель девушки должен был немедленно жениться на ней.

Весьма достопримечателен обычай, который в эпоху Тан был перенят у тюрков.

Заклучался он в следующем. Девушки со сходными вкусами торжественно заключали между собой братский союз, причем число членов достигало 14–15, но не менее 8–9 девушек. Эти девушки называли друг друга братьями, а если юноша женился на какой-либо из них, то он получал женское имя, и подруги ходили к новобрачным «отведать невесту», т. е. мужа. Молодая жена не ревновала к своим «братцам», но с членами других женских «братств» такая связь не допускалась.

Все это исключает вопрос о пониженном положении женщины в VI–VIII вв.

Очевидно, ограничение прав женщины в кочевом мире – явление более позднее.

Постоянная жажда заниматься тем, что сегодня мы называем спортом, находила выход в играх в мяч, скачках, борьбе, поединках, на примитивных гравюрах изображена борьба на верблюдах, которая практикуется в нынешней Турции.

У тюрков был ярко выражен вкус к пирам: свадьбы, ритуалы инициации по случаю наступления половой зрелости, приемы послов, заключение договоров и пактов, траур и поминовение мертвых – одни из немногих предлогов для пира. Они радушно принимают случайных путников, и тюркское гостеприимство сегодня так же широко известно, как и в прошлом. Они не знают меры в еде и питье. Даже в тех местах, где не знали вина – хотя оно существовало в Согдиане и тюрки продавали виноград в Северный Китай, – пьянство было обычным делом. Великий законодатель Чингисхан требовал, чтобы подданные напивались допьяна не чаще, чем один раз в неделю. Напрасные попытки. Историки часто констатировали «смерть от опьянения», завершая биографию принцев Центральной Азии.

Хьюань Цанг, китайский паломник, обедал за столом тюркютов: «Каган пригласил гостей сесть и приказал подать им вина, заставив их пить под звуки музыки. Затем в большом количестве принесли огромные куски сваренной баранины и телятины». Он писал о том, что предводитель застолья вытирал руки об одежду гостей, что считалось знаком благоволения. Иметь замасленную одежду было признаком богатства и щедрости. Имя Тонюкука означало «в тунике, блестящей от жира».

Однако в менее благополучные времена пища была скромнее: ели то, что давали домашние животные – молоко и молочные продукты, в частности йогурт, одно из замечательных изобретений тюрков; мясо, свежее летом, хранившееся в морозной земле – зимой – после большого забоя скота в конце осени. Использовались корни диких растений, в некоторых местах их выращивали, например лук, настолько необходимый людям, живущим без витаминов, и даже одно из племен табгачей взяло себе имя «кюмюкрэн» или по закону метатезы – «кюмюркен», т. е. «лук».

Что же значила для них еда? На земле, где постоянно витала угроза голода, где умирали от голода, когда еще не было социальной организации, счастье выражалось простыми словами: «Мы царили, поедая оленину и зайчатину. Брюхо людей было полным». Это – слова Тонюкука, мудрого правителя, который понимал суть вещей, когда ни в чем не было недостатка; вот что он писал после очередной победы: «Со всех сторон стекались золото и серебро, парча и шелк, рабы в большом количестве...» В этом присутствовал элемент хвастовства варвара своими богатствами, которые изумляли даже людей цивилизованных. Византийцы видели у тюрков «шелковые ткани, искусно расцвеченные самыми яркими красками», статуи, урны, игольницы и сосуды из золота, серебряную посуду, позолоченные деревянные колонны, золотые стулья и кровати, «стоящие на четырех павлинах»; у эфталитов – то же самое, правда ножки кроватей были сделаны в виде фигурок феникса. Хьюань Цанг восхищался каганом, который его принимал: «Он был одет в платье из зеленого сатина, волосы его были распущены... Лоб был повязан шелковой лентой, несколько раз обмотанной вокруг головы, конец ленты спадал на затылке. За ним стояли две сотни офицеров, одетых в парчовые одежды, с заплетенными косичками на голове». Сонг Юнь писал об императрице эфталитов: «...на ней была шелковая одежда, спускающаяся до земли...» И далее отмечает, что «на голове у нее сверкал длинный золотой гребень, украшенный драгоценными камнями пяти разных цветов» – это типичная прическа «буктак», которую мы видим на мусульманских миниатюрах, скорее всего, она была

скопирована со средневекового головного убора западных женщин.

Теперь о культуре тюрков. Элементы материального быта свидетельствуют о единстве, которое имеет место, несмотря на различия в деталях, во всем степном мире, от Восточной Европы до побережья Тихого океана, и которое мало изменилось в продолжение столетий. Дюмезиль обнаружил далеких потомков скифов в осетинах. Но он отметил, что вполне возможно сблизить скифские элементы с алтайскими, хотя Дюмезиль, как индоевропеист, не смог извлечь из этого наблюдения все должные выводы. Это – сходство и единство, которые, по Дюмезилю, вытекают из аналогичных условий жизни, благодаря чему можно с осторожностью объяснить факты VIII в. фактами XII в. и обратиться к нынешним анатолийцам для того, чтобы лучше понять тюрков Средневековья. Это совсем не значит, что повсюду и во все времена можно наблюдать одинаковую картину. Если считать, что культурные различия зависят от социального положения и политической организации, тогда надо признать, что могли существовать более или менее проницаемые границы, по эту сторону которых есть истина, а по другую – ошибка.

Было бы очень просто, но, как свидетельствуют факты, не совсем правильно поставить восточных тюркютов под китайское влияние, а западных тюркютов – под иранское. Ошибка состоит в том, что некоторые тюркюты считают, будто культ огня (пантюркского происхождения) практиковался западными тюрками потому, что они жили рядом с иранцами и игнорировались восточными племенами.

Календарь Двенадцати Животных был известен на Украине, а тюрки с Ближнего Востока продавали виноград в Китай! Методы, мысли, искусства широко распространялись с одного в другой конец Евразии, и до сих пор невозможно определить, чем тюркский мир обязан Китаю, а чем Ирану, не говоря уже об Индии, германцах, палеоазиатах, тохарийцах, кученах. Оазисы Тарима достигли высокого уровня цивилизации. Достаточно сказать об их знаменитых школах пиктографии, например в Кызыле, которые процветали между 450 и 750 гг., об авторитете, который имели даже в Китае музыканты, танцовщицы и куртизанки Кучи, о нескрываемом восхищении китайцев перед дворцами этого города.

Влияние Китая на кочевников признается издавна, да разве могло быть иначе, когда тюркютская знать китаизировалась, между тем как их подданные в течение последующих пятидесяти лет находились под китайским протекторатом. Однако это влияние преувеличено. Самые северные народы оно затрагивало лишь в небольшой степени. Команы не знали китайского календаря. Зато можно объяснить некоторые китайские феномены тюркским влиянием, причем обратного влияния не наблюдается.

А вот согдийское влияние было минимальным, хотя общепризнанно, что согдийский язык представлял собой смешанный язык, общий для нескольких народов Центральной Азии. После обнаружения надписи в Бугуте стало ясным, что он использовался в VI в. и был принят в качестве официального языка первой тюркской империи. Отношения между этой империей и Согдианой развивались естественным образом после согдийских завоеваний, хотя они имели место и раньше. Миф о происхождении Бумына и Истеми упоминает факт женитьбы сынов волчицы на девушках из Турфана, другими словами – индоевропейках и, конечно, согдианках. Позже согдийцы станут послами каганов в Иране и Византии и одновременно их советниками, при этом они «занимались контрабандой» китайского влияния.

Итак, можно считать достоверным следующий факт: то, что кажется относящимся к самым старым тюркским культурным пластам, частью заимствовано у разных кочевых или оседлых народов, как ближних, так и дальних, и только синтез остался тюркским, если это вообще имеет какое-то значение, потому что здесь возникает вопрос: является ли любая цивилизация оригинальной, т. е. как бы вышедшей из собственных недр?

Беспорядочное смешение народов не позволяет определить вклад тюрков в формирование степного искусства. За исключением ковров и изделий из металла, которыми мы, несомненно, обязаны тюркам, вряд ли можно сказать то же самое о тех предметах, которые украшали дворы правителей. Имел ли место контакт с живописью оазисов? Как

обстоит дело с великим анималистическим искусством степей, которое оставило на них свою печать: продолжили ли они эту традицию, возродили ли ее или, напротив, оставили ее в забвении?

Их мастерство и их таланты нам достаточно известны, особенно их вкусы. Подвергшись китаизации, они сделались меценатами, а Китай обязан взям, т. е. табгачам, многими выдающимися творениями.

Для захоронения своих принцев восточные тюркюты приглашали китайских художников, которые делали росписи в усыпальницах и мавзолеях, их единственных архитектурных сооружениях. К сожалению, от этих произведений почти ничего не осталось, кроме развалин, в которых сохранились стелы с надписями, статуи и балбалы. Последние представляют собой бесформенные монолиты с изображениями убитых врагов; эти сооружения стояли в триумфальных аллеях, и их было великое множество: например, не менее двухсот семидесяти в мавзолее Мугань-кагана.

Статуи, которые встречаются во всех степях и которые мы называем «каменные бабы», хотя они изображают людей обоих полов, ничего общего с балбалами не имеют, но их довольно часто путают специалисты. Высотой от 0,55 до 2 м, иногда достигают 2,85 м, они изображают вооруженных людей, сидящих или, реже, стоящих, с кубком в правой руке, прижатой к груди. Именно эти статуи служили прототипом условного образа исламского принца, который начиная с II в. запечатлевался в бронзе и слоновой кости.

У самых отсталых племен письменность неизвестна. Зато она рано появилась у тюркютов. Самым древним документом является надпись в Бугуте – правый приток Селенги – обнаруженная в 1956 г. и исследованная в 1972 г. Она не датирована, но, по всей очевидности, восходит к 581 г. Подобно всем тюркютским (а затем уйгурским) надписям она сделана на стеле, стоящей вертикально на спине черепахи – образ мира в китайской космогонии, а китайцы заимствовали его у ведической Индии. Текст выполнен рукой мастера не по-тюркски, а по-согдийски, на трех сторонах и содержит 29 строк высотой 1,2 м с пробелами и выбоинами; на четвертой стороне имеется текст на санскрите. Надписи на тюркском языке – более поздние. Самая древняя (?) посвящена Тонюкуком Баину Цокто и относится примерно к 715 г. (?) На несколько лет позже появились надписи, посвященные братьям-императорам Бильге-кагану и Кюльтегину, датированные 732 и 735 гг., все вместе они носят название «орхонских надписей». Стелы, на которых они выполнены, имеют высоту 3,75 м и содержат, кроме тюркских текстов с большими одинаковыми отрывками, китайские надписи. Остальные тексты того же времени имеют меньшее значение. Все они вырезаны на камне буквами или знаками (которые ошибочно считаются руническими), хорошо соответствующими языку, и имеют явно арамейское происхождение (пришли к тюркам через парфянский язык): заимствованы у согдийцев около VI в. Они были расшифрованы почти сразу после того, как их обнаружили Томсен и Радлов, которые работали порознь (1896 г.). Тексты составлены неудачно, хотя и с неплохими эпическими и поэтическими пассажами, которые делают их настоящей литературой; они содержат краткие сведения о религиозных ритуалах, социальной организации, политической идеологии и повествуют о военных кампаниях и биографиях. Эти тексты составляют основу любого тюркологического исследования.

Поговорим о религии тюрков и их изначальной тяге к универсальным или мировым религиям.

Культурные контакты тюрков с различными народами и влияние, оказанное на первых, не придают религии, которую они исповедуют, оригинальности, и здесь мы находим мало ранее неизвестных фактов. Даже шаманизм, магически-религиозная практика, ставящая целью войти в экстаз, чтобы осуществить космическое путешествие с помощью «добрых» духов, которые воюют со «злыми» (и те, и другие зооморфны), известный с доисторических времен и считающийся специфическим сибирским и верхнеазиатским феноменом, не представляет собой ничего исключительного. Что касается религии, которая стоит намного выше шаманизма и противостоит ему, если магия вообще противостоит религии, ее нельзя

назвать монолитной. Основанная на фундаментальных принципах и определенном видении мира, она варьируется от региона к региону, от эпохи к эпохе в зависимости от исповедующих ее социальных классов. В конечном счете она представляется не чем иным, как мистикой.

Самым высшим ее выражением является Тенгри, Бог-Небо. Он – голубой, вечный, высокий, могучий, созидающий или несозидающий; это Вселенная, которая «сформировалась» или «была создана». Он распоряжается, оказывает давление на людей и не знает иного наказания, кроме смерти. Это, конечно, трансцендентная фигура, но к нему могут иметь доступ суверены, шаманы и птицы – души мертвых, причем он служит для последних местом пребывания; Тенгри также может прийти к человеку через своих посланников, орлов и соколов, через лучи света, которые дают жизнь и оплодотворяют женщин.

Второстепенные божества, с трудом отличающиеся от высших духов, действуют параллельно Тенгри, могут иметь с ним связь, как, например, богиня Земля, которая дает ему кров, совокупность «духов земли и священных вод», плацентарная богиня Умай, покровительница новорожденных, и Од Тенгри, бог времен, вероятно отличающийся от Неба или являющийся одним из его проявлений. Другие, по крайней мере в ту эпоху, никогда не упоминаются вместе с ним и даже не всегда появляются в тюркских текстах. В частности, только из иностранных источников и более поздних текстов мы знаем Луну и Солнце, Венеру, Гору, особенно священную гору Отюкен, космическую ось, центр мироздания; Великое Древо и совокупность деревьев, т. е. рощу, лес; опять-таки лес Отюкена; очистительный огонь и хранитель очага, альтер эго шамана, также подверженный трансу и дым которого, как и шаман, может достичь Неба; бог Порога и все неидентифицируемые божества, проявления жизни, объекты, имеющие «нумен», души вещей, которые, возможно, начиная с этого времени превращаются в идолов.

Если волк, тотем семейства Ашины, становится Великим Предком, тогда как остальные тотемы теряют свои очертания, то животный мир в целом сохраняет свою интегральность, будучи «всем другим и всем подобным» и обладающим сверхъестественными возможностями, превышающими возможности человека. Его помощь абсолютно необходима – нужно, чтобы животные давали себя стричь, доить и убивать, и они это делают, потому что совершают тем самым ритуал; существуют ритуалы жертвоприношения по случаю первого приплода, охоты, казни, освящения, через которое определенные представители вида «остаются на свободе», т. е. не используются.

Культ, часто незаметный, выражается в молитвах, кратких восклицаниях, бескровных жертвоприношениях и повседневных жертвенных возлияниях, в жертвоприношении Небу и другим божествам, главным образом в виде заклания лошади, иногда совершаемое на специальном колу; для этой цели брали и других животных, а также собак (у болгар). Эти жертвоприношения служили для поддержания установленного порядка: чтобы не обрушилось небо, чтобы не провалилась земля, а стада продолжали жиреть и дети рождаться...

Погребальные церемонии и поминовения мертвых – это, вероятно, самые важные элементы ритуала. Способ захоронения изменился в эпоху владычества тюркютов: раньше был обычай сжигать мертвых, теперь их хоронят в земле, пишут китайские источники. Сожжение, эксгумация и подвешивание трупов на дереве – все эти способы мирно сосуществовали, поскольку речь шла лишь о технических деталях при одинаковом результате: мертвое тело или основная его часть – кости – хранились до двух единственных дней в году, когда можно было исполнить погребальную церемонию – когда опадали листья и когда они распускались. Похороны сопровождалась пышными процессиями, а когда хоронили принца, вассалы и союзники присылали делегации. Все присутствующие должны были участвовать в таких похоронах: они толпились вокруг мертвого тела, брили себе головы, царапали себе лица, громко оплакивали умершего и рассказывали о его подвигах. Потом все совершали общую торжественную трапезу. В могилу закапывали вещи,

необходимые для другой жизни, – коней, рабов, жен. Однако начиная с тюркютских времен вдову уже не убивали и предпочитали выдавать ее за брата или сына покойного, которые должны были сохранять ее для того, кто умер. День смерти также отмечался через сорок дней после захоронения и год спустя.

Как и все живое, человек – это одновременно единственный в своем роде и множественный феномен. Его души находятся в определенном месте и одновременно повсюду. Души находятся вне его, в его крови, костях, дыхании, бродят в его теле, и каждая из них может жить в двух разных местах: на небе, где «мертвый пребывает как среди живых», в «тотемном месте предков», в могиле, в знамени, в «балбале», перевоплощаться в другое тело или в то же самое, только оживленное, которое они покинули, или бродить как тень, пугая живых.

Этики здесь почти нет, и зачастую она далека от того, что мы называем моралью. Запрещается нарушать табу или порядок, освященный ритуалами. Нельзя «пачкать» воду, огонь, нельзя требовать от природы больше, чем она может дать, нельзя оскорблять, пусть даже ненамеренно, своих господ. Первая заповедь – подчиняться кагану, гаранту космического порядка, и верно служить ему. Сдаваться врагу – это коллективное преступление, которое влечет за собой коллективное наказание, как показывает исторический опыт. Преступления считаются таковыми и влекут за собой наказания, только если преступления совершены внутри общины, к которой принадлежит преступник. Убийство, кража, адюльтер, насилие не считаются преступлениями, если они совершаются в отношении врага или чужака, но не гостя. Нельзя нарушать данное слово или клятву – это тяжелейший грех, и верность торжественному обязательству остается одной из основных черт тюркских обществ.

Какой бы сильной ни была национальная религия (а говорит о ее силе то, что она сохранилась с немногими изменениями до наших дней), являющаяся преимущественно мистикой, она остается открытой для других людей. Однако она придает некоторым ритуалам особое значение, что бывает препятствием для новых адептов, и история подтверждает этот факт. Здесь кроется источник конфликтов, но религиозные войны – это не тюркское изобретение: как правило, тюрки старались обойти углы и найти компромисс в спорных вопросах, твердо стоя на том, что может быть принято другой стороной. Все дело в том, что у тюрков есть неукротимая тяга к универсальным религиям.

Бугутская надпись, которая свидетельствует о согдийском влиянии на тюрков, также указывает на влияние буддизма. Бумын-каган здесь представлен как приверженец этой доктрины: когда однажды вызвали его дух, покойный приказал своим наследникам основать новый монастырь. Это доказывает, что Бумынкаган принял буддизм, по крайней мере формально, и здесь нет ничего удивительного, если только речь не идет о простом невежестве. Хорошо известно, что буддизм, рожденный в Индии, сделал Центральную Азию одним из путей своего проникновения в Китай, построил там прочные форпосты и послал по всем главным дорогам индийских, парфянских миссионеров уже во II в. Некоторые из них оставили свидетельства о том, как их приняли тюрки. Жинагупта, который жил среди племен ту-кю с 574 по 584 г., беспрепятственно проповедовал им свое учение. Прабхакарамитра (626 г.) учил их закону. Хьюань Цанг неустанно восхвалял добродетели своих хозяев и их учтивость. При таком отношении буддисты спасались от преследований китайцев у тюрков так же, как в свое время евреи бежали от византийских погромов к хазарам. Таким образом, тюркский буддизм существует начиная с VI в., но не играет сколько-нибудь значительной роли и остается поверхностным, ничего не меняя ни в образе мышления, ни в образе жизни. Источники убедительно подтверждают сохранение туземных верований, которые разделяются массами и уважаются правящими классами: на «буддистской» стеле в Бугуте в скульптурном виде изображен языческий миф о происхождении, к этой стеле ведет длинная аллея традиционных балбалов. В VIII столетии, несмотря на склонность Бильге-кагана к индийской религии, которая выражается в его желании построить монастырь в городе его мечты, его министр Тонюкук смело, как пишут китайские историки, отговаривает правителя

от этой затеи, аргументируя такими словами: «Будда и Лао-Цзы учат людей мягкости и униженности. Но воинам не подходят такие науки».

Аллюзия на даосизм кажется случайной в этом контексте, но в тот ранний период она явно не была частью религиозной жизни тюркютов и в целом Центральной Азии. Наряду с буддизмом по степям прошло много религий, которые оставили там свои следы, о чем мы писали ранее, в частности несторианское христианство и манихейство.

Таким образом, в то время, когда хазары проводили политику терпимости, которая так удивляет историков, тюрки, сохраняя свою древнюю религию, прилежно усваивали великие универсальные религии. Они готовили почву для того необычного уйгурского общества, которое скоро придет им на смену, введет тюрков в лоно высокой культуры и явит миру неслыханное зрелище настоящего экуменизма.

Когда VII в. прошел половину своего пути, глубокие потрясения произошли в Азии и почти решили ее судьбу на следующие столетия. Новую эру открыли два события. В 744 г. – падение тюркютов, а в 751 г. – битва при Таласе, в результате чего китайцы ушли из Центральной Азии, точнее, они утратили возможность китаизировать этот регион, как они делали в прошлом.

Сформировались все главные мировые религии и, за исключением ислама, который только предвкушал свои завоевания, распространились в Азии, на Ближнем Востоке до самого Китая, охватывая центральную часть континента. Местное население горячо приняло их, и они глубоко пустили свои корни в этой почве, обеспечив хороший урожай на будущее. Природная терпимость тюрков, их склонность ко всему, что касается религии, стали благоприятной почвой и обеспечили религиям такую поддержку, какой они, конечно, не имели бы в иных обстоятельствах и местах. Здесь не использовался принцип «кто царствует, тот вершит культ», здесь не было инквизиторов и всего того, что провоцирует мусульманский джихад или христианский крестовый поход, не было китайского фанатизма и национализма. Здесь создавалась уникальная в мировой истории вселенная, которая впоследствии озарит своим светом оазисы Ганьсу и Синьцзяна. Но до этого было еще далеко.

Раскол в Великом Тюркском каганате

Начиная с 582 г. между восточными тюрками, тюрками Орхона и западными племенами он-ок произошел раскол. И вскоре соперничество между двумя царствами переросло в вооруженное столкновение, чем не замедлил воспользоваться Китай.

Изначально раскол между восточными и западными тюрками носил характер династической распри.

Рассмотрим катаклизмы 583 г. более подробно.

Итак, кто же были участниками этой распри?

Амрак – старший сын Тобо-хана – совершенно не подходил к той деятельности, к которой был предназначен своим царственным происхождением, предпочитая спокойную жизнь превратностям судьбы властителя.

Торэмен – сын Мугань-хана – властолюбивый, но нерешительный, храбрый в бою, но нерешительный в политике, уступчивый перед сильным, наглый перед слабым. К тому же его мать была всего лишь наложницей-китайкой Мугань-хана, что весьма негативно отразилось на популярности ее сына.

Шету и Чулохеу – сыновья Кара Иссык-хана. Шету – храбр, умен, решителен, энергичен настолько, что даже жена считала его «по свойствам настоящим волком»; эти качества обеспечивали ему уважение народа и знати.

Чулохеу ни в чем не уступал старшему брату и был весьма популярен в народе. Его удел располагался на восточной границе каганата. Имя его означает буквально «второстепенный князь каменистой пустыни». Очевидно, именно эта «второстепенность» тянула его на сближение с китайцами.

Кара-Чурин Тюрк Тардуш-хан был самой значительной фигурой и при этом дядей всех перечисленных ханов. Он и Шету ненавидели друг друга, хотя и старались скрывать свои чувства.

Итак, в 581 г. Тобо-хан умирает и оставляет свой трон, согласно лестничной системе, сыну своего брата Мугань-хана – Торэмену. Но в закон престолонаследия вносится корректив: в силу того что у Торэмена мать – наложница и он не пользуется популярностью у тюркской знати, престол передается Амраку. И в принятии этого решения далеко не последнюю роль сыграл Шету, который в качестве аргумента привел «длинное копье и острую саблю». Аргументация оказалась убедительной, но безвольный и слабый Амрак уступил свое место Шету, который вступил на престол под именем Ишбар-каган.

Таким образом, первым ханом стал Ишбар-каган, ставка находилась у гор Отюкен, в центре его восточных владений.

Вторым ханом, западных владений, был Кара-Чурин Тюрк. Ставка Кара-Чурина располагалась у горы Актаг.

Третьим ханом считался безобидный Амрак. Его ставка находилась у реки Толы, среди привольных охотничьих угодий.

Торэман получил удел на северных окраинах государства и титул Або-хана (старейшего хана).

Второстепенные ханы также получили уделы.

Тюркская держава распалась на уделы, причем наиболее крупным и значимым был удел не великого хана, а Кара-Чурина – Семиречье. Тем не менее, обойденный Кара-Чурин не смирился, затаил обиду. Его сторону принял Торэмен.

В это время весьма активно зерна раздора между ханами каганата сеял китайский лазутчик, находившийся при посольстве, – Чжан-сунь Шэ, который был дружен с Шету еще со времен, когда тот был удельным князем.

Чжан-сунь Шэ очень ловко плел интриги и сумел поссорить Ишбар-кагана с Або-ханом, а затем и с другими удельными ханами – такова была цель суйского императора.

Объединенный Северный Китай стал сильным государством. Чувствуя это и видя назревавший в Каганате конфликт, новый император Ян Цзянь прекратил платить дань и разорвал дипломатические отношения с тюрками. Это означало объявление войны.

У Бичурина мы находим: «Война оказалась не такой легкой, как предполагали император и его советники. Тюрки сразу взяли инициативу и лишили китайцев возможности использовать численный перевес. Суйская армия растянулась по всей линии Великой стены. Левый фланг упирался в Наньшаньские горы, а правый располагался на равнинах Шаньси. Китайские пограничные войска были разбиты и укрылись за Великой стеной. Тюрки форсировали ее через проходы Мухя и Шиминь, в Ганьсу». Шесть богатых областей Северо-Западного Китая были захвачены тюрками. Ян Цзянь объявил мобилизацию всех сил империи, но спешно укомплектованная армия из крестьян не соответствовала боевой подготовке тюркских войск. После первых же сражений император Ян Цзянь понял, что с такой армией нечего и думать о победе. Военные поражения на фронтах были с лихвой восполнены дипломатической службой. Император Ян Цзянь послал к Кара-Чурину брошь из золота в форме волчьей головы, показав этим, что Китай признает его. Получив политическую поддержку от Китая, Кара-Чурин Тардуш-хан – правитель западной части каганата – объявил о своем неподчинении кагану и заключил сепаратный мир и вывел войска из Китая. Ишбар-каган негодовал.

Что касается Китая, то гегемония Суйской династии покоилась, во-первых, на жестокой вражде, возникшей между западными и восточными тюркютами, и, во-вторых, на неослабевающей потребности в шелковых тканях.

Умный и хитрый император Ян Цзянь понимал, что его армию спасла только распря в Каганате, и он сделал следующий шаг, отправив посольство с дарами, как во времена правления Бэй-Чжоу, к Ишбар-кагану. Посол потребовал, чтобы каган назвался вассалом империи Суй, за что получит войско против Кара-Чурина. Одним словом, в 584 г.

Ишбар-каган совместно с китайской армией выступил в поход на запад. Объединенные войска разбили армию Торэмена и захватили в плен его жену и детей. Торэмен с войсками отступил на запад и обосновался возле Пайкенда (Бухары).

Таким образом, в этот критический для Тюркской державы момент Ишбар-каган капитулировал перед империей Суй, вследствие чего китайцы разгромили мятежников, что дало возможность кагану умереть на престоле в 587 г.

После смерти Ишбар-кагана положительную роль в сохранении империи сыграла опять же лестничная система: на трон не решался сесть сын Ишбара Юн Йоллыг, поскольку наследником был Чулохеу-хан, хотя последний и находился в стане врага, западного кагана. По личным качествам он превосходил своего старшего брата Шету.

Между племянником и дядей завязалась переписка, в результате которой, соблюдая законы лестницы, на трон сел Чулохеу-каган, который вместе с престолом унаследовал и политику своего брата: подтвердил союз с империей Суй и повел войну против своего бывшего друга Або-хана.

Противостояние между западными и восточными тюрками было обусловлено тем, что восточные тюрки претендовали на главенство, западные – на самостоятельность.

Воцарение Чулохеу-кагана сразу разрядило обстановку. Многие из числа сторонников Торэмен-хана перешли на сторону нового кагана. Кара-Чурин тоже перестал активно действовать против центральной власти и поссорился с Торэмен Або-ханом, который оказался в полной изоляции. Но, несмотря на свое плачевное положение, Торэмен продолжал политику непризнания кагана и центральной власти. После переговоров с Торэменом, не добившись его повиновения, Чулохеу-каган повел против него восточные войска. На помощь кагану были посланы войска западного каганата. Ими командовал сын Кара-Чурина Янг Соухтегин. Весной обе армии окружили войско Торэмен Або-хана и заставили его принять битву около Бухары. Войско Торэмена было разбито и рассеяно, а сам он погиб. Покончив с мятежником, Чулохеу-каган оповестил об этом всех в Каганате, надеясь на мирное управление. Но надежды не оправдались: после разгрома и гибели Або-хана усилились распри между востоком и западом. Хан западного крыла каганата Кара-Чурин вновь начал выражать свое неподчинение центральной власти и плести интриги против каганата. Верховная власть решила, что дальше нельзя терпеть Кара-Чурин Тардуш-хана, так как из-за него нет мира в державе.

Зимой 588 г. Чулохеу-каган двинулся на запад против Кара-Чурина Тардуш-хана. После жестокого побоища войска Чулохеу были разбиты, а сам он погиб. Но война не прекратилась, а продолжалась до 593 г. Китайский летописец приводит слова первого министра об этих событиях: «Родные истребляют друг друга подобно ядовитым насекомым». Только в 593 г. мир с Тардуш-ханом заключил Юн Йоллыг – сын Ишбара, ставший каганом после смерти своего дяди Чулохеу. Этот мир восстановил единство каганата и стабилизировал границы между улусами.

Мир, воцарившийся в каганате, лишил китайского императора плодов своих усилий. В 593 г. был обезглавлен последний сторонник Китая – Кинюй-шад, младший брат Юн Йоллыга. Труп казненного каган отправил в Китай как знак того, что в каганате императору не на кого больше рассчитывать. Китайского императора больше устраивала раздробленность каганата, когда ханы и беки ходили к нему поодиночке за подачками в виде помощи. Сейчас же перед ним снова был мощный каганат, требующий выполнения подписанных договоров. Император не стал обострять отношения с каганом, а предоставил полную свободу в проведении своей политики в тюркской державе китайским разведчикам и дипломатам, чтобы они продолжали вносить раскол. Разведчики и на этот раз нашли ему нужного человека. Это был наследник престола, двоюродный брат кагана – Жангар. Он имел удел на северо-востоке и титул Тули-хан. Жангар, по докладу китайского разведчика Чжань-сунь Шэн, был беспринципен, завистлив, труслив, непостоянен и вероломен, т. е. имел все качества, присущие изменнику. И в каганате вновь образовалась прокитайская партия. Однако Кара-Чурин по-прежнему оставался удельным властителем западных

областей.

Тюркская держава в 90-х годах VI в. продолжала оставаться внутренне крепкой и грозной для соседей. С этим, безусловно, не мог примириться суйский Китай.

Для тюрков Китай – источник доходов, для Китая тюрки – угроза для своих границ, и вместе с миром 593 г. перед суйцами снова встал единый и могучий каганат, настаивающий на строгом выполнении торгового договора, столь убыточного для Китая.

В это время фактическим правителем каганата стал Кара-Чурин. Неизбежность войны с Китаем была очевидной. Центральную Азию Кара-Чурин держал крепко: в Пайкенде сидел его внук Нили-хан, в Чаче (Ташкенте) – другой внук – Шегуй.

Здесь следует остановиться на отношениях западных тюрков и согдийцев. Если западно-тюркские каганы черпали у степных племен Семиречья и Чуйской долины силу, то богатство текло в их руки из оседлых владений Центральной Азии и бассейна Тарима. Согдиана в конце VI – начале VII в. была раздроблена на мелкие княжества и не имела сил к объединению. Безопасность их торговых караванов, возделанных садов, мастерских, городов гарантировали каганы западной ветви тюрков, при этом последние не вмешивались в дела своих подданных – согдийцев. Много хорошего видели согдийцы от западных ханов, потому были им надежной опорой.

В начале VII в. Центральная Азия была на гребне своего экономического и культурного расцвета: торговля, земледелие и ремесла развивались с предельной быстротой; религиозные культы мирно уживались друг с другом; шелк, перевозимый из Китая в Византию, частично оседал в Пайкенде, Самарканде, Чаче, Кашгаре, Куче и Турфане в виде золотых слитков. И все это благополучие было результатом подчинения Согдианы тюркским каганам. Этот, ставший традиционным союз с согдийскими купцами неизбежно влек за собой вражду с Ираном.

В 598 г. китайская армия вступила в Степь, началась война с Китаем.

В войне участвовали войска восточного и западного крыла Каганата. Западным крылом командовал сам Кара-Чурин-хан. На стороне китайцев открыто выступил Жангар.

Зимой 598/599 г. тюркская конница обошла китайские линейные войска и обрушилась на ставку Жангара, которая была расположена к югу от Великой стены. Братья, дети и все родственники Жангара были убиты, а сам он бежал в китайскую крепость. Император принял участие в укрывательстве Жангара и не жалел дорогих подарков изменникам.

Летом 599 г. произошла битва между армией Кара-Чурина и суйской армией под командованием генералов Гао Фаня и Ян Со. Кара-Чурин потерпел поражение и отступил. Армия восточного крыла во главе с Дулань-каганом громила другую китайскую армию, а также войско Жангара, подаренное ему императором. Удачное наступление восточной армии остановилось только после того, как китайскими разведчиками был убит Дулань-каган. Не созывая курултая, Кара-Чурин объявил себя великим каганом. Таким образом, был нарушен закон о престолонаследии. Восточные тюрки стали называть Кара-Чурина узурпатором.

В 601 г. Кара-Чурин вторгся в Китай и разбил армию генерала Хань Хуна; другой отряд тюрков разгромил кочевья Жангара, увел людей и скот. Но неожиданно, подстреканная китайскими агентами, подняла мятеж конфедерация десяти телесских племен: повстанцы разбили западных тюрков.

На востоке Кара-Чурин оказался отрезанным от своего удела, и восточные тюрки бросили его в беде. Кара-Чурин бежал в Тогон, где был убит тибетцами.

Когда Кара-Чурин объединил обе половины Каганата, это не вызвало сопротивления на востоке, но как только он был разбит, восточные тюрки бросили его. Погибла его личная дружина, очевидно, состоявшая из западных тюрков.

Между родственниками погибших и предателями пролилась кровь, каганаты пребывали в состоянии кровной вражды, и воссоединение стало невозможным.

Китайцы торжественно возвели Жангара на трон, и сопротивляться было некому. В конце 604 г. Жангар стал признанным каганом Восточного каганата, который навсегда отделился от Западного. Империя Суй праздновала полную победу.

Никогда прежде в своей истории Китай не достигал такого величия, такого авторитета, и никогда не достигнет позже: империя входила в свою самую славную эпоху.

Что же касается тюркской державы, то ее восточное крыло стало вассалом Китайской империи Суй. Китай постепенно распространил свое влияние на Центральную Азию, и тюрки в конце концов попали в полную зависимость от него.

Окитаивание тюрков встретило серьезное сопротивление. Среди тюркского народа начались волнения, открыто выражалось недоверие кагану. Видя это, китайское правительство стало опасаться тюрков. Оно не без оснований полагало, что воля кагана далеко не отражает настроений народа. Оказавшись в плачевном положении, Жангар написал письмо китайскому императору: «Я подчиняюсь Вам, плачу налоги и посылаю ценные подарки, но с моей помощью Вы хотите, чтобы мой народ изменил свой язык, стриг длинные волосы, одевался по-китайски, принимал ваши обычаи и законы, чего фактически сделать невозможно. К этим вопросам нация относится чувствительно и объединяется как одно-единое сердце».

В 608 г. Жангар умер. Китайский император Ян-ди назначил каганом его сына – шада Дуги. Это было прямое нарушение тюркского закона о престолонаследии, но Ян-ди полагал, что китайское правительство полностью подчинило всех восточных тюркских ханов и беков. Ключевые позиции китайцы заняли сами, на прочие были поставлены безвольные либо купленные, либо полностью подчиненные, подконтрольные им беки, а поэтому уже можно было и не стесняться.

Дуги принял титул Шибир-хан и взял в жены китайскую принцессу – вдову своего отца, по сути, китайскую разведчицу.

Став каганом, Шибир-хан повел политику, прямо противоположную своему отцу. Он окружил себя верными беками и старейшинами, настроенными против Китая. Все это весьма встревожило китайское правительство. К военным действиям против Китая побудило предложение китайских агентов младшему брату Шибир-хана, Чики-шаду, участвовать в заговоре против кагана с последующим восшествием на престол, о чем Чики-шад поведал брату. Началась война. Но в это время в империи Суй из-за непосильных налогов, неудачных войн в Корее, жестокости императора произошло восстание. За 614 г. в Китае вспыхнуло пять восстаний: восстали князья, генералы, атаманы разбойничьих шаек, восстал народ. Шибир-каган принял в смуте самое активное участие. Наиболее сильным повстанческим отрядам и претендентам на императорский трон он посылал лошадей и знамена с золотой волчьей головой.

Настало время, и тюрки сполна отплатили китайскому правительству за недавнее унижение. Войска восточного крыла каганата совершали опустошительные набеги в глубь Китая, в результате чего Шибир-каган стал фактическим хозяином империи Суй.

В ходе гражданской войны одержал победу генерал Ли Юань, полукитаец-полутюрк, который сверг императора, отразил нашествие тюрков и основал династию Тан. Это стало переломным моментом не только для Китая, но и для всей Азии.

Китайский полководец, администратор и выдающийся политик Ли Юань, подобно Александру Македонскому, стремился не просто завоевать страны с разными культурами, но и сроднить эти культуры – цивилизованного Китая и кочевых варваров.

Культурный обмен поначалу воспринимался весьма позитивно. Китайцы полагали, что политическая обстановка благоприятствовала этому процессу – немало китайцев, бежавших от суйской тирании, осело в кочевьях и породнилось с тюрками. Их принимали на службу, не интересуясь, кто они – китайцы или тюрки. Казалось бы, много хорошего было заложено между китайцами и тюрками в тот период: составлен китайско-тюркский словарь (к сожалению, не сохранился), при императорском дворе исполнялась тюркская музыка, шел постоянный обмен людьми, одежда и нравы тюрков импонировали китайской знати и, наконец, совершенным жилищем для китайцев представлялось тюркское жилище – юрта.

Заигрывая таким образом, танские китайцы надеялись восстановить мир с соседними варварами. Но эта, в целом лицемерная политика свидетельствовала о том, что Китай

претендует на мировое значение, стремясь объединить свою страну с Великой степью. Это был внешний антураж, а что же происходило изнутри?

619 г. был и для Китая и для Восточно-тюркского каганата годом кризиса: столкновение между ними стало неизбежным.

Установление в Китае сильной власти грозило восточным тюркам гибелью их самостоятельности, как политической, так и экономической. Поэтому тюркские ханы всеми силами поддерживали все восстания и беспорядки, возникавшие в Китае, и давали прибежище тысячам политических эмигрантов. Тюрки возобновили набеги на Китай. Однако их нажим не так скоро, но все-таки ослабел, и империя Тан получила передышку – и вот по какой причине.

Племена телесцев, кочевавших к северу от Великой пустыни Гоби, составляли большую часть земель восточно-тюркского хана. Тюрки, используя их раздробленность, облагали эти племена высокими налогами и насильно забирали в свои войска. Так вот, племена уйгуров, буту, тонгра и байырку объединились и восстали под знаменами рода Яглакар, впоследствии ставшего во главе Уйгурского каганата. Восточные степи оказались во власти повстанцев.

Здесь, очевидно, следует отметить, что изначально уйгурский племенной союз и Тюркский каганат имели противоположные направления развития, и их столкновение – это столкновение двух систем. Между ними была масса расхождений: антропологических, психологических, миропонимания. Основной показатель их тюркской общности – лингвистический: говорили они на одном языке. Уйгуры, как и тюрки, до последнего отстаивали свою свободу, однако, в отличие от тюрков, победив, уйгуры разбрелись по своим кочевьям, давая врагу возможность оправиться. Поэтому вскоре тюрки смогли вновь продолжить войну против империи Тан.

Что же касается Западного каганата, то на тот момент владения западных ханов охватывали всю Джунгарию, и только хребет Монгольского Алтая разделял их. Поскольку Кара-Чурин и его внук Нили погибли, брат Кара-Чурина Басы-тегин – законный наследник престола – томился в китайском плену, главенствовал союз пяти тюркских племен под названием Дулу, а ставка орды находилась в долине реки Или, в Семиречье.

Беки и старейшины союза Дулу, осознавая, что в каганате нет центрального управления, захватили власть и без созыва курултая возвели на престол сына Нили-хана Тамана с титулом Нигю Чуло-хан. Государственный переворот, совершенный союзом племен Дулу, явился для всего Западного каганата полной неожиданностью. Но когда об этом стало известно, многие тюркские племена стали выказывать неповиновение правительству. Восточные области отпали, на караванных дорогах начались грабежи. Внутри страны положение становилось угрожающим. Некоторые тюркские племена стали самостоятельно заключать союз с Китаем. Появился и претендент на престол, у которого сразу нашлись сторонники. Это был бек Шегуй – внук Кара-Чурина, который имел удел Чач и его области.

Китайская дипломатия, предчувствуя назревающую гражданскую войну, не осталась в стороне от событий. Китайское правительство оказало поддержку Шегую, который в 612 г. немедленно выступил в поход против войск Тамана и наголову разбил их. Таман бежал на восток, но там попал в плен к китайцам. Китайское правительство выдало его послу Шегуя, который его и убил.

С гибелью Тамана закончилась гражданская война. Его приверженцы были разделены на три малые орды. Шегуй с титулом Тунджабгу-хан на курултае был избран ханом Западного каганата. Внутреннее положение каганата упрочилось, внешние затруднения рассеялись. Самая острая проблема – существование в Джунгарии независимой телеской конфедерации – разрешилась сама собой. В 619 г. оба телеских вождя – кибисский Мохэ-хан Гаяэн и сеяньтоский Ишбар – отреклись от титулов и добровольно подчинились Тун-джабгу-хану. Грабежи на караванных дорогах прекратились.

Тун-джабгу-хан расположил свою ставку в зеленой степи, к северу от Чача. Это был

центр его обширных владений. Здесь он принимал посольства от восточного (китайского) и западного (византийского) императоров.

По старой древнетюркской традиции Западный тюркский каганат разделился на восточное и западное крыло. Первым лицом после кагана был ябгу. На эту должность Тунджабгу-хан назначил своего младшего брата Мохо-шада. Он стал правителем западных областей и первым лицом после хана. Старший брат Нишу Гян-шад был назначен удельным беком в Бухаре. Территория современного Западного Казахстана называлась в те времена Сибирью. Удельным беком этой области Тун-джабгу-хан назначил своего дядю, который впоследствии принял титул Кюйлюг Сибир-хан.

С установлением мира в Западном каганате жизненный уровень кочевников и жителей городов поднялся. Доходы в казну возросли, усилилась и мощь армии.

Вот как описывает внешний вид богатого и роскошного двора западнотюркского хана китайский монах Сюань Цзан, встретивший Тунджабгу-хана на охоте: «Хан был одет в халат из зеленого атласа, голова его была не покрыта, только узкая шелковая лента перехватывала лоб и удерживала волосы, ниспадавшие на плечи. Хана окружала свита из двухсот всадников, одетых в меховые или полотняные одежды и вооруженных длинными копьями с флажками и прямыми луками. Их было так много, что конца войска не было видно». Однако, несмотря на богатство, сытость и праздность, сохранилось поклонение интеллекту, восхищение им. Нищего китайского монаха встретили, накормили. Хан с вниманием выслушал его и дал все необходимое для дальнейшего путешествия в Индию, откуда Сюань Цзан обещал привезти крупницу мудрости.

Восточные и западные тюрки и их роль в мировой войне

Западный каганат продолжал расширять свои территории на западе. В это время перед западными тюрками были две нерешенные проблемы: покорение аваров и прокладывание через Иран дороги для «шелковых караванов». Разрешение этих проблем было делом довольно сложным, и, безусловно, своих сил не хватало. Необходимо было иметь союзником Византию, но персы и авары зажали ее в тиски.

Талантливый полководец Византии Ираклий, ведя мудрую политику с аварами, спас Константинополь и повел армию на персов.

Эта война 623 г. рассматривалась современными историками как «крестовый поход» за христианскую религию, ибо персы осквернили Иерусалим.

Однако Ираклий оказался одинок перед лицом врага, и в 625 г. он был вынужден отправить своего представителя к хазарам. Из ставки хазар был дан ответ: «...я приду сам с храбрыми войсками моими на помощь ему (Ираклию), совершу угодное ему делами воинскими, мечом моим и луком, как он этого желает».

Любопытно то, что с этого момента византийские историки отождествляли западных тюрков и хазар, считая последних опорой Каганата в степях Прикаспия.

Таким образом, западные тюрки были втянуты в войну Византии и Ирана (здесь следует отметить, что западные тюрки оставались в дружеских отношениях с Китаем), и, вследствие чего, было образовано две коалиции: Китай, Западно-тюркский каганат, Византия и Восточно-тюркский каганат, Иран и держава аваров.

У членов первой коалиции было стремление установить свободную торговлю между Европой и Китаем.

Цели второй коалиции были различны: аваров интересовал грабеж; у Ирана были давние счеты с Византией, Восточно-Тюркскому каганату, как мы отмечали ранее, не нужен был сильный Китай, и они постоянно в него вторгались: 621, 622, 623, 625 гг. Лишь в 626 г. на реке Вэй был заключен мир, и, очевидно, этому способствовало подготавливаемое выступление западных тюрков, союзников Китая.

В последующие три года после заключения мира империя Тан набралась сил, а восточные тюрки упустили инициативу из своих рук.

Тем временем западнотюркский хан, узнав о мире на реке Вэй, успокоился за свою восточную границу и перекинул часть войск в поддержку византийцев.

Иранцы же, не придавая тюркам большого значения, уверовали в неприступность дербентского укрепления, которое перекрывало дорогу в Закавказье. Дербентское укрепление представляло собой мощную стену протяженностью 40 км от гор до Каспийского моря.

Штурм Дербента тюрками и хазарами весьма красочно описан историками тех лет.

Падение Дербента вызвало панику. Затем наступила очередь Грузии. Тюрки и хазары окружили и осадили изнеженный, торговый, славный и великий город Тифлис. Тогда же к ним присоединился император Ираклий. Осенью 627 г. он снял осаду, вышел к Тигру и в декабре разбил персидское войско.

Безусловно, без тюрко-хазар, победивших персов в Закавказье, вряд ли Ираклий победоносно завершил бы свой поход. Ресурсы Ирана были исчерпаны.

В феврале 628 г. персы запросили мира, однако это был сепаратный мир: тюрко-хазары продолжали войну с Ираном один на один.

Итак, зимой 628 г. западные тюрки вновь вступили в Закавказье и подошли к стенам Тифлиса. Город был разграблен. Но на сей раз это было не просто ограбление страны, а присоединение ее к своим владениям, поскольку через Каспийское море и Кавказ можно также было провозить шелк в Константинополь.

Однако власть в западнотюркских владениях держалась только «на копье». Войско же не было монолитным, как и сам каганат. Соперничество племенных группировок обострило противоречия внутри страны, в результате чего произошли события, которые спасли Иран; восстания в армии и падение Восточного каганата вынудили Тун-джабгу-хана выехать из Закавказья в Центральную Азию, поручив дальнейшие военные действия своему сыну Дури-шаду, армия которого не смогла устоять против персов.

По возвращении хана в ставку произошел переворот, в результате которого он был убит своим дядей, захватившим престол и принявшим титул Кюйлюг Сибир-хан. Убийство Тун-джабгу-хана настроило против новой власти тюркских беков и старшин. Началось восстание во главе с законным наследником Нишу-шадом, которое Сибир-хан проиграл, так как народ не примкнул к нему. Сибир-хан бежал к Алтайским горам, но в 631 г. был настигнут и убит.

С 631 по 639 г. сменился ряд ханов, совершенно невыразительных в своем правлении, поэтому остановимся на Ирбис Ишбар Джабгу-хане, во время правления которого, с помощью китайской дипломатии, началась смута в Западном каганате. Китайский император, пользуясь ситуацией в каганате, потребовал от хана несколько восточных областей. Требование спровоцировало войну.

Началась продолжительная и изнурительная война с превосходящей в силе императорской армией, в которой кроме китайцев участвовали уйгуры и другие тюркские племена Восточного каганата, добровольно признавшие себя вассалами китайцев.

Ишбар-хан мобилизовал всю свою армию, чтобы остановить наступление войск императора, но потерпел поражение и ретировался в Таласскую долину. Следующее сражение состоялось в 657 г., и тюрки Западного каганата вновь были разбиты. Ишбар-хан умер в китайском плену в 659 г. После чего покорение Западного каганата пошло быстро: крупные города Западно-Тюркской державы признали себя вассалами империи.

Беспорядки охватили всю тюркскую державу. Тюрков выбивали из их крепостей, которые затем переходили в руки китайского императора. Военные неудачи тюрков оказались роковыми: армия была разгромлена. Восточно-Тюркская держава перестала существовать. В 660 г. Западно-Тюркская держава как независимое государство погибла и больше никогда не воскресала.

С 630 по 681 гг. Китай осуществлял настоящий протекторат над императорским домом в Орхоне и прочно утвердился в западных уделах.

На этой трагической для западных и восточных тюрков ноте сделаем паузу и обратимся

к главным племенным группам, проживающим в евразийских степях, инициатива к которым перешла сразу после смерти Аттилы: булгарам, венграм, печенегам, – и особо остановимся на Хазарском каганате, чья роль в мировой истории была велика.

Булгары. Предполагается, что булгары происходят от гуннов, отступивших на восток, и от различных групп, пришедших еще раньше из Азии. Они сами, или их правящий клан Дуло, считали себя потомками сына Аттилы, Ирника, память о котором они хранили до VIII в. включительно, хотя странным образом забыли о его великом отце. Об этом свидетельствует их имя, деепричастие на «ар» от тюркского слова «булга» («перемешиваться»), что значит «смешанные люди». Тем не менее языковые особенности булгар, как и их потомков – чувашей, указывают на их разрыв с общим тюркским древом.

Впервые они упоминаются в 480 г. в районе между Каспийским морем и Дунаем, где они были союзниками византийца Зенона в борьбе против готов, поддерживавших аваров, которые двигались к Черному морю. Во второй половине VI в. булгары подпали под владычество аваров, ставших новыми завоевателями степей Юго-Восточной Европы. Под предводительством Кубрата, вождя булгар (воспитывался в Византии, принял крещение в 619 г.), аварское могущество в Причерноморье было сокрушено в 635 г. Возникло новое государство, Великая Булгария, просуществовавшее, однако, только до кончины своего основателя (642 г.). Пять сыновей Кубрата поделили между собой булгарские племена и земли в Предкавказье и Приазовье. Этот раздел облегчил задачу хазар, которые пришли из глубин Азии и в конце концов заставили булгар перегруппироваться в три орды.

Под давлением новых захватчиков первая булгарская орда осталась на месте в качестве вассала, и ей было суждено раствориться в массе других этносов западной части Кавказа.

Вторая орда во главе с Испериком (644–702) ушла на запад. В 679 г. она перешла Дунай, а в 680 г. обосновалась в стране, которая позже стала называться Болгарией. Она была опасным соседом для Константинополя и не раз осаждала его, в частности в 762 г., затем в 811 г., когда хан Крум (803–814 гг.) разгромил и убил императора Нисефора I, причем по тюркскому обычаю он приказал сделать из его черепа кубок. Смешавшись с южными славянами, эта орда быстро ославянилась. Процесс ассимиляции ускорился, когда Борис I в 864 г. или 865 г. перешел в христианство. С тех пор балканские булгары уже не имели никакого отношения к тюркской истории.

Третья орда поднялась вверх по течению Волги и основала в конце VIII в. хорошо организованное царство на месте слияния Волги и Карды, известное как Великая Булгария, Волжская, или Камская, Булгария. Его столица Булгар, находившаяся в сотне километров от нынешней Казани и пришедшая в упадок, – это одно из самых древних тюркских поселений, где были проведены раскопки.

При наличии богатой волжско-булгарской литературы, состоящей в основном из поздне-исламских погребальных надписей (XIII–XIV вв.), самым важным языковым документом считается «Список булгарских принцев» – это 14 страниц, вставленных в хронику на древнеславянском языке, который относится к концу XIII столетия и вызывает много вопросов. Список содержит две части. В первой приводятся имена принцев, живших по ту сторону Дуная, во второй части перечисляются имена Исперика и его преемников вплоть до Умора, умершего в 763 г. Ирник, сын Аттилы, упомянутый в первой части, прожил, как сказано, 150 лет, а его отец Аттила – 300 лет. Такое мифическое долгожительство потребовалось хроникеру только для того, чтобы локализовать этих персонажей во времени.

Венгры. В первые века христианской эры это кочевое племя было вытеснено с прежней своей территории на Урале и мигрировало через степи на юг, чтобы остановиться в междуречье Дона и Кубани. Так они стали соседями хазар еще до того, как те приобрели значимость. Венгры были союзниками хазар, причем союзниками добровольными, с самого зарождения Хазарской империи.

Примерно с середины VII в. и до конца IX в. они оставались подданными Хазарии. Примечательно, что между венграми и хазарами не было зафиксировано ни одного

конфликта, хотя по отдельности они то и дело воевали со своими близкими и дальними соседями: волжскими булгарами, дунайскими болгарами, огузами, печенегами, не говоря об арабах и русах. Из того, что венгры доминировали над соседями-славянами и собирали с них дань, Тойнби делает вывод, что «хазары использовали венгров как своих агентов, хотя венгры, несомненно, умели извлекать из этого пользу для себя».

Приблизительно тогда же, когда был построен Саркел, венгры совершили переход на западный берег Дона. Начиная с 830 г. почти весь народ переселился в район между Доном и Днепром, названный позже Леведией. Почти полвека все было тихо. За это время отношения между венграми и хазарами сделались еще теснее. Кульминацией в их отношениях стали два события: сначала хазары одарили их царем, основавшим первую венгерскую династию, потом несколько хазарских племен примкнули к венграм и глубоко преобразовали их этнический характер. Это привело к целому ряду последствий. По меньшей мере до середины X в. в Венгрии говорили одновременно по-венгерски и по-хазарски. Так Бьюри пишет: «Результатом этого двуязычия стал смешанный характер современного венгерского языка, что используют в своей аргументации противные стороны в споре об этнической принадлежности венгров». У Маккартни находим: «Все, что мы знаем о происхождении венгров определено, – это то, что они состояли в родстве с финнами и что их язык принадлежит к так называемой финно-угорской языковой группе, вместе с языками вогулов и остяков, населявших леса Северного Урала».

Тесное взаимодействие хазар и венгров закончилось в 898 г., когда венгры, простившись с евразийскими степями, пересекли Карпатские горы и завоевали территории, ставшие с той поры их родиной.

В X в. они составили вторую волну Великих западных походов, причем одну из наиболее разрушительных.

Таким образом, косвенно, по дьявольской логике истории, хазары способствовали созданию Венгерского государства, а сами исчезли в тумане веков.

Кстати, владычество тюркоязычных народов над венграми ни в коей мере нельзя считать причиной того, что мусульманские или византийские источники, в частности Константин Порфирогенет, классифицируют их как тюрков. Позже мусульмане считали тюрками русских или славян. Похожий образ жизни и восточное местонахождение – вот и все аргументы, достаточные для того, чтобы навесить ярлычки, не заботясь об исторической точности.

Современная Венгрия, в отличие от других малых стран, не имеет языковых связей с соседями: венгры остались этническим анклавом посреди Европы.

Печенеги – тюркские племена, обитавшие в заволжских степях в VIII–IX вв. Зажатые в заволжских степях между значительно более сильными соседями – огузами (гузами), кыпчаками и Хазарским каганатом, печенеги стали двигаться к западным рубежам своих кочевий. Хазары попытались остановить движение печенежских орд. Каган заключил союз с огузами, надеясь силами союзников разгромить неожиданных захватчиков. Однако результат этого соглашения оказался совершенно противоположным. Огузы пошли войной на печенегов, живущих в Заволжье, одержали победу и потеснили их. Тогда, теснимые огузами, печенеги оставили свои земли, и основная часть направилась на запад, круша все на своем пути. Переправившись через Итиль, они стали занимать (донские) степи, разрушив большинство богатых земледельческих поселков степной и лесостепной зон Подонья. Население тюрков-хазар частично уничтожили, а остальные вошли в кочевые подразделения печенегов.

Приблизившись к Днепру, печенеги подошли к владениям венгров, живших тогда в днестро-днепровском степном междуречье, называемом Ателькуза. Воспользовавшись тем, что основные силы венгров отправились в поход, печенеги ворвались в их страну, истребили (как пишет византийский историк и император Константин Багрянородный (913–959 гг.)) их семьи и прогнали воинов, оставленных для охраны кочевий. Вернувшиеся из похода венгры нашли свою землю занятой свирепыми врагами. Убедившись, что им уже не удержаться

здесь, венгры повернули на запад и двинулись через Карпаты в Подунавье. Добившись там победы, они поселились на богатых землях Паннонии. Случилось это в 898 г.

Разрушив города и поселения в Восточном Крыму, печенеги заняли степи от Итиля до Дуная.

В последние десятилетия IX в. печенеги, очевидно, доминировали на всей равнине, которую омывает Черное море, от нижней излучины Дона до Молдовы.

Вот что пишет Константин Багрянородный о печенегах, обитавших в восточно-европейских степях в середине X в.: «Восемь тюркских племен, объединившись в один союз, или народ, называются баджанг (своаяк). Каждое племя во главе со своим вождем кочует отдельно, в строго очерченных своих границах».

В торговом городе-крепости Саркел селились печенежские наемники. К ним постоянно присоединялись выходцы из огузских орд. Так постепенно выростала печенежско-огузская орда.

Власть была выборная, и ханы наследовали ее двоюродным братьям или детям двоюродных братьев, чтобы власть не оставалась постоянно в одной ветви рода и чтобы ее получили также и родичи по боковой линии.

Гардизи превосходно описывает их бесчисленные стада и богатства – вазы и пояса, военные трубы в виде голов животных, прекрасное оружие.

Агрессивно настроенные против малейшего намека на цивилизацию и мирное существование, печенеги отказались от мудрой политики своих предшественников, обитавших в этих местах. В 934 г. они заключили союз с венграми, своими вчерашними врагами, дабы захватить Фракию; в 944 г., чтобы вести борьбу против Византии, они стали союзниками князя Игоря, который был русским в очень малой степени и сделался таковым позже, в памяти поколений.

Когда хазары исчезли по причине того, что Киевское княжество достаточно усилилось, чтобы помешать им продвигаться на север, либо потому, что северные земли не интересовали их, печенеги предприняли бешеный натиск на Византийскую империю, в войсках которой, между прочим, было немало их соплеменников-наемников. Они напали на Византию в 1026, 1061, 1064, 1087, 1088–89 и 1090 гг.

Это были тяжкие времена для Второго Рима. Его постоянно атаковали тюрки-варвары, тюрки-мусульмане, т. е. тюрки, вышедшие из недр самой высокой цивилизации той эпохи. Базилеус Диоген был вынужден выступить против них и на восточной окраине своей империи в 1071 г. потерпел поражение и попал в плен в битве при Маницкерте. Печенеги, также бывшие у него на службе, перешли на сторону противника, т. е. своих братьев по расе, что, впрочем, очень часто случается в истории.

Итак, в результате цепной реакции, начавшейся на Урале – огузы потеснили печенегов, печенеги – венгров, венгры – болгар и моравов, – карта Центральной Европы стала приобретать свой сегодняшний облик.

Хазарский каганат. В те времена, когда Карл Великий носил корону императора Запада, на восточной окраине Европы, между Кавказом и Волгой, властвовало иудейское государство, известное как Хазарская империя. На пике своего могущества, с VII по X в., оно играло важную роль в судьбах средневековой Европы. Константин Багрянородный, должно быть, хорошо знал положение дел, когда отметил в «Книге о церемониях византийского двора», что на посланиях папе Римскому и императору Запада золотая печать должна быть достоинством в два солида, тогда как печать на посланиях правителю хазар – в три солида. Дж. Бьюри писал: «Вероятно, хазарский хан значил для византийской внешней политики никак не меньше, чем Карл Великий и его преемники».

Страна хазар занимала стратегическое положение между Черным и Каспийским морями, где в те времена сталкивались интересы крупнейших восточных держав. Она играла роль буфера, защищавшего Византию от вторжения сильных варварских племен из северных степей – болгар, венгров, печенегов и др., а позднее викингов и русских.

Однако более важен с точки зрения византийской дипломатии и европейской истории

тот факт, что хазарские армии реально воспрепятствовали арабскому нашествию на раннем, самом разрушительном этапе и тем помешали арабскому завоеванию Восточной Европы. У Данлопа мы находим: «Земли тюрков-хазар... лежали на пути естественного продвижения арабов. За считанные годы после смерти Магомета (632 г.) армии Халифата, прорываясь на север и круша две империи, достигли великой горной преграды – Кавказских гор. Стоило преодолеть этот барьер – и перед ними открылся бы путь в Восточную Европу. Но как раз на кавказском рубеже арабы столкнулись с организованной военной силой, помешавшей им продолжить завоевание в этом направлении. Войны арабов и хазар, продолжавшиеся более столетия, но ныне почти неизвестные, имели большое историческое значение. Франки под предводительством Карла Мартелла отразили арабское вторжение в битве при Пуатье (732 г.). Одновременно Европе грозила не менее серьезная опасность с востока... Победоносные мусульмане были остановлены силами Хазарского царства... Вряд ли можно сомневаться, что если бы не хазары, населявшие области к северу от Кавказа, то Византия, оплот европейской цивилизации на востоке, была бы обойдена арабами с флангов, и тогда история христианства и ислама сильно отличалась бы от известной нам сегодня».

Учитывая эти обстоятельства, не приходится удивляться, что в 732 г., после громкой хазарской победы над арабами, будущий император Константин V (741–775 гг.) женился на хазарской принцессе. Со временем их сын стал императором Львом IV (775–780 гг.), известным под именем Лев Хазар.

Союз был выгоден обеим сторонам – одним он дал могучего союзника, другим – важный торговый путь для товаров из Дальнего Востока и экспорта развитой культуры, – поэтому он был почти безоблачным и зиждился на взаимовыгодных интересах, по крайней мере в течение первых столетий.

Так кто же были эти удивительные люди, удивительные как своим могуществом и достижениями, так и переходом в религию иудеев?

В некоторых персидских и арабских хрониках можно найти занятное сочетание легенд и слухов. Начинаться они могут с Сотворения мира. Так, арабский историк IX в. Якуби прослеживает историю хазар до библейского Яфета, третьего сына Ноя. Возведение родословной того или иного народа к потомкам Ноя – традиционная тема в средневековой литературе, хотя встречаются и другие легенды, связывающие хазар то с Авраамом, то с Александром Македонским.

Одно из наиболее ранних фактических свидетельств о хазарах содержится у сирийского хрониста VI в. Захарии Ритора, упоминавшего хазар в списке народов, населявших Кавказ. Судя по другим источникам, хазары заявили о себе столетием раньше, причем в тесной связи с гуннами. В 448 г. византийский император Феодосий II направил к Аттиле посольство, включив в него знаменитого ритора по имени Приск (см. «Империя Аттилы»). Тот подробно записывал не только дипломатические переговоры, но и все, что касалось придворных интриг и событий на пышном приеме у Аттилы; оказавшись превосходным эклектиком, он оставил нам один из главных источников сведений об обычаях и привычках гуннов. Приск писал и об одной народности, покоренной гуннами, которую называет «акатцирами» – скорее всего, речь идет об «ак-хазарах», или «белых хазарах» (в отличие от «черных» кара-хазар). Приск свидетельствует, что византийский император пытался переманить этот воинственный народ на свою сторону, но хазарский вождь по имени Каридах счел посулы недостаточными и примкнул к гуннам. Аттила нанес поражение вождям, враждовавшим с Каридахом, сделал его полновластным правителем акатциров и пригласил к себе в гости. Каридах поблагодарил за приглашение, но заявил, что «трудно смертному смотреть в лицо богу. Нельзя смотреть на солнечный диск, тем более в лицо величайшему из богов, не рискуя обжечься». Аттила был, видимо, польщен, ибо не отнял у Каридаха право на власть.

Крушение империи гуннов после смерти Аттилы образовало в Восточной Европе вакуум власти, куда волнами устремились с востока орды кочевников, среди которых выделялись уйгуры и авары. Хазары в то время как будто довольствовались набегами на закавказские земли Грузии и Армении, захватывая богатую добычу. Во второй половине

VI в. они стали доминирующей силой среди северокавказских племен. Многие из этих племен – сабиры, сарагуры, самандары, баланжары и другие – перестают с той поры упоминаться в источниках: их либо подчинили, либо поглотили хазары.

Прежде чем образовать суверенное государство, хазарам пришлось побывать под властью еще одной державы – Западно-Тюркской империи.

В первые десятилетия VII в., до того как из Аравии нагрянул мусульманский смерч, на Среднем Востоке властвовал триумвират держав: Византия, Иран, Западно-Тюркский каганат. Первые две непрерывно воевали друг с другом на протяжении столетия и стояли на краю краха; Византия впоследствии оправилась, но Иранское царство было обречено, и хазары фактически привели приговор в исполнение.

Номинально они еще оставались под властью Западно-Тюркского каганата, в рамках которого представляли наибольшую силу. Поэтому император Ираклий заключил в 627 г. военный договор с хазарами – первый в череде нескольких таких договоров, – готовясь к решающей войне с Ираном. Хазары поставили под знамена Ираклия 40 тыс. всадников под командой вождя Зиевила, но вскоре, устав, видимо, от чрезмерно осторожной стратегии греков, развернули коней и осадили Тифлис. Осада успеха не принесла, и на следующий год они снова объединили силы с Ираклием, захватили грузинскую столицу и вернулись с богатой добычей.

После заката восточных и западных тюрков в середине VII в. пришел черед хазар править Северным царством, как оно именовалось персами и византийцами. По одной из легенд, во дворце великого персидского шаха Хосрова Ануширвана (Благословенного) стояло три золотых гостевых трона специально для императоров Византии, Китая и Хазарии. Ни тот, ни другой, ни третий так и не посетили Иран с государственным визитом, так что золотые троны – если они существовали – играли, видимо, чисто символическую роль.

Примерно в то время, когда Западно-Тюркская конфедерация распалась на племенные тюркские союзы, прежний треугольник держав сменился другим: исламский Халифат – христианская Византия – новообразованное Хазарское царство на севере.

Таким образом, Хазария была первым феодальным государством Восточной Европы, стоявшим в одном ряду с Византийской империей и Арабским халифатом. Лишь благодаря мощным набегам хазар, отвлекавшим арабские армии на Кавказе, выстояла Византия. Важно отметить, что основной вклад хазар в мировую историю заключался в успешном отстаивании кавказского рубежа от рвавшихся на север арабов.

Хазарский каганат отличался веротерпимостью. Основной религией было тэнгрианство. Чтобы усилить свое влияние в Хазарском каганате, Византия старалась через купцов и миссионеров внедрять христианство. Так в хазарских городах для купцов были построены церкви. Арабский халифат для распространения в каганате ислама затрачивал энергию не меньшую, чем Византия.

В начале VIII в. мир был строго разделен между двумя сверхдержавами, олицетворявшими христианство и ислам. Их идеологические доктрины находили выражение в силовой политике, осуществлявшейся классическими методами пропаганды, силового давления и военных захватов. Хазарская империя представляла собой третью силу, доказавшую свое равенство двум другим и в роли противника, и в роли союзника. Но сохранить независимость Хазария могла, лишь избежав принятия христианства или ислама, в противном случае она оказалась бы подчинена власти византийского императора либо багдадского халифа.

Обе силы упорно старались обратить хазар в христианство или в ислам, однако старания эти приводили лишь к обмену дипломатическими любезностями, основанными на взаимных интересах. Полагаясь на свое военное могущество, Хазарский каганат, имея в тылу вассальные племена, решительно отстаивал свое положение третьей силы, возглавляющей независимые степные народы.

Обращение в одну из этих религий означало бы подчинение, конец независимости и потому было неприемлемо. Разве не логичнее в этой ситуации было перейти в третью веру,

не связанную с другими двумя, но в то же время послужившую той и другой древней основой?

И этой третьей верой стал иудаизм.

Обращение хазарского двора имело, несомненно, политические мотивы, но было бы ошибкой полагать, что эти люди слепо перешли к исповеданию религии с неизвестными догматами. Напротив, перед обращением они, как минимум, столетие знакомились с евреями и их религиозной практикой благодаря многочисленным беглецам, спасавшимся от религиозного преследования в Византии и, хоть и в меньшей степени, в завоеванной арабами Малой Азии. Известно, что среди варваров севера Хазария выделялась как относительно цивилизованная страна, еще не склонившаяся ни к одной из противоборствующих религий, превратившаяся потому в естественное убежище для евреев, спасающихся от византийского ига, насильственного обращения в другую веру и других притеснений.

Вспомним историю проникновения иудаизма в Хазарский каганат.

В 724 г. до н. э. Салманасар IV, ассирийский царь, захватил и разграбил Израильское государство. Около 30 тыс. человек были уведены и расселены в ассирийских и мидийских городах. В 597 г. до н. э. Иерусалим был осажден вавилонским царем Навуходоносором. Город разграбили, а аристократов, военных и богатых горожан (около 10 тыс. человек) увели в Ассирию и Вавилонию.

В 538 г. до н. э. Вавилон был взят персами, и через год персидский царь Кир позволил иудеям вернуться на родину. Но вернулись немногие. Оставшиеся создали еврейскую диаспору в Иране.

В I–II вв. н. э. значительные иудейские колонии разместились на территории Ирана – великой восточной державы. Иудаизм нашел здесь более благоприятную почву для сохранения своей обособленности и самобытности. Было построено много синагог, и раввины проповедовали учения Талмуда и бога Яхве. Шахи Ирана благосклонно относились к евреям и позволили им создать колонии в столице Ктесифоне и Исфагане.

В 491 г. Иран постигли засуха и связанный с нею недород и налет саранчи. Шах Кавад открыл государственные амбары с зерном, но это не предотвратило народных волнений. И тогда один из вельмож, Маздак, предложил шаху свою концепцию спасения государства. Она была дуалистична, но в ней, в отличие от манихейства, «Царство Света» наделялось качеством воли и разума, а «царство тьмы» – качеством неразумной стихии. Отсюда вытекало, что существующая в мире несправедливость – следствие неразумности и исправить ее можно средствами разума: введением равенства, уравниванием благ (т. е. конфискацией имущества богатых и разделом его между маздакитами) и казнями «сторонников зла», т. е. тех, кто с Маздаком не согласен. Система подкупала безукоризненной логикой, и шах поддержал Маздака. Маздакиты, взяв власть в свои руки, развернули массовый террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 г. шах Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и расправлялись с неугодными людьми. Только в 529 г. царевич Хосрой собрал войско из людей, обиженных маздакитами, и приказал повесить Маздака, а его сторонников закопать в землю живыми. В этих событиях, в лагере сторонников Маздака, активное участие принимали и евреи. Когда начались расправы с маздакитами, то и примкнувшим к ним евреям пришлось плохо. Уцелевшие евреи бежали в Закавказье (Азербайджан и Грузию) и на Кавказ, часть очутилась на широких равнинах между Тереком и Сулаком. Там они стали обживать, избегая конфликтов с соседями. Тюркские ханы по простоте своей пожалели евреев и разрешили им поселиться в Хазарском каганате. Они считали, что держава приобретет работающих и интеллигентных подданных, которых можно использовать для дипломатических и экономических поручений. Богатые евреи подносили хазарским ханам и бекам роскошные подарки, а красавицы-еврейки пополняли ханские гаремы. Основными занятиями евреев были торговля и ростовщичество. Еврейские купцы быстро освоили не только восточный путь, по которому шел шелк в обмен на золото, но и северный – из Ирана на Каму, по которому текло серебро в обмен на меха.

Постепенно еврейские поселения объединялись в общины.

Иудейская община, жившая в Хазарском каганате и состоявшая в основном из купцов, ростовщиков и менял, не только накопила огромные богатства, но и включила в свой состав ханов тюркской династии Амина. Тюрки, сохраняя обычай многоженства, женились на прекрасных еврейках, а сыновья их, оставаясь тюркскими царевичами, становились членами иудейской общины (у евреев продолжение рода идет по материнской линии). Они изучали Тору и Талмуд, общались с родственниками своих матерей и женились по их совету на соплеменницах из числа богатых невест.

По истечении 200 лет в Хазарском каганате уже никто не помнил о событиях, произошедших в Иране.

Таким образом, милость Истории к беглецам евреям заключалась в существовании Хазарии – и до, и после ее обращения. До обращения она служила убежищем для беглецов, а после превратилась в подобие национального гнезда. Беглецы были представителями более высокой культуры и стали, несомненно, важным фактором формирования космополитизма и терпимости. Их влияние и, наверное, их миссионерский пыл первыми должны были ощутить придворные и знать. Видимо, евреи умело сочетали теологическую аргументацию, мессианские пророчества и разумные соображения по поводу преимуществ, которые получили бы хазары от перехода в «нейтральное» вероисповедание.

Изгнанники принесли с собой византийское искусство и ремесла, прогрессивные методы земледелия и торговли, а также еврейскую азбуку.

Добровольное обращение хазар в иудаизм в 790 г. привело к глубоким и долговременным последствиям.

Таким образом, не только воинские подвиги составляют основу хазарской истории, но напротив – мир и религиозная политика в сотрудничестве с Византией.

Земля, часть которой позже стала российским Черноземьем, была еще нетронутой, и все историки сходятся на том, что на ней ничего не выращивалось. Но, несмотря на это, страна была богатой. Это богатство зиждилось на предприимчивости населения, на импорте и экспорте или, если хотите, на посредничестве. В их города и селения съезжались путешественники и торговцы со всего Ближнего Востока. Они привозили с собой чужеземные привычки, вкусы, идеи. Отношения с Византией в какой-то мере приобщили хазар к византийской школе, но византийское влияние уравновешивалось влиянием ислама, который очень скоро достиг высокого уровня цивилизации и имел большой авторитет. Подобно всем другим тюркским империям, Хазарская держава оказалась способной к усвоению чужого образа жизни, но в отличие от многих она сформировалась на почве сильных традиций. Поэтому она не утратила своей идентичности: язык остался тюркским, не изменился и кочевой образ жизни. Не стоит питать иллюзий в отношении хазарских городов: это всего лишь крупные поселения, благоустроенные биваки, даже если к ним приложили руку византийцы, поскольку люди там не жили круглый год, а чаще всего зимовали. Хазары отказались лишь от традиционной религии и приобрели налет цивилизованности, но это типично для тюрков, которые до принятия ислама всегда тяготели к новым религиям.

Как отмечал арабский географ Идриси (около 1166 г.), никогда не существовало государственной религии – иудейской или какой-либо иной – в этом толерантном обществе, где каждый человек мог свободно высказаться по любым вопросам.

Если верить Ибн-Рустеку (X в.), царь был иудеем, а его народ все еще исповедовал религию остальных тюрков. И вполне вероятно, что массы никогда не забывали эту религию. По мнению Масуди (примерно 956–957 гг.), иудаизм был главной религией, но судей было семеро: два – для мусульман, два – для евреев, два – для христиан и один – для язычников – русских, славян и других. Но было ли такое равенство всех трех религий чисто формальным или оно осуществлялось на практике? Однако следует отметить, что в Матарке находился епископ, а в Самарканде были церкви, мечети и храмы, в Итиле существовали отдельные кварталы для евреев, христиан, мусульман и язычников. Тем не менее ислам продвинулся в своем развитии дальше, чем его соперники, в частности, в IX в., а еще более – в X в. Есть

упоминание об одном кагане, который принял ислам из политических соображений. В такой ситуации могла сформироваться религиозная индифферентность или, скорее, религиозный синкретизм, поскольку тогдашние религиозные чувства нельзя назвать пылкими. В качестве иллюстрации можно привести одного хазарского принца Дагестана, который исповедовал одновременно все три основные религии.

И все-таки выбор хазар кажется удивительным – иудаизм. Долгое время ученые, не обращая внимания на арабские тексты, пытались сделать из хазар иудейский народ. «История еврейских хазар» – так назвал свою книгу Данлоп. Однако он сделал оговорку, что только правящий класс принял эту религию в эпоху, о которой идет речь. Еврейские источники датировали это событие первыми десятилетиями VIII столетия. Великий историк Масуди утверждал, что это случилось во времена халифа Гарун аль-Рашида, и это кажется более правдоподобным. Но в середине IX в. апостолы всех конфессий имели широкие возможности, и византийцы послали (851–863 гг.) святого Кирилла проповедовать среди них Евангелие. Он был принят со всем почтением, какое турки традиционно оказывали духовенству, и получил возможность вести теологические дискуссии с раввинами за императорским столом. Этот факт заслуживает уважения, но это никак нельзя считать прообразом спонтанных или организованных дебатов между представителями различных церквей, примеров которых немало насчитывается в истории. Намного раньше и гораздо дальше к востоку этот процесс уже шел полным ходом.

Как бы то ни было, но в первой половине VIII в. первым каганом полуевреем стал Булан, проводивший центристскую политику между хазарами и еврейской общиной. После него с помощью еврейской общины произошел «переворот», и к власти пришел иудей Обадий. Это означало, что он возглавил правительство при номинальном кагане. В каганате начался период двоевластия. Обадий был человеком интеллигентным и имевшим связи с еврейской диаспорой. Для «мудрецов израильских» он не пожалел хазарского серебра и золота, чтобы только эти мудрецы согласились пожаловать в Итиль.

Для хазарского народа значение переворота определил царь Иосиф, глава иудейской общины Итиля, написав: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины (присутствие божества), он нам всех наших врагов и ниспроверг. Все они служат и платят нам дань. Да, дело было выгодное».

После принятия иудаизма государственной религией в Хазарский каганат стали стекаться иудеи из разных стран. Вновь прибывшие евреи, гонимые в христианских и мусульманских странах, быстро заселили целые кварталы хазарских городов, особенно крымских. Почти на все ключевые государственные должности были назначены евреи. Сюда устремились работорговцы – евреи из Ирана и Византии. Евреи стали строить для себя синагоги. Кроме иудаизма из Ирана пришло новое религиозное течение, названное «карай», а тюркское племя, принявшее эту религию, стало называться «караитами». Таким образом, каганат превратился из тюркского в еврейско-тюркский. Основную массу составляли турки, а правили ими, по сути дела, евреи.

Л. Гумилев писал, что «двоевластие» в Хазарском каганате было грандиозным обманом народа, которому, как куклу, показывали законного хана, уже ставшего иудеем, для того, чтобы глава иудейской общины мог выжимать из тюрков-хазар и окрестных народов средства на наемников, которые должны были этих же хазар подавлять. И хазары платили... Так продолжалось более 150 лет.

Все это привело к тому, что к концу IX в. каганат стал слабеть. Государство было большим, для его защиты требовалось много воинов. Армия была наемной, во главе ее стояли евреи. Народ утратил единство духа. В стране было неспокойно, доходы в казну уменьшились. Государство теряло былую мощь.

Ненависть тюрков-хазар была направлена на тюрков-аристократов, живших в столице и поддерживающих политику иудеев. Политика столичной знати оторвала их от остальной хазарской аристократии, проживающей в дальних провинциях и мало связанной со столицей, но обладающей весьма значительным влиянием в своих кочевьях и аулах. Началась

национально-освободительная война тюрков-хазар против оккупационного правительства. Ее возглавила провинциальная аристократия. Между столичной и провинциальной аристократией началась борьба за власть и влияние в каганате. Народ встал на сторону провинциальной аристократии. Борьба началась беспощадная, в ней гибли не только тюрки-хазары, но и виднейшие представители иудейской знати.

Когда в эпоху политического заката каганата хазары столкнулись с агрессивными действиями Руси, чье могущество выросло при Святославе Киевском, византийцы решили, что настал момент предать своих верных союзников, и в царствование Василия II они направили против них флот с целью поддержки русской армии (1016 г.). Это было началом конца хазар. Но эпоха походов на Константинополь была уже не за горами.

Какой бы ни была политическая роль хазар в степях, которые они долго и надежно охраняли от менее цивилизованных тюркских кочевников, надо признать, вслед за ведущим западным историком Данлопом, что Запад часто недооценивал их вклад в борьбу против ислама во времени, когда эта религия находилась в расцвете сил и молодости.

Значительно укрепив мощь византийцев, они позволили им выстоять и в конце концов спасти Константинополь и христианство. Если забыть о том, что в истории нет сослагательного наклонения, тогда стоит задуматься, что бы произошло, если бы хазары проводили обычную тюркскую агрессивную политику в отношении Византии и стали бы союзниками ислама. Но они были врагами.

И все-таки не воинские подвиги составляют основу хазарской истории, но напротив – мир и религиозная политика в сотрудничестве с Византией.

Второй Тюркский каганат

Обратимся вновь к истории Тюркского каганата.

За год-полтора восточные тюркюты из степных господ превратились в беглецов, стремившихся сдаться китайцам.

Количество тюрков, подчинившихся китайскому императору, достигло 190 тыс. Император считал целесообразным поселить их вдоль границы в степях Ордоса и Алашаня и использовать как вспомогательные войска для дальних походов, а в мирное время – как охранников границы.

Любопытно, что за 50 лет, с 630 по 679 гг., с кочевниками, поселившимися в Ордосе, произошли такие изменения, что они стали называться голубыми или небесными тюрками и слились в единый народ.

Традиционное уважение к роду Ашина, поддерживавшее династию в середине VII в., сменилось полным безразличием после того, как последние каганы показали себя верными слугами китайцев и врагами своего народа.

Западные тюрки перестали видеть смысл в объединении, подчинившем их Китаю.

Именно период тотального влияния Китая на страну Отюкен выбрали тюрки, дабы восстановить или, скорее, заново создать свою империю. В 679 г. было положено начало распаду империи Тан.

Восстание 679–693 гг. изначально было истинно народным. Об этом свидетельствуют царские надписи, в которых встречается фраза о «подлом в своей совокупности тюркском народе», а также такое обвинение: «...невежественные катаны (которые) царствуют... злые каганы (и) их чиновники, тупые и бесчестные», или еще сильнее: «...тюркские аристократы (которые) забыли свое тюркское имя, аристократы (которые) взяли себе китайские имена и подчинились китайскому императору». Но этот процесс все-таки мог иметь место только через новый союз династии и народных масс – союз, который, как это ни покажется странным, как и сама революция, нашел поддержку в лице крупного феодала, выдающейся личности Тонюкука, в свою очередь, китаизированного, хотя и ненавидевшего все китайское.

Нет сомнений в том, что все это происходило из чувства глубокого национализма. Все

факты говорят об этом: неожиданное отторжение буддизма как чуждой религии, бывшей на вершине почета в первые десятилетия существования империи, которой оставались верными только правители; возрождение традиционной религии; восстановление культа великого Бога Тенгри и великих предков Бумына и Истеми; возврат к национальному языку, впервые употребленному вместо согдийского в официальных текстах и царских надписях, так называемых «орхонских надписях» на стелах в честь Бильге-кагана, его брата Кюльтегина и их мудрого советника Тонюкука в 724–726 гг., а также в 732 и 734 гг.

Крупные рунические памятники, обнаруженные на территории нынешнего Казахстана, отражают период так называемого Второго Тюркского каганата и начало Уйгурского каганата; надписей Первого Тюркского каганата не найдено.

В тюркской истории редко случалось, чтобы единственным чувством народов была племенная верность и уважение к далекому предку, чье дело начинало возрождаться. По-видимому, это чувство восходит к новым временам.

«Я был народом со своей империей... Где теперь моя империя? Я был народом со своим каганом... Где теперь мой каган? Так я сказал».

Восстание было массовым, по сути своей народным, но его постигла судьба всех аналогичных движений. Восстание было обречено, поскольку враги были повсюду, зато оно имело продолжение в новой форме: почти через год после разгрома тюрков война под руководством новых вождей приняла иной оборот. На этот раз выступили осколки аристократии, просвещенные тюрки, получившие китайское образование.

Горстка тюрков – семнадцать, затем семьдесят, затем шестьсот человек, как гласит исторический текст (его, разумеется, нельзя понимать буквально, так как числа имеют мистический смысл), – ушла в партизаны во главе с Кутлугом, который имел достоинство тугуна (офицерский чин).

Следует уточнить, что Кутлуг не имел прямого права на престол, т. е. это была не борьба отстраненных от власти царевичей, а народное движение.

Во время восстания Кутлуг, вместо того чтобы толкать необученные толпы на копья латников, напал на ничего не подозревавших уйгуров (в те годы они были верными слугами китайского императора) и отбил у них косяк коней, необходимых для партизанской войны. Кутлуг восстановил старую систему чинов и, следовательно, ввел дисциплину. Это была не мобилизация толп, а создание отряда из старой знати, не отвыкшей от военного дела, что сделало возможным вести партизанскую войну. Кроме того, Кутлуг привлек людей, получивших китайское образование. И один из таких людей был Тонюкук – весьма яркая, неординарная личность. Это был образованный тюрк, который сыграл немалую роль в восстании.

Ход войны вскоре изменился.

Успехам тюрков способствовал происшедший в Китае переворот: вдовствующая императрица У-хоу арестовала своего сына и сослала в Центральный Китай. Начались внутренние распри, что, безусловно, ослабило китайскую армию. В кровопролитном бою в провинции Шэньси китайцы были разбиты. Их потери, по сведению китайских источников, исчислялись в 5 тыс. человек.

Воля в борьбе за независимость привела к восстановлению Тюркского каганата.

Любопытно, что совершенно аналогичное восстание произошло у западных тюрков: дело освобождения тюрков вступило в новую фазу.

По существу восстания западных и восточных тюрков однотипны, но у первых оно было немедленно подавлено, а у вторых имело поистине грандиозный успех.

Императорские войска не сложили оружия, но стали сражаться вяло и неохотно. В 689 г. династия Тан была упразднена, и императрица приняла титул императора. Буддисты немедленно создали сочинение, доказывающее, что У-хоу – дочь Будды и наследница династии Тан. В благодарность императрица издала указ строить по всей стране храмы Будды.

Внимание китайского общества занимали произведенный переворот, казни, пропаганда

буддизма, что в значительной мере предопределило возможность воссоздания Тюркского каганата.

Как гласит источник, Кутлуг совершил 47 походов и дал 20 сражений, «врагов он принудил к миру, имевших колени он заставил их преклонить, а имевших головы – склониться». В 693 г. Кутлуг умер.

Итак, орда небесных тюрков поддерживалась главным образом железной волей своих основателей и их военными талантами, стоявшими на принципах военной демократии.

Безусловно, тюрки Второго каганата еще в большей степени, чем в период Первого, находились в состоянии военной демократии. Внутри армии иерархия не исключала равенства, но для окружающих это была не демократия, а живодерня. Поэтому основным противоречием в таком обществе было противоречие между господствующими и покоренными племенами.

Примерно за 60 лет (681–744 гг.) сформировалась, расцвела, затем исчезла необычная держава, настоящее государство, стремившееся к «порядку и организации». Ее прославили три кагана, при которых находился все тот же Тонюкук (ему было чуть более тридцати лет (681–693 гг.), когда началось это движение, а умер он в восемьдесят): сначала Кутлуг, который заложил ее основы, затем Капаган-каган (693–716 гг.), который привел ее к расцвету, наконец, Бильге-каган (716–734 гг.) – самый знаменитый, судя по памятной надписи, выбитой на камне в его честь и с его именем, – одной из самых древних и красивых надписей, сделанных на тюркском языке.

У небесных тюрков Второго каганата был грандиозный план, можно сказать, их главное дело: собрать воедино всех тюрков, сбросить китайское иго, подчинить сначала тогуз-огузов как залог политической надежности системы, затем остальные племена, включая тюргешей, кыргызов; дать отпор киданям, протомонголам, которые в ту пору были еще мало известны в истории, но которым суждено было большое будущее; привести армии до самых Железных Ворот, т. е. до Ирана и Византии, а оттуда вернуться с «желтым золотом, белым серебром, девственницами и женщинами, горбатыми верблюдами и шелковыми тканями, наконец, повернуть оружие против Китая и за один поход разрушить двадцать три его города; дойти до Реки-Океана (несомненно, речь идет о Тихом океане)».

Конечно, план был грандиозен, но не весь реализован. Остается неизвестным, шла ли речь о захвате земель или об их разграблении, о подчинении или истреблении врагов. Судя по надписям, создается впечатление, что одни и те же события повторяются с упрямой периодичностью. Частично так оно и есть. Походы в Китай начинаются в 683 г., затем повторяются в 685, 687, 694, 698, 699 и 702 гг. Первая кампания в Согдиану имела место в 700–701 гг.; вторая, по призыву жителей Бухары, в 707 г.; по сведениям арабских историков, третья произошла в 712–713 гг. Она привела к покорению всей страны, кроме Самарканда. Что касается конфликтов между племенами, они остаются необъяснимыми. Кыргызы, к примеру, терпят поражение только для того, чтобы вновь подняться, или, по крайней мере, отличаются редким даром сопротивления. Между прочим, именно на добровольном или вынужденном сотрудничестве различных племен держалась Тюркская империя, как и любая империя степей. Империя тогуз-огузов особенно показательна в этом отношении. Присоединение этой группы племен к Кутлугу в 681 г. оказалось решающим фактором, а ее раскол, начиная с 716 г., ознаменовал закат Бильге-кагана. Хотя именно Бильге-каган гибкостью своей политики обеспечил двадцатилетний мир (722–742 гг.) всему Тюркскому каганату.

Благодаря его советнику Тонюкуку впервые в истории империи тюрков была принята политика, ориентированная на развитие собственной тюркской культуры. До того господствовало китайское влияние. Этот момент чрезвычайно важен, здесь была не только борьба государств, но и борьба культур, борьба мировоззрений. Великая степь манифестом заявила свое право не быть ни Китаем, ни другим государством, а быть только собой. Борьба за это велась еще со времен хуннского Модэ-шаньюя.

Тонюкук наметил новую мирную и военную программу действий: победами вынудить

врага согласиться на приемлемый мир, не доводя противника до отчаянного сопротивления, и объединить тюркский мир в единый народ.

Тюркскому каганату от агрессивного Китая нужны были мир и независимость. И эти задачи решал Бильге-каган.

Тем временем в каганате усиливались центробежные силы.

Капаган-каган, «Кровавый», или точнее, «Каган, который берет силой», был убит в засаде, устроенной «байырку», а его голову отправили в Китай. Поистине славный конец! Его брат, Кюльтегин, который постоянно помогал Бильге-кагану, исчез в феврале 731 г. Великий старец Тонюкук умер около 725 г. Несмотря на все усилия и таланты каганов, Второй каганат был только тенью Первого.

Китайцы уже снова прибрали к рукам Джунгарию (714 г.), а ханство тюргешей во главе с ханом Су-Лу (717–748 гг.) опять захватил Тарим.

Второй Тюркский каганат просуществовал до 744 г. под властью честолюбивого принца, назвавшего себя Тенгри-каган, «Император Неба», затем его сменил узурпатор Озмиш-каган.

События этого периода в китайских хрониках изложены крайне лаконично, но этот пробел заполняет надпись «Селенгинского камня», увековечившая подвиги уйгурского хана Маянчура. Источник ценен тем, что отражает уйгурскую точку зрения на события этого периода. Согласно этой надписи, хан начал с тюрками освободительную войну. Господство тюрков над уйгурами определяется в 50 с лишним лет (с 688 по 741 гг.). Уйгурский вождь, получив от своего отца титул шада, в 742 г. собрал и объединил свой народ – тогуз-огузов.

В 742 г. одновременно восстали уйгуры, басмалы и карлуки. Тюрки должны были расплачиваться за свои прошлые кровавые успехи. В 744 г. басмалы убили Озмиш-кагана и голову его отправили в Чанъань.

Китайский корпус из Ордоса окончательно разбил тюрков. Тюрков ловили и убивали всюду, как волков, и знамя с золотой волчьей головой больше никогда не развивалось над степью. Так распалась просуществовавшая почти 200 лет (552–743 гг.) Великая Тюркская империя.

На равнинах тюркской державы выросла уйгурская, а тюрки, не пожелавшие подчиниться уйгурам, откочевали на юг и подчинились Китаю. Держава рода Ашина перестала существовать. Но тюркский мир получил мощный толчок на будущие столетия.

Арабское вторжение. Арабский мир и тюркский мир

Как только Тюркская империя получила смертельный удар, Китай столкнулся с арабами.

В начале VII в. на Аравийском полуострове возникает ислам. Вскоре же он становится знаменем, под которым были совершены значительные завоевания на средневековом Востоке и Западе. Его основоположник – Мухаммед, призывая арабские племена к единобожию, тем самым заложил идею объединения разрозненных враждующих арабских племен под единым идеологическим началом. С самого начала своего зарождения ислам набирал силу и укреплялся вследствие завоеваний. Сперва мусульманская община в Медине во главе с Мухаммедом покорила одно за другим основные арабские и еврейские племена, а после смерти Мухаммеда его преемники продолжили завоевательную деятельность. Объединенные арабские племена составили войско мусульманской общины, и под предлогом распространения ислама оно начало захваты далеко за пределами Аравии.

До появления у границ Центральной Азии в Хорасане арабы одержали верх над двумя могущественными империями того времени: Византийской и Сасанидской. В решающей битве при Кадисии в 636 г. они разгромили сасанидское войско, а несколько недель спустя захватили столицу Сасанидов – Мадаин. В 638 г. пал Иерусалим, в 640–642 гг. завоеван Египет. На западе арабские отряды захватили в 642 г. Барку, а через год – Триполи. На северо-востоке ими также были достигнуты большие успехи: в 640 г. завладели Двином, в

641 г. – Мосулом и выиграли второе, решающее, сражение с сасанидами при Нихавенде. После этого арабы, не встречая сколь-нибудь серьезного сопротивления, вступили в пределы Хорасана.

Так, арабы и тюрки, обуреваемые одинаковыми стремлениями к экспансии, правда направленной в противоположные стороны, сошлись лицом к лицу. Начальный этап арабского завоевания в Хорасане и Мавераннахре продолжался 60 лет. Однако полному подчинению захваченных центральноазиатских владений на начальном этапе завоевания препятствовало несколько обстоятельств. Во-первых, упорное сопротивление народов Центральной Азии арабскому проникновению в этот регион; во-вторых, недостаточное развитие государственного аппарата арабов; в-третьих, нестабильность положения в арабском мире (борьба за власть между претендентами, межплеменная борьба, отделение некоторых военачальников с крупными контингентами войск, выступление различных социальных групп, недовольных местной или центральной властью).

К началу VIII в. мусульманские арабы захватили огромные территории от южных районов Франции до берегов Инда и Окса и, отяжелев от такой добычи, были не в состоянии наступать дальше. Начиная с 705 г. их походы при Омейядском халифате уже не напоминали прежние молниеносные войны: речь идет о вторжении в Тохаристан, древнюю Бактрию, находившуюся в то время под властью Кундуза, т. е. обращенных в буддизм тюркских царей, в Хорезм и Согдиану, где они столкнулись с местными принцами, тюрками и иранцами, с переменным успехом несколько раз вступали в сражение с тюрками Орхона и, наконец, с тюркешами, которые оказались самыми опасными врагами. Что касается Китая, он пребывал в полной нерешительности и избегал вмешательства.

В 750 г. китайцев к действию побудил один незначительный инцидент: смерть тюркского царя Ташкента от руки китайского губернатора провинции. Сын погибшего обратился за помощью к карлукам, жившим в верховье Иртыша, самой восточной точке озера Балхаш, и к арабским гарнизонам в Согдиане. К несчастью для Китая, и те и другие ответили согласием.

Столкновение востока и запада произошло летом 751 г. в Таласской долине. Это было вторым столкновением (вспомним, что первое произошло в Таласской долине в 36 г. до н. э., в результате чего китайцы не добрались до Европы на рубеже нашей эры).

Итак, китайское войско явилось туда по мольбе жителей Согдианы, жестоко терроризируемых арабами.

Бой на равнине шел три дня и был окончательно решен тюрками-карлуками, стоявшими неподалеку и державшими нейтралитет, следующим образом: китайцы, по их мнению, были все же хуже арабов, посему нанесли удар по их флангу – китайцы бежали.

По иронии судьбы китайский полководец Гао Сяньчжи не понес наказания за проигранное сражение и потерю Согдианы. Он остался при дворе и служил империи Тан в последующих войнах, а араб, победитель и герой Зияд ибн Салих, был вскоре казнен как политически неблагонадежный.

В результате победы арабов Центральная Азия стала мусульманской провинцией, т. е. повернулась лицом к исламу: происходило насаждение ислама и мусульманской культуры (по-видимому, исламизация части местного населения на левобережье Амударьи происходила еще до начала VIII в.). Центральная Азия, оккупированная Китаем при династии Тан, истребившей тюрков, сбросила китайский гнет – там возник Уйгурский каганат.

Китай же, несмотря на возможности для контрнаступления, погрузился в пучину восьмилетней гражданской войны (755–763 гг.).

Итак, в тот момент, когда Китай обладал силой и мощью для завоевания Азии, всегда именно тюрки останавливали агрессию Китая на запад. И в этом – заслуга тюрков перед человечеством.

Военная экспансия арабов, которая началась в 635 г., достигла кульминации и захлебнулась. Огромная империя халифов простиралась от южной оконечности Пиренеев до

Инда и Окса, порождая внутренние проблемы, которые вскоре привели к ее расчленению и яростным идеологическим схваткам. Ее сказочно богатые правители утратили вкус к войне и предпочитали наслаждаться своими богатствами, казавшимися неистощимыми, и не мечтали о новых. Вместе с ними перестал быть агрессивным ислам, сделавшись благодаря этому более притягательным. Он породил великолепную цивилизацию, самую высокую в ту эпоху, используя богатые греческие и иранские традиции; он предлагал ее соседям, в частности северным варварам, которые сразу возлюбили ее. Чтобы охранить себя от их притязаний, арабы проводили главным образом оборонительную политику, возводя стену на границах со степью, своего рода плотину, о которую море бессильно будет бить своими волнами. О степени их амбиций и мощи их средств свидетельствует тот факт, что ислам почти не воспользовался плодами своей победы в борьбе против Китая, довольствуясь районом у подножья Тянь-Шаня.

Итак, сложилась следующая ситуация: у границ империи, от Черного моря до Памира, находился тюркский мир или, по меньшей мере, мир в стадии тюркизации. Индоевропейцы отступают по всем фронтам. Степи Южной Украины подвергаются уже не просто нерегулярным набегам тюрков, но настоящему массовому нашествию. Скифы ушли, как ушли и их наследники сарматы и другие племена, а также германцы, между тем как славяне еще не нашли свою нишу. Оазисы Согдианы еще принадлежат согдийцам, но уже начинают входить в орбиту монгольских племен, которые готовят свою будущую полную аннексию. Все происходит так, будто по мере того, как Согдиана все активнее противостоит натиску тюрков, они все упорнее проникают в нее и все сильнее сжимают ее в своих объятьях, от которых рождаются метисы. Разумеется, еще в течение некоторого времени тюрки продолжали поглядывать в сторону Китая, но уже не так жадно, поскольку их взоры были устремлены за другие горизонты. Конечно, у них еще на одно столетие останется мощная цитадель в священной земле Отюкен, но всего лишь на сто лет! Обстоятельства толкают их на запад. Там все привлекает их с тех пор, как тюркюты дали им фантастически сильный толчок в этом направлении. Теперь там их судьба.

Массовому движению арабов на восток противостоит стремление тюрков на запад. Это напоминает столкновение двух больших противоположных ветров. И из этого рождаются настоящие ураганы. Но дело в том, что эти две силы, равные по динамизму, имеют разную природу. Одна превратилась в духовную и культурную, а другая остается преимущественно военной. Ислам дал тюркам свою религию и свою цивилизацию, а тюрки взамен дали исламу свои армии.

Мировая обстановка в середине VIII в.

Разомкнулись железные клещи империи Тан.

Народы, полтора столетия скованные Китаем, разошлись, и каждый стал на свой путь развития.

Тибет осваивал восторжествовавший буддизм.

В Согдиане камня на камне не было оставлено от ее неповторимой культуры, но на пепле начал складываться таджикский народ, которого ожидало великое будущее.

Западные степи склонились под натиском кыпчакских и карлукских мечей.

На Волге потомки западнотюркских ханов создали могучее Хазарское царство.

Хазары и карлуки остановили натиск ислама, храня традиции степной культуры.

Обрел силы халифат, и персы, получив доступ к власти, открыли новые перспективы развития культуры Багдадского халифата.

Централизованная система объединяла земли от Гибралтара до Памира.

Византия, остановив арабский натиск, была охвачена лихорадкой иконотворчества.

Поднималась Западная Европа. Карл Великий, вступив на престол в 768 г., предпринял создание разноплеменной империи. Этот шаг ознаменовал выход Европы из варварства к оригинальной культуре.

В дремучих лесах от Лабы до Днепра и Оки копили силы славянские племена: у них было еще все впереди.

Великая степь начала наслаждаться покоем и относительной свободой.

Уйгурский каганат

Уйгуры хорошо известны в китайской истории. Это – потомки гаоцзюй, которые сами были выходцами из группы хуннов. Они издавна имели сношения с царским двором Поднебесной империи, который не раз оказывал им помощь в борьбе против тюркютов и поручал им управлять «дикими северными землями».

Историки описывают новый варварский народ как людей «низкого роста, гордых и жестоких, превосходных всадников и лучников, более алчных, чем все остальные степные племена».

В 742 г. уйгуры, карлуки и басмалы восстали против тюрков Второго каганата и разбили их. К тому времени они уже испытали влияние Китая, заимствовали китайскую административную систему и стали верными союзниками китайцев.

Уйгуры пришли к власти в лице кланового вождя Бильге из рода Яглакар, и 745 г. можно считать годом основания Уйгурского каганата.

Они построили свою державу на иных принципах, чем тюрки. Десять родов составляли племя тогуз-огузов, которое было ведущим, но не господствующим. Уйгуры подчинили себе басмалов и карлуков и приняли их в свою среду как равных; шесть телеских племен – буту, хунь, тайырку, тонгра, сыче и киби – в правах и обязанностях были приравнены к тогуз-огузам.

Ставка хана находилась между Хангаем и Орхоном. На востоке границы охватывали Западную Маньчжурию, на западе – Джунгарию. После разгрома карлуков их восточные кочевья на Черном Иртыше оказались в составе Уйгурского каганата. Уйгуры не стремились к территориальным приобретениям: они устали от потрясений.

Каган Бильге признал себя вассалом империи. Его сын Маянчур, пришедший к власти в 747 г. через сопротивление народа, обратившегося за помощью к киданям и татарам, подавил восстание и смял противника. В целом Маянчур стремился к компромиссам, и этим, наверное, объясняется его успешное завершение гражданской войны.

Маянчур сформировал мобильную, хорошо обученную армию. Арабский историк Кужама писал, что десять уйгуров могли справиться с сотней карлуков. Маянчур с присущей ему энергией обустроивал свою державу: весной 750 г. он нанес поражение чикам в верховьях Енисея; осенью – татарам в Северо-Западной Маньчжурии; на следующий год – на северо-западе кыргызам. При этом некоторые представители побежденных племен присоединялись к уйгурам, и те называли их «гостями».

Кыргызы, граничившие с Уйгурским каганатом на севере и о которых речь пойдет далее, сопротивлялись до 758 г. И хотя они потерпели поражение и покорились, платя уйгурам дань соболями, зато не утратили самоуправление. Западные границы не позволили расширить уйгурам печенеги, кочевья которых в это время распространились до Нижней Волги.

В 755 г. один из военачальников китайской армии Ань-Лушань, выходец из благородной тюркской семьи, воспитанный на согдийской культуре, один из самых известных кондотьеров Азии, во главе сильного отряда, состоявшего в основном из тюрков, поднял мятеж против императорской власти и захватил обе столицы – Лоян и Чанъань. Сыну Неба ничего не оставалось, кроме как обратиться к уйгурам.

Маянчур послал в Китай своего сына, Ябгу. Тот одержал победу над узурпатором и вернулся в свою страну для участия в походе на кыргызов (758 г.). Но в 761 г. в Северном Китае снова вспыхнула гражданская война. Танская династия, опередив своих противников, которые также собирались обратиться к уйгурам, заручилась поддержкой последних, заплатив золотом. Каган Идигань лично, во главе четырех тысяч профессиональных и десяти

тысяч вспомогательных воинов, вступил на территорию империи и за период с 762 по 770 г. восстановил порядок и спас династию. За это пришлось платить. Еще больше китайцы заплатили за то, чтобы спасители ушли. Тюрки всегда неохотно уходили с захваченных китайских земель. Но уйгуры ушли. И возвращались еще только один раз – в 790–791 гг. Важная страница истории оказалась перевернутой.

Открылась новая страница. В 762 г. Идигань встретил в Лояне манихейских проповедников, говоривших на согдийском языке, обратился в их веру и широко распахнул для них двери своего царства. Он увел их с собой и сделал из своей столицы роскошный, окруженный стенами город. Город, построенный уйгурами на берегах Орхона, «город царского лагеря», тогда он назывался Орду-Балик.

Следует отметить, что после падения Второго каганата Азия вступила в эпоху смены веры: кочевники начали заимствовать культуру и мировоззрения с Запада, а вовсе не из Китая. Из Ирана уйгуры позаимствовали манихейство, из Сирии кочевники приняли несторианство, из Аравии – ислам, из Тибета – теистический буддизм. Правда, буддизм был воспринят позже, но принцип заимствования остался прежним – «антикитайским».

Напомним, что религия Мани, манихейство, опирающаяся на противопоставление и сосуществование доброго, светлого принципа и злого, темного принципа (оба созидательные), родилась в Вавилоне в III в. и распространилась по всему миру, включая даже Северную Африку, где ее проповедовал будущий святой Августин до своего обращения в христианство. Оно пришло в Европу, породив альбигойскую ересь, и в иранский мир, который продвинул его еще дальше, до Дальнего Востока. Уйгуры сделали манихейство своей государственной религией, и она оказала на них сильное цивилизующее воздействие. Необходимо подчеркнуть, что в некотором отношении Азия опередила Европу на триста лет: Тибет уже в VII в. стал теократической державой, а Уйгурия сделалась ею во второй половине VIII в. Манихейство было тесно связано с согдийской культурой, и согдийский язык стал вторым официальным языком империи наравне с тюркским, начиная с надписи в Севрее (762 г.), которая прославляет счастливый исход китайской кампании и не менее счастливое обращение.

Постепенно входила в употребление новая письменность, менее приспособленная к их языку, чем старая система, используемая тюрками, зато передающая много гласных. Она произошла из согдийской графики и долго существовала параллельно с тюркской рунической письменностью, к которой тяготела национальная религия, – именно руническими знаками, при помощи кисти, будут сделаны в середине VIII столетия надписи на опасном перевале, который ведет в долину Хойту Тамир, а позже будут написаны несколько манускриптов в оазисах Тарима. Но в конце концов ее вытеснил новый алфавит и в течение нескольких веков был основой первой великой национальной литературы на тюркском языке. Еще позже эту письменность, которая получила название уйгурской, взяли на вооружение монголы и передали маньчжурам.

Благодаря согдийскому языку этот, еще дикий народ вступил в тесные контакты с утонченной мыслью Ирана, а через нее – со всем миром Средиземноморья. Конечно, преувеличением является то, что сказано в надписи в Кара Балгассуне (около 810 г.): «Эта страна варварских нравов, полная запаха крови, превратилась в страну, где выращивали овощи; эта страна, где убивали, стала страной, где учились творить добро».

Никакая религия никогда не могла полностью отвратить своих адептов от их природных наклонностей, в частности от насилия. Историю Уйгурского каганата никак не назовешь мирной и спокойной. По меньшей мере два кагана пали от рук убийц, пятый – в 790 г., одиннадцатый – в 832 г., двенадцатый покончил жизнь самоубийством в 839 г. в результате бунта, организованного своим министром. Но медитация и религиозная жизнь отвлекали часть людей от агрессивности или ослабляли ее, и за большими захватническими походами следовал расцвет сельского хозяйства и торговли.

К 800 г. – исключительно важная веха для уйгуров: были основаны колонии в Серинде, Карачаре, Бешбалыке, Турфане, т. е. в богатых оазисах Тарима, которые были своего рода

залогом будущего.

Что касается отношений с Китаем, хотя они и были мирными, плодотворными назвать их никак нельзя. После похода 762–770 гг. уйгуры начали общаться на равных со своим могучим соседом и даже относиться к нему свысока. Если они оказывали китайцам неоценимые услуги, например в борьбе против тибетцев, то за них приходилось расплачиваться ценой жесткого уйгурского протектората, который с трудом переносили китайские националисты, священники и консерваторы. Уйгуры требовали – и получали – в жены принцесс, насаждали манихейство и, что еще хуже, ввели систему обмена скота на шелк по такому курсу, что лошадь, в сущности, не нужная китайцам, стоила в два раза больше своей настоящей цены, другими словами, это было не что иное, как требование платить дань. Интенсивное коневодство в Уйгурии предполагало либо войну, либо экспорт лошадей. Китай предпочитал мир, и министру, который жаловался на безвыходное положение в стране, император однажды ответил: «Народ постоянно страдает от отсутствия лошадей...» Поистине царский ответ!

Как бы искренне ни было обращение каганов в новую веру, как бы ни было сильно их убеждение, манихейство отвратило массы от своих древних верований не в большей степени, чем буддизм в начале эпохи Тюркской империи. Отношения между манихейством и шаманством оставались загадочными, хотя в них присутствовали и терпимость, и сотрудничество, несмотря на то что эти две религии вдохновлялись совершенно разными идеалами. Возможно, дихотомия древнего шаманства, со всеми его параллелями типа «небо–земля», «восток–запад», «синее–черное», только усиливалась манихейством, что может объяснить определенную тенденцию к дуализму в некоторых последующих религиозных представлениях тюрков. Как бы то ни было, именно в манихейском монастыре в X в. будет написана похожими на рунические знаки книга пророчеств «Ирик Битиг», которая восходит целиком к традициям кочевников; а чего стоит созданная примерно в 1300 г. великолепная огузская эпопея «Огуз-намэ», которая хранится в Национальной библиотеке в Париже и прославляет тюркское язычество. Наконец, немаловажный в этой связи великий уйгурский миф о происхождении, который появился в манихейской среде, но отражал традиционные религиозные представления, получил столь широкую популярность, что его не раз упоминали китайцы, мусульманин Джувайни в монгольскую эпоху, а также другой великий иранский историк – Рашид-ад-Дин, Марко Поло; этот миф оказал влияние на огузов, кайманов, онгутов, калмыкских и ойратских монголов и многих других. Согласно этому мифу, Идигань-каган родился от дерева, оплодотворенного лучом света. Это наводит на мысль о том, что речь идет не о первобытном мифе уйгуров, предводительствуемых кланом яглакаров, верных тюркским традициям, но о более позднем мифе, который окончательно сформировался в начале IX в., во время смены династии и восхождения на трон племени эдизов.

Обратимся к политическим отношениям между Уйгурией и ее мощным соседом Китаем.

В 778 г. в Китае на престол вступил Дэцзун, который не был расположен к уйгурам.

Идигань-каган, зная это, решил принудить нового императора к покорности, и в том же году напал на Северный Китай, но война закончилась отступлением уйгуров. Этот проигрыш был следствием того, что за 15 лет, т. е. за период с 764 по 780 г. население Китая выросло на полмиллиона душ, что позволило создать армию в 768 тыс. человек.

После поражения уйгуры получили разрешение жить в столице как «гости», но в 780 г. Дэцзун выслал их из Китая. Однако на границе обнаружилось, что уйгуры в дорожных мешках увозили китайских девочек. Пограничные войска оцепили табор уйгуров, отобрали девочек, а «гостей» казнили.

Император, понимая, что уйгурский каган потребует китайской крови, направил посла с объяснениями и извинениями.

В это время в Уйгурии власть была узурпирована Кутлугом, и уже новый каган (из вельмож) в 781 г. взял выкуп за смерть «гостей», а в 783 г. был заключен мирный договор на

следующих условиях: 1) каган назывался вассалом Китая; 2) посольство Уйгурии не должно превышать 200 человек; 3) для принудительного торгового привода не более тысячи лошадей; 4) запрещено уводить китайцев за границу. Договор был скреплен в 788 г. через брак и союз против Тибета.

В 789 г. Уйгурия стала выборной монархией, и фактически получалось, что не уйгуры зависели от китайцев, а китайцы – от уйгуров.

Уйгуры вступили в войну с Тибетом, и в течение трех лет мешали наступлению Тибета на север Китая. Уйгуры выиграли трехлетнюю кампанию, но когда они возвратились в родные степи, им было необходимо подавлять протибетские настроения среди карлуков, тюркешей, входивших в состав Уйгурского каганата. Кроме того, в тылу у уйгуров восстали кыргызы, сохранившие при подчинении в 758 г. автономию. В китайских источниках отмечается: «Кутлуг сумел подавить кыргызов, подверг их страну разгрому, и их государственные дела прекратились, на земле их не стало живых людей». Это, очевидно, значительно преувеличено, но, тем не менее, после разгрома целых 20 лет, т. е. пока не выросло новое поколение, о кыргызах не было слышно.

И вновь уйгуры включились в войну с Тибетом. Они остались победителями, и снова им перешел город Бешбалык, затем уйгуры перебили корпус тибетский под Кучей. Однако кучийские китайцы оказались неблагодарны и стали торговаться о размере дани за освобождение. Каган пошел против скупых союзников, которые были разбиты и бежали до самой Ферганы. На берегах Нарына уйгуры настигли беглецов и ограбили их дочиста. Уцелевшие «слезно просили и молили» принять от них дань, на что уйгурский каган милостиво согласился.

Таким образом, остатки китайских владений на западе вошли в состав Уйгурского каганата.

Далее уйгуры разгромили западных и восточных карлуков и поддерживающую их тибетскую армию. Все эти события произошли с 795 по 805 г.

Таким образом, тибетская армия не смогла сокрушить уйгуро-китайскую коалицию. В 816 г. тибетцы бросили армию на уйгурскую столицу Каракорум. Они удачно подрастали время: в тылу у уйгуров вспыхнуло восстание кыргызов, на этот раз удачное для последних.

В Китае воспользовались унижением Уйгурии и в 817 г. выслали уйгурское посольство, состоящее из манихейского духовенства. Конфуцианцы вели активную борьбу и с мистикой и с кочевой культурой, а тут были налицо и то и другое. Высылка посольства означала разрыв китайско-уйгурского союза. Но поскольку Тибет продолжал оставаться грозным врагом, в 821 г. союз Китая и Уйгурии был восстановлен и скреплен браком. В том же году тибетцы запросили мира, и был заключен договор с некоторыми для Тибета потерями.

Тем временем Уйгурия была связана по рукам и ногам войной с кыргызами, вождем которых Ажо объявил себя ханом и заявил уйгурскому кагану: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму твою золотую орду, поставлю перед ней моего коня, водружу свое знамя. Если можешь состязаться со мной, то немедленно приходи, если не можешь, то немедленно уходи».

Возникает вопрос: почему уйгуры встречали гораздо более сильное сопротивление племен, входивших в состав каганата, нежели все прочие тюрки? Совершенно очевидно, что не только в Тибете и Арабском халифате, но и в Индии, Китае и Уйгурии религиозная нетерпимость стала знаменем эпохи.

Китайские учения: даосизм, конфуцианство и даже чан – созерцательный буддизм – кочевниками не усваивались. Ислам был религией их врагов арабов. Культ Митры – бон – в это время переживал жестокие гонения в Тибете и отнюдь не отвечал настроениям уйгуров. Зато христианство и манихейство понравились степнякам.

В свое время тюрки просто требовали покорности и дани, а эти государства заставляли побежденных ломать весь строй своей психики и весь уклад своей жизни; они навязывали кочевникам такие представления, которые те не могли ни понять, ни принять. Поэтому Уйгурия была окружена врагами, и примирение было невозможно.

К примеру, манихейство считало высшей добродетелью неудовлетворенность и даже неприятие жизни, непримиримость ко всему плотскому, совмещение аскетизма и распутства, в результате чего семья не была благословенна. Как можно было это втолковать простому люду? Поэтому подлинными манихеями могли быть только аристократы, остальные же ими только назывались. Как следствие – шел разрыв между народом и знатью.

Войны с тибетцами, карлуками и кыргызами сделались борьбой за веру.

Но самым губительным последствием манихейства было разрушение семьи: семья стала вырождаться.

Процесс вырождения не быстр – нужно не менее трех поколений, т. е. лет 80. Именно столько и продержалась манихейская Уйгурия. Однако в манихействе были и положительные стороны – приобщение к западной культуре. Историки, в частности Ибн Хордадбег, описывают Уйгурию как самую обширную и культурную из тюркских стран. На ослабление мощи Уйгурской державы косвенно указывает тот факт, что до 839 г. никаких крупных событий там не происходило.

Итак, к середине IX в. сила Уйгурии была уже в прошлом. Племена отпадали от Уйгурии: в 794 г. отошло племя шато, в 835 г. – татабы. И конечно, самым страшным для уйгур было восстание кыргызов.

Уже в 841 г. вся Халха, Каракорум, а также все сокровища уйгуров были в руках кыргызов, и только воинственный дух уйгуров толкал их на дальнейшее сопротивление.

Здесь важно подчеркнуть, что разгром Каракорума – событие такого же масштаба, как падение Константинополя в 1453 г., а уйгуры по талантам, восприимчивости, героизму не уступали византийцам эпохи Палеологов.

Итак, в 842 г. Китай мобилизовал против уйгуров армию, и те были разбиты и отброшены от Ордоса в Маньчжурию, однако кыргызский хан, узнав, что уйгуров приютили татары, пришел в Маньчжурию и уничтожил беглецов.

Уничтожение Уйгурской державы – это была акция не только военно-политическая: после ее разгрома китайцы предали огню все «книги мониев», а их имущество взяли в казну. Разгром манихейства в дальнейшем открыл дорогу буддизму.

И все-таки в 861 г. было создано небольшое уйгурское княжество. В конце концов, они обосновались на северо-западе Китая, в нынешней провинции Ганьсу, главным образом в районе сегодняшнего Турфана, где и основали два независимых небольших удельных княжества; во главе первого, по всей вероятности, стояла старая императорская династия Орхона – Яглакар.

Вслед за падением Уйгурской империи, истреблением большей части племен, миграцией в оазисы произошла длительная конфронтация с тибетцами. Последние оказывали сильное давление на весь бассейн Тарима после битвы при Тафей-Чуане (679 г.). Теперь же уйгуры могли позволить себе содержать лишь небольшую армию для сдерживания нападения соседей: с севера им угрожали карлуки, хозяева нынешней Джунгарии, с запада – племена ягма и чигили, о которых сохранились обрывочные сведения, оставленные мусульманскими авторами.

Китай поддерживал мирные отношения с уйгурским княжеством Ганьсу и долгое время относился к нему с уважением, тем более что уйгуры исправно платили дань и официально находились в зависимости от Китая благодаря китайскому укрепрайону с центром в Дуньхуане. Однако постепенно эти связи ослабли. Китайцы обвиняли уйгуров в мятежах, разбоях, в тысячах других всевозможных прегрешениях. Наконец, в 1028 г. тангуты, близкие к тибетцам, самым жестоким образом овладели землями уйгуров и тем самым положили конец существованию их княжества. Однако часть населения осталась на месте, хотя и перестав играть политическую роль, но сохранив свой язык и некоторые культурные традиции. Другая нашла убежище неподалеку – на юге у ван-шаней – и поселилась среди них.

Уйгуров Ганьчжу иногда называли сары-уйгуры (желтые уйгуры), или еще «уйгуры с желтой головой». Это имя, которое сохранилось за ними, они получили «по причине своей

буддийской веры». Однако следует отметить, что некоторые тюркские народы специально уточняли свое название «цветовым признаком»: синий, красный, черный, желтый, причем эти определения всегда имели мифические или мистические значения в шаманстве, по связи с солнцем и луной. В действительности, сары-уйгуры – это тюрки, принявшие буддийскую веру, – племена, скорее «уйгуризированные», нежели настоящие уйгуры; это выходцы из бассейна Среднего Тарима, постепенно вытесненные на восток в результате продвижения ислама и смешавшиеся с истинными уйгурами Ганьсу после того, как тангуты уничтожили их княжество. В XI в. они жили в районе Хотана; в XIV в. – между Цайдамом и Черченом; только в XVII или XVIII столетии они обосновались к югу от пути, ведущего из Си-Чеу в Ганьчжеу.

Уйгурское княжество Синь-Кянь осталось в большой изоляции от Китая, от которого его отделяло уйгурское Ганьсу, затем ставшее тангутским государством Ганьсу. Китайские хроники упоминают только большое посольство, отправленное отсюда в 951 г., но подробности этого предприятия неизвестны. Однако судьба Синь-Кяня оказалась более счастливой. Оно процветало вплоть до эпохи Монгольской империи, к которой оно присоединилось, причем Монголы не только пощадили его, но и проявляли к нему большую благосклонность. Когда-то это княжество находилось под влиянием киданей, а потом, напротив, оно закладывало основы культуры Монгольской империи и поставляло ей административные кадры. В итоге оно на долгие годы пережило саму империю.

Дело в том, что культурный уровень уйгуров был намного выше в оазисах в конце IX в., чем в Северной Монголии, выше, чем в более поздние времена. Уже в первой половине IX в. они в полной мере испытали на себе благотворное влияние цивилизации. Нет оснований полагать, что они предпринимали какие-то попытки уменьшить ее воздействие или вообще трансформировать цивилизацию. Они оказались хорошими учениками и в чем-то даже стали наставниками. По крайней мере, знаменитая художественная школа Центральной Азии продолжала существовать, как существовала и прежде, до их появления. Они ее унаследовали. Взяли ее на свое попечение. В Южной Кашгарии такие центры, как Тумшук, Кызыл, Кумтура, Шортук, Бешбалык, Муртук, когда-то были вехами на пути продвижения буддизма на восток. В Дуньхуане, провинция Ганьсу, где достижений было больше и где не было признаков упадка за долгий период между V и XIII вв., китайцы не привнесли ничего нового, и когда уйгуры заселили город и всю провинцию вновь, они не обнаружили ничего нового. Так же обстояло дело и с искусством.

Ситуация в литературе складывалась аналогично. Оригинальных произведений почти не было, зато было изобилие переводов. Они занимали весьма почтенное место в трудах писателей Турфана, а самые древние произведения восходят, возможно, к VIII в. Более поздние, датируемые X в., представляют собой первые тексты Дуньхуаня, что объясняется тибетской оккупацией оазиса, которая продолжалась до IX в., а также отсутствием тюркской колонизации.

Тангутскому нашествию в 1028 г. мы обязаны богатым собранием полотен и многоязычных манускриптов, преимущественно китайских, а также тюркских, хранившихся в архивах одного монастыря в пещере, служившей убежищем в Дуньхуане, и обнаруженных в 1900 г.

В 1907 г. здесь побывал сэръ Орэл Штайн, а в 1908 г. – Пеллиу; сегодня в Британском музее и Национальной библиотеке хранятся тысячи страниц, большая часть которых еще не опубликована. Они относятся к самым разным жанрам, зачастую написаны в форме личных заметок, упражнений или деловых писем; однако среди них есть и назидательные сказки, религиозные трактаты, в большинстве своем переведенные с иностранных языков – китайского или санскрита.

Пластические искусства и литература свидетельствуют о жизнеспособности буддизма. Есть основания полагать, что манихейство уйгуров постепенно уступало место буддизму, хотя все-таки сохранилось. Мы обязаны ему значительной коллекцией религиозных текстов, найденных во время немецких раскопок в Турфане и в Дуньхуане, а также так называемым

«Сборником покаянных молитв», написанным, как это было принято в ту эпоху, простым и ясным языком.

Что касается буддизма, он также подарил нам много манускриптов на тюркском, уйгурском графическом, согдийском и индийском (брахми) языках. Среди них можно выделить «Сказку о добром и злом принцах», навеянную китайскими сказаниями: она была изучена уже в 1914 г.

Наряду с буддизмом, манихейством и шаманством (при этом следует помнить, что все они существовали одновременно и независимо друг от друга) в Синьцзяне и уйгурском Ганьсу были распространены и другие религии, в частности несторианское христианство. Известно, что несторианство, доктрина Нестора, патриарха Константинополя, утверждает, что в Христе жили два человека, соответствующие его двойственной природе или двум разным природам. После того как эта вера была осуждена церковным собором в Эфесе в 431 г. и после преследований, которые она пережила в странах Средиземноморья, несторианство нашло пристанище в сасанидском Иране и направило свои миссионерские усилия на восток. Мы не знаем, когда оно проникло в Центральную Азию, но в Китае оно появилось в 635 г. и продержалось недолго. Зато оно прочно закрепилось в Тариме, который стал его апостольским центром, нацеленным на крупные государства кочевников: очевиден его успех в Монголии. В мусульманских источниках упоминается о существовании христианских общин в X в. в Синьцзяне, а немецкие экспедиции собрали много несторианских текстов в районе Турфана, которые напоминают тексты, обнаруженные Пеллио в пещере Дуньхуаня, например «Похвала Святой Троице».

Маздейство и иудаизм оставили меньше следов в Центральной Азии. Присутствие первого в Турфане подтверждается мусульманскими источниками, а китайцы упоминают Заратустру и существование жертвенных алтарей, посвященных огню. Присутствие второго более достоверно, что доказывают иудейско-персидские документы Кашгарии и рукопись на иврите примерно 800 г., которую Пеллио нашел в Дуньхуане. Тем не менее их активность была ограниченной. Наконец, ислам, призванный торжествовать победу в этих регионах, в ту пору был еще слабо представлен, хотя мусульманские торговцы, посланники и суфии давно бродили по стране.

Одним словом, это было удивительное общество! В одном и том же городе, который вовсе не был мегаполисом, бок о бок жили приверженцы по меньшей мере трех великих мировых религий – манихейства, буддизма и христианства, не считая анималистский культ – древнюю национальную религию тюрков; на улицах и площадях свободно проповедовали евреи, мусульмане и зороастрийцы, одновременно занимаясь торговлей. Можно лишь восхищаться тем, что терпимость и экуменизм, проникнутые неизбежным скептицизмом или релятивизмом, были более популярны, чем строгое и несгибаемое сектантство. Нам не известно ни единого примера, сравнимого с тем, что являют собой уйгуры, и, очевидно, такое можно встретить только в других тюркских или монгольских обществах, родственных уйгурскому.

Кыргызы

В начале главы мы уже упоминали об этом древнем народе.

Итак, Великая степь словно полуостровами проникает и на север, где наибольшим по своему значению был в VII–VIII вв. район верховьев Енисея. Там создавалась культура кыргызов, равно не похожая ни на тюркскую, ни на уйгурскую.

Несмотря на сходство языка и письменности, кыргызы по некоторым своим особенностям были далеки и от тюрков, и от уйгуров. Они как бы занимали третью вершину равностороннего треугольника, представлявшего, тем не менее, единую тюркскую целостность, гармоническую напряженность непрекращающейся борьбы, обуславливающей общее развитие.

Кыргызы на севере, востоке и северо-западе граничили с племенами, не имевшими

ничего общего со Средней Азией: древние сибиряки не составляли никакой целостности. Однако непосредственная близость кыргызской территории к племенам сибирской тайги наряду с природными условиями определила возможности и направление развития кыргызской державы.

Кыргызское ханство было объединением нескольких племен, во главе которого стоял хан.

Северная граница Кыргызского ханства, согласно источникам, проходила несколько севернее нынешнего Красноярска. Что же касается восточной границы, то их было две: основная, первая, проходила по подножию Восточных Саян, а вторая – по водоразделу Оки и Ангары. В промежутке между этими двумя границами жили три племени: дубо, т. е. тувинцы, милигэ, т. е. меркиты, и эджи. На эти лесные племена кыргызы совершали набеги, а пленников обращали в рабство. Зато мощный отпор кыргызы получали от куракан, живших на Ангаре. Именно на второй границе шла напряженная непрекращавшаяся война.

Следует отметить, что в Хакасии, составлявшей тогда ядро Кыргызского ханства, во многих местах добывалось железо, почти во всех сосновых лесах встречаются остатки древних железоплавильных печей. Здесь изготавливались орудия труда и оружие – мечи и кинжалы, а также детали конной сбруи. Развитие металлургии позволяло ханам создавать отборные ударные части из латной кавалерии.

Итак, древний народ – кыргызы, им предстояло восстановить степную империю, что не смогло сделать уйгурское маньчжурство. Впрочем, этого не удалось сделать и им.

Наследники Великого Тюркского каганата, уйгуры и кыргызы, крупных государств не создали, а потому не имели нужды в применении удельно-лестничной системы.

Древние тюркизированные индоевропейцы – кыргызы – остались прочно привязанными к своей реке, Енисею, в районе нынешнего города Минусинска, где тюркюты покоряли их и несколько раз подвергали репрессиям. В глазах последних они были грубыми варварами, хотя кыргызы усвоили зачаточные понятия о цивилизации от своих соседей по Монголии. Они умели писать, правда на примитивном уровне, недостаточном для появления литературы. Но они часто писали небольшие надгробные тексты, сильно напоминавшие надписи их соседей. Долгое время эти тексты считались древними, между тем это – всего лишь результат архаизма, обусловленного посредственной культурой и практикой шаманства. В противоположность тому, что гласит плохо поддающаяся расшифровке надпись в Суджи, маньчжурство уйгуров несколько кыргызов не затронуло. Самая древняя их надпись датируется, скорее всего, VIII в., а самые последние могут относиться к IX в. или началу X в. Они представляют ценность для истории цивилизаций. Однако эти тексты малоинтересны для истории событий, поскольку их трудно прочитать: они изобилуют пробелами. Поэтому мы обойдем молчанием то, что кыргызы делали на покоренных землях, если только это не толкало их назад к варварству.

Отношения кыргызов с уйгурами изначально складывались однозначно: это был язык мятежей, восстаний и войн: 758, 795, 818, 840, 861–870 гг. Великая степь стала театром войны между уйгурами и енисейскими кыргызами, которые вышли победителями и образовали Кыргызский каганат, но впоследствии не сумели на этой земле закрепиться. Впрочем, по-видимому, они не очень к этому стремились. Привыкшие к оседлому быту в благодатной Минусинской котловине, кыргызы видели в степях только поприще для боевых подвигов, целью которых была военная добыча. Когда же между кыргызскими войсками и становищами уйгуров легла пустыня, а уйгурские женщины и дети попрятались в крепостях, унаследованных ими от китайских военнопоселенцев, война стала невыгодной для кыргызов и постепенно затухла.

В 924 г. кыргызов изгнали новые пришельцы, на этот раз кидани. Кыргызцы мирно вернулись в долину, откуда пришли.

Кидани

Экспансия киданей, как правило, сдерживалась мощью тюркютов и уйгуров. Ослабление кыргызов дало киданям толчок. В период между 907 и 926 гг. их вождь Апао-Ки объединил киданей и после вторжения в Монголию открыл своим преемникам путь в Северный Китай. Китайский император ретировался с земель, расположенных к северу от Хуанхэ, и кидани образовали династию под именем Ляо. Когда-то они были учениками уйгуров, затем китаизировались. В ходе смены нескольких поколений они утратили свою силу. Удар им нанесли чжурчжени из Маньчжурии, которые вошли в Китай и довершили крах Великого Ляо в 1125 г. Осталось только их имя в истории Китая: «каракитай» (каракидани), которые, с подачи Марко Поло, долго были вождельным предметом поисков западных ученых!

Они не имеют отношения к тюркам, они – протомонголы, и упоминаются здесь, во-первых, потому что кидани – предвестники скорого появления монгольского могущества, а этот момент чрезвычайно важен для тюркской истории, а с другой стороны, потому, что они сыграли определенную роль в тюркском мире. Когда в 1125 г. их изгнали из Китая, произошел фантастический энергетический взрыв, который вернул их к кочевой жизни. Они прошли через всю Центральную Азию, чтобы основать (1130–1135 гг.) в северовосточной части Туркестана буддийское государство, известное под названием Каракитай.

Шато

Согласно китайским хроникам, племена шато сформировались после исчезновения Западной-Тюркской империи к западу от Баркола (озеро Бар), откуда тибетцы вытеснили их на восток (?), где они попросили покровительства Китая (800 г.).

Китайцы включили их в свой состав в качестве члена федерации, как они обычно поступали со всеми «варварами», которые приходили в Китай, «униженно преклонив колени и склонив голову». Им дали территорию на севере Ордоса. В течение 70 лет шато жили там в мире и спокойствии. Затем, в 878 г., они проникли в Шэньси и даже приняли участие в бесконечных распрях китайцев.

Империя Тан в те времена воевала с мятежниками, которые отобрали столицу Чанъань. Тогда китайцы призвали на помощь своих федератов. Шато откликнулись без промедления. Их предводитель Ли-Ко-Юнь прогнал мятежников из Чанъаня (883 г.), получил в виде вознаграждения титул министра и был назначен губернатором захваченного им Шэньси. Племена шато были верными вассалами. Но с исчезновением Тан (907 г.) они посчитали себя свободными от всяческих вассальных обязательств и провозгласили себя императорской династией в Лояне.

Шато основали две династии, которые просуществовали совсем недолго: одна – с 923 по 936 г., другая – с 936 по 946 г. Подобно кыргызам, они не смогли противостоять киданям. Так в середине X в. наступил конец последнему тюркскому царству в Китае.

Глава 4

Тюрки в мусульманском мире

Исламизация тюркских государств

С появлением ислама начинается новая эпоха, которая называется эпохой хиджры (622 г. – бегство Мухаммеда из Мекки в Медину, от которого мусульманство ведет свое летоисчисление).

Ислам в Центральной Азии проповедовали тюркам люди, убежденные в превосходстве этой религии и не сомневающиеся в том, что она будет горячо принята. Начиная с царствования омейядского халифа Хишама (722–743 гг.), если верить историку Якуту, миссионеры добивались до тюркских правителей и предлагали им обратиться в ислам. Такие

миссии посылались неоднократно и позже; к этому массовому движению примыкали также торговцы и дервиши, бродившие по степям.

Арабские коммерсанты, очень активные в первые столетия хиджры, в основном занимались пропагандой ислама, предлагая следовать их примеру «на всех путях и во всех царствах». Они пользовались покровительством первой экономической державы мира и являлись представителями самой высокой цивилизации. Мистики, суфии составляли довольно разнородную группу, состоящую из бедняков и просвещенных бродяг, в которой встречались и настоящие умы, вдохновленные верой и любовью к Аллаху.

Теоретически, конечно, можно говорить о том, что ислам, предлагаемый кочевникам, в корне отличался от учения теологов в городах. Естественно, что к безграмотным массам обращались малограмотные, но искренне верящее проповедники, что их часто путали со старыми шаманами. Но существовала тюркская элита, состоявшая из уйгурской верхушки, которой не были чужды миссионерские порывы. Гардизи упоминает о мусульманском кладбище в буддийском Хотане, а один из самых выдающихся философов ислама, аль-Фараби, который жил в Дамаске и Алеппо и умер в преклонном возрасте в 950 г., вышел из тюркской семьи, жившей в Центральной Азии. Саманиды вновь ввели в обиход старую политику Ирана, которая заключалась в превентивных нападениях на скопления степных кочевников, но цель была не только в оккупации их земель или в покорении жителей, в ходе этих экспедиций присутствовал фактор веропринуждения, как это было в 893 г. во время Таласской кампании, когда одну церковь превратили в мечеть, однако их масштабы были несравнимы с деятельностью проповедников и мистиков.

Касательно того, что священная мусульманская война, джихад, должна была более эффективно воздействовать на воинственных тюрков в смысле их исламизации, – это ожидание не оправдалось. Тюрки-мусульмане могли участвовать в священных войнах, имея в виду, прежде всего, собственные интересы, однако для того, чтобы воевать, им совсем необязателен был джихад. И священная война не делала их мусульманами. Таким образом, начальные плоды исламизации были скудными. Арабы основали несколько городов на Сырдарье как плацдарм для походов на Иртыш и в страну тюрков Западной Сибири. Первых успехов в тюркской среде ислам добился далеко от мусульманских земель – у волжских и камских булгар, на самом пороге «страны тьмы». Здесь впервые ислам одержал победу в чуждом для себя климате.

Исламизация незначительно изменила образ и уровень жизни булгар, зато дала толчок прогрессу. Они научились писать, хотя редко делали это, и обустроили городскую жизнь. Раскопки показали, что в Булгаре было две мечети, восточные бани, и город насчитывал около 50 тыс. жителей. Там чеканили серебряные монеты, по крайней мере, в X в., затем снова с 1180 до 1225 г. от имени багдадского халифа. У булгар зародилась промышленность, особенно выделка кож (позже этим занялись и на Руси) и сапожное ремесло, сделавшее булгарские сапоги знаменитыми на многих рынках. Сельское хозяйство развилось в достаточной степени, чтобы продавать пшеницу русичам, когда у тех случалась засуха.

Также Хорезм, крупный торговый центр, расположенный на перекрестке путей на запад и северо-запад, имел мусульманские колонии, и исторические тексты свидетельствуют о том, как торговцы, направляющиеся в район Волги, предпочитали дорогу через Хорезм более прямому пути через Кавказ.

Тюрки-кочевники постепенно переходили к оседлому образу жизни, становясь горожанами или земледельцами. Если в степи, среди своих соплеменников, тэнгрианство удовлетворяло тюрка, то в городской жизни, где племенные и родовые традиции ослаблялись, для сохранения единства народа нужно было что-то новое, что соответствовало бы веяниям времени. Это чувствовали и ханы. Не утруждаясь возведением тэнгрианства на более высокий уровень, некоторые тюркские ханы увидели в исламе выход из кризиса, с которым столкнулся тюркский мир.

Сначала ислам приняли купцы, торговавшие с арабами и персами, тюркские воины – рабы и наемники, служившие халифу, горожане, и самыми последними, в течение

нескольких веков, кочевники. Так постепенно тюркский мир, как бы нехотя, отрекался от религии своих предков, принимая арабскую (исламскую) религию, что продолжалось несколько веков.

Принятие ислама тюрками на первых порах как будто положительно сказалось на идеологии их государств. Тюрков, живших в городах и аилах, ислам внешне устраивал. Но в дальнейшем проявились и отрицательные стороны принятия новой для них религии, так как вместе с забвением религии своих предков стали исчезать и тюркские национальные традиции и обычаи. Национальные чувства притуплялись. Национальная идеология подменялась религиозной. Народ читал молитвы на чужом языке, не понимая сути и смысла. Принятие ислама повлекло не только смену одной религии на другую, это имело и другие, более значительные последствия. Тюркские традиции, обычаи, мировоззрение, законы стали подменяться арабскими. С принятием ислама тюркоязычные племена перешли на арабский алфавит, отказавшись от тюркского. Код или ключ познания мира через тюркскую письменность (современники называют ее руни), которую даровал своим любимым Сынам Великий Дух Неба Тэнгри, присущий только им, был подменен арабским. Новые поколения стали терять свои исторические и национальные корни древней культуры, традиции предков, их связь с прошлым была нарушена. Им теперь были недоступны древнетюркские книги и надписи, выбитые на камнях.

Таким образом, смена религий и переход на арабский алфавит повлекли смену жизненных ценностей, изменение мировоззрения всего тюркского мира. По сути, тюрки были лишены источника животворной силы, которая определяла самосознание, национальный дух. Воинственный дух слабел. Тюрки-мусульмане стали все чаще терпеть поражения от тюрков-тэнгрианцев. Духовенство стало вмешиваться в управление государством. С принятием ислама тюрки стали защитниками арабского мира.

Тюркские гулямы

Лет через 50 после хиджры тюрки, а вместе с ними и другие представители евразийцев начали проникать в мусульманский мир.

В то время, когда миссионеры начали проповедовать ислам в Центральной Азии, тюрки уже поступали в качестве рабов на земли халифов.

В 674 г. правитель Басры сформировал мощный отряд из двух–четырёх тысяч искусных тюркских лучников, взятых в плен в Бухаре. Их воинские качества сразу получили признание, и арабы решили использовать их.

Некоторые историки считают, что аббасиды, а по их примеру и другие феодалы, вступившие в бесконечные схватки с арабами и их союзниками, брали к себе на службу иностранные военные отряды умышленно, поскольку те не имели связей с местным населением, а потому отличались преданностью. Но если бы дело обстояло именно так, наемники скоро бы вышли из подчинения и предали бы своих хозяев, в результате для последних это было бы даже опаснее, чем вражда с арабами и их союзниками – берберами, коптами, сирийцами или иранцами. В действительности же только в самом начале имел смысл использовать небольшие отряды наемников.

Арабы, взявшие на себя роль основателей мусульманского мира, не хотели воевать, а когда им приходилось заниматься этим, они ограничивались оборонительными действиями, потому что легкая жизнь сделала их изнеженными. Они хотели наслаждаться приобретенными благами и отвергали риск, таким образом, у них не было никакого желания умереть в бою. Аббасиды уже не завоевывали земли, а теряли их. Уцелевший омейяд Абдурахман отделил Испанию и стал там самостоятельным халифом в 756 г. Затем отпали: Алжир – в 777 г., Марокко – в 789 г., Ифрикия (Тунис) – в 800 г., Хорасан – в 821 г., Систан – в 867 г., Центральная Азия – в 900 г. Аналогичный развал шел в Сирии, Месопотамии, Аравии, Иране. А мятежные силы доходили до ворот Багдада.

Уже при первых Аббасидах в арабской армии служили главным образом хорасанцы и

иранцы, которые поддержали их восстание против омейядов Дамаска и считали своим долгом служить Ирану на стороне арабской династии, более иранизированной, чем предыдущая. Однако их иллюзии, а вместе с ними их преданность постепенно таяли. Начиная с 820 г. крупные вассалы халифов, тахириды, стали практически независимыми и получили более эффективную возможность обеспечить автономию Ирана и подготовить его возрождение. Иранцы также не желали умирать за ислам. Поэтому воинов требовалось все больше и больше.

Аббасидский халифат нуждался в тюркских воинах. В Великой степи началась работорговля. Тюркские рабы поступали частью из Центральной Азии и Сибири: тюргеши, кимаки, карлуки, тогуз-огузы, огузы (туркмены), кыргызы и кыпчаки, а частью с берегов нижней Волги и Дона – аль-хазари, но, конечно, это были не только хазары. Продажа в рабство стала возможной из-за отсутствия в Великой степи сильной власти, способной остановить такой отток тюрков на Ближний Восток. Что же было делать, когда тюркские богатыри погибли, а вольнолюбивые уйгуры поверили соблазну манихейских учителей? Именно этим было порождено бессилие Степи. Военная миграция тюрков, до сих пор направлявшаяся на северо-запад, в Предчерноморский и Итиль-Уральский регионы, теперь отклонилась к юго-западу – в Азербайджан, Иран, Малую Азию, Сирию и т. д.

Главным центром работорговли был Самарканд, но, как мы уже отмечали, были и другие, дальше к востоку и северу. Тюркские рабы – «самые красивые и лучшие из всех» – доставлялись в Багдад из Хорасана. Этот товар считался редким и стоил очень дорого – 150–200 тыс. дирхам! «Это были самые дорогие рабы в мире», – писал ибн-Хаквал. Но зато какие рабы, какие воины, когда им давали в руки оружие, как они могли защитить хозяина, как они были способны дослужиться до самых высоких постов! Их называли гулямами. Таким образом, тюрки появились здесь в качестве рабов: их покупали, у них были хозяева, которые могли освободить их.

Масштабы тюркской миграции, долгое время остававшейся в определенных рамках, резко и опасно возросли в VIII в. и особенно в IX в. Однако со второй половины VIII столетия тюркам удалось захватить важные должности в аппарате управления государством, например, Зубаир бен аль-Тюрки – губернатор Хамадана и Мосула; Хамад аль-Тюрки играл значительную роль в строительстве Багдада при аль-Мансуре (754–775 гг.). В IX в. тюркских чиновников, которые переступили незавидную участь наемников, в империи стало больше. А со времен царствования аль-Мансура количество наемников значительно увеличилось; особенно их стало много при аль-Мутасиме (833–843 гг.) можно считать, что он наводнил ими Арабскую империю.

Прохождение службы гулямом-гвардейцем заключалось в следующем. Первый год – служба в пешем строю без права садиться на коня. Второй год – гулям получал лошадь, седло и уздечку, а также простую одежду. Третий год – выдавалось оружие: длинный персидский меч – караджур; четвертый – налучие и колчан. После этого гуляму полагалось хорошее седло, уздечка, палица и форменная одежда – каба-и-дарьи. Шестой год – присваивалось звание кравчего, выдавались парадная форма и серебряный кубок – знак отличия, который гулям носил на поясе. Седьмой год – служба при государе. Восьмой год – чин висак-баши, четырехместная палатка, черный войлочный головной убор, расшитый серебром, одежда из гянджийской ткани и три гуляма в подчинении. Девятый год – звание хейль-баши, командира гвардейского подразделения, затем – хаджиба двора. На одиннадцатый год он мог быть назначен эмиром, но не ранее тридцатисемилетнего возраста. В зависимости от звания размер жалованья возрастал до ста шестидесяти шести динаров в год.

В этом смысле представляют интерес истории двух выдающихся тюрков: Алптегина – эмира саманидов, дослужившегося до этого звания из гулямов, и Себуктегина – отца будущего султана Махмуда Газневи, также из гулямов.

Итак, начиная с 875 г. Хорасаном и Мавераннахром управляли наместники из рода Саманидов. Основателем его был крупный землевладелец Саман-худат из Балхской области

на севере Афганистана. Саман-худат принял ислам, а четверо его внуков уже служили халифу аль-Мамуну в Хорасане: Нух был наместником Самарканда, Ахмед – Ферганы, Йахья – Шаша, а Ильяс – Герата. В 875 г. халиф аль-Мутамид назначил Насра ибн Ахмеда наместником всех провинций Мавераннахра. Во время своего правления Саманиды успешно отражали набеги степных тюрков-язычников, и при них Мавераннахр и Фергана окончательно были присоединены к халифату.

В 893 г. Ахмед ибн Исмаил продолжил завоевания: напал на карлуков в степях за Сырдарьей, а затем захватил их столицу Талас. Саманиды наводили страх своей военной мощью, обеспечивавшей безопасность границ халифата и караванных путей в Центральной Азии. В то же время их резиденция в Бухаре была блестящим центром арабской учености, искусства, и литературы.

В 900 г. Исмаил ибн Ахмед разгромил и взял в плен Амра ибн Пайса, за что халиф пожаловал ему управление Хорасаном, где до него правили Тахириды и Саффариды. Так Саманиды стали самыми могущественными наместниками на иранском востоке, а их данниками были правители отдаленных областей – Хорезма и Систана. Кроме того, Саманиды оказывали влияние на местные династии в Афганистане – до самой границы с Индией. Кстати, Саманиды были последними древними иранцами, затем преобразовавшимися в новый этнос – таджиков.

Саманиды не смогли сохранить свое могущество. Именно в этой связи весьма любопытные факты из жизни выдающегося тюрка – Алптегина, который на протяжении многих лет был главнокомандующим саманидского войска. Однажды, пополняя гвардию наместника, он набрал в Нишапуре тридцать тюркских юношей, среди которых был Себуктегин (как мы уже отмечали – отец будущего султана Махмуда Газневи). Во время представления новобранцев наместнику Алптегин заметил в разговоре с ним, что необходимо подобрать кого-нибудь на освободившееся место висак-баши. Ахмед ибн Исмаил сразу же указал на Себуктегина. Алптегин возразил, что перед ним юнец, еще ничему не обученный, но наместник не стал менять своего решения, ответив эмиру, что, видно, такова была воля Аллаха, раз он указал на этого молодого человека.

Получить звание висак-баши без необходимой для этого семилетней службы – это был счастливый случай для восемнадцатилетнего юноши. Алптегин стал лично контролировать Себуктегина, испытывать его на исполнительность и надежность. Молодой воин показал себя в высшей степени ответственным командиром. Так возникла легенда, что неспроста судьба была столь милостива к этому никому не известному тюрку, что, вероятно, он знатного происхождения и, может быть, даже является потомком Йездигерда III.

Как и многие другие полководцы Халифата, сам Алптегин прошел все служебные ступеньки. Начинал он у Ахмеда ибн Исмаила, затем служил его сыну, Насру ибн Ахмеду, стал сипах-саларом Хорасана при внуке – Нухе ибн Насре. Он был в фаворе, но когда Нух ибн Наср умер, придворные из Бухары прислали Алптегину запрос, кого из двух претендентов он советует выбрать наместником Мавераннахра – сорокадвухлетнего брата Нуха или его шестнадцатилетнего сына Мансура. После некоторого раздумья Алптегин ответил, что старший претендент более опытен в делах и мог бы управлять провинцией, пока Мансур подрастет и станет подходящим для этой должности. Придворные выбрали Мансура. Алптегин был огорчен их лукавством, понимая, зачем они спрашивали у него совета, когда уже все решили сами: интриганы таким образом хотели расправиться с Алптегином.

Мансур, подстрекаемый злопыхателями, утвердился в мысли, что Алптегин его враг, поскольку советовал отдать наместничество не ему, законному наследнику, а дяде. Мансур захотел убить Алптегина, которому в ту пору было уже далеко за семьдесят. Узнав об этом, войско встало на сторону Алптегина и предложило ему свою помощь, но Алптегин поступил иначе. Он раздал все свое имущество и в сопровождении двухсот верных гулямов отправился на джихад в Индию. Сначала путь лежал к Балху, а затем в Газну в Восточном Афганистане. По ходу продвижения к Алптегину присоединилось много добровольцев.

Бухарские интриганы уговорили Мансура догнать Алптегина и уничтожить. Мансур

послал шестнадцатитысячный отряд, который прибыл в Термез и переправился через Амударью. Алптегин не принял вызова и отступил, сказав о Мансуре: «Он – ребенок и не знает еще цены человеку. Он слушает нескольких злодеев и негодяев. Он не различает правильного от губительного, хочет освободиться от меня, поддерживающего их род, а не может избавиться от клеветников, считая друзьями тех, кто желает ему зла».

Алптегин ушел в сторону Хульма и укрепился в узком ущелье. Войско Мансура осадило его, но Алптегин отказался от сражения. Через два месяца Себуктегин решил послушаться господина и с тремястами гулямами, бывшими в его подчинении, неожиданно напал на осаждавших, застав их врасплох, и многих перебил. А когда они оправились и выступили против него, укрылся в ущелье и присоединился к Алптегину. Видя, что столкновение неизбежно, Алптегин решил действовать хитростью. Отступая, он заманил войско эмира в западню, а затем, напав на него из засады, обратил в бегство. После этого Алптегин пошел на Завулистан – область к югу от Балха и Тохаристана. Он завоевал города Бамиан, Кабул и Газну. Жители Завулистана были напуганы, но когда увидели, что Алптегин никому не позволяет грабить и убивать мусульман, пригласили его стать эмиром Газны. Оттуда Алптегин отправился в Индию и вернулся с богатой добычей. Власть Алптегина очень скоро распространилась на Хорасан, Мавераннахр, Систан, Белуджистан и Индию – до местности Гудэарат.

Мансур, чувствуя угрозу своей власти, послал против Алптегина двадцатипяти тысячное войско. Алптегин разбил его с шестью тысячами всадников. Мансур больше не решался возобновлять военные действия.

Через некоторое время индийский царь разорвал мирный договор с Алптегином и собрал против него стопятидесяти тысячное войско, в составе которого находилось пятьсот боевых слонов. На помощь Алптегину пришли двадцать тысяч добровольцев. Напав на индийцев, Алптегин многих из них перебил, а затем отступил. Индийская армия, преследуя его, вошла в долину, не зная, что та заперта горами. Алптегин занял выход из нее, и два месяца индийцы простояли в долине, отражая набеги.

В этих стычках особенно отличился Себуктегин. В конце концов индийский царь запросил пощады и согласился, вернувшись в Индию, собрать дань. Алптегин выпустил его, но царь тайно приказал не сдавать крепостей, когда Алптегин пойдет за выкупом. Узнав об этом замысле, Алптегин сказал: «Ныне они разорвали договор со мной» – и снова пошел войной на индийские города.

В 966 г. в одном из военных походов Алптегин умер. Его войско, находясь во враждебном окружении, решило избрать временного эмира, чтобы не показать упадка духа после смерти Алптегина. Самым достойным оказался Себуктегин.

Арабский историк Низам аль-Мулк отмечал: «Династии, царства и города держатся на людях, подобных Алптегину, который некогда был простым гулямом, а им крепко правление Саманидов. Не уразумели его значения, а когда он ушел из Хорасана, ушло и счастье из рода Саманидов. Ханы Туркестана пошли в поход на них, захватили многие владения. Нужны целая жизнь и благоприятный случай, чтобы заполучить достойного и испытанного полководца. Не следует упускать хороших воинов и слуг».

Алптегин стал первым правителем Газны. После него эмирами были Билгетегин и Пиритегин. Себуктегин был одним из командиров, пока не стал эмиром в 977 г.

В 994 г. после блестящих побед в Афганистане и Индии Себуктегин разгромил у Абиварда армию хорезмшаха Абу Али Мамуна, за что получил титул Насир ад-даула ва-д-дин («Защитник державы и веры»), а его сын Махмуд – титул Сайф ад-даула («Меч державы»). О великом Махмуде Газневи речь пойдет в следующем разделе, а сейчас вернемся к гулямам IX в., представлявшим по тем временам мощную силу.

В 818 г. гулямы, что называется, не моргнув глазом убили визиря аль-Фадл ибн Сахила! Скоро они стали необходимым инструментом в государстве, даже не захватив реальную власть.

Согласно источникам, в личной охране халифа аль-Мутасима тюрок насчитывалось от

4 до 7 тыс. человек, т. е. охрана была столь многочисленная и столь мятежная, что аль-Мутасим отдалился от Багдада и, по тем же источникам, основал Самарру, которая через год стала резиденцией халифа. Здесь халиф жил вместе со своими приближенными и гвардией. Это был прообраз Версаля.

Хотя в действительности, возможно, что причиной было сильное движение мутализма. По крайней мере, в этом огромном городе, от которого сегодня остались лишь руины, хранящие самые яркие свидетельства аббасидского искусства, были целые тюркские кварталы; это был город, где тюрки вскоре стали хозяевами.

Арабские историки признают, что у халифа аль-Мутасима I было три победы, завоеванные с помощью тюркских наемников, и без этих побед был бы уничтожен ислам: первая победа – над императором румов, вторая победа – над Бабеком и третья победа – над Мазкаром Гябром из Табаристана, который был казнен вместе с Бабеком.

Воля халифа аль-Мутаваккила (846–861 гг.), правителя без визиря, не выдержала натиска крупных чиновников-тюрков: секретарей, фаворитов, советников, камергеров, – которые засели повсюду. Здесь можно привести некоторые известные имена: Афшин – подавил восстание персидского еретика Бабека (816–837 гг.) в Азербайджане; Буга аль-Кабир (ум. в 862 г.) – сделал Армению вассальной провинцией; Буга аль-Шараби (ум. в 868 г.) – некоторое время был настоящим правителем Аббасидской империи; Рашид аль-Тюрки – возглавлял поход мусульманских войск в Верхний Египет (880 г.); Ашина – в 840 г. сел на трон; Итак (825–849 гг.) – губернатор Йемена и Хорасана; Вассаф (ум. в 867 г.) – генерал, затем камергер и, конечно, ибн Тулун – основатель Тулунидской династии в Каире, о которой речь впереди...

С такими людьми тюрки чувствовали себя всемогущими. Аль-Мутаваккил, изменив порядок наследования (хотел оставить трон младшему сыну), спровоцировал дворцовый переворот, был убит, и в 861 г. на трон гулямы посадили его старшего сына.

861 г. – весьма примечательная дата. С этого времени халифы утратили реальную власть, а тюркские гулямы перестали быть рабами, даже номинально. Они стали истинными хозяевами. Будучи зависимыми от них, избираемые ими, потомки Мухаммеда вынуждены были потакать их капризам под страхом смерти. Они склонили перед ними головы, что, впрочем, не мешало тюркам нередко убивать их. Теперь арабы не знали, как обойтись без столь опасных «служителей».

Получалось более чем странно: халиф не мог и часу удержать власть без тюркских гулямов, а те не могли господствовать в чужой стране без соизволения халифа. Условия, которые создали для них халифы, были роскошны: они получали содержание, выполняли привычную работу – воевали, подавляли восстания, служа халифам, а власть защищала их от народа, ведь для народа они оставались чужаками. Оторванные от родины, традиций, тюркские гулямы убивали халифов, грабили купцов, жестоко обращались с крестьянами. Но они были силой, ибо сабли были только у тюрков.

Общим между гулямами и арабами было лишь исповедание ислама, но этого оказалось достаточно, чтобы система Халифата уцелела.

Тюркские гулямы, взяв власть в свои руки, за 10 лет низвергли и убили четырех халифов. Однако гулямы были необходимы, так как только они смогли, в частности, подавить восстание зинджей – черных невольников из Африки (869–883 гг.).

К тому времени было бесполезно оставаться в Самарре. В 892 г. город был сдан на милость песков, а двор вернулся в Багдад.

Часто историки утверждают, что тюркские гулямы, обращенные в ислам, были искренними мусульманами и приняли арабскую цивилизацию. Возможен совершенно иной взгляд на сей счет. Хорошо известно, что потомки тюрков полностью арабизировались, так же, как знаменитый философ аль-Фараби (879–950 гг.). Существует утверждение Масиньона о том, что желание наемников Самарры совершить хадж было настолько велико, что для них построили уменьшенную копию священного камня Кааба в Самарре, что было неслыханным делом. Но служат ли эти факты убедительными доводами? Известно, что тюрки не

отличались скорым принятием новых мировых религий, хотя, разумеется, по мере того, как они поступали на службу к мусульманам, начинали попадать под влияние новой веры. Принять ее было для них вопросом дисциплины, а следовательно, и чести. Присягнув на верность халифу, мусульманскому имаму, эти прирожденные воины считали себя обязанными исповедовать его веру. Приняв ислам, они от него не отступали, дисциплинированность побеждала их сомнения. Ислам, принятый ими окончательно, они исповедовали добросовестно, ничего не изменяя в нем и ничего не оспаривая, как и подобало людям, называющим цивилизацию «повиновением», а государственный закон – приказом. Тюрки вступили в суннитскую мечеть не как смиренные неопиты, а как рекруты – по-военному, – не склонив головы, в полном вооружении, – что возмущало арабов, так как это противоречило их правилам. Но арабам пришлось смириться с тюркскими нравами.

Чтобы утверждать факт детюркизации наемников в IX в., следовало бы допустить, что они совершенно смешались с местным населением или были привезены сюда детьми и воспитывались в духе мусульманской религии, как это позже случилось с янычарами. Но ничего подобного в истории не было. Арабы старались держать наемников подальше от мусульманских распрей. В Самарре у них были свои кварталы, где они жили своей этнической группой, им не разрешалось смешиваться с местным населением и брать жен вне круга тюркских девушек, которых покупал для них сам халиф. Молодых женщин привозили из Центральной Азии. Возраст имел особое значение. В женщинах, прежде всего, ценилась верность традициям предков: она должна была только наполовину принадлежать сообществу, т. е. иметь самое мизерное воспитание в духе Корана и не участвовать в социальной и религиозной жизни. Ее влияние на тюркских детей, родившихся на земле ислама, в Умме, могло быть благотворным, учитывая, что дети обычно забывают прошлое своих предков. Поэтому мусульманские авторы, в первую очередь Джихаз, помимо храбрости и привычки к суровой жизни, высоко ценили у тюрков верность родине. Как писал фон Грюнбаум: «Их страсть к насилию была ярко выражена, но еще сильнее было их сопротивление ассимиляции... Их преданность стране, откуда они были родом, нельзя назвать обычной ностальгией, напротив, она несет в себе опасные последствия. Тюрки, прежде всего, привержены групповой сплоченности, даже живя в самом центре ислама, они не стремятся войти в исламскую общину».

Обычаи и традиции тюрков, попавших в чужие страны, оставались в качестве главного мерил, определяющего их жизнь. Наиболее рельефной национальной чертой тюрков, кроме их приверженности к иерархии и дисциплине, было отсутствие лжи, доносительства, обмана доверившихся им. Предателей и доносчиков убивали. Тюрки в чужих краях сохраняли качества «благородных дикарей».

Арабы и персы ценили их львиноподобные качества: гордость, свободу от пороков, стремление добиваться командных постов, что толкало их на усердия в боях, походах и государственной службе.

Покинув родину, тюрки попали во взаимодействие византийского, арабо-мусульманского и христианского миров и, будучи представителями степного мира, естественно, вступили во взаимодействие с ними.

Вспомним, как трактовал проблему контактов различных этносов Л. Гумилев: «Либо этносы сосуществуют рядом, помогая друг другу в ведении натурального или товарного хозяйства, – симбиоз; либо группа чужого этноса внедряется в среду аборигенов и бытует в относительной изоляции – ксения; либо пришлый этнос узурпирует ведущие позиции в местном этносе – химера; либо этнос растворяется в соседе путем смешанных браков – ассимиляция. Однако зачастую сосуществование становится трудным, и тогда возникают контроверзы, которые разрешаются путем войны».

Ни в Китае, ни в халифате кочевники не обрели покоя. Их не любили, а использовали. Вероломство и жестокость стали знаменем эпохи. В Китае прокатилась волна шовинизма: ненависти ко всему чужому и больше всего – к кочевникам.

В Византии в это время в тюрках не нуждались и пренебрегали ими. В халифате тюрков

ненавидели шииты и карматы.

Шиизм – наряду с суннизмом – одно из направлений в исламе. Шиизм возник в VII в. На почве споров о числе имамов и личности последнего из них шиизм раскололся на несколько сект. Шииты не признают суннитских халифов, считая законными преемниками Мухаммеда и толкователями ислама лишь династию 12 имамов – Алидов: Али и его прямых потомков от брака с дочерью Мухаммеда – Фатимой.

В конце IX – начале X в. в халифате произошел всплеск националистического, но совершенно антимусульманского движения: вспыхнуло восстание карматов-арабов Бахрейна (Восточная Аравия) и бедуинов.

Карматы и близкие к ним исмаилиты принесли халифату гораздо больше вреда, чем все остальные иноверцы, вместе взятые. Их принципами были ложь, обман и предательство.

Карматы были разбиты в Иране и в Сирии тюрками-гулямами, но они удержались в Бахрейне и даже на время захватили священный город арабов Мекку, увезли оттуда черный камень Каабы, который был возвращен позже за большой выкуп.

Группировка исмаилитов, возглавленная Убейдаллахом, выдававшим себя за потомка Али и дочери пророка Фатимы, сокрушила аббасидского наместника Магриба (запад халифата).

Карматы и исмаилиты притворялись мусульманами. Они убивали мусульман безнаказанно, ибо убийц спасала тайная община. Не только феодалы, но и каждый простой человек мог стать жертвой убийцы, которым руководил Пир (старец). А халифы и эмиры так боялись отравленных кинжалов исмаилитов, что не принимали против них решительных мер. Да и не могли они это сделать, так как не знали, кто из визирей и эмиров – тайный исмаилит. Исмаилиты всегда лгали, ибо таков был их закон, весьма для них выгодный, ибо с желавших не быть убитыми они брали большие деньги.

Под лучами яркого солнца тюрки не имели себе равных. Однако, как только на небе появлялась голубая звезда Зухры (Венера), исмаилиты проникали всюду и убивали ради убийства. Ночь была их стихией. Они заключали тайные сделки, тайно дружили с тамплиерами, тайно вступали в свое братство и, погибая под пытками, хранили тайны своих деяний.

Мусульмане и христиане относились к ним со страхом и омерзением, а исмаилиты к мусульманам – с презрением и ненавистью. И самое ужасное, тем и другим приходилось жить на одной земле, в тех же городах, кишлаках и замках. (Потомки исмаилитов живут на Памире и на склонах Ливана (друзы) до сих пор.)

К 900 г. арабы проявили полную неспособность защищать свою страну, свои дома и семьи и уж тем более свою веру, от внешних и внутренних врагов. Арабской империи в Азии пришел конец. Персидский историк Равенди писал в 1192 г.: «Слава Аллаху... в землях арабов, персов, византийцев и руссов слово принадлежит тюркам, страх перед мечами которых прочно живет в сердцах».

Как показывает история, столкновения и борьба неизбежны даже при симпатиях друг к другу. А тюрки были чужими для всех: греков, арабов, латинян, – и потому их ждала участь дальневосточных «братьев» – киданей, ставших жертвой китайско-сяньбийской химеры, о чем мы повествовали ранее.

Кочевники, покидавшие родину, утрачивали традиции, поэтому в других странах они воспринимались как дикари. Тем более в то время никто из соседей не знал истории хуннов, огузов, уйгуров и др. Так и создалось устойчивое мнение, что кочевники Азии – дикари, неспособные воспринимать культуру.

Однако влияние тюрков на преобразования в исламском обществе IX в. во всех областях жизни было весьма глубоким – это признают и социологи, и теологи, и историки искусства, наблюдая расцвет философии, истории, точных наук, медицины, развитие погребального искусства, что в принципе запрещалось шариатом и что стало одним из ярчайших проявлений мусульманского архитектурного гения.

Продолжим этот ход рассуждений. Пробуждение иранизма, вышедшего из арабизма,

медленно происходит в том же IX в., когда утверждается владычество тюрков, с самого начала пропитанное согдийской, т. е. иранской, культурой. Может быть, это не случайность, тем более что впоследствии тюрки часто, добровольно или не осознавая того, вставали на сторону Ирана. Газневиды и сельджуки говорили на персидском языке и дали иранскому искусству средства для полного самовыражения; при них персидская литература достигла сияющих высот; еще позже восхождение туркмен на трон в Исфахане стало началом первой национальной династии в этой стране со времени мусульманского завоевания – династии Сефевидов.

Итак, мусульманский Ренессанс IX–X вв., о котором речь далее, стал необходимостью для будущей тюркской истории на земле ислама.

Тюрки и Египет

Иностраннный легион – изобретение древнее. Обычно наемники – свободные люди, поступающие на службу добровольно, но в Египте их роль выполняли мамлюки, буквально «принадлежащие», т. е. рабы. Остановимся на их роли в истории более подробно.

Казалось бы, мамлюкам легче всего было принять ислам, что давало свободу, и раствориться в конгломерате народов мусульманского мира. Но они избегали свободы как огня, и не зря. Одиноким человек на чужбине, без денег и друзей, обречен на самую жалкую жизнь. А находясь в войске, он был сыт, одет, вооружен и имел прекрасную перспективу повышения, потому что султан или эмир нуждался именно в его преданности и доблести. Местных мусульман в эту гвардию не допускали: они были связаны с населением. Согласно шариату, мусульманин не может быть продан в рабство, поэтому в Египте покупали только язычников и христиан.

Гвардию мамлюков составляли кыпчаки из южнорусских степей, объединявшие вокруг себя славян, мордву, тюрков, монголов и горцев-черкесов.

Принцип этнической близости в неволе выдерживается более строго, чем в любых иных коллизиях. Как бы мы ни отрицали у наемников то, что можно назвать национальным чувством, приходится признать, что именно это чувство было движущей силой, которая создавала вражду между различными соединениями фатимидской армии.

Фатимидам удалось создать государство на основе консорции, пополняемой новообращенными из всех народностей Ближнего Востока и Европы.

Фатимиды имеют отношение к тюркской истории в связи с тем, что начиная с царствования аль-Азиза (975–996 гг.), их второго халифа, и еще до присоединения к ним нубийцев и суданцев, они стали комплектовать свою армию, до сих пор состоявшую из берберов и рабов из Европы, полками тюркских мамлюков.

Мамлюки отнюдь не обожали своих продавцов и покупателей, поэтому они спокойно позволили заменить исмаилитского халифа суннитским султаном в 1171 г.

Египетские мамлюки во главе с тюрком Бейбарсом в 1244 г. нанесли поражение войскам крестоносцев и сирийских правителей, захватив ряд городов Сирии и Палестины. В 1250 г. мамлюки отстранили Айюбидов от власти и основали династию султанов, правившую Египтом и Сирией вплоть до османского завоевания (1516–1517 гг.). Различают две линии этой династии: Бахритов (1250–1382 гг.) – преимущественно тюркского происхождения и Бурджитов (1382–1517 гг.) – преимущественно черкесского.

Весьма любопытна роль одного из самых знаменитых мамлюков – Ахмада ибн Тулуна – в истории Египта.

Ахмад ибн Тулун был послан в 868 г. халифом аль-Мутазом в Египет контролировать эту важную провинцию, правда с ограниченными полномочиями. По прибытия в Фустат (Каир) ибн Тулун взял полностью правление в свои руки, несмотря на ограничения.

Талантливый организатор и экономист, он снизил налоги, но исправно отправлял собранную дань халифу. Тем не менее у него оставалась значительная сумма, которая позволила ему начать большие работы и создать надежную и хорошо оплачиваемую армию,

включавшую тюркские, греческие и суданские контингенты.

Впервые со времен Птолемея Египет вновь стал независимым и смог занять достойное место в политической жизни Ближнего Востока. Халиф не только отказался от мысли наказать своего самовольного вассала, но даже поддержал его во время аннексии Сицилии и части Месопотамии.

Между тем внуки великого ибн Тулуна оказались бездарными продолжателями, и в 905 г. аббасидские войска вступили в Фустат. Был назначен новый губернатор, тоже тюрк, под именем Ихсида. Как и его дети, он был верным вассалом Багдада.

Тулуниды и ихсидиды являли собой ортодоксальных и убежденных мусульман: будучи членами Дар аль-Ислама в Умме, они не думали ни о расколе, ни о ереси, ни о сепаратизме. Их искусство и архитектура свидетельствуют о том, что они были продуктом аббасидского халифата: великолепная мечеть ибн Тулуна в Каире – это всего лишь копия большой мечети аль-Мутаваккила в Самарре, приспособленная к местным условиям.

Тем временем в самом сердце империи и в буидском Ираке (буиды открыто приняли шиитскую веру и в 945 г. захватили Багдад, хотя, против всякого ожидания, не тронули халифа: он был лишен реальных властных полномочий и остался только декоративным символом власти) раскол набирал силу и серьезно угрожал Египту. Фатимиды, которые представляли раскольническое течение в Северной Африке, вышли из Ифрикии и захватили долину Нила в 969 г. Под их владычеством страна обрела независимость, которую ей даровал ибн Тулун.

Что касается дальнейшей истории мамлюков, то во второй половине XIII в. они разгромили монголов при Айн-Джалуте (1260 г.), вытеснили крестоносцев из Сирии и Палестины, разбили исмаилитов-ассасинов; в вассальную зависимость от них попали восточная часть Ливии, Нубия, Хиджаз, позже – Киликия и Кипр.

Последний период существования государства мамлюков характеризуется острым экономическим и политическим кризисом, усугублявшимся частыми народными волнениями.

В 1516 г. в битве под Алеппо (Халебом) потерпел поражение от войск османского султана Селима I последний выдающийся султан мамлюков Кансух аль-Гаури. Османы сохранили мамлюкское войско, и оно, как реликт, еще защищало Египет от Наполеона.

Мамлюки остались как местные военные формирования и впоследствии вновь превратились в правящую военно-феодальную касту Египта вплоть до начала XIX в. При Мухаммеде Али в 1811–1812 гг. они потеряли свои земли и политическую власть.

Однако возвращаясь в Египет конца X в. следует отметить, что он являл собой поле расовых битв, в которых тюрки сначала вытеснили берберов, а затем стали первыми. Монархи и визири также были марионетками в руках египетских мамлюков, позже взошедших на престол, а пока обратимся к истории первых тюрко-мусульманских государств на территории Центральной Азии.

Караханидский каганат

В IX в. наиболее значительным тюркским племенем Семиречья были карлуки, кочевья которых тянулись на огромном расстоянии – от долины Таласа до Тарима в Восточном Туркестане. Кочевья эти во многих местах шли вдоль караванного пути и с юга обходили Иссик-Куль. Требовалось 30 дней, чтобы пройти караванным путем от западных границ карлукских владений до восточных. Карлуки обосновались в Семиречье еще в 766 г., после разгрома тюргешей и захвата власти в стране. Это был процветающий край. Карлуки жили не только в селениях, но и в городах (крупные карлукские города – Кулан (Луговая) и Мерке) и имели достаточно высокий уровень культуры. По роду хозяйственной деятельности они занимались звероводством, кочевым скотоводством, земледелием.

Карлуки создали свое государство со столицей Кара-Орду. После падения Уйгурского каганата вождь карлуков стал считать себя последователем уйгуров, его звали Билке Кюл

Кадыр-хан.

Вторым крупным тюркским племенем Семиречья были чигили. Они жили главным образом на северо-востоке от озера Иссык-Куль, хотя селились и в районе Тараза. Так же как и карлуки, они проживали в городах и селениях, владели большими стадами – одним словом, это был богатый народ.

Третьим большим тюркским племенем, частично захватившим Семиречье, были ягма. Жили они на юге от озера Иссык-Куль, по направлению к городу Кашгару, причем большая часть их кочевий находилась в Восточном Туркестане. Главное их богатство заключалось в стадах лошадей и баранов. Ягма были известны как наиболее воинственное тюркское племя.

В юго-западной части Семиречья в X в. еще проживали остатки тюргешей. Многие из них уже перешли к оседлому образу жизни и жили в городах. В обстановке соседства кочевников с оседлыми районами и богатыми городами между ними увеличивался товарообмен. Кочевники привозили из степи рабов, кожу, шерсть, мясо, скот в обмен на ткани, просо, пшеницу, изделия из металла и другую продукцию ремесленников и земледельцев.

Заинтересованная в выгодах от торговли с оседлыми районами и городами кочевая верхушка, в целях увеличения товарной продукции своего хозяйства (скотоводства), захватывала лучшие земли. Бедняку становилось все труднее жить в степи. Так в среде кочевников зарождалась потребность к оседлому земледельческому труду.

Билге Кюл Кадыр-хан начал объединять карлуков, чигилей, ягма и тюргешей в единое государство, которое позже было названо Караханидским каганатом, по имени основателя династии ханов – Абдул-Керим Карахана (ум. в 956 г.). Карлуки и чигили занимали в государственном аппарате и войске важные места, их племена сыграли огромную роль в образовании Караханидского государства. Высшие посты начальников занимали выходцы из ягма, наиболее воинственной тюркской народности.

Исторические сведения, содержащиеся в источниках XI–XII вв., позволяют говорить об усилении власти и росте могущества караханидской тюркской аристократии. Высшую ступень в каганате занимали каганы, илеки, беки. Хань и илеки относились к категории «чистых» («белая кость») и считались божественным олицетворением неба и солнца: они имели большие шелковые и атласные шатры, дворцы, ставки, замки и крепости. Караханидское государство делилось на отдельные части – уделы, во главе которых стояли члены караханидского дома, носившие титул илекханов.

Связь между илек-ханами и ханом ханов не была прочной. Удельные князья – илек-ханы жили между собой в постоянной вражде, стремясь к самостоятельности, и потому чаще всего были в натянутых отношениях с главой караханидского дома.

Семиреченские тюрки были весьма терпимы к любым религиозным конфессиям – буддизму, христианству, манихейству, – однако основополагающей оставалось тэнгрианство. Тем не менее в 910 г. ислам стал официальной государственной религией. Карлуки вели активную завоевательную политику и в начале 90-х гг. заняли весь Центральный Тянь-Шань и Семиречье, распространяя силой среди покоренного населения ислам. К середине 90-х гг. граница Караханидского каганата на северо-востоке стала проходить по линии озер Балхаш, Сасык-Куль и Ала-Куль, позже караханиды распространили свою власть до долины Иртыша.

В 960 г. ислам приняли многочисленные тюрки – «200 тысяч шатров», – так образовывалось первое тюркское мусульманское государство. Анализируя источники, можно полагать, что принявшие ислам массы создали скорее некий синтез, приспособив свои старые верования к новым мусульманским, однако нет никаких оснований сомневаться в том, что административные кадры состояли из убежденных мусульман-суннитов, охваченных пылом неофитов.

Таким образом, за пределами того, что в продолжение трех столетий было Дар аль-Исламом, сформировалось мусульманское, но в то же время специфически тюркское ханство. Это событие изменило течение истории тюрков и исламского мира. Знамя ислама

перешло к тюркам, и после короткого периода тюрки стали представлять почти весь исламский мир.

Что касается иранских Саманидов, то Семиречье для них всегда было лакомым кусочком, и они неоднократно пытались завоевать его, но удача не сопутствовала их предприятию. Тем временем караханиды (карлуки, тюргеши, чигили, ягма, огузы и т. д.), объединившись в единое государство, воспрепятствовали арабским завоевателям в Восточном Туркестане и в Семиречье.

В 990 г. караханиды выступили в поход на Мавераннахр. Положение, сложившееся в Саманидском государстве, благоприятствовало им: у саманидов центробежные тенденции захватили все государственные структуры и достигли наивысшей точки, когда города и целые районы стали выступать как самостоятельные уделы. Кроме того, согласно данным арабских и персидских авторов, еще до прихода караханидов в окрестности городов Ош и Узген здесь проживало много тюрков, которые в определенной степени облегчили завоевание Ферганы.

После установления сюзеренитета над местными властителями областей Талас, Шаш, Илак, караханиды в 992 г. направили войска в Бухару, которая была взята без боя. Однако победители вскоре покинули Бухару и двинулись на лучший город Мавераннахра – Самарканд, чем не преминул воспользоваться Нух ибн Мансур, в тот период правитель Саманидского государства, повернув свой отряд к Бухаре.

В 996 г. тюрки возобновили наступление на Бухару. Узнав об их маневрах, Нух обратился за помощью к Себуктегину (см. «Тюркские гулямы»). Себуктегин выступил на помощь Нуху с большим войском. Когда Себуктегин стал лагерем в районе Кеша, он потребовал, чтобы к нему присоединился со своим отрядом Нух. Это звучало прямым вызовом суверенным правам саманидского эмира. Тот, разумеется, отказался и послал Себуктегину предписание самому явиться в Бухару. В ответ на это Себуктегин послал вместо себя 20-тысячный отряд, который и установил фактическую власть в Бухаре. После этого Себуктегин начал переговоры с Караханидами о разделе сфер влияния, тогда и порешили, что весь бассейн Сырдарьи перейдет в руки Караханидов.

«Согласно договору, Себуктегин сделался полновластным хозяином земель, лежащих на юге от Амударьи, и в первую очередь Хорасана. Таким образом, Саманидам фактически оставлена была лишь центральная часть Мавераннахра». Все эти решения были приняты без согласования с Нухом, который к тому времени потерял всякое влияние.

Свергнув в 999 г. правящую династию Саманидов, Караханидский каганат стал владеть территорией от Кашгара до Амударьи, включающей в себя часть Восточного Туркестана, Семиречье, Шаш, Фергану и древний город Согд.

Вместе с воинами в Мавераннахр пришли со своими стадами кочевники, в связи с чем значительная часть земель – пастбищ и превращенных в пастбища посевных земель – оказалась во владении кочевых тюркских племен, ставших опорой Караханидской династии.

Основным занятием караханидов было скотоводство, причем главную роль в хозяйстве играло коневодство. Помимо обычных степных пород, они выращивали скаковых и вьючных лошадей. Кочевники поставляли для караханидского войска отборных жеребцов, гужевых коней, различную продукцию животноводства: кумыс, молоко, шерсть, мясо, сушеный творог (куртоп). Караханидские тюрки занимались отчасти и земледелием, но сеяли в основном просо, которое издавна культивировалось в степях Центральной Азии.

Караханиды были и известными купцами, участвовавшими в международной транзитной торговле. Отряды тюрков часто служили охраной для отправлявшихся в дальний путь караванов, Мубаракшах писал, что тюрки вывозили в соседние области серебро, золото, железо и ртуть, добывавшиеся в горах к югу от Самарканда. Кочевники из отдаленных районов Центральной Азии и нынешнего Казахстана, в частности кыпчаки, обменивали пушнину на ремесленные изделия у соседних земледельческих народов.

Несмотря на широкое распространение натурального обмена, развивались и денежные отношения. Основной продукцией, вывозимой ими на продажу, был скот, который нередко

выполнял функции валютного эквивалента. В торговой практике использовались также монеты, отчеканенные в Хорезме, Мавераннахре, Хорасане, Иране, Афганистане. Начиная с давних времен, имели хождение и денежные знаки, называвшиеся «йармак» и «акча»; в обращении была и другая валюта – агры и пул.

Караханидский каганат сыграл важную роль в объединении культур народов, населявших оазисы Центральной Азии. В орбиту регулярных экономических и культурных связей между оазисами и городами втянулось и население обширной степи.

Арабское завоевание и исламизация Центральной Азии привели к победе совершенно чуждого местному населению арабского языка в мусульманском богословии, в официально-чиновничьем мире и в среде согдийской и хорезмийской аристократии. В период господства караханидов ислам в Центральной Азии и его богослово-философская основа «калам» еще более укрепляют свое влияние.

К XI в. в Караханидском каганате тюркское население было основным населением. Карлуки, огузы, гузы, чигили, ягма и другие племена начали постепенно говорить на общем языке, хотя сохраняли внутри этого языка и родоплеменные диалекты. Так постепенно формировался староузбекский язык; в это же время формировался и таджикский язык; на стыке Согда, Тохаристана и Хорасана складывался язык дари, который объединил ираноязычные языки и составил основу современного таджикского языка.

В Мавераннахре, при дворе Караханидов, собралась большая группа придворных поэтов, среди них наиболее выдающимися были эмир Амаки Бухари, Рашиди Самарканди, Сузани Самарканди и другие, писавшие касыды, сатиры и лирические стихи. Таким образом, не только военными победами добывали признание и славу караханиды. Переходя на оседлый образ жизни, они прославляли себя и как ученые, архитекторы, ремесленники и поэты.

В 1006 г. правитель каганата, илек Наср, покончив с последним саманидом, решил завоевать Хорасан, несмотря на то, что в 1001 г. правитель газневидов – Махмуд Газневи и правитель караханидов – Наср ибн Али – договорились об установлении границ. Главной пограничной линией стала Амударья, территория же Газневидского каганата простиралась от границ Северной Индии почти до южных берегов Каспийского моря, включая области нынешнего Афганистана и Северо-Восточный Иран.

Тем не менее в 1005 г., воспользовавшись походом султана Махмуда Газневи в Индию, илек Наср послал войско за Амударью: один отряд захватил Балх, другой – занял Герат. Когда султан Махмуд узнал о вторжении караханидов, он быстро вернулся из Индии и направился в Балх. При приближении войск султана Махмуда Газневи караханиды отступили из Балха в Термез, а затем в Мавераннахр.

Несмотря на неудачный поход, илек Наср начал готовиться к новому выступлению на Хорасан. Он обратился за помощью к своему родственнику, властителю Хотана (представителю другой ветви Караханидов) Юсуфу Кадыр-хану, и вместе с ним и с 40 тыс. воинов направился в Балх. В начале 1008 г. два тюркских войска, караханидское и газневидское, встретились в степи близ Балха.

Караханидские тюрки, одетые в черное, с боевым кличем «ур» (на древнетюркском это означает «бей, окружай»), напоминая волчий вой, начали наступление. Воины султана Махмуда Газневи «запели тюркскую песню с хотанской мелодией» и пошли навстречу караханидам. Началась битва. В войске султана Махмуда было 500 слонов, с которыми тюрки-караханиды не умели вести бой и которые главным образом решили исход битвы. Войско караханидов было разбито. После этого поражения наступательное движение караханидов за Амударью прекратилось, ввиду внутрисосударственных раздоров. Более сорока лет длились дворцовые интриги, в результате чего в 1042 г. Караханидский каганат разделился на два самостоятельных каганата.

В государство восточных караханидов вошли земли: Йеди-Су, Чу, Талас, Сейхун, Фергана и Чингарская степь до реки Иртыш, на востоке до озера Теклемекан. Восточный каганат, в свою очередь, в соответствии с тюркским законом управления государством,

вновь разделился на восточную и западную часть. Столицей восточной части стал Баласагун; западной – сначала Талас, а затем Кашгар.

Западный Караханидский каганат также разделился на восточную и западную части. В восточной части столицей стал Самарканд, в западной – Бухара. Этот раздел способствовал еще большему развитию междоусобной борьбы. Так, в 1060 г. глава западных караханидов воспользовался междоусобицами в стране восточных караханидов и отобрал у них Шаш, Бинкент, Тункете, Ахсикете, Узгенд, Куз Орду. В 1068 г. после смерти главы западных караханидов началась борьба за власть между его сыновьями. На этот раз восточные караханиды воспользовались междоусобицами в стране западных караханидов и отвоёвывали вновь все земли.

В 1125 г. с востока пришли новые завоеватели-кочевники – каракитаи.

В 1128 г. караханиды одержали победу над каракитаями, вторгшимися в западные области нынешнего Синьцзяна. Каракитаи с помощью тюркских племен канглов и кыпчаков, враждовавших с караханидами, захватили в 1130 г. Баласагун и большую часть Семиречья. В 1137 г. каракитаи захватили Кашгар, Хотан и выступили в поход на Мавераннахр. Завоевав Кашгар, каракитаи не сместили караханидских правителей, а оставили их в качестве своих вассалов. В 1205 г. в Кашгаре произошло восстание, направленное против каракитаев, но оно не имело успеха.

Династия восточных Караханидов пресеклась в 1210 г. Что касается Западного каганата, то у него сложились враждебные отношения с сельджуками. Яблоком раздора стали территории по обоим берегам Амударьи, в районе двух важных городов – Термеза и Балха, которые попали к сельджукам после того, как их вынуждены были оставить газневиды.

Сельджуки в 1072 г. предпринимают грандиозный поход против караханидов, закрепляют за собой города Термез и Балх, и с этих пор инициатива в области внешней и внутренней политики целиком переходит к сельджукам.

В 1089 г. огромное войско сельджуков переправляется через Амударью и в том же году, после упорного сопротивления жителей, берет Бухару и Самарканд. Для Караханидов наступил период политического упадка. Здесь следует отметить, что ослаблению государства Караханидов способствовало противостояние главы каганата Арслан-хана (1102–1130 гг.) и его предшественников верхушке мусульманского духовенства, которая рвалась к управлению государством.

Когда Арслан-хан, ввиду своей болезни, назначил соправителем своего сына Насра, духовенство организовало заговор, и Наср был убит. Тогда Арслан-хан призвал на помощь султана Санджара из Мерва. И хотя Ахмед, второй сын Арслан-хана, сам восстановил порядок в Самарканде и предал казни мятежников, султан Санджар двинулся с войском в Мавераннахр. Помощь дружественного соседа, каким считался сельджукский султан Санджар, вылилась в завоевательный поход. Султан Санджар осадил Самарканд и взял его в 1130 г. Арслан-хан был вынесен из осажденного города на носилках и отправлен в Балх, где вскоре умер.

Хотя после 1130 г. в Самарканде правили ханы из караханидского дома, однако они уже утратили свою самостоятельность и в основном подчинялись воле султана Санджара, который в это время был на вершине своего могущества.

Караханидское и сельджукское завоевания в Мавераннахре способствовали переселению немалого количества тюрков. В большинстве своем эти тюрки находились в составе войска, но затем в некоторых районах они осели и перешли к оседлому образу жизни.

В 1125 г. с востока пришли каракитаи. Сначала они поселились в районе Чугучака, а потом перешли дальше на юго-запад и заняли караханидскую столицу Баласагун. Представитель правящего киданьского рода Елюй Даши, бежавший от чжурчженей на север, объединил среднеазиатских каракитаев и, приняв титул гурхана, основал государство со столицей Баласагун. Власть гурханов простиралась на запад до Амударьи, на север – до

Балхаша. Каракитаи восприняли тюркский язык. В начале XIII в. государство каракитаев было захвачено тюрко-монголами, впоследствии они вошли в состав Золотой Орды и Узбекского ханства. Потомки каракитаев образовали роды в составе башкир, казахов, кыргызов, каракалпаков, узбеков и др. Итак, каракитаи сделали Баласагун главным городом каракитайского государства. Отсюда каракитаи и совершали свои набеги на запад – в Шаш, Фергану, долины Зарафшана и Кашкадарьи.

В 1138 г. каракитайский гурхан нанес под Ходжентом крупное поражение самаркандскому караханидскому хану Махмуду, ближайшему родственнику султана Санджара. Но каракитаи не пошли в глубь страны, а, ограничившись данью, вернулись домой. Мир, однако, не был долгим. В 1141 г. каракитаи вновь появились в Мавераннахре. На это раз отстаивать целостность Караханидского государства пришел султан Санджар. Объединенное войско Махмуда и Санджара стояло в Катванской степи, близ Самарканда. Главные силы были сконцентрированы в руках султана Санджара. Битва под Самаркандом закончилась полным поражением Санджара.

Каракитаи не закрепили за собой захваченной территории, не включили ее в состав своего государства: их интересовала дань, которую они ввели в порядке китайской системы обложения, т. е. по динару с каждого двора. Каракитаи всячески поощряли раздробленность Караханидского каганата. Постепенно Караханидское государство в Мавераннахре стало мифом, а вместо него возникали мелкие феодальные владения, причем караханидский хан фактически не мог даже претендовать на первое место среди них.

Султан хорезмшахов Мухаммед в 1210 г. победил каракитаев. Караханидский хан Клыч Арслан ибн Клыч после одержанной Мухаммедом победы над каракитаями прибыл ко двору Мухаммеда-хорезмшаха в качестве благородного вассала. Мухаммед-хорезмшах оказал ему хороший прием и выдал за него замуж свою дочь. В 1211 г. большим свадебным караваном в сопровождении большого хорезмийского отряда молодые отправились в Самарканд.

В 1212 г. в Самарканде произошло восстание против хорезмшаха, в котором деятельное участие принял и его зять хан Клыч. Большинство хорезмийцев было убито. Получив известие о восстании в Самарканде, хорезмшах немедленно выступил в поход. Город был взят и отдан войску на трехдневное разграбление. Султан казнил Клыч-хана – последнего западного караханидского хана. По этому поводу Джувейни писал, что на смерти Клыча настаивала сама царевна, его жена.

Так в 1212 г. пал Западный Караханидский каганат.

Государство Газневидов

Около ста лет (900–999 гг.) Хорасан и другие области, начиная от Сырдарьи до Багдада и от Хорезма до границ Индии, входили в состав ираноязычного государства Саманидов, центр которого был в Центральной Азии.

Вторую половину X в. саманидское правительство было занято борьбой с центробежными тенденциями. Власть пыталась противопоставить дехканам и феодальному ополчению тюркскую гвардию и новую военную знать из верхушки гулямов.

В это время, в 962 г., полководец Алптегин, выходец из тюркских гулямов, владевший почти 500 селениями и 100 тыс. голов лошадей, попал в опалу при саманидском дворе. (В разделе «Тюркские гулямы» мы довольно подробно останавливались на выдающихся исторических личностях – Алптегине и его преемнике – Себуктегине.)

Алптегин бежал в Газну и основал в Хорасане фактически независимое княжество. Окруженный почетом и славой, Алптегин умер в 966 г. После него править княжеством стал его сын Билгетегин (966–972 гг.), потом Пиритегин (972–977 гг.). В 977 г. на престол сел друг и соратник Алптегина – Себуктегин, который основал независимое государство Газневидов.

Итак, примерно в ту же эпоху, когда происходила исламизация Караханидов, на территории нынешнего Афганистана формировалось тюрко-мусульманское государство

Газневидов, по названию города Газни, его столицы. По правде говоря, сравнение между Караханидами и Газневидами наводит на мысль о структурных различиях между этими двумя формациями, тем не менее, у них одинаковое тюркологическое значение.

Себуктегин стремился к завоеваниям, поэтому правителем он был весьма деятельным. Его всегда привлекали княжества на севере Индии, посему свои первые походы, уже в роли правителя, он совершил именно туда.

Себуктин расширил владения путем захвата Балха, Кундуза, Кандагара, Кабула, и его сын, Махмуд (998–1030 гг.), пришедший к власти в возрасте 28 лет, наследовал уже значительное государство.

Напомним, что под ударами тюрков-караханидов в 999 г. прекратило свое существование государство Саманидов и прежние саманидские владения к северу и северо-востоку от Амударьи (Мавераннахр и др.) вошли в состав Караханидского государства, а области к югу и юго-западу от Амударьи (Хорасан, Табиристан, Систан и нынешний Афганистан) были захвачены Махмудом Газневи и вошли в состав Газневидского государства. После таких событий в 999 г. Махмуд был признан багдадским халифом в качестве независимого правителя.

Махмуд завоевал страну Нимруз, присоединил к Газне Хорасан, прошел Индию до города Сумнат, откуда привез статую главного идола индийцев – Маната. Махмуд первым в халифате получил титул султана. На весь исламский мир он прославился как сокрушитель неверных – кроме победы над индийцами, Махмуд усмирил еретиков в Иране, а затем очистил от них Керман, где бесчинствовали племена куджи и белужди. Махмуд имел лучшую в Халифате армию, что позволило ему пройти по долине реки Ганг до городов Муттра и Канаудж. Его государственный ум позволял в корне пресекать попытки подорвать авторитет законной власти и внести хаос в дела управления.

Халиф аль-Кадир пожаловал Махмуду маншур (грамоту) на владение Хорасаном и титулы Вали Амир аль-муминин, Йамин аддаула, Амин аль-милля. За победу над еретиками и казнь фатимидского проповедника Тахарти Махмуд получил еще титулы Низам аддин («Порядок веры») и Насир ал-хакк («Защитник истины»).

Итак, именно Махмуду принадлежит честь открытия Индии для мусульман, чего не смогли сделать арабы: это его почти загнанные кони пили воду из Инда.

Учитывая глубокую иранизацию Газневидов и принадлежность Гуридов к иранскому миру, можно предположить, что тюркизм не играл большой роли в средневековой Индии. Однако это не так. Если языком газневидского двора и, соответственно, двора Гуридов был персидский, то тюрки-рабы говорили только на тюркском и понимали только тюркский. Поэтому они, как и всюду, формировали свою аристократию, осознававшую свое единство, чьи индийские корни выражались в антропологических признаках; эта аристократия консолидировалась за счет браков, если не эндогамных, то всегда межплеменных. Было бы интересно узнать, откуда они происходят, какие воспоминания они хранили о своей культуре, поддерживали ли они отношения с тюркскими элементами, которые проникли в Индию задолго до походов Махмуда Газневи; начиная с VII в., они служили в армии короля Кашмира Харши (ум. в 647 г.), позже они появились в Балучистане и в других местах. В Южной Индии мусульман называли «турушка» – транскрипция слова «тюрок».

Династии Мамлюков в Дели пришел конец в 1290 г. Ее деяния были значительны, в частности она способствовала укреплению тюрко-афганского могущества на всем субконтиненте и проникновению ислама в массы индусов в форме мистического течения, суфизма. С ней связаны первые значительные мусульманские памятники в Индии, в том числе и те, что были возведены еще до ее прихода к власти.

Что касается завоевания Индии, то в 1000 г. Махмуд Газневи совершил первый набег, а в последующие годы регулярно – 17 раз – занимался этим: он аннексировал Пенджаб, уничтожил много княжеств, оставив за собой развалины, например, знаменитых храмов Матхуры, и вернулся в свою горную страну со сказочной добычей. Как доказал еще Александр Великий, Афганистан держит в руках ключи от всего индийского субконтинента:

величественные и дикие перевалы Хайбера – поистине королевский путь, ведущий туда. Его преемники, близкие и далекие, афганцы и турки, хорошо запомнили это. Англичане также не забыли этого, когда стали властвовать в Индии и зорко следили за тем, чтобы туда не проникли русские.

Престиж и богатство Махмуда Газневи были ни с чем несравнимы. Давно ислам не завоевывал таких важных территорий: Лахор, который при газневидском правителе во второй половине XI в. стал крупным культурным центром, – тому доказательство. Давно сокровища чужеземных дворов не поступали в мусульманские города, а сокровища Индии были неисчислимы. Таким образом, Газна – столица газневидов – превратилась в огромный город, соперничающий с Багдадом, а с ним вместе вознеслась метрополия исламской Азии.

К концу правления султан Махмуд был правителем обширной, включавшей огромные пространства от Ирака и Каспийского моря до реки Ганг и от Аральского моря и Мавераннахра до пустыни Раджпутаны. Большую часть своего тридцатилетнего владычества Махмуд провел в военных походах. Он совершил многочисленные походы в Центральную Азию, Иран, Систан и северные области Индии под лозунгом «священной войны» с индийскими идолопоклонниками и распространения ислама в Индии. Н. К. Синх в своем труде «История Индии» писал: «Семнадцать походов, которые были совершены Махмудом в Индию, сопровождалось невиданным ограблением и вывозом грандиозных богатств и сотен тысяч рабов. Однако к индусам Махмуд проявлял терпимость. Им были отведены особые кварталы в Газне, и разрешалось свободно справлять свои религиозные обряды. Разрушение индусских храмов в Индии было частью военной программы Махмуда, главной целью при этом был захват богатств, накопленных жрецами. Махмуд не делал каких-либо серьезных попыток присоединить к тюркским землям индийские территории. Присоединение территории было более сложным делом (в нем он не видел перспективу), чем разграбление отдельных городов и храмов. Тем не менее Махмуда можно по праву рассматривать как основателя тюркского государства в Индии и предшественника Мухаммеда Гури и Бабура. Безусловно, есть его заслуга в распространении ислама в Индии (сегодняшние Пакистан и Бангладеш берут свое начало от этих событий).

Цивилизация, которая развилась при Махмуде Газневи, была на голову выше той, что знали Караханиды, но ее особенность заключалась в том, что активизировался другой язык, не тюркский, а персидский, на котором в течение нескольких десятилетий общались только жители саманидского царства и который вдруг познал такой бурный расцвет. Дело в том, что газневиды, тюркские гулямы, верные многим своим традициям, были глубоко иранизированы и стали приверженцами иранизма. Со всех уголков мусульманского мира стекались сюда художники, поэты, ученые – интеллектуальная элита той эпохи. В Газне сформировалась классическая поэзия, основой которой была касыда, или панегирик. В Газне в 1017 г. поселился аль-Беруни – математик, астроном, врач, рожденный в Хорезме, самый великий мыслитель ислама; именно Махмуду посвятил Фирдоуси свою «Книгу царей», шедевр персидской литературы, огромную национальную эпопею, и нет ничего удивительного в том, что этот знаменитый правитель, несмотря на свою любовь ко всему иранскому, был ею недоволен, поскольку в ней довольно нелестно говорилось о тюрках, а в нем еще жила кровь его предков.

Махмудом Газневи восхищались как самым фанатичным из мусульман или как самым терпимым из тюрков, который, несомненно, был и тем и другим.

После смерти султана Махмуда в 1030 г. началась война за престол между его сыновьями – Масудом и Мухаммедом. Масуд (1030–1040 гг.) одержал в этой борьбе верх. Мухаммед был ослеплен и брошен в тюрьму.

В это время турки-огузы (сельджуки) стали селиться на территории Хорасана, что привело к столкновениям с местными жителями.

Масуд несколько раз посылал военные отряды против сельджуков, но, к удивлению всех, они были разбиты. В 1035 г. против сельджуков выступил сам султан Масуд во главе отборного войска. Масуд потерпел поражение и вынужден был передать сельджукам для

поселения районы Нисы, Феравы и Дехистана. Вскоре сельджуки потребовали у Масуда Мерв. Султан послал против них новое войско, но и на этот раз оно потерпело поражение. После чего сельджуки захватили Нишапур, и Тугрул-бек объявил о создании Сельджукского государства.

В мае 1040 г. две мощные армии двух тюркских государств встретились в бою в Данданакане, вблизи Мерва. Султан Масуд потерпел сокрушительное поражение и бежал по направлению к Лахору. По пути он был низложен своими же войсками и выдан своему слепому брату Мухаммеду – новому правителю, сын которого убил Масуда. Но Мухаммед и его сыновья потерпели поражение и были убиты сыном Масуда – Маудудом.

Маудуд не был способным правителем (1041–1049 гг.). Он не смог противостоять ни сельджукам, ни караханидам, которые теснили газневидов. Газневиды потеряли сначала Хорасан, а затем и северные части Газневидского государства. После смерти Маудуда, престол занимали один за другим четыре султана, но правление их было кратковременным. Неудачи в войне с сельджуками вынудили перевести столицу из Газны в Лахор.

Тем временем небольшое княжество Гура, пока шла война между газневидами и сельджуками, выжидало и готовилось к войне. Как только Газневидское государство ослабло, в 1173 г. правитель Гура Гийясуд-дин Мухаммед занял Газну. Мухаммед Гури был прирожденным завоевателем, и естественно, его привлекала своими богатствами Индия, но на пути завоевания Индии стоял Пенджаб со столицей Лахор. В 1179 г. Мухаммед Гури нанес поражение газневидскому правителю Пешавара и занял этот важный город, а в 1181 г. он вторгся в Лахор.

В 1186 г. Мухаммед Гури занял Лахор и заставил уйти с индийского трона последнего правителя газневидов Малик-шаха. Так закончилось свое существование государство Газневидов.

Конфликты между тюрко-мусульманскими государствами в XI в.

В конце первого тысячелетия христианской эры встал вопрос, приведет ли союз тюрков и ислама, который столь блестяще состоялся у Караханидов, к распространению мусульманства в Китай или, напротив, в сторону запада, поскольку две силы, направленные в противоположные стороны, создавали неустойчивое равновесие в Мавераннахре. Этот вопрос решился быстро. Обращение Караханидов в ислам особенно не изменило обычный ход тюркской истории, т. е. в постепенном продвижении с востока на запад. Конечно, в текстах XI в., особенно в работах Махмуда аль-Кашгари, взволнованно описываются великие сражения мусульман в Азии против неверных. Очевидно также, что Караханиды, которые не составляли единого фронта, будучи разделенными на княжества, вынуждены были вести борьбу с северными варварами (а их огромная масса все еще состояла в основном из язычников, как свидетельствует тот же Кашгари) и против уйгуров на востоке. Но единственную широкомасштабную экспедицию в этом направлении осуществил Кадир Кара Юсуф (ум. в 1032 г.), и она увенчалась взятием буддийского Хотана. Их больше интересовали завоевания Мавераннахра и Хорасана. Шла война между Ираном и Тураном, между оседлыми и кочевыми племенами, между иранизированными тюрками и арабизированными иранцами.

Саманиды на своих западных границах увязли в сдерживании буидов, шиитских правителей халифата, и не располагали силами, чтобы отразить «желтую опасность» караханидов, и не зря они призывали свое население к священной войне против «неверных», которые были такими же мусульманами и суннитами. Им ничего не оставалось, кроме как просить помощи у газневидов, своих прежних вассалов, которые, имея большие виды на Индию, сразу согласились взять просителей под свое покровительство, хотя и потребовали взамен Хорасан. В результате появились две державы, заинтересованные в их уничтожении: осенью 999 г. караханид Арслан Илек Наср, царь Узгенда, вошел в Бухару, пленил последнего саманида и захватил Мавераннахр.

Газневиды и караханиды остались лицом к лицу, один на один. Их соперничество за обладание Восточным Ираном было неизбежным, и это было на руку третьей стороне – сельджукам.

После нескольких лет миролюбивых, едва ли не братских отношений между двумя державами Арслан Илек Наср воспользовался отсутствием Махмуда Газневи, который в это время воевал в Индии, и захватил Хорасан и Бактрию, разграбил Нишапур и Балх. Так началась эта война, которую с большим трудом вели Махмуд и его преемник Масуд, одновременно прощупывая почву внутри караханидской страны и обхаживая брата своего врага, некоего Туган-хана. Кроме того, они воспользовались неожиданной поддержкой – наступлением катанов в Кашгарию (1017 г.).

Итак, подведем некоторые итоги. Прогрессивное экономическое развитие Ближнего Востока в X–XI вв. отсутствовало. Рост производительных сил ограничивался постоянными войнами. Если и были то здесь, то там «тихие» десятилетия, вслед за ними шли годы кровопролития, сметавшие часть накопленных материальных и культурных благ. В лучшем случае сохранился уровень, достигнутый при Аббасидах, да и то за счет талантов и трудолюбия таджиков, персов, арабов и хорезмийцев.

Социальные системы упрощались. Победоносные тюрки либо сохраняли свой быт, либо составляли войска султанов, живших очень неплохо за счет аборигенов, умиравших в сражениях.

В начале XI в. всей оседлой, земледельческой, цивилизованной частью мусульманского мира завладели: в Ираке и Западном Иране – дейлемито-арабо-персы – халифат; в Восточном Иране – тюрко-иранцы – Газневидский султанат; в Мавераннахре и Кашгарии – тюрко-таджики – государство Караханидов; в низовьях Амударьи – тюрко-хорезмийцы.

Тем не менее, в XI в. главенствующую роль в мусульманском мире играли сельджуки.

Государство сельджуков

В 985 г. племя кыныков из огузской конфедерации, под защитой крыльев коршуна – своего родового тотема, покинуло северные земли и разбило лагерь на правом берегу Сырдарьи, на территории, подконтрольной саманидам, или в близком соседстве с ними, а если быть точнее, в Джанде, городе, основанном, по преданию, мусульманами. Предводителем племени был некий Сельджук, отец которого был на службе у хазарского принца. Сведения о его происхождении есть в «Малик-намэ» («Книге царей»), ныне утраченной, но часто упоминаемой историками прежних эпох.

Сельджукское объединение сформировалось из тюркских племен, населявших бассейн среднего течения Сырдарьи и предгорий Каратау. Основное ядро этой группировки составляли огузские племена. Они вели кочевой и полuosедлый образ жизни. В дальнейшем их состав пополнился кыпчакскими и другими тюркскими племенами. Первоначально объединение насчитывало 24 племени: кынык, баюндур, ива, салур, афшар, бектили, баят, имур, язгыр, кара-булак, алка-булак и т. д.

Обосновавшись на новом месте, вождь огузов Сельджук ибн Кынык первым принял ислам. Процесс исламизации у огузов был неравномерным и затяжным. Основная масса нижнесырдарьинских и приаральских огузов фактически оставалась в тэнгрианстве. Более значительное распространение мусульманская вера получила среди огузов среднего течения Сырдарьи и западных окраин Семиречья. Мусульманская религия внедрялась сначала у полuosедлых огузов, да и то преимущественно среди господствующей верхушки.

Первые сельджуки, естественно, были на стороне Саманидов, хотя не гнушались переходить к их противникам, когда это было выгодно, и терпеливо подготавливали свое будущее величие, свое молниеносное появление на Ближнем Востоке, и этого можно было добиться только посредством исламизации, если не искренней, то хотя бы формальной.

Сельджук имел трех сыновей: Исраила, Михаила и Мусу. После его кончины титул главы «ябгу» получил его старший сын Исраил.

Историки отмечают, что Сельджук прожил сто лет, что же касается его преемников, то его сын Михаил умер молодым, Муса оказался нечестобливым. Семейство обязано своей славой сыну Исраила – Кутулмушу и двум сыновьям Михаила – Тугрул-беку и Чагрибеку.

К моменту перехода власти в руки преемников, сельджуки разделились на две группировки: первую возглавлял Исраил, вторую – Муса со своими племянниками Тугрул-беком и Чагри-беком.

В разгоревшейся войне газневидов с караханидами сельджуки встали на сторону последних. В 1025 г. Исраил был пленен Махмудом Газневи и отправлен в далекую Индию, в одну из крепостей Мултана, где и погиб. Согласно праву наследования место Исраила должен был занять Михаил, но его к тому времени уже не было в живых, поэтому титул «ябгу» перешел к Мусе.

Газневидское войско, напав на владения караханида Алитегина, разгромило заодно и сельджукские кочевья в окрестностях Бухары и рассеяло их по Мавераннахру и Хорасану. Одна из подвластных Исраилу огузских орд была переправлена Махмудом Газневи через Амударью и поселена на территории нынешнего Туркменистана. Возглавляли ее сельджукские роды, состоящие из 4 тыс. семей. Султан Махмуд обязал их нести военную службу и платить налоги за землю и пастбища.

В 1030 г., в период борьбы преемников Махмуда Газневи за султанскую власть, Масуд Газневи, стремясь увеличить свои силы, «перетянул» к себе часть сельджуков, которые поселились в Балханских горах. В 1031 г. эти отряды были направлены в Нишапур. Заветной целью сельджукских племен было обретение пастбищ и земель для поселения, за это они были готовы нести военную службу и платить налоги. Однако их отношения с султанскими властями и местным оседлым населением приобрели довольно сложный характер. Газневидские правители были не прочь использовать ополчения сельджуков в своих целях, превратив их в пограничные и карательные силы. Вместе с тем султан Масуд опасался вольного духа степняков. Желая превратить сельджукские ополчения в надежное и послушное войско, султан избрал план физического истребления гордых вождей и подчинения степняков предводителям, верным его трону. Жертвой султанского плана стали несколько предводителей сельджуков, а остальные вожди сельджуков рассеялись по областям Рея и Джибалия, а затем ушли в пределы Закавказья. Впервые в истории тюркские племена начали проникать на территорию современного Азербайджана не с севера, а уже с юго-востока, т. е. из Центральной Азии через Иран.

Репрессии султана Масуда против сельджуков настроили сельджукскую верхушку против газневидов. Сельджуки развернули военные действия в Хорасане. Одновременно с ними поднялись сельджуки, жившие в Ургенче и Дехистане. Воодушевленные слухами о действиях сородичей в Хорасане, поднялись сельджуки, жившие в районе Прикаспия. Борьба сельджукских племен с Газневидским государством, происходившая на территориях нынешних Туркменистана, Афганистана, Ирана и сопредельных областей Центральной Азии, носила стихийный характер. Основную массу сельджуков составляли простые кочевники, не имевшие общего военного и гражданского руководства. Их движения переплелись с другими антигазневидскими выступлениями в Центральной Азии и с наступлением тюрков-караханидов. Сельджуки действовали главным образом внезапными нападениями, а также в сочетании с операциями армейских отрядов караханидов.

В декабре 1034 г. в окрестностях Серахса произошло кровопролитное сражение между сельджуками и гвардией султана. Побоище закончилось отступлением сельджуков в юго-западные Кара-Кумы. Султан Масуд сурово расправился с захваченными в плен сельджуками, приказав растоптать их боевыми слонами. Под натиском газневидской армии сельджуки отступили от Абиверда и Нисы в Фераву, из Нишапура – к Балханским горам. Движение сельджуков, развернувшееся на обширной арене, пошло на убыль и стало постепенно затухать.

В начале 1035 г. в сельджукское объединение влились новые отряды огузов, кыпчаков и других племен – выходцев из нынешнего Центрального и Западного Казахстана. Во главе

всего этнополитического объединения стали: Муса, Тугрул-бек и Чагри-бек, но затем выдвинулся как более энергичный и дальновидный Тугрул-бек.

В мае 1035 г. 10 тыс. всадников-сельджуков, переправившись через Амударью, двинулись в Мерв и Нису. Газневидский визирь по этому поводу сказал начальнику государственной канцелярии: «До сих пор мы имели дело с пастухами, сколь возрастут неприятности, ибо нам предстоит испытания, теперь пришли завоеватели».

Битва произошла около Нисы. Сельджукское войско нанесло страшное поражение газневидской армии. Поражение под Нисой хорошо оснащенного султанского войска, которое по численности почти вдвое превосходило сельджукскую конницу, произвело ошеломляющее впечатление в Газне. После этого поражения Масуд согласился передать для поселения сельджукам районы Нисы, Феравы и Дехистана. Часть сельджуков, оставив Мавераннахр, с ордой и войском направились в Хорасан. В ноябре 1036 г. сельджукские вожди Хорасана обратились к султану Масуду с тем, чтобы он уступил им города на краю пустыни – Мерв, Серахс и Абиверд, за что обязывались нести военную службу. Свою просьбу они объясняли теснотой из-за притока новых огузов. Султан Масуд пришел в ярость от притязаний сельджукских вождей и объявил им войну.

Весной 1037 г. произошло крупное сражение в Мургабской долине. Газневидские отряды отступили, и сельджуки без боя взяли Мерв. Газневиды не могли примириться с потерей Мервской области: решающее сражение произошло в начале июня 1038 г. у ворот Серахса и завершилось позорным разгромом армии газневидов. После чего сельджуками без боя был занят Нишапур, где на имя Тугрулбека была прочтена хутба в мечетях.

1038 г. считается началом образования государства сельджуков, хотя борьба их с газневидами еще не была завершена.

В мае 1040 г. в битве под Данданаканом султан Масуд вновь был наголову разбит сельджуками. Сам Масуд едва спасся бегством. Сокрушительное поражение султана Масуда под стенами Данданакана ознаменовало рождение нового государства. Прямо на месте сражения был сооружен шатер, в котором установили престол, и Тугрул-Бек сел на трон. Вожди племен принесли присягу на верность Тугрул-беку как верховному правителю и султану Хорасана.

Тугрул-бек назначил своего брата Чагрибека главнокомандующим сельджукским войском. Их дядя Муса оставил за собой свой высокий титул. Дабы не случилось разногласий на почве двоевластия, решили собрать курултай, в результате чего возможность возникновения конфликта была исключена.

Что касается Данданаканской битвы, то победа открыла сельджукам дорогу в Северный Афганистан и Иран.

С тех пор события резко ускорили свой ход. Чагри-бек остался в Хорасане, чтобы управлять страной, не допуская возможного возвращения газневидов и сдерживая караханидов.

Характер ожесточенной войны носила борьба тюрков-сельджуков с тюркамигазневидцами за обладание Систаном и другими областями Северо-Западного Афганистана. В 1040 г. Систан был взят. В ответ в 1043 г. армия султана Маудуда вторглась в пределы владения Чагри-бека, в Хорасан, где имела незначительный успех, но в конечном счете сельджукские ополчения оттеснили газневидские войска. В 1043 г. сельджуки взяли Хорезм; в 1059 г. Чагри-бек умер.

Тем временем Тугрул-бек отправился на покорение Ирана. Между 1040 и 1044 гг. он захватил Рей и Хамадан. По пути Тугрул-бек столкнулся с туркменами Арслан Исраила, которые не пожелали признать его превосходство и ушли в Верхнюю Месопотамию, где их сильно потрепали курды и арабы. В 1059 г. он подошел к Исфахану и, за неимением осадных машин, взял его измором. Потом объявил Исфахан своей столицей. Теперь Тугрул-Бек был властителем Ирана, и ему надо было проводить свою политику, и начал он с похода, который можно назвать удивительным для тюрка: на Среднем Востоке, раздираемом распрями, Тугрул-бек показал себя гарантом порядка, но не грабителем. И он установил строгий

порядок на земле Дар аль-Ислама, которая имела для него первостепенное значение, грабительские же походы за добычей он совершал на византийские земли. Так, в 1048 г. Тугрулбек послал своего кузена по материнской линии Ибрагима ибн Инала в Малую Азию, а в 1054–1055 гг. сам водил туда войска. Возобновление «священной войны» позволило ему выступить в роли защитника истинной веры. Он решил играть такую же роль и внутри страны, объявив себя защитником халифа и суннитства. На взгляд неинформированного наблюдателя, и халифат, и суннитство переживали агонию, но этот тюрк видел, насколько сильны были в массах традиции мусульманской ортодоксии и авторитет халифата.

И вскоре Тугрул-бек был вознагражден. В 1055 г. его призвал на помощь тот, кто воплощал собой ислам, но уже не был его вождем, даже в Багдаде. Тугрул-бек вошел в Месопотамию, взял столицу империи, изгнал оттуда последнего буида. Благодарный халиф присвоил ему титул султана, который издавна употреблялся арабами, но, видимо, не присваивался официально. Получил он также титул «царя Востока и Запада». Таким образом, султану Тугрулу поручалось следить за порядком во всем исламском мире.

Многолетняя борьба между сельджуками и газневидами закончилась в 1060 г. заключением мирного договора. По условиям этого договора, стороны прекращали территориальные споры, каждая сторона довольствовалась «теми землями», которыми она обладала на момент заключения договора.

Войскам Тугрула еще не раз приходилось спасать халифат. Однако неожиданное событие – церемония, отпразднованная согласно тюркским обычаям, увенчала триумф победителя: Тугрул взял в жены дочь самого полководца всех верующих. Попробуйте представить себе свадьбу какого-нибудь старого царя – негра и юной дочери Капетинга или Габсбурга под грохот тамтама.

Тугрул-беку было 70 лет, смерть его была уже на пороге. Границы Сельджукского государства в это время простирались от Амударьи до Евфрата. Власть перешла к его племяннику Альп Арслану (1063–1073 гг.), который также унаследовал от Чагри-бека ключи от ворот Хорасана. Теперь империя Великих Сельджуков в Иране сформировалась окончательно.

Восхождение на трон Альп Арслана было сопряжено с трудностями, но эти трудности не повлекли за собой тяжелых последствий в будущем. Его главные соперники довольно быстро сошли со сцены, и Альп Арслан остался единовластным хозяином объединенной территории, которая включала родовой надел в Хорасане и обширные ирано-месопотамские владения его дяди.

Это был воин по природе своей, и, к счастью для себя, он доверил административную власть мирному человеку, иранцу Низам аль-Мульку (1018–1092 гг.). Тот оставался у власти и при преемнике, сыне Альп Арслана Малик-шахе. Это было счастливое время для страны, ознаменованное культурным расцветом Сельджукского Ирана в XI в.

Теперь главная задача заключалась в уничтожении Фатимидского халифата Каира, что соответствовало оборонительной политике Аббасидской державы и ортодоксальности – той политике, которую провозгласил Тугрулбек и которую намеревался продолжить новый властелин. Однако обстоятельства не позволили воплотить эту политику в конкретные дела. Следует отметить, что ни один план не был направлен против Византийской империи, если не считать укрепления границ, дабы избежать нападения с тыла во время похода на Египет. Но Малая Азия оставалась беспокойным и «злчным» местом, и султан не раз водил туда свои войска для того, чтобы дать воинам утолить воинственный пыл и собрать средства на оплату их жалованья; иногда там появлялись «сухопутные» корсары, подстрекаемые своим правителем, но чаще они действовали в собственных интересах, рискуя быть обнаруженными, даже когда их тайно поощряли к грабежам; огузские и другие кланы постоянно бесчинствовали в Иране, и с каждым разом их вылазки становились более жестокими, они были главной причиной нестабильности и беспокойства.

Напомним, что в 1048 г. Тугрул-бек направил против христиан своего кузена по матери, Ибрагима. В том же году был взят Эрзерум, что стало ужасной катастрофой для

армян. В самом деле, возможно, что это событие было началом нашествия на запад. По крайней мере, в последующие десятилетия туркмены, жившие в Азербайджане и Верхней Месопотамии, с небывалой свирепостью обрушились на Армению и на центральные районы Малой Азии. В 1054 г. они пришли в район Вана, в 1057 г. – в район Малатии, в 1059–1060 гг. появились у Сиваса, в 1062 г. снова окружили Малатию и вошли в Дьярбакир. В 1064 г. пала столица Армении, и на храме, одном из красивейших в городе, Альп Арслан приказал воздвигнуть полумесяц, один из тюркских символов, который много лет спустя стал эмблемой Османской империи, а через нее – всего исламского мира.

С этим пора было кончать. Во всяком случае, так думал базилеус Ромен Диоген, профессиональный военачальник. Едва надев на голову корону, он собрал большую разнородную армию – порядка 200 тыс. человек, – состоявшую из греков и других христиан, а также мощных отрядов тюркских наемников, в частности печенегов и огузов, и пошел на Иран. Альп Арслан, предвидя угрозу своим границам, двинулся навстречу с меньшими, но более подготовленными силами. 19 августа 1071 г. состоялась встреча к востоку от озера Ван, в верхнем течении Евфрата, в местечке Маникерт. К этому времени греки устали. По пути их деморализовали развалины, которые они видели повсюду. Они упустили маневр тюрков, и их предводитель оказался в руках противника. Ромен Диоген – базилеус, римский цезарь, попал в плен! Впервые в истории мусульманский султан пленил византийского императора.

Победа была абсолютной, не было никаких сомнений в том, что Альп Арслан без боя покорит всю Малую Азию. Но если тюрк победил грека, то он не победил его миф. Рим, который процветал за Византией, как и сам исламский мир, казался вечным, и даже теперь, когда путь был открыт, разгромить его не было никакой возможности. Султан пошел на хитрость: возможно, его действительно интересовал только Египет? Альп Арслан освободил императора без всякого выкупа, вернул ему все, что тот потерял за полвека постоянных поражений.

Воинственной политики придерживался Альп Арслан и по отношению к владениям Караханидов в Мавераннахре. В 1072 г. Альп Арслан из Мерва двинулся во главе мощного войска в сторону Бухары. Однако поход этот не был завершен из-за убийства Альп Арслана плененным комендантом одной из караханидских крепостей сразу же после переправы через Амударью. Войско, не выполнив поставленной задачи, вернулось в Мерв.

Преемник Альп Арслана – его сын – на троне Великих Сельджуков объявил о новой политической программе. Низам аль-Мульк был назначен визирем, а он сам взял себе имя Малик-шах (1072–1092 гг.). Тем самым он дал понять, что будет мусульманским царем и никем другим. Его называли «самой крупной жемчужиной в ожерелье сельджукских владык». Временем высшего политического могущества Сельджукского государства считается двадцать лет правления Малик-шаха.

Выдающиеся успехи его армий объясняются заслугами Малик-шаха как стратега, талантами его блестящих полководцев и стремлением народов к мирной жизни. На севере он аннексировал Мавераннахр и установил протекторат над Караханидами. На юге сурово наказал экстремистское мусульманское царство карматов Бахрейн и отобрал у халифа право охранять священные города ислама Мекку и Медину. В Верхней Месопотамии овладел Дьярбакиром, одной из самых укрепленных крепостей Востока (единственной в Турции, которая по сей день сохранила свои стены из базальта – внушительные и мрачные, несмотря на рельефы, украшающие их). Затем он вступил в Сирию, имея в виду дальний египетский горизонт.

В Сирии бесчинствовала шайка огузов во главе с неким Атсизом («Человек без имени», или «Человек без коня»), который взял Рамлу, Иерусалим (1071 г., затем 1077 г.) и Дамаск (1076 г.), после чего получил такой сильный удар от Фатимидов, что был вынужден обратиться за помощью к султану. Тот сразу послал в Сирию своего брата Тутуша, который восстановил ситуацию и вошел в Дамаск, где поспешил убрать Атсиза (1079 г.), а затем откликнулся на призыв жителей Алеппо, которым угрожало нашествие Сулаймана ибн

Кутулмуша. Он взял город и назначил губернатором Ак-Шунгкура, отца будущего Зенги, основателя династии, носившей его имя; именно этому человеку Алеппо обязан многим (в частности, своей оригинальной архитектурой). Наконец, в 1086 г. он вступил в Антиохию, где напоил своего коня водой Средиземного моря и поблагодарил Аллаха за все, чего он добился с его помощью.

Политическое влияние Сельджукского государства к концу XI в. достигло Египта, где правили Фатимиды, враждовавшие с сельджуками и халифами Багдада.

Сразу после апогея наступил упадок. Для Великих Сельджуков он начался в 1092 г., когда умер Малик-шах. Слабость этих восточных монархий заключалась в отсутствии четких правил наследования трона. Четверо сыновей монарха, Махмуд, Баркьярук, Мухаммед и Санджар были вовлечены в борьбу за власть, что послужило раздроблению государства.

Сразу после смерти Малик-шаха его жена Таркан-хатун захватила всю полноту власти. Получив поддержку со стороны эмиров, она назначила своего четырехлетнего сына Махмуда верховным сельджукским правителем. Таркан-хатун двинулась в Исфахан, где находился второй сын покойного султана от другой жены – двенадцатилетний Баркьярук. Таркан-хатун вступила в столицу империи, а Баркьярук, в сопровождении оставшихся ему верными эмиров и гулямов, бежал в Рей. Вокруг него сгруппировались небогатые, но стремившиеся к власти люди. Баркьярук при активном участии рейской знати был провозглашен верховным султаном.

В истории Сельджукского государства впервые появились два верховных правителя: Махмуд – в Исфахане и Баркьярук – в Рее. Двоевластие продолжалось недолго. В 1094 г. произошла решающая битва между армией Баркьярука и войсками Таркан-хатун. Баркьярук одержал победу и начал осаду Исфахана, где укрылись его противники. Вскоре умерла Таркан-хатун, а затем скончался от оспы ее малолетний сын Махмуд. Баркьярук получил инвеституру на верховную власть от багдадского халифа. Двенадцатилетнее правление Баркьярука было заполнено междоусобицами, ожесточенной борьбой за власть.

Баркьярук, еще в период борьбы с Махмудом, отдал во владения своему сводному брату Мухаммеду область в Азербайджане Гянджу. Укрепив власть в Азербайджане, осенью 1099 г., подстрекаемый своими визирями, Мухаммед двинулся против Баркьярука. Вскоре ему удалось захватить Рей. Мухаммед воссел на трон, а аббасидский халиф не замедлил огласить хутбу с его именем в Багдаде.

Жестокие военные столкновения между сводными братьями случились дважды, с переменным успехом. В результате чего в 1104 г. оба претендента на верховную султанскую власть заключили мирное соглашение, по которому оба брата именовались султанами, но верховным правителем объявлялся Баркьярук; Мухаммед помимо Азербайджана получил северо-западные провинции Ирана, области по Евфрату, Мосул и Сирию.

В процессе междоусобицы прекратились завоевательные походы, в связи с чем уменьшился приток богатств. Тюрки по-прежнему хранили верность племенным отношениям, шиитство доходило до крайности, исмаилиты Аламута ввели в систему политические убийства, которые совершались людьми, опьяненными гашишем – «гашишинами», – скоро это слово стало синонимом слова «убийца». Эти личности создавали государство в государстве, что ослабляло мощь сельджуков.

Между тем в 1092 г. в Северном Хорасане начал активно действовать сын Альп Арслана, Арслан Аргун, который при жизни отца был назначен эмиром Хорезма. Арслан Аргун воспользовался междоусобной борьбой своих племянников и других родичей и приступил к захвату Хорасана. В качестве предлога он выдвинул наследственное право на эту провинцию, которая некогда принадлежала его деду Чагри-беку. Он легко овладел в 1095 г. Мервом, Серахсом, Балхом, Термезом.

В 1096 г. султан Баркьярук снарядил своего сводного брата Санджара в поход на Хорасан против Арслана Аргуна. Арслан Аргун погиб, и Санджар почти без боя овладел Хорасаном, а затем был назначен его правителем.

В 1096 г. начался первый крестовый поход на Ближний Восток (см. «Тюрки и

Крестовые походы»). Кровавопролитные завоевания крестоносцев вызвали тревогу и озабоченность в государстве Сельджуков. Баркьярук решил готовить поход на Сирию и Палестину. Но междоусобица не дала возможности сельджукскому султану объединить в поход всех сельджукских эмиров и перейти к решительным действиям против крестоносцев. В 1105 г. Баркьярук умер. Несмотря на временную реставрацию центральной власти при Мухаммеде I (1105–1108 гг.), после смерти последнего брата Санджара власть себя дискредитировала.

Впрочем, все это не поколебало тюркское могущество. Напротив, в течение всего XII в. и в начале XIII в. положение тюрков еще больше укрепилось. Тот факт, что аббасидский халиф Ан-Назар (1188–1225 гг.) стал независимым властителем Багдада, а в Сирии, затем в Египте воцарилась династия Айюбидов, основанная знаменитым курдом Саладином (см. «Султан ислама»), в сущности, не имел серьезных последствий для тюркизма.

В царствование Санджара (1118–1157 гг.), последнего из Великих Сельджуков, достойного носить этот титул (он останется в силе до 1194 г., года смерти Тугрула III), дальневосточные народы, которые долгое время не вмешивались в дела Западной и Центральной Азии, снова вмешались в них косвенным образом.

Кидани, которые разгромили Кыргызское государство Орхона, покорили Северный Китай в 936 г., а в 1125 г. были вытеснены оттуда, забыли о своей китаизации, кстати сказать чисто поверхностной, вернулись к кочевому образу жизни и прошли через всю Центральную Азию под предводительством вождя с китайским именем Елюй Даши (около 1130–1142 гг.). По пути они покорили Турфан и Кучу, затем вышли к границам Караханидов. В то время те воевали с карлуками Или и кангли – тюркоязычным племенем, жившим на северном берегу Арала. Караханиды допустили ошибку, увидев в пришельцах своих возможных союзников. Елюй Даши вошел в Баласагун, сверг местного Караханида и занял его место. После чего взялся за остальных принцев царствующего семейства, захватил Кашар, Хотан, победил правителя Самарканда (1137 г.) и объявил себя гурханом, т. е. ханом конфедерации племен.

Санджар, сюзерен Мавераннахра, не мог сидеть сложа руки: он вмешался и был разбит. Так родилась новая степная империя, но империя буддийская, частично китаизированная, с тех пор носившая имя Каракитайская.

Поражение Великого Сельджука – Санджара – имело широкий резонанс, потому что казалось современникам поражением Ирана и всего ислама, триумфом Китая – иными словами, реваншем за битву при Таласе.

И действительно, антимусульманские репрессии, сравнимые с испанской Реконкистой, обрушились на эти, совсем недавно исламизированные земли. (На этом важном этапе в мировой истории мы остановимся подробнее в «Истоках „Желтого крестового похода“»). Именно тогда в среде левантийских христиан родилась, а затем распространилась вплоть до Западной Европы вера в таинственного Отца Жана, который должен был появиться в самом сердце Азии, чтобы сбросить ислам, и который несколько позже персонифицировался в образе Онг-хана христиан-кераитов в Монголии.

Последний великий султан сельджуков Санджар был побежден сначала каракитаями в 1141 г., затем балхскими огузами – в 1153 г., которые снова наводнили Иран, против него поднялись и другие племена, жившие в Бактрии.

Напуганные огузской смутой, правящие круги Центральной Азии и Ирана стали объединяться в военный блок. Его душой стал хорезмшах Атсыз, тезка завоевателя Иерусалима, тюркский вождь из устья Оксуса, плодородного и процветающего региона, давно исламизированного. Атсыз ваял себе старый титул шаха Хорезма и с неохотой подчинился сельджукскому диктату. Он вместе со своим сыном Иль Арсланом пошел на Хорасан, но безуспешно. В 1156 г. внутренние раздоры предводителей огузских племен помогли Санджару бежать из плена. Находясь в Шахристане, хорезмшах Атсыз узнал о бегстве Санджара из огузского плена и направил ему поздравительное послание.

Освободившись из плена, Санджар послал во все стороны гонцов с призывом присоединиться к нему. В Термезе, где укрепился султан, намечался план грандиозного

наступления на огузов силами хорезмшаха, правителей Гура, Систана, Табристана. Одновременно через Атсыза велись переговоры с огузскими вождями. Однако этому плану не суждено было претвориться в жизнь. В конце июля 1156 г. внезапно скончался Атсыз, оставив престол Иль Арслану. В Термезе собрались военачальники. Вместо того, чтобы осуществить план, разработанный Санджаром, они переругались, а потом перебили друг друга. Санджар поселился в своем пригородном замке Андаробе, располагавшемся под Мервом. Шансов на восстановление фактически распавшегося султаната уже не оставалось. Казна была пуста, войско не повиновалось одряхлевшему повелителю. От потрясений Санджар заболел и умер 29 апреля 1157 г. в Хорасане. Началась феодальная междоусобица. Почти тридцатилетняя борьба вождей огузов, хорезмшахов, гуридов Афганистана и других феодальных владетелей за обладание Хорасаном закончилась победой хорезмшаха Текеша.

К 1193 г. преемник Атсыза завладел Хорасаном, что дало ему возможность осадить царскую ставку сельджука Тугрула III, законного принца, которого считали узурпатором. Он разгромил его войска около Рая, в пригороде нынешнего Тегерана, и убил его. Сын Текеша, Ала ад дин-Мухаммед (1197–1220 гг.), выдающийся принц, сполна воспользовался плодами своих предшественников. Он начал войну против последнего караханидского принца, который все еще номинально правил. Это было начало заката империи каракитаев: она, вероятно, была слишком чуждой, чтобы продержаться долгое время. Кроме того, вдали уже появился монгольский призрак. В 1211 г. последнего монарха сбросил с престола его зять, найман Кючлюк, тюрк из Монголии, самый непримиримый враг Чингисхана.

Свои блистательные победы Мухаммед одержал в Восточном Иране. Там, в горах Гур, обитало дикое и гордое иранское племя, в котором исламской была только верхушка, но оно сформировало небольшое сильное государство, известное нам по названию их родины – государство Гуридов.

Конфликт между иранцами и тюрками, Гуридами и шахом Хорезма был неизбежен. Он разразился по поводу обладания Гератом в 1204 г. В 1215 г. Ала ад дин-Мухаммед захватил Газни и почти весь Афганистан. Благодаря этому в 1217 г. он осуществил победный поход в районы Ирана, где его с восторгом приняли независимые атабеки. В то время его империя, кроме Хорасана, включала в себя Мавераннахр, Афганистан и почти весь Иран. Он готовился идти на Багдад, но, чтобы выжить, ему приходилось оставаться под защитой неприступных гор. А к востоку от него собиралась самая свирепая в истории буря. И она смела его. И имя ей – Чингисхан.

Итак, обозначим основные факторы раскола Сельджукского государства:

– сельджукская правящая династия, после объединения тюркских народов и создания Сельджукского государства, стала опираться на иранскую чиновную и арабскую духовную знать. Сельджукские султаны перестали соблюдать тюркские традиции, огузских вождей больше не вызывали на курултай для решения важных государственных дел, предпочитая правление по персидскому образцу, где шах был единоличным правителем. Все это, в свою очередь, развивало сепаратистские тенденции среди огузских вождей и отделяло султанов от основной массы своих тюркских сородичей;

– объединение всех народов и племен вокруг ислама и на основе этого создание мусульманской империи во главе с халифом не выдержало испытания временем. Халифат распался. Нужна была новая идея. У сельджукских правителей ее не было, и в продолжение прежней идеи о всеобщей мусульманской державе они усилили старую борьбу за чистоту ислама (суннитского направления);

– у огузов, принявших ислам в Сельджукском государстве, тюркские традиции уходили в забвение, национальные чувства притуплялись, заменялись религиозными. Новые поколения теряли свои исторические и национальные корни древней культуры, традиции предков;

– начиная войну с исмаилитским тайным орденом, сельджукские правители не доводили ее до победного конца, а это не только отражалось на престиже государства, но и ослабляло его, так как исмаилиты запугивали и расправлялись с лучшими сельджукскими

воинами. Имам исмаилитов – «горный старец» направлял своих убийц на самых талантливых и энергичных эмиров. Места убитых занимали менее способные, а то и вовсе бездарные. Исмаилиты в этой войне не победили, тем не менее такой целенаправленный геноцид за 50 лет подорвал генофонд и этническую систему Сельджукского государства.

Сельджуки Малой Азии

Победа при Маницкерте, нашедшая на Востоке шумный отзвук, передала Малую Азию сельджукам. Огузы легко и быстро проложили дорогу в глубь страны, отряды акынды (налетчиков) временами лавинами подступали к Черноморскому проливу, к воротам столицы Византии – Константинополю.

После битвы при Маницкерте греки, лишившись своей мощи, вынуждены были вступить в союз с тюрками. Это не представляло для них большого труда. Они не видели в тюрках ни своих исконных врагов, какими являлись иранцы, ни приверженцев враждебной религии, какими были арабы; они давно знали их как варваров, которые угрожали границам Европы, как наемников, служивших в их собственной армии, наконец, плоскогорье Малой Азии, в достаточной степени разграбленное, мало интересовало их, так как они тяготели к побережью, где порты давали им богатство и силу. Достаточно было контролировать действия тюрков и уменьшить исходившую от них опасность. С этой целью они использовали старый метод, метод китайцев и римлян – он заключался в том, чтобы сделать их членами федерации на принадлежавших им же самим землях. Это рискованный и поистине безумный ход, который никогда не приводил ни к чему хорошему, но к которому всегда прибегали, поскольку другого не было, а иллюзии никогда не умирают!

Когда византиец Алексей Комнин сел на трон в 1081 г., через десять лет после Маницкерта, он отважно взял на вооружение этот метод и отдал своему верному союзнику, сельджуку Сулайману ибн Кутулмушу, город Никею (по-тюрки Изник), расположенный всего в нескольких километрах от Босфора, в качестве столицы!

Сулайман, как указывает арабское слово «ибн», был сыном того самого Кутулмуша, который стал соперником своего младшего кузена Альп Арслана. Двое из его братьев находились в плену у Альп Арслана в Иране. Третий, Мансур, тоже союзник Мишеля VII (1071–1078 гг.), нашел убежище на землях Альп Арслана, откуда продолжал угрожать своему могущественному родственнику, пока не был разбит и не погиб от руки бывшего тюркского губернатора Багдада Бурсука, посланного Малик-шахом, преемником Альп Арслана. Поэтому Сулайман оказался единственным наследником, который был на свободе из всей этой ветви славного семейства. Сулайман был гетеродоксом, или маловерующим мусульманином, и жил либо в горах Тауруса, либо на равнинах, расположенных у их подножья, при этом он не пользовался покровительством Великих Сельджуков, которые были не прочь привязать это семейство к своей империи. Он оставался союзником Византии, и местное население с симпатией относилось к нему.

Быстрыми военными успехами Сулайман обязан раздорам между византийскими полководцами, которые часто призывали тюрков к себе на помощь. «Завоеватель Анатолии» – так титулуют Сулаймана арабские историки.

Устраиваясь в Никее, сельджуки хотели занять дорогу, прервать связь между Константинополем и Малой Азией (и Сирией, куда они сначала направляли взоры).

Подводя итоги исследованию о водворении сельджуков в Малой Азии, византист Лоран заключает, что «в 1081 г. Румский султанат существовал, столицей у него была Никея, и Сулайман – основатель и первый государь».

Сулайман привлекал к себе авантюристов. Их прельщало его имя и славные восхождения к вершинам власти. Это были своего рода бродяги, искатели приключений, и Сулайман предоставил в их распоряжение деревни, а сам взял под контроль города. Таким образом, у него были немалые силы, народная поддержка и, наконец, Никея, престижный столичный город. И он сполна воспользовался этим. В 1084 г. Сулайман захватил Икониум и

назвал его Кония, затем напал на Малую Армению Киликии, образовавшуюся в результате исхода жителей из Большой Армении после взятия Ани и сражении при Маницкерте, а если быть точнее, ее основал один искатель приключений по имени Филарер Вахрам, по-гречески Брахамиос, который прихватил себе княжество к югу от Малатии. В 1085 г. он взял Антиохию, чем вызвал большой переполох во всем мире, ведь еще не был забыт тот факт, что именно там ученики Иисуса в первый раз назвали себя христианами. Можно ли было допустить, чтобы храм Святого Петра был превращен в мечеть?! Агностик Сулайман умел, когда было нужно, показать себя хорошим суннитом. И он двинулся на Алеппо. Население обратилось за помощью к Великим Сельджукам. И те пришли. Сулайман был убит у стен города, а его сына Кылыч Арслана увели в плен. Захваченные города вновь стали независимыми и перешли в руки армян. Все закончилось хорошо, едва начавшись. Но все еще было впереди.

Теперь сельджуки прочно осели в Малой Азии. Это уже не кочевники, бродящие с места на место, занятые исключительно поисками пастбищ. В Малой Азии вырастают государственные тюркские образования. Великий сельджук Альп Арслан, продвигаясь по Малой Азии, успел раздать византийские земли военачальникам – так подчинили они себе в конце XI в. Центральную Малую Азию, Армению, Грузию; во власти греков были только приморские города. И все это – враги Византии, и все они хотят оттеснить греков, тем самым облегчая сельджукам внедрение на территорию Византии.

Почему сельджуки, так быстро и победоносно прокатившиеся через Малую Азию, задержались в Никее? То ли временно иссяк приток свежих сил из Хорасана? То ли они встретили здесь отпор со стороны византийских военачальников, понявших, что занятие Константинополя положит конец государству? То ли Малая Азия нужна была сельджукам только как заслон на западе, а взоры их были устремлены сначала на юг – на Иерусалим? То ли смутны были еще для них планы о мировой торговле, о мировом господстве, развернувшиеся потом, в первой половине XIII в.? Вероятно, здесь действовало все разом. Во всяком случае, «тюркская опасность» была реальна. Византия переживала критический момент (об этом более подробно см. в «Тюрки и Крестовые походы»). Какая ужасная эпоха для Византии! В этой связи интересным представляется следующий исторический факт.

В то самое время, когда империя терпела поражение у иранских границ, она была объектом самых яростных в Европе атак со стороны печенегов. Для ее спасения необходимо было появление новых варваров, кыпчаков, которых славяне называли половцами, а латиняне – команам. Под предводительством Тогортаки и Маниака – история сохранила их имена – они вступили в Грецию и 29 апреля 1091 г. нанесли поражение печенегам; оставшиеся в живых после этого побоища навсегда исчезли весной 1122 г. под ударами Иоанна Комнина. Вот так кыпчаки помогли византийцам.

Немного подробнее остановимся на этом народе. Кыпчаки относились к нордическому типу, имели светлую кожу, белокурые или рыжие волосы: «половец» означает «бледный дикарь». По мнению некоторых историков, они происходили от племен сари (желтые люди) и обитали – в 850 г. – к востоку от бассейна Тарима. По мнению других, это кочевники, родичи огузов, представители одной из ветвей конфедерации иртышских и обских кимеков, которые по неизвестным причинам в XI в. начали перемещаться на запад, вызвав тем самым дестабилизацию среди северных огузов, и без того раздираемых распрями.

Несмотря на то что какая-то их часть ушла вместе с сельджуками, огузы все еще занимали большие степные земли, которые простирались от границ с Булгарским царством на Каме и с хазарскими владениями на нижней Волге до страны карлуков на востоке. Внезапный уход кыпчаков заставил их двинуться к Дунаю. Они форсировали его – по некоторым сведениям их насчитывалось 600 тыс. – и потерпели на Балканах поражение от коалиции народов юго-восточной Европы. А за ними шли кыпчаки.

В 1054 г. появление кыпчаков отмечено к северу от Черного моря, на равнинах Украины, где они прочно обосновались, а эти земли с XI по XV вв. стали называться Кыпчакскими степями (Дешт-и-Кыпчак).

Их постоянные набеги на славянские княжества были одним из основных сюжетов старых славянских хроник. Киевские анналы зафиксировали не менее пятидесяти крупных набегов на русские земли с 1061 г. по 1210 г., не считая небольших. «Слово о полку Игореве» – национальная эпопея, в которой взволнованно и лирично повествуется о кампании русских войск 1185 г. Но князь Игорь, герой Древней Руси, сам на три четверти был половцем, родным языком его матери был тюркский!

В русской литературе люди, которых называли половцами, чаще всего изображаются варварами. Это справедливо в той мере, в какой их основная масса вела кочевой образ жизни, в той мере, в какой они, оставаясь в стороне от мощных цивилизующих потоков, хранили свои древние традиции. Но не следует забывать, что среди них были и земледельцы, и торговцы-горожане. Их главные стоянки находились на Нижней Волге, там, где хазары основали активные торговые центры. Торговля осуществлялась по реке с булгарами, а еще дальше – с русскими государствами на севере; по сухопутным путям они торговали с Хорезмом и русскими, жившими на Днепре; через Судак, их самый крупный порт на побережье Крыма, велась торговля с Византией и Анатолией. Не тюрки создали эту обширную торговлю, которая находилась прежде всего в руках мусульман, но тюрки извлекали из нее пользу: налоги на товары составляли их главный доход. Торговали не только мехами, но и стрелами, древесиной, головными уборами, рыбьей чешуей, амброй, выделанными кожами, медом, орехами, оружием, скотом, рабами – все это проходило через Кыпчакские степи. Особую ценность составляли рабы – как политическую, так и экономическую. Булгар и Итиль представляли собой крупные рынки или перевалочные базы для больших караванов невольников. Жители Волги охотились друг за другом, брали в плен друг друга и продавали чужеземцам. В странах восточного исламского мира, шахи Хорезма, Караханиды, особенно арабский Египет, покупали их в большом количестве для формирования своих войск.

Но обратимся вновь к сельджукам Малой Азии. Итак, конец XI в. Сельджуки не одни пришли в Малую Азию, но их интересовал только великий путь на юг, который, начинаясь от Эгейского моря, идет через северные отроги Тауруса к портам Киликии, и они пришли сюда с юго-востока. Между тем после Маниккерта путь на северо-восток был открыт, и по нему, как волны, устремились племена. Сначала по этому пути продвигались армяне, которые основали Малую Армению Киликии, затем греки, которые спасались в горах, на берегу Средиземного моря. Те, кто остался на месте, сумели сохранить свою идентичность или постепенно смешались с тюрками, придав им новые антропологические черты.

Что касается племен, они начали расселяться в городах только в начале XII в., окрестности же оставались местом проживания кочевников, к примеру туркменов, потому что местность не отличалась от равнин Ирана или Центральной Азии. Так формировались многочисленные княжества: княжество Салтукидов Эрзерума (1103 г.) под номинальной властью Великих Сельджуков, княжество Менгюджедидов Эрзинджана (1118 г.), княжество Артукидов Верхней Месопотамии в Дьярбакире, Мардине, Майафарикине (нынешний Силван), наконец, княжество Данишмендов (1084 г.), которое властвовало на всем треугольнике, образованном городами Кайзери, Сивас и Амазия.

Данишменды, сыгравшие важную роль в Малой Азии, особенно в качестве опасных соперников сельджуков, известны нам по «Данишменд-наме», произведении XIII в., от которого остался только обработанный вариант, сделанный в XIV в., – это не исторический труд, а своего рода эпос, украшенный фольклором. Данишмендов считали то иранцами, то армянами, что не соответствует действительности, потому что (и не только поэтому) их ономастика – чисто тюркская. Возможно, это – тюрки, потомки Тугрул-бека, тем более что все крупные кланы или семейства того времени стремились причислить себя к победителям в битве при Маниккерте.

Усилия сельджуков выйти за пределы Малой Азии – как на запад, так и на восток – привели к созданию большого царства Рум.

Кылыч Арслан I после смерти Малик-шаха, забыв о том, чем он обязан Византии, начал

свое царствование с того, что предпринял жестокий поход на византийцев сначала по суше, затем по морю, построив в Смирне и Фосее свои корабли. Но поражение от крестоносцев (о которых речь пойдет в следующей части) и оккупация эгейского региона византийцами показали ему, что путь на запад закрыт. По этой причине он решил открыть дверь на восток. В 1106 г. он взял Майафарикин у Артукидов и Малатию, которую он давно хотел прибрать к рукам. По просьбе жителей Мосула он вошел в этот крупный иракский город и провозгласил себя султаном (1107 г.), таким образом оправдавшись за поражение при Дюрилее и открыто заявив о себе как о враге Великих Сельджуков Ирана. Там Кылыч Арслан и нашел свою смерть: потерпев сокрушительное поражение, он обратился в бегство и утонул, спасаясь от преследования. Вместе с ним рассеялся восточный мираж сельджуков Рума. Им пришлось довольствоваться Анатолийским плоскогорьем. Но теперь им надо было и здесь стать настоящими хозяевами. Честь открытия эпохи завоеваний принадлежит Кылыч Арслану II (1155–1192 гг.). В начале своего правления он отправился в Константинополь и объявил себя вассалом базилеуса (1162 г.). Затем он выступил против Данишмендов, победил их, захватил Элбистан, Ларенд (нынешний Караман), Кайзери, Чанкири, Ансир (Анкара), Мараш и Сивас. Прежде чем исчезнуть из истории, Данишменды сделали последнюю попытку и обратились за поддержкой к византийцам, которых к тому времени начали беспокоить успехи так называемого вассала.

Дело обстояло следующим образом. Первые Комнины (Алексей и его сын Иоанн) часто предпринимали походы в Малую Азию. Прирученные, казалось бы, ласками константинопольского двора, сельджуки методично терзают Византию. А когда воцарился Мануил I Комнин, страдавший «цесарской мечтой», совершилась ошибка, погубившая Византию.

Ошибка, допущенная императором Мануилом, несла фатальные последствия, но Византия, быть может, должна была так поступить: из Европы шли крестоносцы, и Византия хотела показать, что она – хозяйка у себя в Малой Азии и те, кто идет к ней за помощью, могут безопасно пересечь страну, чтобы попасть в Палестину.

Мануил хотел очистить крестоносцам путь в Палестину через владения сельджуков. Но поражение у Мириокефалоне (1176 г.), когда греков, как замечает Никита Акоминат, заперли и рубили как стадо баранов, разрушило последнюю надежду на вытеснение сельджуков из Малой Азии. Султан Кылыч Арслан II, однако, почему-то пощадил Византию и заключил мир, но разгром Византии был очевиден.

Итак, в ноябре 1176 г. в ущелье Мириокефалон греки вновь потерпели поражение от тюрок: сто лет спустя после Маницкерта мир окончательно понял, что тюркское завоевание – это не просто случайный эпизод. Малая Азия, где собрались племена, пришедшие из Центральной Азии, с полным правом стала называться тюркской. Надвигалась, однако, опасность изнутри – опасность самоуничтожения: султан Кылыч Арслан II, в старости ослабев, разделил государство между детьми на двенадцать уделов, в результате чего оно рассыпалось, но ближайшие его преемники – сын и внуки – вновь объединили его, и рассыпанная хранина поднялась опять на большую высоту.

Сыновья султана Кылыч Арслана в свою очередь тоже раздавали города братьям и детям, но это уже не были уделы; члены семьи Сельджуков были феодалы, подвластные сюзерену-султану.

Единство восстановилось при Хосрове I (1192–1196 гг. и 1204–1210 гг.) и при Ала эддин-Кайкубаде (1219–1237 гг.), которые привели сельджуков Рума к вершине славы.

Адалия (Анталия) была отобрана у венецианцев (1207 г.), Синоп – у греков, Киликия и Каланорос снова были названы Алайя (Алания), успехи на северных и южных морях сделали царство Рум мощной морской державой, а взятие Эрзинджана и Эрзерума (1240 г.) открывало торговый путь в Иран и на Дальний Восток.

Крупное социально-религиозное восстание Баба Исхака, охватившее страну от Тауруса до Малатии и Амазии, которое потребовало в течение двух или трех лет участия лучших сельджукских войск, а также франкских отрядов (около 1240 г.), представляло собой всего

лишь своеобразный призрак процветания.

Политическая мощь сельджуков была добыта упорной борьбой.

Постепенно туркменские феодальные княжества, возникшие в Малой Азии, были поглощены сельджуками.

Потребовались, однако, годы войн (ушло на это двенадцатое столетие) пока сельджуки устранили в Малой Азии внутренних врагов, кольцом окружавших их владения, – христиан (греков и армян) и мусульман (артукидов, данишмендов).

Тем временем уже вырисовывается огромная тень воинов Чингисхана. Хотя никто тогда не мог предсказать столь катастрофические времена. Зимой 1242/43 г., удалившись далеко от своих баз, донельзя истощенные, войска Чингисхана вошли в Месопотамию, и их полководец Байджу взял Эрзерум, что позволило ему весной дойти до Малой Азии. Сельджуки понимали, что им надо делать, потому что страна в течение десятилетий служила убежищем масс, спасавшихся от страшной опасности, и они призвали под свои знамена всех анатолийцев, франков, жителей Никеи и Трбизонда – все, что оставалось от Византийской империи после взятия Константинополя крестоносцами. Их султан Хосров II (1237–1246 гг.) развернул свои войска, не дожидаясь подхода союзников, в районе Кезе Дага, ущелья в провинции Эрзинджан.

Байджу, используя обычную хитрость кочевников, сделал вид, будто начал отступать, но 26 июня 1243 г. армия сельджуков перестала существовать. Тюрко-монголы захватили Сивас и Кайзери. Султан сбежал в Анкару, которая была неприступной, так как находилась среди пустыни. Гибкая и стремительная политика великого визиря и одновременно первого министра спасла страну от опустошения. Он встретился с Байджу на южном берегу Каспийского моря и провел переговоры: он согласился быть вассалом и платить ежегодную дань золотом и серебром. Сельджукская империя Рума просуществовала еще полстолетия, но уже в униженном положении, в качестве вассала.

Сельджуки в халифате играли ту же роль, что славяне в Византии при Македонской династии, а туареги и берберы – в Испании при последних Омейядах. Не претендуя на оригинальность, сельджуки мужественно выполняли свой долг. Именно сельджуки отбросили греков за Босфор, победив лучшего полководца Византии Мануила Комнина, они же отразили натиск крестоносцев и остановили первую колониальную агрессию французов и итальянцев в Палестине, чем продлили существование халифата до середины XIII в., т. е. до вторжения Чингисхана.

История сельджуков представляет разительный пример быстрого возвышения и падения: вынырнув во второй половине XI в. из Хорасана, они весь XII в. провели в борьбе, и были моменты, когда весы истории склонялись на сторону данишмендов, вырывавших из их рук господство в Малой Азии, однако сельджуки, используя противоречия между противниками, удержались и из Коньи – малоазиатской срединной степи – распространились и на запад, и на север, и на восток, и на юг.

Старая область приграничников – борцов за веру превратилась в государство, поднявшее в Малой Азии культуру на большую высоту: в течение полувека были созданы величественные памятники, которые пережили своих творцов.

Хорезмшахи

Хорезм в X в. оставался полунезависимым владением в составе Саманидского государства. Когда караханидское завоевание привело к падению династии Саманидов и распаду огромной территории Саманидского государства, Хорезм, благодаря своему окраинному положению, не вошел ни в Караханидское, ни в Газневидское государство. Предоставленный самому себе, Хорезм оказался в весьма благоприятных условиях для своего дальнейшего роста, так как находился на перекрестке торговых путей из Поволжского региона через Центральную Азию в Моголистан и Китай, с одной стороны, и в Иран – с другой. Кроме того, Хорезм вел торговлю с кочевой огузской степью, которая поставляла на

пограничные хорезмские рынки скот, мясо, шерсть. Вследствие этого страна богатела, в особенности города.

До 996 г. Хорезм разделялся на две части – Южный и Северный Хорезм. Столицей Южного Хорезма был древний город Кят, где восседал правитель с титулом хорезмшаха, столицей Северного Хорезма был Ургенч, который являлся местопребыванием эмира.

В 996 г. правитель Северного Хорезма Мамун ибн Мухаммед объединил эту небольшую, но богатую и культурную страну в единое государство, принял титул хорезмшаха, а столицей страны сделал Ургенч. Мамун ибн Мухаммед (995–999 гг.) взял курс на усиление независимости и военного могущества Хорезма.

Правитель газневидов Махмуд Газневи, прекрасно понимая возможности Хорезма, учитывая его богатства, уровень культуры, стремился превратить его государя в покорного вассала, посему выдал своих двух сестер замуж за сыновей Мамуна ибн Мухаммеда, рассчитывая, что в качестве близких родственников они будут сговорчивее в политических вопросах. Вскоре, в 1014 г., визирь султана Махмуда Газневи в очень деликатной форме, как бы от своего имени, в разговоре с послом хорезмшаха высказал пожелание, чтобы хорезмшах ввел в своих владениях хутбу на имя султана.

Положение хорезмшаха Мамуна ибн Мамуна (999–1017 гг.) было чрезвычайно сложным. Хотя он считал отказ делом безнадежным, однако выполнить предписание Махмуда, равносильное потере независимости Хорезма, не решился, боясь восстания собственного народа. Положение осложнялось еще и тем, что Караханиды явно стремились вмешаться в назревающий конфликт.

Мамун ибн Мамун, понимая, что Махмуд Газневи требует от него полного повиновения, приказал читать хутбу на имя последнего, но лишь в Нисе и Фераве, которые только недавно вошли в состав Хорезма, и в ряде других городов, не имевших политического веса в стране. В Кяте же и в Ургенче это мероприятие он провести не решился, опасаясь восстания народа, который не желал терять свою независимость. Султану Махмуду были отправлены шейхи, казии и вельможи и с ними 80 тыс. динаров и 3 тыс. коней.

Половинчатая политика, однако, не спасла ни страну, ни тем более хорезмшаха: весной 1017 г. войско пошло на столицу, в результате чего хорезмшах был убит. Военный конфликт между Хорезмом и султаном газневидов был очевиден; хорезмийцы были разбиты войском Махмуда Газневи под Хазараспом, затем победители двинулись на столицу Хорезма, взяли ее, после чего правителем Хорезма, с сохранением титула хорезмшаха, был назначен тюрк по происхождению, служивший у султана Махмуда, – Алтунташ.

Завоевание Хорезма было большим дипломатическим и военным успехом Махмуда Газневи. Если до 1017 г. караханиды могли считать себя сильнейшим соперником Газневидского государства, то теперь соотношение сил явно склонилось в пользу последнего.

С учетом географического положения Хорезм всегда был фактически независимым государством, особенно когда во главе области стоял такой опытный военачальник и правитель, как Алтунташ. Назначенный заместителем Хорезма, Алтунташ успешно отражал набеги соседних тюрков-кочевников, среди которых появились кыпчаки, и, будучи дальновидным политиком, он принял на службу несколько отрядов из представителей этого народа. Кроме того, Алтунташ, подобно своему государю, не жалел денег для покупки тюркских гулямов в свою гвардию. Численность гвардии Алтунташа вызывала опасения Махмуда, хотя Алтунташ продолжал признавать себя подданным Газневидского государства. Махмуд стал сознавать, что, опираясь на свое войско, Алтунташ может в любое время организовать восстание и не обращать внимания на приказы, присланные из Газны.

После смерти султана Махмуда Газневи престол Газневидского государства занял Масуд. Масуд продолжил план своего отца – отнять Мавераннахр у Алитегина, при этом предполагалось поручить завоевание Мавераннахра Алтунташу. Весной 1032 г. Алтунташ, по приказанию султана, вступил с войском в Мавераннахр. Султан послал ему из Балха вспомогательный отряд из 15 тыс. человек. Алитегин, оставив Бухару, отступил к Дабуси,

здесь к нему присоединились огузы с сельджуками во главе. Произошла битва, где Алтунташ был смертельно ранен, и только благодаря искусству его визиря, войско благополучно вернулось в Хорезм. Смерть хорезмшаха последовала еще до начала отступления.

Бартольд писал: «После смерти Алтунташа Масуд не решился отнять власть у его потомков, хотя и принял меры к уменьшению этой власти. Титул хорезмшаха получил сын Масуда Саид, а Харун, сын Алтунташа, должен был править в Хорезме только в качестве представителя царевича. Почетные дары, полученные Харуном, составляли только половину того, что получил его отец».

Харун вступил в соглашение с Алитегином и сельджуками и в августе 1034 г. открыто выступил против султана, отменив хутбу на его имя. Выступив вместе с сыновьями Алитегина в 1034 г. против газневидов, Харун был убит.

В 1043 г. многочисленное сельджукское войско во главе с Тугрул-беком и Чагри-беком вторглось в пределы Хорезма и осадило Кят. Хорезмская знать и измученные лишениями горожане выразили покорность сельджукам.

В XI в. и в первой половине XII в. Хорезм входил в состав государства сельджуков и мог возвыситься лишь в борьбе с сельджуками. Возвышения Хорезма не произошло бы, не будь Караханидское государство в упадке, в противном случае Хорезму пришлось бы иметь дело не с одним сильным противником, а с двумя: две такие могущественные династии, как Сельджуки и Караханиды, никогда не допустили бы возвышения Хорезма и образования в Центральной Азии нового крупного государственного объединения.

В конце 30-х гг. хорезмшах Атсыз (1127–1156 гг.) начинает борьбу за полную независимость Хорезма. Его заслуга перед Хорезмом заключается в том, что он успешно противостоял такому могущественному правителю, каким был сельджукский султан Санджар. Хорезмшах Атсыз умел использовать любую слабость своего сюзерена и вместе с тем противника. Заканчивался ли неудачей поход Санджара против кого-нибудь из его соседей или в его государстве начинались какие-либо внутренние осложнения, Атсыз уже извлекал из этого пользу для укрепления независимости и могущества Хорезма.

Именно в это время стали тесными связи между халифатом и Хорезмом: халиф видел в хорезмшахе возможного союзника в борьбе против сельджуков, посему отношение Санджара к Атсызу резко изменилось.

Как и другие вассалы Санджара, хорезмшах Атсыз, будучи владыкой Хорезма и земель, пограничных с «неверными» кочевыми тюрками, был обязан постоянно совершать на них набеги, но только с согласия или по приказу сюзерена. Самостоятельные шаги в данном случае не допускались. Однако хорезмшах нарушил этот приказ и для увеличения своего влияния и территории он начал войну с кыпчаками и огузами, не испросив на то разрешения султана Санджара. Он захватил земли подвластных сельджукам тюрок по нижнему течению Сырдарьи, включая город Дженд, и продвинулся на север, присоединив к своим владениям Мангышлак. Это было, по существу, первое независимое действие Атсыза по отношению к его сюзерену Санджару.

Когда султан Санджар узнал о своеволии хорезмшаха Атсыза, он решил проучить непослушного владыку и в октябре 1138 г. двинул свои войска на Хорезм. Он не мог поступить по-другому, иначе для других вассалов – Караханидов и Газневидов – это был бы повод для независимых действий.

Битва произошла 15 ноября 1138 г. у стен крепости Хазарасп. Хорезмское войско, состоящее частью из неверных тюрок, потерпело полное поражение и потеряло 10 тыс. человек убитыми, ранеными и взятыми в плен, хорезмшах бежал. Однако вскоре Атсыз вернулся в Хорезм, изъявив покорность Санджару, и был прощен.

Не прошло и нескольких месяцев, как Атсыз начал новый поход во владения Санджара. В 1139 г. хорезмшах напал на Бухару, овладел ею, казнил вали Санджара, разрушил цитадель и стены города. Этот поход и захват Бухары были предприняты хорезмшахом Атсызом в отместку за поход Санджара на Хорезм и убийство сына.

Тем временем в Мавераннахре появилась новая грозная сила в лице каракитаев,

которые начали в это время планомерное продвижение в Мавераннахр, поэтому Санджар не принял никаких карательных мер против хорезмшаха. Со своей стороны хорезмшах в тревоге за владения решил вернуться к повиновению султану Санджару и в мае 1141 г. присягнул ему.

Но после Катаванского сражения и бегства султана в Термез хорезмшах нарушил обещание, перешел Амударью, овладел Серахсом и разграбил Мерв. В Хорезм были увезены все ученые, а заодно и казна султана Санджара.

В 1143 г. Санджар восстановил свою власть в Мерве, вторгся в пределы Хорезма и блокировал его столицу – Ургенч. Осада вынудила Атсыза пойти на мирные переговоры с Санджаром. Хорезм подчинился султану и вернул ему сокровища казны, захваченные в Мерве.

В 1147 г. состоялся третий поход сельджукской армии на Хорезм. Причиной послужило раскрытие замысла Атсыза убить Санджара руками исмаилитов.

Военная кампания 1147 г. закончилась поражением Атсыза, изъявившего снова покорность сельджукскому султану, и тот великодушно простил. Тем не менее Атсыз не желал примириться с зависимым положением и фактически вел себя как суверенный правитель.

Во второй половине 40-х – начале 50-х гг. XII в., после каракитайского нашествия, в Центральной Азии создалась сложная обстановка. Атсыз вынужден был косвенно признать зависимость от Гур-хана и выплачивать ежегодную дань в 30 тыс. динаров.

Отношения между Хорезмом и сельджуками были скорее молчаливым признанием наступившего равновесия сил, чем следствием их мирной политики.

В апреле 1152 г. хорезмшах Атсыз завоевывает Дженд. Никакой реакции или протеста по поводу захвата Дженда, а затем Мангышлака со стороны султана Санджара не последовало, и он не изменил своего отношения к хорезмшаху, хотя все действия последнего были направлены против владычества сельджуков на востоке.

Весной следующего года в Хорасане снова произошли события, благоприятные для планов Атсыза. Стремление Санджара подчинить кочевников-огузов власти персидских чиновников и сборщиков податей имело губительные последствия для самого султана. Предводители огузов разбили его войско и взяли в плен самого государя.

Огузы подвергли страшному разграблению несколько городов Хорасана, среди них Мерв и Нишапур. На этот раз Атсыз не воспользовался несчастьем султана для того, чтобы провозгласить свою независимость, а выступил в качестве защитника законной власти.

Бегство султана Санджара из плена оказалось для огузов неожиданным и заставило их прекратить грабительские набеги и разорение городов и селений Хорасана. В этом не последнюю роль сыграли предостерегающие письма хорезмшаха Атсыза, которые он посылал огузским предводителям.

9 мая 1157 г. умер великий сельджукский султан Санджар. С его смертью прекратилось господство сельджуков в Мавераннахре. Но за десять месяцев до смерти Санджара (30 июля 1156 г.) умер его неугомонный вассал хорезмшах Атсыз. Под конец своей жизни Атсыз имел право сказать, что он не только решил проблему независимости Хорезма, но и положил начало новому сильному государству на востоке мусульманского мира.

Созданное хорезмшахом Атсызом государственное образование стало еще больше усиливаться и расширяться в правление его преемников. Основой политики Атсыза и его ближайшей задачей было укрепление своего господства в Хорезме. Целью его преемников стало расширение земель государства и укрепление его авторитета на международной арене.

22 августа 1156 г. произошло торжественное вступление на престол Иль Арслана, который начал свое царствование с того, что увеличил жалованье и земельные наделы войскам. В Хорасане царили анархия и произвол эмиров Санджара. Огузы, занимавшие земли Восточного Хорасана и такие города, как Мерв, Балх и Серахс, не признавали над собой никакой верховной власти, но поминали в хутбе умершего Санджара. Хорезмшах Иль Арслан, располагавший сильной армией, пользовался среди всех группировок несомненным

авторитетом, и в междоусобной борьбе за первенство в Хорасане эмиры поочередно прибегали к покровительству хорезмшаха.

Смерть хорезмшаха Иль Арслана в 1172 г. положила конец жестокой и длительной борьбе за обладание престолом между его сыновьями Ала ад-дином Текешем и Султан-шахом.

Иль Арслан назначил наследником престола своего младшего сына Султан-шаха, узнав об этом Текеш отправился к императрице каракитаев за помощью, обещав взамен выплачивать дань. Когда войска каракитаев приблизились к Ургенчу, Султан-шах бежал в Хорасан. Таким образом, в декабре 1172 г. Текеш занял престол хорезмшаха. Борьба за престол продолжалась двадцать лет, пока в 1193 г. Султан-шах не умер.

У Текеша с первых дней царствования оказался соперник, который имел больше шансов на роль создателя большого государства на Переднем и Среднем Востоке, чем хорезмшах. Это был гуридский султан Гийас ад-дин ад-Гури, таджик по происхождению, владетель горной области Гур, лежащей на востоке от Герата. Пользуясь полным ослаблением сельджуков, он захватил в 1175 г. Герат, распространяя оттуда свое влияние и на другие районы Хорасана.

Хорезмшах Текеш ясно видел преимущества Гуридов в предстоящей борьбе за первенствующую роль на востоке мусульманского мира, но, тем не менее, энергично продолжал политику отца и особенно деда Атсыза по созданию большого независимого Хорезмского государства. Для укрепления мощи своего государства хорезмшах Текеш вступил в союз с кыпчаками и женился на дочери кыпчакского хана. Впоследствии большое количество кыпчаков выразило желание служить хорезмшаху.

Начиная с 1180 г. войска хорезмшаха начали вторгаться в глубь земель каракитаев. В то же время сам хорезмшах совершил поход в Мавераннахр и в октябре 1182 г. захватил Бухару.

В 1187 г. Текеш захватил Нишапур, в 1192 г. – Рей, в 1193 г. – Мерв, а в 1194 г. нанес решительное поражение султану западных сельджуков Тугрулу II, который и погиб в бою. Вся восточная полоса Ирана перешла в руки хорезмшаха Текеша. Хорезмское государство более чем в два раза увеличилось территориально и стало непосредственным соседом: с одной стороны Гуридов, а с другой – Аббасидского халифата. Халиф, как и гуриды и хорезмийцы, стремился использовать ослабление сельджуков для расширения территории своего халифата, однако Текеш нанес войскам халифа мощное поражение. Это было начало вражды между аббасидами и хорезмийцами. Последние годы своей жизни Текеш провел в борьбе с исмаилитами.

Итогом деятельности Текеша было значительное усиление государства хорезмшахов. Оно было завоевано в длительных и тяжелых войнах, в том числе и в борьбе за единовластие: почти двадцать лет Текеш боролся со своим братом Султан-шахом, претендовавшим на престол государства. Едва ли не каждый год Текеш постепенно расширял пределы своих владений, пока наконец не создал огромную империю, границы которой доходили до владений халифата.

Своему сыну Мухаммеду он оставил в наследство единое, сильное, организованное государство с мощной армией. Мухаммед вступил на престол весной 1197 г. В 1201 г. войска хорезмшаха осадили Герат, но взять его не смогли. Войско гуридов пошло на Хорезм. Обе стороны понесли большие потери. Под угрозой захвата города и уничтожения населения жители встали на его защиту. Хорезмшах обратился за помощью к владыке каракитаев, в результате произошло сражение, и войско гуридов бежало с поля боя.

В декабре 1206 г. совершился торжественный въезд хорезмшаха Мухаммеда в Герат. Мухаммед достиг заветной цели своей династии – первенства среди восточно-мусульманских властителей. При таких обстоятельствах он, конечно, не мог оставаться вассалом каракитаев. Взятие Бухары укрепило влияние хорезмшаха в Мавераннахре: на его сторону стали склоняться некоторые именитые караханиды, – все это заставило каракитаев пойти войной на хорезмшаха: войска Мухаммеда были разгромлены.

До 1209 г. хорезмшах оставался вассалом каракитаев.

В 1210 г. хорезмшах, собрав огромное войско, переправился через Сырдарью и Иламышскую степь и встретился с армией каракитаев. Произошло жестокое сражение, и каракитаи были разбиты.

Государство каракитаев доживало последние дни. Бежавший от Чингисхана правитель найманов Кючлюк-хан нашел убежище у каракитайского Гур-хана и даже женился на его дочери, затем, собрав бежавших от монголов найманов, захватил почти все владения Гур-хана. Формально Гур-хан оставался на престоле, но фактически владыкой стал Кючлюк-хан.

Хорезмшах потребовал у Кючлюк-хана выдачи Гур-хана и всей его казны, однако Кючлюк-хан отказался выполнить это требование и предложил султану раздел земель, подвластных каракитаем.

Хорезмшах, расширив свои владения на востоке и будучи спокоен за восточные рубежи государства, переключил свое внимание на запад.

В 1215 г. к владениям Хорезмшахов был присоединен Керман, а к 1217 г. были полностью подчинены: Иран, Мазандаран, Арран, Азербайджан, Ширван, Фарс, Мекран, Мангышлак, Кеш, Сиджистан, Гур, Газна – до границ Индии. Хорезмшах Мухаммед уже видел себя величайшим владыкой вселенной, ибо, подчинив Азербайджан, Ширван и Арран и подготовив 50-тысячное войско для похода на Грузию, он предполагал двинуть войска в Анатолию и Сирию.

Став владыкой огромной империи, которая простиралась от Ирана на востоке до Азербайджана на западе и от Аральского моря и Мангышлака на севере до берегов Индийского океана на юге, хорезмшах поставил перед собой задачу заставить халифа признать его светским владыкой всего мусульманского мира. В противном случае предлогов к началу войны было предостаточно. Для предания законности своему походу Мухаммед объявил, что в Газне были найдены документы, свидетельствующие, что халиф подстрекал Гуридов против Мухаммеда. Зимой 1217 г. хорезмшах послал отряд в поход на Багдад. Но когда войска достигли Асадабадского перевала, ударили лютые морозы, многие воины замерзли, лишь небольшая часть вернулась назад. После такой неудачи хорезмшах направился в Самарканд, объявив его столицей государства.

Хорезмшах, после присоединения к своей империи Ирана и Мавераннахра, мечтал совершить поход на Китай. Однако в 1215 г. до Мухаммеда дошли слухи о том, что Чингисхан опередил его и взял столицу Северного Китая – Пекин. Хорезмшах слышал об исключительной силе многочисленного войска и дарованиях Чингисхана как правителя. Чтобы проверить эти сведения, он отправил к Чингисхану послов. В ответ Чингисхан снарядил караван с подарками и направил довольно двусмысленное послание: «Я – владыка Востока, а ты – владыка Запада! Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире. Я буду относиться к тебе как к сыну. Пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои, в том же порядке, пусть перевозятся ко мне».

Хорезмшах счел это послание унижающим его достоинство. Тем временем Чингисхан снарядил в Хорезм большой торговый караван. Всего с караваном следовали 450 купцов. Вместе с личным представителем Чингисхана они составили посольство к хорезмшаху. В 1218 г. этот караван вышел в путь. По прибытии в Отрар каравана купцы и послы Чингисхана были задержаны, после чего караван был разграблен, а весь состав его перебит. Получив эту информацию, Чингисхан принял решение начать войну с хорезмшахом.

Разрыв между Чингисханом и Мухаммедом привел к гибели государства хорезмшахов в 1221 г. (см. подробнее в главе «Империя Чингисхана»).

Мусульманская Азия XI–XII вв. – «Сельджукский Восток»

Подведем итоги, поскольку множество событий, происходивших на мировой сцене,

мешают нам увидеть главное: тюркский мир потерял свой центр тяжести и, смещаясь к западу, оказался в самом лоне Дар аль-Ислама, тем самым расширив его границы.

До первого тысячелетия нашей эры Отюкен, т. е. северная часть Монголии, земля, которая, по выражению самих тюрков, «держит империю», оставалась в их руках: после хуннов там обосновались ту-кю, жужани, уйгуры и кыргызы. Все они черпали оттуда силы, которые предстояло проявить и в Китае, и в Европе. Несмотря на то, что тюрки издавна смотрели больше на запад, чем на восток, в X в. они, тем не менее, вторглись в Поднебесную империю.

Сто лет спустя все изменилось, еще большие перемены произошли в XII и XIII вв. В Монголии тюркские племена были неспособны бороться за главенство среди монголов: путь в Китай был закрыт для первых и открыт для вторых. Некоторые тюрки были оттеснены на север, в Сибирь, например предки тех, которых русские назовут, согласно тунгусской терминологии, «якутами» и которые жили севернее байкальских тюркских племен. Другие ушли на запад, на территорию, расположенную между Алтаем и Уралом, где они долгое время оставались кочевниками и язычниками, живя на окраине угасающей, но все еще живой уйгурской цивилизации. Северное побережье Черного моря продолжало оставаться тюркским, находясь в руках кыпчаков и печенегов. Булгары и караханиды обратились в религию, которую проповедовали ученики Мухаммеда, а газневиды привнесли ее в Индию. И те и другие превратили огромные территории в политическую и культурную сферу влияния ислама. На Среднем Востоке власть принадлежала тюркам от Афганистана до Рума, включая Мавераннахр, Хорезм, Иран, Сирию. В Египте, особенно начиная с 980 г., все большую роль играли мамлюки. Целые провинции переживали этап тюркизации, а позже становились плацдармом для предстоящих завоеваний. Ясно, что будущее открывало новые горизонты, связанные в основном с исламом.

Историки часто называют «Сельджукским Востоком» всю мусульманскую Азию XI–XII вв., чтобы подчеркнуть ее относительное единство после переселения туда огузских племен, среди которых сельджуки были лишь самыми «представительными». Это определение, оставляющее в тени очевидные различия, нельзя применить к караханидам и булгарам, которые представляли однородные формирования и были тюрками с головы до пят. Зато оно подходит для всех остальных государств, где тюркское меньшинство доминирует над нетюркским большинством: арабами, иранцами, индусами, – где существовала та же самая проблема – проблема конфронтации с исламом кочевников, вышедших из одной среды и имевших одинаковый менталитет, и где эта проблема находила одинаковые решения.

Кочевые и оседлые народы

Часто говорят о миллионах и миллионах тюрков, которые передвигаются по землям ислама, но при этом забывают о том, что вчерашняя демография абсолютно отличается от сегодняшней. Согласие здесь достигнуто только в том, что были районы постоянного расселения и районы перевалочные или транзитные, что плотность пришлого населения не везде была одинаковой, что за первой волной XI в. последовала по крайней мере еще одна, вторая волна в XIII в., как результат тюркомонгольского нашествия.

В Индию в основном пришли солдаты, которые сформировали аристократию и быстро иранизировались, а затем индуизировались.

Арабский Ближний Восток также привлекал военных, а местные климатические условия не позволяли массам селиться там со своими стадами. Они даже не сохранили всю полноту власти, которая осталась в руках крупных местных семейств, в этом смысле особенно примечателен пример курда Саладина.

Совсем иная ситуация складывалась в Иране и Малой Азии.

Иран в своей совокупности был транзитным путем и благодаря этому обстоятельству не утратил своей идентичности. Мы уже говорили и еще будем говорить, что иранские язык

и культура процветали под тюркским владычеством. Но приход огузских племен значительно изменил этнический и лингвистический фон – не сразу, а постепенно, с XI по XVI в., т. е. гораздо позже. Сельджуки дали толчок процессу, хотя мы не знаем, насколько они продвинули его. Балучи были оттеснены из северного района Дешт и-Кавира на юго-восток туркменами, которые поселились там. Много тюркоязычных элементов проникло в Загрос и Фарс, где они составили крупную федерацию кашгаев. В Азербайджане, в районах Табриза и Баку, тюркские племена скопились у границ христианской Грузии, расположенной на низменностях Закавказья. Они и завершили ассимиляцию местного населения в XV в. и составили совокупность азери, говорящую на языке, близком к тюркскому, но отличающимся от него, вместе с основным меньшинством Ирана – четыре-пять миллионов человек, т. е. примерно одна шестая всего населения. Только низменные и лесные зоны Прикаспия оставались вне досягаемости захватчиков. Они находились в стороне от главного течения истории, а потом стали служить убежищем для беглецов и вскоре оказались перенаселенными.

Тюркские племена в большом количестве прибывали также в Анатолию, где климат и почва были благоприятны для них, и они впоследствии создали Османскую империю. Но как много их было? По мнению современных исследователей Малой Азии их численность в Средние века не превышала двухсот или трехсот тысяч. Но эта цифра спорна. Судя по некоторым источникам, в XIII в., когда тюркизация шла очень медленно и пока новые племена присоединялись к первым переселенцам, тюркское население составляло 10 % от общей численности населения. Ассимиляция также шла медленно и до конца не завершилась.

Тюркское заселение Малой Азии происходило неоднородно. В восточных районах племена оставались кочевыми, а в городах и в сельских районах жили в основном местные народы. Часть населения Великой Армении со столицей в Ани ушла в Киликию и основала Малую Армению. В этих двух царствах симбиоз армян и тюрков был незначителен, если судить по малому количеству армянских слов, перешедших в тюркский язык. Захватчики редко посещали прибрежные равнины, и рыболовство оставалось прерогативой местного населения: все тюркские названия рыб – греческого происхождения.

Тюрки обосновались на высоком центральном плоскогорье к западу от Евфрата, среди византийского населения. Конечно, в период между 1030 и 1080 гг. происходило бегство горожан и крестьян в результате репрессий, но страна не лишилась населения, к тому же паника была преувеличена, и когда образовалось Сельджукское государство, ситуация стабилизировалась. Сельджукские земли Анатолии оставались для мусульман страной Рум.

Кочевой образ жизни у тюркских народов – совсем не то, что мы видим у арабов, где это является признаком превосходства и благородного происхождения. Тем не менее многие племена сохранили верность традиционной бродячей жизни, и упорная политика сельджукского правительства, а позже османской власти, направленная на то, чтобы сделать их оседлыми, не всегда была успешной. Даже когда экономические условия в Турции абсолютно изменились, а кочевой образ жизни практически ушел в прошлое, там еще можно было встретить кочевников. Это в основном погонщики верблюдов, которые пасли овец и коз, но были и другие: бродячие мясники, сборщики хвороста.

В Иране, по мнению иранистов, огузы способствовали разрушению сельского хозяйства и своим примером призывали уже оседлых иранцев и крупное племя бахтияров Загроса вернуться к кочевничеству. Те, кто жил в городах, усиливали царившее там напряжение, в результате чего привели несколько городов к краху (Нишапур). Однако не стоит преувеличивать этот факт, игнорируя другие тяжелые последствия для цивилизации и особенно для иранской экономики, причиненные разрушениями, которые имели место позже, в эпоху походов Чингисхана и Амира Темура.

В Анатолии кочевые народы рассеялись в районах, где сельское хозяйство находилось в упадке. Позже их вытеснили в южные горы страны, имеющие пастбища. Зимой они спускались на прибрежные равнины Памфилии, Киликии и Эгеи. Как ни странно, они

покинули эти районы, прежде очень плодородные и дававшие по несколько урожаев в год. Их крупные древние города большей частью исчезли, за исключением таких портов, как Анталия и Синоп, которые использовались тюрками для внешней торговли. Высокогорное плато было настоящим центром сельджукской страны Рум. Там, несмотря на свой консерватизм, некоторые кланы закрепились на земле уже давно или перешли от тотального кочевничества к полукочевому образу жизни. Смешавшись с местным населением, они в конце концов образовали одну из самых устойчивых рас на Земле.

Поскольку ислам – это городская цивилизация и тюрки тянулись к городам, их предводители выбирали города, хотя и не без разбора. В Иране урбанизация тюрков, как и их переход к оседлости, были незначительны, зато в Анатолии это был всеобщий процесс. Городская жизнь играла важную роль и в экономике, и в политике. Газневиды с размахом застроили свою столицу Газни, в которой насчитывалось около миллиона жителей. Исфахан служил для Великих Сельджуков настоящим культурным центром. У сельджуков Рума не было метрополии, а были многочисленные крупные города или, скорее, поселения, чьи греческие названия все еще чувствуются, несмотря на переименование: Икония стала Конией, Цезария – Кайзери, Анкира – Ангорой, потом Анкарой, Себастейя – Сивасом и т. д. В середине XIII в. в Сельджукском государстве были сотни городов, а Ибн-Саид насчитал восемьдесят, каждый из которых имел губернатора (вали), судью (кади), мечеть (джами) и бани (хаммам). Столица Кония была большим городом с несколькими тысячами жителей; Сивас, видимо, занимал второе место, затем шли Кайзери, Эрзерум, Малатия и другие. Там, где жили вместе несколько этнических групп, как, например, в Анталии, они имели свои кварталы – еврейский, греческий, тюркский; кстати, такое же деление существовало и у огузов. Понемногу, но везде жили иранцы, которые стали беженцами во время монгольских нашествий.

Тюрки и Крестовые походы

О крестоносном движении в целом следует сказать особо, ибо тюрки имели к этому непосредственное отношение.

В XI–XII вв. стихийное передвижение людей в разных концах Европы охватило весь христианский мир: начались Крестовые походы. Европа бурлила: немцы и датчане напали на западных славян, испанцы давили на арабов и отняли у них Сицилию, французские нормандцы захватили Англию, покончив с реликтом Великого переселения народов.

Число неуправляемых и свирепствующих на территории Франции и Германии росло. Чтобы спасти свои государства и генофонд, нужна была психологическая доминанта, иными словами, цель, которая локализовала бы избыточную энергию и сбросила ее на сторону.

Тогда-то Отцы Церкви выработали идею священной войны, в которой христианский мир представлял как родину, которую надо защищать от «сарацин». Палестина и в особенности Иерусалим, где принял мученическую смерть Христос, занимали первостепенное место в умах верующих. Считалось, что паломничество на Святую землю принесет отпущение грехов.

Военные походы западноевропейских рыцарей в 1096–1270 гг. на Ближний Восток (в Сирию, Палестину, Северную Африку) проходили под лозунгом освобождения христианских святынь (Святой земли) от власти неверных.

По сути, Крестовые походы – это не что иное, как массовое манипулирование сознанием верующих.

Началу походов способствовало обращение византийского императора Алексея I Комнина к папе Римскому Урбану II. «Святейшая империя христиан, – писал император, – сильно утесняется печенегами и тюрками (т. е. со стороны Европы и со стороны Азии). Мы предпочитаем быть под властью ваших латинян, чем под игом язычников».

Зов о помощи свидетельствовал о том, что христианство на Востоке находится в большой опасности. С другой стороны, для папы не было более надежного способа

объединить под своим руководством беспокойный мир западного христианства, чем вовлечь его в большое и смелое дело, каким могло стать завоевание Святой земли. Одним словом, папа следовал соображениям не только религиозного, но и политического характера.

Первый крестовый поход был провозглашен в 1095 г. Урбаном II в Клермоне. Аббат Гвиберт Ножанский писал: «По закрытии Клермонского собора – а он был созван в ноябре месяце (1095 г.) – в восьмой день после праздника святого Мартина, по всем провинциям Франции разнеслась о нем большая слава, и каждый, кому быстрая молва доставляла папское предписание, шел к своим соседям и сородичам, увещевая их вступить на стезю господню, как называли тогда ожидаемый поход». Тому, кто откликнется на призыв присоединиться к крестовому походу, папа обещал приостановить дела, возбужденные против него правосудием, и обеспечить охрану его имущества при помощи духовенства. По завершении похода крестоносцы, названные так из-за креста, вышитого на их одежде, получают отпущение грехов.

«Весь Запад, все племена варваров, сколько их есть по ту сторону Адриатики вплоть до Геркулесовых столпов, – писала в „Алексиаде“ Анна Комнина, дочь императора и талантливый историк, – все вместе стали переселяться в Азию. Они двинулись в путь целыми семьями и прошли всю Европу».

Папа был даже удивлен тем откликом, который получило его предложение пойти к Святой земле и освободить ее. Он знал, что можно рассчитывать на рыцарей с юга Франции, но к ним присоединились и другие рыцари: фламандцы и рейнцы из Нижней Лотарингии, сеньоры из Иль-де-Франс и Шампани и, наконец, норманны Южной Италии и Сицилии. Эти четыре рыцарские армии не подчинялись ни одному из королевств, и, помимо желания получить отпущение своих грехов, наиболее могущественные из рыцарей мечтали завоевать земли, во главе которых они бы потом и встали.

К крестовому походу присоединилось много простых людей, которых побудило встать под знамена церкви огромное воодушевление. Возглавил народные массы проповедник Петр Амьенский, который в конце концов затмил роль папы в 1-м крестовом походе.

Крестовый повод, представляемый как порыв религиозного энтузиазма с целью освобождения Святой земли от тюркской оккупации, – это, в сущности, продуманное и подготовленное контрнаступление христианства против ислама, Европы против Азии.

Запад, обуреваемый перед 1-м крестовым походом религиозным пылом, охотно откликнулся на стоны отчаяния, несшиеся из Византии; втайне он мечтал обратить схизматиков в лоно Римской церкви. Вскоре, однако, пыл паломничества остыл, у крестоносцев взяли верх грабительские инстинкты: основным ядром крестоносцев были или бедные рыцари, обездоленные на родине, или безземельные крестьяне, обреченные у себя на нищету; их уже гнала на Восток не столько мысль о гробе Господнем, плененном безбожными «сарацинами», сколько надежда на земное благополучие, утерянное в Европе. И толпы крестоносцев двигались на восток через Европу – это были мародеры, грабившие и разорявшие селения. А попав на Восток, рыцари оседали там, в Сирии и в Палестине, разрушая суверенитет государства.

По просьбе крестоносцев император Алексей I Комнин пропустил их на азиатский берег Босфора. Там крестоносцы попытались проникнуть на тюркскую территорию, но потерпели два серьезных поражения. И хотя император неоднократно предупреждал их об осторожности и помогал им, ход событий повернулся против него. Поскольку христианский Бог не мог быть побежден, то поражение, естественно, приписывалось предательству императора. Так росло недоверие франков к Византии: греки – еретики и коварные существа.

Вскоре после этих событий к Византии подошли войска рыцарей (о предоставлении которых в качестве наемников Алексей Комнин настойчиво просил папу).

Императору удалось получить от рыцарей клятву верности (о которой те вскоре забыли) и обещание вернуть все земли империи, захваченные сельджуками, а также признать его сюзеренитет над землями, которые крестоносцы завоюют на Востоке.

Что касается тюрков, то после смерти Малик-шаха, сын Сулаймана ибн Кутулмуша,

тюркского правителя Румского султаната (Малая Азия), Кылыч Арслан, которого Великие Сельджуки взяли в плен у Алеппо, был освобожден и без труда восстановил свою власть в Никее. Он занялся реставрацией отцовского могущества на момент прихода крестоносцев.

Впуская крестоносцев на свою территорию, Византия хотела их руками отобрать у сельджуков города Малой Азии, утраченные ею.

Явившись на Восток для защиты христиан от «сарацин», крестоносцы своим поведением – насилиями и грабежами – вызывали такую ненависть населения Малой Азии, что местные князья, забыв о пропасти, которую церковь определила между христианами и мусульманами, обращаются к сельджукам и объединенно выступают против крестоносцев. Таким образом, на Востоке временно образуется единый блок, направленный против крестоносцев: когда необходимо было сделать выбор между крестоносцами и тюрками, предпочтение тюркам зачастую отдавали армяне и византийцы.

Тюрки стремились осесть в Малой Азии, но с запада шли непрощенные гости, и, разумеется, в крестоносцах они видели захватчиков, посему охотно внимали мольбам о помощи против того, кто также ненавистен и им.

Крестоносцы высадились на азиатском побережье в 1096 г. Кылыч Арслан в то время осаждал Малатию, важнейший коммуникационный центр в Анатолии и перевалочный пункт сельджуков; он срочно вернулся и потерпел поражение при Дорилее. Возможно, то был реванш за Маникерт? Так сказать, отмена того печально известного события? Конечно нет, но все-таки победа христианства, которая спасла Византию, отбросила тюрков в глубь Анатолии, позволила византийцам вернуть Никею.

После того как крестоносцы пересекли Анатолию, они вышли к Киликии – воротам Сирии. Их радушно встретили армяне, живущие там с XI в. С этого момента в рядах крестоносцев произошел раскол: одни желали обзавестись собственными княжествами, другие оставались верны религиозным мотивам похода.

Пути Византии и крестоносцев разошлись; охладев друг к другу, они использовали сельджуков для достижения диаметрально противоположных целей. Сельджуки, постигшие извороты дипломатии во время пребывания при дворе византийских императоров, оправались быстро от удара, который был нанесен им 1-м крестовым походом.

Таким образом, экспансия сельджуков натолкнулась на крестоносцев, которые всюду ставили им барьеры. Город Никея, молодая столица государства сельджуков, ускользнула из-под их власти, а после поражения при Дорилее они были отброшены на восток. Соппротивление сельджуков было сломлено: крестоносцы прошли беспрепятственно через Малую Азию, занимая города и вырезая тюркские гарнизоны. Вскоре пала и Антиохия, манившая к себе крестоносцев как «древнейшая кафедра св. Петра» (измена одного начальника – армянина, смотревшего на крестоносцев как на освободителей малоазиатского христианства, – облегчила крестоносцам взятие города). Потеряв Антиохию, сельджуки Рума навсегда должны были отказаться от Сирии. В тылу образовалось Эдесское княжество (1098 г.) – плотина, которая должна была сдерживать приток туркменских племен из Хорасана, и князь Эдессы, Балдуин, протягивал руку брату, Готфриду Бульонскому, «защитнику гроба Господня» в Иерусалиме, тоже еще недавно (в 1078 г.) завоеванном сыном победителя Романа Диогена, – так сельджуки были вытеснены и из Палестины, отошедшей к Фатимидам. А на Средиземноморском побережье появляются западные рыцари и закрывают сельджукам дорогу к морю.

Зажатые кругом христианами, сельджуки легко могли быть раздавлены – и для Византии, и для крестоносцев они были помехой, которая сковывала их идеалы, жизненно реальные и религиозные; во время 1-го крестового похода рыхлое государство сельджуков было еще слабо.

Но взоры крестоносцев были направлены на побережье Сирии и Палестины. Придя в Малую Азию для того, чтобы прогнать «сарацин», крестоносцы поняли что, защищая Византию, они наносят ущерб себе. Что касается сельджуков, то они не видели в них большой опасности для себя. Перед ними вырастали новые враги, соперники –

мусульманские князья из Месопотамии устремлялись также к Северной Сирии. Крестоносцы должны были принять на себя удары и из Египта, тем самым невольно отведя от сельджуков угрозу сначала со стороны Фатимидов, потом Эюбидов. Таким образом, в силу обстоятельств сельджукам был предоставлен покой, и они смогли оправиться от ударов.

Завершился 1-й крестовый поход в 1099 г. захватом крестоносцами Иерусалима и образованием Иерусалимского королевства.

Своими целями и людскими массами, которые были приведены в движение, 1-й крестовый поход поразил Византию и исламский мир. В результате похода были созданы четыре латинских государства на Востоке, которые занимали площадь от Аскалона до Антиохии и от Средиземного моря до Евфрата. Почти до 1130 г. инициатива была на стороне крестоносцев, но тюркам удалось изменить соотношение сил в свою пользу.

Тем временем в самом центре Азии происходили потрясающие события – восточное христианство противостояло исламу.

Истоки «Желтого крестового похода»

В 1137 г. каракитайский хан Елюй Даши покорением Кашгара и Хотана восстановил против себя весь мусульманский мир. Иными словами, положение на западной окраине Каракитайского (буддийского) ханства было весьма напряженным, тем более что за спиной мелких мусульманских князей стоял сельджук Санджар (см. «Государство сельджуков»), командующий самой сильной армией из тех, что действовали на Ближнем Востоке.

В 1141 г. возник грандиозный конфликт. На борьбу с неверными явился султан Санджар, сопровождаемый вспомогательными отрядами из Хорасана, Седжестана и горных областей Гура, Газны, Мазандарана. Здесь были лучшие войска мусульманского мира, закаленные в боях с греками и крестоносцами, экипированные по последнему слову тогдашней техники. Войско Санджара исчислялось приблизительно в 100 тыс. всадников. Таких сил не выставляли даже против крестоносцев.

Но, несмотря на все это, в 1141 г. на Катванской равнине, лежавшей между Ходжентом и Самаркандом, Елюй Даши, разделив свое войско на три части, отеснил мусульман в долину Диргам (один из притоков Зеравшана) и разгромил их так, как этого не могли сделать ни Карл Мартелл, ни Лев Исавр, ни Готфрид Бульонский.

Султан Санджар успел скрыться, но его жена и соратники попали в плен, а 30 тыс. лучших сельджукских воинов пали смертью храбрых.

Невольно возникает вопрос: как могло войско Елюя Даши нанести подобное поражение?

В источниках очень мало информации по этому поводу. Вывод однозначен: войскам Елюя Даши неоткуда было ждать пополнения армии, подкрепления для войны с мусульманами. Даже набрав добровольцев, надо было их кормить, вооружать, обучать, а значит, кто-то должен был давать деньги, которых у хана не было.

Так кто же мог субсидировать Елюя Даши? Тот, у кого они были и кому было нужно, чтобы гурхан воевал с мусульманами. И это были уйгуры, одна часть из которых были буддисты, другая – несторианцы.

Именно уйгуры приняли гурхана в своей столице Бешбальке, снабдив его продовольствием, дали возможность реорганизовать армию, а в дальнейшем пополнить ее степными удалцами. За это они получили то, что нужно любому коммерсанту, – их ставленник, Елюй Даши, сокрушил их конкурентов в Самарканде, Фергане, Кашгаре и Хотане и обеспечил им монополию караванной торговли.

Причем, к коммерции политической и финансовой уйгуры-буддисты отношения не имели, поскольку это противоречило их религиозным принципам, их монастыри были изрядно богаты. Зато несториане ненавидели мусульман со всей страстью, на которую были способны, и к тому же тоже занимались торговлей.

Одним словом, с Катванской битвы начался расцвет уйгурских городов, а там, где

власть попала в руки христиан, мусульманских купцов облагали налогами.

Несториане отличались конфессиональной нетерпимостью и не жалели средств для войны против иноверцев. Им нужен был военный вождь. Елюй Даши отвечал всем требованиям: он был достаточно культурным, чтобы избежать подозрений в язычестве, достаточно светским, чтобы не стать буддийским монахом, и, оказавшись врагом султана Санджара, он уже не мог и помышлять о принятии ислама.

Елюй Даши, как опытный политик, понимал, что, если он хочет удержаться на новой земле, ему следует обеспечить себе поддержку, пусть несториан. И его наследник получил христианское имя Илия, а крестоносцы в Палестине и Сирии искренне поверили в существование христианского царства на востоке от Ирана.

На самом деле царства, как такового, не было, но идея его существования, его необходимости возникла и играла роль в политической и военной истории Азии.

Христианское царство, возглавляемое царем-священником, – только мечта восточных христиан, но эта мечта была настолько действительна, что к моменту смерти Елюя Даши начала казаться реальностью.

Территория под непосредственным управлением гурхана располагалась к югу от р. Чу и Центрального Тянь-Шаня. На юге она была ограничена Амударьей, на западе – Аральским морем, на востоке – богатым оазисом Хотаном. Кашгар, Самарканд, Бухара и Термез после Катванской битвы платили гурхану дань.

В начале XIII в. была учреждена несторианская митрополия «Кашгара и Невакета (Семиречье)».

Итак, восточное христианство противостояло исламу. Именно уйгуры стояли у истоков «Желтого крестового похода».

Забегая вперед, следует отметить, что в 1253 г. состоялся курултай тюрко-монгольского народа – войска, на котором приняли решение освободить от мусульман Иерусалим. Это было началом «желтого крестового похода» за Христову веру к гробу Господню. Об этом речь пойдет в следующей главе, а сейчас обратимся к сельджукам Сирии и их роли в Крестовых походах.

Эмират Зенги и принципат Нур ад-Дина

Настоящими противниками крестоносцев, кроме египтян, были сельджуки Сирии. С падением сильного, хотя и слишком властолюбивого Тутуша (ум. в 1095 г.), в Сирии господствовала повсеместная неурядица, сельджуки, раздираемые противоречиями, были неспособны организовать, несмотря на существование двух могущественных семейств дома Тутуша – его сыновей, Ридвана в Алеппо (1095–1133 гг.) и Доака в Дамаске (1095–1104 гг.). Эти принцы, подобно всем остальным сельджукам Ирана, передали реальную власть своему атабеку, наставнику, «второму отцу», тюрку Тогтегину (ум. в 1128 г.).

В 30-х гг. XII в. в менталитете мусульман происходят изменения. С момента появления крестоносцев на Востоке они вызывают гнев у всех своим жестоким, сектантским, варварским поведением, что приводит к упорному сопротивлению мусульман. В 1104 г., а также после поражения крестоносцев в битве при Харане в 1114 г. все города в окрестностях Антиохии, населенные восточными христианами, открыли свои ворота эмиру Халеба. В 1117 г., когда войско мусульман шло по землям Галилеи, мусульманское население выступило против христиан и предоставило их врагам проводников и продовольствие.

В период с 1120 по 1130 г. решающим событием стали перемены в умах состоятельных горожан Халеба и Дамаска, достоинство и интересы которых были затронуты европейцами. Действительно, появление крестоносцев по ту сторону Оронты и Иордана вынудило мусульман перенести к востоку и к югу караванные пути, соединяющие Сирию и Египет, так же как и маршрут паломников. Однако ни Халеб, ни Дамаск не могли контролировать эти огромные территории с мародерствующими кочевниками и европейцами. Стихийные

действия мусульман нашли свое продолжение в идеологии. С VII в. Сирия рассматривалась мусульманами как земля, избранная для ведения священной войны против Византии. Со временем, правда, эта идея утратила свою силу. Возродившись в 1105 г. в Дамаске, а затем в Халебе, она уже не просто взывала к ревностному служению ради торжества ислама, но и усердно подпитывалась чувством возрастающей угрозы независимости мусульман. Давление крестоносцев на Халеб было настолько сильным, что в 1124 г. эмир покинул город и попросил помощи и защиты у Бурсука, эмира Мосула, который в свою очередь потребовал, чтобы Халеб был передан ему. Под нажимом знати и народа эмир принял это условие. Так в 1125 г. начинает вырисовываться многообещающий союз между Мосулом и Халебом. Спустя некоторое время Бурсук был убит ассасинами, но союз между двумя городами восстановил в 1128 г. его преемник, Зенги. С этого момента начинается новый период, который делится на два этапа: эмират Зенги (1127–1147 гг.) и принципат Нур ад-Дина (1147–1174 гг.).

Зенги – сын тюркского лейтенанта, состоявшего на службе у великого султана Малик-шаха, он прославился на службе у султана Ирана, Махмуда, участвуя в войне, которую тот вел с халифатом Багдада в 1127 г. В награду за свою службу Зенги был назначен верховным главнокомандующим в Ираке. Вслед за этим он становится правителем Мосула, считая своей миссией продолжение борьбы против крестоносцев. Зенги всегда оставался тюркским полководцем, сильным и не слишком дипломатичным. Зенги-солдат всегда брал верх над Зенги-политиком. Джихад не был единственной и даже главной целью политики Зенги. Основным для него, скорее всего, было распространение своего могущества на халифат Аббасидов и султанат Ирана. Он отвоевал у крестоносцев Атариб и Харим и получил, таким образом, доступ к равнине Антиохии. Важнейшим достижением Зенги стало завоевание всех исламских городов и крепостей к востоку от реки Оронт. В 1135 г. он предпринял попытку взять Дамаск, но потерпел неудачу. Однако в результате его завоеваний территория северных латинских государств сократилась наполовину.

В 1144 г. Зенги направил свою армию против Эдессы, которая представляла собой постоянную угрозу сношениям Халеба с Мосулом. После ухода с левого берега Евфрата графство очень ослабло из-за постоянных набегов соседей-мусульман. В эдесской армии большинство составляли армяне, в верности и в воинском достоинстве которых можно было не сомневаться, а также православные сирийцы, о которых этого нельзя было сказать. Воспользовавшись отсутствием Жослена, графа Эдессы, Зенги после месяца осады взял город в 1144 г. Он остановил погромы, последовавшие за штурмом города, успокоил жителей, вернув им их имущество, и передал восточным христианам латинские церкви.

15 сентября 1146 г. Зенги был убит. В этом же году армяне Эдессы подняли мятеж. Город был вновь взят, и на этот раз армяне были перебиты или изгнаны из города. Их место заняли иудеи, к которым Нур ад-Дин, сын и последователь Зенги, испытывал больше доверия. Нур ад-Дин, второй сын Зенги, унаследовал от отца суровость, храбрость, чувство государственности. Он смог возвести свои добродетели в политическую силу.

Катастрофическая ситуация на Востоке привела к тому, что в Европе начали проповедовать новый крестовый поход. В отличие от первого, за этот поход ратовал не папа, а аббат Бернар и организован он был королями Франции и Германии – Людовиком VII и Конрадом III. Из 25 тыс. крестоносцев не более 5 тыс. достигли Сирии весной 1148 г. Германская армия была практически уничтожена при переходе через Малую Азию, а французы подвергались постоянным нападениям во время продвижения по побережью. Людовику VII советовали направиться прямо на Халеб, для того чтобы напасть на Нур ад-Дина и отвоевать потерянные земли за рекой Оронт, но Людовик не последовал этому разумному совету и взял путь на Иерусалим. К тому же позволил убедить себя сначала атаковать Дамаск, который он так и не смог взять. В сентябре 1148 г. Конрад III сажает своих людей на суда, отплывающие в Европу. Спустя шесть месяцев Людовик следует его примеру. Второй крестовый поход потерпел крах, и миф о непобедимости европейцев был разрушен.

Нур ад-Дин захватил все города и крепости за рекой Оронт, в том числе и Хомс, а 29 июня 1149 г. выиграл битву при Марре и занял большую часть территории Антиохийского княжества. Столица Антиохии стала пограничным гарнизоном Нур ад-Дина. Все, что осталось от Эдесского графства, оказалось в его руках. В 1155 г. войско Нур ад-Дина берет Дамаск. Впервые за многие века мусульманская Сирия имеет единую политическую власть. Ее границы передвинулись до Мосула, Харана, а на севере даже до Тавра. Однако, с 1157 по 1160 г. дальнейшего продвижения войск Нур ад-Дина не происходило.

В этой непростой ситуации князь Эдесский обращается за помощью к Византии и просит в 1158 г. у Мануила Комнина руки его племянницы. Кроме этого он добивается от Рено Шатийонского, князя Антиохии, официального признания им сюзеренитета Византии. Мануил I входит в город, занимает крепость, но «союз» оказывается таким же бесплодным, как и предыдущие: совместные действия против Нур ад-Дина не принесли никаких результатов, войска остановились в 40 км от Антиохии. Как и Иоанн II, Мануил I желал лишь сдержать, а не устранить мусульманскую угрозу.

После 1160 г. Нур ад-Дин вновь перешел в наступление. Он взял в плен Рено Шатийонского и Жослена III Эдесского, а затем вернул себе все потерянные ранее земли. Оказывая постоянное давление на латинские государства, совершая на них набеги, он расширил свои владения, выйдя за пределы Сирии: в Мосуле, в Верхнем Иране, в Анатолии и даже в Киликии. Он вмешался в споры, разгоревшиеся между армянскими, византийскими и европейскими князьями по вопросу о наследстве Тороса II, и отвоевал некоторые районы у тамплиеров.

Так в чем же было могущество принцпата Нур ад-Дина? Впервые с момента захвата Иерусалима крестоносцами мусульманская Сирия была подчинена одному правителю Нур ад-Дину, сыну Зенги и продолжателю его дел. В этом успехе решающую роль сыграло применение силы, но оно было бы недейственным, если бы не произошли перемены в умах людей. Жители городов, на которые распространялось влияние ислама – христиане и иудеи, – в конце концов устали от неблагоприятных поступков крестоносцев. Европейцы не смешивались с местным населением и оставались чуждыми этой стране. Они без конца вели войну против коренного сирийского населения и сохраняли нестабильную и опасную ситуацию: не мешая проходу караванов по их территории, облагали их большими налогами. Хотя достаточно много свидетельств, говорящих о промышленном развитии сирийских городов и даже увеличении их численности, но в целом господство европейцев на побережье привело к обнищанию городов.

Нур ад-Дин был тюрк, и его, также как и европейцев, арабское население Сирии считало чужим. Но в отличие от франков он сумел сохранить структуру и уклад жизни местного общества. Он властвовал над ними, опираясь на их собственные принципы управления. Прежде всего, Нур ад-Дин был мусульманином. Все отрицательные моменты, связанные с тем, что страной правит иностранец, исчезали, так как этот иностранец соблюдал законы ислама и уважал традиции. Таким образом, тюрки постепенно интегрировались в сирийское общество. Они не стремились ничего коренным образом менять в нем, но смогли управлять им и объединить его.

Для Нур ад-Дина джихад был одновременно идеологией и политикой. Эта идеология базируется на трех основных положениях: глубокая пропасть между европейцами и мусульманами, протест против безразличия современников к этому факту и призыв к священной войне. Следует уточнить, что джихад и священная война – две воинственные религиозные идеологии, на первый взгляд сближающие ислам и Запад и не признаваемые Византийской империей. На самом деле, они совершенно не похожи: джихад ставит перед собой цель по защите и распространению сферы влияния ислама, в то время как священная война должна принести спасение тем, кто ее ведет.

Эти идеи начали появляться при Зенги, который накануне взятия Эдессы настаивал на необходимости вести против крестоносцев открытую наступательную войну, вплоть до полного их изгнания. Именно Нур ад-Дин первым превратил джихад в завершенную теорию,

указав конкретную политическую линию, и привел в действие мощный механизм для ее распространения. К ее содержанию он добавил две концепции. Первая – особая святость Иерусалима и Святой земли. Вторая – необходимость восстановления политической целостности ислама на Ближнем Востоке как подготовительная фаза джихада против европейцев. Итак, идея джихада складывалась в мощном духовном движении, находящемся в состоянии брожения уже целый век.

Медресе, «дар аль-хадис» и «рибат» были инструментами пропаганды ислама. Больше всего медресе создавались при Нур ад-Дине. До него на подвластных ему территориях было построено шестнадцать медресе, он создал еще сорок два. Медресе представляли собой очаг распространения суннизма и идеологии джихада. «Дар аль-хадис» – школы, которые специализировались на изучении Откровений Пророка, но в целом выполняли те же функции, что и медресе. Суннитское движение благоприятствовало мистическому движению, наиболее ярким проявлением которого стал суфизм – форма исламского монашества. Суфисты объединялись в общины – рибаты или ханака, которые, в свою очередь, образовывали настоящие братства. Таким образом, Нур ад-Дин осуществил духовное и политическое объединение Сирии.

Итак, приход Зенги к власти в Мосуле и в Халебе положил начало процессу объединения мусульманской Сирии, который достигает своей наивысшей точки при правлении Нур ад-Дина. Он разработал последовательную политику, в основе которой лежала идеология джихада, опиравшаяся на организованную военную силу. В 1146 г. Нур ад-Дин завоевал графство Эдессу, а затем все нехристианские государства Сирии. Европейцы смогли сохранить за собой лишь свои старые земли.

В ту пору Нур ад-Дин именовался как «Хранитель страны Аллаха», «Победитель неверных и язычников». «Непобедимым» же его мог сделать захват Египта.

Главной ставкой в войне 1164 г. становится Египет, который в начале века теряет былое могущество.

Крестоносцы полагали, что если невозможно установить христианскую власть в Египте, то, по крайней мере, нужно, чтобы Египет стал союзником или же находился под их протекторатом. В данной ситуации инициатива исходила от самих египтян. В 1164 г. Шавар, визирь Верхнего Египта, скрывавшийся в Сирии, убедил Нур ад-Дина свергнуть Фатимидов и восстановить власть суннитов. Нур ад-Дин поручил эту миссию своему ближайшему помощнику, курду по национальности, Ширкуху, который во главе туркменского войска без труда выполнил это задание. Но, вновь став визирем, Шавар рассорился с Ширкухом и обратился за помощью к европейцам. Амальрик Иерусалимский осадил Ширкуха в Бильбейсе и, вероятно, захватил бы город, но обстоятельства вынудили его вернуться в Палестину. Дело в том, что Нур ад-Дин вновь занял Харим в Антиохийском княжестве. Новая попытка Ширкуха напасть на Египет в 1167 г. оказалась неудачной, так как Амальрик дошел до самого Каира.

Нур ад-Дин вновь совершил отвлекающий маневр, атаковав графство Триполи, после чего обе армии вынуждены были отступить. В результате Амальрик получил от Египта дань в 100 тыс. золотых монет, оставил в Каире правителя-европейца и гарнизоны, которые должны были следить за сбором дани.

Эти победы вдохновили крестоносцев. Амальрик задумал завоевать Египет и в письме к королю Франции, Людовику VII, раскрыл свой план: «Дорожа Вами и Вашим королевством, являясь Вашими преданными слугами и уповая на Вас и Ваше королевство, мы считаем возможным известить Ваше Величество об успехах нашего оружия (...). Если, как обычно, Ваша высочайшая добродетель пожелает нам помочь, то Египет без труда будет осенен Крестом Господним».

В 1168 г. Амальрик стал готовиться к походу (на этот раз египтяне не обращались к нему за помощью), целью которого теперь становится завоевание Египта. Началу военных действий предшествовало дипломатическое сближение Амальрика с Византией. Обе стороны решили завладеть Египтом, разделить добычу и, быть может, саму страну. В 1168 г.

Амальрик перешел к активным действиям.

Между тем Шавар заключил новый договор с Нур ад-Дином и Ширкухом. Крестоносцы заняли Бильбейс и осадили Каир, но в январе 1169 г. на помощь Каиру подоспели войска Ширкуха и его племянника Саладина, и те вынуждены были отступить. Попытка завоевать Египет не удалась, для крестоносцев он был потерян.

После смерти Ширкуха, по приказу Саладина, был убит Шавар. Саладин объявил себя визирем и при поддержке своей тюркской гвардии стал правителем Египта.

Саладин (1171–1193 гг.) – курд по происхождению, основатель династии Айюбидов – ярчайшая личность своего времени. Его смелость и честность вызывали восхищение и зависть, как у противников, так и у сторонников.

«Султан ислама»

Полновластный правитель Египта Саладин от имени Нур ад-Дина упразднил халифат Фатимидов, создал суннитские школы (медресе) и провозгласил о возвращении Египта в лоно халифата Аббасидов. Египтяне встали на сторону нового режима. Затем Саладин объявил себя маликом, то есть королем, завоевал Верхний Египет и направил свои войска в Йемен. При помощи силы утверждалось господство Саладина в Египте. Он стал соперником для Нур ад-Дина, тщетно пытавшегося вернуть его под свою власть. Нур ад-Дин потребовал, чтобы Саладин присоединился к его походу в Трансиорданию, для того, чтобы атаковать там тюркские крепости. Саладин подчинился приказу, но всякий раз, и в 1171 г., и в 1173 г., его войско отходило сразу после непродолжительной атаки. Нур ад-Дин решил захватить Египет и вырвать его из рук своего наместника, но 15 мая 1174 г. он умер. Саладин становится главной силой ислама.

На момент смерти Нур ад-Дина Саладин был правителем только Египта. После 1174 г. он завладел Дамаском, Хомсом, Хамой, а затем занял три четверти территории Сирии. Но его попытка объединить Египет и Сирию натолкнулась на сопротивление Халеба. Ему понадобилось девять лет (с 1174 по 1183 г.), чтобы создать самое большое государство на Востоке после государства сельджуков. Делал он это во имя объединения исламского мира, необходимого для ведения священной войны против крестоносцев.

Несмотря на болезнь Балдуина IV, пораженного проказой, франки долгое время одерживали победы над Саладином благодаря силе и активности своей армии. Латиняне поддерживали зенгидов, зная, что если Саладин одолеет их, он станет непобедимым. До 1176 г. им удавалось сохранять это положение, и в конце концов Саладин отказался от идеи атаковать Халеб. А европейцы, напротив, задумали напасть на Саладина в самом Египте.

Император Византии, Мануил Комнин, протекторат которого над северными княжествами представлял постоянную угрозу для ислама, был разбит в битве при Мириокефалоне (1176 г.) армией султана Кониин. В отместку византийский император предоставил франкам флот для совместного выступления против Египта. Но существующий между ними разлад вынудил их отказаться от этого замысла. Теперь отныне и навсегда франкам придется обходиться без помощи Византии.

Итак, инициатива перешла в руки к Саладину, который вел постоянную войну с европейцами. Победы чередовались с поражениями. Франки сохраняли свои основные позиции, но проигрывали сражения в самом центре своих территорий. Египетскому флоту удалось проникнуть даже в порт Акры. Осаждаемые со всех сторон, они в 1180 г. добились от Саладина перемирия. Победы Саладина укрепляли его авторитет в мусульманском мире. Он обвинил зенгидов в предательстве, но при поддержке жителей Халеба и Мосула им, тем не менее, удалось сохранить свои позиции.

Монархия франков продолжала ослабевать. Освобожденный после шестнадцатилетнего пленения в Халебе Рено Шатийонский становится правителем Трансиордании. При помощи крепостей Монреаль и Крак де Моав он контролировал жизненно важную для Саладина дорогу из Дамаска в Мекку, пролегающую через Египет. Рено Шатийонский совершал

разбойничьи набеги на караваны, а жестокий нрав побуждал его на дерзкие и необдуманные поступки. В 1181 г., не нарушая перемирия, он направился к оазису, расположенному неподалеку от Медины, на которую он планировал напасть. Но диверсия против его войска вынудила князя повернуть назад. На обратном пути он ограбил очень богатый караван, захватив добычу в 200 тыс. золотых монет. Несмотря на приказ Балдуина IV, он отказался вернуть награбленное Саладину, и это послужило причиной для новой войны.

Войско Саладина напало на Галилею и Самарию в то время, когда королевская армия была в Трансиордании. Саладин обвинил зенгидов в предательстве, поскольку те, воспользовавшись ситуацией, заняли Хаму и угрожали Дамаску. Он нанес ответный удар: в июне 1183 г. его армия вошла в Халеб. Так произошло объединение Сирии и Египта.

Война с европейцами приобретает непримиримый характер. Зимой 1182 г. Рено Шатийонский начал претворять в жизнь грандиозный и невероятный проект. На однопортовых верблюдах он перетаскивает корабли в Эйлат, в захваченный им порт на Красном море, а затем с войском идет на Медину. Подобные действия были оскорбительными для всякого мусульманина, и в особенности для Саладина, но эта ситуация позволила Саладину извлечь для себя пользу – он выступил в роли карающей руки ислама. По его приказу были схвачены и уничтожены участники этого похода, за исключением самого Рено Шатийонского, которому удалось бежать. В сентябре 1183 г. Саладин опустошил Галилею и захватил большое число крепостей. Возглавляемые Гвидо Лузиньяном, родственником и преемником Балдуина IV, европейские бароны придерживались оборонительной стратегии, которая вынудила Саладина отступить. Но предводитель мусульман ввергает франков в новую войну. В то время как ужасный голод истощал силы франков, мусульмане наносили удары, как на суше, так и на море. В 1185 г. Саладин предоставил латинянам новое перемирие на четыре года. На первый взгляд перемирие было поражением Саладина. В действительности же все было иначе.

Саладин согласился на временное прекращение боев, так как хотел захватить Мосул, а для этого ему нужно было время. Он контролировал огромную империю. В его распоряжении находились более 8 тыс. египетских и 6 тыс. сирийских всадников, арабские воины и призывники. Против такой армии франки могли выставить не больше тысячи рыцарей. Конечно, европейские рыцари были полностью защищены латами и могли победить, находясь в меньшинстве, но численное превосходство делает любую неудачу поправимой, в то время как любое поражение франков могло оказаться для них роковым.

Саладин создал в Египте военный флот, который был способен установить блокаду палестинских портов и поставить, таким образом, под угрозу их снабжение. Боевые средства армии Саладина были почти такие же, как у европейцев, за исключением «греческого огня», смеси из нефти, которая могла гореть на воде. Саладин был единственным, кто использовал «греческий огонь», ущерб от которого во время осады был огромным.

Однако слабой стороной Саладина было рассредоточение его армии, так как, образованная из войск эмиров, по окончании каждой военной кампании она распускалась. Как только военная кампания заканчивалась и исчезали перспективы получения добычи, войска, составляющие армию Саладина, возвращались в свои эмираты. По этой причине и из-за нехватки денег Саладин так и не смог довести свои успешные начинания до конца. Возможно также, что и зависть, которую он вызывал в мусульманском мире, являлась причиной такого положения вещей. Так, багдадский халиф считал, что Саладин хочет свергнуть с престола Аббасидов и занять их место. Ассасины дважды предпринимали попытки убить Саладина. Сначала Саладин хотел напасть на них в их логове, затем он добивался их расположения, лишая таким образом своих врагов, франков или мусульман, поддержки этой секты.

Несмотря ни на что, могущество Саладина росло, в то время как могущество латинских государств клонилось к закату. Война истощила силы франков. В 1183 г. Верховный суд Иерусалима принял решение собрать по всему королевству налог на частную собственность и на доходы. В 1184 г. патриарх Иерусалима и Великие магистры орденов тамплиеров и

госпитальеров отправились на Запад для того, чтобы привлечь внимание императора и королей Франции и Англии к бедственному положению латинских государств. Но их призыв о помощи не получил ответа. Франки остались одни перед угрозой, исходившей от армии Саладина. Чтобы устоять, им было необходимо единое и неоспоримое руководство. Однако ситуация складывалась иначе. Иерусалимское королевство было поделено между несколькими соперничавшими партиями, которые боролись за власть и влияние на короля. На первый план вышло сирийско-палестинское дворянство, или «пулены» (башмаки с длинными носами), как их называли вновь прибывшие из Европы. Кроме того, крупные сеньории превратились в практически независимые государства, и простые рыцари оказались в полной зависимости от своих сеньоров. Верховный суд представлял собой государственный орган, в который входили только дворяне знатного происхождения.

Помимо могущественной партии пуленов, существовала партия двора, на которую опиралась монархия. В эту партию входили дворяне, недавно приехавшие из Европы. И наконец, рыцарские ордена тамплиеров и госпитальеров, соперничавшие друг с другом, объединенные ненавистью к исламу.

При таком раскладе латинским государствам нужен был мир и время на восстановление единства, но в 1187 г. Рено Шатийонский нарушает перемирие. Рено Шатийонский был как колючка, вонзившаяся в империю Саладина, он оскорблял достоинства султана, взимая налог и грабя караваны, идущие в Мекку и из Сирии в Египет.

Давно объявив джихад, Саладин делает выбор в пользу войны, находясь при этом на вершине власти. Иерусалимское королевство в то время, напротив, утратило свою силу и очутилось в полной изоляции не только в международном плане, но и внутри самой Сирии, так как Антиохийское княжество заключило перемирие с Саладином, а фактическое отделение Рено Шатийонского и Раймунда III Триполийского ослабило его позиции.

Султан мобилизовал все силы, собрав 12 тыс. всадников. Он тут же осадил крепости Керак и Монреаль и нейтрализовал Рено Шатийонского. В июне 1187 г. Саладин с главными силами своего войска пересек Иордан и 2 июля осадил Тивериаду. Он разместил свое войско на возвышающемся к востоку от города плато, желая обезопасить себя от нападения франков. Франки же пошли к Сефории, там они нашли источники с водой и оттуда могли контролировать все дороги Галилеи.

Уже обвиненный однажды в трусости за отказ вступить в битву с Саладином в 1183 г., Гвидо Лузиньян на этот раз не мог ждать.

3 июля он приказал своей армии выступить в поход. Под палящим солнцем франки шли через плато. Армия Саладина, численность которой превышала 60 тыс. человек, преградила им подступы к источникам воды. 4 июля крестоносцы снова двинулись в путь, сталкиваясь с превосходящими силами противника и находясь под постоянными ударами лучников противника.

Гийом Тирский писал: «Всю ночь страдающие от жажды европейцы во всеоружии ожидали врага. Но сарацины не хотели сражаться до наступления жаркого дня. И когда наконец сарацины подошли, они разожгли вокруг христиан огонь, чтобы заставить их страдать не только от солнца, но и от огня. Когда король увидел бедственное положение своих людей, а его сержанты были готовы сдаться, он приказал графу Триполийскому напасть на сарацин».

Попытка прорыва стала стратегической ошибкой. Все солдаты армии крестоносцев были либо убиты, либо взяты в плен. Всего за один день Саладину удалось уничтожить ударную силу противника.

Султан обращался с Гвидо Лузиньяном как с королем. Казнив Рено Шатийонского, он сохранил жизнь пленникам и объявил тамплиеров и госпитальеров заклятыми врагами ислама. В Иерусалиме франки не поддавались атакам Саладина, но предупредили его, что, если он не сохранит им жизнь, они не оставят в живых никого, ни христиан, ни мусульман, и сожгут мечети, прежде чем сами погибнут в бою.

Султан осаждал поочередно все города и крепости, предлагая выгодные для

осажденных условия сдачи. За свободу население захваченных городов должно было выплатить им выкуп: десять византийцев за мужчину и пять за женщину. На бедняков устанавливалась общая цена: 10 тыс. византийцев за 7 тыс. мужчин. Патриарх и богатые горожане не жалели на это своих средств, а военные ордена оставались в стороне. Сам Саладин и его брат выкупили большое количество христиан. В целом было выкуплено сразу 8 тыс. европейцев, 10 тыс. европейцев было отпущено бесплатно Саладином, и от 10 до 15 тыс. продано в рабство, 5 тыс. из которых отправлено в Египет для строительства крепостей. 2 октября 1187 г. крепость Иерусалим пала. Храм Гроба Господня был закрыт, а мечети открыты.

Ибн ал-Асир писал: «Мусульмане захватили большой крест, называемый Истинным крестом, который, как говорят они (христиане), содержит частицу Животворящего Креста Господня, на котором был распят Мессия. Эта потеря нанесла им тяжелый удар, она была для них равнозначна смерти и поражению».

Сочетая применение силы с предоставлением противнику выгодных условий для сдачи, Саладин захватил все города и крепости франков, за исключением Триполи, Антиохии и Тира, которые отстоял Конрад Монферратский.

Победы Саладина подняли волну возмущения в Западной Европе, что привело к 3-му крестовому походу (1189–1192 гг.). За сто лет христианский мир Западной Европы изменился. Теперь крестовые походы интересовали только папство и королей. Третьим походом руководили германский император Фридрих I Барбаросса, французский король Филипп II Август и английский король Ричард I Львиное Сердце.

Ричард Львиное Сердце завоевал уважение противников благодаря, скорее, своей безумной отваге и храбрости солдат, чем благородству своей души. Король Англии был столь же жесток, как и Рено Шатийонский. После взятия Акры в августе 1190 г., уставший от затянувшихся переговоров с Саладином и, вероятно, из-за боязни быть обманутым, Ричард Львиное Сердце приказал вывести из города пленных мусульман (от 2700 до 3000 человек), выстроить их перед передовым отрядом мусульман и перерезать им горло.

Третий крестовый поход уменьшил значимость победы Саладина, вынудив его смириться с существованием государства франков. Поход продемонстрировал военную мощь Европы и ее возможность переправить по морю значительный военный контингент. И наконец, он показал, что христианство Западной Европы все еще может мобилизовать свои силы для похода к Святой земле. Но в историческом масштабе победа, бесспорно, принадлежала Саладину. Попытка Иерусалимского королевства и других латинских государств создать сильное государство на Востоке окончательно провалилась.

Однако 3-й крестовый поход сохранил жизнь латинским государствам, утратившим былое значение, существование которых теперь зависело от помощи из Европы, на которую они уже не надеялись.

Саладин продолжил дело Нур ад-Дина и пошел дальше в воплощении своих идей: провозгласил низложение династии Фатимидов; основал династию Айюбидов; в 1175 г. принял титул «Султан ислама и мусульман»; в 1183 г. объединил Сирию и Египет; в 1187 г. взял Иерусалим, изгнал крестоносцев из большей части Сирии и Палестины; главной своей целью считал объединение суннитов в борьбе с шиитами и христианами. «Если бы Аллах не проявил милости к мусульманам и не погубил германского короля, то сегодня говорили бы: когда-то Сирия и Египет были частью исламского мира», – писал в своих трудах Ибн ал-Асир.

Христиане прожили на Востоке целый век, но чтобы они ни предпринимали, судьба их была преопределена: в 1291 г. франки были изгнаны.

Однако, что касается последующих крестовых походов, то 4-й крестовый поход (1202–1204 гг.), организованный по инициативе папы Римского Иннокентия III, был направлен против Византии, на части территории которой, после захвата крестоносцами Константинополя, была создана Латинская империя (1204–1261 гг.).

Последние походы – пятый (1217–1221 гг.), шестой – (1228–1229 гг.), седьмой –

(1248–1254 гг.), восьмой – (1270 г.) – существенной роли в мировой истории не сыграли.

Знали крестоносцы, на что шли? Может быть, кто-то из них и понимал опасность, да и тщетность этого похода, но, увлеченный стихийным потоком, шел на верную гибель вместе с остальными. Из неорганизованной массы, ведомой Петром Амьенским, уцелели единицы – те, кто успел бежать от сельджукских сабель. Организованное рыцарское ополчение Готфрида Бульонского, Раймунда Тулузского и Боэмунда Тарентского одержало несколько побед и заняло Иерусалим, но из 110 тыс. воинов, переправившихся через Босфор, до Иерусалима дошло 10 тыс. И часть их погибла при штурме города, хотя гарнизон Иерусалима состоял из одной тысячи египетских мамлюков.

И на этом успехи крестоносцев, отборного воинства католической Европы, прекратились.

Сельджуки остановили наступление крестоносцев, даже не нуждаясь в объединении своих многочисленных эмиратов. Теперь Сельджуки уже мощная держава, господствующая в Малой Азии. Они втянуты в сложный политический клубок. У сельджуков – тех, кого и крестоносцы, и Византия сначала хотели уничтожить, – теперь обе стороны ищут заступничества, помощи, союза. И ведь нельзя обвинить французских рыцарей в недостатке храбрости, а итальянских – в нехватке хитрости и изворотливости. Иерусалимские короли сумели привлечь на свою сторону горцев Ливана – маронитов, отколовшихся в VII в. от Греческой церкви, но мужественно отстаивших свою свободу от арабов. Марониты объединились с Римской церковью. Рыцари-монахи: тамплиеры и иоанниты – освоили тактику войны в пустыне. Европа сто лет отправляла лучших бойцов в «Заморскую землю», но успеха не было.

Степные богатыри с трудом сдерживали напор греков, а воюя с крестоносцами, одерживали победы одну за другой. В 1144 г. пала Эдесса и, восстав, снова была взята в 1146 г. Вторжения крестоносцев в Египет в 1163 и 1167 гг. были отбиты, а в 1187 г. мусульмане вернули Иерусалим. 2-й и 3-й крестовые походы в 1147–1149 гг. и 1189–1192 гг. захлебнулись. Лучшие рыцари Европы спасовали перед сельджуками. Города Палестины и Ливана перешли к обороне. Гарнизоны крестоносцев держались в них лишь благодаря тому, что венецианцы и генуэзцы морем поставляли им оружие и провиант.

И в Магрибе, на западе Арабского мира, было то же самое. При Аларкосе в 1195 г. берберы-альмохады сокрушили рыцарское воинство Кастилии, куда стекались рыцари со всех стран Европы.

Французы в Средиземноморье встретили неодолимого для них врага – куманов и тюрков. Их не боялись только русичи, да и то потому, что русские князья женились «на красных девках половецких», а боярышни выходили замуж за кыпчакских богатырей.

Почему же храбрейшие рыцари Европы потерпели поражение?

В XII в. в Германии служилые латники превратились в бургграфов – рыцарей-разбойников. Фридриху Барбароссе приходилось их вешать.

Во Франции королю отказывали в подчинении Бретань, Нормандия, Анжу, Мэн, Аквитания, Тулуза, Лангедок и Фландрия, не говоря о Бургундии и Лотарингии. А в Провансе не признавали даже католической церкви, боясь катаров.

В Англии шла постоянная война с кельтами, а англосаксонское население убегало за пределы острова от королей-французов (Плантагенетов) и их феодальной армии.

В Италии воевали Венеция с Генуей, Флоренция с Пизой, Милан с Романьей и, что хуже всего, папы с императорами.

В условиях растущей феодальной анархии умные правители нашли главную доминанту. Они предложили направить энергию системы вовне, на соседей, а потом на Святую землю. Это-то понятно, но беда в том, что новая доминанта наложилась на старую – спор между папами и императорами, причем нельзя сказать, какая из сторон была хуже. Папа Иоанн XII был сатанистом, император Генрих IV – тоже. Резюмируя, можно сказать, что огромные силы Европы в значительной мере гасились внутри нее самой.

Именно тюрки спасли Восток от колонизаторов с крестами на плащах.

Феодалная Европа сто лет (1093–1192 гг.) бросала в Палестину храбрейших рыцарей, лучший флот и даже заключала союзы с исмаилитами, но тщетно. Отбитый у Фатимидов Иерусалим был снова захвачен курдом Саладином, под предводительством которого сражались тюрки, как купленные на базаре, так и прикочевавшие со своими семьями и стадами. Персидский историк Раванди писал в сочинении, посвященном султану Рума (1192–1196 гг.): «Слава Аллаху... в землях арабов, персов, византийцев и русов слово принадлежит тюркам, страх перед мечами которых прочно живет в сердцах».

Наступление латинян на православие было также остановлено тюрками, как и нажим их на ислам. Зато там, где тюрков не было – в бассейне Балтики, – немцы, датчане и шведы имели полный успех. Сопротивление полабских славян было сломлено немцами, в устье Двины построена крепость Рига (1201 г.), Эстонию захватили датчане, Финляндию – шведы. На очереди были пруссы, литовцы и русские, но это уже XIII в., когда расстановка сил изменилась.

Участок немецкого наступления на восток был расположен в долине Дуная, захваченной венграми в 900 г. Сто лет венгерские богатыри громили католическую Европу, приводя в свои становища немцев, итальянцев и французов, а те, естественно, рожали им детей.

К 1000 г. Венгрия стала страной со смешанным населением, наполовину христианским, что позволило королевичу Вайку, в крещении Стефану, произвести монархический переворот и объявить католичество государственной религией. Почти сто лет венгры сопротивлялись европеизации, но были жестоко подавлены детьми и внуками своих пленниц. Так сложился новый этнос, европейский по составу и культуре, но со старым языком и названием. Венгры в 1097 г. начали наступление на русское княжество Галицию, но потерпели поражение и опять от тюрков. И до середины XIV в. Галиция оставалась русской, несмотря на наличие в ней сильной провенгерской боярской партии. Все изменилось только после польской оккупации территории бывшей Киевской Руси.

Если на Западе Крестовые походы взволновали все слои населения в христианских странах, то на Востоке, за исключением западных провинций, которых эти походы непосредственно касались, волновался по поводу успехов христиан только фанатично настроенный Багдад. Эмиры не брезговали союзами с иноверцами против своих соседей, ибо не придавали крестоносному движению большого значения, поскольку знали, что их самый страшный враг – антисистема исмаилитов. Арабы были для сельджуков не опасны.

С переходом к мусульманам Акры (1291 г.) крестоносцы полностью утратили свои владения на Востоке. «Христианский мир» не смог сокрушить «мир ислама». И хотя разноплеменный халифат, ставший по существу Сельджукской державой, развалился, стало ясно, что непонятный, но ощущаемый всеми символ еще отделяет мусульман от православных, католиков и евреев и способен собрать и организовать вокруг себя достаточное число жертвенных паладинов веры Пророка, хотя то были тюрки, а не арабы.

Итак, в течение двух веков, начиная со времен правления Готфрида Бульонского и кончая периодом царствования Людовика Святого, европейцы различных социальных слоев вставали под знамена церкви, чтобы отбить у мусульман или защитить Святую землю. Во имя Христа они убивали неверных, захватывали их города – Nikeю, Антиохию, Тир, Иерусалим, основав Латинскую империю.

Для мусульман же этот религиозный подъем христиан был не более чем агрессией варваров. Тюрки – эмир Зенги и Нур ад-Дин – объявили христианам джихад, и миф о непобедимости франков был развеян. Тюрк Саладин, султан Египта и Сирии, нанес европейцам последний удар. Окончательно крестоносцы были изгнаны со Святой земли в 1291 г.

Так закончилась двухсотлетняя эпопея – ожесточенная борьба могущественных и отважных людей, в результате которой родились враждебность, недоверие и взаимное непонимание, которые сохраняются между народами Запада и Востока на протяжении нескольких веков.

Если человечество когда-либо позорилось в борьбе за то, что принято считать его высочайшим и священнейшим достижением, то, без сомнения, это было в Крестовых походах.

Управление и экономика тюрков на мусульманском Востоке

Органы власти, существовавшие до тюркских завоеваний на мусульманском Востоке, оказались непригодными для осуществления прочного господства над древними народами, имеющими тысячелетнюю историю государственности.

Политическая структура прошла в своем развитии несколько этапов. В начале завоеваний формировались кадры чиновников, в числе которых имелись секретари (катибы), послы, советники, переводчики. Правители понимали, что для создания стабильной организации управления им нужны помощники из местного населения. Приняв в 1037 г. в Нишапуре титул султана, Тогрул-бек сказал: «Мы люди новые и чужие, с обычаями местных незнакомы», – посему подбирались кандидатуры в советники и помощники из местного населения. Важную роль при правителях наряду с советниками играли доверенные лица из влиятельного мусульманского духовенства.

Процесс формирования сельджукского государственного аппарата был относительно длительным. Органы управления, возникшие в начальном периоде завоеваний, развивались и крепились в дальнейшем. Переход от режима военной оккупации к административному управлению завоеванными областями потребовал создания постоянных органов власти. В первую очередь это вызвало необходимость в учреждении финансово-налоговых ведомств. В условиях военного времени тюркские правители зачастую довольствовались контрибуцией или данью с завоеванных стран. Однако постепенно вводится система регулярных налоговых сборов. Христиане всех национальностей предпочитали тюркские поборы византийским налогам, силу султана, пусть и грубую, – слабости базилеуса, порядок – анархии.

Завоевав новые территории, султаны начали раздавать своим приближенным «земли в кормление». Эти «кормления», или пожалования (икта), султан раздавал исключительно за военную службу. Иктадар получал право собирать заранее определенные государством налоги с предоставленного ему земельного участка и расходовать их на свои личные нужды и военную экипировку, чтобы по требованию султана выступить в поход в качестве воина-кавалериста и одновременно отвечать за поддержание порядка на местах и справное выполнение зависимым крестьянством повинностей перед государством. Внедрение системы икта в определенной мере ограничило произвол командиров и солдат, которые нередко попросту грабили мирных жителей. Предоставление наделов в качестве икта военным способствовало увеличению доходов с земледелия и ремесла. Иктадар был заинтересован в росте объема продукции в отданных ему или значившихся за ним владениях.

Султаны раздавали земли близким родичам, вассалам и крупным военачальникам, а также гулямам и вольноотпущенным военным – заслуженным и преданным султану.

Султан жаловал им провинции, области. Все эти земли не были наследственными и могли быть изъяты султаном. Однако с течением времени икта стал претерпевать трансформацию и превращаться из временного в пожизненное, а затем и в наследственное владение. Раздача целых областей и провинций в качестве икта привела к тому, что единая держава со временем поделилась на ряд владений и государств под номинальным сюзеренитетом «великого султана».

На государственные должности набирались люди предпочтительно по национальным признакам, с присущими им способностями. Духовные дела были поручены халифу и арабам, а гражданские – образованным персам. На должность визиря обычно подбирались кандидатуры перса.

Должность визиря – средневекового премьер-министра – была самой высокой в империях тюрков. Основной должностной обязанностью визиря было руководство всем государственным аппаратом. В его ведении находился верховный орган центральной власти,

называвшийся диван-и-ала. Он был разветвлен на отделы и состоял из ряда официальных учреждений (диванов). Основными правительственными учреждениями были: государственная канцелярия, высший финансовый орган, контрольно-инспекционный департамент и армейское ведомство. Визирь осуществлял непосредственно руководство над всеми начальниками этих государственных ведомств. В качестве главы центральной власти он контролировал деятельность казнохранилищ и других учреждений. Визирь имел право назначать и отстранять служащих, устанавливать размеры довольствия и жалованья служащим различных категорий.

Однако в созданной системе управления прослеживается механизм действия политических институтов кочевых и полукочевых тюркских племен. В частности, это нашло отражение в существовании института атабеков. У тюрков Средневековья атабеки играли роль наставников, советников и воспитателей малолетних принцев. Однако в моменты слабости султан мог попасть под прямое влияние атабека, который воспитывал его в детстве. В Иране, Сирии, Месопотамии атабеки часто управляли государственными делами и даже основывали свои династии. Ничего подобного не было у сельджуков Рума, где гувернеры не выходили за определенные рамки. У сельджуков институт атабеков в завоеванных странах стал функционировать как институт визирей.

Стремясь подорвать влияние племенных вождей, правительственные чиновники выступали за усиление султанского единовластия – по старой персидской теории государства, где султан был как бы Божьим избранником и самодержавным правителем. Султанская власть была огромна, он считался верховным распределителем всего государственного и коронного имущества. Только султан имел право давать земельные наделы в условную или наследственную собственность. Султан был обязан контролировать деятельность государственного аппарата, разбирать жалобы на вельмож и должностных лиц. Он должен был ведать не только гражданскими, но и военными делами, назначать и смещать полководцев. Власть правителей, основанная на идее самодержавности, теоретически считалась неограниченной, но при решении государственных дел султан собирал совещание с высшими сановниками. Подобные собрания в пору расцвета империи были постоянными институтами власти, но затем, в условиях усобиц и ослабления центральной власти, узкие советы знати играли более заметную роль.

Для поддержания должного порядка в обширной державе необходим был не только механизм военного подавления, но и определенные социальные и экономические мероприятия. К примеру, при султани Малик-шахе большие средства были затрачены на прокладку оросительных каналов, постройку мостов, возведение стен вокруг городов, пограничные укрепления и места стоянки торговых караванов. Большое внимание уделялось благоустройству и охране магистральных путей, в частности дорогам, по которым двигались мусульманские паломники. Строились караван-сарай. Малик-шах построил в Багдаде дворец, рынок, торговые заведения, заложил фундамент так называемой соборной мечети султана.

В 1070–1090 гг. велись работы по восстановлению и строительству ирригационных сооружений в различных областях империи сельджуков, к примеру плотина на Мургабе – реке, которая с древних времен щедро поила всю Мервскую округу; Мургаб перегораживался несколькими хворостяными запрудами, от которых по большим и малым арыкам вода подавалась на поля.

Правители уделяли внимание строительству в крупных городах не только мечетей, но и медресе, что имело большое идеологическое значение: открытие таких заведений было необходимо для укрепления могущества империи и власти правящей династии. Такие медресе – высшие мусульманские учебные заведения – открылись в Багдаде, Мосуле, Басре, Дамаске, Нишапуре, Амуде, Балхе, Мерве, Герате и т. д.

Как известно, на просторах Великой степи тюрки пользовались повозками с большими колесами, но во всех исламских странах и в стране Рум такие повозки были не в ходу. Мусульманская цивилизация, основанная на торговле, в качестве средства передвижения

предпочитала верблюдов, поэтому вместо дороги и римской повозки античных времен использовали тропы. Сельджуки построили караван-сарай во всех узловых пунктах Анатолии, откуда из Конии шли пути на восток, север и запад до самых византийских границ и на юг, вплоть до портов Анталии и Алании. Эти сооружения контролировались султанами, визирями или богатыми людьми и находились в коллективной собственности. Их обнаружено более сотни, неплохо сохранившихся, некоторые датируются годами, которые примерно соответствуют монгольскому нашествию. Торговлей с Европой по морю занимались венецианцы, с которыми заключали выгодные договоры пизанцы, провансальцы и генуэзцы; а торговый обмен с арабами, может быть не такой активный, осуществлялся в основном через мусульман и византийцев. Хотя тюрки построили и флот – например, в Алании сохранилась верфь XIII в., – морская торговля тюрков не была развита. Объем вывоза полуфабрикатов или готовой продукции намного превышал объем импорта. Поэтому богатства преумножались. Чеканилась государственная монета. Сначала это были медные деньги, затем серебряные и, наконец, золотые в XIII в.

Тюрки главным образом производили смолу, хлопок, кунжут, заготавливали древесину, выращивали оливки и фрукты.

Промышленность занимала почти такое же важное место, как и сельское хозяйство. Добывали квасцы, железо, серебро, соль, лазурит. Квасцы, начиная с XIII до середины XV вв., поступали на Запад из Малой Азии. Водяные и ветряные мельницы, знаменитые в Европе «турецкие игрушки», вращались в небе и в воде. Хорошо было развито ремесленничество. Богатое разнообразие изделий в ту эпоху можно представить, если пройти сегодня по восточным базарам, – это настоящие улицы медников, горшечников, керамистов, ткачей, кожевников, сапожников, оружейников. Здесь вязали и ткали ковры всегда, еще до того, как тюрки пришли на Ближний Восток. Туда везли их иранцы, а в Анатолии, возможно, монополия на ковроделие принадлежала армянам, но тюрки развили это искусство, которое пользовалось успехом в Европе в последующие столетия.

Язык, литература, искусство

Во времена Караханидов, тюрков, живших в тюркизированной стране, и язык, и литература также были тюркскими. Следует еще раз вспомнить их первых писателей: Юсуфа Баласагуни, автора «Благодатного знания», и Махмуда аль-Кашгари, который составил замечательный словарь тюркского языка на арабском языке, являющийся также литературной антологией. Они были не единственными писателями: можно упомянуть мистика Ахмада Ясави, чье влияние трудно переоценить.

В других местах, у газневидов, сельджуков Ирана и Малой Азии, официальным и «культурным» языком был персидский. Его авторитет был настолько высок, что тюркская верхушка отказалась от родного языка, считая его неспособным выразить возвышенные мысли. Это продолжалось долго, и потребовалось падение крупных тюрко-мусульманских монархий, чтобы тюркский язык обрел достойное место. Еще в XV в. Алишер Навои (1441–1501 гг.), пытаясь доказать превосходство своего языка над персидским, говорил на нем по законам иранского языка с использованием множества персидских слов. У османов, которые тоже были тюркоязычными, арабо-персидские обороты речи и словарь искажали родной язык до такой степени, что его пришлось реформировать в конце XIX в. и особенно в XX в.

Именно при дворе Махмуда Газневи персидский язык пережил настоящее возрождение, а при Саманидах сформировался окончательно. Просвещенный властитель привлек все лучшие литературные умы Востока. Среди них был Ибн Сина, Авиценна (980–1037 гг.).

Упражнения в словословии в какой-то мере стали причиной того, что гений некоторых творцов потускнел. Гений Фирдоуси, навлекая на себя немалую опасность, проявился в «Шахнаме» («Книге царей») – самой грандиозной эпической поэме Ирана. При Великих

Сельджуках и их преемниках царил еще большая свобода выражения, это было время расцвета всего лучшего в персидской поэзии: Насири Хосров, Низами, Омар Хайам, Саади, Джами, Хафиз. Может быть, благодаря этим именам царствование сельджуков стало золотым веком Ирана.

Но был и тюркский народ, находящийся в стороне от этого литературного подъема: люди не знали персидского языка и говорили на тюркском, который они усвоили от своих отцов и не пытались усовершенствовать. Это спасло их и помогло остаться тюрками. Они очень любили песни, оды и эпос и не переставали сочинять их, но никогда не пытались их записывать. Их устная литература, весьма консервативная, – только силлабическая рифмованная поэзия или, скорее, собрание шуток и острых словечек. Если тонкие чувства выражались в «мани», то эпические тексты, нарочито грубые и фантастические, с мусульманскими и языческими героями и множеством сверхъестественных существ, корнями уходили в шаманизм.

Ходжа Насреддин, который якобы жил в XIII в., – простой человек из народа, реалист и прагматик с искрящимся и острым юмором; вокруг него сформировался целый цикл забавных историй, имевших неслыханный успех, и тюрки носили их с собой повсюду, до Балкан и Магриба.

Письменная литература появилась поздно, во второй половине XIII или в начале XIV в. Самым ярким ее представителем был Юнус Эмре (1240–1320 гг.), суфист, из тех, которых «потеряли» классические тюркские поэты Османской эпохи, потому что они стали «нечитаемыми».

Сельджуки в полной мере пользовались плодами иранского Ренессанса и многое сделали, чтобы упрочить его. В этой связи особо важно отметить роль министра Низама аль-Мулька. Чтобы укрепить и распространить мусульманскую ортодоксию, он создал новый культурный тип, «мадраса», или – по-тюркски – «медресе», в котором некоторые не совсем верно видят лишь школу Корана или религиозный университет. Первые медресе появились в Багдаде, Нишапуре, Исфахане, Герате, Мерве. Оттуда они распространились по всему Ближнему Востоку, затем в Египет, до самой Северной Африки. Они строились для какой-нибудь выдающейся личности, например великого философа аль-Газали, одного из первых преподавателей, или для группы ученых мужей и служили очагами исламских и светских наук, астрономии, медицины, химии... Однако они не принесли ожидаемых плодов и не смогли искоренить шиитство или покончить с исмаилитами, «курильщиками гашиша и убийцами». Напротив, стали развиваться другие неортодоксальные течения, например так называемое двенадцатиричное шиитство и ахаризм.

Мы только по раскопкам и редким сохранившимся фрагментам знаем, чем было великое газневидское искусство, и мало информированы о караханидском искусстве, зато имеем яркие образцы искусства Великих Сельджуков Ирана. В этой стране почти не осталось памятников ранее XI в., которые позволили бы сравнивать, но то, что сохранилось, свидетельствует об удивительной творческой жизни, кипевшей там. Одним из высших ее проявлений является новая планировка мечети, которая должна была заменить усыпальницу (очевидно, арабскую) с параллельными нефами, накрытыми потолком: это – транспозиция газневидского дворца круглой формы с большим двором в центре, в который выходят огромные залы арочного типа, закрытые с трех сторон и широко раскрытые с четвертой стороны, с монументальными портиками, к ним примыкают два минарета в форме усеченного конуса и зал для молитв под общим куполом в южном зале. Эта планировка, которая позже стала необычайно популярной и дошла до наших дней как образец мечети и иранского медресе, целиком скопирована с мечети Пятницы в Исфахане, памятника, который наиболее полно выражает национальный гений и над которым работали целые поколения. Имена Малик-шаха и Низам аль-Мулька вписаны в купола и стены вестибюля.

За исключением восточных территорий, где изначально селились арабы, Анатолия не составляла часть Дар аль-Ислама до нашествия сельджуков, и им предстояло построить все это: культовые сооружения, учебные заведения, больницы, обсерватории, дворцы... И они

сделали это. Однако ни одно сооружение не датируется ранее 1150 г. Более ранние постройки принадлежат Великим Сельджукам или Данишмендам. Их стало намного больше только в конце XII в. и особенно в XIII в. Самое старое медресе в Кайзери построено в 1193 г., хотя в это время их уже было много повсюду – более сорока только в Алеппо. Плодотворное творчество сельджуков продолжалось не более ста лет, из них самое лучшее было создано за пятьдесят последних лет.

Иногда априорно утверждают, что сельджукское искусство Рума было лишь периферийной частью иранского искусства, однако это не так, несмотря на сходство фресок обеих стран, керамических украшений в виде крестов и звезд, общую приверженность таким формам и методам, как ниши сталактитового типа или пчелиные соты, «мукарнас». Если иранцы строили из кирпича, то сельджуки Рума – из камня. Если первые создавали новый тип мечети, наполненной светом и воздухом, то вторые еще следовали так называемому арабскому образцу с параллельными нефами, ограниченными колоннами и тяжелыми столбами в молельнях – грубых, суровых, иногда лишенных всякой гармонии. Только два медресе, одно в Эрзеруме, другое в Сивасе, напоминают иранский тип со сдвоенными минаретами. Не один раз в Малой Азии вносились изменения, чтобы вписать строения в окружающий ландшафт: например убирали двор перед молитвенным залом, внутренний дворик медресе становился меньше и накрывался куполом для защиты от зимних холодов.

Еще более тесное родство существует между архитектурой сельджуков Рума и армянской архитектурой – результат ирано-византийского компромисса; оба типа развивались параллельно и не без заимствований. Наконец, сельджукское искусство находилось под некоторым влиянием сирийского и византийского стилей, также на него влияли тюркские традиции. Это искусство, в котором так много заимствований, что свидетельствует о его творческом гении, могло себе позволить быть одновременно уникальным, личным и типичным для мусульманской культуры. Оно являет собой яркий пример плодотворного союза тюрков и ислама в Средние века.

Во всех исламских обществах основным сооружением является мечеть. Иная картина в царстве Рума, где ее функция чисто утилитарная, а на первом месте стоят караван-сарай. Для того чтобы радовать глаз и душу, были построены эти великолепные сооружения. Они строились из красивого белого камня на перекрестке дорог, в степях и селениях, это были настоящие храмы торговли; чаще всего центром планировки служил центральный неф арочного типа, к которому примыкали приделы со стрельчатыми сводами. Их мощь, безупречные пропорции, суровая гармония напоминают архитектурное искусство бенедиктинцев.

Еще больше было мавзолеев: небольших размеров, стоявших безо всякого строгого порядка на улицах, площадях и прямо в полях. Это также характерная черта анатолийского искусства. Они имели круглую форму, позже прямоугольную, в виде приземистой башни с небольшим куполом на пирамидальной крыше. Позже в Иране и монгольской Индии они превратились в погребальные дворцы и располагались в садах.

Культ мертвых отторгался мусульманским миром, и в первые столетия хиджры мавзолеев не было. Согласно Корану хоронить умерших полагалось в пустынных местах, под безымянной плитой; кладбища представляли собой бесформенные скопления камней. Могилы эпохи сельджуков Анатолии относятся к самым древним, после иранских могильных башен и напоминают юрты кочевников. Предполагается, что они скопированы с юрт, как и все «погребальное» искусство ислама.

Во времена сельджуков Рума украшательство еще не было широко распространено: оно не вписывалось в мусульманскую эстетику, которая требовала, чтобы каждый элемент был подчинен единству целого, которая осуждала округлые выступы и отвергала рельеф, предпочитая плоскость. Вообще декор, старательно подчеркнутый, часто алогичный со своими маленькими колоннами, которые ничего не поддерживают, со своими розетками и дисками, больше соответствует барокко и представляет собой собрание произвольно подобранных кусков. В нем особенно привлекает склонность к изображению фигур людей и

животных, к самобытным образам, которые возникли из древности, из остатков анатолийского прошлого. Ими изобилуют стены городов и дворцов, медресе, караван-сараяв и даже редких еще мечетей. Удивительные произведения ислама Средних веков и более поздних времен все еще существуют и дают повод говорить о целой школе. И такая школа не единственная в XIII в.: она, возможно, родилась из искусства Газневидов, от которого остались только немногие мраморные сооружения, она близка к искусству «штукатурных фресок» и к творениям из камня нынешнего Ирана, Сирии и, что удивительно, к кубачинскому искусству Дагестана. Ее тематика, в той мере, в какой ее можно анализировать, кажется родственной древним представлениям Центральной Азии, изображениям диких зверей, звериных сражений или людей. Будучи новинкой в архитектуре, эта образность давно использовалась в ремесленных искусствах ислама, в изделиях из слоновой кости, дерева, металла, керамики, начиная с Самарры и ее вассальных земель, и она распространилась по всему Востоку вплоть до Испании. Тюрки только дали ей новый толчок: иконография Фатимидов Египта, а позже Айюбидов и Мамлюков имеет явные следы ее влияния.

Тюрки и ислам

До тех пор, пока существовал Великий Тюркский каганат, среди кочевников не возникало необходимости для пересмотра своих идеологических принципов. Но как только империя распалась, положение изменилось: пришлые миссионеры стали развенчивать религию тэнгрианства и культ духов предков. Некоторые тюркские ханы начали воспринимать новые идеи, приносимые из Сирии и Ирана.

Между исламом и древней тюркской религией много схожего, на это сходство обычно и делают акцент. Великий небесный Бог у монотеистов, видимо, ассоциировался с Аллахом, мусульманская вера в джиннов и ангелов способствовала сохранению, пусть и в измененном виде, старых второстепенных божеств, бесчисленных «хозяев-духов». Однако существовали и противоречия, когда речь шла об обычае, диаметрально противоположном Корану, например культ мертвых и культ захоронений. Существовали и абсолютные разногласия в вопросах, по которым обе стороны твердо стояли на своем и не шли на компромисс. Например, ритуал жертвоприношения животных: согласно исламу животному надо перерезать горло и выпустить кровь, а у тюрков требовалось задушить его без единой капли крови. Это противоречие было одним из препятствий к обращению тюрков.

Что касается сельджуков, то они частично обязаны своим успехам присоединению к суннитской ветви и верностью халифату. Из этого вытекала вся их политика, и роль сельджуков в этом смысле была значительной. Нет никаких оснований полагать, что их внутренние порывы не соответствовали их реальным действиям. Но какой бы ни была искренность их веры, они сохранили многие языческие традиции и были исключительно терпимы к различным конфессиям. Толерантность особенно проявилась в Анатолии, где население в массе своей было христианским. Султаны организовывали дебаты, на которые приглашали ученых мужей, представителей различных вер. У принцесс-христианок были свои священники и своя молельня в сельджукских дворцах. Кылыч Арслан II писал своему другу, сирийскому патриарху Малатии, что благодаря его молитвам он победил византийцев. Возможно, что все это диктовалось необходимостью мирного сосуществования, но это также отвечало привычкам и идеалам тюрков: так было у хуннов, уйгуров, чингисидов и Великих Моголов. Ислам относился исконно терпимо к евреям и христианам, и в мусульманском мире этому феномену не было ничего подобного. Арабские путешественники Средних веков, бывая в Малой Азии, неизменно возмущались этой ситуацией.

Народные массы отличались еще большей «неверностью». По правде говоря, они были лишь частично исламизированы, или же исламизация означала для них простое признание ислама. В литературе даже более поздних времен встречаются доказательства этого факта, которые сами по себе убедительны, даже если не сверяться с другими источниками. Первая

тюркская версия Хамзы (XIII в.) истории Иосифа и жены Путифара («Юсуф ве Целия»), высоко ценяемая в мусульманском мире, начинается, как и все мусульманские тексты, с выражения «Во имя Аллаха, Милостивого и Милосердного». И Хамза считает своим долгом объяснить по-тюркски все слова этого ежедневного обращения, включая имя Аллаха. Еще позже в огузском эпосе «Деде Коркута» на каждой странице встречаются следы тюркского язычества, а также молитвы, обращенные к божественной триаде – горе, воде и дереву. Тем не менее за период между концом XI и серединой XIII в. влияние язычества постепенно уменьшалось, затем возросло в связи с тюрко-монгольским нашествием и снова пошло на убыль начиная с XV в. Стоит ли еще раз говорить о его жизнестойкости на протяжении тысячелетий.

Монархи и высшие чиновники наряду со своими мусульманскими именами выбирали и тюркские имена тотемистского типа, зачастую анималистические: Альп Арслан, Тугрул-бек, Чагри-бек или знаменитый визирь Каратай. Именно они вывешивали на стенах городов и дворцов свои гербы и не боялись нарушить исламские запреты на изображение людей и на горельефы, несущие в себе светотень.

В течение долгого времени сохранялись многие языческие обычаи, например раскапывать останки мертвых врагов и сжигать их, причем мало кто знал, что это делалось в память тех времен, когда это был единственный способ избавиться от земного существования своего врага. Сохранялась традиция не умерщвлять членов царской династии с пролитием крови, потому что, по древним представлениям, в крови находилась душа: их просто-напросто убивали через удушение арканом или войлочными покрывалами и подушками; древки знамен по-прежнему украшались конскими хвостами.

Во всех тюркских странах, исламизированных и не исламизированных, положение женщины абсолютно противоречит образу, который ассоциируется с исламским обществом. Тюркская женщина не прятала свое лицо, не запиралась в гарем – она свободно участвовала в политической и общественной жизни.

Раскол, который влечет за собой больше свободы, нежели суннитство с его догмой, и принимает разнообразные и гибкие формы – весьма привлекал тюркские племена. Баба часто отрекались от него, в сущности, будучи наследниками шаманов. Иногда они высказывали очень дерзкие доктрины, у которых была широкая аудитория. Они могли увлечь за собой массы. В царствование Хосрова II Баба Исхак возглавил настоящее восстание под лозунгом революционных социально-экономических идей. Акхи, стоявшие ближе к городскому населению и цеховым объединениям, проповедовали часто благородную и искреннюю веру, но сомнительной ортодоксальности. Среда дервишей той эпохи особым почетом пользовался Хаджиди Бекташ из Хорасана. Он поселился в районе Киршехира и проповедовал неконформистский исламизм, не заботясь о догмах и строгих ритуалах. Он прославлял вино, танцы и общую трапезу, возможно фривольного свойства. Он основал орден «бекташистов», и его учение «бекташизм», опирающееся на его книгу «Вилайет-наме», было узаконено в XV в. С XIV в. он был тесно связан с элитными войсками Османской империи – янычарами.

В Иране и в арабских странах Ближнего Востока турки быстро смешались с мусульманской средой и стали участвовать в местных делах и распрях, но в Анатолии они столкнулись с христианством. Стоит отметить, что в XIII в. 90 % местного населения исповедовали христианство, не считая курдов. Отношения между большинством и меньшинством, особенно между тюрками и греками, как мы уже отмечали, были неплохие во времена сельджуков Рума, во всяком случае лучше, чем между соседними мусульманскими государствами. Между крупными феодалами Кони и Византии часто заключались брачные союзы. Матери Хосрова I и Хосрова II были гречанками. Когда одному принцу по политическим мотивам пришлось искать убежище за границей, он отправился в Константинополь, а не в Дамаск или Исфахан. На данишмендских монетах изображался Христос и святой Георгий, который в ту эпоху еще не был исламизирован.

Несмотря на веротерпимость или, возможно, благодаря ей, местное население активно обращалось в ислам по политическим, экономическим и культурным причинам или просто

из-за престижа мусульманской цивилизации.

Тюркские мусульманские правители стали вовлекаться в интриги мусульманского мира, исходящие от халифов Багдада. В этих интригах участвовало высшее духовенство, что обычно заканчивалось казнями священнослужителей или смутами и переворотами в государстве. Так было в периоды существования Караханидского каганата, государства сельджуков, государства хорезмшахов, а позже Золотой Орды, Чагатайского улуса и т. д., пока правители Каракорума в 1258 г. не ликвидировали погрязшего в распутстве и интригах халифа и халифскую власть в Багдаде. И самое главное, что тюрки были втянуты в величайшую религиозную войну Средних веков на Ближнем Востоке, где они понесли основные тяготы войны с крестоносцами, защищая арабские земли и ислам, представителями которого являлись в глазах европейцев.

В недрах исламского правоверия возник мусульманский мистицизм (суфизм), позднее сложившийся в трудах Ибн аль-Араби (1165–1240 гг.) и других мистиков в философскую доктрину под влиянием неоплатонизма, гностицизма и христианского сектантства.

Ранний этап развития суфизма приходится на VIII–X вв.; дальнейшие периоды развития: X – конец XII в., XIII–XV вв., XVI–XVII вв.

Вся долгая история суфизма по сути сводится к вновь и вновь повторяющимся попыткам выразить – в разных формулировках – ту потрясающую истину, что «нет Бога, кроме Аллаха», и к осознанию, что только Он один может быть объектом поклонения.

Внешняя история суфизма есть история духовных, теологических и литературных движений в исламе. В то же время, поскольку суфизм глубоко укоренен в коранической ритуальной практике, он отражает разные позиции мусульман по отношению к мифу. Среди мистиков можно встретить враждебных миру аскетов и активных борцов за славу своей веры, суровых проповедников раскаяния и творцов пламенных гимнов вечному милосердию Аллаха, создателей сверхтонченных теософских систем и восторженных поклонников вечной красоты.

Идеи суфизма стремительно распространились к середине XI в. по всему мусульманскому миру, несмотря на жесткую и беспощадную борьбу с ним официального ислама. Именно в этот период суфизм интеллектуальной элиты превращается в суфизм народных масс. Резкое осуждение и неприятие представителями официального ислама основных концепций, разработанных и выдвинутых суфиями к этому времени, поставили суфизм в положение мусульманской идеологической оппозиции, а его сторонников вынудили не только отстаивать свои позиции в споре, но и порой затушевывать их, скрываясь от гонения властей. Концепции эти следующие: духовное соединение с Божеством как высшая цель жизни мистика; концепция «совершенного человека» и связанная с ней доктрина о нравственном совершенстве через постулирование идеалов воздержания, аскетизма и довольства малым; утверждение, что Божественная милость одинаково распространяется на всех, а не только на пророков и имамов. Эти положения официальный ислам никогда не принимал, так как они размывали его основные теологические догматы, он их вынужденно терпел, но не смирился с их параллельным существованием, ведя с суфиями постоянные полемические диспуты, которые нередко заканчивались трагически для участвующих в дискуссиях мистиков.

Таким образом, суфизм раскрыл в недрах официальной религии новый пласт, целый блок нравственных и этических представлений, которые сначала были восприняты широчайшими народными массами, а затем осознаны ими как неотъемлемая собственность.

Крупнейшим представителем мусульманской богословской философии был Мухаммед Газали (1058–1112 гг.), прозванный «возродителем религии». Сначала Газали выступал как последователь Ибн Сины и поклонник Аристотеля, но затем обратился к положениям ортодоксального ислама, к мистике, суфизму, к отказу от научного познания. Влияние сочинений Газали было огромно в странах мусульманского Востока, в том числе и в Центральной Азии.

В этот период в Мавераннахре стал распространяться суфизм-тасаввуф. Как

философское учение, он первоначально возник в VIII в., а в Мавераннахр проник через Иран и приобрел большое влияние в XI–XII вв. Но здесь суфизм имел специфический характер, который нельзя игнорировать.

Самое распространенное течение суфизма в Мавераннахре получило свое начало от школы Юсуфа Хамадани, богослова и мистика XII в. Юсуф Хамадани был по профессии сапожником. Его школа была неоднородна, в ней имелись различные течения. Наиболее крупные из них связаны с именами пошедших разными путями учеников Хамадани – Абдулхалика Гиджувани и Ахмада Ясави.

Первое течение зародилось и распространилось главным образом в городах и пригородах, т. е. в экономически развитых районах; оно было неразрывно связано с жизнью, и его последователи призывали к труду, овладению ремеслом. Поэтому это течение нельзя отождествлять с крайне мистическими направлениями суфизма. Оно в свое время сыграло большую роль в развитии литературы и общественной мысли.

Другое, крайне мистическое течение суфизма в Центральной Азии было представлено школой Ахмада Ясави в его знаменитом стихотворном «Хикмате» («Премудрость»), являющемся памятником тюркской литературы. По отдельным историческим источникам, Ахмад Ясави написал 4400 хикматов. Его стихи в народе называли «божественными хикматами», большинство из них было положено на музыку и исполнялось во всех случаях, будь то радость или горе. Говоря о стихах и духовных трактатах – «Рисолаи» Ахмада Ясави, нужно подчеркнуть одну деталь: все эти произведения он писал исключительно на тюркском языке.

Ортодоксальный мистицизм пользовался немалым успехом в образованной среде. Самой видной его фигурой был Руми, которого мусульмане называли Мевлана («наш господин»). Он родился в Бактре в 1207 г., бежал от тюрко-монгольского нашествия в 1219 г. и поселился в Конии. После учебы, затем преподавательской деятельности Руми основал орден «Мавлени», более известный как «Дервиши-бродяги».

Мистика заняла значительное место во всех крупных религиозных системах, созданных человечеством – буддизме, индуизме, иудаизме, христианстве.

Достаточно много критики было направлено против суфизма, уже начиная с X в. Жалобы на упадок мистицизма усиливались от века к веку, причиной может считаться зависимость большинства поздних суфиев от системы Ибн аль-Араби, которая, видимо, оставляла слишком мало простора для независимой теологической мысли.

Мусульманский Ренессанс и тюрки

В эпохе совершенства немаловажная роль принадлежит тюркам. Развитие естественных и точных наук, возникновение арабо-мусульманской философии – все это связано с усвоением греческого наследия. К примеру, Александрийская школа, один из главных очагов греческой философской мысли и научных знаний в предшествующую арабским завоеваниям эпоху, продолжала свою деятельность с начала VIII в. в Антиохии, где во второй половине IX в. получил образование философ аль-Фараби, тюрк по происхождению. В первые века ислама жители покоренных территорий еще не утратили связи с античной традицией и продолжали оставаться носителями эллинистической культуры и философской мысли. Процесс арабизации не нарушил преемственные связи с Античностью.

История, география, химия, медицина, морское дело, строительство, экономика, математика и астрономия – вот далеко не полный перечень направлений научной мысли мусульман, где они совершали множество поразительных и полностью оригинальных открытий.

Средневековая арабо-мусульманская культура создавалась многими народами и впитала традиции пестрой в этническом отношении среды. Этим в значительной степени был обусловлен ее расцвет в VIII–XII вв.

В арабо-тюрко-мусульманском мире утвердился исключительно высокий престиж грамоты и книги. При дворе халифов обязательно находились поэты, философы, историки, правоведы, врачи, переводчики и каллиграфы, и немало среди них было тюрков. Халиф аль-Момун заплатил переводчику Хунайну ибн Исхаку столько золота, сколько весили переведенные им сочинения. А за «Историю древних арабских царей» аль-Момун подарил ее автору аль-Асману земельный участок.

С середины IX в. большую роль в ознакомлении образованной мусульманской элиты с научными трудами начинают играть переводчики.

Безусловно, переводы с древнегреческого, древнееврейского и персидского сообщили мощный импульс развитию арабской науки.

Практическая направленность является характерной чертой арабо-мусульманской научной мысли. Арабы дали полное описание всех – от Испании до Туркестана и устья Инда – стран, с обстоятельным перечислением населенных пунктов, с характеристикой культурных земель и пустынь, с указанием ареалов распространения видов растений и животных, а также залежей полезных ископаемых. Их интересовали не только физико-географические и климатические условия, но в равной степени быт, промышленность, культура, язык, религиозные учения. Эти познания выходили за пределы Халифата и известного древним грекам мира.

Мухаммед ибн Муса аль-Хорезми, один из первых тюркских математиков (ум. после 846 г.), написал свой знаменитый алгебраический трактат «Книга о восстановлении и противопоставлении», предварив его посвящением аль-Момуну: «Я составил краткую книгу об исчислении алгебры и альмукабалы, заключающую в себе простые и сложные вопросы арифметики, ибо это необходимо... в торговле, всевозможных сделках, при измерении земель, проведении каналов, инженерном искусстве и проч.». Книга оказала большое влияние на развитие математики в Западной Европе.

Звездные каталоги Абдрахмана аль-Суфи, относящиеся к X в., представляют собой расчеты лунного календаря, определения времени молитвы и поста, направления киблы.

Автором первого исторического сочинения, посвященного арабским завоеваниям, под названием «Фатух аль-Булдан» («Завоевание стран»), был Ахмед аль-Балазури. Книга описывает все военные походы, предпринятые арабами в VII–IX вв., с 622 по 869 г., т. е. с момента завоевания Мекки и становления Медины как первой столицы халифата. Аль-Балазури сделал поэтический перевод персидского эпоса «Ахд Ардашир» («Завещание Ардашира») об основателе персидской династии Ардашире.

Другой великий арабский историк и правовед, Мухаммед аль-Табари (ок. 839–923 г.), родился в знатной семье в столице Табаристана Амуле. В семь лет он знал наизусть Коран, в девять – записывал хадисы. Главные сочинения аль-Табари – многотомная «История Пророков и халифов», тридцатитомный комментарий к Корану; история двух столетий хиджры лучше всего описана именно у аль-Табари: первые халифы, ранние Омейяды, последние Омейяды, Аббасиды того периода, когда Хорасан и Центральная Азия прочно входили в состав халифата.

Великий ученый-энциклопедист Мухаммед аль-Бируни, родившийся в Хорезме в 973 г. (ум. ок. 1050 г.), создатель трактатов по истории Индии, математике, астрономии, географии и топографии, физике, медицине, геологии, минералогии и др., впервые на Востоке высказал мысль о движении Земли вокруг Солнца.

Широко известна в мире также и стихотворная «Всеобщая история» аль-Сами, жившего при халифе аль-Мутаваккиле I.

Близкой к истории наукой была география. Первое географическое сочинение на арабском языке называется «Хадуд аль-Алам» («Пределы мира»).

Значителен вклад арабов в теорию и практику морского дела. Мореплаватели всего мира считали арабские карты самыми надежными. Арабские купцы, лоцманы и капитаны проложили пути по суше и по морю, которыми европейцы прошли спустя века.

Оккультные знания и магические действия не остались без внимания исследователей

алхимии, астрологии, магии и каббалы. Эти мистические учения развивали в основном суфии.

Мухаммед аль-Фергани, астроном и географ (ум. ок. 830 г.), описал элементы астрономии, развивая систему Птолемея. Его трактаты переводились на древнееврейский, а затем на латинский языки. Кроме того, аль-Фергани математически описал прибор астролябию и устройство солнечных часов.

Составитель знаменитых астрономических таблиц – Мухаммед аль-Баттани (ок. 854–929 гг.) определил процессию и эксцентricность земной орбиты, высчитал величину тропического года – 365 дней 5 часов 46 минут и 24 секунды, что лишь на 2 минуты меньше принятого на сегодняшний день. Аль-Баттани усовершенствовал тригонометрию.

Необходимо вспомнить и Йакуба аль-Кинди – первого арабского энциклопедиста.

Велики были успехи тюрков в теоретической медицине и практическом врачевании: описана система функционирования человеческого организма и разработана теория врачебного дела – от диагностики до хирургии. Величайший философ и врач Абу Али Гусейн Ибн Сина, известный под именем Авиценна, родился в Бухаре в 980 г. Изучал математику, астрономию, медицину; был придворным врачом при наместниках Саманидах и Дейлемидах, затем визирем в Гамадане, после чего поселился в Исфахане. Самый знаменитый труд Авиценны по медицине – «Канон».

Что касается философии, то многие мусульманские ученые занимались комментариями к трудам греческих философов. Поэтому первоначально арабо-мусульманская философия явилась как бы продолжением греческой философской мысли, переработанной в мусульманском духе и согласованной с основными догматами ислама, зато последующие шаги мусульманской философии были стремительными и блестящими.

В философском учении Ибн Сины идеи Аристотеля и неоплатоников сложно переплетаются с общими принципами мусульманской теологии. Вслед за неоплатониками, Ибн Сина утверждал, что мир возник путем эманации Божества, но не по воле последнего, а в силу объективной необходимости. Вместе с тем, в соответствии с традиционным положением ислама, Ибн Сина признавал дуализм Бога и Вселенной, духа и материи и считал единого Бога первопричиной всего сущего.

Кстати, одним из первых перевел Аристотеля на арабский язык аль-Фараби (870–950 гг.). Не случайно его называли «Второй учитель», т. е. после Аристотеля. Основное его сочинение – «Геммы премудрости». Весьма интересным представляется учение аль-Фараби о соотношении разума и веры в пророчестве. Аль-Фараби ставил разум выше веры, выше пророческих Откровений, которые посредством символов раскрывают истину простым людям – не философам. Он считал, что пророчества обращены к чувствам и играют лишь вспомогательную роль, в то время как возможности человеческого разума безграничны. Политические проблемы, светская организация государства интересовали мусульманских философов в тесной связи с религиозными и политическими проблемами их времени. Идеальное государство – это основанное на законах разума общество, в котором царят порядок и справедливость. Такое государство описано в сочинении аль-Фараби «Воззрения жителей идеального города».

Мусульманское философское учение о совершенствовании человека обусловило иное, нежели в ортодоксальном исламе, представление о Пророке не как о чудотворце, вдохновленном Божественным Откровением, а как о мудреце, законодателе, зовущем народ следовать принципам добра.

В странах мусульманского Востока философия считалась «наукой наук», которая должна была заниматься широким кругом самых разнообразных вопросов, в то время как в Западной Европе философия была «служанкой богословия».

Большое влияние на средневековую философию, особенно в Европе (аверроизм), оказали рационалистические идеи философа и врача, представителя арабского аристократизма – Ибн Рушда (Аверроэс, 1126–1198 гг.). В трактате «Опровержение опровержения» он отверг нападки Газали на философию; кроме того, Ибн Рушд являлся

автором энциклопедического медицинского труда.

Аль-Шайбани (749–805 гг.) в своей «Книге приобретений» опровергал взгляды «невежд из числа аскетов и дураков из числа суфиев», утверждавших, что заботы о мирских благах – грех.

Мусульманский Ренессанс невозможно представить без фундаментальных трудов великих тюркских теологов – от Имама аль-Бухари и Иса аль-Термези до Ахмада Ясави и Бахауддина Накшбанди. Классическое произведение Имама аль-Бухари (810–870 гг.) «Сахих аль-Бухари» считается вторым после Корана основным источником исламской религии.

А теперь обратимся к тем, кто создавал мусульманскую литературу на века.

Родоначальником поэзии на фарси был Абу Абдаллах Джафар Рудаки (ок. 860–941 гг.). Из литературного наследия сохранились касыда «Мать вина» (933 г.), автобиографическая «Ода на старость», около 40 четверостиший и много фрагментов поэм, произведений лирического и дидактического содержания. Созданный им стиль преобладал в фарсиязычной поэзии до XI в.

Абулькасим Фирдоуси (ок. 940–1020 гг.) – создатель великой поэмы «Шахнаме», вобравшей в себя национальный эпос персов и таджиков. Она оказала влияние на литературу Востока отточенностью формы, идеями тираноборчества, справедливости и гуманизма.

Всемирно известные философские четверостишия рубаи, созданные Омаром Хайямом (ок. 1048 – после 1122 г.) – величайшим поэтом, философом, математиком, – проникнуты гедонистическими мотивами, пафосом свободы личности, антиклерикальным вольнодумством. В своем математическом трактате Хайям дал изложение решения уравнений до 3-ей степени включительно.

Выдающийся поэт и мыслитель Юсуф Баласагуни (1016–1084 гг.) – автор мусульманского литературного памятника «Благодатное знание» – создал свое стихотворное произведение в глубине Центральной Азии, в Кашгаре, при просвещенной династии Караханидов, на наречии не типично уйгурском, но буквами уйгурскими. Почти одновременно с этим трудом в 1074 г. был составлен «Словарь тюркских наречий» в сельджукском Багдаде Махмудом Кашгари.

Также из Центральной Азии мы имеем сборник религиозно-философских произведений великого Ахмада Ясави (ум. в 1167 г.) – поэта и мистика.

Несомненное влияние на литературу Ближнего и Среднего Востока оказали произведения выдающегося поэта и мыслителя Низами Гянджеви (ок. 1141 – ок. 1209 гг.). Основное его сочинение «Пятерица» состоит из пяти поэм: «Сокровищница тайн», «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц» и «Искандернаме». Эти произведения, безусловно, вошли в вечную сокровищницу мировой литературы.

Картину жизни, быта и практическую мудрость людей своей эпохи представил писатель и мыслитель Саади (1203–1292 гг.), который более 20 лет странствовал в одежде дервиша по мусульманскому миру. В песнях, газелях, касыдах, посланиях-поучениях, притчах, «наставлениях царям» ставил он сложные религиозные, философские, этические и этнические вопросы, проповедуя соответствующие образцы поведения. Всемирно известны его любовная лирика и поэмы «Бустан» и «Гулистан».

Завершим повествование о творцах мусульманского Ренессанса Джалаледдином Руми (1207–1273 гг.) – персоязычным поэтом-суфием, толкователем основных положений суфизма в своих философских трактатах, в поэме «Масневи и манами».

Талантливых поэтов и ученых было много, но жизнь их была незавидна. Судьбы этих гениев зависели от произвола султана или доносов вельмож. И все-таки они творили.

Охваченный период – это был поистине великий мусульманский Ренессанс, который будет вечно питать душу, придавая человеческой мимолетной жизни смысл и непреходящее значение.

Велика роль тюрков в мусульманском мире. Уже давно признана их роль сначала в качестве меча, а затем щита ислама. Они привнесли в мусульманский мир «свежую кровь», творческий порыв и вековую свободу.

Махмуд Кашгари нисколько не преувеличивал, когда с гордостью писал о тюрках такие слова: «Бог дал им имя „тюрки“ и вручил им царскую власть. Он сделал их повелителями времен. Он вложил в их руки бразды правления народами земли». Быть может, Кашгари предчувствовал, что тюрки скоро станут абсолютными хозяевами всей Азии, от Бенгальского залива до Средиземного моря.

Глава 5

Империя Чингисхана

Восемь столетий назад один человек завоевал полмира. Имя ему – Чингисхан. Это был величайший завоеватель на арене мировой истории.

Переходы его армии измерялись не километрами, а градусами широты и долготы. Весь христианский мир трепетал от одного имени – Чингисхан, а мусульмане были убеждены, что все его деяния – это деяния сверхъестественного существа.

Кочевник, круг занятий которого, казалось бы, исчерпывался охотой и пастьбой скота, сокрушил могущество трех империй, человек, никогда не видавший городской жизни и не знакомый с письменностью, составил кодекс законов для пятидесяти народов.

Дабы найти завоевательный гений равный Чингисхану, следует обратиться к Александру Македонскому, наступавшему со своей фалангой в страны Востока, и несущему им блага эллинской образованности; в этой связи необходимо вспомнить создателя государства со столицей в Самарканде – Амира Темура – великого полководца и завоевателя Ирана, Закавказья, Индии, Малой Азии; в качестве военного гения Наполеон, несомненно, является самой яркой звездой на европейском небосклоне, – и в контексте мировой истории эту плеяду можно называть через запятую.

Достойными своего великого предка были и его преемники: сын Чингисхана вступил в управление империей от Армении до Кореи и от Тибета до Волги, а его внук царствовал над половиной света.

Для того чтобы объективно оценить деяния этой неординарной личности, мы должны подойти к нему, исходя из условий жизни его народа и современной ему эпохи, на восемьсот лет предшествовавшей нынешней цивилизации.

Тюрко-монгольские народы в XII столетии

После тысячелетнего тюркского могущества на территории современной Монголии и на всей Центральной Азии пришло время монголов.

Монголия может рассматриваться как наиболее восточная часть евразийской степной зоны, которая протянулась от Маньчжурии до Венгрии. С древнейших времен эта степная зона была колыбелью различных кочевых племен иранского, тюркского, монгольского и маньчжурского происхождения.

Термин «монголо-татары» – достаточно искусственный. Название «монголы» под именем «мэньу» или «мэнва» упоминается в старых и новых историях китайской династии Тан (618–908 гг.). Древние монголы были выходцами из племен шивэй. Шивэй – одна из этнических групп киданей – занимали с юга на север пространство от Великой Китайской стены и находились на различных ступенях культурного развития. Та часть племен шивэй, которая именовалась монголами, жила кочевой жизнью в степных районах к югу от нижнего течения Аргуна и верхнего течения Амура. После падения Уйгурского каганата (середина IX в.) древние монголы стали переселяться на запад, на территорию современной Монголии.

Согласно монгольским легендам, собранным Рашид-ад-Дином, монгольский народ, который в далекой древности покорили тюрки, ушел в горы Эркене-Кун. В какую-то эпоху, которую персидские историки относят к IX в., предки монголов, предположительно, снова спустились с Эркене-Кун на равнины Селенги и Онона.

Слово «татары» впервые встречается в древнетюркских рунических надписях в 732 г., и с тех пор оно получает широкое распространение в Центральной Азии. Название «татары», как полагают, было названием конкретных племен из совокупности племен шивэй.

Древнетюркская и мусульманская письменные традиции распространили название «татары» на все монголоязычные и тюркоязычные племена, превратив таким образом этот этноним в общий политоним. Термин «татары» через древних уйгуров попал в китайский язык и регулярно фиксируется в китайских текстах с 842 г. Между тем на рубеже 60–70-х гг. XII в. при попустительстве китайских властей татары учинили разгром монголов, и название «монгол» почти исчезло в самой Монголии, уступив место названию «татары».

Однако в начале XIII в. Чингисхану удалось разбить татарское воинство. В «Сокровенном сказании», монгольской хронике 1240 г., устами самого Чингисхана об этом событии сказано следующее: «...мы сокрушили ненавистных врагов – татар, этих убийц дедов и отцов наших».

Название «монгол» (в мусульманских источниках – «могол» или «могул») было не только восстановлено, но со времени правления Чингисхана стало употребляться в качестве официального названия династии и государства (с 1211 г.), а позднее – и как названия народа. Что касается Европы, то тюрко-монголы даже после своего возвышения были известными там, прежде всего, под нарицательным именем «татары». Эта именная форма была частично игрой схожести изначального имени с классическим Тартаром. Как объясняет хронист Матвей Парижский, «эта ужасная раса Сатаны – татары... рванули вперед, подобно демонам, выпущенным из Тартара (поэтому их верно назвали „тартарами“, ибо так могли поступать только жители Тартара)».

Многие воины монгольских армий, которые вторглись на Русь, были тюрками под монгольским руководством, и поэтому имя «татары» в конечном итоге применялось на Руси к ряду тюркских племен, которые поселились там после монгольского вторжения, подобно казанским и крымским татарам.

Тот странный факт, что имя «татары» скоро стало обозначать всех тюрков, всех степняков Восточной Европы, Центральной Азии и Сибири, не случаен, поскольку он, должно быть, свидетельствовал о том, какое важное место занимал этот народ в монгольском конгломерате.

Итак, приблизительно до тысячного года монгольские племена входили в состав древнего тюркского государства Хунну; с VI по VIII в. – в Великий Тюркский каганат; с VIII по IX в. – в Уйгурский каганат. После распада Уйгурского каганата уйгуры ушли из Каракорума и на территории современной Монголии остались монгольские и малые тюркские племена. В X в. киданьский император государства Ляо даже приглашал уйгуров вновь вернуться из Ганьчжоу в Каракорум, но последние отказались.

Столетиями монгольские воины вместе с тюрками ходили в походы против общего врага – Китайской империи. Будучи вассалами тюрков (тюрки в ранний период контролировали Монголию), монголы участвовали почти во всех военных походах. Совместные военные походы, совместное сосуществование и, как следствие, метисация – все это, безусловно, отразилось на обычаях, традициях тюрков и монголов.

По версии певцов монгольских степей, волк и лань были первыми прародителями царских родов до Чингисхана. Этих эмблематических животных часто находили отлитыми в бронзе в многочисленных поселениях Сибири.

Волк – животное-тотем великих древних мифов у тюрко-монгольских народов. Можно удивляться при виде лани, спаренной с волком, хищником, чьей добычей она чаще всего является. Но речь идет здесь, очевидно, о символическом союзе мужских качеств волка – силы и смелости – с женскими добродетелями лани – ловкостью и грацией.

Среди мифов, восходящих к предкам Чингисхана, известна легенда, которая связана одновременно с животными и с солнцем: так, от союза волка и лани родилась женщина по имени Алан Коа. Затем она была оплодотворена солнечным лучом, который, проникнув через отверстие для дыма в крыше юрты, коснулся живота женщины, и из него вышли

предки великого хана – монголы-нируны, в их числе Бодончара, предок Чингисхана в восьмом поколении.

Тюрки мало чем отличались от монголов. Они издавна имели племенные федерации, объединявшие алтайских степняков, тюрков, монголов, тунгусов. Дистанция между двумя различными тюркскими племенами не больше, чем между тюркским племенем и монгольским. И если их языки не похожи друг на друга, то у них одинаковая синтаксическая система, которая предполагает одинаковую систему рассуждений. Эти племена всегда действовали вместе, но крупных соединений кочевников из Верхней Азии, уйгуров, подданных Караханидов, и, конечно, туркмен Ирана и Афганистана, кыпчаков и болгар было больше, чем монголов на полях битв в Западной Азии и Восточной Европе.

Близкие родичи тюрков, рожденные, как и они, в духовной среде шаманизма, поселившиеся на той же земле, где они черпали свою энергию в продолжение нескольких сотен лет, монголы начали организовываться и обеспечивать свое превосходство. У них был долгий и мучительный «период беременности», но он закончился рождением гиганта. Давно реки Орхон и Селенга ничего не порождали, но там скапливались активные силы, которым вскоре предстояло вырваться наружу. А пока, до Чингисхана, относительно крепким государством, образованным монголоязычными племенами – сяньби в Восточной Монголии (I–IV вв.); кидани – в Монголии, Маньчжурии и Северном Китае (IX в.), – не удавалось сыграть ведущую роль в степной политике.

Кочевое общество проявляло высшую мобильность, а политика кочевников отличалась динамизмом. Пытаясь использовать проживающие рядом народы и контролировать наземные торговые пути, кочевники собирались время от времени в огромные орды, способные начать натиск на далекие земли. Однако в большинстве случаев, создаваемые ими империи не были особо крепкими и разваливались так же легко, как и создавались. Периоды единения кочевников и концентрации их власти в одном особом племени или группе племен перемежались с периодами раскола во власти и отсутствия политического единства. Следует вспомнить, что западная часть степной зоны – Причерноморские степи – контролировались вначале скифами и сарматами, а затем гуннами, аварами, хазарами, печенегами и половцами, также и тюрки в ранний период контролировали Монголию.

В XII в. в Монголии не существовало централизованного государства. Множество племен и объединений родов жили в различных частях страны без каких-либо пограничных линий между ними. Большая часть их говорила на монгольском языке, за исключением западного региона, где тюркский язык был в активном обиходе. В более отдаленном этническом фоне имелось присутствие примеси иранской крови, как у тюрков, так и у монголов.

Каким бы то ни был этнический источник племен, населявших Монголию в XII столетии, все они были схожи в стиле жизни и социальной организации, и поэтому можно говорить об их принадлежности к одной культурной сфере.

Итак, в конце XII в. карта Азии представляла собой следующую картину: Китай был разделен на две империи – Южный Китай находился под властью династии Сун; на севере управляли маньчжурские завоеватели – чжурчжэни, которые обосновались в Пекине в 1125 г. Они были известны как Золотая династия (Цзинь). Продолжая традиции ранних китайских императоров, Цзинь жестко отслеживала события в Монголии, с тем чтобы предотвратить создание там единого государства.

В северо-западной части Китая, в нынешнем Ордосе и Ганьсу, образовалось тангутское царство Си-Хья тибетских племен. В северо-восточной части Тарима, от Турфана до Кучи, жили уйгуры – «цивилизованные» тюрки, впитавшие в себя буддийскую и несторианскую культуры. Район Иссык-Куля, Чу и Кашгария составляли империю Каракитаев, народа монгольской расы и китайской культуры. Мавераннахр и Иран почти целиком принадлежали султанам Хорезма – тюркам по расе, мусульманам по религии, воспитанным в духе арабо-персидской культуры. За ними остальная часть мусульманской Азии была поделена между аббасидскими халифами Багдада, айюбидскими султанами клана курдской расы и

арабской культуры (Сирия и Египет) и султанами-сельджуками тюркской расы, иранизированной культуры (Малая Азия).

Это была уже оседлая Азия. За ее пределами, на севере, у сибирско-монгольских пределов, в степях к северу от Гоби и в предгорьях Алтая, Кунгя и Кентау, кочевало множество племен, принадлежавших к трем ветвям алтайской расы: тюркской, монгольской и тунгусской. Несмотря на языковое разделение, большая часть кочевников Верхней Азии вела одинаковый образ жизни, жила в одной климатической зоне и имела этническое родство, которое удивляло всех путешественников. Все европейские и китайские историки дают один и тот же физический портрет этих народов: круглое лицо, плоский нос, выступающие скулы, раскосые глаза, толстые губы, редкая борода, черные жесткие волосы, смуглая кожа, продубленная солнцем, ветром и морозом, невысокий рост, массивное тело, кривые ноги. Этот портрет хунна или монгола напоминает и жителей Севера, к примеру эскимосов, потому что тяжелая жизнь на просторах, продуваемых зимними ветрами и обжигаемых летним солнцем, формирует расы, способные противостоять суровому климату.

Невозможно определить точное местопребывание многих из этих племен, поэтому ниже приводится предположительная их локализация.

Один из главных тюрко-монгольских народов, найманы, обитали, по всей вероятности, в районе нынешнего Кобдо и Убса-Нора до самого Черного Иртыша и в Зайсан-Норе до верхнего течения Селенги. «Хотя их имя и кажется монгольским – „найман“ означает „восемь“ по-монгольски, – их далекие предки были тюрками, т. е. они являются монголизированными тюрками» – так писал Пеллио. Ж.-П. Ру отмечал, что найманы были тюрками, переживавшими глубокую монголизацию, и «в неустойчивом положении между тюркоязычием и монголоязычием» они находились под влиянием одновременно несторианства уйгуров и шаманизма. Среди них было много приверженцев несторианства. В «Джахан-Кушай» даже говорится о том, что в начале XIII в. один из их ханов, знаменитый Кючлюк, был воспитан в духе этой религии. Однако «Сокровенное сказание» свидетельствует о том, что шаманы также имели огромное влияние на найманов, потому что якобы могли во время войны вызвать бурю и другие разрушительные явления. Найманы заимствовали свои культурные принципы у уйгуров, своих южных соседей. В начале XIII в. найманский хан держал при себе грамотного уйгура в качестве «хранителя печати» и писца, этот тюрк звался (в китайской транскрипции) Та-Та-Тонга.

Лоск найманской культуре придавали постоянные связи с оседлыми народами и более тесное общение с западными путешественниками. Рубрук говорит о найманах-несторианцах как об «истинных подданных Отца Жана».

Здесь следует отметить, что монголы, не имевшие ни письменности, ни самых примитивных наук, тянулись к знаниям и искали учителей и чиновников для своей администрации и дипломатии. Позже учителями стали китайцы и мусульмане, которые не оказали большого влияния на генезис монгольской культуры. Зато уйгуры, их соседи, издавна поддерживали с ними контакты. Может быть, они понимали всю перспективность таких связей и делились с монголами всем, что знали, по крайней мере всем, что те могли усвоить: они дали им алфавит, который с тех пор стал монгольским, дали им свой язык для международных отношений, свою культуру, которая в некоторой степени стала чингисидской культурой. Сами они также извлекли из этого выгоду: укрепили свое положение в империи и свой престиж, тем самым обеспечив себе жизнестойкость, благодаря чему письменный уйгурский язык с уйгурскими буквами продержался до самых потрясений, которые имели место уже в новые времена.

Возвращаясь к найманам, следует сказать, что Китай чжурчжэней также пользовался у них большим почетом, о чем свидетельствовал титул тайанг, который носили их ханы во времена Чингисхана и который происходил от китайского словосочетания тайванг, т. е. «великий царь».

Севернее найманов, в верховьях Енисея, жили кыргызы, тюркские племена, чьи вожди носили титул инала; примерно в 920 г. их изгнали из Верхнего Орхона кидани, и с тех пор

они уже не играли выдающейся роли в истории.

В смысле могущества с найманами можно сравнить кераитов. Некоторые востоковеды локализуют их к югу от Селенги, в верховьях Орхона, Тулы и Онгина. По мнению других, найманы ушли далеко на восток, в район Каракорума, где начиналась территория кераитов. Кераитов обычно считают тюрками. Пеллио писал: «В легенде о происхождении монголов им нет места, и сегодня трудно сказать, были ли кераиты монголами, попавшими под тюркское влияние, или тюрками на стадии монголизации; во всяком случае, многие кераитские правители были тюрками, а Тогрул – это, скорее, тюркское имя, чем монгольское». Возможно, кераиты приняли несторианство в самом начале второго тысячелетия в обстоятельствах, о которых сообщает сирийский историк Бар Хебраеус: «Кераитский хан заблудился в степи, и его спас святой Саргис (святой Сергей). По совету торговцев-христиан, которые находились в стране, он попросил несторианского митрополита Мерва (Хорасан) Эбеджесу приехать лично или прислать священника, чтобы окрестить свое племя». Письмо Эбеджесу несторианскому патриарху Багдада Жану VI (около 1011 г.), датированное 1009 г., на которое ссылается Бар Хебраеус, гласит, что 200 тыс. тюрков-кераитов были окрещены вместе с их ханом.

В XII в. члены царствующей кераитской фамилии продолжали носить христианские имена, что породило на Западе легенду об Отце Жане.

Севернее кераитов, в нижнем течении Селенги, к югу от Байкала, жили меркиты, племя тюркской, возможно, монгольской расы, среди которых были и христиане. Кстати, некоторые ученые идентифицируют их как «мукри», другие называют «мо-хо», т. е. амурскими тунгусами. Еще дальше на север, к западу от Байкала, жили ойраты, народ монгольской расы (их имя означает «конфедераты»). Именно здесь в VIII в. предположительно находилась конфедерация Трех Курикан, упоминаемая в надписях в Цайдаме.

На самой северной окраине Маньчжурии, между Аргунью и Амуром, где сегодня живут саланы тунгусской расы, обитали их предки саланги.

Южнее, на южном берегу Керулена до самого Хингана, кочевали татары, которых Пеллио относит к тюркоязычным племенам. Татары, объединенные в конфедерацию «Девять татар» или «Тридцать татар», упоминаются в тюркских надписях в Цайдаме (VIII в.), когда они жили, возможно, в нижнем течении Керулена. Татары XII в. были грозными воинами и считались самыми свирепыми из этих народов. Они представляли собой большую угрозу для китайского царства Цзиней. Поэтому цзиньский двор в Пекине ослаблял их, помогая Чингисхану.

«Чистые» монголы (в историческом смысле и в узком значении этого слова), в среде которых родился Чингисхан, кочевали в северо-восточной части нынешней Внешней Монголии, между Ононом и Керуленом.

История зафиксировала существование народов, говоривших на монгольских языках, задолго до появления племен, которые, вместе с Чингисханом, дали это имя всей группе, точно так же, как мы узнали тюркютов до появления тюрков. Так, к монголоязычным народам относят сеньпеев III в., жужаней и эфталитов V в., аварцев Европы VI–IX вв.; общепризнано, что кидани, игравшие большую роль в VIII в., говорили на монгольском диалекте.

Что касается «чистых» монголов, то в XII в. они разделились на множество улусов («улус» означает и племя, и небольшую народность, например Владимирцов толкует слово «улус» как нация или народность, слово «ирген» переводит как племя, а «улус-ирген» – как государство). Эти независимые племена постоянно враждовали между собой, а также со своими соседями. По мнению Груссе, семья, из которой вышел Чингисхан, принадлежала к ветви рода борджигинов, клана киятов. Впоследствии, после того как Тэмуджин стал Чингисханом, монгольские племена начали делить на две категории: по принадлежности или непринадлежности к киятам. Первые входили в категорию «нирунов», Сынов Света, «чистых», а вторые – «дюрлюкины» – относились ко второму сорту. В число нирунов

входили тайджиготы, тайчиуты, или тайджиуты (жившие обособленно от основной массы к востоку от Байкала), урууды и мангкуды, джаджираты, или джуйраты, барласы, баарины, дорбаны (дорботы), салджигуты, или салджиуты и катагины, или катакины. В группу дюрлюкинов входили арулаты, или арлады, байауты, королаасы, или корласы, сулдусы, икирасы и конгираты, онгираты, конкураты, или конграды (последние обитали на юго-востоке, в районе Северного Хингана, рядом с татарами). Пеллио отмечает, что джаджираты и конгираты упоминаются вместе с меркитами в китайской истории киданей с 1123 по 1124 г. Джелаиры, которых относят к монголам и локализуют либо южнее слияния Хилока и Селенги, либо ближе к Онону, – это, вероятно, тюркское племя, вассал монголов, ассимилировавшееся с монголами во времена легендарного монгольского героя Кайду.

С точки зрения их образа жизни монгольские племена в конце XII в. можно чисто теоретически разделить на степные, жившие в степных районах, и племена охотников и рыбаков, обитавших в лесах. Надо отметить, что в этой приграничной зоне между Сибирью и Монголией сфера обитания монголов находилась как раз между степью, переходящей в пустыню на юге, и лесными районами на севере. Гренар полагает, что изначально монголы не были степным народом, а скорее, представляли собой жителей лесных предгорий. Он подчеркивает, что об их «лесном» происхождении свидетельствует широкое распространение деревянных повозок: до сих пор в отличие от степняков – хазар – они использовали не кожаные емкости, а деревянные бочки.

Степные племена, особенно кочевые, периодически меняли место обитания в поисках пастбищ. На стоянках они разбивали войлочные шатры, так называемые юрты. Лесные племена жили в хижинах, сделанных из березовой коры.

Во главе степных, или скотоводческих, племен, которые были более зажиточными, стояла очень влиятельная аристократия, а ее предводители носили титулы баатура (герой, богатырь), нойона (вождь, господин), а также сэчэна (мудрый) и билгэ (мудрый, по-тюркски), тайши (китайский титул принца). Их главной задачей был поиск пастбищ и обеспечение соплеменников работниками и рабами, которые пасли скот, ставили и разбирали юрты. На ступень ниже аристократии стояли остальные социальные классы: воины, или, вернее, люди, в основном свободные (нокоры), простолюдины (карачу) и, наконец, рабы (боголы). В последнюю категорию входили не только отдельные работники, но и целые покоренные племена, из которых, помимо всего прочего, набирали вспомогательные войска.

У племен лесных охотников (хойин-ирген) аристократическая верхушка не играла такой большой роли, как у скотоводов. На лесных охотников значительное влияние оказывали шаманы. Когда последние объединяли в своих руках и царскую власть и магические способности, они получали титул баки, или баги, который, кстати, носили при Чингисхане вожди ойратов и меркитов. У всех тюрко-монгольских народов важную роль играли шаманы, или колдуны (камы – на древнетюркском; бога и шаманы – на монгольском; шань-мани – в китайской транскрипции). Например, важное место в создании империи Чингисхана принадлежит шаману Кокчю, о котором речь пойдет далее.

На практике разделение между скотоводческими и лесными народами было не столь явным. Например, «настоящие» монголы, тайджиуты, были лесными охотниками, а Чингисхан происходил из племени скотоводов. С другой стороны, все тюрко-монголы в какой-то мере были охотниками: лесные люди в зимнее время на деревянных или костяных лыжах добывали зверя для пропитания и торговли, скотоводы охотились с помощью аркана или лука. Степная аристократия предпочитала соколиную охоту. Любой клан мог менять образ жизни в зависимости от окружающей среды. В юности у Чингисхана отобрали родительское стадо, и ему вместе с матерью и братьями пришлось вести тяжелую борьбу за выживание – и охотиться, и ловить рыбу, – прежде чем он получил своих законных лошадей и коз.

Очевидно, лесные племена были более дикие и почти не поддерживали отношений с цивилизованным миром, в отличие от кочевников, которые имели в этом смысле

преимущество, так как жили по соседству с уйгурами в Центральном Гоби, с киданями, чжурчжэнями Пекина. У них не было городов, во время стоянок они разбивали лагерь, организованный по семейным группам (аилам), где войлочные юрты ставились на колесные повозки, расставленные по кругу, – это был прообраз будущих городов, но впоследствии эти «передвижные города» исчезли из употребления.

Этнографы отмечают постепенный переход от убогой хижины лесного монгола к войлочной юрте кочевника, которую легко собрать и разобрать и которая у великих чингисидских ханов XIII в. стала удобной и просторной, устланной мехами и коврами, настоящим походным дворцом.

Однако в целом очевидно, что в XII в. в Монголии произошел регресс по сравнению с IX в. В эпоху владычества монголов на Орхоне тюркские племена, особенно уйгуры, начали создавать сельскохозяйственные центры; начиная с кыргызского владычества, с 840 г., этот прогресс остановился, страна вернулась к степному образу жизни.

Захват страны кыргызами в 840 г. привел к угасанию сирийско-согдийской культуры, носителями которой были манисейцы. После изгнания кыргызов в 920 г. страна погрузилась в хаос, хотя присутствие уйгуров препятствовало полной деградации. Уйгуры жили южнее, в Бешталигхе (Гучэн) и Турфане. Оттуда шла несторианская вера, хотя в Монголии она деградировала до шаманства и соперничала с ним в завоевании авторитета у племенных вождей.

Надписи уйгуров на Орхоне свидетельствуют об уровне цивилизации, которого мы не видим в истории Чингисхана. Многие слова, перешедшие из тюркского в монгольский язык, указывают на культурное превосходство тюрков над монголами. То же самое, по мнению Бартольда и Поппа, можно сказать и о языках тюрков и монголов. Сегодняшний монгольский язык любого региона кажется архаичным по сравнению с самыми древними тюркскими языками. Письменный монгольский остался, в смысле фонетики, почти на том же уровне, на каком находился примитивный алтайский, т. е. тюрко-монгольский язык.

Что же касается имени «монгол», то оно избежало забвения благодаря причуде истории – случайной принадлежности будущего императора Чингисхана к одному из монгольских родов. С его приходом к власти все племена Монголии объединились под его предводительством, и была создана новая «нация», известная как монголы, по сути являющая собой тюрко-монголов.

Стоит напомнить в этой связи, что в ходе степных войн побежденные присоединялись к победителям и, как гласит один старинный текст, «отдавали им свою энергию и силу». Наряду с разными кланами, которые составляли ядро чингисханских войск, под его властью были большие тюркоязычные племена – найманы, кераиты, онгуты, карлуки, кыргызы, уйгуры, татары. Другими словами, как отмечает Ж.-П. Ру, «на одного монгола приходилось семеро тюрков!»

Тэмуджин. Путь к власти

Между двумя полюсами цивилизации – Китаем и Индией на Востоке и греко-романским миром на Западе – простиралась связующая лента в виде длинной полосы тюрко-монгольских народностей.

Связать между собой восточную и западную цивилизации, организовать и охранять торговые пути, быть верховными арбитрами между ними – очевидно, об этом мечтал еще Александр Македонский, тот же план лелеял Аттила, таковы же были устремления Амира Темура, та же цель, возможно, была и у Наполеона. Приступить же к этой исполинской задаче и довести ее «железом и огнем» до конца было суждено в XIII в. Чингисхану.

Итак, рождение Тэмуджина, будущего Чингисхана, относят к периоду между 1150 и 1167 гг. Пеллио склоняется к 1167 г. Груссе полагает, что это 1155 г., так же, как и немецкий востоковед Гайсих, однако более точной является датировка «Юань-ши» – 1162 г.

Видимо, разумно допустить эту последнюю дату. Родился Тэмуджин в урочище

Делюн-Болдох. Отец будущего Чингисхана – Есугэй-баатур – был вождем клана киятов ветви рода борджигинов. Тэмуджин, по линии отца, являлся праправнуком могущественного Кабул-хана, который решался воевать не только с татарами, но также и с китайцами, именно Кабул-хан был одним из первых, кто стремился к объединению монгольских племен.

Есугэй-баатур в храбрости не уступал своему деду и также вел войны с татарами и с войском цзиньским. Он имел огромную популярность в степном обществе. Однако, когда он решил жениться, ему пришлось считаться с обычаями рода, которые запрещали брак внутри собственного клана.

По версии, изложенной в «Сокровенном сказании», Есугэй встретил свою жену при очень романтических обстоятельствах: во время соколиной охоты он увидел всадника из племени меркитов, везшего в свое стойбище молодую красивую женщину, сидящую в повозке. Он бросился за ними в погоню. Меркит исчез, а Есугэй взял в плен прекрасную Оэлун. Так или иначе, красавица из племени олконоутов стала женой Есугэя-баатура.

Затяжная кровная вражда между меркитами и борджигинами стала результатом этого эпизода.

Рождение Тэмуджина, первенца в семье, сопровождалось замечательными предзнаменованиями. Есугэй-баатур совершал поход против одного из татарских племен, причем был взят в плен глава этого племени по имени Тэмучен, а в это время Оэлун родила мальчика, у которого в руке оказался крепко зажатый сгусток крови, подобный красному камню. В честь одержанного успеха родившийся ребенок был назван именем взятого в плен Тэмучена.

Когда Тэмуджину исполнилось 9 лет, Есугэй поехал с ним сватать ему невесту из дальнего племени. По пути они повстречались с вождем племени унгират Дай-сэчэном, который, узнав цель поездки, предложил захватить в его стойбище и посмотреть его дочь, красавицу Бортэ.

Отцы симпатизировали друг другу, так же отнеслись они и к детям, поэтому соглашение вскоре было заключено. Мальчик Тэмуджин, будущий зять Дай-сэчэна, должен был остаться, согласно древнему монгольскому обычаю, в его лагере.

Довольный этим соглашением, Есугэй-баатур отправился домой один. По пути он был приглашен группой веселившихся татар посетить их пир. Отказ противоречил бы степному этикету, и Есугэй присоединился к их кутежу, несмотря на традиционную кровную вражду между его родом и татарами. Продолжив после этого путь домой, он почувствовал себя плохо и понял, что коварные татары подмешали яд в его напиток. Он умер несколько дней спустя после своего возвращения.

Следуя предсмертному наказу Есугэя, Мунлик, которого он назначил опекуном своей семьи, вызвал Тэмуджина домой. В 9 лет Тэмуджин остался с матерью, тремя братьями – Казаром, Качуном, Тэмучэем и сестрой Тэмулун. От другой жены у Есугэя было еще два мальчика – Бектэр и Белгутэй.

Оэлун, мать Тэмуджина, была мужественной женщиной и попыталась удержать род под своей властью, но эта задача оказалась непосильной, поскольку родичи ее мужа не согласились признать ее руководящую роль. Через некоторое время все родичи и вассалы Есугэя, включая клан тайчжиутов, покинули лагерь Оэлун, уведя большую часть ее скота. Даже Мунлик покинул ее. Оэлун осталась без всякой помощи с пятью детьми, со второй женой своего мужа, ее детьми и малым количеством служанок. Годы лишений начались для семьи Есугэя, но дух Оэлун не был сломлен. Ей стоило огромного труда посвятить Тэмуджина во все, что касалось славного прошлого его рода. Мальчик жадно слушал и запоминал древние предания.

Семье Оэлун нелегко было прокормиться: белка, рыба, ягоды – были редким праздником для стойбища из нескольких юрт. Между детьми вспыхивали ссоры. Тэмуджин, которому тогда исполнилось 12 или 13 лет, и его брат Казар поспорили с Бектэром и Белгутэем из-за пойманной рыбы и обвинили последних в воровстве. Оэлун приняла нейтральную позицию. Но затем последовала трагедия. Однажды, когда мальчики

подстрелили жаворонка и поспорили из-за него, Тэмуджин и Казар убили стрелой Бектэра. Для Тэмуджина, который был способен, не колеблясь, убить того, кто ему противился, будь он даже его братом, испытания только начинались.

Тэмуджину было 15 лет, когда на лагерь напали тайчжиуты, их бывшие союзники. Они заявили, что уйдут, если им выдадут Тэмуджина. Девять дней и ночей Тэмуджин скрывался в лесу, но его все-таки схватили и привели к вождю тайчжиутов. На шею пленника надели колодку. Применяемая с очень давних пор в Китае, эта пытка была особенно ужасна, поскольку сковывала человека, заставляя его сохранять унижительную позу. Тэмуджин жаждал мести и искал возможности убежать. И во время одной из пирушек тайчжиутов Тэмуджину удалось убить своего стражника и, бросившись зажатой колодкой в реку, спастись от преследователей.

Прошло несколько лет. Тэмуджин быстро мужал и становился сильным воином. Когда какие-то неизвестные люди украли восемь из девяти коней семьи, Тэмуджин поехал за ними на единственном оставшемся коне и с помощью другого юноши, встреченного им по пути, смог вернуть назад лошадей. Его новый друг решил присоединиться к семье Тэмуджина в качестве военного сотоварища. Его звали Богурчи; позднее он стал одним из выдающихся полководцев армии Чингисхана. Этот первый успех, сколь бы незначительным он ни казался, дал Тэмуджину почувствовать собственную силу, и он решил жениться. Ему, вероятно, было восемнадцать в это время. Дайсэчэн сдержал слово, данное отцу Тэмуджина, и вскоре в его лагере состоялась свадьба. Затем Тэмуджин привел Бортэ в свою палатку. Ее приданое включало ценное соболье одеяние, что было неслыханной роскошью в бедном доме Тэмуджина. Эта богатая соболиная одежда стала базовым капиталом военной и политической карьеры Тэмуджина. Взяв меха с собой, он появился при дворе Тогрул-хана, властителя могущественного племени кераитов. В лучшие дни Есугэй и Тогрул стали названными братьями (анда). Теперь Тэмуджин пришел с подарком – меховым одеянием – к своему названному дяде, к которому обратился как к «отцу». Тогрул благородно пообещал юноше свое покровительство, и Тэмуджин перевел свой лагерь из устья Онона в верховье Керулена.

Тогрул и Тэмуджин стали союзниками при всем том, что второй был безусловным вассалом первого. Такая субординация выражалась в титуле «хан, мой отец», которым Тэмуджин называл кераитского царя. Кроме того, Тэмуджин побратался с влиятельным вождем племени чжадаранцев Джамухой-сэчэном. Имея сильных друзей, он мог больше не опасаться тайчжиутов.

У древних монголов бытовал трогательный обычай братания. Юноши обменивались подарками, становились «анда» – названными братьями. Побратимство считалось выше кровного родства; анда – как одна душа: спасают друг друга от смертельной опасности. Этот обычай использовал Александр Невский. Побратавшись с сыном Батыя, Сарганом, он стал как бы родственником хана и, пользуясь этим, отвел многие беды от земли Русской.

Вскоре после поездки к Тогрулу на лагерь Тэмуджина напали меркиты, что явилось следствием затяжной мести за похищение невесты меркитского воина Есугэем двадцать лет назад. В момент набега меркитов основная часть мужчин отсутствовала, по этой причине женщины были похищены, имущество разграблено. Узнав об этом, Тэмуджин направился к Тогрул-хану с просьбой помочь выволить его жену.

Джамуха и Тогрул согласились наказать меркитов. Атака была удачной, меркиты разбежались, и Бортэ воссоединилась со своим мужем. По одной версии, Бортэ попала в меркитский плен, будучи беременной Джучи, а по другой – она забеременела от меркитов в плену и родила первенца после освобождения. Как бы то ни было, плен не погасил привязанности Тэмуджина к Бортэ, видимо, он понимал, что ему следует винить в ее несчастье прежде всего себя самого. Однако когда Бортэ родила первого сына, названного ими Джучи («гость»), Тэмуджин не выказывал особой уверенности, что ребенок его. И это сомнение в отцовстве, возможно, впоследствии помешало Джучи, главе «старшей ветви», вернее, его потомкам играть первостепенную роль в делах чингисидского наследия.

В кампании против меркитов Тэмуджин проявил доблесть и приобрел много сторонников. Фактически это было начало его карьеры. Сориентировавшись на хорошие отношения Тэмуджина с Тогрул-ханом и его дружбу с Джамухой, многие его сородичи, которые ушли после смерти Есугэя, теперь проявили готовность признать лидерство Тэмуджина. Вскоре Тэмуджин стал столь же сильным предводителем, как и его отец. В качестве вассала Тогрул-хана Тэмуджин вошел в высокую политику и межплеменные войны, в которых он показал себя не только выдающимся военным вождем, но также и высококлассным дипломатом. Благодаря активной роли агентов империи Цзинь в монгольских делах, Тэмуджин установил контакты с китайцами и многому научился в их дипломатии, что значительно помогло ему впоследствии в его отношениях с Китаем.

Тем временем произошел разрыв между Тэмуджином и Джамухой, несмотря на то что они стали анда. Каждый из них стремился прибрать к рукам старое Монгольское ханство и получить ханский титул. Особенностью периода с 1180 по 1183 г. было начало целеустремленной политической борьбы (не межплеменной и случайной), связанной с конфликтом Джамухи и Тэмуджина.

Они, объединив силы, жили единым лагерем в течение полутора лет. Затем их отношения стали натянутыми, и в конечном итоге они решили расстаться. Согласно «Сокровенному сказанию», именно Бортэ посоветовала Тэмуджину разделить лагерь с Джамухой. Бартольд попытался интерпретировать разрыв между двумя лидерами как результат фундаментального расхождения их социальных философий. Он представил Тэмуджина сторонником аристократии, а Джамуху – сторонником простолюдинов. Владимирцов первоначально принял эту интерпретацию, но затем отверг ее. В действительности нет никаких свидетельств «демократичности» политической программы Джамухи. Конфликт между ним и Тэмуджином был столкновением между двумя сильными лидерами, стремившимися к власти. Кроме того, Джамуха считался «младшим братом» Тогрул-хана, в то время как Тэмуджин – «сыном». В иерархии феодальных отношений, принятых в Центральной Азии и Китае, это означало, что Джамуха был «старше» – как «дядя» Тэмуджина. Предположительно, Джамуха, который был выдающимся воином в то время, когда Тэмуджин только появился при дворе Тогрул-хана, рассматривал себя в качестве естественного лидера этого союза. Очевидно, для Тэмуджина дружба на подобных условиях не могла быть прочной.

В «Сокровенном сказании» отмечается, что после полутора лет совместных странствий в районе Коргунак-Джибур на Ононе они расстались на том самом месте, где праздновал свое избрание последний монгольский хан Кутула, что вызывало еще большие амбиции двух молодых предводителей.

Новость о разрыве между двумя предводителями породила много шума среди родичей и вассалов. Сразу же стало ясно, что большинство симпатизировало Тэмуджину, а не Джамухе: многие влиятельные родовые предводители решили следовать за Тэмуджином, среди них был дядя Тэмуджина и несколько вождей, связанных с родом борджигинов. Один из сторонников Тэмуджина, Корчи, принадлежавший клану баарин, заявил, что видел сон, в котором Великий Дух открыл ему высокую судьбу Тэмуджина. Естественно, собрание родовых вождей при дворе Тэмуджина заявило о верности и обещало ему лучшую часть добычи от будущих походов.

Основной тип степной политики был достаточно прост. Если одно из племен становилось слишком сильным, другие племена объединялись против него. Многообразие союзов объяснялось значительным числом межклановых отношений, единством или разладом родов в одном и том же племени, а также дружбой или соперничеством вождей. Вассальная зависимость и лояльность одному сюзерену или названному брату длились до тех пор, пока казались политически полезными обеим сторонам, и до того, как дружба омрачалась обидой. В этом мобильном феодальном обществе степей любой вассал по обычаю имел право бросить вызов своему сюзерену и предложить свои услуги другому. Поэтому, даже если племенной вождь преуспевал в создании большого ханства, его власть

никогда не была тверда, сформированное им государство могло распасться так же быстро, как было основано. Игра могла идти до бесконечности и шла до тех пор, пока Чингисхан не поменял правила.

Итак, из двух претендентов на власть в новом царстве представители старой ханской власти предпочли Тэмуджина, считая его «традиционалистом» и, следовательно, более лояльным, нежели вспыльчивый и авантюрный Джамуха. Алтан, законный наследник старого ханства, отказался от ханского титула и, хотя не без колебаний, проголосовал за избрание предводителем Тэмуджина, но позже он понял свою ошибку и присоединился к врагам Тэмуджина. Однако было уже поздно...

Сюзерен Тэмуджина, Тогрул-хан, был вовремя проинформирован о решении вождей монгольских родов. Тогрул казался довольным честью, возданной его вассалу, и подтвердил результаты выборов.

Вскоре после этого, поддерживаемые дипломатией Цзинь, Тогрул и Тэмуджин предприняли кампанию против татар. Тэмуджин, естественно, с энтузиазмом воспринял возможность отомстить за смерть своего отца. Татары были побеждены, и в знак признания победы правительство Цзинь даровало Тогрулу титул «ван» (царь), а Тэмуджину – «джохури» (региональный ответственный за пограничные территории). С этого времени Тогрулхан был известен как Ванхан. Что же касается Тэмуджина, то дарованный ему титул был слишком скромным, чтобы хвастаться им.

Вокруг Тэмуджина образовалась дружина в 13 тыс. воинов. В 1182 г. они избрали Тэмуджина ханом под именем Чингис и принесли ему присягу.

Объединение Монголии

Кое у кого были опасения по поводу нового властителя. Например, у царя кераитов Ванхана, который понимал, что его вчерашний вассал становится равным ему.

Если верить официальной чингисидской истории, союз Чингисхана и Ванхана был более выгоден последнему. Во всяком случае, если вначале поддержка Ванхана позволила Чингисхану ускользнуть от врагов, то вскоре и монгольский герой смог оказать своему сюзерену подобную услугу. Однажды – точная дата неизвестна – Ванхана сверг его собственный брат Эрке-кара при поддержке царя найманов Инанч-хана. Он бежал на юго-запад, на р. Чу, к каракитаем, у которых так и не получил помощи. Поссорившись с царем каракитаев, он какое-то время скитался в Гоби. Отчаявшись, Ванхан решил обратиться к Чингисхану. Тот дал ему небольшое войско и помог вернуть кераитское царство. Об этом он впоследствии напомнил Ванхану такими словами: «Ты пришел голодный, истощенный, как угасающий костер. Я дал тебе баранов, лошадей, одежду. Ты был худой, за пятнадцать дней я снова откормил тебя». Другой брат Ванхана, Джагамбу, решил искать убежища у цзиньского императора, но Чингисхан предложил Джагамбу помощь и отправил войска для его защиты от меркитов. Позже Чингисхан сказал Ванхану: «Это вторая услуга, которую я оказал тебе».

Однако Ванхан, судя по всему, пренебрег услугами Чингисхана и нарушил договор о военном союзе: не предупредив Чингисхана, он предпринял поход на меркитов, вынудил их вождя Токтоа бежать через устье Селенги на юго-восточный берег Байкала (в страну Баргу, упоминаемую в «Сокровенном сказании»), убил одного из сыновей Токтоа, другого взял в плен, забрал много пленных воинов, большое количество скота, ценную добычу, при этом, нарушив договор, не поделился с Чингисханом.

Тем не менее Чингисхан, если верить официальной чингисидской хронике, продолжал доверять Ванхану. Когда найманы совершили интервенцию на страну кераитов и обратили в бегство брата Джагамбу и сына Ванхана, последний обратился за помощью к Чингисхану, – тот немедленно отправил ему своих «четыре славных воинов», которые спасли сына Ванхана, прогнали найманов из кераитской страны и вернулись с богатой добычей. Казар, брат Чингисхана, завершил кампанию крупной победой над найманами.

После этой войны состоялся поход войск Чингисхана и Ванхана против тайчжиутов, которые были заклятыми врагами Чингисхана, в результате чего правитель тайчжиутов Таркутай-Кирилтуг, который с детства преследовал его, был убит.

В «Юань-Ши» упоминается коалиция различных кланов, ожесточенных поражением найманов и тайчжиутов и давших клятву отомстить Чингисхану и Ванхану. Но Чингисхан, вовремя предупрежденный своим тестем, Дайсэчэном, разбил коалиционные войска у озера Буйур. Именно на эту битву Чингисхан намекал позже в своем знаменитом поэтическом послании Ванхану: «Подобно соколу я взлетел над горами и перелетел через озеро Буйур; я пленил для тебя журавлей с синими лапками и пепельно-серыми перьями – дорбенов и татар; затем, пролетая над озером Келе, я захватил для тебя синелапчатых журавлей – катакинов, салджиутов и конгиратов».

Хотя Ванхан в ту пору официально считался самым могущественным правителем на территории Монголии, но, по сути, его власть не имела сильной опоры. Даже в собственной семье Ванхана имелись предатели. Ему пришлось вырвать кераитский трон из рук своего дяди, затем бороться со своим братом. «Юань-Ши» свидетельствует, что после победы над коалицией у Ванхана снова едва не отобрал трон его брат, Джагамбу, который бежал к найманам после раскрытия заговора.

Монголия переживала смуту. Против гегемонии, которую пытались создать Ванхан и Чингисхан, Джамуха сформировал новую коалицию. Он собрал впечатляющее количество вассалов и родичей и предоставил свои требования на племенное руководство. Объединение сил всех монгольских племен под единым началом было не личным желанием претендентов на гегемонию – к этому подталкивало стремление части родовых элит упорядочить хаос межплеменных и межродовых отношений. Самые дальновидные понимали, что объединение сил не только придаст стабильность социальным связям в будущем (например, в правильном наследовании и защите прав находившейся в стадии становления потомственной степной знати), но и в настоящем позволит единому, собравшему все силы племен улусу обогатиться за счет грабежей соседей.

Начало окончательной фазы за гегемонию в монгольской степи следует отнести к 1201 г., когда в урочище Алкуй-Булак 16 племенных вождей собрались на курултай и провозгласили Джамуху гурханом, т. е. «всеобщим ханом», тем самым фактически объявив войну Чингисхану и Ванхану. Вот в такой обстановке начинала формироваться Монгольская империя. Оставалось выяснить, кто из двух соперников будет ее повелителем – Чингисхан или Джамуха. В этом поединке на стороне Чингисхана были политический расчет, упорство, умение показать себя правым и, в самом начале, нерешительная, но поддержка Ванхана.

Что же касается Джамухи, то он обладал бурной, порой чересчур бурной, энергией, мятежным нравом, талантом интригана и, если верить чингисидским источникам, был ненадежным союзником и даже не гнушался грабить племена своих сторонников. Напротив, Чингисхан всегда хранил верность тем, которые доверили ему свою судьбу.

Определяющей фигурой на чаше весов был Ванхан, и он поддержал Чингисхана. Они вместе разбили войска Джамухи в Койтене, несмотря на бурю, вызванную ойратскими и найманскими колдунами, после чего Джамуха ушел в низовья Аргуни.

Осознав собственную силу, Чингисхан решил действовать самостоятельно. Сперва он наказал тайчжиутов за их предыдущее предательство. Он истребил часть их войска, остальных заставил покориться, восстановив таким образом единство борджигинского клана. Молодого воина тайчжиута, который поразил стрелой лошадь Чингисхана, должны были казнить, но Чингисхан помиловал его. Под именем Джэбэ («стрела») этот отважный лучник в дальнейшем стал одним из лучших чингисидских полководцев. Со своим славным соратником Субэтэем он был самым талантливым стратегом монгольской эпопеи.

Затем Чингисхан обратился к остаткам татар, которых в конечном счете подчинил. Две татарские красавицы, Есуи и Есугэн, стали его женами. Тогда, в 1202 г., Чингисхан свел счеты со старыми врагами, убийцами отца. Победенные татары подверглись массовому истреблению, оставшиеся в живых влились в монгольские племена.

Тем временем Алтан, (представитель благородной ветви старой царской монгольской семьи, сын бывшего монгольского хана Кутулы), Хучар и Дааритай (дяди Чингисхана по отцовской линии) занялись самостоятельным грабежом, нарушив таким образом указ Чингисхана. Он приказал отобрать у них все награбленное, и те начали постепенно отдаляться от Чингисхана и вскоре присоединились к его врагам.

После разгрома татар, как свидетельствует «Юань-Ши», Токтоа, царь меркитов, возвращаясь из Забайкалья, куда он ушел под давлением Ванхана, атаковал Чингисхана и был разбит. Затем Токтоа примкнул к найману Буюрук-хану, под знамена которого собрались уцелевшие остатки армий различных кланов. Новая коалиция вела войну с объединенными силами Ванхана и Чингисхана, которые атаковали найманского Буюрук-хана. Тот бежал, не приняв боя, но был настигнут в низовьях реки Урунгу и убит.

Ванхана стали одолевать сомнения относительно искренности намерений Чингисхана. И он предложил Чингисхану присоединиться к готовящейся кампании против находящегося на крайнем западе монгольского племени найманов, на что Чингисхан ответил согласием. Когда начался поход, Ванхан изменил план действия, повернул назад, не известив об этом своего союзника, и Чингисхан едва успел вывести свою армию из западни.

В качестве компенсации за предательство со стороны кераитского царя, Чингисхан просил руки принцессы Каур-Баки для своего сына Джучи. Но Ванхан отказал ему, и два властителя порвали дипломатические отношения.

Разумеется, кераитский царь не сумел вовремя распознать соперника в своем вассале и не расправился с ним, когда того провозгласили ханом в 1182 г. Когда же Ванхан начал прозревать, было поздно. Возможно, он хотел закончить свои дни в покое и мире, но его подтолкнул к разрыву собственный сын, царевич Сэнгум. Сэнгум посоветовал отцу, Ванхану, поддержать Джамуху в борьбе против Чингисхана. Дело в том, что у него были близкие отношения с Джамухой, который по его настоянию нашел убежище при кераитском дворе после краха своих надежд на царство. Договорившись с Сэнгумом, Джамуха разжигал недоверие Ванхана к Чингисхану, обвиняя последнего в предательстве по отношению к кераитскому вождю. Одновременно Алтан, законный наследник древних монгольских ханов, не желавший, чтобы царская власть попала в руки выскочки, также прибыл к Ванхану и начал склонять его к войне против бывшего союзника.

Произошел окончательный разрыв между Чингисханом и кераитами. Это был поворотный момент в жизни монгольского вождя. До сих пор он играл вторую роль при Ванхане, хотя исполнял ее блестяще, а теперь он начал бороться с ним, претендуя на главную роль.

По наущению Сэнгума кераиты попытались разделаться с Чингисханом, решив пригласить его на встречу якобы для примирения, затем они организовали бы неожиданное нападение, чтобы захватить его врасплох. Два офицера подслушали, как кераитский генерал рассказывал домочадцам о заговоре, и предупредили Чингисхана. (Впоследствии он назначил их «тарханами» с правом иметь телохранителей.) Чингисхан немедленно принял необходимые меры. Вначале он отступил в район Маоундура, где оставил небольшой дозорный пост, а на следующий день ушел дальше в горы, ближе к истоку Халагун-ола. Несмотря на то что разведчики предупредили его о приближении противника, Чингисхану предстояло сыграть самую трудную партию за свою карьеру.

Сражение было тяжелым. Соратник Чингисхана, старый Хуилдара, предводитель клана урудов, проявил чудеса храбрости, и не он один. Тем не менее, ввиду численного превосходства кераитов, Чингисхан ночью оставил поле битвы. Его третий сын, Огодай, и два самых преданных офицера, Боорчу и Борокул, не успели уйти. Когда они снова соединились, Борокул, верхом на лошади, держал на руках Огодая, раненного стрелой в живот. Как гласит «Сокровенное сказание», увидев эту картину, «железный повелитель» заплакал.

Итак, Чингисхан отступил ближе к устью Халагун-ола, где жили унгираты – племя, из которого вышла жена Чингисхана. Он обратился к ним и получил согласие поддержать его.

Чингисхан направил Ванхану послание, в котором он пытался тронуть сердце своего бывшего сюзерена, вспоминая годы дружбы и свою преданность. По его словам, он хотел только одного – снова заслужить его милость (а Сэнгум комментировал это так: усыпить бдительность Ванхана). Он называл Ванхана своим отцом, «хан-ичиге», и подчеркивал, что всегда выполнял обязанности вассала. Он также напоминал Алтану, что если он, Чингисхан, и согласился на ханство, то только потому, что и Алтан и другие наследники старшей ветви отказались от этого. Под лирико-эпической формой скрывался юридический аргумент, подтверждающий честность автора как человека и как союзника и его верность старому сюзерену. С политической точки зрения Ванхан, который слишком поздно разглядел в бывшем вассале сильную личность, совершил ошибку, поддержав первые шаги Чингисхана. Но, разорвав их союз и предательски атаковав Чингисхана, он предоставил ему полное право действовать точно так же. И в этой игре старый кераитский царь, находившийся под влиянием своего окружения, а также под угрозой бунта собственного сына Сэнгума (если он не пойдет с ним до конца), не мог тягаться с Чингисханом.

Для Чингисхана это был трудный период. Перед лицом численного превосходства противника он был вынужден отступить далеко на север, до границы Монголии, к Забайкалью. Он ушел с горсткой сторонников к истоку реки Тура южнее Читы, и им пришлось пить грязную воду из небольшого озера под названием Балджуна. Там он провел лето 1203 г. Люди, делившие с ним тяготы изгнания, балджунийцы, впоследствии были щедро вознаграждены.

Между тем коалиция, созданная против Чингисхана, снова распалась, потому что составлявшие ее кочевники считали себя связанными только «сезонными» военными пактами. По сообщению Рашид-ад-Дина, некоторые из монгольских вождей, которые из ненависти к Чингисхану примкнули к Ванхану – Дааритай, Хучар, Алтан, Джамуха, – устроили заговор с целью уничтожения кераитского царя. Ванхана вовремя предупредили, и он принял суровые меры, а заговорщики сбежали. Джамуха, Хучар и Алтан ушли к найманам, а Дааритай пошел на поклон к Чингисхану.

В этой связи положение Чингисхана значительно улучшилось, когда осенью 1203 г. он двинулся в направлении Онона, дабы перехватить инициативу. Он поручил Казару, чья семья находилась в руках кераитов, усыпить бдительность Ванхана лживыми обещаниями. В итоге Ванхан вступил в мирные переговоры и послал Чингисхану бычий рог, наполненный кровью, в знак доверия. В то же время Чингисхан после скрытого марша напал на кераитскую армию и рассеял ее. Эта битва, которая, согласно «Сокровенному сказанию», произошла около горы Джеджеер, между истоками Толы и Керулена, ознаменовала окончательный триумф Чингисхана. Ванхан и его сын Сэнгум бежали на запад. Прибыв в страну найманов, Ванхан был убит – судя по всему, ошибочно.

Сэнгум пересек Гоби, некоторое время промышляя разбоем на границах царства Си-Хья. В районе Хотана вождь племени калач схватил и убил Сэнгума.

Путь к гегемонии в монгольской степи для Чингисхана теперь был открыт. Значение этого события трудно переоценить – подручный хан одного из самых крупных протогосударств в монгольских степях резко поменял там всю политическую ситуацию за какие-то год-два. Присоединив к себе владения Ванхана, Чингисхан теперь стал вровень со всеми оставшимися вне его власти группировками монгольских племен – найманами и их союзниками. Неудивительно, что события по разгрому кераитов потрясли современников. Вплоть до XVII в. сохранялись у потомков монгольских завоевателей Сибири эпические предания о них.

Так закончилось свое существование самое сильное и древнее христианское ханство Центральной Азии, пав жертвой язычников. На основании источников можно сделать вывод, что сами монголы не придавали значения разнице в вере. И с этой точки зрения весьма важно, что того же мнения придерживались сами кераиты.

Кераиты покорились Чингисхану и с той поры верно служили ему. Однако осторожный Чингисхан распределил «кераитские элементы» по разным монгольским кланам.

Резкое изменение политической ситуации не осталось незамеченным для главы найманов Таян-хана, который ясно выразил суть дела: «Говорят, что в этих пределах появился новый государь. Мы твердо знаем, что назначено быть солнцу и луне вдвоем, но как быть на земле двум государям в одном владении?» В этом с ним был солидарен и Джамуха, который сделал последнюю ставку в своей игре, присоединившись к найманской коалиции против Чингисхана.

Кераиты и монголы имели общие традиции, в отличие от найманов, поэтому война между ними должна рассматриваться как межплеменная.

В конце 1203 г., когда Чингисхан стал властителем Восточной Монголии, царь найманов Таян-хан правил Западной Монголией. Следуя инстинкту, все побежденные в предыдущих войнах, все непримиримые враги Чингисхана сгруппировались вокруг Таян-хана: Джамуха, вождь чжадаранцев, Токтоа-Баки, вождь меркитов, Кутука-Баки, предводитель ойратов, не говоря уже об остатках разгромленных племен – дорбенов, катакинов, татар, салджиутов, – и даже клан мятежных кераитов. Все они, и в основном войска Джамухи, готовились к войне против Чингисхана. Чтобы атаковать его с тыла, Таянхан искал помощи у онгутов, тюрков, живших вокруг Токто, севернее провинции Шаньси: они выполняли функции пограничной стражи у цзиньского императора и, кстати, были несториянцами. Но онгутский вождь Алакуч-тегин поспешил предупредить монгольского завоевателя и с того момента стал его союзником.

Чингисхан готовился к кампании против найманов. Весной 1204 г. он провел мероприятия по реорганизации своей армии.

Чтобы не дать возможности будущим врагам захватить его врасплох, как он захватил Ванхана, Чингисхан создал специальное подразделение для охраны своего лагеря днем и ночью. Оно состояло из 8 ночных и 70 дневных стражников. В дополнение был организован полк из 1000 баатуров под командованием вождя джелаиров, одного из родов, который присоединился к Тэмуджину сразу после его разрыва с Джамухой. Вся армия была разделена на подразделения по тысячам, сотням и десяткам. Таким образом, десятичная система была принята за основу войска, причем ее комплектация производилась не только по родовым подразделениям (как это было в системах других кочевников, начиная с хуннов), а по принципу целесообразности и по решению главнокомандующего. Чингисхан делает из своих близких людей личную гвардию, которая выделена в особое подразделение из 150 человек, ставшее, по выражению Владимирцова, «эмбрио-армией и эмбрио-гвардией... своеобразной военной школой». Со временем эта «гвардия» стала одним из главных несущих элементов государства Чингисхана. А пока все это значительно сцементировало Чингисханов улус образца 1189–1203 гг.

Когда реорганизация его штаба и войска завершилась, Чингисхан был готов к битве с найманами, не только как с одним из наиболее сильных монгольских племен, но и как с одним из наиболее цивилизованных. Соседи уйгуров, они использовали, как мы ранее отмечали, их алфавит, который опирался на согдианский алфавит, а тот, в свою очередь, на сирийский. Найманский хан имел секретаря и государственную печать.

Для того чтобы предупредить нападение найманов, Чингисхан созвал курултай весной 1204 г. на берегу реки Тье-Май-Кай (в «Юань-Ши»), или Темейен-Кер (в «Сокровенном сказании»). Большинство военачальников считали, что лошади слишком исхудали и лучше отложить кампанию до осени. Молодой сводный брат Чингисхана Белгутэй и его дядя Очигин-Нойан настаивали на немедленном наступлении, чтобы застать неприятеля врасплох. Чингисхан согласился с ними и направил войска к границе страны найманов. Прежде чем приказать воинам двинуться на найманов, Чингисхан выставил свое родовое знамя и освятил его путем возлияния.

Некоторые источники указывают, что он сразу начал военные действия, другие свидетельствуют о его нападении на найманов только осенью.

Таянханские войска со всеми союзными силами двинулись навстречу монголам – из Алтая на Хангай. На полпути они встретились с монгольским авангардом; по мнению

Абул-Гази, битва произошла у реки Алтай (Алтай-Су).

В «Сокровенном сказании» сообщается, что монголы накануне битвы разожгли большое количество походных костров, чтобы обмануть противника. Таян-хан, попавшись на эту уловку, заколебался и собрался отвести войска. Его сына, Кучлука, возмутило проявление подобной трусости. В первой же стычке его передовые отряды очень пострадали, и, не отважась нанести решительный удар, Таян-хан сдерживал свои кавалерийские части, рвущиеся в атаку.

Сражение было ожесточенным. В этой битве Казар, брат Чингисхана, командовавший центром монгольской армии, показал себя талантливым полководцем. К вечеру монголы одержали победу. Таян-хана, тяжело раненного, солдаты унесли на холм.

Владимирцов считает, что Джамуха, испугавшись мощи монгольской армии, бросил Таян-хана и бежал со своими чжадаранцами еще до начала битвы. В монгольском сказании говорится, что последние верные соратники напрасно спрашивали Таян-хана, что им делать, – царь уже умирал. Напрасно, пытаясь привести его в чувство, Корису-Бачи кричал ему, что его жены и его мать ждут его в шатре. Ослабевший от потери крови, Таян-хан неподвижно лежал на земле. Тогда его последние соратники во главе с Корису-Бачи снова бросились в битву, чтобы умереть. Чингисхана восхитила их отвага, и он хотел сохранить им жизнь, но они отказались сдаться и погибли в бою. Кучлук, сын Таян-хана, бежал с частью своих людей на Иртыш, однако, не чувствуя там себя в безопасности, позднее перебрался в страну каракитаев. Это была ветвь тех киданей, которые после низвержения чжурчжэнями (Цзинь) в 1125 г. империи Кидан (Ляо) в северном Китае направились на запад и преуспели в создании царства в Мавераннахре и районе Хотан Китайского Туркестана (Синьцзян). Тем временем найманы, оставшись без предводителя, подчинились власти Чингисхана. Это был 1204 г. Также Чингисхан получил заверения в покорности от ойратского вождя Кутука-Баки. Чингисхан вслед за этим напал на своих старых недругов меркитов и разгромил их. Меркитская красавица Кулан стала его четвертой женой.

В 1205 г. соперник Чингисхана Джамуха, которому удалось бежать из плена во время поражения найманов, был схвачен своим собственным вассалом и доставлен к Чингисхану. Последний приговорил его к смерти, но, помня о прежней дружбе, разрешил ему умереть, «не проливая крови». По верованию монголов, душа человека находится в его крови; убить его, не пролив крови, почиталось благом для его души. Эта милость обычно даровалась членам царских семей, виновным в предательстве, и в исключительных случаях – другим высокопоставленным преступникам. Согласно приказу Чингисхана, останки Джамухи с полагающимися почестями были помещены в специальный гроб.

Если авторы хроники приукрашивают великодушие Чингисхана и, дабы возвысить его, подчеркивают коварство Джамухи, поражает тот факт, что хан в самом деле предложил своему бывшему другу помириться. Он обещает забыть все измены человека, который много раз его обманывал, преследовал, предавал. В ответ же Джамуха просит смерти за все свои предательства. История этих людей и ее трагическая развязка могли бы вдохновить Софокла.

Последние меркитские банды уничтожил в Уйгурии монгольский генерал Субэтэй вместе с Токучаром, зятем Чингисхана. А еще раньше, в 1207 г., кыргызы Верхнего Енисея (Танну-ола и район Минусинска) без боя покорились Чингисхану.

Так, покорением меркитов и закончилась война за гегемонию в степи, победителем которой вышел Чингисхан. По иронии судьбы он начал свой путь к ней с поражения от меркитов и закончил разгромом последних. Степь была снова объединена, как во времена тюркских и уйгурских ханов.

Теперь вся Монголия была во власти Чингисхана. Его штандарт – белый флаг с девятью хвостами – стал знаменем всех тюрко-монголов.

Следует отметить, что во время поражения найманов в 1204 г. на службу к Чингисхану перешел хранитель золотой печати Таян-хана уйгур Та-Та-Тонга, которому Чингисхан приказал обучить царевичей и князей писать на своем языке уйгурскими буквами. Именно через найманского чиновника монголами было воспринято уйгурское письмо. После

перехода этого почтенного уйгура в свиту Чингисхана, во всех случаях, когда издавались императорские указы, стала употребляться печать. Таким образом, при дворе завоевателя формировалась основа монгольской государственности. Поставленная Чингисханом задача «собрания воедино всей Монголии» была успешно решена. Теперь Чингисхан мог целиком сосредоточиться на государственном строительстве и начать первые шаги к внешней экспансии.

Итак, для понимания ключевых проблем истории не только Центральной Азии, но и всего мира, необходимо конкретизировать причины: 1) как и почему сложилась Монгольская империя и 2) отчего проиграли с ней войну ее кочевые соседи: найманы и кераиты, меркиты и татары.

Прежде всего, отметим, что роль в этом Джамухи не меньше, чем роль Чингисхана. Суть – в разрыве отношений побратимов, т. е. анда.

В 1182 г. Джамуха, получив известие об избрании Тэмуджина и обращении его в Чингисхана, собрал большое количество вассалов и спустя некоторое время потребовал своего избрания на племенное руководство: 16 племенных вождей на курултае избрали Джамуху гурханом.

В это время монгольское племя переживало стадию распада: крайнее обострение отношений между племенной аристократией и непокорными, стремящимися выйти из орбиты племени людьми. Этот процесс поставил перед выделившимися из племен людьми – так называемыми «людьми длинной воли» – задачу объединения, но не на основе племенного принципа. Родовые старейшины хотели создать конфедерацию племен с выборным ханом, на пост которого подходил Джамуха – опытный воин и изворотливый политик. Однако при таком раскладе «людям длинной воли» не оставалось места. Поэтому последние сгруппировались вокруг Тэмуджина, который был по существу одним из них.

В условиях обострения отношений «людей длинной воли» с племенной верхушкой разрешение могло быть только военным. И оно не замедлило себя ждать: конфликт произошел из-за убийства брата Джамухи, вздумавшего отбить табун у чингисовцев. Состоялась битва при Далан-балчжутах, где Джамуха выступил с 30 тыс. всадников против 13 тыс. чингисхановских. Джамуха разгромил войско Чингисхана, казнил пленных и отвел свои войска, не завершив уничтожение коалиции Чингисхана.

Безусловно, окружение Джамухи было очень заинтересовано в походе, но этот поход был лишь средством. Целью являлось уничтожение коалиции Чингисхана и его самого. Почему же Джамуха не захотел ставить этой заключительной точки в своем походе, который, можно сказать, был определяющим в дальнейшем ходе мировой истории? Ответа на этот вопрос, фактически, нет, поскольку все историки ограничиваются лишь пересказом источников. Анализ большого количества хроник, проведенный нами, причем касающихся именно личностной характеристики Джамухи, позволяет сделать следующий вывод: интересы Джамухи не были интересами его окружения, они совпадали только по своей направленности – к Чингисхану, но не более. Цели племенной аристократии должны были быть достигнуты победоносным завершением похода, в то время как цели Джамухи достигались самим процессом похода, разгромом армии Чингисхана и тем самым уничтожением его как полководца и личности и демонстрацией собственного превосходства. Ведь находясь на грани победы над Чингисханом, он внезапно уходит с места сражения, сказав только: «Ну, мы крепко заперли его в Ононском Цзерене!»

Возможно, в том, что Джамуха не стал завершать свой поход полным разгромом Чингисхана, сыграл и фактор их братания кровью. Как бы то ни было, Чингисхан уцелел. Война, тем не менее, стала объективно необходимой, причем для всех: для противников Чингисхана, для окрестных племен – татар, отравивших отца Чингисхана; меркитов, обесчестивших его жену; для Ванхана кераитского, стремившегося победами поднять свой престиж; для найманского хана, который оценивал политическую ситуацию как невозможную, чтобы народ имел двух государей.

Джамуха не оправдал их надежд. После чего даже самые воинственные племена

Джамухи перешли на службу к Чингисхану, поскольку они стремились побеждать, в одночасье стало ясно, что с Джамухой победить нельзя.

Развернулась политическая борьба, и как результат – переход различных племен на сторону Чингисхана. Антагонизм общественных сил нарастал. Лагерь «людей длинной воли» был однородным по своему составу и своим устремлениям; аристократический же лагерь делился на два слоя: племенную аристократию, конфликтовавшую с «людьми длинной воли», и рядовых членов племен, которые потенциально были теми же «людьми длинной воли» и отличались лишь своей покорностью знати. Такое положение создавало неустойчивость в лагере племенной аристократии и возможность перехода племен в лагерь Чингисхана, несмотря на социальные противоречия. А в лагере «людей длинной воли» выдвижение военной верхушки во главе с Чингисханом трансформировало борьбу за свободу и независимость в борьбу за господство. Чингисхан из атамана превратился в государя.

В XIII в. не исчезли традиции степного единства, заложенные хуннами и развитые тюрками. Пришло время для увенчания здания кочевой культуры, и было ясно, что это сделают объединенные тюрко-монголы под предводительством Чингисхана. Полководцы и вожди родов, поддерживавшие Чингисхана, знали, что их только что созданная нация и уже опытная армия готовы к дальнейшим завоеваниям.

Великий курултай 1206 г. Яса Чингисхана

История каждого народа начинается только тогда, когда глухие, таящиеся в глубинах душ народных стремления находят какого-нибудь гениального выразителя, выдающуюся личность, героя из его среды, только тогда «племя», «род» становятся народом, только тогда, с памятью об этом герое, пробуждается в умах народа сознание о своем единстве и в пространстве, и во времени; эта память делает историю. Таким героем был Чингисхан.

К 1206 г. Чингисхан под своей властью собрал почти все тюрко-монгольские племена, как гласит «Сокровенное сказание» – всех «людей, живших в войлочных шатрах» от Алтая до Аргуни и от Сибирской тайги до Китайской стены. Он имел право считать момент назревшим для торжественного облечения себя званием императора. Посему надо было созвать курултай.

Ранее Тэмуджин был избран и назван Чингисханом частью родовых вождей; включая принцев, которые в силу своего высокого происхождения также могли претендовать на ханство. Теперь же он решил еще раз утвердиться в этом звании как хан всей нации – всех тюрко-монголов, и курултай подтвердил его титул – Чингисхан. Курултай был высшим органом власти, и только он имел право доверить функции управления определенному лицу, именуемому в дальнейшем ханом.

На курултай съезжались царевичи, дяди, двоюродные братья царевичей, царевны, зятья-гурханы, влиятельные нойоны и старшие эмиры, должностные лица, а также покорные монголам цари и правители; все они являлись в нарочитом множестве, со свитой и челядью, с большими дарами и подношениями.

Высокие гости размещались в шатрах, число которых достигало тысячи. А тем временем звездочеты выбирали благоприятный для интронизации хана день. Обычно курултай длился от нескольких дней до нескольких недель, при этом, согласно рассказу Джувеини, участники «каждый день надевали новую одежду другого цвета».

Церемония интронизации хана происходила в специально возведенном по такому случаю шатре; все присутствующие, по обычаю, обнажали головы, развязывали пояса и перекидывали их через плечо. Двое самых старших по возрасту членов ханского рода брали за руки избранника и усаживали на «престол верховной власти и подушку царствования». Все собравшиеся преклоняли колени и три раза выкрикивали имя нового хана, затем царевичи и высшая знать давали письменную присягу в верности новому суверену. По выходе из шатра совершали троекратное поклонение Солнцу. После чего все принимались за

чаши и неделю-другую пировали.

Итак, весной 1206 г. на всемонгольский курултай для торжественного утверждения суверена – Чингисхана – у истоков Онона собрались все защитники девятихвостого белого знамени, и Чингисхан взошел на трон. Впоследствии его титул был дополнен следующей официальной формулой, вырезанной на государственной яшмовой печати: «Бог – на Небе, Хан – Могущество Божие на Земле. Печать Владыки Человечества».

Победой он был обязан преданности, верности и мужеству своих соратников. Двадцать параграфов «Сокровенного сказания» посвящены перечислению заслуг людей, которые помогли Тэмуджину прийти к власти, а также наград, присужденных им Чингисханом.

С большим размахом, исполнив свой долг перед соратниками, Чингисхан приступил к выполнению своей основной задачи – наведению нового порядка в жизни Великой степи, и стало ясно, что завоевать власть проще, чем ее удерживать.

Следует отметить, что на этом курултае значительную роль играл шаман Кокчю, его называли Таб-Тенгри (Небеснейший).

В магическом мире монголов шаманы занимали место, не уступавшее по престижу и влиятельности предводителям племен, родов и кланов. Кочуя по стране, шаман общался с представителями различных племен. Распространяя слухи, он мог влиять на политику того или иного племени, манипулировать людьми.

По предложению шамана Кокчю, единогласно подхваченному всем курултаем, Чингисхан был провозглашен Божественным. Его подняли на войлоке над головами окружавшей его толпы, а та криками выражала свое согласие повиноваться ему.

Отцу Кокчю, старому Мунлику, безусловно, отводилось важное место в жизни Чингисхана, на матери которого он женился после смерти Есугэя. Кокчю наводил суеверный страх на людей своими магическими способностями – говорили, будто он взлетал на небо на своем сером в яблоках коне и беседовал с духами. Джувейни писал, что в лютый холод шаман путешествовал обнаженным по глухим окраинам, пустыням и горам, а по возвращении заявил: «Бог говорил со мной. Он сказал мне: Я отдал Тэмуджину и его сыновьям всю поверхность земли и дал ему имя – Чингисхан. Вели ему править справедливо!»

Шаман Кокчю помог Чингисхану заложить религиозные основы власти. Считая себя неприкосновенной личностью в силу своих магических способностей и положения отца Мунлика в императорском клане, он вел себя заносчиво и пытался руководить императором. Он поссорился с Казаром, братом Чингисхана, и, чтобы погубить его, объявил хану такое предзнаменование: «Дух поведал мне волю Вечного Неба. Сначала будет царствовать Тэмуджин, а после него Казар. Если ты не избавишься от Казара, тебе грозит опасность!» Эти слова не на шутку обеспокоили Чингисхана, он велел арестовать брата и сорвал с него шапку и пояс, знаки военной власти. Их мать Оэлун спасла Казара от гибели. Она обнажила свои груди, как описано в «Сокровенном сказании», и обратилась к императору с такими словами: «Вот груди, которые вскормили вас. Какое преступление совершил Казар, что ты хочешь убить свою собственную плоть? Ведь ты, Тэмуджин, сосал вот эту грудь, а другие твои братья, Качун и Тэмучэй, – другую. А Казар сосал обе. У Тэмуджина есть гений, у Казара – сила, и он – лучший стрелок. Всякий раз, когда племена восставали, их успокаивали его лук и его стрелы. Теперь, когда враги уничтожены, он больше тебе не нужен!» Пристыженный Чингисхан вернул Казару его знаки отличия и довольствовался тем, что отобрал у него часть личной охраны. Но шаман продолжал интриговать. Кокчю был тщеславен. «Он жаждал власти», – писал Джувейни. Теперь Кокчю взялся за самого младшего брата Чингисхана, Тэмучэя, и однажды публично оскорбил его. Мудрая Бортэ, жена Чингисхана, предупредила мужа: «Если при твоей жизни можно оскорблять твоих братьев, после твоей смерти люди поднимутся на твоих детей». На этот раз Чингисхан разрешил Тэмучэю избавиться от придворного колдуна. Когда через несколько дней Кокчю со своим отцом Мунликом пришел с визитом к Чингисхану, Тэмучэй схватил шамана за горло. Император приказал им выйти и решить вопрос на улице. Как только Кокчю вышел из

императорского шатра, его схватили три охранника Тэмучэя и с молчаливого согласия Чингисхана сломали ему позвоночник «без пролития крови». Мунлик мужественно перенес смерть сына, сказав: «Я служил тебе, хан, еще до твоего восхождения на трон, и я буду продолжать служить тебе...» На должность Кокчю, которая предполагала наличие «белого коня и белой одежды», Чингисхан назначил Узуна, самого старого представителя племени бааринов, знаменитого шамана.

Так завершился в степи, под двумя войлочными шатрами, спор между духовенством и государственной властью, между колдуном и великим ханом.

Несмотря на физическое уничтожение шамана Кокчю, новая империя Чингисхана по-прежнему опиралась на религиозную основу, на древний тюрко-монгольский анимизм, проникнутый в разной степени маздейскими и китайскими элементами. Божеством, воплощением которого был великий хан, оставался Тенгри, обожествленное Небо, или Бог Неба, в чем-то сходный с китайским Тянем, не говоря уже об иранском Хормузде. В этой связи Чингисхан не раз ссылался на древние протоколы тюркских каганов VII–VIII вв., фигурирующие в надписях в Цайдаме: «Я, который похож на Небо и который рожден Небом, Билге-каган тюрков». Все преемники Чингисхана, пока они не китаизировались окончательно на Дальнем Востоке, не исламизировались полностью в Туркестане и в Иране, считали себя представителями Тенгри на земле: их порядок был его порядком, бунт против них был бунтом против него.

Сам Чингисхан питал особое почтение к божеству, которое восседало на горе Буркан-Калдун (нынешний Кентей), в верховье Онона. Когда в самом начале своей карьеры быстроногий конь спас его от меркитов, он укрылся от погони как раз на этой горе. Поэтому, как только предоставлялась возможность, он восходил на гору, сняв по монгольскому обычаю шапку и набросив пояс себе на плечи, девять раз преклоняя колени и выпивая ритуальную чашу кумыса. Позже, перед началом большой войны с Цзиньской империей, он еще раз совершил паломничество на гору Буркан-Калдун. Затем, накануне кампании, он три дня не выходил из своего шатра, оставаясь наедине с Духом, а в это время люди вокруг громко зывали: «Тенгри! Тенгри!» На четвертый день великий хан вышел и объявил народу, что Вечный Тенгри обещал ему победу.

С этой древней анимистской религией с культом горных вершин и рек связаны следующие обычаи: взойти на вершину священной горы, чтобы быть ближе в Тенгри, и просить его о милости, сняв шапку и набросив пояс на плечи в знак покорности, прятаться, когда гремит гром, т. е. когда Тенгри гневается, не грязнить водные источники, ибо в них тоже обитают духи, не мыть в них тело и не стирать одежду, чему вначале немало удивлялись мусульмане, придерживающиеся обычая омовения.

Надо отметить, что из суеверного страха перед Небом и магическими формулами монголы старались не ссориться не только со своими шаманами, но и с другими возможными представителями божества – с несторианскими священниками, которые жили среди кераитов и онгутов, с буддийскими монахами уйгуров и киданей, с таоистскими магами Китая, тибетскими ламами, миссионерами-францисканцами, мусульманскими муллами. Чингисхан даже освободил их от всех налогов и поборов, ибо они испрашивали у Неба счастья для императора. Так всеобщее суеверное беспокойство порождало всеобщую терпимость. Потомки Чингисхана стали нетерпимыми только тогда, когда перестали быть суеверными.

После падения уйгуров в 840 г. империя степей практически ушла в небытие. Чингисхан, провозгласив себя верховным ханом «всех, кто живет в войлочных шатрах», заявил, что эта старая империя, которой поочередно владели предки тюрков (хунны), затем предки монголов (жужани и эфталиты), затем снова тюрки (уйгуры), окончательно восстановлена под властью монголов.

И тюрки, и монголы составили новую монгольскую нацию (монгольский улус), и отныне под именем монголов в историю вошли и победители, и побежденные, кераиты, найманы и борджигины, и под этим именем они прославили себя. В связи с чем в

«Сокровенном сказании» написано: «Чингисхан отселе провозгласил единое имя монголов. Все предводители различных родов и племен становятся вассалами монгольского хана и приобретают имя „монгол“». Другими словами, имя «монгол» отныне распространялось на все племена, объединенные под скипетром Чингисхана. Чингисидские монголы иногда называли себя «синие монголы», так же как когда-то «синими тюрками» назывались древние тюрки. В данном случае эпитет «синий» означает Небо (Тенгри), полномочными представителями и посланниками которого на Земле считали себя каганы тюрков, затем великие ханы-чингисиды. Известно также, что монголов ошибочно называли «татарами» и что они яро протестовали по этому поводу в беседах с западными путешественниками XIII в.

Итак, у империи есть глава. Есть территория. Есть орда – народ-войско. Ей нужен свод законов, обязательных для всех.

На курултае 1206 г. обнародована Яса, точнее ее первая редакция, представляющая собой приведенные в порядок древние законы тюрко-монголов. В самом деле, на протяжении многих веков существовала деловая практика, целая система обычаев, юридических традиций, дающих правовые основы обществу кочевников. Эти неписанные законы более или менее соответствовали занятиям племен и отдельных людей: определяя иерархию, собственность, религиозные обряды, свободы, они скрепляли права рода, защищали средства к существованию скотоводов, клеймили святотатство и регулировали отношения между людьми.

Большое количество запретов, множество табу у монголов удивляли иностранцев, которые часто писали об этом в своих путевых заметках.

Идея объединить в юридический кодекс всю совокупность законов, правил и обычаев соответствует тому, что известно о характере Чингисхана: его стремление к порядку, ревнивая жажда власти сопровождаются почти всегда поисками доказательств его неоспоримой правоты, его склонность к тщательнейшей аргументации очевидна. Для хана Яса должна представлять собой всемирный закон. Монгольский порядок будет отныне применяться ко всем покоренным народам.

Яса представляла собой не просто кодификацию обычного права тюрко-монголов, а новую правовую систему, призванную создать новые нормы права в соответствии с нуждами новой империи, для постройки которой прежнее родовое государство было лишь исходным пунктом.

Яса – закон, дополненный биликом (постановлениями), – была официально продиктована уйгурским писцом и записана в «Синих тетрадах», к сожалению, утраченных и восстановленных по записям Джувейни и Рашид-ад-Дина. Эти законы, которые должны были быть понятны неграмотному большинству, сформулированы лаконично и максимально четко:

«Долг монголов немедленно явиться на мой зов, повиноваться моим приказаниям, убивать, кого велю». «Кто не повинуется, тому отрубят голову». После этого вступления, по меньшей мере безжалостного, уже не удивляет суровая строгость кодекса, соответствующая эпохе. Запрещены под страхом смерти убийство, кража скота, укрывательство имущества или беглых рабов, вмешательство третьего в спор (или борьбу) двоих, конфискация на длительный срок чужого оружия. Супружеская измена, блуд, содомский грех караются смертью. Различные преступления, считающиеся менее тяжкими (изнасилование девушки), караются отсечением руки... Менее серьезные проступки караются штрафом, выплачиваемым натуральными продуктами. Мелкие уголовные преступления наказываются палочными ударами. Чингисхан, хорошо знавший склонность своих соплеменников к пьянству – в частности, собственного сына Угэдея, – рекомендует не напиваться чаще трех раз в месяц!

Яса определяет роль женщины в лоне этого патриархального общества: она должна, прежде всего, заботиться о «хорошей репутации своего мужа». Основа ее прав и обязанностей – выполнение домашней работы и верность супругу и повелителю: «Мужчина не может, как солнце, быть одновременно всюду. Нужно, чтобы жена, когда муж на войне

или на охоте, содержала хозяйство в таком порядке, что если гонец повелителя или даже какой-нибудь путник будет вынужден остановиться в ее юрте, он увидел бы ее хорошо прибранной и отведал бы вкусную еду: это сделает честь мужу, хорошие мужья узнаются по хорошим женам».

Что сказать о применении этих добродетельных принципов? Плано Карпини, относящийся к нравам кочевников без снисхождения, замечает: «Женщины в основном целомудренны. Никогда не слышал, чтобы обсуждали проступок какой-нибудь из них. Мужчины, однако, позволяют себе во время игры говорить непристойности и даже сквернословить. Столкновения между ними, должно быть, редки, если вообще имеют место. Хотя монголы много пьют, они никогда не ссорятся и не заводят драк в состоянии опьянения».

Что касается законов, действующих в военное время, они коротки и ясны.

«Невнимательный часовой подлежит смерти».

«Гонец-стрела, который напивается допьяна, подлежит смерти».

«Тот, кто прячет беглеца, подлежит смерти».

«Воин, не по праву присваивающий добычу, подлежит смерти».

«Неспособный полководец подлежит смерти».

Во все времена, как и во всех странах, военный трибунал дешево ценил человеческую жизнь.

Яса собрала воедино и закрепила вековые традиции и обычаи. Чингисхан – не новатор и не либерал. Но в своем стремлении положить конец анархии, с которой долго боролся, он сумел освятить родовую и семейную иерархию, регламентировать систему собственности и наследования, придать официальный статус обычаям и нравам, рожденным в степи. Этот кодекс, без сомнения, отражает дух общества тюрко-монголов в начале XIII в. – никто отныне не может не считаться с законом. В своих жестких рамках Яса еще теснее сплачивает народы, близкие по образу жизни, языку, традициям.

Хранителем Ясы (верховным прокурором) был назначен второй сын Чингисхана, Чагатай.

Этот кодекс со временем был дополнен и улучшен, но официально его обнародовали только по случаю курултая 1219 г., сразу же после завоевания Северного Китая и покорения Передней Азии.

Великий хан хотел отметить утверждение своей власти событием, открывающим новую эпоху. Яса, реальное воплощение его величия, подтвердила его законность: «Поставив на колени около двадцати народов во имя своего законного права, поборник справедливости захотел найти оправдание своим действиям. Об этом свидетельствует эдикт 1219 г., выгравированный на даосской стеле, который воздает должное деятельности хана и заканчивается следующими словами: „Небо поддержало меня, и я достиг высшей власти“».

Окончательное соединение в Великую Ясу собственно Ясы и подборки приказов, поучений Чингисхана произошло, скорее всего, после его смерти, уже при Угэдее.

Создание государства Чингисхана

Когда в политической жизни тюрко-монголов настал переломный период, когда история сделала свой исторический вызов, «Небо с Землей стоворились» и определили его, Чингисхана, «отмеченного печатью небесного происхождения», быть единственно законным правителем мира, «царем царей», государем божьей милостью.

Идея о небесном мандате Чингисхана на правление земной империей стала официальной идеологией государства Чингисхана. Идеологическая доктрина провозгласила незыблемость власти Чингисхана и чингисидов над окуйменной и руководящую роль монголов над всеми прочими народами. Источник политической власти членов «золотого рода» – генеалогия, а именно: их принадлежность к прямым потомкам Чингисхана по мужской линии. Исключительное право на царство признается только за первыми четырьмя

сыновьями Чингисхана от его старшей жены Бортэ – Джучи, Чагатаем, Угэдеем, Толуем – и их прямыми потомками, которые и составляют «золотой род» – правящую монгольскую династию.

Итак, начиная с курултая 1206 г. Чингисхан ведет последовательное созидание настоящего государства, и в этом деле он опирался на свои основные принципы – деление людей на подлых, эгоистичных, трусливых и, наоборот – на честных, справедливых, смелых, которые ставили свою честь и достоинство выше безопасности и материального благополучия; особое уважение к кочевникам, морально и нравственно превосходящим оседлые народы; глубокая религиозность каждого – от великого хана до последнего дружинника (Чингисхан считал, что такая религиозность является непременным условием той психологической установки, которую он ценил в своих подчиненных); государство должно опираться не на религиозную идеологию, а на национальный тюрко-монгольский принцип, только такой принцип может стимулировать у тюрков и монголов духовно возвышающие ценности – отсутствие догматизма и веротерпимость, касающаяся христиан, мусульман, буддистов и т. д., только лиц иудейского вероисповедания монголы и тюрки чуждались (освободив от податей духовенство всех религий, они продолжали брать налоги с раввинов). Официальной государственной религии в период правления Чингисхана не было, среди его воинов, полководцев и администраторов присутствовали тэнгрианцы, буддисты, мусульмане и христиане.

Согласно этим принципам, власть правителя должна опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Такие люди («небесные») считали, что только законы Ясы помогут создать государство и навести порядок, поэтому они провозгласили Чингисхана Верховным правителем и увлекли за собой весь народ. Да и народ понял, что при правильном соблюдении законов, не нарушая их, можно жить спокойно. Кстати, Чингисхан с начала своего правления опирался на сотню верных сподвижников, с которыми он создал впоследствии Великую тюрко-монгольскую империю, которая в отличие от государств, образованных кочевниками, простояла века. Организационные реформы утвердили новый порядок в жизни кочевников, несмотря на то что вмешательство государства в права вождей племен, родов и кланов, подчинение аристократии приказам, разделение населения на военные единицы, введение обязательной воинской повинности противоречили традициям кочевников-степняков, их жизненному укладу.

Промежуток времени между победой над найманами (1204 г.) и походом против тангутов (1209 г.) стал единственным периодом в жизни Чингисхана, когда на первый план вышли не войны, а решение организационных задач. В это время им были заложены основы внутренней структуры империи, он занимался вопросами укрепления власти правящего дома, а вести военные действия Чингисхан предоставил своим военачальникам. Хотя одно исключение все-таки было сделано. В 1206 г., после окончания Великого курултая, Чингисхан выступил против Буйрук-хана, у которого в свое время нашли приют Кучлук, сын Таян-хана, и Токтоа-Баки, вождь меркитов.

После блестящей победы Чингисхану подчинились кыргызы, которые в 1207 г. направили к нему послов с великолепными белыми соколами в знак своего преклонения перед его властью и присяги на верность. В следующем году примеру кыргызов последовали ойраты. Слава и авторитет Чингисхана распространились по всей Центральной Азии. Сведения о восхождении его к власти и о его военных успехах дошли до Уйгурского государства Кочо. Уйгуры признали над собой власть Чингисхана. Это стало политическим событием огромного значения и имело серьезные последствия. С военной точки зрения покорение уйгуров освободило монголов от необходимости укреплять юго-западный фланг своей империи.

Примеру уйгурского государя последовал предводитель карлуков Арслан. В 1211 г. Арслан прибыл преклонить колени перед Чингисханом. Принимая во внимание добровольную капитуляцию, Чингисхан женил его на своей дочери.

Чингисхан умел вознаграждать самых преданных сторонников, чьей помощи он был обязан своим восхождением к вершинам власти: это Джелмэ, Субэтэй, Хубилай и Джэбэ, Богурчи, Мунлик, Кунан (или Дегэй), чью храбрость и верность, проявленные во время военных походов, хан высоко ценил. Вознаградил он и членов своей семьи: четырех сыновей – Толуя, Угэдэя, Джучи и Чагатая, а также и усыновленных детей – Шиги-Кутуку, своего приемного брата Борогула и Гучу. Хроника подчеркивает, что он вспомнил обо всех, кто погиб, служа ему верой и правдой. Детям своих воинов, погибших на полях сражений, Чингисхан предоставил различные привилегии.

Итак, монгольские племена были объединены, кочевые народы Центральной Азии покорены, власть Чингисхана укреплялась. Главной задачей того периода для нового императора было укрепление его армии и администрации: мандат на это он приобрел самим фактом своего избрания. Теперь он получил абсолютные полномочия, а курултай, который был основан как конституционное собрание, стал органом имперских советников, оказывавших помощь властителю в осуществлении необходимых реформ.

Родовой принцип был нарушен немедленно и сознательно. Командиры получили чины по заслугам, а не по праву рождения.

В столь воинственном и разноплеменном людском скопище было необходимо поддерживать строгий порядок, для чего всегда требовалась реальная сила. Чингисхан это предусмотрел и из числа наиболее преданных воинов создал в качестве инструмента власти головной отряд – гвардию, которая в дальнейшем будет беззаветно предана повелителю и выполнит его волю, какова бы она ни была. Из «людей длинной воли» была создана военная элита, которую нельзя назвать ни аристократией, ни олигархией, ни демократией, ибо это была орда древнетюркского каганата, но разросшаяся на всю Великую степь и поглотившая племена.

Система организации армии – подразделениями по десять, сто и тысяче человек – была доведена до совершенства, кроме того, было создано еще большее подразделение из десяти тысяч (по-монгольски – тумен; по-русски – тьма). Когда тысячные подразделения были сформированы, оказалось, что воинов достаточно для создания 95-тысячных батальонов, «не считая людей леса» (которые еще не были полностью подчинены).

Император лично назначил всех 95 нойонов, новых командиров тысячных подразделений. Среди них были Богурчи, который еще юношей помог Тэмуджину вернуть украденных лошадей; Джэбэ, бывший вассал тайчжиутов и некоторое время противник Тэмуджина; Мухали, один из тех, кто укрепил веру Тэмуджина в его судьбу во времена тяжелого давления на него со стороны врагов, и Субэтэй, позднее возглавивший западный поход тюрко-монголов. Кроме титулов командиров тысячи, Богурчи и Мухали было поручено руководить вновь сформированными десятитысячными соединениями.

Сообразно с приказом Чингисхана скромное дворцовое охранное соединение, сформированное перед его кампанией против найманов, было увеличено и реорганизовано с тем, чтобы составить ядро имперской гвардии числом десять тысяч. Тысяча баатуров стала одним из батальонов гвардии. Лучшие офицеры и солдаты из каждого армейского подразделения были выбраны для службы в гвардии. Сыновья командиров сотенных и тысячных подразделений автоматически причислялись к гвардии, других же принимали путем отбора. Этот метод создания гвардии гарантировал лояльность и соответствие гвардейцев и имел, кроме того, иные преимущества. Каждое подразделение армии было представлено в гвардии, и, поскольку подразделения из десяти, сотни и тысячи человек более или менее соответствовали родам и группам родов, каждый род был представлен в гвардии. Через доверенных гвардейцев и их связи в армейских соединениях Чингисхан мог теперь усилить свою власть надо всем монгольским народом. Гвардейцы стали опорой всей армейской организации и административной системы империи Чингисхана. В качестве подразделения они имели множество привилегий. Согласно повелению Чингисхана, рядовой гвардии был выше по положению, нежели любой командир армейского соединения, включая тысячного. Поэтому каждый гвардеец мог в случае необходимости командовать любым

армейским соединением. Гвардия, таким образом, стала чем-то наподобие военной академии, чьи выпускники получали высочайшие поручения в армии, когда это было необходимо. Гвардейцы находились на постоянной службе даже в мирное время. В военные годы они составляли главную дивизию под личным командованием императора. Неся постоянную службу, они не могли заботиться о себе и поэтому получали жилье и пищу в лагере императора.

Назначались специальные дворовые чиновники, которые обеспечивали продовольствием как императорскую семью, так и стражников. Несколько позднее членам императорской семьи были дарованы наделы. В отличие от феодальной Европы, наделы состояли не из земельных владений, а из выделенных групп людей с соответствующими стадами. Так, мать Чингисхана Оэлун вместе с очигином, т. е. самым младшим братом Есугея, получили 10 тыс. юрт (а следовательно – хозяйств или семей). Части, выделенные для четырех сыновей Чингисхана, были распределены по старшинству: старший, Джучи, получил 9 тыс. юрт; Чагатай получил 8 тыс.; Угэдей и Толуй – каждый по 5 тыс. Среди братьев Чингисхана Казар получил 4 тыс. юрт; Белгутэй – 1,5 тыс.; племянник Алчи-Тэй был одарен 2 тыс. Наделы подвергались контролю императора, и, соответственно, Чингисхан назначал несколько нойонов советниками каждого из их получателей. Спокойствие и порядок должны были царить и в семье, и в кланах, и в родах. Были приняты драконовские законы, призванные положить конец разбойничьим набегам и кровной мести. Итак, императорская семья как институт стала частью имперской системы. Лагерь (орда) каждого члена императорского дома стал частью власти, подчиненной великому хану.

В целом монгольская армия территориально состояла из трех крыльев, исходя из монгольской ориентации «лицом на юг»: левое крыло на востоке под командованием, в самом начале, Мухали, центр (гель) – под командованием баарина Найа, затем Чагана, молодого тангута, которого Чингисхан воспитывал как сына и сделал командующим элитной гвардейской тысячи, и правое крыло под командованием Богурчи. Численность тюрко-монгольской армии достигала 129 тыс.: левое крыло в силу военной ситуации насчитывало 62 тыс., правое – 38 тыс., остальные были в центре и в резерве. Некоторые источники указывают другие цифры: 1 тыс. – корпус тело хранителей, 101 тыс. – центр, 47 тыс. – правое крыло, 52 тыс. – левое крыло, гвардия принцев императорской семьи – 29 тыс., итого – 230 тыс.

Численность монгольской армии, конечно, колебалась в разные периоды царствования Чингисхана и не поддается точной оценке. Персидские и китайские историки, принадлежа к покоренным монголами нациям, имели понятную тенденцию преувеличивать монгольские силы. То же замечание относится и к русским летописцам. Фантастические цифры и характеристики этих источников легко опровергаются тем простым соображением, что малочисленное население даже объединенной Монголии ни в каком случае не могло выставить более 200 тыс. воинов.

Ориентация «лицом на юг» соответствовала целям монгольских завоеваний, направленных «веером» на южные страны: завоевание Китая вменялось в задачу левого крыла, завоевание Туркестана и Восточного Ирана составляло задачу центра, а русских степей – правого крыла.

Марко Поло, много лет проживший в Монголии и Китае, дает такую оценку монгольской армии: «Вооружение монголов превосходно: луки и стрелы, щиты и мечи; они самые лучшие лучники из всех народов».

Монгол может спать, оставаясь верхом на коне, который в это время может и идти походом, и пастись. Одеждой у монголов зимой служили: меховая шапка с наушниками, в походах – шлем или железная каска и «даха» (это название перешло и в русский язык) – шуба из «сложенного вдвое меха, шерстью наружу, – откуда и пошла легенда, что будто бы монголы эпохи завоевания Европы «одевались в звериные шкуры». Доха шилась такой длины, чтобы закрывать ноги ниже колена, и подпоясывалась ремнем, украшенным серебром. На ногах – сапоги с войлочными чулками. Эти чулки из войлока у русских

обратились в валенки, но монгольский вариант удобнее, так как годился и в период сырости, между тем как просто валенки промокают. Одетые таким образом монголы легко переносили зимнюю стужу и если иногда прерывали на время зимы свои операции, то не из-за холода, а из-за отсутствия подножного корма. Зато в странах с высокой летней температурой (например, в Южном Китае) им случалось прерывать военные действия из-за жары.

Снаряженная, как выше описано, монгольская армия была самая выносливая (и в то же время самая дисциплинированная) на свете и, как таковая, действительно могла завоевать мир.

Это были наездники, выросшие на коне с малых лет. На диво дисциплинированные и стойкие в бою воины, причем в отличие от дисциплины, созданной страхом, которая в некоторые эпохи господствовала в европейских постоянных армиях, у них она была основана на религиозном понимании соподчиненности власти и на родовом быте. Выносливость монгола и его коня изумительны. В походе их войска могли двигаться целые месяцы без возимых запасов продовольствия и фуража. Для коня – подножный корм, овса и конюшни он не знал. Передовой отряд, силою в две-три сотни, предшествовавший армии на расстоянии двух переходов, и такие же боковые отряды исполняли задачи не только охраны марша и разведки противника, но также и хозяйственной разведки – они давали знать, где подножный корм и водопой лучше.

Кочевники-скотоводы отличались глубоким знанием природы: где и в какое время травы достигали большего роста и большей питательности, где лучше водные бассейны, на каких перегонах необходимо запастись провиантом и на сколько времени и т. д.

Без сбора этих практических сведений считалось невысказанным приступать к операции. Кроме того, выдвигались особые отряды, имевшие задачей охранять кормовые места от не принимающих участие в войне кочевников. Войска, если тому не мешали соображения стратегические, задерживались на местах, обильных кормами и водою, и проходили форсированным маршем районы, где подобных условий не было. Каждый конный воин вел от одной до четырех заводных коней, так что мог на походе менять лошадей, чем значительно увеличивалась длина переходов и сокращалась надобность в привалах и ночевках. При этом условия походные движения продолжительностью в 10–12 дней без ночевки считались нормальными, а быстрота передвижений монгольских войск была потрясающей. Во время венгерской компании 1241 г. Субэцэй прошел однажды со своей армией 428 км менее чем за трое суток.

Роль артиллерии при монгольской армии играли метательные орудия. До китайского похода (1211–1215 гг.) число таких машин в армии было незначительным, и они были самого первобытного устройства, что, между прочим, ставило ее в довольно беспомощное положение в отношении встречаемых при наступлении укрепленных городов. Опыт упомянутого похода внес в это дело значительные улучшения, и уже в среднеазиатском походе мы увидим в составе монгольской армии вспомогательную цзиньскую дивизию, обслуживающую разнообразные тяжелые боевые машины, применяемые преимущественно при осадах, в том числе и огнеметы. Последние метали в осаждаемые города разные горючие вещества, так называемый греческий огонь и др. Есть некоторые намеки на то, что во время среднеазиатского похода монголы употребляли порох. Он, как известно, был изобретен в Китае гораздо раньше появления его в Европе, но использовался он китайцами преимущественно для целей пиротехники. Монголы могли заимствовать порох у китайцев, а также принести его в Европу, но если и было так, то играть особенную роль в качестве боевого средства ему, по-видимому, не пришлось, так как собственно огнестрельного оружия ни у китайцев, ни подавно у монголов не было. В качестве источника энергии порох находил у них применение преимущественно в ракетах, которыми пользовались при осадах. Пушка была, несомненно, самостоятельным европейским изобретением. Что же касается собственно пороха как такового, то высказываемое Х. Лэмом предположение, что он мог и не быть изобретен в Европе, а завезен туда монголами, не представляется невероятным.

При осадах тюрко-монголы пользовались не только артиллерией, но прибегали также и

к фортификации, и к минному искусству в его первобытной форме. Они умели производить наводнение, делали подкопы, подземные ходы и т. п.

Описав тактические приемы, вооружение, снаряжение и численность монгольской армии, остановимся на ее стратегии.

Война велась монголами обычно по следующей схеме.

1. Собирался курултай, на котором обсуждался вопрос о предстоящей войне и ее плане. Там же постановляли все, что необходимо было для составления армии, сколько с каждого десятка юрт брать воинов и проч., а также определяли место и время сбора войск.

2. Высылались в неприятельскую страну разведчики и добывались «языки».

3. Военные действия начинались обыкновенно ранней весной (в зависимости от состояния подножного корма), а иногда, в зависимости от климатических условий, и осенью, когда лошади и верблюды нагуляли вес. Перед открытием военных действий Чингисхан собирал всех старших начальников для выслушивания его наставлений.

Верховное командование осуществлялось самим императором. Вторжение в страну противника производилось несколькими армиями в разных направлениях. От полководцев Чингисхан требовал представления плана действий, который он обсуждал и обыкновенно утверждал, лишь в редких случаях внося в него свои поправки. После этого исполнителю предоставлялась, в пределах данной ему задачи, полная свобода действий при условии поддержки тесной связи со ставкой верховного вождя. Лично император присутствовал лишь при начальных операциях. Как только он убеждался, что действия хорошо налажены, он предоставлял молодым вождям всю славу блестящих триумфов на полях битв и в стенах покоренных крепостей и столиц.

4. При подходе к значительным укрепленным городам часть армии оставалась для наблюдения – так называемый обсервационный корпус. В окрестностях собирались запасы и в случае надобности устраивалась временная база. Обыкновенно главные силы продолжали наступление, а обсервационный корпус, снабженный машинами, приступал к осаде.

5. Когда предвиделась встреча в поле с неприятельской армией, тюрко-монголы обыкновенно придерживались одного из следующих способов: либо они старались напасть на неприятеля врасплох, быстро сосредотачивая к полю сражения силы нескольких армий, либо, если противник оказывался бдительным и нельзя было рассчитывать на внезапность, они направляли свои силы так, чтобы достичь обхода одного из неприятельских флангов. Такой маневр носил название «тулугма». Но, чуждые шаблона, монгольские вожди, кроме двух указанных способов, применяли и другие оперативные приемы. Например, демонстрировалось притворное бегство, когда армия искусно заметала свои следы, исчезнув с глаз противника до того момента, пока тот не раздробит свои военные силы и не ослабит мер предосторожности. Тогда монголы садились на свежих лошадей, совершали налет, являясь будто из-под земли перед ошеломленным врагом. Таким образом были разбиты в 1223 г. на реке Калке русские князья. Случалось, что при подобном демонстративном бегстве тюрко-монгольские войска рассеивались так, чтобы охватить противника с разных сторон. Если оказывалось, что неприятель держится сосредоточенно и приготовился к отпору, они выпускали его из окружения с тем, чтобы потом напасть на него на марше. Именно так в 1220 г. была уничтожена одна из армий хорезмшаха Мухаммеда, которую тюрко-монголы выпустили из Бухары.

В традиции тюрко-монголов было преследовать своего врага до полного уничтожения. Однако в Европе этот принцип не пользовался признанием. К примеру, рыцари Средних веков считали ниже собственного достоинства гоняться за побежденным противником. А в эпоху Людовика XVI победитель готов был построить побежденному «золотой мост» для отступления.

Из сказанного о стратегическом и тактическом искусстве тюрко-монголов следует еще раз особо отметить их изумительную маневренную способность, а также энергию и активность монгольского командования. А по сути монгольская тактика есть не что иное, как старая, усовершенствованная тактика тюрков-кочевников.

Теперь обратимся к тайной разведке тюрко-монголов, посредством которой, задолго до начала военных действий, изучались до мельчайших подробностей местность, вооружение, организация, тактика, настроение армии противника и т. д.

Эта предварительная разведка вероятных противников, которая в Европе стала применяться лишь в новейшие исторические времена, Чингисханом была поставлена на необычайную высоту. К примеру, в 1241 г. германский император Фридрих II писал английскому королю Генриху III: «Через лазутчиков своих, которых они повсюду высылают вперед, они хотя и не направляемые Божественным законом, но все же сведущие в военном искусстве, узнали об общественном разногласии и о беззащитности и ослабленности земель (Европы), и, услышав о раздоре королей и распрях между королевствами, они еще более воодушевляются».

Канцелярия великого хана собирала и тщательно проверяла сведения обо всех доступных тюрко-монголам странах, народах, их правителях, войнах, армиях. Марко Поло утверждал, что «видел и слышал много раз, как к великому хану возвращались гонцы, которых он посылал в разные части света... и которые привозили вести о нравах и обычаях иноземных». Новости о Западной Европе для хана не были исключением. Рубруку был известен случай, когда для выяснения истины придворные хана использовали прием очной ставки между французским и никейским посольствами. Весьма любопытно одно из первых свидетельств, принадлежащее западным купцам. Когда венецианцы братья Поло достигли резиденции великого хана, то последний о многом их расспрашивал, прежде всего «об императорах, о том, как они управляют своими владениями, творят суд в своих странах, как они ходят на войну, какое у них оружие, большая ли у них армия и т. п. во всех деталях; спрашивал он потом и о королях, князьях и других баронах. Спрашивал он еще об их апостоле (папе Римском), обо всех делах Римской церкви и об обычаях латинян. Говорили ему Николай и Матфей обо всем правду, по порядку и умно». Нет сомнений в том, что эти расспросные сведения, как и многие другие, записывались, анализировались, сохранялись и использовались в нужное время и в нужном месте. Таким образом, к Чингисхану стекалась информация со всех интересующих его стран.

Для целей разведки были хороши все средства: объединение недовольных, подкуп, создание внутренних осложнений в государстве, психический (угрозы) и физический террор.

Зачастую тюрко-монгольские вожди проявляли лучшие знания местных географических условий, чем их противники, действовавшие в собственной стране.

Тайная разведка продолжалась и на протяжении всей войны, для чего привлекались лазутчики. Роль последних часто исполнялась торговцами, которые при вступлении армии в неприятельскую страну выпускались из монгольских штабов с запасом товаров с целью завязки отношений с местным населением.

Сопоставляя великие походы вглубь неприятельского расположения армий Наполеона и армий Чингисхана, мы должны признать за последним значительно большую проницательность и большой руководительский гений. И тот и другой, ведя в разное время свои армии, были поставлены перед задачей правильного разрешения вопроса тыла, связи и снабжения своих полчищ. Но только Наполеон не сумел справиться с этой задачей и погиб в снегах России, а Чингисхан разрешал ее во всех случаях оторванности на тысячи верст от сердцевины тыла.

В рассматриваемый нами период весьма сложной проблемой была экономика объединенной Монголии. Шестилетняя гражданская война не могла не отразиться на единственном виде народного достояния – поголовье скота. Во время походов его не столько пасут, сколько едят. Следовательно, для того чтобы кормить армию, которую нельзя было распустить, поскольку на всех границах имелись враги, надо было продолжать войну. Тогда войско, уходя за границу, находило себе пропитание само. На местах же народ также должен был позаботиться о себе сам. Однако это означало, что народ должен находиться в постоянном напряжении, без малейшей надежды на отдых. А правительство, если оно хотело уцелеть, обязано было обеспечить лояльность подавляющего большинства населения,

носившего луки и сабли.

Легкая монгольская кавалерия не могла тащить за собой громоздкие обозы, стесняющие движение, и поневоле должна была изыскивать выход из этого положения. Еще Юлий Цезарь, завоевывая Галлию, сказал, что «война должна питать войну» и что «захват богатой области не только не отягощает бюджета завоевателя, но и создает ему материальную базу для последующих войн».

Естественно, что к такому же взгляду на войну пришли Чингисхан и его полководцы; они смотрели на войну как на доходное дело, расширение базиса и накопление сил, – в этом была основа их стратегии. Китайский средневековый историк указывал на главный признак, определяющий хорошего полководца: «...умение содержать армию за счет противника... Монгольская стратегия в длительности наступления и в захвате большого пространства видела элемент силы», источник пополнения войск и запасов снабжения. Чем больше продвигался в Азию наступающий, тем больше захватывал стад и других движимых богатств. Кроме того, побежденные вливались в ряды победителей, где быстро ассимилировали, увеличивая силу победителя.

Также довольствие армии пополнялось за счет облавных охот. «Днем следите за врагом с зоркостью старого волка, ночью – глазом ворона. В бою бросайтесь на добычу, как сокол», – так, согласно хроникам, учил солдат Чингисхан. Терпеливая охота на оленей научила кочевников посылать вперед невидимых разведчиков с целью наблюдения скрытно от дичи или от противника. На охоте они использовали сужающийся круг загонщиков, и эта практика окружающего движения, как мы отмечали ранее, позволяла им охватывать неприятеля с двух сторон, как окружают стада диких животных в степи. Все эти действия сопровождалось криками.

Это была наследственная хитрость охотника, наводящего ужас на зверя, чтобы лишить его воли к сопротивлению. Тюрко-монголы и их кони обрушивались на китайцев, персов, русских, венгров так же, как они охотились на антилоп или тигров. Тюрко-монгольские лучники поражали врага через броню, как поражали орла на лету. Самые яркие тюрко-монгольские кампании – в Мавераннахре и Венгрии – напоминают массовые облавы на зверя с целью ошарашить его, окружить, завалить и методично убить.

Остановимся на самом процессе облавной охоты.

Нередко в цепи охотников появлялся сам хан, наблюдая за поведением людей. Он до поры до времени хранил молчание, но ни одна мелочь не ускользала от его внимания и по окончании охоты вызвала похвалу или порицание. По окончании загона только хан имел право первым открыть охоту. Убив лично нескольких животных, он выходил из круга и, сидя под балдахин, наблюдал за дальнейшим ходом охоты, в которую после него вступали высокие чины. Это было нечто вроде гладиаторских состязаний Древнего Рима.

После знати и старших чинов борьба с животными переходила к младшим начальникам и простым воинам. Это иногда продолжалось в течение целого дня, пока наконец, согласно обычаю, внуки хана и малолетние княжата не являлись к нему просить пощады для оставшихся в живых животных. После этого кольцо размыкалось и приступали к сборищу туш.

Охотник, вернувшийся без добычи, и воин, требующий снабжения из дома, считались среди монголов «бабами».

Подытоживая все, что известно относительно военного устройства империи Чингисхана и тех начал, на которых зиждилась его армия, нельзя не прийти к заключению – даже совершенно независимо от оценки таланта его верховного вождя, как полководца и организатора, – о крайней ошибочности довольно распространенного мнения, что будто походы тюрко-монголов были не кампаниями организованной вооруженной системы, а хаотическими переселениями кочевых народных масс, которые при встречах с войсками «культурных» противников сокрушали их своей подавляющей многочисленностью. Уточним, что во время военных походов тюрко-монголов «народные массы» оставались преспокойно на своих местах и что победы одерживались не этими массами, а регулярной

армией, которая обыкновенно уступала своему противнику численностью. Можно с уверенностью сказать, что, например, в китайском (цзиньском) и центральноазиатском походах, которые будут подробнее рассмотрены далее, Чингисхан против своего войска имел неприятельские силы, вдвое превышающие его, т. е. брал он вовсе не численностью, а высшей организацией армии. Принципы, положенные в основу военной реформы, обеспечили тюрко-монгольскому войску превосходство над армиями наиболее могущественных и развитых государств того времени. Что же касается состава монгольского воинства, то «чистых» монголов в армии, к примеру, выступившей в поход на Европу, было около трети от общего состава, остальные – тюрки и прочие кочевые народности. Таким образом, в рядах монгольской армии, начиная уже со времен создателя монгольского могущества Чингисхана, мы находим представителей разных народностей. Не только отдельные искатели приключений или военнопленные, но целые племена, во главе с их правителями, иногда добровольно являвшихся к новым носителям власти, иногда принимавших подданство надвигавшихся врагов, действовали вместе с монголами. Уйгуры, тибетцы, кыргызы, тангуты, чжурчжени, китайцы, племена, населявшие отдаленный Кавказ (асы, черкесы, лезгины и др.), и русские шли в одном ряду на новые завоевания.

Трудно увязываются с нашими представлениями о кочевой рати как о сборище иррегулярных банд тот строжайший порядок и даже внешний лоск, которые господствовали в армии Чингисхана.

В армии имелись хирурги из китайцев. Тюрко-монголы, когда выступали на войну, надевали шелковое белье (китайская чесуча), ввиду его свойства не пробиваться стрелой, а втягиваться в рану вместе с наконечником, задерживая его проникновение. Благодаря этому свойству шелка стрела извлекалась из тела вместе с шелковой тканью. Так просто и легко совершали монголы операции по извлечению из раны стрел.

В статьях Ясы содержались строжайшие требования в отношении постоянной боевой готовности армии, четкости в исполнении приказаний.

Папский посланник при монгольском дворе Плано Карпини отмечал, что «...их победы зависят исключительно от их превосходной тактики, которая рекомендуется европейцам как образец, достойный подражания. Нашими армиями следовало бы управлять по образцу татар (тюрко-монголов) на основании столь же суровых военных законов».

Военное искусство в высших своих достижениях в XIII в. было на стороне тюрко-монголов, поэтому в их победоносном шествии по Азии и Европе ни один народ не сумел остановить их, противостоять им.

Новорожденная империя возникла из-за войн и только для войн, поводов для коих было предостаточно.

Внешняя экспансия. Завоевание Чингисханом Северного Китая

После достижения Чингисханом установления власти в степи под своим началом, его политика постепенно переключилась на организацию и проведение военных компаний. Соединение интересов по расширению кочевых ресурсов (пастбищ) и по получению военной добычи в ходе грабежа оседлых народов с потребностями внутренней политики в итоге породило для державы Чингисхана стимулы к внешней экспансии. Но все это было бы не столь важным, если бы в руках Чингисхана не имелось средства для исполнения данных стремлений – его государства с его аппаратом, имевшим в своей основе мощные военные силы.

Объединив тюрко-монгольские и прочие народности, населявшие плоскогорье Центральной Азии, в единое государство – Монголию, Чингисхан обратил свои взоры на восток: богатый, цивилизованный Китай всегда представлял для кочевников лакомый кусок.

Земли собственно Китая делились на два государства – Северное Цзинь («Золотое царство») и Южное Сун. Первым государством правила чужеземная династия завоевателей Чжурчжэней, вторым – национальная династия.

Естественно, начальным объектом действий Чингисхана являлся ближайший сосед – Цзиньская держава, с которой у него, как наследника монгольских ханов XI и XII вв., были давние счеты: цзиньский император своей коварной политикой разрушил еще при ханах Кабуле и Кутуле государство монголов – один из монгольских ханов был предан мучительной смерти, поэтому в сердцах монголов таилась жажда мести.

Однако Чингисхан понимал, что к войне с Китаем необходимо тщательно и всесторонне готовиться. Напомним, что первым шагом в этом направлении было слияние кочевых племен Центральной Азии в одну державу с прочной военной и гражданской организацией. Кроме того, в период накопления сил Чингисхан не отказывался от признания себя данником цзиньского императора.

Цзиньская империя была мощным противником: она имела армию во много раз численно превосходящую те силы, которые мог выставить Чингисхан; армию, хорошо вышколенную и великолепно оснащенную технически; армию, опирающуюся на десятки крепких городов и предводимую профессиональными, образованными военачальниками.

Начиная войну с таким противником, Чингисхану необходимо было обеспечить свой тыл в широком понимании этого слова. С этой целью Чингисхан предпринял ряд военных действий, которые послужили подготовкой к китайскому походу.

Главной операцией во «второстепенных» кампаниях явился поход в Тангутское государство (Западное Ся, или Си-Ся), занимавшее обширные земли в верхнем и среднем течении Хуанхэ, приобщившееся к китайской культуре, разбогатевшее и прочно организованное.

Западное Ся – государство тангутов, создано в конце X в. на территории современной китайской провинции Ганьсу и части провинции Шэньси. В 20-х гг. XI в. Си-Ся превратилось в процветающую державу. Его правитель Юань-Хао принял в 1038 г. титул императора. Китайская империя Сун с 1043 г. выплачивала тангутам значительную дань.

В 1207 г. тюрко-монгольская армия произвела набег на Западное Ся, но когда оказалось, что этого мало для полного подчинения, на него повторился в 1209 г. поход, но более масштабный.

Война с Си-Ся была первым столкновением монголов с оседлым и цивилизованным народом. Таким образом Чингисхан проверял мощь своей армии на относительно слабом из трех государств, расположенных на земле Древнего Китая. Кроме того, став властителем земель Си-Ся, он мог контролировать путь из Китая в Туркестан. Одновременно его войска окружали с запада Цзиньское царство со столицей в нынешнем Пекине – традиционного противника монголов. Однако если монголы были способны уничтожить врага в чистом поле, взятие крепостей было для них делом новым. Это стало очевидным во время экспедиций против Си-Ся, когда Чингисхан несколько раз (1205–1207 гг., 1209 г.) разорял страну, но так и не смог уничтожить тангутские столицы Нин-Хья и Ланьчжоу. Тем не менее то была хорошая школа перед походом на Китай.

Царь Ся Ли-Нань-Цьянь (1206–1211 гг.) на какое-то время сохранил свой трон, признав себя данником, но в 1209 г. Чингисхан вернулся и осадил Нин-Хья, пытаясь взять его, изменив русло реки Хуанхэ. Но такие работы оказались не под силу тюрко-монголам, и наводнение произошло не в нужном направлении. Царь Ли-Нань-Цьянь, однако, сумел заполучить мир, отдав Чингисхану в жены одну из своих дочерей (1209 г.).

Когда Си-Ся стало его вассалом, Чингисхан приступил к захвату чжурчжэньской империи Цзинь. Это государство включало в себя Маньчжурию и Северный Китай, главной столицей был Пекин, второстепенными столицами – Датун в Хэбэе, Лоян, Татон в Шаньси и Кайфын в Хэнане.

Напомним, что еще в молодые годы Чингисхан вместе с кeraitами воевал на стороне пекинского двора против татар. Таким образом, формально он был союзником-вассалом Цзиней, которые платили за его услуги наемника и даже наградили его, правда скромным китайским титулом. Но цзиньский царь Ма-Та-Ку (1189–1208 гг.), который мог напомнить ему о его вассальном положении, тем временем умер. Чингисхан воспользовался этим

случаем и, когда на трон взошел новый царь Вэй (1209–1213 гг.), разорвал с ним отношения. Цзиньский посланник потребовал, чтобы Чингисхан на коленях испросил аудиенции у своего господина, в ответ же тот возмутился: «Неужели такой недоумок, как Вэй, достоин трона и разве должен я унижаться перед ним?» Действительно, Вэй был посредственной, непопулярной личностью, игрушкой в руках собственных генералов. Чингисхан знал, что имеет перед собой слабого, недостойного противника, поэтому вел себя соответственно.

Весной 1211 г. монгольская рать выступила в поход со своего сборного пункта у реки Керулен. До Великой Китайской стены ей предстояло пройти путь длиной около 800 км, в основном пролегающий через восточную часть пустыни Гоби, которая, впрочем, в это время года была не лишена воды и подножного корма. В качестве провианта за армией гнались многочисленные стада.

Северные подходы к Великой стене со стороны Монголии, в северной части провинции Шаньси, охраняли тюрки-федераты, онгуты, исповедовавшие несторианское христианство. Мы знаем, что в период междоусобных войн в Монголии онгутский вождь Алакуч-тегин в 1204 г. перешел на сторону Чингисхана. Союз с домом Алакуча мог значительно облегчить войну против Цзиней, открывая ему границы. За это Чингисхану пришлось отдать одну из своих дочерей, Алагай-беки, сыну Алакуча. Кстати, после смерти мужа энергичная Алагай-беки управляла племенем.

Чингисхан превратил войну тюрко-монголов против цзиней в войну национальную и даже придал ей в глазах соплеменников религиозный характер. Перед походом он обратился к Тенгри, вспомнив, как чжурчжэни распяли когда-то монгольских ханов на деревянных осях: «О, Вечное Небо! Я не настолько силен, чтобы отомстить за кровь моих родичей, которых Цзини предали позорной смерти! Протяни мне свою руку помощи!» Одновременно Чингисхан выставлял себя в качестве мстителя за бывших властителей Пекина, сброшенных с трона Цзинями.

Напомним, что кидане кочевали на территории современной Монголии и части Китая. В X в. кидани образовали государство Ляо, уничтоженное в 1125 г. чжурчжэнями, племенами, родственными тунгусам и заселявшими Восточную Маньчжурию, где было создано в XII в. государство Цзинь (1115–1234 гг.), включавшее северные и северо-восточные районы Китая.

Часть киданей ушла в Центральную Азию. Здесь в районе оз. Иссык-Куль возникло Западное Ляо, или государство Каракитаев, которым правили гурханы.

Кидани с радостью примкнули к Чингисхану. Один из их принцев, Елюй Лико, представитель древнего царского клана Елюй, поднял восстание в стране киданей Ляо в 1212 г. Известно, что кидани говорили на монгольском языке. Они были солидарны с Чингисханом в борьбе против чжурчжэней Пекина. Елюй Лико дал клятву верности Чингисхану, и тот послал ему войско под командованием нойона Джэбэ. В январе 1213 г. Джэбэ помог Лико отвоевать Лоян у цзиней и укрепиться на старой земле своих предков под именем «царь Ляо», хотя под монгольским протекторатом. До самой смерти (1220 г.) этот потомок старых киданьских царей оставался самым верным вассалом монгольского императора. Таким образом, граница Цзиней оказалась открытой и на северо-востоке и на северо-западе – со стороны киданей и со стороны онгутов.

Война Чингисхана против Цзиней началась в 1211 г. и продолжалась, с короткими перемириями, до самой его смерти (1227 г.), и войну завершил его преемник в 1234 г.

В положении Чингисхана в китайском походе усматривается сходство с положением Ганнибала в Италии. Такую аналогию можно действительно видеть в том, что обоим полководцам приходилось действовать вдали от источников своего пополнения в богатой ресурсами неприятельской стране, против превосходных сил, которые могли быстро пополнять свои потери и были предводимы мастерами своего дела, так как военное искусство Цзиней стояло, как и в Риме в эпоху Пунических войн, на большой высоте.

Обстановка обязывала Чингисхана к осторожности: понесенное в Китае поражение могло развязать руки западным и южным врагам Монгольской империи. Даже решительный

успех надо было стараться одержать с возможно малой потерей в людях и лошадях. Огромным плюсом монгольской армии являлась ее отличная осведомленность о неприятельской армии и о стране, достигнутая благодаря предварительной разведке.

Кавалерия, мобилизованная Чингисханом, объединяла немногим более 100 тыс. человек. Хан лично взял на себя командование центром. Вместе с Джэбэ, Субэтэем и принцами Толуем и Казаром Мухали возглавил левое крыло. Чагатай, Угэдей, Богурчи также возглавляли поход.

Поначалу Чингисхан чуть было не отчаялся: города в Северном Китае были мощно укреплены, практиковать же осады ему до сих пор не приходилось. Тюрко-монголы воевали в Китае так же, как в своих степях, посредством повторяющихся набегов, после которых уходили, забрав добычу, а цзини тем временем снова занимали разоренные города, поднимали их из руин, заделывали бреши в стенах. Иногда китайским генералам приходилось по два-три раза отвоевывать одни и те же районы. И еще: монголы привыкли расправляться с покоренными народами в своих степях посредством либо массового истребления, либо массовой депортации, либо путем массового призыва под свое белое знамя. В странах оседлых народов, особенно в этом китайском «муравейнике», не было смысла прибегать к истреблению, так как всегда оставалось достаточное количество жителей, будто мертвые оживали. К этому надо добавить, что цзини сделались оседлыми всего лишь столетие назад и сохранили в своих жилах сильную тунгусскую кровь, так что монголам, осаждавшим города, приходилось иметь дело не только с мастерством китайских инженеров, но и с мужеством тунгусских воинов. Впрочем, постепенно армия Чингисхана адаптировалась, и они стали брать один город за другим.

В первом же крупном сражении после перехода Великой стены Джэбэ нанес цзиньцам, разбросавшим свои силы, тяжелое поражение, зайдя им в тыл. В этом бою оказалось, что монголы с местностью знакомы гораздо лучше своего противника. Тем временем старшие царевичи, получившие от отца приказ овладеть округами и городами, лежащими на севере провинции Шаньси, в большой излучине Хуанхэ, с успехом выполнили его. После еще одной победы, одержанной в поле, главные силы монгольской армии подступили к столице Цзиньского государства – Пекину, в котором пребывал двор.

Таким образом, с поразительной быстротой, в течение нескольких месяцев, было сломлено сопротивление цзиньской полевой армии и захвачена обширная территория с десятком укрепленных городов. Успех этот вызывает тем большее удивление, что противник нападением Чингисхана вовсе не был захвачен врасплох. Осведомленные о намерениях монгольского хана, цзиньцы к весне 1211 г. успели подготовиться к отпору. Тем не менее несколько месяцев спустя вся надежда их покоилась только на неприступности стен Пекина.

В самом деле, Чингисхан не рассчитывал одолеть эту твердыню своими довольно примитивными орудиями, к тому же, чтобы идти на штурм, он не имел информации об упаднических настроениях ее защитников, поэтому осенью 1211 г. он отводит свою армию за Великую стену.

В следующем, 1212 г. он снова подступает с главными силами к столице, справедливо рассматривая ее как приманку для полевых армий неприятеля, которые он, при таком раскладе, планировал бить по частям. Расчет этот оправдался, и цзиньские армии понесли от Чингисхана новые поражения. Через несколько месяцев в его руках оказались почти все земли, лежащие к северу от нижнего течения Хуанхэ.

В одном из боевых столкновений под стенами Пекина осенью 1212 г. Чингисхан был ранен. Армия сняла блокаду столицы и снова отошла за Великую стену. Такие перерывы в военных кампаниях были совершенно неизбежны для проведения ремонта техники и восстановления изнуренного конного состава армии. Определенную роль в этом отношении играли и политические соображения – держать в страхе соседей государства.

В 1212 г. на юге Маньчжурии большого успеха добился Джэбэ, один из лучших военачальников Чингисхана: благодаря хитрости он взял Лоян, между тем как сам Чингисхан не смог сломить сопротивление Татона в Шаньси.

В 1213 г. Чингисхан завладел Сихуа и разделил армию на три корпуса. Первый, под командованием Джучи, Чагатая и Угэдея, вошел в центральные районы Шаньси и овладел городами Тайюань и Пинъян, хотя скоро оставил их и ушел с добычей на север. Во главе центральной армии Чингисхан вместе с младшим сыном Толуем спустился к Хэбэю и взял Хо-Кьень-Фу, затем дошел до Шаньдуна, где взял город Цзинань. Непокоренными, помимо Пекина, остались несколько крепостей, в том числе Чентин и Тамин в Хэбэе. Монголы дошли до южной границы Шаньдуна. Наконец, Казар, брат Чингисхана, и самый младший брат, Тэмучэй, повели третий корпус в Юбэйпин и Ляоси.

После этой комплексной экспедиции Чингисхан перегруппировал свои силы, перед тем как вновь начать блокаду Пекина (1214 г.), где незадолго до того случилась драма в Цзиньском дворе. Царя Вэя убил один из его офицеров и посадил на трон племянника погибшего – Ву-Ту-Пу. К сожалению, новый царь (1213–1223 гг.) оказался еще более посредственной личностью, чем его предшественник.

В течение кампании 1214 г. армии Чингисхана пришлось встретиться с новым, страшным врагом – моровой язвой, которая стала косить ее ряды. Император предложил Чингисхану перемирие на условии уплаты ему богатого выкупа и отдачи ему в жены принцессы императорского дома. На это последовало согласие, и, по выполнении условий перемирия, монгольская рать, нагруженная несметными богатствами, потянулась в родные края.

Одной из причин проявленного в данном случае миролюбия Чингисхана было полученное им сведение, что непримиримый враг его, Кучлук, завладел Каракитайской империей, в которой он нашел приют после своего бегства. Одним словом, Чингисхан с полным основанием усмотрел угрозу для безопасности своей империи со стороны ее юго-западной границы.

Однако на полпути домой Чингисхану передали донесение, где говорилось о том, что оставшиеся в покоренных областях монгольские гарнизоны уничтожаются с повеления Цзиней. С целью восстановления порядка Чингисхан направляет несколько мобильных отрядов, – один на юг, остальные – на север.

На севере Субэтэй не только восстанавливает прежнее положение, но, продолжая свое победоносное наступление, «мимоходом» завоевывает Корею. Мухали и царь Ляо бьют неприятеля и подступают к Пекину, где недавний энтузиазм войск и населения сменяются полнейшей деморализацией. Эта сильнейшая крепость, которую в течение трех кампаний не решился атаковать открытой силой сам верховный вождь тюрко-монголов, и теперь еще обороняемая многочисленным гарнизоном, сдается под угрозой штурма Мухали. Это произошло летом 1215 г. Тюрко-монголы взяли город, истребили жителей, разграбили дома и подожгли их. Уничтожение продолжалось целый месяц. Кочевники не знали, что им делать с таким большим городом, и не понимали, как он мог стать оплотом расширения их владычества. Здесь мы встречаемся с одним из самых любопытных фактов, с точки зрения специалистов по географии человечества, – замешательством степняков, когда случай делает их властителями страны с древней городской цивилизацией. Они жгут и убивают, причем не из кровожадности, а потому что оказались в растерянности перед новым для них образом жизни. Надо отметить, что монгольские предводители, во всяком случае те, кто придерживались Ясы, грабили «бескорыстно». Например, генерал Шиги-Кутуку отказался от своей доли цзиньских сокровищ.

Восстановив свою власть в завоеванной части Цзиньской империи, с огромной добычей, взятой в Пекине во время последнего похода, Чингисхан вернулся в Каракорум, оставив Мухали своим наместником в покоренных областях и поручив ему закончить покорение царства Цзинь силами оставленного в его распоряжении небольшого войска.

Теперь Цзиньское царство с новой столицей Кайфын включало в себя только Хэнань и часть Шеньси. В 1216 г. монгольский генерал Самуха-баатур отрезал Шеньси от Хэнаня, захватив крепость Доньгуан, которая контролировала в этом месте долину Хуанхэ, хотя через некоторое время цзини снова отбили ее.

Чингисхан был занят своими делами в Туркестане и мало обращал внимания на войну в Китае, так что цзини воспользовались этим и вернули некоторые провинции, но Пекин оставался в руках монголов.

У Мухали было небольшое войско – 23 тыс. тюрко-монголов и примерно столько же вспомогательных сил из числа местных народов. Тем не менее Мухали добился больших успехов и за семь лет (1217–1223 гг.) снова загнал цзиней на территорию Хэнаня. В 1217 г. он захватил Та-Минг на юге Хэбэя (в 1220 г. монголам пришлось заново штурмовать крепость). В 1218 г. он отобрал у цзиней столицы Шаньси – Тайюань и Пинъян, а в 1220 г. – столицу Шаньдуна Цзинань. К северу от Хуанхэ монголы взяли Чаньду. В 1221 г. Мухали отобрал у цзиней несколько городов в Северном Шеньси, а в 1222 г. в его руках оказалась Чаньань, старая столица Шеньси. В 1223 г. он умер, взяв перед этим важный город Хочан в юго-западной части Шаньси, в излучине Хуанхэ. После его смерти цзини снова отвоевали Хочан. Таким образом, в этой густонаселенной стране велась непрерывная война, которая сводилась к взятию крепостей то одной, то другой стороной. При этом надо отметить, что монголы приспособились к новому театру военных действий и осуществляли массовый набор в свою армию киданей, чжурчжэней и китайских инженеров.

Иванин писал: «Ни многолюдность, ни китайские стены, ни отчаянная оборона крепостей, ни крутые горы – ничто не спасло империю Цзиней от меча монголов. Цзиньцы не потеряли еще воинственности и упорно отстаивали свою независимость более 20 лет».

Следует отметить, что тюрко-монголы Чингисхана, какими они выглядят в исторических текстах и в личных заметках, – это совсем не злодеи: они просто подчиняются Ясе, служившей для них кодексом чести и славы. К сожалению, они отличались от предыдущих орд, в частности от киданей X в. и даже от чжурчжэней XII в., – по крайней мере, те гораздо меньше разрушали и уничтожали то, что становилось их собственностью, и сразу брали на себя функцию продолжателей прежних династий.

Парадокс в истории чингисидов заключается именно в контрасте между мудростью, умеренностью и своеобразной моралью власти того же Чингисхана, который определял свои поступки и поведение своего окружения принципами самого здравого смысла строгим законом и брутальной реакцией народа, который стремился подчинять противника только всеобщим террором, для которого человеческая жизнь не имела ценности и который, состоящий в основном из кочевников, не имел никакого понятия об образе жизни оседлых народов, о городах, о культуре земледелия, т. е. о том, чего не существовало в его родной степи. Удивление современного историка, в сущности, сродни удивлению Рашид-ад-Дина или составителей «Юань-Ши» перед таким, впрочем, естественным смешением мудрости и воздержанности правителя и его жестокости, порожденной воспитанием, наследственностью и нравами его окружения.

Среди пленников, взятых в Пекине, Чингисхан выделил киданьского принца Елюй Чуцай, который произвел на него впечатление «высоким ростом, красивой бородой, умом и проникновенным голосом». И он сделал его своим советником. Это был удачный выбор, поскольку Елюй Чуцай имел хорошее китайское воспитание и талант государственного деятеля. Именно такой советник был нужен новому властелину Азии. В то время чингисиды были еще неспособны усвоить уроки китайской культуры непосредственно от китайцев. А Елюй Чуцай был китаизированный тюрко-монгол, и он смог приобщить Чингисхана, а затем его преемника Угэдея к основам управления и политики, которые практиковали оседлые цивилизованные народы.

Елюй Чуцай убеждал Чингисхана в необходимости иметь в государственном аппарате профессиональных управленцев и использовать китайский опыт государственности: «Хотя Вы получили Поднебесную, сидя на коне, но нельзя управлять ею, сидя на коне!»

Вторжение в империю Цзинь, подобно взрывной волне, ударило по Китаю с ужасающей силой. Однако этот мощный удар волны, захлестнувшей Китай, дал толчок к робкой эволюции кочевников. Эти люди степей, ставшие на время военными людьми, открыли для себя китайскую цивилизацию. Зрелище густонаселенной страны, столь

отличное от безлюдных просторов, к которым они привыкли, картины возделанных полей и кипучей жизни городов не могли не поразить этих людей степей.

Высший командный состав кочевников использовал сотрудничество местных жителей, сообщавших им волей-неволей множество сведений из области географии или техники кустарных промыслов, а также имел дело с переводчиками, от которых они узнавали новые слова, новые понятия. Тюрко-монгольские воины поддерживали постоянную связь с киданями, тюрками и прочими народами – по происхождению кочевниками, но уже на протяжении нескольких поколений изменившими образ жизни под влиянием Китая. С ними были связаны многие представители военной и гражданской власти. Кажется маловероятным, чтобы на монгольских вождей зрелище императорского Китая не произвело никакого впечатления. Китай, бесспорно, привлекал северных кочевников: стремление преодолеть Великую стену, чтобы вырвать у Китая его богатства, – не означало ли это признание превосходства его цивилизации?

Мы не можем однозначно сказать, как кочевники воспринимали эту страну древней культуры – удивила ли она их принцев или нойонов, вызвала ли любопытство у их товарищей по оружию? – об этом нет достоверных сведений. Но отношения, возникшие между двумя людьми, представителями различных культур, стали достоянием истории: это были аристократ Елюй Чуцай и великий завоеватель Чингисхан.

Итак, пятилетние усилия в конце концов привели к тому, что Чингисхан завоевал империю Цзинь вплоть до Великой стены, после чего тремя армиями ударил в самое ее сердце – между Великой стеной и рекой Хуанхэ. Он наголову разгромил цзиньскую армию, огнем и мечом покорил Северный Китай, захватил множество городов, осадил, взял и сжег Пекин. Надо сказать, что киданское и китайское местное население зачастую оказывало монголам активную поддержку. Цзиньский император вынужден был признать сюзеренитет Чингисхана.

Однако проблема абсолютного покорения Северного Китая не была решена и ко времени смерти Чингисхана (1227 г.). Для покорения же Южного Китая – империи Сун – при жизни Чингисхана военные действия не разворачивались.

Покорение Центральной Азии

Чингисхан вернулся в свой лагерь на берегах Керулена, и это произошло потому, что Центральная Азия стала ареной важных событий.

Напомним, что в 1122 г. кидани, царствовавшие в Северном Китае, были изгнаны чжурчжэнями. Большинство киданей признало оккупантов до монгольского вторжения, когда многие из них перешли на сторону врага, надеясь с его помощью вновь получить бразды правления. Но меньшая часть бежала на запад, где основала государство Каракитаев между озерами Балхаш и Иссык-Куль и по течению рек Или, Чу и Талас.

Представители правящей верхушки монгольской расы и китайской культуры стояли во главе местного тюрко-мусульманского населения. Каракитайские правители (столицей государства был Баласагун, город в верховьях Чу, к западу от Иссык-Куля), которые носили тюркский императорский титул гурхан, имели несколько вассалов. На востоке это были уйгуры, тюркский народ, исповедовавший буддийскую и несторианскую религии, живший в городах Бешбалык, Турфан, Карашар и Куча. В эпоху Чингисхана уйгурские правители имели титул идикут (святое величество), который еще в VII в. носили правители тюркского народа басмылов, жившего в том же районе Бешбалык. На севере это были карлуки, другое тюркское племя Нижнего Или, частично несторианцы. Третьим вассалом на юго-западе были шахи Хорезма, тюрки-мусульмане, которые доминировали в Мавераннахре и Восточном Иране. При гурхане Елюй Челуку (1172–1211 гг.) Каракитайская империя пришла в упадок, хотя этот суверен не был лишен отдачи в критические моменты, но обычно он предавался утехам охоты и не занимался делами империи. В 1209 г. идикут Барчук, уйгурский царь, отказался от вассального положения и перешел под протекторат Чингисхана. Представитель

гурхана в Уйгурии, некий Шаукам, имевший резиденцию в Турфане, был убит. Чингисхан всегда благожелательно относился к уйгурам и обещал идикуту руку своей дочери Алтун-беки. Таким образом, вся северо-восточная часть Каракитайского государства перешла под протекторат монголов. В 1211 г. Арслан, царь карлуков нижнего течения Или, со столицей Кайалык, и Бузара, тюрк, ставший правителем Кульджи в верховьях р. Или, также отошли от каракитаев и объявили себя вассалами Чингисхана. Это свидетельствует о том, насколько возрос авторитет объединенной Монголии в глазах всех тюркских принцев в Гоби и на берегах Балхаша. Тем не менее последний удар каракитаем нанес не Чингисхан, а один из его личных врагов, Кучлук, сын последнего тайанга найманов.

Напомним, что Кучлук нашел в Каракитайской империи приют и даже умудрился стать зятем вождя каракитаев. Но, войдя в империю со многими тысячами вооруженных людей – найманами и меркитами, – он не замедлил организовать заговор против своего покровителя, ослабевшего с возрастом.

В 1210 г. Кучлук завязал тайные отношения с шахом Хорезма, соседней империи. Вскоре после этого его новый союзник Мухаммед Ала-ад-Дин захватил часть территории каракитаев, но вынужден был отступить, столкнувшись с контрнаступлением, угрожавшим Самарканду. В это же время Кучлук восстал против своего тестя. Во главе своих сторонников он вошел в Фергану, взял Узген и двинулся к столице Каракитаев, Баласагуну. Гурхан немедленно принял меры против зятя, но на хорезмском фронте был вынужден отступить. Одновременно в столице вспыхнуло восстание тюрков против властителей каракитаев. Воспользовавшись смутой, Кучлук в 1211 г. захватил власть, поместил своего тестя под домашний арест, делая вид, что по-прежнему признает его гурханом. Впрочем, кажется, со стариком обращались с должным почтением до самой его смерти (1223 г.).

Но захватчик каракитаев, бывший кочевник, не сумел завоевать уважения у оседлых тюрков, составлявших большую часть населения его новой империи. Его политические просчеты и организованные им религиозные преследования вызвали волнения. Под влиянием жены Кучлук изменил своей прежней христианской (несторианской) вере, стал буддистом, и вскоре во всех подвластных ему землях начались гонения на иноверцев, которых заставляли принимать буддизм. В особенности пострадали мусульмане Кашгара и Хотана, где по приказу Кучлука были запрещены предписанные Кораном молитвы, азан, ношение мусульманской одежды, закрыты все медресе; имам Хотана был распят на двери медресе.

По приказу Кучлука был убит царь Кульджи, признавший себя вассалом Чингисхана. Вдова и принц Кульджи оказали сопротивление узурпатору, затем обратились за помощью к Чингисхану. Тот воспользовался случаем: у него появилась возможность избавиться от несносного Кучлука, придя на помощь дружески настроенному к нему царству, и Чингисхан направляет своего полководца Джэбэ на спасение вдовы и сироты.

В 1218 г. корпус численностью 2 тыс. человек под командованием Джэбэ двинулся по направлению к Памирскому плато, миновал горы Неба (Тянь-Шань) и подошел к Кульдже. Кучлук тем временем бежал в Кашгар, оставив часть своих территорий, а народ, проживавший там, принял воинов Джэбэ как настоящих освободителей.

Джэбэ, в противоположность обычному поведению монголов по отношению к оседлым народам, потребовал от войска строжайшего соблюдения неприкосновенности людей и их имущества и повсюду встречал восторженный прием населения. Вскоре Кучлук был настигнут людьми Джэбэ и убит в предгорьях Памира. Его последние сторонники были сметены монголами, которые в течение нескольких недель заняли всю Каракитайскую империю. В 1218 г. весь Восточный Туркестан вместе с районами Или, Иссык-Куля, Чу и Таласа был присоединен к Монгольской империи.

Вызвали ли успехи Джэбэ зависть Чингисхана, как думали многие? Или его встревожила предполагаемая независимость талантливого полководца, прославившегося своими победами на отлогах Памира? Он отправил ему письмо, в котором советовал не поддаваться гордости, погубившей тайанга найманов, а затем его сына Кучлука. Но Джэбэ

продемонстрировал свою глубочайшую верность: он отправил в императорский лагерь тысячу коней – все с белой звездой на лбу, – похожих на того, которого много лет тому назад он убил одной-единственной стрелой, когда Чингисхан готовился на нем броситься в бой. Эпизод, конечно, значительно приукрашен, но он еще раз подчеркивает подозрительность Чингисхана и его ревнивое стремление к безраздельной, абсолютной власти. Но далекий от мысли создать свое собственное царство, полководец хана завоевал для него целую империю у подножия Крыши Мира.

Аннексия Каракитайской империи создала для монголов Чингисхана возможность прямого контакта с исламским миром, о котором они прежде получали сведения только благодаря купцам, водившим караваны, ремесленникам или дипломатам.

Итак, захватив Кашгар и Хотан, тюрко-монгольские войска вплотную подошли к землям, подвластным хорезмшаху Ала-ад-Дину Мухаммеду (см. «Государство хорезмшахов»). Однако непосредственные контакты людей хорезмшаха с тюрко-монголами имели место гораздо раньше.

Хорезмшах, присоединив к своей империи Иран и Мавераннахр, мечтал о захвате Китая. В 1215 г. Мухаммед узнал о том, что Чингисхан взял столицу Северного Китая – Пекин. Чтобы проверить эти сведения, он отправил к Чингисхану послов во главе с Баха-ад-Дином.

Посольство хорезмшаха прибыло в Пекин сразу после взятия города войсками Чингисхана в июле 1215 г. Чингисхан принял Баха-ад-Дина с почестями и весьма приветливо, а когда посольство возвращалось в Хорезм, Чингисхан вручил для хорезмшаха множество даров и подношений.

Через некоторое время из Хорезма было отправлено новое посольство, которое явилось к Чингисхану с большим торговым караваном. В ответ на это посольство Чингисхан отправил в Хорезм своих послов с товарами и подарками. Во главе их был богатый купец, хорезмиец Махмуд, впоследствии известный под именем Махмуд Ялавач, который привез послание от Чингисхана: «Я – владыка Востока, а ты – владыка Запада! Пусть между нами будет твердый договор о дружбе и мире. Я буду относиться к тебе как к сыну. Пусть купцы и караваны обеих сторон отправляются и возвращаются, и пусть дорогие изделия и обычные товары, которые есть в моей земле, перевозятся ими к тебе, а твои, в том же порядке, пусть перевозятся ко мне».

Хорезмшах Мухаммед принял их торжественно и внимательно выслушал послание монгольского хана, где, как сказано, отмечалось, что Чингисхан знает хорезмшаха как могущественного государя и желает заключить с ним мирный договор, почитая его наравне с лучшими из своих сыновей. Последняя «любезность» не понравилась хорезмшаху, который считал себя вторым Александром Македонским и вторым султаном Санджаром.

Ночью хорезмшах тайно призвал к себе Махмуда и объявил, что он, как хорезмиец, должен служить ему, шаху Хорезма, а не Чингисхану. А когда Махмуд якобы согласился, хорезмшах спросил: «Правду ли сказал мне Чингисхан, заявляя, что он владыка Китая и что он захватил город Тамгадж?» Махмуд ответил: «Да, он сказал правду». Хорезмшах сказал: «Ты же знаешь, каковы мои владения и как они обширны, знаешь, как многочисленны мои войска. Кто же он, этот проклятый, чтобы называть меня своим сыном?! Какое же у него войско?» Махмуд Ялавач ответил, что войско Чингисхана в сравнении с армией хорезмшаха все равно что одинокий всадник перед конницей или дымок против ночного мрака. И тогда хорезмшах дал согласие на мирные связи с Чингисханом и на обмен торговыми караванами.

По возвращении посольства Махмуда в Пекин Чингисхан снарядил в Хорезм большой торговый караван. Всего с караваном следовали 450 купцов-мусульман и с ними по два-три человека от каждого племени тюрков-монголов. Вместе с личным представителем Чингисхана, послом Ухуна, они составили посольство к хорезмшаху. В 1218 г. этот караван вышел в путь.

В тот период Чингисхан не желал вступать в противоборство с главой одного из сильнейших в военном отношении государств Азии – хорезмшахом, поэтому Джучи, как

главнокомандующий, имел приказ Чингисхана – не вступать в военные действия с войсками шаха и быть осторожным в высказываниях в адрес владыки Хорезма.

Однако настрой Мухаммеда в отношении монголов был менее миролюбивый. Как показывают последующие события, шах пытался выиграть время, но решение воевать против Чингисхана им было уже принято: по приказу Мухаммеда вокруг Самарканда строились укрепления, формировались войска, складировался провиант.

В ходе карательной экспедиции против меркитов тюрко-монголы соприкоснулись с армией шаха Хорезма. Во главе 60-тысячного войска хорезмшах двинулся из Самарканда. Переправившись через реку Ирғиз, он достиг Турғайской степи, где увидел последствия уже свершившегося разгрома меркитов. Пустившись в погоню, войска хорезмшаха вскоре настигли тюрко-монголов, которыми командовал Джучи. Увидев, что войска хорезмшаха готовятся к битве, Джучи сказал хорезмшаху, что его отец, Чингисхан, запретил ему вступать в сражение с войсками Хорезма, что их задачей был только разгром меркитов, что они готовы даже передать людям хорезмшаха все захваченные у меркитов трофеи. Однако хорезмшах ответил Джучи: «Если Чингисхан и не велел тебе биться со мной, то Аллах Всевышний велит мне сражаться с тобой. Итак – война».

Джучи вынужден был вступить в сражение, и если бы не храбрость и полководческий талант сына хорезмшаха Джелал-ад-Дина, войска хорезмшаха были бы разгромлены. Хорезмийцы потеряли за трое суток сражения 20 тыс. воинов, монголы же значительно меньше. Джучи увел свои войска и, прибыв в ставку, рассказал о случившемся Чингисхану. Чингисхан после этой первой стычки не предпринял никаких ответных действий. Что касается хорезмшаха, воочию убедившегося в безумной храбрости тюрко-монголов и их умении воевать, в нем зародился страх.

Тем временем караван следовал своей дорогой и в том же, 1218 г. прибыл в Отрар. Согласно проф. П. Рачневскому, по прибытию в Отрар каравана купцы и послы Чингисхана были задержаны наместником хорезмшаха в Отраре Каирханом, двоюродным братом Мухаммеда по материнской линии. Каирхан направил хорезмшаху донесение, в котором сообщил, что присланные Чингисханом купцы занимаются шпионажем и сеют панику среди населения, и это, очевидно, было правдой, но обвинения в сборе информации можно выдвинуть против большинства караванов, приходящих из чужих стран. То, что купцы служили разведчиками, было известно всем: путешествуя по дальним странам, они сообщали ценные сведения о ситуации в стране, о дислокации войск, о настроениях среди населения, о противостоящих друг другу группировках при дворе. Нередко купцов использовали для пропагандистских целей. Посланники хана наверняка рассказывали о силе монгольского предводителя, непобедимости тюрко-монгольского войска, об ужасах, грозивших каждому сопротивляющемуся ему, но также и о великодушии Чингисхана, его терпимости в вопросах религии. Разумеется, губернатор Отрара не позволил бы себе нарушить общепризнанные по тем временам нормы международного права, если бы не получил приказа или по меньшей мере молчаливого согласия хорезмшаха.

Не сохранилось ясной картины произошедших в Отраре событий. Известно, что караван был разграблен, а весь состав его перебит. Спасся один только человек – погонщик верблюдов, которому удалось добраться до ставки Чингисхана и рассказать о трагической судьбе каравана.

Ответственность за убийство купцов и послов лежала на главе государства. Были убиты послы, которые находились под защитой общепринятых норм права, кроме того, 450 купцов-мусульман. Получалось, что защитником прав мусульман, как и в случае с Кучлук-ханом, снова оказался «неверный» Чингисхан, а не владыка огромной мусульманской империи и покровитель ислама хорезмшах Ала-ад-Дин Мухаммед. «После падения Отрара, хорезмшаха покинули 7 тыс. человек из войск его племянников... и перебежали к татарам», – писал арабский автор Ибн-аль-Асир.

Убийство посла во все времена и у всех народов считалось поводом к войне. Чингисхан был возмущен действиями султана. «Хорезм-шах не властелин, он бандит, – восклицает он. –

Если бы он был властелином, он не убил бы моих послов и купцов, которые приехали в Отрар. Государи не убивают послов».

«Получив известие о бойне в Отраре, – писал Джувейни, – Чингисхан взошел на вершину холма, снял шапку, поднял лицо к небу и молился три дня и три ночи, говоря: „Не я спровоцировал ситуацию. Дай мне силы для отмщения“. После чего он собрал своих приближенных и объявил: „Пойду войной на сартаульский народ и законной мстью отмщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшения моих златоцарственных поводов?“ Сыновья и сановники настаивали на немедленном походе в Центральную Азию, но Чингисхан делает еще одну, последнюю попытку оттянуть начало военных действий. Он направляет посольство к хорезмшаху с требованием выдать ему губернатора: „Ты своей подписью обязался обеспечить безопасность купцов и не нападать ни на одного из них, но поступил вероломно и нарушил свое слово. Вероломство постыдно, особенно если оно последовало со стороны мусульманского властелина. Однако если ты утверждаешь, что Каирхан напал на караван не по твоему приказу, тогда выдай его мне, чтобы мы могли наказать его за совершенное им преступление и тем самым избежать кровопролития и успокоить население. В случае отказа будет война...“»

Свою готовность воевать с Чингисханом хорезмшах уже продемонстрировал ранее в ходе противостояния с Джучи. Хорезмшах не желал терпеть вмешательство тюрко-монголов в сферу его интересов и считал восхождение Чингисхана на трон властителя кочевых народов Центральной Азии угрозой безопасности своей империи. Он также опасался, что, выдав монголам Каирхана, он настроит против себя весь клан матери и подданных ей тюркских феодалов. Шах приказал убить послов Чингисхана. «Но сколько мусульманской крови будет пролито потом в отместку за смерть послов», – сокрушался позже Нассави.

Никто из современников, особенно в Центральной Азии, не мог предугадать и десятой доли тех бедствий, которые впоследствии обрушатся на цивилизованные народы Азии и Восточной Европы, так как никто по-настоящему не представлял себе реального соотношения сил между государством хорезмшаха и тюрко-монгольской державой.

Хорезмшах Мухаммед не обладал качествами, необходимыми мудрому государю – выдержкой, проницательностью в политических и военных делах и зачастую здравомыслием. Когда к его границам подходил неизвестный ему противник, который покорил Северный Китай, он, вместо того чтобы укреплять внутри государства власть, в припадке бешенства казнил бухарского шейха, главного мусульманского просветителя своей империи. Мухаммед испортил отношения с матерью, чем настроил против себя вождей и военачальников кыпчакских племен, связанных с ней родоплеменными узами. Кыпчакское ополчение составляло основное ядро войска хорезмшаха.

Учитывая это и боясь заговора, Мухаммед перевел свою резиденцию из Ургенча в Самарканд. И в заключение своей политической недальновидности он поспешил начать бессмысленный поход против халифа (халиф запретил читать в мечетях хутбу на его имя). Он отлучил его от ислама, как мятежника, еретика и изменника, и тем самым освободил всех его подданных мусульманской веры от клятвы верности. Одним словом, хорезмшах Мухаммед задел религиозные чувства верующих мусульман и настроил против себя часть духовенства, поэтому не мог провозгласить священную войну с неверными, которая могла бы объединить народ его государства.

Чингисхан был прекрасно информирован о положении дел в государстве хорезмшаха и понимал, что в грозный час Мухаммед не найдет поддержки ни у народа, ни у войска.

Патриоты Туркестана ясно видели приближающуюся грозу. Зная, что столица Великой Тюркской империи – Каракорум восстановлена Чингисханом и что он ведет войну за возрождение Тюркской империи, многие из них ждали случая, чтобы открыто встать на сторону великого объединителя тюрков и монголов. И это время настало. Перед походом к Чингисхану присоединились ополчения уйгуров, карлуков и части туркестанцев, оппозиционных хорезмшаху. Арабские авторы и компиляторы ас-Субки, Ибн Тагриберди

сообщают о крупных соединениях из «мусульман, христиан и идолопоклонников», участвовавших помимо собственно монголов в составе армии Чингисхана в походе против державы хорезмшаха. Забегая вперед следует отметить, что чем дальше шел процесс разгрома государства хорезмшаха, тем больше перебежало к монголам его бывших вассалов – так, после падения Бухары к Чингисхану перешли со своими войсками владетели Кундуза и Балха.

К моменту подготовки похода на Хорезм минимальная количественная оценка присоединенных восточно-туркестанских воинов составила 30–40 тыс.; из этого воинства формировали крупные военные подразделения, во главе которых были их собственные ханы. Таким образом, в походе на хорезмшаха Чингисхан мог сосредоточить тюрко-монгольскую армию примерно в 150–160 тыс. человек.

Перед походом на Хорезм Чингисхан созывает курултай, на котором провозглашает новые законы, дает директивы по ведению военных действий и отдает распоряжения, касающиеся наследования власти на случай своей смерти.

В «Сокровенном сказании» говорится, что накануне похода одна из его жен, Есуй, убедила Чингисхана решить вопрос о преемнике. Чингисхан признал правоту слов Есуй: «Ты всего лишь женщина, а только что сказала мне разумные слова, которые ни мои братья, ни сыновья, ни мои военачальники никогда не осмеливались мне произнести. Да, я не подумал об этом, как будто я сам наследовал моим предшественникам мирным путем или как будто мне никогда не придется умереть».

Итак, хан призвал в свой шатер четверых сыновей, своих братьев, полководцев и нескольких верных друзей. Затем он спросил своего ставшего сына Джучи о праве наследования. Но тот не успел высказаться, как вмешался Чагатай: Джучи не имеет права высказывать свое мнение, т. к. он зачат у меркитов, похитивших Бортэ. И в бешенстве произнес слово «внебрачный». Джучи, смертельно оскорбленный, бросился на Чагатая. Их поспешили разнять. Чингисхан вынес суровое порицание Чагатаю, и оба брата были вынуждены склониться в пользу третьего брата, Угэдея, известного своей уравновешенностью и великодушием.

Это решение сводило на нет право Джучи на первородство, и сомнения, тяготевшие над законностью его рождения, не оставляли ему выбора.

Итак, преемником был в конце концов назван Угэдей. Толуй, младший, заявил, что будет всячески помогать своему старшему брату.

Чингисхан принял решение. «Мать-земля велика, – заявил он сыновьям, – больших и малых рек много. Я разделю империю так, чтобы каждый из вас получил отдельное владение, а каждое племя – четко обозначенные зоны выпаса».

Решив вопрос с наследованием, укрепив свою армию вспомогательными войсками из представителей покоренных народов, Чингисхан двинул объединенные силы тюрко-монголов в поход. Лето 1219 г. повелитель провел на Иртыше: он устраивает облавные охоты, которые одновременно являются маневрами и позволяют запасти провиант для войска. Осенью того же года армия Чингисхана приблизилась к местности, прилегавшей к Отрару. Великая армия Чингисхана могла отправляться в поход завоевывать земли ислама.

По мнению Бартольда, Чингисхан собрал почти двухсоттысячную (включая резерв) армию, в которую входили пехотные части и осадный обоз, оснащенный китайскими стенобитными и камнеметными орудиями, забрасывающими на территорию осажденного города сосуды, начиненные порохом или горючими жидкостями. Войска он разделил на четыре части, одну из которых взял под свою команду, а остальные подчинил сыновьям – Джучи, Чагатаю и Угэдею. Вести наступление на Хорезм он планировал с северо-востока; тем временем Джэбэ с войском должен был двинуться с территории Каракитая.

Войска распределились следующим образом: центр – 90 тыс. человек; правое крыло – 40 тыс., левое крыло – 30 тыс. человек.

Рачневский отмечает, что перед началом боевых действий Чингисхан прибегал к диверсионным хитростям, которые применял ранее в войне с чжурчжэнями: стремился

разжечь и, разумеется, использовать в своих интересах соперничество и взаимную вражду среди правящей верхушки государства хорезмшаха, сеял недоверие и раздоры, пытаясь нейтрализовать волю населения к сопротивлению, распространяя пропагандистские призывы.

Чингисхан направил к матери хорезмшаха своего гонца с письмом, в котором было сказано: «Мы знаем, как неблагородно поступил твой сын, нарушив твои права. Теперь я в союзе с некоторыми эмирами твоего сына выхожу на поле брани с ним, но твое имущество я не трону. Если ты согласна с моим предложением, пошли мне кого-нибудь, он докажет тебе, что на мое слово можно положиться, и тогда ты получишь Хорезм, Хорасан и прилежащие земли, с этой стороны Джэйхуна Амударьи».

Дабы усилить недоверие хорезмшаха к своей матери, Чингисхан велел распространить подметные письма, в которых сообщал, что ее эмиры предлагали свои услуги монголам и выражали готовность выполнить чингисхановы приказы.

Все эти манипуляции Чингисхана возымели действие: Мухаммед перестал доверять феодалам и военачальникам. Вместо того чтобы использовать численное преимущество своей армии в открытом бою, он разделил значительную часть войска на гарнизоны и разместил их по городам, тем самым облегчив задачу Чингисхана в этой войне. К тому же войско тюрко-монголов в отношении вооружения, организации, подготовки и дисциплины превосходило хорезмское войско.

Внутреннее политическое положение Хорезма затрудняло организацию обороны страны. Мухаммед боялся сосредоточить в одном месте крупные силы, так как не мог положиться на своих военачальников, и отошел в глубь страны. В результате этого получилось, что только народные массы защищали свои населенные пункты. Но эти массы были неорганизованны. К тому же им в спину наносили удары высшие слои господствующих классов, которые предательством интересов своей страны пытались сохранить свою жизнь и свои богатства.

Наступление тюрко-монголов началось широким фронтом в 1220 г.

Мухаммед развернул свои силы между Сырдарьей и крепостями Мавераннахра. В результате, несмотря на численный перевес, в каждом отдельном месте у него оказалось меньше войск. Чингисхан вошел в Хорезмскую империю около Отрара, в среднем течении Сырдарьи. Один монгольский корпус во главе с двумя сыновьями завоевателя, Чагатаем и Угэдеем, остался у стен этого города.

Согласно источникам, осада Отрара продолжалась пять месяцев. За время осады большие потери понесли не только осажденные, но и осаждающие. Чем дольше длилось героическое сопротивление гарнизона Отрара, тем труднее становилось его положение, так как помощи ждать было неоткуда, ряды воинов редели. По истечении пяти месяцев, в самый тяжелый момент осады, визирь Караджа, испугавшись неминуемой гибели, предал жителей города, самовольно покинул его и вместе со своими войсками сдался монголам. Измена Караджи ускорила захват города. Каирхан был схвачен и предан мучительной казни после гибели всех его воинов. Караджи казнили вместе с теми, кого он увел: считалось, раз он предал своего господина, свой народ, свой город, то может предать и их.

В то время, когда началась осада Отрара, другой корпус под командованием Джучи спустился по течению Сырдарьи и овладел Сигнаком и Джентом. Пять тысяч монголов, двинувшись в верховье Сырдарьи, взяли Бенакет (к западу от Ташкента) и осадили Ходженд, губернатор которого, энергичный Темур-Мелик, после блестящей обороны сумел уйти со своими людьми от монголов.

Сам Чингисхан вместе с самым младшим сыном, Толуем, во главе основных сил двинулся прямо на Бухару и дошел до этого города в феврале 1220 г. Напомним, что хорезмшах Мухаммед завоевал Бухару в 1207 г. и присоединил к Хорезмскому государству, и этот город постоянно являлся ареной социальных конфликтов.

После двенадцатидневной защиты гарнизон города, состоявший из 20 тыс. человек, попытался прорвать линию осаждающих и уйти в Самарканд, где находился хорезмшах

Мухаммед, но был уничтожен, и священная Бухара открыла ворота Чингисхану. Город подвергся полному и методичному разграблению. В основном убивали тех, кто сопротивлялся. Бартольд считает легендой рассказ Джувейни о том, что Чингисхан якобы согнал толпу в большую мечеть и поджег ее. Пожар, уничтоживший Бухару, также, возможно, был не преднамеренным.

Но Джувейни и обессмертил эту резню, «заставив» Чингисхана произнести следующие слова: «Я скажу вам, что я – Бич Божий, и если бы вы не были великими грешниками, он бы не послал меня на ваши головы». Как бы то ни было, город Бухара на многие десятилетия перестал существовать. Падение Бухары имело и психологические факторы – сказалось напряжение, царившее в государстве хорезмшаха. Стратегический план Мухаммеда по рассредоточению войск по гарнизонам оказался роковой ошибкой.

Бартольд отмечает, что со стороны мусульман было больше индивидуального героизма и большие герои, чем среди монголов, но последние отличались хорошей организованностью, единым командованием и дисциплиной, что и обеспечило им победу.

Из Бухары Чингисхан пошел на Самарканд. У этого города к нему присоединились Чагатай и Угэдей, которые только что взяли Отрар. В Самарканде Мухаммед оставил сильное войско. Оно состояло приблизительно из 40 тыс. человек, но было деморализовано вследствие бегства хорезмшаха и отъезда его сына Джелал-ад-Дина. Тем не менее воины мужественно вступили в сражение, напали на тюрко-монголов, заставили их с потерями отступить и захватили множество пленных, но на другой день битвы были отброшены за стены. Однако представители духовенства открыли одни из ворот, когда гарнизон защищал остальные ворота, и все защитники были истреблены.

Город откупился от разграбления, уплатив контрибуцию в 200 тыс. золотых монет. Художники, ремесленники были взяты в плен и отправлены в Каракорум.

Тюркский гарнизон, стихийно примкнувший к монголам, тем не менее был полностью истреблен. В противоположность тому, что произошло в Бухаре, мусульманское духовенство не пыталось оказать сопротивление. В конце концов люди, кому даровали жизнь, получили разрешение вернуться в город, но оставшихся в живых едва ли хватило, чтобы заселить один квартал.

К маю 1220 г. крепости вдоль Сырдарьи пали одна за другой. За пять месяцев тюрко-монголы завоевали Западный Туркестан, Мавераннахр, Фергану. Их четыре армии соединились под Самаркандом.

Пока монголы покоряли Мавераннахр, шах Мухаммед, настроение которого менялось от безумной беззаботности и уверенности в победе до полного отчаяния, оставался в бездействии, но в конце концов все же бежал на Балхаш. Оттуда он перебрался в Западный Хорасан искать убежища в Нишапуре, потом растущий страх погнал его в Казвин, на северо-запад Ирака, в самые удаленные места своей империи. Чингисхан отправил за ним в погоню 25-тысячный корпус во главе с Джэбэ и Субэтэем. Это была отчаянная гонка. Город Нишапур выслал навстречу преследователям делегацию, но спешивший Джэбэ не стал там задерживаться. Зато Субэтэй разгромил Тус, Дамган и Чемнан. Продолжая преследовать Мухаммеда, оба генерала вступили по его следам в Иран, с ходу взяли Рейи и вырезали взрослое мужское население, а женщин и детей сделали рабами. Они галопом проскакали мимо Хамадана и достигли Каруна, где Мухаммед едва не попал им в руки, но они потеряли его след. В отместку они разрушили Зенджан и Казвин. Загнанный Мухаммед укрылся на островке Каспийского моря и там умер в декабре 1220 г. Позже мы проследим за продолжением беспримерного рейда Джэбэ и Субэтэя через Азербайджан, Кавказ и Южную Русь.

Зимой 1221 г. в Ургенч, столицу Хорезма, возвратились сыновья хорезмшаха и обнародовали завещание Мухаммеда о престолонаследии в пользу старшего сына Джелал-ад-Дина. Царедворцы организовали заговор с целью физического уничтожения последнего. Но заблаговременно предупрежденный Джелал-ад-Дин бежал со своими сторонниками в Хорасан, полагая, что там он соберет войско для борьбы с Чингисханом.

Пока происходили эти события, к Ургенчу подошли значительные тюрко-монгольские силы: с севера – Джучи со своим отрядом, со стороны Бухары – войска Чагатая и Угэдея. Зимой 1221 г. началась осада Ургенча. Ургенч был первым из больших городов, который оказал решительное сопротивление. После шести месяцев осады и ожесточенных уличных боев, город был взят (апрель 1221 г.), его население истреблено или уведено в рабство. Тюрко-монгольские войска разрушили плотину на Амударье, и вода затопила весь город.

Монгольские хроники дают понять, что Чингисхан был глубоко раздосадован пирровой победой, которую представляло собой взятие столицы Хорезма: осада Ургенча длилась шесть месяцев, и потери монголов были много тяжелее, чем обычно. Ответственность за это он возложил на императорских принцев, которые руководили военными операциями и в нарушение закона присвоили себе всю добычу, захваченную в городе, не выделив той части, которая принадлежала отцу.

Хан уединился в лагере и в течение трех дней отказывался принять Чагатая и Угэдея. Товарищи хана по оружию уговорили его быть снисходительнее, и конечно же они вели переговоры с принцами, так как те вскоре явились просить прощения. Когда они вошли в шатер Чингисхана, их встретил взрыв гнева. Однако военачальникам из его личной гвардии удалось смягчить гнев властелина, объяснить, что сыновьям не хватило военного опыта и что несколько походов на восток сделают из них настоящих боевых полководцев.

Джучи не явился в шатер великого хана. Он обосновался со своей ордой в степях, которые вскоре должны были стать его уделом. Отношения с отцом оставались натянутыми. Неизвестно, сам ли он решил удалиться, предпочитая держаться на расстоянии от Чингисхана, или его противнику – брату удалось с помощью интриг оттеснить его и навлечь на него немилость хана.

В 1221 г. на территории Центральной Азии уже не было другой власти, кроме тюрко-монгольской. Никто здесь не оказывал больше сопротивления Чингисхану. Основные разрушения пришлось на крупные города. В этой войне больше всего пострадало городское население и частично оседлое сельское население. Кочевники-тюрки участвовали в этой войне – одни на стороне Чингисхана, другие, как его противники.

После покорения Центральной Азии война продолжалась на другой территории, на западе – в Иране и на востоке – в Индии.

Поход Чингисхана на Центральную Азию показал значительно возросшее умение тюрко-монголов брать города – тому способствовало освоение ими китайской традиции и появление у них более мощной камнеметной техники. По ходу операций в богатых городских оазисах тюрко-монголы набирали трофеи, силой уводили мастеров и ремесленников. Разумеется, не только силой брались чингисханскими воинами специалисты и трофейные катапульты, но были и добровольцы: к ним переходили на службу даже целые подразделения как катапультиров, так и огнеметчиков. Размах использования всей этой техники можно представить, забегая вперед, на примере осады Нишапура. В «Сокровенном сказании» находим: «Они находились здесь, пока не восполнили недостатка в осадных орудиях: защитных стенах, подвижных башнях, катапультах и таранах. Они направились к Нишапуру и в тот же день установили двести катапульт с полным оснащением и метали из них. Через три дня они овладели им».

Итак, покончив с шахом Хорезма, Чингисхан весной 1221 г. перешел Амударью и приступил к завоеванию Афганистана и Хорасана, присоединив к своей армии остатки хорезмских войск.

Он вошел в Бактрию на севере Афганистана, в район Балха. Известный более трех тысяч лет, этот город был центром зороастризма. В VII в. до н. э. он был занят Великим Киром. Два века спустя его завоевал Александр Македонский и женился там на принцессе Роксане. Городом правили Сасаниды, покровительствовавшие развитию в нем буддизма, пришедшего по Шелковому пути; в его стенах находились великолепные памятники древнего ислама. Затем город попал под власть Газневидов.

В начале XIII в. Балх переживал период расцвета кустарных промыслов и

высокоразвитого сельского хозяйства.

Чингисхан занял Балх, а власти Балха признали завоевателя своим сюзереном и, сделав город открытым, защитили его от грабежа. Но здесь мнения историков расходятся: Ибн аль-Асир пишет, что Балх сдался, и Чингисхан его пощадил; Джувейни утверждает, что хан изменил своему слову и «...монголы разрушили стены города и уничтожили все следы культур, а жители были истреблены».

В Хорасан Чингисхан отправил своего сына Толуя, который принял капитуляцию Мерва.

Мерв – древняя столица Маргианы, город принадлежал Сасанидам, затем арабам. При Сельджуках Мерв переживал период расцвета экономики и культуры, о чем свидетельствовал купол, облицованный бирюзово-голубыми изразцами, сооруженный над могилой султана Санджара.

В сопровождении 500 всадников Толуй шесть дней изучал укрепления, прежде чем начать штурм. Правитель города объявил о капитуляции, получив заверения в том, что кочевники не прибегнут к насилию. Толуй не сдержал обещания: из жителей отобрали 400 ремесленников и детей, чтобы сделать из них рабов, остальные были казнены. Джувейни утверждает, что особенно свирепствовали, выполняя эту мрачную работу, крестьяне из соседних селений, ненавидевшие жителей Мерва.

Монголы сожгли мавзолей Санджара и разграбили гробницу. (Именно тогда, согласно преданию, один огузский клан, кочевавший в районе Мерва, ушел в Малую Азию, где сельджуки дали ему землю и где он заложил основы Османской империи.) После этого Толуй «наказал» город Нишапур, несчастье которого состояло в том, что незадолго до того, в ноябре 1220 г., его жители свергли и убили монгольского генерала Токучара, зятя Чингисхана. На этот раз Толуй 10 апреля 1221 г. взял город приступом, перебил жителей и полностью разрушил Нишапур. Руководила избиением вдова Токучара. Для верности солдаты отрубили головы трупам и соорудили из мертвых голов три пирамиды: мужскую, женскую и детскую. Как гласит история, «убили всех, включая собак и кошек». Около Туса монголы разрушили мавзолей халифа Гарун-ар-Рашида. Было уничтожено все, что составляло славу блестящей арабо-персидской цивилизации. Затем Толуй взял Герат, хорезмский гарнизон которого оказал сопротивление, но горожане открыли ворота. Монголы перебили солдат, но на сей раз пощадил население. Затем под Талеканом войско Толуя присоединилось к армии Чингисхана.

Разрушив Талекан, Чингисхан прошел через Гиндукуш и осадил Бамиан. Во время осады погиб юный Мютюген, сын Чагатая и любимый внук Чингисхана. Завоеватель сам сообщил об этом отцу и именем Ясы запретил оплакивать погибшего, но устроил по этому случаю кровавые похороны. Добычу не брали – все было уничтожено; не брали пленных – «было уничтожено все живое». Бамиан получил название «проклятого».

Между тем хорезмский принц Джелал-ад-Дин избежал катастрофы, которая обрушилась на Мавераннахр и Хорасан, и прорвался сквозь монгольские войска. Он скрылся в Газни, в афганских горах, и собрал новую армию. В Перване, севернее Кабула, Джелал-ад-Дин даже разгромил монгольский корпус под командованием Шиги-Кутуху. Чингисхан решил во что бы то ни стало отомстить за поражение своего полководца, и двинулся на Газну, однако Джелал-ад-Дин не рискнул дожидаться его и принять бой. Газна сдалась без сопротивления, но Чингисхан, спеша догнать Джелал-ад-Дина, отложил ритуальное уничтожение города на более поздний срок. Наконец, он настиг принца Хорезма на берегу Инда и порубил всех его солдат (ноябрь 1221 г.). Сам принц спасся, бросившись на коне, в полном вооружении, в Инд под градом вражеских стрел; ему удалось переплыть на другой берег, и он отправился ко двору султана Дели (декабрь 1221 г.).

Потери обеих сторон в этом сражении были почти равны и составили приблизительно по 20 тыс. человек. Вдгонку были посланы несколько тумэнов; они разгромили пенджабские области Лохор, Пешавар и Мултан, но Джелал-ад-Дина не нашли. Зато семья Джелал-ад-Дина оказалась в руках тюрко-монголов, которые истребили всех ее членов

мужского рода. Впоследствии, узнав, что делийский султан отказал Джелал-ад-Дину в убежище, Чингисхан разумно воздержался от вторжения в Индию, чтобы не распылять свои воинские ресурсы по слишком большой территории. Он отозвал посланные на преследование тумэны и отступил из Пенджаба, дабы собраться с силами перед завоеванием Газни.

Поражение захватчиков при Перване воодушевило последние не взятые города Восточного Ирана. Чингисхан сначала свел счеты с жителями Газни и перебил всех, кроме ремесленников, отправленных в Монголию. После битвы при Перване восстал Герат (ноябрь 1221 г.). Монгольский генерал Алучигитай овладел Гератом после шестимесячной осады (июнь 1222 г.). Все население было истреблено, и побоище продолжалось целую неделю. Жители Мерва имели «неосторожность» убить персидского наместника, поставленного Толуем, и призвали Джелал-ад-Дана. Чингисхан с обычной неукоснительностью истребил всех до одного.

Примечательно, что в Мавераннахре и Восточном Иране монголы с меньшими трудностями, чем в Китае, брали укрепленные города. Дело в том, что страх, который внушали мусульманам «язычники», был намного сильнее, чем в стране китайцев, которые привыкли в течение веков к их соседству. Кроме того, монголы в большей степени, чем в Китае, использовали здесь местные людские ресурсы. Чтобы взять город, монголы «реквизировали» мужское население окружающей местности и пускали собранную толпу, подгоняя ее саблями, в атаку на рвы и стены. Нападающих убивали свои соотечественники, рвы заполнялись трупами, а непрерывные атаки обессиливали гарнизоны. Иногда этих несчастных передевали в монгольскую одежду, они под монгольскими флагами разворачивались перед стенами, и защитники думали, что перед ними огромная чингисидская армия. Благодаря такой военной хитрости случалось, что незначительные монгольские силы заставляли капитулировать хорошо защищенные города. Затем человеческое стадо истребляли как использованный материал. Эта ужасная практика, доведенная до совершенства, стала одним из самых распространенных тактических способов монголов. При помощи пленников из Бухары Чингисхан вел осаду Самарканда, в свою очередь, самаркандские пленники служили для взятия Ургенча. Частично благодаря сельскому населению Хорасана Толуй захватил Мерв. Жуткий страх ломал всякую волю к сопротивлению. Например, после взятия Нессы тюрко-монголы собрали жителей в долине и приказали им связать друг другу руки за спиной. Они безропотно подчинились, тогда монголы окружили их и расстреляли поголовно всех из луков.

При этом монголы никогда не теряли чувства административного подчинения и военного порядка. Вырезав четыре пятых населения, они оставляли для управления оставшимися в живых гражданскому чиновнику, чаще всего уйгура, иногда даже перса, а также писцов для ведения канцелярии на двух языках.

Восточный Иран так и не оправился полностью от чингисханова урагана. Впоследствии темеридский Ренессанс в этих регионах в XV в., в царствование Шахрука, Улугбека и Хуссейна-Байкары, так и не смог в полной мере восстановить эту потрясенную до основания страну. Однако, хотя Чингисхан вел себя как заклятый враг арабо-персидской цивилизации, в принципе, он не питал вражды к исламу. Если он запрещал практику омовения и способ мусульман убивать животных, так это потому, как противоречило обычаям или суевериям монголов. Если он уничтожал в Восточном Иране блестящую городскую цивилизацию, породившую Фирдоуси и Авиценну, то причиной было желание сделать из пограничной зоны на юго-западе нечто вроде безлюдной полосы, искусственной степи, служащей кордоном для своей империи. Это и было целью тактики «выжженной земли». В Чингисхане уживалось два человека: здравомыслящий правитель, неспособный разжечь религиозную войну, и кочевник, плохо знающий оседлый образ жизни и стремящийся уничтожить городскую цивилизацию, искоренить сельскохозяйственное культурное производство (уходя из Восточного Ирана, он велел разрушить все склады зерна), превратить возделанные земли в степь, поскольку степь была ближе его сердцу и ею было легче управлять.

Чингисхан довольно долго пробыл в Афганистане, в южной части Гиндукуша. В мае 1222 г. он принял здесь известного даосского монаха Чан-Чуня после его посещения Уйгурии, Кульджи, Таласа и Самарканда. Завоеватель с удивлением узнал об эликсире жизни, над секретом которого работали даосские монахи. (Кстати, Чань-Чунь добился указа о защите даосских монастырей.) Чингисхан был заинтересован даосским учением, и у него с Чан-Чуном было еще три встречи. Чингисхан был доволен беседами и отметил, что философия Чан-Чуня может поддерживать жизнь человека, даже если не может сделать человека бессмертным.

Осенью 1222 г. Чингисхан решил вернуться на родину: он переправился через Амударью и посетил Бухару, где проявил интерес к догматам мусульманской религии и одобрил их, за исключением паломничества в Мекку, которое считал бесполезным делом, заметив, что весь мир – это дом Бога (Тенгри, «Вечного Неба» монголов). В Самарканде он распорядился читать мусульманскую молитву в свою честь, поскольку он заменил шаха Мухаммеда, и даже освободил от налогов мусульманское духовенство – имамов и кади, – это свидетельствует о том, что его репрессии против мусульманского мира представляли собой военные «эпизоды», но не религиозную войну. Зиму он провел в Самарканде, а весну 1223 г. – на северном берегу Сырдарьи. В долине Чирчика он устроил своего рода «варварский двор», где восседал на золотом троне в окружении нойонов и баатуров, а также созвал курултай. В это время его армия отдыхала и развлекалась масштабными облавными охотами на диких зверей. Летом 1223 г. он находился в степях Таласа и Чу, а летом 1224 г. – на Иртыше. В Монголию Чингисхан вернулся весной 1225 г.

Итак, отметим первые признаки прагматизма завоевателей-кочевников. Они не замедлили использовать людей и административное устройство завоеванных стран. Принимались меры для восстановления порядка во вновь завоеванной стране. Была введена новая система налогообложения под компетентным руководством местных торговцев, один из которых, Махмуд Ялавач, вошел в число наиболее доверенных советников Чингисхана. Людям было приказано заниматься своими мирными делами, дороги были освобождены от грабителей. После того как начальный период ужасного разрушения миновал, страна не только возвратилась к нормальной жизни, но даже получила лучшую, чем ранее, администрацию. Однако ушло много времени, прежде чем ирригационная система Хорезма была восстановлена.

Что касается осколков армии хорезмского правителя Джелал-ад-Дина, то после распада империи они обрушились на Сирию, которой правила династия Айюбидов. В 1244 г. хорезмские тюрки почувствовали себя достаточно сильными, чтобы атаковать Дамаск и в июле того же года вырвать Иерусалим из рук франков.

Это откатывание тюркских народов на Запад сопровождалось всеобщей исламизацией – процесс, который будет осуществляться и при Темуридах.

Наступление тюрко-монголов на Кавказ и Иран. Вторжение на территорию Руси

Прежде чем последовать за Чингисханом в его последний поход в Китай, остановимся на экспедициях двух военачальников, лучших стратегов в монгольской армии – Джэбэ-нойона и Субэтэй-баатура, совершенных ими в 1221–1223 гг. от Самарканда до реки Тан (Дон).

Для преследования шаха Мухаммеда Чингисхан выделил им 25-тысячный корпус, о чем было сказано ранее. Когда хорезмшах умер в 1221 г. на острове Абескум, недалеко от устья Горгана, генералы продолжили свой поход на запад, получив разрешение Чингисхана провести разведку боем на Кавказе и в Южной Европе. Во «Всеобщей истории» Э. Лависса и А. Рамбо находим: «Это была беспримерная военная шалость, умная нелепость. Отряды великой армии неслись вскачь, намечая стоянки для войск, которым понадобилось пятнадцать лет, чтобы пройти этот путь. Мимо персов, азербайджанских тюрков, армян,

грузин, черкесов, осетин, кыпчакских тюрков, русских в облаках пыли пронеслось непобедимое, всегда победоносное тюрко-монгольское знамя. Нужны были энергичные усилия, чтобы покорить всю эту массу народов, но это не входило в задачу Джэбэ и Субэтэй, которые только намечали этапы завоевания. Там, где прошли их кони, более уже никто не осмеливался прямо смотреть на тюрко-монгольское знамя».

Во главе своей армии они подошли к святому городу Кум, который уже в то время был религиозным центром мусульман-шиитов. Расположенный в 200 км южнее современной иранской столицы, город привлекал паломников-шиитов: за его стенами находилась знаменитая могила Фатимы. Мусульмане-сунниты – правоверные, – очевидно, обратились к тюрко-монгольским генералам с предложением избавить их от этого города-соперника, очага инакомыслия. Военачальники хана не заставили себя долго ждать: город Кум был уничтожен.

В это время взбунтовался Хамадан, но они и его усмирили; затем разрушили Зенджан и взяли штурмом Казвин, истребив все его население.

Последний тюркский атабег Азербайджана, старый Узбек из династии местных гулямов, которые в конце XII в. безуспешно пытались занять место Сельджуков, откупился от них золотом и тем самым спас Тебриз. Город Тебриз, избежавший разрушений, стал затем столицей при чингисидах.

Кавалерия кочевников провела несколько недель на южных берегах Каспия, недалеко от устья Куры, найдя в прибрежных степях обильный корм для лошадей. Но вскоре, в самый разгар зимы, захватчики снова оседлали своих коней и, идя вдоль западного берега Каспийского моря, достигли верховьев Куры у подножия Кавказа.

Стиснутый между Каспием на востоке, Черным морем на западе, Кавказ отделяет Южную Россию от Малой Азии. В этой части мира находится гора Арарат, где, по преданию, Ноев ковчег выбросило на берег в конце потопа, посему гора считается колыбелью человечества.

В разгар зимы по равнине Могана Джэбэ и Субэтэй совершили поход в Грузию.

Грузия, одно из самых крупных государств этого региона, родилась из слияния двух очень древних княжеств – Колхиды и Иберии. Расположенное между горами Армении на юге и рекой Терек на севере, это государство возникло, несомненно, из племенной конфедерации и вкрапления хеттских народностей. Страбон, Геродот, Ксенофонт и Плутарх писали, что с конца первого тысячелетия до Рождества Христова в этой гористой местности была довольно высокая плотность населения и что процветающие города чеканили монету. Древняя Грузия была завоевана римлянами при Помпее в I в. до н. э., затем – персами в 368 г. Грузинский царь Вахтанг Горгасал изгнал персов и основал город Тбилиси, который заменил древнюю столицу Иберии. При царе Мириане в 337 г. христианство стало государственной религией, и грузинское духовенство не замедлило приобрести значительную власть благодаря процветанию церквей и монастырей, которые поддерживали отношения с дальними странами, вплоть до Греции и Палестины. При династии Багратидов Грузия приобрела большое влияние, пользуясь упадком Византии и ослаблением Арабского халифата. В 1088 г. тюрки заняли Тбилиси, но Крестовые походы вскоре вернули царству его прежний блеск. При царе Георгии III (1156–1184 гг.) и особенно в царствование его дочери Тамары (1184–1213 гг.) Грузия расширила свои завоевания, в то же время страна достигла высокого уровня культуры по византийскому образцу. И эта блестящая цивилизация столкнулась с вторжением тюрко-монгольских кочевников.

По словам средневековых летописцев, грузинское рыцарство представляло собой одну из самых могущественных сил страны. Однако ему был нанесен сокрушительный удар в битве у бурной реки Куры под Тбилиси. Но войска Чингисхана внезапно изменили направление и спустились к Азербайджану, где опустошили несколько городов, используя свою обычную тактику: они гнали перед собой пленников на штурм крепости, затем, после ее взятия, вырезали жителей и наконец убивали оставшихся в живых пленников.

В начале весны Джэбэ и Субэтэй направили свои войска к Тигру, но задержались возле

Хамадана, который, отказавшись платить новую дань захватчикам, закрыл ворота и забаррикадировался за крепостными стенами. Тогда тюрко-монголы взяли его штурмом, разграбили и в конце концов подожгли.

Ближний Восток был в то время ослаблен внутренними глубокими разногласиями, вторжением франков по всему восточному побережью Средиземного моря: Палестина была в руках европейцев, и с 1218 по 1221 г. крестоносцы, высадившиеся в Дамьетте, угрожали Каиру. Аббасиды оказались между двух огней; слабая завеса войскового заслона, оставленная у Багдада, не смогла бы сдержать тюрко-монгольских завоевателей в этот критический момент, когда арабы не могли выдержать сокрушительный удар крестоносцев. Но разведывательные монгольские службы не знали о слабости арабских сил. Иначе чем объяснить то, что они устояли перед искушением прибрать к рукам столицу халифов?

Могло случиться так, что Джэбэ и Субэтэй оказались бы в Багдаде, а король Жан Бриенский – в Каире. К счастью для халифа, Джэбэ и Субэтэй направились громить Хамадан, а не Багдад. Оттуда тюрко-монгольский корпус вернулся в Грузию, разгромив по пути Ардебил.

Грузинская конница в то время считалась лучшей в мире. Субэтэй ложным отходом заманил ее в засаду, где находился Джэбэ, и конница была уничтожена. Грузинам удалось спасти только Тифлис, оставив южную часть страны на разграбление. Затем монголы перешли в Ширван, разграбили Шамаху, после чего спустились через Дербент в степи Севернее Кавказа.

Начиная с тюрко-монгольских завоеваний закавказских стран, Грузинское царство постепенно будет приходить в упадок, пока чингисидская династия Ильханов не воцарится на развалинах кавказских княжеств, которые войдут в состав империи, основанной Хулагу в 1256 г.

Итак, Джэбэ и Субэтэй вторглись в степи Южной Руси, между реками Терек и Кума, впадающими в Каспийское море.

Тюрко-монгольской армии пришлось проделать путь длиной около 8000 км! Этот гигантский конный пробег, по словам историка Гиббона, «никогда не был совершен ранее и никогда не был повторен».

По ту сторону Кавказских гор, там, где до самой Волги простираются степи, жили оседлые народы, в частности аланы. Потомки древних сарматов, они пережили много бедствий: часть из них была уничтожена около 375 г. гуннами Аттилы, а некоторые племена, смешавшись со свевами и вестготами, влились в волны великих нашествий варваров. Часть аланов осела на Кавказе, другая дошла до Галлии, Пиренейского полуострова и Северной Африки (в IV и V вв.), о чем мы писали ранее. Большая часть аланов осела между Каспийским и Азовским морями, вдоль северных склонов Кавказских гор. В X в., столкнувшись с византийцами, они приняли христианство. Аланы поддерживали отношения с другими христианскими народами (славянами, грузинами).

Незадолго до вторжения азиатских кочевников аланы – предки современных осетин – объединились с кавказскими горскими народностями – лезгинами и черкесами.

На сторону аланов и кавказских горских народов вскоре перешли тюрки-кыпчаки (или команы), которых русские называли половцами и которые кочевали в степях к югу от Волги. И с этой коалицией, вставшей стеной, столкнулась тюрко-монгольская кавалерия.

Первые сражения показали, что сил у Джэбэ и Субэтэя недостаточно, и тогда Субэтэй применил свои выдающиеся дипломатические способности. По сообщению Ибн-аль-Асира, который записал рассказ участника событий 1222–1223 гг., дело было так: «Перебравшись через Ширванское ущелье, тюрко-монголы двинулись по этим областям, в которых много народов, в том числе аланы, лезгины и разные тюркские племена. Они ограбили и перебили много лезгин, которые были отчасти мусульмане и отчасти неверные. Нападая на жителей этой страны, они прибыли к аланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них.

Аланы употребили все свое старание, собрали у себя толпу кыпчаков и сразились с

монголами. Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда тюрко-монголы послали к кыпчакам сказать: „Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежд, сколько хотите, – оставьте нас с ними“. Они действительно принесли им, что было выговорено, и кыпчаки оставили алан. Тогда тюрко-монголы разбили алан, а затем пошли на кыпчаков, которые спокойно разошлись на основании мира. Монголы напали на кыпчаков и отобрали у них вдвое против того, что сами им принесли».

Таким образом, Джэбэ и Субэтэй, заручившись пособничеством кыпчаков, сыграв на тюрко-монгольском братстве (хотя следует отметить, что в то время кыпчаки находились в стадии христианизации, и даже один из их предводителей, убитый тюрко-монголами, носил христианское имя – Юрий) и пообещав им часть добычи, разгромили по отдельности остальных членов коалиции, а затем набросились на стойбища кыпчаков.

Перебив их, они, само собой разумеется, вернули добычу.

Разбив военные силы алан и кыпчаков, тюрко-монголы занялись рейдами по всему Северному Причерноморью, дойдя даже до Судака.

Перезимовав в степях Причерноморья, весной 1223 г. тюрко-монголы решили пополнить свое конное поголовье и заполучить для себя новых работников, которые вели бы всю работу по кочевому хозяйству орды. Поработив кыпчаков, что остались в степи, они обратили свои взоры на Русь, куда бежало несколько кыпчакских родов.

В ту пору некоторые кыпчакские племена поддерживали отношения со славянскими народностями Южной Руси: один из вождей кыпчаков, хан Котян, отдал в жены свою дочь галицкому князю Роману. После поражения кыпчаки обратились за помощью и, благодаря семейному союзу, добились заключения с русскими политического соглашения.

Киевская Русь XIII в. состояла из множества княжеств. Простираясь на севере от Балтийского моря, на юге – до среднего и верхнего течения Буга, Днепра, Донца и Дона, на западе она граничила с Польским и Литовским княжествами. На юго-западе русских сдерживали венгры и валахи, тогда как огромные степи, более или менее пустынные, Южной Украины и низовья Волги были в руках кочевников – кыпчаков и печенегов, а необъятные просторы северо-востока – у финно-угорских племен.

Эта территория, ограниченная только с одной стороны, у Европейской Руси была разделена между многочисленными княжествами, в большей или меньшей степени соперничавшими между собой: Киевским, Владимирским, Суздальским, Полоцким, Галицким, Черниговским и т. д. Каждый из князей наследовал свой трон по системе «боковой линии» (от старшего брата – к младшему, от дяди – к племяннику), таким образом, не было княжества в вечном владении, поскольку в силу брачных союзов и смертей младшие члены рода получали освободившиеся места, поднимаясь по генеалогической лестнице. Эта сложная система не позволяла княжествам поддерживать последовательных, подлинно дипломатических отношений, и только при Петре Великом государь получил право (1722 г.) назначать своего преемника. На Руси, принявшей христианство в конце X в., церковь оказывала дисциплинирующее влияние на различные классы общества: бояр, вольных людей, полусвободных крестьян и крепостных. Сословная иерархия была не так замкнута, как в Западной Европе, и люди расселялись по течению рек, по лесам, осваивая необжитые места.

Нетронутые просторы степей вели в другой мир, мир кочевников, который являлся синонимом гибели. В течение веков южные славяне вынуждены были защищаться от частых набегов азиатских кочевников. Между 1068 и 1210 гг. кыпчаки осуществили около пятидесяти вооруженных набегов, дойдя в 1096 г. до стен Киева. Несмотря на мирные договоры, брачные союзы, дань, прилив кочевых орд не прекращался. Тюрко-монголы, лучше организованные, более дерзкие, с более четкой военной структурой, нанесли последний удар по Киевской Руси, подточенной отсутствием подлинной государственности и распрями князей.

Джэбэ и Субэтэй отправили послов к киевскому князю Мстиславу, которому в письме объяснили, зачем им нужны кыпчаки. С одной стороны, тюрко-монголы очевидным образом указывали, что кыпчаки нужны им как «холопы и конюхи», что соответствовало практике использования тюрко-монголами завоеванных кочевых народов. А с другой – они попытались применить к русским князьям тот трюк, который у них получился в 1222 г., т. е. подкупить их «товары половечьски». Однако русские князья уже были наслышаны от кыпчаков о «выгодности» подобных сделок с тюрко-монголами и приказали убить послов (в российских источниках факт убийства монгольских послов отсутствует).

Таким образом, война с тюрко-монгольским войском Джэбэ и Субэтэя стала неминуемой.

Итак, на просьбу своего тестя – кыпчакского хана – князь Галицкий откликнулся и сделал невозможное: уговорил князей Смоленского, Черниговского и Киевского объединиться для совместных действий против тюрко-монгольской армии. На совете в Киеве князья решили выступить первыми и бить тюрко-монгольскую армию в степи, за пределами русских рубежей. В апреле 1223 г. из разных городов Южной Руси выступили рати, одни конные, другие на ладьях. У острова Хортица на Днепре они соединились и начали разведку тюрко-монгольских сил. Она показала противоречивые результаты – одни посчитали тюрко-монголов сильными воинами, другие – «хуже половцев». Видимо, последняя точка зрения возобладала, когда русскому авангарду удалось достаточно легко разбить конную тысячу тюрко-монгольской разведки. После нескольких дней преследования отступавших тюрко-монголов, в конце мая 1223 г. русское войско дошло до реки Калка, где к ним присоединились кыпчаки, во главе которых стоял хан Котян.

В битве на Калке зафиксированным фактом можно считать серьезное численное преимущество русско-кыпчакского войска над тюрко-монгольским. Последних было от 20 до 30 тыс., что же касается русско-кыпчакских сил, то их было около 45 тыс. человек.

Русская рать состояла из дружин князей и воинов хана Котяна. Решения принимались на совете князей. Но каждый из князей старался действовать по-своему, и главными соперниками были князь Киевский и князь Галицкий. Поэтому при обсуждении на совете князей плана действий выявились противоположные точки зрения. Князь Киевский придерживался выжидательно-оборонительного способа действий и возражал против перехода через Калку. Он расположился на правом берегу реки на каменистой высоте и приступил к ее укреплению. Роман Галицкий с прочими князьями и кыпчаками 31 мая 1223 г. переправился через реку Калку, где и расположил свои главные силы. В сторону тюрко-монголов был направлен довольно слабый отряд дружины Даниила Волынского и Яруна Кыпчакского.

Высланный отряд встретил крупные силы тюрко-монголов, которые окружили русских и кыпчаков. Начался упорный бой. Русские сражались храбро, но кыпчаки не выдержали тюрко-монгольских атак и побежали, распространяя панику в стане главных сил. Своим бегством кыпчаки смяли дружину Романа Галицкого и дезорганизовали дружины других русских князей. На плечах кыпчаков тюрко-монголы ворвались в расположение главных сил русских. Начался неравный бой. Численное превосходство тюрко-монголов и неорганизованное сопротивление русских определили поражение дружин князя Галицкого и других русских князей.

Тюрко-монголы в течение трех дней вели непрерывные атаки на дружину князя Мстислава Киевского. Когда все атаки были отбиты, тюрко-монголы прибегли к хитрости. Они пообещали беспрепятственно пропустить русские войска к Киеву. Князь поверил, но как только русские вышли из укреплений, тюрко-монголы напали на них и всех уничтожили.

Одних только воинов князя Киевского погибло около 10 тыс. человек. В российской историографии утверждается, что монгольское войско, также понесшее большие потери, вынуждено было на время отложить дальнейший поход в пределы Руси.

Сражение на Калке было кровопролитнейшим, это было «побоище», память о котором сохранилась даже в китайских летописях.

Воины Субэтэя и Джэбэ после короткого отдыха двинулись в западном направлении, спустились к Крыму и вскоре достигли порта Судак. Как и многие другие поселения, разбросанные по побережью Черного моря, город был древней греческой колонией. Генуэзцы сделали из него торговую факторию: здесь они скупали меха и невольников, чтобы перепродать их затем в различных средиземноморских портах. Тюрко-монгольские кочевники разграбили склады Судака, но на этот раз не рискнули проникнуть за его пределы, в европейский мир.

К концу года монголы вновь поднялись к северу, следуя по течению Волги, когда получили послание от Чингисхана: им был дан приказ на соединение с основной армией. Они дошли до верховьев великой реки, до рек Вятка и Кама. Там жил тюркский народ, болгары, основавшие процветающее царство благодаря торговле тем, что давали лес и рыбная ловля. В XII в. болгары обратились к исламу, и Багдад послал им знатоков духовных законов Корана и архитекторов. Сувар и Булгар, два города типа караван-сарая, были украшены мечетями и несколькими крупными зданиями. Булгарское царство чеканило монету и торговало драгоценными товарами. У булгар, продававших также соболий мех, было высокоразвитое скорняжное мастерство, и их процветание вызывало зависть некоторых русских княжеств, жаждавших получить в свое владение богатые пушниной земли верхней Волги. Такова была Волжско-Камская Булгария, когда в нее вторглись тюрко-монголы. Тюрко-монгольские армии с трудом разбили противника и разграбили богатые города. Затем, нагруженные драгоценной добычей, кочевники вновь спустились вдоль Волги, переправились на восточный берег и, обогнув южные отроги Урала, проникли на территорию другого тюркского народа, который они также подчинили себе: это были кангли, жившие у северной границы нынешнего Казахстана.

По пути домой, когда они проходили севернее Каспийского моря, Джэбэ заболел и умер. На исходе марша длиной 6500 км Субэтэй встретил главные тюрко-монгольские силы, возвращавшиеся после окончательной победы над Хорезмом.

Тюрко-монголы вернутся в Русь, но через девять лет после смерти Чингисхана. И тогда они оккупируют ее почти на 300 лет.

Последний военный поход Чингисхана

Чингисхан вернулся в Монголию в 1225 г. и провел жаркое лето в своей ставке. Его тревожили известия о намечавшемся союзе Цзинь с тангутами. Он не мог не помнить, что последние в оскорбительной форме отвергли его приказ предоставить вспомогательный корпус перед походом в Центральную Азию в 1218 г. Тогда советник императора тангутов, главный военачальник Ашагамбу, сказал: «Если у Чингисхана недостаточно сил для того, что он хочет предпринять, зачем он взял на себя роль императора?», – очевидно, надеясь, что Чингисхан потерпит поражение в войне с Хорезмом и Тангутское государство вернет себе независимость без пролития крови.

В тот раз Чингисхан не мог распылять силы, теперь же подошло время для мести и для превентивного удара по создающемуся союзу тангутов и чжурчжэней.

Именно в этот период (1225–1226 гг.) Чингисхан уделил много внимания совершенствованию организации своей империи. Уже созданные административные институты теперь приспособлялись к контролю за огромным покоренным миром – от берегов Тихого океана до Черного моря – и тем, который еще надлежало покорить. Вероятно, именно в это время была переписана и одобрена окончательная редакция кодекса законов – Яса.

Удачные войны в Китае, Центральной Азии, Иране, на Кавказе и в Южной Руси, позволившие тюрко-монгольскому правительству кормить армию, не спасали страну от экономического кризиса, поскольку при огромных расстояниях доставлять добычу домой было очень трудно. Большая часть ее исчезала по дороге и не попадала в Монголию. Еще и поэтому Чингисхан ухватился за повод к войне с близлежащим Тангутом.

Тем временем тангутский правитель пытался договориться о мире, но условия оказались неприемлемыми для тангутов – отдать в заложники наследника. Это было роковое решение – Чингисхан припомнил тангутам все, от укрывательства его врагов до отказа дать вспомогательные войска в 1218 г.

В эпоху Чингисхана Тангутское государство, окруженное более могущественными державами, несмотря на собственную армию, насчитывающую, по некоторым источникам, до 150 тыс. человек, было всегда под угрозой вторжения. Тангутское государство Си-Ся, в состав которого входили двадцать две полуземледельческие, полускотоводческие провинции, простиралось по ту сторону Великой стены, захватывая область Ордоса, обширное плато, расположенное внутри большой петли Хуанхэ и территории Нинся и Ганьсу. О происхождении Тангутской империи известно мало, только то, что она возникла в конце X в. как своего рода китайский доминион. Тангуты (народность, близкая к тибетцам и кьянгам) служили китайским императорам династии Тан и получили в свое распоряжение территорию, находившуюся под контролем последних. Союзники Китая во времена «пяти династий» (907–960 гг.), затем, при династии Сун (960–1279 гг.), они добились независимости, когда китайцы не выдержали натиска завоевателей с севера – киданей.

Итак, в 1226 г. среди тюрко-монголов была снова проведена мобилизация. Военачальники собрали тысячи людей, лошадей и верблюдов, следовавших за воинами. Чингисхана сопровождали Угэдей и Толуй и даже Есуй, одна из его жен. Все было готово к походу на тангутов. Как раз в это время Чингисхан устроил облавную охоту, и его конь в какой-то момент резко встал на дыбы и сбросил на землю своего седока. Хана отнесли в шатер. Его мучили страшные боли, тело горело, как в лихорадке. Один из полководцев хана предложил отложить вторжение в Си-Ся, но Чингисхан был непреклонен: «Если мы уйдем, тангуты не замедлят объявить, что мы трусили». Страдая от боли, Чингисхан заявил, что дойдет до столицы государства Си-Ся.

В марте 1226 г. армия Чингисхана вступила в пределы Тангутского государства. Кавалерия прошла через Гоби, затем подошла к границам населенных районов, туда, где проходил Великий Шелковый путь.

Первым, в марте 1226 г., пал город Хара-Хото, его защитники и население были перебиты. Тюрко-монголы последовательно сокрушали западную часть Си-Ся – летом пал крупный тангутский город Сучжоу, его население было уничтожено, спаслось только 106 семей.

Города Сучжоу, Ганьчжеу, Дуньхуан испытали на себе влияние других стран, в основном центральноазиатских, но также Тибета, Индии и Запада – через буддизм и несторианство.

Овладеть ими не представляло большого труда для тюрко-монгольских завоевателей. Войска смогли там сытно жить, используя запасы найденного зерна. Но жара вскоре стала нестерпимой, и Чингисхан на какое-то время обосновался в горах, возвышающихся над оазисами.

Летом тюрко-монголы перешли в тотальное наступление на тангутов.

Чингисхан ответил на вызов Ашагамбу, на каждое его слово: он вырвал у него сокровища, драгоценные шелка, шатры и раздал его стада верблюдов своим воинам. Затем он отдал приказ, чтобы все тангуты, захваченные в плен, были отданы на милость его солдат. Все мужское население, способное держать в руках оружие, было перерезано. Империя Си-Ся так никогда больше и не смогла подняться из развалин, оставленных армиями Чингисхана. Через несколько месяцев кавалерия хана овладела городом Ланьчжоу и близко подошла к Нинся, вражеской столице. Город, построенный на берегах Хуанхэ, был окружен поясом мощных укреплений и имел большие запасы продовольствия и вооружения. Тюрко-монголы начали его планомерную осаду.

Тем временем, в том же 1226 г., Угэдей был послан в Китай. Власти Китая, хотя и слабые, были еще в состоянии черпать из огромных человеческих резервов сторонников. Угэдей продвигался вдоль реки Вэй, затем пересек провинцию Хэнань и дошел до столицы

Цзиней. Цзини не смогли мобилизовать войска: только два года спустя им удастся добиться каких-то успехов, но это будут всего лишь последние вспышки угасающей династии.

Оставалась осада Нинся, резиденции государя Си-Ся Ли Яна и всего его двора. Столица империи тангутов была расположена на левом берегу Хуанхэ и защищена с запада горами Алашань. Нинся была важным торговым центром на границе с великой пустыней Гоби, где шел обмен тканями, коврами из белой верблюжьей шерсти, шелками, оружием. Здесь мирно сосуществовали общины буддистов и несториан, в городе было три христианских несторианских церкви.

В то время как в городе готовились к обороне, кочевники расставляли вокруг его стен воинские корпуса, чтобы перекрыть все выходы. Чингисхан с частью своей кавалерии опустошал области империи тангутов, тогда как сыновья великого хана вели свои войска в малые города, которые безжалостно громили, согласно категорическому приказу: уничтожать, никого не щадя, ни курицы, ни собаки. Сам хан принял на себя командование несколькими полками. Значительную часть 1227 г. он провел, двигаясь между Хуанхэ и верховьями реки Вэй, в окрестностях городов Ланьчжоу и Лондэ и горами Люпань. Когда наступил зной, он разбил свой лагерь на склонах Люпаншаня, где нашел одновременно отдых и прохладу.

Ли Ян оказался в западне в собственной столице. В первой половине июня он был вынужден принять решение о сдаче столицы. Ли Ян направил послов во вражеский лагерь, чтобы сообщить Чингисхану, что он просит для своей капитуляции месяц отсрочки.

Прошло несколько недель, и Ли Ян вышел из Нинся, чтобы объявить о капитуляции. Его сопровождала многочисленная свита и слуги, несшие драгоценные дары. Там были «сияющие золотом изображения Будды, золотые и серебряные чаши и кубки, юноши и девушки, лошади и верблюды – все числом, кратным девяти», считавшимся у монголов счастливым. Ли Яна сопровождали к императорскому шатру, но не допустили к хану. Он должен был поклониться издали, «через приоткрытую дверь».

Был ли Чингисхан уже мертв, когда Ли Ян капитулировал? Очень возможно, что вождь тангутов сдался пустому трону, но он этого так и не узнал, так как был немедленно казнен в соответствии с ранее отданным приказом хана. Согласился бы капитулировать Ли Ян, если бы знал о смерти Чингисхана? Очевидно, тюрко-монгольские военачальники до последней минуты заставляли Ли Яна верить в то, что он сдался полководцу, способному мановением руки «повелевать облаками».

Победа над Тангутским государством повлекла за собою добровольное подчинение Тибета.

Так в конце 1227 г. пало государство Си-Ся, его уничтожение стало последним деянием «Покорителя Вселенной» Чингисхана.

Чингисхан явился на свет со сгустком крови, зажатым в кулаке, знаком воинственного будущего. Предзнаменование сбылось: даже стоя на пороге смерти, в семьдесят два года, он так и не перестал быть военным человеком, и даже когда его не стало, его приказы продолжали выполняться.

Согласно указанию Чингисхана, его смерть хранилась в секрете его младшим сыном Толуем, который сопровождал отца как в этой кампании, так и на туркестанской войне, и который унаследовал командование войсками, ведущими боевые действия. Только когда сопротивление тангутов было окончательно сломлено, скорбную весть объявили друзьям и врагам. Тело Чигисхана привезли в Монголию. Точное место захоронения было сохранено в тайне; согласно некоторым источникам, он был похоронен в лесах горы Буркан.

В августе 1227 г. преемник Чингисхана Угэдей принес в его честь большие жертвоприношения согласно тюрко-монгольским традициям. В семьях нойонов были отобраны сорок самых красивых девушек. Их одели в праздничные платья, украсили драгоценностями и, как пишет Рашид-ад-Дин, отправили служить Чингисхану в мире ином. Вместе с ними похоронили лучших коней.

Относительно причин смерти Чингисхана, кроме официальной версии о падении с коня

во время охоты, существуют несколько других, к примеру, что он умер не своей смертью. Так, у Марко Поло Чингисхан умер от раны в колено стрелой, у Плано Карпини – от удара молнии.

Согласно распространенной монгольской легенде, Чингисхан умер от раны, нанесенной тангутской ханшей, красавицей Кюрбелдишин-хатун, которая провела единственную брачную ночь с Чингисханом, взявшим ее в жены по праву завоевателя.

Даже после своей смерти Чингисхан продолжал жить в монгольской истории как путеводный дух и воплощение нации. Его имя упоминалось в каждом важном государственном документе, изданном его продолжателями; Яса осталась основой монгольского императорского закона; сборник его высказываний (Билик) стал источником мудрости для будущих поколений; в качестве претендентов на трон рассматривались только его потомки.

Постараемся раскрыть идейную сущность его государственной теории, чтобы опровергнуть то совершенно неправильное представление о Чингисхане как о простом поработителе, завоевателе и разрушителе, которое создано в исторической литературе и главным образом под влиянием одностороннего и тенденциозного отношения к нему современных ему летописцев, представителей разных завоеванных им оседлых государств.

В то время как Александр Македонский и Наполеон окружены ореолом славы, Чингисхан остается варваром, навсегда запятанным кровью многих народов. В общественном сознании все еще жив этот образ, и даже писатели строго судят тюрко-монгольского завоевателя. Его представляли то гениальным стратегом, то восточным деспотом, жаждущим власти и крови; то он вождь суровый, но справедливый, сумевший завоевать место под солнцем для народа, едва вышедшего из мрака варварства, то самодержец, действующий мечом и огнем. Одним словом, человек, сумевший терпеливо выковать империю от Сибирской тайги до берегов Инда и от побережья Тихого океана до Черного моря, остается до сих пор плохо изученным.

Итак, остановимся на идеологической основе империи Чингисхана.

Чингисхан был носителем большой и положительной идеи, и в действительности его стремление к созиданию и организации преобладало над стремлением к разрушению.

По отдельным сохранившимся до нас его изречениям и по общему характеру всех его установлений мы можем восстановить его систему и дать ей ту теоретическую формулировку, которую сам Чингисхан не дал и дать не мог.

Чингисхан был не только великим завоевателем, но был и великим организатором. Как всякий государственный организатор крупного масштаба, он в своей организационной деятельности руководствовался не только узкопрактическими соображениями текущего момента, но и известными высшими принципами и идеями, соединенными в стройную систему. Как типичный представитель туранской расы, он неспособен был сам ясно формулировать эту систему в отвлеченных философских выражениях, но, тем не менее, ясно чувствовал и сознавал эту систему, был весь проникнут ею, и каждое отдельное его действие, каждый его поступок или приказ логически вытекал из этой системы.

Очевидна его ведущая роль во всех важных военных и политических решениях, принятых в период его правления. Не подлежит сомнению талант Чингисхана умело координировать деятельность своих подчиненных. Как военный предводитель и государственный деятель, он, без сомнения, имел широкий кругозор и чувство реальности.

К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Качества, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были измена, предательство и трусость. Эти показатели были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность – выше их личного достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену.

Такие люди – натуры низменные, подлые, по существу рабские, Чингисхан презирал их

и беспощадно уничтожал. На своем завоевательском пути Чингисхану пришлось свергнуть и низложить немало правителей. Почти всегда среди приближенных и вельмож таких правителей находились изменники и предатели, которые своим предательством способствовали победе и успеху Чингисхана. Но никого из этих предателей Чингисхан за их услугу не вознаграждал: наоборот, после каждой победы над каким-нибудь царем или правителем великий завоеватель отдавал распоряжение казнить всех тех вельмож и приближенных, которые предали своего господина. Их предательство было признаком их рабской психологии, а людям с такой психологией в империи Чингисхана места не было. И наоборот, после завоевания каждого нового царства Чингисхан осыпал наградами и приближал к себе всех тех, которые оставались верными бывшему правителю этой завоеванной страны до самого конца, верными даже тогда, когда их верность была для них явно невыгодна и опасна. Ибо своей верностью и стойкостью такие люди доказали свою принадлежность к тому психологическому типу, на котором Чингисхан и хотел строить свою государственную систему.

После очередной победы ему не раз случалось вознаграждать или брать к себе на службу тех, кто до конца оставался верен своим господам, его недавним врагам. Рашид-ад-Дин и «Сокровенное сказание» свидетельствуют о случаях такого рода, которые демонстрируют его уважение к храбрости обреченных и дух прочной моральности его правления. Слабых, единожды пришедших под его защиту, он защищал до конца и следовал этому принципу неукоснительно. Предводитель онгутов, Алакуч-тегин, был убит за то, что встал на сторону хана против найманов. Чингисхан позаботился о его семье, приблизил к себе его сына и отдал ему в жены свою дочь, обеспечив благополучие его дома. У побежденных в старых войнах, уйгуров и киданей, не было более надежного покровителя, чем он, точно так же сирийские христиане и армяне найдут самых надежных защитников в лице его внуков. В Ляодуне китайский принц, самый первый вассал Чингисхана, умер во время войны в Хорезме. Его вдова пришла к завоевателю. Он очень любезно принял принцессу и засвидетельствовал и ей и двум ее сыновьям самые теплые отеческие чувства. Во всех аналогичных обстоятельствах в этом кочевнике, в этом истребителе народов, наблюдалось естественное величие духа, даже благородство, что весьма удивляло китайцев.

Люди ценимого Чингисханом психологического типа боятся не человека, могущего отнять у него жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить проступок, который может обесчестить или умалить их достоинство, притом умалить их достоинство не в глазах других людей (ибо людских насмешек и осуждений они не боятся, как вообще не боятся людей), а в своих собственных глазах. В сознании их всегда живет особый кодекс, устав допустимых и не допустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти.

Подразделяя людей на эти две категории, Чингисхан это подразделение ставил во главу угла при своем государственном строительстве. Людей рабской психологии он держал тем, чем только и можно их держать, – материальным благополучием и страхом. И этих людей он к правлению не подпускал. Весь военно-административный аппарат составлялся только из людей второго психологического типа, независимо, монгол он или тюрк, организованных в стройную иерархическую систему, на высшей ступени которой пребывал сам Чингисхан. И если прочие подданные видели в Чингисхане только подавляюще страшную силу, то люди правящего аппарата видели в нем прежде всего наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала.

При практическом применении своей государственной теории в реальных условиях завоеванных им стран Чингисхан руководствовался тем убеждением, что люди ценимого им психологического типа имеются главным образом среди кочевников, тогда как оседлые народы в большинстве своем состоят из людей рабской психологии. И действительно,

кочевник по самому существу своему гораздо менее привязан к материальным благам, чем оседлый горожанин или земледелец.

У кочевнической аристократии все эти черты были еще усугублены родовыми традициями, живым чувством не только личной, но и фамильной чести, сознанием ответственности перед предками и потомками. Неудивительно поэтому, что человеческий материал для своего военно-административного аппарата Чингисхан черпал главным образом из рядов кочевнической аристократии. Но при этом он в принципе вовсе не руководствовался сословными предрассудками: многие назначенные им на высокие посты военачальники происходили из самых захудалых родов, а кое-кто из них и прямо был прежде по своему социальному положению простым пастухом. Для Чингисхана важна была не принадлежность данного человека к тому или иному классу или слою кочевнического общества, а его человеческие качества. Но, как сказано, людей нужного ему типа Чингисхан находил преимущественно среди кочевников, и связь этого психологического типа с кочевым бытом он ясно понимал. Поэтому главный завет, который он дал своим потомкам и всем кочевникам, состоял в том, чтобы они всегда сохраняли свой кочевой быт и остерегались становиться оседлыми.

Отличительным признаком государства Чингисхана являлось то, что это государство управлялось кочевниками.

Другой важной особенностью Чингисханова государства было положение религии в этом государстве. Будучи человеком глубоко религиозным, постоянно ощущая свою личную связь с божеством, Чингисхан считал, что эта религиозность является непременным условием той установки, которую он ценил в своих подчиненных.

Чингисхан не навязывал своим подчиненным какой-либо определенной, догматически и обрядово оформленной религии. Официальной государственной религии в его царстве не было, среди его воинов, полководцев и администраторов были как шаманисты, так и буддисты, мусульмане и христиане (несториане). Государственно важно для Чингисхана было только то, чтобы каждый из его верноподданных так или иначе живо ощущал свою полную подчиненность неземному высшему существу, т. е. был религиозен, исповедовал какую-нибудь религию, все равно какую. В этой широкой веротерпимости известную историческую роль играло то обстоятельство, что сам Чингисхан по своим религиозным убеждениям исповедовал шаманизм, т. е. религию довольно примитивную, догматически совершенно не оформленную и не стремящуюся к прозелитизму.

Веротерпимость Чингисхана отнюдь не была проявлением пассивного безразличия: ему было безразлично, какую именно религию исповедуют его подданные, ему первостепенно важной была сама принадлежность людей к какой бы то ни было религии.

Для государственной системы Чингисхана активная поддержка, утверждение и постановка во главу угла религии были столь же важны и существенны, как утверждение кочевого быта и передача власти в руки кочевников, – и в этом суть его идеологии.

Одаренный политик, он не оставался безразличным к опыту цивилизованных народов. Чингисхан приближал к себе уйгурских советников (Та-Та-Тонг), мусульман (Махмуд Ялавач) и киданей (Елюй Чуцай). Та-Та-Тонг выполнял при нем те же функции, что и при последнем найманском царе, т. е. был своего рода канцлером, а также преподавателем уйгурской письменности для его сыновей. Махмуд Ялавач служил его представителем в Мавераннахре, где он стал первым тюрко-монгольским губернатором. Что касается китаизированного киданя Елюй Чуцай, он привнес в тюрко-монгольское общество основы китайской цивилизации, случалось даже, он способствовал предотвращению массовых истреблений. Одной из его обязанностей было сохранение ценных рукописей в разграбленных или сожженных городах, а также поиск лекарств против эпидемий, порожденных многочисленными боями.

Во время последней военной кампании Чингисхана один из его военачальников заметил, что новые китайские подданные империи не представляют для Чингисхана никакой пользы, поскольку они не пригодны к войне, что лучше истребить все население – около

десяти миллионов человек, – чтобы извлечь выгоду из земли, превратив ее в пастбище для конницы. Чингисхан уже склонялся принять этот совет, когда Елюй Чуцай вмешался в разговор и объяснил, какие можно извлечь выгоды из плодородных земель и трудолюбивых подданных: налог на земли и на право торговли даст 500 тыс. унций серебра, 80 тыс. кусков шелка и 400 тыс. мешков зерна в год. Тогда Чингисхан поручил ему разработать систему налогообложения. Он пытался доказать, что милосердие является хорошей политикой, и тем самым попадал в точку, так как варварство монголов в основном было порождено невежеством.

Чингисхан оставался неграмотным до конца своей жизни и был типичным кочевником в привычках и понимании прелестей жизни. Как у всех кочевников, наслаждением для него была охота; он был знатоком лошадей; не будучи по натуре развратником, Чингисхан, согласно традициям своего народа и времени, имел нескольких жен и множество наложниц, предостерегая своих подданных от излишних возлияний, сам не испытывал отвращения к вину. Согласно Рашид-ад-Дину, Чингисхан однажды спросил своих полководцев, в чем они видят высшее наслаждение человека. Богурчи сказал, что высшее наслаждение – скакать на лошади весной, на хорошей скорости и с соколом. Другие также высоко ценили охоту. Чингисхан не согласился. «Высшее наслаждение человека, – сказал он, – состоит в победе: победить своих врагов, преследовать их, лишить их имущества, заставить любящих их рыдать, скакать на их конях, обнимать их дочерей и жен». Кажется парадоксальным, что человек, который произнес эти слова, мог наслаждаться беседой с учеными людьми своего времени и всегда проявлял готовность приобретать новые знания, философствовать о жизни и смерти.

Создается впечатление, что Чингисхан испытывал особую симпатию к киданям и уйгурам, самым цивилизованным народам тюрко-монгольского мира. Первые, не теряя национальных особенностей, могли приобщить чингисидскую империю к китайской культуре, вторые – к древней тюркской цивилизации Орхона и Турфана, к сирийским, манихейским, несторианским, буддистским традициям. Поэтому Чингисхан и его преемники набирали кадры для своей гражданской администрации и среди уйгуров, а уйгурский алфавит, в несколько измененном виде, послужил базой для монгольского алфавита.

Массовые разрушения и побоища забылись. Административная система, покоящаяся на чингисидской дисциплине и организации, а также уйгурском делопроизводстве, осталась и в конечном счете стала вкладом в цивилизацию. Именно с этой точки зрения следует судить о Чингисхане. Марко Поло отмечал в своих трудах: «Он умер, и это очень печально, потому что он был мудрый и разумный человек».

«Он установил мир», – писал Жуанвиль, французский историк XIII в. «...И это представляется парадоксальным, – как бы продолжает его мысль исследователь Фэнк, – когда подумаешь о непрестанных войнах, которые вел Непреклонный император, но, по существу, высказывание, что Чингисхан установил мир, точно и глубоко верно... В этом смысле он действительно установил мир во вселенной, мир, продолжавшийся около двух веков, ценою войн, которые в общей сложности не продолжались и двух десятилетий. Чингисхан искал союза с христианством. Если бы этот союз осуществился, то не подлежит сомнению, что ислам, взятый в клещи (крестоносцами и монголами)... был бы раздавлен... экономические, социальные и политические связи между Западным миром и Дальним Востоком не терпели бы постоянных перерывов от враждебного Европе мировоззрения. Все цивилизации Старого Света достигли бы взаимного понимания и проникновения. Христианство не сумело этого понять...»

Этот Завоеватель мира был, прежде всего, его непреклонным возродителем. Железом и огнем он открывал древние мировые пути для шествия будущей цивилизации. В этом смысле Проклятый имеет право на место в Человечестве».

Объединив все тюрко-монгольские нации в одну империю, насадив железную дисциплину от Пекина до Черного моря, Чингисхан положил конец непрерывным межплеменным войнам и обеспечил неслыханную прежде безопасность торговых

караванных путей. «В царствование Чингисхана, – писал Абул Гази, – в стране от Ирана до Турфана царило такое спокойствие, что можно было пройти от восхода до заката с золотым блюдом на голове, не подвергаясь нападению». Действительно, его Яса установила в Монголии и Мавераннахре «чингисидский мир», мир, разумеется, построенный на ужасах и жестокости, но он постепенно очеловечивался при его преемниках и проторил дорогу великим путешественникам XIV в.

«Разрушитель» разрушил и преграды темных веков, открыв человечеству новые пути. Европа пришла в соприкосновение с культурой Китая. При дворе его сына армянские князья и персидские вельможи общались с русскими великими князьями. Открытие путей сопровождалось обменом идей. Европейцы стали проявлять любопытство в отношении далекой Азии.

Целью Чингисхана было создание единой империи, где будут все условия для процветания человечества.

Что ж, жизнь человеческая слишком коротка для осуществления подобной грандиозной задачи. Но, как повествует нам Рашид-ад-Дин: «Он пришел из тленного мира и трон царства оставил славному роду».

Наследники Чингисхана

Два года после смерти Чингисхана, в положенном трауре, при временном правительстве, прошли для империи спокойно. Это свидетельствовало о том прочном и строгом административном порядке, который установил в своей империи ее великий основатель и законодатель – Чингисхан.

В 1229 г. был созван курултай для выбора нового императора и для обсуждения различных государственных вопросов.

У Чингисхана было четыре сына-наследника (от первой законной жены). Старший, Джучи, не ладил с отцом, и еще в 1221 г. он удалился в свой улус и в начале 1227 г. был убит подосланными убийцами. Дети его, Орда и Бату, получили скромные улусы на бесплодной северо-западной окраине империи. Орда – Южную Сибирь, а Бату – урало-каспийскую степь с Хорезмом в придачу.

Второй сын Чингисхана, Чагатай, был «хранителем Ясы», и улусом его была Центральная Азия.

Третий сын, Угэдей, получил Западную Монголию и Джунгарию. Его-то и рекомендовал Чингисхан избрать на престол, поскольку Чагатай был очень крут и строг. Угэдей, как оказалось, был добр и склонен к чрезмерным возлияниям, поэтому не казался опасным для монгольской знати, опасавшейся ханского произвола.

Четвертый сын, Толуй, получивший по монгольскому обычаю ядро владений рода борджигинов – центральную и западную части Монголии, был одним из самых способных полководцев и энергичных правителей. Военную выучку он получил в Китае, сражаясь против лучших чжурчжэньских полководцев под руководством Субэтэя, который за пятьдесят лет военной службы не потерпел ни одного поражения и ни разу не нарушил Ясы. Близость к Субэтэю обеспечила Толую популярность в войсках.

Надо отметить, что разделу подлежали только тюрко-монгольские степи, используемые для кочевой жизни, а покоренные страны на культивируемых землях вокруг Пекина или Самарканда оставались территориями империи. Сыновьям Чингисхана не приходила в голову мысль делить эти земли или сделаться императором Китая, ханом Туркестана или шахом Ирана, как это произошло позже с их преемниками. По всеобщему «братскому» согласию империя должна была остаться империей. По законам кочевников, несмотря на абсолютную власть хана, государство принадлежало, скорее, не ему лично, а всей ханской семье.

Опять-таки по монгольской традиции и по праву «хранителя очага» Толуй оставался регентом (1227–1229 гг.) до избрания нового великого хана.

К моменту смерти Чингисхана из состава армии в 129 тыс. человек перешло, по его завещанию, в распоряжение Толуя 101 тыс. человек. Всем остальным наследникам было завещано 28 тыс. воинов, в том числе Джучи – 4 тыс. человек. «К ним присоединилось много войск из русских, черкесских, кыпчакских, маджарских и других народов, присоединенных к ним впоследствии», – добавляет Рашид-ад-Дин.

Итак, курултай 1229 г., согласно воле Чингисхана, утвердил Великим императором Угэдея.

На курултае Угэдей провозгласил три главных направления, по которым должны одновременно идти завоевательные кампании:

- 1) закончить покорение Северного Китая;
- 2) устранить появившегося в Индии и успевшего завоевать часть Восточного Ирана султана Джелал-ад-Дина (сына шаха Мухаммеда), выставившего претензии на персидский престол;
- 3) поход на Европу. Таким образом, тюрко-монгольская экспансия должна была продолжаться по всем направлениям.

В своих решениях Угэдей прислушивался к советам киданя Елюй Чуцая, уйгура Чинкая и мусульманина Махмуда Ялавача; по всем важным делам он консультировался со своим старшим братом Чагатаем.

В первую очередь Угэдея заботила ситуация в Китае, а не персидские дела. Поэтому в 1230 г. главная тюрко-монгольская армия под командованием Толуя была послана против империи Цзинь. Чтобы гарантировать успех кампании, Угэдей заключил соглашение с империей Сун в Южном Китае. Сун изъявила желание послать военный контингент против Цзинь с условием, что после победы тюрко-монголы отдадут им провинцию Цзинь-Хэнань. Во взаимодействии с Сун тюрко-монголы завершили завоевание империи Цзинь к 1234 г. Толуй умер до окончания кампании.

Угэдей отказался поделить с империей Сун завоеванными землями, после чего последние попытались захватить бывшую цзиньскую провинцию Хэнань. Это послужило сигналом к началу войны. Но оставим пока Китай и обратимся к кампании против Кореи и Ирана.

На самом востоке империи тюрко-монголы начали присматриваться к Корее. В 1231 г. Корею был представлен ультиматум. Формальным поводом к войне было убийство в 1225 г. монгольского посла Чжу-Чуюя, который возвращался с ежегодной корейской данью. После воцарения Угэдея, в рамках принятой стратегии по окончательному покорению Северного Китая, было принято решение покончить с самостоятельностью государства Корё, а не просто получать от него дань. Таким образом, в условиях последнего этапа войны с Цзинь монголы пришли к выводу о необходимости иметь в тылу Корею, полностью лишённую самостоятельности, которая бы безропотно пополняла ресурсы монгольской империи.

В сентябре 1231 г. в Корею был послан корпус под командованием Саритай-хорчи. Было взято свыше сорока городов, но далеко не все города оказались легкой добычей. У Анбуксона армия Корё была разгромлена. Когда в декабре 1231 г. основная часть Саритай подошла к корейской столице Кэгён, запаниковавшие правители Корё согласились заключить мир на монгольских условиях – передать огромную дань золотом, серебром, тканями, одеждой и лошадьми. Кроме того, Саритай расставил на земле Корё тюрко-монгольских наместников.

Выплату всего объема дани корейцы не смогли осуществить, и монголы опять направили в Корею Саритай с карательной миссией, но он погиб «от случайной стрелы». Тем не менее тюрко-монголы добились своего – Корё признала верховную власть хана Угэдея, согласилась направить к нему заложников, членов королевской семьи, и выплачивать дань.

Тюрко-монголы приняли за правило отправлять в Корею карательную экспедицию каждый раз, когда нарушались сроки подачи дани или не выполнялись приказы монгольского хана.

По некоторым данным, за последующие 25 лет в Корею было убито, угнано, умерло от бедствий войны около полутора миллионов человек.

Что касается вторжения в 1230 г. тюрко-монголов на Кавказ, то поначалу оно было вызвано борьбой с хорезмшахом Джелал-ад-Дином. Джелал-ад-Дин вместо подготовки своей армии к битве с монголами погрузился в передневосточную политику, желая увеличить свои владения за счет Ирана, Северной Сирии и Грузии. Результатом этого было столкновение со всеми западными соседями. Тогда же появились тюрко-монголы в Азербайджане, где располагалась его ставка. Оставленный большинством сторонников и преданный собственным визирем, Джелал-ад-Дин бежал в горы Курдистана, где и был убит разбойниками, которые даже не знали, кем он был. После его гибели, в августе 1231 г., задачей корпуса под командованием Чормагана стало окончательное завоевание Грузии, Армении и Азербайджана.

Одним из последствий поражения и гибели Джелал-ад-Дина стал разброд туркменских (огузских) войск: они оказались без вождя. Некоторые из них вернулись в Туркестан и признали сюзеренитет тюрко-монголов, другие мигрировали на запад, в Сирию и Малую Азию. Около пятисот семей во главе с Ертогулом достигли сельджукского султана. Ертогул стал вассалом султана и получил землю близ Сугута во Фригии, недалеко от византийских границ. И этот фактор сыграл главную роль в будущей истории Переднего Востока, поскольку сын Ертогула Осман стал основателем Османской империи. Более крупная группа туркменских воинов, обозначаемых как «хорезмийцы», двинулась в Ирак и предложила свои услуги местным мусульманским правителям.

Итак, с падением империи Цзинь и исчезновением с политической арены Ирана Джелал-ад-Дина тюрко-монголы были готовы к новым завоеваниям.

Последовательность действий войска Чормагана описал Киракос Ганзакец: «Они постепенно разорили всю страну персов, Атрпаракан, Дейлем, захватили и разорили большие, великолепные города Рэй и Исфахан... И вот достигли они страны Агванк (Кавказская Албания, совр. Азербайджан, Карабах и Армения). Подобные нашествия постигли и остальные области – Карс, Ани и Лори». Происходившая в Грузии междоусобица и неумелое управление царицы Русудан сильно облегчили покорение страны, которая была захвачена всего за один год. Грузия стала тюрко-монгольским протекторатом.

Деятельность корпуса Чормагана можно подытожить следующим образом: укрепление власти тюрко-монголов на завоеванных землях Закавказья и Передней Азии, а также проведение разведки боем в двух направлениях – на границах халифата и Румийского султаната сельджуков в Малой Азии.

Тюрко-монгольская армия была готова к атаке на владения сельджукских султанов в Малой Азии. Но в правление Угэдея это не было осуществлено.

В 1235 г. был созван совет курултая, на котором решили предпринять четыре наступательные кампании одновременно: две на Дальнем Востоке – против Кореи, которая вновь восстала, против империи Сун в Южном Китае, одну на Ближнем Востоке – против Ирака, Сирии, Транскавказья и сельджукского султана в Малой Азии и одну на Западе – против Европы.

Итак, три армии под предводительством тюрко-монголов вторглись в Южный Китай. Однако военные действия приняли затяжной характер и не менялись на протяжении последних лет правления Угэдея. Тюрко-монголы одержали победу в Корее, где сопротивление было сломлено после нескольких тяжелых сражений (1241 г.). Что касается империи Сун, то конец этому затяжному конфликту был положен племянниками и наследниками Угэдея Мункэ и Хубилаем в 1279 г., о чем речь пойдет дальше.

В западном направлении при Угэдее были достигнуты большие успехи.

Западные земли рассматривались как территория расширения улуса Джучи, поэтому главнокомандующим западного фронта был назначен его сын Бату. При разделе тюрко-монгольских войск Чингисханом Джучи досталось 4 тыс. воинов, а этого было недостаточно для подобного похода. Поэтому Бату создал новые армейские подразделения из туркменских племен и иных тюрков, что проживали в его улусе, но все равно этого было недостаточно для завоевания Запада, тогда Угэдей приказал, чтобы все улусы Монгольской

империи направили войска на помощь Бату. Таким образом Западная кампания стала панмонгольским делом.

Бату возглавлял совет, представлявший всех потомков Чингисхана: сыновья Угэдея – Гуюк и Кидан, сын Толюя – Мункэ, сын и внук Чагатая – Байдар и Бури. Каждый из них привел отборные монгольские войска. Субэтэй – лучший из монгольских полководцев – был назначен, в нашем понимании, начальником штаба. Ядро армий Бату состояло примерно из 50 тыс. воинов, а с вновь сформированными тюркскими соединениями и вспомогательными войсками армия составляла примерно 120 тыс. воинов. Все было подготовлено так хорошо, как любой из классических походов Чингисхана.

В 1236 г. монгольские войска переправились через Волгу и взяли город Великий Булгар (около Казани). Затем Мункэ напал на кыпчаков в низовьях Волги. Часть кыпчаков покорилась захватчикам и впоследствии стала основой населения монгольского ханства, которое называлось по имени бывших хозяев страны Кыпчакским ханством (Дешт-и-Кыпчак), известным также под названием «Золотая Орда». Оно принадлежало улусу Джучи. Один из кыпчакских предводителей, Бачман, какое-то время продолжал сражаться на берегах Волги и в конце концов был взят в плен на островке в нижнем течении реки (зима 1236/37 г.) и по приказу Мункэ убит. В 1238 г. Мункэ покончил с кыпчаками. Тогда кыпчакский вождь Котян ушел в Венгрию, уведя с собой 40 тыс. семей, и там принял христианство. Зимой 1239/40 г. монголы завершили покорение степей Южной Руси.

Корпуса Мункэ и Гуюка, выступая против кыпчаков и аланов, прошли победным маршем в направлении от Нижней Волги, вдоль берегов Каспия к стенам Северного Кавказа и устью Дона. В этой «облаве» тюрко-монголы сумели в основном завершить покорение кыпчакских родов Прикаспия. В «Сокровенном сказании» весь поход 1236–1240 гг. называется Кыпчакским, что указывает на значимость для тюрко-монголов действий именно против кыпчаков.

Вслед за Булгаром и кыпчаками наступила очередь Руси. В 1237 г. состоялся курултай и, «по всеобщему соглашению», пошли войной на Русь. К осени тюрко-монголы сосредоточили свои силы в двух основных районах – в низовьях реки Воронежа и на южных границах Рязанского княжества. Пока тюрко-монголы находились на исходных позициях, встревоженные русские княжества искали способ договориться, точнее, откупиться, как это делалось с прочими кочевниками. Но эти ожидания не только не оправдались, но, видимо, еще и притупили бдительность русских князей. Из мест сосредоточения тюрко-монголы выступили на Рязань. Навстречу войску направилось посольство, которое возглавил рязанский князь Федор Юрьевич, но его посольство закончилось трагически – он был убит вместе со всеми своими людьми по приказу Бату. В «Повести о разорении Рязани Батыем» видится причина физического уничтожения в том, что князья отказались «рязанских князей тщери или сестры на ложе». Но тут, возможно, сыграло роль другое обстоятельство – отправив посольство к тюрко-монголам, рязанцы одновременно стали выдвигать свое войско навстречу им. Поэтому Бату решил опередить рязанцев и, упредив возможное соединение последних с суздальцами, первым двинулся на них.

Бату с главными силами вторгся в Рязанское княжество и взял Рязань, которая пала в декабре 1237 г. Отсюда они направились на Москву. Хотя она не была еще главным русским городом, но центральное местоположение делало Москву важной целью стратегии Субэтэя. Взяв Москву, которую Субэтэй сжег, они не только блокировали Владимир, но и стали угрозой для всего русского севера, включая богатый Великий Новгород – финансовую основу великого князя. Юрию II оставалось лишь отступить, чтобы организовать сопротивление на Верхней Волге.

После шестидневной осады Владимира город был взят в феврале 1238 г., и все, кто уцелел, были убиты, включая княжескую семью. Владимир был разрушен, а тюрко-монголы, не останавливаясь, двинулись к реке Сить. Русские, которых перехитрили монголы, были разбиты, а Юрий II погиб.

Теперь дорога к Новгороду была открыта. Однако наступление весенней оттепели

сделало дороги непроходимыми. Тюрко-монгольская армия повернула назад и направилась на юг. Лишь только городок Козельск задержал их в пути: осада Козельска длилась семь недель.

Воссоединившись, тюрко-монгольское войско провело лето и раннюю осень на территории современной Украины, занимаясь реорганизацией, собирая припасы и объезжая пригнанных из района современного Казахстана лошадей. В течение 1239 г. тюрко-монгольской армией предпринимались лишь малые военные операции.

Около 1240 г. армии Бату были готовы возобновить свой поход на запад. Летом этого года монголы захватили и разорили города Переяславль и Чернигов. Затем Мункэ, который, очевидно, командовал авангардом, послал эмиссаров в Киев с требованием подчиниться. Киевом в это время управлял наместник, назначенный князем Даниилом Галицким. Киевские власти приказали убить посланников Мункэ. После нескольких дней сопротивления Киев был взят штурмом в декабре 1240 г. и разрушен.

Поражение военных сил русских княжеств и разрушение их основных центров привело к полной катастрофе общерусской обороны, исчезла даже потенциальная возможность противостоять врагу.

В течение 1238 г. тюрко-монголы заняты утверждением своей власти над кыпчаками и аланами, окраинные русские княжества попадают под удар только в связи с действиями против этих народов или в результате обычных набегов для грабежа; в 1239 – начале 1240 г. основные силы тюрко-монголов заняты на Кавказе, нанесен удар по южным русским княжествам (Переяславскому и Черниговскому) – потенциальной фланговой угрозе для тюрко-монгольских армий, разведана боем оборона оставшейся пока неразграбленной богатой Киевской земли; осенью 1240 г. последний поход Бату на Русь, окончательно завоевываются юго-западные земли Руси перед походом на запад Европы.

Итак, можно сформулировать основную причину полного поражения СевероВосточной Руси во время первой кампании «Батыева побоища» – стратегическое и тактическое превосходство тюрко-монголов, которое определяется рядом факторов: 1) вооруженные силы Руси были раздроблены на значительном пространстве, что дало возможность тюрко-монголам, имевшим превосходство в маневре и инициативе бить их по частям, имея в каждом конкретном случае подавляющее преимущество (как сказано в «Слове о полку Игореве»: «Усобица князем – на поганья погыбе»); 2) качественное превосходство тюрко-монголов даже в случаях относительного равенства в численности; 3) эффект неожиданности, сила и динамика удара тюрко-монгольской армии.

После полного разгрома русских войск, многие из западнорусских князей искали убежища в Венгрии и Польше, что дало Бату повод, если таковой был нужен, напасть на эти две страны. Общую численность его армии, которая пришла в Центральную Европу, можно оценить как не превышающую 100 тыс. человек.

Основным объектом интереса монголов в Венгрии было то, что она представляла собой самую западную точку степной зоны и могла служить отличной базой для тюрко-монгольской кавалерии в любой из ее будущих операций в Центральной Европе так же, как она выполняла эту роль для Атилы и его гуннов восемь столетий назад. Кроме того, сами мадьяры когда-то были кочевниками, а история их происхождения тесно связана с тюрками, что делало возможным их участие в тюрко-монгольском союзе.

Поход на Польшу представлял интерес лишь с целью устранения потенциальной угрозы правому флангу в операции против Венгрии.

Итак, к концу 1241 г. тюрко-монгольской угрозе подверглась не только Центральная, но и Западная Европа.

В то время феодальную Европу разрывали внутренние противоречия и, кроме того, разгорался конфликт между светской и духовной властями римской католической Европы – борьба между императором Фридрихом II и папой, в которой каждый делал все возможное для подрыва престижа другого.

Тюрко-монголы через Волынь и Галицию проникли в Польшу и при Лигнице в 1241 г.

наголову разбили польско-немецкое рыцарское ополчение.

Тем временем другое тюрко-монгольское войско проникло в Венгрию через проходы в Карпатах и разгромило венгерскую армию при Шаяве. Вслед за тем тюрко-монголы взяли Пешт и, преследуя венгерского короля, дошли до Адриатического моря. Однако в Моравии противники нанесли тюрко-монголам поражение под Ольмюцем и заставили одну из тюрко-монгольских армий отступить в Венгрию на соединение с главными силами. Здесь Бату получил известие о смерти хана Угэдея.

Угэдею должно было быть пятьдесят один год ко времени его смерти (декабрь 1241 г.). Он, кажется, подорвал свое здоровье неумеренным пьянством. Незадолго до своей кончины, оценивая свои достоинства и грехи, он отметил с похвальной открытостью, что имел два основных порочных увлечения: вино и женщины.

Бату спешно отошел со своим войском через Болгарию, Валахию, Молдавию и Кыпчакские степи на восток, так как обострение противоречий внутри тюрко-монгольской империи требовало его непосредственного вмешательства: в самом тюрко-монгольском войске образовались партии, столкновение между которыми было неизбежно и которое сулило побежденным жестокою смерть.

Бату хотел повлиять на выбор нового великого хана, в особенности потому, что сам считался потенциальным кандидатом. Более того, в ходе венгерской кампании он поссорился с сыном Угэдея Гуюком и внуком Чагатая Бури, которые вернулись в глубоком возмущении в Монголию. По жалобе Бату Угэдей сделал суровый выговор обоим князьям. Теперь, после смерти Угэдея, можно было ожидать, что они будут мстить, интригуя против Бату. Бату был, очевидно, обеспокоен: борьба за власть в тюрко-монгольской политике казалась ему более важной, нежели завоевание Европы. И это спасло Западную Европу от тюрко-монгольского вторжения.

Фактически, как хозяева евразийской степной зоны, тюрко-монголы теперь могли контролировать всю Центральную Азию и большую часть Восточной Европы – евразийского субконтинента. Основной период тюрко-монгольских завоеваний закончился.

Итак, в течение тридцати пяти лет родилось и представило свои требования мировым лидерам могучее государство, завоевавшее огромные территории в Азии и Европе.

Смерть Угэдея в 1241 г. породила затяжной политический кризис в самой Монголии. Чагатай умер в 1242 г., и внуки Чингисхана оказались в довольно сложной ситуации – кто из них взойдет на трон?

Гуюк и Бату были непримиримыми соперниками. И дети Чагатая присоединились к Гуюку, а сыновья Толуя – к Бату.

До сбора курултая надо было предпринять множество политических маневров, и четыре года (1242–1246 гг.) были годами междуцарствия; регентшей в этот период была жена Угэдея, которая рассчитывала сохранить трон своему старшему сыну Гуюку. Дабы обеспечить себе свободу действий, регентша сместила трех помощников Угэдея: Елюй Чуцай, Чинкая и Махмуда Ялавача. Елюй Чуцай умер несколько месяцев спустя.

Главным политическим изменением в годы междуцарствия в Монгольской империи было основание Бату Кыпчакского ханства в Южной Руси, впоследствии известного как Золотая Орда. Столицей ее был город Сарай на Нижней Волге. Созванные в Сарай ведущие восточнорусские князья принесли вассальную клятву верности Бату. Количество тюрко-монгольских войск увеличилось: в дополнение к туркменам присоединились многочисленные кыпчакские и аланские воины. Таким образом, Бату имел хорошо обученную тюркскую армию под командованием верных ему монгольских офицеров.

Что касается внешних дел империи, то активное наступление было предпринято на Переднем Востоке. Байджу-нойон нанес решающее поражение сельджукам в 1234 г., вследствие чего они стали вассалами монголов. Также предложил свое подчинение хан Малой Армении Хетум I, а он контролировал района Киликии напротив острова Кипр. Через него тюрко-монгольское влияние распространилось на восточную часть Средиземного моря.

При Байджу-нойоне политика тюрко-монголов в Закавказье к концу 40-х гг. стала

гибче, они сумели договориться с местными феодалами на условиях тюрко-монгольского сюзеренитета, при сохранении феодалов внутри своего владения (тюрко-монголы стали выдавать им ярлыки на владения и золотые пайцзы в знак признания их внутривластительской самостоятельности), выплаты ежегодной дани и выставления ими вспомогательных войск. Для будущей большой войны (1256–1259 гг.), в ходе которой был уничтожен Багдадский халифат, все это оказалось весьма полезным делом.

Из-за соперничества Гуюка и Бату курултай откладывался более четырех лет. В правление вдовы Угэдея интриги и произвол достигли своего расцвета, что породило большое недовольство народа. В конце концов в январе 1246 г. на курултае ханом избрали Гуюка. При его избрании присутствовали Плано-Карпини, посланный в ставку великих ханов папой Римским Иннокентием IX, двое грузинских царевичей, русский князь Ярослав Всеволодович, посол багдадского халифа и посол французского короля Людовика IX Гийом, что свидетельствовало о пристальном внимании европейских и ближневосточных государей ко всему происходящему в далеком Каракоруме. Бату был утвержден ханом Западного улуса (Северо-Западная Азия и Восточная Европа).

За время своего недолгого правления хан Гуюк концентрировал свои усилия на Переднем Востоке. Туда был послан новый командующий Эльчидай-нойон вместо Байджуюна (1247 г.).

Следует отметить, что в начале своего правления Гуюк возвратил на прежние должности Чинкая (несторианского христианина) и Махмуда Ялавача. Именно через Чинкая Гуюк вел переписку с папой. Большинство христиан при дворе Гуюка были несторианцами, но были там и православные – в основном русские ремесленники. «Нас также уверили христиане, принадлежащие к персоналу его дома, что он (Гуюк) близок к принятию христианства» – так писал Плано-Карпини в своих донесениях папе Римскому.

Позиция Гуюка в отношении папского призыва принять христианство была однозначна: он отказался рассматривать пожелание папы и предложил папе и королям лично прибыть в Монголию, чтобы продемонстрировать ему (Гуюку) свое уважение. Папские притязания на универсальное лидерство столкнулись с не менее универсальными притязаниями монгольского императора. В отношениях между ними трудно было ожидать сотрудничества.

Но план новой экспансии на Переднем Востоке, казалось, базировался на объединении с христианами против мусульман. И это подтверждают инструкции Гуюка, данные его представителю Эльчидай-нойону.

С политической точки зрения отношения между Гуюком и Бату были напряженными, отчасти из-за отказа последнего присутствовать на курултае. Летом 1248 г. Бату направился в улус Гуюка, но получил известие, что Гуюк со своими войсками двинулся навстречу Бату. Было совершенно очевидно, что намерения у Гуюка недобрые. Однако Гуюк умер на расстоянии недели пути до лагеря Бату. Можно сомневаться в естественности его смерти.

Что касается Эльчидай-нойона, то он не мог быть уверен, что инструкции Гуюка остаются в силе. Безусловно, доброжелательное отношение Гуюка к христианству должно было вызывать недовольство со стороны так называемой тюрко-монгольской партии, члены которой все еще были устойчивы в своих традиционных верованиях.

После смерти Гуюка Монголию охватил тяжелый политический кризис. В этот период регентство приняла вдова Гуюка, которая не могла продолжать политику мужа на Переднем Востоке. И когда прибыли ко двору посланники Людовика IX с предложением сотрудничества, она потребовала от короля ежегодной дани. Когда 7-й крестовый поход закончился поражением, а сам Людовик был взят в плен мусульманами, согласно историку Жуанвиллю, «король очень сожалел о том, что некогда послал миссию».

В 1250 г. по поводу наследования трона обострились противоречия между потомками Джучи и Толуя, – с одной стороны, и потомками Чагатая и Угэдея – с другой. По всему было видно, что в этом противовесе верх берут Бату и Мункэ.

На курултае в июле 1251 г. Мункэ был провозглашен великим ханом, поскольку Бату

отказался от трона в пользу своего единомышленника.

Одним из первых шагов нового хана было уничтожение сторонников дома Чагатая и Угэдея. Переход от дома Угэдея к дому Толуя был, разумеется, государственным переворотом.

Мункэ был действительно талантливым и энергичным правителем. В его правление были предприняты два основных тюрко-монгольских наступления – на Переднем Востоке и в Южном Китае.

В связи с походом тюрко-монголов на Передний Восток Людовик IX вновь решил прийти к соглашению с ними.

Услышав о добром отношении Бату к христианам и обращении в эту веру его сына Сартака, король послал новую францисканскую миссию в Южную Русь. Один монах остался при дворе Сартака, другие продолжили свой путь в Монголию, ко двору Мункэ. Прибыв туда, они подчеркнули дружелюбие Бату и обращение Сартака в христианство. В этой связи Мункэ сделал торжественное заявление о своей полной согласии с Бату. «Подобно тому, как солнце посылает всюду свои лучи, моя власть и власть Бату простирается всюду» – так сказал Мункэ, согласно записям об этой миссии монаха Вильяма Рубрука.

Когда Людовик IX получил через свою миссию письмо Мункэ, он нашел там мало приемлемого для себя, поскольку великий хан в качестве основы будущего сотрудничества требовал его формального подчинения Монгольской империи.

В 1253 г. на очередном курултае было принято решение завершить войну в Китае, для чего был назначен царевич Хубилай, и освободить от мусульман Иерусалим, что было поручено царевичу Хулагу. В истории этот поход получил название «Желтый крестовый поход».

Выбор кандидатур для ответственных операций кажется удивительным. Христианские симпатии Хубилая ни для кого не были тайной, а его направили в страну, где господство над умами делили конфуцианцы, даосы и буддисты. Хулагу был открытым почитателем Майтреи, мистического направления буддизма (мессианская идея о пришествии «Будды будущего»), пользовавшегося особым покровительством монгольских ханов, а ему велели защищать христианскую веру! Можно думать, что Мункэ, тонкий и умный политик, дал эти назначения не случайно. Призрак отпадения окраин уже начал тревожить расширяющуюся монгольскую империю, и было крайне важно, чтобы контакт наместника с подданными не становился полным. Хан-иноверец всегда должен был искать поддержку у центральной власти, что очень и очень препятствовало его отпадению. Поэтому Хубилай для покорения Южно-Китайской империи получил кыпчакские и аланские войска, а Хулагу сопровождала свита из буддийских монахов-уйгуров, тибетцев и китайцев, связанных со своими родными странами и их повелителем великим ханом Мункэ.

Но, с другой стороны, были приняты меры к тому, чтобы предотвратить возможное поражение армии из-за недостаточного контакта с местным населением. Жена Хулагу, кераитка Докуз-хатун, была христианкой и покровительницей христиан. Начальник штаба найман Кит-Бука-нойон был ревностным несторианцем, и помощников он подобрал из единоверцев. Наконец, в союз с тюрко-монголами вступил царь Малой Армении Хетум I, который в 1253 г. лично прибыл в ставку Мункэ и просил хана рассмотреть семь статей договора о союзе. Эти статьи столь любопытны, что стоит их привести хотя бы в сокращении. Царь просил хана: 1) креститься со всем народом;

2) установить дружбу христиан и татар;

3) освободить духовенство от податей; 4) возратить Святую землю христианам; 5) покончить с багдадским халифом; 6) по необходимости всем татарским военачальникам без промедления оказывать ему помощь; 7) вернуть земли, ранее отнятые у армян мусульманами. Очевидно, хан отдавал себе отчет в трудности затеянного предприятия, потому согласился на условия армянского царя и тем обеспечил себе его активную помощь. Больше того, Хетум привлек к союзу с тюрко-монголами антиохийского князя Бозмунда.

Итак, основная армия Хулагу сформировалась в Монголии в 1253 г. Все было

предпринято для обеспечения успеха экспедиции. Четыре тысячи техников китайской армии были мобилизованы для обеспечения работы военных механизмов, предназначенных для метания камней, дротиков и горящей смолы на вражеские города. Фураж для кавалерийских лошадей и их пополнение собирались армией Хулагу на всем пути от Монголии до Ирана. Вперед были посланы инженеры для строительства или ремонта мостов над главными реками; огромные склады провианта и вина были созданы в Иране.

В сентябре 1255 г. Хулагу достиг Самарканда и в январе 1256 г. пересек Амударью с отборными войсками; в этом пункте его армия была укреплена несколькими подразделениями армии Кыпчакского ханства.

Первым деянием Хулагу в Иране было уничтожение исмаилитского государства (государство знаменитых «ассасинов» в Иране просуществовало с 1090 по 1256 г.). В течение года было уничтожено около сотни замков и крепостей сектантов, включая их оплот – Аламут. Большинство членов секты ассасинов было убито или попало в тюрьму, некоторые пошли на монгольскую службу. После подавления ассасинов Хулагу атаковал Багдадский халифат. В феврале 1258 г. Багдад был взят штурмом и разграблен, а халиф, последний из династии Аббасидов, взят в плен и казнен. Хотя весь суннитский мир ошеломила эта весть, шииты не могли не испытывать удовлетворения от крушения лидера «еретиков». Сокрушение Халифата открыло путь к дальнейшим завоеваниям.

Следующей целью Хулагу была Сирия, чьи монахи находились под сюзеренитетом султана Египта.

В 1259 г. Хулагу закончил приготовления для силового вторжения в Сирию. Услышав о кончине великого хана Мункэ, он понял, что его присутствие на курултае важнее, нежели сирийская кампания. Он решил двинуться в Монголию, взяв с собой свои лучшие войска, оставив только 20 тыс. воинов.

Руководство в сирийской кампании было поручено опытному полководцу Кит-Буканойону. Так же, как смерть Угэдея спасла Западную Европу, кончина Мункэ спасла Сирию. Это был еще один пример того, как тюрко-монгольская политика влияла на военные дела.

Султаны династии Айюбидов в Месопотамии и Сирии, несмотря на несомненную доблесть, стали жертвами монголо-христианского союза. Потомки доблестного Саладина, отбившего у крестоносцев Иерусалим в 1187 г. и отразившего Ричарда Львиное Сердце в 1192 г., обаравившиеся курды, не обладали способностями основателя династии и проводили время в междоусобных войнах, даже вступая в союзы с крестоносцами против единоверцев и родственников.

В этой войне проявилось большее, чем когда-либо, ожесточение, потому что тюрко-монголы стали практиковать издевательства при казни пленных, чего до тех пор не наблюдалось. Похоже на то, что они заимствовали некоторые малопочтенные обычаи своих ближневосточных союзников. Мусульманские мечети в Алеппо, Дамаске, Хаме, Хомсе, Баниясе горели, а христианские храмы украшались трофеями. Весна 1259 г. застала тюрко-монгольское войско у Газы. Казалось, что дни господства ислама сочтены.

С 1250 г. Египет управлялся новой династией – Мамлюками, – которая была основана предводителем мамлюкской гвардии бывшего султана; гвардия рекрутировалась из пленных-иностранцев, в основном кыпчакского происхождения. Новая династия дала Египту сильное правление, и, поскольку ожидалось упорное сопротивление султана тюрко-монголам, Хулагу должен был тщательно подготовиться перед решающим ударом. Поэтому после захвата Багдада в монгольских операциях на Переднем Востоке наступило затишье.

Итак, битва между «монголами» и «египтянами», разыгравшаяся в Галилее 3 сентября 1260 г., была, в действительности, дуэлью между двумя группами тюркских солдат. Тюрко-монголы потерпели сокрушительное поражение; сам Кит-Бука был взят в плен и казнен. Это поставило предел тюрко-монгольской экспансии на Переднем Востоке. Тюркские мамлюки не только отстояли Сирию и Египет, но и взяли реванш, окончательно

остановив тюрко-монгольскую военную кампанию на запад Старого Света. Битва в Галилее, как безусловная победа ислама, фактически обрекла на вымирание остатки государств, созданных западными крестоносцами в Палестине.

Попробуем разобраться в причинах поражения тюрко-монгольской армии. Египту было ясно, что только мамлюки могут спасти страну от тюрко-монголов, с которыми у мамлюков были личные счеты: они были в свое время захвачены тюрко-монголами в плен и проданы на невольничьих базарах. Покупка воспринималась ими почти как освобождение, и это было совершенно правильно. В Египте они попадали к своим землякам – кыпчакам, черкесам, туркменам, только проданным раньше и успевшим устроиться. Те оказывали прибывающим поддержку и вместе с ними проклинали тюрко-монголов, лишивших их родины и свободы. Но теперь, в 1259 г., тюрко-монголы опять грозили им, и мамлюки знали чем. В надвигавшейся схватке мамлюки имели несколько важных преимуществ. Богатый Египет как база наступления был ближе к Палестине, чем разоренный войной Иран.

На правом фланге наступавшей тюрко-монгольской армии располагалось Иерусалимское королевство, уже потерявшее святой город, но удерживавшее всю прибрежную полосу с сильными крепостями: Тиром, Сидоном и Акрой. Фактическая власть здесь принадлежала тамплиерам и иоаннитам, а контроль над морем – венецианцам и генуэзцам. В то время как вся Западная Европа радовалась победам восточных христиан и сравнивала Хулагу и Догуз-хатун с Константином и Еленой, крестоносные рыцари-монахи заявили, что «если придут монгольские черти, то они найдут на поле сражения слуг Христа готовыми к бою», а папский легат отлучил от церкви Боэмунда Антиохийского за союз с тюрко-монголами. Это была откровенная измена делу, которому они обещали служить.

Второе непредвиденное осложнение возникло в Грузии. До 1256 г. эта страна считалась улусом Золотой Орды, а после смерти Бату перешла в ведение ильхана Хулагу. Население Грузии выросло до 5 млн человек, т. е. почти сравнялось с населением тогдашней Руси.

Тюрко-монголы считали грузин своими естественными союзниками и поэтому не лишили их самоуправления. От Грузии требовались только уплата налогов (сами тюрко-монголы тоже платили подушную подать) и участие в войне с мусульманами, исконными врагами Грузии. И вот в 1259 г. грузины восстали! Это безумство стоило Грузии большой крови, а для христианского дела оказалось трагичным, так как монголы, вместо того чтобы опереться на грузинские войска, истратили свои резервы на разгром их в тот момент, когда в Палестине был дорог каждый человек, таким образом, выиграли от такого стечения обстоятельств только воинственные мамлюки.

Тем временем китайская кампания, которая началась в 1253 г., успешно развивалась под командованием другого брата Мункэ – Хубилая, наиболее способного из всех братьев. Монгольские вожди последовали смелому стратегическому плану, согласно которому сильная армейская группировка под личным предводительством Хубилая блокировала центр империи Сун. Пройдя через провинцию Шечван, войска Хубилая вошли в Юньнань, а к 1257 г. некоторые из подразделений дошли до Тонкина. Успех и растущая популярность Хубилая породили подозрения при дворе Мункэ. В 1257 г. Мункэ вызвал Хубилая в Каракорум и послал генерального инспектора в Южный Китай для расследования предполагаемых нарушений, совершенных администрацией Хубилая. Разрыв между двумя братьями казался неизбежным. Однако Хубилай мудро подчинился приказу Мункэ и вернулся в Монголию, оставив сына Субэтэя, Урьянгэдэя, командовать войсками в тонкинском регионе. Хотя великий хан был удовлетворен объяснениями своего брата, он все же решил лично принять верховное командование кампанией. Хубилаю было доверено командовать армейской группировкой, которая должна была осуществлять операции в Хэнани, Хэбэе и Анвее; Урьянгэдэй получил приказ двинуться на север от Тонкина для соединения с войсками Хубилая. Сам великий хан должен был закончить завоевание Сычуани. В целом все операции развивались успешно. Вскоре, однако, в Сычуани разразилась эпидемия дизентерии, которая нанесла большие потери войскам великого хана. Среди ее жертв был и сам Мункэ. Он умер в августе 1259 г.

Итак, большинство тюрко-монголов приняли лидерство Мункэ. Серия выдающихся военных успехов лишь увеличила его престиж, особенно после его кончины, равно как и престиж Хубилая и Хулагу.

Бату умер в 1255 г., великий хан Мункэ утвердил его наследником Сартака, который немедленно поссорился со своим дядей Берке, заявив ему: «Ты мусульманин, я же держусь веры христианской; видеть лицо мусульманское для меня несчастье». Царевич не ошибся: через несколько дней после своего опрометчивого заявления он был отравлен. Ханский престол перешел к его малолетнему сыну Улакчи, за которого правила его бабушка Баракчин-хатун, вдова Бату. Однако Улакчи скончался столь же быстро, как и его отец, а Баракчин, пытавшаяся в 1257 г. уехать в Иран, была схвачена и казнена. Ханом стал мусульманин Берке, учинивший резню несториан в Самарканде. Однако Берке не изменил политику Бату в отношении Александра Невского и русских земель. Обратимся к предыстории этой политики. С начала XIII в. католическая Европа начала крестовый поход против православных: греков и русских. В 1204 г. Константинополь был взят крестоносцами, основавшими на месте Византийской Латинскую империю. Латыши и эсты были покорены и обращены в крепостных. Та же участь ожидала Русь, но Александр Невский разбил крестоносцев в 1240 г. на Неве и в 1242 г. на Чудском озере и этим остановил первый натиск. Однако война продолжалась, и союзники Александру Невскому были нужны. Поэтому он побратался с сыном Бату, Сартаком, и получил тюрко-монгольские войска для борьбы с немцами. Союз не был разорван и после смерти Александра Невского.

И вот, когда на Русь явились чиновники великого хана, чтобы, переписав население, обложить его налогом, Берке позволил русскому князю организовать убийство этих чиновников, после чего Берке прекратил отсылать деньги, собираемые на Руси, в Монголию. Это означало, что фактический разрыв Золотой Орды с метрополией произошел.

Таким образом, по словам Л. Гумилева, возник симбиоз пришельцев и аборигенов, эпоха продуктивного сосуществования, продолжавшаяся до XIV в. За это время Русь успела окрепнуть, потому что Золотая Орда стала заслоном Руси с востока. Но об этом речь далее, а сейчас отметим, что поскольку отношения Бату с Мункэ были довольно дружелюбными, то следовало ожидать, что Берке останется лоялен по отношению к дому Толуя.

Предполагалось, что трон твердо обеспечен потомкам Толуя и что Хубилай, как старший из здравствующих сыновей Толуя, станет естественным кандидатом на императорский титул. Однако неожиданно появился другой кандидат, самый младший из братьев Хубилая – Ариг-Бука, встречные претензии которого породили раскол в доме Толуя и дали возможность князьям соперничающих домов бросить вызов власти потомков Толуя. В роли очигина Ариг-Бука жил в Каракоруме и должен был принять регентство после смерти Мункэ. Он превысил свои полномочия и, не дожидаясь прибытия Хубилая или Хулагу, созвал курултай, на котором присутствовали князья и родовые вожди, бывшие поблизости в Монголии. Среди них было несколько известных полководцев. Очевидным намерением Ариг-Буки было самому завладеть троном.

В Монгольской империи междуцарствие всегда вело к остановке всех дел и требовало личного присутствия чингисидов на курултае. Кроме того, Хулагу не ладил с Берке, мусульманином и врагом несторианской церкви. Поэтому ильхан срочно вернулся в Иран. Хубилай, получив известие о смерти Мункэ, заключил временное перемирие с династией Сун. Когда он достиг Пекина и услышал о намерениях Ариг-Буки, его силы были достаточны, чтобы утвердить свою власть.

Монголы в армии Хубилая составляли абсолютное меньшинство, но порядки были монгольские, и верность хану гарантировалась тем, что дезертировать в Китае было равносильно мучительному самоубийству. Благодаря такому стечению обстоятельств Хубилай стал самым сильным из всех монгольских принцев.

Первым контрдействием Хубилая стал созыв соперничающего курултая близ Долон-Нор в Северном Чихли. Это собрание посетили некоторые родственники Хубилая, а также сын Угэдея Кидан и внук младшего брата Чингисхана, Темуга-очигин. Этот курултай

вряд ли можно назвать законным, но таковым не был и курултай, собранный Ариг-Букой 6 мая 1260 г. Хубилай был провозглашен своим курултаем великим ханом; две недели спустя другой курултай избрал императором Ариг-Буку. В коренном юрте наступил период двоевластия. Все попытки Хубилая достичь компромисса потерпели фиаско, и между двумя братьями разразилась война. Последователи Ариг-Буки попытались перетянуть армии в Шечван и Ганьсу на его сторону, но были разбиты полководцами Хубилая. В следующем году армия Хубилая вторглась в Монголию. Вслед за этим Ариг-Бука отправился в Джунгарию и вступил в союз с Алугу, внуком Чагатая, которого Ариг-Бука признал ханом Мавераннахра. Хубилай использовал дипломатию вместо войны и преуспел, отколов Алугу от Ариг-Буки. Последний в итоге сдался. Хубилай объявил, что простил его, хотя сообщники его были арестованы (1264 г.). Несколько недель спустя стало известно, что Ариг-Бука скончался.

Что касается Хулагу, то быстрые действия Хубилая и Ариг-Буки по созыву каждым своего собственного курултая сделали невозможным его присутствие на каком-либо из них, вследствие большого расстояния между Ираном и Монголией. Хулагу заявил о своей полной поддержке Хубилая и вернулся в свою ставку в Иране, чтобы укрепить власть и организовать новую кампанию против мамлюков. Однако эти планы пришлось отложить из-за его столкновения с кыпчакским ханом Берке, но об этом в следующем разделе.

Остановимся на том, как развивались события на Переднем Востоке после убийства Кит-Буки и о потерянной цели Крестовых походов.

Дальнейшие события развивались подобно лавине, которую можно столкнуть или не столкнуть, но нельзя остановить. Агония Иерусалимского королевства длилась 31 год, до 18 мая 1291 г., когда последние крестоносцы покинули сирийский берег. Но последствия содеянного ими потянулись в прекрасную Францию, где тамплиеры стали жертвой лукавства тех, кого они искренне считали своими лучшими друзьями, – короля Франции и папы Римского. С 1307 по 1313 г. длился жуткий процесс над тамплиерами, обвиненными в поклонении Бафомету, поругании святынь и множестве других грехов, в которых они виновными себя не хотели признавать. Но помнили ли они в промежутках между пытками, прикованные к стенам французских застенков, что именно благодаря их ордену, деяниям их предшественников было уничтожено христианское наследие Сирии, убиты врагами пришедшие к ним на помощь союзники и благодаря всему тому навсегда потеряна цель Крестовых походов – Святая земля.

Таким же трагичным было положение тюрко-монголов в Иране. Идея основания христианского царства на Переднем Востоке была утрачена, так как населенные христианами земли попали в руки врага. Одновременно Бейбарс (мамлюкский султан) завел сношения со своими соплеменниками в Золотой Орде и склонил на свою сторону Берке. Между Хулагу и Берке давно назревала вражда из-за разных культурно-политических ориентаций. Еще около 1256 г., когда начался Желтый крестовый поход, как отмечал Тизенгаузен, Берке воскликнул: «Мы возвели Мункэ-хана на престол, а чем он нам воздает за это? Тем, что оплачивает нам злом против наших друзей, нарушает наши договоры... и домогается владений халифа, моего союзника... В этом есть нечто гнусное».

Однако согласно монгольской Ясе золотоордынские части сражались в войсках ильхана во время похода на Багдад и Дамаск. Но после поражения Кит-Буки Берке послал своим командирам предписание покинуть армию Хулагу и, если не удастся вернуться домой, уходить в Египет. Так те и поступили, умножив войска мамлюков (1261 г.). После этого война Золотой Орды и Ирана стала вопросом времени. Очевидно, не случайно в том же году Берке учредил православную епископию в Сарае. Друг мамлюков и враг несториан искал опоры в православной церкви и на Руси.

Переговоры между кузенами – Хулагу и Берке – длились много лет без особого результата. Наконец Берке двинул свою армию на Транскавказ; битва закончилась серьезным поражением войск Хулагу (1263–1264 гг.).

Хулагу умер в 1265 г., Берке – в 1266 г. Конфликт между ильханом (наследником

Хулагу) и кыпчакским ханом продолжался с неослабевающей силой, но, несмотря на это, как хулагуиды, так и джучиды признали Хубилая в качестве сюзерена. Оба посылали ему войска для завершения завоевания империи Сун.

Итак, Хубилай мог сохранить тюрко-монгольских воинов в новой кампании в Южном Китае, которая началась в 1267 г. Большинство его армии состояло из солдат, рекрутированных в Иране и Руси. Китайский полководец из Северного Китая был назначен главнокомандующим. В целом отношение Хубилая к Китаю отличалось от его предшественников. В 1264 г. он сделал Пекин своей столицей; в 1271 г., следуя китайскому стандарту, Хубилай дал своей династии новое имя – Юань. Он рассматривал Китай как наиболее ценную часть своих владений и постепенно оказался под влиянием китайской культуры, приняв буддизм как собственное вероисповедание.

Новая политика Хубилая также находила отражение и в его военных операциях. Он использовал все возможности для спасения китайцев от ужасов войны и обещал почетный мир каждому китайскому городу, который сдастся добровольно. Эта политика приносила плоды, и в 1276 г. монгольский полководец Байян захватил Ханижоу в Шеньяне, где искали убежища вдовствующая императрица и ее сын. Байян отослал их в Пекин, где мальчик-император по совету своей матери формально передал свои императорские права Хубилаю.

Последней битвой этой войны стало морское сражение в Кантонском заливе в 1279 г., неподалеку от впадения в Южно-Китайское море реки Чжуцзян. Тюрко-монголы потопили все до единого сунские корабли. Сунский принц прыгнул в море с малолетним императором династии Сун на руках. На прибрежных островах тюрко-монголы устроили облаву на оставшихся в живых. В 1279 г. весь Китай подчинился монгольскому императору.

Однако в тюрко-монгольском мире у Хулагу объявился соперник в лице внука Угэдея Кайду, который поставил своей целью объединение улуса Угэдея. К 1269 г. он был господином Мавераннахра и Кашгара, и его лидерство признавалось не только большинством родичей, но и некоторыми представителями дома Чагатая. В 1274 г. Кайду почувствовал себя достаточно сильным, чтобы заявить о независимости.

По словам Л. Гумилева, последним паладином монгольской воинской славы стал царевич Кайду.

В отличие от своего предшественника, Ариг-Буки Кайду был честолюбив и талантлив. Нет свидетельств, что он позволял манипулировать собою каким-либо группировкам, скорее, он использовал их в своих целях. Но ни один претендент не может побеждать без опоры, без особой настроенности масс. И Кайду не был исключением: он знал, где искать и как найти соратников. На берегах Итиля и склонах Тарбагатая жили монголы, оставшиеся верными старым обычаям и степному образу жизни. Они были антитезой солдат Хубилая, предававшихся войне и разгулу в побеждаемом Китае. «Без сомнения, – пишет Р. Груссе, – они были поражены переносом столицы в Китай и превращением ханства в империю». Эти перемены были им чужды и противны, и именно эту настроенность использовал Кайду, став вождем всех западных тюрко-монголов.

Объединив под своим знаменем всех монгольских князей и ханов Центральной Азии, Кайду начал в 1275 г. войну с Хубилаем и вел ее до самой смерти, наступившей в 1301 г. Война состояла не столько из крупных сражений, сколько из маневров, набегов и контрнабегов. Против своих сородичей Хубилай выставил кыпчакскую конницу, которая прекрасно воевала в степных условиях. Религиозная проблема при Кайду отошла на второй план, так как на его стороне кроме несториан были центральноазиатские мусульмане и последователи «черной веры» – иными словами, все защитники традиций империи Чингисхана. Они не одержали победы, но и не потерпели поражения.

Вслед за завоеванием Южного Китая Хубилай обратил особое внимание на периферийные государства. Дорога к Тибету была открыта для тюрко-монголов после разгрома царства Тангут Чингисханом в 1227 г. В ходе последующих войн с Китаем тюрко-монголы пересекли восточную часть Тибета и захватили некоторые из его провинций.

После своего обращения в буддизм Хубилай рассматривал себя как естественного защитника тибетских монахов и в 1261 г. назначил ламу Пагба Ханом Закона, дав ему духовную и светскую власть в Тибете. В ответ лама благословил династию Юань. Именно Пагба разработал новый монгольский алфавит, так называемую квадратную письменность, которая использовалась монголами в период Юань.

В экспедициях армии Хубилая в Аннам, Чамну, Камбоджу и Бирму в 1280 г. тюрко-монголы одержали сначала несколько побед, но их войска пострадали от дизентерии и иных тропических болезней; в целом, солдаты тюрко-монгольской армии не смогли приспособиться к влажному климату нового театра военных действий. Это в конце концов привело к поражению и отступлению тюрко-монголов. И все же правители индокитайских государств находились под сильным впечатлением от тюрко-монгольской мощи, и к 1288 г. многие из них признали сюзеренитет Хубилая.

Две попытки завоевать Японию, в 1274 и 1281 гг., выявили, что тюрко-монголы не имели силы на море. Хубилай собрал в северокитайских и корейских портах огромную флотилию, чтобы перевезти экспедиционный корпус в Хакату на остров Кюсю. Высадка армии произошла по плану, но вскоре после этого тюрко-монгольские корабли были уничтожены или разбросаны по морю тайфуном. Отрезанная от своих баз, армия была окружена и разбита японцами. После этого несчастья Хубилай оставил идею подчинения Японии.

Отношение Хубилая к Западу отличалось от взглядов его предшественников столь же радикально, сколь не походила на предыдущую его политика по отношению к Китаю. Он был поглощен созданием собственной Китайской империи и поддержанием контроля над тюрко-монгольскими князьями, посему оставил идею покорения Европы. Он был наиболее могущественным властителем в мире; большая часть Азии, равно как и восточная часть Европы, признали его высшую власть. У него не было побудительного мотива расширять свою империю далее на запад; если бы это и дало какие-либо преимущества, то они в большей степени касались бы интересов местных ханов, а не империи. Кроме того, Хубилай был достаточным реалистом, чтобы признать, что если европейские правители и согласились бы сотрудничать с тюрко-монголами на Переднем Востоке, то сделали бы это только как союзники, а не как его подданные. Несмотря на свое обращение в буддизм, он также питал искреннее уважение к христианству. Несторианская церковь имела полную свободу в его империи, и он был готов допустить в свои владения и Римскую католическую церковь.

С политической точки зрения соглашение с христианами было в особенности важно для монгольского ханства в Иране, поскольку его правители в качестве ильханов были готовы продолжать свою борьбу с Египтом.

Одним словом, Хубилай довольно тесно поддерживал контакты с Западом. Так, он отправил миссию к папе с просьбой о посылке в Китай сотни христианских ученых и техников, чтобы дать представление его подданным о западном образе жизни и религии.

Марко Поло провел семнадцать лет при дворе Хубилая (1275–1292 гг.), ему была доверена важная дипломатическая миссия на Дальнем Востоке, он выполнял и различные административные задачи. Его успех в Китае стал важным фактором благосклонности Хубилая к Западу.

Хубилай заявлял, что при наличии достаточного количества образованных священников с Запада готов сам обратиться в христианство вместе со своим народом. Казалось бы, папскому престолу надо было ухватиться за такое предложение, но активная пропаганда католицизма началась в Китае только в 1295 г., когда в Пекин прибыл Джованни Монтекорвино, францисканский монах и будущий архиепископ Китая.

А за эти три десятка лет, с 1260 по 1290 г., карта западной окраины Евразийского континента изменилась до неузнаваемости. Святая земля попала в руки мамлюков, за исключением крепости Акра, но и ее дни были сочтены. На месте Латинской империи гордо высилась обновленная Византия. В Италии, после довольно больших успехов гибеллинов, захвативших Ломбардию и Тоскану, Карл Анжуйский овладел Сицилийским королевством.

Последние Гогенштауфены погибли либо в бою (Манфред), либо на плахе (Конрадин), но и победители-французы приняли жестокую смерть под звон колоколов «Сицилийской вечерни» (30 марта 1282 г.). Вмешательство Арагона затянуло войну в Италии до 1287 г., когда было заключено кратковременное перемирие.

По сути дела, миссия запоздала: ко времени, когда Монтекорвино наконец достиг Пекина (1294 г.), Хубилай умер.

Хубилай был достойным потомком Чингисхана.

Внутренние реформы Хубилая были не менее значимы, нежели его военная и дипломатическая деятельность. По мнению Ф. Краузе, административная система, основанная Хубилаем, была лучшей среди когда-либо существовавших в Китае.

Образовательные и финансовые институты следовали старому китайскому типу. Когда тюрко-монголы завоевали Китай, они познакомились с бумажными деньгами, Хубилай сделал их официальной валютой империи. В 1282 г. был выпущен важный закон относительно печатания бумажных купюр, их соотношению к золоту и серебру и изъятию из обращения испорченных купюр. Пятью годами позже появились новые инструкции, регламентирующие обменный курс бумажных денег на золото и серебро. Подобно своим предшественникам, Хубилай уделял большое внимание безопасности и улучшению дорог, а также развитию водных путей.

Еще при жизни Хубилая назревала реформа права наследования. Следуя китайскому типу властвования, Хубилай сократил право наследования до своих прямых потомков мужского пола. Отныне, до конца династии Юань, лишь потомки Хубилая рассматривались как достойные трона. Однако в большинстве случаев утверждение курултаем нового императора считалось необходимым.

Старший сын Хубилая был провозглашен законным наследником трона. Поскольку он не пережил своего отца, его сын и внук Хубилая Тимур (его монгольским храмовым именем было Олджайту, а китайским почетным титулом – Чьен-Цун) был провозглашен в 1293 г. наследником.

В правление Тимура (1294–1307 гг.) большинство государственных дел, оставленных незаконченными Хубилаем, были более или менее удовлетворительно завершены. Цари Камбоджи и Бирмы поклялись в верности императору (1296–1297 гг.). Держась подальше от вовлечения в проблемы Тихоокеанского побережья, Тимур уделял большое внимание тюрко-монгольским делам. Его войска сражались во многих битвах в 1297–1298 гг. с Кайду и его союзниками. Военные походы осложнялись дипломатическими действиями и контрдействиями, постоянно меняющейся комбинацией князей, персональным соперничеством и предательствами. В целом Кайду постепенно терял почву. Он, однако, воспользовался затишьем и в 1301 г. предпринял решающую попытку захватить Каракорум. Но был разбит и умер в том же году. Оставшись без лидера, сыновья Кайду и многие другие князья домов Угэдея и Чагатая согласились признать сюзеренитет Тимура и улаживать все будущие конфликты между собой переговорами, а не войнами (1303 г.). Это важное соглашение было довершено участием в нем персидского ильхана. После смерти в 1304 г. ильхана Газана Тимур послал большое посольство в Иран, чтобы утвердить в качестве нового ильхана брата Газана Ульчжайту и проинформировать его об умиротворении Центральной Азии. Хан Золотой Орды Тохта также поддержал новое соглашение. Характерно, что он в свою очередь собрал своих вассалов, русских князей, на съезд в Переяславле Суздальском, где его посланник огласил решение, принятое ведущими тюрко-монгольскими властителями. Успех политики Тимура был, конечно, впечатляющим, и Монгольская империя, можно сказать, достигла апогея своего могущества в период его правления. Все это привело к восстановлению единства империи в новой форме панмонгольской федерации во главе с великим ханом Пекина.

В своей внутренней политике, равно как и в отношении к Западу, Тимур следовал традициям Хубилая. Когда Джованни Монтекорвино в конечном итоге достиг Пекина (1295 г.), он встретил благосклонный прием и получил позволение проповедовать

христианство и организовать диоцез католической церкви.

Что касается Западной Европы, то обруч догмы и философы лопнул под давлением этнокультурного развития, толкавшего романо-германские народы на путь обособления. Если в XI в. они еще считали греков братьями по религии и только удивлялись, до чего же эти братья непохожи на них самих, если в XII в. они ждали прихода восточных христиан как естественных союзников, то в XIII в. все иллюзии исчезли, и народы, не объединенные папской тиарой, для европейцев стали чужими – язычниками и, хуже того, еретиками. По мнению Л. Гумилева, «под этой эквилибристикой богословскими терминами крылся глубокий этнологический смысл: европейцы выделили себя из остального человечества и противопоставили себя ему, как это некогда сделали арабы и китайцы, а в древности эллины, иудеи, персы и египтяне. Следовательно, тут мы наблюдаем единый для всех эпох и стран процесс этногенеза. А раз так, то мы не имеем права рассматривать эти события ни как случайные совпадения, ни как политический заговор европейцев против азиатов, а должны их рассматривать как естественно протекавший процесс или закономерность этнической истории человечества в ту жестокую эпоху, когда наступило время кристаллизации народов, живущих и действующих поныне».

В Иране ильханы Газан (1295–1304 гг.) и Ульчжайту (1304–1316 гг.) желали находиться в контакте с Западом, хотя первый из них стал мусульманином в начале своего правления, а второй, изначально христианин, был обращен в ислам в середине своего правления (1307 г.). Ульчжайту разрешил папской миссии продолжать свою работу на Востоке. В 1300 г. король Якоб II предложил Газану военную помощь против Египта, что, однако, не имело практических последствий. После панмонгольского соглашения 1303–1305 гг. Ульчжайту полагал необходимым объявить о новом курсе монгольской политики как для Египта, так и для Западной Европы и призывал мусульманских и христианских правителей установить мирные отношения между всеми нациями в мире. Значение этого обращения не было достаточно понято на Западе. Король Эдуард II Английский в своем ответе просил Ульчжайту «освободить» Палестину от мусульман (1307 г.).

С политической точки зрения эти переговоры оказались столь же бесполезными, как и все, ранее происходившие.

Восемь императоров правили в течение двадцати шести лет между смертью Тимура (1307 г.) и приходом на трон последнего императора династии Юань Тоган-Тимура (1333 г.). Правление большинства из них было коротким. В отсутствие войн с зарубежными державами и завоеваний в этот период внимание большинства хронистов привлекали в основном дворцовые интриги и личное соперничество вокруг трона. Поэтому в исторической литературе присутствовали, до недавнего времени, односторонние характеристики этого периода – т. е. всего произошедшего между смертью Хубилая и падением в 1368 г. династии Юань – как упадочного и застойного. И все же обратимся к общей политике императорского правительства этого периода.

Тимур старался уделять особое внимание положению дел в собственно монгольских кочевьях. Там к концу XIII в. весьма осложнилась ситуация из-за длительной полосы феодальных смут. Особенно тяжелые условия создались в центральных областях страны, в районе Каракорума. Сильно сократилось поголовье скота, так как главная рабочая сила, занятая на пастыбе скота и охранявшая стада, значительно уменьшилась из-за потерь во время войн и вооруженных конфликтов. Видимо, среди монголов стало расти недовольство условиями жизни, поэтому Тимур и его преемники предпринимали ряд мер к поднятию благосостояния монгольских кочевий. Так, Тимур направлял в Монголию в больших количествах товары и бумажные деньги.

Преемник Тимура, Хайсан-Хулуг (1307–1311 гг.), продолжил ту же политику. В делах управления Монголией при нем большую роль играл нойон Харахасун. Его послали в Монголию для наведения порядка и спокойствия. По сведениям китайских источников, Харахасун скупал крупный рогатый скот и лошадей на бумажные деньги и шелковые ткани и

раздавал скот разоренным монголам, налаживал сообщение по казенным трактам, восстанавливал заброшенные оросительные каналы, стремился развивать земледелие, поддерживал охотничий и другие промыслы. В результате этих мер, как сообщает «История династии Юань», на северной территории были водворены порядок и спокойствие.

При хане Аюрбарибаде (1311–1320 гг.) население Монголии было освобождено на два года от налогов и повинностей. Кроме того, по свидетельству источников, «по его указу народу Монголии были розданы верблюды, лошади, коровы и овцы, чтобы народ успокоился, пасты (свой) скот». Аюрбарибад производил впечатление весьма одаренного правителя, окруженного группой выдающихся государственных деятелей. Последовательность его администрации была четко продемонстрирована, когда хан Центральной Азии Есен-Бука, потомок Чагатая, восстал против империи в 1316 г.

Следует отметить, что Есен-Бука попытался получить помощь Узбека, хана Золотой Орды, в своих предприятиях. Согласно так называемому «Продолжению анналов Рашид-ад-Дина», Есен-Бука отправил посланника к Узбеку, чтобы проинформировать его, что Аюрбарибад намеревается устранить хана Узбека с трона и заменить его другим джучидским князем. Получив информацию, Узбек был вначале очень раздосадован и думал о присоединении к восстанию, но советники сумели убедить его, что не следует доверять Есен-Буке. Поэтому хан Узбек остался верен Аюрбарибаду. Императорские армии быстро подавили восстание и после разгрома сил Есен-Буки достигли на западе озера Иссык-Куль. Победа императорских сил стала решающей, и после этого со стороны князей Центральной Азии не было более попыток противостояния великому хану вплоть до крушения империи.

В каждое правительственное учреждение Аюрбарибад назначил столько же китайских чиновников, сколько монголов, тюрков и проч.

Пытаясь положить конец дворцовым интригам, другим декретом он освободил монастыри и иные религиозные учреждения, включая христианские, от налогов и повинностей. Аюрбарибад считался покровителем искусств и наук. При его дворе встречались ученые из Самарканда, Бухары, Ирана, Аравии и Византии. В его правление новый импульс получила законотворческая работа, которая началась при Хубилае и медленно прогрессировала при его непосредственных преемниках.

К середине XIV в. экономика империи Юань пришла в упадок. Политика властей особенно разрушительно воздействовала на жизнь городов и на сельское хозяйство Северного Китая. Стихийные бедствия, разливы рек, изменение русла Хуанхэ, затопление обширных равнин сокращали посевные площади и вели к гибели и разорению земледельцев. Городские рынки закрылись. Казна компенсировала сокращение натуральных поступлений новыми выпусками бумажных денег, что вело к банкротству ремесленников, торговых компаний и ростовщиков. Обстановка в стране чрезвычайно накалилась. Народные выступления особенно участились в 30-х годах XIV в.

Среди тайных религиозных учений разных толков и направлений была Майтрейя, а также учение о «свете» манихейского толка. Тайное «Общество белого лотоса» буддийского толка пополнило свои религиозные догмы призывами к борьбе с захватчиками и формировало крестьянские отряды – «красные войска» (красный цвет был символом Майтрейи).

Итак, после правления Аюрбарибада трон наследовал его сын – Геген, который вскоре после этого был убит в результате дворцовой интриги. Сторонники соперничающего крыла потомков Хубилая воспользовались этим для того, чтобы посадить на трон своего кандидата – Йесун-Тимура, который был в это время в Каракоруме. Йесун-Тимур правил пять лет (1323–1328 гг.).

У оппозиции не было шанса действовать, пока Йесун-Тимур здравствовал и прочно владел тронем. Однако когда он умер, оппозиция стала открытой, и ее лидеры отказались признать сына Йесуна в качестве императора. Они поддержали вместо него сына Хулугу как имевшего право на трон. Последовала короткая, но жестокая гражданская война, закончившаяся победой революционеров. Старший сын Хулуга был провозглашен

императором. Он умер через несколько дней, предположительно отравленный противоположной партией. Его брат Туг-Тимур (1329–1332 гг.) наследовал ему.

Туг-Тимур «глубоко симпатизировал и интересовался китайской культурой. Сам он писал китайские стихи, упражнялся в китайской каллиграфии и создавал картины в китайском традиционном стиле».

В это время Совет ученых Пекина подготовил общую карту Монгольской империи. Карта – свидетельство интереса пекинского правительства к императорским отношениям и его осознания единства империи. Обзор законов также подчеркивает серьезность цели и добрые намерения правительства во внутренних делах. В целом представляется, что империя этого периода была управляема добросовестными государственными деятелями, наделенными определенной широтой видения.

В этот период существовала оживленная торговля между Китаем и Золотой Ордой. Согласно Аль-Умари и Ибн-Батуте, который посетил Сарай около 1332 г., множество китайских вещей можно было купить на базарах столицы Золотой Орды. Говорили, что итальянскому или венгерскому купцу не надо ехать в Китай за китайским шелком, он мог свободно получить его в Сарае.

Присутствие сильного соединения русских войск в Китае было другим аспектом тесного сотрудничества Золотой Орды с великим ханом в этот период. Следует вспомнить, что кыпчакские, аланские и русские контингенты составляли часть армий Хубилая.

Был создан специальный русский тумен (по-русски – тьма) в 1330 г. Согласно «Истории династии Юань», ее командир (по-русски – темник) получил титул «капитан десяти тысячного соединения Охранников Жизни». Он рассматривался как офицер третьего ранга, согласно императорской системе рангов, и был прямо подчинен Тайному Государственному совету. Для создания военной колонии русского тумена были отведены земли к северу от Пекина. Русских снабжали одеждой, быками, сельхозорудиями и семенами. Они должны были доставлять к императорскому столу всякий вид дичи и рыбы, водившейся в лесах, реках и озерах местности, где была расположена их колония.

После смерти Туг-Тимура императором был провозглашен его семилетний племянник, но он умер через несколько месяцев, и его сменил старший брат – Тоган-Тимур (1333–1368 гг.). Именно в период правления Тоган-Тимура антимонгольское движение обрело классовую направленность – свержение династии Юань и восстановление власти империи Сун. «Общество белого лотоса» выдвинуло идею воссоздания Китайского государства. Восстание «красных войск» охватило почти весь север Китая. Повстанцы заняли Кайфын, Датун и другие крупные города, достигли Великой Китайской стены, приблизились к столице. Правительственные войска терпели поражение. В 1351 г. восстания охватили и центр Китая, где также проповедовалось пришествие Майтрейи. Восставшие действовали против юаньских властей, совершая удачные походы по долине Янцзы. В провинции Аньхой восставших возглавил Чжу Юаньчжан – сын крестьянина, в прошлом бродячий монах. В 1355 г. «красные войска» признали его претендентом на сунский престол.

Антимонгольское движение в Китае продолжало крепнуть. Чжу Юаньчжан обосновался в Нанкине. В 1368 г. он нанес поражение тюрко-монгольской армии к востоку от Пекина и с триумфом вошел в столицу. Многие родовые вожди в Монголии восстали против Тоган-Тимура. Если последний казался китайцам слишком монголом, то для старомонгольской партии он был слишком китайцем. Тоган-Тимур бежал в пустыню Гоби, где и умер в 1369 г. Его сыновья и остатки армии отступили в Монголию. Тем временем в Пекине Чжу Юаньчжан провозгласил себя императором. Основанная им династия стала известна как Мин. В течение следующих двадцати лет он продолжал завоевывать и объединять китайские территории.

Несмотря на то что тюрко-монгольская династия получила китайское название Юань, использовала китайский язык при управлении многомиллионным населением областей южнее Великой стены и даже продолжала некоторые традиции китайской внешней политики (стремление к подчинению Индокитая, начавшееся еще в эпоху Цинь, т. е. в III в. до н. э.),

тюрко-монголы не слились с китайцами и не образовали единого народа. Их разделила не только кровь, пролитая в боях, но и глубокая этнопсихологическая рознь, активное нежелание стать похожими друг на друга.

Следует поставить империю Юань в одном ряду с чжурчжэньской Цзинь и тобасской Вэй. Даже причины и характер гибели их аналогичны, что указывает на наличие исторической закономерности.

Итак, империя Чингисхана во многом опередила свое время, как по системе организации военно-административного аппарата, этой несущей конструкции данного государства, так и по размаху своих владений. Однако времена единства уже позади, и государства, выросшие из улусов Джучи, Чагатая и Хулагу, будут жить своей отдельной политической жизнью и развиваться в рамках своей собственной модели. Дороги государств, частей бывшей державы Чингисхана, и унаследовавших их династий чингисидов разойдутся все дальше и дальше. Судьбы тюрко-монгольских завоевателей и их династий сложатся по-разному – сначала улус Чагатая будет поделен на мелкие владения между его потомками и соседними улусами (Джучи и Хулагу), потом падут хулагуиды в Иране и Закавказье, затем национальная китайская династия Мин сменит в Китае тюрко-монгольскую Юань, последним монгольским ханам которой останется править только коренным юртом – Монголией и еще несколько десятилетий вести войну с китайцами, а улус Джучи вообще претерпит ошеломляющие перемены. Таким образом, империя Чингисхана через 60 лет распалась на государства, которые или трансформируются под воздействием культурных традиций народов, завоеванных тюрко-монголами, приняв их модели государственного развития, или погибнут, не приспособившись к изменениям.

Чагатайское ханство

Рассмотрим Туркестан под властью дома Чагатая. Остановимся подробнее на истории Чагатайского ханства, поскольку именно территории этого ханства станут в последующем ядром Великой Тюркской империи Амира Темура, именно земли Мавераннахра будут колыбелью высокого Ренессанса тюркской культуры.

Как было сказано выше, Чагатай получил в наследство бассейн Иссык-Куля, реки Или к юго-востоку от озера Балхаш и степные районы на реках Чу и Талас. Его зимний и летний лагеря находились в долине Или. Был и второй лагерь под Алмалыком. Ему подчинялись Кашгария и Мавераннахр. Однако следует отметить, что Уйгурия, страна уйгуров Бешбалыка (Ку-Ченг), Турфана (Кара-Ходжа) и Куча, которая начиная с 1260 г. оказалась под непосредственной властью чагатаидов, до этого подчинялась великим ханам Каракорума. Кстати, некоторое время мавераннахрские города Бухара и Самарканд также управлялись из Каракорума, ставки великого хана.

Ханство Чагатая – это бывшее царство каракитайских гурханов, в котором монгольское владычество над тюркской страной привело к образованию царства Туркестан. Однако так же, как в свое время гурханы, а еще раньше, в VII в., ханы западных тюрков, чагатаиды не собирались превращать свое владычество в настоящее государство по понятиям китайцев и персов. Для этого у них не было исторических предпосылок. В Китае и Иране их сородичи из дома Хубилая или дома Хулагу встретились с тысячелетними традициями цивилизованных империй, со славным прошлым административных основ яменов и диванов и использовали это наследие. Здесь они становились «сыновьями Неба» и султанами. Они идентифицировали себя с древними государствами в их географических, исторических и культурных границах. Но ничего подобного не произошло с сыновьями Чагатая. Центром их царства с нечеткими контурами оставались не столичные города, а степные просторы. Им не приходило в голову обосноваться в Кашгаре или Хотане, в оазисах Тарима, а замкнутое пространство садов было слишком тесным для их стад и конницы; тем более они не поселились среди таджиков и тюрков Бухары и Самарканда, в этих плотнонаселенных городах, где мусульманский фанатизм и кипучая социальная жизнь претили их духу

кочевничества. Намного дольше, чем их родичи в других улусах, они совершенно не воспринимали городскую жизнь, ее преимущества и ее удобства. Так, Бурак-хан, не задумываясь, приказал разграбить и Бухару, и Самарканд – подумать только: разграбить свои собственные города! – просто для того, чтобы собрать припасы для армии. Дело не в том, что они сопротивлялись окружающей среде в большей степени, чем хубилаиды, ставшие китайцами, или хулагуиды, превратившиеся в персов. Они жили в тюркской стране, они тюркизировались до такой степени, что их именем стали называть местный язык – чагатайский тюркский.

Между буддийско-нехристианской культурой уйгуров Бешбалыка и арабо-персидской культурой Бухары и Самарканда дом Чагатая оставался как бы на перепутье, не зная, что выбрать. Конечно, в самом начале он, как раньше и сам Чингисхан, подвергся уйгурскому влиянию, влиянию старых тюрко-монголов, приверженцев Будды или нехристианского креста. Затем чагатаиды исламизировались, но чисто по-монгольски, без фанатизма, без литературной основы, и правоверные мусульмане Самарканда считали их наполовину язычниками, а кампании Амира Темура на их земли принимали характер священной исламской войны.

Чагатай, основатель ханства, управлявший им с 1227 по 1242 г., представлял собой тип старого монгола. Чингисхан воспитал его в духе Ясы, соблюдения кодекса и дисциплины; он всю свою жизнь следил за соблюдением монгольских законов. Однажды он обогнал верхом своего младшего брата Угэдея, когда тот был уже великим ханом, на следующий день он попросил у него прощения за свой проступок. У него не было ни тени зависти к брату, потому что так решил отец. По тем же причинам, царствуя над мусульманским населением, он довольно враждебно относился к исламу, потому что омовение и способ забоя скота, согласно предписаниям Корана, противоречили монгольским обычаям. Тем не менее один из его министров был мусульманином. Впрочем, и Чингисхан поручал администрацию и сбор налогов в мавераннахрских городах, в Бухаре, Самарканде и т. д. тоже мусульманину Махмуду Ялавачу. Чагатай сначала снял Махмуда, но поскольку тот подчинился непосредственно Угэдею, тогдашнему великому хану, он признал свою оплошность и восстановил Ялавача на прежнем посту. После Махмуда его сын, Масуд Ялавач, продолжал управлять от имени великого хана городами Мавераннахра, а также, по мнению Бартольда, и остальными «цивилизованными провинциями» Чагатая вплоть до китайской границы. В таком качестве Масуд участвовал в курултае 1246 г., где были подтверждены его полномочия. В 1238–1239 гг. в Бухаре началось мусульманское народное движение, направленное одновременно против правящих классов и против монгольской администрации. Масуд подавил его и в то же время сумел уберечь город от монгольских репрессий.

После смерти Чагатая (1242 г.), судя по дворцовым драмам в течение десятилетия, можно предположить, что улус Чагатая в те годы не имел полной автономии и зависел от Каракорумского двора и от происходивших там семейных интриг. В сущности, это было просто вице-королевство, тесно связанное с центральной властью, несмотря на его право старшинства по отношению к домам Угэдея и Толуя.

С 1252 по 1261 г. правила ханством Чагатая Органа – очень красивая, мудрая и осторожная принцесса.

Однако затем ханство вновь оказалось жертвой борьбы, которая происходила в Монголии за верховную власть между тогдашним ханом Хубилаем и его братом Ариг-Букой, о чем говорилось выше. Ариг-Бука назначил правителем Чагатайского ханства внука Чагатая, принца Алугу, сына Байдара, поручив ему охранять границу по Амударье, чтобы помешать персидскому хану Хулагу послать подкрепление Хубилаю. Алугу отправился в Бешбалык, взял власть у принцессы Органы и получил признание от Алмалыка до Амударьи.

Его царствование продолжалось с 1261 по 1266 г., но его политика была совсем не такой, какую ожидал Ариг-Бука.

В разгар борьбы между Хубилаем и Ариг-Букой Алугу в первый раз в истории улуса

повел себя как суверенный хан. Его сюзерен Ариг-Бука послал к нему сборщиков налогов, оружия и скота. Алугу казнил посланцев Ариг-Буки и объявил о своей поддержке Хубилая (1262 г.). Ариг-Бука пришел в ярость и двинулся на улус Чагатая. Первую победу Алугу одержал, разгромив неприятельский авангард у Пулада, однако победа вскружила ему голову, и он допустил ошибку: распустил свои войска и спокойно вернулся в свою резиденцию на Или. В это время подошел другой генерал тюрко-монголов с новой армией и захватил бассейн Или, занял Алмалык и заставил Алугу бежать. Затем Ариг-Бука сам перезимовал в Алмалыке, центре улуса Чагатая, а Алугу отошел в Самарканд (1262–1263 гг.). Ариг-Бука обошелся с богатым бассейном Или с такой жестокостью, разорив страну и перебив всех сторонников своего врага, что там начался голод. Из-за чего его же покинули собственные войска. Такое положение побудило Ариг-Буку к заключению мира с Алугу. Принцесса Органа прибыла в улус протестовать против разрушения ханства Чагатая. Тогда Ариг-Бука поручил ей и Масуду Ялавачу отвезти предложение о мире в Самарканд, где находился Алугу. Но там произошло неожиданное: когда посланники появились в Самарканде, Алугу женился на Органе, а Масуда Ялавача сделал министром финансов. Приобретение Масуда было для него бесценным подарком судьбы. Этот талантливый администратор сумел впоследствии взять в Бухаре и Самарканде солидную контрибуцию, которая позволила Алугу и Органе набрать большую армию. Таким образом, Алугу отразил нападение принца Кайду, внука Угэдея, который двигался из Имиля, своей вотчины. Что касается Ариг-Буки, то он, лишенный средств, атакуемый с запада войсками Алугу, с востока – великим ханом Хубилаем, был вынужден отдать себя в руки последнего (1264 г.).

В результате этих событий Чагатайское ханство, если не юридически, то хотя бы фактически, избавилось от опеки великих ханов. Масуд Ялавач, который раньше управлял Бухарой и Самаркандом от имени великих ханов, стал собирать там налоги в пользу Алугу. Последний расширил свое ханство во время войны с кыпчакским ханом Берке, отобрав у него Отрар, полностью разрушив его и Хорезм.

После смерти Алугу (1265 г.) его вдова Органа посадила на трон своего сына от первого брака с Кара-Хулагу (внуком Чагатая) по имени Мобарек, который первым из дома Чагатаев обратился в ислам под влиянием мавераннахрцев. Но другой чагатаид, Бурак, внук Мутугена, получил от великого хана Хубилая ярлык, которым он назначался вторым регентом наряду со своим двоюродным братом Мобареком. Прибыв на берега Или, Бурак привлек на свою сторону войска, схватил Мобарека в Ходженде (1266 г.), отобрал у него трон и дал ему малозначимую должность. Несмотря на то, что он до этого поссорился с великим ханом, Хубилай назначил одного из его людей, Моголтая, губернатором «китайского» Туркестана. Бурак изгнал этого чиновника и заменил его своим человеком. Хубилай послал 6 тыс. всадников, чтобы восстановить снятого губернатора, но Бурак выставил 30 тыс. солдат, которые заставили конницу великого хана уйти без боя. Кроме того, Бурак разрешил своим войскам разграбить Хотан, поддерживавший Хубилая.

Бураку меньше повезло в войне против Кайду. Последний, будучи главой дома Угэдея, царствовал на Имиле и претендовал, в противовес Хубилаю, на титул великого хана и сюзерена над остальными чингисидскими улусами. Он начал с того, что потребовал повиновения Бурака и атаковал его. В первом сражении на берегу Амударьи Бурак заманил противника в засаду и взял много пленных и большую добычу. Но Кайду получил помощь от кыпчакского хана Менгу-Тимура, который послал против Бурака пятидесятитысячное войско под командованием принца Беркеджара. Бурак, потерпев поражение, отошел в Мавераннахр, где посредством новых поборов с жителей Бухары и Самарканда пополнил и перевооружил свою армию. Он готовился к последней схватке, когда Кайду предложил ему заключить мир. Кайду действительно хотел развязать себе руки в Монголии в борьбе против Хубилая и был согласен оставить Мавераннахр Бураку при условии, что тот уйдет из Или и Туркестана и, кроме того, признает себя его вассалом. Большой примирительный курултай собрался в степи Катвана, к северу от Самарканда, в 1267 г. (по данным Вассафа) или на

Таласе весной 1269 г. (по сведениям Рашид-ад-Дина). Кстати, на Таласе находилась постоянная резиденция Кайду после его победы над чагатаидами.

Так в Центральной Азии была создана империя, полностью независимая от великого хана Хубилая, но под протекторатом Кайду. Все принцы согласились считать себя братьями по крови, договорились защищать собственность сельского и городского населения, использовать в качестве пастбищ степные и горные районы и держать стада кочевников дальше от возделываемых полей. Две трети Мавераннахра переходили к Бураку, но и на этой территории администрация земледельческих районов была доверена губернатору Масуду Ялавачу, которого назначил Кайду.

Чтобы удалить Бурака из Восточного Туркестана, Кайду, ставший его сюзереном, подтолкнул его к завоеванию Иранского ханства, т. е. дома Хулагу, в лице ильхана Абага, сына и наследника последнего. Бурак снова, несмотря на предостережения Масуда Ялавача, обложил податью жителей Бухары и Самарканда и по сути ограбил эти два города. Затем он перешел Амударью и стал лагерем около Мерва со своим штабом, в который входили принцы-чингисиды, его двоюродные братья – Никпай Огул, Мобарек, Бури и т. д. Первой его задачей было завоевание Афганистана, на который он претендовал в связи с гибелью своего дяди Мутугена при взятии Балшана в 1221 г.

Кампания началась удачно. Под Гератом Бурак разгромил принца Бучина, брата Абаги и правителя Хорасана. Он захватил большую часть провинции (в мае 1270 г.), разграбил Нишапур и заставил малика Герата прийти к нему на поклон и заплатить дань. Но персидский ильхан Абага, выступивший из Азербайджана, заманил его в ловушку около Герата и нанес ему сокрушительное поражение 22 июля 1270 г. Бурак вернулся в Мавераннахр с остатками своей армии. После тяжелого падения с лошади он провел зиму в Бухаре, где принял ислам.

Однако поражение Бурака вызвало разочарование принцев, его родственников и вассалов. Тогда он отправился в Ташкент просить помощи у своего сюзерена Кайду. Тот выступил с двадцатитысячным войском – не столько помочь ему, сколько воспользоваться его тяжелым положением. Бурак «умер от страха», как сообщают историки, или был тайно умерщвлен людьми Кайду (август 1271 г.).

После смерти Бурака четверо его сыновей объединились с двумя сыновьями Алугу, чтобы изгнать из Мавераннахра войска Кайду, но потерпели одно поражение за другим. Тем самым они разорвали мавераннахрские города, которые начинали расцветать под мудрым управлением Масуда Ялавача. В результате Кайду отдал Мавераннахр не кому-нибудь из них, а другому чагатаиду – Никпаю Огулу (1271 г.); позже Огул пытался сбросить власть Кайду, но тот приказал убить его и назначил ханом Туга-Тимура, принца из того же дома, внука Бури (1272 г.?). После смерти Туга-Тимура, которая случилась почти сразу после его восхождения на трон, Кайду передал власть Дуве, сыну Бурака (1274 г.?). В это время персидский ильхан Абага, не забыв вторжение 1270 г., взял реванш. В конце 1272 г. он послал в Хорезм и Мавераннахр большую армию, которая разграбила Ургенч, Хиву и 29 января 1273 г. вступила в Бухару. В течение семи дней город подвергался грабежу, затем был сожжен, а не успевшие бежать жители погибли. Хулагуидская армия привела в Иран 50 тыс. пленников.

Такую ужасную судьбу уготовили кочевники жителям городов. В ходе своих беспорядочных «семейных» ссор монгольские предводители постоянно находили предлог, чтобы разрушить города, принадлежащие противной стороне, а иногда разоряли даже собственные.

После ухода захватчиков Масуд Ялавач еще раз поднял из руин несчастные мавераннахрские города. Он занимался этим до самой смерти (октябрь–ноябрь 1289 г.), его дело продолжили три сына, которые один за другим управляли Бухарой и Самаркандом.

Дува, наученный примером своих предшественников, показал себя послушным вассалом Кайду.

Тем временем идикут уйгуров оставался в подчинении великого хана Хубилая. В

1275 г. Кайду и Дува вторглись в Уйгурию, чтобы заставить идикута перейти на их сторону, и двинулись на его столицу Бешбалык, но тут вовремя подоспела императорская армия и освободила уйгурскую страну. В 1274 г. Кайду изгнал сторонников Хубилая из Кашгара, Яркенда и даже из Хотана. В 1276 г. Хубилай снова захватил Хотан и на некоторое время также Яркенд и Кашгар. В 1301 г. Дува оказал большую помощь Кайду в борьбе с войсками императора Тимура, преемника Хубилая, в Хангайских горах к западу от Каракорума. Так, в сентябре 1298 г. Дува взял в плен зятя Тимура, онгутского принца и христианина, и варварски умертвил его.

Дува готовился напасть на границу империи между Турфаном и Ганьсу, когда императорская армия застала его врасплох и разбила наголову. В это время Кайду и Дуве угрожал с тыла хан Золотой Орды. Тем не менее в 1301 г. Дува отправился вместе с Кайду в поход, организованный для отвоевания Каракорума, но императорские войска разгромили войска Кайду между Каракорумом и Тамиром в августе того же года. Кайду умер во время отступления.

Кайду, чья фигура появляется перед нами только «урывками» в связи с пертурбациями истории Юаней, – это видный принц, сильная личность, «неудавшийся Гуюк». Во всяком случае, этот последний из великих рода Угэдея имел все задатки монарха. Разумные меры, которые он предписал Алугу для защиты населения сельскохозяйственных районов и городских центров Мавераннахра, показывают, что он смотрел дальше, чем обычные правители кочевников. Как замечает Вассаф, Мавераннахр процветал при Кайду, справедливом и гуманном сюзерене. Сорок одна битва, в которых он участвовал (в ходе крупной экспедиции в Польшу и Венгрию в 1241 г.), показывают его как хорошего полководца: он единственный на континенте бросил вызов великому Хубилаю, который при всем своем могуществе так и не смог победить его. Приветливость, с которой он принял несторианских паломников, надежды, которые возлагал на него папа Николай IV (он написал ему письмо 13 июля 1289 г., уговаривая принять католичество), говорят о том, что подобно всем «старым» монголам он с симпатией относился к христианству. Его беда в том, что он пришел слишком поздно, когда Хубилай уже прочно закрепился в Китае, когда другие ветви чингисидского древа уже наполовину китаизировались, тюркизировались или иранизировались. Во многих смыслах этот последний хан Верхней Азии представляет собой последнего из монголов.

Дува до конца был рядом с Кайду. Хотя надо сказать, что смерть грозного сюзерена избавила его от тяжелой опеки. Впрочем, он сумел сориентироваться в этой ситуации. Кайду оставил сына Чапара, который унаследовал все титулы отца. Дува признал его своим сюзереном, но преемник Кайду не был столь великой личностью, чтобы сохранить империю, созданную отцом. Дува начал с того, что предложил ему перейти под сюзеренство Тимура, и они в августе 1303 г. послали такую просьбу в Пекин, положив тем самым конец гражданским войнам, которые в течение сорока лет опустошали Верхнюю Азию, и восстановив монгольское единство. Но, обеспечив себе поддержку императора, Дува порвал с Чапаром. Армии двух принцев встретились между Ходжентом и Самаркандом. Сначала войска потерпели поражение, но во втором сражении Шах-Огул, брат Чапара, одержал победу. Тогда Дува предложил Чапару восстановить старую дружбу, и было обговорено, что Дува и Шах-Огул встретятся с этой целью в Ташкенте. Но второй, по обычаю кочевников, имел неосторожность распустить часть своей армии. Дува прибыл в Ташкент со всеми своими силами, застал Шах-Огула врасплох и обратил его в бегство, затем захватил города Бенакет и Талас, принадлежавшие Чапару. Чапар, ставший лагерем между Черным Иртышом и Юлдузом, по-видимому, еще не знал об этом событии, и тут его постиг новый удар: войска императора Тимура, вышедшие из Каракорума, перешли через Южный Алтай и атаковали его с тыла. Чапару не оставалось ничего другого, кроме как сдаться Дуве. Тот принял его с почетом, но отобрал у него все владения. Таким образом, чагатаиды, на некоторое время побежденные в Мавераннахре домом Кайду, победили его на Или и в Кашгарии и восстановили целостность своей вотчины (1306 г.).

Однако в конце 1306 г. Дува умер. Его старший сын Кунджук сидел на троне только полтора года. После его смерти власть захватил Талику, внук Бури. Это был принц, закаленный в битвах. Он исповедовал «магометанство и распространял его среди монголов» – так писал Оссон. Но сторонники семьи Дувы взбунтовались против него, и один из них зарезал его во время праздника (1308–1309 гг.). Ханом был провозглашен Кебек, младший сын Дувы.

Между тем эти беспорядки дали какую-то надежду угэдейскому претенденту Чапару, побежденному и обездоленному Дувой. Он атаковал Кебека, но был разбит, переправился через Или и укрылся при дворе Кайшана, монгольского императора Китая. После этой победы, которая еще раз поставила точку на последних вылазках дома Угэдея, чагатаидские принцы создали большой курултай, на котором решили избрать ханом одного из сыновей Дувы, находившегося в то время при пекинском дворе, принца Есен-Буку. Избранник занял трон, который добровольно уступил ему его брат Кебек. После смерти Есен-Буки в 1230 г. власть снова перешла в руки Кебека.

Несмотря на всю эту смену главных действующих лиц, чагатаиды, которым Дува вернул всю полноту суверенной власти, начали оказывать влияние на внешние дела.

Поскольку любая экспансия в сторону Китая была для них невозможна, так же, как и в арало-каспийские степи, и в Иран, где прочно закрепились хубилаиды, джучиды и хулагуиды, они двинулись в Афганистан и Индию. Персидские ханы, двор которых находился на другом конце Ирана, в Азербайджане, почти не обращали внимания на афганские события. Чагатаиды воспользовались этим, чтобы закрепиться в Бадахшане, Кабуле и Газне. На западе Афганистана образовалось сильное и гибкое государство афгано-гуридской династии Кертов, которое было почти независимым, несмотря на протекторат персидских ханов. Так что чагатаидам движение в ту сторону не сулило ничего хорошего, поэтому они двинулись в Восточный Афганистан, а оттуда вели успешные набеги в северо-западные районы Индии. В 1297 г. Дува разорил Пенджаб, но скоро был изгнан. Делийская империя, где правил султан Ала-ад-Дин Килджи (1295–1315 гг.), представляла собой мощную военную державу, о которую в конечном счете разбились все атаки чагатаидов. Но в какой-то момент они действительно были опасны, и потребовались вся воля и энергия султана и его наемников, чтобы отразить их. Даже создалось впечатление, что Индия после отставания длиной в три четверти столетия станет добычей чагатаидов.

Один из сыновей Дувы, Кутлук-Ходжа, закрепился в Восточном Афганистане. И сразу после вступления во владение своим наделом он организовал новый разбойный набег и дошел до ворот Дели (1299–1300 гг.?). В 1303 г. 120 тыс. воинов чагатайской армии во главе с принцем Тургаем совершили новый поход. Монголы встали лагерем под стенами Дели и в течение двух месяцев вели осаду; затем, разграбив окрестности, огромная армия отступила и вернулась в Афганистан: возможно, это случилось из-за отсутствия у тюрко-монголов осадных орудий. В 1304 г. новый рейд: 40 тыс. тюрко-монгольских всадников разграбили Пенджаб, к северу от Лахора, и дошли до Амрохи, к востоку от Дели, где их разгромил Туглуп, военачальник султана Ала-ад-Дина: 9 тыс. тюрко-монгольских пленников были раздавлены слонами. Чтобы отомстить за их гибель, чагатайский принц Кебек огнем и мечом прошел через Мултан, но на обратном пути его настиг на берегах Инда Туглуп и устроил побоище (1305–1306 гг.). На этот раз пленных монголов отправили в Дели, где их бросили под ноги слонов.

Между тем персидские ханы считали бедствием появление чагатайской колонии в Восточном Афганистане, которой правил Кутлук-Ходжа.

Преемником его стал сын Давуд-Ходжа. В 1313 г. персидский хан Олджайту послал туда армию, которая заставила Давуд-Ходжу уйти в Мавераннахр. Давуд-Ходжа пришел к своему дяде и сюзерену, чагатайскому хану Есен-Буке, молить о помощи. Есен-Бука направил против персидского ханства войско под командованием Кебека и Давуд-Ходжи. Они перешли через Амударью, разгромили противника на Мургабе и разграбили Хорасан до самого Герата (1315 г.). Но им пришлось покинуть захваченную территорию, когда на

Чагатайское ханство напали с тыла тюрко-монголы Китая. Есен-Бука был вынужден вступить в другую войну с Пекином и потерпел поражение от императорских войск в предгорьях Тенгри, между Кучей и Иссык-Кулем. В отместку он перебил посланников великого хана, которые возвращались из Ирана в Пекин. После этого Тогачи во главе императорской армии вторгся в Чагатайское ханство и разгромил зимнюю резиденцию Есен-Буки на Иссык-Куле, а также летнюю ставку на Таласе.

В довершение этих бед один из чагатаидских принцев, Яссагур, поссорился с Есен-Букой и Кебеком, переправился через Амударью и вместе со своими союзниками-вассалами, в числе которых было много жителей Бухары и Самарканда, пришел на поклон к персидскому хану. Тот принял и устроил прибывших на территории Восточного Афганистана, впрочем уже завоеванной чагатаидами: Балх, Бадахшан, Кабул и Кандагар (1316 г.). Вскоре после этого Яссагур поднял бунт против персидского хана и стал хозяином части Хорасана (1318 г.). Но правитель Чагатайского ханства Кебек, унаследовавший трон своего брата Есен-Буки, личный враг Яссура, предложил помощь персидскому хану. В то время как персидская армия наступала на Яссура с тыла, чагатайское войско перешло через Амударью и атаковало его с фронта. Брошенный своими солдатами, Яссагур погиб во время отступления (1320 г.).

Судя по монетам, Кебек царствовал до 1326 г. По замечанию Бартольда, значение его правления заключается в том, что в отличие от своих предшественников он проявлял интерес к старой цивилизованной стране Мавераннахр и к городской жизни. В окрестностях Нахшеба или Насефа (к юго-западу от Самарканда) он построил дворец, который дал имя нынешнему городу Карши (по-монгольски – дворец). Именно он ввел в обращение монеты из серебра, которые позже стали называть «кебеки» – первые официальные деньги Чагатайского ханства. Прежде здесь не было других монет, кроме тех, что чеканили некоторые города или местные династии. Тем не менее несмотря на ситуацию в Мавераннахре, Кебек не принял мусульманство.

У Кебека были три брата-наследника: Элджигидай, Дува-Тимур и Тармаширин. Двое первых процарствовали по несколько месяцев.

Царствование Тармаширина продолжалось долго: 1326–1333 гг. (?). В 1327 г. он возродил традицию крупных экспансий в Индию, дошел до ворот Дели и, по некоторым источникам, ушел оттуда, только получив огромный выкуп. По другим источникам, султан Дели Мохаммед-ибн-Туглук отбросил и преследовал его армию до Пенджаба. Впрочем, Тармаширин, несмотря на свое буддийское имя, взятое из санскрита, принял ислам и стал султаном под именем Ала-ад-Дин.

Но если это обращение было благожелательно принято жителями Мавераннахра, то оно вызвало неодобрение со стороны кочевников Иссык-Куля и Или, которые увидели в нем измену чингисидской Ясе. В этой связи против правления Тармаширина началось восстание (1333–1334 гг.), которое привело к восхождению на трон хана Джинкши, внука Дувы (он царствовал в долине Или с 1334 по 1338 г.).

Антимусульманская реакция, характеризующая это царствование, была на руку несторианцам, пребывающим в большом количестве среди жителей Алмалыка и Пишпека, и католическим миссионерам, которые в течение нескольких месяцев снова могли проповедовать и строить церкви. Один из сыновей хана Джинкши (в возрасте семи лет) получил с согласия отца крещение под именем Жан.

В 1338 г. папа Бенуа XII назначил в Алмалык епископа, францисканца Ришара Бургундского. Но почти сразу, в 1339–1340 гг., Ришар принял мученическую смерть от рук илийских мусульман вместе со своими соратниками: Франсуа из Александрии, Паскалем из Испании, Лораном Анконским, братом Пьером, индусом, служившим переводчиком, и торговцем Джилотто. В следующем году в долину Или все-таки прибыл другой папский легат, Кан де Мариньолли. Он ехал с официальной миссией к великому хану Пекина через Каффу, Кыпчакское ханство и Чагатайское ханство. Он остановился в Алмалыке, проповедовал, построил или перестроил церковь, крестил многих жителей. Его роль посла

при великом хане заслуживает уважения, тем более что его предшественников просто убили. Однако после его отъезда христианская община Алмалыка быстро исчезла. А то, что оставалось от старого несторианского центра на берегах Или, не пережило преследований темуридов.

Итак, Чагатайское ханство разделилось на два ханства во главе с двумя разными ветвями ханской семьи: Мавераннахр, с одной стороны, а с другой – Моголистан: Иссык-Куль, Талас, Или, верховье Чу, Эбинор.

В Мавераннахре (ханская резиденция в Карши) правил Казан (1343–1346 гг.), сын Яссура, которого «Зафарнаме» изображает как тирана. Возможно, это связано с тем, что он пытался подавить непослушную тюркскую знать Мавераннахра, которая посадила его на трон. Вождем этой знати был в то время эмир Казган, надел которого находился на северном берегу Амударьи, севернее Кундуза. Он поднял бунт против Казана, но тот разгромил его в первом сражении между Термезом и Карши и, как говорится в источниках, выбил стрелой глаз Казгану. Но вместо того, чтобы развить свой успех, Казан перезимовал в Карши, где часть его войск бросила предводителя. И Казган снова напал на него, разбил его войско, а сам Казан погиб (1346–1347 гг.).

Став хозяином Мавераннахра, Казган разорвал отношения с чагатаидами и посадил на мавераннахрский трон марионетку, потомка Угэдея по имени Данишмендиа (1346–1347 гг.), после чего умертвил своего ставленника и, вернувшись к чагатаидам, сделал ханом Буян-Кули, внука Дувы (1348–1358 гг.). Похвалы «Зафарнаме» в адрес Буян-Кули говорят о том, что в руках Казгана он был послушным исполнителем.

В сущности, чагатаиды Мавераннахра уже были не более чем ханами-марионетками, а вся власть перешла в руки местной тюркской знати – сегодня Казган, завтра Амир Темур. Так называемое монгольское ханство превратилось в тюркское царство.

Правление Казгана (1347–1357 гг.) не было бесславным. Он начал с того, что показал силу мавераннахрцев в Иране. Иранский царь Герата, Хоссейн Керт, разграбил районы Андхоя и Шебургана, зависимые от Мавераннахра, хотя находились они на южном берегу Амударьи. Казган привел с собой марионеточного хана Буян-Кули, заблокировал Герат (1351 г.), и заставил Керта признать себя его вассалом и в этом качестве нанести визит в Самарканд. Таким образом, когда исчезновение тюрко-монгольского ханства в Иране вызвало в Восточном Иране неожиданную иранскую реставрацию (керты в Герате, сарбедарийцы в Себзеваре, мозаффериды в Ширазе), Казган, истинный прототип Амира Темура, решил поставить во главе мавераннахрской знати тюркский элемент взамен иранского.

После убийства Казгана (1357 г.) его сын Мирза Абдаллах оказался неспособен продолжить дело отца. Он возжелал жену хана Буян-Кули и, чтобы заполучить ее, велел убить этого принца в Самарканде (1358 г.), чем вызвал недовольство мавераннахрских феодалов, в частности враждебное отношение Байана Сельдуза и особенно Хаджи Барласа, дяди будущего Амира Темура, правителя Кеша. Они вдвоем изгнали Абдаллаха в Андереб, в северной части Гиндукуша, где он умер. Распри между мавераннахрскими феодалами ослабляли их и в конце концов спровоцировали неожиданную чингисидскую реакцию.

Итак, пока чагатайская ветвь Мавераннахра превращалась в семью ханов-марионеток при местных тюркских феодалах, кочевники Моголистана после недолгого периода анархии восстановили ханскую власть чагатаидов. Главным монгольским кланом этого региона были дуглаты, владевшие очень большими территориями как в Моголистане, вокруг Иссык-Куля, так и в Кашгарии, которая тогда называлась Алты-Шахр. В середине XIV в. клан дуглатов возглавляли три брата – Тулик, Буладжи и Камар-ад-Дин, которые были фактическими хозяевами страны. Как сказано в «Тарихи-Рашиди», в 1345 г. Буладжи правил от Иссык-Куля до Кучи, а также в Бугуре и вдоль границы Ферганы с Лобнором, его ставка находилась в Ак-Су. Именно он предложил отыскать выходца из семьи чагатаидов, не связанного с феодалами Мавераннахра, и восстановить в его лице Илийское ханство, или, как тогда называли эту территорию, Моголистан.

Оказалось, что в восточной части Моголистана живет некий Туглук-Тимур, никому почти не известный, хотя его считали сыном Есен-Буки. Этого настоящего – или ненастоящего – чагатаида Буладжи велел привезти в Ак-Су. Там он устроил ему пышный прием и провозгласил ханом. Старший брат Буладжи, Тулик, стал первым эмиром империи.

Если дуглаты хотели только назначить номинального хана, чтобы придать видимость чагатайской законности, их постигло разочарование. Туглук-Тимур оказался сильной личностью во всех отношениях. Его царствование (1347–1363 гг.) стало важным эпизодом в истории Мавераннахра и Моголистана, и прежде всего, в смысле религии. Если тюрко-таджики Мавераннахра, жители Бухары и Самарканда, были фанатичными мусульманами, то тюрко-монголы Моголистана, полукочевники Или и Ак-Су, в своем большинстве оставались язычниками, буддистами и шаманистами. Но исламская пропаганда начинала действовать и на них. Старший из дуглатов, эмир Тулик, находившийся в Кашгаре, обратился в новую веру. Три года спустя Туглук-Тимур сделал то же самое, выполнив, как говорится в «Тарихи-Рашиди», обет, данный в трудную для себя минуту: «Он сделал себе обрезание, и в тот же день 160 тыс. его соплеменников побрили себе головы и приняли ислам».

Туглук-Тимур, каким он описан в воспоминаниях Мохаммеда Хайдар-Дуглата, был ловкий и энергичный правитель. Помимо духовного притяжения ислама, он, конечно, понимал важность самого факта его обращения в эту религию для будущего завоевания Мавераннахра: Бухара и Самарканд стоили почитания Корана...

Во всяком случае, укрепив свои позиции в Моголистане, Туглук-Тимур планировал распространить всю власть на западную часть Чагатайской страны. Момент был самый благоприятный. После ссылки эмира Абдаллах-ибн-Казгана Мавераннахр погрузился в анархию и оказался на грани распада. Оба эмира, Байан Сельдуз и Хаджи Барлас, одержавшие победу над Абдаллахом, не сумели установить прочную власть. Байан Сельдуз, которого «Зафарнаме» изображает «добрым и милосердным», был горький пьяница. Хаджи Барлас, несмотря на сильные позиции в своем уделе, Кеше, впоследствии показал себя слабой личностью. За исключением земель этих принцев, остальная часть Мавераннахра была разделена на множество удельных княжеств, управляемых местными тюркскими феодалами. Туглук-Тимур решил воспользоваться этой ситуацией. В марте 1366 г. он вторгся в Мавераннахр и двинулся прямо из Ташкента на Шахризябс. Хаджи Барлас, имея в распоряжении шахризябские и каршийские войска, сначала оказал сопротивление, а потом, перед лицом превосходства неприятеля, переправился через Амударью и ушел в Хорасан.

Победа Туглук-Тимура была настолько полной, что племянник Хаджи Барласа, будущий Амир Темур, которому тогда было 26 лет, предусмотрительно примкнул к победителю. «Зафарнаме», панегирик Темуридов, пытается доказать, что будущий великий Амир Темур подчинился агрессору для того, чтобы успешнее противостоять вторжению, что он сделал это по совету своего дяди, добровольно удалившегося в ссылку и т. д. Несостоятельность этих оправданий очевидна из самого контекста событий. Ценой своего подчинения Туглук-Тимуру Амир Темур получил Шахризябс, ранее принадлежавший Хаджи Барласу, Правда и то, что когда вскоре после этого Туглук-Тимур возвратился в Моголистан, Хаджи Барлас пришел из Хорасана в Мавераннахр, разгромил Темура и вынудил его не только вернуть Шахризябс, но и сделаться его вассалом. Однако Туглук-Тимур не замедлил снова направиться из Моголистана в Мавераннахр. После его появления в Ходженте мавераннахрская знать безоговорочно приняла его как сюзерена. Байан Сельдуз сопровождал его в Самарканд, и на этот раз Хаджи Барлас склонил перед ним голову; но через некоторое время хан приказал убить ходжентского эмира, и Хаджи Барлас, испугавшись, бежал в Хорасан, где его зарезали разбойники около Себзеvara. В итоге этих драматических событий Темур стал предводителем барласского клана и одновременно полновластным хозяином Шахризябса, хотя и в качестве добровольного вассала хана Туглук-Тимура. Внук Казгана, эмир Хусейн, получил для себя надел на северо-востоке Афганистана, с Балхом, Кундузом, Бадахшаном и Кабулом по обе стороны Гиндукуша. Туглук-Тимур лично двинулся против

него, нанес ему поражение на реке Вахш, вступил в Кундуз, продвинулся до Гиндукуша и по примеру своего предка Чингисхана провел весну и лето в этой стране. Вернувшись в Самарканд после этой кампании, он казнил Байан Сельдуза и, уходя в Моголистан, оставил правителем Мавераннахра своего сына Ильяс-Ходжу, а наставником сына сделал Темура. Тогда никто не мог предположить, что молодой человек, приставленный ментором к сыну Туглук-Тимура, несколько лет спустя положит конец чагатайской реставрации и построит на этом месте новую империю, империю Амира Темура.

В правление Туглук-Тимура, этого энергичного и сильного хана, было полностью восстановлено единство старого Чагатайского ханства.

Золотая Орда. Становление

Мы уже упоминали о том, что Чингисхан дал своему сыну Джучи, умершему за шесть месяцев до смерти отца, в феврале 1227 г., равнины к западу от Иртыша: Семипалатинск, Акмолинск, Тургай, Уральск, Адаж и Хорезм (Хива). Умирая, Чингисхан оставил эти земли сыновьям Джучи, но большую часть второму сыну – Бату.

Один из братьев Бату по имени Орда-Ичен, старший в семье, но оставшийся в тени, получил земли в нынешнем Казахстане. На юге его территория включала в себя правый берег Сырдарьи, от города Сыгнака у гор Кара-Тау до дельты реки на берегу Арала, в том числе полосу на левом берегу дельты, которая тянулась до дельты Амударьи, т. е. почти все восточное побережье Аральского моря. На севере это был бассейн Сары-Су и массив Улу-Тау, отделявший бассейн от Тургая. Ханство Орда-Ичена в дальнейшем вошло в историю под названием Белая Орда (Ак-Орда).

Другой брат Бату, Шейбан, который проявил себя в венгерской кампании 1241 г., получил при разделе территории к северу от владений Орды: к востоку и юго-востоку от Южного Урала, значительную часть нынешней Актюбинской области и Тургая. Летом его лагерь находился между Уральскими горами, рекой Илек (приток Урала к югу от Оренбурга) и рекой Иргиз; зимой он перебирался ближе к улусу Орды-Ичена. Впоследствии шейбаниды расширили свои владения за счет части Западной Сибири.

Бату после победоносных кампаний 1236–1240 гг. прибавил к своим владениям всю древнюю кыпчакскую страну и всю древнюю болгарскую территорию, не говоря уже о протекторате над русскими княжествами.

В результате тюрко-монгольских походов на огромной территории Дешт-и-Кыпчак и ряда смежных с ним областей образовалось большое государство, именуемое в восточных источниках улусом Джучи.

Основы Золотой Орды как автономного государства внутри Монгольской империи заложил хан Бату после своего возвращения из венгерского похода в 1242 г.

Самое раннее упоминание термина «Золотая Орда» встречается в персидских источниках. Очевидно, этот термин первоначально применялся к Орде самого Чингисхана, а у того он возник, надо полагать, под влиянием Цзиньского царства, императора которого Рашид-ад-Дин именует Алтын-ханом, т. е. Золотым ханом.

Одним словом, Золотой Орде принадлежали огромные пространства, даже учитывая только европейскую часть ханства: прежде всего, продольная степная полоса на северном берегу Черного моря, бассейн реки Урал, нижнее течение Дона, Донца, Днепра и Буга, устье Днестра и нижнее течение Прута. Эти степи продолжались на Северном Кавказе через бассейны Кубани, Кума и Терека. Таким образом, речь идет обо всей европейской части древней Скифии, а в стране болгар – о зоне лесов и культурного земледелия, которые омывают среднее течение Волги и ее приток Кама. Как описывает древнюю Скифию Геродот, это были «пустынные, безграничные степи», такую же картину «Европейской Монголии» дает Рубрук: «Мы все время двигались на восток, перед нами не было ничего, кроме неба и земли, иногда справа показывалось море и еще, то здесь, то там, команские (кыпчакские) курганы». В этих пустынных местах кочевали монгольские орды или, скорее,

тюркские войска, включавшие в себя монгольские элементы, потому что по завещанию Чингисхана для Бату было выделено только 4 тыс. истинных монголов, а вся остальная его армия состояла из тюрков-союзников: кыпчаков, болгар, огузов и т. д. Этот факт, в частности, объясняет процесс быстрой тюркизации улуса Джучи.

Нет сомнения, что в улус Джучи ушло немалое количество монголов с семьями. Однако передвижение это, тесно связанное с завоеванием, ни в коей мере не могло рассматриваться как переселение. Основная масса монголов осталась у себя на родине, в Монголии. Естественно, что в такой обстановке не могло быть речи о монголизации завоеванных стран, в частности Кыпчакии. Аль-Омари писал: «В древности это государство было страной кыпчаков, но когда ими завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с кыпчаками, и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар, и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного с ними рода, оттого что татары поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кыпчаков)».

Насколько процесс тюркизации был скор и значителен, видно из того факта, что уже в XIV в. в улусе Джучи сложился литературный язык – не монгольский, а тюркский, причем с признаками кыпчакских и огузских элементов.

Итак, Дешт-и-Кыпчак – кыпчакская степь – Кыпчакское ханство представляло собой сердцевину ханства Бату. Его западной оконечностью была Булгария, а восточной – Хорезм. На севере сопротивление Руси было сломлено, но еще следовало установить механизм оккупации и контроля. На юге владычество Бату простиралось до Крыма и Северного Кавказа. Закавказье, оккупированное тюрко-монголами во время царствования Угэдея, и Сельджукский султанат в Малой Азии формально не находились под юрисдикцией Бату. Однако тюрко-монгольскими войсками в этих регионах командовали армейские военачальники (нойоны), а не кто-либо из ханов-чингисидов. Таким образом, из всех чингисидов ближе всех к арене событий располагался Бату. Можно было ожидать, что он проявит интерес к недавно завоеванным землям, поэтому правители этих земель спешили установить с ним контакты. К примеру, сельджукский султан Кай Хосров II направил три посольства к Бату. Грузинский царь Давид прожил некоторое время при дворе Бату как заложник.

Первый хан Золотой Орды – Бату – понимал особую важность Нижнего Поволжья, которое он сделал ханской ставкой: здесь пролегла магистраль караванной торговли; отсюда было ближе к другим монгольским государствам; культурная полоса по Нижней Волге была так близка от степи, что здесь легко было сочетать оседлое и кочевое хозяйство. С именем основателя Золотоордынского государства связано строительство крупного города Сарая, в отличие от другого Сарая, основанного братом Бату, Берке-ханом. В исторической литературе эти города были известны под названием Старый Сарай и Новый Сарай.

Бату оказывал большое влияние на монгольскую политику в качестве главы (разумеется, с согласия своего брата Орды-Ичена) старшей ветви чингисидов. Между тем он никогда не претендовал на титул верховного хана. Даже в самом начале он уважал решения своего предка, который оставил империю дому Угэдея. Такая почтительность, вероятно, объясняется сомнением насчет происхождения Джучи. Очевидно, поэтому Чингисхан не питал особой любви к Джучи, и тот провел последние пять лет жизни в своем уделе, не принимая участия в походах Чингисхана, ну, а в конце охлаждение между отцом и сыном стало совершенно очевидным. Все это с самого начала повлияло на роль джучидов, роль второго плана. Бату взял реванш в 1250–1251 гг., вызвав крах дома Угэдея и восхождение дома Толуя. Он решительно вмешался в этот спор в Алмалыке в 1250 г., а в 1251 г. послал своего брата Берке в Монголию, чтобы посадить на трон Мункэ, сына Толуя, в противовес угэеидам. С тех пор Мункэ оставался должником Бату. В 1254 г. Мункэ заявил Рубруку, что его могущество и мощь Бату распространяются на земле подобно лучам солнца, и эти слова намекают на некое единство империи. Впрочем, Рубрук отмечает, что на землях Мункэ проявляли больше уважения к людям Бату, чем во владениях Бату к представителям Мункэ.

По мнению Бартольда, в период между 1251 и 1255 гг. тюрко-монгольский мир был практически поделен между великим ханом Мункэ и старейшиной Бату, а граница между двумя владениями проходила по Чуйским и Таласским степям. Среди других членов чингисидской семьи Бату выполнял функции верховного арбитра и «делателя императоров». О его личности бытуют два противоположных мнения, что совершенно естественно. Тюрко-монголы называли его «добрый принц» и восхваляли его щедрость. Напротив, для христиан он был вдохновителем беспримерных жестокостей, которые имели место во время кампаний 1237–1241 гг. в России, Польше и Венгрии.

Европейский поход 1237–1241 гг. через славянскую Русь, Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию и Румынию, в котором участвовали представители всех ветвей чингисидов, был организован по инициативе Бату. Он был предводителем, по крайней мере номинальным (стратегическое командование находилось в руках Субэтэя). Бату получил все возможные выгоды от этого похода. Тюрко-монголы не только подавили кыпчаков, но и покорили русские княжества – Рязанское, Суздальское, Тверское, Киевское и Галицкое, которые более двух столетий оставались вассалами Золотой Орды. До XV в. они находились в прямом подчинении у хана, который по своей воле выдавал ярлыки, назначал и снимал русских князей, а те должны были являться в его ставку на Нижней Волге и «бить ему челом». Эта политика унижительной зависимости ведет начало от великого князя Владимирского, князя Ярослава, который в 1243 г. пришел с поклоном к Бату и получил от него звание «старейшины русских князей». (Кстати, в 1246 г. он участвовал в избрании великого хана Гуюка, а мать-императрица Торагана «кормила его из своей руки», как писал Карпини, в результате чего он заболел и через семь дней умер, причем его лицо было покрыто подозрительными пятнами.)

В 1250 г. князь Даниил Галицкий также приехал выразить свое повиновение и просить посвящения в князья. Великий князь Александр Невский (1252–1263 гг.), сын и преемник Ярослава, извлек всю возможную пользу от тюрко-монгольского протектората, чтобы отразить натиск врагов России на Балтике. Таким образом, рабство было единственным условием, позволившим стране пережить те тяжелые времена. Московия оставалась в рабстве до освобождения ее Иваном III в конце XV в.

История Золотой Орды коренным образом отличается от истории других чингисидских ханств. Если в остальных покоренных странах тюрко-монголы более или менее приспособлялись к новой среде и в той или иной мере воспринимали уроки покоренных народов, если в Китае Хубилай и его потомки становились китайцами, потомки Хулагу в Иране становились ильханами, то их родичи, ханы Южной Руси, отторгали славяно-византийскую цивилизацию и не приемлили русификации. Как показывает географическая номенклатура, они оставались «золотоордынскими ханами», т. е. наследниками тюрко-монгольской орды.

Исламизация монгольских ханов поверхностная, с точки зрения культуры, и изолированная, с европейской точки зрения, изменила эту ситуацию в том смысле, что она, не приобщив их к старой цивилизации Ирана и Египта, окончательно отрезала монгольских ханов от западного мира и сделала их, как позже случилось с османами, чужаками, зацепившимися за европейский континент, не ассимилировавшимися и не поддавшимися ассимиляции.

В течение всего существования Золотой Орды Азия начиналась у южного порога Киева. Плано-Карпини и Рубрук отмечали, что люди с запада, прибывавшие в ханство Бату, словно попадали в совершенно другой мир. Без сомнения, у тюрков-хазар X века было больше «западного», чем у наследников Джучи. Хотя и в Золотой Орде можно обнаружить признаки влияния исламской и русской культур.

Между тем надо признать, что судьба могла повернуться по-другому. Что бы ни писал Рубрук, который за невежеством и пьянством несторианского духовенства не увидел политического несторианства для Тюрко-монгольской империи, христианство пустило корни в самом доме Бату. Сын Бату, Сартак, вопреки утверждениям

путешественника-францисканца, был несторианцем. Армянские (Киракос), сирийские (Бар-Хебраеус) и мусульманские (Джуджани и Джувейни) источники согласны в этом вопросе. Потребовалась череда непредвиденных событий, чтобы принц-несторианец не стал преемником своего отца. Когда Бату умер в возрасте 48 лет (1256 г.) в своей ставке на Нижней Волге, Сартак находился в Монголии при дворе великого хана Мункэ. Мункэ даровал ему власть над Кыпчакским ханством, но Сартак умер на обратном пути или вскоре по прибытии на Волгу. Тогда Мункэ назначил ханом Кыпчакии молодого принца Улагчи, которого Джувейни считает сыном, а Решид-ад-Дин – братом Сартака. Регентство доверили вдове Бату. Но Улагчи также умер (1297 г.), и кыпчакским ханом стал Берке, брат Бату.

Итак, сделаем некоторые выводы.

Хотя Золотая Орда и называлась улусом Джучи, однако сам Джучи в судьбе Золотоордынского государства не сыграл фактически никакой роли. Первым ханом был завоеватель Восточной Европы и основатель Золотой Орды – Бату. Время его царствования правильнее было бы считать с 1236 (т. е. с года покорения всего Дешт-и-Кыпчака) по 1256 гг.

Кочевой феодал, шаманист по своим воззрениям, Бату не растерялся в сложной обстановке молодого государства, выросшего из тюрко-монгольского завоевания Юго-Восточной Европы. Бату сразу же взял жесткий курс, главной целью которого являлось получение максимальных доходов путем жесточайших форм феодальной эксплуатации. Он наладил взимание дани с покоренных русских княжеств, создал аппарат для выполнения разных феодальных повинностей и податей с земледельческого и кочевого населения, а также с ремесленников и купцов в городах Крыма, Булгара, Поволжья, Хорезма и Северного Кавказа. Наконец, он много сделал, чтобы вернуть всем завоеванным областям былую торговую жизнь, которая так резко оборвалась в связи с опустошением в результате тюрко-монгольского завоевания.

Бату пришлось действовать в наиболее ответственные годы после смерти Чингисхана (1227 г.). Он был активным лицом в жизни империи при великом хане Угэдее и принимал деятельное участие в выдвигании дома Толюя, когда на престоле оказался Мункэ – сын Толюя. Тогда два дома – Джучи и Толюя – объединились против двух домов Угэдея и Чагатая.

Бату принимал участие во всех главных военных предприятиях тюрко-монголов, отправляя свои отряды на помощь основному войску и рассчитывая, конечно, получить свою долю добычи. В этой связи Джуджани писал: «В каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, Бату принадлежала определенная ее часть, и над тем округом, который составлял его удел, были поставлены его управители». Впоследствии, это дало повод джучидам предъявить свои претензии на Азербайджан.

При Бату сношения Золотой Орды с центром Тюрко-монгольской империи были вполне налажены. Начиная со времени правления Угэдея, по всей тюрко-монгольской империи хорошо работала общеимперская почта. Согласно «Сокровенному сказанию», «...повсюду от тысяч выделяются смотрители почтовых станций – ямчины и верховые почтари – ямы, и послы впредь обязуются за исключением чрезвычайных обстоятельств следовать непременно по станциям, а не разъезжать по улусу».

Небезынтересна одна деталь: Угэдей дал распоряжение Бату, чтобы он провел от себя указанные ямы по направлению к улусу Чагатая, а тот в свою очередь должен был вывести ямы по маршруту на Каракорум. Лучше всего почта была налажена на участке Каракорум–Пекин.

Мусульманские, армянские и другие источники согласно говорят об исключительной роли, которую Бату-хан играл в жизни Тюрко-монгольской империи. Рубрук писал: «Этот Бату наиболее могуществен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора (великого хана), которому он обязан повиноваться».

По словам Джуджани: «Похоронили его (Бату) по обряду монгольскому. У этого народа принято, если кто из них умирает, то под землей устраивают место вроде дома или

ниши. Место это украшают ложем, ковром, сосудами и множеством вещей, хоронят его с оружием и со всем его имуществом. Хоронят с ним в этом месте и некоторых жен и слуг его, да того человека, которого он любил более всех. Затем ночью зарывают это место и до тех пор гоняют лошадей над поверхностью могилы, пока не останется ни малейшего признака места погребения».

Что касается правления следующего хана – Берке (1257–1266 гг.), – то при нем Золотая Орда уже вполне сложилась как крупное государство. Царствование Берке окончательно определило ориентацию Золотой Орды. Причем влияние Берке оказалось настолько сильным, что страну кыпчаков иногда называли «страной Берке», т. е. Дешт-Берке. Если бы Сартак жил дольше, можно предположить, что христианство было бы под ханской защитой. А Берке склонялся к исламу, хотя и он, как и все монголы-чингисиды, проявлял религиозную терпимость. Несторианство представляло собой одну из религий его окружения, поэтому он не запретил эту веру. Но во внешней политике его симпатии были на стороне мусульман, чем можно объяснить начало процесса исламизации в Золотоордынском ханстве.

Как мы знаем, Берке вмешивался во все гражданские войны между чингисидами. Он встал на сторону Ариг-Буки против Хубилая, хотя и не оказал первому ощутимой помощи. Затем он воевал, правда безуспешно, против чагатайского хана Туркестана Алугу, который в период между 1262 и 1265 гг. отобрал у него Хорезм, считавшийся вассалом Золотой Орды, а после этого встал на сторону Чагатайского ханства. Позже (около 1266 г.) Алугу отвоевал у Берке (или у его брата Орды-Ичена) Отрар, важный перевалочный пункт караванного пути на северном берегу Сырдарьи, и разрушил этот город, в результате чего западная Чуйская степь перешла под контроль Чагатайского ханства в ущерб потомкам Джучи. А Берке, чьи войска были связаны военными делами на Кавказе, ничего не мог поделать с этим противником.

Если мусульманская ориентация Берке и не стала причиной его разрыва с ханом Ирана Хулагу, как об этом пишут персидские историки, она, во всяком случае, послужила дипломатическим предлогом в этой ситуации. По сообщениям персидских авторов золотоордынский хан упрекал Хулагу в том, что он без согласования с другими принцами-чингисидами истребил население Багдада и предал халифа мучительной смерти. Дом Джучи считал укрепление позиций Хулагу в Азербайджане узурпацией и вызовом, о чем мы упоминали ранее. Поэтому против своих братьев, тюрко-монголов Ирана, Берке, не колеблясь, примкнул к исконным врагам чингисидов, сторонникам мусульманского сопротивления, египетским мамлюкам, возглавляемым султаном Бейбарсом. Начиная с 1261 г. между двумя дворами шел обмен посольствами: послы Бейбарса высадились в Судак, в Крыму, а послы Берке – в Александрии. В 1263 г. оба монарха заключили союз против ильханов Ирана.

Бейбарс получил двойной выигрыш в этом деле. Отныне он мог рекрутировать тюрков, подданных Золотой Орды, новых мамлюков для своей армии (сам он был тоже тюрк). Но самое главное в том, что благодаря этой блестящей дипломатической победе он нейтрализовал чингисидов, сжав их между собой, и при поддержке дома Джучи окончательно остановил продвижение потомков Хулагу в сторону Сирии (это во многом удалось из-за подрывных действий, проводимых Берке на Кавказе).

Таким образом, под угрозой со стороны Дербента ильханы Ирана уже не могли взять реванш за поражение под Алеппо.

Хулагу четко осознавал, какой вред нанес ему Берке. В ноябре–декабре 1262 г. он перешел через Дербентский перевал, который на Кавказе служил границей между двумя ханствами, и продвинулся до Терека, но был там остановлен и отброшен в Азербайджан вражеской армией под командованием Ногая, внучатого племянника Берке. Много всадников хулагуидской армии утонуло при попытке пройти через Терек по льду. И вот плачевные последствия этих ссор между чингисидами: Хулагу перебил всех торговцев-кыпчаков, схваченных в Иране, а Берке аналогично поступил с персидскими торговцами в Кыпчакии. В 1266 г. Ногай в свою очередь прошел Дербентский перевал, затем

через Куру и поставил перед угрозой нападения Азербайджан, сердце ильханов. Но он потерпел поражение на Ак-Су от войск Абаги, преемника Хулагу на персидском троне. Ногай был ранен в глаз, а его армия в беспорядке отступила в Ширван. Берке во главе армии сам поспешил вмешаться в события. Он поднялся по северному берегу Куры до Тифлиса и переправился через реку.

В христианской Европе против тюрко-монгольского ига поднялся русский князь Даниил Галицкий (1257 г.). Он даже отважился напасть на границы ханства, но скоро его вновь привели к повиновению без личного вмешательства Берке и по приказу хана заставили снести большинство построенных им крепостей. С другой стороны, согласно хроникам Кромеруса, в 1259 г. произошло новое движение тюрко-монголов на запад. После похода в Литву, где они вырезали всех, кто не успел спрятаться в лесах или болотах, тюрко-монголы вошли в Польшу вместе с русскими вспомогательными отрядами, которых они насильно привлекли к этой экспедиции. Они вторично сожгли Сандомир, осадили крепость, где укрылись жители. Командир гарнизона, Пьер Кремпский, отказался сдаться. Тюрко-монголы послали к нему на переговоры брата и сына Даниила Галицкого, которые уговорили его сдаться на почетных условиях. Но тюрко-монголы, как обычно, нарушили свое слово и перебили всех. Оттуда они направились в Краков и уничтожили его огнем. Царь Болеслав Целомудренный бежал в Венгрию. Тюрко-монголы разорили страну вплоть до Битома в районе Оппельна и вернулись в Золотую Орду через три месяца, поскольку движение замедляла большая добыча.

В царствование Берке тюрко-монголы Золотой Орды по просьбе болгарского царя Константина Теша вмешались в балканские дела против византийского императора Михаила Палеолога. Ногай перешел через Дунай с 20 тыс. всадников. Михаил Палеолог двинулся им навстречу, но греки, прибыв к болгарской границе, при виде тюрко-монголов в панике разбежались. Их настигли и почти всех перебили (весна 1265 г.). Михаил Палеолог вернулся в Константинополь на гонуэзском судне, а тюрко-монголы разграбили Фракию. В ходе этой кампании (зимой 1269/70 г.) Ногай освободил бывшего сельджукского султана Хосрова II, находившегося в Константинополе в «почетном» плену.

Михаил Палеолог осознал важность тюрко-монгольского фактора и отдал собственную дочь Евфросину в жены могущественному Ногаю и отправил с ней великолепные шелковые ткани, впрочем, чингисид заявил, что предпочитает шелку бараньи шкуры. Союз, заключенный между Палеологом и Золотой Ордой, впоследствии очень помог первому. В одно время между ними и мамлюкским султаном Египта образовался настоящий тройственный союз, направленный одновременно против латинян (Карла Анжуйского, Венеции) и против Ирана.

Тем временем Берке завершил строительство нового города, также названного Сараем. Он располагался на восточном берегу Верхней Ахтубы. Старый Сарай Бату, однако, оставался официальной столицей Золотой Орды при Берке и его преемниках, вплоть до царствования хана Узбека (1313–1341 гг.), когда столица была перенесена в Новый Сарай.

Предполагаемая дата основания города – 1253 г., дата его разрушения Амиром Темуром – 1395 г. Еще в большей степени, чем бывшая хазарская столица, расположенная по соседству, он сразу приобрел важное коммерческое значение как место стоянки караванов, отправлявшихся в Центральную Азию и на Дальний Восток через Отрар, Алмалык, Бешбалык, страну тангутов, страну онгутов и Пекин. Берке и его преемники, ханы Узбек и Джаныбек, призывали в Сарай исламистов, ханефитов и шафеитов, которые завершили исламизацию страны.

Берке-хан умер в 1266 г. во время похода на Кавказ против хулагуидов, и гроб с его телом был отправлен в Сарай Бату, где его и похоронили.

Итак, сделаем выводы по периоду правления Берке-хана. В годы его правления в жизни Монгольской империи произошли крупные изменения. Перенос в 1260 г. столицы из Каракорума в Пекин превратил властелина империи из всемонгольского хана в китайского императора.

События эти привели к почти полному распаду Монгольской империи. Именно тогда можно было говорить о превращении Золотой Орды в самостоятельное государство.

С именем Берке связано не только строительство городской жизни в Поволжье, не только расширение и углубление торговой деятельности в Юго-Восточной Европе, но и тяжелая война с хулагуидами и согласованные с задачами войны дипломатические отношения с мамлюкским Египтом.

Между джучидами и хулагуидами началась распря, причиной которой был вопрос об Азербайджане, где очень высоко ценились пастбища. Берке-хан настаивал на присоединении Азербайджана к Золотой Орде, мотивируя претензии участием своих отрядов в завоевании Ирана и взятии Багдада. Между двумя тюрко-монгольскими государствами, фактическая граница которых пролегла по линии Кавказского хребта у Дербента, начались военные столкновения, продолжавшиеся с перерывами в течение почти целого столетия. Интересна выдержка из трудов Ибн-Васьяля, описывавшего полное поражение Хулагу в первом большом столкновении (1263–1264 гг.) на Куре: «...когда Берке-хан прибыл на место битвы и увидел ужасное избиение, то он сказал: „Да посрамит Аллах Хулагу этого, погубившего монголов мечами монголов. Если бы мы действовали сообща, то покорили бы всю землю“».

В мусульманских источниках обращение Берке-хана в ислам характеризуется как решение расчетливого политика. Связь Золотой Орды с Булгаром, с ремесленно-торговыми и культурными городами Центральной Азии – Ургенчем, Бухарой и другими, откуда в оба Сарая – Сарай Бату и Сарай Берке приезжали ремесленники, купцы, художники, ученые – представители феодально-мусульманской интеллигенции, – несомненно, ставили золотоордынских ханов в положение покровительствующих исламу. Кроме того, настойчиво предлагал принять ислам мамлюкский Египет, а дружба с ним была очень выгодна Золотой Орде. Однако, сколько Берке-хан ни старался углубить исламизацию, последняя при нем захватила только верхние слои господствующего класса, да и то только те, которые были близки к ханскому двору.

При Берке-хане в 1257 г. была произведена в русских феодальных княжествах перепись, имевшая задачей выявить и учесть все население, подлежащее обложению податями и повинностями.

В конце своего царствования Берке-хан лишь номинально признавал великого хана Хубилая.

Золотая Орда фактически стала независимым государством.

После смерти Берке-хана на золотоордынский престол был избран внук Бату-хана Менгу-Тимур. При правлении хана Менгу-Тимура (1266–1280 гг.) Золотая Орда, ставшая еще при хане Берке фактически независимым государством, свою независимость закрепила юридически. Одной из таких мер, направленных на юридическое оформление независимости Джучиева улуса, была чеканка монеты с именем Менгу-Тимура. Самые первые монеты чеканились в Булгаре. В 1267 г. Менгу-Тимур первый из ханов Золотой Орды дал русскому духовенству ярлык, освободивший митрополита от целого ряда повинностей и урегулировавший взаимоотношения русской церкви с ханами Золотой Орды. В дальнейшем на всем протяжении существования Золотой Орды в государстве не было дискриминации по религиозному признаку. Более того, все культовые служители и учреждения, кроме синагоги, были освобождены от различных податей: налогов и государственных обязанностей.

В 1269 г. по просьбе новгородцев Менгу-Тимур прислал в Новгород войско для отражения ливонских рыцарей, причем одной военной демонстрации было достаточно для заключения мира «по всей воле новгородской».

Начались военные действия Золотой Орды в Центральной Азии с улусом Чагатая. Они были вызваны стремлением обезопасить пути караванной торговли на Востоке, которым угрожала опасность со стороны правителя улуса Чагатая – царевича Бурака.

По инициативе Менгу-Тимура был созван в 1269 г. курултай, который состоялся возле реки Талас. На курултае был установлен мир между улусами Джучи, Угэдея и Чагатая и

уточнены границы каждого из них: две трети Мавераннахра были оставлены за Бураком, а одна треть была разделена между внуком Угэдея Хайду и Менгу-Тимуром. На этом курултае по предложению Менгу-Тимура был заключен союз между домами Джучи, Угэдея и Чагатая против хулагуидов, с которыми Золотая Орда находилась в состоянии войны.

Решение курултая имело исключительно важное значение для дальнейшего развития улусов Джучи, Чагатая и Угэдея. Согласно этому соглашению, они были признаны самостоятельными государствами. Их независимость была юридически оформлена и закреплена общим договором – решением курултая, освободившим дома Джучи, Чагатая и Угэдея от посягательств потомков Тули, которые обосновались в Пекине и правили Северным Китаем. Закрепив внешнеполитический успех Золотой Орды решением курултая 1269 г., правительство Менгу-Тимура предприняло ряд мер, направленных на укрепление власти хана в самом Джучиевом улусе: положению, при котором джучидские ханы не получали основных средств. Аппарат имперских чиновников, созданный для сбора дани с Золотой Орды и Руси, потерял свое значение. Теперь дань непосредственно поступала к джучидскому хану. Русские, мордовские, марийские князья (так же, как и князья других народностей в составе Золотой Орды) получили вместе с ярлыком финансовый реестр для сбора золотоордынской дани, которой облагались и жители Золотой Орды. Они делились на две категории: горожане, должны платить десять процентов от прибыли, и кочевники, составлявшие основное войско, выплачивающие сотую часть (к примеру, со ста баранов один отдавался в казну). Правительство Менгу-Тимура стало чеканить серебряные и медные монеты не только в Булгаре, как отмечалось выше, но и в Крыму, а с 1279 г. – в Хорезме.

Менгу-Тимур продолжил традиции Беркехана и касательно градостроительства. Быстро строились новые города: Аккерман (ныне Белгород-Днестровский), Килия (самый западный город Золотой Орды, находившийся в нескольких десятках километров от Черного моря), Тавань (в 40 км выше Херсона), Крым, Кырк-Ер (недалеко от Бахчисарая), Кафа (Феодосия), Солдай (Судак), Азак (Азов), Сарайчик (в 60 км выше современного Гурьева), Искер (близ Тобольска) и другие города, названия которых на сегодняшний день не сохранились.

Ко времени правления Менгу-Тимура относят один важный факт – появление на политической сцене такой примечательной фигуры как Ногай.

Это был очень интересный период в истории Золотой Орды – период двойного правления.

Двоевластие. Расцвет могущества Золотой Орды

Так какую же роль играл Ногай? Впервые эта личность упоминается историками при Берке-хане, когда Ногай, джучид младшей ветви, благодаря близким родственным связям с ханским двором и удачному командованию отрядами тюрко-монголов в качестве темника во время битвы с войсками хулагуидов, выдвинулся на одно из первых мест в государстве. Большие организаторские способности, твердость характера, склонность прибегать к жестоким, а иногда и просто коварным средствам открыли перед его страждущей властью и богатствами натурой большие перспективы.

Туда-Менгу (1280–1287 гг.), брат и преемник Менгу-Тимура, согласно Новайри, был очень набожным мусульманином, «соблюдавшим все строгие каноны ислама, всегда окруженным шейхами и факирами». Это была заурядная личность, но курултай избрал Туда-Менгу ханом Золотой Орды.

Однако Ногай был достаточно силен, чтобы утвердить себя в качестве реального соправителя нового хана. Ногай, как и Туда-Менгу, стал называться ханом. В некоторых западных источниках Ногай назывался императором, а в египетских анналах – маликом. Скорее всего, во время избрания Туда-Менгу Ногай лично объявил себя ханом Мангкытской орды. Возможно, во избежание столкновения между последователями Ногай и Туда-Менгу курултай, избравший последнего ханом кыпчаков, почел за лучшее признать Ногай ханом

мангкытов.

Каким бы ни был формальный статус Ногая, фактически он стал более могущественным, чем официальный хан кыпчаков, хотя это было и недостаточно для того, чтобы полностью устранить последнего. Результатом явилось двойное правление, и хотя время от времени два хана сотрудничали друг с другом, в ряде случаев они отдавали противоречивые приказы, что создавало крайнюю неразбериху. Туда-Менгу не был достаточно силен для того, чтобы открыто противостоять Ногаю.

Туда-Менгу принял ислам как духовное откровение и стал суфием. Идеи суфизма имели большое влияние в Малой Азии, Иране, а позднее и в Османской империи. Высшим в учении суфизма считался отказ от радостей и красот этого мира; истинный суфий должен жить в бедности, очищать душу через любовь ко всему человечеству и иметь пантеистическое сознание, что считалось сущностью всех религий, через которые народы должны надеяться на спасение.

Под влиянием суфизма Туда-Менгу утратил интерес к власти и пренебрегал государственными делами, к ужасу своих подданных. Вскоре распространились слухи, что хан душевно болен. В конце концов Туда-Менгу пришлось отречься от престола, и на трон посадили Тула-Буку (1287–1290 гг.), племянника двух прежних ханов. Однако фактическим хозяином ханства был Ногай.

Францисканец Ладислас, глава миссии в Крыму, в отчете генералу своего ордена от 10 апреля 1287 г. «О путешествии брата Моисея к золотоордынскому двору» ставит Ногая на одну ступень с Тула-Букой, называя его вторым императором. Создается впечатление, что если собственная территория Туда-Менгу, затем Тула-Буки располагалась вокруг Сарая, на Нижней Волге, владения Ногая следует искать ближе к Дону и Донцу. Переписка францисканцев также показывает, что Ногай не питал вражды к христианству; одна из его жен, которую францисканцы называли Джайлак, или Алака, крестилась в Киркьере. А когда мусульмане украли колокол с католической часовни в Крыму, монгольский чиновник наказал виновных.

Ногай был достаточно надежным союзником византийцев. Здесь следует отметить, что в последний год правления Менгу-Тимура отношения между Ногаем и Византией обострились как из-за болгарских проблем, так и из-за решения Менгу-Тимура вступить в прямые отношения с императором Михаилом VIII. Первым шагом Ногая после смерти Менгу-Тимура стало восстановление дружеских отношений с византийским императором. Он предложил свою помощь против мятежного правителя Фессалии и направил к Михаилу VIII 4 тыс. отборных тюрко-монгольских войск. Император был чрезвычайно удовлетворен, но кампания так и не состоялась из-за внезапной смерти Михаила VIII (1282 г.). В 1280 г. Ногай помог заменить на троне болгарского царя на боярина половецкого происхождения Тертера. Сын и наследник византийского императора Андроник II начал свое правление с признания болгарским ханом Тертера (известного как хан Георгий Тертерий I), который в 1280 г. установил свое правление на значительной части болгарской территории.

Видимо, по соглашению с Ногаем император Михаил VIII заключил с египетским султаном Килавуном договор, гарантирующий купцам и послам, направляющимся из Золотой Орды или в Орду, беспрепятственное прохождение по морскому пути через Босфор.

В царствование Тертера (1280–1292 гг.) Болгария была настоящим тюрко-монгольским протекторатом, тесно связанным с Ногаем. Сын Тертера, Святослав, находился в качестве заложника при дворе Ногая, а его сестра вышла замуж за Чеку, сына грозного монгольского властителя. Кстати, дочь Ногая была женой русского князя Федора Рязанского.

Одним словом, Ногай решил расширить сферу господства тюрко-монголов на запад, и в этой связи рассмотрим общую природу и этническую основу государства Ногая.

В течение двадцати лет после первого появления Ногая на Балканах (1265–1285 гг.) ему удалось построить процветающую империю. Ее этническим ядром стал его собственный ногайский, или мангкытский, народ, которому подчинялось разнородное множество других народов. Сам ногайский народ продолжал оставаться кочевым. Некоторые завоеванные

народы, такие, как половцы, были полукочевниками, такие, как болгары, занимались сельским хозяйством. Важной группой среди подданных Ногай были аланы, которые мигрировали из Крыма и района нижнего Дона в Молдавию в начале его правления. Следует вспомнить, что другая группа аланов занимала именно этот регион около 400 г. н. э., как раз в то время река Прут стала называться Аланской рекой. По всей вероятности, именно в V в. был основан город Яссы, который в дальнейшем стал важным торговым городом, называемым в русских летописях «Ясским (или Асским) Торгом».

Далее, во владениях Ногай было много русских, среди них бродники в районах Нижнего Днестра и Нижнего Дуная. Русские на этой территории также занимались торговлей. Перечень «русских городов» этого периода в Молдавии записан в Воскресенской летописи.

Последними по очереди, но не по значению должны быть упомянуты валахи (румыны). Следует вспомнить, что предки румын жили на Балканском полуострове, на землях Нижнего Дуная и в Трансильвании со времен Римской империи. В XII в. валахи вместе с половцами приняли активное участие в создании так называемого Второго Болгарского Царства. В Трансильвании румыны находились под постоянным влиянием мадьяр. С этой точки зрения тюрко-монгольское вторжение в Венгрию в 1241 г. можно считать важной вехой в истории румынского народа, поскольку оно смягчило давление со стороны мадьяр, хотя бы на какое-то время. Как группа, входящая в федерацию народов, управляемых Ногаем, румыны в конце концов оказались в состоянии утвердиться как более или менее сплоченная общность сначала в Валахии, а позднее в Молдавии. В Молдавии они жили в тесном контакте как с аланами, так и с русскими. Румыны приняли кириллический алфавит, и их цивилизация в то время находилась под значительным славянским влиянием.

Согласно византийскому историку Георгию Пахимересу, все народы, подчиненные Ногаю, постепенно перешли под тюрко-монгольское влияние, надевая тюркские одежды и изучая тюрко-монгольский язык. Социологически империя Ногай напоминала западноскифское и сарматское государства, а также Готское королевство IV в. Простираясь от Днепра на запад к территории Нижнего Дуная, она занимала примерно ту же территорию, что и Готское королевство. Государство было богато сельскохозяйственными продуктами и рыбой и удобно расположено для ведения широкой торговли с Венгрией, Литвой и Русью на севере, с Византией на юге и с Крымом на востоке.

Быстрый рост государства Ногай не мог не отразиться на соседних странах, особенно на Венгрии. Как мы знаем, Венгрия была захвачена тюрко-монголами в 1240–1241 гг. Уход Бату-хана в 1242 г. предотвратил включение ее в состав Монгольской империи, но даже после этого монголы считали мадьяр потенциальными членами тюрко-монгольской федерации ввиду их исторического происхождения. Тюркский элемент в Венгрии существенно усилился благодаря миграции туда сильной группы половцев в 1239 г. С ними обосновалась и группа аланов. Румыны составляли еще один немадьярский элемент в Трансильвании. С половцами, аланами и румынами в Ногайской империи Венгрия теперь была значительно более, чем раньше, открыта для влияния народов из причерноморских степей.

Результатом этого стало возрождение старых степных традиций при венгерском дворе, по крайней мере – среди части мадьяр, и рост влияния орды Ногай и половцев в венгерских делах. Правящий король Венгрии Ласло IV (1272–1290 гг.) имел половецкое происхождение по матери, которая была половецкой княгиней. Именно через своих половецких родственников Ласло IV постепенно пристрастился к образу жизни и привычкам степных народов. Он зашел столь далеко, что заключил в тюрьму свою супругу, королеву Изабеллу Анжуйскую, взял себе в жены двух ногайских княжон и отрекся от христианства. Это, естественно, вызвало негодование папы, а также опасения у соседних христианских правителей. В самой Венгрии существовала сильная оппозиция татаризации страны. Лишь небольшая часть мадьяр выразила готовность следовать за королем по избранному им пути.

Именно на таком фоне можно лучше понять вмешательство Ногай в венгерские дела.

Обеспокоенный оппозицией христиан, король Ласло IV достиг взаимопонимания с ханом Ногаем, который в свою очередь вступил в сотрудничество с ханом Тула-Букой (до вступления последнего на престол).

Интервенция Ногая помогла Ласло IV на некоторое время удержать трон. При таком стечении обстоятельств, однако, венгерский король начал сомневаться в мудрости своей собственной политики и, казалось, был готов к тому, чтобы вернуться в лоно христианства, но в 1290 г. был убит половцами. Его смерть знаменовала собой окончательную победу христианства в Венгрии. Фердинанди считал Ласло IV подражателем Аттилы.

После венгерской кампании Ногай и Тула-Бука переместили свое внимание на Польшу. Их целью, по всей вероятности, было предвосхитить польскую интервенцию в поддержку христианской партии в Венгрии. В конце 1286 г. Ногай появился в Галиче со своей армией, и два монгольских предводителя, усиленные русскими вспомогательными войсками под командованием галицких и волынских князей, напали на Польшу. Они действовали порознь, и хотя тюрко-монголы хорошо поживились в Польше, им не удалось захватить страну, и в начале 1287 г. они возвратились в Галич и Волынь и вновь их разорили. Опустошение этих областей было столь же полным, как и киевских земель при Бату-хане. В результате потерь населения и богатств власть князей из галицкого дома была настолько подорвана, что в процессе объединения Западной Руси их подчинили себе великие князья Литвы.

Отношения между Ногаем и Тула-Букой обострились во время их совместной кампании против Венгрии и Польши, когда Тула-Бука стал жаловаться, что Ногай не оказывал ему достаточной поддержки. Теперь, как вполне состоявшийся хан, Тула-Бука посчитал, что может позволить себе большую независимость, и его отношения с Ногаем становились все хуже и хуже.

Весной 1288 г. Тула-Бука развязал кампанию против государства ильханов, возобновив вражду между двумя ветвями чингисидов, которая была начата ханом Берке. Целью хана Золотой Орды был, как и раньше, захват Азербайджана. Ни эта кампания, ни вторая, последовавшая весной 1290 г., не принесли каких-либо прочных результатов.

Если Тула-Бука надеялся, благодаря войне с ильханами, поднять свой престиж, который был так или иначе поколеблен его предыдущей безуспешной кампанией против Венгрии и Польши, то он просчитался.

Лидеры оппозиции, видимо, были готовы поддержать притязания Тохты (1290–1312 гг.) (сына Менги-Тимура) на трон. Во всяком случае, Тула-Бука решил захватить Тохту. Предупрежденный об опасности, Тохта бежал к Ногаю и попросил у него, как у старейшего из джучидов, защиты. Ногай был только рад использовать этот повод для подрыва авторитета Тула-Буки. Поэтому он предоставил Тохте приют в своей орде и гарантировал беженцу безопасность. Ногай тогда не понимал, что совершает роковую ошибку, поддерживая Тохту.

Могущество и влияние Ногая в конце концов рассердили молодого хана Тула-Буку, который собрал войско, чтобы расправиться с ним, но старый опытный воин сумел усыпить подозрения Тула-Буки и пригласил его на дружескую встречу, которая была западней. Юношу окружили люди Ногая, сбросили его с лошади и схватили. Ногай передал его Тохте, который, ненавидя молодого хана, убил его. После чего Ногай посадил Тохту на трон, уверенный в том, что новый хан, обязанный ему, станет послушным инструментом в его руках (1290 г.). Однако Тохта скоро тоже стал тяготиться опекой Ногая.

Хотя Тохта и получил от Ногая помощь в завоевании трона, он не намеревался оставаться пожизненно его должником. Тохта проявил себя очень способным правителем и человеком совершенно иного склада, нежели Туда-Менгу и Тула-Бука. Благоговейный приверженец культа Неба, он был проникнут суровыми монгольскими традициями и верил во всемонгольское единство. Достаточно осторожный, чтобы избегать поначалу открытого столкновения с Ногаем, Тохта с самого начала своего правления занялся организацией сильной армии и администрации. Но он вынужден был сделать еще несколько уступок Ногаю, прежде чем почувствовать себя готовым открыто противостоять ему.

Пользуясь переменой на троне в Золотой Орде, официальный великий князь Андрей Городецкий в сопровождении нескольких ростовских князей и ростовского епископа отправился к Тохте для возобновления ярлыка и изложил ему свои жалобы на креатуру Ногая – правящего великого князя Дмитрия Переяславского. Последний отказался появиться при дворе Тохты, считая себя вассалом Ногая. Князь Михаил Тверской (сын великого князя Ярослава II) также принял сторону Ногая и направился для подтверждения своего права на трон к нему, а не к Тохте. И князь Даниил Московский (самый младший сын Александра Невского) отказался появиться при дворе Тохты. Таким образом, разделение властей в Золотой Орде привело к образованию двух соперничающих групп среди русских князей. Тохта отказался мириться с подобным положением и предпринял энергичную попытку утвердить свое господство над всей Северной Русью.

Хотя хан Ногай решил на сей раз не вмешиваться в русские дела, его, вероятно, беспокоили решительные действия Тохты. Он посчитал необходимым напомнить Тохте, что высшая власть в делах Золотой Орды все еще принадлежит Ногаю. В связи с этим в 1293 г. главная жена Ногая, Байлак-хатун, нанесла визит ко двору Тохты и была принята с достойным почетом. Через несколько дней празднеств она сказала Тохте, что его «отец» (т. е. сюзерен) Ногай хочет предостеречь его от ряда военачальников, которые раньше поддерживали Тула-Буку и которых Ногай считает опасными. Она назвала двадцать три из них: Тохта вызывал каждого по очереди в свой шатер и казнил одного за другим.

Это свидетельство преданности Тохты успокоило Ногая. И он решил расширить свое влияние в Сербии, послав туда армию: у короля не было выбора, как признать себя вассалом Ногая (около 1293 г.).

В этом же году началась затяжная война между Генуей и Венецией. Ввиду широкой торговой экспансии двух итальянских республик в Восточном Средиземноморье, конфликт повлиял не только на отношения каждой из них с рядом восточных стран, но и на международную политику в целом как в Европе, так и в Азии. Генуэзцы прочно обосновались в крымских портах во время правления Менгу-Тимура. Венецианцы, возмущенные тем, что утратили былые преимущества в прибыльной черноморской торговле, вскоре попытались восстановить свое положение в Крыму.

Торговые компании генуэзцев и венецианцев уже полвека существовали в Крыму. В 1266 г. тюрко-монголы предоставили генуэзцам участок земли в Каффе для представительства и складов, это стало началом крупной генуэзской колонии в Крыму. Итальянские торговцы добирались до Нижней Волги, города Сарай, столицы золотоордынских ханов и крупного торгового центра. Они, помимо всего прочего, покупали там молодых рабов-тюрков и перепродавали их мамлюкам Египта для пополнения армии. Недовольный такой торговлей, которая лишала его лучших солдат, хан Тохта занял враждебную позицию по отношению к итальянским торговцам. В 1307 г. он приказал арестовать генуэзцев, жителей Сарая, и послал войска в генуэзскую колонию в Крыму. 20 мая 1308 г. генуэзские колонисты сами подожгли город и сбежали на кораблях. Ситуация оставалась напряженной до самой смерти Тохты (август 1312 г.). Но это позже, а к концу 90-х гг. XIII в. отношения Ногая с Тохтой стали очень напряженными. По всей вероятности, генуэзцы попросили Тохту о защите как от венецианцев, так и от поддерживавшего их Ногая. А Ногай предложил убежище и сотрудничество ряду военачальников Тохты, которые дезертировали от своего хана. Сыну одного из них Ногай даже отдал в жены свою дочь.

Тохта направил посланника к Ногаю, чтобы потребовать объяснений и, если они не будут удовлетворительными, пригрозить ему войной.

В конце концов армия Тохты напала на ставку Ногая, но в первом же сражении на берегу Дона в 1297 г. он потерпел сокрушительное поражение. Постаревший Ногай совершил роковую ошибку: он не двинулся сразу на Сарай, где скрылся его противник.

Примерно в это же время война между Генуей и Венецией завершилась победой генуэзцев в решающем морском бою при Курцолле (7 сентября 1298 г.). Между прочим, именно в этом бою Марко Поло, вернувшийся из Китая в Венецию в 1295 г., был захвачен в

плен генуэзцами, и именно в генуэзской тюрьме он рассказал свою историю соседу по камере Рустичьяно из Пизы, который записал ее и сохранил для потомков. Возможно, не будь этого тюремного заточения, он так и не нашел бы времени изложить на бумаге эту историю. Хотя Генуя и выиграла войну, условия мирного договора не были суровыми для Венеции, и право венецианцев торговать на Черном море было признано в 1299 г.

В 1299–1300 гг. Тохта вновь повел войска на запад. Во второй битве у Днепра Тохта разгромил Ногая, которого предали все бывшие сторонники. Об этом писал Рашид-ад-Дин: «Его сыновья и его войска на склоне дня бросились в бегство. Его схватил один русский солдат из армии Тохты и хотел убить. Ногай назвал себя и сказал, чтобы его отвели к Тохте, но солдат отрубил ему голову и отнес ее хану. Тохта был опечален смертью старика и приказал казнить убийцу».

Итак, сделаем выводы о роли Ногая в период двойного правления.

В течение четырех десятилетий Ногай играл такую крупную роль в политической жизни Золотой Орды, что иностранные государи принимали его за хана, посылали к нему посольства и царские подарки, встречали его послов как послов царских и т. д. Официально Ногай был только темником и правителем западных областей Дешт-и-Кыпчака от Дона и до Днепра, к которым при Тохте он получил еще власть и над Крымом с его богатыми торговыми городами. При Менгу-Тимуре, и особенно при Туда-Менгу, и в начале царствования Тохты он играл роль всемогущего временщика, который в полном смысле слова сменил одного из ханов. Собственно говоря, своим постоянным вмешательством в политические дела Золотой Орды Ногай внес много раздора, положил начало феодальным распрям, которые после полустолетнего перерыва в первой половине XIV в. при Тохте и Узбек-хане (1312–1342 гг.) вновь возродились во второй половине XIV в., пока наряду с другими причинами не привели Золотую Орду к полному упадку и политическому распаду. Царствования Туда-Менгу и Тула-Буки, в известной мере, были не чем иным, как политической фикцией. Во всяком случае, понять их без учета роли Ногая нельзя.

Может возникнуть вопрос, почему Ногай, такой всемогущий, не взял власть открыто в свои руки и не объявил себя ханом. Понять это в условиях тюрко-монгольских политических представлений не трудно. В те времена авторитет имени Чингисхана и его рода был настолько велик, что не находилось личности, которая решилась бы пойти против укоренившегося представления, что ханом может быть только лицо из рода Чингисхана. Насколько это представление крепко держалось в политическом сознании XIII–XIV вв. можно видеть хотя бы из того факта, что Темур (1370–1405 гг.) не принял титула «хан», а называл себя эмиром.

В первое время царствования Тохты Ногай действительно был полновластным хозяином, и Тохта целиком и беспрекословно выполнял его предписания. В этом отношении чрезвычайно характерен случай, когда Ногай потребовал от Тохты казни многих золотоордынских беков (нойонов), считавшихся противниками Ногая. Тохта выполнил это требование, чем очень пошатнул свое положение. Но вскоре Тохта нашел в себе достаточно силы и мужества, чтобы восстать против временщика. Повод легко для этого нашелся. Ногай оказал гостеприимство бежавшим от Тохты мятежным эмирам и отказался их выдать. Между Ногаем и Тохтой начались военные действия, кончившиеся после упорной и долгой борьбы не только разгромом ногайского войска, но и убийством самого Ногая в 1300 г. В течение почти сорока лет последний держал в своих руках все нити политической жизни Золотой Орды.

После решающей победы Тохты над Ногаем период Двоевластия в Золотой Орде прекратился. Хан Тохта после физического уничтожения Ногая мог считать себя полновластным государем Золотой Орды.

Сыновья Ногая пытались унаследовать отцовские владения, но их раздоры лишь сбрособствовали победе Тохты. Один из них, Чака, преследуемый Тохтой, сначала скрылся у башкиров, затем у аланов и в конце концов в Болгарии, где царствовал его шурина Святослав.

Святослав признал его своим сюзереном и помог ему взойти на болгарский трон в

Тырнове (конец 1300 или начало 1301 г.). Таким образом, ханом Болгарии стал чингисид. Однако это продолжалось недолго. Опасаясь репрессивных мер по отношению к Болгарии со стороны Тохты, Святослав вскоре предал Чаку. Заговор, который он возглавлял, удался, и Чака был брошен в тюрьму и там задушен. Затем Святослав объявил себя ханом Болгарии, по всей видимости, в качестве вассала Тохты.

После смерти Чаки орда Ногая распалась: часть ее мигрировала в русскую Подолию, еще одна часть признала сюзеренитет Тохты, и ей позволено было остаться в причерноморских степях; со временем они стали называться малыми ногайцами. Остальные ногайские кланы предпочли вернуться к своим прежним местам обитания в бассейне реки Яик, к северу от Каспийского моря, чтобы воссоединиться со своими родичами, которые оставались там на протяжении всего правления Ногая. Они стали называться великими ногайцами (см. «Ногайская Орда»).

Тохта начал править в очень трудной и сложной политической обстановке. Борьба с Ногаем отняла много сил и средств. Победа досталась ему после долгой и упорной борьбы. В том же 1300 г. в Золотой Орде началась засуха, продолжавшаяся около трех лет. За засухой «последовал, – по словам аль-Макризи, – падеж лошадей и овец, дошедший до того, что у них (жителей) нечего было есть и они продавали детей и родичей своих купцам, которые повезли их в Египет и другие места».

Несмотря на все эти трудности, именно на начало XIV в. приходится подъем производительных сил Золотой Орды. К этому времени государственные и общественные порядки оформились в военно-феодальную систему. К этому времени оба Сарая – Сарай Бату и Сарай Берке – стали крупными и богатыми ремесленно-торговыми городами.

Согласно большинству источников, Тохта не был мусульманином, а придерживался язычества, возможно, был буддистом, что не мешало ему проводить покровительственную политику в отношении мусульман.

Тохта пошел по стопам Ногая, установив дружественные отношения с Палеологами в Византии. Дружба, как и в случае с Ногаем, была скреплена семейными узами: Мария, внебрачная дочь императора Андроника II, стала одной из жен Тохты.

Следует заметить здесь, что в конце XIII в. в Малой Азии произошли важные события, последствия которых должны были повлиять на судьбы Византийской империи, а позднее – и Руси. В 1296 г. ильхан Газан сместил сельджукского султана Масуда II с престола. Под началом его преемника в Сельджукском государстве начался мятеж, который был подавлен войсками Газана в 1299 г. После этого Сельджукский султанат распался. Местные эмиры в Анатолии, которые все это время являлись вассалами султана, теперь вынуждены были давать клятву верности ильхану. Многие из них стали фактически независимыми и среди прочих – сын Ертогрула Осман. На протяжении его правления Осману удалось создать сравнительно сильное собственное государство. Находясь на смертном ложе, он получил радостное для себя известие о том, что его сын Орхан захватил важный город Бурсу, находившийся близко к южному побережью Мраморного моря (1326 г.). Бурса стала первой столицей Османской империи.

Как и перед его предшественниками, перед Тохтой стоял вопрос об отношениях с хулагуидским Ираном. Царствованию Тохты соответствуют у хулагуидов: правление Кейхату (1291–1295 гг.), Байду (1295 г.), Газан-хана (1295–1304 гг.) и Улчжайту (1304–1316 гг.). Одно время отношения между двумя монгольскими государствами прояснились, и кавказская дорога, которая в течение долгих лет была закрыта для купцов и их товаров, вновь открылась.

Это восстановление порядка в Золотой Орде не могло не отразиться также и на русских делах. Все русские князья вынуждены были подчиняться Тохте, поскольку теперь не было хана-соперника, к которому можно было бы обратиться за защитой. Таким образом, внешне было восстановлено подчинение Руси хану.

Важный намек на планы Тохты касательно Руси сохранился у автора, который продолжил «Историю» Рашид-ад-Дина в его сообщении об обстоятельствах смерти Тохты в

1312 г. Согласно ему, Тохта решил сам посетить Русь; он отправился на корабле вверх по Волге, но, прежде чем достигнуть пределов Руси, заболел и умер на борту. Решение Тохты поехать на Русь было уникальным в истории Золотой Орды. Ни один из монгольских ханов ни до, ни после него не посещал Русь в мирное время в качестве правителя, а не завоевателя. Несомненно, этот исключительный шаг Тохты был вызван намерением провести далекоидущие реформы в управлении его северным улусом. О характере этих реформ мы можем только догадываться.

С начала XIV в., как уже было отмечено, в Золотой Орде начался подъем производительных сил, и последние годы царствования Тохты были в этом отношении подготовительными к тому периоду расцвета военного могущества Золотоордынского государства, которое по времени связывается с именем Узбек-хана (1312–1342 гг.).

По словам аль-Бирзали, при вступлении своем на престол Узбек-хан имел от роду тридцать лет, «он исповедовал ислам, отличался умом, красивой внешностью и фигурой».

Узбек был сыном Тогрулджи, внуком Менгу-Тимура. Прав на Золотоордынский престол не имел. После смерти Тохты, прежде чем назвать ханом сына покойного, тюрко-монгольские предводители решили отклонить кандидатуру Узбека и убить его во время церемонии. Но Узбека предупредили. По словам автора «Истории Увейса», Узбек с помощью одного из влиятельнейших эмиров Кутлуг-Тимура убил сына Тохты Ильбасмыша и захватил Золотоордынский престол.

Напомним, что на грани XIII и XIV вв. улус Джучи распался на Золотую Орду и Белую Орду, каждая из которых имела свою собственную династию из потомков старшего сына Чигисхана Джучи. С первых лет образования улуса Джучи и после распада на две указанных орды, согласно персидским авторам XV–XVII вв., Золотая Орда составляла правое крыло джучиева войска, т. е. поставляла из среды своего кочевого населения все входящие в него тумены, а Белая Орда составляла левое крыло, т. е. поставляла все тумены левого крыла.

С первых же дней Узбек-хан взял определенный и твердый курс. Посадив Узбека на престол, Кутлуг-Тимур начал играть большую роль в государственной жизни страны, прежде всего в качестве наместника Хорезма. По словам аль-Айни, первое время он «распоряжался управлением государства, устройством дел его и сбором податей его». Благодаря советам Кутлуг-Тимура, Узбек-хан быстро освободился от ряда соперников и врагов, убив самым коварным образом наиболее опасных из них.

Как и Берке-хан, Узбек твердо и решительно повел политику исламизации, стараясь в этом отношении решить задачу в возможно быстрые сроки. Через два года после прихода к власти Узбек-хан сообщил египетскому султану аль-Мелику ан-Насиру Мухаммеду, что в его государстве осталось очень немного неверных. Это, конечно, не соответствовало действительности, но Узбек-хан имел в виду не народные и тем более кочевые массы трудящихся, а господствующие классы.

Известно, что Узбек-хан, считающийся главным проводником ислама в среде феодальных верхов золотоордынского общества, издал распоряжение об убийстве не только шаманов, которые играли огромную роль в общественной жизни тюрко-монголов, но и буддийских лам. Не следует, конечно, преувеличивать роль буддизма у тюрко-монголов во второй половине XIII и начале XIV в., едва ли он мог быть даже очень заметным в жизни монгольского народа. По всему видно, что суфизм не оказал никакого сопротивления исламу. Другое дело шаманизм: шаманы крепко держали в своих руках народные массы Золотой Орды еще долгое время после официального принятия ислама верхами золотоордынского общества при Узбек-хане.

В своей международной политике Узбек, в целом, был агрессивнее Тохты. Он вмешался в 1324 г. в болгаро-византийский конфликт во время междоусобной войны в Византии, оказав поддержку болгарскому хану Георгию Тертеру II.

В 1330 г. Узбек еще раз вмешался в балканские дела, но безуспешно. К тому времени сформировалась византийско-болгарская коалиция против Сербии. Как молдавские аланы, так и валахи под предводительством воеводы Иоанна Бессараба поддержали болгар. Участие

Бессарабии в коалиции стало сигналом появления румын на международной арене. Узбек, со своей стороны, направил 3 тыс. ногайских воинов для усиления коалиции. Объединенная союзническая армия составляла 15 тыс. человек.

Решающий бой в этой войне состоялся при Вельбужде (Костендиле) 28 июня 1330 г. и закончился полной победой сербов. После этого Сербия стала самым сильным из балканских государств и вскоре достигла своего наибольшего расцвета при короле Стефане Уроше IV по прозвищу Душан (1336–1355 гг.).

Как и во время правления Тохты, отношения между ханом и генуэзцами при Узбеке периодически портились из-за случавшихся конфликтов. В 1322 г. тюрко-монголы разграбили город Солдай и разрушили там много христианских церквей.

Тем не менее мусульманство Узбек-хана не мешало ему терпимо относиться к христианству: папа Иоанн XII в своем письме от 13 июля 1338 г. благодарил хана за благоволение к католическим миссиям, а по просьбе митрополита Московского Петра хан предоставил большие привилегии русской церкви в 1313 г. В 1339 г. Узбек принял францисканца Жана де Мариньоли, посланника Бенуа XII, и подарил ему великолепного скакуна. Узбек заключил торговый договор с генуэзцами и венецианцами. Послы Генуи, Антонио Грилло и Николо ди Пагана, получили разрешение восстановить стены и отстроить склады в Каффе. Каффа вновь начала развиваться, и начиная с 1318 г. она стала престолом римско-католического епископа. Генуэзцы также утвердились в этот период в Боспоре (Керчи) и в Херсоне.

Отношения с Западом были в то время хорошими, и терпимость тюрко-монголов позволяла францисканцам отвратить кыпчаков от ортодоксии и обратить их в римское католичество. Для них отцы церкви перевели на тюркский язык латинские псалмы и молитвы. Знаменитый «Команский (кыпчакский) Кодекс», хранящийся в библиотеке Петрарки, содержит глоссарий и кыпчакские литературные тексты, в основном религиозные, написанные в 1294–1295 гг., а продолжение датируется 1340 г.

Альянс с Египтом и обращение монархов в ислам привели к глубоким изменениям и к медленному, но верному проникновению этой религии в массы, особенно в XIV в. С Египтом Узбек поддерживал активные отношения. В 1314 г. султан аль-Малик ан-Насир выразил желание жениться на принцессе из джучидов. Узбек, после долгих колебаний, согласился отдать ему в жены чингисидскую принцессу – неслыханная милость по монгольским понятиям, скрепляющая союз Золотоордынского ханства с официальными защитниками ислама. Однако брак не был счастливым: султан развелся с Тулунбай через несколько дней и передал ее одному из своих эмиров. Узбек ничего не слышал ни об этом инциденте, ни о последовавшей затем смерти Тулунбай на протяжении пяти лет, когда же узнал, то был оскорблен, в связи с чем отправил несколько посольств в Египет с требованием объяснений (1332 г., 1335 г.). Позднее он выразил желание жениться на одной из дочерей султана, но ему сообщили, что ни одна из них не достигла брачного возраста. Ясно, что из двух монархов Узбек больше стремился к установлению сердечных отношений, поскольку из-за конфликтов с ильханами он нуждался в поддержке мамлюков.

Войска Узбека в разных комбинациях действовали не только на границе, но и на самой хулагуидской территории. Однако сколько джучиды ни старались, Азербайджана они так и не получили. На протяжении почти ста лет Азербайджан не выходил из рук Ирана, находившегося во второй половине XIII и в первой половине XIV в. под властью тюрко-монголов.

В отношении русских дел политика Узбека была менее конструктивной, чем политика Тохты. Он не делал попыток изменить положение вещей на Руси и поставил себе значительно более узкую цель: предотвратить формирование объединенного русского государства и сохранить баланс между русскими князьями, особенно тверскими и московскими. Хан назначил специальных уполномоченных, которых можно было бы назвать его политическими эмиссарами, наблюдавшими за делами в том или ином русском княжестве.

За титул великого князя Владимирского (с контролем над Новгородом) вели борьбу князь Михаил Тверской и Юрий Московский. Хан Узбек отобрал ярлык у князя Тверского и передал его Московскому, кроме того, князь получил в жены сестру Узбек-хана. Князь Юрий Московский двинулся со своей молодой женой и небольшим войском на Тверь, и тверичи захватили в плен его жену, которая так и умерла в плену. В ходе расследования этого дела хану стало известно, что князь Юрий Московский укрывает в своей сокровищнице часть налогов, которые он в качестве дани собрал для хана. Узбек-хан лишил князя Московского ярлыка и передал его младшему брату Александру. Тверь, так и вся Тверская земля были безжалостно разорены тюрко-монголами, а тысячи тверичей угнаны в плен. Некоторые из них, как мы уже знаем, были привезены в Китай.

Тверичи не могли дольше сдерживать своих антимонгольских настроений, и вскоре они восстали и убили как самого монгольского представителя, так и большинство из его чиновников и охраны (1327 г.). Узбек тут же вызвал Ивана Калиту в Орду и приказал ему вести карательные войска против Твери вместе с князем Александром Суздальским, таким образом Узбек сурово наказал Тверь руками Ивана Калиты. Хан, вероятно, не желал чрезмерно усиливать Московское княжество, в связи с чем показательно, что ярлык на княжение в Великом княжестве Владимирском он даровал не Ивану Московскому, а Александру Суздальскому (1328 г.). Лишь после смерти князя Александра, четыре года спустя, Иван Калита получил ярлык на Великое княжество Владимирское. Однако несколько княжеств были ему неподвластны: Тверское, Суздальское и Рязанское. Князь каждого из них был уполномочен собирать налоги и привозить деньги прямо к хану без посредничества великого князя. Чтобы обеспечить себе устойчивое милостивое отношение хана, Иван Калита совершал частые визиты в Орду.

В силу добрых отношений между Иваном I и Узбек-ханом жизнь на московской земле представлялась более безопасной, нежели в любом другом месте, и население быстро увеличивалось. Иван I добавил к своему собственному титулу несколько слов – «и всея Руси». Это расширение великокняжеского титула имело глубокое значение. Оно ознаменовало начало движения к объединению Руси и готовность московского князя занять в этом процессе лидирующее положение, к тому же он всячески проявлял свою преданность Узбек-хану. Именно в качестве исполнителей воли ханов московские князья готовили свое славное будущее.

Узбек-хана высоко превозносили мусульманские историки и путешественники за его защиту и пропаганду исламской веры, за справедливое правление и поддержку торговли. Согласно Ибн-Арабшаху, историку XV в., при Узбек-хане торговые караваны безопасно курсировали между Крымом и Хорезмом, не нуждаясь в каком-либо военном сопровождении, и на протяжении всего пути было вдоволь пищи и корма для скота.

Огромное значение Узбек-хан придавал городской жизни. С его именем связано новое строительство, рост и украшение Сарая Берке, куда он официально перенес столицу Золотой Орды из Сарая Бату. Несомненно, что шаг этот был чрезвычайно благоприятен для дальнейшего подъема производственной и культурной жизни Сарая Берке. Лучшее описание Сарая Берке сделано как раз в царствование Узбек-хана арабским путешественником Ибн-Баттутой, который был здесь в 1333 г. Его впечатления, ярко выраженные, определенно подчеркивают богатство золотоордынской столицы.

В Сарае Берке жило «шесть народов»: монголы, аланы, кыпчаки, черкесы, русские и греки – и у каждого был в городе свой район. Для защиты себя и своих товаров иностранные купцы останавливались в особой части города, обнесенной стеной.

С Узбек-ханом связано огромное строительство. По его приказанию возводились в Сарае Берке мечети, медресе, мавзолеи, дворцы, от которых остались, к сожалению, только скрытые еще кое-где в земле фундаменты, да главным образом элементы декоративного убранства – мозаичные и расписные глазурованные изразцы. Узбек-хан строил не только в Поволжье, но и в Крыму. До наших дней в Старом Крыму (Солхате) сохранилась мечеть с великолепным резным каменным порталом, с датой постройки и именем самого Узбек-хана.

При нем в Ургенче строил и его родственник, всемогущий наместник Хорезма Кутлуг-Тимур. Во внешней политике Узбек-хан продолжал старую традицию. Золотая Орда была в постоянных торговых, культурных и дипломатических сношениях с мамлюкским Египтом.

Как и его предшественники, Узбек проводил в городе лишь часть года, в остальные месяцы странствовал со своей свитой. Летом он часто направлялся на высокое плато Северного Кавказа, расположенное близко к горам. Его всегда сопровождали жены и высшие придворные чиновники. Эта странствующая орда описана Ибн-Баттутой как огромный, в постоянном движении, город из шатров.

Любимой женой Узбека была хатун Тайдула. Ибн-Баттута называет ее «Великая хатун», и ему рассказывали люди, которым он доверял, что у Тайдулы было особое телосложение. Каждую ночь Узбек снова и снова обнаруживал ее девственницей, и поэтому предпочитал ее всем остальным своим женам.

Двор Узбека был знаменит роскошными приемами, которые давались каждую пятницу в Золотом Шатре. Празднование окончания поста было особенно пышным и изысканным.

Высшей точкой военного могущества Золотой Орды было время Узбек-хана, а его власть одинаково авторитетна на всех землях его обширных владений.

Однако частые неурядицы при дворе в период наибольшего могущества Золотой Орды явно указывают на глубокие противоречия в среде Золотоордынского государства и общества. Золотоордынская власть держалась по существу на насилии. Ее территории были целиком населены покоренными народами, в культурном отношении стоящими неизмеримо выше монголов.

Жители Хорезма, Крыма, Булгара, северного Кавказа – земледельцы и горожане – имели свою богатую экономическую и культурную базу. В этой среде власть Золотой Орды ощущалась всегда как насилие и пользовалась всеобщей ненавистью, исключая богатых купцов, связанных торговыми интересами с ханским двором, поскольку ханы и царевичи участвовали своими вкладами в операциях караванной торговли. Наряду с оседлыми, земледельческими областями улус Джучи включал в себя огромные степные территории, где проживало большое количество кочевников – тюрков, тюркизированных монголов и монголов.

Численная кочевая часть улуса Джучи, быть может, и не преобладала над оседлой, однако в области политической она играла первенствующую роль. Хозяевами государства были представители ее знати – эмиры, беги, нойоны. Их объединяло одно – они стремились быть максимально самостоятельными, и при слабых ханах плели интриги, создавали склоки, устраивали дворцовые перевороты. В их среде были существенные разногласия и, прежде всего, по вопросу об отношении к городам и скотоводческим районам. Одни из них были связаны с ними личной собственностью, участием в их жизни, почему и склонны были идти на принятие ислама; другие, напротив, считали за лучшее знать только кочевую скотоводческую жизнь и пользоваться даяниями и налогами с покоренных оседлых областей. Эти разногласия отражались в политической жизни столкновениями.

Нужны были лишь незначительные толчки, чтобы все отмеченные противоречия пришли в движение, и в Золотой Орде наступила смута.

Великая смута. Распад Золотой Орды

После смерти Узбек-хана в 1342 г. положение дел в улусе Джучи стало постепенно меняться. Твердый порядок, поддерживаемый Узбек-ханом, начал подрываться династийными распрями, принявшими характер сложных феодальных смут.

После краткого периода правления старшего сына Узбека, Тинибек (1341–1342 гг.), к власти пришел его младший брат Джанибек (1342–1357 гг.). В своей политике Джанибек полностью следовал традициям отца, за исключением того, что он не вмешивался в балканские дела. Вдова Узбека хатун Тайдула продолжала занимать выдающееся положение

в Золотой Орде на протяжении всего правления Джанибека.

Как и его отец, Джанибек вступил в конфликт с генуэзцами и пытался отнять у них Каффу. Он дважды осаждал Каффу (1343 и 1345 гг.). Эта генуэзская колония оказала столь мощное сопротивление, что ему пришлось снять осаду. Затем генуэзцы и венецианцы блокировали принадлежащее тюрко-монголам побережье Черного моря к востоку от Керчи. Наконец, в 1346 г. Джанибеку пришлось уступить и разрешить восстановление колонии. Был подписан договор венецианцев с Джанибеком (1356 г.). Венецианцы получили право устанавливать свою торговлю в Солхате на условиях оплаты таможенных пошлин из расчета двух процентов от стоимости проданных товаров, и в Солдае – из расчета трех процентов.

Враждебное отношение к европейцам сопровождалось новой волной исламизации. Продвижение ислама, ускорившееся при хане Узбеке, приносило свои плоды в виде усиления влияния мамлюков Египта во всех областях политической и социальной жизни. От религиозной терпимости, традиционной для чингисидов, Золотая Орда переходила к тоталитарному мусульманскому фанатизму мамлюков. (К примеру, в 1320 г. Узбек запретил звонить в колокола в Солдае.)

Через четыре года после восхождения Джанибека на трон Золотую Орду постигло страшное бедствие, которое обострило политический кризис в Золотоордынском государстве. Чума, которую называли «черной смертью», проникла в Хорезм из Китая и Индии вместе с торговыми караванами; в 1346 г. эпидемия поразила Крым, убив 85 тыс. человек. Из Крыма вдоль азиатского берега Эгейского моря и через остров Кипр болезнь достигла Египта и проникла в Сирию. Затем через Средиземное море чума охватила Западную Европу и, распространяясь снова на восток через Балтийское море, поразила Новгород и в 1353 г. достигла Москвы. Эпидемия четко следовала по главным торговым путям; она расцветала пышным цветом на многолюдных рынках и кораблях. Поскольку торговля между городами Золотой Орды и Руси была в этот период обширной, парадоксальным представляется то, что «черная смерть» пришла в Новгород через Балтийское море, а не через Южную и Центральную Русь. Южнорусские степи, малонаселенные, используемые главным образом как пастбища для монгольских табунов, видимо, создали нечто вроде безопасного пояса. От последствий чумы Золотая Орда долго не могла оправиться. Только в последние годы правления Джанибека она была в состоянии возобновить войну с хулагуидами на Кавказе.

В середине XIV в. произошло важное событие, которому было суждено изменить всю политическую ситуацию на Ближнем Востоке. В 1355 г. небольшой отряд османских турок пересек Геллеспонт и на следующий год прочно укрепился в Галлиполи. С этого опорного пункта они вскоре начали завоевание Балканского полуострова и разрушение Византийской империи. Рост военной мощи османских турок и захват ими Дарданелл, а позднее и Босфора дал им возможность полностью контролировать Черноморскую торговлю. Неуклонное ослабление Византийской империи, державшей проливы под своим неусыпным вниманием до того, как там появились турки, не представляло серьезной проблемы для ханов Золотой Орды, которые всегда могли оказать военное давление на Византию, чтобы обеспечить себе право на передвижение в Египет. Итальянцы, в свою очередь, были заинтересованы в свободе навигации через проливы и добивались этого от Византии. Поскольку Золотая Орда процветала благодаря торговле с Египтом и Италией, тот факт, что турки обосновались в Галлиполи, представлял угрозу ее благосостоянию, хотя значение этого события не сразу было понято в Сарае.

Что касается Руси, то в период правления хана Джанибека мало что изменилось. При нем Русь разделилась на несколько великих княжеств; Владимирское великое княжество теперь практически, хотя и не номинально, смешалось с княжеством Московским. Оно все еще сохраняло особый престиж, как первоначальное великое княжество, и, как мы знаем, начиная с Ивана I, великие князья Владимирские и Московские добавляли «и всея Руси» к своему титулу.

В 1356 г. Джанибек развязал войну против пришедшего в упадок государства ильханов

и стал первым из правителей Золотой Орды, завоевавшим Азербайджан. Последним годом твердой власти и покоя в Золотой Орде следует считать 1356 г., когда Джанибек-хан захватил Азербайджан и его столицу Тебриз. Джанибек передал своему сыну Бердибеку наместничество в Азербайджане. Но по дороге домой он заболел и умер. В 1358 г. золотоордынские войска были изгнаны из Азербайджана.

Историки двояко трактуют смерть Джанибека. Наиболее подробный рассказ о смерти Джанибек-хана приведен у «Анонима Искендера» (Муин-ад-Дин Натанзи). Когда, согласно рассказу последнего, определилось, что Джанибек очень серьезно болен, Тоглубай, один из главных его эмиров, написал письмо Бердибеку в Тебриз, прося его скорее приехать, чтобы в случае смерти хана царство досталось ему. Бердибек жаждал власти и тотчас же выехал, не получив на то разрешения отца. Когда Бердибек явился в ставку отца, последнему на тот момент стало лучше. Кто-то из доверенных хану людей сообщил ему о прибытии сына. Джанибек вознегодовал и решил прояснить сей факт с упомянутым выше Тоглубаем, не подозревая, что он-то и есть виновник появления Бердибека. Тоглубай испугался ответственности, под предлогом расследования дела вышел из ханской палатки и через некоторое время вернулся с несколькими людьми к хану и убил его. Тотчас был введен Бердибек, и здесь же началось приведение к присяге находившихся в ставке эмиров. Всех, кто отказывался присягнуть Бердибеку, тут же на ковре убивали.

Великая смута началась как семейная усобица, конфликт между тремя сыновьями Джанибека – Бердибеком, Кульпой и Наврусом. Очевидно, Бердибек сел на трон, убив отца, поэтому последующее противодействие ему со стороны его брата Кульпы и некоторых вельмож вполне понятно. В 1359 г. в Золотой Орде произошел дворцовый переворот, руководимый Кульпой; Бердибека убили и Кульпу провозгласили ханом. Следует отметить, что два сына Кульпы носили русские имена – Михаил и Иван, посему нет сомнений, что оба сына Кульпы были христианами. И этот факт сыграл не последнюю роль в дальнейшем ходе событий. Младший сын Джанибека, Наврус, организовал другой дворцовый переворот, в котором убили и Кульпу, и его сыновей (примерно 1360 г.). Конфликт между сыновьями Джанибека, таким образом, с уничтожением двух старших закончился, и Наврус, казалось, получил великолепный шанс восстановить линию престолонаследия ханов рода Узбека.

Однако династический кризис в Золотой Орде деморализовал джучидов как род; ханы восточной части улуса Джучи – потомки Орды, Шейбана и Тука-Тимура – сочли возможным, в свою очередь, вступить в схватку, вдохновляемые той сказочной наградой, которая ожидала победителя – достоянием Золотой Орды, собранным за время ее процветания. Это достояние, казалось, находилось в пределах досягаемости любого предприимчивого джучида.

Так началась вторая фаза великой смуты. В 1361 г. несколько знатных вельмож тайно предложили потомку Шейбана по имени Хузр принять трон. При приближении армии Хузра Навруса вероломно захватили его собственные приближенные и передали Хузру, который немедленно распорядился казнить Навруса и всю его семью. Среди убитых тогда принцев и принцесс была великая хатун Тайдула. После непродолжительного правления Хузр пал от руки собственного сына, Темир-Ходья, который просидел на троне только пять недель, когда несколько оставшихся в живых потомков Узбека предприняли попытку вернуть власть. Однако они не сумели договориться между собой. В 1362 г. один из них, по имени Келди-Бек, правил в Сарае, другой – Абдулла – в Крыму. В том же году еще один джучидский принц, Булат-Тимур (по всей вероятности, восточной ветви джучидов), захватил болгарскую территорию в бассейне средней Волги.

Ни один из упомянутых нами до сих пор джучидских правителей не обладал выдающимися способностями ни полководца, ни государственного деятеля.

Итак, с убийством Бердибека открывается полоса непрерывных дворцовых переворотов, сопровождавшихся кровавыми убийствами. Хаммер удачно сравнил историю Золотой Орды этого времени с историей тридцати римских тиранов, ускоривших падение Рима. Источники этого периода чрезвычайно ограничены и противоречивы.

С момента убийства Бердибека до вступления на престол Тохтамышша (1379 г.), т. е. за 20 лет, в Орде сменилось более 25 ханов.

В это время среди тюрко-монгольских темников Золотой Орды появился лидер неджучидского рода – Мамай. Начало карьеры этого всеильного временщика относится еще ко времени хана Бердибека. Его влияние усилилось после смерти хана.

Ибн-Халдун, объясняя усиление влияния Мамаю, писал: «Дочь Бердибека была замужем за одним из старших монгольских эмиров по имени Мамай». Эта женитьба давала большие права, за исключением права на трон, и, подобно своему предшественнику Ногаю, он в течение двадцати лет правил государством, используя марионеточных ханов из рода джучидов.

Мамай поддерживал Абдуллу в борьбе против Келди-Бека. Однако, несмотря на все усилия Мамаю, он оказался неспособным отнять Сарай у ряда ханов-соперников, таких как Мурид в 1362–1363 гг. и Азиз (сын Темир-Ходья) в 1364–1367 гг. После смерти Абдуллы, примерно в 1370 г., Мамай посадил на трон еще одного джучида, Мухаммад-Булака.

Фактически власть Мамаю признали только в западной части Золотой Орды – западнее Волги. За считанные годы ему удалось восстановить на этой территории порядок. В некотором смысле государство Мамаю было слепком с орды Ногаю, хотя и не простиралось на запад так далеко.

В этой связи следует отметить, что пока Западная и Восточная Русь находились под контролем хана, обе были частями одного политического образования – Золотой Орды. Но после падения Ногаю золотоордынские ханы стали уделять меньше внимания положению в своих западных русских провинциях, чем контролю над Восточной Русью. Тогда как Узбек-хан считал необходимым защитить Галицию от нападения польского короля Казимира Великого в 1340 г., его преемник Джанибек оказался не в состоянии отразить вторую атаку Казимира на Галицию в 1349 г., а только помог литовскому князю Любарту выбить поляков из Волыни. Любарт, однако, хотя формально и был вассалом хана, фактически представлял интересы растущего Литовского государства и потенциально являлся врагом тюрко-монголов. Таким образом, мы можем сказать, что власть тюрко-монголов над Западной Русью начала ослабевать в 1349 г. Вскоре после начала усобиц в Золотой Орде великий князь Ольгерд Литовский предпринял против тюрко-монголов успешную кампанию с целью установления контроля над Киевом и Подольской землей. Сопrotивление ему было слабым, в 1363 г. он разбил силы трех монгольских князей у Синих Вод вблизи устья Буга и вышел к берегам Черного моря.

Несмотря на то что преемники Ольгерда в конце концов утратили выход к Черному морю, они сохранили за собой Киев и Подольскую землю, хотя после смерти Ольгерда его сын, князь Владимир Киевский, вынужден был признать ханский сюзеренитет и выплачивать ему дань. В любом случае, большая часть Западной Руси была освобождена от тюрко-монголов, чье владычество над ней теперь сменилось владычеством Литвы и Польши.

Тюрко-монгольскому сюзеренитету над Восточной Русью суждено было продолжаться еще около ста лет, что само по себе являлось фактором углубления различий в историческом развитии Восточной (или Великой) и Западной (Малой и Белой) Руси.

Именно в этот период Хорезмская область джучидов отделилась от Золотой Орды, образовав в Хорезме новое государственное объединение под властью суфиев. Чеканка золотоордынских монет с именем хана Золотой Орды прекращается с 1361 г. Зато в эти годы в Хорезме стали появляться анонимные монеты с надписью: «Нет Бога кроме Аллаха и Магомета, его пророка».

Основателем династии Суфиев в Хорезме следует считать Ак-Суфия, сына золотоордынского эмира, женатого на дочери хана Узбека.

При Хусаин-Суфи, стоявшем во главе Хорезма после Ак-Суфи, владения суфиев расширились за счет других территорий, ранее не принадлежавших улусу Джучи. В 1365 г. Хусаин-Суфи «покорил мечом» Кият и Хиву, принадлежавших дому Чагатаю.

Новая династия стала известной далеко за пределами Хорезма, и не случайно

Ибн-Халдун называл Хусаин-Суфия одним «из представителей престольных царей сарайских».

Раньше, чем Хорезм, от Сарая отпала Белая Орда, в период семнадцатилетнего правления хана Чимтая. При Урус-хане (сыне Чимтая) Белая Орда превратилась в самостоятельное государство.

Зависимость северо-восточных русских княжеств от тюрко-монголов по мере распада Золотой Орды тоже становилась чисто формальной.

Начавшийся распад Золотой Орды на ряд самостоятельных государств настолько ослабил империю джучидов, что ханы, будучи заняты борьбой между собой, совершенно потеряли не только власть над завоеванными ими народами, утратили свое влияние в соседних с ними государствах, но и в собственных владениях.

Итак, после Чимтая престол в Белой Орде перешел к Урус-хану, который правил с 1361 г. по 1380 г. «Аноним Искендера» приписывает ему сложный характер, однако признает его сильным государем. С первых же дней своего правления он не только объявил себя суверенным государем, но и предложил на курултае кочевой знати вмешаться в дела Золотой Орды. Урус-хан в течение нескольких дней устраивал одно празднество за другим, раздавал дорогие подарки крупным и влиятельным эмирам, затем, заручившись поддержкой военной знати, отправился в поход на Золотую Орду. К сожалению, мы не имеем точной даты похода, но это было начало решительного наступления Белой Орды на сарайских ханов. Урусхан явно стремился стать во главе всего Золотоордынского государства, воссоединить вновь обе части в одно могущественное целое под его единой властью. В своей политике Урус-хан значительно преуспел. В середине 70-х гг. он владел уже Хаджи Тарханом (Астраханью). Через некоторое время он продвинулся вверх по Волге и дошел до Сарая. В 1374–1375 гг. Урус-хан захватил Сарай и вскоре начал чеканить там свои монеты, что видно из дошедшего до нас чекана с его именем в Сараях с датой 1377 г. Факт этой чеканки целиком подтверждает сообщение Ибн-Халдуна о захвате Сарая. Перед Урус-ханом встала самая трудная задача – устранить с пути Мамаю, однако она оказалась ему не по плечу. До Куликовской битвы Мамай был в зените своего могущества и едва ли считал Урус-хана более серьезным соперником, чем остальных сарайских ханов.

Пока Урус-хан проводил свою энергичную политику в золотоордынском Поволжье, у него в самой Белой Орде оказался серьезный соперник в лице молодого Тохтамышша. С захватом Сарая Урус-хан подчинил своей власти все территории Золотой Орды, расположенные на востоке от Волги, за исключением Хорезма; есть данные утверждать о захвате им и камских булгар. Историки Амира Темура рассматривают именно Урус-хана как одного из серьезных его конкурентов, что подтверждалось тем упорством, которое было проявлено Урус-ханом и его преемником в борьбе с Тохтамышем, за спиной которого стоял Амир Темура (о чем подробно далее в «Империи Амира Темура»).

Тем временем, в западных улусах росло влияние Мамаю. К началу лета 1377 г. все улусы Золотой Орды, расположенные на западе от Волги, за исключением Астраханского, находились под властью Мамаю, таким образом, произошло фактическое разделение Золотой Орды между Мамаем и Урус-ханом.

Еще в 1371 г., укрепив свое положение в Орде, Мамай взялся за восстановление зависимости Руси. Князь Московский Дмитрий отказался от уплаты дани. Начались антитюркомонгольские движения в русских городах. Мамай стал готовиться к походу на Русь не в плане простого грабительского набега, а с целью решительного ослабления и нового подчинения Руси. Как попытку, как пробу такого наступления и нужно рассматривать поход Мамаю на Нижний Новгород и Москву в 1378 г. Известно, что Нижний ему удалось взять и ограбить, а к Москве войска его допущены не были.

В 1378 г. Мамай послал князя Бегича с войском на князя Дмитрия и «на всю землю русскую». Князь Бегич был разбит на Волге, и это было первое сражение с тюрко-монголами, выигранное русскими.

Мамай не мог (ради поддержания ордынского авторитета) оставить без внимания

Волжское поражение. Два года он потратил на подготовку к новому походу: считал, что у него много шансов на победу, так как политическая обстановка была для него благоприятной.

Мамай решил всеми силами обрушиться на Русь. К тому же на востоке умер хан Урус, его преемники были заняты войной с Тохтамышем, поэтому нападения с востока не приходилось опасаться.

В 1379 г. Мамай подчинил себе весь Северный Кавказ, а в следующем году захватил Астрахань. Таким образом, все улусы Золотой Орды, лежавшие на западе от Волги, оказались под его властью.

Союзниками Мамаю в войне с Москвой был литовский князь Ягайло и генуэзцы Крыма. По источникам, в 1380 г. Мамай привел на Куликово поле огромное войско.

Как только русские войска, возглавляемые князем Дмитрием, пересекли Дон, они оказались лицом к лицу с тюрко-монголами. Кровавая битва на Куликовом поле произошла 8 сентября 1380 г. Согласно летописям, битве предшествовал, по традиции рыцарства степной войны, вызов монгольского богатыря Темир-мурзы любому русскому. Вызов принял Пересвет, монах, посланный преподобным Сергием; оба погибли, и тогда по всему фронту началось сражение. К концу битвы каждая рать потеряла около половины своих людей. Победа над тюрко-монголами вызвала великое ликование на Руси. К князю Дмитрию стали обращаться как к Донскому.

В Куликовской битве Восточная Русь сделала максимум того, на что была способна в то время. И если бы распри в Золотой Орде продолжались, то это сражение обеспечило бы Руси немедленную независимость. Однако единство и сильная власть в Орде были восстановлены вскоре после поражения Мамаю.

Тем временем Мамай начал спешно собирать новую армию для похода против Москвы. Тогда-то и пришла опасность с восточной части – нападение конкурирующего молодого вождя Тохтамыша, правителя Сарая. Столкновение армий произошло в 1381 г. на берегах реки Калки: Тохтамыш победил, в результате чего большинство сторонников Мамаю перешли на сторону победителя.

Мамай скрылся с большим количеством золота и драгоценностей в Каффе. Генуэзцы приняли его, но вскоре убили и захватили сокровища.

Итак, на арену мировой истории вышла неординарная личность – Тохтамыш. Тохтамыша обычно считают племянником хана Уруса и, следовательно, потомком Орды. Однако согласно родословной XV в., предком Тохтамыша был не Орда, а другой сын Джучи – Тука-Тимур. В любом случае Тохтамыш был джучидом высокого рода.

Уничтожив хозяина Золотой Орды – Мамаю, Тохтамыш сел на золотоордынский трон, а будучи к тому времени властителем Белой Орды, он таким образом объединил земли своего предка Джучи. Из своей столицы Сарай Тохтамыш теперь правил всеми степями, которые простирались от устья Сырдарьи до устья Днестра.

Он сразу употребил свое могущество и потребовал от русских князей традиционных почестей, которые те отдавали золотоордынским ханам. После Куликовской победы русские отказались исполнять его требования (1381 г.). Тогда Тохтамыш вторгся в русские княжества, прошелся по ним огнем и мечом, разграбил Суздальский край, Владимир, Юрьев, Можайск и 13 августа 1382 г. до основания разрушил и сжег Москву. В события попытались вмешаться литовцы, но также потерпели жестокое поражение под Полтавой. В течение столетия христианская Русь продолжала существовать под тюрко-монгольским игом.

Таким образом, Тохтамыш полностью восстановил былое могущество Золотоордынского ханства. Объединение Золотой и Белой Орд и подавление Руси сделало из него нового Бату и нового Берке. Это, по сути, неожиданное возрождение получило широкий отклик еще и потому, что именно тогда чингисидов прогнали из Китая, устранили в Иране и искоренили в Туркестане. В силе оставался единственный из этой славной семьи – Тохтамыш – реставратор монгольского величия, считавший себя продолжателем дела своего предка Чингисхана. Очевидно, именно это и побудило его предпринять завоевание

Мавераннахра и Ирана. Вполне вероятно, что он мог бы реализовать свои планы, будь то лет на двадцать раньше, во время анархии, в которую погрузились обе эти страны. Но вот уже несколько лет, как Мавераннахр и Иран находились во власти выдающегося человека, того самого, кто способствовал восхождению Тохтамыша. Им был Амир Темур. Тохтамыш восстановил мощь и жизнестойкость Золотоордынского ханства, но Амир Темур нанес ему сокрушительный удар. Война между ними началась в 1387 г. и продолжалась до 1398 г. Вопрос стоял так: останется ли империя степей в руках старой монгольской династии или перейдет к новому тюрку-завоевателю. Но об этом, как уже отмечалось, далее, в главе «Империя Амира Темура».

Один из наиболее коварных и хищных золотоордынских правителей – Едигей – в историографических материалах появился почти одновременно с Тохтамышем.

Кратко охарактеризуем ситуацию в Золотой Орде, сложившуюся на момент начала правления Едигея.

Результаты походов Амира Темура против Золотой Орды были катастрофическими для нее как с экономической точки зрения, так и с военной. Благополучие Орды зависело от международной торговли, особенно от торговли с Ближним Востоком. Великие караванные пути из Китая и Индии сходились в Ургенче, а оттуда дороги вели в Старый Сарай (чью роль примерно с 1360 г. приняла на себя Астрахань) и Новый Сарай. Из Астрахани товары доставлялись в Азов (Тана), где итальянские купцы брали на себя ответственность за дальнейшую транспортировку морем. Все эти большие торговые центры – Ургенч, Астрахань, Сарай, Азов – были разрушены Амиром Темуром во время войны с Тохтамышем. Темур, по-видимому, стремился не только разбить армии соперника, но и подорвать коммерческую мощь Золотой Орды, перенести маршрут китайской и индийской торговли с Западом из северных районов Каспия и Черного моря в Иран и Сирию. Он надеялся таким образом лишить Орду доходов от дальневосточной торговли и обеспечить все эти выгоды своей собственной империи. Он преуспел на этом поприще в значительной мере. Согласно венецианскому послу Джюсафато Барбаро, посетившему Золотую Орду в 1436 г., в Азове прежняя торговля шелком и специями полностью прекратилась и шла теперь через Сирию. На крымских портах – Каффе и Солдае – также сказалось перемещение восточной торговли. Они продолжали торговать с Золотой Ордой и Русью до конца XV в., когда венецианские и генуэзские фактории в Крыму закрыли османские турки, но эта торговля была более ограниченной по объемам, чем дальневосточная.

Торговля была не единственной отраслью экономики Золотой Орды, подорванной Темуром. Большие города, покоренные им, являлись центрами не только торговли, но и разного рода ремесел и производств, однако все теперь было разрушено. Последствия походов Амира Темура на Золотую Орду были, таким образом, подобны последствиям похода Бату на Русь. В результате разгрома главных городов были уничтожены и ведущие культурные группы общества, как в сфере экономики, так и в духовной жизни.

Война с Темуром не могла не быть губительной для развития Золотой Орды. Разумеется, культурный уровень государства понизился катастрофически. Ее развитие базировалось на соединении кочевничества и городской культуры, теперь же кочевники располагали, по меньшей мере временно, лишь собственными ресурсами. Хотя они все еще составляли мощную военную силу, но уже чувствовался недостаток преимуществ культурного лидерства городов. Кроме прочего, теперь они не имели необходимого военного арсенала. Это был период важного изменения в технике ведения войны – период быстрого распространения огнестрельного оружия. В то время как соседи Орды, включая Московию и Литву, начали производить разные виды огнестрельного оружия, Золотая Орда не имела пока возможностей делать это. Правда, огнестрельное оружие еще находилось в стадии разработки и имело ограниченную сферу применения, но, как характерный аспект общего технического прогресса, оно было важно. Только на окраинах Золотой Орды – у болгар в бассейне Средней Волги и в Крыму – городская культура продолжала процветать. Скоро, однако, эти два района проявили стремление к освобождению от кочевого ядра Орды, и в

конец концов каждый из них составил основание местных ханств, Казанского и Крымского. Одним словом, нет никаких сомнений, что после нанесенных Темуром ударов экономическая и технологическая база Золотой Орды катастрофически сократилась. Политическое и военное возрождение Орды оказалось еще возможным, но на непродолжительное время, в связи с быстрым ростом таких государств, как Московия и Литва.

Едигей принадлежал к древней монгольской семье рода Белых мангкытов (Акмангкыт). Мангкыты, как мы знаем, составляли ядро улуса Ногая. Их поддержка серьезно помогла Едигею при захвате власти в Золотой Орде – как и Ногаю примерно 130 лет назад. Однако положение Едигея было сложнее, чем положение Ногая, поскольку он не являлся чингисидом. Бартольд писал, что если придерживаться истории, то основной чертой характера Едигея была неверность.

Согласно Шераф-ад-Дину Йезди, в то время как Темур находился в окрестностях Бухары, а Тохтамыш в 1376–1377 гг. бежал после поражения, нанесенного ему сыном Урус-хана, Токтатием, в ставке Темура появился Едигей, один из эмиров улуса Джучи, бежавший от Урус-хана с известием, что последний с большим войском двинулся против Тохтамыша. Это было время дружеских отношений между Едигеем и Тохтамышем. «Покинув Урусхана, – писал Бартольд, – и порвав с отцом ради Тохтамыша (был ли он нукером последнего, как уверяет Абулгази, из историографии не видно), Едигей потом изменил самому Тохтамышу».

К концу 90-х гг. в Золотой Орде опять началась смута. Соперники Тохтамыша, Тимур-Кутлуг и Едигей, организовали против него мятеж. Большая часть монгольской знати покинула своего суверена и объявила Тимур-Кутлуга новым ханом. Едигей стал соправителем. Оба направили послов к Амиру Темуру, чтобы принести ему заверения в вассальной верности.

В дальнейшем Едигей служил до 1391 г. Амиру Темуру, помогая ему в борьбе с Тохтамышем. Вместе с Тимур-Кутлугом Едигею нельзя отказать в кипучей энергии. Не теряя времени, он искал способа стать фактическим правителем Золотой Орды. Он хорошо знал, что, не будучи чингисидом, он не может претендовать на ханский престол, почему и желал иметь подставного хана в лице Тимур-Кутлугоглана, внука Урус-хана. По словам Ибн-Арабшаха, «он не мог присвоить себе названия султана, потому что таким, будь это возможно, провозгласил бы себя Темур, завладевший всеми царствами. Тогда он (Едигей) поставил от себя султана и в столице возвел хана». Положение Едигея в улусе Джучи точно определяет ярлык Тимур-Кутлуга от 1397–1398 гг.: «Мое – Тимур-Кутлугово слово: правого крыла и левого крыла уланам, тысяцким, сотским, десятским бегам во главе с темником Едигеем». Таким образом, согласно ярлыку, он являлся главой всего войска улуса Джучи.

После смерти Тимур-Кутлуга в 1400 г., с одобрения Едигея, ханом избрали его двоюродного брата Шадибека, который все время проводил в пирах и удовольствиях. Сначала Едигей не испытывал никаких затруднений в управлении через него.

Разбив армию Витовта и отрезав Литву от Черного моря, Едигей сосредоточился на восстановлении порядка и дисциплины в Золотой Орде. Как формулирует Муин-ад-Дин, он установил «изысканные обычаи и великие законы». Под первыми он, вероятно, подразумевает строгие церемониальные формы повиновения знати хану; под вторыми – Ясу со всеми ее дополнениями, включая жестокую систему налогообложения. Важным аспектом политики Едигея была попытка прекратить торговлю рабами-тюрьками. Еще до тюрко-монгольского нашествия тюркских детей продавали в Египет, где их готовили для отрядов мамлюков. Эта практика сохранялась в конце XIII в. и весь XIV в. Теперь, согласно аль-Макризи, Едигей запретил «татарам» продавать своих детей в рабство за границу. Едигей, видимо, хотел предотвратить уменьшение численной силы тюрков как основы Золотой Орды. В результате этой политики количество рабов, поставляемых в Сирию и Египет из Золотой Орды, резко сократилось. Позже такая торговля возродилась, но продавали уже не тюркских детей, а черкесских. Необходимо подчеркнуть, что политику

Едигея в этом случае нельзя истолковывать как желание свернуть внешнюю торговлю вообще. Напротив, он прекрасно осознавал важность развития торговли в Золотой Орде и в особенности восстановления торговых путей в Центральную Азию. Воспользовавшись смертью Амира Темура (1405 г.), он в 1406 г. захватил Хорезм.

После реорганизации своего государства Едигей почувствовал себя достаточно сильным, чтобы заняться русскими проблемами. По сути дела, Восточная Русь стала практически независимой с момента окончательного поражения, нанесенного Тохтамышу Амиром Темуром.

Великий князь Василий Московский под разными предлогами прекратил посылать дань в Орду и не обращал никакого внимания на сетования по этому поводу ханских послов. Подобного отношения Едигей не мог выносить слишком долго. И, проведя ряд блестящих политических интриг с русскими князьями, Едигей со своей ордой подошел к стенам Москвы 1 декабря 1408 г. Первая попытка штурмом взять город успеха не имела. Тогда Едигей устроил свою ставку в нескольких верстах от Москвы и позволил войскам грабить окрестности.

Осада безуспешно продолжалась несколько недель, и в конце концов Едигей предложил снять ее за 3000 рублей отступного. Получив указанную сумму, он повел войска обратно в степи.

Набег Едигея на Москву, однако, весьма повысил его авторитет в мусульманском лагере. Едигей был явно доволен своим положением и считал себя в зените славы. В этом и сказалась недалекость его политики. Он слишком увлекся своими внешними успехами, считая, что вернул не только земли, подвластные Тохтамышу, но и Хорезм, который отпал от Золотой Орды еще в начале 60-х годов XIV в., что он ослабил Русь и добился признания со стороны наиболее крупного государя мусульманского Востока, каким был в 1409–1410 гг. темурид Шахрух, правивший в Герате. Высокомерие Едигея увеличило и посольство к Булат-Салтану (очередному марионеточному хану), которое в 1409–1410 гг. было отправлено египетским султаном аль-Меликом ан-Насыром Фараджем. Успех Золотой Орды был явно показной, так как Русь крепла с исключительной быстротой, а внутри самой Орды не ликвидированы были сепаратистские силы. Феодалная распря не прекращалась. Хотя главный враг Едигея, Тохтамыш, умер, но остались его сыновья.

Хан Булат-Салтан умер в 1410 г., ему наследовал, с согласия Едигея, сын Тимур-Кутлуга Тимур-хан. Чтобы упорядочить свое влияние на нового хана, Едигей отдал ему в жены одну из своих дочерей. Но через несколько месяцев Тимур-хан пошел против своего тестя: Едигей был побежден и бежал в Хорезм (1411 г.). Тимур-хан не получил, однако, выгоды от своей победы, поскольку его самого скоро сместил сын Тохтамышша Джалал-ад-Дин.

Все теперь отвернулись от Едигея. Этот факт, однако, не завершил карьеры Едигея. С небольшой свитой он вернулся в Кыпчакские степи и сумел создать собственное государство (см. «Ногайская Орда»).

Распад некогда могучей Золотой Орды стал лишь вопросом времени.

Государства – преемники Золотой Орды

Как было сказано выше, Золотая Орда, испытывая со второй половины XIV в. постоянные внутренние неурядицы (борьба за ханский престол царевичей чингисидов) и разрушительное внешнее воздействие (походы Темура), не справилась с децентрализующими тенденциями. В известной мере можно было сказать, что Золотой Орды в прежнем смысле уже не было. Едигей был последним из золотоордынских правителей, кто не только стремился, но одно время и на деле осуществлял бывшее великодержавие монгольской власти в Восточной Европе.

Золотая Орда в эти годы смуты и политической анархии, почти хаоса, все больше теряла свои позиции в оседлых, земледельческих районах. В частности, Хорезм при

темуридах ушел второй раз из рук золотоордынских ханов, и на этот раз навсегда. Хорезм был процветающей областью с высокоразвитым сельским хозяйством, большими торговыми городами и, главное, с огромной местной и транзитной торговлей. Через Хорезм проходили караванные пути в Центральную Азию, Иран, Монголию и Китай. Переход Хорезма в руки темуридов ставил крест на той торговле, которую, по-видимому, собирался возродить Едигей и которая в дотемуровские времена была одним из главных источников богатства ханской казны и золотоордынских купцов.

В связи с падением городской жизни и упадком земледелия в культурных областях не мог в эти годы не усилиться и кочевой сектор Золотоордынского государства. Именно в этой обстановке и подняли головы вожди отдельных мелких тюрко-монгольских улусов.

Власть на любой части Золотой Орды оценивалась, прежде всего, по тому, что мог такой правитель получить с подвластных ему городов и селений. К доходным статьям относили тюрко-монгольские правители и набеги против русских, литовских, польских пограничных владений. Пока в Золотой Орде была твердая власть ханов, население четко знало – кому, когда и сколько требовалось заплатить. В периоды же смут и феодального хаоса никто не знал, какие выплаты ему предстоят. Земледельческие области переходили из рук в руки. Междоусобная борьба разрушала производительные силы, население беднело, продукция труда крестьян и ремесленников уменьшалась, требования сменяющихся правителей росли. Экономика переживала кризис.

Чтобы понять самый ход политических событий в Восточной Европе в связи с распадом Золотой Орды, следует хотя бы в самых кратких чертах представить, как относились к этому процессу соседние с ней государства.

Центральная Азия находилась в течение всего XV в. в руках темуридов, мало интересовалась тюрко-монголами Юго-Восточной Европы и все свое внимание сосредотачивала на отношениях с белоордынскими кочевниками – узбеками. Основная задача темуридов, начиная с Улугбека (1409–1449 гг.), заключалась в том, чтобы предохранить оседлые области от набегов.

Иное дело – западные и северо-западные соседи Золотой Орды. Москва, Литва и Польша были уже не те, что в XIV в. Вместе с ростом производительных сил, а также общественным и политическим развитием в первой половине XV в. они начали держать себя увереннее в отношении тюрко-монголов, присматриваясь к слабым сторонам их политической жизни и изыскивая возможности использования тюрко-монголов в своих интересах.

В противоположность Золотой Орде, Московское княжество начиная с середины XV в. начало усиливаться. Этому способствовали особо удачные обстоятельства. Например, при великом князе Московском Василии Темном на русской земле образовалось Касимовское ханство. Московские князья приобрели хана с войском – верного, надежного союзника, который участвовал во всех сражениях на стороне русских.

При распаде Золотая Орда утратила свою военную мощь, что привело к дележу ее вооруженных сил. Каждый хан, уходя из-под власти главного хана, уводил с собой племя и часть войск. В это смутное время были такие эмиры и беки, которые не знали, к какой из враждующих сторон им примкнуть, и тогда они, не входя ни в одно из образовавшихся ханств, уводили свое племя и войско туда, где границы ханств еще не были четко отмечены. Обычно это было на границах Крымского ханства и Большой Орды, в районе рек Дона, Днепра и г. Азова, Большой и Ногайской Орд, в районе рек Волги и Яика, на границах Сибирского и Казахского ханств. Тюрко-монголы называли их казаками. Казаки сначала кочевали со своим племенем и были независимы, но когда ханы хотели их взять под свою власть, то они объединялись в отряды и казацкие орды для отпора ханским войскам. Казакам и самим были чужды военные походы для захвата добычи, потому что с распадом Золотой Орды в пределы русских княжеств в поисках военной службы хлынуло большое количество тюрко-монголов со своими беками. Шли они в эти княжества как к своим союзникам, так как считали их одним из бывших улусов Золотой Орды.

Московские князья, особенно начиная с Ивана III, принимали на службу в свое войско тюрков-казаков. Русские сначала называли их служилыми татарами, а затем стали называть казаками. Появившиеся в пределах Москвы со своими беками (атаманами), казаки говорили на тюркском языке, что производило впечатление, будто Москва наполнилась тюрками и слышна только тюркская речь.

Поступая на службу к русским князьям, сближаясь с русским народом, казаки удивлялись «беспределу» холопской зависимости русского народа от верховной власти и стремились остаться независимыми, как и прежде, при ханах. В этих условиях тюрко-казаки неизбежно ощущали себя чужими среди общей покорной и безропотной русской массы.

Казачьи части, поступавшие на службу к московскому князю, превращались в полки, внутренняя организация которых не менялась, каждый полк получал земельный надел и жалованье. Служба в полках была наследственной. Тюрки-казаки пользовались многими материальными и политическими привилегиями, сохраняли право выбора начальников, за исключением старшего, который назначался князьями. Принимая эти условия службы, казачьи полки теряли свое название «полков казачьих» и превращались первоначально в части «пищальников», а потом в «полки стрелецкие». Их начальники, назначенные князем, в русской военной истории получили название «стрелецкий голова». Сохраняя внутреннюю автономию, стрельцы приносили присягу князю. Стрелецкие полки – первая и одна из лучших организаций постоянных войск Московского государства. Они просуществовали около двухсот лет.

Что касается северо-западных соседей, то Витовту, правителю Литовскому тюрко-монголы, в период распада Золотой Орды были полезны. Конечно, он не хотел восстановления могущественной Золотой Орды эпохи Узбек-хана, однако тюрко-монгольские враждующие улусы были ему на руку, так как в их составе всегда можно найти ярых охотников до грабительского набега на московские области. Такова же, по существу, была и точка зрения господствующего класса тогдашней Польши.

Распад Золотой Орды на самостоятельные орды и ханства – это завершение той игры центробежных феодальных сил, которая в свой круговорот захватила полукучевых и кочевых феодалов в лице принцев, ханов, эмиров и прочих влиятельных лиц. Первые такого рода сложившиеся государственные образования появляются в конце первой трети XV в.

Основным преемником Золотой Орды была Большая Орда, располагавшаяся в Нижнем Поволжье. Именно отношения России с этим государственным образованием и привели к событиям, известным как свержение тюрко-монгольского ига. Уже в 80-х гг. XV в. это государственное объединение не представляло сколько-нибудь серьезную угрозу для Русского государства и использовалось лишь до поры до времени в качестве противовеса усиливающемуся Крымскому ханству.

По мере распада Золотоордынского государства выделились следующие крупные государственные объединения: Ногайская Орда, Казанское ханство, Крымское ханство, Касимовское ханство, Астраханское ханство, Сибирское ханство, Узбекское ханство, Казахское ханство, – каждое из которых, став самостоятельным, было достаточно сильным. Остановимся на наиболее значительных, на наш взгляд, государствах – преемниках Золотой Орды, которые сыграли важную роль в геополитике Евразии XV–XVIII вв.

Ногайская Орда

Ногаи – жители Ногайской Орды – известны под этим именем в большинстве источников, в частности русских, хотя имеются сведения, что ногайцы называли себя мангкытами, а свое государство – Мангкытским юртом. Самые ранние упоминания ногаев и Ногайской Орды встречаются в русских источниках – летописях и посольских книгах – под 1479, 1481 и 1486 гг., в западноевропейских – на карте Мартина Вальдземюллера 1516 г. и в письме польского короля Сигизмунда I крымскому хану Менгли-Гирею 1514 г., в восточных – в грамотах крымских ханов и сановников государям Польши и Руси 1500, 1510 и 1516 гг.

Ногайская Орда, располагавшаяся на территории левобережья Нижней Волги, Южного Урала, Западного и Центрального Казахстана, в конце XV–XVI в. была одной из ведущих политических сил Евразии. Родоначальником правящей династии в Ногайской Орде считается выдающийся деятель Золотой Орды Едигей, бывший фактическим правителем улуса Джучи в конце XIV – начале XV в.

После гибели Едигея в 1420 г. преемником на правление в Мангкытском юрте, по завещанию, стал его сын Газий, объявленный беком. Газий-бек был жестоким человеком. Не выдержав его произвола, в 1428 г. эмиры убили его и затем со своими людьми стали покидать Орду.

С уходом большинства эмиров и вождей племени в Сибирь Мангкытский юрт на время пришел в упадок. Сыновья и внуки Едигея разбрелись. Один из сыновей, Мансур, ушел к хану Хаджи-Мухаммеду, другой сын, Навруз, находился у Улуг-Мухаммеда, внук Едигея, Воккас, служил Абулхайр-хану. Население, ранее подчиненное Едигею и его преемнику Газию, перекочевало к узбекам, затем ушло в Центральную Азию. В Мангкытском юрте вместе с младшим сыном Едигея Нураддином, по тюркскому обычаю унаследовавшему юрт отца, находившийся на Яике, осталась лишь небольшая часть кочевников.

Претензии Нураддина на главенство над Мангкытским юртом вызвали резкое недовольство со стороны представителей других именитых родов. Вспомнили о незнатном происхождении Едигея и его потомков, не принадлежавших к ветви Чингисхана. В связи с этим сторонникам Нураддина пришлось «обосновать» его право на главенство, наскоро составив генеалогию Едигея. По указанию Нураддина тогда же была составлена генеалогия и преемников Едигея, якобы являющихся потомками то ли суфия Ходжи Ахмеда Яссави, то ли самого Мухаммеда.

Нураддин предпринял ряд мер, чтобы собрать остатки прежнего улуса, но, несмотря на это, он не был объявлен беком Орды. В официальной генеалогической таблице ногайских беков и мурз о нем говорится только как о мурзе, а не как о ногайском беке.

Окончательное формирование Ногайской Орды произошло при сыне Нураддина Воккасе. Воккас был одним из главных лиц при Абулхайре и даже стал его старшим эмиром. Однако, предчувствуя ослабление узбеков, в 1447 г. он отделился от Абулхайра и вернулся в Мангкытский юрт, где было объявлен ногайским беком. В родословной ногайских беков и мурз Воккас назван ногайским беком. Правда, вскоре он был убит агентами Абулхайра. После убийства Воккаса его брат Аббас был провозглашен ногайским беком.

Ногайская Орда (столица Сарайчик) заявила о себе как о самостоятельном государстве к началу XVI в., усилившись в связи с расколом узбекского союза. Тогда многие из племен, ранее входивших в состав узбекского союза, присоединились к ногайцам. «В Ногайскую Орду входили племена: мангкыты, нойманы, кунгарты, кыпчаки, мины, тогучаны, колачи, алчины, чублаки, конклыки, кераиты, кияты и другие», – отмечает Меховский.

При распаде Орды Абулхайра Аббас, вместе с сыновьями Хаджи-Мухаммеда, играл активную роль в захвате восточных владений Абулхайра в устье Сырдарьи, Амударьи и верховьях Иртыша. В XVI в. владения мангкытских беков граничили на северо-западе с Казанским ханством по рекам Самаре, Кинели и Кинельчеку. Здесь находились их летние пастбища. На северо-востоке Ногайская Орда граничила с Сибирским ханством. На юге Алтайские горы были пограничной линией, отделяющей Казахское ханство от Ногайской Орды.

В первой половине XVI в. ногайцы кочевали в низовьях Сырдарьи, у берегов Аральского моря, у Каракума, Барсункума и у северовосточных берегов Каспийского моря.

По своей фактической силе Ногайская Орда стала одним из самых сильных государственных образований, возникших после распада Золотой Орды. Однако то, что правящая в ней династия не относилась к потомкам Чингисхана, делало ее положение не совсем легитимным и ставило ее правителей в более низкое положение по сравнению с другими государями обломков улуса Джучи. В таких условиях фактические ногайские правители – беки, были вынуждены формально признавать власть какого-нибудь соседнего

государя. Так, в начале 80-х годов XV в. формальным сюзереном ногаев был сибирский хан Ибак.

Именно под его руководством в январе 1481 г. ногайское войско разгромило ставку хана Большой Орды Ахмата: «...прииде на него царь Ибак Нагайский и Орду взя; а самого безбожного царя Ахмата убил шурин его нагайский мурза Ямгурчей». После гибели Ибака ханом был сделан его брат Мамук. В самом конце XV в. его войска смогли на короткое время захватить союзную России Казань и свергнуть с престола ставленника Ивана III Мухаммед-Эмина. Однако долго удержаться в Казани Мамук не смог. Осаждали город ногаи и при Абдул-Латифе, но тогда удалось отбиться. В 1505 г., в то время, когда Мухаммед-Эмин отказался подчиниться Москве и перебил русских в Казани, ногайцы прислали ему на помощь 20-тысячное войско, с которым хан осаждал Нижний Новгород. Когда же на казанский престол сели представители династии Гиреев, влияние ногаев в ханстве усилилось. На помощь казанцам пришло 30 тыс. ногаев, «хотящее битися с Русью, обогатитися руским пленом и наймом царевым».

К началу XVI в. ногайские правители уже не нуждались в марионеточных ханахчингсидах, и Ногайская Орда стала полностью самостоятельным государственным образованием. Непосредственные дипломатические отношения Ногайской Орды с Россией устанавливались в конце XV в. С этого времени начинается постоянный обмен посольствами между государствами, несмотря на определенные противоречия в вопросе о Казани, в которой ногайские правители стремились усилить свое влияние. Например, сведения о ногайском посольстве в Москву были занесены в официальную летопись под 1502 г. Интересно, что ногайские беки первое время не настаивали на равном статусе с великими князьями. Лишь в 30-е гг. XVI в. они стали требовать признания равенства или даже своего превосходства над русскими правителями. Дошло даже до того, что у Москвы требовали выплаты дани, которая причиталась с русских земель во времена могущества Золотой Орды.

Первая четверть XVI в. оказалась и очень тяжелой для нового тюрко-монгольского государства. Началась ожесточенная борьба за власть между претендентами на бекство. Одновременно обрушились казахи с востока. В таких условиях многие ногаи переправлялись на правый берег Волги и оказывались в зависимости от крымского хана. Подчинившись ему, они участвовали в опустошительном походе Мухаммед-Гирея на Россию в 1521 г. Впрочем, русская летопись указывает на не совсем добровольное участие ногаев в походе: крымский хан «их же тогда одоле» т. е. они были подчинены силой. Однако уже в 1523 г. ногаи убили Мухаммед-Гирея и нанесли Крымскому ханству тяжелый удар.

С середины 20-х гг. могущество Ногайской Орды растет: внутренние конфликты на время улажены, Крымское ханство перестало быть опасным.

Близкое соседство позволяло ногаям влиять на внутреннее положение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, сажая на троны своих ставленников. По некоторым источникам, эти государства были обязаны отчислять определенные платежи правителям Ногайской Орды. Еще более непосредственному и интенсивному воздействию южных кочевников подвергались башкирские племена – подданные мангкытских беков.

Восточными соседями Ногайской Орды были Казахское ханство и ханства Средней Азии. Отношения ногаев с казахскими династиями тоже развивались сложно, между ними случались жестокие войны. В первой четверти XVI в. хан Касим завоевал все степи за Волгой, но во второй четверти произошла ногайская «Реконкиста», и Казахское ханство превратилось в вассала ногаев. Узбекские же государства служили главным образом приютом для беженцев из Ногайской державы – беков и мурз, потерпевших неудачу в междоусобной борьбе.

Политическое влияние ногаев на Россию было ограниченным как из-за религиозного (ислам) и экономического (кочевое скотоводство) барьеров, так и по причине отдаленности. Лишь со второй половины XVI в. в Московское царство стали переселяться мурзы; некоторые из них положили начало княжеским фамилиям (Кутумовы, Урусовы, Юсуповы и др.). Ногайские отряды нередко действовали в составе русских армий в Ливонской вой не и

позже, в кампаниях против поляков, немцев и шведов.

Следует отметить, что среди ногайских правителей не было единства по отношению к Казанскому ханству и, следовательно, России. В ногайской верхушке начался раскол в отношении России, причем проходил он по «географическому признаку». Мурзы, кочевавшие у Волги, склонялись к дружественным отношениям с московскими властями и согласны были признать русские интересы в Казани. Это объяснялось их экономическими связями с Москвой – они продавали в России огромные табуны лошадей и получали значительные «поминки» от великокняжеского правительства. Кроме того, именно у русских они покупали необходимые для кочевников товары. Не случайно поэтому, что многочисленные ногайские посольства часто касались вопросов торговли.

Мурзы же, кочевавшие на востоке Ногайской Орды, зачастую занимали антирусскую позицию, так как экономически не были заинтересованы в расширении взаимовыгодной торговли с Россией.

В конце 40-х гг. XVI в. ногайским беком становится Юсуф. Его отношение к России было сложным: он требовал от русской стороны признания себя правителем, равным по рангу золотоордынским или крымским ханам. Русская сторона не могла принять подобные требования. Несколько раз Юсуф собирался устроить поход на русские земли, но каждый раз эти замыслы срывались.

Брат Юсуфа Исмаил, второе лицо среди ногайской знати, занимал доброжелательную по отношению к России позицию. Это имело объяснение: он контролировал западную часть Ногайской Орды и был кровно заинтересован в стабильных дружественных отношениях с Москвой для торговли. Когда фактически прекратились отношения Юсуфа и Москвы, отношения с Исмаилом продолжались. Русские власти делали на него ставку, стремясь вызвать конфликт между братьями и ослабить Орду в целом. В начале 50-х гг. XVI в. Исмаил сорвал несколько походов против России, в том числе и в 1552 г., когда шла осада Казани. В конце 1554 г. Юсуф погиб, и беком стал ориентировавшийся на Россию Исмаил. Теперь России можно было не опасаться набегов многочисленной ногайской конницы на границы и укреплять свое положение в недавно подчиненной Астрахани.

В действительности смерть бия Юсуфа была лишь началом бедствий, которые обрушились на Ногайскую Орду. Война между Исмаилом и его племянниками (детьми Юсуфа) продолжалась несколько лет и характеризовалась небывалым ожесточением и гибелью большого числа кочевников. Лишь в 1557 г. Исмаилу удалось окончательно утвердиться на престоле. В довершение всех бедствий на Орду обрушились страшный голод и эпидемии. В результате Ногайская Орда никогда больше не смогла добиться того могущества, какое у нее было до смуты 50-х гг. XVI в. Начинается повальное бегство подданных бека на правую – крымскую – сторону Волги.

Хорошие отношения с Исмаилом не мешали Ивану IV с почетом принимать в России его династических соперников – родственников погибшего бека Юсуфа.

Исмаил-бек умер в 1563 г. В последние годы его правления Орда смогла несколько усилиться, но в действительности она была намного слабее, чем до начала его правления.

После смерти Исмаила беком стал его сын Дин-Ахмет (1563–1578 гг.). Новый правитель подтвердил преемственность политики на союз и сотрудничество с Россией. Преемником Дин-Ахмета стал Урус (1578–1590 гг.), который, в конце концов, постепенно склонился к антирусской позиции: начались переговоры Ногайской Орды с Крымским ханством и набеги их отрядов на пограничные территории России. Причину такой смены внешнеполитической ориентации следует искать, видимо, в стремлении бека Уруса к равноправным отношениям с царем и желании получать больше «жалованья». Впрочем, Урус еще раньше, в 1569 г., во время похода турок на Астрахань, снабжал армию вторжения продовольствием и фуражом.

Одной из причин ухудшения отношений между Ногайской Ордой и Россией было также основание русских городов в Поволжье. В 1586 г. была основана Самара, в 1589 г. – Царицын, в 1590 г. – Саратов. Был построен город и в Башкирии, на той земле, которую

ногаи считали своей, – Уфа (1586 г.). Бекам объясняли, что новые города призваны защитить ногаев от нападений волжских казаков, которые в то время стали сильно беспокоить Орду. В действительности же города основывались на местах самых удобных переправ через Волгу с целью прекратить набеги кочевников. Все требования ногайской стороны оставить вновь построенные города отвергались. Среди самих ногаев не было единства: часть переходила на крымскую сторону Волги и присягала крымскому хану, часть уходила в так называемую Малую Ногайскую орду на Северном Кавказе. Значительная часть мурз не поддерживала антирусского курса бека склонялась к дружбе с Москвой. Но в 1581 г., когда Сарайчик был сожжен вольными казаками, ногайские власти обвинили в организации нападения русское правительство. Вообще же казаки в конце 70-х – начале 80-х гг. XVI в. обосновались на реке Яик, на исконных ногайских землях. В 1586 г. бек предпринял попытку взять казачий городок, но его войска были разбиты пришельцами. В таких условиях в том же 1586 г. Урус был вынужден пойти на нормализацию отношений с Россией.

В конце XVI в. на Яике появляются и русские правительственные воеводы, которые, несмотря на протесты Ногайской Орды, основывают Яицкий городок.

После гибели бека в Ногайской Орде начинается очередная смута. Не осталась в стороне от событий и Россия: ей было выгодно ослабление Орды.

Во второй половине XVI в. Ногайская Орда распалась на Ногаи Большие, Ногаи Малые и Алтыульскую орду, которые выдающейся исторической роли не сыграли.

После кровавой междоусобицы уцелели лишь жалкие остатки когда-то могучего государственного образования. Территория ногаев теперь ограничивалась в основном междуречьем Волги и Яика. Бекком стал Иштерек (1600 г.). Зависимость Орды от русских властей росла. Усиливался разброд среди самих ногаев, большие их группы откочевывали под власть Крымского ханства.

Российское правительство активизировало проведение политики по разжиганию ссор между различными представителями ногайской аристократии, стремясь не допустить восстановления единства Ногайской Орды. В разгар кризиса в 1619 г. Иштерек умер.

После его смерти вспыхнула очередная междоусобица, поддерживаемая русскими властями в Астрахани. В конце концов новым бекком был провозглашен Канай, но успокоения в степях не наступило, продолжались войны. Ситуация еще больше усложнилась с началом широкомасштабного нашествия калмыков, которые и нанесли Орде смертельный удар. Большая часть ногаев тогда перешла на правую сторону Волги. Много вреда ногаям причинили и астраханские власти, правительственные воеводы, стрельцы. Фактически к середине 30-х гг. XVII в. Ногайская Орда прекратила свое существование, а последний бек Канай оказался в астраханской тюрьме, где и умер в 1638 г.

Итак, Ногайская держава доминировала и являлась одним из безусловных гегемонов Восточной Евразии, хотя и сравнительно непродолжительный срок – в конце XV и первой половине XVI в. Апогей ее могущества пришелся на вторую четверть XVI столетия, после чего происходит постепенное ослабление ее и в конце концов распад.

С Ногайской Ордой и выходцами из нее соприкасались и отчасти ассимилировались предки казахов и кыргызов, татар казанских и крымских, сибирских и астраханских, башкир и каракалпаков, туркмен и калмыков, донских и уральских казаков, а также многих народов Северного Кавказа.

В ходе своих миграций ногаи несли и элементы духовной культуры. У тюркских народов Евразии (ногайцев, татар, башкир, казахов, каракалпаков и др.) сложился общий пласт героического эпоса, так называемый ногайский цикл, повествующий о Едигее и его потомках. Сама фигура родоначальника мангкытских беков Едигея была сакрализована казахами и каракалпаками, которые почитали его как покровителя лошадей. Народ ногой фигурирует и в героическом эпосе кыргызов «Манас».

Казанское ханство

Обескровленные бесконечными междоусобными военными кампаниями ханов, степные улусы превращались в безлюдные области. Бесконечные войны звали к демографическому истощению Золотой Орды. Численность тюрко-монголов резко сокращалась, и Золотая Орда из мощного государства превращалась в страну с малонаселенной территорией.

Одной из причин разрушения государственности было упразднение в конце правления Узбек-хана важнейшего института всенародной власти – курултая. Это способствовало ослаблению порядка и законности, национальных традиций и законов Ясы. Но даже в такое трудное для государства время царевици и аристократы не хотели собраться на курултай для выработки решений по спасению государства и своего народа.

С появлением новых государственных объединений, отпадением восточных земель, под властью Золотой Орды осталась лишь Белая Орда. Однако и в ней шла ожесточенная борьба, которая в конечном счете привела к ее распаду. В 1425 г. в руках хана Улуг-Мухаммеда (избранного в 1421 г.) была значительная часть улусов Белой Орды, но спокойствия в них не было, и в 1426 г. в Крыму был провозглашен новый хан – Давлет-Берди (отец Хаджи-Гирея и сын кратковременно царствовавшего в Золотой Орде Таш-Тимура). Давлет-Берди, как и Улуг-Мухаммед, принадлежал к потомкам Джучи. В 1428 г. между войсками Давлет-Берди и Улуг-Мухаммеда произошло сражение, в котором первый погиб, а второму вновь стал принадлежать Крым. Но положение хана не было блестящим: из-за бесконечных междоусобиц тюрко-монгольское население разорялось и уходило в Литву, Польшу и в пределы Московского государства, кроме того, эпидемия чумы в 1428–1429 гг. унесла огромное количество людей. Но, несмотря на такое бедственное положение, государство оставалось относительно могущественным, и русские княжества оставались вассалами.

В 1431 г. на суд к Улуг-Мухаммеду приезжали московские князья, претенденты на звание великого князя – сын и внук Дмитрия Донского. Хан решил спорное дело в пользу внука – Василия Васильевича. Возведение последнего на престол было совершено в московском Успенском соборе ханским послом. Правительство Улуг-Мухаммеда было самостоятельным и способным влиять на международную политику, к примеру, в 1428–1429 гг. было отправлено посольство в Египет.

Тем временем из числа потомков Урус-хана появился новый хан – Кичи-Мухаммед, – претендовавший на западные улусы, что, естественно, явилось большой угрозой для правления Улуг-Мухаммеда. В связи с этим особенно обострились отношения последнего с тюрко-монгольской аристократией в Крыму, где появились сторонники будущего крымского хана Хаджи-Гирея, упорно отстаивавшего независимость Крымского улуса от ханов Золотой Орды.

Положение хана Улуг-Мухаммеда в Орде было нестабильным. Между ним и его старшим эмиром Наврузом, сыном Едигея, возникли разногласия. Навруз покинул Улуг-Мухаммеда и перешел на сторону его противника Кичи-Мухаммеда, став его старшим эмиром.

Кичи-Мухаммед и Навруз решили начать войну с Улуг-Мухаммедом. Орда Кичи-Мухаммеда и Навруза выступила весной 1436 г., направилась к Тану и захватила его. По мере их продвижения к Крыму большинство тюрко-монголов, ранее поддерживавших Улуг-Мухаммеда, стали переходить на сторону Кичи-Мухаммеда. Улуг-Мухаммед и не пытался вернуть Крым.

В 1437 г. Улуг-Мухаммед, покинутый своими вассалами, видя, что Кичи-Мухаммед приближается к его пределам, и понимая бессмысленность борьбы с таким сильным противником, бежал со своей семьей и верными людьми из Орды.

Улуг-Мухаммед ушел в пределы русских земель, надеясь на гостеприимство великого князя Василия, который получил московский престол из его рук. Улуг-Мухаммед занял город Белев, находившийся на юго-западной окраине Московского государства, близ русско-крымской границы, и решил в нем обосноваться. Но московское правительство,

может быть желая показать свою преданность Кичи-Мухаммеду, не оказало поддержки Улуг-Мухаммеду и потребовало удаления его из пределов Руси. Против Улуг-Мухаммеда была послана московская рать, насчитывающая, согласно летописи, 40 тыс. человек. 5 декабря 1437 г. под Белевом произошла битва, в которой русские войска были разбиты. После сражения от русского войска, по сведениям автора Львовской летописи, уцелела лишь небольшая часть.

Не желая больше оставаться в негостеприимных землях, Улуг-Мухаммед решил идти в Булгар. Покинув Белев, Улуг-Мухаммед, пройдя мордовские земли, подошел к границам Булгара.

После разгрома в 1361 г. и нападения русских под предводительством князя Федора Пестрого в 1432 г., столица края город Булгар лежал в развалинах, и население, ушедшее на север за Каму – в более безопасные и глухие места, – стало сосредоточиваться вокруг нового центра – Казани. Ко времени появления Улуг-Мухаммеда в Казани, здесь уже сидел Али-бек, самостоятельно управлявший всем Казанским краем. По мере возвышения Казани Булгар терял свое былое значение, чеканка ханских монет там прекратилась в 1422 г. Казань, построенная еще Бату-ханом, стала в дальнейшем претендовать на преемницу столицы Золотой Орды.

Весной 1438 г. Улуг-Мухаммед завладел Казанью. Казанский бек Али погиб, защищая город. С этой даты начинается образование Казанского ханства.

Утвердившись, хан Улуг-Мухаммед решил напомнить князю Московскому Василию о Белевской битве и обязанностях вассала по отношению к своему сюзерену. С этой целью он предпринял поход против русских. Весной 1439 г. Улуг-Мухаммед занял Нижний Новгород и победоносно дошел до самой Москвы. Великий князь был вынужден бежать, поручив оборону столицы одному из бояр. Простояв около десяти дней возле Москвы, ограбив окрестности, Улуг-Мухаммед вернулся в Казань. На обратном пути он сжег Коломну.

В течение пяти лет мир в Казани не нарушался. Все это время Улуг-Мухаммед занимался созданием собственных государственных структур, независимых от Кичи-Мухаммедхана. Казанское ханство, образовавшееся после распада Золотой Орды, по своей структуре управления во многом копировало ее и мало чем отличалось от других тюрко-монгольских государств, выделившихся из Джучиева улуса.

В противоположность Ногайской Орде, в Казанском ханстве городов было много, тюрко-монголы вели оседлый образ жизни и занимались земледелием.

В Казанское ханство автоматически вошли народы Поволжья: мордва, чуваша, марийцы, удмурты, жившие в составе Золотой Орды. Изменений в отношениях с этими народами в Казанском ханстве не произошло. На их землях не было тюрко-монгольских военных гарнизонов и чиновников. Веротерпимость осталась неизменной. Эти народы продолжали спокойно исповедовать язычество.

В 1444–1445 гг. хан Улуг-Мухаммед предпринял второй поход против Московского княжества. Захватив Нижний Новгород, тюрко-монгольское войско под началом царевичей Махмуда и Якуба вступило в Московскую область и дошло до Владимира. В генеральном сражении 7 июля 1445 г. в окрестностях Суздаля, у Спасо-Евфимиева монастыря, русские были разбиты, а сам великий князь Василий вместе со своим двоюродным братом князем Михаилом Верейским были взяты тюрко-монголами в плен. Они были отвезены в Нижний Новгород к Улуг-Мухаммеду: старые знакомые встретились через 14 лет после того, как Василий Васильевич приезжал за ярлыком на княжение к Улуг-Мухаммеду в Сарай.

Великий князь согласился на все условия, которые были ему предъявлены. Он признал себя вассалом хана и обязался дать огромный выкуп за себя; по одним известиям – «сколько может», по другим – 200 тыс. рублей.

Получив контрибуцию, хан Улуг-Мухаммед выступил из Нижнего Новгорода в Курмыш, и здесь 1 октября князь Василий был освобожден. Достигнув своей цели, хан вернулся в Казань.

По возвращении великого князя из плена вместе с ним прибыли в Москву большое

количество тюрко-монголов и два сына казанского хана – Касим и Якуб. Тюрко-монголы были назначены на различные административные должности. К этому времени относится выделение им в Мещерской земле (на Оке) особого удела – так называемого Касимовского царства, отданного, вероятно, в силу условий того же мирного договора во владение сыну Улуг-Мухаммеда, царевичу Касиму. Тюрко-монголы, приехавшие в Русь, стали устраиваться здесь так, как им хотелось, и постепенно начали строить мечети в русских городах. Строительство мечетей, при известном фанатизме местного населения, вызвало особое негодование. Проведение в жизнь условий договора, заключенного Василием в плену у казанцев, сопровождалось вспышкой народного возмущения. В числе недовольных были бояре, купцы и духовенство. Через три месяца после введения тюрко-монголов в русские земли Василий был низложен с престола. Его двоюродный брат Димитрий Шемяка заманил князя на богомолье в Троицко-Сергиевский монастырь, схватил его и приказал ослепить, после чего сослал в Углич, а сам занял московский трон. В вину Василию ставилось, «зачем татар привел на русскую землю и города им дал на кормление; татар и их речь любишь, а крестьян своих томишь без милости, а злато и серебро и имения даешь татарам».

На поддержку Василия Темного (прозвище получил после ослепления) двинулся тюрко-монгольский отряд во главе с царевичами Касимом и Якубом. Шемяка выступил против них, но войско его потерпело поражение, и он бежал в Новгород. Василий Темный был привезен в Москву и восстановлен на московском престоле.

По возвращении из Нижнего Новгорода в Казань хан Улуг-Мухаммед умер. У него было три сына – Махмуд, Касим и Якуб. Касим и Якуб остались в России. Удельным князем Мещерского края на Оке стал Касим.

После смерти Улуг-Мухаммеда на ханский престол вступил его старший сын Махмуд. Будучи еще царевичем, Махмуд принимал участие в военных походах своего отца. Ему принадлежало главное командование в знаменитой Суздальской битве в 1445 г., в которой был взят в плен великий князь Московский Василий.

Со смертью хана Улуг-Мухаммеда военная мощь тюрко-монголов стала ослабевать. Военная знать превращалась в земельных аристократов. Многие занялись торговлей. Все это усиливало желание вести мирный образ жизни. Воинский дух и привычки предков уходили в забвение.

Мирные отношения между русскими и вновь образовавшимися тюрко-монгольскими государствами в течение двадцатилетнего правления хана Махмуда (1446–1461 гг.) ни разу не нарушались. Этот период следует считать временем, когда окончательно сформировалась структура Казанского ханства, сложился и окреп внутренний строй государства. Казань – столица ханства – стала главным центром товарообмена в Восточной Европе. В Казани начали проводиться ежегодные ярмарки. Благодаря своему географическому положению, в мирный период Казань разрослась и являлась не только центром торговли, но и центром сосредоточения мусульманской культуры.

Уставшие от междоусобных войн, со всех концов туда стали стекаться тюрко-монгольские переселенцы. Военный престиж Казанского ханства и миролюбивая внешняя политика гарантировали народу спокойную жизнь, работу и торговлю.

В 1461 г. скончался хан Казанского ханства Махмуд. Хан Махмуд оставил двух сыновей – Халиля и Ибрагима. На престол вступил хан Халиль. Правление его было непродолжительным. Хан Халиль скончался в 1467 г. Он умер бездетным, и после смерти ханом был провозглашен его брат Ибрагим.

Не успели Ибрагима провозгласить ханом, как на престол Казанского ханства стал претендовать хан Касим, удельный князь в Московском государстве.

Не получив поддержки среди аристократии Казанского ханства, Касим-хан решил занять престол военным путем. Назревала война между дядей и племянником. Не располагая в Касимовском ханстве для военных действий достаточными войсками, он обратился к своему союзнику, московскому князю Ивану III, с просьбой дать в его распоряжение военный отряд. Иван III нашел целесообразным поддержать претендента, прожившего в

пределах Московского княжества 20 лет и до некоторой степени считавшегося своим человеком, и выделил казачьи отряды, тем самым вмешавшись во внутренние дела Казанского ханства. Иван III надеялся с воцарением Касим-хана на престол Казанского ханства достичь благоприятного для себя влияния на дела соседнего государства.

Вмешательство московского князя в дела Казанского ханства, вызванное как будто незначительными династическими соображениями, оказалось причиной серьезной войны между обоими государствами. Русские с помощью тюрков первые подняли оружие против казанцев. В дальнейшем эта война переросла в агрессивную со стороны России и завершилась завоеванием Казанского ханства.

В 1552 г. Иван IV (Грозный; первый русский царь) решил покончить с Казанью. 23 августа 1552 г. русская (наполовину, по сути, тюркская) армия с боями дошла до Казани и начала ее осаду. Осаждающие непрерывно подвергались набегам тюрко-монгольской конницы: неожиданные отряды вылетали из города и обрушивались на осаждающих. В помощь им на тыл русских нападали другие конные отряды тюрко-монголов, находившиеся в засаде позади осаждающих. Такие нападения наносили несомненный урон русской армии и держали ее в постоянном напряжении. Но, несмотря на большие потери, русское войско продолжало осаду города. После многочисленных атак и подкопов со взрывом крепостных стен 2 октября русским удалось ворваться в город. На улицах начался рукопашный бой. Тюрко-монголы ожесточенно дрались, никто не собирался сдаваться в плен. Все улицы были завалены убитыми. Началась страшная резня, добивали раненых и стариков, так как русское командование распорядилось произвести поголовное уничтожение мужского населения. В живых оставили лишь одного хана Ядыгара. С женщинами поступили жестоко: царь распорядился отдать их своим солдатам. Город представлял собой ужасное зрелище: пылали пожары, дома были разграблены, улицы завалены трупами, ручьями текла человеческая кровь.

В Казани погибли культурные ценности, накопленные целыми поколениями. Были разрушены и сожжены книгохранилища, медресе. Безвозвратно погибли тысячи книг и памятники культуры, имевшие мировое значение.

В тот же день русский царь въехал в крепость через ворота Нур-Али и посетил ханский дворец. Для въезда Ивана IV в город едва смогли расчистить от трупов одну-единственную улицу.

Хан Ядыгар, взятый в плен 2 октября 1552 г., был под конвоем доставлен в Москву. В январе 1553 г. ему предложили креститься, за что обещали свободу и почетное положение. 26 февраля 1553 г. хан Ядыгар торжественно принял крещение, окунувшись в прорубь Москвы-реки. При крещении ему дали имя Симеон. Хан Ядыгар-Симеон умер в Москве 26 августа 1565 г. и был погребен в Благовещенской церкви Чудова монастыря.

Казанское ханство шесть лет после падения своей столицы ожесточенно сопротивлялось. О серьезности сопротивления свидетельствует то, что тюрко-монголам удалось уничтожить целое московское войско с боярином Борисом Морозовым во главе, которого они взяли в плен, а потом убили. В летописях участника войны 1552–1556 гг. князя Курбского написано: «...при усмирении погибло столько русских служилых, что и поверить трудно».

Несмотря на падение Казани, война не закончилась, что вскоре стало понятно. Уже в конце 1552 г. были совершены нападения на русских гонцов, купцов и служилых людей. Карательные экспедиции, отправляемые из Свияжска и Казани, не принесли ожидаемого успеха. Возникли проблемы со сбором налогов: некоторые сборщики были убиты. Вскоре вспыхнуло настоящее восстание. Восставшие разгромили несколько небольших русских отрядов. Один из воевод – Борис Салтыков – попал в плен и впоследствии был убит. Массовые казни, проводившиеся русскими, не могли прекратить движения. Центром восстания стал город Чалым, находившийся на правом берегу Волги. Мятажники даже восстановили ханскую власть: на престол был приглашен один из ногайских князей Али-Акрам, прибывший с отрядом в 300 ногайцев. Уже в 1553 г. русские власти направили

против тюрко-монголов крупные силы под командованием Даниила Адашева.

В том же году в поход отправилась армия под командованием князя Микулинского, воевавшая по реке Каме. Прибегая к самым жестким мерам, удалось на время прекратить восстание, но в 1554 г. борьба возобновилась. Новая русская рать под командованием Мстиславского пленных не брала – все были казнены. На территориях ханства были построены специальные укрепленные пункты (башни, остроги) с русскими гарнизонами. В 1556 г. был взят опорный пункт тюрко-монголов город Чалым. После этого дальнейшее сопротивление стало бесполезным. Против тюрко-монголов начали выступать и некоторые местные народы, утомленные бесконечной войной и жестокими репрессиями, проводившимися русскими властями. Хан был убит самими мятежниками, а основные лидеры движения погибли. К 1557 г. на территории бывшего ханства наступило спокойствие. Вся страна была страшно разорена, резко сократилось количество населения.

В Казани была возведена каменная крепость, тюрко-монгольскому населению жить в городе запрещалось, мечети были разобраны. После подавления восстания многие земли местных феодалов были конфискованы и перешли государю, духовенству, русским служилым людям и тем тюрко-монголам, которые признали новую власть. Постепенно в крае стало увеличиваться русское население. Только теперь можно было считать, что Казанское ханство перешло к России. Столетние отношения России и Казанского ханства насчитывают несколько этапов. Победы Улу-Мухаммеда при Василии II позволили создать и укрепить новое тюрко-монгольское государство. Вполне вероятно даже, что московские правители некоторое время вынуждены были платить Казанским ханам дань. Однако с укреплением Руси при Иване III начинается русское наступление: Казань в конце концов на долгое время попадает в зависимость от России, ее внешняя политика, а отчасти и внутренняя контролируется русскими властями. В своих действиях московское правительство опиралось как на военную силу, увеличивавшуюся с каждым годом, так и на прорусски настроенных представителей тюрко-монгольской знати. Борьба различных группировок в Казани и национальные противоречия ослабляли Казанское ханство.

Попытки ориентироваться на Крым и стоящую за его спиной Турцию, которые предпринимали ханы из династии Гиреев, не могли привести к долгосрочным результатам по причинам географического характера. Даже к началу XVI в. силы Казанского ханства и России были несоизмеримы, и с течением времени это положение все больше менялось в пользу России. В таких условиях окончательное покорение ханства было лишь вопросом времени. Неразумная политика ханов, совершавших грабительские набеги на русские земли, только приближала развязку. Россия стремилась обезопасить свои восточные границы, получить контроль над Волжским путем.

Большое значение имели и идеологические, религиозные, мотивы. В конечном итоге к середине XVI в. вопрос мог стоять или о полном завоевании ханства, или же о сохранении за ним достаточно большой доли внутренней автономии под контролем России. Вероятно, правительство Ивана IV склонялось первоначально ко второму варианту, но ситуация сложилась так, что единственным выходом из положения оказалось полное присоединение Казанского ханства, что и было осуществлено с большими жертвами с обеих сторон в 50-е гг. XVI в.

Крымское ханство

После изгнания Улуг-Мухаммеда из Сарая и Саид-Ахмеда из Крыма территорией внушительных размеров завладел Кичи-Мухаммед, и стал он называться ханом Большой Орды.

Бежавший из Крыма Саид-Ахмед обосновался со своей ордой в районе Подолья, откуда совершал походы на Польшу и Литву. Начиная с 1438 г. воины Саид-Ахмеда громили Львов, Олеско, Бельск, Гродно. Это было противостояние полякам и литовцам, поддерживающим Хаджи-Гирея.

Аристократия Крыма была недовольна поступками хана Кичи-Мухаммеда, который за своими беками, прибывшими в Крым, закрепил в виде подарков несколько десятков аилов, хотя до этого они не имели здесь земельных угодий. Крымская аристократия, стоявшая в оппозиции к хану Кичи-Мухаммеду, начала тайно встречаться с Хаджи-Гиреем, находившимся в Литве при дворе Казимира. Они обещали ему престол. Одновременно они вели переговоры и с Казимиром, чтобы он оказал помощь Хаджи-Гирею.

В 1443 г. в городе Вильнюсе Казимир с панами литовскими возвел Хаджи-Гирея в ханы Крыма (династия Гиреев правила до 1763 г.), а затем послал его туда с войсками. Эту дату можно считать основанием Крымского ханства.

Хаджи-Гирей начал проводить в Крыму западническую политику. Он заключил с Казимиром союз против хана Саид-Ахмеда. В 1452 г., когда войска Саид-Ахмеда вторглись в Литовское государство и дошли до Львова, Хаджи-Гирей ударил им с тыла. В этом бою погибло много воинов Саид-Ахмеда. Сам он спасся бегством, но в 1455 г., при вновь неудачном походе на Литву, он попал в плен и был посажен в Казанскую крепость. С пленением Саид-Ахмеда и его детей не осталось претендентов на крымский престол. Разгром Орды Саид-Ахмеда стал причиной признания независимости Крымского ханства его соседями – Польшей и Литвой. Но хан Кичи-Мухаммед, обладающий большой военной силой, не признавая Крымского ханства, продолжая считать себя Верховным ханом и правителем Крымского улуса. Независимость Крымского ханства не признавалась и генуэзцами, за последние годы еще больше расширившими свои привилегии в Крыму.

По уставу 1449 г. генуэзцы имели своих консулов в Судак, Тану и на Таманском полуострове. При консулах состоял довольно сложный административный аппарат, действовавший независимо от ханов. С превращением Крыма в самостоятельное государство и с установлением твердой власти хана они должны были делить с ним свою власть. Поэтому генуэзцы стали на сторону Кичи-Мухаммеда, жившего далеко за пределами Крыма и фактически не интересовавшегося, чем они занимаются. Хаджи-Гирей не располагал ни флотом, ни стенобитными машинами, поэтому не мог принудить их к покорности, ведь генуэзцы были хорошо защищены крепостью.

В середине XV в. в Крыму произошло событие, резко изменившее общее политическое положение на всем юго-востоке Европы. При взятии в 1453 г. Константинополя генуэзские торговцы, имевшие торговые фактории в Таврии, послали флот на помощь византийцам. Эти события сблизили султана с Хаджи-Гиреем. В 1454 г. в районе Керчи во время встречи посла хана Хаджи-Гирея с командующим османского флота адмиралом Амир Кахья было заключено соглашение о доступе османов на Крымский полуостров. Султан Мехмед II, дабы наказать генуэзцев, в 1475 г. послал в Таврию войска.

На берег Крыма вышли османские янычары и, поддержанные корабельной артиллерией, осадили генуэзские крепости, учинив в них страшную резню. Затем началась осада Кафы. Через несколько суток возмутились горожане – армяне и греки. Они требовали от консула сдачи города османцам, иначе грозились перебить генуэзцев и открыть ворота. Город пал. Затем последовал захват Солдая. Главы общин, живших в городах, не дожидаясь падения крепостных стен, бежали со своими семьями и имуществом. Османы не тронули только тех генуэзцев, которые занимались виноградарством и садоводством. Хан не стал защищать генуэзских торговцев и ростовщиков. Османы поставили свои гарнизоны в прибрежных стратегических пунктах в Перекопе, Гезлеве, Арабате и Еникале. Между султаном и ханом был заключен договор о вассалитете ханства. В дальнейшем вассальные отношения устанавливались более или менее спонтанно, в зависимости от конкретного положения обоих государств на тот или иной момент. При поддержке султана Крым объявил себя независимым от Сарая.

С отделением Крымского ханства тюрко-монголы Дешт-и-Кыпчака лишились на юге важного района с богатыми торговыми городами, связанными с западноевропейскими рынками. С утратой Крыма и побережья Черного моря Дешт-и-Кыпчак оказался в весьма затруднительном положении. Особенно ощутимой для них оказалась потеря зимних пастбищ

на юге, куда они обычно перекочевывали со своим скотом с началом холодов.

Что касается Большой Орды, то после смерти Кичи-Мухаммед-хана в 1459 г. его преемником стал сын Ахмет, который претендовал на звание законного хана всего Джучиева улуса, чем вызвал недовольство хана Крыма Менгли-Гирея, а также ханов Астрахани и ногайских мурз, которые также рассчитывали на этот престол. В коалицию вошел и великий князь Московский Иван III. Этим было положено начало разгрома Большой Орды. В 1502 г. Большая Орда была разгромлена Крымским ханством.

С образованием нового государства вся структура управления распавшейся Золотой Орды сохранялась в Крымском ханстве до его падения. Кроме ханской власти в Крымском ханстве была реальна власть дивана. Лучшее свидетельство значения дивана в жизни ханства – это его право определять размер содержания, выделяемого на ханский двор и дворец. И не кто иной, а диван решал вопрос о необходимости очередного похода и о количестве потребного войска. Кстати, само войско выставлялось в большей своей части теми же беками – членами дивана, да и на знаменах отдельных отрядов красовалась не ханская, а бекская родовая тамга.

Государственной религией в Крымском ханстве был ислам. Там, где законы Ясы не противоречили шариату, ханы, конечно, оставались правоверными мусульманами. Более того, ценя эту религию, обосновывая ее законченность и необходимость, они уделяли немало внимания ее пропаганде.

Междоусобица за престолонаследие, начавшаяся при Узбек-хане в Золотой Орде, перешла как бы в наследство и Крымскому ханству.

Междоусобица вспыхивала из-за того, что часть беков при выборе хана требовала избрания его по монгольским законам, т. е. по законам Ясы. Таким кандидатом должен становиться не сын, а по старшинству – брат прежнего хана. Другая часть беков, придерживаясь шариата, выдвигала на этот пост кого-нибудь из ханских сыновей. Такое спорное решение, переходящее в кровопролитие, было не редкостью в период существования Крымского ханства.

Несмотря на близость Европы и западное влияние, шедшее через европейских купцов и живущих в Крыму греков, итальянцев, евреев и т. д., тюрко-монголы продолжали жить по своим древним традициям – по законам Ясы.

Тюрко-монгольские аристократы Крыма – самые активные борцы за независимость и сторонники закрепления за собой в частной собственности земли – так своего и не добились даже после создания Крымского ханства. Как бы ни менялся политический статус Крыма, как бы Российская империя ни пыталась привнести свой порядок по землепользованию и крепостному праву, тюрки Крыма оставались свободными и в землепользовании придерживались своих норм общинного пользования. Хотя к этому времени по всей Европе, России и Украине был введен институт крепостного права, это не затронуло не только тюрко-монголов Крыма, но и других коренных жителей, проживавших на бывшей территории государства Золотой Орды – в Казанском, Сибирском, Астраханском ханствах, Большой и Ногайской Ордах. Этому феномену была своя причина. Именно тюрко-монгольская община с кровно-родственной спаянностью ее членов, их взаимной поддержкой и древними тюркскими традициями взаимовыручки представляла собой крайне неудобный объект для эксплуатации при помощи крепостного права. Кроме того, против крепостничества были исламская религия и, соответственно, политика духовенства, проводившего положения шариата в жизнь.

Немало городов было в Крымском ханстве: Бахчисарай – столица Крымского ханства, Кафа, Солхат, Гезлев, Евпатория, Карасубазар (ныне Белогорск) и другие. В городах были сильно развиты ремесла – ювелирные, кожевенные, оружейные и т. д.

В Крымском ханстве, как и в Золотой Орде, большое внимание уделялось наукам и искусству. В многочисленных медресе изучались не только Коран, но и арабский язык, риторика, астрономия, законоведение – по сути, это была высшая школа, не уступавшая европейской, а в некоторых отношениях и превосходящая последнюю. В Бахчисарае

проживало много ученых, богословов, философов, литераторов и т. д. Все это поощряли ханы и правительство Крыма. Многие ханы сами были талантливыми и одаренными людьми, к примеру Гази-Гирей (1588–1608 гг.) был не только прекрасным музыкантом, но и талантливым поэтом; поэтами были и Бегадыр-Гирей (1640–1641 гг.), и Селим-Гирей (ум. в 1704 г.), и некоторые другие члены ханского рода. Большинство ханов высоко ценили весьма развитый в Крыму вид искусства – диалог, даже в походах их всегда сопровождали признанные мастера-острословы.

Оптимистично начинавшиеся при Иване III «братские» отношения между Москвой и Крымом в начале XVI в. уже не отличались радужностью. Более того, при Василии III они резко изменились. Причина этого крылась в том, что Белая Орда и хан Ахмат уже не представляли серьезной опасности для Менгли-Гирея. Литва и Польша во избежание частых набегов старались щедро одаривать Крым и в этом значительно опережали прижимистую Москву. В результате Москва оказалась на положении своеобразного должника. А сам крымский хан все более чувствовал себя наследником золотоордынских правителей. Несколько мешало подчинение Турции, но и от нее крымская знать старалась дистанцироваться и по возможности ослабить зависимость Крыма от Порты. Имело место неподчинение ее требованиям, но это удавалось редко: при малейшем непослушании всегда было угрозой смещение с престола и замена другим лицом из числа нескольких десятков представителей рода Гиреев. Отсюда произошла двойственность политики Крыма: с одной стороны, национально-тюркские стремления, с другой – посторонние внешние требования; так было и во внутренней жизни, и в международной политике. Чтобы обеспечить Крыму прямое престолонаследие, Менгли-Гирей учредил сан калги, заместителя султана, но это было только почетное звание, а престол замещался по выбору турецкого султана и Порты и с возможным соблюдением старшинства в роду. В сущности, ханская власть в Крыму сделалась отражением власти султана.

А вот в отношении к Москве с начала XVI в. крымские ханы всячески стремились подчеркнуть зависимое положение русских государей. Так, при следовании послов на аудиенцию к хану им под ноги мурзы бросали свои посохи, требуя плату за право их переступить. Вполне возможно, что подобный обычай – «посошная пошлина» – пришел из ставки Золотой и Белой Орд, поскольку русским дипломатам строжайше предписывалось ни при каких обстоятельствах эту пошлину не платить. Если без уплаты они не могли войти в ханский дворец, то им следовало уезжать, так и не повидав хана.

Все более усиливавший свою власть Менгли-Гирей использовал любой момент в дипломатических перипетиях, чтобы показать свою значимость. Так, польский король Сигизмунд получил от крымского хана ярлык на право владения некоторыми территориями в Литовской земле, некогда пожалованными еще его дедами князьям Витовту и Казимиру.

Напряженность между Крымом и Москвой между тем не перерастала в явную вражду. И Василий III получил «шертную грамоту» с подтверждением прежнего союза. Несмотря на это, крымские турки периодически совершали набеги на русские земли, словно проверяя боеготовность своих соседей.

Позиция крымских ханов демонстрировала характерную черту политики Крыма как тогда, так и на протяжении последующих веков: несмотря даже на заключенные сторонами «братские» договоренности, крымский хан якобы не мог повлиять на своих мурз и, следовательно, в набегах не виноват, а раз так, то и претензии к нему Москвы безосновательны, а за обиды надо и подарков побольше.

Как видим, ожидать от Крыма соблюдения договоренностей в полном объеме не приходилось, и нужно было принаравливать к складывающимся непростым дипломатическим и специфическим военным особенностям московско-крымских отношений. В сущности, большая половина XVI в. и ушла на поиски их приемлемой концепции. Каждая посольская миссия Москвы в Крым, каждое столкновение с Крымской Ордой были своеобразными шагами в этом направлении.

Хан Мехмет-Гирей, как и его отец, явно готовил себе роль наследника Золотой Орды и

в этом стремлении хотел максимально использовать соседнее Московское государство. Хан добивался не только Мещерских земель, которые считал своими, но и помощи Василия III в деле укоренения своей власти в Казани. России, только что освободившейся от ордынского ига, совсем ни к чему было усиление наглежащего на глазах Крыма. И поэтому Москва в вопросе о Казани подыграла астраханскому царевичу, противнику крымских мурз. На этот, по сути, прямой вызов Мехмет-Гирей ответил весной 1521 г. со всей своей прямоотой: Казань отобрал и сел там сам, московского воеводу ограбил и выслал из города, многих из его слуг перебил, а всех крымцев, ногаев и литовские отряды, принявшие участие в набеге, направил к берегам Оки. Перейдя Оку, орды рассыпались для грабежа от Коломны до Москвы. Впервые крымские отряды продвинулись так далеко на север: бунчук ханской ставки был водружен в 15 верстах от столицы.

Набеги продолжались каждый год и волнами накатывали с завидной постоянностью: весной, после таяния снегов, и осенью, перед снегами. Причем эта нехитрые действия южных соседей Руси продолжались вплоть до времени присоединения Крыма к России. Российский чиновник XVIII в. И. Цебриков, наблюдая за жизнью крымских тюрко-монголов, отмечал, что, как только наступала весна, «крымцы к бунту по теплоте свободу имели», т. е. по весне всегда готовы были «саблями махать да полон брать». Самыми крупными можно считать набеги Сахиб-Гиреевских войск на Оку в 1535 и 1541 гг. В 1542 г. его сын Имин-Гирей напал на Северскую область, но был разбит московскими воеводами. Через два года он же разорил Белевские и Одоевские места. В таких условиях Москве необходимо было изменить стратегию постоянного удовлетворения возраставших appetitов Крыма, тем более что крымские тюрки «слова не держали».

Иногда крымские войны являлись не весной, во время пахоты, а летом, во время уборки хлебов. Иногда, используя удачную для себя внешнеполитическую обстановку, орда, возглавляемая ханом, вторгалась далеко в глубь территорий русской оседлости и зимой. От этих нападений небезопасно было даже в самой Москве. Именно поэтому в XVI и XVII вв. ее укрепляли каменными и деревянными стенами и земляными валами. Внешнеполитическая активность Сахиб-Гирея в 30-е гг. XVI в. привела к тому, что река Ока и стоящие на ней города – Муром, Касимов, Переяславль Рязанский, Коломна, Кашира, Серпухов, Алексин, Калуга, Перемышль, Белев, Одоев, Тула, Мценск, Козельск – становятся первой линией обороны Московского государства с южной стороны.

В течение первой половины XVI в. шла активная дипломатическая война, сводившаяся к тому, чтобы сколотить блок Крымского, Астраханского, Казанского ханств под покровительством Турции против России. Еще в 1519 г. московский посол А. Голохвастов присылал из Азова сведения о том, что турки решили приступить к завоеванию черкесской земли, для чего хотят построить город в устье Кубани. Султан приказал крымскому хану отправить туда 8 тыс. человек. Одновременно турки предприняли попытки воспрепятствовать утверждению на Дону русских сил, стремясь захватить в свои руки донскую торговлю вплоть до Переволоки и Воронежа.

Опасность завоевания Турцией, подкреплённая постоянными набегами на Северный Кавказ крымских ханов, сильно встревожила черкасских князей, вплоть до обращения их в 1552 г. к московскому царю, чтобы «взял себе в холопы и от крымского хана оборонил». При этом «крест государю целовали на том, что им всю землю черкасскою служить государю до своего живота: куда их государь пошлет на службу, туда им и ходить».

Активизация Османской империи не могла не вызвать адекватных действий со стороны России. Решительно взяв Казань и впоследствии Астрахань, Иван Грозный обозначил свои интересы в этом регионе. Но действия турок от этого менее навязчивыми не стали.

В 1571–1572 гг. удары крымского хана Девлет-Гирея на Москву – Москва должна была стать турецкой провинцией. Но действовал против нее только один крымский хан, поскольку в 70-х гг. внимание Турции было отвлечено на восток борьбой с Ираном. Турецкому султану Девлет-Гирей обещал завоевать Россию в течение года, а Ивана Грозного пленником привести в Крым.

Военное поражение Девлет-Гирея в августе 1572 г. было сокрушительным. Но более важным оказалось геополитическое значение этого события: победа русского оружия при Молодях не позволила совместным силам Османской империи и Крымского ханства распространить господство в Поволжье, ослабить Московское государство и продолжить экспансию в Европу с востока.

После этого разгрома «скромные набеги» южных соседей продолжались, но не в завоевательных и амбициозных целях, а скорее для поддержания прожиточного минимума ханства.

Когда в 1577 г. Девлет-Гирей умер, его сын и преемник Махмет-Гирей поспешил заверить русского царя в своей дружбе и в знак подтверждения искренности своих слов совершил набег на владения польской короны. Намек в Москве поняли, и благодарность не замедлила прийти в Крым в виде старой и доброй дани от московского государя.

Если с Махмет-Гиреем можно было договориться путем увеличения расходов московской казны, то сменивший его брат Ислам и впоследствии Кызы-Гирей свои амбиции пытался подтвердить военными набегами. Точно рассчитанный набег хана на Москву в 1591 г. потерпел фиаско вследствие умелых действий по обороне города. Неприятель был рассредоточен, затем побит, сам хан бежал и вынужден был впоследствии оправдываться перед Борисом Годуновым за набег, ссылаясь на злые намерения «турского султана» поссорить их.

Сила Крымского ханства постепенно сходилась на нет, поэтому южных «приходов», аналогичных налетам времен Девлет-Гирея, в XVII в. уже не случалось. Слабость Крыма была обусловлена еще и тем, что ханство все больше втягивалось в орбиту турецкой политики и в качестве турецкого вассала должно было принимать деятельное участие в войнах с Россией. Для турок Крым служил поставщиком и резервом конницы, которую можно было задействовать и своих наступательных операциях. Чтобы держать в боеготовности данную войсковую единицу, необходимо было иметь постоянного врага, одним из которых всегда считалась Россия. Возможно, такая профессиональная ориентация ханства в общеосманской сфере влияния и привела к отсутствию стремления крымских тюрко-монголов к мирной трудовой жизни, они были приучены жить за счет добычи от набегов.

Вместе с тем иногда и в Крыму выражали недовольство властью Турции. В 1623 г. Мухаммед-Гирей и Шагин-Гирей взбунтовались против турецкого владычества, требуя вывести гарнизоны с южного побережья полуострова. Бунт братьев был подавлен турками через четыре года. В союзники против турок крымские ханы чаще всего брали запорожских казаков, их взаимодействие позволяло довольно эффективно противостоять османским отрядам. Союз казаков и крымских тюрко-монголов закреплен в 1624 г., предопределив противоречивые отношения Богдана Хмельницкого и крымского хана, которые то «по-братски говорили», то считали друг друга врагами.

В 1635 г. крымский хан Инайет-Гирей ослушался султана и не дал своих войск для похода в Иран, за что впоследствии поплатился головой. В 1644 г. Ислам-Гирей, совершив удачный набег в московские пределы и получив большой выкуп от русских за «полон», посчитал возможным сбросить и вассальную зависимость от Порты, но не сумел использовать ни момент, ни возможного союзника в лице Хмельницкого. Несмотря на желание независимости от Порты, Крымское ханство кроме нее, видимо, больше ни на кого и ни на что и не могло рассчитывать. Турция же при всяком удобном случае не только подчеркивала свою власть в Крыму, но и демонстрировала ее военную поддержку. Сложившийся в конце XV в. вынужденный симбиоз двух мусульманских государств так и продолжал свое существование вплоть до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. Впрочем, в периоды внешнеполитической загруженности Османского государства крымские ханы не упускали возможности «отойти» от своего южного «покровителя».

Итак, между 1550 и 1900 гг., за немногим исключением, все территории на северном побережье Черного моря до Урала и Камы, которые более тысячи лет принадлежали тюркам

и тюркоязычным племенам, стали славянскими.

Государство Шейбани-хана

К середине XIV в. по мере того, как уходили в тень чингисиды в Иране, Китае, Мавераннахре и Южной Руси, на смену им шли и заявляли права на свою долю в исторических империях представители ветви семейства Джучи. Речь идет о Шейбанидах – династии узбекских ханов. Но прежде напомним, какими землями владели эти наследники рода Чингисхана.

Старший сын Чингисхана – Джучи (? – ок. 1227 г.) – получил в удел от отца земли с населявшими их племенами, простиравшиеся от Иртыша до западных границ Монгольской империи. Сын Джучи Бату (1208–1255 гг.) своими завоеваниями в Восточной Европе расширил пределы улуса далеко на запад, обеспечив тем самым себе обладание тюркскими племенами половецких степей. Остальная часть улуса Джучи была поделена между братьями Бату – Ордой и Шейбаном.

Орда получил земли правого берега Сырдарьи, от города Сыгнака, у гор Кара-Тау, до дельты реки на берегу Арала, в том числе полосу на левом берегу дельты, которая тянулась до Амударьи, т. е. почти все восточное побережье Аральского моря, а также бассейн Сары-Су и массив Улу-Тау, который отделяет этот бассейн от Тургая. В дальнейшем ханство Орды вошло в историю под названием Белая Орда (Ак-Орда).

Шейбан получил при разделе территории к востоку и юго-востоку от Южного Урала, значительную часть Актюбинской области и Тургая. Он управлял степями к северу от Сырдарьи, известными как Дешт-и-Кыпчак (Кыпчакские степи). Что касается его ратных подвигов, то Шейбан отличился в 1241 г. в ходе тюрко-монгольской кампании в Венгрии. По мнению Рашид-ад-Дина, если бы тюрко-монголы удержали в своих руках эту страну, Шейбан стал бы ее правителем.

Во владениях Шейбана были тюркские и монгольские племена и роды, пришедшие с сыновьями и внуками Чингисхана на Запад, а потом ассимилировавшие с местными кочевниками тюркского происхождения. Шейбан кочевал между Уральскими горами и реками Илек и Ирғиз, а зимой уходил в области, орошенные Сырдарьей, Чу и Сары-Су. Границы удела Шейбана достаточно долго оставались именно такими, хотя при крайней подвижности кочевников стабильность каких-либо границ вообще немыслима. Улус Шейбана не оставался неизменным и в своем этническом составе: на протяжении длительного периода его существования в нем происходили миграции кочевников с отливом одних и с приливом других из разных мест, тем более что смуты в Золотой Орде, начавшиеся уже со второй половины XIII в. и на востоке Кыпчакских степей, в Белой Орде, нередко вынуждали подданных тюрко-монгольского происхождения покидать пределы своего кочевого государства и целыми племенами откочевывать на юго-запад или на восток от Сарая и на север и северо-восток от Белой Орды. Примером того может служить история золотоордынского хана Ногай из нецарствовавшей ветви дома Джучи.

В борьбе золотоордынского хана Берке со своим двоюродным братом, персидским ильханом Хулагу, Ногай принял деятельное участие в качестве командующего золотоордынскими войсками. После смерти Берке Ногай становится всеильным временщиком в Золотой Орде (о чем говорилось выше). В связи с обширностью сферы его политического влияния, распространявшегося от Дуная до Урала, и с его неограниченной властью на этой территории русские летописи и некоторые восточные авторы называют Ногай царем. Его авторитарная власть в Золотой Орде начала в конце концов тяготить хана Тохту, и тот вступил в борьбу с Ногаем, которая закончилась тем, что Ногай был разбит и погиб в бою (1300 г.) в Дешт-и-Кыпчаке. Победители же забрали множество пленных, которых распродали едва ли не во все части света, особенно много их было продано в Египет. Племя Ногай мангкыты и некоторые союзные тюрко-монгольские роды, получившие общее название «ногаи», вследствие почти непрерывных передвижений за своим вождем к

Дунаю, Крыму и Дешт-и-Кыпчаку, в конце концов оказались рассеянными по равнинам Юго-Восточной Европы и по степным просторам к северу и северо-востоку от Сырдарьи. Исследователь истории Сибири Фишер, упоминая Ногай, «основавшего собственное государство», замечает, что хотя оно «с сыном его Джикою пропало, но имя названных по нему ногайцев велось после него еще несколько лет, и весьма вероятно, что сей народ распространился от Волги до Яика, а оттуда – до Иртыша». В русских летописях XVI в. эти земли назывались Шибанскими.

В 1360 г., когда правитель Белой Орды, хан Тохтамыш, покорил Золотую Орду, большая часть Белой Орды ушла в Европу, а старый удел Орды, к северу от низовья Сырдарьи, постепенно заняли шейбаны.

Весь регион Сары-су и Улу-Тау, а также Тургай были заселены представителями рода Шейбана. Впрочем, орды или племена, подчиненные шейбанам, в середине XIV в. взяли себе имя «узбеки» или «узбеки», именно под этим именем они вошли в историю. К вопросу о происхождении самого названия «узбеки» до сих пор нет единой точки зрения.

Узбеки, как народ в целом, не был однообразен по своему составу, как бы ни пытались объяснить название этого народа от имени ли золотоордынского хана Узбека или как самодовлеющее название, взятое само по себе. Во всяком случае, интересным обстоятельством является то, что ни арабские авторы, современные Узбек-хану и последующие, вплоть до XV столетия, ни ближайšie по времени к нам персидские источники ни разу не упоминают об узбеках в составе племен Золотой Орды.

Регулярные сношения Золотой Орды с Египтом, естественно, давали арабским историкам того времени богатый материал по быту и этнографическому составу владений Узбек-хана, который они черпали не только от бывавших в Золотой Орде египетских послов, но и от тюрко-монгольских, с которыми приезжали мусульманские ученые. Труды этих историков вместе с описанием Золотой Орды знаменитого арабского путешественника Ибн-Баттуты, прожившего относительно долго в царстве Узбек-хана, лично общавшегося с последним и его двором и оставившего нам массу интереснейших сведений бытового и экономического характера о Золотой Орде, дают нам достаточное представление об основных народностях владения Узбек-хана. Арабские сведения XIV в. не называют никаких других золотоордынских народностей, кроме монголов и тюрков, реже кыпчаков. Даже в преамбулах посланий, адресованных султаном Узбек-хану, писанных золотом и чернилами на большом листе багдадской бумаги, Узбек-хан именовался «султаном монголов, кыпчаков и тюрков».

Помимо этого, мы не находим никаких указаний у современных Узбек-хану арабских летописцев, чтобы «расположенные к нему племена, как к справедливому монарху и просветившему их светом истинной веры», стали бы называть себя в честь него «узбеками». Авторы, естественно, должны были упомянуть об узбеках как о господствующем, скажем, племени или, если это соответствовало фактическим данным, о том, что именем Узбек-хана стало называться, допустим, ближайшее к его ставке или к Сараю то или иное племя, потому что его заслуги в деле насаждения ислама и действия как государя в духе идеального мусульманского правителя были бесспорны. По-видимому, при жизни Узбек-хана ни одно «благородное племя» его улуса не называло себя его именем.

Несомненно одно, что при Узбек-хане происходил бурный процесс тюркизации живших в его улусе монголов. Аль-Омари писал об этом совершенно определенно: «В древности это государство (т. е. хана Узбека) было страной кыпчаков, но когда овладели ею монголы, то кыпчаки стали их подданными, затем монголы смешались с ними и породнились. Земля одержала верх над всеми природными качествами и расовыми особенностями монголов, и все они стали совершенно как кыпчаки, как будто они одного с ними рода, ибо монголы поселились на земле кыпчаков, вступили в браки с их женщинами и остались жить у них на их земле. Таким образом, долгое пребывание во всякой стране и земле заставляет человеческую природу уподобляться ей и изменять свои природные черты согласно природе этой страны. Лишь иногда замечается большая или меньшая разница

в цвете кожи по другой причине, чем влияние страны». Этого же рода соображения высказал в XIII в. Фишер, который, говоря о монголах «как о многолюднейшем народе между всеми тюркскими поколениями», отмечает, «что по времени имя тюрк смешалось с монголами и верх одержало; это, может быть, произошло от того, что тюрки, по приведении Чингисханом всех их поколений под одну власть, в войсках его и наследников его служили в гораздо большем числе, нежели самые монголы. Сие можно заключить из того, что во всех тех завоеванных землях, которые прежде имели собственный свой язык и не знали ни монгольского, ни тюркского, вошел в употребление только тюркский язык с выключением монгольского, что не могло бы учиниться, когда б тюрки гораздо числом не превосходили монголов. Таким образом, для несравненно большего числа тюрков пропало монгольское имя в западных землях». Академик В. Владимирцов, также подчеркивал, что «ушедшие на запад монголы довольно скоро подверглись тюркизации, вообще растворились в окружающей этнографической среде более или менее им близкой».

Таким образом, в Дешт-и-Кыпчаке основную массу населения составляли тюркские племена. Монголы практически не внесли коренных изменений в этнический состав кыпчаков, напротив, монголы сами подверглись тюркизации.

Итак, современные Узбек-хану и более поздние восточные источники, арабские и персидские, ничего не говорят о том, что народы его улуса стали называться в честь него общим именем «узбеки», как не говорят об этом и русские летописи. Сведения о том, что народ удела Узбек-хана стал называться «узбековым народом» или «узбеками», появляются у немногих авторов Ирана и Средней Азии, писавших значительно позже эпохи Узбек-хана, когда образ насадителя ислама в Золотой Орде был уже овеян легендами.

Так, например, анонимный автор таджикского сочинения «Генеалогическое древо тюрков», составленного не ранее середины XV в., весьма неопределенно говоря об этническом составе населения Узбек-хана, указывает причины, в силу которых народ этого золотоордынского хана стал называться в честь него «узбеками». Приведем выдержку из этого труда: «Узбек-хан по восшествии на престол в течение восьми лет проводил свою жизнь в северной части Дешт-и-Кыпчака вместе со своим племенем и народом, потому что ему нравился климат этой страны и обилие охоты. Когда с начала его правления прошло восемь лет, то Узбек-хан удостоился чести принять ислам. И оттого, что народ его племени и удела, бывший в той стране, в большей своей части сподобился счастья принять ислам, то по не подлежащему сомнению указанию из потустороннего мира святейший Сейид-ата всех их привел в страны Мавераннахра. Когда Узбек-хан приходил куда-либо, то каждый, которого спрашивали: «Кто эти пришельцы?» – принимал имя своего военачальника и государя, которым был Узбек-хан. По этой причине пришедший в Мавераннахр народ стал называться узбеками».

Следует отметить, что и после смерти Узбек-хана улус Джучи сохранил свое название, во всяком случае, никто из персидских историков не называет его Узбековым улусом, по крайней мере, области на восток и северо-восток от низовьев Сырдарьи, составлявшие исконное владение дома Шейбана, называются у всех историков улусом Джучи.

Термин «узбеки», как обозначение народа в широком смысле слова, встречался у восточных авторов за несколько десятилетий до того, как узбеки Шейбани-хана начали свое движение на юг, к амударьинским оазисам. Кого же понимали эти авторы под узбеками, какой народ был известен им как узбеки в собственном смысле?

У Ибн Арабшаха мы не встречаем никаких данных о том, что золотоордынские народности назывались узбеками.

Едва ли не впервые упоминающим узбеков автором является составитель официальной истории Амира Темура, написанной в 1425 г., – Шераф-ад-Дин Йезди. К примеру, описывая подробности похода Амира Темура против Тохтамыша, когда разбитый Темуром Тохтамыш бежал к Волге, Йезди пишет следующее: «Темур, взявши войско и отдав приказ выступить налегке в поход, пустился преследовать Тохтамыш-хана. Он гнался за ним с наивозможной быстротой день и ночь. Когда достиг переправы через Атиль, каковую переправу называют

Туратур, он присоединил к сыну Урус-хана, Куйричак-оглану, бывшему из тех, что находились при счастливом монархе, отряд бахадуров-узбеков, которые входили в ряды августейших мулазимов. Приготовив царские инсингии, Темур удостоил Куйричак-оглана пожалованием шитого золотом халата и золотого пояса и переправил его через Атиль, препоручив ханствование в Джучиевом улусе».

Из истории Темура, написанной предшественником Шераф-ад-Дина Йезди Низамутдином Шами при жизни Темура, мы узнаем, что в Мавераннахре владения Урус-хана в XIV в. называли областью узбеков, а сам Урус-хан именовался узбекским ханом. В последующих исторических сочинениях XV в., к примеру в трудах Абдураззака Самарканди, Мирхонда, Хондемира и др., уже совершенно определенно назывались узбеками все те тюрко-монгольские племена, которые кочевали к северу от Сырдарьи или к северу, северо-западу и северо-востоку от владений, составляющих территорию улуса Джучи. Представители правящего класса улуса Чагатая то враждовали с узбеками, то втягивали их в свои династические распри, то вступали с ними в родственные отношения. Едва ли не последним фактом близких отношений чагатайцев с узбеками было появление в ставке Абулхайр-хана Султан-Хусейн-мирзы незадолго до захвата им престола Герата, в надежде опереться в этом предприятии на помощь узбеков. Историк того времени оставил нам любопытную информацию о приеме узбеками этого темурида и о длительных переговорах узбеков с Султан-Хусейном, не желавшим затем подчиниться унижительной церемонии, с точки зрения чагатайцев, исполнению чисто узбекского обычая «табуг», т. е. представления узбекским ханам чужеземных послов и владетельных особ, и следовавшей далее грандиозной попойке в ставке главы узбеков.

Ну, а кто же такие были узбеки в XV в. и в начале XVI столетия, которые во главе с Шейбани-ханом (1451–1510 гг.) покорили владения темуридов и прочно осели в оазисах Средней Азии, что они собой представляли в этническом отношении? В значительной мере мы находим ответы на эти вопросы в тех немногих исторических памятниках, которые были написаны при Шейбани-хане, его ближайших преемниках и сохранились в очень редких рукописях. Среди них наиболее примечательна «Книга о бухарском госте», составленная Рузбеханом Исфагани.

По поводу состава узбекского народа, соседствовавшего с владениями темуридов в эпоху Шейбани-хана, и границ его расселения Рузбехан пишет следующее: «Три народа относятся к узбекам, кои суть славнейшие во владениях Чингисхана. На сегодняшний день один из них – все племена, относящиеся к Шейбану, второй народ – казахи, которые славны во всем мире силою и неустрашимостью, и третий народ – мангкыты, кои суть цари астраханские. Одна граница области узбеков оканчивается у океана, другая доходит до Туркестана, третья – до Дербента, четвертая – до Хорезма и пятая – до Астрабада. Все эти земли целиком составляют летовки и зимовки узбеков. Хань всех этих трех народов находятся между собой в постоянной вражде, и каждый из них посягает на другого. И когда побеждают, то один другого продает в рабство, забирает в плен; скот и людей противника в своей среде считают дозволенной военной добычей и никогда от этого правила не отступают. Если кто-либо прекословит им в этом, говоря: „Зачем же ты продаешь в рабство свой собственный народ?“ – они удивляются и говорят: „Да этот человек сумасшедший! Он не признает военной добычи“. Кто же дерзнет сказать им: „Это мои люди“ – после такого утверждения, что это есть их военная добыча? У них широко распространена продажа победителями побежденных, без запрета со стороны того, кто мог бы это воспретить, и без всякого противодействия того, кто воспрепятствовал бы этому. У всех узбекских племен очень много уважаемых ханов; каждое племя великих и именитых потомков Чингисхана называют султанами, а того, кто больше их всех, именуют ханом, то есть великим из государей и правителей их, в повиновении которому они были бы непоколебимы».

Едва ли могут быть сомнения в том, что в приводимое Рузбеханом столь точное определение главнейших этнических групп, называемых в начале XVI в. общим именем «узбеки», входят тюрко-монгольские племена бывшего улуса Шейбана, простиравшегося от

Урала до рек Ишима и Сары-Су и севернее, в направлении к Ледовитому океану (нельзя забывать, что из дома Шейбана вышли сибирские ханы, подчинившие себе значительную часть Сибири), племена Дешт-и-Кыпчака, или улуса Орды, и низовья Эмбы, Урала и Волги до Кавказа, занятые мангкытами или ногайцами. Последние, впрочем, в начале XVI в. в значительном количестве прочно расположились на сырдарьинских равнинах, по соседству с казахами, и значительно севернее их. Даже если несколько скептически отнестись к границам территории страны узбеков, которые приводит Рузбехан со слов самих вождей этого народа, то все же приводимые им пограничные вехи оказываются довольно точными. Действительно, в описываемое время граница узбекской территории доходила до восточных районов Туркестана включительно. Хорезм не был исконным узбекским владением, а степные просторы до Астрабада были заняты преимущественно этими мобильными кочевниками, потому как еще при преемнике Амира Темура, Шахрухе (1405–1447 гг.), по словам Самарканди, ставшие казахами узбеки совершали набеги даже на Мазандаран, проникая туда через Астрабад.

Согласно Полю Пелио, имя «узбек» значит «хозяин себя», т. е. «свободный человек». В таком случае, «узбек» в качестве названия нации значило бы тогда – «нация свободных людей».

Дабы у читателя не возникло путаницы в связи с термином «узбеки», следует понять, что узбеки-кочевники, жившие в северо-восточных областях улуса Джучи в XIV–XVI вв., и узбеки современные – не одно и то же. В состав узбекского народа входили в основном следующие этнические части: тюркское население Мавераннахра, которое уже с XI в. начало тюркизировать в языковом отношении; жившее здесь с глубокой древности таджикское земледельческое население; тюркизированное в ряде городов ираноязычное население, которое утеряло свой родной язык; кочевники-узбеки, переселившиеся в конце XV – начале XVI в. в большом количестве со стороны низовьев Амударьи и Сырдарьи на территорию современного нам Узбекистана. Белоордынские узбеки составляют одно из главных слагаемых в этногенезе современного узбекского народа.

Из каких же племен состояли народы, называвшие себя общим именем «узбеки», – ответ на этот вопрос мы находим в обстоятельствах вступления на престол внука хана Шейбана, Абулхайра (1412–1468 гг.).

Образование Узбекского ханства кочевых племен

Основателем могущества узбеков был шейбанский принц Абулхайр. Представители трех народов, о которых писал Рузбехан, выдвинули его претендентом на ханский престол.

Избравшие его ханом были главами племен: кият, мангкыт, байлы, кунграт, тангут, йиджан, дурман, кушчи, утарчи, найман, угриш-найман, тубай, таймас, джат, хитай, барак, уйгур, карлук, кенегес, уйшун, курлаут, имчи, туман и минг. Эти племена поддерживали юного Абулхайра в его первых шагах на поприще расширения и упрочения своей власти.

Стремление глав племен встать под знамена молодого, талантливого принца Абулхайра было обусловлено желанием создания мощного мобильного государства кочевых племен.

Они вождедели земли темуридов. И в выборе своего вождя не ошиблись.

Торжественно посаженный (1428 г.) на престол в Туре (на Иртыше), Абулхайр сделал своей столицей этот город, где упрочилось и окрепло его господство над узбеками, ханы которого выразили ему полную покорность и повиновение. Сразу после восшествия на трон он отобрал у других джучидов весь бывший улус этой ветви, расположенный к востоку от реки Урал и к северу от Сырдарьи.

С помощью вышеперечисленных племен Абулхайр начал войну против хана Дешт-и-Кыпчака Мухаммеда-ходжи, который, по определению историка той поры «был одним из выдающихся государей своего времени», известен из истории Шахруха и пребывал с ним в дружеских отношениях. Как бы то ни было, Мухаммед-ходжа был разбит на берегах Тобола, попал в плен к Абулхайру и по его приказанию предан смерти. Присоединив к своему улусу

владения Мухаммеда-ходжи, Абулхайр-хан вернулся в Туру. Подобным образом за очень короткое время (между 1423–1431 гг.) Абулхайр-хану удалось собрать воедино почти весь улус Шейбана и установить над ним свою власть.

Что касается взаимоотношений между кочевыми узбеками и темуридами, то они строились на фоне борьбы за два очень важных как в экономическом, так и стратегическом отношениях района – бассейн Сырдарьи и Хорезм. Было бы ошибочно считать, что кочевые узбеки в своих походах преследовали только цели грабежа и захвата военной добычи. Безусловно, военная добыча играла большую роль в жизни кочевников, особенно феодализованной кочевой знати, и ради захвата добычи они регулярно совершали набеги на своих оседлых соседей, но одно дело – набеги, совсем другое – военные походы. Когда мы говорим о военных кампаниях узбеков в Хорезме и на Сырдарье, то имеем в виду именно завоевательные походы, цель которых – присоединение имевших стратегическое значение богатых областей и их эксплуатация в интересах хана и феодальной верхушки. Итак, в 1431 г. Абулхайр-хан предпринял большой поход на Хорезм.

Население хорезмской столицы Ургенч, видя, что ему не отстоять города, и не желая подвергаться ужасам расправы кочевников, решило выказать узбекам покорность. Отправленная гражданами к Абулхайру мирная делегация была им обласкана, и хан пощадил город и жителей. Но нужно было как-то вознаградить войско, предоставившее такой богатый город. По этому поводу вот что рассказывал впоследствии автору «Абулхайрханской истории» сын Абулхайр-хана Суюнчи: «Мой отец после покорения Хорезма приказал открыть казну, которую прежние правители собирали с таким трудом и заботами, и отдал распоряжение двум эмирам, из числа великих, чтобы они сели у дверей казнохранилища, а все командиры, люди из свиты хана и простые солдаты по двое входили бы в нее, брали бы там то количество, которое они без труда могли бы взять, и выходили обратно. Сообразно этому ханскому распоряжению, все военные входили в сокровищницу, каждый брал столько, сколь мог унести, и выходили оттуда. Вследствие этого по ханской милости войско обогатилось золотом и драгоценными камнями».

Хотя Абулхайр-хану пришлось вскоре покинуть Хорезм, ввиду эпидемии чумы, и спешно вернуться на просторы родных степей, тем не менее честолюбивое стремление подчинить своей власти и своему величию новые области заставило хана обратить внимание на владения джучидов, Махмуд-хана и Ахмед-хана, которые оказали ему неповиновение и проявили враждебность. На большом совещании подвластных Абулхайру глав узбекских племен было решено выступить походом против упомянутых ханов на их ставку в урочище Икри-Тур, по-видимому где-то в сырдарьинских степях. В этом походе принимали участие почти все эмиры со своими племенами, которые упоминались в начале правления Абулхайра. Хань были разбиты и едва спаслись поспешным бегством, победителям же досталась богатая добыча. Победа предоставила Абулхайру возможность овладеть столицей кочевников Дешт-и-Кыпчака, Орду-Базаром, где в свое время была ставка хана Бату. Здесь, после прочтения молитвы во славу Абулхайра и чеканки монеты с его именем, «всем главам племен, принявшим участие в походе, были пожалованы лошади, верблюды и прочий скот, новые кибитки, боевые доспехи и оружие, а рядовым воинам – разного рода подарки; населению Орду-Базара, согласно историографам, было предоставлено место под тенью ханского покровительства и оказаны прочие милости и насаждение справедливости, а равно укорочены были руки тиранам и насильникам».

Кочевые племена Дешт-и-Кыпчака в XV в. были все еще сильны своей родоплеменной организацией, во главе которой стояла степная феодальная аристократия: ханы, султаны, огланы, бахадурь, беки и др. Три первые группы были чингисиды, иначе говоря, люди «белой кости». Что касается прочих, то они были представителями местной племенной аристократии, т. е. представителями верхушки «черной кости». Расширение сферы власти и влияния Абулхайр-хана вызывали недовольство отдельных глав племен, особенно тех, кто стремился к отделению, и урегулирование этой ситуации требовало особого внимания со стороны хана. Поэтому в течение последующих пятнадцати лет Абулхайр-хан не вел

больших войн с целью расширения своих владений, а занимался внутригосударственным устройством.

Тем временем глава мангкытов Воккасбек, соединившись со степным ханом Мустафой, восстал против Абулхайра со своим племенем. Но Абулхайр-хан, опираясь на вождей племен киятов, йиджанов, кушчиев, кунгратов и т. д., разбил в бою на берегах Атбасара мятежников, обратив их в бегство. Около четырех с половиной тысяч мятежников было уничтожено, их имущество, скот, жены и дети со всеми родственниками и зависимыми от них людьми попали в руки воинов Абулхайра, все это было подсчитано и поделено между эмирами, начальниками и рядовыми участниками битвы «в зависимости от положения каждого из них».

В середине 40-х гг. XV в. Абулхайр-хан возобновил завоевательные кампании, предприняв поход на юг бывшего улуса Орды – крепость Сыгнак, опираясь на помощь своих сторонников, в числе которых были и мангкыты с мятежным главой своим Воккас-беком, помирившимся к тому времени с Абулхайром. Сыгнак сдался главе узбеков добровольно, а за ним последовало занятие таких присырдарьинских крепостей, как Ак-курган, Аркук, Сузак – все они были розданы в управление преданным лицам. Таким образом, Абулхайр отобрал у темуридов укрепленные города на Сырдарье от Сыгнака до Узгенда. Согласно Бартольд, столицей хан объявил Сыгнак.

Кочевые узбеки активно вмешивались в междоусобную борьбу в государстве темуридов, тем самым ослабляя его. Почти всегда соперничавшие члены династии темуридов вовлекали в свои междоусобия кочевых узбеков. Узбеки же охотно помогали любому из соперничавших претендентов на трон, имея в виду, однако, свои собственные интересы – в случае успеха захват не только военной добычи, но и присоединение к своим владениям богатых земельных областей.

Абулхайр-хан впервые официально вмешался в династические распри темуридов, откликнувшись на просьбу правнука Темура Султан-Абу-Саид-мирзы (1451–1469 гг.) помочь ему утвердиться на престоле Самарканда, и успешно разыграл эту карту. Войска Абулхайра вторглись в Мавераннахр и тем самым помогли темуриду Абу-Саиду занять трон Самарканда (1451 г.). Это способствовало могуществу Абулхайр-хана достичь апогея: его государство простиралось уже от территории Тобольска до Сырдарьи. Однако торжество было не долгим. В 1457 г. на территорию Абулхайр-хана вторглись ойраты или калмыки. Калмыки владели огромной территорией, охватывавшей Большой Алтай и горы Хангай от Тарбагатай и Джунгарии до юго-западного берега Байкала, включая Черный Иртыш, Урунгу, Кобдо, верховья Селенги. Их войска грабили окрестности Пекина и Западный Туркестан.

На улусы Абулхайр-хана калмыки двинулись от реки Чу. Хан калмыков Оз-Тимур нанес армии Абулхайр-хана под Кок-Кесене мощное поражение и основательно разграбил весь северный берег Сырдарьи. Абулхайр-хан укрылся за стенами Сыгнака, где вынужден был заключить с калмыками мир на условиях победителей. Армия калмыков ушла за Чу, а Абулхайр-хану долго пришлось приводить в порядок свои земли, сильно пострадавшие от этой войны.

Следует отметить, что феодальная знать поддерживала хана только в том случае, если он вел активную внешнюю политику и победоносные войны, в противном случае зачастую покидала его.

Разгром армии Абулхайр-хана существенно поколебал его авторитет, именно столкновение узбеков с калмыками в 1457 г. было одной из серьезных причин, приведших к падению Узбекского ханства кочевых племен.

На тот момент границы ханства кочевых узбеков простирались на севере до Туры, на юге – до Аральского моря и низовьев Сырдарьи, включая западную часть Хорезма. Восточная граница его проходила в Саурани, а на западе оно граничило с рекой Яик. Одним словом, это государство включало большую часть современного Казахстана, Западной Сибири и Юго-Западного Хорезма. На среднем течении Сырдарьи стояли такие большие города, как Ясы (Туркестан), Отрар, Сыгнак, Сауран, Аркук, Ак-Курган и др., которые

вплоть до XVII в. оставались центрами торговли между кочевым и оседлым населением Дешт-и-Кыпчака и Мавераннахра. На территории современного Казахстана издревле наряду с кочевничеством существовала и оседлость, таким образом, хозяйственная деятельность людей была разнородной: одни занимались пастбищно-кочевым скотоводством и вели кочевой образ жизни, и это было главной отраслью, другие – производством земледельческих культур, а третьи – ремеслом и торговлей, кстати, торговля у кочевников была главным образом меновая. Разумеется, важное место в жизни кочевников занимали набеги на оседлые области. Большую военную добычу приносили регулярные войны как между самими феодалами, так и с оседлыми соседями.

Что касается структуры Узбекского ханства кочевых племен, то во главе его находился хан, избранный предводителями племен и родов. Однако в правлении государством его права были ограничены. Всякое мероприятие, начиная с объявления войны и кончая назначением воспитателей царевича, не проводилось без ведома предводителей племен и представителей духовенства, которое пользовалось большим влиянием. Так, предводители племен высказывались против похода на Хорезм (1431 г.), но духовные лица поддержали Абулхайр-хана, и поход состоялся, а эмиры вынуждены были согласиться.

При узбекских ханах существовали следующие государственные должности: аталыки – «дядьки», воспитатели царевичей, которые до совершеннолетия своих питомцев правили их уделом; служащие дивана – налогово-финансовое ведомство; ички – неотлучно находившиеся при ханах, руководившие дворцовой жизнью; верховный казий – заведующий религиозными и судебными делами; инаки – ханские советники; миршикар – начальник охоты; ясавулы – домашние слуги хана, одной из их обязанностей был сбор налогов и подсчет добычи, составлявшей долю хана; михманхудаи – отвечавшие за явку на августейшие собрания и их проведение; мубаширы – ханские вестовые; даруга – полномочные представители хана в завоеванных областях.

Войска кочевых узбеков сохранили в основном строй и принцип, что были при Чингисхане. Оно, прежде всего, было племенным ополчением, собираемым со всех владений, а при ханах и предводителях племен постоянно находились лишь несколько сот нукеров. Последние не только были воинами, но и выполняли различные работы в юртах своих господ. Во время походов узбеки уделяли серьезное внимание разведке, а узбекские ханы широко практиковали и шпионаж.

Деяния Абулхайра в создании сильного Узбекского государства кочевых племен вызвали миграции кочевников, уход из родных степей в чужие места, пленения в ходе военных операций. В этой связи представляет интерес тот факт, что стремление предотвратить анархию в пользовании даже необозримыми пастбищами испокон веков установило обычай кочевков обществами только одного рода, допуская в свои кишлаки из других родов лишь родственников по женской линии или бедняков, нанимающихся в работники. И потому даже сами пути кочевков были определены для каждого племени, и каждое имело свои определенные места для зимних стойбищ, летних и осенних кочевков. Разведчик того или иного племени, находя, например, не занятый никем колодец, ставил около него особый знак (копье или вещь, или чертил на земле тамгу своего племени, или клал рядом связанный пучок травы). Видя такой знак, другие уже не выбирали это место своим стойбищем. Если вожак кочующего общества выбрал место, не отметив его знаком, и уезжал для осмотра других мест, а по возвращении находил, что вожак другого рода занял это место, то заявление первого не принималось во внимание.

Если одновременно подъезжали два кочевника к облюбованному месту, то их спор, кому оно достанется, решался в пользу того, кто был почетным лицом или старшим по летам, а при равенстве того и другого принималось во внимание старшинство племени, рода или колена. На летние пастбища одного рода не допускались кочевники другого, а с хозяев скота, случайно забредшего на чужую территорию, взымались штрафы. Все это является ярким подтверждением того, что у кочевников, с их необъятными степными просторами, существовали свои определенные и строгие законы, направлявшие перекочевки, пользование

колодцами и выпасами в определенных рамках неписаного и извечного степного кодекса (хотя, конечно, нарушения его бывали нередки). В этой связи легко себе представить, какой беспорядок вносило, например, передвижение победоносных племен Абулхайра из пределов Тобола и Ишима на юг к прибрежным равнинам Сырдарьи. Перемещение их кочевков на новые места в корне нарушало интересы бытовавших здесь кочевников, вносило расстройство в их жизнь и создавало атмосферу крайне напряженных и враждебных отношений между родственными по существу племенами улуса Шейбана и улуса Орды. С другой стороны, и побежденные ханы и ханы из того же Джучиева потомства весьма ловко использовали в своих интересах настроения притесняемых племен и родов и увлекали их в борьбу с более счастливым своим противником. В то время обижаемые роды лелеяли надежду поднять свое благосостояние, ограбив и разорив противника, потому что по исконно существовавшему степному праву все преступления суть только дурные проступки, и притом лишь в глазах обиженных, а с точки зрения тех, которые совершали эти проступки, они являлись геройством. Такова мораль степи.

Суть в том, что Абулхайр потерпел поражение, пытаясь примирить наследственные принципы кочевника с системой полукочевнической империи с центром в Сыгнаке. Начало откола от Абулхайра положили два его вассала, выходцы из дома Джучи, Карай и Джаныбек, которые оставили его и испросили наделы у чагатайского хана Эсен-Буки II, который выделил им земли на границах Моголистана. И этот факт был лишь первым шагом в глобальном расколе государства.

В 1465–1466 гг. множество кочевых кланов, подданных Абулхай-хана, присоединились к Караю и Джаныбеку, т. е. стали по сути независимыми. С тех пор эти кочевники, отделившиеся от Узбекского ханства, стали называться «казахи» («искатели приключений», «бунтовщики»). Их отделение представляло собой большое историческое событие, если иметь в виду огромную территорию, которую они заняли и которая впоследствии была заселена их потомками, – территория Средней Орды, т. е. степи между Актюбинском и Семипалатинском, территория Малой Орды между устьем рек Урал и Сары-Су и территория Большой Орды между городом Туркестан и южным побережьем озера Балхаш.

Выход кочевников-узбеков из Узбекского ханства, по мнению исследователей, сыграл чрезвычайно важную роль в процессе формирования казахского народа. Произошла, как пишет Т. Султанов, «историческая встреча формирующейся народности со своим будущим именем». Забегая вперед, следует отметить, что после завоевания шейбанидами государства темуридов в начале XVI в. и откочевки около 300 тыс. узбеков на территорию Мавераннахра произошел, по мнению Э. Масанова и других ученых, перенос этнонима «узбек» из Восточного Дешт-и-Кыпчака на территорию Центральной Азии. Узбеки, оставшиеся на территории нынешнего Казахстана, стали именоваться узбек-казахами, а позднее – просто казахами. После этого в состав казахов в течение XVI столетия вошли разнородные группы кочевников, которые прежде входили в состав мангкытов, монголов, шейбанидов и др. Этноним «казак» постепенно охватил весь массив тюркоязычных племен кочевников, проживавших на территории Казахстана.

Вот что по поводу отделения от Узбекского ханства писал двоюродный брат Бабура, Хайдар-мирза из племени дуглат: «Абулхайрхан владычествовал во всем Дешт-и-Кыпчаке. Некоторые из султанов Джучиева потомства ощущали носами предвидения исходившие от него запахи интриг и войн, и каждый желал предотвратить это. Группа таких султанов, как Карай-хан, Джаныбек-султан и другие, с небольшим числом народа бежали от Абулхайрхана в Моголистан. В Моголистане же пришла пора ханствовать Эсен-Бука-хану, который хорошо принял беглецов и назначил им для обитания один угол в Моголистане, где они нашли безопасность, и время для них прошло спокойно. После смерти Абулхайр-хана в Узбекском улусе возникли такие неурядицы, что степной обитатель ради своей безопасности и благополучия искал убежище у Карайхана и Джаныбек-хана, так что последние усилились. А так как вначале они, а после того еще многие, убежав, отделились и некоторое время были людьми неимущими и скитальцами, то их называли казахами – и это прозвище так за ними и

утвердилось».

Абулхайр-хан неоднократно пытался привести к повиновению своих «узбеков-диссидентов» (Р. Груссе), но во время одного из сражений с ними в 1468 г. он был убит. Примерно через три года чагатайский хан Моголистана, Юнус, разгромил остатки «правоверных» узбеков. Что касается казахов, они создали в степях кочевническое государство, которым после смерти двух первых ханов правили их сыновья: Бурундук, сын Карая (1488–1509 гг.), и Касым, сын Джаныбека (1509–1518 гг.). Одно время Касым пытался захватить Ташкент. Попытка провалилась, и повторной не было. В сущности, Касым представлял собой тип чистого кочевника, как он изображает себя в любопытном диалоге, о котором сообщает Хайдар-Мирза в «Тарихи-Рашиди»: «Мы – степные люди, все наше имущество – это наши лошади; их мясо – наша любимая пища, а кобылье молоко – лучший напиток для нас. У нас нет домов. Наше любимое развлечение – следить за нашими стадами».

Итак, ханство Абулхайр-хана не было временным объединением кочевников. Наличие в нем государственных чинов, диванов, налоговой системы, а также чеканка монет с именем хана, являвшегося главой государства, – все эти атрибуты государственности свидетельствуют, что оно было не временным кочевым объединением, а государством патриархально-феодалного типа, хотя и не централизованным. Его политический распад после смерти Абулхайр-хана был временным и вскоре, с 90-х гг. XV в., сменился новым политическим объединением, из которого выросли государства – Узбекское, во главе с Мухаммедом Шейбани-ханом, и Казахское – с Бурун дукханом. Там, где потерпел неудачу Абулхайрхан, добились успеха его потомки.

Молодые годы Мухаммеда Шейбани

При преемнике Абулхайра, Хайдар-хане, выбранном всеми главами племен, поддерживавшими его отца, по выражению источника времени самого Шейбани-хана, «управление улусом пошло не так, как это было раньше, и потому в преданности Хайдар-хану начальников племен обнаружилась слабость». Этим воспользовались ханы враждебной стороны, Сейдак Айбек-хан, сын побежденного и убитого Абулхайром хана Дешт-и-Кыпчака, Мухаммеда-ходжи, и прикочевавшие в родные степи из Моголистана Джаныбек-хан, сын Барак-хана, а также Бурке-хан, сын Карай-хана, и некоторые эмиры мангкытов. В разгоревшейся войне Хайдар-хан не был поддержан вождями племен, к которым он обращался за помощью. Хан был убит в 1468 г., том же году, что и его отец. Близкие родственники и соратники были либо перебиты, либо захвачены в плен, либо рассредоточились.

Как видим, ожесточенными противниками узбеков дома Абулхайр-хана являлись ханы и царевичи Белой и Золотой Орд и это обстоятельство лишний раз доказывает, что главы племен улуса Шейбана добивались первенствующего значения только путем ожесточенной борьбы с сильными племенами Дешт-и-Кыпчака, и эта крайняя неприязнь последних к двинувшимся из пределов Сибири своим соплеменникам-узбекам не прекращалась даже тогда, когда Шейбани-хан упрочил свое государство в Мавераннахре.

Мухаммед Шейбани, родившийся в 1451 г. (по данному ему в детстве прозвищу Шах-бэхт – «Царственное счастье»), прошел суровую школу жизни. Он и его брат Махмуд-султан в раннем детстве потеряли отца Шах-Будаг-хана, сына Абулхайр-хана, и дед взял сирот к себе на воспитание, поручив их надзору и попечению старого дядьки их отца, уйгура Бай-шейху. После смерти Абулхайр-хана его эмиры с общего согласия отдали сирот на попечение некоему Карачин-беку.

Как было сказано выше, во время восстания узбекских ханов Абулхайр-хан был убит, его родные и сподвижники либо казнены, либо погибли в этом побоище, Карачин-беку удалось спасти юношей из всеобщего хаоса и бежать с ними к мангкытам, во владения астраханского Касим-хана, потомка Тимур-Кутлук-хана.

Ханы, свергнувшие с престола Хайдар-хана, вскоре обратили свое оружие против Касим-хана, вынудив его запереться в Астрахани, его столичном городе, где находились и сыновья Шах-Будаг-хана. Касим-хан, желая спасти их от всяких случайностей осады и, безусловно, возлагая большие надежды на молодых принцев, решил во что бы то ни стало вывезти братьев и их старого попечителя Карачин-бека из города в безопасное место. Он поручил их охрану небольшому отряду. Для осуществления этой нелегкой операции была сделана ночная вылазка с целью нападения на неприятельский лагерь. Во время общей суматохи отряду, сопровождающему принцев, удалось выскользнуть из кольца осады. Когда весть о спасении внуков Абулхайр-хана разнеслась по кочевьям, она вызвала у степной аристократии большие надежды на наступление лучших времен, тем более что оба принца были уже вполне возмужавшими людьми.

Старые, поседевшие в боях бывшие сподвижники Абулхайр-хана, а также молодежь целыми группами поспешили присоединиться к молодым принцам, вокруг которых таким образом образовался отряд в несколько сот человек.

Пылкий и отважный Мухаммед Шейбани, хорошо помнивший лучшие времена своей жизни под покровительством деда, а потом, после его гибели, испытавший все невзгоды судьбы, в первую очередь решил отомстить одному из тех, кого считал наиболее повинным во всех своих горестях. Это был один из узбекских ханов, кочевавших в районах амударьинского низовья, – Ахмед-хан. Несмотря на его несравнимо большие силы, Мухаммед Шейбани с братом напали на Ахмед-хана: оба проявили безумную храбрость в бою, но одолеть врага не смогли и удалились в ту часть Туркестана, которая входила в состав владений темурида Султан-Ахмед-мирзы, сына Султан-Абу-Саид-мирзы.

В то время правителем темуридского Туркестана был эмир Мухаммед-Мазид, который оказал радушный приют обоим принцам и их дружине. Столь широкий жест объяснялся, очевидно, с одной стороны, тем, что это были внуки хорошо известного темуридам Абулхайр-хана, замужем за которым была дочь Улугбека, неоднократно помогавшего им в династических распрях, с другой стороны, покровительство этим молодым людям, находящимся в смертельной вражде с узбекскими ханами, хозяевами прилегавших к Туркестану безбрежных степей, могло отвлечь жадные взоры кочевников от набегов на культурные оазисы. Мухаммеду Шейбани в ту пору было 27 лет, и ради получения власти он был готов на все.

Лето и зиму Мухаммед Шейбани провел в Туркестане, и в этот период к нему примкнуло много новых сторонников из разных узбекских племен. Для обеспечения запасов провианта Мухаммед Шейбани посылал своего брата Махмуд-султана с несколькими военачальниками в набеги на улусы врагов, откуда те возвращались, как правило, с богатой добычей. Однако, подобные действия и тот факт, что их совершают внуки Абулхайра, ставка которых находится в темуридских владениях, заставили одного из наиболее пострадавших от этих набегов узбекских предводителей с достаточно многочисленным войском двинуться на Туркестан. Узнав об этом, Мухаммед-Мазид, сидевший в хорошо укрепленной приграничной крепости Отрар, предложил принцам покинуть на некоторое время Туркестан и удалиться в Самарканд, очевидно рассчитывая, что отсутствие в его владениях внуков Абулхайра отведет от него враждебные действия кочевников. На пути в Самарканд, у Сайрама, малочисленный отряд Мухаммеда Шейбани подвергся нападению воинов одного из узбекских ханов, и, несмотря на отвагу обоих принцев и их отряда, они были наголову разбиты. Братья с небольшим отрядом едва спаслись и вместо Самарканда направились в Бухару. Там Мухаммеда очень радушно принял местный правитель Мир-Абдулали, который оказал беглецам необходимую помощь. Когда в Самарканд пришло донесение о прибытии в Бухару внуков Абулхайр-хана, Султан-Ахмед-мирза, наслышанный о храбрости и отваге Мухаммеда Шейбани, приказал своему бухарскому наместнику привезти его к нему. В Самарканде Мухаммеду Шейбани был оказан не менее радушный прием самим Султан-Ахмедом. Темурид был очень внимателен, ласков и щедр к своему гостю, пробывшему в Самарканде несколько дней.

Вскоре Мухаммед Шейбани вернулся в Бухару и там, в течение двух лет, усердно занимался своим образованием под руководством одного из лучших чтецов Корана Мовланы Мухаммед-Хитайи. Может быть, под влиянием этого наставника любовь к поэзии и наукам у Шейбани осталась на всю жизнь. В дальнейшем, при всем своем походном образе жизни, в любом городе и месте, где бы ни останавливался, он любил беседовать с учеными, суфиями и поэтами. Известно, что помимо узбекского языка он отлично знал персидский язык и литературу, умел писать, по-видимому, очень хорошо разбирался в богословии, любил устраивать дискуссии на различные темы, где мусульманское богословие и философия были приоритетными.

Блестящее по тем временам образование Шейбани вызывает ряд вопросов. В частности, где, когда получил Мухаммед Шейбани столь широкие познания, хотя и в мусульманско-схоластическом духе?

Достаточно сложно было бы получить подобное образование в кочевьях, в седле, на поле брани или даже прожив два-три года в Бухаре и Самарканде. В этой связи история представляет любопытные факты. Его постоянный и неразлучный спутник, соратник, брат Махмуд-султан, принес в 1487 г. своего новорожденного сына к известному самаркандскому шейху Ходже-Ахрару (ум. в 1490 г.) с просьбой благословить и наречь его. И Ходжа-Ахрар нарек ребенка «по безмерному благоволению к нему» своим собственным именем – Убайдуллой. Здесь многое неясно. Выходит, что брат Шейбани-хана, если и не значился в числе муридov (учеников) Ходжи-Ахрара, то, во всяком случае, был в какой-то степени связан с самим влиятельным в Мавераннахре дервишским союзом – орденом «накшбендия», или «ходжагон». В таком случае, где он жил, откуда прибыл к Ходже-Ахрару? Из Дешт-и-Кыпчака или из какого-то места во владениях темуридов? И еще. В качестве кого Махмуд-султан там жил и где в это время находился, никогда с ним не разлучавшийся брат Мухаммед Шейбани? Исторические хроники того времени дают сведения, что Шейбани со своим братом в эти годы воевали (с успехом и нередко без) в основном со своими соплеменниками, врагами их деда Абулхайра, в Дешт-и-Кыпчаке, но приведенный факт указывает на иное течение их жизни. А сын Махмуд-султана – Убайдулла, – впоследствии верховный глава всех узбеков (1536–1539 гг.), самый волевой из шейбанидов, много раз водивший узбеков против персов и после смерти своего дяди являвшийся фактическим ханом Узбекского государства, где и когда он смог отлично изучить персидский и арабский языки, причем настолько отлично, что свободно занимался стихосложением и писал трактаты на этих языках? Неужели в Дешт-и-Кыпчаке или совершая набеги на города северных владений темуридов? Быть может ближайший к кочевьям узбеков Дешт-и-Кыпчака темуридский город Туркестан был тем средоточием просвещения «в мусульманском духе», где получала образование знатная узбекская молодежь? В таком случае перед нами открылось бы новое обстоятельство, свидетельствующее о том, что культурное развитие представителей кочевой узбекской знати было на уровне эпохи темуридов и потому-то культурные традиции этой последней эпохи могли и далее развиваться во времена господства узбеков.

Предаваясь наукам, Шейбани вместе с тем ни на минуту не забывал тех целей, к которым вел его дух властолюбия и мести. Именно тогда, во время малозначительных военных действий, у Шейбани зародилась наиболее верная для того момента мысль, что добиваться власти ему, изгою, над своими беспокойными, вечно движущимися племенами и родами, с их свободолобием и неорганизованностью, с их войнолюбивыми и влиятельными родовыми ханами, – предприятие, по меньшей мере ненадежное и маловыгодное. Во владениях же темуридов, в Дешт-и-Кыпчаке, налицо были прочно сложившиеся устойчиво организованной государственности: при раздробленности империи темуридов на ряд владений, при соперничестве и внутренней слабости удельных правителей, все здесь могло способствовать переходу власти к тому честолюбцу, который нападет на это богатое государство и, оставив народу те же порядки в его внутренней и общественной жизни, захватит верховную власть в свои руки. Разумеется, при этом могут пострадать интересы

отдельных групп, может быть, будут местами весьма стеснены в своих земельно-водных и пастбищных интересах массы земледельческого и кочевого населения, – но кто же из завоевателей когда-нибудь думал об этом? Наоборот, власть в завоеванной стране должна принадлежать победителю и его сподвижникам как вознаграждение за их «тяжкие труды, раны и пролитую кровь».

В переписанной самим Мухаммедом Шейбани истории «Шейбанинаме», т. е. его собственной истории, мы находим строки о том, как из-за превратностей судьбы обширные владения Улугбека перешли в руки Абу-Саидмирзы, когда-то молодым человеком жившим из милости при дворе своего знаменитого родственника, как потом другой честолюбец, отважный родственник Абу-Саид-мирзы, Султан-Хусейн-мирза, выступивший с малыми силами против своего могущественного государя, в конце концов овладел его империей. Эти и другие примеры, несомненно, пленяли пылкое воображение молодого узбекского принца и рисовали ему, в случае успеха, самые светлые и радостные перспективы и даже уверенность в том, что его соплеменники, которых в настоящий момент трудно было бы заставить признать его главенство, и ханы, которые шли против него войной, – все бы примкнули к нему.

Шейбани начал тщательно готовиться к военной экспедиции в родные степи. Наконец, полностью экипировавшись, Мухаммед Шейбани распрощался с бухарским наместником и направил свое небольшое войско в родной Дешт-и-Кыпчак.

Достигнув пограничного укрепления Аркук, где судьей и вместе с тем комендантом был один из его сторонников, Шейбани вручили ключи от крепости, он был введен в укрепление и принят самым любезным образом с подношением подарков и с устройством в честь него празднеств. Также он нашел сильную поддержку у мангкытов, в руках которых находился ряд присырдарьинских крепостей, до Сыгнака включительно. Они в значительной степени добровольно подчинились Шейбани, тем более что мангкыты находились во враждебных отношениях с прочими узбеками. Крепость Сыгнак, наиболее важная из всех, также примкнула к Шейбани.

Когда Шейбани остановился в Сыгнаке и о его успехах и прибытии в укрепление узнали в степи, то правитель Дешт-и-Кыпчака Мусамирза, мангкыт, втайне сочувствовавший Шейбани и желавший, чтобы тот стал ханом этих мест, направил к нему посла, с которым Шейбани выехал на встречу с Муса-мирзой. Последний оказал ему большой почет и уважение, усадил его на ханское место и преподнес достойные подарки. Спустя несколько дней Муса-мирза получил донесение, в котором говорилось о том, что один из недругов его дома, Бурундук-хан, с тысячью всадниками вступил в Дешт-и-Кыпчак с целью захвата Шейбани и его, Муса-мирзы. Обеспокоенный этим известием, он передал его Шейбани, указывая, что у них обоих очень небольшие силы и борьба будет неравной. Но Шейбани решил выступить против Бурундука и увлек за собой Мусса-мирзу с его отрядом мангкытов. И это решение было правильным. Сражение закончилось полным разгромом армии Бурундук-хана и захватом огромной добычи в его улусах.

Любопытно, что перед битвой Муса-мирза пообещал провозгласить Шейбани ханом. И вот, после одержанной победы, Муса-мирза собрал своих эмиров-мангкытов и объявил им о своем намерении, но не нашел у них поддержки. Ссылка была на древний обычай, согласно которому хан волю в государстве представлял лишь эмиров племени мангкыт и если Шейбани примет условия обычая, в таком случае они назовут его ханом. Зная амбициозный и властолюбивый характер Шейбани, Муса-мирза не касался больше этой темы. Шейбани был среди мангкытов чужаком.

Забегая несколько вперед, следует отметить, что в период царствования Шейбани опирался на помощь шести узбекских племен: кушчи, найман, уйгур, курлаут, ички и дурман, а после завоевания Центральной Азии (да, вероятно, и в период первых его успехов) к нему присоединились эмиры киятов, кунгратов, туманов, тангутов, хитаев, чимбаев, шункарлыев, шадбакиев и йиджанов, которые, если можно так сказать, завершили триумф Шейбанихана. С имен этих пятнадцати узбекских племен, чьей помощи Шейбани был обязан

своими военными успехами, его историк не случайно начинает «Шейбанинаме».

Тем временем к Шейбани прибыл бежавший из Отрара от темуридского правителя, эмира Мухаммед-Мазида, некий Бек-Ата, который преподнес ему подарок, сыгравший немаловажную роль в дальнейшем становлении будущего властелина, – поэму Руми «Искандернаме». Впечатлило в этой книге Шейбани последнее четверостишие, содержавшее призыв к активным действиям, под напором которых сокрушится самая великая держава. Эти строки принц определил для себя как руководство к действию. И потом, уже когда в его руках были все владения темуридов, Хорезм и Хорасан, он нередко вспоминал, что своими успехами он обязан «Искандернаме», книге, которую когда-то подарил Бек-Ата. Так, по крайней мере, рассказывается в «Шейбанинаме».

Интересен и факт, приведенный в суфийском источнике: проживая в Бухаре, у наместника эмира Абдулали, Шейбани стал муридом шейха Джемаледдин-Азизана. Снедаемый честолюбием, Шейбани часто говаривал: «Этот Абдулали ведь не эмир же родом, а правит целой областью, а вот я – природный принц – лишен права повелевать! Почему такая несправедливость?!» Однажды он пришел с этим вопросом к своему духовному наставнику, но тот очень холодно отнесся к словам Шейбани и с упреком заметил ему: «Я вижу, что у тебя в мыслях свергнуть Абдулали и самому занять его место. Прошу тебя больше не приходить ко мне с подобными замыслами!» По-видимому, древняя и основная суфийская мораль – нестяжания всего земного – была еще жива в этом шейхе, происходившем из высокочтимой семьи керминейских азизанов. Шейбани обиделся и, выходя от шейха, заметил: «Ну, что ж! В таких местах найдется и другой, не менее славный и уважаемый шейх». Вскоре Шейбани перешел в ученики известного тогда бухарского шейха Мансура. Однажды он посетил своего учителя и во время разговора шейх заметил ему: «А ведь ты, узбек, хочешь быть падишахом!» И приказал подать кушать. Когда все было съедено и пришедшая прислуга, собрав посуду и края скатерти, унесла все, шейх заметил: «Как скатерть собирают с краев, так и ты начни с краев государства». Мухаммед Шейбани внял этому, весьма недвусмысленному, совету.

Завоевание Мавераннахра

Расчеты честолюбивого принца оказались правильными, а его энергия, неустранимость и присутствие духа помогли ему осуществить мечты. Способствовала этому и политика темуридов вовлекать узбеков и в свои распри, и в защиту своего государства, придерживались они ее и теперь, когда у них под рукой был такой способный и храбрый узбекский предводитель, воспринявший к тому же их культуру.

Последующие события были таковы. Вернувшись из Дешт-и-Кыпчака в Сыгнак и проведя там зиму, Шейбани узнал, что властелин Сузака, Махмуд-султан, сын Джаныбек-хана, славившийся по всем степным улусам своей храбростью и удалью, выступает против него с большими силами. Несмотря на отговоры окружения не рисковать и не вступать в бой с врагом в открытом поле, Шейбани не послушался этих советов и в жестокие морозы выступил против Махмуд-султана, совершенно неожиданно напал на него под самым Сузаком, когда шел сильный снег, да такой, что люди и лошади глаз не могли открыть; сузакцы были разбиты, и победитель с большой добычей вернулся в Сыгнак. Потерпевший поражение Махмуд-султан обратился к Бурундук-хану с предложением объединить силы против Шейбани. Бурундук-хан, учитывая то обстоятельство, что при дальнейших успехах Шейбани ему не будет пощады, охотно пришел на помощь Махмуд-султану. Их объединенные войска встретились у перевала Сугунлук, между Сузаком и Сыгнаком. В битве, которая была проиграна принцем, Махмуд-султан погиб. Шейбани ретировался на полуостров Мангышлак, где и провел зиму.

В это время самаркандский темурид Ахмед-мирза подвергся со стороны Ташкента нападению войск Султан-Махмуд-хана, весьма жестокого по отношению к мирному населению: угон скота, грабеж, насилие, убийства. Ахмед-мирза в отчаянии поручил своему

бухарскому наместнику, Абдулали, вызвать Шейбани для защиты северных границ государства.

Абдулали с письмом направил своего нукера через Хорезм в Мангышлак к Шейбани. Тот, не заставив себя ждать, прибыл с отрядом в Бухару, а оттуда направился в Самарканд. Однако по прибытии на место, Шейбани от осведомителей узнал, что эмиры Ахмед-мирзы готовят заговор против него. Проанализировав ситуацию, Шейбани явился к Ахмед-мирзе в сопровождении отряда из трехсот человек. Ахмед-мирза устроил в честь него пир, но Шейбани отказался присутствовать на торжестве, очевидно опасаясь возможного отравления или даже убийства. Однако все закончилось обоюдными любезностями, после чего объединенные войска Ахмед-мирзы и Мухаммеда Шейбани выступили против армии Султан-Махмуд-хана. Они прошли Змеиное ущелье (Йилан-Ути) и дошли до гор Шахрухии.

Очевидно, не простив Ахмед-мирзе предательства, пусть даже исходящего не от него лично, а от его сановников, Шейбани вынашивал план перехода на сторону противника и в первую же ночь направил свой отряд ташкентской дорогой в Туркестан. Переправившись через Чирчик, Шейбани остановился у укрепления Чукур. Там его встретил передовой отряд Султан-Махмуд-хана, отслеживающий войско Ахмед-мирзы. Шейбани заявил, что желает жить в мире с их главою, чагатайским ханом Западного Моголистана Султан-Махмудом. Его препроводили в резиденцию Махмуд-хана в Ташкенте, где он был принят как почетный гость и союзник.

Каково же было отчаяние Ахмед-мирзы, когда он узнал об измене Шейбани. Он решил немедленно отступить, но было поздно: противник нанес ему жестокое поражение. Спасаясь от неприятеля, самаркандские воины бросались в Чирчик и гибли в его быстрых водах.

Переходом на сторону Султан-Махмуд-хана Шейбани порвал с темуридом Ахмед-мирзой, тем самым бесповоротно определилась и судьба всего наследия Амира Темура.

Последующие три-четыре года прошли для Шейбани и его брата Махмуда в непрерывных пограничных войнах с враждебными ему узбекскими ханами и эмирами: то он овладевал теми или иными их крепостями в низовьях Сырдарьи, вроде Аркука и Сыгнака, то его оттуда изгоняли, то он вступал в дружественные отношения со своим старым знакомым, темуридским наместником Туркестана Мухамед-Мазидом, то присоединялся к его врагам.

Вынужденный, в конце концов, уступить Сыгнак своему врагу Бурундук-хану, он, значительно усилив свой отряд кочевниками разных племен и уже имея некоторые укрепления, устремился на Хорезм, надеясь захватить владения Султан-Хусейн-мирзы. Ему удалось овладеть пограничной со степью хорезмской крепостью Тирсак, укрепить ее и, оставив в ней свою семью, ценности и обоз, а комендантом – своего брата Махмуд-султана, предпринять военные действия против других опорных пунктов оазиса. Но Султан-Хусейн направил в Хорезм сильные подкрепления из Хорасана, и это затормозило дальнейшие действия Шейбани, хотя его набеги то на один регион Хорезма, то на другой вносили смятение в мирную жизнь этой области.

Направив свое войско из Хорезма на юг, Шейбани овладел крепостью Адак, лежавшей на главном пути Ургенч – Астрабад, и отсюда совершил нападение на Астрабад, где его менее всего ожидали. Подвергнув ряд крепостей грабежу и насилию, Шейбани вернулся в Тирсак, отягощенный богатой добычей и гоня многочисленные стада.

В это же время Шейбани получил из Ташкента от своего союзника Султан-Махмуд-хана известие, что им взята у темуридов пограничная крепость Отрар, ее начальник и комендант Мухаммед-Мазид изгнан и что он, Махмуд-хан, дарит теперь эту крепость Шейбани. Последний поспешил лично прибыть в Отрар и принять этот важный пункт из рук хана. Вскоре Мухаммеду Шейбани перешел также хорошо укрепленный Сайрам и Еси, вследствие чего он оказался обладателем большей части Туркестана (1487–1493 гг.).

В ту пору у Шейбани-хана уже было много соратников-единомышленников, которые служили ему верой и правдой при любых перипетиях его бурной жизни. Источники того

времени хранили их имена. Однако старые враги Шайбани-хана не успокоились. Бурундук-хан и другие сыновья Джаныбек-хана по инициативе Мухаммед-Мазида с большими силами выступили на Сайрам.

Их люди вошли в тайный сговор с городской знатью и подготовили восстание против узбекского гарнизона. В ходе восстания гарнизон был уничтожен, а его начальник – брат Шейбани Махмуд-султан был захвачен в плен. Не без помощи преданных Шейбани людей Махмуд-султану удалось бежать.

Вдохновленные победой над Сайрамом, враждебные Шейбани узбекские ханы осадили его в Отраре. Узнав об этом, на помощь осажденным Султан-Махмуд-хан направил войска из Ташкента. Своими активными действиями он не только снял осаду с Отрара, но и заставил ханов заключить мир с Шейбани. Однако в «Тарихи Рашиди» мы находим сожалеющие строки о том, что Махмуд-хан «вскормил змею на своей груди», и это не далеко от истины.

К тому времени Мухаммед Шейбани собрал большое войско, чтобы активно вмешаться в события в Мавераннахре, который достаточно сильно был обескровлен ссорами, постоянно возникающими между последними темуридами. Честолюбивые захватнические замыслы Шейбани-хана вскоре стали не секретом для Махмуд-хана. Опасаясь за судьбу своих владений, Султан-Махмуд-хан вступил в сношения с враждебными Шейбани-хану узбекскими ханами и заключил с ними союз против Шейбани, поставив целью вытеснить его из занятых им присырдарьинских территорий.

Вскоре ожесточенные действия союзников против Шейбани-хана начались. Они сопровождалась опустошением всей Туркестанской области, в результате чего Шейбани потерял Еси и Сайрам. Однако долго Туркестан в таком состоянии пребывать не мог, и в конце концов все закончилось миром, столь непрочным и коварным, как непрочны и неискренни были, как свидетельствует история, обещания и клятвы кочевников.

Несмотря на мирный договор Шейбани-хана с сыновьями Джаныбек-хана, он, тем не менее, вновь овладел крепостями Еси и Сайрам, чем упрочил свое положение в степи. Тем временем в Мавераннахре усилилось влияние честолюбивых и бездарных лиц из правящей элиты, росло соперничество эмиров, и все это привело к падению авторитета верховной власти в государстве. Такое положение дел было только на руку Шейбани-хану.

Воспользовавшись тем, что ташкентский Султан-Махмуд-хан ушел в поход на Андижан и в Ташкенте войск почти не осталось, Шейбани-хан предпринял поход на Ташкент. Набег на город был жестоким и стремительным. Войска произвели небывалое опустошение, грабеж окрестностей города, но города взять не удалось. В тот момент, когда цель казалась так близка, неожиданно возвратился из похода Махмуд-хан. Успев захватить богатую добычу и пленников, Шейбани с войском ретировался в Туркестан.

По прибытии в свои владения, Шейбани не стал тратить время попусту, понимая, что час его решительных действий настал, и обратился с воззванием к своим родственникам, сподвижникам, всем тем, кто когда-либо состоял у него на службе и которых превратности судьбы раскидали по разным местам, заставив многих найти приют во вражеских владениях. Шейбани-хан призвал их всех вернуться под его знамена. И народ пошел к нему, прибыли и его дяди, и знатные узбекские родственники.

Собрав вокруг себя такую мощную силу, Шейбани-хан решил прежде всего направить свои войска на Самарканд, где в то время номинальным правителем был Султан-Али-мирза. Достигнув Самарканда, Шейбани совершил рекогносцировку, но, убедившись в том, что оборона города была произведена достаточно профессионально, отказался от осады города. Миновав Самарканд, войска Шейбани-хана дошли до Карши и Шахрисабса, разграбили города и с огромной добычей возвратились домой. Этот набег воочию убедил узбеков, что захват ими соседних темуридских владений дело весьма несложное, что и хотел им продемонстрировать Шейбани-хан.

Между тем, Шейбани помирился с Султан-Махмуд-ханом и, заручившись помощью последнего, приславшего ему пятитысячный отряд, вновь направился на взятие Самарканда. Мощные укрепления города едва сдерживали натиск узбеков, и Шейбани начал осаду,

несмотря на героическую защиту города гарнизоном и жителями, принимавшими деятельное участие в вылазках против осаждающих. Но известие о стремительном продвижении на помощь осажденному Самарканду войска бухарского наместника эмира Мухаммед-Баки, заставило Шейбани снять осаду и преградить бухарцам дорогу. Шейбани-хан встретил их у крепости Дабусия. Произошло сражение, в результате которого бухарский наместник был разбит, но успел укрыться за крепкими стенами Дабусии. Тогда Шейбани сделал весьма умный ход. Решив, что вторую столицу темуридов, Бухару, охранять некому, форсированным маршем направил туда свои войска. Это было летом 1500 г. Осада города длилась три дня, после чего знать постановила сдать без боя Бухару Шейбани-хану и поднесла ему ключи от столицы.

Все знатные люди города, духовенство, суфийские шейхи, муллы и прочие были приняты Шейбани-ханом на торжественной аудиенции и удостоены разных милостей. Правителем Бухары был назначен эмир Мухаммед-Салих, который отправился в город вместе с вышеназванными влиятельными бухарцами и успокоил население заверениями, что никакого вреда им и их имуществу не будет причинено.

А в это время в Самарканде весть о поражении бухарского наместника и взятии Бухары Шейбани-ханом произвела совершенно удручающий эффект. К тому же там бушевали страсти в правящей верхушке, среди которой главенствующее положение занимал бывший комендант Отрара Мухаммед-Мазид, взявший в городе и его округе всю власть в свои руки, ни во что ставивший Султан-Али-мирзу и не допускавший его ни к каким самостоятельным действиям. Вследствие чего вражда между этими персонами была чрезвычайная. Узнав от своих осведомителей, что Султан-Али подготовил заговор с целью физической расправы над ним, Мухаммед-Мазид, забрав детей, ночью бежал из Самарканда. Бегство Мухаммеда, тем не менее, внушало Султан-Али определенного рода опасения и, прежде всего, его возврат в Самарканд с войском.

Не теряя времени, Мухаммед-Мазид послал верного человека в Андижан к хану Бабуру с просьбой прибыть в Самарканд, ибо Султан-Али не имеет-де сил выполнить свои обязанности по защите Самарканда, а другого человека он направил в Ташкент к проживавшему там брату Султан-Али, Султан-Увейс-мирзе, обещая ему захват Самарканда в его пользу. Оба темуридских принца отозвались на это приглашение и поспешили в Самарканд. Шейбани-хан, узнав об этом, решил «употребить лекарство раньше, чем проявится болезнь» и потому спешно выступил из Бухары с войском на Самарканд. Но в Ташкенте он получил сообщение, что бухарская знать решила сдать город эмиру Мухаммед-Баки, который бежал из Дабусии в Карши, и уже направил свои войска к Бухаре. Шейбани-хан вынужден был изменить свои планы. Однако, находясь уже в окрестностях города, эмир Мухаммед-Баки устранился узбекского воинства и отступил к Карши. Шейбани-хан жестоко расправился с изменниками: одни были преданы смерти, другие превращены в пленников, все их имущество было отдано узбекам на разграбление. На всех горожан, от мала до велика, была наложена крупная контрибуция, воинское снаряжение и оружие конфисковано, девушки взяты в плен, а городские укрепления разрушены. Правителем города был оставлен брат Шейбани Махмуд-султан.

Эмир Мухаммед-Мазид тем временем собирал в Шахрисабсе большие войска, готовясь начать военные действия против темурида Султан-Али-мирзы. В Самарканде все высокопоставленные персоны объединились поддерживать Султан-Али-мирзу и ожидали лишь приказа вступить в бой. Настроение народа было удручающим: положение с хлебом стало критическим.

Когда Шейбани появился на подступах к Самарканду, сторонники Султан-Али-мирзы проявили себя не лучшим образом: первыми струсил представители дервишских кругов, затем пошла цепная реакция. Перестав надеяться на кого-либо, Султан-Али сам занялся подготовкой защиты столицы. Тем временем в Шахрисабсе, по приглашению Мухаммед-Мазиды, прибыл молодой Бабур, другой приглашенный – Султан-Увейс-мирза – не захотел пускаться в авантюры и немедленно выехал обратно в Ташкент.

Султан-Али, опасаясь, что предатели впустят в город его заклятого врага Мухаммеда-Мазида вместе с Бабуром, решил наладить отношения с Шейбани-ханом. Когда Шейбани осадил Самарканд, Султан-Али втайне написал ему письмо. Шейбани, получив послание, немедленно послал в Самарканд одного из бывших при нем верных бухарцев. Курьер отправился к Султан-Али и был принят с глазу на глаз. В одну из пятниц, когда все горожане были в мечетях на молитве, Султан-Али с небольшой свитой выехал из Самарканда и прибыл в ставку Шейбани. Тот встретил и принял его весьма любезно, а чтобы население Самарканда знало о визите, приказал бить в барабаны. В конце концов все закончилось тем, что эмиры и городская знать выехали к Шейбани-хану с подарками и всякого рода подношениями, были приняты им и настолько обласканы, что одна важная персона при дворе – шейх Мухаммед-Яхья, как свидетельствует один из источников, после приема заметил: «Если бы я раньше знал такие благородные качества Шейбани-хана, то я никогда не стал бы терять свое время с этими глупыми (темуридскими) принцами».

Таким образом, древняя столица Амира Темура без боя капитулировала перед Шейбани-ханом. Он взошел на мавераннахрский престол и провозгласил темуридскую династию низложенной (1500 г.). Даругою города он назначил одного из своих эмиров, а имущество бежавших из города знатных лиц приказал взять в казну. В Бухару было послано извещение о сдаче Самарканда. Виднейшие самаркандские и бухарские представители духовенства и суфийские шейхи ежедневно бывали у Шейбани-хана, который вел с ними беседы на разные темы и, видимо, находил в том удовольствие.

Однако мирное течение жизни скоро было нарушено, Шейбани-хану поступило сообщение, что один из чагатайских эмиров, живший в Самарканде, вооружает своих людей, дабы захватить Султан-Али и под его флагом поднять восстание. Хан медлить не стал: он арестовал Султан-Али, схватил чагатайского эмира и приказал предать их смерти. Так же он поступил со всеми подозреваемыми в сговоре знатными самаркандцами, в том числе и с шейхом Мухаммедом-Яхья. Кстати, когда конфисковывали имущество заговорщиков, у шейха, отказавшегося якобы от всего мирского, оказалось столько одежды, всякого добра, золота и драгоценных камней, что и учету все это не поддавалось. Ценности чагатайских эмиров Шейбани-хан отдал своим бахадурам, которые стали обеспеченными людьми на долгие годы.

Наведя свой порядок в городе и организовав из казавшихся ему преданных самаркандцев аппарат главного управления, Шейбани-хан из династических побуждений женился на красавице – вдове самаркандского темурида Султан-Ахмед-мирзы, которая была дочерью хана Юнуса и сестрой Султан-Махмуд-хана, правителя Ташкента. Таким образом, глава узбеков, происходивший из дома Джучи и считавшийся потомком в шестом поколении, теперь породнился с домом Чагатая.

Несмотря на несомненный авторитет среди соплеменников-узбеков и свой волевой характер, Шейбани, тем не менее, вынужден был подчиняться требованиям беспокойных сподвижников, которые порою предъявляли их в настойчивой и даже ультимативной форме. Официальные историографы сообщали о множестве фактов такого рода. Весьма важно отметить, что именно это буйное своеволие узбекских родовичей, по существу не считавшихся с авторитетом ханской власти, в конце концов привело к разложению и падению единого Узбекского государства.

Итак, четыре последующих после занятия Самарканда месяца прошли в грабеже мирного населения, и вскоре люди в полной мере почувствовали всю тяжесть порабощения кочевниками. Один из историков того времени писал: «Большинство сел и городов сделались равнинами и долинами, и не видно на земле ни изгибов, ни возвышений, и большую часть обитателей их зданий всплески волн горя и бесчисленные потоки страданий потопили в водовороте всеобщего смятения». Вот тогда один из самых влиятельных самаркандских ученых-теологов Абуль-Мекарим направил письмо девятнадцатилетнему Бабуру, в котором писал, что пришло время овладеть наследием своих предков, их древней столицей Самаркандом, и предлагал ему подробный план действий к захвату города.

Безусловно, Абуль-Мекарим был не единственной фигурой в этом заговоре.

Бабур внял этому приглашению и, перевалив через Зеравшанские горы, Фан и Кштут, прибыл к Самарканду с небольшим отрядом и в назначенную ночь через отворенные ворота был введен в город встретившими его Абуль-Мекаримом и «всеми сановными и великими людьми» Самарканда. В ту же ночь ферганский отряд Бабура перебил более 300 человек из немногочисленного узбекского гарнизона, самаркандские жители разграбили дома узбеков и дома сторонников Шейбани-хана, а их обитателей подвергли физическому уничтожению. С наступлением дня Бабур был провозглашен падишахом.

Весть о потере Самарканда была неожиданной для Шейбани-хана, который в это время находился в нескольких километрах от города. Однако, объективно оценив боевые возможности своих войск, не стал штурмовать Самарканд, а направился в свой Туркестан. Оставшиеся же в долине Мианкаля по разным курганам – фортам немногочисленные узбекские гарнизоны или уничтожались, или изгонялись, и скоро, через какие-нибудь три-четыре месяца, почти все самаркандские туманы с их опорными пунктами признали власть Бабура. Были также взяты у узбеков хорошо укрепленные Карши и Гузар. Однако положение юного Бабура оказалось весьма непростым. Он всеми силами старался проявить заботу и заслужить расположение народа и войска. Но что он мог реально сделать, если последствия узбекского нашествия ощущались на каждом шагу. И, самое главное, весь хлеб у населения и правительственные запасы были или съедены, или уничтожены многочисленными узбекскими войсками. Наступил голод. Чтобы облегчить положение народа, Бабур распустил свои ферганские войска, содержание которых требовало немало хлеба. Этот шаг юного самаркандского главы, продиктованный его благими намерениями и неопытностью, имел самые губительные для него последствия.

Для Шейбани-хана пришло время реванша: он выступил в поход на Самарканд с большим и хорошо снаряженным войском. Бабур в свою очередь наскоро собрал войско, заручился помощью Ташкента и некоторых чагатайских эмиров и в апреле 1501 г. выступил из Самарканда навстречу Шейбани-хану. На берегах Зеравшана оба войска встретились.

Шейбани-хан держал паузу и не предпринимал решительных шагов к генеральному сражению. У Бабура было время подождать обещанное подкрепление, но, возможно, нетерпение молодости, возможно, советы военачальников, как бы то ни было, но он решил дать решительное сражение. Несмотря на всю свою храбрость и стойкость войск, проявленную в этом ожесточенном сражении, Бабур был разбит и, потеряв значительное число своих войск с высшим командным составом, вынужден был укрыться за стенами Самарканда.

Впоследствии, уже будучи основателем империи Великих Моголов, Бабур напишет «Записки». Приведем отрывок из этой книги, касательно сражения с Шейбани-ханом: «...когда линии двух армий приблизились, край правого фланга узбеков обогнул мой левый фланг и зашел ко мне в тыл. Я повернулся к ним фронтом. Старые опытные рубаки нашего авангарда потерпели поражение и были отброшены вправо, и передо мною никого не осталось. Несмотря на это, мы, однако, атаковали и достигли до его центра. Дело дошло до того, что некоторые из опытных военачальников Шейбани-хана говорили ему, что нужно уходить, ибо оставаться дальше нельзя. Он предпочел остаться. Правый фланг неприятеля, ударивши в наш левый фланг, обошел его с тыла. Поскольку мои авангарды были отброшены вправо, то мой фронт остался без прикрытия, и враг начал нас атаковать как с тыла, так и с фонта, осыпав стрелами. Войско моголов, пришедшее ко мне на подмогу, не приняло участия в сражении, но даже принялось грабить мой народ, стаскивая воинов с лошадей. Но это не единичный пример, а таков обычай этих злосчастных моголов. Если они побеждают врага, они немедленно принимаются за его ограбление; если же они бывают побеждены, то начинают грабить и стаскивать с коней своих союзников, считая это своей добычей. Против нашего фронта враг предпринял несколько яростных атак, но мы их отразили, заставив врагов вернуться на свои исходные позиции. Они усилили свои атаки против нашего фронта, а вражеское подразделение, зашедши нам в тыл, стало осыпать

градом стрел наше знамя. Таким образом, они нападали на нас спереди и сзади, чем заставили наших людей броситься из этого окружения. Великое искусство у узбеков на войне есть тулгана (они стараются окружить неприятеля и сразу бить его с фронта и тыла), без тулганы не обходится ни одно сражение. Есть еще у них такой маневр: когда идут на неприятеля, тогда спереди и сзади бек и его нукеры, все бросают стрелы и сдерживают лошадей, а когда возвращаются назад, скачут враспынную, бросивши поводья. Теперь со мною оставалось 10–15 человек; река Кухэж была близко, край нашего правого фланга доходил до нее».

Осада Самарканда длилась четыре месяца. Своей штаб-квартирой Бабур избрал медресе Улугбека. Несмотря на храбрость осажденных и их успешные вылазки, положение было весьма тяжелым, и без того в скудном продовольствии городе голод достиг ужасающих размеров. Скоро ни в одном доме не осталось ни крошки хлеба. Народ ел мясо собак и кошек, не думая о религиозном запрете этой пищи. Знать кормила своих лошадей листьями деревьев, простолоудины – отваренными в воде древесными стружками. Скоро ко всему этому присоединилась анархия. Многие, спасая свою жизнь, тайно спускались со стен и бежали в лагерь узбеков.

Видя безвыходность положения, Бабур в одну из ночей покинул Самарканд. С ним был отряд в сто человек, с которым он направился в Ташкент, где ему был оказан радушный прием ханом Султан-Махмудом.

Шейбани-хан беспрепятственно второй раз овладел Самаркандом. Неизбежные массовые грабежи и убийства населения Самарканда сопровождали торжество победителя над столицей Амира Темура.

Бежавшие из города увеличили население городов Моголистана, Хорасана и горных областей Восточной Бухары.

Находясь в Ташкенте, Бабур склонял Султан-Махмуд-хана выступить против его наследственного удела Андижана. Он получил согласие и зимой 1501 г. войска выступили в поход.

Судя по всему, служба разведки у Шейбани-хана работала превосходно, как и у его великого предка – Чингисхана. Он сумел опередить своих врагов: взял армию Махмуд-хана в клещи и в кровопролитном бою разбил ее. Махмуд-хан и его брат попали в плен, а Бабур бежал в северо-восточные области Моголистана. Шейбани-хан отнесся к пленникам великодушно и дня через два-три отпустил их на свободу, оставив за собой территорию Шахрухии.

Итак, Шейбани-хан, завладев Самаркандом, закрепил за собой значительную часть Мавераннахра с его обеими столицами. Однако факт изолированности Самарканда от прилегающих районов весьма беспокоил Шейбани-хана. И он решил построить для безопасного и удобного проезда через Зеравшан мост-дамбу. На строительство этого сооружения были привлечены объединенные силы населения и войска. Первого ноября 1502 г., по истечении месяца, работа завершилась и Самарканд был связан с заречными районами.

Инженерные особенности этого моста-дамбы были по-своему уникальны. От берега Зеравшана к строившейся плотине была наискось построена струнаправляющая дамба, вследствие этого воды реки были направлены лишь по части русла и на обнажившемся дне беспрепятственно построили значительную часть плотины. По современным инженерным оценкам места бывшего сооружения Шейбани-хана, эта постройка была и постом, и водораспределительной плотиной, направлявшей часть Зеравшана в Акдарью и Карадарью.

Самарканд стал столицей Шейбани-хана, в Бухаре и Ташкенте были им посажены соответственно брат Махмуд-султан и два дяди, кстати, мать которых была дочерью Улугбека.

Походы на Хорасан

Теперь, когда имя Шейбани-хана и его узбеков стало столь известно не только во всей Центральной Азии, но и за ее пределами, когда переход в руки кочевников двух славнейших городов мусульманского мира стал свершившимся фактом, Шейбани-хан, окрыленный такими успехами, стал готовиться к захвату обширных владений темурида Султан-Хусейн-мирзы.

Султан-Хусейн, обеспокоенный военными успехами узбеков, дал распоряжение своему старшему сыну Бадиуз-Земан-мирзе, бывшему наместнику Балха, подготовить армию для отражения военных действий узбеков.

Шейбани-хана в это время наиболее интересовали феодальные владения, номинально входившие в состав государства темуридов и расположенные по правую и левую стороны верхнего течения Амударьи – Хисара, Хатлана, Кундуза, Бадахшана и др. Эти вассальные владения находились друг с другом в самых враждебных отношениях, их властители стремились не только к независимости, но и к расширению своих территорий за счет соседа. Теперь перед общей опасностью, угрожавшей им в лице узбеков, они решили объединиться в один союз. Властелин Хисара, Хосров-шах, прислал Бадиуз-Земан-мирзе письмо, в котором указывал на угрожающую опасность со стороны узбеков, просил оказать ему помощь и обещал, в случае выступления принца против кочевников, присоединиться к нему на берегах Амударьи с войсками Хисара, Хатлана, Бадахшана, Кундуза и Баглана. Бадиуз-Земан, собиравшийся в поход против узбеков, охотно принял это предложение и в свою очередь послал послов с письмами к владельцам Кандагара, Замина и др. с просьбой присоединиться к этому союзу и как можно быстрее прислать свои войска в Балх, откуда начнется поход для отражения неприятеля и отвоевывания у него Мавераннахра.

Шейбани же действовал не только как полководец, но и как искусенный жизнью политик. Он искусно сеял смуту там, где она могла принести ему удачу, привлекал на свою сторону тех, которые были ему полезны, и избирал орудием своих планов таких людей, которые по общественному положению, казалось бы, менее всего подходили для роли шпионов и провокаторов. Так обстояло дело и в предпринимавшемся им теперь завоевании владений Султан-Хусейна.

В начале весны 1503 г. Бадиуз-Земан, в надежде на подмогу Хосров-шаха, выступил из Балха с двенадцатитысячным отрядом кавалерии, пеших латников и двинулся к Амударье. Переправившись у Термеза на противоположный берег, Бадиуз-Земан послал к шаху эмиров с извещением о своем прибытии на правый берег Амударьи и с просьбой поспешить присоединиться к нему с союзными войсками. Но Хосров-шах, решив, что Бадиуз-Земан-мирза в случае победы над узбеками не замедлит посягнуть на его владения, «забыл» о своей просьбе и, изменив своему первоначальному обещанию, отказался последовать приглашению Бадиуз-Земана. Но более всего поразило молодого военачальника то, что его отец также отказал в отправке вспомогательного отряда. Все складывалось не так, как было задумано, и Бадиуз-Земан вынужден был повернуть войско обратно в Балх. Это событие, по свидетельству современников, «явилось полным крушением авторитета Бадиуз-Земан-мирзы, породило разного рода смуты и окрылило надежды Шейбани-хана на дальнейшие успехи».

В этой ситуации у Шейбани-хана возник очередной провокационный план. С берегов Сырдарьи в Балх прибыл высокочтимый во всем Дешт-и-Кыпчаке за свою «святость» Джафар-ходжа, пользовавшийся большой любовью и расположением всех ханов кочевников. С почетом принятый Бадиуз-Земаном, святейшество стал жаловаться на жестокости и притеснения Шейбани-хана и просить его защиты и покровительства. Он уверил принца, что, пока жив, он предоставит ему своим авторитетом и высоким положением все необходимые гарантии для победы над Шейбани-ханом. Принц поверил всему, что говорил этот «узбекский доброхот и богомolec», щедро одарил его подарками и оставил при себе в Балхе. Скоро Джафар-ходжа свел близкое знакомство с некоторыми влиятельными эмирами Балха, принадлежащими племени барлас, стал соблазнять их необычайно выгодными перспективами измены темуридам и перехода на сторону Шейбани-хана. Эмиры согласились

и поклялись ходже, что при первом удобном случае они поднимут мятеж против Бадиуз-Земана. В тайные сношения с Шейбани-ханом стали вступать и другие эмиры, в частности эмир крепости Андхуд (Северный Афганистан) обещал хану сдать эту цитадель.

Объективно оценив обстановку и посчитав ее благоприятной, Шейбани-хан выступил из Самарканда в поход на Балх (1503 г.).

Несмотря на то что Бадиуз-Земан раскрыл заговор эмиров, многие из которых были казнены, тем не менее весть о приближении узбеков застала балхского наместника совершенно не готовым к отпору врага. В одну из ночей он удалился из Балха под предлогом набирать войска в других местах. Защиту же города он поручил одному из своих малолетних сыновей, правда, в советники ему были назначены наиболее преданные эмиры.

Тем временем Шейбани-хан переправился через Амударью и оттуда двинулся к крепости Андхуд, которую эмир-изменник сдал немедленно. Кстати, предателей Шейбани-хан особо не приближал и с эмиром обошелся довольно немилостиво. Вскоре цель похода была достигнута – перед ними был Балх. Осада города продолжалась три месяца. Она была неудачна для узбеков: все штурмы отбивались защитниками крепости, к тому же с большим уроном для осаждающих. Объективная оценка положения требовала возвращения войск Шейбани-хана восвояси.

Неуверенность в прочности устоев государства и опасения грядущей катастрофы охватили многих в правящих кругах темуридского государства, в котором военная слабость усугублялась общим недоверием друг к другу правящих лиц. Это были те печальные результаты, которые последовали за первым вторжением кочевников в Балхскую область. Балхские земли были опустошены: поля вытоптаны, селения разрушены и разграблены, а жители перебиты.

Для правильной оценки ситуации Шейбани заслал в крепость шпионов, которые донесли, что мирные условия хана отвергнуты, в городе большие запасы продовольствия, защитники крепости полны решимости биться до последнего. Шейбани, не желая терять людей в долговременной осаде хорошо укрепленного города, ушел за Амударью.

Пока длилась осада Балха Бадиуз-Земан-мирза, засевавший в одной из крепостей своих горных владений, неоднократно обращался в Герат к своему отцу с просьбой послать ему войска, но Султан-Хусейн, весьма не благоволивший к своему старшему сыну, медлил с ответом.

Отчаявшись дожидаться каких-либо позитивных действий со стороны отца, Бадиуз-Земан вновь обратился к правителю Хисара с призывом примкнуть к его армии с войсками Хисара, Хатлана, Кундуза, Бадахшана в борьбе против узбеков. Тот как будто согласился, но для заключения союза в качестве посла направил своего брата.

По прибытии в ставку Бадиуз-Земана посол был перехвачен одним из эмиров, яро ненавидевшем принца. Эмир застрашал посла тем, что якобы Бадиуз-Земан подготовил расправу над ним, разумеется, переговорщик решил бежать. Вместе с коварным эмиром они бежали в крепость Шабирган, где, как оказалось, все было подготовлено к восстанию против Бадиуз-Земана. Однако ситуация разрешилась мирным путем. К образовавшейся коалиции феодальных княжеств примкнул Бабур, успевший за это время овладеть Кабулом. Что касается Султан-Хусейна, то он помирился со своим старшим сыном и даже по-отцовски тепло общался с ним в Герате. Складывалось впечатление, что в империи темуридов наступило согласие, но все и на этот раз было изменчиво и жестоко по отношению к обреченным на гибель. Темуриды занимались династическими дрызгами и тратили свою энергию и силы на дела совершенно второстепенного значения, словно забыв о страшной опасности, нависшей над ними.

В июле–августе 1504 г. у Султан-Хусейна созрел план, согласно которому он решил послать войска Бадиуз-Земана на Мургаб и, таким образом, загородить путь узбекам при их возможной попытке двинуться на Хорасан. С Мургаба главный союзник Бадиуз-Земана Хосров-шах пошел на Кундуз, недавно захваченный узбеками, который он очень хорошо знал, поскольку когда-то был там правителем. Окрестное население во множестве

присоединилось к Хосров-шаху; и он уже надеялся на успех в своем предприятии – нанести поражение узбекам. Но войска узбекского коменданта Кундуза вышли навстречу Хосрову и в ожесточенном бою разбили его, причем сам Хосров-шах был взят в плен, а остатки его армии разбежались. Хосров-шаха узбеки доставили в Кундуз, посадили на осла, с позором провели по всему городу, затем казнили.

А в это время Бадиуз-Земан по какой-то причине решил пройти от берегов Мургаба карательным маршем и наказать своих непокорных подданных. И он преуспел в этом, по сути, несвоевременном предприятии.

В 1505 г. Бабур выступил с армией на Кандагар с целью захвата этой области. Бадиуз-Земан решил помешать ему. Однако до военного столкновения дело не дошло – принцы помирились. Подобные действия темуридов лишь расплывали их военный потенциал.

Шейбани-хан тем временем обеспечивал себе безопасность с северо-западной части империи Султан-Хусейна. Хорезм, со своим вольнолюбивым народом, всегда мог оказать весьма существенную помощь союзнику-сюзерену Султан-Хусейну. Поэтому зимой 1504 г. Шейбани-хан выступил из Бухары на Хорезм через Каракуль, овладел по пути Чарджуем и направился дальше берегом Амударьи.

Находясь на подступах к Хорезму, Шейбани-хан направил наместнику предложение о добровольном подчинении. На что наместник Хорезма, Чин-Суфи, ответил отказом в весьма неделикатной форме. Началась жестокая десятимесячная осада главной крепости страны – Ургенча, и в августе 1505 г. она была взята. Чин-Суфи казнили, а туркмены, принимавшие в обороне крепости особо активное участие, понесли очень большие потери, их семьи испытали все ужасы насилия и кровавой расправы.

Не давая времени для особого расслабления своей армии, осенью 1505 г. Шейбани-хан направил большие отряды в набег за Амударью, в пределы Хорасана. Эти набеги были жестокими и грабительскими. Узбеки проникли до Меймене и Фаряба, все предавая грабежу и насилию, и обремененные богатой добычей возвратились обратно. Три пограничных эмира Султан-Хусейна выступили против узбеков. В жарком бою их войска были разбиты, а сами они погибли. Среди народа началась паника, искони жившие здесь кочевники снялись с мест и бежали в чужие земли.

Вот тогда-то Султан-Хусейн понял свою ошибку, заключавшуюся в том, что в свое время он не оказал помощи старшему сыну, Бадиуз-Земану, в его стремлении отразить нашествие войск Шейбани-хана. Султан-Хусейн решил немедленно исправить настоящее положение дел. Он вновь вызвал сына в Герат и предпринял активные действия для мобилизации военных сил из разных областей империи.

К зиме армия была готова к походу. В январе 1506 г. Бадиуз-Земан с авангардом выступил в направлении Мургаба. Лично защищать свое государство решил и Султан-Хусейн, несмотря на слабое здоровье. Он вел главные силы, чтобы дать решительное сражение узбекам, помощи которых искал в дни своей молодости в ставке почти такого же старого, как сам теперь, Абулхайр-хана. Изможденный болезнями, Султан-Хусейн выступал ныне против того былого юноши Шахбэхта, которого он впервые увидел в ставке его деда. Во время очередного перехода, 5 мая 1506 г., Султан-Хусейна не стало. Эмиры, находившиеся в ставке, приняли безумное решение разделить престол умершего государя между его двумя сыновьями – Бадиуз-Земан-мирзой и Музаффар-Хусейн-мирзой, – а чтобы, по образному выражению историка, «основы договора и союза были бы скреплены крепкими нитями веры, чтобы другие братья не вышли из их повиновения и чтобы оба они, вступив на открытый путь взаимной верности, постарались бы вырвать с корнем дерево вражды», – эмиры заставили братьев поклясться на Коране, что они до конца своей жизни пребудут в согласии и единении. Однако, едва похоронив Султан-Хусейна и справив по нему семидневный траур, эмиры начали споры из-за верховной власти: одни, более дальновидные, стояли за единоначалие и выдвигали в качестве единоличного монарха Бадиуз-Земан-мирзу, другие стояли на том, чтобы быть на престоле двум братьям. В этих спорах приняла участие и мать принца Музаффар-Хусейна, желавшая видеть на престоле своего сына и потому

стоявшая за двоевластие, а так как на ее стороне было большинство армии и эмиров из племени барлас, то в одну из пятниц, в начале июня 1506 г., в соборной мечети была прочитана хутба на имя двух государей.

Вновь обратимся к «Запискам», где Бабур об этом событии рассказывает со свойственной ему иронией: «Во время смерти Султан-Хусейн-мирзы из принцев присутствовали Бадиуз-Земан-мирза и Музаффар-Хусейн-мирза. Так как любимым сыном был Музаффар-мирза, а полновластным беком был его воспитатель Мухаммед-Бурундук, барлас, то и ближайшее окружение питало большее расположение к Музаффар-мирзе. Вследствие этого Бадиуз-Земан-мирза, колеблясь, имел в мыслях не приезжать к смертному ложу отца, но сами Музаффар-мирза и Мухаммед-бек, севши на коней, поехали, рассеяли сомнения Бадиуз-Земан-мирзы и привезли его. Тело Султан-Хусейн-мирзы привезли в Герат и, поднявши его с царственными церемониями, похоронили в построенном им медресе. При этом присутствовал также и Зуннун-бек. Мухаммед-Бурундук-бек, Зуннун-бек и еще оставшееся от Султан-Хусейна-мирзы окружение и бывшие с этими мирзами беки, собравшись на совет, с общего согласия посадили с Бадиуз-Земан-мирзой Музаффар-Хусейна на трон Герата. При дворе Бадиуз-Земан-мирзы полновластным беком стал Зуннун-бек, а при дворе Музаффар-мирзы – Мухаммед-Бурундук-бек; от имени Бадиуз-Земан-мирзы правителем города был поставлен Шейх-Али, а со стороны Музаффар-мирзы – Бусунт. Это было удивительное дело! От века никогда неслыханное, чтобы на царстве было два царя. Получилось все в противоречии со смыслом слов шейха Саади в его «Гулистане»: «Десять дервишей спят под одним паласом, а два царя не уживаются вместе в целом поясе земли».

Когда весть о смерти Султан-Хусейна дошла до Шейбани-хана, он направил в Герат, преемникам, посла с письмом, в котором писал, что когда-то «их отцы жили во всегдашнем согласии и дружбе с его высоким домом, соблюдали по отношению к нему все обязательства повиновения, соответственно чему надлежит и Бадиуз-Земан-мирзе и Музаффар-Хусейн-мирзе поступать согласно поведению их предков, закрыть двери вражды к нему, Шейбани-хану, и не стараться идти по открытой дороге уклонения от этого, чтобы территория их государства осталась мирной и цветущей и их подданные, кои суть вещей, отданные им на попечение творцом всех тварей, не стали бы растоптанными копытами коней победоносных узбекских войск».

Разумеется, братья поняли подтекст послания и немедленно стали готовить войска к отражению узбекского натиска. В это время пришло известие о том, что Шейбани-хан начал осаду Балха, к которой город, как оказалось, не был готов.

Лишь в начале осени 1506 г. братьям удалось подтянуть в Герат войска и выступить к Балху с большими силами. По пути к ним присоединились вассалы Хорасана и прибывший из Кабула Бабур со своими войсками. Все предвещало успех, и никто не сомневался в победе, хотя в отношении плана ближайших военных операций не было единства и каждый эмир предлагал свой план действий. Пока думали, как поступить, из Балха пришло известие, что изморенный голодом город сдался Шейбани-хану и узбеки, по образному выражению историка того времени, «начисто вымели его метлою потока и разграбления». Как только Шейбани-хан узнал, что все эмиры Хорасана, опираясь на помощь Бабура, готовятся вступить с ним в бой, незамедлительно переправил свою армию через Амударью и быстрым маршем направил ее на зимовку домой, в Мавераннахр.

Безусловно, это был прекрасный случай для противников Шейбани-хана выступить мощными объединенными силами против узбеков. Используя сильные армии, собранные под знаменами обоих принцев, им следовало продолжить поход против Шейбани и, возможно, вести войну уже на территории Мавераннахра, – это был их шанс, но они его упустили. Бабур и эмиры вернулись с войсками каждый в свое владение, а оба государя – в Герат. Одним словом, чагатайские эмиры оказались недалекими, а стоявшие во главе их две фигуры последних темуридов – безвольными.

Тем временем поставивший себе целью захватить наследие Амира Темура Шейбани-хан по-прежнему инициативу держал в своих руках. В мае 1507 г. Герат получил

известие, что армия Шейбани вступила в пределы Хорасана. Это обстоятельство вызвало полную растерянность в правящих кругах столицы, поскольку ничего не было готово к отпору узбеков. И вот тогда, как отмечают некоторые источники, у мусульман появился фаталистический взгляд на всю эту ситуацию: «...предопределенного причиной всех причин никакие человеческие силы предотвратить не могут, что волею неумолимого рока мера жизни дома Темура исполнилась и Хорасану суждено перейти в другие руки», поэтому никакие мероприятия эмиров и государей против этого не принесут пользы.

Посему город Андхуд был отдан Шейбани-хану с восточным подбострастием, Бадже – также. Путь на Герат был открыт. Седьмого мая узбекские авангарды появились на подступах к столице. Для принцев-темуридов этот факт был как гром среди ясного неба. Спешным порядком они выслали против узбеков войска, которые находились в крепости, что было равносильно, по мнению историка-очевидца, попытке «преградить стремительное течение большой реки броском горсти влажной земли». Конечно же гератские войска были разбиты. И когда подошли главные силы узбеков во главе с самим Шейбани-ханом, великолепная столица выдающегося темурида Султан-Хусейн-мирзы лежала у его ног совершенно беззащитной. Эмиры ретировались по разным городам, войска разбежались. Бадиуз-Земан-мирза направился в Кандагар. Его брат, Музаффар-Хусейн-мирза, простившись с семьей, спешно бежал из своей столицы на запад, в Астрабад.

Оставшиеся в городе сановники и духовенство пришли к логическому заключению о необходимости выразить покорность победителю. В тот же день с письмом к Шейбани-хану был отправлен переговорщик. Как только он выехал за ворота города, узбеки, находившиеся у стен крепости, отобрали у него лошадь, раздели донага и в таком виде доставили его к Шейбани-хану. Последний, ознакомившись с петицией гератцев, объявил себя полновластным распорядителем доставшейся ему империи темуридов. А гератцы, заперев ворота своих домов, в страхе ожидали участи. И в своем ожидании худшего они не ошиблись: «Многие знатные и именитые люди испытали крайние унижения, вопли больших и малых неслись до самого неба, а гаремные красавицы уважаемых семей становились пленницами узбекских солдат и пребывали во всевозможных мучениях, с челом Венеры, целомудренные девицы влеклись за свирепыми, как Марс, монголами по улицам Герата и ни минуты не находили от них покоя».

Тем не менее Шейбани-хан пригласил знатных людей города к себе в ставку. Когда представители гератцев прибыли к Шейбани-хану, их с почетом встретили ханские сановники, отвели в одну из палаток и известили Шейбани-хана об их прибытии. Хан ответил, что он их примет после того, когда они представят ему известную сумму денег «за пощаду» и поднесут соответствующие подарки. Размеры контрибуции были таковы: с простонародья – 100 тыс. одномискальных тангачей (тангача равнялась 6 копекских динарам), от знати – лично Шейбани-хану – 20 тыс. тангачей и 15 тыс. – первому министру хана, кстати, пользовавшемуся его безграничным доверием.

После выполнения всех условий Шейбанихан принял гератскую знать. Также в ставку были вытребованы все женщины и девушки гаремов. Особенно хану понравилась жена Музаффар-Хусейна, племянница Султан-Хусейна, Михранид-бегим, на которой хан немедленно женился. Своего же племянника, Убайдуллу-султана он женил на дочери Музаффар-Хусейна. Все ценности представителей династии темуридов пополнили казну Шейбани-хана.

27 мая 1507 г. в большой соборной мечети Герата была прочитана хутба с поминовением Абулхайр-хана и «имама времени и наместника всемилостивого» Мухаммеда Шейбани-хана. Любопытно, что Шейбани-хан, «побуждаемый высокими замыслами», отдал приказ о чеканке тангачи на полтанга больше, чем это было в темуридских тангачах, и с указанием, что когда новая монета «украсится выбитием на ней его августейшего имени», то она должна ходить за 6 копекских динаров, а тангачи прежнего темуридского чекана должны обращаться из расчета 5 копекских динаров.

Шейбани отныне мог считать себя полновластным распорядителем судеб всех

обширных владений темуридов, самые же роскошные столицы которых – Бухара и Самарканд уже были его достоянием. Теперь предстояло закончить немного – подчинить себе западную часть Хорасана, где еще оставались темуридские принцы и их эмиры.

Безуспешны были попытки военных сил темуридов остановить движение неприятеля. В этих войнах показали недюжинные способности узбекские полководцы: сын Шейбани – Тимур-султан, а также его племянник – Убайдулла-султан, сын его брата, преданного и неразлучного спутника всей жизни Махмуд-султана. На долю этих молодых полководцев и выпала задача завоевания Западного Хорасана, которую они успешно осуществили. Следует отметить, что узбекских принцев называли «султанами», в отличие от темуридских царевичей, именовавшихся «мирзами».

Итак, Шейбани, назначив в захваченные области своих наместников, главным образом из приближенных эмиров и узбекских принцев, отправился в Мавераннахр. Бухара устроила пышную встречу торжествующему победителю, который, не задерживаясь в этом городе, отправился в свою столицу Самарканд, где и провел зиму. Весной следующего года до Шейбани дошли слухи, что в Астрабадской области укрылись два последних гератских государя. В этом деле следовало ставить точку, и Шейбани-хан, мобилизовав свое войско, двинул его к Астрабаду. Прослышав о приближении мощной узбекской армии, Бадиуз-Земан-мирза бежал в Азербайджан, чтобы позже умереть в Константинополе, а Музаф фар-Хусейн-мирза умер еще до прихода Шейбани.

При минимальных потерях своих воинов Шейбани присоединил Астрабад и Гурган. Теперь он становился властелином обширной империи, простиравшейся от Каспийского моря до пределов Китая и от Сырдарьинского правобережья до центрального Афганистана. Он утвердил вершину своего единовластия над этими богатыми и огромными землями, увенчанный пышным титулом светского и духовного главы империи «имам-уз-заман уа халифат ур-Рахман». Это важный момент, и мы поясним значение этого религиозного титула, принятого Шейбани-ханом. Титул, несомненно, имел глубокий смысл и большое значение среди того противостояния религиозных воззрений, которое резко наметилось к приходу Шейбани-хана и в Средней Азии и в соседнем Иране. Если, с точки зрения потомка Чингисхана в шестом поколении, Шейбани-хана, Амир Темур и темуриды, как не чингисиды, являлись узурпаторами власти потомственных чингисидов в бывшем улусе Чагатая, то и их религиозные воззрения были неправоверны, ибо были окрашены, якобы, официальным шиизмом, хотя вопрос о религиозных воззрениях Амира Темура вызывал споры уже в эпоху его великих завоеваний. Он был выходцем из области сильного суннитского влияния, даже использовал необходимость защищать суннизм как предлог для походов против властителей-шиитов. Однако Амир Темур считал себя алидом, и в этом убеждает нас генеалогическая схема, изображенная на надгробной плите Амира Темура в Самарканде, то же самое можно отметить на надгробиях его сына Мироншаха и любимого внука Мухаммед-Султана. И все-таки в государстве Амира Темура шиитские симпатии были слишком заметны: так, в Герате, при Шахрухе, проживал известный поэт Касым-и-Энвар (ум. в 1437 г.), исповедовавший столь крайние рационалистические идеи, что великий таджикский поэт Джами (ум. в 1492 г.) замечает про виденных и слышанных им его учеников, что «большинство их вышло из ярма религии ислама». Это не мешало, однако, Касым-и-Энвару иметь в Герате и его районах множество последователей из знати и простонародия.

Изгнанный из Герата по подозрению в заговоре против Шахруха, Касым-и-Энвар нашел приют в Самарканде у Улугбека, где в течение длительного времени пользовался его расположением и вниманием. Что касается самого Улугбека, то определенно известно, что его жизнь и жизнь высших представителей самаркандского духовенства вызывала осуждение и негодование верующих. Например, самаркандский шейх-ул-ислам Исамуддин, построив доходные бани, устроил по этому случаю пиршество, на которое были приглашены певицы. Узнав об этом, строго правоверный и благочестивый самаркандский мухтасиб Сейид-Ашик явился на этот пир и, обращаясь к Исамуддину, резко сказал: «Шейх-ул-ислам без ислама, по

какому такому законному праву можно мужчинам и женщинам сидеть в одном собрании и петь?!» Тот же мухтасиб горячо порицал Улугбека в Кан-и-Гиле под Самаркандом за устроенное им там «разливанное море» для знати и простолюдинов. «Ты уничтожил веру Мухаммедову и допустил обычаи неверующих», – говорил Сейид-Ашик. Улугбек за все это решил устроить над мухтасибом суд из представителей духовенства и наказать его, но из этого ничего не вышло, ибо действия мухтасиба были признаны не лишены основания.

Бартольд замечает, что «Улугбек в глазах духовенства был несправедливым правителем, при котором уважающий себя представитель шариата не мог без ущерба для своего достоинства занимать должность казия».

Факты, приводимые историками-современниками Султан-Хусейн-мирзы, говорят о его шиитских симпатиях. Любопытно отметить, что от публичного исповедания шиизма он отказался только после множества уговоров, в частности, Алишера Навои. Среди ближайшего окружения Султан-Хусейна, в числе его сановников, поэтов и художников было немало шиитов, которые ни в какой мере не преследовались. Вместе с тем веселые гератские нравы с их, ничем не стесняемым, всеобщим винопитием и «нечестием» находили, несомненно, широкое подражание и в других городах Хорасана, столь открытого для широких торговых сношений с «неверным» западноевропейским миром через Астрабад, бывший тогда одним из важнейших центров мировой торговли шелком. С другой стороны, и по ту сторону Амударьи, в Мавераннахре, тоже было неблагоприятно в отношении правоверия. Словом, в доставшемся теперь «Отцу побед», Шейбани-хану, обширном наследии темуридов проступала шиитская ересь, вызывая крайнее недовольство правоверного суннитского духовенства и его многочисленной паствы.

В то время, когда победы Шейбани обеспечивали ему власть в Мавераннахре и Хорасане, на сцену мировой истории, на западе Хорасана, со стороны Ирана, выступал новый воитель, стремившийся распространить свою власть на восток столь же упорно, как Шейбани-хан стремился утвердить свою в направлении запада. Это был персидский шах Исмаил I из суфийской семьи города Ардебилля, почитавшейся всеми тюркскими племенами Азербайджана. Отношения его деда Узун-Хасана к Султан-Хусейн-мирзе всегда были дружественными, последний темурид считал Исмаила как бы своим сыном и относился к нему с отеческим расположением. В подавлении беспорядков, возникающих после смерти его деда (ок. 1478 г.), поддержанный, с одной стороны, последователями своего отца, шейха Хайдара, а с другой – всеми семью тюркскими племенами Азербайджана, Исмаил создал хотя и немногочисленную, но боевую и очень сплоченную армию, которая у его врагов и соседей за свои красные головные уборы получила название «кызыл-башей» (красноголовых). С этим войском Исмаил подчинил себе в 1502 г. Ширван, Азербайджан, Иран и принял титул шаха. В 1504 г. его владения простирались на восток, соприкасаясь с темуридскими, а на западе граничили с районами Диарбекра и Багдада. Помимо успехов его оружия, соотечественники вменяли ему в особую заслугу ту ревность, с которой он, действуя в духе своих предков, выступал в защиту шиизма и религиозных чувств этой секты к четвертому преемнику Мухаммеда – Алию. Но провозглашение шахом Исмаилом шиизма господствующей религией было сделано в духе воинствующем, сопровождающемся преследованием суннитов во владениях шаха, причем в проявлении фанатизма не было пощады даже мертвым: так, извлекли из могилы и затем сожгли останки известного ширазского казия Бейзави, весьма почитаемого в суннитском мире комментатора Корана (ум. ок. 1286 г.). Спасая свою жизнь, множество суннитов бежало на восток, то во владения темуридов, пока те были у власти, то под защиту Шейбани-хана. Среди них были известные ученые – законовед шафитского толка Рузбехан Исфагани, Мухаммед Кухистан, позже долго занимавший должность муфтия в Бухаре, и др. Они охотно принимались Шейбани-ханом, не делавшим никакого различия между персами и тюрками, и, как «истинно правоверный государь», следовавшим хадису Пророка: «все мусульмане – братья». Однако Шейбани-хан, получая информацию от персов-эмигрантов, понимал, что воинствующий шиизм, если его не остановить, не замедлит, при военных удачах противника, перебраться

в Мавераннахр, где в принципе готова почва для его восприятия. И Шейбани-хан, в стремлении опереться на широкие суннитские круги своих новых владений, вступает на путь борьбы и с шиитской ересью, угрожающей его политическим интересам на западе Хорасана, и с неверием вообще. Ему, питомцу бухарских правоверных мулл и дервишей, был чужд шиизм с его мессианскими воззрениями, среди которых первое место занимает идея о грядущем имаме Мехди, при котором наступит вселенское царство шиитов и титул которого так ярко оттеняет эту миссию до времени скрытого двенадцатого имама – ал-худжжат ул-каим-ул-Махди сахиб уз-заман, т. е. «грядущая непреложная истина Мехди, властитель времен». И Шейбани-хан, как бы в противовес этим еретическим верованиям, принимает титул, выражающий подлинно реальную сущность его миссии: он, только он, имам данного времени, представитель всей мусульманской общины и наместник всемилостивого Аллаха (в противовес последним словам шиитского символа: «Алий – наместник Аллаха»). На нем, Шейбани-хане, лежит миссия борьбы с ересями и неверием, особенно с шиизмом. Таков был смысл и значение принятого Шейбани-ханом титула, за которым мы можем видеть подлинное лицо вождя узбеков, решившего использовать религию для упрочения своего положения и дальнейшего осуществления своих замыслов.

«Священная война» против казахов

Экспансия Шейбани-хана на юг от Дешт-и-Кыпчака до Хорасана включительно была блестяща по своим результатам, однако менее удачны были войны со своими узбекскими соплеменниками, кочевавшими в районах степей от Урала до Чу к северу от Сырдарьи, в бывшем царстве его деда Абулхайра, и не пошедшими за Шейбани в Среднюю Азию. Шейбани долго и упорно воевал с сыновьями Джаныбек-хана, врага его деда», и особенно с Бурундук-ханом, самым могущественным из степных ханов «и одним из великих людей улуса», нередко терпел от них поражения и побеждал их, но подчинить своей власти области Восточного Кыпчака и улуса своего предка Шейбана не мог. Населявшие их узбекские племена, называвшиеся теперь казахами, управлялись своими ханами из того же потомства Чингисхана, от его сына Джучи, и уже с самого начала существования империи Шейбани-хана явились для него весьма опасными врагами.

Таким образом, непрестанные распри между узбекскими племенами Шейбана и Орды, переходившие в кровопролитные войны с колоссальными грабежами побежденных и обращением их в рабов, в XV в. вылились в более определенную форму борьбы узбекских ханов из дома Шейбана с ханами узбеков-казахов из потомков Чингисхана по другой линии. И окончательное обособление узбекских племен Дешт-и-Кыпчака, так называемых узбеков-казахов, от узбекских племен Шейбани-хана совершилось в правление последнего, о чем свидетельствует вся политика Шейбани-хана по отношению к своим соплеменникам, не пошедшим за ним в Среднюю Азию и оставшимся в Дешт-и-Кыпчаке.

Но признавал ли сам Шейбани-хан и его ближайшее окружение свое кровное родство с этими узбеками, оставшимися на своих старых местах и теперь называвшимися казахами? Историческая хроника того времени говорит об этом совершенно определенно. Обратимся к записям Рузбехана, личного историографа Шейбани-хана. Шейбани-хан, находясь с войсками на стоянке против Отрара, рассказывал Рузбехану Дешт-и-Кыпчаке, восторгаясь привольем степей, превосходными пастбищами, покоем и благоденствием кочевых обитателей «в большей степени, чем всех сынов Адама», отмечая, что «все эти обширные степи суть летовки узбеков, и в летние дни, когда наступает июльский зной и время сильных пожаров, казахский народ занимает места по окраинам, по сторонам и рубежам степей. Вследствие массы скота и нужды в пастбищах все эти обширные степи занимают ими (узбеками-казахами), и каждый из их султанов имеет в своем владении и подчинении определенный район из общей территории степей». Далее Шейбани-хан повествовал о том, что в каждом знаменитом племени есть свой хан-чингисид, который со своим народом пребывает в своем древнем наследственном юрте и там сидит «со времен Джучи-хана и

Шейбан-хана до наших дней», и что «между узбекскими ханами постоянно происходят распри и раздоры, особенно между ханами из дома Шейбана и казахскими ханами. В прежние времена большинство наиболее великих ханов бывало из рода Шейбанова, и в ближайшее к нам время наиболее великим из ханов обоих улусов (т. е. узбеков и казахов) был Хызр-хан, дед Хамзы-султана и брат Шейх-Даулат-султана, который является отцом в бозе почившего Абулхайр-хана».

Иначе говоря, Шейбани-хан, не делая в начале всей тирады никакого различия между казахами и узбеками и обобщая их в один народ «узбеки», далее отделяет последних от казахов в том смысле, что под узбеками подразумевает племена улуса Шейбана, а под казахами – племена Восточного Кыпчака, или улуса Орды. С другой стороны, и сам Рубехан не отличал четко казахов от узбеков и, например говоря о сражении между Шайбани-ханом и Джаниш-ханом казахским, отмечал, что «узбеки казахского происхождения старались отразить войско узбеков Шейбановых, осыпая его стрелами».

Совпадает ли значение слова «казак», употребляемого историками в смысле скитальца, лишенного постоянного жилища, находящегося без средств, и производного отсюда «казаки-казачество» с подобным им термином «казак» в приложении к целому народу? Из свидетельства Абдураззака Самарканди следует, что в правление Шахруха узбеки, ставшие казахами, совершали набеги на Мазандаран, что Султан-Хусейн-мирза во время своего казачества, т. е. во время своей скитальческой жизни, прибыл к Абулхайр-хану, что Шейбани-хан «во время казачества» опирался на помощь шести узбекских племен и т. п., – выражают по существу совсем иное значение, чем слово «казак» в приложении к целому кочевому народу, занимающему обширные степи и владеющему бесчисленными стадами, среди которого, по словам Шейбани, даже самые бедные владели тысячами голов. Не означает ли в этом случае термин «казак» в приложении к народу, состоящему из многочисленных племен кочевников, просто кочевника, вроде того как в древности русские называли кочевые племена тюрок-команов одним словом «половцы» – возможно, от глагола «полевать», – а предков позднейших русских казаков, бездомных степных скитальцев русского происхождения, именовали бродниками? Ведь у узбеков Шейбанова улуса были какие ни есть города, вроде Туры и некоторых сибирских укреплений, мангкыты – «цари астраханские» – владели Астраханью и рядом крепостей-городов по Сырдарье, а узбеки улуса Орды в эпоху Шейбани никаких городов не имели и лишь кочевали, были казахами.

Так или иначе, но Хайдар-мирза, двоюродный брат Бабура, уделяя в своей истории много места узбекам, не отделяет их от казахов и, говоря о последних, в отличие от узбеков Шейбани именует их узбеками-казахами.

Что касается времени принятия узбеками-казахами ислама, Рубехан говорит следующее: «Как прежде упомянуто, казахи составляли один народ с узбеками – из улуса Чингисхана и его детей, которые создали мировое государство; из первых поколений никто не принимал ислама до Газан-Мухаммед-хана (1295–1300 гг.), который первый из государей Ирана стал мусульманином. Что касается Чагатаева улуса, то первый из ханов, ставший мусульманином, был Барак-хан (1266–1271 гг.), почти современник Газан-хана». Таким образом, утверждение основ ислама в среде казахского народа было одновременно началом возникновения ислама в государстве Чингисхана. Однако также было определенно известно, что среди казахов распространены и «обычаи неверия». Эти-то «обычаи неверия», т. е. идолопоклонство, и были видимой причиной объявления «священной войны» Шейбани-ханом против казахов.

Ссылаясь на сказанное по этому поводу Шейбани-ханом, Рубехан писал, что его предок в пятом поколении по линии Чингисхана удостоился принять ислам, а с ним и весь узбекский народ, следовательно, и казахи, что на протяжении более двухсот лет степи непрерывно посещали ученые-богословы из Туркестана, Мавераннахра, из Астрахани и Дербенда Ширванского, из Хорезма, Джурджании и Хивы, из Астрабада, Хорасана и Ирана, что казахские купцы постоянно посещали страны ислама, равно как и купцы мусульманских стран ездили в степи, – тем не менее казахи пребывали в язычестве. Но поскольку они все же

мусульмане, читают Коран, исполняют обряды ислама и т. п., их следует считать не невежественными язычниками, не понимающими, что творят, а отступниками ислама, которых надлежит убивать. Вместе с тем казахам вменялось в великий грех обращение к колдунам, вызывающим с помощью магического камня яда дождь и снег на врагов или использующим его с пользой для себя в виде получения урожая или буйного травостоя для своих табунов. Иначе говоря, в среде казахов, несомненно, присутствовали шаманы, которых в свое время истреблял золотоордынский Узбек-хан.

Однако если казахам ставилась в вину вера в магическое действие камня яда, то, как свидетельствует история, эта вера была широко распространена и среди узбеков. Так, во время битвы темурида Султан-Абу-Саид-мирзы с Абдулла-мирзой в Джизакской степи, были несколько узбеков, которым Абу-Саид приказал посредством камня яда вызывать тучи, дождь и снег. Абулхайр-хан также приказывал шаманам вызвать непогоду при помощи этого камня, дабы осложнить положение неприятеля, казахского Махмуд-хана.

В этих языческих верованиях узбеков-казахов мы наблюдаем черты, сближающие их с религиозными воззрениями монголов. Существует любопытная история о буре, будто бы вызванной монгольским колдуном при помощи магического камня яда перед битвой с войском Темура. Предупрежденные монгольские воины оделись в непромокаемые плащи и соорудили укрытие в своем лагере. Солдаты Темура промокли до нитки и всю ночь не могли сомкнуть глаз. Утром войско было измученным и промокшим, тетива луков от дождя ослабла. Схватка, вошедшая в историю под названием «грязевая битва», произошла между Чиназом и Ташкентом. В момент сражения начался сильный ливень. Образовалась липкая, скользкая грязь, лошади теряли устойчивость. Темур проиграл сражение.

«О набожном поклонении солнцу, луне и огню, а также воде и земле монголов XIII в. с посвящением этим светилам и стихиям начатков пищи и питья и преимущественно утром, раньше, чем станут есть и пить», – говорят Плано Карпини и Рубрук. Оба эти путешественника, как и Марко Поло, рассказывают о поклонении монголов войлочным идолам. И если подобное было присуще узбекам-казахам, то, может быть, недалеко был от истины Рузбехан, писавший, что «казахское войско в минувшие времена, когда появился на сцене истории Чингисхан, называли татарским войском и под этим названием оно известно и упомянуто в сочинениях на арабском и персидском языках». В этой связи весьма интересно предположение Л. Гумилева, изложенное в его труде «Черная легенда», о том, что «иго, сотни лет довлевшее над русским народом, было не татарским и монгольским, а узбекским».

Отсутствие сведений у Рузбехана о языческих обычаях узбеков, очевидно, это определенное подобострастие к его царственному собеседнику, Шейбани-хану, который видел себя главой истинных мусульман и наместником самого Аллаха, охраняющего ислам во всей чистоте и уничтожающего еретиков и отступников от правоверия, согласно присвоенному ему титулу.

Безусловно, Шейбани-хан опасался, что его сильные противники, ханы Дешт-и-Кыпчака, объединившись, могут вырвать из его рук власть над перешедшей к нему империей темуридов, польстившись на богатые города и цветущие владения как на ценнейшую добычу. Итак, в конце 1508 г. Шейбани-хану поступила информация о том, что на приграничные районы его нового государства из Дешт-и-Кыпчака напали казахи, которые увели в плен и обратили в рабство большое количество его подданных. Шейбани-хан устроил по этому поводу в Бухаре совещание со знатными принцами из потомства Абулхайр-хана, на нем решили объявить казахам «священную войну». Он поручил ученым-теологам Мавераннахра и Хорасана составить фетву о газавате против казахов как неверного народа, допускающего продажу мусульман в рабство, и приказал внести в фетву добавление, что казахи – язычники, поклоняющиеся идолам. Фетву написали, и в Бухаре была объявлена «священная война» против казахов.

В конце января 1509 г. армия Шейбани-хана выступила в поход против казахов. Сопровождавшему его в походе Рузбехану показалось все же странным выступление хана со «священной войной» против своих соплеменников, и он сказал об этом племяннику

Шейбани Убайдулле. Ссылаясь на хадис Мухаммеда – «узы родства удлиняют жизнь», – Рузбехан говорил: «Предположим, что у казахского войска действия не согласны с велениями божественного закона, но ведь, тем не менее, казахи вам родственны». Убайдулла, не отрицая сказанного, ответил Рузбехану: «...что касается соблюдения обязанностей родства, о которых вы говорите в отношении казахов, то между нами столь ясно проявились побуждения к вражде и предпосылки к соперничеству и неприязни, что источник родства совершенно иссяк. Распри и войны между нами и ими так засыпали прахом взаимного неудовольствия поверхности страниц наших душ, что мы стряхнули с подола сердца пыль взаимной любви. Да кроме того, если бы соблюдение родственных связей и было бы возможно, то только со стороны его величества хана, убежища халифата, а мы, рабы, положили голову на черту его приказания и не знаем и не имеем другого пути, кроме пути повиновения и служения ему. Если вы находите возможным для себя, то доложите на высоком ханском собрании слова о мире с казахами, наполненные тонкими изречениями Пророка и приличествующими рассказами из Корана и преданий». Рузбехан, однако, не решился сделать этого.

Тем не менее он оставил нам любопытнейшие подробности похода узбеков против своих соплеменников в мемуарах: «В невероятно лютый холод, по глубоким снегам, по покрытым льдом с полыньями озерам двигалось узбекское войско, предводимое ханом. Когда верблюды и лошади останавливались из-за невозможности двигаться дальше, тогда солдаты прокладывали им дорогу. Несмотря на невыносимую стужу, узбеки двигались все дальше в необозримую Дешт-и-Кыпчакскую степь, причем ехавший на коне Шейбани-хан все время беседовал с ученым персом и другими образованными лицами из своего окружения на самые разнообразные темы из области главным образом схоластического богословия, а на стоянках, когда его солдатам с невероятными усилиями удавалось поставить кибитки и добыть огонь, в кибитке хана сейчас же устраивались излюбленные им ученые дискуссии».

Это был период экспансии казахов. Особенно могущественным слыл хан Касым (ум. в 1518 г.). Во время похода в Дешт-и-Кыпчак армии Шейбани пришлось очень туго, как было сказано ранее, к тому же она только успевала отражать нападения казахов, которые разгромили даже войска сына Шейбани-хана, Махмуд-Тимура. Итоги «священной войны» были таковы: этим походом как бы навсегда определились взаимоотношения кочевой степи, где остались не пошедшие за Шейбани племена узбеков-казахов, и оседлых оазисов Мавераннахра, завоеванных Шейбани-ханом. После всех этих перипетий, связанных со «священной войной», Шейбани-хан стал ревностным государем – защитником своего нового государства от кочевых соплеменников и принимал все меры, чтобы не допустить казахов, даже с мирными намерениями, в свои владения. Он отдал приказ о конфискации имущества и товаров казахских купцов в районах Туркестана и в городах Хорезма, затем последовало распоряжение, чтобы население Туркестана не производило торговых сделок с казахскими торговцами и чтобы между ними и жителями этих районов не было никакого сообщения. Но, очевидно, подоплекой этих ограничений было еще и нежелание Шейбани-хана, чтобы казахи воочию убедились, каким благодатным краем владеют ныне узбеки и что порождает причины их миродержавия и прогресса.

В истоках конфликта между кочевником-скотоводом и оседлым земледельцем лежит жизненная философия, настолько глубоко связанная с наследием и традицией, что она кажется незыблемой. Ведь казахи полагали, что узбеки пребывали в крайней естественности обитания и рассматривали их как пленников своих домов, к которым нет, по понятиям степняков, никакого уважения. Поэтому если бы они увидели, какими благами пользовались узбеки, то непременно вступили бы с ними в войну за покорение этих областей. И, зная воинственный дух казахов, остановить их нашествие было бы делом очень трудным.

Оседлый узбек стал в отношении узбека-кочевника отщепенцем, к которому тот относится свысока, с пренебрежением, превосходством, выражавшемся и в большей свободе действий, и в большей воинственности, поддерживавшейся особенностями образа жизни, и,

наконец, в вытекавшем отсюда несравненно большем политическом значении. Эта быстро установившаяся, сначала бытовая, а затем и нравственная, рознь была настолько велика, что всем бывшим кочевникам, а ныне оседлым, невзирая на то, из какого рода они происходят, было дано общее нарицательное имя «сарты».

Во всяком случае, теперь между Шейбани-ханом с его племенами и оставшимися на необъятных просторах Дешт-и-Кыпчака его соплеменниками образовалась пропасть, которую уже ничто не могло изменить – ни время, ни политические события. И ханы казахов-узбеков отныне стали для государства Шейбани-хана и его преемников такую же угрозой и таким же бичом, каким были незадолго до этого ханы узбеков для владений темуридов.

Противостояние Шейбани-хана и шаха Исмаила

Когда властелин Западного Туркестана, Мавераннахра, Ферганы и Хорасана, Мухаммед Шейбани-хан, сделал Узбекскую империю главной державой Центральной Азии, тогда он столкнулся с Ираном.

Иран, пережив за четыре с половиной столетия множество тюркских и монгольских правителей (1055–1500 гг.), вновь обрел независимость. Национальная династия Сефевидов (1502–1736 гг.), занявшая трон после победы над туркменской ордой Ак-Коюнлу, готовилась завершить объединение, т. е. отобрать Хорасан у узбеков. Впрочем, сефевиды и узбеки противостояли друг другу во всех областях и, прежде всего, в религиозных верованиях: первые были шииты, вторые – сунниты, причем и те и другие решительно отстаивали свои религиозные позиции. Таким образом, как это нередко бывает, межнациональная вражда приобрела характер вражды религиозной.

В борьбе с неверием, особенно с шиитской ересью, Шейбани-хан не был одинок, у него был союзник – турецкий султан Баязед II (1481–1512 гг.). Правда, мы не находим об этом никаких упоминаний у среднеазиатских историков, как современных Шейбани-хану, так и у позднейших. Но, что связи узбеков с Османской империей были, это не подлежит сомнению. Известно, что Шейбани-хан читал подаренное ему произведение турецкого поэта XV в. Ахмеда Руми, проникшее в Дешт-и-Кыпчак. В XVI в. при двоюродном брате Шейбани-хана, Барак-хане, правителе Ташкента, находился отряд турок в 300 человек, вооруженных огнестрельным оружием, и эти турки оказывали существенную помощь Барак-хану в его завоевательных стремлениях в направлении Самарканда и Шахрисабса. Это подтверждает и турецкий адмирал Сяди-Али Реис, после кораблекрушения в Индийском океане и ряда приключений в Азии возвращавшийся на родину через государство узбеков во время правления Барак-хана. Судя по письмам к турецким султанам преемников Шейбани-хана и ответным письмам из Константинополя, сохранившимся в турецком источнике, принимая во внимание письмо султану Мураду III (1574–1595 гг.) наследника престола Абдулмумина (сына Абдуллы-хана) по случаю взятия им в 1582 г. Мешхеда и о варварском осквернении шиитской святыни, а также поступок шаха Исмаила I после гибели Шейбани-хана в отношении турецкого султана, о чем будет сказано далее, – все говорит за то, что если союз не существовал, то была известная солидарность турок-османов и узбеков в отношении совместных выступлений против еретического Ирана.

В качестве поборника суннизма и потомка Чингисхана Шейбани-хан призывал сефевидского шаха Исмаила I отречься от шиитской «ереси» и покориться, грозя, что в противном случае узбеки дойдут до Азербайджана и «мечом обратят его в истинную веру». Приведем письмо Шейбани-хана, написанное им в мае 1509 г.: «Хвала Аллаху! Престол высшего господства и венец очевидной государственной власти нашей равняются с вершиной Сатурна и даже превосходят его. Все без исключения твари и народные массы процветают, орошаемые источником наших безграничных милостей, и благоденствуют от зефира нашего к ним расположения.

Что же касается тебя, шаха Ирана, то до слуха, получающего аудиенцию в чертоге

убежища вселенной, дошло, что ты распространяешь шиитскую ересь, от которой ничего не получается, кроме плотской страсти и дьявольского наваждения, а посему оставь сей закон, не иди по пути неповиновения истинной вере, а путь людей, признающих сунну, – ибо кроме него нет иного пути – поставь за образец для своего слабого разума, не сворачивая стоп повиновения с прямого пути велений божественного закона! ...В противном случае я сделаю землю Ирана местом бесчисленных сражений и ударами победоносного меча, находящегося в моей могущественной руке, и эфесом моей воли я сравню с лицом земли твой сильно укрепленный Исфахан, несмотря на то что ты возвысил башни его стен до апогея неба. Я учиню такое законное наказание всем, что до трубы архангела в день Страшного суда оно будет памятно всему населению Ирана».

Последовал ли какой-либо ответ от шаха Исмаила, неизвестно. Шейбани-хан направил ему другое письмо, именуя в нем шаха не государем, а даругою. Это монгольское слово, употреблявшееся в улусах Джучи и Чагатая, у узбеков означало правителя города и его района, также наместника области, но не государя.

Неприязненные отношения между двумя ревностными последователями двух непримиримых толков ислама зашли слишком далеко, чтобы можно было все закончить миром. И вот еще одно очень любопытное письмо Шейбани-хана шаху Исмаилу: «...известно, что святейший посол – да благословит Аллах его и потомство его! – сказал: „То, что от отца остается, переходит к сыну и делается достоянием потомков“. Второе, подсказываемое соображениями разума, – то, что возникла мрачная ночь и звезды появились на небе, особенно яркая из них Канопус, которая восходит из-за вершины гор примерно на один полет копья, она засветила своим золотым блеском, но через какой-нибудь час она задрожит из-за страха перед восходом солнца, когда начинается утро, и в том самом месте, где взошла эта звезда, она и потухает. Таково и наше восхождение со стороны востока и твое восхождение с запада, по аналогии – это восход Канопуса и Солнца. Третье – то, что поклонение великой Каабе есть одна из основ ислама и является обязанностью всех мусульман, посему необходимо все пути, ведущие к великой Каабе, тебе устроить и завершить, ибо наши победоносные войска вознамерились совершить ей поклонение. Приготовь для их пути провиант и подарки, выбей монету, украшенную нашими августейшими титулами, на своем монетном дворе, и пусть каждую пятницу в мечетях твоих владений возглашаются на хутбе наши миродержавные титулы, сам же направься к нашему высочайшему престолу. В противном случае, если ты не подчинишься сему нашему августейшему приказу, мы пошлем против тебя наше дорогое и счастливое дитя, обладающего султанатом и миродержавием, победоносного героя Имадуддина Убайдуллу-бахадур-хана со всеми эмирами и войсками Бухары, Самарканда, Хазора, Никудари, Гура и Гарджистана, чтобы он ниспроверг тебя своим гневом и расправой. Если же он не станет победителем, мы направим на твои владения другое свое дитя, охранителя народа, спокойствие и безопасность городов, уничтожающего неверие и возмущение, „отца всадников“ Тимура-бахадур-хана со всеми эмирами и войсками Кундуза, Баглана, Хисара, Бадахшана и прочих районов Туркестана, чтобы он покорил твою территорию. Если же и вторично такое предприятие не осуществится, то мы пошлем свой победоносный и запечатленный удачей штандарт, т.е. льва чаши войны, первое свое дитя Абу-н-Наср-Камалуддина Сунджик-бахадур-хана со всеми нашими эмирами и приближенными, которые соберутся от Андижана и Ташкента, от Шахрисабса и Ургенча, от Хорезма с берегов Джейхуна и Сейхуна, от районов, занятых кыпчаками и калмыками, и других, чтобы они твердо противостояли врагам и сражались с ними, а знатнейшие сановники государства, кои будут присутствовать в той войне, сохраняли бы основу степенности на земле отважности».

Хондемир в своих трудах утверждает, что шах Исмаил два или три раза писал Шейбани-хану по поводу его враждебного к себе отношения, призывая «стать на путь истинной веры и последовать необходимости повиновения и послушания ему», удерживая его от совершения недостойных действий, кои являются причиною разрушения основ

спокойствия народов. Однако все эти увещания не произвели на Шейбани-хана никакого впечатления. При таком раскладе было ясно, что столкновение не за горами. «Так как выполнение паломничества к св. местам Аравии является непоколебимой основой ислама, то мы в ближайшее время выступаем в Иран и Азербайджан, поэтому извести, в каком месте произойдет наша встреча?» – писал Шейбани-хан. Шах ответил так: «Мы также намерены отправиться для совершения обряда обхождения вокруг гробницы имама Ризы – да починут благословения на ее обитателей, – почему тебе подобает поторопиться выступить навстречу нашему счастливому и пышному кортежу, чтобы мы могли выявить как дружественные к тебе отношения, так и необходимость во враждебных действиях».

Воспользовавшись походом шаха Исмаила против Ширвана, Шейбани-хан послал отряды узбеков на Керман, что привнесло в область достаточно сильное опустошение. Удовлетворенный своими военными успехами, он отправил шаху дервишскую палку и чашу для сбора подаяний, намекая этим на его дервишское происхождение. Оскорбленный шах Исмаил во второй половине 1510 г. в Харакане объединил войска Ирана, Фарсисстана, Кермана, Курдистана, Луристана, Аррана и Азербайджана, дабы подготовить поход на Хорасан, т. е. вопрос о войне с Шейбани-ханом был решен. Всем эмирам, сановникам и начальникам воинских частей были розданы подарки, состоящие из лошадей с богатой конской сбруей, драгоценного оружия, одежды, поясов, дорогих тканей, денег в благородных металлах и т. д. Таким образом, щедрость шаха Исмаила была беспредельной. Очевидно, это было оправдано, поскольку на карту ставилось многое.

Шах сделал шаг первым – он двинулся со всеми войсками на Дамеган, где наместником Шейбани был его зять Ахмед-султан. Услышав о приближении шахских войск, и он и узбекский правитель Астрабада бежали. Оставшаяся в городах знать выехала навстречу шаху с многочисленными подарками.

Шах двигался дальше на восток, гоня перед собою узбекские гарнизоны, разбросанные в разных местах западной части Хорасана, которые отступали, уходя под защиту Герата, где находился Шейбани-хан. Он только вернулся из малоуспешного и утомительного похода на афганских хезарейцев, тревоживших своими налетами его авангарды. Известие о вступлении в Хорасан шаха Исмаила и его успешное приближение к Мешхеду было весьма некстати для Шейбани-хана, к тому же в это время из Самарканда пришло известие, что его сын Мухаммед-Тимур потерпел поражение на Сырдарье от объединенных сил казахов. Войска хана были утомлены только что совершенным переходом, а отступавшие из Хорасана войсковые части были деморализованы, поэтому думать о выступлении навстречу шаху не могло быть и речи. По-видимому, чтобы быть ближе к своим заамударьинским владениям с их узбекскими резервами, Шейбани-хан поспешил с войском укрыться за стенами Мерва, дав знать в Мавераннахр, чтобы немедленно выслали ему подкрепление.

По ходу продвижения армии шаха Исмаила особого сопротивления со стороны противников оказано не было; к примеру, наместник Герата вскоре присоединился к своему государю в Мерве. В результате паники, охватившей узбекскую администрацию в Хорасане, часть из них покорно представилась шаху Исмаилу и была обласкана последним.

Армия шаха двинулась к Мешхеду, которым тоже овладела без особых потерь. Шах Исмаил совершил торжественное поклонение гробнице имама Ризы, с положенным традиционным обхождением, щедро одарил мешхедских сейидов и всех пребывавших у гробницы имама и выступил на Серахс. При его приближении узбекский наместник бежал из города-крепости, а жители выразили шаху покорность и получили пощаду от возможной расправы с ними шахского войска, заявив о своем исповедании шиизма.

Дорога на Мерв была открыта. И шахом, как положено, был выслан отряд разведчиков, который натолкнулся на отряд узбеков. В результате жаркой схватки узбеки отступили к городу и укрылись за его стенами. Вскоре подступили главные войска шаха, и началась осада Мерва. И здесь шах Исмаил проявил тактическую хитрость, которая стоила жизни Шейбани-хану.

Итак, 30 ноября 1510 г., несмотря на успешную осаду города, шах Исмаил внезапно

снимает ее. Одновременно он направляет письмо Шейбани-хану такого содержания: «Ты обещал встретиться с нами в Иране или Азербайджане, но не выполнил этого обещания, между тем мы свое выполнили и пришли в Хорасан; ты же уклонился от свидания с нами. Теперь мы возвращаемся на зимовку в районы Хорасана, а по весне, в сезон тюльпанов, мы выступим на арену борьбы с тобою». При этом был очень правдоподобно инсценирован процесс отступления основных сил шаха.

Шейбани-хан, получив письмо шаха и усмотрев из его содержания слабость и бессилие Исмаила воевать с узбеками, вышел из Мерва со всеми своими силами и бросился преследовать «отступающих» персов. Оставленный около моста отряд, уклонившись от боя, обратился в бегство и пропустил узбекскую армию через мост – она стремительным маршем понеслась дальше. Шейбани-хан только тогда понял, что стал жертвой военной хитрости, когда узнал, что оставшийся позади него в 24 км от Мерва мост на Дургаб разрушен и армия шаха Исмаила сомкнула роковой для Шейбани-хана круг. Последовавшее затем кровопролитие было ужасным для обеих сторон. В конце концов победа осталась за армией шаха, и узбеки обратились в бегство, яростно преследуемые врагами, которые рубили их шашками; большая часть узбекских эмиров погибла в этом ожесточенном бою. Шейбани-хан и около пятисот человек из конвоя и свиты, спасаясь от наседавших персов, погнали коней в чардивар, не имевший выхода. Это был один из тех многочисленных степных загонов для скота, которые имеют четыре стены с одним лишь въездным пролетом. За уходившим ханом бросились персы и, окружив эту загородь, начали осыпать узбеков стрелами: те гибли, растаптываемые копытами сжатых в тесноте и взбесившихся коней, немногие же, оставшиеся в живых, по трупам мертвых поднимались на стены чардивара, но здесь либо становились мишенью метких выстрелов шиитов, либо добивались саблями. Когда все узбеки были истреблены в чардиваре, приближенные шаха стали искать Шейбани-хана и один из них, некто Азиз-ака, известный под именем Ади-бахадур, знавший вождя узбеков, нашел его задохнувшимся под трупами. Он отрубил ему голову и, принеся к шаху Исмаилу, по восточному обычаю бросил ее под ноги его коня, воздав при этом приличествующую хвалу шаху. Последний, захватив воинское снаряжение узбеков и все то, что принадлежало Шейбани-хану и его эмирам, приказал разделить добычу между особо отличившимися воинами. Население Мерва и его окрестностей было помиловано. Из голов убитых были сооружены пирамиды. Кстати, захваченный в Мерве Ходжа Камалуддин-Махмуд-и-Согарджи, бывший у Шейбани-хана сановником дивана и принимавший участие в решении важнейших государственных дел, был не только пощажён Исмаилом, но впоследствии находился при нем визирем, членом дивана и непременным участником всех шахских собраний.

С головы Шейбани-хана была снята кожа, набита соломой и послана его союзнику, турецкому султану Баязеду II. Отрубленная рука Шейбани-хана была послана его второму союзнику, владетелю Мазандарана, Ага-Рустаму, который говорил о Шейбани-хане: «Эта моя рука, мой подол (покровитель)». Теперь он получил руку Шейбани со словами посла: «Твоя рука не успела вцепиться в подол его платья, зато теперь она вцепилась в твой подол». Согласно традиции, персидский монарх в качестве символа торжества и реванша оправил череп Шейбани-хана в золото и использовал его как кубок для вина на своих пирах.

Во все области Ирана были посланы извещения о блистательной победе шаха Исмаила над Шейбани-ханом. Эти послания читались в городах, в мечетях, при большом стечении народа в торжественной обстановке.

Итак, феодальный распад государства темуридов в начале XVI в. привел к гибели империи Амира Темура и к господству кочевников-узбеков, пришедших в среднеазиатские оазисы из степей Дешт-и-Кыпчака и создавших Узбекское государство.

Узбеки-кочевники нашли в Мавераннахре тюрко-монгольские племена сродни им самим, посему процесс слияния пришельцев с некоторыми племенами происходил естественным образом. Кроме того, пришельцы были не «неверные» язычники, борьба с которыми могла вызвать общенародное восстание на почве «священной войны», «войны за

веру», – враги-кочевники были те же мусульмане, что и местное население. Поэтому официальные представители просвещения теократического государства темуридов, коими являлось духовенство, быстро нашли общий язык с победителями и сохранили при них то же главенствующее положение, какое занимали и при свергнутой династии.

Великий Мухаммед Шейбани-хан сделал Узбекское государство, включающее Западный Туркестан, Мавераннахр, Хорасан, главной державой Центральной Азии. Это была замечательная личность, человек высокой культуры, осознающий величие своей расы и важность чингисидской реставрации, которая осуществилась в его лице и под сенью которой расцвел блестящий тюрко-персидский Ренессанс, начавшийся в Самарканде и Герате при темуридах. С приходом узбеков навсегда прекратились этнические перевороты в Центральной Азии, а сами узбеки были последним кочевым племенем, покорившим среднеазиатские оазисы.

Создавая свое государство, Шейбани-хан в основу государственности положил степные традиции: государство считалось собственностью всего ханского рода, члены которого назывались султанами, а избиравшийся ими глава или старейшина рода – ханом. Хотя преимущественное право на ханский престол имел старший в роде, но это правило потом нередко нарушалось, как мы увидим ниже, и в правление того или иного хана нередко ханский титул присваивали и наиболее могущественные султаны, державшие себя независимо по отношению к своему сюзерену и враждовавшие с ним. Бывало и так, что титул хана давался тому из наиболее энергичных и талантливых узбекских принцев (султанов), который, действуя от имени своего сюзерена, одерживал победы над внешними врагами и способствовал блеску и мощи государства, которое было разделено на несколько крупных княжеств, нередко дробившихся на более мелкие уделы. Их султаны иногда по смерти своих старших родственников занимали места последних в крупных княжествах. При султанах сюзерен назначал своего рода дядек, с правами отца, на обязанности которых, по свидетельству историков, лежало «отеческое» наблюдение за удельным князем, помощь ему советами в деле наилучшего управления своим уделом.

Сохранив в общем ту же структуру административного аппарата, которая существовала и в государстве темуридов, Шейбани-хан и его преемники ввели кое-что и специфически узбекское в «табель о рангах» своего государства. Как и при темуридах наиболее влиятельные представители узбекских племен получали титулы эмиров и возводились в тот или иной чин, причем слово «эмир» оставалось перед собственным именем, после него следовал чин, а затем непременно обозначалось племя, из которого происходил этот эмир. Позже, узбекские эмиры нередко играли большую роль в государстве, чем тот или иной султан. Многие из них, опираясь на свои крепкие родовые и племенные связи, становились весьма опасными для ханской власти, а удаляясь в юрт своего племени, делались почти недосыгаемыми для наказания или расправы, потому что идти войной против целого племени решался не каждый хан. Нередко эмиры становились временщиками при наиболее слабых султанах, даже при ханах, и забирали власть в свои руки. Узбекские султаны заискивали с наиболее влиятельными эмирами и в своих сепаратистских стремлениях, в активных выступлениях против ханской власти обычно опирались на них. Таким образом, хану Узбекского государства, пожалуй, приходилось в большей степени считаться со своими беспокойными эмирами, чем тому или иному темуридскому властителю.

С созданием государства огромных территорий Шейбани-хан стремился к установлению как внутри своей империи, так и за ее пределами тесных международных контактов. С усилением влияния государства Шейбанидов в Центральной Азии и на западных ее границах связи между странами начали расширяться. Развитие торгово-посольских связей было основной частью политики Шейбани-хана в международных отношениях.

В придворный обиход узбекские ханы внесли много своего, что не было свойственно темуридам: таков, например, был обычай «табуг», строго соблюдавшийся на приемах послов зарубежных государств. Он состоял в том, что представлявшийся становился перед ханом на

колени, сняв головной убор и согнув спину, как это делают молящиеся, одной рукой смиренно брался за ухо, подражая жесту раба. Придворные церемониалы были не менее сложны, к примеру церемония питья кумыса у хана эмирами, представителями родовой знати. Узбеки, пришедшие в Мавераннахр, привнесли немало своих традиций и обычаев, отдельные из которых сохранены и по сей день. Итак, падение государства темуридов и переход его во власть узбеков совпали с провозглашением в Иране шиизма господствующей религией, тогда как узбеки были поборниками суннизма, и это обстоятельство порвало узы, тесно связывавшие родственные по языку, религии и общей культуре народы по ту сторону Амударьи с их братьями на юге и юго-западе Азии. Хорасан отныне становился ареной трехсотлетней, почти непрерывной борьбы с узбеками и туркменами, диких опустошительных набегов и грабежей, массовых истреблений населения и превращения обширных культурных площадей в пустынные пространства.

Победа шаха Исмаила над Шейбани-ханом и гибель последнего потрясли восточный мир. Тот факт, что реставратор персидской независимости уничтожил реставратора тюрко-монгольской державы, что наследник великих саманидских царей разгромил и убил потомка Чингисхана, свидетельствовал о том, что время повернулось вспять, что после многовековых побед кочевников «оседлый мир» начинал торжествовать над кочевым, а культура – над Степью.

Борьба за Мавераннахр

Когда известие о гибели Шейбани-хана под Мервом дошло до Самарканда и Бухары, это было как гром среди ясного неба для членов ханского дома и породило среди них растерянность и тревогу, в центрах же бывших темуридских владений – Герате, Мешхеде и др. – та же весть, разумеется, была встречена с нескрываемой радостью и с надеждами на скорое освобождение от ига кочевников.

В то время, когда узбекские султаны решали вопрос, кому быть главой государства и что делать дальше, шах Исмаил совершал триумфальное шествие по Хорасану, продвигаясь на восток почти без сопротивления. Высланный им авангард без боя занял Герат, в который вскоре торжественно въехал шах, восторженно встреченный как знатными, так и всеми прочими жителями столицы, а равно и окрестным сельским населением, потому что все видели в новом завоевателе избавителя от произвола, грабежей и насилия узбеков, на которых теперь обрушилась народная ярость.

Однако при вступлении в Герат шах Исмаил выказал свой религиозный фанатизм в полной мере. Когда шах въехал в столицу Хорасана и приказал прочитать в соборной мечети хутбу с упоминанием двенадцати шиитских имамов и шиитской формулой, то престарелый хатиб отказался это сделать, за что и был изрублен во дворе мечети. Восьмидесятилетний шейх-уль-ислам Герата, приведенный к шаху и отказавшийся исповедовать шиизм, был собственноручно убит шахом из лука, его тело было приказано вздернуть на высокое дерево, а потом это дерево выдернуть с корнями и сжечь вместе с казненным. Даже имя знаменитого персидского поэта Джамии было приказано переправлять на Хами (выскоблить точку под буквой джим и поставить ее наверху), вследствие этого имя поэта приобретало значение «недопеченность», «незрелость». Памятник поэту на могиле, богато отделанный, с пышной декорацией из деревьев, зелени посреди большого двора, который был оформлен Алишером Навои, шах Исмаил приказал разрушить до основания. В тот же день в соборной мечети Герата на торжественной общественной молитве была прочитана хутба на имя шаха Исмаила с шиитской религиозной формулой и с упоминанием двенадцати шиитских имамов.

Шах провел зиму в Герате, назначив на высшие посты правителя города, судьи и т. д. своих ставленников, за это время им были приняты выражения покорности от многих соседних правителей. Среди последних были и темуридские принцы: Увейс-мирза и Мухаммед-Яр-мирза, внуки Абу-Саид-мирзы. Первый, известный под именем Хан-мирзы, был правителем Бадахшана. Они были особенно ласково приняты шахом, причем, Ханмирза

получил от шаха грамоту на управление не только Бадахшаном, но и Гисаром.

Торжественно отпраздновав в столице Хорасана Навруз, шах Исмаил весной 1511 г. выступил с войсками из Герата, предполагая начать поход в Заамударьинские области. Когда шахские войска дошли до Меймене и Фарьяба, то, узнав об этом, наиболее энергичные и волевые представители ханского дома – сын Шейбани-хана, Мухаммед-Тимур-султан, племянник Шейбани, Убайдулла-султан, и примкнувшие к ним некоторые другие узбекские султаны – решили выразить шаху покорность, послать ему подарки, ибо они полагали, что как только шах перейдет Амударью, то узбекам уже никогда не придется больше жить в Мавераннахре. По-видимому, чтобы письмо и подарки были шахом благосклонно восприняты, действовали через Махмуда Согарджи, бывшего визиря Шейбани-хана, ставшего сановником шаха. В целях сохранения выгодных пунктов заключаемого с узбеками договора Махмуд Согарджи, испросив разрешения шаха, отправился с узбекскими послами в Мавераннахр. Там Махмуду был оказан торжественный прием, во время которого Мухаммед-Тимур-султан и Убайдулла-султан торжественно поклялись во всем повиноваться шаху, если шах предоставит им области по правую сторону Амударьи. Бывший визирь обнадежил узбекских султанов в милостивом к ним отношении шаха Исмаила. Последний согласился на просьбу узбеков, и мир был заключен при условии, что все районы по левому берегу Амударьи отходят Ирану.

Здесь следует обратиться к событиям, происшедшим после поражения и гибели Шейбани-хана. Когда Шейбани-хан, направляясь форсированным маршем в Мерв, послал гонцов в Мавераннахр, требуя от своих феодалов, узбекских султанов, спешно направить ему подкрепление, то, естественно, при столь огромных расстояниях и единственно быстрой передаче вестей верховыми нарочными, не все султаны получили одновременно приказ своего сюзерена – хана. Те, которые правили далеко на севере, в Туркестане, получили его позже всех. К числу таких принадлежал дядя Шейбани-хана, Суюнчи-Ходжа-хан, имевший своим уделом Ташкент. Со значительным войском он переправился через Сырдарью, намереваясь идти на помощь Шейбани-хану к Мерву. Брат Суюнчи-Ходжи Кучкунджи-хан (иначе Кучум-хан) задержался в своем уделе, в Туркестане, опасаясь нападения энергичного казахского Касым-хана. На подступах к Самарканду Суюнчи-Ходжа получил потрясшее его известие, что Шейбани-хан, не дожидаясь подхода узбекских султанов, с войсками вышел из Мерва против шаха, потерпел поражение и погиб в бою. Самаркандская знать, по-видимому несколько ранее узнавшая о катастрофе под Мервом, услышав о приближении Суюнчи-Ходжи, поспешила выехать к нему навстречу и ввести его в город. В соборной мечети Амира Темура была прочитана хутба и выбита монета с именем Суюнчи-Ходжи-хана. Последний расположился в цитадели города, во дворце Ак-Сарае, где ему принесли свои поздравления узбекские султаны, беки, знатные самаркандцы. По погибшему Шейбани-хану был объявлен траур.

Столь спешное провозглашение ханом Суюнчи-Ходжи было вызвано чрезвычайными обстоятельствами. Когда узбекские султаны узнали о прибытии Суюнчи-Ходжи в Самарканд, они поспешили выразить ему свое почтение. Тем временем стало известно, что покинувшие войско Шейбани-хана моголы овладели некоторыми районами Бадахшана и, опираясь на них, против узбеков выступил наместник Бадахшана – темурид Хан-мирза, который призывал примкнуть к нему и другого темурида, Бабура, дабы тот избавил Мавераннахр от господства узбеков. «И мысли узбекских султанов в силу древней Ясы склонялись к тому, чтобы предоставить ханский престол Кучум-хану как старейшему из ханского дома, но поскольку он был занят отражением нападения войск Касым-хана, отсрочка же избрания хана явилась бы причиной дальнейших несчастий, то в соборной сахибкыранской мечети (т. е. мечети Биби-Ханум), перед совершением пятничной молитвы, узбекские султаны и правители сошлись на том, чтобы быть в ханском достоинстве Суюнчи-Ходжи-хану. И в месяцы 917 г. хиджры (март 1511 г. – март 1512 г.) украсили хутбу и чекан монеты его августейшим именем и титулом. После пятничной молитвы его величество, прибыв в Ак-Сарай, осчастливил царский трон своим благополучным

восшествием на него» – так описывает эти события современник.

Утвердившись на престоле, Суюнчи-Ходжа-хан раздал области государства отдельным принцам своего рода. Так, Гисар он отдал в совместное владение своим сыновьям Хамзе-султану и Мехди-султану, Фергану – Джаныбек-султану, Бухара была по-прежнему сохранена за Убайдулла-султаном, как и Туркестан за Кучум-ханом и его сыновьями, Кеш (Шахрисабз), Нахшеб (Карши), Хузар и Дербенд с их районами до берегов Амударьи были отданы во владение сына Шейбани-хана Тимур-султана.

В это время над Мавераннахром нависла реальная угроза вторжения войск шаха Исмаила. Разумеется, первой жертвой стали бы владения Тимур-султана. Здравое оценив ситуацию, последний вступил с шахом в мирные переговоры. С этой целью правитель Ирана направил к Тимур-султану своих представителей, и тот «воспользовался удобным случаем и, неосторожно преклонив ухо к басням и лести персов, растворил ворота общения с ними». Очевидно, у Тимура-султана была надежда, что за ним последуют все узбекские султаны и ханы. Для правомерности заключения мирного договора необходима была санкция верховного главы узбеков. Но когда к Суюнчи-Ходже-хану прибыли персидские послы с богатыми подарками и с мирным договором, заключенным с Тимуром-султаном, хан вознегодовал: «Приличествует ли нам мириться с таким человеком, на котором лежит наша месть за кровь убитого им нашего вождя – родича и который к тому же враг веры?!» Униженные послы были выдворены за пределы Самарканда, а Тимуру-султану был послан ультиматум, дабы «он без битвы и без острой сабли не стремился прекращать сношений с персами». Возникла явная неприязнь между Суюнчи-Ходжи-ханом и Тимуром-султаном. Внутренние враги шейбанидов, но до этого времени старательно служившие узбекским ханам, ведя междоусобную распрю, переметнулись на сторону Бабура.

Неудачный исход мирных переговоров с Тимуром-султаном весьма расстроил шаха Исмаила, посему последний стал действовать иначе. Он вступал в контакт с правителем Бадахшана Увейс-мирзой, призывая его к выступлению против узбеков, разумеется, свою помощь шах гарантировал. Этот призыв был в унисон с устремлениями Увейс-мирзы, который немедленно мобилизовал все свои силы и выступил в Кундуз. Правитель Кундуза бежал в Гисар. Обстановка благоприятствовала, и тогда Увейс-мирза послал Бабуру письмо с предложением присоединиться к его армии, потому как настал момент отвоевать наследственные земли Бабура. В свою очередь Бабур, несмотря на зимнюю пору, как можно скорее выступил в поход на Мавераннахр. Его войска достигли Кундуза в январе 1512 г., где Бабура с большим почетом встретил Увейсмирза.

Вскоре в крепость от шаха Исмаила прибыла миссия в сопровождении сестры Бабура, Ханзадэ-бегим. Кстати, ранее, когда Шейбани-хан предпринял осаду Бабура в Самарканде, Бабур за «выкуп своей жизни» отдал хану свою сестру, принцессу. Ханзадэ-бегим попала в гарем Шейбани-хана и родила ему сына Хуррам-шах-султана, которому отец пожаловал Балхскую область. При этом Шейбани-хан всегда был преисполнен недоверия к своей жене и спустя некоторое время предоставил ей развод. Впоследствии она попала ко двору шаха Исмаила, где пользовалась неизменным почтением. Что касается сына, то он умер через год или два после гибели Шейбани-хана.

Так вот, через Ханзадэ-бегим шах предлагал Бабуру начать военные действия против узбеков, обещая при этом свою помощь. Безусловно, это предприятие было в интересах Бабура. В благодарность за такое отношение Бабур отправил шаху ценные сувениры, изготовленные в Индии и Мавераннахре, а также послание с выражением искренней готовности стать шиитом и провозгласить шиизм государственной религией в своих владениях. Шах не преминул оперативно направить Бабуру персидские военные силы.

Любопытно, что источники предлагают две версии контакта Бабура и шаха Исмаила, т. е. двояко трактуют поведение Бабура в сложившейся ситуации.

Согласно первой версии, неверный политический шаг, погубивший все начинания Бабура в деле освобождения Мавераннахра от узбеков – признание себя перед шахом шиитом и обещание ввести шиизм как господствующую религию в Мавераннахре, а через

это, естественно, стать вассалом шаха Исмаила, – был вызван тем, что он имел малочисленные войска. Бабур располагал лишь ничтожным отрядом своих чагатайцев и войсками вероломных моголов, которые, в частности, под Самаркандом были его союзниками, но, видя, что перевес в битве Бабура с Шейбани-ханом произошел в сторону последнего, бросились грабить и убивать воинов Бабура. Кавалерийские же отряды моголов, имевшиеся в армии Шейбани-хана, после его гибели бросили узбеков и, уйдя на восток, подошли к Кундузу, где вступили в армию темурида Увейс-мирзы. Насколько ненадежны были моголы, демонстрирует и тот факт, что когда Бабур был еще в Кундузе, то некоторые из наиболее влиятельных могольских вождей предложили его лучшему другу, двоюродному брату Султан-Саид-хану, устранить Бабура, поскольку в лагере находилось около 20 тыс. монголов, а чагатайцев менее 5 тыс., поэтому заменить Бабура на Султан-Саид-хана не представляло особых проблем. Последний отверг это вероломное предложение и, видя, что надежда на верность моголов ничтожна, что они не преминут при случае перейти во враждебный лагерь и что сам он, как могол, может оказаться в очень неприятном положении, попросил одного из наиболее приближенных к Бабуру эмиров дипломатично доложить последнему, что «поскольку со дня на день увеличивается счастье и благополучие государя и все народы обращают свои взоры на черты убежища мира, особенно моголы, выделяющиеся из большинства народов своим могуществом, численностью и силою, а их эмир из числа прочих особенно возвеличен и всегда энергично выступает, то теперь он, Султан-Саид-хан, просит Бабура старое с ним единение превратить в новосозданную разлуку.

И если бы его отправили куда-либо с тем, чтобы узы любви между ними оставались все такими же крепкими, то это будет более подходящим для благополучия обеих сторон». Бабур отложил разрешение этой просьбы до другого времени.

По другой версии дело обстояло так: блестящие успехи первого представителя династии Сефевидов в его борьбе с узбеками окрылили всех, кто не мог примириться с завоеванием кочевниками культурного государства темуридов. Первым поднялся против узбеков Бабур, после потери Самарканда упрочившийся в области Кабула. После занятия шахом Исмаилом Герата он обратился с просьбой к шаху сообщить ему, не будет ли шах противодействовать его попытке отвоевать у узбеков свои наследственные владения. Шах ответил, что на все, отвоеванное им, Бабуром, он будет иметь неоспоримое право. В 1511–1512 гг. Бабур выступил в поход в направлении Бадах-шана, где к нему присоединился Увейс-мирза.

Как бы то ни было, Бабур желал еще раз попытаться освободить Мавераннахр от власти узбеков.

Итак, шах Исмаил направил Бабуру персидские боевые отряды. Располагая теперь достаточно сильной армией, Бабур решил вести войска на Гисар. Тогда же он получил из Андижана письмо от своего дяди Саид-Мухаммед-мирзы, в котором тот писал: «При счастливым посредничестве Вашего Величества Фергана освобождена от узбеков и опять введена в Ваши владения, посему – какие последуют Ваши указания, чтобы я их мог выполнить?» Безусловно, для Бабура весть об освобождении от узбеков Ферганы была радостной.

В конце зимы войска Бабура с воинами шаха Исмаила переправились через Амударью и двинулись в направлении Гисара. Местное население, узнав о выступлении Бабура, с восторгом встретило это известие, «так как жители Мавераннахра, конечно, питали к темуридам искреннюю любовь. Чагатаи, моголы, жившие в узбекских улусах, подняли всеобщее восстание, простолюдины присоединились к Бабуру».

Узбекские ханы, ввиду создавшейся крайне неблагоприятной обстановки, собрались в Самарканде для принятия решения. Свои действия они скоординировали следующим образом: правители Гисара, Хамза и Мехди-султаны, сыновья Суюнчи-Ходжи-хана, Тимур-султан, сын Шейбани-хана и другие пограничные правители-султаны, должны были выступить со своими объединенными силами и дать отпор чагатаям; Убайдулла-хан, «по своему авторитету полномочный устранять и назначать султанов», укрывшись в крепости

Карши, должен был воспрепятствовать продвижению шахских вспомогательных войск; Джаныбек-султан и Кучкунджи-хан (Кучум-хан) – выступить походом на Андижан, дабы не допустить потери всей Ферганы. Суюнчи-Ходжа-хан должен был оставаться в Самарканде, чтобы в случае необходимости посылать оттуда требуемую военную подмогу. Словом, все у узбеков пришло в движение, все объединились перед лицом грозной опасности, все стремились проявить энергию для защиты и спасения доставшихся им областей Мавераннахра.

Армия Бабура тем временем дошла до Каменного моста на реке Вахш. Соединенные силы узбекских ханов, узнав об этом, вышли из Гисара, переправились через реку ниже Каменного моста, чтобы отрезать дальнейшее продвижение противника на Гисар. Но Бабур опередил их. Когда утром караульные дозоры донесли Бабуру о подходе узбекских сил, он сел на коня и вместе со своими эмирами и войском занял возвышенность у входа в ущелье. Отсюда в направлении неприятеля кроме узкой тропинки никакой другой дороги не было. Справа от этой возвышенности находилась другая, похожая на первую, на которую тоже вела единственная дорога – их разделял глубокий обрыв. Узбекские военачальники, решив взять вторую высоту, занялись построением воинских рядов в боевой порядок, Тимур-султан с отрядом в 10 тыс. человек двинулся на взятие высоты. Бабур, разгадав его маневр, направил против него Мирзу-хана с отрядом наиболее испытанных бойцов, к которому потом были присоединены воины бывшего с ним двенадцатилетнего Мирзы-Хайдара, его двоюродного брата. Начало битвы было нерешительным, с переломным успехом обеих сторон.

Вот как описывал в своих мемуарах Мирза-Хайдар эту битву: «В этой схватке, в отступлениях и нападениях, мои воины захватили одного узбека и привели его к государю. Тот счел это за хорошее предзнаменование и сказал: „Пусть запишут этого первого пленного за Мирзой-Хайдаром“. На левом фланге протекал бой в наступлениях и отступлениях до следующего дня. На стороне же, где был государь, никакого боя не было, потому что дорога там была узкая и с обеих сторон не легко было подойти. Около полудня отряд, бывший перед государем, спешил и сошел вниз. Когда настал вечер, то оказалось, что неприятелю сойти с коней и расположиться на отдых было невозможно из-за отсутствия воды, так как ближайшая вода была в расстоянии одного фарсанга. С намерением провести ночь подле воды, узбеки повернули лошадей вспять. Тогда сошедший вниз отряд Бабура вскочил на лошадей и, понукая их, бросился вслед за узбеками, уходившими вместе с Хамзой-султаном. Тогда и те узбекские силы, которые противостояли Мирзе-хану, увидав, что Хамза-султан, бывший их злым демоном, повернул назад, тоже бросились назад.

Да и когда они стояли лицом к лицу с Мирза-ханом, ни у кого из них не было стремления сражаться. Когда неприятели повернули коней обратно, противостоявшие им части Мирзы-хана бросились на узбеков в атаку и те сразу обратились в бегство. Когда же они увидели демона того войска, обращенного отрядом султана Бабура в бегство, то они тоже выпустили из рук поводья самообладания. И когда произошло это поражение узбекского войска, было время вечерней молитвы. Хамза-султан, Муталиб-султан и Мамак-султан были взяты в плен и доставлены к счастливому стремени падишаха. И государь им сделал то, что сделал Шейбак (т. е. Шейбани-хан) монгольским ханам и чагатайским султанам. Всю ночь до утра продолжалось преследование неприятелей, как и следующий день до ночи. Гнали их до границ Железных ворот».

Результаты этой победы были самые благоприятные для Бабура. Народ в своем стремлении изгнать узбеков с территории Мавераннахра был един с Бабуром.

Тимур-султан с остатками войска бежал в Самарканд, где соединился с армией Суюнчи-Ходжи-хана. Дорога на Гисар была открыта.

Что касается шаха Исмаила, то он не заставил себя ждать и вновь прислал помощь «в виде полков из представителей всех племен мира». Общая численность армии Бабура достигла 60 тыс. человек.

Итак, Бабур прошел через Гисар и достиг Карши, где со своим войском находился

Убайдулла-султан. Крепость была отлично укреплена и, естественно, осада ее могла продлиться довольно долго. Посему Бабур решил идти прямо на Бухару, которую, по данным разведки, не охраняли войска узбеков.

Как только армия Бабура покинула окрестности Карши, Убайдулла-султан оставил Карши и направил свои войска в Бухару. Информация об этом скоро стала известна Бабуру, и он немедленно послал преследовать Убайдулла десятитысячный отряд под командованием Мирзы-хана. Убайдулла-султан, видя крайне враждебное отношение мавераннахрцев к узбекам и осознавая возможность нежелательных боев с преследовавшими отрядами Бабура, счел рискованным направлять войска в Бухару и свернул степной дорогой на Туркестан.

На тот момент фактическим правителем Узбекского государства был Убайдулла-султан, поэтому бывшие в Самарканде Суюнчи-Ходжи-хан и Тимур-султан покинули город и последовали за Убайдуллой.

Осуществляя часть плана отражения натиска войск Бабура, Кучкунджи-хан и Джаныбек-султан со своими войсками вступили в Фергану. Ставленник Бабура в Фергане Султан-Саид-хан не успел что-либо предпринять для укрепления своего региона, и известие о приближении узбекских войск к Андижану застало его врасплох. Собрав на совет эмиров, Саид-хан решил незамедлительно дать отпор противнику. Для этого он избрал самую мощную из ферганских крепостей, Касан, куда направил двух эмиров для подготовки оборонительных сооружений. Едва эти мероприятия были закончены, узбекские войска подошли к стенам Касана и взяли крепость в тесное кольцо осады. Саид-хан, получив об этом известие, направил войска на подмогу своим эмирам.

Незадолго до этих событий кашгарский хан Аба-Бекр-мирза успел захватить районы, лежащие восточнее Андижана, – Ош, Узген и др. Поэтому, когда Бекр-мирза узнал об осаде Касана, он, прихватив катапульты и другие осадные машины, двинулся на Андижан. Как свидетельствуют исторические хроники, Саид-мирза, услышав о подходе кашгарцев, был крайне этим обстоятельством обеспокоен.

Тем временем узбекские войска, осаждавшие Касан, пробили бреши в его стенах и, подставив к стенам лестницы, бросились штурмовать город с такой яростью, что его защитники были не в состоянии отразить этот штурм. Ночью часть гарнизона тайно покинула крепость. Штурмовавшие город узбеки, не предполагавшие такого шага со стороны противника, бросились преследовать уходивших моголов. Но так как те ушли уже далеко, то узбеки вернулись и перебили всех оставшихся в Касане. Бежавший из крепости гарнизон присоединился к войскам, посланным Саид-ханом на выручку Касана и находившимся в прилегающих к Касану горах. Это воинское соединение направилось в Андижан. Недалеко от города они натолкнулись на расположившееся здесь войско Аба-Бекр-мирзы, которое готовилось к общему штурму города, намечавшемуся на следующий день. Подошедшие со стороны Касана отряды не знали о нахождении здесь кашгарцев. Султан-Саид-хан тем временем рискнул дать бой кашгарцам у стен Андижана и, выйдя из города с гарнизоном, вступил с ними в бой и выиграл его. Однако андижанское население упростило Султан-Саид-хана пощадить кашгарцев во избежание их последующей мести. Он пощадил около трех тысяч человек.

Узбекские вожди, ведущие кампанию в Фергане, Кучкунджи-хан и Джаныбек-султан получили неожиданное известие о поражении и гибели Хамзы-султана, Мехди-султана и других узбекских султанов и о победоносном движении Бабура с его союзниками в глубь Мавераннахра. По-видимому, опасения быть отрезанными от прочих узбекских сил и факт прочного утверждения Султан-Саид-хана в Андижане побудили их немедленно оставить Фергану и спешно удалиться в Туркестан.

Что касается Бабура, то он, беспрепятственно преодолев путь до Бухары, вступил во вторую столицу Мавераннахра. В благодарность шаху Исмаилу Бабур устроил пиры в честь персидского воинского корпуса. Очевидно, поражение узбеков, общее народное восстание населения против них и бегство кочевников в Туркестан вскружило голову молодому победителю, и он предался увеселениям. Хроники того времени отмечают, что «Бабур-мирза

хотя и занял значительную часть Мавераннахра, но по беспечности и легкомыслию он сам и его войско только и делали, что занимались веселым времяпровождением и всякими излишествами чувственного порядка. Не считая для себя греховным делом питье вина, Бабур-мирза, повторяя: „Я завоевал эти области!“ – занялся пьянством и не только он со своими беками и свитскими, но и все его рядовые военные, предаваясь удовольствиям и безделью, избрали своим девизом бесстыдные повадки Лотова народа». Тем не менее, Бабур решил выступить походом на Самарканд, имея при себе армию свыше 70 тыс. кавалерии состоявшую из чагатайцев, моголов, туркменов, бадахшанцев и др. Очевидец, сопровождавший Бабура в этой кампании, так описывает шествие армии по городам Мавераннахра: «Население городов Мавераннахра из числа, как великих людей, так и простонародья, – все они стали радостными и счастливыми от прибытия в страну государя. Когда же Бабур достиг окрестностей Самарканда, то все население, великие люди, ученые, ремесленники и весь простой народ с невозможной быстротой выступили ему навстречу и с восторгом приветствовали его прибытие. В городе с не меньшим подъемом готовились к торжественной встрече победителя над жестокими кочевниками: все ряды огромных базаров древнего города, все лавки и улицы на его пути украсили дорогими шелковыми тканями и парчой, развесили портреты Бабура». В начале октября 1511 г. Бабур «въехал в город с таким величием и пышностью, какие человеческий глаз никогда не видел, и в таком убранстве, о котором ничье ухо не слышало. Ангелы и херувимы встречали его восклицаниями: „Войдите с миром и безопасностью!“ А народ приветствовал его славословием: „Хвала Аллаху, господу миров!“» Однако блюстителям строго суннитского правоверия, духовенству и шейхам, несомненно, претила мысль, что Бабур может связать себя союзом с шиитами. Безусловно, это настроение передавалось народу и те, в свою очередь, надеялись, что такой противоестественный союз – явление временное, вызванное чрезвычайными обстоятельствами борьбы с поработителями-узбеками, что как только цель будет достигнута и иго кочевников будет сброшено, то всякая связь с «нечистыми шиитами» прервется.

Мирза-Хайдар, двоюродный брат Бабура, с почтением описывающий его деяния в своих мемуарах, в вопросе о связи султана с шиитами занимал непримиримую позицию: «Население просило Аллаха и надеялось, что раз по необходимости пришлось переодеться в одежду кызылбашей, то как только совершится восшествие государя на престол Самарканда, укрепленный пророческим шариатом, и он возложит на голову венец сунны Избранного (т. е. Мухаммеда), то государь, сбросив с головы шахскую корону, особенностью которой является ересь, а внешней формой – ослиный уд, отправит ее в задницу шиитской партии, поскольку последняя увенчала себя ею по своей ослиной природе».

Но как велико было разочарование самаркандцев, когда в ближайшую пятницу в соборной мечети столицы была прочитана хутба с провозглашением Бабура падишахом, но с упоминанием двенадцати шиитских имамов и с провозглашением титулов шаха Исмаила I. Пошли толки и пересуды совершенно не в пользу Бабура. Ко всему этому приходилось сносить высокомерие и грубость персов, союзников нынешнего падишаха. Никто и думать не мог, что столь желанный государь мог стать шиитом и клеветом шаха Исмаила. Отсюда, пожалуй, недалеко до того, что шиитская ересь будет объявлена венценосным сюзереном Бабура господствующей религией и начнется такое же жестокое преследование правоверных суннитов, какое столь недавно было в Иране, о чем осведомили население Мавераннахра многочисленные эмигранты-сунниты, спасавшиеся здесь от яркого фанатизма шиитов. С другой стороны, по-видимому, беспечность и более чем легкомысленный образ жизни почившего на лаврах Бабура также не вызывали восторгов населения.

Не последнюю роль играло и то обстоятельство, что в Самарканде в это время находились люди, сожалеющие о времени правления узбеков и предпочитающие их возвращение установлению власти Бабура в союзе с шиитами. Кстати, к таким людям относился и Рузбехан, оставшийся в Самарканде: «Мечети ислама, бывшие убежищем молитв правоверных суннитов, они (шииты) превратили в объекты распространения мерзостей отрицания правоверия и гадостей, чем в места молитвенных обрядов и покорности

Аллаху. И если, – не дай бог! – разгорится искра огня их соблазна и упрочится их неустойчивое господство в этих областях, то близко будет к тому, что от проявлений истинной веры не останется никакого следа, а от ислама – ни одной с ним страны».

Таким образом, народ Мавераннахра быстро разочаровался в правлении Бабура и, прежде всего, через его союз с шахом Исмаилом и близкой перспективой подчинения Ирану. И знать и народ сошлись на том, что лучше быть под властью узбеков, чем кызыл-башей. Поэтому в Туркестан к узбекам были направлены просьбы о скорейшем их прибытии в Самарканд для освобождения от пришельцев. Народ обещал немедленно восстать против Бабура и его союзников и изгнать их из города, как только узбекские знамена покажутся в окрестностях города, и передать столицу узбекам.

Что касается узбеков, то это была не самая лучшая для них пора. Узбекские ханы, ушедшие в степи Дешт-и-Кыпчака, прилегавшие к Туркестану, еще столь недавно чувствовавшие себя полными хозяевами в обширных владениях темуридов, – пребывали в крайне удрученном состоянии. Безусловно, они переживали и гибель своего верховного главы Шейбани-хана, который так лихо покорил земли темуридов, и захват Бабуром и его союзниками этих богатых областей. Перед узбеками стояла дилемма – уходить ли дальше в степи Дешт-и-Кыпчака или, мобилизовав все силы, выступить в поход на Мавераннахр и отвоевать его у Бабура.

Среди узбекских султанов, каждый из которых со своим личным войском и своим племенем жил в одной из крепостей с прилегающим к ней степным районом, выделялся наиболее энергичный и решительный – племянник Шейбани-хана Убайдулла-султан. Он со своим войском размещался в крепости Аркук, на левом берегу Сырдарьи. Согласно записям его современников, Убайдулла не покидала мысль отвоевать у Бабура и его союзников персов богатейшие земли Мавераннахра. Но, по всей очевидности, он был неплохим психологом, потому как сомневался, встанут ли под его знамена соплеменники, поскольку они страшились многочисленной армии Бабура и войск шаха Исмаила I. Как видно, свежа была в памяти узбеков потрясающая победа персов над «отцом побед» Шейбани-ханом.

Тем не менее, движимый религиозным чувством, Убайдулла переправился через Сырдарью и пошел к мазару среднеазиатского мистика XI в. Ахмеда Ясави, где совершил поклонение его гробнице. После чего он созвал на совет наиболее уважаемых старейшин рода, где, по свидетельству источника, он сказал: «Каждому из моих дядей и близких родственников, который согласится с таким моим дерзанием и пожелает выступить на путь „священной войны“ с красношапочниками, я выкажу в этом предприятии беспрекословное подчинение, склоню свою голову перед вручением ему главного командования над армией и, как простой солдат, буду разить врагов своим мечом в рядах его воинов». Однако никто из присутствовавших на этом совещании узбекских ханов и султанов, «несмотря на наличие у них вооружения и воинского снаряжения», не выказал ни малейшего желания выступить в этот поход. Они не только не согласились с предложением Убайдуллы-султана, но с крайним удивлением восприняли его слова. Быть может, здесь проявился традиционный обычай тюрков – подчинение лишь старейшему роду. Так или иначе, но надеяться в этом предприятии на помощь своих соплеменников Убайдулле не приходилось.

Тогда он, не отказываясь от своих замыслов, в апреле 1512 г. вновь посещает гробницу Ахмеда Ясави и в жаркой молитве просит помощи у Всевышнего. Уповая на Аллаха, Убайдулла принял решение идти на Бухару. Рузбехан приводит его эмоциональную речь перед своими единомышленниками, вкладывая в его уста не то слова своего сочинения, не то приукрашивая своим красноречием действительно произнесенную вождем узбеков речь: «...предпочтем же теперь нашей жалкой жизни, пока есть еще сила в наших душах и крепость в нашем теле, – мужественное и храброе нападение на врагов веры, завладевших нашим государством и достоянием, чтобы войти нам в память народа овеянными легендой о необычайной нашей неустрашимости и мужестве...» Одним словом, у Убайдуллы образовался пятитысячный отряд кавалерии из испытанных бойцов и военачальников, служивших ему и его отцу Махмуд-султану.

С этим отрядом в апреле–мае 1512 г. Убайдулла-султан выступил в поход дорогой на Терт-Куй. Через несколько дней он достиг Гидждувана, где совершил поклонение гробнице бухарского суфия, прося у него помощи в своем предприятии. Отсюда Убайдулла направился к Бухаре. Правитель Бухары, ставленник Бабура, укрепился за городскими стенами. Когда известие о продвижении узбеков дошло до Самарканда и разведчики выяснили, что узбекские силы крайне незначительны, и что они подошли к Бухаре с целью простого набега и посему их крайне легко захватить, султан Бабур немедленно отдал приказ о сборе всех своих войск. В короткий срок почти 50 тыс. всадников в полном боевом вооружении, состоявших из персов, чагатайцев, моголов и бадахшанцев, собрались под знаменами Бабура и последний, в полной уверенности в легком разгроме горстки узбеков своими превосходными силами, выступил из Самарканда. Он был уверен, что едва узбекам станет известно о движении большой армии, то они обратятся в бегство. Бабур продвигался очень быстро, очевидно, стремясь как можно скорее настичь неприятеля. Узнав о выступлении Бабура, Убайдулла отошел от Бухары и направился в Хайрабад. Правитель Бухары, наблюдая отступление узбеков, решил, что они обратились в бегство, и послал донесение Бабуру, советуя ему как можно скорее двигаться, иначе узбеки, чего доброго, смогут уйти через Хорезмскую степь (т. е. через КызылКумы) и скрыться в своих степях, тем самым избегнув своего неминуемого истребления. Это сообщение побудило султана Бабура ускорить марш и на берегах озера Кул-и-Малик, в Хайрабаде, он настиг отряд Убайдуллы-султана. К этому моменту у Убайдуллы было не более пяти тысяч всадников. С ними он мужественно встретил неприятеля. Когда армия Бабура увидела ничтожный узбекский отряд, она предприняла маневр окружить узбеков со всех сторон и не дать им вырваться из этого кольца. Все были в полной уверенности, что узбекам не удастся избежать поголовного истребления. Узбеки же, видя намерение врагов окружить их, разделились на три части. Первая из них, под командованием эмира Шуджауддин-Уруса, бросилась в центр армии Бабура, смешалась и, пробившись в тыл, ударила по неприятелю. В ожесточенном бою в ряды армии чагатаев была внесена сумятица. Этим воспользовался второй отряд войск Убайдуллы: он бросился на фланг Бабура, зашел в тыл чагатаям и произвел жаркую сечу, уничтожив множество неприятелей. В конце концов, все кончилось для султана Бабура катастрофой, полным поражением его армии, которая обратилась в беспорядочное бегство. Бабур бежал в Бухару и, достигнув ночью столицы, переночевал там, а рано утром на быстроходном сильном верблюде направился в Самарканд. Там он оставался не более одного дня и, забрав свою семью и домочадцев, бежал в Гисар. Таким образом, Бабур процарствовал в Самарканде шесть месяцев. Что касается Убайдуллы, то на другой день после победы над чагатаями и их союзниками он вступил в Бухару, «восстановил правоверие и уничтожил следы шиизма».

Трудно сказать, каковы были причины столь необычайного факта полного разгрома малочисленным отрядом узбеков армии в десять раз превышавшей численностью своего противника, причем, ни у той, ни у другой стороны не было огнестрельного оружия и орудий, сражались в конном строю только холодным оружием. Возможно, в этом было повинно командование Бабура, сыграл ли в этом деле какую-нибудь роль своеобразный прием узбеков вести бой, который был памятен Бабуру, когда на берегах Зерафшана он потерпел поражение от Шейбани-хана, или же армия Бабура в силу своей разнородности и, что естественно в этой ситуации, отсутствия единства, была в военном отношении не на уровне? Источники того времени умалчивают о причинах такого беспримерного поражения Бабура. Может быть, определенную роль в этом сыграли вероломные и нестойкие в бою моголы, с которыми судьбе суждено было связать Бабура, к тому же, соплеменников Бабура, тюрков-чагатайцев, было в его войске небольшое количество. Можно лишь догадываться в какой мере сунниты-моголы, чагатаи и бадахшанцы поддерживали в бою союзников Бабура, ненавистную персидскую армию шаха Исмаила, возможно, им предпочтительнее было видеть рядом с собой узбеков, нежели персов? Очевидно, совокупность этих причин и была результатом поражения Бабура.

Если же факт разгрома армии и бегства Бабура из Самарканда рассматривать в контексте мировой истории, то это трагическое событие для темуридов нам представляется знаменательным и даже благим, поскольку без него не было бы создано Бабуром на территории Индии Империи Великих Моголов, вошедшей в анналы истории.

Однако вернемся к непримиримым противникам Бабура – узбекам. Как только весть о поражении Бабура достигла пределов Бухары, именитые жители столицы, посоветовавшись, поспешили выступить навстречу победителю, Убайдулле-султану, с дарами. Убайдулла, пребывавший в милостивом настроении, не попомнил им неискренности и предательства, не раз проявлявшихся бухарцами по отношению к узбекам, и посему не стал мстить населению города. Он ненадолго расположился в городе, так как вскоре получил приятное известие о том, что Бабур покинул Самарканд и отбыл в Гисар, и потому Убайдулла незамедлительно направил свои войска в столицу Мавераннахра. Знатные самаркандцы, взвесив все «за» и «против», решили упредить действия Убайдуллы, направив ему петицию с приглашением, где, кстати, в самых изысканных выражениях извинялись и за свои неблагоприятные деяния по отношению к узбекам в прошлом.

Когда Убайдулла подъехал к городу, то вся знать столицы выехала ему навстречу с богатыми подношениями. Кроме того, они стали просить Убайдуллу прочитать в мечети молитву во славу и отчеканить монету с его именем, как государя Мавераннахра. И хотя это претило древнему узбекскому обычаю – не обходить старшего в роде, – однако, принимая во внимание ситуацию момента и в связи с отсутствием в это время старейших членов дома Шейбана, Убайдулла-султан согласился на просьбу самаркандской знати и в ближайшую пятницу в соборной мечети Самарканда была прочитана хутба с именем государя Убайдуллы-хана и выбита монета с его именем и титулами. Узнав об этом, узбекские ханы и султаны поспешили в Самарканд, дабы собрать совет, на котором определить законность восшествия Убайдуллы на ханский трон. Последний вынужден был признать, что получение им титула хана, владыки Мавераннахра, противоречит принципам чингисхановской Ясы.

Однако Суюнчи-Ходжа-хан, старейший из дома Шейбана, бывший наместник Ташкента и находившийся в добрых отношениях с ташкентским населением, отказался от верховной власти и просил оставить за ним Ташкент и его область. Посему ханом Мавераннахра и, соответственно, главой всех узбеков, был провозглашен брат Суюнчи-Ходжи-хана, старый Кучкунджи-хан. В силу его почтенного возраста этот титул в лице Кучкунджи был номинальным. Реальная власть находилась в руках Убайдуллы-хана (он стал так именоваться со времени разгрома армии Бабура). И первым делом он санкционировал закрепление уделов за феодалными узбекскими султанами. Тогда же узбекской верхушкой был разработан план совместных действий против их общего врага, т. к. всем было ясно, что Бабур и его союзники так просто не сдадут своих позиций. Поэтому Гидждуван спешно начал укреплять Джа ныбек-султан; Убайдулла-хан поджидал противника в Бухаре; Суюнчи-Ходже-хану было поручено освобождение Ферганы, а Кучкунджи-хану – укрепление Самарканда.

Как же Иран среагировал на разгром армии Бабура? В это время виднейшую роль при дворе шаха Исмаила I играл эмир Наджми-Сани. Он был известен как человек, имеющий большой опыт руководства как в делах государственных, так и в военных, но самое главное то, что эмир пользовался полным доверием шаха, который наделил его полномочиями от своего имени вершить самые важные дела в государстве. Разумеется, Наджми-Сани пребывал в роскоши: его личный конвой состоял почти из 5 тыс. человек в полном боевом снаряжении, богатство же его было колоссальным. Так вот, весть о поражении Бабура обеспокоила персидского сановника. По-видимому, опасаясь, прежде всего, вторжения узбеков в Хорасан, Наджми-Сани выступил с войском 10–13 тыс. человек. По прибытии в Хорасан, он был встречен с почестями наместником Герата и собравшимися по этому случаю сановниками всего Хорасана. Эмир не остался в долгу и всех присутствующих щедро одарил. Особо не задерживаясь в Хорасане, эмир Наджми-Сани через Джам направился к Мургабу, а оттуда в Балх, где его кортеж был встречен балхским наместником, который дал

в честь полномочного шахского представителя пир. Эмир Наджми-Сани, находясь в Балхе около двадцати дней, направил к Амударье отряд для подготовки у Термеза переправы для перевозки армии через реку. Тогда же Наджми отправил к султану Бабуру в Гисар посланника со словами одобрения и надежды на бесконечное к нему, Бабуру, благоволение шаха Исмаила и чтобы Бабур со своими военными силами присоединился к армии Наджми-Сани, когда она переправится через Амударью. В сентябре–октябре 1512 г. шахские войска, численностью в 60 тыс. кавалерии, переправились на другой берег реки и не успели они еще двинуться от Термеза, как пришло известие о приближении кортежа Бабура. Эмир Наджми поспешил выехать ему навстречу со своими эмирами и небольшим отборным конвоем. В ущелье Чекчек, называемом также Железные ворота, встретились эмир Наджми и Бабур, обе стороны обменялись не только приветствиями, но и приличествующими подарками и осыпанием друг друга монетами.

Как только узбекские султаны узнали о переправе армии эмира Наджми, они поспешили собрать все запасы зерна в свои крепости и укрепить их. По-видимому, никто из узбекских ханов и султанов уже не помышлял об уходе из Мавераннахра в Туркестан: небывалый разгром войск Бабура бодрил всех, а ореол непобедимости армии шаха Исмаила значительно потускнел.

Как человек, привыкший к роскоши, эмир Наджми не изменил своим принципам и в этом походе за Амударью, который он предпринял, очевидно, не по особому шахскому повелению, а в силу данных ему Исмаилом I полномочий самостоятельно решать важнейшие государственные дела. Правда, он не мог тащить за собой огромные запасы провизии для своей кухни и многочисленный штат поваров, поварят, мясников и прочий обслуживающий персонал, но, тем не менее, ежедневно на его кухне ставили для варки пищи тринадцать больших серебряных котлов, из которых разнообразные кушанья подавались на золотой, серебряной и из китайского фарфора посуде. Можно представить, во что обходились такие застолья персидского главнокомандующего и его войска несчастному населению Мавераннахра. С одной стороны, народ обирали узбеки, с другой – нещадно грабили персидские «освободители».

Эмир Наджми не видел особых трудностей в захвате Мавераннахра и в изгнании оттуда узбеков. Первым объектом его военных действий стала крепость Хузар, лежавшая почти в 50 км к юго-востоку от Карши. Комендант Хузара, видя бесполезность сопротивления столь большой армии персов, выразил эмиру Наджми полную покорность и сдал крепость. Эмир Наджми приказал заковать его в цепи, затем казнить вместе с ним несколько сотен узбеков. Затем персы двинулись на Карши, где правителем был Шейхим-мирза, дядя Убайдуллы-султана по матери, оказавший врагам энергичное сопротивление. Эмир Наджи блокировал окруженный стеною город, определив каждому из эмиров зону его осадных операций. Под натиском орудий в крепостной стене скоро образовались трещины и проломы, и в какие-нибудь два-три дня участь Карши была решена. Город взяли, а Шейхим-мирза и его сторонники были преданы смерти. Эмир Наджми отдал приказ о поголовном истреблении всех жителей города, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков, в результате чего было уничтожено около 15 тыс. человек.

Союзники, Наджми и Бабур, после завершения этой операции составили план дальнейших действий, решив сначала завладеть наиболее слабой крепостью Гидждуван, а затем захватить Бухару. Для взятия Гидждувана было направлено 10-тысячное войско, основная же часть армии двинулась на Бухару.

Узбекская разведка донесла Кучкунджи-хану о передвижениях войск противника, и тот направил в помощь Убайдулле-хану Тимура-султана и своего сына Абу-Саид-султана с боевыми отрядами, которые успели укрепиться в Гидждуване до прихода неприятеля. Каково же было удивление персов, когда навстречу им из крепости вышли хорошо вооруженные отряды узбеков. Узбеки дали бой, продолжавшийся дотемна. Тем временем персы к эмиру Наджми отправили гонца с письмом, где говорилось о необходимости спешной помощи для взятия крепости Гидждуван, которая, по сути, прикрывает путь к

взятию Бухары. Очевидно, Наджми счел письмо убедительным, так как изменил маршрут и направил свои войска на Гидждуван.

Рано утром, узбеки вышли из крепости и расположили войска среди улочек, бывших вне цитадели. Союзники также приготовились к бою и первыми атаковали узбеков. В этом и заключалась ошибка союзного командования, поскольку узбеки расположились так, что арена боя была крайне ограниченной, и они стреляли в неприятеля из всех углов, укрытий и дворов. В начале боя султан Бабур храбро сражался против отряда Джаныбек-султана и контратакой отбросил его к отдаленным городским улицам, но в своем движении по трудно проходимым узким переулкам войска союзников замешкались. Этим воспользовались узбеки и, зайдя в тыл неприятелю, ударили его столь яростно, что он уже не смог удержать позиций и нормализовать положение своих отрядов. Узбеки выиграли бой за Гидждуван в течение нескольких часов. Эмир Наджми и все его офицеры погибли. Несметная добыча из драгоценностей, золотой и серебряной утвари, тканей попала в руки узбеков.

Персидские историки более позднего периода обвиняют во всем Наджми, считая, что он погубил репутацию непобедимого шаха Исмаила, т. к. совершил поход на Мавераннахр без санкции шаха. Другой источник довольно интересно трактует события того периода, представляя это так. Взойдя на престол Мавераннахра, Бабур направляет шаху Исмаилу подарки и информацию об исполнении задуманного, однако посланника упреждает некто из свиты Наджми и докладывает Исмаилу, что, получив власть, Бабур задумал отмежеваться от шаха. Эта информация породила у шаха мысль о необходимости физического устранения Бабура. Реализовать же задуманное должно было самое приближенное шаху лицо, т. е. эмир Наджми-Сани. Исмаил согласился с тем, что в Мавераннахр следовало отправиться и велико-вельможным эмирам, сторонникам Наджми. Однако когда эмир со своими войсками собирался осуществить переход за Амударью, он получил известие о поражении Бабура. Что ему оставалось делать? Нужно было отбивать Мавераннахр у узбеков. Он поступил так, как было описано выше, и обрел вечный покой.

Что касается султана Бабура, то он отступил по направлению к Гисару, и по дороге смог в полной мере на себе испытать предательство своих союзников – моголов, которые, как выше было сказано, после гибели Шейбани-хана также предали узбеков. Одним словом, в одну из ночей могольские эмиры напали на спящего Бабура с единственной целью – уничтожить его. Однако Бабуру повезло и он, чудом избежав гибели, смог добраться до Гисара и укрыться за его стенами. Однако военные силы Бабура, состоявшие в основном из чагатайцев, были незначительными, поэтому для того, чтобы дать достойный отпор моголам не могло быть и речи. Поручив защиту Гисара своим верным эмирам, Бабур направился в Кабул. Вскоре Гисар перешел в руки моголов, которые разграбили до основания его и прилегающие к нему области. Кстати, у моголов бытовала пословица: «Когда остается незанятым место, то его занимает свинья со всем, что у нее на спине». Результатом этих бедствий был страшный голод, который унес жизни большей части населения региона.

Узнав об этом, Убайдулла-хан в конце зимы выступил на Гисар против моголов. Последние, понимая безвыходность своего положения, не знали, что им предпринять: идти к Бабуру после всех неприятностей, которые они ему доставили, было невозможно, направиться в Андижан к Султан-Саид-хану их сдерживало отсутствие с ним добрых отношений и снег, заваливший перевалы в Фергану. Поэтому моголы решили укрепиться в горах по Сурхобу-Вахшу, так как река Сурхоб представляла собой естественную преграду. Моголы укрепили те места, где проходили горы, причем одну сторону оставили без внимания, ввиду огромного количества выпавшего снега, который представлялся непреодолимым препятствием для неприятеля. Когда Убайдулла-хан подошел к местам дислокации моголов, небо неожиданно прояснилось и засияло солнце, стало сильно припекать, и в течение дня весь снег в горах растаял, и открылся широкий доступ в горные теснины. Узбеки не замедлили воспользоваться этим, атаковали моголов и разбили их. Значительная часть погибла от узбекских сабель, остальные были захвачены в плен. Таким образом, за все, что моголы сделали с населением Гисара, им в одночасье было отплачено

Убайдулло-ханом. Спасшиеся от меча и плена моголы бежали в Андижан к Султан-Саид-хану. Подчинив себе Гисар, Убайдулла-хан отдал его в удел сыновьям Хамзы-султана и Мехди-султана, погибшим в битве с Бабуром, а сам возвратился в Бухару.

Тем временем Бабур, окончательно распроставшись с мыслями о Мавераннахре, торжественно вступил в Кабул, который во время его отсутствия находился под управлением брата Насир-мирзы. Теперь для Бабура наступала новая пора – пора реализации главной мечты его жизни, которая очень долго вынашивалась им. Горькие уроки опрометчивых решений в борьбе с узбеками, как это ни парадоксально, сослужили ему хорошую службу. Семилетнее пребывание Бабура в Кабуле пошло на подготовку осуществления великого плана – завоевания Индии, начало которому было положено в 1526 г. на исторической равнине Панипата, где в жаркой битве чагатайцы нанесли жестокое поражение делийскому султану Ибрагиму II Лоди (1517–1526 гг.). Занималась заря Империи Великих Моголов, которую узбеки называли «государством чагатайцев».

Однако обратимся вновь к борьбе узбеков за Мавераннахр. Овладевший Ташкентом Суюнчи-Ходжи-хан, во исполнение общего плана борьбы с чагатайцами и персами, выступил с большим войском на Фергану и Андижан. У Пскента произошла жестокая схватка, в результате которой чагатайцы и их союзники, потерпев поражение, отступили к Андижану. Тогда-то к казахскому хану Касыму, на которого чагатайцы возлагали огромные надежды, они направили послание, где была изложена просьба выступить против узбеков. Уговаривать Касым-хана пришлось долго, тем не менее, он выступил против узбеков, но осаждать Ташкент не стал, а ограничился грабежом и опустошением окружавшей его местности, затем снялся и откочевал в свои владения.

Когда Суюнчи-хан повторно выступил в поход на Андижан, чагатайцы вновь обратились за помощью к Касым-хану, но получили от последнего вежливый отказ. Оценив реально положение дел, они покинули Ферганскую долину и бежали в Моголистан. Таким образом, Бухара, Самарканд и весь Мавераннахр опять оказались в руках узбеков.

Походы узбеков на Хорасан

После разгромного поражения Бабура и его союзников в Гидждуване, Джаныбек-султан, преследуя остатки войск противника, проник в Хорасан, Убайдулла-хан также последовал его примеру. Блокируя неприятельские крепости и форты, они приступом брали их и, подойдя к Герату, осадили его. Но вскоре между Джаныбеком и Убайдулло-ханом возникли принципиальные разногласия, в результате которых раздраженный Джаныбек со своим войском повернул на Балх, а Убайдулла, сняв осаду Герата, ушел в Мерв. Вскоре туда прибыл сын Шейбани-хана Тимур-султан, который уговорил Убайдуллу двинуться объединенными силами на Мешхед. Узбеки без особого труда взяли его. Когда же эта весть дошла до шахского наместника Герата, тот, долго не раздумывая, бежал с войском в далекий Исфахан. Не мешкая, Тимур-султан занял Герат, провозгласил себя ханом, отчеканил монеты со своим именем, но пробыл в этом положении всего лишь сорок дней: армия шаха Исмаила приближалась к Герату. Тимур-султан, забрав с собой как можно больше гератцев, увел их за Амударью. Убайдулла-хан, узнав о стремительном продвижении армии Исмаил-шаха, также решил покинуть Мешхед и, захватив жителей города, вернулся в Бухару. Джаныбек-султан, оценив обстановку и поняв, что положение узбеков в Хорасане неустойчиво, перейдя за Амударью, удалился в свой удел в Кермине, захватив с собой жителей Шибиргана, Андхоя и Балха.

Согласно древнего тюрко-монгольского обычая узбеки уводили за собой множество пленных для обращения их в рабов или для продажи на сторону, благо, что уведенные были еретики-шииты. Тем более что шиитская ересь бухарскими муллами и прочими законооведами была приравнена к «неверию», ее последователей дозволялось продавать в рабство, а браки с ними признавались «мерзкими».

Таким образом, пришедшие к власти узбекские ханы и султаны, будучи не только

рабовладельцами, по своим феодально-кочевым понятиям стали фанатиками суннитского правоверия.

Когда узбекам уже ничто не грозило со стороны чагатайцев, моголов, казахов и персов, старый Суюнчи-Ходжа-хан решил реализовать давно созревший у него план – пойти войной на еретиков-шиитов. Как старейшина дома Шейбани он имел право объявить об этом предприятии, к тому же, предлогом похода была месть шиитам за гибель Шейбани-хана. Разумеется, все узбекские царевичи и эмиры во главе с Убайдулло-ханом встали под знамена Суюнчи-Ходжа-хана. Весной 1524 г. объединенная армия узбеков двинулась на Хорасан. По понтонному мосту армия переправилась на противоположный берег Амударьи и на подступах к Балху расположилась лагерем. Знать города с богатыми дарами вышла встречать Суюнчи-Ходжи-хана. В Балхе армия хана не задержалась, поскольку разведчики донесли, что наследный персидский принц Тахмасп (1542–1576 гг.), сын шаха Исмаила, обеспокоенный нашествием узбеков, отсиживается за стенами Герата. Этот факт благоприятствовал скорейшему выступлению узбекских войск на столицу Хорасана. Все, казалось, складывалось как нельзя лучше для реализации задумки Суюнчи-Ходжи-хана, однако амбиции узбекских султанов обернулись, по сути дела, предательством по отношению к нему. В тот день, когда произошло сражение узбекских войск с армией Тахмаспа, и победа уже склонялась на сторону хана, султаны, вместо того, чтобы ускорить процесс победы, приказали своим воинам повернуть коней к Амударье, на Мавераннахр. В результате чего армия Суюнчи-Ходжи-хана потерпела поражение, но персы не преследовали ее в ходе отступления.

В конце 1524 г. Суюнчи-Ходжи-хан вернулся в Ташкент, где занялся подготовкой нового похода на Хорасан, однако серьезно заболел и весной 1526 г. умер, назначив перед смертью преемником своего сына Мухаммед-султана. В середине 1526 г. Мухаммед-султан был провозглашен ханом Ташкента и Ферганы.

Последние Шейбаниды

Тем временем на границах Узбекского государства далеко не везде было спокойно, особенно на севере и на северо-востоке по соседству с казахами, кыргызами и моголами. Набеги, общая смута и бунты не прекращались и Султан-Мухаммед-хану, как владельцу удела приграничного с кочевой степью, приходилось не раз выступать походом против мятежных кочевников, казахов и кыргызов. Тахир-хан, внук известного врага Шейбани-хана Джаныбек-хана, после смерти казахского хана Касыма, овладел всеми землями Дешт-и-Кыпчака и некоторыми районами Моголистана, но своей жестокостью и несправедливостью вызвал недовольство не только со стороны своих приближенных, но даже и родных. Чувствуя шаткость собственного положения, Тахир-хан прибег к защите Султан-Мухаммед-хана, прислав к нему посольство с просьбой о помощи. Мухаммед-хан благосклонно принял послов Тахир-хана, согласился помочь ему и в свою очередь отправил к нему посольство, которое было принято Тахир-ханом с почетом. Послы передали Тахир-хану, что их хан вполне к нему расположен и поможет во всем, что ему будет нужно. Казахский хан отправил к Мухаммед-хану второе посольство с богатыми подношениями.

Известие об установлении таких близких дружественных отношений Тахир-хана с сильным Ташкентским правителем быстро разнеслось по степи и дошло до врагов Тахир-хана, которые стали опасаться, что Тахир, опираясь на помощь узбеков, может их уничтожить, поэтому они принесли Тахиру извинения и выразили свою покорность. Тахир-хан вновь обрел могущество степного владыки.

Когда Мухаммед-хан узнал об упрочившемся положении Тахир-хана, он послал к нему посольство с поздравлением по случаю укрепления его могущества. Но возгордившийся казахский хан, решив показать, что не нуждается ни в чьей помощи, приказал арестовать послов Мухаммед-хана и объявил поход на Ташкент. Узнав о совершенно неожиданном обороте дела, Мухаммед-хан, несмотря на декабрьские холода, решил предупредить намерение

казахского хана и выступил против него в Дешт-и-Кыпчак. В разведку он послал отряд бахадуров, который дня через три захватил одного казаха и доставил его хану. Пленника подвергли жестокому допросу, и он показал, что Тахир-хан пошел на Туркестан. Мухаммед-хан повернул свое войско и бросился вслед Тахир-хану. Он настиг его под Туркестаном. В результате жестокого боя Тахир-хан был разбит, и часть его владений перешла в руки победителей – ташкентских узбеков. Управление ими Мухаммед-хан поручил сыну Кучкунджи-хана Абдулле-султану, сопровождавшему ташкентского правителя в походе и помогавшему ему преследовать Тахир-хана. После этой большой победы ближайшее окружение Мухаммед-хана было щедро одарено им. Вскоре Мухаммед-хан возвратился в Ташкент.

Верховным главой всех узбеков, в связи с отказом от этого звания Суюнчи-Ходжи-хана, был Кучкунджи-хан (1510–1530 гг.), после смерти которого, и после кратковременного правления его сына Абу-Саид-хана (1530–1533 гг.) узбеки провозгласили ханом Узбекского государства Убайдуллу (1533–1539 гг.), который впоследствии провел успешную кампанию против персидского шаха Исмаила II.

Наибольшего могущества государство Шейбанидов достигло при хане Абдулле II (1534–1598 гг.) – самом видном потомке Мухаммеда Шейбани. В начале своего правления он вновь объединил раздробленное на феодальные княжества государство Шейбанидов, после чего стал властителем Бухары (1557 г.), Самарканда (1578 г.) и Ташкента (1582 г.).

Сначала он правил от имени своего отца Искандера (1560–1583 гг.), а единоправно – с 1583 по 1598 г. С целью ограждения Мавераннахра от набегов казахов, весной 1582 г. Абдулла-хан совершил поход в степи Малой Орды и дошел до гор Олуг-Таг, между Сары-Су и Тургаем. Он совершил экспедицию в Кашгарию, где покорил районы Кашгара и Яркенда. На недолгое время завоевал Хорасан, включая Герат, павший после девятимесячной осады, Мешхед, священный шиитский город, который не смог спасти молодой шах Аббас и который узбеки, будучи суннитами, основательно разграбили и истребили часть жителей. В целом Абдулла-хан отвоевал у Ирана все города Хорасана от Герата до Астрабада. Что касается Балха, то с 1582 г. он являлся вице-королевством во главе с правителем Аль-Мумином, сыном Абдуллы-хана.

При Абдулле-хане образовалось Бухарское ханство, получившее наибольшее территориальное расширение и политическое влияние в 1557–1598 гг. именно в это время Абдулла-хан установил дипломатические отношения с Русским государством.

В последние годы жизни удача отвернулась от Абдуллы-хана. В 1597 г. персидский шах Аббас одержал над узбеками под Гератом большую победу и освободил Хорасан. В это время сын Абдуллы-хана Аль-Мумин поднял против отца бунт, а казахи тут же захватили район Ташкента. Абдулла-хан умер в начале 1598 г., успев лицезреть крушение своего дела. Спустя шесть месяцев был убит унаследовавший трон Аль-Мумин. Это стало концом Шейбанидской династии, правившей в Мавераннахре чуть более ста лет. В 1599 г. к власти пришли Джаниды, или Аштарханиды – династия ханов Бухары (1599–1753 гг.), потомки астраханских ханов из дома Джучи.

Итак, закончилось последнее в истории Центральной Азии огромное по своим размерам и небывалое по обширности территории многолетнее сражение между тюрко-монгольскими племенами. В этой ожесточенной битве, охватившей территорию от границ Китая до Черного моря и от пределов Индии до Сырдарьи, принимали участие почти все представители тюркских народов. Если 300 лет тому назад тюрки Мавераннахра проиграли Чингисхану всю кампанию за обладание Центральной Азией и явились, таким образом, единственно ответственными за опустошение страны, то теперь мы видим на той же территории не менее ожесточенную борьбу тюркских народов, но растративших свои потенциальные силы не в войне с чуждыми ему пришельцами, а в междоусобной брани за обладание Центральной Азией. К этому еще примешивалась и религиозная распря, корень которой был скрыт в глубине веков.

Любопытно отметить, что в завязке этой ожесточенной междоусобной тюркской

борьбы, общетюркские начала племенных и родовых связей и какого-то сознания своего общетюркско-монгольского единства, возглавлявшегося восхождением рода правящей верхушки к высоко почитавшемуся Чингисхану, превалировали над взаимной ненавистью и военным ожесточением. Главные персонажи этой войны были между собой в тесных родственных отношениях: сыновья верховного хана всех узбеков Абулхайр-хана Суюнчи-Ходжи-хан и Кучкунджи-хан приходились внуками темуриду Улугбеку; мать султана Бабура Кутлук-Нигар-Ханум была второй дочерью известного могольского Юнус-хана, прямого потомка Чагатая, сына Чингисхана, следовательно, Бабур приходился племянником Султан-Ахмед-хану и двоюродным братом Султан-Саид-хану, впоследствии Кашгарскому хану; ташкентский правитель Султан-Махмуд-хан, вначале верный союзник Шейбани-хана, приходился дядей Бабуру, ибо был братом матери Бабура; Шейбани-хан женился на сестре султана Бабура Ханзадэ-бегим, и родившийся от этого брака Хуррем-шах, впоследствии узбекский наместник Балха, приходился родным племянником султану Бабуру. Многие другие брачные, а через них и родственные связи переплетали глав этих столь свирепо боровшихся между собой узбеков, темуридов-чагатаев и моголов. Нечего и говорить, что от этих браков было большое потомство, в жилах которого текла кровь всех этих народов.

Ареной непрерывных опустошительных набегов узбеков и их войн с шахами Ирана всегда был Хорасан. Существовавшее до сих пор культурное и политическое единство Заамударьинских государств с Хорасаном и тяготевшими к нему районами разрывается навсегда, чтобы уступить место неугасимой легендарной борьбе Ирана с Тураном. В тот исторический момент, когда выкристаллизовывались империи, Иран оставался для персов, а Туркестан – для тюрков, как и положено, учитывая этносы этих стран. Амударья стала границей между Сефевидским Ираном и Узбекским государством, как прежде разделяла Сасанидский Иран и хуннские орды.

Шейбаниды смогли восстановить чингисидское владычество в Бухаре и Самарканде, и хотя эта династия была монгольской по происхождению, но, по сути, полностью тюркизированной в смысле языка и культуры, в конечном счете, распалась так же, как ранее темуриды. Между тем, в отличие от последних, она сумела сохранить хотя бы минимальное единство перед лицом внешнего врага.

Проследим дальнейшую историю шейбанидов и Узбекского государства, которое в 1599 г. перешло в руки Джанидов, или Аштарханидов.

Когда русские в 1556 г. аннексировали Астраханское ханство, один из принцев чингисидской династии Астрахани по имени Яр-Мухаммед и его сын Чан бежали в Бухару к шейбанидскому хану Искандеру, который отдал свою дочь в жены Чану. В 1599 г. трон Бухары по закону перешел аштарханиду Баки Мухаммеду, сыну Чана от наследницы шейбанидов.

Аштарханидская династия правила в Мавераннахре со столицей в Бухаре с 1599 по 1753 г. В ее владения также входила Фергана (до XVIII в., когда в Коканде образовалось независимое ханство) и Балх, который был наделом предполагаемых наследников (до захвата города персидским властителем Надир-шахом в июле 1740 г.). 22 сентября 1740 г. Надиршах, победивший узбеков благодаря артиллерии, появился у стен Бухары. Аштарханидский хан Абул-Фаиз (1705–1747 гг.) вынужден был признать себя его вассалом, а также признать Амударью южной границей Бухары.

Среди монгольских ханов, которые в начале XVI в. разделили судьбу и славу Мухаммеда Шейбани, был клан Ногая, или мангкытов, пришедший из степей, расположенных между устьями Волги и реки Урал, где кочевала орда, носившая это имя. При династии Аштарханидов клан мангкытов имел большое влияние в Бухаре, где местные правители во второй половине XVIII в. выполняли функцию дворцовых комендантов. В царствование последнего аштарханида Абул-Гази мангкытский вождь Масум-шах женился на дочери этого властителя, сделался настоящим монархом и, в конце концов, сам сел на трон (1786–1800 гг.). Он пытался захватить земли района Мерва и Балха у афганского царя

Тимур-шаха Дуррани (второй шах Афганистана из династии Дуррани (1773–1793 гг.), сын и преемник знаменитого Ахмеда Дуррани). Тем не менее, Балх был присоединен к Бухарскому ханству только в 1826 г. и окончательно отвоеван афганцами в 1841 г. Мерв остался в составе Бухарского ханства.

Мангкытская династия правила в Бухаре с 1753 по 1920 г. В 1866 г. она перешла под протекторат России. В 1920 г. Советы свергли последнего потомка Чингисхана.

Как мы знаем, узбекский завоеватель Мухаммед Шейбани в 1505–1506 гг. захватил Хорезм, или Хивинское государство и Мавераннахр. После смерти Мухаммеда Шейбани на поле битвы при Мерве (декабрь 1510 г.), когда персы оккупировали Мавераннахр и Хорезм (1511–1512 гг.), жители Ургенча и Хивы, закоренелые сунниты, восстали против шиитства и прогнали их. Предводитель одной побочной ветви шейбанидов, Илбарс, вставший во главе восстания, основал независимое ханство в Бухаре.

Эта ветвь правила в Хорезме с 1512 по 1920 г. Кроме ее основателя Илбарса (1512–1525 гг.), следует упомянуть хана Ходжи-Мухаммеда (1558–1602 гг.), в правление которого хан Абдулла II на короткое время захватывал Хорезм (1594 г. и 1596 г.). При Араб-Мухаммеде (1603–1623 гг.) был истреблен тысячный русский отряд, двигавшийся на Ургенч. В 1613 г. в Хорезм вторглись калмыки, но скоро ушли оттуда, захватив добычу. В середине царствования Араб-Мухаммеда столица была перенесена из Ургенча в Хиву в связи с высыханием левого рукава Амударьи.

Самым известным ханом Хивы был Абул-Гази Бахадур (1603–1663 гг.) Он – один из крупнейших чагатайских историков, писавший на тюркском языке, автор «Родословного древа тюрков», ценного труда об истории Чингисхана и чингисидов, в особенности дома Джучи, к которому принадлежал сам автор. Его войска отразили нападение калмыков-кошотов, затем он разгромил калмыков-торгутов (1651–1652 гг.). Он также вел войну против Бухарского хана Абдель-Азиза.

Хивинский хан Илбарс II, убив персидских послов, вызвал яростный гнев персидского царя Надир-шаха, и в октябре 1740 г. Надир-шах двинулся на Хорезм, заставил капитулировать крепость Ханках, где укрывался Илбарс, и взял Хиву (ноябрь 1740 г.). На сей раз он не был так милосерден, как в Бухаре, и велел казнить Илбарса, оскорбившего его в лице послов. С 1740 г. до самой смерти Надир-шаха (1747 г.) хивинские ханы оставались верными вассалами Ирана.

В 1873 г. хивинский хан Мухаммед Рахим-хан признал российский протекторат. В 1920 г. последний хивинский чингисид, Саид Абдулла-хан, был сброшен с трона Советами.

Фергана была частью Мавераннахра в эпоху шейбанидов и при первых аштарханидах. Но власть аштарханидов над Ферганой была чисто номинальной, т. к. Фергана большей частью оказалась в руках кыргызов-казахов, не говоря уже о местной власти в лице ходжей из Чадака, севернее Сырдарьи. В 1710 г. шейбанид по имени Шахрух, потомок Абулхайра, сбросил иго ходжей и основал в Фергане независимое Кокандское ханство со столицей в Коканде (1710–1876 гг.).

Кокандский хан Ирдана, или Эрдени в 1758 г. объявил себя вассалом Китая, потому что китайские войска подошли к его границам. Он пытался сформировать против китайцев коалицию с афганским царем Ахмедом Дуррани, но экспедиция афганцев в 1763 г. результатов не принесла.

В период между 1800 и 1809 гг. кокандский хан Алим увеличил свою территорию, присоединив к ханству Ташкент. Мухаммед Омар, брат и преемник Алима (1809–1822 гг.), аннексировал Туркестан (1814 г.). При Мухаммеде Али, сыне и преемнике Омара (1822–1840 гг.), кыргызы-казахи, жившие между городом Туркестаном и южным побережьем озера Балхаш, признали своим сюзереном кокандского хана, чье царство в те годы достигло вершины могущества. Но незадолго до 1865 г. Бухарское ханство вернуло Ташкент, хотя уже в июне того же года русские отобрали его у бухарцев.

В 1876 г. Россия аннексировала и Кокандское ханство.

В Западной Сибири, район среднего течения Иртыша, юго-восточнее нынешнего

Тобольска, в XI в. было образовано тюрко-монгольское ханство, ханы которого не принадлежали к чингисидам. Однако чингисиды дома Шейбани, которые кочевали на юге Урала до истока реки Тобол, не замедлили захватить эту страну к востоку от Тобола. Речь идет о бассейне Туры, левого притока Тобола, где в 1428 г. был провозглашен ханом глава шейбанидов Абулхайр. В 1480 г. другой шейбанидский принц, принадлежавший к младшей ветви, Ибак, отвоевал у ханов Сибири Тюмень, неподалеку от мест слияния Туры и Тобола. Кучум, внук Ибака (1556–1598 гг.) воевал против сибирского хана Ядигара. Последний обратился за помощью к Московскому царю Ивану Грозному (1556 г.). В период между 1563 и 1569 гг. он все же потерпел поражение от Кучума и был убит, а властителем Сибирского ханства стал хан Кучум. Чтобы упрочить свою власть, он согласился признать царя своим сюзереном, но, укрепив свое ханство, стал оспаривать у России протекторат над остяками и напал на фактории русского купца Строганова. Кстати, Кучум активно ратовал за распространение ислама в Сибири.

Иван Грозный бросил против Сибири войско во главе с казачьим атаманом Ермаком (1579 г.). Со своей стороны, Кучум доверил командование войсками, состоявшими из тюрко-монгольских воинов, вотяков и вогулов, своему племяннику Мухаммеду Кули, который занял оборону в укрепленном лагере в устье Тобола под горой Чуваше на подступах к Сибири. В 1581 г. русские при помощи аркебузов захватили этот лагерь и заняли Сибирь, откуда бежал Кучум.

Между тем, старый Кучум продолжал «партизанскую» войну. В 1584 г. он захватил Ермака врасплох на острове Иртыша. Атаман утонул, спасаясь бегством, его спутники были перебиты, и Кучум снова занял Сибирь.

Русским пришлось отвоевывать ханство пядь за пядью, оставляя по мере своего продвижения военные колонии в Тюмени (1586 г.), Тобольске (1587 г.), Томске. Кучум, побежденный в последнем сражении на Оби (20 августа 1598 г.), бежал к ногайцам, где был убит (1600 г.). Его долгое сопротивление стало последним лучом славы в истории чингисидов северных лесов.

Государственные образования кочевников были достаточно шатким и рыхлым союзом племен, объединявшихся в случае грозящей опасности или во время военных походов. Племена сохраняли свою самостоятельность, их союзы не отличались стабильностью и распадались столь же быстро, как и заключались. Чингисхан положил конец этой подвижной и постоянно менявшейся форме политического объединения кочевников. Преследуемые Чингисханом цели – единение тюрко-монгольских племен и установление порядка в стране, отвечающее потребностям и устремлениям народа в период внутреннего раскола, распрей и племенных войн, – были достигнуты.

Историки того времени весьма наглядно сопоставляют условия жизни тюрко-монголов до возвышения Чингисхана с экономическим подъемом государства к концу его жизни: «Раньше, – писал Джувейни, – они носили одежду из шкур собак и сусликов и ели их мясо. Теперешний мир стал раем для этого народа». Однако высока была цена этого экономического взлета: тюрко-монголы заплатили за него большой кровью. Тем не менее, правомерен вопрос – как стало возможным, что маленький, отсталый, бедный народ охотников и скотоводов смог победить сильные и развитые государства Азии с их неисчерпаемыми человеческими ресурсами?

Успех тюрко-монгольской экспансии был результатом комбинации многих разнородных факторов и мотивов, варьирующихся от жадности воинов по захвату богатых трофеев до более конструктивного торгового империализма монгольских правителей и грандиозной концепции универсальной империи.

Именно имперская идея стала отличительной чертой ведущего тюрко-монголов вперед духа завоевания, победившего примитивную ментальность феодализованного родового общества.

Природа императорской власти четко выражена в письмах первых великих ханов к правителям Запада, и состояла она из трех основных элементов тюрко-монгольской

концепции: Бог (Небо) – Чингисхан (данный Небом) – правящий император; тюрко-монгольская нация метафизически связана с Чингисханом, как ее основателем. Это – промежуточное звено между Небом и правящим императором. Тюрко-монгольская империя, в понимании ее лидеров, была инструментом Бога для установления порядка на Земле.

Каковы же истоки тюрко-монгольской имперской идеи? Очевидно, что она не была изобретением Чингисхана, хотя он стал ее главным носителем и символом. Он сформулировал понятие, выросшее в его окружении, т. е. среди элиты монгольских родовых вождей, в особенности рода борджигин и группы родов, («кости»), ветвью которой он был – понятие Неба (Вечного Голубого Неба) как защитника скотоводческих наций, что являлось базисной верой тюрко-монгольских народов.

Еще один корень тюрко-монгольской имперской формулы обнаруживается в исторических традициях бывших кочевых империй в Монголии и Центральной Азии как тюркских, так и иранских. Важным каналом проникновения иранских политических идей в тюрко-монгольскую среду были уйгуры, в особенности после того как они осели в Восточном Туркестане вблизи провинции Согдиана с ее древней культурой.

Более значимый источник монгольской идеи нужно искать в китайской политической мысли. Можно сказать, что монгольская идея божественного источника имперской власти базировалась на древних традициях и знакомстве с более близкими по времени политическими понятиями, превалировавшими при дворе Кидан и Цзинь. Из этого огромного мыслительного резервуара монгольские родовые вожди конца XII в. извлекли свои принципы действия, и в этой интеллектуальной среде вырос молодой Тэмуджин, чтобы в конечном итоге стать Чингисханом.

Имперская идея не только разожгла воображение тюрко-монголов, но и стала важным фактором их жизни, и Чингисхан был ее воплощением. Поддерживала эту идею и Яса, которая ни в коем случае не может быть охарактеризована как обычное законодательство. Это был императорский закон, сформулированный Чингисханом. Чингисхан подчинил себе все кочевые племена евразийских степей и превратил евразийскую степную систему в одно сплошное кочевническое государство с прочной военной организацией. Перед такой силой ничто устоять не могло. Чингисхан как будто больше значения придавал завоеванию Китая и собственно Азии, чем подчинению Евразии, тем не менее, только в Евразии он выступил как осуществитель исторической миссии, как созидатель и организатор исторически ценного здания и именно территория Евразии стала основным ядром его империи.

Евразия представляла некую географически, этнически и экономически цельную единую систему, государственное объединение которой было исторически необходимо. Чингисхан первым осуществил это объединение, и после него сознание необходимости такого единства проникло во все части Евразии, но это было позже, а тогда все государственные образования на территории Евразии должны были утратить свою самостоятельность и поступить в подчинение владыке степей. Таким образом, Чингисхану удалось выполнить историческую задачу, поставленную самой природой Евразии, – задачу государственного объединения всей этой части света. Он выполнил эту задачу так, как только и можно было ее выполнить, объединив под своей властью степь, а через степь – и всю остальную Евразию.

Но Чингисхан подчинил себе не только всю Евразию, а почти и всю Азию. Однако, если, завоевывая Евразию и государственно ее объединяя Чингисхан совершал дело исторически необходимое и осуществлял вполне реальную, самой природой поставленную историческую задачу, то завоевание отдельных частей собственно Азии не всегда являлось исторически необходимым.

Если завоевание и объединение Евразии было делом созидательным и для самой Евразии в конечном счете полезным, то ни Китай, ни Иран вовсе не нуждались в каком-то внешнем государственном объединении. Это были страны с древними национально-государственными и культурными традициями, с определенными сферами собственного культурного влияния. Тем не менее, соединив их с Евразией, Чингисхан

получил возможность ввести в созданную им евразийскую государственность элементы этих старых азиатских культур и использовать, таким образом, культурные богатства и культурное влияние Китая, Ирана и Индии, не только не подчинившись политической власти какой-либо из этих стран, но подчинив эти страны себе. Для Евразии от этого, безусловно, была польза, но по отношению к названным странам такого сказать нельзя, ибо тюрко-монгольское завоевание, выведя отдельные части Азии из их обособленности и ворвавшись извне в их историческое бытие, притормозило их дальнейшее культурное развитие, хотя следует отметить, что отдельные культуры взаимно обогащались благодаря обмену знаниями и духовными ценностями, которые несли находившиеся на службе у тюрко-монголов выходцы из других стран. В свою очередь тюрко-монгольские завоеватели, заняв древнее культурное азиатское государство, неизбежно ассимилировали среди местного населения, принимая их традиции, и каждое конкретное государство вновь становилось тем, чем было ранее, до покорения Чингисханом.

Сила и эффективность армии и администрации дали возможность тюрко-монголам поддерживать более чем столетие после смерти Угэдея контроль над огромными завоеванными территориями.

Разработанные Чингисханом принципы управления империей были восприняты его преемниками и приведены в соответствие с социально-политической структурой и традициям покоренных народов. Эта система позволила тюрко-монголам, стоявшим на примитивном уровне развития, почти 300 лет господствовать над народами, в сотни раз превышавшими их по численности и принадлежавшими к наиболее древним развитым культурам. Поэтому победу тюрко-монголов нельзя считать чудом. Богатые развитые страны должны были уступить динамизму тюрко-монгольских кочевников.

Однако в течение всего своего существования Тюрко-монгольская империя была наполнена внутренними конфликтами и стояла перед лицом постоянно нарастающих противоречий.

В чем же заключались внутренние противоречия, угрожавшие всей структуре Тюрко-монгольской империи? Во-первых, существовала базисная несовместимость ряда принципов, на которых была построена империя, в первую очередь, проявлялось несоответствие между имперской системой и феодальной природой тюрко-монгольского общества. Во-вторых, не было абсолютной согласованности действий, что приводило к многочисленным конфликтам между империей и местными ханствами, равно как и между самими этими ханствами. В-третьих, при примитивных технологических условиях этого времени сама обширность империи представляла для ее правителей вечную проблему. Более того, существовал определенный дисбаланс между размерами правящей нации – монгольским народом – и подчиненными народами. Монголы, при всей изощренности ума «гения степей» Чингисхана, не учли значения глобального фактора тюркского этнолингвистического моря, в огромной евразийской толще которого их собственный этнос был лишь малозаметным периферийным течением. Среди массы покоренных тюрков собственно монголы, сплотившиеся вокруг династии Чингисидов, составляли ничтожное меньшинство. Основная масса этнических монголов, несмотря на циркумконтинентальные завоевания Чингисхана, осталась в коренной Монголии, и лишь небольшая часть их была востребована в Империи чингисидов в качестве структурообразующего элемента государства. На западе – т. е. в улусе Джучи, включавшем и территорию Волжской Булгарии, удельный вес этнических монголов был еще более незначительным, нежели в других улусах империи Чингисхана. В самый пик монгольского завоевания соотношение этнических мужских континентов складывалось приблизительно 1: 7 не в пользу монголов, причем, в дальнейшем это соотношение становилось еще более полярным в пользу тюркского этнического элемента. Понятно также, что удельный вес собственно монгольской женской половозрастной группы приближался к нулю при одновременном исключительном обилии брачных связей монгольских воинов с женщинами других национальностей, прежде всего тюркских.

Следует обратить внимание на факт появления тюрко-монгольской элиты, члены которой, наделенные внутренними духовными и интеллектуальными способностями, удачно воспользовались контактами с древними цивилизациями некоторых из соседних или захваченных стран. Многочисленность этих контактов сама по себе содержала потенциальную опасность, поскольку подрывала изначальное единство тюрко-монгольской традиции. С точки зрения религиозной приверженности, различие между тюрко-монголами старой школы, которые оставались почитателями Неба и шаманистами, и теми, кто был обращен в буддизм, ислам и христианство, выливалось в ослабление духовных уз между всеми этими группами. Кроме того, процесс аккультурации тюрко-монголов, поселившихся в покоренных странах, никогда не завершался.

Геополитически Тюрко-монгольская империя состояла из двух отличных друг от друга частей: тюрко-монгольского ядра, т. е. степей и пустынь Монголии, Джунгарии, Семиречья (регион Или), Восточного Туркестана, Мавераннахра, Кыпчакии и Казахстана и периферийных, управляемых тюрко-монголами, государств с преобладающим сельскохозяйственным населением. Степная зона была потенциально главным резервуаром тюрко-монгольской военной мощи. Большинство правителей периферийных государств хорошо это понимали. Сам выбор Пекина как столицы династии Юань в Китае и Сарая как столицы Кыпчакского ханства в этой ситуации показателен. Каждый из этих городов находился на границе периферийного государства и вблизи степной зоны. Лишь ильханы Ирана проводили несколько иную политику. Если бы они последовали примеру своих сородичей в Китае и Южной Руси, для них было бы логичным держать свои штабы где-нибудь в северном Хорасане, если не в Туркмении. Вместо этого они сделали Тебриз в Южном Азербайджане своей первой столицей. Этот выбор, видимо, был продиктован их желанием усилить свой контроль над Ираном и Малой Азией, чтобы иметь подходящую базу для длительной борьбы против Египта. Позднее, под давлением ханов Кыпчакии, ильханы перенесли свою столицу на юг, в Султанью, в гористый район между Тебризом и Тегераном.

Вследствие центрального положения тюрко-монгольской сердцевины империи и ее контроля за внутренними линиями коммуникации, стабильность империи зависела в значительной степени от собственной интеграции этой зоны. Фактически центрально-азиатский регион стал полигоном монгольской феодальной политики, которая имела разрушительный эффект для имперского единства. Поскольку внутренняя тюрко-монгольская степная зона рассматривалась как общая родина монгольской нации, каждая ветвь императорской семьи требовала своей доли улусов и владений на этой территории.

Чтобы лучше понять сложность монгольских отношений между князьями, нужно сказать несколько слов по поводу притязаний каждой ветви потомков Чингисхана на собственную долю покоренных земель. Как нам известно, во всех основных тюрко-монгольских кампаниях, будь они в Китае, Средней Азии, в Иране или на Руси, князья всех четырех ветвей потомков Чингисхана находились во взаимодействии – лично, или же посылая военные соединения. В качестве воздаяния за это каждый ожидал получения определенной части богатств из завоеванной страны или же частных владений там. Итак, согласно Джузджани, Бату, хан Кыпчакии, имел свою долю доходов со всех районов Ирана, и его агенты наблюдали за сбором налогов на выделенных территориях. Бату также имел вложения в Китае, в провинции Шаньси. В XIV в. хан Узбек еще собирал там свои доходы. Потомки Угэдея и Чагатая также получили свою часть китайских доходов. Аналогичным образом в западной части Монгольской империи прибыль от крымских портов делилась между «четырьмя ханами».

Все это давало двойной эффект. С одной стороны, в их интересах было поддерживать солидарность и быть лояльными по отношению к хану. С другой, личные требования и притязания время от времени нарушали привычный порядок вещей и зачастую приводили к раздорам, как, например, в случае конфликта между ильханами и ханами Кыпчакии.

Быстрое увеличение императорской семьи стало еще одним фактором в изменении

структуры Тюрко-монгольского государства и общества. С разрастанием ветвей чингисидов, каждый князь из которых ожидал своего надела, все больше пастбищ и юрт в Монголии распределялись между князьями. В результате «правлящая нация» тюрко-монголов обнаружила свое подчинение Золотой Орде.

Этот процесс также затронул структуру курултая и армию: оказались подорваны два важных принципа Чингисхана – равенство на службе и продвижение на основе способностей.

Обращаясь в заключение к проблеме межрелигиозных отношений, следует отметить, что ассимиляция монголов тюрками в регионе Центральной Азии в значительной степени облегчалась сходностью религиозного фона большинства обеих групп. Хотя, как мы знаем, некоторые из племен Монголии, равно как и тюрки Восточного Туркестана и Мавераннахра, были в течение нескольких столетий знакомы с буддизмом, несторианским христианством и исламом, большинство тюрков, живших племенами в Джунгарии и Казахстане, в XIII столетии все же являлись почитателями Неба или шаманистами, и такими были основные роды улуса Чагатая. Даже в XIV в. многие князья – чагатаиды все еще придерживались традиционных монгольских религиозных верований.

Большинство же народов, контролируемых ильханом, были мусульманами в течение нескольких столетий, хотя и существовал раскол между шиитами и суннитами. Сам Хулагу, основатель династии ильханов, был почитателем Неба.

Вследствие различия религиозного и культурного фона в Кыпчакском ханстве было естественным, что его ханы колебались в окончательном выборе религиозной деноминации. Бату, первый хан Кыпчакии, был почитателем Неба. Его сын Сартак принял христианство. Брат Бату Берке был обращен в ислам. Его наследники вновь вернулись к почитанию Неба, и лишь в XIV в. хан Узбек ввел ислам как официальную религию ханства. Политически Золотая Орда раскололась на мусульманскую и христианскую части, поскольку именно Русь к северу от степей составляла основной оплот греко-православного христианства в Золотой Орде.

Распад Золотой Орды не был бы столь катастрофическим и необратимым, если бы он не совпадал по времени с неожиданным ростом русского могущества. Почти три века Московское княжество было верным вассалом Золотой Орды, но, начиная с середины XVI в., взяло на вооружение идеологию «крестового похода» на Восток и следовало ей с последовательностью и ожесточением, о чем свидетельствует история государств-преемников Золотой Орды.

Глава 6 **Империя Амира Темура**

Мавераннахр во II половине XIV в.

В сердце Центральной Азии, граничащей на юге с Афганистаном, на западе – с пустыней Кара-Кум, на севере и северо-востоке – с Туркестаном и огромной горной цепью Тянь-Шань, располагался Мавераннахр.

Эта страна, которая составляла улус Чага-тая (второй сын Чингисхана), в XIII в. граничила южнее Аральского моря с северным Ираном, на востоке простиралась до Монголии и Китая. Это было разношерстное ханство, западная часть которого включала в себя Бухару, Самарканд, Кеш, Термез, Балх, – города, имевшие богатые культурные исламские и буддистские наследия, а северный регион охватывал дикие степи Туркестана и Тарбагатайские горы, где кочевали тюркские и монгольские племена. Не менее интересным был юго-восточный регион, включавший в себя бассейн реки Тарим, сердцевину древнего царства Каракитай, переход от знаменитого Великого Шелкового пути к «караванным» городам Кашгар, Яркенд, Хотан, Аксу, Карашар и Турфан, находившимся под сильным

китайским влиянием.

Чагатай дал свое имя этим непохожим друг на друга провинциям, объединенным волей Чингисхана, но основа населения была не монгольской, а тюркской. Это была степная страна в самом центре империи Чингисхана. Народ и страна чагатаидов представляли собой особый элемент со своим тюрко-чагатайским языком и своими обычаями.

Чагатай был убежденным консерватором и ничего не хотел менять в тюрко-монгольских нравах и обычаях времен своего отца. Напомним, что именно ему Чингисхан поручил почетную миссию следить за соблюдением Ясы во всей ее строгости, согласно тому, как она излагается на знаменитых железных табличках.

В XIV в., через сто лет после тюрко-монгольских завоеваний, большую часть подданных Чагатая составляли кочевники, неспособные понять и принять городской уклад жизни, жившие по-прежнему кланово, совершавшие беспорядочные набеги на богатые селения, которые зачастую принадлежали их же ханству.

Традиционно преданные древним анималистским верованиям, поклонявшиеся Тенгри (Синее Небо) и шаманам, эти тюрко-монголы, запоздавшие на целое столетие, были свидетелями разрушения своего царства в результате религиозных и социальных конфликтов.

Если буддисты и христиане-несторианцы, составлявшие меньшинство, как правило, уйгурского происхождения (давние подданные монголов), не очень нарушали сложившийся порядок вещей, то мусульмане, мятежные люди, составлявшие большинство в городах, представляли собой силу, враждебную установкам тюрко-монгольской Ясы. Положение осложнялось еще и тем, что некоторые тюрко-монгольские кланы приняли ислам и испытывали влияние иранской цивилизации, исходившей из крупных городских центров. К этому добавлялись последствия распрей и конфликтов между чингисидами, правителями ханств, соседствующих с Ираном, Кыпчакией и Китаем.

В 1334 г., раздираемое социальными и религиозными противоречиями, царство Чагатая разделилось на два соперничавших ханства: на севере и северо-востоке – Моголистан, страна степей и гор, где жили кочевые племена, соблюдавшие монгольские нравы и традиции; в центре и на юго-западе – Мавераннахр, земля оседлых и полуоседлых людей, живших в городах и селениях, исповедовавших мусульманство, приверженных иранской культуре, находившихся под военной властью исламизированных тюрко-монгольских кланов.

Новое ханство Мавераннахр образовалось под властью принца дома Чагатая, которого поставили на трон тюрко-монгольские кланы, чтившие монгольские традиции, которые требовали, чтобы суверены Азии принадлежали династии Чингисхана. Но недолго продолжалась власть чагатаидов.

В 1346–1347 гг. эмир караунасов Казган убил хана чагатаидов Казан-хана и сам сел на престол. Казган не пытался установить полную власть над улусом, он довольствовался титулом эмир и держал при себе марионеточного хана из чагатаидов, дабы оправдать свое правление. В этот период улус Чагатая был разделен на две группы племен: южную и северную. Южная группа включала караунасов, арлатов, апардов и куттуланов. Это была довольно сплоченная и сильная группа. Северная группа состояла из ясауров и старых улдусских племен: барласов и джалаиров. Племя сельдусов колебалось между двумя этими группами. Когда к власти в улусе пришел Казган, южная часть улуса одержала победу и сохраняла свое преимущество до прихода Темура (1370 г.). Казган был у власти двенадцать лет – до 1357–1358 гг., но неизвестно, в какой мере ему были верны северные племена.

Благодаря энергии Казгана эта страна, которая официально была монгольским ханством, но на деле тюркской конфедерацией, вновь начала играть видную роль в Центральной Азии.

В другом ханстве, Моголистане, правил Туглук Тимур-хан, принадлежавший ветви Чага-тая, который держался на троне благодаря силе и коварству. Этот властитель, энергичный и ловкий, решил восстановить великое ханство своего предка. С целью подчинения себе Мавераннахра Туглук Тимур и его подданные приняли ислам. Его

решительные действия в этом направлении сдерживали лишь только авторитет и могущество его соперника – эмира Казгана.

В 1357 г. Казган был убит сыном Боролдая, бывшего эмира караунасов, обидевшегося на то, что ему не дали командовать войсками отца (туменом Боролдая). На смену Казгану пришел его сын Абдаллах, более амбициозный, чем его отец: он мечтал распространить свою власть и на северную часть улуса. Историки описывают отрицательную реакцию северных племенных вождей на притязания Абдаллаха. В период правления Казгана Абдаллах предпринял поход на Хорезм. Об этой экспедиции сообщалось неодобрительно, очевидно, Казган в свое время был против нее. Абдаллах решил перенести свою столицу в Самарканд, несмотря на предупреждения его советников о том, что не следует покидать насиженные места. Он убил марионеточного хана отца Буян-Кум и заменил его другим. Эти необдуманные поступки стоили ему власти. В 1358–1359 гг. Хаджи Барлас и Байан Сельдус изгнали его, убили его братьев и его хана. Абдаллах скрылся у караунасов и вскоре умер.

Рассматривая причины свержения Абдаллаха, хроники подчеркивали совершенное им убийство хана, назначенного его отцом. Однако убийство марионеток воспринималось и прежде довольно легко: и Казган, и впоследствии Тимур проделывали это без серьезных для себя рецидивов. Возможно, что решающим толчком для его падения было решение Абдаллаха перенести столицу в Самарканд. Расправившиеся с ним Байан Сельдус и Хаджи Барлас имели земли рядом с Самаркандом. Хаджи Барлас квартировал в Кеше, Байан – в Шадмане. Перспектива появления рядом с их областями центрального правителя с большим отрядом воинов-караунасов была им не по душе. Также им не нравилось абсолютное правление над регионом, который был ханским, и землями, контролируемые племенами, которые не были близкими союзниками караунасов. Северные племена больше теряли, нежели приобретали от этого предприятия.

После смерти эмира Казгана в Мавераннахре не было сильного правителя. Страна находилась в состоянии полной феодальной раздробленности. По словам Низам ад-Дина Шами, в Мавераннахре в 50-х гг. XIV в. было несколько более или менее крупных владений, которые никому не подчинялись и враждовали между собой. Шами, перечисляющий эти владения, замечает, что каждый из владетелей, даже обладавший небольшой военной силой, держал себя по отношению к другим владетелям высокомерно, вследствие чего в стране не прекращались раздоры и смуты, а дела государственные приходили в полное расстройство.

В феврале–марте 1360 г. Туглук Тимур вступил со своими войсками на территорию Мавераннахра.

Он не встретил сопротивления со стороны племенных вождей, которые использовали нападение по-разному: кто для того, чтобы укрепить свои позиции, кто для того, чтобы выйти из улуса. Баязед Джалаир и его племя, земли которого находились на границе Моголистана, присоединились к чагатаидам и пошли с ними против Самарканда и Кеша. Хаджи Махмуд-шах Ясаури, чья территория соседствовала с барласами, решил в этой ситуации разграбить их земли. Вождь барласов Хаджи Барлас сначала собрал свое войско для отпора, но затем, решив, что враг сильнее, ушел в Хорасан.

В XIV в. падала пассионарность (Л. Гумилев) тюрко-монголов Мавераннахра. Ярko горела она у сарбадаров Хорасана и Самарканда.

Положение в Мавераннахре было нестерпимо и безнадежно. Потомки Чагатая показали полную неспособность управлять этнической химерой (Л. Гумилев), состоящей из монголов, тюрков, таджиков. Они правили только в степях Моголистана, т. е. в привычном для кочевников ландшафте. Эмиры, бывшие вожди племен, умели воевать лишь друг против друга, а вожди сарбадаров, изгнав из своих городов тюрко-монголов, сводили личные счета с согражданами, что практически невозможно назвать борьбой. Стране нужна была твердая власть.

В 1361 г. Туглук Тимур возобновил нападение на Мавераннахр, имея намерение окончательно подчинить себе богатую страну и, таким образом, стать этой твердой властью. И на этот раз Туглук Тимур не встретил на Кашкадарье отпора.

Именно во время этого вторжения Туглук Тимура сделал первый шаг к лидерству в племени барлас будущий великий Темур.

Восхождение Темура

Для лучшего восприятия неординарной личности Темура надо знать среду, в которой он родился и жил, политические обстоятельства, из которых он, как гениальный государственный деятель и военачальник, извлекал выгоду, дабы превзойти Чингисхана и стать Господином мира.

В отличие от Чингисхана, родившегося в степи, Темур появился на свет в другой обстановке: в организованном и упорядоченном обществе, скорее, оседлом, нежели кочевом, здесь были плодородные земли, крупные города, хорошие дороги, способствующие торговле; страна производила шелк, а поскольку она находилась на караванном пути из Китая в Переднюю Азию, ее положение следует считать чрезвычайно благоприятным. Поэтому было бы большой ошибкой изобразить Темура как «монгольского варвара», уподобив его Чингисхану, потому что он – тюрк, а не монгол, и общество, в котором он родился, держалось на земледелии, хотя кочевой инстинкт, унаследованный от предков, зачастую толкал его на авантюры, присущие степнякам.

Итак, 8 апреля 1336 г. в селении Ходжа Илгар, недалеко от города Кеш, на свет появился будущий великий Темур.

Его отец Тарагай, глава местного клана барласов, был мирный человек, более озабоченный религиозными обязанностями, чем воинским делом. В этом отношении большинство барласцев не были похожи на своего предводителя: это были всадники, владеющие саблей и луком так же, как их предки, и всегда готовые совершить набег.

Племя барласов было в числе тех, кто присоединился в свое время к Чингисхану, и от них, возможно, вели род барласцы Кеша: они тюркизировались и исламизировались за счет контактов с местным населением, составив преобладающую силу в военном плане.

Город Кеш, расположенный к югу от Самарканда, на западной оконечности Алайского хребта, располагался в середине долины, окруженной бурными реками Кашкадарья и Кызыл-Су. Здоровый климат, плодородная земля и буйная растительность дали ему название Зеленый город. Под защитой гор, гарантированный от холода и засухи благодаря источникам, охраняемый воинственными барласцами, Кеш был одним из крупных мавераннахрских городов, избранным Темуром в начале своего царствования в качестве столицы империи.

Детство Темура прошло в этом благодатном месте. Он рано потерял мать и воспитывался мужчинами. У него была суровая жизнь: охота, охрана скота клана и жесткие игры в компании маленьких барласцев, которые сразу признали его своим лидером.

Часто происходили драки с охранниками соседних стад: летели стрелы, сверкали ножи, порой текла кровь, а животные доставались самому сильному и ловкому. Возможно, здесь кроются истоки утверждения некоторых авторов о том, что Темур начал свою карьеру завоевателя маленьким вором скота.

В перерывах между подобными мужскими развлечениями Темур посещал мечеть в Кеше для того, чтобы получить религиозное образование, достойное, по мнению его набожного отца Тарагая. Частые посещения религиозных собраний шейхов и улемов, а также изучение шариата не прошли бесследно: полученные им знания были весьма глубокими для воина.

Вечерами, при свете костра, он подолгу беседовал с дервишами, членами братств, несущими идеи мистицизма, которые дали обет бедности и бродили по Центральной Азии, живя подаяниями. Быть может, Тарагай был их приверженцем, и юный Темур получил нечто вроде инициации? Однозначного ответа на этот вопрос нет, хотя интересно то, что Темур всю жизнь пользовался активной поддержкой этих людей, которые были для него настоящим источником знаний и орудием пропаганды, способным увлечь других. Не исключено, что их

представители пришли в Кеш для того, чтобы оценить способности и, соответственно, возможности сына Тарагая. Очевидно, обнаружив у этого молодого человека неординарные способности, они уже тогда просчитали его приход к власти, и что в ответ на их религиозную поддержку им будет обеспечено влиятельное положение в государстве. Это предвидение оказалось пророческим.

Темуру не было и 20 лет, когда правитель Мавераннахра Казган взял его на службу и, восхищенный его умом, отвагой и силой, поставил его на одну ступень со своими ближайшими соратниками и друзьями. Он даже отдал ему в жены одну из своих внучек, Алджай, и доверил командовать тысячным отрядом всадников. Его другом стал внук эмира Хусейн.

Двор Казгана был полон интриг, заговорщиков и предателей. Темуру не примкнул ни к одной из оппозиций. К сожалению для него, Казган был убит в 1357 г. во время охоты, и беспорядок в стране после смерти властителя привел к отставке его преемника Абдаллаха, правление которого сменила диктатура двух знатных мавераннахрцев, одним из которых был Байан Сельдус, другим – дядя Темура Хаджи Барлас. Эти люди не имели достаточного политического таланта, чтобы держать в руках тюркскую знать Мавераннахра. Более того, внук Казгана – Хусейн – объявил себя правителем крупного княжества в Афганистане, включавшего в себя Кабул, Балх, Кундуз и Бадахшан. Это было феодальное разделение страны.

Правитель Моголистана Туглук Тимур-хан воспользовался анархией и захватил Мавераннахр, тем самым снова объединив под своей властью бывший улус Чагатая. Хаджи Барлас, оставив безнадежную борьбу, сбежал из Кеша в Хорасан.

Темуру оказался гораздо мудрее. Этот двадцатипятилетний юноша решил, что пришло время выйти на политическую арену. Он не собирался вести мавераннахрских тюрков против илийских тюрко-монголов. Наоборот, в происходивших событиях Темуру увидел возможность легально унаследовать от своего дяди Хаджи Барласа титул правителя клана барласов и, соответственно, Кеша. С этим намерением он стал вассалом Туглука Тимура.

Шараф ад-Дин так комментирует действия Темура: отдавая себя в добровольное подчинение, он приносил себя в жертву общественным интересам вместо своего дяди, чье бегство стало угрозой краха их семейства. Туглук Тимур был рад заполучить такого сторонника: он вознаграждал Темура и поручил ему править Кешем.

Теперь Темуру приступил к формированию армии кочевников от Окса до Самарканда и союзов с правителями других племен, особенно выбирая тех, кто враждебно относился к Хаджи Барласу. Прежде всего, он сблизился с Хидром Ясаури, который возглавлял племя ясауров и был связан через брак с двоюродным братом Темура – Хаджи Махмудшахом Ясаури. В это время тюрко-монголы рассорились между собой, и ушли из этих мест. Воспользовавшись таким положением дел, внук Казгана, вождь караунасов Хусейн вернулся из Кабула и просил Хидра, Темура и Баязеда Джалаира идти с ним против Байана Сельдуса, чтобы отомстить за убийство своего дяди и других членов семьи. Хидр и Темуру согласились, а Баязед, проявив определенный интерес, все же от похода уклонился. Заручившись поддержкой Хидра и Темура, Хусейн приобрел большую силу в улусе. Втроем они направились к Шадману с целью нападения на Байана Сельдуса, но тот, услышав об их приближении, сбежал в Бадахшан; когда же они стали его преследовать, то местный правитель Баха ад-Дин покинул вотчину. Хусейн заявил о своих претензиях на власть в регионе и лидерство в улусе. Так, с помощью Темура и Ясаури власть в улусе вновь вернулась к южной коалиции, и Темуру, готовившийся к борьбе с Хаджи Барласом, получил в лице Хусейна сильного союзника. Однако притязания Хусейна встретили сопротивление. Вскоре после возвращения Темура и Ясаури в свои земли они получили от Хусейна весть о том, что Туглук Сельдус, правитель одной части Сельдуса, стал врагом. Хидр и Темуру откликнулись, собрали войска и соединились с Хусейном, но Туглук ретировался.

В это время вернулся Хаджи Барлас и начал восстанавливать власть над своим племенем. Прямо он не выступал против Темура, хотя взял себе в союзники Баязеда

Джалаира. Услышав об этом, Темура объединил свое войско с армией Хидра Ясаури. Историки спорят насчет исхода первой битвы между ними, но едины в оценке ее последствий: барласские эмиры решили довериться Хаджи Барласу, поэтому большая часть воинов Кеша покинула Темура, за исключением его соратника Чеку Барласа. Чеку и Темура решили подчиниться Хаджи Барласу. Это вовсе не удивительно, так как в ненадежной и постоянно меняющейся системе эмиры часто переходили с одной стороны на другую, а их правители, не желая терять сторонников, соглашались с такими рокировками. Темура вновь приняли в родное племя, и он вскоре стал противником своего недавнего союзника Хидра Ясаури. Теперь Баязед, Хаджи Барлас и Темура выступили против Хидра, которого быстро разгромили. Эта победа расширила земли Баязеда и утвердила Хаджи Барласа в качестве лидера. Таким образом, первая попытка Темура взять власть провалилась.

В марте–апреле 1361 г. Туглук Тимур снова совершил набег, и позиции Темура вновь укрепились. Когда войска тюрко-монголов дошли до Ходжента, Баязед Джалаир сдался, а когда они были около Самарканда, его примеру последовал Байан Сельдус. Хаджи Барлас собирался сделать то же самое. Но узнав, что хан казнил Баязеда, решил сбежать в Хорасан. Хаджи Барлас прошел через Кеш для сбора войск и, преследуемый тюрко-монгольской армией, переправился через Окс в Хорасан, где был схвачен и убит. Темура явился к хану, имел беседу с Туглуком Тимуром, и ему опять отдали область Кеш и сделали начальником тумена.

Туглук Тимур, по достоинству оценив молодого человека, назначил его воспитателем своего сына Ильяс-ходжи, которого определил правителем Мавераннахра, а сам тем временем вернулся в Моголистан.

Такое возвышение могло сделать сына Тарагая фактическим господином Мавераннахра, настолько было велико его влияние: он выполнял регентские функции, был хранителем печати и командовал десятками тысяч солдат, но эфемерность этой должности была очевидна – если бы фортуна повернулась к нему спиной, если бы кто-то другой завоевал расположение Ильяс-ходжи, если бы Туглук послушал наветы завистников и заподозрил в нем потенциального соперника, падение Темура было бы еще более впечатляющим, чем восхождение. Выжидательная позиция также была невыгодна: в любой момент враги могли убить его, да и сам Туглук, не колеблясь, казнил бы советника по подозрению в неверности. Возможно, до Темура дошли тревожные слухи или он перехватил послание хана с угрозой для себя, но, как бы то ни было, он решил исчезнуть, оставить двор, бросить печать, десять тысяч всадников и воспитанника. В сопровождении жены Алджай и небольшого количества сторонников он ушел в горы навстречу с судьбой, предназначенной для отважных, которые полагаются на волю Аллаха.

Его целью было найти своего шурина, эмира Хусейна, изгнанного Туглуком, который скрывался где-то на границах Мавераннахра, ожидая подходящего момента для реванша. Изгнанники встретились в пустынном месте и поклялись объединить свои силы против врага. У них было всего шестьдесят воинов.

Правитель Хивы решил схватить их, окружив кольцом из тысячи всадников. В результате яростной схватки в живых осталось пятьдесят солдат противника и правитель, пронзенный копьем Темура.

Пятеро оставшихся в живых беглецов укрылись в горах и несколько долгих дней терпели лишения. Именно тогда Хусейн и Темура решили разойтись, чтобы собрать сторонников в родных местах.

Темура тайно пробрался в Кеш, где его восторженно встретили молодые барласцы. Он беседовал с дервишами, которые обещали предупредить своих собратьев в Самарканде о его скором прибытии. У него созрел дерзкий план распространить восстание и на столицу, где находилась резиденция Ильяс-ходжи. Племена, жившие в окрестностях Самарканда, приветствовали Темура как предводителя в борьбе с захватчиками.

Темной ночью, минуя стражу, Темура проник в центр Самарканда. Днем он прятался в саду рядом с гаремом своего шурина, куда его сестра Туркан-ага доставляла пищу и новости.

Ночью, переодетый нищим, ускользая от патрулей, он ходил по базарам и караван-сараям, слушая, о чем говорят люди, встречался с дервишами, которые сообщали ему обо всем, что происходило в Самарканде.

Однажды утром, когда он выходил от сестры, его узнали прохожие и окружили, приветствуя. Предупрежденная шпионом стража бросилась схватить его, но он сумел выбраться из города. За чертой города его уже ждал отряд из пятисот хорошо вооруженных сторонников. Они добрались до Кеша, затем до Кандагара, где находился Хусейн со своими людьми.

Теперь у них было более тысячи всадников в полном вооружении. Чтобы всем обеспечить приличное жалованье, Темур и Хусейн вместе со своими воинами поступили на службу к принцу провинции Систан в качестве наемников для борьбы с мятежными племенами. За несколько недель они уладили бунтовщиков и восстановили порядок. Принц должен был заплатить им, но, сделав хитрый и коварный ход, что было довольно обычным делом в те времена, условился со своими вчерашними врагами устроить засаду не в меру ретивым чужакам.

Окруженные со всех сторон превосходящими силами, мавераннахрцы сражались с яростным желанием отомстить. Нападавшие, узнав Темура, устремились к нему, дабы уничтожить самого опасного противника. В мгновение ока лучники начали осыпать его стрелами. Одна из них попала в локтевое сухожилие правой руки, другая пронзила правую ногу. Но все-таки враг был отброшен, раны Темура перевязали, и с тех пор он стал известен во всем мире как «хромец», или «ленг», Темурленг – по-персидски.

Во время вынужденного лечения к нему присоединялись все новые и новые люди, желавшие служить ему. Темур сформировал небольшую, но мобильную армию, которая скоро доказала свою боеспособность, разгромив под Балхом войска, посланные Ильяс-ходжей для преграды пути Темуру.

За первым успехом последовал победоносный поход в соседнее царство Бадахшан, но, возвращаясь, войско Темура встретилось с настоящей вражеской армией, укомплектованной лучшими тюрко-монгольскими офицерами, которая стояла на противоположном берегу реки. Смелый маневр, свидетельствующий о появлении нового полководца, позволил Темуру победить превосходящего числом противника.

Оставив Хусейна с половиной армии на берегу охранять единственную переправу, Темур тайно перешел реку выше по течению с остальной конницей и занял холмы в тылу врага. Утром, когда начался бой, он приказал зажечь большие костры на возвышенности и бить в барабаны. Тюрко-монгольская армия решила, что ее окружили большие силы; она не имела возможности перейти на другой берег, так как мост хорошо охранялся, и начала отступать. Темур и Хусейн с обеих сторон обратили противника в бегство.

По окончании сражения Темур послал эскадрон в Кеш, приказав привязать ветки к лошадиным хвостам. Увидев облака пыли, монгольский правитель решил, что Кеш атакует большое войско, и сбежал со своей свитой. Солдаты Темура вошли в город без боя, громко выкрикивая имя своего командира.

Таким образом, в Азии появилась новая легенда о том, как Темур, юный представитель барласцев, разбил целую армию при помощи костров и взял город с помощью пыли.

В 1363 г., через несколько месяцев после этого события, настал черед Ильяс-ходжи, который к тому времени стал правителем Моголистана после смерти Туглук Тимура, но он потерпел сокрушительное поражение под Кешем.

Накануне Темуру приснился сон, где глас небесный пророчествовал ему победу, если он нападет немедленно. Проснувшись, он убедил своих воинов в реальности этого послания свыше и повел их в бой, несмотря на меньшую численность и неподготовленную атаку. Это было одно из первых проявлений его провидческого дара, которое убедило современников в том, что он – посланец Провидения.

Ильяс-хан исчез с политической арены Моголистана, и мавераннахрская знать собралась в Самарканде, где с новой силой возобновились распри за обладание верховной

властью. Чтобы не допустить анархии в стране, Темур и Хусейн созвали общее собрание эмиров, на котором было решено вернуться к старому обычаю – избирать хана среди потомков Чингисхана. Каждый участник, естественно, имел в виду марионеточного хана, которому можно будет навязывать свою волю.

Нашли человека, потомка «несокрушимого императора», скрывавшегося в монастыре под видом дервиша. Собравшиеся надели на этого наивного и боязливого человека ханский халат, посадили на трон, и каждый из участников прошел перед ним с кубком в руке, девять раз преклоняя колена, согласно монгольскому обычаю приветствовать властителя.

Вечером Темур устроил роскошный праздник для эмиров и одарил их богатыми подарками. «Обязанность хозяина дома – проявлять щедрость к гостям», – сказал он. Такая заявка на право хозяина Самарканда явно не понравилась его шурина и соратнику Хусейну, и он молча ушел в знак протеста.

Собрание присвоило Темуру титул «Сахиб-Киран», т. е. «повелитель созвездий», который избранно получали восточные владыки и который намекал на его провидческий дар и успех во всех предприятиях. После того как деликатный вопрос назначения суверена был решен к удовлетворению эмиров, они разъехались по своим владениям на зиму.

С приходом весны возобновилась агрессивность Ильяс-ходжи. Темур и Хусейн спешно собрали войска и двинулись навстречу захватчикам.

Сражение произошло на берегах реки, но на этот раз удача отвернулась от мавераннахрцев. Очевидно, причиной были разногласия между сторонниками Темура и Хусейна.

В связи с этим напомним любопытную историю о буре, будто бы вызванной монгольским колдуном при помощи магического камня яда.

Предупрежденные солдаты Ильяса оделись в непромокаемые плащи и вырыли укрытия в своем лагере, а мавераннахрцы промокли до костей и всю ночь не могли сомкнуть глаз. Утром они были измученные, усталые и промокшие, а от дождя тетива луков ослабла.

Схватка, вошедшая в историю под названием «грязевая битва», произошла между Чиназом и Ташкентом. В момент сражения начался сильный ливень. Образовалась липкая, скользкая грязь, лошади теряли устойчивость и падали. Темур и Хусейн проиграли сражение. Историки темуридов возлагали вину на Хусейна, и это стало причиной первой серьезной стычки между ним и Темуром.

Они покинули поле боя с остатками войска, и ушли сначала в сторону Самарканда, а потом, признав дальнейшее сопротивление бессмысленным, направились к Амударье, которую перешли, скрывшись в Балхской области.

Такое поведение обоих правителей открывало врагу свободную дорогу на Самарканд. Самарканд в то время не имел ни укрепленных стен, ни цитаделей, где можно было бы укрепиться на случай осады города. Более того, Хусейн не оставил в нем ни гарнизонов, ни военачальников. Таким образом, население древнего города было оставлено на произвол судьбы, на волю победителя – Ильясходжи. К счастью для Самарканда и его многочисленных жителей, в городе в это время находилась значительная группа сарбадаров. Сарбадар значит висельник. Лучше погибнуть на виселице, говорили сарбадары, чем гнуть спину перед монголами. Среди сарбадаров имелись левые группировки, которые мечтали об улучшении положения народа. В ту эпоху сарбадарство широко было распространено в северо-восточном Иране, главным образом, Хорасане и в 1365 г. охватило Самарканд. Это было весьма прогрессивное течение, ставившее своей основной задачей освобождение родной страны от монгольского ига. Сарбадарство широко поддерживалось демократически настроенными жителями городов, прежде всего, ремесленниками и учащейся молодежью, лавочниками, за пределами городов – крестьянством и средними землевладельцами.

Только феодальная аристократия, высшее мусульманское духовенство да крупное купечество были довольны монгольскими порядками и враждебно относились к сарбадарской пропаганде. Однако и в сфере феодальной аристократии, особенно среди патриотически настроенной молодежи, были и сочувствовавшие сарбадарам.

Когда весть о приближении тюрко-монголов Ильяс-ходжи дошла до жителей Самарканда, начались большие волнения. Сарбадары призывали народ оказать сопротивление тюрко-монгольскому войску. Среди самаркандских сарбадаров особенно выделились Мавлан-заде Самарканди – учащийся самаркандского медресе, Абу Бакр Калави, согласно Шами – трепальщик хлопка, а у других авторов – староста квартала трепальщиков хлопка, и Хордак Бухари – хороший стрелок из лука. Когда в соборной мечети собралось около 10 тыс. человек из знати и простого народа, Мавлан-заде, опоясанный мечом, выступил с горячей речью. Он говорил о том, что правитель, взимавший незаконную подушную подать под видом пошлин и хараджа, в часы опасности бросил население города на произвол судьбы, что жители города не спасутся, если дадут за себя даже самый большой выкуп, что спасение только в сопротивлении и борьбе. Мавлан-заде обратился с вопросом: кто возьмет на себя защиту ислама, но знать безмолвствовала. Тогда Мавлан-заде спросил простой народ, окажут ли они ему содействие, если он примет на себя ответственность. И те поддержали Мавлан-заде.

Получив полномочия народа, сарбадары под руководством Мавлан-заде и Абу Бакра, который имел большие связи в среде самаркандских ремесленников, начали энергичную подготовку к обороне родного города. Задача была очень трудной: Мавлан-заде составил списки годных к военной службе людей и привлек к работам по укреплению города самые широкие слои населения. Сарбадары использовали узкие улицы города для возведения на них баррикад. Свободной была оставлена, по-видимому, только главная улица города. В наиболее важных и выгодных для обороны пунктах были расставлены лучники. Все было рассчитано на то, чтобы впустить конных тюрко-монголов в свободный проход, а с флангов, со стороны забаррикадированных узких улиц, нанести им тяжелый удар. Тюрко-монголы не подозревали, что их ожидает в Самарканде, и предполагали легко овладеть городом. Однако они ошиблись: когда передовые отряды прошли засаду, Мавлан-заде дал сигнал, и на врага посыпались стрелы, камни и палки.

Тюрко-монголы не смогли взять город и окружили его тесным кольцом. Осажденные начали испытывать голод, и тут чудо спасло Самарканд: страшная эпидемия уничтожила всех лошадей армии противника. Тюрко-монголы спешно сняли осаду, потеряв, по одним данным, тысячу, а по другим – две тысячи человек.

Это был конец Ильяс-ходжи. Он хотел уйти в Моголистан, но на границе его убил эмир Камар ад-Дин, предводитель клана дуглатов, и захватил власть.

Весть о победе сарбадаров над Ильяс-ходжой дошла до эмира Хусейна и Темура. Зимой последний проводил в Кеше, а Хусейн – на берегу Амударьи. Весной они сошлись и направились к Самарканду. Остановились они у самого города, в местности Канигиль. Они дали знать сарбадарам, что одобряют их поведение и хотят их видеть. Сарбадары поверили «добрым» намерениям эмиров, и действительно, на приеме им были оказаны знаки внимания. Однако, когда на следующий день они вновь появились в ставке Хусейна и Темура, их вероломно схватили, связали и казнили всех, за исключением Мавлан-заде, которого своим заступничеством перед Хусейном спас Темур. Что в этой ситуации руководило Темуром? По-видимому, между Хусейном и Темуром существовало разногласие по вопросу о сарбадарах. Есть основания полагать, что Темур имел с некоторыми из них старые связи, особенно с сарбадарами из знатной среды.

Покончив с сарбадарами, особенно с таким выдающимся из них, как Абу Бакр, Хусейн и Темур вновь подчинили себе Самарканд. Произошло это в конце весны 1366 г. Совместное пребывание в лагере Канигиль было в известной мере испытанием дружбы Хусейна и Темура. Между обоими эмирами усугубились недоразумения, которые трудно было преодолеть.

Темур предпринял неожиданную кампанию против авторитарных устремлений своего шурина. Тот добивался признания его в качестве фактического правителя Мавераннахра, напоминая о своем родстве с Казганом. Опираясь на чисто номинальную власть хана, недавно избранного в Самарканде, Хусейн решил наложить налог на эмиров для создания

государственной казны, причем особо большие налоги налагались на эмиров и военачальников, близких Темуру. Тем самым он хотел одновременно унижить оппозицию.

Это была грубая ошибка с его стороны, так как эмиры, потерявшие большую часть состояния во время «грязевой битвы», обеднели и вынуждены были обратиться за помощью к вождю барласов, которому пришлось опустошить свои сундуки, чтобы помочь им. Он даже отдал драгоценности своей жены, сестры Хусейна.

Теперь стало ясно для всех, что эмир Хусейн – жадный тиран, а Темур – щедрый и надежный господин. Впрочем, от последнего именно таких действий и ждали. Этим актом щедрости он приобрел в среде своих военных помощников большую популярность. Хусейн же, напротив, нажил немало недругов среди влиятельных людей. Уже в лагере под Самаркандом оба понимали, что каждый из них является помехой другому. Расхождения между ними с каждым годом усиливались, и волей-неволей оба эмира втягивали в круг своих единомышленников мавераннахрских владетелей. Феодалная анархия в стране не могла продолжаться бесконечно. Наряду с феодалными сепаратистскими силами, в самом обществе того времени накапливались силы, заинтересованные в феодалном объединении, в сложении прочной государственности. Объединения хотели купцы, ремесленники и мусульманское духовенство, а также земледельческое население. Хотя между Темуром и Хусейном не было столь резких противоречий, какие в свое время имелись между Кебекханом и чагатайскими кочевыми беками, однако Темур лучше, чем Хусейн, понимал требования настоящего периода и, не теряя времени, подготавливал в среде духовенства и городского населения сочувствующие ему группы.

Этот тандем с самого начала был обречен. Хусейн был могущественнее: кроме Мавераннахра, у него было собственное царство в Афганистане с городами Балх, Кундуз, Хулм и Кабул. Темур же прочно держал власть в своих землях – Кеше и Карши, на самых подступах к Самарканду, и был более сильной и яркой личностью.

Смерть жены Темура еще больше разделила их. Сначала Хусейн выдворил Темура из Карши. Затем Темур силой вернул себе этот город и, кроме того, захватил Бухару. В ответ Хусейн с большой армией вышел из своей резиденции в Сал-и Сарае, к северу от Кундуза, чтобы снова захватить Мавераннахр. Он отобрал Бухару и Самарканд, а Темур ретировался в Хорасан. Однако воинская отвага Темура была вне всяких сомнений: он мог сражаться рядом с солдатами, когда это было необходимо, но в политическом смысле проявлял осторожность, коварство и умел выжидать удобного момента. Темур не погнушался заключить договор с илийскими тюрко-монголами и тем самым спровоцировать их на вторжение, которое предполагалось на следующую весну. Таким образом, очистив Мавераннахр от чагатайских тюрко-монголов Или, он был готов отобрать страну у Хусейна с их же помощью. Здесь следует отметить, что Темур не осуществил этот план, потому как, опасаясь нового тюрко-монгольского нашествия, Хусейн предложил Темуру мир, ссылаясь на мусульманскую веру, которая связывала их друг с другом, на необходимость объединиться, дабы не допустить, чтобы полуязычники Или и Юлдуза разграбили священные земли Мавераннахра.

Темур того и добивался. Он сделал вид, будто его глубоко тронули слова соперника, и даже сказал, что давно мечтает действовать сообща во благо родины. Мир был восстановлен, так же, как и статус кво: он вернул свою область Кеш.

Этот случай представляет собой яркий образчик восточной хитрости. Внешне Темур исправно играл роль союзника Хусейна: он помог ему подавить мятеж в крепости Кабула, затем усмирить воинственных горцев Бадахшана. Но теперь в его помощи сквозила настороженность, принуждение и даже угроза. Хусейн понимал, что Мавераннахр будет находиться в руках соперника, поэтому все больше замыкался в Афганистане; он спешно отстроил заново крепость Балх, что весьма не понравилось Темуру.

«Когда Бог чего-то хочет, – говорится в „Зафарнаме“, – он представляет причины, на основании которых можно исполнить Божий замысел. Темуру и его потомкам он предназначил азиатскую империю, предвидя мягкость его правления, которое в конечном

счете сделало его подданных счастливыми». Такой высокопарный тон в этой ситуации вполне уместен. Шараф ад-Дин морализирует на тему жадности Хусейна, его упрямства, которое отдаляло от него других феодальных правителей, его неразумного, с точки зрения политики, поведения. В стране распускались слухи, представляющие Хусейна, естественно, в негативном свете и обвиняющего его в заговоре против Темура. Однако сам Темур без предупреждения, неожиданно напал на Хусейна. Он вышел из Кеша, переправился через Амударью недалеко от Термеза и вторгся в Бактрию – владение соперника. Застигнутый врасплох, гарнизон Кундуза сдался, затем сдался правитель Бадахшана, а Темур неожиданно появился под Балхом и осадил его. Находившийся в городе Хусейн оказался в ловушке, без надежды на спасение, посему он вынужден был капитулировать.

Итак, Темур и Хусейн отвоевали у врагов добрую часть Мавераннахра. Но их отношения к тому времени были исчерпаны. И мы предполагаем, почему. Вклад Хусейна в их союз был более значителен: его войска – могущественнее, казна – богаче, и он сам занимал более высокое положение. Напротив, авторитет Темура среди воинов, его отвага и воинский талант намного превосходили личные качества Хусейна. И тот оказался побежденным. Согласно хроникам, Темур хотел сохранить ему жизнь, но его сподвижники убили Хусейна. Скорее всего, Хусейн не питал особых иллюзий относительно своей участи: после поражения он пытался скрыться в развалинах и стал жертвой предательства. Однако есть основания полагать, что Темур не хотел отдавать приказ о казни противника. Он сказал: «Предоставь того, кто оскорбил тебя, Времени и Судьбе: они отмстят лучше, чем ты сможешь сделать это сам».

Как только стало известно о смерти Хусейна, все знатные люди Мавераннахра поспешили в Балх, чтобы засвидетельствовать почтение победителю. Темур объявил им о своем желании стать властителем Мавераннахра в соответствии с обычаем, установленным Чингисханом.

10 апреля 1370 г. Темур занял место на квадратном куске из белого войлока, надел на голову золотую корону и подпоясался царским поясом. Присутствующие девятикратно преклонили колени, вручили почетный кубок, затем осыпали его золотыми монетами и драгоценными камнями. По окончании церемонии новый властелин объявил подданным, что титул его будет не хан, а Великий эмир и что религия, которой он верен, – ислам. В это время ему исполнилось 34 года.

Темур начал с того, что распорядился вернуть в казну деньги и драгоценности, отобранные покойным Хусейном, затем приказал казнить часть жителей Балха, которые поддерживали его соперника. Этим жестоким актом Великий эмир не имел в виду мщение: он установил власть, основанную на терроре, который должен был предостеречь население от следования примеру тех, кто проявил сочувствие его противникам. Постепенное расширение империи и одновременно резкое увеличение численности подданных вынуждали его и в дальнейшем вести жесткую политику по отношению к своему народу, поскольку мятежи, как правило, начинались в то время, когда он находился в походе.

Вначале Темур пожелал сделать своей столицей Кеш, но удаленное положение города, труднодоступность, особенно в зимнее время, и невозможность расширения его границ заставили Темура отказаться от своего первоначального замысла.

Он отправился в Самарканд, который больше подходил для столицы благодаря своему богатому прошлому и географическому положению. Просторный, богатый и удачно расположенный Самарканд пользовался тысячелетним приоритетом, о котором не забывали ни тюрки, ни иранцы. Помнили и о расцвете греко-римской цивилизации с ее восхитительной культурой, сформировавшейся в результате симбиоза греческого и согдийского гениев и развившейся в рамках Кушанского государства, которое уничтожили иранские сасаниды. Тюрки или родственные им народы (известные как эфталиты) пришли туда в 420 г. Согдийский язык иранских корней в ту пору имел статус межнационального языка всей Центральной Азии, а Шелковый путь сделал Самарканд одним из главных перевалочных пунктов. Виноград, золотая и серебряная посуда, льняные ткани,

ароматические масла, изделия городских ремесленников, а также танцовщицы были хорошо известны и пользовались спросом даже в Китае. С появлением здесь арабов пришел и ислам. Самарканд стал для них, как и для их предшественников, воротами Востока. Именно в эту эпоху впервые была изготовлена бумага, заменившая собой папирусы и пергамент.

Самарканд был сверх всего прочего чем-то вроде святилища, местом почти священным. Задолго до Александра Македонского, там жил Афрасиаб, которого воспел в «Шах-наме» Фирдоуси и коего турки впоследствии сделали одним из главных своих героев. По прошествии некоторого времени там преставился двоюродный брат Пророка Мухаммеда Аббас.

Объединение Мавераннахра

В 1370 г. Темура из Кеша переехал в столицу своей империи Самарканд, где прежде всего начал строить крепкие стены, цитадель и дворец. Хорошо укрепленный Самарканд был необходим Темуру как надежный оплот против возможных выступлений его врагов, противников объединения Мавераннахра.

Первым его шагом был созыв всех знатных людей страны на курултай, или «великое собрание», на просторную равнину, окружавшую город. Это было предпринято в знак уважения обычаев монгольских властителей, которые таким образом производили смотр своих вассалов перед военными походами. Почти все эмиры откликнулись на приглашение и получили за это вознаграждение, а отсутствовавшие были объявлены бунтовщиками.

Темура хорошо понимал, что стране необходима твердая власть, которая могла бы прибрать к рукам непокорных и беспокойных владетелей, особенно кочевых – тюрко-монгольских эмиров среди джалаириков, барласов, сульдусов и др. В этом стремлении его активно поддерживали жители городов и крестьянство, а также представители влиятельного мусульманского духовенства. Вместе с тем Темура проникнулся настроением большинства владетелей Мавераннахра. Свою среду он знал очень хорошо, поэтому не только учитывал, как крепко сидит у мавераннахских владетелей желание провести удачный поход и сорвать большую добычу, но и сам имел к этому вкус. Большой государственный ум сочетался у Темура с привычками феодала-владетеля, который не упустит случая захватить у соседа добро, если для этого есть у него достаточная сила.

Поэтому Темуру оказалось труднее удержать власть в улусе, чем взять ее. Он скоро почувствовал, что опасность угрожает как со стороны тех, кто помог ему прийти к власти, так и со стороны тех, кого он покорил силой.

План Темура превратить Мавераннахр в основу паназиатской империи с самого начала натолкнулся на препятствия, казавшиеся непреодолимыми.

Пропасть, разделявшая жителей городов, приобщившихся к персидской культуре, и грубых полукочевников, существовала всегда. Первые боялись и презирали жестоких и суровых всадников, которые разговаривали на вульгарном тюркском языке, последние с высокомерием относились к «изнеженным» горожанам, которые пользовались изысканным языком, понятным лишь немногим. Эта ситуация отразилась в иронической пословице: «Даже тюркская собака, входя в город, должна лаять по-персидски». Принадлежность к разным этническим группам и верованиям разделяла население.

Чтобы выглядеть безусловным и мудрым правителем в глазах всех жителей, Темура должен был, прежде всего, примирить обе группы, составлявшие большинство населения страны.

С одной стороны, это были мусульмане, жившие в городах и служившие в армии, а с другой – тюрки и монголы, сохранившие верность монгольским обычаям и верованиям и составлявшие многочисленные кланы, участие которых было необходимо для формирования армии и защиты границ государства.

Чтобы успокоить мусульман, Темура, отдавая дань уважения членам семьи Пророка, «садатам», взял под защиту улемов и дервишей, часто советуясь с ними, подавая пример

набожности, строя мечети, медресе и приюты для бедных. Он даже приказал построить деревянную разборную мечеть, чтобы возить ее с собой во время походов. Наконец, он объявил, что мусульмане будут жить по законам шариата.

Для тех, кто тосковал по монгольским временам, он оставил в армии Ясу, сборник правил, составленный Чингисханом. Темур не принуждал приверженцев Тенгри к переходу в ислам и не притеснял шаманов. Сам он публично принял некоторые монгольские обычаи, которые практиковали ханы: почтительное отношение к вассалам, коленопреклонение в момент подачи хану кумыса – как знак поклонения Тенгри, поскольку только суверен находился на вершине горы и мог благодарить Синее Небо за победы.

Он посадил на трон принца, потомка Чингисхана – Суюргатмыша, объявив, что сам он – всего лишь его генерал. В действительности же этот хан во всем подчинялся ему, Темуру, сопровождая его в походах, и не имел никакой власти, кроме командования элитным отрядом. С такими разными людьми Темур создавал ядро непобедимой армии, с которой он завоеует полмира.

По мере укрепления власти Темура сила применялась все чаще, и все больше случалось казней. Очень немногие племенные эмиры были казнены или отстранены от правления до тех пор, пока они не восставали открыто и неоднократно. Когда Темур приказывал казнить кого-нибудь, он следовал практике прежних властителей и отдавал обвиняемого в руки того, кому тот навредил. Жестокость проявлялась по соображениям безопасности и по возможности обращалась во благо подданных. Если Темур был мягок к вождям племен, еще мягче он вел себя по отношению к племенам. Из многих племен, которые сопротивлялись ему, ни одно не было уничтожено, и только над одним был поставлен эмир, совершенно чуждый этому племени.

Первыми предали Темура бывшие союзники его противника. Среди них самым активным был Муса Тайчиут, который, в сущности, дезертировал еще до решающей битвы Темура с Хусейном. Его хотели схватить, но он бежал сначала на север, затем, узнав, что там небезопасно, – в Шабуркан к Зинде Хашаму Аларди. Когда Темур созвал эмиров улуса на курултай, Зинда Хашам и Муса не приехали туда. Затем они выступили более решительно. Они поднялись и убили двух арлатских эмиров, которые были настроены враждебно к Хусейну и намеревались поздравить Темура с победой. Тогда Темур обратился к родственнику Зинды Хашама, Олджейту Аларди, чтобы тот призвал его к порядку. Олджейт оказался неспособен сделать соответствующие внушения Зинде Хашаму. Темур, не желая вмешиваться во внутренние дела племени, послал к Зинде Хашаму сына Олджейта, Хаджи Юсуфа, но тот пленил его. Тогда Темур, не стерпев оскорбления, собрал войско и пошел на Шабуркан. Зинда Хашам капитулировал, предал Мусу и отдал Темуру в заложники своего младшего брата. Темур не мог позволить себе сурово обойтись с двумя такими влиятельными эмирами, как Муса и Зинда Хашам, поэтому он вынужден был простить обоих и вернуть им власть.

Походы в Моголистан

В 1371–1372 гг. Темур начал обращать взор за пределы улуса. Он совершил поход против суфийской династии Кунгират, которая контролировала Хорезм, и в районы Ферганы, Или и Таласа против Камар ад-Дина и других монгольских эмиров, которые взяли власть в Моголистане после убийства Ильяс-ходжи.

Таким образом, едва успев утвердиться на троне Мавераннахра, Темура вновь погнала в поход война в старом ханстве Чагатая, в восточной его части. На этой земле началось восстание.

Ранее ведущее положение в Моголистане занимало семейство монгола Дуглата: оно почти полностью контролировало Кашгарию с центром в Аксу и, кроме того, владело большой территорией в чагатайской зоне Или, где находилась ханская ставка. В 1347 г. дуглатского эмира Пуладжа после нескольких лет анархии сместил с престола Или

чагатайский хан Туглук Тимур. После смерти Пуладжа, которая случилась в царствование Туглук Тимура, титул «улус-беки» (примерно то же, что и комендант дворца) был отдан его юному сыну Худайдаду. Брат Пуладжа, эмир Камар ад-Дин, который жаждал получить этот пост, напрасно просил его у хана Туглук Тимура, за что после смерти последнего отомстил, убив Ильяс-ходжу, сына покойного хана. Камар ад-Дин сверг чагатайскую династию и узурпировал титул хана. Камар ад-Дин, тюрк по происхождению, правил Моголистаном, государством, образовавшимся при распаде улуса Чагатая и занимавшем территории Восточного Туркестана, Семиречья, части южной Сибири, примерно с 1366 по 1390 г.

Хан Камар ад-Дин был особо крепким орешком, хорошо знающим военное искусство засад и скрытых маневров.

Именно против Камар ад-Дина совершил Темур ряд походов, менее удачных, чем его операции в Иране, Дели или Анкаре, но в чем-то более знаменательных, потому что они проводились на «более трудной» территории против хитрого и умного врага. Это были превентивные меры с целью защиты Мавераннахра от регулярных набегов кочевников.

Походов на Моголистан, согласно хроникам, было семь, последний из них Темур совершил в 1389–1390 гг. Здесь следует отметить, что особенностью военных экспедиций, несмотря на их четкую стратегию и безупречную тактику, было то, что их зачастую приходилось повторять. Масштабы военных действий Темура были огромны: от Волги до Дамаска, от Смирны до Ганга и Юлдуза; его экспедиции в такие разные регионы следовали одна за другой и вовсе не в географическом порядке. Он действовал от Ташкента до Шираза, от Табриза до Ходжента в зависимости от маневров противника; поход в Россию имел место между двумя кампаниями в Иране, поход в Центральную Азию – между двумя экспедициями на Кавказ. Такая политика ведения войн в корне отличалась от четкого планирования военных экспедиций Чингисхана: походы в Монголию, походы на Дальний Восток, походы в Туркестан и Афганистан и снова на Дальний Восток.

Темур в конце каждой успешной кампании оставлял страну без всякого контроля, не считая Хорезма и Ирана, и то это имело место только в самом конце его царствования. Правда в том, что он беспощадно уничтожал всех своих врагов, и за ним оставались в качестве урока пирамиды человеческих голов. Но оставшиеся в живых забывали страшный урок и скоро возобновляли тайные или открытые попытки мятежа, так что ему приходилось повторять походы, которые отвлекали его от достижения основной цели. Багдад, Бурса (Бурса), Сарай, Кара-Шахр и Дели были уничтожены, но он не сделал того же с Османской империей, Золотой Ордой, Моголистаном или Индийским султанатом; даже джалаиры Ирана взбунтовались, как только он ушел. Таким образом, Темур был вынужден трижды покорять Хорезм, Моголистан – семь раз, Восточный Иран – дважды, Западный Иран – не менее трех раз, не считая двух кампаний в Россию и других военных походов.

Тактика «выжженной земли», излюбленная тюрко-монголами, применялась Темуром выборочно, потому что он не был «чистым» кочевником, а, скорее, представителем оседлого народа, вынужденного вести кочевую жизнь из-за своей жажды власти, которая не давала ему ни сна, ни покоя. Он любил города, сады, возделанные поля, но, когда ему случалось вырубать деревья или сжигать посевы, это диктовалось необходимостью обречь непокорного врага на голодную смерть.

Чисто географический подход к завоевательной деятельности Амира Темура неоправдан, здесь следует исходить из геополитических расчетов.

При обобщающем взгляде на военные кампании, проведенные Амиром Темуром в течение трех десятилетий его правления, мы видим, что он стремился выстроить державу, состоящую из трех концентрических зон. Средняя Азия, Балх и Восточный Хорасан представляют собой ядро его империи, располагавшееся между Аралом, Каспием, Балхашем, Тянь-Шанем и Гиндукушем. Стабильность ядра активно подкреплялась локализацией, а отчасти и ликвидацией смут во второй зоне, которую образовывали территории пяти междуречий: Урала – Волги, Оби – Иртыша, Тигра – Евфрата и, в меньшей степени, Инда – Ганга и Хуанхэ – Янцзы. Этот пояс рассматривался Темуром в качестве гласиса его

среднеазиатской крепости. Наконец, в третью зону входили более отдаленные приморские государства. Если бы там существовали конкурентные центры силы, они не должны были непосредственно угрожать империи Темура. Впрочем, таковых практически не было за исключением набравшего силу Османского султаната, который Темура и сокрушил. Московская Русь опасности для Амира Темура не представляла. Столь же отдаленный минский Китай, к тому же ослабленный гражданской войной 1399–1402 гг., также вряд ли рассматривался Темуром в качестве серьезного противника. Таким образом, главной заботой Темура были контроль над «Ираном и Тураном» на юге и влияние на ситуацию во всем евразийском степном поясе – на севере.

Но вернемся к хронике походов Темура на Моголистан. Первые два похода против воинствующего хана Камар ад-Дина Темура предпринял весной и осенью 1371 г. Первый поход закончился перемирием; во время второго Темура, выйдя из Ташкента через Сайрам, расположенный к северу от города, двинулся в сторону селения Янги на Талас, известный также как Аули-Ата. Там он обратил кочевников в бегство и захватил большую добычу.

В 1375 г. Темура осуществил третий поход. Он вышел из Сайрама и прошел через районы Таласа и Токмака по верхнему течению реки Чу. Камар ад-Дин, используя обычную тактику кочевников, отошел к Отару – городу в верхнем течении Или около одного из северных отрогов Ала-Тау. Джахангир, старший сын Темура, захватил противника врасплох, и тот отступил к Или. Темура разорил эту часть района Или, которая представляла собой центр бывшего восточного ханства Чагатая, затем, очевидно, двинулся в долину верхнего Нарына, потому как в «Зафарнаме» описывается его движение вдоль рек Арпа и Язи к северо-западу от Кашгара. Он захватил в плен принцессу Дильшад-ага, дочь Камар ад-Дина, и поместил ее в свой гарем. Темура возвратился в Самарканд через Узген и Ходжент.

Но Камар ад-Дин не был разгромлен. Когда армия Темура вернулась в Мавераннахр, он вторгся в Фергану, провинцию, принадлежавшую Темуру, и осадил город Андижан. Разъяренный Темура поспешил в Фергану и долго преследовал противника за Узгеном и горами Яссы до самой долины Ат-Баши, южного притока верхнего Нарына.

Вступив в этот район Тянь-Шаня, Темура попал в засаду, устроенную Камар ад-Дином. Он ускользнул только благодаря собственной храбрости, своему копы и мечу, но затем вновь вернулся и обратил противника в бегство.

Еще раз отбросив тюрко-монголов, он увидел один из своих вещей снов, которые посещали его в экстремальные моменты жизни: он видел своего старшего сына Джахангира в агонии. Охваченный беспокойством, он спешно вернулся в Самарканд. Подъезжая к городу, Темура увидел, что все население собралось у крепостных валов. У всех жителей на плечах были кусочки черного или синего войлока – знак траура, и они громко оплакивали Джахангира, который умер от скоротечной болезни в возрасте 20 лет.

Темура был потрясен горем, потому что очень любил своих детей, в отличие от других восточных правителей, его современников, в чьих семьях совершались убийства, заключение в тюрьмы и увечья самых близких родичей. Темура никогда не допускал ни малейшей вражды между членами своей семьи.

В 1376–1377 гг. Темура совершил свой пятый поход против Камар ад-Дина. Он разбил его армию в ущельях западнее Иссык-Куля и преследовал до Кочкара.

В «Зафарнаме» упоминается шестой поход Темура в район Иссык-Куля против Камар ад-Дина в 1383 г., но хану опять удалось ускользнуть.

В 1389–1390 гг. Темура активизировал свои действия, чтобы основательно разгромить Камар ад-Дина. В 1389 г. он перешел Или и пересек район Имилъ по всем направлениям, к югу и востоку от озера Балхаш и вокруг Ата-Куля; эти земли позже стали русской провинцией Семиречье и китайским протекторатом Гарбагатай, а тогда были самым центром Моголистана. Он послал свои самые быстрые эскадры прочесать эти исторические степи, где когда-то была ставка хана Чагатая, а его авангард тем временем преследовал тюрко-монголов до Черного Иртыша, южнее Алтая. Затем его армия, двигаясь отдельными колоннами через Тянь-Шань, прошла от Балхаша до Баграч-Коля. Встреча состоялась в

долине Юлдуза, куда Темур добрался через долину Кунгеза. По свидетельству «Зафарнаме», его передовые отряды дошли на востоке до Кара Ходжи, т. е. почти до Турфана.

Среди предводителей тюрко-монголов, с которыми Темур сражался в тех местах, «Зафарнаме» называет хана Хизр Ходжу, наследника чагатайского дома, которого сверг узурпатор Камар ад-Дин, и Хизр Ходжа сбежал сначала в Хотан, потом в Лобнор, где он пытался основать новое царство, силой обращая последних уйгуров Турфана в ислам. Хотя главный противник Темура Камар ад-Дин был также врагом Хизра Ходжи, Темур, не задумываясь, напал на последнего, очевидно опасаясь, что дом Чагатая соберет новые силы в Уйгурстане. Хизр Ходжа был разбит и скрылся в Гоби. Победитель созвал военный совет в Чалише и разделил взятую у кочевников добычу. «Зафарнаме» сообщает, что, обосновавшись в сердце Центральной Азии, Темур взял на себя роль наследника Чингисхана. На самом деле он покончил с монгольским владычеством в Восточном Туркестане в тот самый момент, когда набиравший силу Минь разгромил монголов в Китае.

Прежде чем вернуться в Самарканд, Темур послал своего сына Умаршайха вперед, из Юлдуза через Турфан на Кашгар. Мы не знаем, выбрал ли он этот путь для себя и основных сил армии или же возвращался из Юлдуза через Или, Чу и Талас.

В то время, пока Темур находился в Гоби, его главный враг, хан Камар ад-Дин, оставался непобежденным. Не успела армия Темура вернуться в Мавераннахр, хан Камар ад-Дин снова установил свою власть в долине Или. Поэтому в 1390 г. Темур вновь отправил против него войска. Из Ташкента они прошли Иссык-Куль, переправились через Или в районе Алмалыка, продвинулись за Кара-Тал и преследовали армию Камар ад-Дина до Черного Иртыша, где и потеряли его след. Камар ад-Дин исчез на Алтае, и о нем больше не слышали. Солдаты Темура развлекались тем, что выжигали имя своего полководца на стволах алтайских сосен, затем по берегу Балхаша вернулись в Мавераннахр.

Исчезновение Камар ад-Дина позволило Хизру Ходже вернуть себе трон Моголистана. Новый глава дома Дуглата, эмир Худайдад, племянник Камар ад-Дина, который считался легитимистом, сам призвал Хизра Ходжу и помог ему взять власть. Новый хан был убежденный мусульманин. По духу он был близок Темуру, и скоро между ними был заключен мир. Примерно в 1397 г. Хизр Ходжа отдал свою дочь в жены Темуру, который очень высоко ценил этот союз, так как он ввел его в знатный чингисидский род.

Хизр Ходжа умер в 1398 г., и трон Моголистана наследовали три сына. Все трое имели покровителем дуглатского эмира Худайдада. Темур, воспользовавшись смертью своего тестя, отправил новую военную экспедицию в Кашгарию (1399–1400 гг.). Войска под командованием Мирзы Умара, его внука, вошли в Кашгар, разорили Яркенд, взяли город Аксу (жители которого откупились тем, что выдали богатых китайских торговцев, живших среди них), затем один отряд отправился на северо-запад грабить Баи и Куча. После этого Мирза Умар направился в Хотан, жители которого встретили его дарами и объявили себя подданными Темура. В Самарканд он возвратился по Андижанской дороге через Фергану.

Походы в Хорезм

Вернемся вновь в 1371 г. Осенью Темур направил в Хорезм посланника с письмом к правителю Хусейну Суфи, в котором он требовал подати с Хивы и Кята за последние пять лет. Посланник вернулся с грубым ответом Хусейна. Темур вновь послал представительство в Хорезм, но Хусейн приказал заключить их под стражу, что, по сути, и послужило причиной первого похода Темура против Хорезмского государства.

А предыстория требований Темура такова.

Включавший в себя нижнее течение Амударьи и ее дельту в месте впадения в Аральское море, Хорезм играл значительную, хотя и недолгую роль в истории Востока на исходе XII в. и первые 18 лет XIII в. во время царствования «великой хорезмской династии» тюркского происхождения, которую изгнал в 1220 г. Чингисхан. После чего Хорезм вошел в состав Кыпчакского ханства, а между 1260 и 1264 гг. был захвачен Алагу, ханом чагатаидов,

низвергнувшего золотоордынского хана Берке. Затем Хорезм стал частью Чагатайского ханства, что соответствовало его географическому положению. Но длилось это недолго. Вскоре, как отмечает Бартольд, Хорезм разделился на кыпчакскую и чагатайскую части: кыпчаки контролировали дельту Сырдарьи и Ургенч, а чагатайцы управляли южным регионом, включавшим в себя Кят и Хиву. После 1360 г. тюркский правитель племени кунградов по имени Хусейн Суфи воспользовался анархией в Кыпчакии и создал независимое ханство Хорезмское. Затем он отобрал Кят и Хиву у мавераннахрцев. Но когда правителем Мавераннахра стал Темур, он потребовал оба этих города (1371 г.). Хусейн Суфи сделал первый враждебный шаг, и Темур захватил Кят и запер противника в Ургенче. Во время осады Хусейн Суфи умер, а его брат Юсуф Суфи унаследовал престол и поспешил заключить мир, согласившись вернуть Кят и Хиву. Но вскоре, воспользовавшись тем, что Темур воевал с Моголистаном, Юсуф попытался отвоевать отданные города.

Как только Темур узнал об этом, он покинул Моголистан и со своими мобильными отрядами прибыл в Хорезм. Зимой 1373 г. Юсуф спасся бегством, попал в окружение и избежал уничтожения только благодаря красоте дочери, принцессы Ханзадэ. Очарованный ее роскошными формами, суровый завоеватель пожелал сделать ее женой своего старшего сына Джахангира. В обмен на согласие правитель Хорезма получил прощение.

Торжественный кортеж сопровождал принцессу в Самарканд, где состоялась свадьба (1374 г.) со всей пышностью, какую Темур любил демонстрировать в периоды передышек между походами.

На следующий день после свадьбы Темур отправился на поиски неуловимого Камар ад-Дина.

В 1375 г., после окончания траура по сыну Джахангиру, Темур еще активнее продолжил борьбу против своих соседей. Он снова был занят Моголистаном. Тем временем Юсуф Суфи, несмотря на первое поражение, решил, что настал подходящий момент, чтобы отвоевать Кят и Хиву. Как только он осадил их, Темур, совершив молниеносный рейд, вернулся и отбросил противника. Но Темура потребовал в Самарканд бунт двух его военачальников.

Заклученный с Хорезмом мир был кратковременным.

В 1379 г., когда Темур воевал с тюрко-монголами севернее нижнего течения Сырдарьи, Юсуф Суфи грабил страну вокруг Самарканда, углубляясь все дальше в Мавераннахр. Этого опасного соседа, который угрожал столице в отсутствие Темура, необходимо было нейтрализовать. Именно тогда Юсуф объявил, что вызывает Темура на смертный бой.

В назначенный день, в назначенном месте, у больших ворот Ургенча, Темур в боевых доспехах появился на своем любимом коне, готовый к поединку. Что касается Юсуфа, то он в последнюю минуту струсил и не вышел к противнику. Презираемый подданными, потерявший всякий авторитет, правитель Хорезма умер от отчаяния спустя несколько недель.

После трехмесячной осады город был взят штурмом, и царство Хорезм вошло в состав Мавераннахра. Часть жителей Ургенча уничтожили, как не пожелавших подчиниться по второму требованию и как участников бунта против власти Великого эмира во время его отсутствия.

Темур впервые применил жесткий метод устрашения, которым впоследствии пользовался в непокорных странах. На этот счет был даже издан декрет. Когда его войска подходили к крепости, осажденным делали первое предложение о сдаче. В случае согласия им, как правило, оставляли жизнь, но требовали большой выкуп и клятвы о безусловном повиновении. Когда гарнизон и жители отвергали первый ультиматум, Темур приказывал подрывникам взорвать слабо укрепленные места обороны, чтобы обеспечить продвижение армии.

Однако прежде чем начать штурм, осажденным посылали последнее предупреждение. Немедленная сдача давала возможность жителям избежать истребления, а городу – разрушения. В любом случае наказание было суровым: уничтожение гарнизона,

разграбление домов, разрушение крепостных стен и взятие заложников. Отказ принять последний ультиматум означал немедленный тотальный штурм, который всегда приводил к взятию города. Не было крепости, которая могла бы устоять перед Великим эмиром. Тогда участь осажденных была ужасной: полное разграбление, насилие, истребление почти всех жителей, обращение оставшихся в рабство и уничтожение жилищ огнем. Против бунтовщиков Темур применял самые жестокие меры: в назидание другим у разрушенного дотла города возводили пирамиды из отрубленных человеческих голов.

Используя такие исключительные меры, Великий эмир хотел поддерживать порядок, «свой порядок», и тем самым обеспечивать повиновение жителей покоренных районов, так как он не располагал достаточными силами, чтобы оккупировать и контролировать все земли своей империи, которая с каждым днем разрасталась, и все сложнее было ею управлять.

Впрочем, необходимо внести некоторые уточнения в то, что говорилось выше о жестокости завоевателя. Темур всегда пытался договориться с противником, прежде чем начать необратимый процесс применения силы.

Он уважал неприкосновенность послов и зачастую первым посылал своих. Он проявлял большое терпение, естественно не без хитрости и коварства.

Но любопытно то, что Великий эмир систематически практиковал политику, одновременно «проинтеллектуальную» и антимилиитаристскую. Во время истребления людей, после взятия мятежного города, он почти всегда приказывал казнить солдат и офицеров, но сохранял жизни потомкам Пророка, толкователям закона, писателям, поэтам, музыкантам, художникам, хорошим мастерам и ремесленникам. Самых лучших отправлял в Самарканд, дабы они способствовали культурному расцвету и украшению его столицы. Там им предоставляли жилища и денежные ссуды.

Среди пленников, избежавших смерти, было большое число красивых девушек, которых брали в жены и наложницы для улучшения облика жителей Самарканда. Аннексия Хорезма завершила формирование Мавераннахра.

Именно тогда появился герб Темура с тремя кольцами: одно вверху – два внизу, и девиз на персидском языке: «Сила в справедливости». Три круга, очевидно, символизировали три части света, над которыми он собирался властвовать, но это также и монгольский магический знак, суливший удачу. На всех официальных бумагах стояло его имя Темурленг (буквально – «Железный господин»).

На монетах писали «Темур Гураган», когда надпись была на персидском языке, и «Темур Кореген» – на тюркском. «Гураган» – означает «зять чингисидов».

Однако в этот же период, когда Темур вел многомасштабные военные действия за формирование и укрепление Мавераннахра, ему приходилось вести непримиримую борьбу с заговорщиками, бунтовщиками, предателями.

В 1372–1373 гг., когда Темур вернулся из похода на монгольские земли, он столкнулся с бунтом ряда эмиров из северной и южной частей улуса. Во главе снова были Зинда Хашан Аларди, Муса Тайчиут и Кандзада Абул-Маали из Термеза. Они собирались пленить и убить Темура, но заговор был раскрыт. Темур обошелся с ними мягко и даже простил Мусу, на сей раз потому, что дочь Темура была помолвлена с внучатым племянником Мусы. Зинда Хашан был сослан в Самарканд, где и умер. Его земли были отданы Байану Найману.

В ходе хорезмского похода Темура в 1373 г. Кайхусро Куттулан предал Темура и пытался вступить в союз с правителями Хорезма. Темур отдал Кайхусро людям Хусейна, и те казнили его в отместку за убийство Хусейна. Потом он передал тумен Куттулана другой ветви семьи Куттулана – Мухаммаду Мирке, сыну Шера Бахрама. Темур не часто так скоро и так сурово карал за измену. Кайхусро был его верным союзником с 1367 г., когда Темур нашел убежище в Моголистане, спасаясь от Хусейна. Благодаря союзу с Темуром, Кайхусро вернулся в улус и взял власть над своим племенем. И эти обстоятельства особенно усугубили его вину в глазах Темура.

Казнь Кайхусро имела свои последствия: его сын Султан Махмуд бежал к Юсуфу Суфи в Хорезм с двумя ясаурскими эмирами. По их наущению Юсуф Суфи совершил набег на

область Кят. В ответ Темур совершил новый поход на Хорезм в 1375 г. и быстро добился извинений Юсуфа. В 1375–1376 гг. Темур раскрыл еще один заговор племенных эмиров. Возвращаясь из похода против тюрко-монголов, он остановился в Ходженте, где его принял сын Бахрама Джалаира, Адилшах, в то время правитель джалаиров. Там Темур и узнал о готовящемся заговоре джалаиров.

Но в то время Темур еще не был готов бросить вызов племени джалаиров, он тогда считал нужным укрепить свою власть над Сельдусами. Темур вовремя замечал начинающуюся смуту и своевременно ее пресекал. Весной, перед новым походом на Хорезм, он отдал шейха Мухаммада Сельдуса под суд. Затем передал власть над этой частью племени Сельдусов своему соратнику Актемиру: это было единственное племя в улусе, над которым Темур поставил чужого, «не племенного», правителя. В то же время он казнил двух сыновей Баязеда Джалаира-Али Дарвиша и Мухаммада Дарвиша. Историки между тем не упоминают случая бунта со стороны этих двух эмиров. Поскольку они были детьми бывшего правителя и потенциальными соперниками Адилшаха, их казнь, по-видимому, была средством купить верность Адилшаха.

Попытка Темура призвать к порядку вождей племен методом «кнута и пряника» не увенчалась успехом. Племенные эмиры продолжали выказывать неповиновение, особенно правители джалаиров, к которым Темур всегда относился благосклонно. В это время Темур послал войско на Моголистан под командой Адилшаха и Сырыбуги Джалаира, а сам отправился в очередной поход на Хорезм. Оба похода были неудачными из-за предательств эмиров.

Вскоре Темур узнал о более серьезном бунте Адилшаха и Сырыбуги Джалаира. После выступления Темура в поход они сговорились с правителем Андижана и вместе со своими людьми, джалаирами и кыпчаками, осадили Самарканд. Темур поспешил обратно, и мятежники бежали в Моголистан.

Большая часть джалаирских воинов осталась, и Темур разделил их между своими эмирами, а сына Умаршайха поставил править в Андижане.

Однако эмиры джалаиров не теряли интереса к улусу Чагатая. В 1376–1378 гг. Камар ад-Дин с помощью Адилшаха и Сырыбуги пошел на Андижан и атаковал Умаршайха, которого бросили отдельные люди из его окружения, и Темуру пришлось выручать его. Вскоре Темур узнал, что Адилшах Джалаир находится в горах на севере улуса. Он послал туда двух эмиров, и те, скорее всего, схватили его и убили. Спустя два года Сырыбуга вернулся к Темуру, и ему снова отдали власть над джалаирским племенем. С этого времени он оставался преданным Великому эмиру.

Джалаиры были самыми сильными и упорными противниками Темура. После их усмирения у него были редкие столкновения с племенными вождями улуса. Он подавил сопротивление почти всех племен: апардов Шабуркана, арлатов, эмиров Куттулана, Сельдусов, ясауров и джалаиров. Он успешно вел с ними дела и по мере необходимости менял правителей племен. Теперь во главе самых влиятельных племен улуса – джалаиров, Сельдусов и апардов Шабуркана – стояли личные его соратники. После двенадцати лет правления Темур подчинил себе весь улус.

В поисках внешних союзников племенные вожди и соперники за власть в улусе не ограничивались внутренними силами улуса. Правители, окружавшие улус – в Хорезме, Хорасане и Моголистане, – всегда были готовы оказать помощь и укрыть мятежников из улуса, и их роль часто бывала решающей в исходе борьбы.

При таком положении было очень трудно решить успех борьбы в улусе или удержать над ним власть. Это способствовало усилению власти вождей племен, которые были кровно заинтересованы в раздорах и борьбе за власть над улусом. Как только один эмир становился правителем союза племен, племенные вожди переставали поддерживать его. Они восставали против любого межплеменного правителя, претендовавшего на контроль за ними. Отношение Темура к предателям и заговорщикам из племенных вождей в начале его правления свидетельствует о его осторожности. Он добивался власти в улусе скорее

терпением, чем силой. Зинда Хашан бунтовал три раза и убил двух сторонников Темура, прежде чем оказался в тюрьме, а Муса Тайчиут так и не был наказан за все свои дела. Темур особенно осторожно применял силу против самых мощных племен, благоволя и Бахраму, и Адилшаху Джалаиру, несмотря на их непостоянство. Когда Темур приказывал казнить какого-нибудь эмира, он не пачкал рук в крови, передавая виновника тому, кому тот причинил вред. Совершенно ясно, почему Темур опасался применить силу против членов улуса, но как же ему удавалось сохранять над ним власть? Существует несколько объяснений тому. Племена во многом зависели от сильного центрального правителя, который мог лишить всех привилегий. После победы над Хусейном Темур приобрел новые неплеменные отряды, которые были преданы лично ему и делали его самой большой силой в улусе, независимо от поддержки племен. Но главная причина его успеха в том, что он не имел серьезных соперников. Племена были слишком привязаны к улусу, чтобы нарушить свой долг, хотя их правитель мог это сделать и часто делал, но они не оказывали серьезного сопротивления. Если племенной вождем восставал, правитель улуса мог легко найти ему замену внутри племени без насилия и без нарушения традиций. Таким образом, несмотря на постоянное противодействие правителей племен, Темур мог осуществлять свою власть и удерживать свое положение. Сила племенных вождей заключалась в шаткости центрального руководства, а когда появился сильный межплеменной властитель, они оказались бессильны. Темуру понадобилось почти 10 лет для того, чтобы отбросить кочевников Моголистана далеко от своих границ, захватить Хорезм, установить в покоренных странах строгую и эффективную систему правления, завершить формирование мощной армии, преданной своему полководцу, убедить своих сторонников, что для него нет ничего невозможного, и самое главное – воссоединить Мавераннахр. Создание Великой империи Темура и станет результатом такой неутомимой деятельности.

В начале 1380 г. Темуру было 45 лет, когда цель казалась достигнутой: он восстановил Мавераннахр и утвердил свою власть, но это был лишь первый этап триумфального марша, готовность приступить к завоеванию мира. Великий эмир взвалил на себя тяжелейшую ношу – всегда побеждать, ни от чего не отступать, никогда не ошибаться. Каждая выигранная битва, каждая взятая крепость, каждый поверженный враг – подвиг, который для покоренных народов станет «Судом Божьим».

В глазах всех – и врагов, и союзников – он был избранником Бога, тем, «кого Бог сотворил в своем гневе, кому Он дал абсолютную власть над теми, кого Он обрек своей яростью», как говорится в одном из его писем, адресованных султану Египта. Впрочем, он добавляет: «Бог изгнал всякую жалость из моего сердца».

Его гибкая политика, личные качества, воинский талант привлекали к нему духовенство и высшую знать. Он создал чисто клерикальное законодательство, при этом в исламском государстве он предоставил тюркским воинам особый статус: они не подчинялись законам, которые определяли жизнь остальных людей, а зависели только от кади – воинского судьи. Его принципы и щедрость снискали уважение знати, однако к каждому из них он приставлял своего человека, который в любой момент мог заменить предводителя. Авторитет, страх, надежда, восхищение, безусловно, способствовали повиновению мавераннахрской знати. Однако племенная знать, контролировавшая улус, находила неустойчивость более выгодной, нежели сильную центральную власть, поэтому раздаваемые Темуром награды, конечно, не могли обеспечить их верности. А в тех политических условиях Темур не мог применять силу для подавления племенных вождей, чтобы укрепить свое положение, Темуру предстояло изменить политическую систему – превратить улус Чагатай из активного племенного союза в верную и послушную армию, зависимую от его воли. Первым шагом в этом направлении было создание надежной группы подвластных ему начальников. Как и многие другие суверены, главным образом Чингисхан, Темур выдвинул новую элиту, состоявшую из личных соратников и членов своей семьи. С ними он постепенно отстранил от власти племенную знать. Новая группа правителей Темура не зависела от внешней поддержки, ее члены пришли к власти благодаря деятельности

Темура и зависели только от него лично.

Но положение Темура еще не совсем упрочилось. Он должен был быть уверенным, во-первых, в том, что племенные вожди не вернут утраченного положения, а во-вторых, что новая знать не получит той политической власти, которую он отобрал у правителей племен. В обществе с такой политической структурой и активностью, как в улусе Чагатай, это была очень нелегкая задача. Для поддержания нового порядка Темур использовал тот же способ, что и для его создания: войну.

Темур помнил слова Пророка Мухаммеда, что мир может быть видом войны, а сама война построена на хитрости, обмане. В этом Мухаммед солидарен с классиком китайской стратегии, знаменитым Сунь-цзы. Вот почему сила должна находиться в «узде разума». По определению арабского мыслителя аль-Маварди, «храбрый убьет десятерых, хитрый – уничтожит все войско». В арабском «Поучении владыкам» рекомендуется силе предпочитать хитрость, воевать лишь тогда, когда иного выхода нет, не растрачивать в боях «армию – опору государства». Сам Темур напоминает, что «благоразумие завоевывает царства, не поддающиеся мечу», а потому «не должно прибегать к силе там, где требуется разумная политика». Но поскольку вовсе обойтись без войны вряд ли возможно, войну в политике и боевые действия на войне следует сводить к минимуму.

Громкие победы Темура базировались на разведывательно-диверсионной инфильтрации и парадоксальных маневрах, которые были делом не чисто военным, а предметом геополитики. Геополитика Темура – это высшая метастратегия, одновременно и военная, и гражданская и потому в полном смысле слова – интегративная. В этой метастратегии применяются любые мыслимые средства, а различие между миром и войной чаще всего не прослеживается.

Что главное в геополитике или высшей метастратегии Темура? То, что в ней нет ставки на силу, которую он, однако, умел продемонстрировать виртуозно и сколь угодно устрашающе. Известно, что победа – понятие не физическое, а психологическое, подчинение воли противника, захват инициативы. До сих пор по достоинству не оценена мысль Темура, что жалок правитель, чей духовный авторитет слабее его кнута. Сам Темур, по его признанию, старался устранять таких горе-правителей, чьи государства служили рассадниками смут и хаоса на всем достигаемом пространстве Евразийского континента. Причем добиться этого ему удавалось заведомо легче не силой, а умом и умением: он использовал заветные желания, устремления и побуждения противника, не регулируемые в должной мере «уздой разума».

По мнению Темура, государство для общего блага обязано богатеть, армия – служить ему надежной опорой.

Темур подкрепил свой новый порядок не созданием новой структуры, а постоянными маневрами и перемещениями, наподобие тех, которые он практиковал внутри улуса. Главное, чтобы это движение оставалось под его контролем. Он добился этого благодаря завоеваниям, и история его карьеры в качестве неограниченного властителя улуса – это почти нескончаемые военные действия в чужих странах. Походы представляли ему много политических выгод. Во-первых, покорение чужих земель давало занятие, отличное от опасной политики, и богатства, которые заменяли политические награды, ради которых в тот период велась вся военная деятельность в улусе. Кроме богатой добычи, война поставляла новых воинов, которых ставили под начало его сторонников, и новые должности в растущей армии и администрации.

Каким же образом он сумел внушить безграничную преданность к себе? Он не был для них мессией, не внушал им чувство патриотизма или фанатизма, тем не менее воины преданно служили ему, терпели ради него тяготы, шли на смерть и подчинялись дисциплине, не менее строгой, чем при Чингисхане. Должно быть, Темур излучал какую-то почти гипнотическую силу.

В его армии каждого уважали только за отвагу и за поступки, независимо от расы, вероисповедания или знатности. Для солдат Темур был единственным судьей, на которого

ничто не могло повлиять, когда требовалось кого-то наказать или наградить. Он всегда был вместе с ними в сражениях, делил военные тяготы и заботился о них. Когда болезнь ослабила его, солдаты носили Темура на носилках в бой и по ледяным или обжигаемым солнцем дорогам Азии. В его армии монгол находился рядом с иранцем, бывший горожанин – рядом с тюрком-кочевником, мусульманин – с язычником, христианин-несторианец – с буддистом. Это была настоящая Вавилонская башня, объединенная только волей Великого эмира.

Элитные войска имели хорошее вооружение: конический шлем с наносником и затыльником, короткая кольчуга или кираса, нагрудник, круглый щит, сабля, кинжал, палица, легкое копьё, лук и колчан со стрелами. Лошадей тоже защищала прочная попона, похожая на китайскую. Благодаря постоянной тренировке, эти всадники прекрасно стреляли из лука и были лихими рубаками в рукопашном бою.

Темур заложил основы гражданской и военной администрации, которая эффективно работала во время его долгих отлучек. Грамотные чиновники вели записи всех событий (официальным языком был персидский), переписывались с провинциями и другими странами, собирали необходимую информацию и вели государственную документацию. Великий эмир организовал контроль за ценами, продуктами питания и поощрял деятельность ремесленников. Он усовершенствовал службу курьеров и перевозки по всему Мавераннахру, создал отряды охраны порядка, которые обеспечивали безопасность даже путешественников.

Военные походы Темура приостанавливали политические процессы в улусе, так как увлекали эмиров из районов, где были сосредоточены их политические интересы. Его кампании против Моголистана и Хорезма были не завоевательными, а средством утвердить свое превосходство и показать, что он не намерен терпеть угроз своему правлению.

Очевидно то, что, разгромив врагов на востоке своей страны, Темур завершил самую трудную партию своей великой игры. Теперь ему предстояло крепить свое могущество и славу.

И вскоре Темур доказал силу своего оружия.

Темур и Тохтамыш

Когда Темур достиг могущества, сравнимого с тем, какого добился Чингисхан, он обращался с этим достоянием мудро и осторожно. Можно отметить, что даже его самые отчаянные поступки были разумны. Это равновесие было основой политики Темура. Бесстрашный воин и умелый стратег считал войну последним средством и религиозным актом, называемым «священной войной».

Обоснованно опасаясь нового объединения северного степного соседа, улуса Джучи, Темур поддержал войсками своего наставника Тохтамыша в его борьбе против Урус-хана, правителя Белой Орды.

Хан Тохтамыш (?–1406 гг.) пришел к власти после почти двадцатилетнего периода внутренних смут и кровавой резни в правящей верхушке Золотой Орды, получившем в истории красноречивое название «Великой смуты». Если бы не убийство верховного хана Золотой Орды Джанибека его сыном Бердибеком, последующее его уничтожение нукером Кульпой, которого в свою очередь уничтожил некий Навруз, выдавший себя за сына Джанибека, если бы не последовавшие за этими событиями многие годы жесточайших внутригосударственных чисток тюрко-монгольской кочевнической элиты Золотоордынского государства, то хан Тохтамыш не смог бы реально претендовать на власть в улусе Джучи, хотя бы в силу своего недостаточно знатного происхождения.

В 1361 г. в Белой Орде, располагавшейся в Восточном Приаралье, ханский престол перешел к Урус-хану, который с первых же дней пребывания у власти показал себя сильным государственным деятелем. Заняв престол Белой Орды, Урус-хан немедленно собрал большой курултай кочевой знати, на котором в течение нескольких дней устраивал шумные празднества, щедро раздавал богатые подарки влиятельным эмирам. В результате всех мероприятий курултай принял решение оказать Урус-хану всемерную поддержку в его

военном походе на Золотую Орду. Главная цель этого похода не скрывалась: Урус-хан открыто стремился восстановить единство бывшего улуса Джучи.

Персидские источники упоминают в числе ханов Золотой Орды периода «Великой смуты» некоего Кутлук-ходжу, который являлся вместе с тем отцом Туй-ходжы (а тот, в свою очередь, отцом Тохтамыша).

Факт кратковременного властвования Кутлук-ходжы в Сарае давал его потомкам вполне законное право претендовать на Золотоордынское ханство, тем более что корни их происхождения так или иначе, но все же пересекались с родовым древом чингисидов. Надо полагать, именно так расценивал ситуацию и Урус-хан, который сразу же после успешно проведенного курултая отдал приказ схватить и казнить Туй-ходжу.

Тохтамышу, сыну Туй-ходжы оглана, по молодости лет была сохранена жизнь, но, видимо, он чувствовал себя в Белой Орде крайне неуютно, поскольку несколько раз пытался оттуда бежать. Укрыться он мог только у явных или потенциальных противников Урус-хана.

Побег Тохтамыша в 1376 г. из Белой Орды застал Темура в период его очередного похода против ханов Семиречья и Восточного Туркестана. Великий эмир находился в местности Кочкар, в верхнем течении реки Чу, когда ему доложили, что в Самарканд прибыл царевич Тохтамыш, спасающийся от гнева Урус-хана. Приезд Тохтамыша обрадовал Темура. Задача объединения удельных ханств степной полосы Евразии в единое исламское государство не могла быть успешно решена в случае резкого усиления Белой Орды, а тем более при поглощении этим государством бывших владений Золотой Орды. Темур понимал, что Азия не могла стать единой при наличии двух могущественных правителей, каждый из которых претендовал на роль безусловного лидера. Урус-хан зарекомендовал себя именно таким – воинственным, целеустремленным и самодержавным политиком, а раз так, то следовало всемерно поддерживать и усиливать его конкурентов.

Наряду с великими дарами Темур пожаловал Тохтамыша городами Оттаром и Саураном, а по данным Йезди – Сыгнаком, столицей Белой Орды.

Занятый в 70-х гг. объединением Центральной Азии в единое государство, Темур вместе с тем был все время озабочен вопросом о создании такого внешнеполитического окружения для своего государства, при котором оно могло бы спокойно существовать, – одним словом, Великий эмир хотел создать буферное государство между Мавераннахром и Золотоордынским ханством.

Чтобы понять, почему ситуация была столь непростой, следует вернуться на несколько столетий назад в историю империи, называвшейся Золотой Ордой.

Уже с появлением на арене Чингисхана в степях Азии жили кочевники и оседлые племена разных этнических групп, с преобладанием тюркских. Напомним, что там была империя хазаров, которые приняли иудаизм и обитали по берегам Волги. В XI в. они полностью ассимилировались с кыпчаками, которых византийцы называли «команы», а русские – «половцы».

Владения кыпчаков тянулись от истоков Дуная до Урала и включали в себя крупный торговый центр булгар на Волге (будущий город Казань), который в те времена весьма процветал. Кыпчаки были самыми богатыми работоторговцами своей эпохи: они часто совершали набеги на северных соседей – русские княжества – и брали русских в плен. В начале XIII в. тюрко-монгольское нашествие потрясло эту часть Азии. Земли кыпчаков оказались в руках Чингисхана. После завоевания его старший сын Джучи получил улус, включавший в себя степи, расположенные к западу от Монголии, на север и северо-запад от улуса Чагатай. Согласно тюрко-монгольским законам, старший сын и его наследники получали во владение самую удаленную часть родительских земель. В данном случае это была западная часть Монгольской империи, обращенная к Европе, вместе со степями кыпчаков, Хорезмом и странами, которые еще предстояло завоевать к западу от Волги.

В царствование хана Бату, сына Джучи, эти обширные земли превратились в могущественную империю. Меньше чем за четыре года тюрко-монголы прибавили к своим владениям русские княжества, затем с территории Украины стали совершать грабительские

походы в Польшу и Венгрию (одна из колоний находилась даже в Нейштадте, около Вены). Династические проблемы были главной причиной прекращения тюрко-монгольского наступления на Европу.

Улус Джучи наследовал хан Бату, назвав его Золотой Ордой. На берегу Волги он построил в дельте реки столицу Сарай. Батухан был человек необыкновенной энергии и организаторских способностей: он восстановил торговлю, открыл торговые пути, создал систему налогообложения во всей своей империи. Русские княжества платили дань ханским чиновникам, которых всегда сопровождали вооруженные отряды на случай неповиновения.

К северу от Аральского моря, между Золотой Ордой и ханством Чагатай, находился улус старшего брата Бату, называвшийся Белой Ордой. Это было ханство меньшее по размеру, чем Золотая Орда, но имело общие границы с Мавераннахром.

Хан Берке, брат и наследник Бату, в период с 1255 по 1266 г. сделал Золотую Орду одной из крупнейших держав Евразии. Войдя в конфликт с дальним родственником Хулагу, правителем Иранского ханства, он вступил в союз с мамлюками Египта с тем, чтобы они стали союзниками в войне с Иранским ханством. Мамлюки помогали ослабить Хулагу, заставляя его сражаться на двух фронтах. Берке, возможно, искал свою выгоду, но тем самым подрывал устои наследия Чингисхана.

Обрадовавшись такому союзнику, мамлюки послали к Берке представительную делегацию, чтобы уговорить его принять мусульманство. Исламизация Золотой Орды не охватила все улусы, но окружение ханов и оседлая часть населения приняли ислам, однако кочевники долго оставались верными древним верованиям. В начале XIV в. хан по имени Тохта был даже буддистом.

Тем временем Орда богатела. Она продолжала поддерживать с египетскими мамлюками дружественные отношения, направленные против тюрко-монгольского Ирана, у которого она мечтала отобрать Азербайджан.

Преемник Берке разрешил генуэзцам открыть первую торговую контору в Кафе, в Крыму. Чтобы оказывать большее давление на русские княжества, ханы регулярно проводили перепись своих подданных, чтобы собрать все положенные налоги.

К 1347 г. для Орды начались трудные времена: свирепая чума косила целые племена, власть оказалась в руках феодалов, а в 1371 г. русские князья отказались платить дань и оказывать традиционные знаки почтения ханской ставке в Сарае.

Тюрко-монгольская армия под командованием главного эмира Орды, Мамае, была разбита объединенными русскими войсками на Куликовом поле: это был первый случай, когда тюрко-монголы потерпели поражение на своих землях. Однако могущество Орды было еще велико, и энергичный властитель мог отвоевать потерянные территории.

Что касается Темура, то он был хорошо осведомлен о событиях в Золотой Орде, о смутах в ней, о Мамае, наконец, о той роли, которую начинали играть в возрождении улуса Джучи Белая Орда и ее правитель Урус-хан. Объединение Золотой Орды, возрождение могущества улуса Джучи, с точки зрения Темура, было вредно Мавераннахру, ибо могущественный улус Джучи всегда был угрозой возглавляемому им государству. Темур, как правитель Мавераннахра, был очень заинтересован в ослаблении Золотой Орды. Вот почему, когда в Самарканде в 1376 г. появился царевич Тохтамыш, бежавший от происков Урус-хана, Темур сразу же оценил связанную с этим возможность активного вмешательства в дела Белой, а потом и Золотой Орды.

Итак, в том же 1376 г. Тохтамыш отправился в военный поход с целью реального овладения пожалованным уделом, для чего Темур выделил ему войска.

Вчерашний беглец, вдруг ставший знатным полководцем, двинул свои войска к Саурану, но туда уже подошел со своей армией Кутлук-Бука, сын Урус-хана. Сам Урус-хан был в это время в походе на Волге и потому отсутствовал на месте разыгравшегося сражения. Тем не менее армия Тохтамыша была разбита. Темур, сам не раз испытывший на себе превратности военной судьбы, спокойно воспринял весть о разгроме войска Тохтамыша. Тохтамыш вновь, притом с еще большим почетом, был принят в резиденции

Темур в Самарканде, где ему вновь был передан очередной военный корпус для похода на Сауран.

Набег Тохтамыша на южную границу Белой Орды не на шутку встревожил Урус-хана: он мобилизовал специальную армию. И вновь белоордынская конница опрокинула мавераннахрские войска. Вторая попытка Тохтамыша захватить Сауран закончилась полным провалом.

Вскоре к Амиру Темуру прибыли два посла от Урус-хана, передавшие ему требование о выдаче Тохтамыша. Как пишет Йезди, Урусхан заявил: «Тохтамыш убил моего сына и, убежав, пришел в ваши владения. Выдайте же моего врага. Если же нет – назначьте место битвы и тотчас явитесь на бой».

На этот ультиматум Великий эмир без промедления ответил: «Он нашел у меня убежище, я его не выдам, что же касается боя, то я для него готов».

Зимой 1377 г. во главе большого войска Темур выступил на север. Белоордынский хан, увидев, что дело принимает очень серьезный оборот, стал собирать войска со всего улуса Джучи. Это потребовало времени, и Амир Темур успел почти до Сыгнака – столицы Белой Орды. Наконец два огромных войска стали друг против друга. Однако битвы не случилось: неожиданно разразилась снежная буря, а затем ударил мороз, притом такой сильный, что воины не могли держать в руках оружие. В течение почти трех месяцев военные действия ограничивались мелкими стычками, пока Урус-хан не покинул военного лагеря и не уехал в столицу, оставив армию под командованием приближенного эмира. Узнав об этом, Темур немедленно атаковал войска противника. До полного разгрома белоордынской армии остался буквально один шаг, но Темур не смог его сделать, поскольку должным образом не было организовано преследование врага: в самаркандской армии от бескормицы пало не менее 15 тыс. лошадей и возможности темуровской конницы резко ослабли. Однако через 15 дней, вернувшись после кратковременной поездки в Самарканд, Темур внезапно напал на ордынское войско в районе Джайранкамыша и разбил его.

В руки Темура попала значительная военная добыча: сокровища Саурана и весь обоз белоордынской армии. Покидая Сауран, Темур «пожаловал царство той области царю Тохтамышу и оставил (его) в том государстве». Победа Темура над войсками Урус-хана и вторичное провозглашение Тохтамыша ханом Белой Орды, как утверждают персидские источники, совпали со смертью Урус-хана.

Несмотря на смерть верховного правителя Белой Орды, политический контроль Тохтамыша не распространялся дальше Саурана, поскольку в Сыгнаке благополучно воцарился Тохтакия, старший сын Урус-хана, а в Сарае правил зависимый от него эмир. По данным персидских историков, хан Тохтакия царствовал всего лишь два месяца, а потом заболел и умер. Престол Белой Орды перешел в руки Темур-Малика, следующего сына Урус-хана.

Очевидно, Темур действительно очень тепло относился к Тохтамышу, нелегкая судьба которого напоминала злключения его самого во времена юности. Однако новых контингентов войск в распоряжение Тохтамыша передано не было, и в делах последнего наступило некоторое затишье.

Хан Темур-Малик вскоре совершенно забросил государственные дела. Он пьянствовал, устраивал кутежи, неделями не отдавал самых насущных государственных поручений. Под стать своим новым увлечениям он начал подбирать эмиров. Белоордынская знать, привыкшая за годы правления Урус-хана к строгому порядку и ответственности власти, начала все громче роптать, а потом некоторые эмиры или их доверенные нукеры потянулись в Самарканд. Из Сыгнака и других мест Амир Темур стал получать информацию, что в Белой Орде ширится число тайных сторонников Тохтамыша.

Учитывая эти обстоятельства, Темур в очередной раз выделил весьма значительную армию для разгрома Белой Орды с целью в итоге посадить на ханский престол своего неудачливого ставленника. По-видимому, на этот раз Тохтамыш был лишен права непосредственного командования армией и выполнял только декоративные функции.

Командование было поручено самаркандским военачальникам.

Вновь собранные формирования белоордынцев встретились с армией Амира Темура на ближайших подступах к Сыгнаку. Темур-Малик яростно сопротивлялся, лично возглавляя передовые ряды атакующих конных сотен. В одной из таких атак он был сбит с коня и пленен.

Амир Темур, по-видимому искренне обрадовавшийся успеху Тохтамыша, издал указ об амнистии: из всех тюрем Мавераннахра в честь победы над Темур-Маликом были выпущены на волю заключенные.

Проведя зиму 1379/80 г. в Белой Орде, Тохтамыш весной 1380 г., снарядив огромное войско, двинулся в поход на Золотую Орду. К зиме 1380 г. Тохтамыш загнал Мамаю, узурпатора золотоордынского трона, в Крым, где в Кафе его поджидала смерть от рук генуэзцев.

Тохтамыша провозгласили ханом Золотой Орды, таким образом, произошло объединение двух Орд – Белой и Золотой, – и новая империя теперь включала в себя почти все бывшие земли Джучи. С тех пор империя Тохтамыша простиралась от нижнего течения Сырдарьи до Днестра, от Сыгнака и Отрара – почти до Киева. Его столицей был Сарай на Нижней Волге, и он стал считаться одним из самых могущественных суверенов Центральной Азии. Возрождая традиции чингисидов, Тохтамыш осуществил крупные походы, захватил часть России, сжег Москву в августе 1382 г., разорил Владимир, Юрьев, Можайск и другие русские города и под Полтавой нанес поражение литовцам, которые попытались вмешаться; он снова поставил Московию в подчинение тюрко-монголам.

Рассмотрим более внимательно общеполитический аспект проблемы взаимоотношений между ханом Тохтамышем и Великим эмиром.

За истекшие с момента бегства Тохтамыша в Самарканд (начало 1376 г.) семь лет Темур сделал большие шаги по дальнейшему устроению огромной центральноазиатской исламской державы под своей властью. Методично организуемыми походами он добился подчинения большей части Моголистана и Хорезма. Кроме того, Темур уничтожил государства сарбадаров в Сабзаваре и курдов в Герате, а земли этих владений присоединил к своей империи. В 1382 г. он вторгся в Иран и присоединил к Мавераннахру область Мазандаран. С каждым годом его держава приобретала все большую мощь и динамизм. В области идеологии Амир Темур добился почти невозможного: он сумел совместить в общественном сознании политической элиты своего государства мысль о необходимости восстановления единого циркумазиатского государства (в границах империи Чингисхана) с мыслью о том, что это государство должно быть построено на принципах шариата. Территории северных государств, к которым он, несомненно, относил и воссозданный с его помощью улус Джучи, интересовали Темура только с точки зрения обеспечения безопасности Мавераннахра, который оставался сердцем его державы и который Великий эмир был вынужден постоянно оставлять, отправляясь в дальние (преимущественно на юг и юго-запад) военные рейды. Исходя из этих соображений, Темур оказывал всестороннюю военно-политическую помощь Тохтамышу. В лице молодого Тохтамыша Темур видел политически неопытного, но верного нукера, который сможет надежно прикрыть Мавераннахр с севера, обеспечив тем самым полную свободу рук Амиру Темуру в южном секторе геополитического горизонта. В принципе от Тохтамыша требовалось немного (исходя из принятой Амиром Темуrom общей схемы взаимоотношений с вассалами): обеспечивать покой и защиту северных рубежей Мавераннахра; поставлять в Самарканд определенные, впрочем очень умеренные, по численности воинские контингенты; возможно, выплачивать в казну своего сюзерена строго фиксированный ежегодный денежный взнос. Как видим, политико-экономические требования Амира Темура к своему «сыну» в Сарае были не слишком обременительными. В начале 1383 г. (т. е. как раз в период завершения Тохтамышем успешного похода на Русь) в пределах державы Темура в Хорасане вспыхнуло мощное восстание сарбадаров, очень быстро перекинувшееся на Афганистан. Темур был очень огорчен этим фактом, тем более что политическая ситуация в гораздо ближе

расположенном к Мавераннахру Хорезме тоже была взрывоопасной. Таким образом, накануне первого обострения взаимоотношений с Тохтамышем (в 1383 г.), Темур не мог предпринять каких-либо политических действий, которые бы угрожали безопасности или экономическим интересам Орды Тохтамыша.

Тем не менее кризис в отношениях между Сараем и Самаркандом возник.

Конфликт, разразившийся между двумя союзниками, указывает на антагонизм, существовавший между тюрко-монголами и тюрками везде, где они жили рядом. Тюрко-монголы гордились славным прошлым и превозносили до небес своего великого предка, завоевателя мира Чингисхана, который бросил к их ногам столько народов и унизил столько империй. Тюрков тюрко-монголы считали самозванцами и чужаками, которые, воспользовавшись расчленением населения Чингисхана после его смерти и ослаблением власти, разделенной между его сыновьями, не обладавшими гением отца, превратились в главный слой населения империи, в местную знать. Тохтамыш забыл о том, что именно благодаря одному из этих тюрков он стал править Золотой и Белой Ордами. Встречаясь с Темуром, начал проявлять к нему презрение настоящего кочевника к народу, который поселился на его земле. Он стал открыто говорить, что его прежний защитник – всего лишь мелкий тюркский царек с большими амбициями, недостойный быть соперником Великого хана обеих Орд. Таким образом, прежде всего ему хотелось избавиться от неудобного свидетеля своей трудной юности. И он начал в этом направлении предпринимать активные действия.

Темур осознавал, что поступки Тохтамыша рано или поздно приведут к столкновению между ними. Знал это хорошо и сам Тохтамыш, в силу чего энергично готовился к борьбе со своим покровителем. Готовился к столкновению и Темур, но не торопился, а, скорее, откладывал, так как считал, что еще не настало время. Темур был хорошо осведомлен о том, какими огромными средствами и людскими резервами обладал в это время Тохтамыш. До второй половины 80-х гг. Тохтамыш был явно сильнее Темура. Только в конце 80-х гг., да и то под воздействием грабительского похода Тохтамыша в Мавераннахр в 1387 г., Темур принял решение повести борьбу против Тохтамыша.

Открытый конфликт между Тохтамышем и Темуром начался через четыре года после того, как Тохтамыш захватил Москву. Однако разногласия этих двух правителей стали очевидны с 1383 г. Конфликт имел два аспекта: личный и геополитический. Психологически, хотя Тохтамыш был обязан Темуру своими первыми успехами, после победы над Русью он стал, с собственной точки зрения, более могущественным властелином, чем его сюзерен, и повел себя как независимый хан.

Так, в 1383 г. Тохтамыш, совершенно неожиданно для Темура, распространил свой протекторат на Хорезм, лежащий близ пересечения всех караванных путей Центральной Азии. Поволжское купечество хотело торговать в Азии широко и, главное, беспошлинно, и Тохтамыш, не обходя, а скорее ломая все внешнеполитические обстоятельства, со всей безоглядностью степняка начал активно реализовывать это пожелание новой политической элиты своего ханства.

Вступив в политический союз с хорезмскими эмирами династии Суфи, Тохтамыш, словно бросая открытый вызов Амиру Темуру, стал чеканить в Хорезме монеты со своим именем. Якубовский отмечал, что «этот акт являлся настоящей политической программой Тохтамыша в отношении Хорезма». Разумеется, Тохтамышу были хорошо известны давние целенаправленные усилия Темура по воссоединению Хорезма с остальными землями Мавераннахра. Знал Тохтамыш и о той роли – мелких и бесправных эмиров, – которую Темур отводил для княжеских отпрысков из династии Суфи. Поэтому заключение с эмирами Хорезма особого договора, притом совершенного в обход подлинного хозяина этого центральноазиатского владения, чеканка на хорезмской территории собственной монеты – все это должно было восприниматься в Самарканде как открытый и дерзкий призыв к противоборству.

Амир Темур, умевший хорошо просчитывать последствия своих внешнеполитических

шагов, никак не отреагировал на этот вызов. Если советники Тохтамыша рассчитывали на скоропалительность решений и импульсивность действий Великого эмира, то они жестоко просчитались. Абсолютное безмолвие Амира Темура (которому в период с 1383 по 1387 г. важнее было сохранить мирное сосуществование), способное насторожить более дальновидного политика, по-видимому, совершенно ослепило Тохтамыша, который после объединения улуса Джучи, разгрома Мамая и сожжения Москвы возомнил себя великим полководцем. Конечно, в политическом арсенале Орды имелось немало методов для более адекватной защиты интересов поволжского купечества, которое нуждалось не только в военном протекционизме, но и в мире, однако Тохтамыш, ослепленный действительным величием золотого трона великого Бату, не видел иных средств к возрождению былого могущества улуса Джучи, кроме кривой степной сабли.

Геополитически столкновение государства Тохтамыша и империи Темура являлось возрождением старого антагонизма между Золотой Ордой и империей ильханов конца XIII–XIV в. Сходство дипломатических тенденций старой и новой борьбы ясно показывает попытка Тохтамыша заручиться поддержкой мамлюков. В 1385 г. он отправил в Египет послов для подготовки пути к союзу, точно так же, как это делали предыдущие джучиды.

Посланники Тохтамыша привезли в Египет богатые подарки, и султан воспринял этот политический жест по достоинству, распорядившись отпускать ордынским послам довольствие в большом количестве, а на личные расходы выдать по 1000 дирхемов на каждый день пребывания в султанате. По последующим событиям можно понять, что Тохтамыш, предвидя решительную схватку с Темуром, лихорадочно искал союзников, способных отвлечь на себя часть военных сил Великого эмира. Надежды Сарая на султана Египта были, конечно, иллюзорны: султан имел громкое имя, очень хороший гарем, но возможности всех его войск, вместе взятых, едва достигали силы одного пехотного корпуса Амира Темура. У Темура служили профессионалы – ветераны многих походов, и все его командиры – от верховного эмира до простого сотника – были обучены сложным построениям и маневрам на поле боя. Обо всем этом египетский султан, вероятно, был в той или иной мере наслышан, именно поэтому посольство Тохтамыша повезло в Сарай его добропожелания, но отнюдь не план совместных военных действий.

Двумя основными регионами, оспариваемыми Золотой Ордой и центральноазиатской империей, являлись Хорезм и Азербайджан, оба на тот момент автономные. Каждый управлялся местной династией: Хорезм – суфиями, Азербайджан – джелаирами.

В 1385 г. Амир Темур совершил поход против Азербайджана. Хотя он и разбил войска джелаиров Султании, но не закончил завоевания страны. Поход Темура выявил слабость правителей Азербайджана и Тохтамыш решил воспользоваться ситуацией, посчитав возможным теперь уже предметно преподать своему бывшему великодушному покровителю военный урок: он направил 90-тысячный экспедиционный корпус в Азербайджан.

Зимой 1385/86 г. Тохтамыш захватил Тебриз тем же приемом, при помощи которого он тремя годами раньше обманул москвичей. Город был разграблен и разрушен так же основательно, как Москва. Затем были опустошены города Миранда и Нахичеван. Только после этого завоеватели повернули на север, гоня перед собой огромный человеческий караван из 200 тыс. азербайджанцев, обращенных в рабов. Этот набег раскрыл Темуру глаза на серьезность опасности, угрожающей со стороны Золотой Орды.

Наступил 1386 г. – последний год относительно мирных взаимоотношений между Золотой Ордой и империей Великого эмира. Вскоре Амир Темур узнал о готовящемся новом походе Тохтамыша на Азербайджан и решил заранее разместить там свою армию, чтобы не допустить разграбления этого богатейшего и очень важного для его дальнейших военных планов региона, чем вновь подтвердил свою репутацию величайшего военного стратега всех времен. Вскоре самаркандские военные дозоры принесли ему весть о проходе войск Тохтамыша через Дербент и появлении передовых отрядов ордынцев в долине реки Самур.

Темур приказал своим эмирам сделать рекогносцировочный рейд к передовым частям армии Тохтамыша. Когда эмиры перешли Куру, Тохтамыш обрушился на небольшой отряд,

пытаясь его захватить, однако всадникам удалось оторваться от преследователей и вернуться в свой лагерь. Тотчас против Тохтамыша был послан другой, значительно более крупный отряд во главе с Мироншахом, сыном Темура. В результате большой битвы воины Мироншаха захватили в плен несколько высокопоставленных ордынцев.

Темур хотел оставаться по отношению к Тохтамышу благородным, поэтому послал ему письмо, написанное в отеческом тоне: «Забудем все, что было, и снова станем друзьями». Но такой примирительный тон, необычный для Темура, напротив, оскорбил самолюбивого Тохтамыша, тем более что это случилось сразу после его поражения. Проглотив обиду, хан Орды начал готовиться к реваншу формированием мощной армии, благодаря неистощимым резервам кочевых племен, которые жили в предгорьях Урала, на границе с Европой.

Великодушие Темура возымело совсем не то действие, на которое он рассчитывал. Тохтамыш не мог забыть, что только благодаря Темуру он спасся и получил престол. Поэтому его агрессивность вроде бы должна быть расценена как черная неблагодарность. Однако вспомним, кто его окружал. За 200 лет потомки «людей длинной воли», богатырей, верных хану нойонов, превратились в беков и огланов, своевольных провинциалов с крайне узким политическим кругозором и безудержными эмоциями. Унаследованные ими традиции постепенно деформировались, уровень пассионарности снизился, и осталась лишь память об обидах, которые мусульмане нанесли их предкам в начале XIV в.

Насколько разделял эти настроения хан Тохтамыш – неясно, но даже если у него было собственное мнение, то оно не имело никакого значения в условиях лавинообразного спада пассионарности, достигшей равновесия с инстинктивными импульсами, формируемыми традиционной культурой Великой степи. Сподвижники хана были храбрыми, сильными, выносливыми, даже верными, но способность предвидения они утратили, как и их соседи ойраты – западные тюрко-монголы, отколовшиеся от улуса Чагатая вследствие происходивших там беспорядков. Степняки конца XIV в. достигли гармоничности этнопсихологической структуры и были убеждены, что ореол победы всегда будет окружать их бунчуки, каких бы гулямов ни набрал себе Темур. Такая наивная самонадеянность характерна для обывательского уровня любой культуры. В данном случае она привела к трагичным последствиям.

Тохтамыш был отнюдь не глуп. Он правильно расценил характер своего бывшего благодетеля, Темура, которого историческая закономерность превратила в злейшего врага его улуса.

Похоже, что Амир Темур до последнего часа не оставлял надежды вразумить Тохтамыша, вновь и вновь напоминая ему об их совершенно особом формате личных отношений. Но Тохтамыш не услышал или не пожелал услышать призыва Темура. И тогда в 1387 г. началась настоящая война.

По существу, в 1387–1388 гг. повторились события 1225 г., причем Темур был почти копией Джелал ад-Дина, но Тохтамыш отнюдь не походил на Чингисхана, равно как и его сподвижники не обладали талантами Джэбэ и Субэтэя. Но, поняв, что столкновение неизбежно, Тохтамыш постарался обзавестись союзниками, в частности в лице врага Темура – хана Камар ад-Дина.

Как мы писали ранее, с 1375 г. Темур вел перманентную войну с эмиром Моголистана Камар ад-Дином.

Воспользовавшись этой войной, Тохтамыш заключил союз с Камар ад-Дином и тем самым создал реальную угрозу владениям Темура в Центральной Азии. Логично предположить, что союзный договор между Золотой Ордой и Моголистаном предусматривал нанесение одновременного удара по Мавераннахру с двух сторон: с севера и востока. Для более энергичного вовлечения Моголистана в войну с Темуром Тохтамыш направил в Центральную Азию многочисленное войско. Соединившись с армией Камар ад-Дина, войска ордынцев вторглись в Мавераннахр с территории Туркестана. Почти одновременно другой отряд золотоордынцев совместно с хорезмским войском ударил в направлении Мавераннахра с территории Хорезма, причем, воспользовавшись отсутствием Великого

эмира.

На попытки Тохтамыша усилить свое военно-политическое присутствие у границ Центральной Азии Темур ответил захватом Грузии (ноябрь 1386 г.). В районе Мцхеты и в Дарьяльском ущелье были выставлены усиленные гарнизоны. Захватом Грузии Темур обеспечивал свои дальнейшие военные действия в Иране и мог не опасаться за свои тылы, ибо проход в Закавказье для золотоордынцев через Дарьяльское ущелье и через Дербент был надежно закрыт.

Умаршайх спешно собрал гарнизоны северных городов и пытался остановить Тохтамыша у Отрара, но под давлением превосходящих сил был вынужден отступить к Андижану. Тюрко-монголам не удалось овладеть этим городом, но они начали грабить страну, следуя примеру своих предков. Захватив неукрепленные пригороды, они осадили Бухару, окружили Самарканд, а на юге угрожали Карши.

Ситуация казалась катастрофической, когда в феврале 1388 г. Темур бросил 30 тыс. всадников к Самарканду, и сам во главе быстрых эскадронов появился у Кеша. Тохтамыш тотчас отступил вместе со своими союзниками в степи. Темур вошел в Самарканд и вывесил имперский штандарт, к огромному облегчению жителей. Никогда опасность не была столь ощутимой. Но чем тревожнее было поражение, тем больше проявлялся в Темуре организатор и стратег. Столица Хорезма – город Ургенч – был взят Амиром Темуром без боя. После нескольких дней пребывания в Хорезме Темур издал указ о том, чтобы «всех жителей и обитателей города и области переселить в Самарканд, а Хорезм, т. е. Ургенч, целиком разрушить и территорию города засеять ячменем». Хотя указ Темура полностью не был осуществлен, но после этого разгрома Хорезм потерял свое прежнее значение.

К исходу 1389 г. стало вполне очевидно, что Тохтамыш проиграл крупную военную кампанию, которая продолжалась около трех лет. Золотоордынский хан потерял все свои военно-политические позиции в Хорезме, утратил обширные территории по реке Сырдарье (включая крепость Сыгнак), лишился значительного числа отборных войск, опустошил казну государства.

Внешнеполитическая линия Тохтамыша, направленная на слом военно-политической гегемонии Темура в Центральной Азии, вызывала у наиболее родовитых представителей ордынской знати крайнее раздражение. Недовольство политикой Тохтамыша получило массивную подпитку.

В 1391 г. борьба между Тохтамышем и Темуром вступила в решающую стадию. Рассерженный опустошительными набегами Тохтамыша на Мавераннахр, Темур решил пойти за своим противником в его собственные владения. В феврале 1391 г., после тщательной подготовки, он сосредоточил армию (историки отмечают, что из 200 тыс. человек) на Сырдарье и собрал курултай, который одобрил его планы и на котором его военачальники получили последние наставления.

Главная трудность степной войны – это проблема снабжения не столько людей, сколько коней. Чтобы быть боеспособным, каждый воин наступающей армии должен был иметь трех коней – походного, вьючного и боевого, шедшего порожняком. Кроме этого, были обоз с запасом стрел и осадными машинами, личные кони полководцев и их жен. Запаста фураж и, главное, везти его с собой было очень трудно. Именно поэтому китайцы эпох Хань и Тан ограничивали свои походы во Внутренней Азии, а в Согдиану вторгались, лишь обеспечив склады по маршруту следования армии.

Всадники Темура скакали во весь опор днем и ночью без отдыха, хотя иногда снег доходил до крупы их коней. Разведчики сообщили, что вражеский авангард достиг предместий Ходжента, который находился в трехстах километрах к востоку от Самарканда.

Во время марша Темур отправил гонцов к Умаршайху, который готовился помочь ему с севера. Он приказал своему сыну ничего не предпринимать, а оставаться в тылу врага и затем атаковать его в нужный момент.

На рассвете пятого дня Великий эмир отбросил авангард Тохтамыша, а затем нанес сокрушительный удар по центру армии тюрко-монголов.

У тех было явное численное преимущество, но они были дезориентированы появлением Темура и его смелыми маневрами. Сражение стало особенно кровавым, когда всадники Умаршайха ударили тюрко-монголов с тыла и вызвали в их рядах панику, которая вскоре перешла в полное беспорядочное отступление. Войска Тохтамыша и Камар ад-Дина спешно перешли Сырдарью и рассеялись в степях. Темур не стал их преследовать, потому что опасался удара тюрко-монгольских банд с тыла, а в случае поражения он мог быть отрезан от Самарканда.

Темур решил, что Тохтамыша надо уничтожить и сломить мощь Орд, пока не поздно. Время снисходительного отношения к неблагодарному другу окончательно прошло.

Он знал, что в борьбе против северных кочевников любая оборонительная тактика бесполезна и что им надо дать бой на их территории, на бескрайних степных просторах, среди песков, в стране безводья и одиночества.

Темур смог собрать под Кешем мощную армию и лично повести ее к северным границам. Тохтамыш, такой же упорный, как и его соперник, перегруппировал свои силы, разбросанные на большом пространстве, и выжидал удобного момента на берегу Сырдарьи. При приближении конницы Великого эмира он снова отступил в степи.

Темур провел перепись всех войск империи, организовал несколько новых воинских соединений, назначил командиров, губернаторов и высших чиновников в городах и провинциях на период своего отсутствия и, наконец, отправил на север мобильные отряды, чтобы подготовить продвижение основных сил и разведать вражеские позиции.

Затем он отправился в Ташкент, куда должны были подтянуться войска и ждать весны. Там он тяжело заболел: сорок дней он не вставал с постели и не мог двигаться, это был первый серьезный криз, вызванный поражениями костей и суставов вследствие раны на ноге, полученной в юности. Другой на его месте отказался бы от личного участия в опасной экспедиции, назначенной на начало весны, только не он. Едва поправившись, Темур 9 января 1391 г. покинул Ташкент во главе мощной армии в направлении Белой Орды. Он снова поставил все на карту.

Самая последняя информация относительно местонахождения Тохтамыша указывала на то, что он вернулся в Белую Орду, севернее Аральского моря. На основе таких неточных сведений армия двинулась вдоль Сырдарьи, затем повернула на север. Форсировав реку Сары-Су, она прошла через пустыню, где люди и животные в течение нескольких дней страдали от жажды.

Через три месяца после выхода из Ташкента армия дошла до горного массива Субар-Тенгиз, у подножия которого был разбит лагерь. Темур поднялся на одну из гор и любовался бескрайним степным пейзажем. «Степи по площади и по цвету похожи на море», – сообщает историк. Но как Темур ни всматривался вдаль, он не видел никаких следов стоянки войск Тохтамыша.

Прежде чем снова спуститься на равнину, Великий эмир приказал соорудить башню из камней, на которой начертал: «Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! 23 дня месяца джумада первого семьсот девяносто третьего года (28 апреля 1391 г.) здесь проходил султан Турана Амир Темур Гураган с 200-тысячным войском походом против Тохтамыш-хана».

Войска снова, на этот раз медленнее, отправились в путь. Вперед посылались группы охотников за дичью, но ее всегда было недостаточно, чтобы накормить такую армию. Все имеющиеся запасы пищи и все, что давала охота, сдавалось на кухню. Каждый человек, будь то солдат или эмир, получал одинаковый паек на день. Но постепенно в пище увеличивалась доля травы, были дни, когда армия питалась только травой.

Громадное войско почти умирало от голода, когда Темур приказать устроить облавную охоту, организовав «большой охотничий круг», или «черге»: солдаты разошлись далеко в стороны, затем медленно сошлись, образуя непроходимый кордон, который неумолимо сужался. Эта гигантская облава дала немалые плоды: попадались звери, не виданные ранее мавераннахрцами, например лоси. Люди наелись досыта, оставшуюся добычу высушили и оставили про запас.

Теперь армия удовлетворила изголодавшуюся плоть, но оставалась усталость после тяжелого марша по бесконечным равнинам. Появились сомневающиеся, и пошли слухи о том, что Тохтамыш заманил их в степи, чтобы атаковать истощенную голодом и усталостью армию.

Чтобы поднять боевой дух армии, Великий эмир устроил смотр войскам, как он обычно делал в торжественных случаях в Самарканде. «Он сел в седло в парадной одежде, на голове у него был шлем, инкрустированный золотом и рубинами, в руке он держал золотой скипетр с бычьей головой на конце» – так сообщает историк. Он медленно проехал перед строем всадников, под развевающимися знаменами и грохот барабанов.

После приветствий офицеров, среди которых были и его сын Мироншах и два внука, он, медленно продвигаясь вдоль шеренги, разговаривал с солдатами и проверял их вооружение: копья, луки, стрелы, сабли, медные щиты.

Потребовалось не менее двух дней для осмотра всей армии, но он с удовлетворением отметил ее прекрасное состояние, несмотря на перенесенные тяготы, и, самое главное, то, что люди сохранили веру в своего командующего. Армия, которую вел Темур, была страшной военной машиной. Каждая деталь ее организации и вооружения основывалась или на лучших тюрко-монгольских военных традициях, или на собственном предыдущем опыте Темура. Хотя он следовал основным принципам десятичной системы военной организации и жесткой дисциплины, заложенным Чингисханом, Темур ввел некоторые существенные новации и в стратегии, и в тактике. Среди прочего он отвел важную роль пехоте. Чтобы его пешие воины могли выдерживать атаки конницы, он создал соединения опытных саперов. На поле битвы его пехота была хорошо защищена окопами, закрытыми огромными щитами. Вся армия делилась на семь соединений, два из которых составляли резерв, который главнокомандующий мог бросить в любом направлении в зависимости от хода сражения, чтобы поддержать или центр, или фланг. Центр теперь был много мощнее, чем в старых тюрко-монгольских армиях, фактически мощнее, чем и в прежних собственных армиях Темура.

Темур повел войско на север в район Верхнего Тобола, где, по данным разведки, базировалась часть армии Тохтамыша. Однако к моменту, когда солдаты Темура достигли Тобола, войска Тохтамыша отошли на запад, к Яику. Было очевидно, что Тохтамыш так же желал избежать решительного сражения, как Темур желал его дать. Пока Темур спешно следовал к Яику, Тохтамыш отступил еще раз, и только на Средней Волге, в районе Самары, войска Темура настигли основной лагерь своего врага. На сей раз организованное отступление для Тохтамыша было невозможно; он вынужден был принять сражение 18 июня 1391 г. на берегах реки Кондурча, притока Соки (которая, в свою очередь, является восточным притоком Волги, севернее современной Самары). Кровавая битва закончилась полным разгромом армии Тохтамыша.

Когда тюрко-монголы, сражавшиеся в центре, потеряли Тохтамыша из виду, они решили, что он погиб: его знаменосец, распростертый в пыли и склонивший в знак траура большой штандарт с девятью хвостами яков, вызвал панику среди тюрко-монгольских солдат.

Тохтамыш, объятый ужасом, смотрел на поражение своей армии, но ничего не мог поделать. Чтобы не попасть в руки Темура, он скрылся в степях.

Тысячи тюрко-монгольских солдат сложили головы на поле битвы. Но и Темуру победа досталась дорого. Это видно из того, что он не стал продолжать военные действия и не переправился на правый берег Волги.

После победы армия разбила лагерь на зеленых равнинах у Волги. Добыча оказалась огромной.

Великий эмир приказал организовать празднества, которые продолжались 26 дней. Воины хорошо отдохнули: они ели и пили из золотой посуды, подавали им «самые красивые девушки на свете», как сообщает историк. В руки мавераннахрцев попало много рабынь-черкешенок, которых возил с собой Тохтамыш. Солдаты Темура занимались с ними

любовью, а музыканты и поэты услаждали их слух песнями и стихами.

В конце праздника принесли царский трон наследников Чингисхана, покрытый золотом и украшенный драгоценными камнями, захваченный в качестве добычи, и Темур сел на него.

Великий эмир поставил во главе побежденных Орд принцев-чингисидов. Его должно было удовлетворить возрождение Белой Орды и то, что царевичи Кайричак, Темир-Кутлуг, Кунче-оглан и Едигей, будучи врагами Тохтамыша, составят буфер между Самаркандом и Сараем.

Наступала южносибирская осень, и Темур дал приказ к возвращению на родину. Войска быстро пересекли пустыню, в октябре достигли Отрара и вернулись в «райскую область Самарканда».

Жители Самарканда с восторгом встретили своего господина и его солдат, которых они не видели 11 месяцев. Новые сокровища прибавились к огромным богатствам, уже собранным в подземельях Арка, крепости, построенной Темуром.

Он поселился в цитадели Арк, которая возвышалась над всем городом. Сокровища, прибывшие вместе с армией, сложили в подземелья после подсчета императорскими чиновниками. Историк сообщает, что потребовалось несколько дней и ночей, чтобы переписать всю добычу в бухгалтерские книги, несмотря на большое количество задействованных людей.

Во время грандиозного праздника он одарил тех, кто оставался в Самарканде, – каждому по рангу и заслугам. Однако первыми получили подарки религиозные деятели и теологи, а не высшие государственные чиновники.

В последующие дни Темур занимался делами империи: многие чиновники тряслись от страха, потому что суд его был скорый. Он интересовался буквально всем, что произошло за время его долгого отсутствия, и только потом приказывал наказывать виновных.

Бедняки получили зимнюю одежду и пищу, а население всей империи было освобождено от налогов на три года.

После этого Завоеватель решил активно заняться обустройством Самарканда.

Он строил мечети, больницы, школы и укрепил стены города, которые в длину уже достигли 76 тыс. метров. Но все эти мирные труды не могли его заставить забыть, что война с Тохтамышем была не закончена и в этом противостоянии точки над «i» еще не расставлены.

Казалось, что после такого трудного похода и такой яркой победы Темур будет долго наслаждаться отдыхом в кругу близких, осмысливая результаты своего триумфа. Но время поджимало: ему исполнилось уже 55 лет.

Поражение Тохтамыша в 1391 г., как бы оно ни было велико, не решило еще окончательно судьбу ни его самого, ни его государства. Тохтамыш имел еще немало ресурсов для продолжения борьбы. Нужны были воля и неослабная энергия. То и другое у него нашлось. Пока Темур после битвы 1391 г. был занят в Иране и Закавказье, Тохтамыш готовил силы для новых происков в Азербайджане и явно искал случая для решительного столкновения со своим противником. Арабские авторы аль-Макризи, аль-Асади, аль-Айни отмечают, что Тохтамыш в 1394 и 1395 гг. всячески искал сближения с египетским султаном Беркуком, уговаривая его помочь ему в борьбе с Темуром, который равно был опасен той и другой стороне. Характерно, что Золотая Орда и государство мамлюков в Египте только тогда сближались, когда у них появлялся общий враг. Пока существовало могущественное государство Хулагуидов (до 1335 г.), ханы Золотой Орды охотно сближались с мамлюкским Египтом, который один не в силах был противостоять притязаниям хулагуидских ханов. В течение полувека после 1335 г. дипломатические сношения были более чем редки, так как они потеряли для обеих сторон всякий политический смысл. Начиная же с 80-х гг. XIV в. обстановка резко изменилась, ибо Темур стал опасен для той и другой стороны. Искал в эти годы Тохтамыш и сближения с Литвой.

Все эти весьма широкие военно-политические мероприятия Тохтамыша, призванные изолировать Амира Темура в политическом мире позднего Средневековья, хотя и были

важным подспорьем в подготовке к новой схватке, но именно подспорьем, а никак не средством достижения желанной победы. Великому князю Литвы Ягайло в действительности Амир Темур не мешал, он был очень далеко и строил великую исламскую империю в Азии, которая до поры никак не угрожала Литве. Ей угрожала крепнущая день ото дня Москва, и русский великий князь был для Ягайло потенциально гораздо более опасным врагом, чем Великий эмир. С маленькой грузинской армией был в состоянии расправиться один туранский боевой корпус, поэтому союз Тохтамыша с Грузией был лишь иллюзией, возможно приятной, но иллюзией. Столь же эфемерным был союз с султаном Египта, армия которого, изнеженная и слабо подготовленная, не годилась для сколько-нибудь серьезной войны с Темуром. Единственным реальным союзником мог бы стать султан Османской империи Баязед, но он отчего-то не оказал Тохтамышу реальной военной помощи.

Таким образом, единственным эффективным оружием для борьбы с Темуром оставалась армия, опирающаяся на единство страны и народа. А вот как раз с единством народа в Золотой Орде были большие проблемы. С каждым десятилетием, пожалуй, даже с каждым годом в Орде все сильнее проявлялись этническая неприязнь и взаимное экономическое отчуждение кочевого и оседлого народов. Это внутреннее противоречие, влияющее самым роковым образом на боеспособность золотоордынской армии и до сих пор проявлявшееся только в критических ситуациях на поле битвы, весной 1395 г. неожиданно вспыхнуло с новой силой уже в мирное время.

На фоне кровавых межэтнических столкновений в Золотой Орде внутреннее этнополитическое положение в Мавераннахре отличалось исключительной стабильностью. Все войны Темура велись далеко от границ Турана, в страну свозились колоссальные богатства, а значит, Самарканд и Бухара, другие города Центральной Азии росли и хорошели буквально на глазах. Экономическое процветание самым непосредственным благотворным образом сказывалось на положении армии Амира Темура. Армия была исключительно хорошо подготовлена в оперативно-тактическом отношении, отлично вооружена, абсолютно дисциплинирована, обладала фанатической верой в своего полководца.

С такой армией Тохтамышу предстояло вновь скрестить свой меч, и следует признать, что решение золотоордынского хана вновь померяться силами с Амиром Темуром, несомненно, принадлежит к числу наиболее рискованных военных авантюр в мировой истории.

Осенью 1394 г. Темур находился в Шеки, когда к нему пришло известие, что войско Тохтамыша прошло Дербент и начало грабить селения и города Ширвана. Темур отдал распоряжение своим войскам готовиться к походу, так как считал столкновение неизбежным и не видел пользы в том, чтобы его откладывать. Таким образом, до весны 1395 г. создалась передышка.

И все-таки в этот период война Темуру была не нужна. Поэтому он отправил Тохтамышу письмо-ультиматум: «Во имя Всемогущего Бога спрашиваю тебя: с каким намерением ты, хан кыпчакский, управляемый демоном гордости, вновь взялся за оружие? Разве ты забыл нашу последнюю войну, когда рука моя обратила в прах твои силы, богатства и власть?! Образумься, неблагодарный! Вспомни, сколь многим ты мне обязан. Но есть еще время: ты можешь уйти от возмездия. Хочешь ли ты мира или не хочешь? Избирай. Я же готов идти на то и другое. Но помни, что на этот раз тебе не будет пощады».

По словам Йезди, Тохтамыш был готов на компромисс, но «эмиры его, вследствие крайнего невежества и упорства, оказали сопротивление, внесли смуту в это дело, и... Тохтамыш-хан вследствие речей этих несчастных... в ответе своем на письмо Темура написал грубые выражения». Темур разгневался и двинул войско на север через Дербентский проход.

Первой жертвой войск Темура оказался народ кайтаки – племя, обитавшее на северных склонах Дагестана. Темур приказал истребить «этих неверных», что вызвало задержку наступления, и Тохтамыш успел послать авангард своего войска с заданием задержать

Темур на рубеже реки Кой-Су. Это было разу мно, так как Кой-Су протекала в очень глубоком ущелье и переправа через столь бурную реку затруднительна.

Но Темур перевел отборный отряд выше по течению, к крепости Тарки, и отбросил тюрко-монгольский отряд за Терек. Преследуя противника, Темур перешел через Терек, и туда же подтянул свое войско Тохтамыш. Там и произошел бой, решивший судьбу монгольского этноса.

В истории иногда бывают роковые мгновения, которые определяют ход дальнейших событий. Эти зигзаги истории рано или поздно сливаются с главным направлением этногенеза или социогенеза, но участникам событий и даже целым поколениям они приносят либо славу, либо гибель, а последствия их сказываются десятилетиями и даже веками. Там, где царит вероятность, детерменизм неуместен.

Столкновение Тохтамыша с Темуром было не случайной войной местного значения. Оно происходило на уровне суперэтническом, ибо великая степная культура защищалась от не менее великой городской культуры Востока – мусульманской. Соперничество этих суперэтнических целостностей вспыхивало и затухало неоднократно, но описываемый нами период начался в XI в. и закончился в XVI в. (победа Шейбани-хана над Бабуром).

В 1395 г. участники событий помнили о походах Чингисхана, но никто из них не мог предугадать результатов войны, которой суждено будет изменить лик Евразии. Да это им и не казалось важным. Существенно было то, что либо Золотая Орда уцелеет и подавит мятежных эмиров Мавераннахра, либо она падет и рассыплется в прах, а воины Темура привезут в Самарканд и Бухару золото, меха и волооких красавиц.

Можно вообразить, с каким трепетом ждали результатов этой битвы в Москве, Рязани, Твери и даже в Смоленске.

На берегу Терека решалась судьба не только Золотой Орды, но и Святой Руси, опоры православия, собранной трудами митрополита Алексия и Сергия Радонежского. Русские люди XIV в. знали, как надо вести себя с «татарами», вполне представляли, кто такой эмир Темур, так как сношения России с Грузией тогда были частыми, а эта многострадальная страна уже трижды испытала нашествие Темура: в 1386 г. пал Тбилиси, в 1393 г. были разорены Самцхе и область Карс, в 1394 г. в Грузию была направлена карательная экспедиция за переговоры, которые вел Георгий VII с Тохтамышем. На Руси знали, чего надо бояться. «В самом деле, победа над разноплеменным скопищем Мамайя на Куликовом поле справедливо расценивается как подвиг, но кочевники Арабшаха были сильнее и боеспособнее войск Мамайя, а их дети уже служили Тохтамышу.

По логике событий, на их долю выпало сдерживать армию Темура; благодаря этой логике Русь была спасена от участи Хорасана, Индустана, Грузии и Сирии. Спасая себя, татары ограждали Русь от такой судьбы, о которой и подумать-то страшно» (Л. Гумилев).

Как мы отмечали ранее, ордынское войско состояло не только из тюрко-монголов, но и из народов покоренных стран, в частности Булгарии, Руси, Крыма, Северного Кавказа и других. Воины этих народов, участвуя в сражении на Тереке, вынуждены были проливать кровь и умирать за чуждые им интересы. Вместе с тем они преследовали и свою цель – остановить Темура и оградить свою территорию от новых погромов. Войско Темура, в свою очередь, также было многоликим. Оно состояло из народов Центральной Азии, монголов, персов, курдов и насильно завербованных жителей Закавказья.

Представляет интерес вопрос о длительности сражения на Тереке. В своих записках современники свидетельствуют, что оно длилось с переменным успехом три дня. Об этом пишут аль-Макризи, аль-Асади и аль-Аскалани со слов очевидца – египетского посла Тулумена Алишаха, который находился тогда при Тохтамыше. Русская летопись также сообщает о нескольких «суймах» (т. е. схватках, боях), из которых складывалось сражение. Арабшах, побывавший при дворе Темура и позже посетивший Астрахань, Северный Кавказ и Крым, писал, что «длился этот бой и погром около трех дней». То же самое говорится в «Родословной тюрков», где указано, что Тохтамыш несколько дней давал сражение за сражением. Совокупность этих сведений заслуживает доверия.

Эскадроны Великого эмира ринулись на врага под звуки труб с развернутыми знаменами. Но ордынские войска отступили с обычной маневренностью. Наступила ночь. Самаркандская армия оставалась в боевой готовности до утра под защитой двойного ряда часовых, не зажигавших костров, с оружием в руках.

На рассвете 15 апреля 1395 г. Темур неожиданно приказал наступать, но Тохтамыш был к этому готов.

В мгновение ока небо потемнело от летевших стрел, как гласит история; после обстрела отряды обрушились друг на друга с такой яростью, что сразу сошлись в рукопашной. Битва была страшной. В какой-то момент тюрко-монгольский элитный корпус решил сделать то, чего не удалось в свое время Шах-Мансуру: убить Темура. Тюрко-монголы отрезали его от гвардии и окружили вместе с горсткой приближенных, которые погибали один за другим. Темур сражался как отважный воин: «Стрелы у него кончились, пика сломались, и он отбивался саблей».

Его спасли пятьдесят офицеров, которые пробились к Темуру, мгновенно спешили, образовав круг, и, опираясь одним коленом о землю, пустили град стрел в тюрко-монголов. Тем пришлось отступить под таким натиском.

Подмога пришла, и знаменосец Великого эмира смог высоко поднять императорский штандарт, что означало – предводитель находится в опасности. Затем к Темуру пробилась его гвардия, которая окружила его стеной щитов.

Увидев это, Тохтамыш сделал последнее отчаянное усилие и бросил все свои силы на противника, но со всех сторон к Темуру стекались его солдаты, сметая тюрко-монгольских воинов в рукопашном бою.

Тогда Тохтамыш, обливаясь кровью, понял, что его солдаты теряют инициативу, не выдержав рукопашного боя, и что фортуна, а может быть, и боги отвернулись от него. И он бежал со своим штабом на север, бросив армию, которая была почти полностью уничтожена. Воды Терека сделались красными от крови погибших воинов.

После сражения, на виду своей ликующей армии, Великий эмир сошел с коня и пал ниц благодарить Аллаха за исход битвы. Для всех, кто уцелел после этой мясорубки, не было никаких сомнений в Божественном провидении. От этого их фанатическая преданность вождю стала еще сильнее.

Несметные богатства и сокровища, захваченные во время похода, Темур оставил при обозе со своим сыном Мироншахом, который еще до битвы упал с лошади и сломал руку.

Темур отобрал самых быстрых всадников и бросился в погоню за ханом Золотой Орды и едва не настиг его на берегу Волги. Он остановился там, чтобы объявить о низложении Тохтамыша и возложить корону обеих Орд на голову сына Урус-хана, который служил в его армии офицером.

После этой церемонии он продолжил преследование, но ему удалось захватить только брошенное имущество противника, который уклонился от боя и скрылся в глухих лесах Булгарии.

Попытаемся определить хотя бы приблизительно потери в армии Темура. Во время сражения на Тереке внук Темура Пир Мухаммад был начальником 10-тысячного отряда, т. е. темником, а после сражения, когда Темур отправлял его в Шираз (для охраны своего улуса), в его отряде осталось лишь 6 тыс. человек, т. е. 40 % воинов пало на поле боя. У другого темника – Шамс ад-Дина Аббаса, назначенного для охраны Самарканда, осталось 3 тыс. воинов, т. е. потери составили 70 %. Следовательно, можно предположить, что почти половина войска Темура погибла на Тереке.

Каковы же причины поражения Тохтамыша? Определенное значение, видимо, имело то, что в сражении на Тереке Темур применил огнестрельное оружие. Описывая бои 1395 г., Йезди упоминает об «огненосных копьях», отличая их от «метательных». Под «огненосными копьями» подразумевается, видимо, огнестрельное оружие, причем не пушки, а ружья (мушкеты, пищали). В частности, применение «огненосных копий» помогло Темуру выйти из окружения и спастись, казалось бы, от неминуемой гибели в первый день сражения. В

ходе сражения немаловажную роль сыграло предательство военачальников Тохтамыша.

Разгром на Тереке и опустошение Сарая Берке в 1395 г. нанесли Золотой Орде непоправимый удар. Хребет государства, причинившего столько зла Древней Руси, был сломлен. Разгром Мамая в 1380 г. на Куликовом поле был первым и главным клином, вбитым в Золотую Орду; поражение на Тереке в 1395 г. и разгром Сарая были вторым ударом. Темур вел борьбу с Золотой Ордой ради среднеазиатских интересов и без контакта с московским князем, о котором не имел четкого представления, однако объективно он сделал полезное дело не только для Центральной Азии, но и для Руси. Темур, по-видимому, не осознавал, какое значение для русской истории имел его удар по Золотой Орде: освобожденная Русь вновь вышла на арену истории.

Темур проявил себя не только полководцем, но и искусным политиком. Он собрал тех воинов Белой Орды, которые служили в его армии еще с 70-х гг., дал им в вожди сына Урус-хана Кайричака и повелел последнему объединить свой народ. Темур делал политическую ставку на ханов Белой Орды, территориально наиболее близкой и экономически наиболее зависимой от Мавераннахра.

Амир Темур покорил все племена, встретившиеся на его пути, и повел войска к Оренбургу, где нанес поражение тюрко-монголам четыре года назад, затем повернул на запад. Он прошел победным маршем через земли, расположенные вдоль Волги, и собрал огромные богатства, которые тюрко-монголы взяли в России. Армия Самарканда нагрузилась огромной добычей – «золото, серебро, меха, рубины, жемчуга, юные рабы и рабыни необыкновенной красоты».

Отправив в столицу империи добычу, взятую у тюрко-монголов, в сопровождении нескольких принцев и сильной охраны, он покорил исконно русские земли, правители которых были вассалами Тохтамыша. Он поднялся вдоль Волги до Булгар, города южнее Казани, потом двинулся на запад и быстро прошел расстояние до Ельца и разрушил его.

Интересно то, что Йезди и Шами повествуют о походе Темура на Машкав, т. е. на Москву, которого не было. Тем не менее описание побед над «эмирами русскими... вне города» и перечисление захваченной добычи весьма подробно: «...рудное золото и чистое серебро, затмевавшее лунный свет, и холст, и антиохийские домотканые ткани... блестящие бобры, несметное число черных соболей, горностаев... меха рыси... блестящие белки и красные, как рубин, лисицы, равно как и жеребцы, еще не выдавшие подков. Кроме всего этого, еще много других сокровищ, от счета которых утомляется ум».

Как понять эту сентенцию? Предлагаю гипотезу: Йезди выдал желаемое за действительное. По-видимому, Темур планировал поход на Русскую землю для вознаграждения своих воинов. Что же спасло Русь на этот раз?

Интересная мотивировка тому дается в «Памятниках литературы Древней Руси: XIV – середина XV вв.»: во спасение Москвы от вторжения войск Темура «...великий князь Василий Дмитриевич послал в славный город Владимир за иконой Пречистой Владычицы нашей Богородицы и велел понести ее из города Владимира в Москву. И было это в самый праздник Успения святой Богородицы». Когда икону донесли почти до Москвы, весь город, молясь, вышел навстречу. «Так по Божьей благодати, молитвами Святой Богородицы город Москва цел остался, а Темур Аксак-царь ушел в свою землю».

В исторических хрониках поворот войск Темура от Москвы на юг трактуется следующим образом: силы Золотой Орды хотя и были надломлены, но не сокрушены. Двигаться на север, оставив столько врагов в тылу, было бы безумием. К тому же наступала зима, и очень суровая. О походе на Москву не могло быть и речи. И армия Темура повернула на юг.

В низовьях Днепра, Дона и в Крыму оставалось еще много храбрых воинов, а степи между Доном и Кубанью контролировали черкесы. По южному направлению продвижения войск, между Доном и Кубанью, черкесы сжигали сухую траву, из-за чего скот, служивший провиантом армии, погибал от бескормицы. Тогда авангард Темура достиг Кубани и разгромил черкесов. Затем наступила очередь горцев Дагестана. Воины брали их крепости, а

защитников, связав, сталкивали в пропасть. Шла уже война на истребление.

Однако надо было расплачиваться с воинами, поэтому Темур отдал им на разграбление Ходжи-Тархан (Астрахань) и Сарай, после чего отправился домой через Дербент, где весной 1396 г. его воины занялись истреблением горцев Южного Дагестана как «неверных». Укрепив заново Дербент, Темур сделал его границей своей державы, а Великая степь, окровавленная и опустошенная, получила нового хана из рук победителя.

Итак, в 1388–1396 гг. профессионалы победили дилетантов, что, впрочем, неудивительно. Дисциплина в войске – условие победы, но возможна она лишь при толковом полководце, справедливо награждающем своих солдат и командиров. Однако тут-то и кроется ущербность системы, построенной на использовании наемников, не жалеющих жизни ради награды, а не Отечества. Такое войско стоило очень дорого даже для богатой Центральной Азии. Плату для солдат приходилось добывать путем завоеваний и грабежей побежденных, а из-за этого война становится перманентной. Территориальные приобретения наемникам не нужны, но победившее войско, уходя, оставляет пустыню. Это бедствие поразило сначала Иран и Семиречье, затем Поволжье и Кавказ и, наконец, Сирию, Турцию и остановилось только со смертью предводителя, победы которого оказались эфемерными, так как «сила вещей», или статистический ход событий, выше возможностей одного человека.

Темур был гениальным политиком. В 1397 г. к нему прибыли из Степи посол Темир-Кутлуга и человек эмира Едигея и из Семиречья – посол Хызр-Ходжи. Они просили от имени своих правителей стать подданными Темура, что в переводе на язык современной дипломатии означало заключение союза слабого с сильным, дабы иметь помощь и защиту. Так, Темир-Кутлуг, внук Урус-хана, был признан ханом улуса Джучи при условии «покорности и подчинения». Фактически этот этикет ни к чему не обязывал хана, но давал ему могучую моральную поддержку Темура, а она была дорога. С другой стороны, Темур мог не охранять северную границу, так как за ней был не враг, а друг. Казалось, все утихло, но новые волнения возникли незамедлительно.

Хан Тохтамыш не сложил оружия. С кучкой соратников он отошел в Крым, поскольку Русь перестала платить ему дань, а кормить войско было нечем. Пришлось искать объект для грабежа, и уже в 1396 г. Тохтамыш осадил Кафу. Это было безнадежное предприятие. Генуэзцы устояли, а с тыла ударили войска Темир-Кутлуга. Тохтамыш успел убежать в Киев, принадлежавший тогда князю Витовту.

Витовт принял Тохтамыша и оказал ему помощь. Летом 1397 г. литовско-монгольское войско, оснащенное новым оружием – пищальями и пушками, выступило из Киева в Крым и 8 сентября у стен Кафы одержало победу над небольшими силами Темир-Кутлуга и Едигея. Тохтамыш возликовал и направил послов пригласить к нему верных тюрок. Но уже зимой 1398 г. Темир-Кутлуг нанес ему поражение и вынудил бежать обратно в Литву.

Тохтамыш вновь пытался завоевать благосклонность Темура, который 1 января 1405 г. принял в Отраре его посланника. Темур все-таки питал слабость к своему неблагодарному другу и, видимо, обещал восстановить его на троне, но вскоре умер. Темир-Кутлуга сменил на троне Золотой Орды его брат Шади-Бек (ок. 1400–1407 гг.). По русским источникам, именно солдаты Шади-Бека убили Тохтамыша в 1406 г. в Сибири, куда привела его судьба.

Значение победы Темура над Тохтамышем в 1395 г. огромно. На протяжении 15 лет Золотая Орда получила два огромных удара, которые предопределили ее судьбу. Разгром Мамай Дмитрием Донским на Куликовом поле в 1380 г. был столь значительным ударом, что Золотая Орда, разьедаемая к тому же смутами, не нашла в себе сил, чтобы вернуть свое былое могущество. Попытка возродить Золотую Орду вышла из Белой Орды, в лице энергичного Тохтамыша.

Второй удар нанес Темур, который понимал, что золотоордынское великодержавие – постоянная угроза Мавераннахру, его земледельческим оазисам и культурным городам. После этого удара Золотая Орда сведена была на положение второстепенного государства.

Победа Темура над Тохтамышем, опустошение и сожжение Астрахани и особенно Сарая Берке – столицы Золотой Орды в 1395 г. – имели огромное значение не только для

Центральной Азии и Юго-Восточной Европы, но и для Руси. Сам того не подозревая, тот самый «Темир Аксак», который опустошил Рязанскую землю, объективно победой над Тохтамышем оказал Русской земле услугу: Золотая Орда теперь была ей не опасна.

Завоевание Восточного Ирана

Последующие победы еще более поражают – настолько огромное влияние они оказали на судьбы мира, но они уже были «естественными» после того, как Темур разгромил потомков Чингисхана.

Когда Темур укрепил свое государство Мавераннахр, объектом его военных экспедиций стали богатые государства Иран и Афганистан, раздробленные на соперничающие царства. В свое время Чингисхан имел дело с объединенным государством, Хорезмской империей, которая простиралась от Кабула до Хамадана. А уже перед Темуром были четыре или пять соперничающих друг с другом государств, из которых бывшая Хулагуидская империя отличалась особой раздробленностью. Все эти государства были в извечном конфликте, поэтому их правители даже и не пытались объединиться, чтобы дать отпор тюркам. Курды, жившие в Герате, были суннитами и принадлежали к афганской расе. Их яркими врагами являлись сарбадары Сабзавара – персидские шииты. Арабо-персидские музаффариды Фарса были соперниками джелаиров, тюрко-монголов, властвовавших в Табризе и Багдаде. Темур, который привык к упорной борьбе с кочевниками – монголами и кыпчаками, – на этот раз столкнулся с противником, который сдавался почти без боя. В 1380 г. Персидский Иран, практически добровольно, оказался завоеванным.

После падения Хулагуидского ханства угроза со стороны мавераннахрских тюрков нависла над Восточным Ираном.

В 1351 г. хан Казган, вождь мавераннахрцев, осадил Герат и сделал его правителя своим вассалом. Теперь то же самое проделал Темур. В 1380 г. он вызвал малика, или царя Герата, Гияс ад-Дина II явиться на курултай в качестве вассала. Гияс ад-Дин (1370–1381 гг.), сын и наследник Муиз ад-Дина Хусейна и седьмой принц Курдской династии, не был лишен политического чутья, которое позволяло и его отцу, и более ранним предкам оставаться в стороне от хулагуидских войн, за что и получали они признание Казгана. Гияс ад-Дин объявил о своем вассальстве, но на курултай не явился. Весной 1381 г. Темур направил свои войска в Герат.

Походы Темура в Восточный Иран с первых лет носили завоевательный характер. Таким был и его поход на Герат в 1381 г. Несмотря на прекрасные укрепления Герата и неприступность знаменитой крепости-цитадели Ихтияраддин, Гияс ад-Дин не сумел воодушевить гератцев на борьбу, и жители не оказали упорного сопротивления, так как поверили обещаниям Темура, что он им предоставит неприкосновенность и гарантирует жизнь, если они будут сидеть дома и не примут участия в защите города.

Малик сдал город после короткого и безуспешного сопротивления. Победитель завладел огромными богатствами. Этот большой город был одновременно перекрестком торговых путей и центром культурного обмена между Центральной Азией и Индией.

Гияс ад-Дину пришлось капитулировать. Темур доброжелательно принял его, позволив «поцеловать ковер у его трона», и заставил всех богатых жителей города прийти с повинной. Темур оставил Гияс ад-Дина номинальным правителем Герата, но город попал в полную зависимость от империи Темура. Сам Гияс ад-Дин, превратившийся в вассала, был отправлен в Самарканд к новому, вынужденному месту жительства.

Наложив на жителей огромную дань, Темур приказал наиболее именитым жителям Герата покинуть город и отправиться в Кеш, который в то время Темур всячески старался возвеличить и украсить. Темур также забрал с собой величественные ворота города, сделанные из резного отполированного железа, расписанные учеными текстами, и украсил ими Кеш.

Боясь возможного восстания жителей, которые разочаровывались в Темуре (дань была

очень тяжела), он приказал скрыть укрепления города (городские стены с башнями). Не тронута была только цитадель Ихтияраддин. Предположения Темура оправдались: в 1383 г., т. е. через два года, гератцы восстали.

Принц Мироншах жестоко подавил бунт и воздвиг пирамиды из отрубленных голов. «Зафарнаме» коротко упоминает, что после этих событий Гияс ад-Дин и его семья, подозреваемые в заговоре, «получили приказ умереть». Так прекратила свое существование афганская династия Курдов, которая благодаря ловкости смогла пережить все катаклизмы на протяжении 130 лет в крепости Герат, всегда притягивавшей взоры завоевателей.

Завоевав курдское царство Герат, Темура пошел в 1381 г. на Хорасан. В то время два государства воевали между собой за обладание этой страной: сарбадарское государство со столицей в Сабзаваре во главе с Али Муайада (1364–1381 гг.) и Мазандаран. Мазандаран, включая территорию Астрабада, Бистама, Дамгана и Самнака, находился под властью эмира Вали (1360–1384 гг.). Был и третий властитель, Али-Бек, правитель Келата и Туса. При приближении войск Темура Али-Бек сдался добровольно. Али Муайад, сарбадарский государь, испытывавший жестокое давление эмира Вали, обратился за помощью к Темуру: он радушно приветствовал Великого эмира, оказав ему большие почести в Сабзаваре, и объявил себя его поданным. С тех пор он преданно служил Темуру и в 1386 г. погиб, сражаясь на стороне его армии.

Что касается Али-Бека, то Темура отправил его обратно как полномочного вассала. Сам же Великий эмир продолжил наступление на запад с целью подчинения своей власти эмира Вали, царя Мазандарана, территории которого простиралась по южному побережью Каспийского моря и граничили с Азербайджаном. Но эмир Вали остался глух к доводам Темура и укрепился в Астрабаде, Бистаме, Дамгане и Самнаке.

Тогда Великий эмир устроил демонстрацию силы: полностью разрушил город Исфараин, также принадлежавший эмиру Вали. Войска Темура взяли стены приступом, захватили город, перебили жителей, разрушили дома, снесли укрепления и засыпали рвы. Как гласит история, «от Исфараина осталось только название». Наказание было столь устрашающим, что эмир Вали сообщил о своей готовности «поцеловать край императорского ковра» в качестве вассала. Но в это время Темуру пришлось срочно вернуться в Самарканд, чтобы участвовать в похоронах своей любимой дочери Тагай Шах Ака Беги, которая скончалась от внезапной болезни. Тем временем эмир Вали, отказавшись от своих намерений, договорился с Али-Бекем захватить земли, которые их сосед Али Муайад отдал Великому эмиру.

Гнев последнего был страшен: историки его царствования сообщают, что «вся Азия дрожала от страха», когда он выступил в поход. Несмотря на зимние холода, Темура собрал около Бухары армию возмездия и бросил ее на Хорасан.

При ее приближении Али-Бек заперся со своими приближенными в мощной крепости Келат, находившейся на горе. Однако Темура имел элитный отряд горцев для взятия подобных крепостей. Келат пал, и Али-Бека казнили.

Затем армия приступила в осаде Тюршиза, укрепленного города, который считался неприступным, потому что был построен на огромной скале, окруженной пропастью и лесом. Город был под охраной гарнизона, состоявшего из афганских воинов, особо отличившихся отвагой.

Горцы Темура переправили через пропасть осадные орудия, сокрушившие крепостные башни и пробившие бреши, в которые вошли осаждавшие войска.

Афганцы сражались яростно, но в конце концов, после больших потерь, сдались. Великий эмир, восхищенный героизмом воинов, помиловал их и включил в свою армию. Факт интересен тем, что это был редчайший акт милости в столь жестокой войне.

Расправившись с Али-Бекем, Темура двинулся на Сейстан, население которого восстало, несмотря на то что местный принц находился в армии Самарканда. Восстание было жестоко подавлено. Дабы предотвратить новый бунт, Темура приказал замуровать 2 тыс. живых пленников в кирпичную стену. После этой расправы армия пошла на столицу

Зарендж и овладела ею, несмотря на ожесточенное сопротивление. Жители были беспощадно истреблены. Для того чтобы те, кто остался в живых, не имели возможности к существованию после ухода войск, была разрушена старая плотина, служившая с незапамятных времен для полива земель этой страны. Повернув на восток, армия осадила Кандагар и захватила его.

Жестоко наказав Хорасан и Сейстан, Темура двинулся на запад, в обход Мазандарана, потому как хотел дойти до Султании, которую незадолго до этого взял принц Мироншах.

В 1385 г., после празднеств в этом городе, Великий эмир со своей армией неожиданно повернул на восток в горные массивы Эльбурза и Гилтана. Крепости, не пожелавшие сдаться, были взяты приступом и разграблены, жители погибли или разбежались, а правители объявили о своей покорности.

В результате этих молниеносных побед войска Великого эмира оказались лицом к лицу с Мазандараном, чтобы наконец наказать упрямого Вали. Последний оказал ожесточенное сопротивление, но исход был предreshен. Когда все города Мазандарана пали и столица Астрабад была взята, эмир Вали сбежал в Азербайджан.

Темура, посчитавший первую часть своего плана выполненной, возвратился в Самарканд, чтобы дать войскам отдых и заняться внутренними делами своей империи. Жители столицы встретили его с ликованием, как и подобает встречать победителя, и были по-настоящему поражены, узнав, какую огромную добычу он привез, тем более что большую ее часть получал город.

Теперь империя Темура простиралась от Самарканда до Султании на западе и от Самарканда до Кандагара и Заренджа на юге; были аннексированы провинция Герат, а также Хорасан, Сейстан, Эльбурз и Мазандаран.

Темура провел около года в своей столице, совершенствуя административную систему, укрепляя армию, собирая воедино силы своей империи.

Завоевание Западного Ирана. Походы на Кавказ

К середине 80-х гг. XIV в. огромная часть Восточного Ирана принадлежала Темуру. На этом его движение в глубь Ирана не остановилось. Мы имеем в виду его длительные походы в Иран. Сначала трехлетний – с 1386 г., затем пятилетний – с 1392 г., наконец, семилетний – с 1399 г. Походы эти были успешны и завершились покорением всего Ирана. Целью этих походов было завоевание чужих территорий и получение богатой добычи.

Азербайджан принадлежал султану Ахмеду Джелаиру, правителю страны, которая занимала территорию от Бассоры на юге до границ Армении на севере, со столицей Багдад.

Это царство, занимавшее почти всю территорию Ирана, было одним из осколков тюрко-монгольского ханства, которое пришло в упадок после убийства хана-чингисиды в результате феодальных споров за власть. Оставалось два претендента: один – Хасан-чопаниец, захвативший Азербайджан и северную часть Ирана, другой – Хасан из рода Джелаиров, сумевший стать багдадским царем. К сожалению для первого Хасана, в 1355 г. один кыпчакский царь совершил набег на Азербайджан, во время которого тот и умер.

После чего сын Хасана Джелаира присоединил Азербайджан к своему маленькому царству Багдад. К началу военных действий Темура этой страной уже правил его племянник Ахмед Джелаир. Именно этого человека посланник Темура в Багдад оценил так:

«Султан Ахмед – это кусок мяса с двумя глазами».

Завоевание Азербайджана оказалось для Темура простой армейской прогулкой: Табриз сдался без сопротивления. Этот город уже немало пострадал от последнего нападения Тохтамыша. Поскольку его жители сдались сразу, их пощадили, заставив заплатить «выкуп за сохраненную жизнь», как отмечается в хрониках. Великий эмир приказал войскам завершить покорение Азербайджана и усмирить воинствующие туркменские племена, которые составляли часть местного населения. Во время этих операций был обнаружен эмир Вали, скрывавшийся в одном из этих племен, и ему отрубили голову. Так бесславно

закончилась жизнь прежнего царя Мазандарана.

Что касается султана Ахмеда Джелаира, то он обладал талантом ретироваться в пиковой ситуации: во время нашествия Тохтамыша он скрылся и объявился вновь лишь только после ухода тюрко-монголов; узнав о приближении войск Темура, султан также сбежал, и Багдад был покорен. Темура перешел Тигр, и вскоре все окрестные правители покорились ему.

Покорив султана Ахмеда, Темура направился в Грузию.

В начале 1386 г. Великий эмир возглавил штурм Тифлиса. Царь Грузии Баграт V вступил в бой. В кровавой схватке он нанес поражение войскам Темура и заставил его с большими потерями отступить.

Последующие безуспешные попытки Темура штурмом овладеть Тифлисом провалились, и он вынужден был приступить к его осаде. Темура приказал подтянуть к городским крепостным сооружениям метательные орудия и инженерную технику. Однако первые же его попытки использовать эти виды техники и живую силу вновь привели к большим потерям. Чтобы обезопасить войско от ударов защитников города, в стане Темура начали сплетать корзины и железные сети, которыми покрывали целые массивированные группировки войска и техники. Накрытая железом армада тронулась, и, применяя метательную технику, непрерывно пополняя потери, она смогла преодолеть крепостные стены, протаранить ворота и ворваться в город. Дикий рев, барабанный бой, предсмертные крики людей заполнили город. Баграт со своей свитой отошел в главную крепость, яростно отражая атаки. Поэтому предложение Темура сдаться было бессмысленным. Когда Баграта V взяли в плен, Темура настаивал на принятии им мусульманской веры. Оценив сложившуюся обстановку и для того, чтобы дать временную передышку своему народу, возможную только при его свободе, Баграт V согласился. «Расчет Темура был ясен. Впервые столкнувшись с христианами, он понял все трудности и их принципиальное отличие от сравнительно легко покоряемых, а главное, покорных мусульманских народов. Известная веками непоколебимость христианской веры Грузии сделала несбыточным подчинение ее любым формам насилия, зверства и устрашения. Поэтому через согласие царя и его свиты на принятие мусульманства Темура рассчитывал с их помощью изменить веру всего народа. Со своей стороны Баграт, догадываясь об этих планах Темура, попросил его о вызволении из плена, разрешения вернуться со своей семьей и свитой не для царствования в Грузию, а для выполнения главного плана – омусульманывания народа и попросил дать ему значительные воинские силы. Темура вполне устраивали эти предложения, тем более что сам царь Грузии оказывался под контролем его военной машины. Он выделил 12 тыс. воинов, и Баграт V с ними и со своей свитой тронулся в путь. Выполнение своей сокровенной тайны о перехвате в определенном месте с целью полного уничтожения тюркского отряда Баграт поручил верному азнауру из своей свиты – Егнаташвили. В письме к сыну Георгию он обращал его внимание на тщательный выбор местности с целью надежного перекрытия головной и тыловой частей тюркских войск. Все было исполнено четко. Баграт завел войско тюрков в узкое ущелье, и собранные его сыном грузинские отряды зарубили всех до единого» (И. Джорджадзе). Для спасения грузинского народа их с равнинных мест вывели в горные труднодоступные места.

Весной 1387 г. Темура организовал новый поход на Грузию со своими главными силами. К нему примкнули мусульманские силы Ширван-шаха, которые во много раз превосходили количество грузинских войск, наскоро собранных Багратам и Георгием. В разыгравшемся страшном бою первые эшелоны войска Темура одолели грузинские войска, поскольку они дрались с ожесточением обреченных, ибо за ними стоял заградительный отряд специальной конницы, готовый зарубить любого отступающего. Тем не менее перевес силы был явно на стороне грузинских воинов. Тогда Темура сам возглавил атаку и, несмотря на большие потери, победил.

В то время Великий эмир получил сообщение о том, что горцы Луристана, провинции к северо-западу от Исфахана, напали на караван из Мекки и разграбили его. Это были

отъявленные разбойники, которые нападали с гор на путников, грабили их и убивали.

Строгие суфистские принципы, заложенные отцом и духовными наставниками, и вместе с тем стремление воинствующего духа были выдающимися чертами характера Темура, что он и продемонстрировал в этой ситуации. В сообщении Темура усмотрел возможность достичь одним ударом трех целей: наказать бандитов и тем самым завоевать доверие верующих, показать своим подданным, что он поддерживает порядок и обеспечивает безопасность, и, наконец, продемонстрировать силу своих войск.

Он выбрал двух человек из каждых десяти, самых надежных и отважных, приказал снабдить их веревками и крюками и вместе с этим отрядом сам пробрался в горы Луристана. Укрепления «орлиные гнезда» разбойников были взяты приступом, а сами они – сброшены в пропасть. Учитывая ситуацию, недоступность гор и известную неукротимость горцев, надо сказать, что отборные солдаты Великого эмира под командованием своего предводителя совершили беспрецедентный подвиг.

Под предлогом, что туркмены напали на караван, возвращающийся из Мекки, Темура объявил «священную войну» Армении и вторгся в ее западные районы. Страна была разделена на удельные княжества нескольких туркменских эмиров, и хотя все они были примерными мусульманами, но, как сказано в «Зафарнаме», война была объявлена, тем не менее, «священной».

Великий эмир взял Арзирум в течение одного дня. Туркменский эмир Тахуртан, правитель Арзинджана, признал себя вассалом и данником Темура, и тот оставил его у власти. Затем Темура послал Мироншаха в Мус и Курдистан против туркменского государства, называвшегося Черная Орда (Орда Черной Овцы), которой тогда правил Кара-Мухамад-Турмуш.

Мухаммад вступил в партизанскую войну против Мироншаха. Он отвоевал часть территории, захваченной Мироншахом, но не смог долго сопротивляться войскам Великого эмира, который вскоре изгнал его вместе с остатками армии.

Темура завершил покорение Армении взятием Вана. И прежде всего ему пришлось разрушить знаменитую крепость на высоком берегу: после двадцатидневной осады она была взята, а ее защитников сбросили в пропасть. Они были христианами и не могли рассчитывать на милость завоевателей-мусульман.

Избежавшее гибели мирное армянское население укрывалось в самых труднодоступных местах, используя естественные пещеры и создавая искусственные сооружения целых скальных поселений.

Согласно хроникам, в один из переходов через горный массив передовой эшелон главных сил, который вел сам Темура, обнаружил одну из подобных скальных пещер, в которой, как оказалось, разместился монастырь. Согласно законам войны, следовало сжечь внутренние строения пещеры и уничтожить всех ее обитателей. Но это был монастырь, хотя и неверных, а с религией у Темура были особые отношения. К тому же он знал наверняка, что в подобных пещерах монахи хранили древние манускрипты.

Первым порывом Темура было уничтожение монахов, женщин, стариков и детей, находящихся в пещере. Мольбы пощадить женщин и детей и предложение выкупа их жизнью золотом и серебром не тронули его. Однако Темура предложил следующее: за каждого помилованного выложить столько рукописных книг, сколько будет весить каждый. В ответ на это все, кто находились в монастыре, склонили головы в знак согласия скорее принять смерть, нежели отдать самое ценное, что у них есть. Темура был поражен этим выбором. Он помиловал их, ибо достоин жизни тот, для которого корни, питающие его народ, – святая святых. В этом акте милосердия, не свойственном простому завоевателю, – все величие духа Великого эмира.

Покорив Армению, Темура оставил некоторым эмирам власть в их владениях после получения заверений в преданности. Затем он разбил лагерь у подножия Гиланских гор, где стал ждать наследного принца Фарса Зайн аль-Абидина. За год до этого Темура получил клятву верности от шаха Шуджа, музаффариды, которому принадлежал трон Фарса и были в

подчинении южные и центральные провинции Ирана. После смерти монарха его сын Зайн стал властителем Фарса, а его племянник шах Мансур – правителем Исфахана и Язда. Но новый шах Фарса и Шираза не явился на прием к Темуру, более того, он допустил непростительную оплошность, силой удержав посла, который приехал за ним.

Для Великого эмира это был удобный случай вмешаться в дела государства, и он направился на юг, и в конце 1387 г. его армия появилась у стен Исфахана. Темур намеревался мирным путем взять этот богатый город и удовлетвориться крупной данью. Сначала все шло хорошо. Правитель города и высшие чиновники вышли ему навстречу и передали ключи, а также дали торжественное обещание собрать требуемую сумму.

Опасаясь, что горожане не послушаются их, они попросили Великого эмира послать сборщиков налогов. Темур согласился и вошел в город с сильной охраной. Тем не менее вечером он и его войска покинули город и разместились за его стенами, дабы предотвратить возможные злоупотребления своих солдат по отношению к мирным жителям. Темур выставил у ворот небольшую охрану – три тысячи солдат – вместе со сборщиками дани.

Когда начался сбор дани, произошел инцидент: горожанку пытался изнасиловать солдат. Свидетелем оказался кузнец, поднявший тревогу. В мгновение ока чиновники и солдаты Великого эмира подверглись нападению и были уничтожены разъяренной толпой. Солдат, спасавшихся бегством, убивали на улицах города. Восставшие бросились к воротам и, застав охрану врасплох, перерезали ее. Потом они забрали оружие погибших, забрались на крепостные валы и начали готовиться к бою. В ту ночь погибло 3 тыс. воинов Темура. Спаслось лишь несколько человек, которых укрыли благоразумные горожане.

Проснувшись, Великий эмир узнал о побоище от одного из приближенных, сына которого убили в ту ночь. Темур никогда не был милосердным к тем, кто бунтовал после заверений в своей преданности. В этой ситуации малейшая слабость со стороны Великого эмира повлекла бы за собой, как цепная реакция, восстания покоренных народов тех стран, где находились относительно малочисленные войска Темура.

Охваченный гневом, он отдал приказ уничтожить всех жителей Исфахана. Исключением стали дома именитых и духовных лиц и тех, кто спас жизни солдат, уцелевших от резни.

Исфахан пал очень скоро, и армия уничтожила жителей города. Великий эмир пожелал, чтобы в репрессиях приняли участие все его отряды, и приказал каждому принести определенное количество отрубленных голов. К концу дня чиновники записали в своих отчетах 70 тыс. голов, из которых сделали пирамиды вокруг мертвого города.

Вскоре после бойни Темур ушел из города и направился в Шираз. Весть об истреблении жителей Исфахана опередила его: Шираз сразу открыл свои ворота. Что касается властителя, то он сбежал к своему племяннику шаху Мансуру, а тот несколько дней спустя приказал ослепить его.

Шираз был присоединен к империи и получил правителей, присланных из Самарканда. Лучших мастеров отправили в столицу империи для украшения ее.

В Ширазе, согласно хроникам, произошла любопытная встреча Темура с поэтом Хафизом. Великий эмир строго спросил поэта, как он смел в своей поэме подарить возлюбленной за одну лишь ее родинку Самарканд! Тогда Хафиз показал ему на свои бедные одежды и ответил, что уже достаточно наказан за свое безумное расточительство. «Впредь обращайся осторожнее со своим добром, а особенно с моей столицей», – заметил Темур и отпустил остроумного собеседника, одарив его деньгами.

Грандиозные планы Темура относительно завоеваний богатых цивилизованных стран на юго-западе отдалил вынужденный поход в северные ханства кочевников. Этот поход был вызван смертельной опасностью в лице Тохтамыша, мечтающего о титуле властелина Азии, о чем было рассказано ранее.

В Иран Темур вернулся в 1392 г. в связи с тем, что во многих провинциях во время его отсутствия начались восстания.

Перед походом он заменил свой имперский штандарт новым черным флагом с

изображением большого серебряного дракона. Возможно, Темура хотел этим показать, что он принимает наследие Кха-ханов, которые властвовали под таким знаменем от Дуная до Тихого океана.

Первым делом он повел войско в Мазандаран, чтобы завершить завоевание этой страны. Темура взял приступом огромный и отлично укрепленный замок, преодолев девственные леса на берегу Каспийского моря. Он приказал истребить членов секты, скрывавшейся в Мазандаране, не признававшей призывов на молитву и не совершающих намаз. По пути он захватил несколько городов, которые еще не были покорены.

С наступлением весны 1393 г. армия вошла в Курдистан и в Луристан, навела страх на жителей и овладела местными крепостями. Затем, перегруппировавшись, она двинулась на Шираз, взяв по дороге крепость Кале-и-Сафид, которая считалась самой неприступной во всем Иране. Перед Ширазом Темура ждал опасный противник. Это был шах Мансур, который, воспользовавшись тем, что армия Темура была далеко, в Самарканде, захватил Исфахан и Шираз, где ослепил и взял в плен своих близких родственников, законных властителей.

Предвидя возвращение Темура, шах Мансур объявил в стране военное положение и сформировал небольшую армию, собрав самых опытных и отважных воинов по всему Ирану.

Как только корпус под командованием Темура появился в мае 1393 г. около Шираза, шах Мансур и его храбрые солдаты напали на него. Благодаря храбрости и внезапности иранцы раздавили центр вражеской армии и посеяли панику в ее рядах. Во время этого хаоса шах Мансур, заметив, что Темура и его свита изолированы от основных сил, бросился туда.

Яростный натиск позволил шаху Мансуру добраться до Темура. Тот увидел врага, хотел схватить свое копьё, которое обычно возил его копьеносец, но никого не увидел рядом. Шах Мансур нанес ему два удара саблей в голову.

Прочный шлем и хладнокровие спасли Темура: лезвие скользнуло, но не проникло в кость. И здесь пробил смертный час отважного шаха Мансура.

Солдаты Великого эмира оправились от внезапного натиска и стали уничтожать персов. Принц Шахрух, которому не исполнилось и 17 лет, бросил к ногам отца отрубленную голову шаха Мансура.

После боя эмиры поздравляли своего полководца, многие видели в этом событии доказательство вмешательства высших сил.

Сдавшийся Шираз открыл ворота и заплатил огромную дань. Во время роскошного праздника, на котором пили изысканные вина из золотых кубков, подаваемых самыми красивыми девушками, Великий эмир объявил, что Умаршайх назначается властителем Фарса.

Он приказал арестовать принцев прежней царской династии, намереваясь позже казнить их, а грамотных людей и опытных ремесленников – отправить из Шираза в Самарканд.

Он покинул Шираз в июне 1393 г., направился в Исфахан и Хамадан и по дороге взял несколько крепостей. В Хамадане он провозгласил своего сына Мироншаха вице-королем Западного Ирана, затем расправился с турецкими бандами, которые орудовали в горах.

Когда Темура возвращался в долину, он принял великого муфтия Багдада, посланника султана Ахмеда Джелаира. Тот привез много подарков от своего господина и письмо, в котором султан заявлял о своем неповиновении. Такое поведение вызвало негодование суровых воинов Мавераннахра. Темура решил начать осаду Багдада и заставить султана врасплох. Во главе мобильного конного отряда он преодолел пустыню и горы, не останавливаясь даже ночью, освещая дорогу факелами. Его солдатам, несмотря на крайнюю осторожность, не всегда удавалось избежать засад.

Получив тревожное сообщение от своих разведчиков, трусливый султан оставил свой роскошный дворец и унес с собой все самое ценное. Он остановился на другом берегу Тигра, страшась увидеть облака пыли, поднятые всадниками противника.

Несмотря на недавнюю болезнь, Темур без отдыха преодолел 70 км в седле, но султан Ахмед убежал еще быстрее. Конница, отправленная в погоню, упустила султана недалеко от Кербелы, но в руки Темура попали его казна, жены и его сын. Сам же Ахмед сбежал на запад и, добравшись до Египта, нашел убежище у султана мамлюков Беркука.

Великий эмир провел в Багдаде два месяца: в украшенных золотом дворцах, на берегах реки давали празднества в его честь, а войска в это время грабили жителей.

Население уплатило кровавую дань. Ремесленники, ученые и литераторы были отправлены в Самарканд.

После отдыха в городе «Тысячи и одной ночи» Темур осадил мощную крепость Тикрит. Надеясь на высоту и толщину стен, которые всегда служили надежной защитой, обитатели крепости, нечто вроде рыцарей-разбойников, терроризировавших районы к северу от Багдада, решили не сдаваться.

Великий эмир велел своим солдатам разрушить все крепостные стены. Под защитой лучших лучников инженеры замерили площадь стен, сделали расчеты и составили план работ. Потом они принесли к основанию горшки с красной краской и начертили границы участков, которые предназначались для атаки каждого отряда. Копии схемы раздали командирам, а солдат вооружили пиками, палицами, веревками и лопатами. По сигналу солдаты начали рушить стены. Когда были проделаны бреши и подземные проходы, их своды укрепили бревнами, пропитанными смолой. В расчетах не обошлось и без ошибок, и одна группа солдат прошла сквозь гору под крепостью и вышла на другом склоне, к великому удивлению товарищей.

В истории упоминается число людей, занятых в этих работах: 72 тысячи! Примерно такой была численность армии Темура.

Когда все было готово, бревна подожгли, и преграды рухнули. Солдаты яростно бросились на штурм и расправились с защитниками цитадели. Из отрубленных голов соорудили башню, на которой вывесили дощечку с лаконичной надписью: «Так наказывают злодеев».

Далее Великий эмир направил войско во все провинции с целью уничтожить укрепленные пункты и оставить при покорившихся правителях военные гарнизоны.

Пока Мироншах шел на юг через Хиллу, Насирию и Басру, Темур добрался через Мосул в северный регион и разбил лагерь около Дьярбакира, который служил воротами в Турцию и Сирию. Оттуда он двинулся на древний город Эдесс, к северу от Алеппо, и захватил его, тем самым объявив войну Сирии и Египту. В то время эти страны находились под властью мамлюков Каира, которые поддержали турок, предоставили убежище Ахмеду Джелаиру, а также заключили союз с Тохтамышем.

Но волнения в Грузии и Азербайджане, а также новый поход тюрко-монголов Золотой Орды заставили Темура отложить это военное предприятие. Именно тогда, 16 января 1394 г., он потерял своего сына Умаршайха, убитого курдской стрелой близ крепости Хурмату.

С тяжелым сердцем он начал осаду города Мардин, правитель которого не выполнил своих обязательств. Этот укрепленный город, построенный на огромной известняковой скале, защищенный неприступным замком из белого камня, был взят в результате яростного штурма. Оставшихся в живых спасло только чудо.

На рассвете 22 марта 1394 г. прибыл гонец и сообщил Темуру о рождении принца Улугбека, сына Шахруха. На радостях Темур помиловал мятежников и даже велел вернуть им отобранные вещи.

Уходя из Мардина, армия по ходу подавляла мятежи в Курдистане. Воспользовавшись коротким отдыхом, Великий эмир отправил во все провинции империи приказ – без промедления собирать новые войска: размах завоеваний и возможность появления на западе новых противников требовали увеличения численности армии.

Далее следовали усмирительные акции укрепленного города Ван, который восстал, хотя до этого жители объявили о своей покорности. Осада была тяжелой, и Темур приказал срубить все деревья в округе и соорудить из них холм выше вражеской крепости. С его

вершины солдаты непрерывно бомбардировали крепость. Город был взят.

Затем армия двинулась на восставшую Грузию. В дороге случилась радостная остановка по случаю получения известия о рождении еще одного сына Шахруха, Ибрахим Султана.

Великий эмир устроил грандиозный праздник в честь еще одного внука. Историк сообщает, что его трон, усыпанный драгоценными камнями, в окружении тысячи огней стоял под пышным балдахином, поддерживаемым сорока колоннами. Вокруг него стояли «самые красивые женщины Азии» с головными уборами из золоченой ткани. Перед троном стояли певцы и музыканты, в центре находились виночерпии с бутылками и золотыми кубками в руках. Они прислуживали гостям, наливали им белое вино из Мазандарана, красное – из Шираза, бордовое – из Косруана, а также очень крепкий прозрачный напиток, чистый, как ключевая вода. Галантные беседы с красавицами, чьи заплетенные в косы волосы ниспадали до земли, были не единственным увеселением на этом празднике.

Прежде чем продолжить путь, Темур назначил Шахруха правителем Самарканда и сразу отправил его в столицу. Это назначение свидетельствовало о том, что кампания должна была продлиться дольше, чем предполагалось.

В 1394 г. Грузия вновь подверглась разрушению огнем и мечом.

Войска Темура вторглись в пределы Грузии четырьмя десятичными колоннами и, ломая упорное сопротивление, разорили Самцхе, Карскую область, Кола, разрушили и сожгли Ахалцихе и другие крепости. Однако ввиду непрекращающегося противодействия во многих оккупированных областях, основные силы Темура вынуждены были покинуть Грузию. Лишь в 1400 г., после очередного нашествия мавераннахрских войск и отчаянного сопротивления грузинских, было подписано мирное соглашение между Великим эмиром и царем Георгием.

После многочисленных походов в Иран владения Темура простирались от границ Османской империи до Китая, от берегов Индийского океана до русских степей.

Дело его жизни, великое предприятие с целью завоевания мирового господства, теперь выходило за рамки классических завоеваний; его новые соседи – османский султан, царь каирских мамлюков, император Индии и сын Неба ожидали своей очереди Божьего Суда, на который он их обрек.

Завоевание Индии

Темур всегда вдохновляли традиции чагатайских ханов относительно походов в Индию. Северо-Западная Индия, Пенджаб и Доаб считались «охотничьей» вотчиной принцев-чингисидов. С 1292 по 1327 г. они периодически совершали набеги на Лахор и Мултан, уничтожая все на своем пути. Эти набеги, как правило, не имели долговременных последствий, так как, во-первых, их главной целью был грабеж, во-вторых, потому, что в то время чагатайские тюрко-монголы имели дело с сильным государством. Делийский султанат, тюркский или тюрко-афганский по государственному устройству и мусульманский по религии, с такими могущественными правителями, как Ала ад-Дин-Хилджи (1296–1316 гг.) и Мухаммад-ибн-Туглук (1325–1351 гг.), всегда имел возможность сдерживать натиск тюрко-монголов через перевалы Афганистана посредством золота или оружия.

Темур, так же как и чингисиды, имел целью овладеть сокровищами одной из богатейших земель мира. Но для мотивировки военного похода на Индию следовало искать серьезной подоплеки, и Темуром был найден религиозный предлог.

Хотя в то время тюркский султанат Дели был в основном мусульманским и некоторые из его властителей пытались обратить подданных в ислам, Темур считал их действия бесполезными, ибо они слишком глубоко увязли в своем «язычестве». В «Зафарнаме» особо подчеркивается, что Великий эмир отправился на завоевание Индии только для борьбы с врагами ислама: «В Коране говорится, что высшее достоинство, какого может достичь человек, состоит в личной войне с врагами веры. Поэтому великий Темур всегда стремился к

уничтожению неверных, чтобы приобрести заслуги за добрые дела и из любви к славе».

Темур был прекрасно осведомлен о том, что происходило в Дели, и о политической ситуации в Индии. Делийский султанат, который в 1335 г. охватывал почти всю Индию, вскоре пришел в упадок и распался на отдельные государства. Так, империя потеряла Деккан, который разделился на Бахманидский султанат (1347 г.) и Бенгалию (1358–1359 гг.), Удх, или царство Джампур (1394 г.), и, наконец, Гуджарат (1396 г.). После появления этих небольших мусульманских государств Делийский султанат включал в себя только Пенджаб и Доаб, причем Пенджаб сотрясали мятежи кокхарского племени. Кроме того, царствующий в то время султан Дели Махмуд-Шах II (1392–1412 гг.) был слабым правителем и находился под влиянием своего всемогущего министра Маллу-Икбала.

Таким образом, Темуру в Индии мог противостоять лишь один хиреющий султанат, лишенный своих самых богатых провинций. Анархия и вражда делали северную часть Индии легкой добычей.

Великий эмир без обиняков объявил своим эмирам: «...захватим Индию, воспользовавшись разногласием правящих принцев, дабы в этом царстве был только один властитель – я».

В начале 1398 г. Темур направил в поход на Индию 92 тыс. воинов. Из них 30 тыс. конницы, находившейся в Кандагаре, составляя правое крыло, должны были следовать через проходы Соломоновых гор и, перейдя через Инд, взять город Мултан. Другие 30 тыс. конницы, составляя левое крыло, выступили из Кабула и, переправляясь через Инд, вероятно, у Аттока, имели назначение вторгнуться во владение Лахор. Сам Темур с остальными 32 тыс. должен был выступить из Самарканда в марте 1398 г. и направиться в Термез, где по устроенному на судах мосту перейти через Амударью и разбить лагерь в Эндерабе, у подножия Гиндукуша.

Его внук Пир Мухаммад уже был правящим принцем страны, которая тогда называлась Малая Индия (часть нынешнего Афганистана с городами Кабул, Кундуз, Балкан и Кандагар и приграничными районами, в одном из которых находился знаменитый перевал Кайбер) и была отличным плацдармом.

Темур с основными силами пошел вперед в конце весны 1398 г. По дороге он дал своему внуку Мухаммаду большой отряд и приказал идти в направлении Лахора вдоль Гималаев.

Для себя он поставил самую трудную задачу: уничтожить племя катур, которых он назвал «черные одежды». Это были отъявленные горные разбойники, чье присутствие в тылу армии могло стать серьезной опасностью в случае отхода. Взяв с собой элитные войска, Темур углубился в горный массив Гиндукуша. Поскольку катур отступали к вершинам, было необходимо неустанно преследовать их днем и ночью на головокружительной высоте, по крутым горам, покрытым снегом и льдом. Вскоре пришлось бросить лошадей: они не выдерживали жуткого ночного холода, от которого не спасала войлочная попона.

Солдаты с трудом передвигались по снежным склонам, цепляясь за длинные веревки, привязанные к копьям, которые смельчаки воткнули на вершинах. Для Темура сделали сани из круглых бревен, которые спускали по склону, придерживая ремнями.

В одном месте сани не смогли протащить. «Тогда, – как свидетельствуют хроники, – Темур взял палку и, опираясь на нее, прошел большое расстояние, утопая в снегу». Это было нелегким делом для хромого человека. Наконец войска достигли проходимого участка местности, где Великого эмира посадили на единственную лошадь, которую до этих пор буквально несли на руках. Армия шла следом.

Утомленные долгим переходом, страдая от недостатка кислорода и ночного холода, а днем от яркого солнца, слепившего глаза, люди начали роптать и говорить о возвращении на равнину. Но чудовищная воля предводителя не давала им ни минуты отдыха. «Никогда не прекращай начатой охоты» – таким был один из девизов Темура.

Катуров преследовали до подножия их цитадели, состоявшей из камня и льда, громоздившейся на недоступной вершине. Вид этой скалы приводил в уныние самых

отважных. После нескольких дней бесполезной осады, сгибаясь под порывами снежного ветра, войска погрузились в мрачную апатию.

Именно тогда проявилась яростная энергия Темура. Этот эпизод описан Ибн Арабшахом.

Прежде всего, Темур собрал эмиров и офицеров в своем шатре и обрушил на них весь свой гнев. В состоянии аффекта он дошел до того, что вытащил саблю и стал махать ею над их склоненными головами. При этом никто не пытался защититься, тогда он успокоился так же быстро и неожиданно, как и рассвирепел: вложил саблю в ножны и велел принести шахматы. На следующий день Темур с каждым держал совет, как добраться до проклятой крепости. Он еле сдерживал негодование, выслушивая их уклончивые ответы. Тогда его любимый советник Мухаммед Коагин имел неосторожность прямо заявить, что взятие такой маленькой крепости не стоит жизней отважных воинов, которые погибнут при осаде. Конечно, то был голос разума, но не этого ожидал от него Темур. Бледный от гнева, он приказал привести к нему самого забитого слугу. Привели уродливого и очень толстого человека, который помогал поварам убивать животных и мыть посуду. Ледяным тоном Темур приказал Мухаммеду Коагину поменяться одеждой с несчастным слугой. Затем он подписал указ о том, что все имущество советника – дома, поместья, земли, деньги, драгоценности, женщины – переходит к онемевшему от изумления слуге. Мухаммеда Коагина отправили на кухню, где он, униженный и ошеломленный, влачил жалкое существование до самой смерти тирана, потому что Темур так и не простил его.

Офицеры повели своих воинов на приступ, и ценой невероятных усилий они взяли крепость. «Тогда перерезали этих нечестивцев, чьи сердца были чернее их одежд», – сообщает историк. Вскоре Темур покинул эти мрачные места. Продолжая двигаться к Кабулу, войска громили все встречавшиеся на пути племена.

На подступах к Кабулу к ним присоединилась остальная часть армии. И Великий эмир принял одно из тех решений, которые до сих пор восторгают историков: он приказал армии прорыть ирригационный канал, чтобы обеспечить процветание этой страны. Что и случилось впоследствии.

Осенью 1398 г. Темур вошел в Индию во главе своей конницы и форсировал Инд по мосту, сооруженному из связанных лодок и камыша. Первым захваченным городом был Таламба, где он уберег от грабежа и насилия священнослужителей и ученых людей.

Срочное послание Пир Мухаммада вынудило его двинуться на Мултан. Его внук только что овладел этим городом после шестимесячной осады, но его войска потеряли всех лошадей в результате наводнения. Почувствовав слабость в войсках противника, раджи соседних провинций осадили их. Однако лишь только увидев клубы пыли, поднятой конницей Великого эмира, враги рассеялись. Темур снабдил отряды внука лошадьми, включил их в свое войско и пошел на Дели.

Но на подступах к столице надо было сокрушить мощную крепость Батнир, которую защищал правитель Рей Дул Техад. Штурм был яростным, как и схватка в городе, потому что индусы благородной касты воинов сражались не на жизнь, а на смерть. Увидев, что поражение неизбежно, они сами перерезали горло своим женам и детям, подожгли свои жилища и встретили смерть лицом к лицу.

Наконец армия вышла в долину Панипат. Темур взял укрепленный город Лони и разместил там свой штаб. Услышав о страшных боевых слонах в армии противника, тревога охватила офицеров и солдат.

В преддверии битвы Темур собрал эмиров, и во время совещания выяснилось, что тысячи пленных индусов оживились в ожидании сражения. И скорее всего, их невозможно будет усмирить, когда начнется схватка. Тогда Темур принял жесткое решение: уничтожить всех пленных. Кровавая расправа продолжалась около часа, после чего, согласно хроникам, вызвали астрологов, чтобы те составили гороскоп на предстоящую битву.

Расположение звезд оказалось неблагоприятным для армии Великого эмира, и он открыто выразил недоверие к астрологии: «Что значит соединение и тройственность планет

– ни радость, ни беда, ни счастье, ни несчастье не могут зависеть от звезд. Я не собираюсь менять свои планы, когда для их осуществления приняты все меры». Такая свобода мысли не была присуща людям той эпохи, особенно полководцам. Но это был гениальный полководец.

Отпустив астрологов, он велел принести Коран и со словами: «Я верю только во Всевышнего, который никогда не оставлял меня» – открыл наугад страницу. Его чтец прочитал такие слова: «Воюй с неверными». Тогда Великий эмир приказал объявить войскам, что с ними Бог и близится решающий час.

18 декабря 1398 г. армия Темура заняла боевые позиции. Вскоре из Дели выступили войска противника.

Султан Махмуд имел 10 тыс. всадников в кирасах, 40 тыс. хорошо вооруженных пехотинцев и несколько сот боевых слонов, защищенных попонами из железных пластинок и несущих на спине деревянные башенки, в которых сидели лучники и метатели дротиков. Это устрашающее животное, «танк» той эпохи, покачивал в такт движению хоботом, к которому были прикреплены щетинившиеся острые лезвия.

Индийская армия располагала передовым для того времени вооружением: между рядами слонов располагались метатели «огненных горшков» – прообраз зажигательных гранат – и летящих снарядов с металлическими заостренными выступами, которые падали на землю и несколько раз отскакивали от нее.

В центре султан Махмуд и его первый министр, покрытые с ног до головы позолоченными доспехами, сидя на спине огромного слона, молили Аллаха о том, чтобы он ниспослал им победу.

Темур верил в своих воинов и опасался только слонов, поэтому принял против них меры предосторожности. Он приказал выкопать рвы, которые должны были первыми встретить мастодонтов, и привязать вязанки хвороста на спины многочисленных буйволов: хворост должны были поджечь и направить этих горящих животных навстречу слонам. Кроме того, изготовили трехконечные метательные снаряды, у которых один из наконечников всегда торчал вверх независимо от того, как их бросать. Всадники должны были на скаку разбрасывать их перед наступавшими слонами. Все так и произошло.

В процессе битвы главный удар по индийским войскам нанесла конница. Она расколола вражескую армию на части и тем самым решила исход битвы. Всадники наносили слонам удары копьями и саблями, и эти огромные животные, отчаянно раскачивая порезанными, утыканными стрелами хоботами, обратились в беспорядочное бегство, растапывая индийских пехотинцев. Воспользовавшись смятением, султан и его министр сбежали.

На следующий день Темур-победитель вошел в Дели и сел на трон, украшенный драгоценными камнями индийских императоров, – для принятия делегаций от населения, которые явились объявить о своей преданности. Он обещал сохранить им жизнь и назначил сумму выкупа, которую должен был выплатить город.

В главные города империи были отправлены сто двадцать боевых слонов с глашатаями, объявляющими населению, что индийский император потерпел поражение.

Пока все шло хорошо, и Великий эмир проявил необычное благородство по отношению к жителям этого богатейшего города. К сожалению, его огромные богатства стали соблазном для солдат, которые проникали в богатые кварталы и, несмотря на строжайший запрет, начали грабить, насиловать и уничтожать жителей. Соппротивление населения ожесточало их еще больше, и наконец это бедствие перешло в новое сражение не на жизнь, а на смерть. Подоспевали другие солдаты и, не понимая, что происходит, включались в грабежи и убийства. Скоро весь город оказался в огне и крови.

Наконец, об этом узнал Темур, но уже ничего не мог поделать: было слишком поздно, а виновников было слишком много. Тем не менее он послал охрану, чтобы защитить священников, ученых и мастеровых людей. Насколько это было возможным, Темур многим спас жизни и приказал вывезти их в Самарканд. «В этой свинцовой душе таилось какое-то мистическое уважение к науке» (Т. Грановский).

Темур провел в делийской крепости Джаханпанах две недели. Он торжественно сел на трон индийских султанов и любовался парадом 120 тыс. боевых и церемониальных слонов. «Эти дрессированные животные склоняли головы и вставали перед ним на колени и трубили, как бы воздавая ему почести». Их отправили в дальний путь в города империи Темура: Самарканд, Герат, Шираз и Табриз. Темур помолился в большой делийской мечети, где в его честь была прочитана хутба. Он вел себя как император Индии. Покидая Индию, Темур увел с собой до миллиона рабов.

Разграбив сокровища Индии, он приобрел несметные богатства, которые позволили ему содержать на жалованье более 1 млн воинов. Амир Темур хорошо знал и умел применять на деле правило Юлия Цезаря – войну питать войною.

По пути он взял крепость Мират, где были разрушены статуи и памятники идолопоклонников, а тех, кто не принимал ислам, – уничтожали.

В это время Темур был очень болен – рецидив старой болезни, результат образа жизни Великого эмира. Он хромал все сильнее, и ему все сложнее было садиться на лошадь без посторонней помощи, хотя он по-прежнему был отличным наездником, как и во времена своей молодости.

Несмотря на болезнь, он повел войска к Гангу и форсировал ее. Ему сдались несколько крепостей, много раджей потерпели поражение, пока армия Темура двигалась на север; в честь Аллаха единого было разрушено немало храмов и непонятных завоевателям статуй.

В глубине джунглей был уничтожен отряд индусов, который находился в засаде: это происходило при свете факелов, потому что даже днем было темно в глухом непроходимом лесу. Ночью с деревьев в лагерь спустились обезьяны, которые утащили снаряжение у спящих солдат.

Войска вдоль Сиваликских гор поднялись в Верхний Пенджаб, преодолевая на своем пути невероятные препятствия.

Прежде чем войти в Афганистан, Темур заручился клятвой верности вассала султана Кашмира Сикандар-Шаха. Там присоединились нагруженные богатой добычей войска, завоевавшие Лахор.

Затем Темур перешел через Кайберский перевал и решил отдохнуть в замке Нагар, гарнизон которого состоял из верных ему людей. Во время отдыха Темур в окрестностях замка заметил ручей с необыкновенно вкусной водой. Он захотел вывести ручей на территорию замка. Для этого он велел снести высокие толстые стены и заново возвести их на расстоянии двух стрел от прежнего места. Затем в горе пришлось вырубить русло. Эта гигантская работа была выполнена за одну неделю, и в ней была задействована вся армия; историк сообщает, что даже эмиры таскали тяжелые камни.

Для того чтобы эти воинственные всадники, презиравшие все, кроме сабли и коня, превратились в строителей, была необходима только негибкая воля Темура. Даже в районе Кабула армия Темура построила большую кирпичную больницу. Однако, не доходя до Шибаргана, Великий эмир заболел. Он оставался недвижим три дня по причине болезненных язв на ногах и руках. Тем не менее он приказал двигаться дальше. Когда же оказалось, что он не в состоянии сесть на лошадь, его несли на носилках.

Несмотря ни на что, в конце марта армия перешла Амударью, не доходя Термеза, где он встретился со своими женами и внуками, которые ожидали его.

Через несколько дней Темур вошел в Кеш, чтобы помолиться на могиле отца и старшего сына, как он обыкновенно делал по возвращении из похода. Здесь он принял делегации из всех провинций империи, которые пришли поздравить его с покорением Северной Индии. «Бог даровал мне победу», – говорил он людям, раздавая щедрые подарки.

Вступление в Самарканд было триумфальным, как и прежде. В течение двух лет отсутствия Темура в городе появились новые сады и дворцы. Завоеватель остался доволен тем, что его наказы выполнены, и с удовлетворением осмотрел новые сооружения.

Он поочередно провел по несколько дней в Баг-и-Чинаре (сад в окрестностях Самарканда), где был удобный и красивый дом, во дворце Наг-и-Джахан, названном так

из-за совершенства его пропорций, в Баг-и-Бихишт (Райский сад), где стоял посреди цветущего парка дворец, восхищавший взоры своей разноцветной мозаикой. Наконец, он остановился в большом поместье под названием Давлат-Абад, куда доставили его вещи и привели слонов, объект удивления и восхищения жителей.

Состоялся большой праздник, на котором Темур раздавал подарки, милостыню беднякам своей империи; отблагодарил жену Туман-ага за больницу, которую она построила, и объявил, что воздвигнет кафедральную мечеть, которая должна соперничать с делийской мечетью.

На следующий день астрологи определили дату, благоприятную для начала строительства.

Это было самое грандиозное сооружение Великого эмира – одна из крупнейших на Земле мечетей; множество архитекторов, инженеров, мастеров керамики и каменщиков, собранных со всех уголков мира, работали без отдыха в течение четырех лет под руководством принцев.

В нее вел монументальный портал, закрываемый дверьми из позолоченной бронзы – сплава семи металлов, звонкого и стойкого, секрет которого затерялся в глубине веков. Для строительства фундамента огромного зала центрального здания индийские слоны доставляли материалы, которые пятьсот каменотесов вырубали из склона горы. Мечеть венчал гигантский свод, покрытый синей эмалью (самаркандская синь), который возвышался на сто метров от уровня земли. Поскольку сооружение находилось недалеко от медресе, построенного в честь его жены Мули-Ханум, жители Самарканда называли его «мечетью Биби-Ханум».

Во время своего кратковременного пребывания в Самарканде Темур узнал, что Мирон-шах, его сын и правитель Западного Ирана, ведет себя неподобающим образом. Это известие весьма огорчило его, поскольку на своих преемников он возлагал большие надежды.

В начале осени 1399 г. Темур вновь пошел на запад, в страны Передней Азии, в свой самый продолжительный, так называемый семилетний поход.

Во время этого похода Темур восстановил контроль над Грузией и снова отобрал Багдад у султана Ахмеда Джелаира, который захватил город в его отсутствие; он также совершил новый поход в Курдистан и разгромил туркменов Черной Орды. Затем он пошел дальше на запад.

Походы в Сирию и Египет

На Ближнем Востоке Темур столкнулся с двумя мощными мусульманскими державами: мамлюками и Османской империей.

Империя мамлюков, включавшая в себя Египет с 1250 г. и Сирию с 1260 г., была преимущественно военным государством. Тюрко-черкесские мамлюки были преторианской гвардией, которая свергла законную династию в 1250 г. и посадила на трон в Каире своего военачальника, а сама стала угнетать арабское население, как военная аристократия. Следует отметить, что в 1260 г. в сражении у Айн-Джалуда мамлюки остановили тюрко-монгольское нашествие и отбросили персидских тюрко-монголов на восточный берег Евфрата. Но к концу XIV столетия мощная военная машина, изгнавшая крестоносцев и тюрко-монголов из Сирии, начала буксовать в результате непрекращающихся конфликтов между мамлюкскими генералами из-за египетских и сирийских владений и за сам трон. Энергичному мамлюкскому султану Аз-Захир Беркуку (1382–1399 гг.) приходилось почти постоянно подавлять волнения среди своих офицеров. Темур подумывал о союзе с ним. Но Беркук, осознавая угрозу для мамлюкской империи со стороны этой новой силы, формировавшейся на востоке, казнил одного из послов Темура в 1393 г. и несколько раз предоставлял убежище Ахмеду Джелаиру, султану Багдада, который был обращен в бегство Темуром. Сын и наследник Беркука, юный султан Фарадж (1399–1412 гг.), восходя на трон, отказался

признать Темура в качестве своего сюзерена и вернуть ему нескольких беглецов. Тогда Темур решил начать войну.

Стратегия Темура основывалась на исключительной мобильности войск и на неожиданных решениях, которые заставляли противника врасплох.

Узнав, что султан Багдада, султан Египта и Сирии, а также властитель Туркменской Орды, являвшейся частью Черной Орды, заключили пакт против него и ждали его вторжения в Турцию, чтобы напасть с тыла, Темур быстро ушел из Сиваса в сторону Малатии, находящейся к югу на пути в Сирию.

Теперь его план заключался в том, чтобы нейтрализовать союзников османского султана Баязеда поодиночке – либо силой, либо посредством дипломатии, – прежде чем дать решительное сражение. Он знал, что Баязед слишком глубоко завяз в осаде Константинополя, чтобы прийти на помощь своим соратникам.

Он решил начать с мамлюков Египта и Сирии, ведь, несмотря на то что их влияние уменьшилось, они оставались сильными противниками. Юный Фарадж считал, что конным мамлюкам нет равных и что сирийские крепости неприступны, поэтому он жестоко расправился с посланником Темура, заковав его в цепи и бросив в яму, а затем убив.

Когда Темур объявил эмирам о своем намерении напасть на Сирию, произошло неожиданное. Они опустились на колени и отвечали, что солдаты не отдыхали после возвращения из Индии, что они измучены стычками, которые им пришлось вести последнее время в горах Грузии. Эмиры добавили, что сирийские войска – свежие, хорошо вооруженные и что у них высокие крепости. Те, кто намекал на гороскоп, по которому Великий эмир Самарканда погибнет в Каире, в ответ получили лишь презрительный взгляд властителя. Несколько эмиров даже предлагали перевести армию в Триполи, чтобы она могла отдохнуть на берегу моря и подготовиться к действиям против Сирии следующей весной. Темур сердито отверг предложение о «средиземноморских каникулах» и ответил, что, напротив, надо спешить, дабы нанести неожиданный и сильный удар по врагам, пока они не объединились.

Касательно состояния войск он напомнил, что его воины одерживали победы и в более трудных условиях. «Победы, – сказал он, – не зависят от численности и вооружения солдат, а определяются только чудесным благословением, которое Аллах дает своим избранникам. И разве факты не доказывают, что ваш полководец – один из них?»

Видя, что Темур непреклонен, эмиры стали готовить армию к походу.

В октябре 1400 г. армия Темура в боевом порядке вошла в Сирию по дороге через Антиохию и направилась на Алеппо под грохот тяжелых барабанов. Султана Фараджа предупредили о приближении врага разведчики, которые не скрывали опасения, лицезрев такое множество солдат. Один из них писал: «Это – Сатана, за которым следуют Гог и Магог в сопровождении бури».

Султан немедленно принял необходимые меры: приказал всем своим отрядам сгруппироваться у Алеппо и остановить захватчиков, а также призвал всех своих союзников – турок, курдов, туркмен и арабов – атаковать Темура, потрепав его тылы и лишив войска источников продовольствия.

Эти решительные действия подогрели воинственный дух его солдат, которые признавали в нем достойного наследника мамлюкских султанов, изгнавших из страны персидских тюрко-монголов, а в XII в. – крестоносцев. Но Фарадж не был ни Байбарсом, ни Беркуком, а сабли тюркских и черкесских авантюристов, ставших хозяевами Египта и Сирии, затупились за сто лет.

Однако в начале боевых действий случилось одно событие, которое едва не спасло сирийцев. Во время осады замка, который мешал продвижению армии, Темур поставил свой шатер на холме, на виду у защитников крепости. Отдыхая в нем, он неожиданно вышел посмотреть на защитные рвы. Не успел он выйти из шатра, как огромный камень, выпущенный из катапульты, раздавил императорское жилище. Такие случаи убеждали Великого эмира в помощи со стороны высших сил: разве он не покинул шатер, получив

некий сигнал свыше?

Тем не менее он велел бросить этот камень обратно к врагам из метательной машины, прибавив к нему другие снаряды, после чего его солдаты овладели замком. Проявив необычное для него милосердие, он оставил в живых жителей замка и потребовал символические знаки подчинения.

Очевидно, таким образом Великий эмир хотел подтолкнуть остальные сирийские крепости к сдаче без боя, потому что стремился как можно быстрее разгромить войска султана в столице, а не захватывать крепости одну за другой.

Этот акт оказался действенным: открыл ворота укрепленный город Азаг, а позже – Хомс.

Иная ситуация возникла в Алеппо, у стен которого собрались сирийские и египетские войска под командованием эмира эмиров Дамаска. Что касается правителя Алеппо, эмира Темурташа, он склонился к почетной капитуляции, между тем как эмир Дамаска хотел сражаться до последнего. Офицеры проголосовали за сражение.

Между тем самаркандская армия выстроилась перед городом в самом безупречном боевом порядке. Гремели барабаны, гудели трубы, развевались и хлопали на ветру знамена, а боевые слоны из Индии, покрытые роскошными тканями, расшитыми золотом, тяжело ступая, двигались впереди Темура, который находился в центре.

При виде такого зрелища сирийские войска также заняли боевые позиции, что было не менее впечатляющим: прекрасно оснащенная конница и вооруженные пиками пешие полки.

С каждой стороны раздалось: «Аллах велик!» Затем началась схватка. Это была катастрофа для защитников Алеппо, так как оба их фланга скоро оказались смяты и изрублены всадниками-излатами, а их центр раздавлен слонами.

Десятки тысяч сирийских солдат ринулись к стенам города в поисках защиты, но у ворот началась свалка, и многие были просто растоптаны наседавшими сзади. Конница Великого эмира ворвалась в город. Поскольку Алеппо отказался сдаться, Темур разрешил своим солдатам три дня грабить город. Они собрали огромную добычу и перебили немало жителей. Однако оставалась высокая и мощная цитадель, стоявшая на горе с крутыми склонами. Эту гору окружал ров, наполненный водой. Осажденные, надеясь на укрепления, принялись бросать во врагов «множество снарядов, начиненных серой, действие которых напоминало удары молнии» – так комментируется в одной из хроник. Тем не менее очень скоро их охватило отчаяние, когда они стали собирать трупы под ураганным и удивительно точным обстрелом лучников Темура и когда атаковавшие перебросили мосты через ров.

Увидев такое стремительное продвижение противника, гарнизон во главе с правителем города и дамасским генералом предпочел сдаться.

В качестве наказания за убийство своего посланника Темур приказал соорудить несколько башен из отрубленных сирийских голов. Современник рассказывает, что завоеватель был в страшном гневе, узнав, что его солдаты отрубали головы живым людям, чтобы соорудить эти башни, поскольку его приказ был отрубать головы солдатам, погибшим на поле боя.

Вскоре после взятия Алеппо Великий эмир двинулся на Дамаск. По пути он принял капитуляцию Хамы и Хомса, потребовав от жителей лишь небольшую дань.

Он дошел до Баалбека, гарнизон которого сбежал. Дело было в начале зимы, в горах стояли сильные холода, так что армия ненадолго задержалась в этом удивительном городе. Повара раздобыли овощи, фрукты и мясо, и солдаты успели посмотреть грандиозные руины, которые, по арабским легендам, считаются остатком города, построенного в далеком прошлом по приказу Соломона.

Покинув Баалбек, армия оказалась в просторной долине Бекаа, где можно было развернуться.

Не доходя до нынешнего города Захле, Темур остановился в Керак-Нух, чтобы посетить одну необычную могилу длиной несколько десятков метров и шириной не более

метра, в которой, согласно легенде, захоронен Ной.

В этом месте к нему присоединились конные отряды, посланные ранее прочесать местность вокруг Бейрута и Сайды. Затем полностью укомплектованная армия прошла через большую равнину, остановилась в Анджаре пополнить запасы воды из источника Литани и с обычными мерами предосторожности двинулась дальше по дороге, ведущей в Дамаск.

В декабре 1400 г. Великий эмир наконец подошел к древней столице Сирии. Он увидел множество белых домов, куполов и минаретов.

Для путешественников, прибывавших из Ирана и Аравии по пустынной караванной дороге, Дамаск казался раем. Не зря его называли «зернышком красоты на Земле».

Дата его основания теряется в глубине веков: о нем упоминается уже в библейской истории Авраама и в египетских текстах XVIII династии. Для мусульман он был истинной столицей халифов-омейядов, но шииты именно поэтому проклинали его.

Для Темура он был вторым городом мамлюкского султаната и одним из самых богатейших городов мира. Создаваемые там ювелирные украшения, изделия из резного дерева, тонкого металла, кожи и ткани вызывали восхищение торговцев от Трбизонда до Камбалука.

Сначала город собирался сдаться, как Хомс и Хама, особенно после рассказов оставшихся в живых в битве при Алеппо, но появление Фараджи с многочисленным, прекрасно вооруженным отрядом усилило позиции тех, кто хотел сражаться.

Темур расположил свой лагерь с западной стороны города, где высокий холм давал возможность вести наблюдение. Он стал ждать ответа султана на предложение о мире, которое два офицера доставили к крепостным стенам.

Ответ Фараджи был вызывающим.

Три фанатика в качестве посланников явились на переговоры с Великим эмиром с заданием убить его, но один из секретарей Темура обратил внимания на их подозрительное поведение и предупредил охрану. Посланников обыскали и нашли у них отравленные кинжалы. Перед смертью они признались под пыткой в своих замыслах. Темур ответил на это Фарадже казнью эмира эмиров Дамаска, который находился в плену после событий в Алеппо.

Во время одной из вылазок войска султана обратили в бегство несколько эскадронов осаждающих. Жители Дамаска приободрились, но они не подозревали, что Темур дал приказ солдатам инсценировать бегство.

Он знал настоящее положение дел в стане противника, что сирийские и египетские военачальники начали терять надежду и подумывали о бегстве из города. Поскольку было невозможно окружить такой большой город, Темур применил хитрость, чтобы удержать врага до момента решительной битвы, внушив ему надежду на победу.

Именно тогда произошло событие, которое задело самолюбие Великого эмира. После иллюзорного успеха сирийцев, совершивших вылазку, племянник Темура Султан Хусейн, сын его сестры, дезертировал, в надежде найти поддержку у Фараджи.

С радостью увидев члена темуридской семьи, тот поручил ему важный военный пост, предварительно обрив ему голову и облачив в сирийскую одежду.

Тогда Темур снова послал гонца к Фарадже, но уже с требованием вернуть своего офицера и своего племянника. Также гонец передал, что, если город капитулирует, жителям и гарнизону оставят жизнь и имущество.

На этот раз гонца ждал хороший прием: в его честь даже произвели салют. Фарадж обещал вернуть султана Хусейна через неделю и признать, что Темур является его сюзереном.

После такого обнадеживающего ответа между противниками установилось нечто вроде перемирия; оно длилось до того дня, когда Темуру пришла в голову мысль переместить войско с западной стороны города на северо-восточную. Там был огромный сад Гута, который почти со всех сторон окружал Дамаск.

Увидев, что вражеская армия перегруппируется, офицеры Фараджи решили, что настал

час их славы.

Сирийская и египетская конницы в боевом порядке вышли из города и двинулись на врага. Что касается жителей, они подумали, что войска Темура отступают, и последовали за солдатами султана.

Когда Темуру доложили, что разъяренные люди напали на тыл его армии, он понял, что снова, в который раз, события благоприятствуют его планам.

Военные советники Фараджи не могли предположить, что такое большое войско, отступая, в момент может перейти в контратаку. Тем не менее это случилось, когда Великий эмир приказал трубить и поднять знамена. Его войска сгруппировались, а конные отряды в безупречном порядке развернулись фронтом к сирийцам.

Сражение было ожесточенным и кровавым и закончилось повальным бегством остатков армии Фараджи, смешавшихся с жителями, которые бежали к открытым воротам города. Часть оставшихся в живых сумела добежать до стен и запереться, опередив мавераннахрских всадников.

В бою был захвачен султан Хусейн, когда он пытался взять на себя командование левым флангом армии противника. Его дядя с самого начала своего царствования принял за правило не проливать кровь членов своей семьи, поэтому виновника наказали палками перед всей армией, как того требовала Яса Чингисхана, которой Темур продолжал неукоснительно следовать.

На следующий день войска Великого эмира заняли боевые позиции перед городскими укреплениями. Слышался только глухой рокот барабанов и трубные звуки слонов, стоявших впереди кавалерии. Жители Дамаска, объятые ужасом, молча смотрели на эту неподвижную и грозную силу, но никто не смел открыть ворота.

Когда наступила ночь, Фарадж и его штаб воровски покинули город и сбежали в Египет.

Предоставленные своей участи, жители Дамаска и сирийский гарнизон решили просить пощады: они слышали о благоволении Темура к служителям религии и ученым, поэтому послали к нему делегацию, состоявшую из самых видных горожан, – кади, имамов, правоведов и теологов.

Во главе делегации был арабский историк и философ Ибн Халдун. Как высокопоставленный чиновник египетского султана, он имел неосторожность сопровождать своего господина в Дамаск, где тот бросил его. Этого мудрого человека жители Дамаска выбрали в качестве парламентаря.

Впоследствии Ибн Халдун писал о своих беседах с Темуром в «Мемуарах». Его рассказ подтверждается отрывком из книги Ибн Араб-шаха, сирийского историка, попавшего в плен в Дамаске.

Темур пригласил членов делегации на обед, где усадил Ибн Халдуна рядом с собой, сразу выделив его умное и одухотворенное лицо. Между ними завязалась беседа, в ходе которой Великий эмир произвел такое впечатление на гостя, что тот забыл, что разговаривает с жестоким властелином, а видел перед собой только страстного любителя истории.

Итак, мы предлагаем выдержки из мемуаров Ибн Халдуна.

«Когда назвали мое имя, к нему добавили титул „кади маликит из Магреба“. Темур вызвал меня. Войдя в шатер, я увидел его. Он сидел, опираясь на локоть. Перед ним проносили блюда с пищей, которые он отсылал одно за другим группе тюрок, сидевших перед шатром.

Я заговорил первым. Я сказал: „Да пребудет мир с тобой“. И смиренно поклонился. Он поднял голову и протянул мне руку, которую я поцеловал. Он знаком велел мне сесть, что я тотчас сделал. Потом он подозвал Абд аль-Джаббара, своего советника, и велел ему сесть рядом со мной и переводить мои слова.

Он спросил меня, зачем я пришел. Я ответил: „Я покинул родину, чтобы путешествовать...“ Тогда он спросил: „Где ты родился?“. Я ответил: „Во внутреннем

Магребе“.

„Что значит внутренний Магриб?“ – спросил он. Я ответил:

„На языке местных жителей «внутренний» означает «самый удаленный», потому что сам Магриб находится на южном побережье Средиземного моря; ближе всего к Дамаску – Барка и Ифрикия, а Средний Магриб включает Тилимсан и страну занатов. Самый удаленный Магриб включает Марокко и Фез“. Он спросил: „Где находится Танжер?“ Я ответил: „В самом углу Средиземного моря у средиземноморского пролива Гибралтар“.

Следующий вопрос: „А где Сейта?“ Я ответил: „На расстоянии одного дня пути от Танжера на берегу пролива. Оттуда через пролив можно попасть в Испанию, потому что это недалеко, примерно 20 миль“.

Затем он спросил: „А Сижилмаса?“ Я ответил: „Между плодородными землями и пустыней на юге“.

„Этого недостаточно, – сказал он. – Опиши на бумаге весь Магриб с дальними и ближними районами, горами и реками, селениями и городами, чтобы я мог увидеть это как бы собственными глазами“.

Я сказал: „Все будет, как ты хочешь“.

Потом он дал знак слугам принести из шатра блюдо, которое турки называют „ристя“ и готовят очень хорошо. Принесли несколько подносов и поставили их передо мной. Я стал есть с аппетитом. Это ему понравилось.

Мы молчали. Мне было грустно и тяжело при мысли о несчастье, постигшем Садр ад-Дина Аль Манави, главного кади шафиитов. Его схватили в Шагбахе во время преследования отступавшей египетской армии и бросили в тюрьму. За него требовали выкуп. Мне пришла в голову идея произнести короткую речь, прежде чем обратиться с просьбой к Темуру, дабы вызвать его расположение.

Когда я жил в Магребе, я слышал предсказание о появлении Великого Завоевателя. Ждали совмещения двух верхних планет. Однажды в Фезе я встретил предсказателя Абу Али-ибн-Бадиса из Константины, который был сведущ в этих делах. Я спросил его об этом совмещении. Он ответил: „Речь идет о могущественном человеке, который появится на северо-востоке. Некий народ, живущий в пустыне в шатрах, победит царства, сбросит правителей и станет господином большей части обитаемого мира“. „Когда эта случится?“ – спросил я. „В году 784-м, и об этом много будут говорить“.

Ибн Раяр, еврейский врач и астролог царя франков Ибн Алонсо (король Кастилии Альфонс XI), также писал мне об этом. Мой господин, авторитет в метафизике Мохаммед-ибн-Ибрагим аль-Алиби – да будет милостив Аллах к нему – говорил мне, когда я беседовал с ним: „Это событие приближается, если ты доживешь, ты будешь его свидетелем“.

Суфии в Магребе также ожидали этого события. Поэтому сейчас, чтобы расположить Темура к себе, я заговорил об этом.

Я начал так: „Пусть Аллах поможет тебе! Тридцать или сорок лет я ждал нашей встречи“. Переводчик Абд аль-Джаббар спросил: „Почему?“

Я ответил: „Есть две причины: первая в том, что ты – султан вселенной, правитель Мира, и я не думаю, что со времен сотворения Мира до сегодняшнего дня был властитель, подобный тебе. Я не из тех, кто рассуждает на темы, не зная их сути, потому что я – специалист и говорю тебе следующее: ученые всех времен признавали, что большинство народов, составляющих человеческий род, делятся на две группы: арабы и турки. Тебе известно, какова власть арабов, когда они объединены религией Пророка. Что касается турков, ни один царь на Земле не может сравниться с их царем (здесь Ибн Халдун имеет в виду Темура) – ни Хосров, ни Цезарь, ни Александр, ни Навуходоносор. Хосров был правитель персов и их царь, но какая большая разница между персами и турками! Цезарь и Александр были цари греков, и опять же, какая большая разница между греками и турками! Что касается Навуходоносора, он был правитель вавилонян и набатеев, но какая разница между ними и турками! В этом убедительное доказательство могущества этого царя. Вторая

причина, которая заставила меня ждать этой встречи, в том, чтобы рассказать о предсказаниях святых мусульман в Магребе“. И я рассказал ему все.

Тогда он сказал: „Я вижу, что ты назвал Навуходоносора вместе с Хосровом, Цезарем и Александром, хотя он был ниже их; это были великие цари, а он – всего лишь из персидских генералов, точно так же, как я всего лишь представитель монарха. Что касается самого царя, – он перед тобой“. С этими словами он указал на группу людей за его спиной, среди которых должен был находиться тот, о ком он говорил: его приемный сын Сатылмыш (Темур женился на его матери, когда она овдовела). Но ему объяснили, что тот ушел.

Тогда он снова повернулся ко мне и спросил: „К какому народу принадлежал Навуходоносор?“ Я ответил: „Нет единого мнения на сей предмет. Некоторые считают, что он был набатейнин, т. е. последний царь Вавилона, другие называют его одним из первых персов“.

Он сказал: „Это значит, что он – потомок Мануджира“ (один из первых персидских царей эпохи Моисея). Я ответил: „Да, говорят и такое“. Он продолжал: „А мы тоже родственники Мануджира по матери“. Я обратил внимание переводчика на эти слова и сказал: „Это еще одна причина желать сегодняшней встречи“.

Тогда царь сказал мне: „Какое из этих двух мнений о происхождении Навуходоносора наиболее правдиво, по-твоему?“ „То, что он был одним из первых царей Вавилона“, – ответил я. Но он настаивал, что ему больше нравится другое. Я заметил: „Рассмотрим мнение Ат-Табари, так как он – историк, хранитель традиций, и никакое мнение не может изменить его точку зрения“. „Что мне до мнения Табари“, – возразил он и велел переводчику достать историю арабов и персов, чтобы подробнее изучить этот вопрос. Я ответил: „Что до меня, я на стороне Табари“. На этом дискуссия закончилась.

Ему доложили, что ворота города открылись и через них вышли судьи и знатные люди города выразить ему верность, надеясь, что Темур сохранит им жизнь.

Затем его вынесли из шатра, по причине раны в колене, и усадили на коня. Взяв в руки поводья, он сел прямо в седле, а музыканты заиграли на своих инструментах так громко, что задрожал воздух.

Он поехал к Дамаску и остановился у могилы Маужата около ворот Джабия.

Там он спешил, чтобы дать прибывшим аудиенцию. Судьи и знатные горожане были ему представлены, я также присоединился к ним. Он выслушал их, затем дал им знак уйти, сказав шаху Малику, своему помощнику, чтобы им дали почетные тунки, подтверждающие их полномочия. Мне было велено остаться.

Он позвал приближенных эмиров, отвечающих за строительство. Они привели с собой руководителей строительных бригад и инженеров и стали обсуждать, можно ли взять город, если повернуть воду, текущую по крепостному рву. Они долго обсуждали этот вопрос, потом удалились.

Я тоже пошел домой, который находился в городе, получив на это разрешение. Я закрылся у себя и начал работать над описанием Магреба, как велел мне Темур. Я писал его несколько дней, а когда передал ему текст, он приказал секретарю перевести его на тюркский язык.

Потом он предпринял активную осаду крепости и приказал подготовить катапульты, пушки, заряженные сырой нефтью, балласты и орудия для пробивания стен. За несколько дней было установлено 60 катапульт и других орудий. Осада пошла еще активнее, и сооружения крепости были разрушены со всех сторон. Наконец защитники города, среди которых были люди, служившие египетскому султану, попросили мира. Темур помиловал их, а когда их привели к нему, город был уничтожен полностью.

Что касается жителей, он забрал у них серебряные слитки, а также все ценное имущество и шатры, которые бросил султан Египта. Потом он разрешил войскам грабить дома жителей, из которых вынесли всю утварь и все пожитки. Не имеющие ценности предметы и посуда были сожжены, огонь добрался до стен домов, стоявших на мощных бревнах. Пожар бушевал до тех пор, пока не загорелась большая мечеть: пламя достигло

крыши, свинец расплавился, потолок и стены обрушились. Это было ужасное деяние, но все в руках Аллаха: он поступает с нами так, как захочет, и все решает в своем царстве согласно своей воле.

Однажды во время моего пребывания у Темура, когда он объявил амнистию жителям, к нему пришел один из потомков египетских халифов по линии Аль-Хакима, одного из аббасидов. Он попросил у Темура восстановить справедливость – вернуть ему титул халифа, ранее принадлежавший его предкам. Султан Темур ответил ему: „Я созову сведущих людей и судей, и если они решат в твою пользу, я выполню то, что ты просишь“.

Темур созвал сведущих людей и судей и допустил меня на собрание. Перед ним предстал и человек, просивший титул халифа. Он сказал: „Халифат принадлежит мне и моим предкам. Согласно традиции, титул халифа принадлежит аббасидам с начала века“.

Абд аль-Джаббар предложил нам высказаться. Некоторое время все молчали, обдумывая, тогда он спросил: „Что вы скажете об этой традиции?“

Бурхан ад-Дин Ибн Муфлих ответил: „У этой традиции нет основания“, потом он спросил мое мнение. Я сказал: „Как ты только что заметил, эта традиция не имеет силы“.

Тогда Темур сказал просителю: „Ты слышал слова судей и сведущих людей. Выходит, что у тебя нет никакого права просить у меня халифат. Иди прочь, и пусть Аллах наставит тебя на путь истинный“.

Один из моих друзей, знающий обычаи тюрок, посоветовал мне сделать Темуру подарок, даже если он будет иметь малую ценность в денежном выражении. Поэтому я купил на книжном базаре очень красивый экземпляр Корана, роскошный молитвенный коврик, копию знаменитой поэмы „Касидат аль-Бурда“, которую написал Аль-Бусири в честь Пророка – да благословит его Аллах и дарует ему мир, – и прибавил к этому четыре коробки превосходных сладостей из Каира.

Я вручил Темуру свои дары во время его пребывания в Каср-аль-Абдаке, в зале для приемов.

Увидев меня, он поднялся и дал мне знак сесть справа от себя, что я и сделал. Там находились некоторые из властителей Джаг-Натаи. Немного посидев, я приблизился к нему и указал на подарки, которые держали в руках его слуги. Я попросил положить подарки на пол, и он вопросительно взглянул на меня. Тогда я открыл Коран. Когда он увидел книгу, то поспешно поднялся и положил ее себе на голову. Затем я вручил ему „Бурду“. Он спросил о сюжете и авторе, я рассказал все, что знал об этом. После этого я подал ему молитвенный коврик, который он взял в руки и поцеловал.

Потом я поставил перед ним коробки со сладостями, и, согласно этикету, сам взял несколько штук. Он раздал сладости из одной коробки присутствующим. Он принял все, что я ему подарил, и остался доволен.

Обдумав то, что мне предстояло сказать ему по поводу себя самого и некоторых моих друзей, оставшихся в Дамаске, я начал так: „Пусть Аллах поможет тебе. Позволь мне сказать“.

„Говори“, – разрешил он.

„Я – чужеземец в этой стране, причем вдвойне чужеземец. Прежде всего потому, что нахожусь далеко от Магреба, моей родной страны, во-вторых, потому, что я далеко от Каира, где находится моя семья. Я пришел просить у тебя защиты и надеюсь, что ты поможешь мне обрести покой“.

„Говори. Я сделаю для тебя все, что ты хочешь“.

Я сказал: „Мое положение изгнанника заставляет меня забыть то, что я хочу; окажись ты на моем месте, да хранит тебя Аллах, ты бы понял, чего я хочу“.

Он ответил: „Уходи из города и живи в моем лагере, и, если тебе поможет Аллах, я выполню самое большое твое желание“.

На это я промолвил: „Скажи об этом своему помощнику, шаху Малику“. Он кивнул шаху Малику. Я поблагодарил и благословил его, потом добавил: „У меня есть еще одна просьба“.

„В чем дело?“ – спросил он. Я ответил: „Духовные лица, секретари, чиновники и администраторы, которых бросил султан Египта, оказались в твоей власти. Конечно, царь займется их судьбой. Твоя власть велика, твои земли огромны, и велика твоя нужда в людях, способных управлять“.

Он меня спросил: „Чего ты хочешь для них?“ Я ответил: „Документ, который бы обеспечил их безопасность при любых обстоятельствах“.

Он сказал своему секретарю: „Напиши об этом приказ“.

Я поблагодарил и благословил его, и мы вышли вместе с секретарем. Когда документ был составлен, шах Малик приложил к нему царскую печать. С тем я вернулся к себе.

Узнав о том, что Темур готовится покинуть Дамаск, я отправился к нему.

После обычных приветствий он сказал мне: „У тебя есть мул с собой?“

„Да“, – отвечал я.

„Хороший мул?“ – спросил он.

Я ответил: „Да“.

„Не хочешь ли ты продать его? Я хотел бы его купить“.

Я ответил: „Да хранит тебя Аллах, такой человек, как я, не продает ничего такому, как ты. Но я хочу подарить его тебе на память и подарил бы и других, если бы имел их“.

Он сказал: „Я как раз хотел сказать, что прошу у тебя такой щедрости“.

Я ответил: „Разве есть на свете щедрость, которая сравнится с той, что ты уже оказал мне. Ты осыпал меня знаками внимания, ты предоставил мне место в твоем совете среди твоих ближайших соратников. Я надеюсь, что Аллах вознаградит тебя за это“.

Он молчал, я тоже. Пока я был с ним, привели моего мула, и я никогда больше не видел его.

„Ты отправляешься в Каир?“ – спросил он меня.

Я ответил: „Да поможет тебе Аллах. Мое единственное желание – служить тебе, потому что ты дал мне приют и защиту. Если мое путешествие в Каир может быть полезным для тебя, я охотно совершу его, если нет – я не хочу в Каир“.

„Ты должен вернуться к своей семье и своему народу“.

Он повернулся к своему сыну, который должен был ехать в Сакхаб, к месту весеннего выпаса скота, и начал разговаривать с ним. Абд аль-Джаббар, переводчик, сказал мне: „Султан рекомендует тебя своему сыну“. И я поблагодарил его.

Тем не менее я подумал, что путешествие с его сыном мне не подходит и что мне лучше отправиться в Сафад, ближайший морской порт. Когда я сказал об этом, он выразил согласие и рекомендовал мне в качестве попутчика посланника правителя Сафада, который как раз собирался вернуться туда. Я простился с Темуром и удалился».

Разумеется, Темур понимал, что Ибн Халдун – один из крупнейших историков своего времени и что отношение к нему должно быть подобающим. Участь же Дамаска была совсем иной. Назначив большой выкуп, который должны были заплатить жители, Великий эмир направил своих сборщиков, которые стали выполнять приказ с невиданно жестоким усердием.

На то, конечно, имелось молчаливое согласие их господина, который оправдывал жестокость тем, что сирийцы должны искупить свой ужасный грех, который когда-то, еще в VII в., совершили их предки против семьи Пророка Али.

Возможно, что на самом деле причиной было их ожесточенное сопротивление, которое замедлило осуществление планов Великого эмира.

Впрочем, желая предотвратить кровопролитие в Дамаске, какое случилось в Дели, он запретил солдатам, кроме сборщиков дани, входить в город. В качестве меры предосторожности он велел закрыть все городские ворота за исключением Баб-эль-Сагхир (Южные ворота), через которые проходили лишь те, кто выполнял задание.

Однако нескольким солдатам удалось проникнуть в город и начать грабеж, но Темур приказал схватить их и повесить на видном месте.

Поскольку крепость продолжала упорствовать и не капитулировала, он решил

применить жесткие меры. Элитные отряды заняли берега реки Барада вплоть до мощных укреплений замка, построенного в XIII в. Его стены охраняли 12 высоких полукруглых башен.

Армейские инженеры воздвигли огромную башню из деревьев, откуда можно было обстреливать осажденных камнями и стрелами, а саперы занялись разрушением стен у их основания. Камни накаливали докрасна при помощи костров, затем поливали водой и уксусом.

Тем временем Темура устроился в одном из дворцов города и руководил отбором лучших ремесленников и ученых людей Дамаска для отправки их в Самарканд. Он также вел долгие беседы с персидскими и сирийскими теологами. Великий эмир велел построить две башни и два купола на могилах жен Пророка, а местные ткачи в знак признательности выткали для него великолепный халат из шелка и золотых нитей, в котором не было ни одного шва.

Однажды дрожащий от страха гонец принес ему письмо от египетского султана, в котором говорилось: «Не думайте, что мы боимся вас. Нам пришлось отлучиться, чтобы навести порядок в нашей столице, но мы вернемся, как разъяренные львы, и поступим с вами, как поступали с созревшей пшеницей. Напрасны будут ваши слезы – пощады вам не будет».

Это письмо рассмешило Великого эмира, и он отослал гонца назад, дав ему несколько золотых монет.

Наконец после 43-дневной осады крепость сдалась. Чтобы наказать город за упорное сопротивление и вознаградить солдат за терпение, Темура разрешил войскам войти в Дамаск и беспрепятственно грабить в течение трех дней, после чего все население было взято под защиту эмиров и их стражи. Его солдаты собрали невиданную добычу. К несчастью, они разожгли костры на улицах, чтобы сжечь мебель, которую не могли унести с собой. Ветер раздул оставшиеся без присмотра костры и вызвал сильный пожар, который добрался до центра города.

Кафедральная мечеть Омейядов, построенная в VIII в. халифом Валидом на месте церкви Святого Иоанна Крестителя, оказалась в огне. Обрушилась кровля, часть стен этого великолепного здания, и саперы, посланные Темуром, не смогли ее спасти. Единственной частью мечети, которая необъяснимым образом осталась нетронутой, был большой минарет, посвященный Иисусу, на котором, согласно мусульманской версии, должен появиться Пророк в День Последнего суда.

Темура ушел из Дамаска в марте 1401 г., оставив за собой разоренный город. Много жителей погибло от голода и болезней после его ухода. На полях появилась саранча, пожиравшая все, что оставалось. Как следствие, разыгрался жестокий голод, ставший причиной случаев людоедства. Имя Темура было проклято навсегда – как жителями, так и их потомками.

Хомс, опасаясь такой же участи, предусмотрительно открыл ворота Великому эмиру и поэтому совсем не пострадал. Из этого города Завоеватель послал войска захватить Пальмиру, Антиохию и пастбища, где пасли свой скот туркмены, стоявшие лагерем на берегу Евфрата.

Что касается Хамы, она была разграблена под тем предлогом, что ее жители разрушили сооружения, построенные солдатами Темура во время его первого похода. Алеппо был частично сожжен оккупационным отрядом перед тем, как его покинуть.

Наконец, перегруппировав свои силы, Темура ушел из Сирии и направился в Месопотамию. Мамлюки больше не мешали ему.

Пока он занимался тем, что подчинял правителей этой провинции, большой отряд был отправлен в Багдад. Ворота города оказались закрыты, и жители заняли позицию защитников.

В отсутствие султана правитель заявил прибывшим, что повелитель приказал сдать город лично Темуру. Когда об этом сообщили Великому эмиру, он покинул район Мосула,

где в это время находился, и двинулся быстрым маршем на Багдад. Перед крепостными валами он объявил о своем прибытии и потребовал сдать город.

Видимо, обещание сдать ему город было просто уловкой султана Ахмеда, потому что правитель, вопреки очевидному факту, каждый день говорил жителям, что Темура не появится, и подстрекал их к сопротивлению. Когда люди, увидевшие Темура, вернулись в город, правитель велел им молчать об этом.

Ворота по-прежнему оставались закрытыми перед Темуром, а на стенах и в бойницах дежурили вооруженные солдаты.

Тогда он решил по-своему дать знать Багдаду о своем прибытии. На его зов собралась вся армия и окружила город таким плотным кольцом, что никто не смог бы ускользнуть из него.

Жители окаменели от ужаса и наконец поняли, что настал их конец: они были мятежниками и поэтому оказались в страшном положении обреченных городов.

Осада была мучительной для обеих сторон, потому что в июле 1401 г. стояла такая жара, что птицы падали замертво с раскаленного неба, как пишут историки. Однажды люди, охранявшие стены, не выдержали и покинули позиции, чтобы отдохнуть в тени домов за закрытыми окнами. Кроме того, они по наивности оставили свои каски в бойницах, повесив их на палки, дабы создать иллюзию присутствия.

Скоро зоркий глаз одного солдата обнаружил обман; осаждающие тут же, не производя шума, взобрались на стены. Отдых жителей закончился кровавой бойней.

Темура пощадил Багдад в первый раз, когда тот сдался, теперь же он был безжалостен. Великий эмир объявил, что каждый солдат должен принести отрубленную голову для возведения пирамид. В результате погибло около 90 тыс. человек: армейские секретари насчитали 120 пирамид по семь тысяч голов в каждой. Тем не менее оставили в живых ученых, художников и священников, которых отправили в Самарканд вместе с трофеями.

Солдаты начали разрушать самые величественные здания, но Темура вскоре дал приказ уходить из этой жуткой атмосферы, отравленной тысячами разлагающихся трупов. Армия двинулась в направлении Грузии, на север. После разгрома мамлюков царство султана Ахмеда было не в состоянии сопротивляться.

Пока Великий эмир находился в Дамаске, султан Баязед Молниеносный, подстрекаемый своими союзниками Кара-Юсуфом и Ахмедом, захватил Эрзинджан, владение Тахиртена, вассала Темура. Когда Темура, только что прибывший в Нахичевань, узнал об этом, он начал собирать войска. Со своей стороны то же делал и Баязед. Но каждый старался выиграть время и подготовиться к неотвратимому поединку как можно лучше. Баязед, безусловно, был самым достойным противником Темура.

Теперь не было силы, которая стояла бы между Темуром и Баязедом.

Темура и Баязед

Османская империя образовалась в результате больших, граничащих с авантюрой событий. К 1221 г. под давлением тюрко-монголов племя тюрков-огузов оказалось вытесненным из Центральной Азии в Малую Азию. Один из кланов этого племени, которое кочевало в поисках территории для охоты и скотоводства, предложил свои услуги сельджукскому султану, когда тот больше всего нуждался в них. Этот клан возглавлял некий Эртогрул. За это предок Баязед получил во владение небольшую территорию, пригодную для выпаса скота, в Анатолии, в двухстах километрах от Константинополя. Из этой территории со временем выросла огромная Османская империя.

Сын Эртогрула принял ислам и взял имя Осман (отсюда название его подданных – османы). Это был один из выдающихся основателей династии, суровый и неприхотливый. После его смерти из личных вещей у него осталось немного: расшитый кафтан, тюрбан, несколько кусков муслина, ложка и солонка. В его царствование сын Орхан захватил Бурсу и отбросил наемников, которых послал против него Константинополь.

В те времена армия состояла из всадников, которые владели землей, сами снаряжали себя и, по мере надобности, собирались на зов султана. Став императором, Орхан и его брат Ала ад-Дин поняли, что для того, чтобы победить соседей-христиан и захватить необходимые им земли, надо добавить к боеспособной, но недисциплинированной кавалерии надежную и постоянную пехоту.

Они создали регулярные пехотные войска, разделенные на единицы по десять, сто и тысяче человек, которые носили униформу и получали большое жалованье – серебряную монету в день. Для той эпохи это был большой прогресс, но нововведение не принесло значительных результатов, так как «пияды» (пешие солдаты) плохо подчинялись приказам.

Выход нашли принц Ала ад-Дин и паша Халил Сендерели. Поскольку турки той поры были неспособны к строгой дисциплине и к службе в пехоте, они сформировали пехотный корпус из европейцев, взятых в плен и обращенных в ислам. Одна из тайных целей двух создателей новых отрядов заключалась в том, чтобы обеспечить надежное окружение султана и оградить его от заговоров и интриг.

Использование неверных тоже было не совсем эффективным, поэтому один юрист, Кара Рустем, предложил отбирать у христиан детей, давать им соответствующее воспитание и подготовку, как физическую, так и моральную, до «рекрутского» возраста. Идея Кара Рустема оказалась плодотворной: после пленения или захвата (это называлось «девширме») самых крепких мальчиков (греков, армян, румын, поляков, венгров, грузин и т. д.) обращали в ислам, учили турецкому языку, делали все, чтобы они забыли своих родителей и считали отцом султана, вернее, его образ. Благодаря суровому и методичному физическому воспитанию, они становились хорошими солдатами, а религиозное воспитание прочно привязывало их к правилам дервишей Бекташа.

В 1362 г., в царствование Мурада I, этот воинский корпус был утвержден официально, его назвали «новое войско», по-туркски – «иенычеры», в европейских языках – «янычары».

Эти воины носили высокую шапочку квадратной формы с кисточкой, которая свешивалась на затылок, балахон из красного сукна и широкие панталоны синего цвета. Их оружием были сабля, круглый щит, кинжал, боевой обоюдоострый топор, лук и колчан со стрелами.

Новички-янычары давали клятву соблюдать строгий кодекс поведения, а именно:

- абсолютно повиноваться офицерам и другим начальникам;
- жить в полном согласии друг с другом и составлять единую боевую единицу;
- отказаться от роскоши, недостойной настоящего воина, и во всем стремиться к простоте;
- никогда не уклоняться от принципов святого Бекташа и соблюдать все религиозные правила ислама;
- не жениться;
- отдавать все свое время воинской подготовке;
- не заниматься другим делом, кроме военного.

Никто не мог вступать в корпус янычар, кроме рекрутированных в соответствии с законом «девширме».

Ореол непобедимости долгое время сопровождал янычар. Именно их султаны бросали в бой, когда исход его уже был предрешен; как правило, появление янычар означало окончательное поражение противника.

Кроме этого элитного корпуса, в турецкой армии были конные отряды, включая легкую, очень мобильную кавалерию, которая должна была изматывать противника и вести разведку: прежде всего, это были отряды «сипаев» – в кольчугах на восточный манер, с копьями, щитами, луками, боевыми топорами или палицами, саблями и кинжалами. Сипаи получали наследственные земельные владения и должны были выставлять всадников в количестве, пропорциональном их доходу. Сама же легкая кавалерия жила за счет грабежей и выкупа пленных.

Вооружение сипайских конников было примерно таким же, как у конницы Темура. Они

выполняли функции почетной охраны султана вместе с янычарами и имели священный штандарт османов красного цвета.

Остальная часть армии состояла из легкой пехоты, вольтижеров, которые также жили грабежами, и регулярных пехотных частей. Начиная с Мурада I, султаны располагали вспомогательными отрядами христиан, набираемыми из покоренных народов, которые были хорошими солдатами даже в бою против своих же соплеменников, к примеру сербские кирасиры под командованием своего князя.

С такой армией за сорок лет, начиная с султана Орхана до султана Баязеда, Турция стала могущественной империей. Под власть Орхана по очереди попали Бурса, Никомедия, Никея, второй город Византии, Пергам и его провинция и, наконец, Галлиополи, город на европейском берегу.

Мурад I успешно продолжил дело отца, захватив Анкару и Адрианополь, куда перенес свою ставку. Это был открытый вызов Европе, поскольку этот город (нынешняя Эдирне) является воротами в Грецию и Болгарию.

София была взята в 1383 г., за ней – Фессалоник; половина Болгарии оказалась под османским игмом. Мурад обратил взор на своих восточных соседей: на востоке еще оставались небольшие независимые государства, появившиеся в результате распада крупного сельджукского султаната Малой Азии; они также были покорены.

В Косово он разгромил сербскую армию с помощью своего сына Баязеда, который проявил в этой битве незаурядные таланты полководца. Он был провозглашен султаном после того, как Мурад погиб в сражении. Покоренные сербы с тех пор стали поставлять военные контингенты для султана, которые воевали даже против европейцев.

Баязед I правил Османской империей с 1389 г. и оказался достойным наследником своих предков. Он продолжал завоевания в таком темпе и настолько сокрушительно, что его прозвали Молниеносным. Баязед отобрал у византийцев Ала-Шерир, последний город, которым они владели в Азии, покорил независимые государства, граничившие с его империей на востоке, несмотря на то что они просили помощи у Темура, затем осадил Константинополь, а его другая армия продвинулась до Дуная.

В 1394 г. он присоединил к своим землям всю Болгарию и не скрывал, что собирается сделать то же самое с Венгрией, затем со всей Европой. Он заявил: «Мой конь будет есть овес на алтаре Святого Петра в Риме».

Поражение, которое Баязед нанес сербам и болгарам, его быстрое продвижение в Малую Азию показали, что он – ярый противник христианства. Хотя время Крестовых походов давно закончилось и такие предприятия казались анахронизмом, король Венгрии Сигизмунд и бургундский герцог Жан Бесстрашный решили поднять христиан на борьбу с Полумесяцем.

Европейцы организовали так называемый крестовый поход против османов, в котором главную роль играла Франция, предоставившая для этого элиту своего дворянства во главе с графом Неверским, сыном герцога Бургундского, графом Евским, коннетаблем, и маршалом Франции Бусико. Крестоносцы соединились с венграми и остальными христианскими войсками на берегах Дуная, затем двинулись на город Никополис, который уже был захвачен султаном. Однако между французами и их союзниками возникли большие разногласия, и тогда Баязед атаковал их.

Знаменитая битва произошла под Никополисом 25 сентября 1396 г. Французская кавалерия решила дать бой самостоятельно: она бросилась на османские позиции и была уничтожена янычарами. Венгры и другие союзники отступили под ударом сербской конницы, которую султан держал в резерве.

Баязед, такой же безжалостный, как и Темур, приказал уничтожить большую часть пленных, прежде чем вернуться в Бурсу, потому что получил тревожные известия о приближении к границам опасного противника. Но перед возвращением он велел разграбить Грецию (подробно см. «Османская империя»).

В это время Баязед, конечно, был самым достойным противником Темура.

Темур, рьяный приверженец своей веры, строгий в своих представлениях о справедливости, был мастером расчета и планирования. Часами, нередко в одиночестве и по ночам, Темур проводил время за громадной шахматной доской. Он передвигал фигуры, вырабатывая стратегию замысловатых кампаний, «которые он неизменно выигрывал в борьбе с любым оппонентом». В его победоносной армии количество лошадей исчислялось шестизначной цифрой. За войском следовали стада не только верблюдов, но и слонов, животных, оказавшихся не только полезными в бою, но и использовавшихся как тягловая сила при строительстве его легендарной новой столицы – Самарканда. Из этой новой столицы – в конце XIV в. – Темур правил империей, которая простиралась на восток до Великой Китайской стены, на север – до российских степей, на юг – до реки Ганг и Персидского залива, на западе включала Иран, Армению и до верховий Тигра и Евфрата – и, следовательно, до границ Малой Азии. Дальше простиралась другая великая мусульманская империя – империя османов.

Интересы двух победоносных соперничающих императоров, Темура и Баязета, должны были столкнуться на этой границе, в районе, где (каким виделось различие в их характерах Гиббону) «Темур проявлял нетерпение равного, а Баязед был неосведомлен о превосходстве».

Вызывает сомнение наличие у Темура каких-либо планов в отношении территории его османских соседей. Как солдат, он отдавал должное военной мощи турок. Как создатель империи, стремящийся приумножить свои владения, он все еще имел другие области для завоеваний; его дорога на юг – в Сирию, Святую землю, Месопотамию и в Египет – была открыта. Схожим образом Баязету больше всего нужно было завершить завоевания на Балканах захватом Константинополя, который наверняка в скором времени попадет в его руки. Темур видел, в чем заключаются интересы каждого из них в отдельности. Баязед этого не видел. Преисполненный гордости и иллюзий непобедимости после десяти лет побед без единого поражения, Баязед недооценивал силы своего соперника и действовал таким образом, что провоцировал Темура выступить против него.

Европейские монархи не забыли ужас, вызванный нашествием Чингисхана, и с беспокойством следили за восхождением нового тюркского завоевателя – Темура, – который претендовал на титул Властелина мира. Жестокость, сопровождавшая его походы на Русь, указывала на то, что это был решительный враг христиан и он был так же опасен, как султан Баязед, самый грозный противник Византийской империи. Однако западные короли надеялись, что, когда две мощные воли столкнутся – что было неизбежно, так как Азия была слишком мала для их амбиций, – христианство воспользуется их раздором.

Отношения между двумя великими завоевателями становились все напряженнее. Яблоком раздора стал эмират Эрзерум и Эрзинджан.

Баязед послал угрожающее письмо властителю Эрзерума и Эрзинджана, предлагая немедленно заплатить вассальную дань как его сюзерену. Напомним, что сюзереном Тахиртена был не кто иной, как Темур. Тот послал гонца, чтобы сообщить Темуру о «приглашении» Баязета.

Кроме того, Баязед подстрекал на эту территорию Кара-Юсуфа, властителя Черной Орды, которому Темур неоднократно давал почувствовать свою мощь и который затаил на него злобу. Здесь были задействованы не только амбиции – эмират Тахиртена был ключом к Малой Азии.

Баязед, оккупировав, но в то же самое время не сумев ассимилировать значительную часть Анатолии, оставил у себя за спиной в качестве изгнанников из завоеванных им владений ненавидящих его бывших правителей, стремившихся вернуть себе свои земли из-под власти османов и начать снова править своими прежними подданными, все еще сохранявшими им верность. Многие из них жили в изгнании при дворе Темура. Темур, однако, не связывал себя с их положением или же с действиями султана до тех пор, пока османы не захватили Сивас. Прояви Баязед тогда осторожность, он понял бы, что этот укрепленный город может служить ему оборонительным аванпостом. Вместо этого в 1399 г.

Баязед предпочел использовать его в качестве опорного пункта для осуществления наступления далеко на восток, вплоть до верховий Евфрата, под командованием сына Сулеймана. Там войска османов вскоре нарушили границы территории находившегося под протекторатом Темура тюркского правителя Кара Юсуфа, который попал в их руки.

Впервые гнев Темура обратился против Баязеда, и он письменно обратился к нему (снова находившемуся в Европе), требуя вернуть пленника. Гиббон цитирует письмо, приведенное у персидского историка Шараф ад-Дина. «В чем причина твоего высокомерия и безрассудства? – спрашивал Темура султана. – Ты провел несколько сражений в лесах Анатолии: ничтожные трофеи». Продолжая в качестве одного из главных защитников ислама, обращающегося к другому его не менее верному защитнику, он, тем не менее, доводит до сведения: «Ты одержал несколько побед над христианами в Европе; твой меч был благословлен апостолом Аллаха; и твоё следование заповеди Корана в войне против неверных есть единственное отражение, которое удерживает нас от разрушения твоей страны, передней линии и оплота мусульманского мира». В завершение Темура убеждает султана: «Вовремя прояви мудрость, подумай, раскайся и предотврати удар грома нашего возмездия, которое все еще висит над твоей головой. Ты не больше чем муравей, зачем ты дразнишь слонов? Увы, они растопчут тебя своими ногами».

Баязед предпочел отнестись к этому и последующему посланиям с презрением: «Твои армии бесчисленны, пусть так, но что такое стрелы твоих стремительных тюрков против ятаганов и боевых топоров моих непоколебимых и непобедимых янычар? Я буду охранять князей, которые искали моего покровительства. Ищи их в моих шатрах. – Он закончил послание оскорблением, более интимным по своему характеру: – Если побегу от твоего оружия, пусть мои жены будут трижды отрешены от моего ложа; но если у тебя не хватает мужества встретиться со мной на поле битвы, может быть, ты снова примешь своих жен после того, как они трижды окажутся в объятиях чужестранца».

Баязед гордился тем, что представлял собой ислам и защищал от Креста знамя Пророка. Темура справедливо считал, что он сделал для ислама гораздо больше, чем его соперник: он утвердил ислам и распространил его до самой Индии. Конфликт был неизбежным и потому, что Баязед и Темура объявляли себя проводниками одной политики – собрать военные силы тюрков и поставить их на службу Полумесяцу, – и оба считали, что земля слишком мала для двух героев: Аллах должен был выбрать из них одного.

Итак, разрыв состоялся. Это был 1402 год.

Неистовый в сражениях, Баязед вместе с тем отличался тщательностью в подготовке к ним.

Темура тем временем вступил в Южную Грузию. Видимо, в этот период он принял решение сразиться с Баязедом, поскольку срочно отправил своих жен и внуков в Табриз. Однако он еще раз послал своих представителей к султану и потребовал сдать крепость Кемах и отдать одного из его сыновей в качестве «залога мира», – за это он был готов отказаться от завоевания Османской империи.

Темура остановился у границы, в Авнике, чтобы дождаться возвращения своих посланников. В этот период, предшествующий накалу страстей между завоевателями, Темура принял несколько европейских послов, которые предлагали ему союз с императором Византии, королем Франции, генуэзцами и венецианцами, которые обосновались в Малой Азии и в окрестностях Константинополя.

Представитель императора Константинополя, доминиканский монах отец Франсуа, подтвердил, что его повелитель готов стать его вассалом, если он победит Баязеда. Со своей стороны генуэзские и венецианские посланники обещали использовать свои флотилии, чтобы помешать османам войти в Босфор.

Возвратившись в Константинополь, эти посланники подняли штандарт Темура на башнях Пера: это означало, что они уже были уверены в превосходстве Великого эмира над Молниеносным.

Опасаясь, что мусульмане будут ему пенять за столь странную роль спасителя Европы,

Темур отправил верных людей – дервишей пропагандировать среди народа неприглядный образ Баязеда – насквозь прогнившего, женатого на христианке, окруженного продажными придворными – и светлый образ Темура, Великого эмира Самарканда, человека строгих нравов, защитника верующих, уважающего ислам.

В довершение этой «психологической акции» он поручил одному из эмиров очернить Баязеда в глазах туркмен, которые жили главным образом в районе Сиваса, Кайзери и Малатии. Этот секретный агент должен был обещать им свободный выбор своего хана из числа предводителей, которые не будут поддерживать султана.

Баязед медлил, и Темур решил активизировать свои действия: он послал Мухаммада Султана захватить Кемах, а сам занял Эрзерум. Кемах, известная крепость на неприступной скале на берегу Евфрата, был взят после жестокого боя, в котором обе стороны проявили непомерную отвагу.

Затем Великий эмир пошел на Сивас, где встретился с посланниками Баязеда с подарками, а также высокомерным письмом, в котором Молниеносный категорически отвергал все требования Темура.

Возмущенный тоном письма, Темур отказался от подарков и велел посланникам передать Баязеду, что Кемах уже захвачен.

Прежде чем отпустить посланников, он показал им лагерь своей армии, где они с изумлением и страхом увидели многочисленные, прекрасно вооруженные конные отряды, которые проводили учения под командованием двадцати царствующих принцев Туркестана, Ирана, Индии и Монголии, безусловных вассалов Великого эмира из Самарканда.

Когда его люди вернулись, Баязед понял, что будет война. Со своей обычной мобильностью, как мы отмечали выше, он снял осаду Константинополя, который был уже на грани капитуляции, и двинулся в Бурсу. Там он собрал большую армию, призвав под знамена войска, отведенные из-под Константинополя, армию Анатолии, Румелии, Кармана и гарнизон Галлиполи, он также призвал своих новых вассалов, как христиан, так и мусульман, и татар с юга Руси. Он призвал и своего союзника Фараджа, но султан Египта не откликнулся на призыв, опасаясь Темура после того, как тот захватил Сирию.

Предвидя, что Великий эмир пойдет прямо на Анкару, Баязед решил дать бой на заранее подготовленных позициях и направил большую армию к этому городу, чтобы занять прилегающие высоты до прихода своего противника.

Но шпионы доложили ему, что Темур готовится пойти на север, на город Токат. И Баязед тут же изменил планы.

С самого начала столкновение между двумя завоевателями напоминало шахматную партию, в которой Темур превосходил Баязеда на каждом ходу и в конце концов ставил шах и мат.

Оставив в Анкаре только резервы для укрепления гарнизонов города, Баязед с основными силами перешел реку Кизи Ирмак и дошел до лесистой горной местности к западу от Сиваса и Токата, откуда он мог контролировать путь, соединяющий два города. Это было идеальное место для пехоты, которая должна была отразить натиск вражеской конницы.

Но вместо того чтобы подняться на север по дороге в Токат, Великий эмир резко отклонился влево, вышел на Сивас и спустился до Кайзери.

Немного передохнув и пополнив запасы продовольствия и фуража, армия двинулась на северо-запад и достигла Киршехира.

Таким образом, избежав лесного массива, занятого османами, армия Темура окружила их с юга, чтобы выйти на Анкару с юго-востока.

Произошла стычка между сторожевыми отрядами, и тогда ошеломленный Баязед понял, что противник у него в тылу. Он сразу принял меры для того, чтобы броситься на Киршехир со всеми войсками в надежде опередить Темура.

Между тем Темур совершил еще один скрытый маневр: он ушел из этого города в направлении Анкары, дошел до нее за три дня, тогда как Баязед находился в сорока

километрах от Киршехира. Великий эмир остановился в этом пустынном районе и отправил вперед отряды, которые должны были рыть колодцы на пути следования армии.

Прибыв в окрестности города, войска сразу начали мощную осаду – Темур надеялся взять город до подхода Баязета. Через несколько дней стены начали поддаваться под ударами саперов, а элитные войска готовились к штурму; в это время Великий эмир вдруг снял осаду и отвел все войска к северу от города, заняв единственную реку в округе и отравив единственный источник за рекой.

Тем временем Баязед, поняв, что движение войск Темура на Киршехир – это лишь только хитрый маневр, повел свою армию форсированным маршем в направлении Анкары. Молниеносный намеревался застать Темура врасплох и навязать ему бой на равнине между своими войсками и сильным гарнизоном крепости. Такая тактика была бы выигрышной против любого другого военачальника.

Фактически Баязед совершал свои маневры, будучи ведом военным гением Великого эмира: его измученная многодневным переходом армия, истощившая все запасы воды, была на грани деморализации, тем более что ей пришлось занять боевые позиции, которые выбрал для нее противник.

Султан с ужасом осознал, что он вернулся туда, откуда вышел, что его люди небоеспособны, и что Темур стоит на выгодных позициях, оставленных им самим.

Со своей стороны, Темур высоко оценивал стойкость и дисциплинированность османов, которые будут сражаться за своего султана до последнего солдата. Он также прекрасно понимал, что Баязед – опасный и талантливый противник.

Ночь прошла в подготовке к сражению. Мало кто спал в османском лагере: солдаты искали источники неотравленной питьевой воды, но все равно воды не хватало для такой многочисленной армии.

На рассвете Темур объявил своим солдатам, что Аллах уже решил, кто будет победителем, потому что он видел сон, в котором ему вручили штандарт Али от имени Пророка.

28 июля 1402 г. в 9 часов утра Великий эмир отдал приказ начать битву. Это было самое крупное сражение в мировой истории, вплоть до Наполеоновских войн.

На карту Мира было поставлено все. Исход этой битвы должен был изменить судьбы многих народов. Для Константинополя победа Великого эмира была последней надеждой, как и для эмиратов Малой Азии. Европа, еще не способная противостоять Молниеносному, видела в этом свое спасение: ее представляли два посланника короля Испании, сидевших за стенами Анкары, и флотилии, которые стояли перед Босфором. А от Багдада до Каира молили Аллаха о победе Баязета.

Темур имел чуть больше 100 тыс. всадников, около двадцати боевых слонов и многочисленную пехоту (300 тыс.), укомплектованную саперами, инженерами, кузнецами и копальщиками колодцев. Его конница состояла из легких эскадронов, вооруженных саблями и луками, и тяжелых эскадронов в кирасах и кольчугах, которые имели копья, палицы и боевые топоры.

По этому случаю он сохранил свой обычный боевой порядок из шести частей: два корпуса в центре под его личным командованием, левый и правый фланги, а впереди два мощных авангарда.

В резерве оставались элитные отряды, только что прибывшие из Самарканда. Арьергард обладал такой силой и мобильностью, что мог решительным образом вмешаться в сражение в любой момент. Слоны находились на передней линии в центре.

Армия Баязета, уступавшая в численности (80 тыс. всадников), рассчитывала главным образом на прекрасно обученную и вооруженную пехоту (200 тыс.), ядро которой составляли янычары. Ее боевой порядок также состоял из шести частей, но располагался по-другому.

Мощный центр, которым командовал сам султан, находился на одной линии с флангами, а позади них стояли еще два корпуса. Позади центра располагались конные отряды сипаев (10 тыс.), за ними – арьергард.

Его конница, кроме сипаев, включала в себя туркменов из Малой Азии, вассалов султана; тяжелая кавалерия состояла в основном из сербов (6 тыс.), которыми командовали два сербских принца, данники и зятя Баязед.

Сербы, с головы до ног одетые в черные доспехи, составляли правый фланг, а янычары располагались вокруг султана.

Под звуки труб авангардные отряды Темура одновременно бросились на фланги османов, и левый фланг начал отступать.

Зато правый фланг, усиленный сербской кавалерией, сумел отразить эскадроны принца Шахруха. Скоро все смешалось, и началась общая схватка.

Темур понял, что пришло время ввести в действие план, который был задуман для того, чтобы пробить брешь в рядах противника.

Он бросил против туркменских отрядов, включенных в османскую армию, конный корпус под командованием туркменских военачальников, которых когда-то изгнал Баязед. Увидев, что против них сражаются Тахиртен и другие туркменские принцы, туркмены перешли на их сторону и помогли раздавить левый фланг Баязед, уже изрядно потрепанный.

Однако центр османской армии, сгруппировавшийся вокруг султана, и янычары держались стойко. Принц Хусейн, снова обретший милость Темура после своего предательства под Дамаском, жаждал доказать свою преданность дяде. Он ввел в дело лучший конный отряд, который стремительно пробился к рядам янычар, но те тут же уничтожили смельчаков, осыпав их градом стрел.

В этот момент Мохаммед, самый храбрый сын султана, осуществил такую мощную контратаку против правого крыла противника, что наступление задохнулось. Хрупкое равновесие установилось между двумя армиями, и было невозможно предсказать, кто окажется победителем.

Обычная тактика Великого эмира заключалась в учете всех факторов: силы противника не были истощены отражением атаки авангарда, зато Баязеду, чтобы компенсировать дезертирство туркменов, спасти левый фланг от уничтожения и заблокировать наступление правого фланга Темура, пришлось бросить в бой все резервы, между тем как резервы его противника оставались неиспользованными. Солдаты сражались с небывалым ожесточением. В этой братоубийственной схватке в полной мере проявилась храбрость османов.

Однако у Темура было большое превосходство в силе. У него были пушки, которыми Баязед, видимо, никогда не пользовался. Темур привел из Индии слонов, с высоты которых его воины швыряли в солдат Баязед горящую жидкость.

К полудню Темур решил, что наступает решающий момент. Он бросил все свои войска вперед, а своему внуку Мухаммаду поручил заняться центром турецкой армии, дав ему лучшие эскадроны, недавно прибывшие из Самарканда. Османы уступали на всех позициях, их центр раскололся на несколько частей, которые отчаянно сражались до полного уничтожения.

Множество турецких солдат покинули поле боя, когда увидели, что высшие офицеры сбежали вместе с наследником трона, но большая часть погибла с оружием в руках. Сербы, выделявшиеся черными доспехами, сражались настолько отважно, что заслужили восхищение Темура.

Баязед отчаянно отбивался вместе со своими янычарами, которые героически гибли, защищая его. С несколькими, оставшимися в живых, он захватил холм и держал там оборону до вечера. Только после гибели последних янычар султан согласился сесть на коня, дабы укрыться бегством. Но далеко он не ушел – его настиг Махмуд-хан, фиктивный суверен империи Темура, и взял в плен вместе с двумя сыновьями.

Уже была ночь, когда несчастного султана, израненного, в грязной одежде, привели в шатер победителя. Темур прервал шахматную партию и сказал пленнику несколько вежливых слов. Он заверил его, что ему и его сыновьям ничего не грозит, и добавил:

«Известно, как ты бы поступил со мной и моей армией, если бы Аллах дал тебе сегодня победу».

Темур оказал редкую милость побежденным, ведь он разбил врага, чья слава не уступала его собственной. Эту победу можно сравнить с победой Македонского над Дарием, Наполеона над Фридрихом Великим.

Великий Завоеватель мог позволить себе благородство после такой убедительной победы, без сомнения самой престижной за всю его карьеру полководца.

Баязед Молниеносный в один день потерял свободу, армию и империю. Его поместили в удобный шатер под охраной эмиров. Чтобы обеспечить безопасную перевозку столь знатного пленника, который проявлял признаки беспокойства, Темур приказал посадить его на носилки, оборудованные прочными прутьями и напоминавшие клетку, которую поставили на спину верблюда. Этот способ перевозки породил легенду о железной клетке, о которой так часто писали восточные и западные авторы. По их версии, Темур держал Баязеда в клетке и кормил его сырым мясом через решетку. Кроме того, некоторые пишут, что Баязед служил подставкой для победителя, когда тот садился на коня, и что его вели, как привязанного быка, за императорским кортежем. В действительности же Темур относился к Баязеду с почтением, но держал его под строгим наблюдением.

На следующий день Темур подошел к Анкаре, которая тут же капитулировала. Он дал аудиенцию знатным гражданам и утвердил сумму выкупа, которую должны были заплатить жители города.

Два посланника испанского короля в Малой Азии, Пайо Гомес де Сотомайор и Эрнан Санчес де Паласуэлос, которые находились в крепости во время сражения, пришли поздравить Великого Завоевателя с победой от имени своего повелителя.

Желая объявить всей Европе о своей победе над Баязедом, Великий эмир разрешил им вернуться в Испанию и послал вместе с ними своего гонца, который должен был передать королю Испании письмо и подарок: трех юных и знатных пленниц-христианок из гарема Баязеда.

Этим жестом, одновременно дипломатическим и галантным, Темур хотел заверить европейских монархов в том, что собирается поддерживать с ними взаимные добрые отношения, которые начались перед битвой при Анкаре, потому как опасался, что победа над османами обеспокоит европейцев в продолжение его западных завоеваний.

Перед тем как покинуть Анкару, Темур послал войска во все районы Малой Азии, чтобы закрепить победу, сломив огнем и мечом любое сопротивление, собрав военную добычу и освободив от власти Баязеда туркменские государства. Его чиновники составили реляции о победе под Анкарой и покорении Османской империи, разослав их по всем провинциям империи.

Из Анкары он двинулся в Кутахью, где находился почти месяц. Согласно историкам, это был «великолепный город, как в смысле внешнего вида, так и по качеству его плодов, красоты домов и количеству фонтанов... Он устроил там роскошные празднества и пригласил на них самых красивых женщин своего двора; там подавали изысканные вина Азии, а музыканты показывали чудеса своего искусства».

В это время отряды, отправленные в Анатолию, собрали огромную добычу.

По этому поводу историк пишет, что «самый последний солдат стал богачом благодаря награбленному добру, а тот, у кого не было ничего, кроме лошади, оказался владельцем нескольких табунов; все воины возблагодарили Аллаха, который сделал их такими богатыми».

Темур поручил Мухаммаду Султану захватить Сулеймана, старшего сына Баязеда, прежде чем тот доберется до Бурсы, где его отец хранил свои сокровища.

Во главе тридцати тысяч отборных всадников Мухаммад Султан дошел до Бурсы форсированным маршем за пять дней, оставшись только с четырьмя тысячами после столь стремительного и изнурительного перехода, но Сулейман все-таки успел скрыться, захватив часть казны отца.

Впрочем, победителям осталось достаточно добычи, чтобы нагрузить караван из 2 тыс. верблюдов, который пришел в Кутахью, где остановился Темур. Среди доставленных богатств находилась одна реликвия – знаменитый Коран в переплете из кожи газели, который читал халиф Осман в момент, когда его убили.

Ученые и теологи, взятые в плен в Бурсе, были отпущены на свободу, причем Великий эмир дал им денег и провизию.

В гареме Баязеда осталась его любимая жена, прекрасная принцесса-сербка Оливера, которую Темур отправил к ее супругу, своему знатному пленнику, после того как она приняла ислам.

В отношении христиан, которые не принадлежали населению его империи, он проявил удивительное благородство. Но надо отметить, что генуэзцы и венецианцы, а также византийские греки, перестали пользоваться прежней свободой в торговых делах.

Европейцы, опасавшиеся, что Темур продолжит свои завоевания на запад, успокоились, когда увидели, что он и не думает переходить через пролив, где все еще стояли генуэзские и венецианские корабли, которые должны были препятствовать бегству османов.

Первыми драматическим положением беглецов из армии Баязеда воспользовались генуэзские моряки. Они согласились перевезти османов на другой берег за огромные деньги. Несколько генуэзских капитанов даже утопили «человеческий груз» недалеко от берега, чтобы скорее вернуться за новыми «клиентами».

Затем примеру генуэзцев последовали венецианские корабли и даже византийцы, не желавшие упустить столь «выгодное дело». Таким образом, большое количество османских солдат и придворных Баязеда добрались до европейского берега; среди них был и принц Сулейман, старший сын султана, который в обмен за свое спасение заключил договор о союзе с Византией.

Действуя таким образом, византийцы, генуэзцы и венецианцы своими руками рыли себе могилу: они упускали беспрецедентный шанс, который предоставила им фортуна в лице Темура, т. е. спасали тех, кто в скором будущем погубит их же самих.

По причине слепоты, алчности и политической недалекости этих европейцев Османская империя вскоре после ухода Темура восстановила свое могущество. И взятие Константинополя будет реваншем тех, кто потерпел поражение под Анкарой, и их мстью недалеким «союзникам» Великого эмира.

Удивительно, что Темур, который, без сомнения, был осведомлен о поведении европейских и византийских моряков в проливе, ничего не предпринял, чтобы положить конец таким нечестным действиям. Он смотрел на это предательство сквозь пальцы.

Так, например, он доброжелательно принял генуэзскую делегацию, которая привезла в Кутахью богатые подарки и вела с ним переговоры о сумме налога, который отныне должен был платить «базелиус» Мануэль, который все еще находился в Европе и выпрашивал деньги у христианских королей.

Но Темур не хотел, чтобы мусульмане его империи упрекали его в разрушении исламской державы, которая вела войну с «неверными», и спланировал гениальный отвлекающий маневр. Этим маневром было взятие Смирны, владения рыцарей Родоса, европейского анклава в Анатолии, которая выдержала осаду Мурада, затем самого Баязеда, благодаря выгодному географическому положению.

Эта крепость, защищенная высокими толстыми стенами, стояла на берегу, прилегая к морю, а перед ней был вырыт глубокий ров и построена мощная стена. При ней имелась внутренняя гавань, так что она могла получать помощь морем.

2 декабря 1402 г. Темур появился перед Смирной и предложил рыцарям сдаться, обещав сохранить им жизнь, если они обратятся в ислам.

После категорического отказа он сосредоточил там все имевшиеся у него войска. Взятие Смирны доказывает, насколько Темур был искусен в осаде и штурме крепостей: османы топтались у Смирны десять лет, а он достиг успеха за несколько дней.

Его саперы начали со строительства моста через ров, затем разрушили внешнюю стену

и вышли к укреплениям. Они разрушили их в основании, используя пики, рычаги, огонь, горящее масло, холодную воду и даже уксус.

Чтобы защититься от снарядов осажденных, они придумали передвижные ограждения, которые постоянно пропитывались уксусом, что делало их несгораемыми.

Но самое замечательное в этой осаде – строительство огромного деревянного настила в море, который превратил в «сушу» часть города, обращенную к морю, так что ни один корабль не мог войти в гавань или выйти из нее.

С этого настила солдаты стали с небывалым остервенением пробивать бреши в стенах. Лучшие лучники Великого эмира вели обстрел осажденных, которые пытались помешать разрушению стен. Темур отдал приказ поджечь громадные бревна, поддерживающие стены. Когда они обрушились, начался массовый штурм.

Население и гарнизон были уничтожены, после чего победители снесли укрепления и подожгли город. Корабли, пришедшие на помощь Смирне, были вынуждены отступить под градом снарядов, выпущенных из катапулт.

Несмотря на эту акцию против христиан, Великий Завоеватель получал благодарности и предложения о союзе от многих европейских монархов.

После посланий от короля Испании он получил аналогичные письма от Карла V, французского короля; Генриха IV, короля Англии; и Мануэля, императора Византии. Император Трапезунта стал его вассалом так же, как и его давний соперник, египетский султан, который направил своего посланника с письмом, где давалось обещание чеканить монеты и воздавать молитвы в честь победителя во всех городах Сирии и Египта.

Эта блестящая победа, по всеобщему признанию, сделала пребывание Великого эмира у ворот в Европу ненужным. Он считал, что судьба зовет его дальше, на восток, к этому «нечестивому» Китаю Миня, где толпы язычников только и ждут «огня и меча», чтобы обратиться в истинную веру.

Несмотря на поспешность, какую он обычно проявлял после каждого завоевательного похода, как бы чувствуя неумолимый бег времени, он предпринял меры, дабы не потерять плоды своей победы: восстановил эмиров и принцев, свергнутых Баязедом, и спровоцировал вражду между сыновьями султана за обладание османской императорской короной.

Он даже подумывал отдать Анатолию своему знатному пленнику в обмен на выкуп и договор о вассальности, но Баязед умер 9 марта 1403 г. в результате болезни, несмотря на то, что у его постели находились лучшие османские и персидские врачи.

Баязед был побежден, потому что преждевременно и не имея соответствующих ресурсов, встал на путь расширения империи в мусульманском мире, стремясь следовать распространяющимся на весь мир завоевательским тенденциям ислама. Таким образом, Баязед на свою погибель вступил в конфликт с мировой империей Темура, который в то время желал всего лишь мирного сосуществования с Османской империей. И в этой войне между двумя великими тюркскими империями далеко не последнюю роль сыграли интриги Византии в возможно мирных отношениях между Темуром и Баязедом.

Темур, опечаленный смертью Баязеда и, очевидно, испытывающий что-то похожее на угрызения совести, устроил ему роскошное погребение в Бурсе, в мечети, которая носит имя Великого султана.

Последующий траур тяжело отразился на Великом эмире, будто Молниеносный уносил с собой в могилу тех, кого Темур любил больше всего на свете.

Первым стал Махмуд-хан, принц-чингисид, номинальный властитель Самарканда, назначенный Темуром, который скончался после кратковременной болезни. Это был верный и преданный его сподвижник; Темур, называвший себя его генералом, проливал слезы над его бездыханным телом.

Самый тяжелый удар случился 13 марта 1403 г.: Мухаммада Султана, его любимого внука, наследника трона, за несколько часов унесла болезнь в возрасте 29 лет, несмотря на отчаянные молитвы деда и усилия самых известных врачей.

На этот раз старый и суровый Завоеватель потерял контроль над собой: историки

сообщают, что «он сошел с трона, разорвал на себе одежды и бросился на землю, издавая странные стоны». Может быть, Тему́р предчувствовал, что эта смерть является предвестником краха дела его жизни?

Мухаммад Султан действительно был лучшим из наследников, который мог бы в дальнейшем объединить единомышленников и спасти империю.

Историки сообщают, что Мухаммад Султан, сын первенца Темура, Джахангира, и принцессы Шумерзан, самой красивой женщины своего времени, был известным и уважаемым членом темуридского семейства, когда ему еще не было и 20 лет от роду. Они пишут, что Тему́р видел в нем признаки твердого и благородного характера и считал, что ему нет в этом смысле равных среди остальных сыновей и внуков. Поэтому он и назначил его своим преемником. Даже враги Великого эмира восхищались отвагой и благородством юного принца.

По всей империи был объявлен большой траур. Били барабаны, эмблема полководца, принадлежавшая покойному, лежала вместе с ним в гробу из ценного дерева, который эскортировали две сотни элитных всадников под командой семи эмиров; кортеж направился в Самарканд, правителем которого был покойный.

После молитв, продолжавшихся несколько дней, Великий Завоеватель вновь приступил к командованию армией, но было заметно, что «с этого дня в нем произошла большая перемена, и он стал совсем другим».

Он покинул Анатолию и пошел на восток через Конию, Кайзери, Сивас, Эрзинджан и Эрзерум. Позади лежала разгромленная Османская империя, которую он не стал присоединять к своим владениям. Его задача состояла в том, чтобы вывести из строя опасного соперника, успехи которого могли привести к образованию мощной коалиции против него. Теперь западные границы империи Темура на севере примыкали к Грузии и Армении, в центре и на юге – к Ирану.

Примечательно, что он увел с собой племена карататар, которые жили в Анатолии, чтобы расселить их в Хорасане вместе с другими подданными империи.

Между тем вмешательство Темура в судьбы Малой Азии привело к глубоким изменениям в истории этой части света. Когда Баязед был на вершине могущества, ему должен был сдаться Константинополь, а восточные европейцы, ослабленные и раздробленные, не смогли бы сопротивляться османам, усиленным конницей с востока. Победа Великого эмира при Анкаре спасла то, что осталось от Византии на целых полвека; она вызвала кардинальные перемены в завоевательной политике Османской империи, которая, отрезанная от Азии своим поражением, снова оказалась вынужденной обратиться к Европе. Но когда эта империя вновь восстановила свои силы за счет необычной жизнестойкости, она столкнулась уже с более сильной Европой, готовой дать отпор.

Битва под Анкарой со всей очевидностью продемонстрировала слабость христианского Запада. Впервые за несколько веков судьба Европы решалась за пределами Европы, в соперничестве двух тюркских держав. Христианство оставалось пассивным перед лицом великой драмы, в которой столкнулись Баязед и Тему́р. Решался вопрос, кто будет владеть Балканами. Решалась судьба Константинополя. Два Полумесяца сошлись в этой битве, а христианский мир даже не имел возможности сделать выбор между двумя силами, которые оспаривали друг у друга мировое господство.

Возвращение в Самарканд. Поход в Китай. Смерть Амира Темура

Весной 1404 г. Тему́р наконец двинулся в обратный путь, жестоко усмиряя непокорных и наказывая государственных чиновников за злоупотребления, воровство и угнетение подвластных им людей.

Он прошел через Термез и Кеш и вернулся в Самарканд летом 1404 г. Итак, семилетний поход был завершен.

Сразу по возвращении он посетил медресе Мухаммада Султана, где покоились останки

его внука до окончания строительства великолепной мечети, которая должна была принять их.

Затем он вышел в город и объявил, что хочет воздать должное жителям Самарканда. С этой целью он назначил суды над нерадивыми чиновниками и нечестными торговцами, которые воспользовались его отсутствием для своих корыстных дел.

Следствием руководил сам Темур; он приказывал арестовывать, допрашивать, пытать и строго наказывать виновных, невзирая на их богатство, положение или родственные связи. Вероятно, в его глазах их главная вина заключалась в том, что они усомнились в предназначении их властителя, втайне надеясь, что он потерпит поражение от Баязеда, в противном случае они никогда не осмелились бы злоупотреблять. В то же время он чествовал и щедро награждал тех, кто честно служил ему в течение этих лет.

В перерывах между судами, государственными делами по реорганизации системы власти и подготовкой к самому крупному курултаю, какой когда-либо проводился в Самарканде, Великий эмир предавался любимому занятию – украшению столицы новыми зданиями и садами. Чтобы держать в форме офицеров и солдат, он заставил их непосредственно участвовать в грандиозном строительстве. Хотя воины вернулись с богатой добычей, они продолжали служить своему повелителю в мирных трудах с тем же усердием, что и в боях.

По его велению армия полностью разрушила и заново отстроила главную улицу Самарканда, включая дома и лавочки, стоявшие на ней, чтобы расширить проезжую часть. Причем все это было сделано за один день и одну ночь.

Великого эмира часто видели на гигантской строительной площадке: он брал и награждал архитекторов и мастеров.

Послы из Московии, Византии, Индии, Монголии, Египта и многих других стран замирали в восхищении при виде архитектурных красот столицы.

Однажды Темур принимал в своем дворце Баг-и Дилкуша шевалье Руи Гонсалеса де Клавихо и его спутника, брата Алонсо Паэза, доминиканского монаха, – посланцев короля Испании, который отправил их в Самарканд поблагодарить Темура за то, что тот прислал к нему миссию с подарками.

Клавихо и брат Алонсо присутствовали на большом празднике при дворе, когда Великий эмир унизил представителя китайского императора за то, что тот сел выше, чем испанские послы. Испанцы преподнесли властителю подарки от своего монарха: богатые, изысканной работы ковры своей страны и яркие ткани. Придворных поразили столь богатые дары, которые Темур тут же раздал своим довольным женам.

Затем испанские послы участвовали в празднествах, по-восточному помпезных и вместе с тем, по их понятию, варварских, о которых Клавихо рассказывает в своем путевом дневнике.

Хотя послы короля Генриха не считались важными персонами (действительно, чем была маленькая Европа в те времена?), они упомянуты в истории в связи с одним большим пиршеством: «Были приглашены европейские послы и даже получили право на угощение, потому что в море есть место и маленьким рыбкам».

Осень 1404 г. – апофеоз царствования Темура, которому было уже 69 лет, но он, вместо того чтобы спокойно наслаждаться плодами своих побед, думал о покорении Китая.

Для этого у него имелись две причины. Во-первых, он хотел разорвать вассальные узы, какими бы слабыми они ни были, но, тем не менее, они связывали его с китайским императором, и, во-вторых, объявив «священную войну», обратиться в ислам китайцев и получить у Всевышнего прощение за свои грехи.

Что касается перелома в сознании Великого эмира, историк сообщает, что тот обратился к Богу с такой молитвой: «Сам по себе я ничего не значу: это Ты сделал из ничтожного принца самого могущественного властителя мира. Я установил порядок среди моих подданных, и сегодня любой человек, несущий на голове серебряную корзину, полную золотых монет, может без боязни пройти по всей моей империи. Но покорение царств было

сопряжено с жестокостями, убийствами, взятием пленных, пытками и пожарами; чтобы стереть эти чудовищные и неизбежные следы наших побед, ставшие нашими грехами и нашими преступлениями, я обязуюсь обратить в истинную веру язычников Китая и свергнуть их идолов. Я возьму с собой солдат, которые были орудием моих прегрешений, чтобы теперь они стали средством моего покаяния».

Однако моральный аспект его предприятия не мешал ему забыть о суверенности Китая над Самаркандом, предыстория которого такова.

После того как Чингисхан покорил Азию, Мавераннахр оказался под властью Чагатая, одного из его сыновей. Позже, когда империя раскололась на отдельные царства, великий Хубилай, внук Чингисхана, взошел на трон Китая, завоеванного тюрко-монголами, и ханство Чагатая стало платить ему дань. С тех пор правители Самарканда регулярно оказывали почести монгольскому хану Китая и его наследникам.

В XIV в. чингисидов прогнало из Китая народное восстание под руководством Минь-Хонг-Ву, который сел на трон и потребовал от правителя Мавераннахра, в данном случае от Темура, оказывать ему почести, полагающиеся сюзерену в Пекине.

Будучи связан обязательствами и опасаясь конфликта между Китаем и Мавераннахром, Великий эмир согласился на такое положение.

После того как он арестовал, посадил в тюрьму, затем отпустил в 1385 г. двух посланников императора Миня, он ограничился тем, что один раз в два или три года посылал ему подарки, которые с натяжкой могли считаться данью.

Сын Неба не питал на сей счет никаких иллюзий и в 1395 г. послал к Темуру человека с благодарностью за все подарки.

Но его преемник Йонг-Ло без обиняков потребовал возобновить выплату дани, положенной ему как сюзерену. Однако момент был выбран неудачно, и это свидетельствовало о том, что Йонг-Ло был недалеким политиком, так как в это время Темур находился на вершине славы, устранив всех своих соперников и мобилизуясь на новый поход. Преклонный возраст Темура, на что делал ставку китайский император, напротив, заставлял его торопиться, отбросив все восточные куртуазности, на которые втайне надеялись китайцы.

В то время, когда войска, собранные со всех провинций империи, одетые в разношерстные одежды и говорившие на разных языках, прибывали в окрестности Самарканда и пока для них готовили снаряжение и новое вооружение, Великий Завоеватель знакомился с огромной подробной документацией о регионах, дорогах, климате, ресурсах и силах стран, которые надо было пройти на пути в Китай.

Темур предпринимал и провоцирующие шаги, которые были преддверием войны: он унизил китайских послов в присутствии посланцев испанского короля. Одним словом, вопрос о походе в Китай был для Великого эмира решенным.

Но прежде чем отправиться в поход, который – и он это знал – будет для него последним, Темур решил женить своих внуков, пригласив на это торжество всех знатных людей своей империи. Таким образом, перед неизбежной смертью Темур хотел собрать и сплотить силы империи вокруг своей династии.

В течение нескольких недель продолжались праздники, превосходящие один другого в помпезности, на которых присутствовали цари, принцы, правители провинций и городов, офицеры, послы и представители всех частей империи и соседних государств.

Все жители Самарканда были приглашены на торжества. Историк сообщает, что Темур произнес перед началом такую речь: «Забудьте о своих делах, вымойте руки, наденьте самые лучшие одежды и приготовьтесь веселиться. Я приказываю всем людям, простым и могущественным, богатым и бедным, не чинить никому неприятностей и запрещаю обнажать саблю. Собирайтесь в садах города, где вам в изобилии подадут напитки и яства».

С каждым днем приглашенных становилось все больше, и размах празднеств возрастал с каждым днем.

В один из дней, когда веселье было в самом разгаре, глашатаи Темура объявили, что

настал час правосудия. Прекратился смех. На большой площадке между шатрами палачи уже поставили несколько виселиц. Приговоры Темура были суровые и приводились в исполнение немедленно. Свидетельства историков: «Он начал суд над своим главным визирем, который управлял Самаркандом во время его отсутствия: этого известного во всей империи чиновника обвинили в плохом исполнении своих обязанностей и тут же повесили. Та же участь постигла нескольких других чиновников, обвиненных в казнокрадстве; перед казнью некоторых из них пытали, чтобы они признались, где спрятали наворованное. Затем Темур взялся за лавочников и торговцев, которые обогатились на спекуляциях или слишком дорого продавали продукты питания: некоторым перерезали горло, у других конфисковали имущество».

По окончании свадебных торжеств Великий эмир вышел к людям со своим внуком Пир Мухаммадом, братом покойного Мухаммада Султана. Отправляя его в Кабул, он назвал его своим наследником перед всеми эмирами.

На следующий день было объявлено, что время веселья закончилось. Теперь каждый должен был вернуться к своим делам и забыть о вине.

27 ноября 1404 г. армия была готова к вторжению в Китай. 200 тыс. всадников из Мавераннахра, Туркестана, Хорасана, Ирана, монгольских орд выстроились позади большого императорского черного штандарта с серебряным драконом, готовые идти за ним, несмотря на начинающуюся суровую зиму.

Китайская кампания обещала быть более трудной, чем покорение Индии и Сирии, учитывая военную мощь императора Йонг-Ло и разношерстность армии Темура. Эти эскадроны он формировал из покоренного населения – сирийцев, афганцев, персов, тюрко-монголов Мавераннахра, переселенцев из Золотой и Белой Орд. Воля и энергия полководца обеспечили железную дисциплину в войсках, хотя их преданность оставалась под сомнением. Личный авторитет Темура, его отвага в бою, щедрость и тот факт, что при необходимости он мог спать на земле и делить пищу с солдатами, завоевали ему их преданность, но в случае его смерти вряд ли они так же верно служили бы другому.

Историки насчитывают 200 тыс. всадников в качестве ударной силы, которая ждала приказа в шатрах вокруг крепости Отрар, где находился со своими эмирами и военачальниками и разрабатывал план кампании Темур. Поход был сопряжен с большими трудностями. Для того чтобы дойти до китайской границы, надо было пройти через горные хребты и форсировать мощные реки, и прежде всего Сырдарью. Чтобы перейти реки ценой меньших потерь, Темур решил начать поход в середине зимы, когда они замерзнут. Кроме того, он рассчитывал застать Сына Неба врасплох, потому как тот не ожидал, что враг начнет войну в таких неблагоприятных погодных и климатических условиях.

Чтобы нагляднее продемонстрировать солдатам волю к победе и законность своих прав на китайскую корону, Темур приказал изготовить штандарты с золотым драконом. Он также ввел униформу для разных отрядов, чтобы солдатам было легче узнавать своих в пылу сражения, чем придал армии большую организованность, отличавшую ее от монгольских орд в разношерстных одеждах, увешанных драгоценностями и мехами. Несколько эскадронов были экипированы в красную униформу, другие были одеты во все желтое, третьи – в белое. Разными были и доспехи: некоторые отряды – в кирасах, другие – в кольчугах. Но труднее всего было придать общий дух стремления к победе этой массе, собравшейся со всех уголков империи под командованием эмиров, которые с трудом мирились с униженной необходимостью подчиниться главному командующему. Нужна была строгость, чтобы усмирить строптивых и предотвратить стычки, которые часто возникали среди вассалов.

Темур уже был серьезно болен, когда вышел из Самарканда, но он скрывал болезнь, о которой знали только самые близкие, и продолжал лично следить за всеми деталями подготовки к войне против Китая. В Отраре ему пришлось остановиться. Исключительно суровая зима мешала дальнейшему продвижению. Лошади и всадники буквально умирали от холода, хотя были привычны к суровым степным условиям. Однако ни разу не поднимался

вопрос о возвращении. Когда Темуру сообщали, что высота снежного покрова в горах достигает длины двух пик, он отвечал, что надо покорить горы. Великий эмир веровал в то, что если не успеет что-то сделать он сам, завершат его преемники. Завоевание Китая следовало осуществлять методично и упорно, даже если ему придется уступить командование более молодым военачальникам.

Когда Темур почувствовал приближение смерти, он хотел скрыть это от солдат, но они настолько привыкли видеть его в седле, что факт смерти было бы скрыть невозможно. Поэтому он решил передать власть своему наследнику, который будет одновременно главой государства и командующим армией.

Как сказано выше, своим преемником Темур назначил Пира Мухаммада, в котором он видел добродетели и достоинства своего старшего сына Джахангира, умершего несколько лет назад. Итак, Темур потребовал от эмиров клятву верности наследнику империи. После чего он собрал членов своей семьи и наказал им хранить единство, чтобы сообща выполнить его завет. Некоторые из близких принялись оплакивать его, но он строго запретил плач.

История сохранила последние слова, с которыми он обратился к присутствующим, собравшимся у его смертного одра: «Не надо ни слез, ни сожалений, когда я умру, потому что нет смысла плакать. Смерть никогда не боялась ни слез, ни стенаний. Вместо того чтобы бегать, как безумные, раздирая на себе одежды, просите Аллаха о том, чтобы Он был снисходителен ко мне, и молитесь о том, чтобы Он спас мою душу в день Страшного суда. Действуйте сообща, на благо единства империи». Если верить Ибн Арабшаху, в его последние минуты на дворе бушевала буря и «жалобно завывал ветер».

Созданная Великим эмиром империя должна была оставаться прочной и могущественной, его наследники должны были действовать сообща на благо единства и сплочения, – лишь это беспокоило его в последние минуты жизни. Однако в реалии все они напоминали лоскутное одеяло, а сам он был терпеливым портным, который знал, насколько непрочна ткань. Даже в день смерти, на рассвете 18 февраля 1405 г., Темур с беспокойством размышлял о непрочности своих владений и об отсутствии среди наследников человека, который мог бы продолжить его дело и поддержать мощь воздвигнутого им величественного сооружения.

К 18 часам вечера он испустил ужасный стон, пробормотав: «Нет Аллаха, кроме Аллаха», – и умер.

По примеру Чингисхана, перед смертью Амир Темур разделил империю среди своих наследников. Шахруху, которого он любил больше других, единственного, кого считал способным продолжить его дело (но, к сожалению, как отсутствующего в момент смерти, по причине подавления бунта в Хорасане, не мог назначить наследником престола), он передал Хорасан. Внукам от второго сына, Умаршайху, он доверил наследие их отца в персидских провинциях. Мироншах, третий сын, был жив, но почти впал в безумие и находился под опекой своего сына Омара Мирзы, который от его имени правил Западным Ираном. Таковой была воля Великого эмира относительно своих наследников.

Гроб с телом Амира Темура был отправлен в Самарканд ночью. По рассказу анонимного автора, останки надушили благовониями, розовой водой, мускусом и камфорой, гроб поставили на носилки, украшенные драгоценными камнями и жемчугом. Отвезти тело было поручено Ходже Юсуфу, по всей вероятности, по пути он должен был делать вид, что везет одну из жен или наложниц Темура, отправленную обратно в Самарканд. Женам и детям было предложено, «согласно требованию шариата и рассудка», не надевать траурных одежд. Через день после отправления носилок в Самарканд направились и царицы.

Ходжа Юсуф прибыл в Самарканд гораздо раньше цариц, по словам Йезди, уже в понедельник, 23 февраля, хотя, если принимать во внимание расстояние между Оттаром и Самаркандом, едва ли это возможно. Тело в ту же ночь, очевидно тайно, было опущено в склеп, причем были выполнены только религиозные обряды. Место погребения названо у Йезди «куполом гробницы».

Однако ко времени прибытия цариц факт смерти Темура был уже всем известен. После

некоторых переговоров жены Темура были впущены в город; «царевичам и военачальникам было отказано в этом до решения вопроса о престолонаследии. Царицы и немногие бывшие с ними царевичи остановились в ханаке Мухаммада Султана, где был погребен и Темур. Вместе с царевнами и другими знатными женщинами они выполнили обычные у кочевников траурные обряды: обнажили головы и расцарапали и почернили лица, рвали на себе волосы, бросались на землю и посыпали головы прахом, накрывали шею войлоком. При этом присутствовали в траурных одеждах бывшие в городе царевичи и вельможи, даже представители ислама, как шейх ал-ислама Абд ал-Эввель и Ислам ад-Дин; все базарные лавки были закрыты».

Печальные обряды были совершены еще раз, с большею торжественностью, после захвата престола Халилом Султаном, внуком Темура, занявшего город ровно через месяц после смерти Великого эмира, 18 марта. На этот раз в обрядах принимали участие в черных траурных одеждах «не только царицы, царевичи, вельможи и должностные лица, но и все население города».

Из обрядов говорится только о чтении Корана, раздаче милостыни и угощения. Ибн Арабшах сообщает некоторые сведения о внутреннем убранстве мавзолея: «На могилу Темура были положены его одежды, по стенам были развешаны предметы его вооружения и утвари; все это было украшено драгоценными камнями и позолотой; цена ничтожнейшего из этих предметов равнялась подати целого округа. С потолка, подобно звездам на небе, висели золотые и серебряные люстры; одна из золотых люстр весила 4000 мискалей (золотников). Пол был покрыт шелковыми и бархатными коврами; тело через некоторое время было переложено в стальной гроб, приготовленный искусным мастером из Шираза. К гробнице были приставлены, с определенным жалованьем, чтецы Корана и служители, к медресе – привратники и сторожа. Могила вызывала такое благоговение, что перед ней совершались молитвы и произносились обеты; из уважения к ней князья, проезжавшие мимо, склоняли головы и даже спешивались».

Не соответствующее правилам ислама убранство мавзолея было удалено только после занятия Самарканда Шахрухом, что произошло в мае 1409 г. По рассказу Ибн Арабшаха, Шахрух, посетив могилу своего отца, вновь совершил траурные обряды, утвердил приставленных к мавзолею чтецов Корана, сторожей и служителей, но велел убрать и передать в казну находившиеся в гробнице предметы одежды, утвари и вооружения.

С событиями 1409 г. и последующих лет связана, по всей вероятности, и другая перемена, о которой говорит Йезди, не определяя точно времени. Темур, всегда питавший искреннюю любовь к потомкам Пророка, будто бы выражал желание, чтобы его похоронили у подножия гробницы сейида Береке, его духовного наставника, поэтому «через некоторое время» гроб с телом сейида перенесли из Андхоя в Самарканд и похоронили в «куполообразной постройке, воздвигнутой Темуром, смежной с суфой упомянутой ханаки». Прах Великого эмира положили, согласно его желанию, у ног сейида и в ту же куполообразную постройку перенесли прах Мухаммада Султана.

На смертном одре Темур назначил наследником престола своего внука Пира Мухаммада Джахангира, но тот, являясь правителем Кандагара и Западной Индии, имел мало реальных шансов на престол. Пиру Мухаммаду было 29 лет, и доверенная ему власть над Афганистаном и Индией дала ему возможность проявить качества настоящего государственного деятеля.

Через месяц после смерти Амира Темура Великая империя начала распадаться. Сыновья и внуки Темура вместе с его ближайшими соратниками начали собирать войска для борьбы за власть, и эта борьба длилась пятнадцать последующих лет. Уже не было речи о покорении Китая, армия разделилась на враждующие части, во главе которых встали наиболее честолюбивые и алчные наследники. Сын Мироншаха, Халил, опередил соперников и, первым добравшись до Самарканда, овладел и городом, и короной, а затем предался безумным оргиям со своей любовницей. Пир Мухаммад пытался заявить о своих правах и выступил против него, но лишь в 1409 г. Халил Султан был низложен Шахрухом.

После чего сыновья и внуки поспешили еще больше раздробить империю Темура.

Вассалы подняли головы и объявили себя независимыми. Вчерашние поверженные торжественно возвратились в свои столицы, откуда их когда-то изгнал Великий Завоеватель: султан Ахмед Джелаир вернулся в Багдад, Кара Юсуф, правитель Черной Орды, захватил Азербайджан и овладел Табризом. Шахрух, единственный из темуридов, обладавший качествами вождя, терпеливо и настойчиво пытался восстановить империю отца. Он восстановил ядро империи, но без чужеземных государств, которые поделили между собой восставшие вассалы и внуки, объявившие их своими владениями.

Оказавшаяся более хрупкой, чем творение Чингисхана, империя Темура ненадолго пережила своего творца: союз развалился на части, и каждая из них продолжила свою собственную историю. При Шахрухе и его сыне Улугбеке, которые были людьми высокой культуры и изысканного вкуса, продолжала процветать Самаркандская цивилизация вплоть до того рокового дня, когда в 1449 г. тюрко-монголы хана Абулхайра разрушили город и весь Мавераннахр. От мощной империи степей, созданной Амиром Темуром, остались обломки: еще раз единение Азии, которое было его великой мечтой, как и мечтой Чингисхана, ускользнуло из рук гениального человека, осмелившегося осуществить ее.

Портрет Амира Темура в контексте своей эпохи

Имеется достаточно материала об Амуре Темуре в работах ученых и в биографии, написанной Ибн Арабшахом, чтобы составить физический портрет Великого Завоевателя. Это был человек крепкого телосложения и энергичный, несмотря на увечья, ростом 170 см (высокий рост для той эпохи), с широкими плечами, мощной шеей, массивной головой и суровыми чертами. Лицо, свидетельствующее, что его предки – тюрки и монголы: широкое, с выступающими скулами, плоский в основании нос, полные губы и небольшие раскосые глаза; у него была белая кожа, высокий лоб, а в его длинных усах и короткой бороде были перемешаны рыжие, черные, каштановые и седые волосы. Вполне возможно, что у Темура были предки-кочевники, принадлежавшие к индо-иранской группе или к первым ариям, которые жили у подножия Тянь-Шаня в непосредственном контакте с тюрками и монголами.

Если физический портрет Темура можно восстановить с достаточной степенью точности, то довольно сложно воссоздать личностный портрет Великого Завоевателя, дать объективные мотивировки его поступкам.

Сложно представить, каким образом в относительно короткий период с такими малыми начальными средствами Темур завоевал столько царств и сверг с трона столько знаменитых и могущественных монархов, если исключить то значение, какое имела для его войск Яса, если забыть юридические основы, на которых он строил свою империю, – «Уложение», суть принципов его геополитики и стратегии, сравнимое лишь со знаменитым Кодексом Наполеона. Яса Чингисхана, одинаково распространяющаяся как на гражданское население, так и на армию, была введена в действие в 1206 г. на ежегодном собрании всех предводителей – курултае. Она равно касалась и монголов, и покоренных, и подданных народов. Этим сводом законов восхищались впоследствии западные историки.

Придя к власти примерно через 150 лет после провозглашения монгольской Ясы и оказавшись властителем совокупности составных государств, организованных иначе, чем империя Чингисхана, Темур решил сохранить этот свод законов. Одно из важнейших достоинств Ясы заключалось в том, чтобы держать всадника в боевой форме, чтобы он слезал с седла только для короткого отдыха, чтобы в любую погоду, в любой час дня и ночи был готов отправиться в поход по первому зову трубы и барабана.

Из всех юридических систем, придуманных вождями народов, дабы держать подданных в активном повиновении, Яса, несомненно, одна из самых мудрых.

Однако такое уважение к законности Ясы приводило к определенным парадоксам. Например, в 1388 г. в возрасте 33 лет, имея уже большую власть, Темур носил всего-навсего титул «керген», т. е. Величественный, так же как Лоран де Медичи назывался

Великолепный, и имел при себе настоящего чингисида, который пользовался подобающим хану почетом, носил высший титул, довольствовался роскошными одежаниями, оружием и участием в официальных церемониях, на которых его титул давал ему право самого почетного места, но не более того.

У Темура хватило мудрости не прерывать наследственную цепочку, установленную Чингисханом, и не лишать короны тех наследников, которым курултай дал титул хана. Он осыпал почестями тех призрачных суверенов, чье присутствие было ему необходимо как гарантия юридического принципа и не беспокоило его: Кабул-хан, затем Суюргатмыш и Махмуд-хан, которые подписывали законы и декреты и принимали подобающие почести от подданных и иностранных представителей. Официальный хан жил в Самарканде в прекрасном дворце и сопровождал Темура в его походах, тем самым как бы освящая их своим присутствием. Игнорируя мнение призрачного монарха, Темур действовал сам, по своему усмотрению, но от имени «игрушечного короля», которого никогда и не думал свергать, чтобы присвоить себе этот пустой титул, поскольку имел в своих руках всю полноту власти.

Если Аттила и Чингисхан даже на вершине своего могущества и славы оставались кочевниками, будучи убеждены в превосходстве колесниц, повозок, войлочных юрт над дворцами из камня и мрамора; если они правили покоренными империями, не слезая с лошади, то Темур сочетал в себе и осуществлял в своей внешней и внутренней политике принципы кочевников и оседлых людей.

У него не было цинизма, присущего Аттиле, – беспричинной ненависти кочевника, который ненавидит и, более того, презирает оседлых людей. К примеру, Чингисхан перед походом в Китай подумывал о том, чтобы истребить народ земледельцев, бесполезный, по его мнению, так как только занимал земли, которые могли бы служить пастбищами. Темур был более мудр, поскольку в своих отношениях с государствами древней культуры он являлся султаном Самарканда, самой красивой и богатой столицы Азии, покровителем литературы и искусства, который осыпал поэтов и историков дарами и собирал при своем дворе известных талантами людей, для менее цивилизованных народов, особенно монголов и тюрков, у которых кочевой образ жизни сидел в крови, он – «господин шатров», неутомимый завоеватель, который преодолевал территории от Урала до Персидского залива, от границ Китая до Дамаска и Трапезунда. Внедрять же в империи оседлых народов старую тюрко-монгольскую неупорядоченность и смотреть на население завоеванных стран как на низшие расы, предназначенные для того, чтобы признавать превосходства кочевников и подчиняться им, – это значило уважать обычаи предков. Несмотря на то что после смерти Чингисхана идеал чистого кочевника утратил свою былую привлекательность, тюркские и монгольские подданные не поняли бы своего господина, если бы он отличался от предшественников. Неупорядоченность отвечала двум основным потребностям всадника: постоянно менять место пребывания, чтобы избежать изнеженности, моральной и физической слабости, к которым приводит неподвижность, а также желание получить добычу. В этом отношении Темур должен был придерживаться обычаев своих предков.

Несомненно то, что цель Великого эмира состояла в насаждении своего порядка любой ценой, без малейшей жалости, которая могла подорвать его авторитет.

Если бы ему пришлось оправдываться перед современниками и потомками в своих жестокостях, Темур мог бы сказать, что между его народом и покоренными народами существует такая же естественная разница, какая имеет место между расой господ и толпой рабов или между свободными людьми и рабами, как в Греции. Все кочевые народы считали, что земледельцы отмечены печатью «низости». У кочевников Северной Африки шатер не должен касаться земли: земля удерживает и впитывает в себя все, что на ней находится; дистанция между основанием жилища и землей придает гордому арабу уверенность в том, что он как бы существует в пространстве.

Извечный конфликт между кочевником-скотоводом и оседлым земледельцем, которые оспаривают владение землей – один для того, чтобы пасти свои стада, другой – для своего

пропитания, – продолжается и на пороге XIV в. и определяет политику азиатских правителей, как это было в эпоху Чингисхана и Аттилы. В глазах этих завоевателей – и Темура не составляет исключения – земледелец, человек оседлый в силу необходимости и природы, является узурпатором, которого надо изгнать. Здесь сталкиваются два типа экономики, две политики и две идеологии, а также две концепции пространства. Между статикой и движением устанавливаются антагонистические отношения, основанные на двух противоположных подходах к пространству. Понятие богатства или могущества, конечно, также присутствует, но в истоках конфликта лежит жизненная философия, настолько глубоко связанная с наследием и традицией, что она кажется незыблемой в эпоху, когда над Европой всходит солнце Просвещения, а Исфахан, Дели, Багдад и Дамаск освещены светом высокой цивилизации.

Амир Темура неустанно напоминал, что распространяет на земле порядки и заповеди ислама, хотя он и его воины были весьма далеки от ортодоксального исламского правоверия, тем более фанатизма и догматизма. Ислам – религия, приспособленная к кочевым формам жизни и родившаяся в среде кочевых народов, точно соответствовала понятию «мирового пространства» тюрко-монголов. Она будто специально создана для них, так же, как и Яса. Таким образом, все способствовало поддержанию у подданных Темура уверенности в своей двойной избранности, поскольку они были одновременно кочевниками и мусульманами, и в праве собственности на землю, которую незаконно занимают «презренные недочеловеки», т. е. земледельцы.

В борьбе с последними хороши все средства, так как они не имеют права жить, уничтожение городов и всех жителей поголовно – это совсем не жестокость дикаря, а просто осуществление такого права. Отсюда вытекает очевидная разница в поступках Темура, когда он сталкивается с противником своей расы и своего ранга. Например, в борьбе с Золотой Ордой. Показательна его нерешительная политика в отношении Тохтамыша: Темура прощает ему неверность и даже предательство, а затем, когда война становится неизбежной, потому что Тохтамыш доводит конфликт до крайности, Темура завершает кампанию с присущей ему быстротой и твердостью, не оставляя врага в покое до тех пор, пока тот не оказывается разгромленным и рассеянным в холодных степях. В продолжение этой войны, утомительной и долгой, так как речь идет о борьбе между равными, кочевниками, он даже ведет себя по-рыцарски, что вовсе для него необычно. Во всех случаях, когда перед ним были равные соперники – во время установления своей власти в Мавераннахре и покорения кыпчаков, – Темура проявлял какую-то гуманность, потому что имел дело с достойными людьми, но за пределами Центральной Азии, завоевывая империи оседлых народов, правила ведения войны в корне менялись, так как перед ним были уже низшие расы, которые занимают своими крошечными зерновыми полями и виноградниками драгоценную землю.

Даже такого цивилизованного человека, как Темура, обладавшего культурой и вкусом и превосходящего в этом отношении Чингисхана и его потомков, не стоит обвинять в макиавеллизме и лицемерии, когда он поступает с оседлыми народами так же, как это делал Завоеватель мира, – он действовал таким образом в силу своей этики кочевника, и когда он готовился завоевать Китай в последние годы жизни, он вел себя точно так же, как за сто пятьдесят лет до него Чингисхан, когда бросал свою конницу против «золотого» царя цзиней в 1211 г.

Темура был жестоким в меру своего могущества, в котором ему, конечно, не было равных в ту эпоху.

Правда в том, что в тот период это была обычная практика ведения войны, которую использовали цари и военачальники. Разница между ними и Темуром была только в масштабах.

Всякий раз, начиная войну с неверными или с мусульманскими правителями, заподозренными в потакании неверным, Темура применял политику, которая придавала военным действиям характер «священной войны» и подчеркивала его религиозные цели. Безусловно, он не мог сослаться на то, что несет цивилизацию таким развитым империям,

как государства индусов, османов и мамлюков: он был варваром в их глазах, несмотря на его искренний интерес к государственной организации завоеванных стран и любовь, которую он проявлял даже во время военных действий к архитектуре, искусствам, истории и литературе других народов.

Во время штурма городов действовала специальная команда, назначенная Темуром, задача которой заключалась в том, чтобы защитить нужных и полезных людей: шарифов (людей, имевших родство с Пророком), кадисов и улемов (духовенство), известных писателей и философов, инженеров, архитекторов, художников, мастеров. Многих из них отправляли в Самарканд на работы, некоторых же просто освобождали безо всяких условий. Причем каждый раз эта специальная команда получала список, составленный Темуром, из чего следует, что он был прекрасно осведомлен о происходившем в осажденном городе и знал поименно нужных ему людей.

Великий эмир отдавал предпочтение талантам и мыслителям, но безжалостно относился к основной массе населения и к воинам противника. Такое отношение, не совсем обычное для полководца, подтверждается многими источниками. Ибн Арабшах писал: «Темур любил врачей, уважал людей знатных, знающих и достойных; каждому из них он давал место, какого они заслуживали, включая права и привилегии. Он уважал людей искусства и просто мастеров, независимо от их прочих качеств».

Описание встречи Великого эмира с Ибн Халдуном во время взятия Дамаска, о котором речь шла выше, характерно в этой связи. Он долго расспрашивал магрибского мыслителя об истории Запада, затем «поведал вещи, которые немало удивили... потому что Темур прекрасно знал историю принцев и государств». Его беседа с историком закончилась тем, что он предложил ему свою протекцию и дал свободу и ему, и его друзьям.

В «Зафарнаме» описан аналогичный случай: «Всего лишь нескольким писателям повезло в том, что они пали к ногам Темура и получили от него помилование и саму жизнь; он дал им даже одежду и охрану, чтобы доставить их в безопасное место. Остальные жители были истреблены».

Несмотря на то что Темур обладал знаниями и любил интеллектуалов, многие его биографы отмечали, что он не знал грамоты. На сей счет в истории нет ясности. Интересные строки можно встретить у Ибн Арабшаха: «Темур очень любил читать историю и слушать исторические рассказы», и далее: «...потому что во всем остальном он был невежда и не умел ни читать, ни писать по-арабски и не понимал этого языка. Что касается персидского, тюркского и монгольского, он знал их лучше, чем кто-либо другой».

Возможно, что Ибн Арабшах, писавший на арабском, считал, что это – единственный язык, достойный ученых, а тот, кто его не знает, – полный невежа. Но, быть может, он хотел сказать, что Темур в совершенстве знал персидский, тюркский и монгольский или же только говорил в совершенстве на них.

Учитывая сомнения на этот счет, можно предположить, что Великий эмир, в силу своих удивительных знаний и способностей, не раз доказанных, особенно во время теологических и философских дискуссий, а также в вопросах истории и сложной административной организации империй, умел и читать, и писать, и черпал знания из книг. Вполне возможно, что он получил необходимое образование от суфиев, друзей своего отца, с которыми постоянно встречался в Кеше, когда был молодым.

Общепризнанным фактом является то, что у Темура был вкус к архитектуре и декоративным искусствам. Здания, возведенные в Самарканде во время его царствования – мечети, дворцы, медресе, монастыри, – это вовсе не подражание персидским или китайским сооружениям. В них видны оригинальные черты, это – синтезированные произведения, созданные мастерами, принадлежавшими к разным культурам, которых Великий эмир со знанием дела собирал повсюду для того, чтобы доверить им украшение своей столицы.

Несмотря на все величие Самарканда, многие жители империи были равнодушны к роскоши, удобствам и преимуществам оседлой жизни, их идеалом были дом на колесах, шатер или юрта, которую можно быстро поставить и быстро разобрать и которая несла в

себе образ временного жилья, необходимого кочевнику. Темур переставал быть кочевником или становился им только тогда, когда этого требовала его политика или инстинкты предков. Большую часть жизни, судя по историческим сведениям, Темур проводил в шатре, не считая зимних кампаний, когда он оставался в городе, или какого-то периода его бурной юности, когда у него не было даже шатра над головой, тем не менее он все-таки родился под сенью «Зеленого города» – Кеша, который сделал из него горожанина, и этим объясняется сочетание в нем кочевого и оседлого начал.

Возможно, что с изменением нравов тюрко-монголов Темур решил, что ему для поддержания своего престижа следует представлять чужеземным посланникам и вассалам красоту и роскошь столицы, где как бы материализовалось его могущество, чтобы о нем говорили как о создателе одного из чудес света. Самарканд находился в райском уголке Земли в окружении виноградников и садов. Благодаря искусной ирригационной системе вода из реки доходила до полей по многочисленным каналам. По берегам реки стояли мельницы, которые дополняли ткацкие мануфактуры. Темур умело использовал местоположение столицы и мягкий климат для создания «идеального города», которым он правил. Как и все великие строители, он придал столице что-то свое, в какой-то мере построил ее по своему образу и подобию: величественная и простая, роскошная и безыскусная, удовлетворяющая человеческие потребности за счет гармонии пропорций и совершенства форм.

Красота Самарканда в основном заключалась в удачном расположении кварталов, в чередовании трудов и удовольствий. Когда здесь обосновался Темур, город был почти разрушен, и ему повезло в том смысле, что он все делал с чистого листа, как говорят урбанисты, не будучи связан необходимостью соблюдать принципы предшественников. Вдохновленный тем, что он видел в Индии и Иране, обладая способностью восхищаться, прежде чем разрушать, он не хотел копировать чужие столицы, но заимствовал у них самое характерное и изысканное. Сопровождавшие его архитекторы рисовали планы и отмечали самые интересные постройки до того, как он приказывал снести их; он не мог унести с собой храмы и дворцы, как это он делал с ценностями или с мастерами, но, по крайней мере, оставлял в памяти все, что могло пригодиться его Самарканду.

Темур приказывал уничтожать памятники покоренных государств, красоту и совершенство которых он прекрасно сознавал, причем это не было «невинным» варварством, которое разрушает и плохое, и хорошее, а скорее, в этом проявлялся знаток искусства, вынужденный подчиняться политическим императивам.

Возможность восстановить эти памятники в своей столице руками тех же художников и мастеров, которые воздвигали их на своей родине, видимо, позволяла ему сознательно и со спокойной совестью совершать акты вандализма. В нем не было наивности римского полководца, который при погрузке на корабль ценных греческих статуй грозил капитану, что, если с ними что-нибудь случится, он заставит его заново сделать такие же. Он больше напоминал Наполеона, который отбирал в коллекциях покоренных европейских монархов шедевры, чтобы украсить ими свой музей.

Темур приказывал собирать в захваченных персидских городах эмалированные фаянсовые плитки, украшавшие здания, а чтобы иметь их в достаточном количестве для отделки дворцов и мечетей Самарканда, он оставлял в живых всех мастеров-керамистов Герата, Ширази и Исфахана и сотнями отправлял их в Самарканд. Он входил в курс всех подробностей строительства столицы так же, как курировал строительство собора Св. Петра папа Римский Александр VI, так же, как Людовик XIV руководил строительством Версаля.

Строителям случалось сносить и заново отстраивать почти законченные сооружения, если Темуру не нравились пропорции или размеры. Возможно, именно эта неудовлетворенность, которая скрывалась под маской стремления к совершенству, и была частью его «кочевнического» наследия, чем-то вроде суеверного страха – как гласит восточная пословица, «когда дом построен, наступает смерть».

Он строил и для мертвых, и для живых. Когда его внук Мухаммад Султан был убит во время похода в Малую Азию, он приказал построить в Самарканде величественную

гробницу, но когда она была закончена, то показалась ему не достойной памяти Мухаммада: он велел снести ее, вызвал мастеров и приказал построить новый вариант в течение десяти дней. К назначенному сроку сооружение было готово и получило его одобрение. Ему ничего не стоило поступать таким образом, потому что во всех покоренных странах не было ни одного мастера, которого он не мог бы взять к себе на службу. Он снабжал своих архитекторов всем необходимым, вплоть до боевых и тягловых слонов, доставленных из Индии. Но при всем великолепии его дворцов и необходимости обеспечить роскошную жизнь своим сыновьям, женам и приближенным защитник веры мечтал соорудить самый большой и красивый дворец Богу. Он хотел, чтобы то, что строилось в Самарканде, затмило собой самые известные мечети Исфахана, Багдада и Дели.

Требовалось снести целые кварталы, чтобы освободить место для широких улиц, по которым слоны перетаскивали мраморные блоки, привезенные с гор, которые обрабатывали пять сотен каменотесов. Двадцать дней дали двум офицерам для того, чтобы снести базар и перенести его на другое место. Внутри огромной мечети мраморный потолок поддерживали 490 каменных колонн в память об иранских «ападанах».

Испанец Клавиho в своих дневниках отмечает, что никогда до этого не видел ничего подобного при дворе испанских королей. Гигантские залы, похожие на лес из колонн ахеменидских дворцов в Сузе и Персеполисе, напоминали этому «любителю пространства», как и всем огнепоклонникам, о бесконечном и безграничном. Несмотря на то что Темур любил отдыхать в своей столице и наблюдать за возведением новых зданий, он оставался человеком «открытого пространства», кочевником, который не выносит пространственных ограничений. Большие дворцы в окружении парков можно было сравнить с беседками в саду, таких дворцов было множество, потому что в каждом из них он останавливался только на несколько дней: может быть, из опасения за свою жизнь, но скорее всего ему просто нравилось строить и любоваться красивыми сооружениями, забывая о старости и болезнях.

Темур доверил руководство своими художественными мастерскими Абд ал-Хайи – талантливому художнику и рисовальщику, которого он забрал у багдадского султана. К сожалению, фрески, созданные им, погибли в одно время с дворцами, а мастер Абд ал-Хайи, измучившийся в конце жизни угрызениями совести на религиозной почве, самолично уничтожил все свои шедевры. Однако его искусство осталось жить в его учениках и представляло собой великолепную школу темуридской миниатюры, которой вскоре вновь предстояло расцвести, но уже при наследниках Великого эмира.

Интерес Темура к живописным изображениям был не только эстетическим, но и имел под собой политическую подоплеку. Он использовал его примерно так же, как сегодня используется кино и телевидение, т. е. в пропагандистских целях.

В этой связи характерен отрывок из сочинений Ибн Арабшаха: «Темур приказывал расписывать стены в некоторых своих дворцах для того, чтобы сделать дворцовые собрания более впечатляющими, а также для популяризации своего образа – то сурового, то улыбающегося, – для увековечивания своих сражений, своих встреч с царями, эмирами, благородными и мудрыми людьми... Здесь изображены многие события, которые случились в империи при его жизни, вплоть до самых последних. Он ничего не упускал и ничего не преувеличивал. Он хотел, чтобы их увидели те, кто не знал о его подвигах, и чтобы они могли как бы участвовать в них». Но из этих росписей почти ничего не осталось, так как дворцы были разрушены.

Помимо живописи Великий эмир любил музыку. По его приказу на всех праздниках играли оркестры и пели известные певцы. По-видимому, у него был эклектический музыкальный вкус. Хафиз-и-Абру по поводу церемоний в преддверии похода на Китай пишет: «Музыканты и певцы показывали свое искусство во всем многообразии: это были персы, арабы, тюрки, монголы, китайцы».

Он также был сильным шахматистом и не гнушался участвовать в турнирах с мастерами этого дела.

Эти любопытные, в общем, притягательные черты его личности уходили на второй

план перед проявлением его характера и мышления завоевателя и государственного деятеля, и в этом ему не было равных. Ибн Арабшах описал его властность в нескольких строчках, не лишенных образности: «Темур имел натуру леопарда и темперамент льва; он не терпел, когда кто-нибудь поднимал голову выше, чем он, или кто-то превосходил его в чем-либо: в таких случаях он без раздумья наносил удар». Такое поведение часто вызывало ужас у его окружения, к тому же он ненавидел лесть, пустословие и под страхом смерти требовал только правду, даже если она была нелицеприятна.

У него была непоколебимая вера в свою судьбу. Темур связывал Аллаха со своими решениями и деяниями, считая, что его постоянные успехи – суть свидетельство Божественной помощи.

Хафиз-и-Абру приводит одну из речей Темура, в которой присутствует поэтическое вдохновение: «Аллах, несравненный владыка непостоянной судьбы, вложил в мои могучие руки бразды правления царствами населенного мира; он поставил под мою власть различные категории живых существ, которые живут на земле и в море...»

Однако Бог Темура был не богом любви, а богом войны.

Считая себя избранником Аллаха, Темур свободно обращался с догмами; в его армии закон Чингисхана основывался на шариате: его жены появлялись на людях с закрытым лицом, его подданные могли напиваться до бесчувствия, а солдаты – обращать в рабство мусульман.

В полуязыческом мире, в котором он жил, помимо ислама сохранились многие древние верования монголов и тюрков, а иногда они парадоксальным образом сочетались с исламом. Темур, несомненно, обладал парапсихологическими способностями, которые давали ему почти магическую власть, как у шаманов. Он видел пророческие сны, которые часто сбывались, и умел разгадывать скрытые намерения своих врагов и распознавать в своем окружении потенциальных предателей.

Этот дар проявлялся довольно часто, особенно в экстремальных ситуациях. Темур ловко эксплуатировал его, окружая себя таинственностью и поражая своими предсказаниями людей. Он специально усиливал такие эффекты, превращая их во впечатляющий спектакль. Например, по свидетельству Ибн Арабшаха, он требовал, чтобы ему тайно описывали жилище и образ жизни знатных людей какого-нибудь города, который он собирался посетить. Прибыв в этот город, он направлялся в их дома и поведал хозяевам о таких подробностях из их жизни, которые никто не мог знать, кроме них самих. Конечно, те чрезвычайно удивлялись этому и начинали думать, что Темур вездесущ.

Кстати, у него была прекрасная память даже в отношении мелких деталей. Он заставлял своих посланников составлять самые полные отчеты о каждом регионе, его ресурсах, топографии, естественных и искусственных преградах на пути к нему, о климате и населении. Он накапливал эти сведения и по мере необходимости использовал для своих тактических и стратегических планов.

Великий эмир много времени уделял административной и торговой деятельности в своей империи. Он был очень суров с чиновниками, желая, чтобы во всех провинциях был четкий порядок, особенно в его отсутствие. Очевидно, только так можно было предотвратить мятежи в его отсутствие.

Возвращаясь в столицу, Темур развивал бурную деятельность, выслушивал отчеты о делах в провинциях и о людях, проживающих там; он также был в курсе событий, происходивших в покоренных им странах. Великий эмир возвышал людей достойных и талантливых, уважал науки и ученых людей, не забывая об их нуждах и награждал тех, кто того заслуживал. Он жестоко искоренял злодейство, измену и пустословие. Таким образом, все дела империи были под его строгим контролем, правление же осуществлялось по закону Чингисхана.

Он ревностно следил за соблюдением справедливости, невзирая на титулы, богатства, расу или вероисповедание людей. Такое отношение к справедливости было одно из основ его авторитета и власти над солдатами, не считая личного мужества и репутации лучшего

полководца своего времени. Как и все крупные полководцы, Темур разделял тяготы и успехи своих солдат. Он поддерживал железную дисциплину в армии, но в сражениях находился в первых рядах, несмотря на свои увечья.

Строжайшая воинская дисциплина и тяготы, сообща переносимые в заснеженных горах Кавказа или на склонах Гималаев, способствовали укреплению единства в армии Темура, чего невозможно было добиться никаким чувством патриотизма, потому что ему служили солдаты разной национальной принадлежности. Наконец, следует отметить, что с первых дней своего восхождения на трон и буквально до смертного часа, когда, захватив казну Ирана и Индии, он готовился бросить свою конницу на Китай, войска сплотила добычу, которую везли домой оставшиеся в живых. Случалось, особенно по возвращении из Ирана и Индии, что победители были настолько отягощены богатой добычей, что большую ее часть они вынуждены были бросать на долгом обратном пути.

Роскошь при его дворе и в его столице была не просто инструментом престижа, рассчитанным на то, чтобы поразить воображение иностранных послов и правителей. Темур поражал их своими богатыми одеждами, оружием, изяществом своих манер. В походах он жил в палатке из барсовых шкур, напоминающей палатку Хубилая, и в бамбуковом шатре, скрепленном сотней шелковых шнуров. На голове он носил шапочку из горностая, украшенную рубинами, а в сражениях надевал шлем с забралом и кольчугу. Его никогда не видели в тюрбане, а принимая посетителей, он держал в руке скипетр с золотым наконечником в виде бычьего черепа.

Щедрость, с которой он вознаграждал храбрецов, богатства, которыми он одаривал бахадуров, т. е. героев, личное мужество в сражениях – все это повышало его популярность и способствовало сотворению легенд о нем. Сама история признала его великим воином, гениальным политиком, выдающимся строителем, человеком, который сочетал в себе качества кочевника и утонченные достоинства цивилизованного человека.

Власть суверена, господина такой обширной империи, каким стал Темур в конце XIV – начале XV в., не могла быть мягкотелой. Народы, которыми он управлял, можно было держать в повиновении только за счет постоянной бдительности и жестоких наказаний, обрушивающихся на мятежников. Террор в покоренных странах был единственным средством предотвратить мятежи и бунты. Несмотря на совершенную организацию тайной службы, которая восхищала испанца Клавихо и арабских историков, власть в руках императора-кочевника, который непрерывно пересекает Азию из одного конца в другой, может быть эффективной только в том случае, если все его подданные чувствуют на себе постоянный надзор и живут под страхом сокрушительной кары при малейшем недовольстве правителя.

В отличие от Аттилы и Чингисхана, которые оставили в памяти потомков ужасные образы, он хотел, чтобы его уважали за разум. Ему нравилось, когда о нем говорили, что он – «тень Аллаха на земле». Аллах же бывает нелицеприятно суров и грозен. Как записано в «Зафарнаме», «Аллах предназначил Темуру и его потомкам азиатскую империю, потому что предвидел мягкость его правления, которая сделает народы счастливыми». Но, как и Макиавелли, Темур считал, что ход истории наполовину в Божьих руках и наполовину в руках человеческих. Быть «тенью Аллаха» означало для него понимать свершившееся и предвидеть исторические перемены.

Анализируя особо жестокие действия, совершенные по его приказу или с его молчаливого согласия, можно отметить, что его гнев обрушивался главным образом на три самых цивилизованных и развитых города Азии того времени – Исфахан, Дамаск и Багдад. В упорном уничтожении этих городов можно видеть нечто, похожее на зависть к народам и монархам, более цивилизованным, чем его народ и он сам. Мы знаем, как страстно он хотел сделать свою столицу, Самарканд, самым красивым городом мира и не жалел ничего, чтобы добиться этого; цель разрушения трех столиц – Ирана, Сирии и Месопотамии – заключалась в том, чтобы стереть с лица земли соперников, чья репутация как «городов искусств» ранила его самолюбие, и, кроме добычи, он имел целью заполучить людей, умелых в строительстве,

каких практически не было среди его подданных.

Конечно, в этом человеке, воспитанном шейхами, человеке, который вступал в беседы с известными людьми, встречавшимися на его пути, жили искренняя любовь к культуре и желание понять философские вопросы бытия. Клан Барлас, к которому он принадлежал, представлял собой племя обедневшей родовой знати, сохранившей самостоятельность мышления. Возможно, он неохотно проводил политику «выжженной земли», которая, что также возможно, была необходима для запугивания врагов. В сыне Тарагая можно видеть «вынужденного варвара», практиковавшего суровую монгольскую дисциплину, эффективность которой доказало царствование Чингисхана и которую он использовал потому, что надеялся при создании мировой империи на другие средства.

Отвага и рассудительность, благородство и дикость, коварные интриги и неожиданные поступки – все это присутствует в нем и проявляется в зависимости от обстоятельств, и всегда удачным образом. Он был хорошим знатоком людей и никогда в них не ошибался, шла ли речь о том, чтобы помиловать врага или заподозрить друга. Время работало на него в том смысле, что он иногда годами выжидал удобного момента для реализации своего решения, а иногда действовал сразу и энергично. Только пространство сдерживало осуществление его грандиозных планов: чем больше становилась его империя, тем слабее делалось его могущество. Сила истощается, желая расширить до безграничности свои пределы. Необходимость и фатальность заставляют нападать первым в нужный момент, чтобы не подвергнуться нападению в момент максимальной слабости. Все завоеватели – от Македонского до Гитлера – были вынуждены смирять свои амбиции. В жизни великого полководца, будь то Аттила или Наполеон, неизбежно наступает момент, когда он обречен предпринять кампанию, которая должна потерпеть поражение. Но фортуна служила Темуру всякий раз, когда он затевал войну против самых крупных государств – мамлюков, османов, персов; скорее всего, удачным был бы и поход на Китай. Завоевательная политика Темура парадоксальна, ибо нацелена на созидательное мироустройство. Государства, неустроенные и пораженные беззаконием, он берет за правило завоевывать, – но не только и не столько оружием, сколько политическим влиянием. Поэтому вряд ли случайно Бартольд считал Темура в равной мере выдающимся разрушителем и созидателем.

Темур прекрасно знал, что, если он не нападет первым, нападут на него, и именно тогда, когда у него не будет возможности выбрать час или место сражения. Опыт войн, политики и дипломатии научил его элементарным истинам: «Умный враг не так опасен, как глупый друг» и «Лучше оказаться в нужном месте с десятком людей, чем не оказаться там с десятью тысячами», а на своей печати он выгравировал такие слова: «Сила в справедливости». Он был прагматик и научил своих сыновей одному из правил правления, пригодному во всех случаях: «Искусство править заключается частью в терпении и твердости, а частью в том, чтобы плыть по течению обстоятельств и делать вид, будто ты не знаешь то, что на самом деле ты знаешь». Так могли сказать и так говорили многие высокоцивилизованные европейские монархи.

Геополитические успехи Темура были столь велики, что четыре века спустя им завидовал Наполеон. Но высший секрет первого оказался для второго непостижимым: Наполеон побеждал, истощая силы Франции и Европы, тогда как силы и возможности Темура в ходе борьбы лишь прирастали. У Наполеона ум служит силе, у Темура – сила уму.

Столь многочисленные победы создателя континентальной сверхдержавы, которые он одержал за сорок лет над столь великими империями и над столь многочисленными врагами, наводят на мысль о некоем причинном постоянстве, но мы такой причины не знаем. Поэтому в данном случае стоит последовать совету Ницше и «отнести все за счет гения».

Устройство империи Амира Темура. Структура армии

Великие завоевания Темура были результатом не только его военного гения, но и действий исключительно верной, дисциплинированной армии. Для своего времени Темур

располагал, бесспорно, сильнейшей и наиболее совершенной регулярной армией. Но и она лишь подкрепляла тщательно продуманную и рассчитанную политику, должна была действовать с минимальными потерями и предельной осмотрительностью. Кредо Темура-полководца известно: «Безрассудная храбрость – дочь бесов», «Хороший план стоит ста тысяч воинов». Как правило, Темур начинал с детального изучения противника; оно давало ему обильную пищу для «размышления в тиши покоев», а затем – для квалифицированной игры, напоминающей игру в шахматы даже не с противником, а с самим роком истории. Стратегическая работа была поставлена Темуром на системную основу и расписана по «нотам» геополитики. Насколько стратегия Темура отличалась продуманной изощренностью, настолько насилие не было для него самоцелью, оставалось предельно и целесообразно дозированным. Жестокость – вполне в духе времени – допускалась этой стратегией ради демонстрации величия Великого завоевателя.

Его войска были не просто случайным собранием племен, жаждущих добычи, но объединенной силой во главе с начальниками, лично преданными Темуру. И эта сила была как следствие значительных политических и социальных изменений в улусе, начатых сразу после прихода Темура к власти. В течение первых двенадцати лет правления Темур превратил улус Чагатай из племенного союза в завоевательную армию, в которой племена играли второстепенную роль. У Темура были две группы, на которые он всегда мог положиться: члены его семьи и личные соратники. Эти люди были обязаны своим положением Темуру и связаны с ним узами личной преданности, т. е. в отличие от племенных вождей у них был свой интерес в сохранении его власти. Они также отличались от правителей племен тем, что не имели внешнего источника власти, который надо было охранять политическими интригами. В начале царствования Темура правящая элита командовала лишь частью его войск. Но с течением времени войска, ранее подчинявшиеся племенным вождям, перешли под их начало. Новые отряды, которые Темур создавал в ходе своих военных экспедиций, также возглавляли люди из новой знати, тем самым еще больше подрывая мощь племенных вождей. Темур начал выдвигать своих соратников сразу после того, как стал правителем улуса в 1370 г.

Переход войска под начало Темура и его соратников, очевидно, мог быть естественным процессом. Чтобы держать в руках местные отряды, правителям племен надо было обладать сильной властью, а для вербовки местного населения требовались большие средства. Поскольку племенные вожди не смогли свергнуть Темура или серьезно противостоять ему, менее сильные племена и группы встали на сторону сильнейшего. Когда же племена утратили власть над племенными землями, местные войска и «жаучины» также перешли под начало Темура. Впрочем, это лишь предположение, доказать которое невозможно. Однако оно вполне объясняет резкую перемену в соотношении власти племенных правителей и новой власти.

К 1380–1381 гг. переход власти в армии шел полным ходом и скоро завершился. К этому времени большинство соратников Темура имели под своим началом крупные воинские соединения. Из пятнадцати известных членов свиты Темура одиннадцать командовали туменами. Поэтому перед первым походом в Западный Иран в 1384–1385 гг. власть над большей частью войск улуса перешла от правителей племен к соратникам Темура.

В армии Темура командование обычно передавалось по наследству, и его соратники передавали власть своим потомкам. У многих было по несколько сыновей и внуков, так что у Великого эмира появлялось все больше людей, лично преданных ему, которые и возглавляли большие соединения. В то же время увеличилось потомство собственных сыновей, которых у Темура было четверо, им также выделялись войска.

Почти все самые надежные военачальники Темура принадлежали его семье, соратникам, их сыновьям или родственникам. Это была правящая группа улуса, и скоро она стала замкнутым автономным классом, скрепленным между собой многочисленными браками.

В ходе своего правления Темур радикально изменил состав военного населения в

улусе, вместо местных войск под командованием племенных вождей войска Мавераннахра состояли главным образом из иностранных воинов, которые подчинялись самому Темуру и назначенным им начальникам.

Одним из самых поразительных факторов в этой связи было отсутствие насилия по отношению к племенам – к вождям и их соплеменникам. Темуру не трогали не только людей, но и племенные структуры, предпочитая не уничтожать племена, как таковые, а оттеснять их.

Отношение Великого эмира к собственному племени, барласам, хорошо иллюстрирует то, как он сохранял формальные племенные структуры, отнимая у племени власть и активность, которые были для него угрозой. Как племя нового властителя, барласы не могли остаться без властных атрибутов вообще. Темуру дал им почетное место в своей империи, но они были не так влиятельны, как можно было бы предположить и как считают некоторые ученые.

Племена, оставшиеся под властью собственных правителей – куттуланы, апарды и ясауры, – жили спокойно, но занимали довольно низкое место в армейской иерархии.

Большинство групп, составляющих улус, сохранили свою первоначальную структуру. Темуру мог позволить это, так как их правители уже не имели прежней силы и независимости. Управление племенем укрепляло власть некоторых соратников Темура, но само по себе было недостаточным, чтобы занять высокое положение. Эмиры, управлявшие племенами и занимавшие высокий пост в армии, входили в число его сподвижников.

Армию Темура правильнее назвать завоевательной. Новая элита, прежде всего, была военным классом, могущество и положение которого в основном зависело от количества воинов, которым командовали его представители, но распределение живой силы было прерогативой Темура. В своем новом виде армия Великого эмира во многом напоминала тюрко-монгольскую завоевательную армию Чингисхана. Оба завоевателя были обязаны своим успехом личным соратникам, которым они доверяли важные посты в армии и администрации. Ни Чингисхан, ни Темуру не отделяли своих соратников от остальной части армии. В этом они отличались от многих властителей, которые сохранили свои племенные войска без изменений, лишь добавив к ним элитные части, созданные их сторонниками. Вместо этого и Чингисхан, и Темуру выдвигали своих соратников на высшие должности в армии и, отбирая войска у племенных вождей, передавали их новой знати. Таким образом, и тот, и другой трансформировали и децентрализовывали общество, состоявшее из племен, в единую армию, подчиненную одному человеку. Командующий такой армией обладал большей властью и имел более надежное положение, чем правитель племенного союза. Тем не менее, несмотря на все изменения, положение Темура оставалось недостаточно твердым. Он ослабил политическую систему, которая угрожала его власти в начале его карьеры, но не разрушил ее. Он не уничтожил племена как систему и не убрал племенную знать, возглавлявшую их. Новая элита, которую он поставил в центр своей армии и администрации, была предана ему лично, но состояла из людей, менталитет которых формировался в условиях улуса Чагатая, и были они воспитаны его гибкой и активной политической системой.

Темуру недостаточно было создать новую систему, ему надо было ее удержать, помешать племенным правителям восстановить свою власть, отобранную у них, и не дать новой знати возможности заниматься политикой и превращать подчиненные ей войска в новые племена. Это было тем более важно, что воинов набирали и экипировали эмиры, которые ими же командовали. Вербовщики – «товачи» – определяли количество солдат в армии и следили за тем, чтобы эмиры улуса и губернаторы областей обеспечивали нужное количество и вооружение. Вполне возможно, что преданность войск могла обратиться на начальников, и тогда перед ними открывался путь к получению независимого могущества.

Однако Темуру не допускал самостоятельной политической активности среди своих соратников, в частности, благодаря тому, что постоянно использовал их в походах, кроме того, он располагал большую часть армии на завоеванных землях. После 1392–1393 гг.

военная часть населения улуса не проживала в Мавераннахре, а была разбросана на большой территории и удалена от своих земель и соплеменников. Когда выросли сыновья и внуки, он назначал их правителями новых провинций и поставлял их на службу эмиров. Эти эмиры представляли весь спектр правящего класса, каждое войско состояло из представителей разных племен или групп и родственников личных соратников Темура. Таким образом, Темура создавал новую региональную базу для войск, которые прежде зависели от Мавераннахра. Каждое войско принцев отражало состав всей армии, включая членов разных племен.

Принцы-темуриды являлись мощными центрами власти в империи, но Темура не позволял им создавать самостоятельные ветви власти. Провинциальные войска нельзя считать эффективной частью армии улуса, так как самостоятельность принцев была ограничена. У Темура имелось много способов ограничения их власти. Один из самых действенных заключался в назначении в их войска своих соратников. Многие из них были его ровесниками, а некоторых связывали с династией темуридов брачные узы. Они были включены в административную жизнь с самого начала правления Темура, и что касается власти, авторитета и близости к нему, то в этом почти не уступали принцам. Поскольку многие принцы назначались правителями в очень юном возрасте, эмиры служили не помощниками, а хранителями или сторожевыми псами, руководившими ими. Даже находясь в войске принца, они продолжали хранить верность Темуру, и в их присутствии власть принцев находилась под контролем.

Смерть наследника Темура Мухаммада Султана в 1403 г. совпала с окончательной реорганизацией провинций, и ее кульминацией стал раздел империи на четыре части, каждой из которых правила семья одного из сыновей: северная часть была под властью Мироншаха и его детей, юго-западная – под властью сыновей Умаршайха, юго-восточная – сына Джахангира Пир Мухаммада, а северо-востоком правили Шахрух и его сыновья. По примеру Чингисхана Темура назначил одного члена семьи своим преемником и дал остальным наказ повиноваться ему.

Завоевательная армия Темура во время его Великих походов была элементом, совершенно отличным от улуса, над которым он установил власть. Люди, составлявшие ее, и большинство групп, правивших до Темура, продолжали служить в его войсках, многие под новым командованием, но ни одна из групп не претерпела больших изменений в структуре. Однако динамика власти резко изменилась. Если прежние племенные вожди держали власть в руках, владея и землей, и большим числом воинов, то теперь они уступили место новой знати, а сами заняли невысокое положение. Они потеряли большую часть власти над своими территориями, их людские ресурсы перешли в войска сторонников Темура. Племена же, управляемые непосредственно людьми Темура, остались нетронутыми и способствовали могуществу новой знати. Власть теперь зависела не от могущества племени, а от близости к Великому эмиру. Во главе ненадежных мятежных племен он ставил своих людей, так случилось с джелаирами, Сельдусами и апардами Шабуркана. Он отсылал племенные войска подальше: тумен апардов составил гарнизонное войско в Узгене и Кашгаре под командованием Умаршайха.

К 90-м гг. XIV в. наследники и самые видные соратники Темура держали в руках все важные позиции в армии. Он добился этого посредством завоевательных войн, которые держали его людей за пределами улуса практически постоянно, до самой его смерти. Завоевания Темура представляют собой основу его реформ в улусе. Они давали дополнительные богатства и людские резервы, которые еще больше возвысили новую знать над племенной. Они также позволили разбросать на огромной территории народ улуса и прервать политические процессы, которые угрожали его власти.

Теперь Темура мог управлять улусом, даже находясь за его пределами. Главная причина его успеха – превращение улуса из активного племенного союза в завоевательную армию, действия которой зависели от него самого. Без этой трансформации он не смог бы долго оставаться властителем улуса Чагатая и наверняка не совершил бы столько завоевательных

походов.

Свидетели описывают армию Темура как огромное скопление разных народов – кочевых и оседлых, мусульман и христиан, турок, таджиков, арабов, грузин, индусов. Великий эмир завоевал огромные территории с разным населением, богатыми ресурсами и использовал их для новых завоеваний.

Рассмотрим положение представителей покоренных народов в армии Темура и в его империи – как они набирались, как они управлялись и в какой мере они были частью войск Великого Завоевателя.

В покоренных странах Темур свергал немногие династии. Тем, которые были не очень сильны, оставлял власть, но приставлял к ним надежных правителей. Завоеванные регионы, как правило, управлялись небольшими династиями, оспаривавшими друг у друга власть, и среди них было трудно найти союзников.

Темур не одинаково относился к покоренным странам и народам, и изменения его политики мотивированы обстоятельствами в разных районах. На многих захваченных землях – Северной Индии, Сирии, Анатолии, Моголистана и Кыпчакской степи – он довольствовался сбором дани и усмирением враждебно настроенных правителей, не оставляя постоянных губернаторов. Завоеванные земли со смешанным населением, бывшие прежде под властью чингисидов – Фергана, Хорасан, Систан, Хорезм, Западный и Восточный Иран, – не представляли для Темура и его эмиров особых трудностей в управлении. На таком фундаменте, как собственное войско и собственные союзники, он мог воздвигнуть здание. Так что Темуру великих трудов стоило завоевать власть и не меньших – удержать. Следует отметить, что все эти области состояли в основном из оседлого населения, которое имело персидские культурные корни.

Соседи Темура на севере – джучиды Дешт-и-Кыпчака и тюрко-монгольские племена, обитавшие в восточной части империи чагатаидов, – имели схожие культурные традиции и, наподобие районов к югу от улуса, были предусмотрены в его политике. Но Темур не включал эти территории в свою империю, за исключением Ферганской долины с развитым сельским хозяйством.

Присоединение новых стран с их войсками и знатью представляло и выгоду, и угрозу для Темура. С одной стороны, приток богатств и людских ресурсов из новых земель был очень выгоден для его армии; с другой – его империя уже включала немало народностей, не имевших традиционной преданности Великому эмиру. Все было обусловлено тем, насколько мог он управлять ими. В свою очередь, это зависело от их отношения к нему и его войску и какую выгоду они могли извлечь из такого сотрудничества. В этом смысле между покоренными народами были значительные различия. Те, которые были ему полезнее, не являлись кочевниками, похожими на чагатайцев по образу жизни и обычаям, а оседлыми представителями в основном персидских династий Ближнего Востока. Именно они присоединились к Темуру – либо насильно, либо благодаря посулам, – а кочевники остались в основном как бы вне его поля зрения.

Кровь, сопровождавшая походы Темура на Ближнем Востоке, в каком-то смысле не дает проанализировать его политику сохранения местного управления. Покоренные земли изначально управлялись бесчисленными мелкими династиями, и когда пришел Темур, их земли и их воины оказались в его распоряжении. Две династии – курды в Герате и музаффариды в Фарсе – владели большой территорией, и их влияние распространялось на соседние страны. Они могли оказаться угрозой для Темура, и он их уничтожил.

Темур умел контролировать политику местных династий покоренных земель, не уничтожая и не захватывая их земли непосредственно. Он добивался их верности, заменяя непослушных правителей, иногда делая это по несколько раз, и ограничивая их власть на подвластных им территориях. Во многих случаях, когда Темур сталкивался с сопротивлением, он просто менял строптивного правителя на более послушного из той же семьи или другой династии, которая претендовала на эти земли. Междоусобная борьба за власть облегчала ему задачу. Он изолировал сменяемых правителей, высылая их вместе с

семьями в Мавераннахр или на границы Туркестана. Это давало ему возможность снова поставить их у власти, если новые правители оказывались слабыми и ненадежными.

Его отношение к местным правителям зависело от их прежних связей с улусом и от их готовности подчиниться, и некоторые из них даже пользовались его благосклонностью. Однако ни один из них так и не стал полноправным соратником Темура. Вновь подчиненные правители и их войска частично включались в армию Великого эмира, но не становились ее составной частью. Кроме денежного выкупа или дани и последующих налогов, которые шли в казну темуридов, они были обязаны поставить определенное количество воинов и также либо самолично участвовать в походах Темура, либо отправлять на войну члена своей семьи. Местные правители и их войска иногда становились частью провинциальных армий, возглавляемых сыновьями Темура.

Для правителей, находившихся вне завоеванных областей, появление армии Темура представляло зачастую не угрозу, а возможность: армия Темура, проходя через новые земли, привлекала людей, которые были готовы к службе и рады внешнему союзнику, способному помочь им вернуть свои владения. Одним из самых известных таких людей был Искандер Шайхи, участвовавший в хорасанском походе Темура. Его отца сместил Сайид-Камал аль-Дин, который правил Амулом. После потери своих земель Искандер Шайхи поступил на службу к курдским царям, приведя с собой тысячу всадников, а после падения курдов присоединился к войскам Темура. Во время похода на Иран в 1393 г. Искандер Шайхи сопровождал Темура и уговаривал его напасть на сайидов. Темура так и сделал и подарил за это Искандеру область Амул.

Ряд других, менее известных эмиров оставили службу у местных правителей, дабы искать счастье в войсках Великого эмира.

Новые члены армии Темура были не так преданны, как его чагатайские эмиры, и составляли менее привилегированный класс. Они не получили прав, которые имели чагатайцы, и были не столь богаты. Темура чувствовал неприязнь к вождям, присоединившимся к нему, и зачастую давал волю своим чувствам. Во время первого иранского похода он назначил Сару-Адила, влиятельного эмира, служившего и джелаирам, и музаффаридам, в Табриз. Сару вступил в армию Темура вместе с семнадцатью «кошунами». Он служил Темуру только два года после своего назначения, когда тот заподозрил его то ли в предательстве, то ли в излишних амбициях и казнил его вместе со многими родственниками.

Итак, большинство местных правителей, служащих в армии во главе своих войск, не становились членами элиты Темура. Они находились в армии, занимая второстепенное и очень шаткое положение. Однако исключение представляли правители тех мест, с которыми улус Чагатая прежде поддерживал связь: Хорасан, Систан и в меньшей степени Мазандаран и Хорезм. Это были первые завоеванные области, и у них были давние и устойчивые политические связи с улусом.

Таким образом, в течение своего правления Темура сохранил и внутри своей армии подобие границ улуса Чагатая и соответствующие отношения с соседями. Более удаленные районы, покоренные Темуром, как, например, Западный и Восточный Иран, мало контактировали с улусом до походов Темура. Поэтому правители и эмиры этих земель оставались чужаками в его армии и находились под постоянной угрозой наказания, и им не были обещаны награды и продвижение по службе.

Как же использовались простые воины, набиравшиеся из новых областей империи, и покоренные народы?

Большое количество чужеземных воинов в армии Темура поставляли не только те, которых приводили подчинившиеся правители в свои отряды. Были также воины из покоренных стран, которых набирали и командовали ими непосредственно эмиры Темура. Некоторых использовали только в походах местного значения, а другие становились постоянной частью армии и ходили в дальние экспедиции.

Трудно сказать, кто составлял новые подразделения в армии Темура, или отыскать подробности их вербовки. Поэтому следует обратиться к традициям и истории завоевания

стран Темуром.

Для анализа региональных войск при темуридах следует рассмотреть возможность того, что многое было взято из всеобщей армии, созданной ильханами. Нам известно, что эта система была в силе по крайней мере до 1330 г., т. е. за 50 лет до Великих походов Темура. Кроме того, надо принять во внимание типы людских ресурсов, используемых в армиях Ближнего Востока до тюрко-монгольского завоевания: численность войск из рабов, очевидно, сократилась, и в армию набирали из племен кочевников и горцев и из искателей приключений. Такой деятельный завоеватель, как Темур, нуждавшийся в воинах для покорения новых земель и для сохранения завоеванных, должен был использовать все людские ресурсы, которые были в его распоряжении.

В некоторых случаях Темур, видимо, просто брал с собой крестьян по пути и использовал их либо для битв, либо для прочих работ. В источниках не раз упоминается набор в местные войска, иногда только в пехоту, для небольших походов. Примером служит вербовка в пехоту из районов Райи, Кума, Кашана, Исфахана и Кумиса, чтобы подавить восстание в 1403–1404 гг. Поскольку в Мазандаране местность лесистая и затруднительно передвижение на лошадях, пехота проделывала тропы в чаще и, конечно, участвовала в боях. В 1392 г., воюя с сайидами, Темур остановился собрать войско в Шасмане, прежде чем продолжить поход, и, очевидно, мог просто рекрутировать местных жителей.

Понятно, что не вся пехота Темура состояла из крестьян, набранных на небольшой срок. Пехотинцы Хорасана служили во время индийского похода Темура на значительном расстоянии от своих мест, и многие отряды остались в Индии в качестве городских гарнизонов, включая пехоту. Кроме того, пехотинцы не всегда оставались пешими: когда в 1399–1400 гг. эмиров Мироншаха судили за коварство в сражении, они были оштрафованы на 50–300 лошадей каждый, и эти лошади были отданы пехотинцам.

Набор чужеземных воинов в армию Темура способствовал не только увеличению ее численности, но и ужесточению контроля над местными правителями. Правители завоеванных провинций, хотя и оставались во главе своих земель и части своих бывших войск, имели уже гораздо меньший резерв для пополнения, так как многие члены племен, ранее подчинявшиеся им, теперь составляли часть армии Темура.

Некоторые племенные народы, особенно малочисленные, Темур не трогал и пополнял ими свои войска, когда в них нуждался, как часто делали до него правители этих земель. Например, так поступил он с гурами и горцами Гарджистана в Хорасане, которые влились в хорасанскую армию Темура. В районе Сава, Кума и Кашана Темур забрал в армию племена арабов и каладжей, чтобы подавить восстание в Мазандаране в 1403–1404 гг.

Однако большую часть племен и кочевых групп, упомянутых в истории походов Темура, уничтожила его армия. В Курдистане войска Темура разгромили племена судаков, фейлов и кочевников Шуштара; в Сирии был совершен поход против туркменской конфедерации Джул-Кадр, а также против ойратов в Иране и кочевников, живших около Багдада, Мардина и Рас-аль-Айна. Во время походов в Руме и Кыпчакской степи Темур также разгромил многочисленные племена. Эти набеги, очевидно, были предприняты с целью пополнения провианта для армии, и в источниках часто упоминается о захвате животных. Походы Темура были стремительны и иногда очень губительны для скота. Много животных умирало, особенно во время походов против северных соседей. Армия Темура была армией кочевников, сопровождаемых женами и детьми, и требовала много пищи. Для ее снабжения надо было пополнять стадо и забирать животных у встреченных по пути кочевников.

Темур переселил большое количество чагатайских кочевников на покоренные земли и сделал их частью своих военных гарнизонов. На новом месте они ссорились с местными кочевниками из-за пастбищ. Это могло быть одной из причин, почему Темур переместил массу кочевников из покоренных областей в Мавераннахр и на ее северные границы. Часто это делалось довольно безжалостно и стоило многих жизней. Самым известным примером является переселение кара-татар из Рума в Мавераннахр: по сведениям историков, он

заставил сняться с места от тридцати до сорока тысяч хозяйств. Они по дороге взбунтовались, и многие были перебиты. Также Темур переселил часть кочевников, покоренных во время походов в Кыпчакскую степь, и многих из Азербайджана и Ирана. Небольшие группы кочевников либо забирали с собой, либо громили, но наиболее крупные кочевые племена оказывали отчаянное сопротивление. Его походы против северных соседей, особенно против Золотой Орды, были успешны: он разгромил своих врагов, не дав им опомниться, и вернулся с большой добычей. Но он аннексировал довольно мало земель в этих областях и, очевидно, захватил мало людей.

Особенно удивительным это представляется в случае с восточными чагатаидами и хорезмийцами, имевшими общие традиции с улусом Чагатай и активно участвовавшими в делах улуса еще до прихода Темура к власти. Тем не менее армия Темура имела в своем составе немного монгольских или хорезмских эмиров, хотя некоторые, присоединившись к Темуру, достигали высокого положения. Сложно говорить о действительно тюрко-монгольских и хорезмских эмирах, так как определить их идентичность труднее, чем правителей оседлых народов. Источники упоминают одного эмира по имени Яик Суфи, являвшегося представителем суфийской династии Хорезма, которому дали под начало тумен его области, и это был один из самых влиятельных эмиров правого крыла армии Темура. В 1393–1394 гг. он взбунтовался и был заключен в тюрьму. В войсках Темура упоминаются два известных тюрко-монгольских военачальника, равных по влиянию большинству чагатайских эмиров. Одним из них был Буян Темур-бен-Бекичек Чете. Он был известен в войсках Умаршайха, впоследствии стал его атабегом. Другим был Амир Кутб ад-Дин, брат Камар аль-Дина, который состоял в тумене Мироншаха при осаде Такрита в 1393 г. Тюрко-монголов могло быть и больше, но историки не называют их. В армии Темура наверняка не было отрядов из Хорезма и Моголистана, но многие могли быть военнопленными, а не войсками, воевавшими под командованием своих правителей.

Из Золотой Орды Темур набирал новую живую силу, хотя некоторые видные эмиры присоединились к нему временно. Самым известным из них был Тохтамыш. Трое других – Кюнче Оглан, Темир-Кутлуг и Едигей – предали Тохтамыша и примкнули к Темуру в 1388 г. или раньше, но во время похода на улус Джучи в 1391 г. они предали его и вернулись к себе из кочевых каганатов, в дальнейшем проявляя себя союзниками.

Отношения Темура с кочевыми конфедерациями на Ближнем Востоке – джелаирами, каракоюнлу и аккоюнлу – были сложными. Несмотря на многочисленные набеги и походы против них, он смог только временно притеснить их, и после его смерти они быстро восстановили свою власть.

Каракоюнлу, жившие в Восточной Анатолии и частично в Азербайджане, всегда были врагами Темура, он отвечал им тем же. Совершив против них несколько походов, он лишь ненадолго утихомирил их.

С туркменской конфедерацией аккоюнлу, менее сильной в это время, у Темура были относительно дружеские отношения.

Неудача Темура в попытке подчинить кочевую конфедерацию Западного Ирана объяснялась не недостаточной военной силой, а отсутствием трайбализма, т. е. племенного духа. Чтобы уничтожить кочевые конфедерации, с которыми он воевал, военной победы было недостаточно: необходимо было лишить их поддержки, оттянув от них часть племен, а это Темуру не удалось. Служение в армии Великого эмира мало привлекало кочевников из земель, не входящих в улус. Правление Темура было слишком суровым, чтобы позволять племенам действовать самостоятельно, поэтому новые племена или группы могли влиться в его армию лишь в качестве второстепенных членов. Эта перспектива была не по душе членам союза, который обеспечивал значительную степень свободы в его пределах. И если некоторые группы, не обладавшие влиянием, например арабы и каладжи Кума и Кашана и аккоюнлу, служили в войсках Темура, то лишь как временные отряды.

Поскольку Темур не смог отколоть племена от большой конфедерации, он не сумел подчинить их надолго или даже ослабить. Возможно, поэтому значительные массы

кочевников – тюрко-монголов и степняков Золотой Орды, – несмотря на высокое положение некоторых эмиров, так и не сохранили верности Темуру.

Во время Великих походов Темур разорил множество городов и областей, уничтожил немало династий и племен, но не смог полностью подчинить своей власти самые могущественные из оседлых – это были курды и музаффариды, которых он стер с лица земли, среди кочевников – джелаиры, каракоюнулы, которых он вытеснил, но не уничтожил.

Итак, отношение Темура к покоренным правителям во многом напоминало его отношение к племенам улуса, отличаясь, пожалуй, большей жестокостью к недавно завоеванным народам. Как и племена, местные династии остались на месте, но были лишены большей части политической, региональной и военной власти. Их правителей то и дело меняли, страны перекраивали, военную мощь ограничивали. Что касается их структуры, Темур внес немного изменений, он лишь создал новый управленческий слой. Однако этого было достаточно, чтобы держать завоеванные страны под контролем в продолжение всего царствования и, соответственно, в руках их правителей.

Новые подданные Темура из оседлого населения были уязвимы в том смысле, что их ресурсы были привязаны к определенному месту, поэтому их не очень сложно было держать в повиновении. Кроме того, в противном случае их без труда можно было наказать. Но для них в правлении Темура были некоторые выгоды: оно давало возможность их младшим братьям или свергнутым правителям прийти к власти, к тому же процесс унификации на Ближнем Востоке благоприятствовал городскому населению и торговцам. Во всяком случае, разумнее была покорность, так как противостоять Темуру они все равно не могли.

Чужеземные кочевники были менее лакомым куском для Темура. Они имели большую свободу, нежели оседлое население, поскольку земля их не привязывала, в связи с чем они меньше опасались террора Темура, да и не имели практических выгод от его нашествий.

Темур так и не смог справиться с крупными союзами кочевников Западного Ирана, так как, чтобы их ослабить, ему надо было оторвать от них некоторые племена, но это было сделать практически невозможно.

Его армия была организована не по племенному признаку, и его правление было разрушительным в плане могущества племен. Поэтому новые племена могли ассимилировать в армии лишь в качестве неравноправных членов и служить в войсках по принуждению, не преследуя выгоды. Его успехи в борьбе с кочевыми противниками были временными, а после его смерти все вернулось на круги своя. Он покорил обширные земли с кочевым населением в Моголистане и в Дешт-и-Кыпчаке, но не присоединил их к империи. Он вытеснил туркменскую конфедерацию Ближнего Востока из их восточных территорий, но не смог завладеть их людскими ресурсами, как это было с оседлыми народами, которых Темур подчинил себе и использовал, почти ничего не меняя в их жизненном укладе, ну, а для того, чтобы сделать то же самое с кочевыми племенами, надо было лишиться их племенных традиций, что ему удалось с кочевниками улуса, но на новых землях его в этом отношении постигла неудача.

Темур нес на себе печать счастливой судьбы, и противиться ему – значило противиться воле Аллаха. Некоторые элементы этой идеологии совпадали с иранскими и исламскими принципами. Кураническая идея о том, что военные и политические победы доказывают расположение Всевышнего, и иранская идея о харизматической природе царской власти всегда использовалась на Ближнем Востоке. Поэтому Темур приспособил эти идеи к своим целям и свел на нет отдельные недочеты своей завоевательной политики. Таким образом, к концу жизненного пути Великий эмир имел мощнейшую армию в мире, имеющую самую универсальную структуру для той эпохи – эпохи Великих завоеваний.

Административное устройство

В общих чертах администрация Темура напоминала властные структуры других государств кочевников, которые были до него и после него. Получив в наследство две

хорошо отработанные системы управления – тюрко-монгольскую и арабо-персидскую, – он их скомбинировал и приспособил к своим задачам. Темур использовал письменность и чиновничество оседлых народов для осуществления административных функций в завоеванных странах и над этими чиновниками поставил другую администрацию, организованную согласно тюрко-монгольской традиции и укомплектованную представителями правящего класса улуса Чагатая.

В системе управления Темура основное распределение имело место между оседлым и тюрко-монгольским населением, что достаточно ясно прослеживается в исторических источниках. Доказательством тому является перечень должностей для его тюрко-монгольских сторонников. Как и в других государствах кочевников, военные дела, почетные обязанности при дворе и управление делами улуса возлагались на тюркские группы, а чиновники из оседлого населения управляли финансами, собирали налоги и занимались местным управлением. В администрации было два центральных дивана: диван-и-ала, в котором работали персидские чиновники, и чагатайский диван, или диван-и-бузуг. Эти диваны не были параллельными учреждениями.

Первый был административным, с широкими полномочиями, а второй, очевидно, функционировал главным образом как трибунал для чагатайских эмиров.

В правительстве Темура, как у большинства кочевых династий, не было четкого разграничения между гражданскими и военными делами, и нельзя связывать персидских чиновников только с гражданским, а тюрко-монгольских – только с военным управлением. Трудно определить сферу тех и других, и есть сведения о персах и чагатайцах, которые занимались разными вопросами. Почти во всех землях, присоединенных к империи Темура, персидский язык был основным канцелярским и языком литературы и культуры.

Отсутствие разграничения между оседлыми жителями и чагатайцами в администрации частично объясняется близким знакомством чагатайцев с культурой оседлых народов. Включение чагатайских эмиров в «оседлую», в частности персидскую, культуру еще до завоеваний Темура ясно прослеживается в истории. Племена улуса частично зависели от налогов, которые они собирали с оседлых подданных, а тюрко-монгольские эмиры улуса тесно контактировали с оседлой «уламой», членов которой они использовали как посредников во внутренних и внешних спорах. Более того, некоторые эмиры Темура сами были поклонниками персидской культуры. Один из первых и влиятельных сподвижников Хаджи-Саиф аль-Дин писал стихи и на персидском и на тюркском, а внук Темура Халил Султан изучал поэзию вместе с персидским поэтом Исмаат-Аллах-Бухари. Одним словом, Темуру и его соратникам были понятны нужды и обычаи оседлых подданных. Административная система оседлых народов была знакома им, поэтому они могли контролировать основные аспекты гражданского и даже финансового управления. Персидская графика была нужна им в первую очередь как техническое средство управления, которое требовало специфических навыков в письме и счете.

Тесная связь персидского и чагатайского персонала заметна в диван-и-ала, т. е. в персидском диване, в делах которого прекрасно разбирались чагатайские эмиры. В источниках упоминаются эмиры из диван-и-ала, которые явно были чагатайцами.

Сбор налогов, главная забота диван-и-ала, является хорошей иллюстрацией того, как эти задачи распределились между чагатайским и персидским персоналом. Первым налогом, который брался с завоеванного города, был денежный выкуп, или «мал-и-аман». Обычно высокопоставленные эмиры-чагатайцы занимались этим сами, а в некоторых случаях они работали вместе с двумя-тремя высшими чиновниками дивана. Вторым источником дохода от покоренных городов была городская казна. Считать и регистрировать эти богатства было обязанностью персидских писцов из диван-и-ала. Сбором обычных налогов в провинциях империи Темура также занимались и чагатайцы, и оседлое чиновничество, хотя они делали это раздельно.

После сбора налогов самой важной обязанностью оседлых чиновников был надзор за местными диванами в провинциях, и этим также занимались персы совместно с

чагатайскими эмирами. Неясно, были ли это регулярные инспекции, но доподлинно известно, что в Керман такие группы периодически наезжали. Их посылал центральный диван, и в каждую группу входили один чагатайский эмир и один персидский чиновник. Группы, проверяющие особые дела, часто включали в себя эмиров и писцов. Например, в 1399 г., когда Темур узнал о неподобающем поведении Мироншаха, он отправил одного эмира и одного писца разобраться в этом. Когда же Великий эмир узнал о том, что в Азербайджане конницей Мироншаха было раздавлено 40 тыс. мальчиков, Темур физически жестоко и публично наказал его. Что касается Пира Мухаммада, который, являясь губернатором Фарса, не выполнил приказ о выступлении в поход, в это дело вмешались соратник Темура Аллахдад и видный персидский чиновник Музаффар аль-Дин Натанзи.

Историки повествуют, что когда Умаршайх растратил целевые деньги, предназначенные для благоустройства Герата, перс-финансист, не побоявшись гнева Темура, доложил обо всем властителю, за что Умаршайх в наказание был отправлен правителем Андижана.

В отдельных случаях, иногда особо важных в финансовом отношении, разбором занимались только персидские писцы. Когда Едигу Барлас, правитель Кермана, был уличен в краже, туда были посланы люди из диван-и-ала без эмира. Однако это дело разрешилось в частном порядке: жена Едигу, двоюродная сестра Темура, выплатила похищенную сумму. Итак, при расследовании нарушений персидские чиновники-писцы использовались даже чаще, чем чагатайцы, возможно, в связи с тем, что большая часть нарушений была связана с финансовой стороной.

При распределении должностей и обязанностей обе части правительства Темура рассматривались достаточно демократично. Некоторые должности могли занимать и персы, и эмиры, а другие, хотя и относились к сфере правительства, могли занимать и неправительственные чиновники. Пост визиря или непосредственного руководителя диваном занимали чагатайские эмиры.

Должность даруги, предполагающая командование войсками, обычно принадлежала чагатайской сфере, но иногда Темур назначал персов-писцов или представителей духовенства. Особо выдающиеся писцы назначались военачальниками.

Можно предположить несколько причин тесной связи между персидским и чагатайским кругами. В период почти не прекращавшихся походов было естественным, что все члены правительства в той или иной мере участвовали в свою очередь в военных делах; поскольку армия была самым крупным учреждением при Темуре, неудивительно, что военные служили и в гражданской администрации. Кроме того, чагатайские эмиры, служившие Темуру, хорошо знали менталитет персов и умели находить общий язык с ними, работавшими на них, ну, а персидские чиновники издавна служили тюрко-монгольским правителям. Очевидно, поэтому не было препятствий в сотрудничестве эмиров-чагатайцев с чиновниками-персами.

Таким образом, разделение администрации Темура на две сферы не влекло за собой четкого разделения обязанностей или разобщенности между чагатайскими и персидскими служащими, точно так же наличие различных должностей не ограничивало и не определяло возможности людей в достижении высокого положения. Не многие посты открывали широкую дорогу или обеспечивали определенное место в администрации Темура. Обязанности, связанные с определенной должностью, могли выполнять люди, фактически не занимающие ее. Эмиры, назначенные править городами и районами в империи Темура, ходили в походы вместе с войсками, а приписанные к военным делам зачастую занимались сбором налогов или восстановлением городов.

И все же персидская бюрократия Темура занимала более низкое положение при дворе, особенно что касается власти. Нам даже известно, кто возглавлял персидский диван. Сам Темур большей частью использовал чагатайских эмиров, знакомых с персидской традицией и оседлым образом жизни, с целью ограничения власти и независимости персов. В своей книге о визирях династий Ближнего и Среднего Востока «Дастур аль-вузара» Хондемир

пишет, что визири при Темуре имели не много власти, что правители темуриды часто назначали и смещали визирей и назначали на эту должность ограниченных людей. Особенно это справедливо в отношении эпохи Темура. Биографии его визирей в книге Хондемира краткие и неполные по сравнению с биографиями визирей при поздних темуридах.

Есть несколько причин относительно низкого статуса визирей Темура. Отношение Темура и его сподвижников к персам, в котором сочетались фамильярность и презрение, определяло место и роль персидских чиновников при дворе. Термин «таджик-мизан», т. е. «персидского происхождения», служил выражением презрения. Когда представители царского дома недостойно вели себя, как это часто случалось, ответственность возлагалась на персов из их окружения, и влияние этих «низких» людей считалось причиной, например, безумных поступков Мироншаха, или неудачного похода Пир Мухаммада в 1399–1400 гг., или поражения внука Темура Султана Хусейна в Дамаске в 1400–1401 гг. В случаях с Мирон-шахом и Пир Мухаммадом несколько придворных-персов были казнены. Темур, не колеблясь, отменял распоряжения диван-и-ала, к примеру, так было с его решением снизить размер дани, наложенной диваном на правителя Калимира.

Чиновники верховного дивана, который постоянно находился в поле зрения Темура, обладали особенно малой властью. Нет сведений о том, что визири или сахибы дивана влияли на политику Темура в отношении оседлых народов. Руководители дивана, о которых нам известно, упоминаются лишь в связи со сбором дани или подсчетом богатств, взятых из казны покоренных городов.

Руководители провинциальных диванов там, где их не контролировали влиятельные эмиры, видимо, имели больше возможностей для независимости, и у них были значительные источники могущества. Политическая раздробленность Ирана до нашествия Темура обусловила трудности в централизации бюрократии из оседлого населения. Даже редкие сведения указывают на то, что местные чиновники могли обладать значительным влиянием на местах. После завоевания Ирана такая вероятность независимости была, очевидно, предметом озабоченности Темура, и он наложил ряд ограничений на власть этих чиновников. Над ними стоял правитель провинции из чагатайских эмиров, многие из которых занимались и гражданским правлением. Кроме того, в каждом крупном городе был даруга, чаще всего чагатаец, ведавший и гражданскими, и военными делами, иногда он был связан с местными диванами. Хотя высшие лица провинциальных диванов отвечали за финансы, сами они не могли контролировать сбор налогов. Таких сборщиков назначал непосредственно диван-и-ала, и эти люди, видимо, осуществляли контроль за местными диванами. Сборщиками налогов были мухассилы, большей частью из чагатайцев.

Темур следил за недопущением злоупотреблений на местах, особенно в последние годы своего царствования. В 1403–1404 гг. он потребовал дать отчет от улама своего медреса и послал священников вместе с чиновниками дивана во все уголки империи расследовать злоупотребления и наказать виновных.

Члены оседлой бюрократии имели большие возможности для поборов, тем более что в их задачи входила эксплуатация местного завоеванного населения, а не его защита. Налогообложение, конфискация и опись местной казны, расследования и наказания злоупотреблений на местах – все это не способствовало любви чиновников Темура к местному населению. И Темур, и его сподвижники поощряли чиновников за увеличение поборов. Описывая покорение Сирии, Ибн Арабшах дает перечень местных бюрократов, которым Темур поручил обирать население. Темур продолжил тюрко-монгольский обычай получать богатые дары от чиновников, что, естественно, способствовало коррупции.

Темур брал на себя роль защитника подданных, когда наказывал чиновников-персов за злоупотребления, делая это прилюдно и всенародно.

В своей завоевательной политике одним из пунктов он ставил задачу устранения опустошительных последствий военных действий, и ее реализация возлагалась на эмиров и войска.

Темур был заинтересован в развитии сельского хозяйства и торговли. Его войска

занимались восстановлением городов, строительством новых зданий и сельскохозяйственными работами, а в обязанности даруг и губернаторов вменялось восстановление подведомственных им областей. Темур и его царевицы следили за созданием больших ирригационных каналов в Карабахе, Хорасане, близ Кабула, за строительством ирригационных сооружений на границе Мавераннахра в Шахрухии, Ашбара и Баш-Харма, а также мечетей, дворцов и крепостных стен. Контроль за строительством осуществляли эмиры-чагатайцы, иногда товаги, которые следили за работой своих воинов.

Персидское же чиновничество практически не занималось строительством. Только два писца-перса упомянуты в связи со строительными проектами: Джалал Ислам, чиновник, известный также как военачальник, которому вместе с Шахмаликом поручили отремонтировать мечеть в Ириабе по пути в Индию, и сахиб самаркандского дивана, занимавшийся постройкой мечети во время семилетнего похода Темура, но допустивший ошибку в чертежах, за что и был казнен.

Интересны различия в использовании чиновников-персов Темуром и династиями сельджуков, тюрко-монголов и сафавитов. При вышеназванных династиях визирь или сахиб дивана обычно был влиятельным и могущественным лицом. Многие визири основателей династий – Тогрул Бека у сельджуков, Хулагу у ильханов и Тах-Исмаил у сафавитов – были большими людьми. Эти династии предоставляли власть персидским чиновникам по разным причинам. Сельджуки и монголы, не знакомые с культурой и политикой Ближнего Востока, нанимали чиновников Хорасана и поручали им управлять оседлым населением и договариваться с местными правителями. Желание ильханов продолжать персидско-исламскую традицию монархического правления и обосновать законность власти традициями Ближнего Востока обеспечивало их визирям высокое положение. Ранние ильханы не хотели адаптироваться на Ближнем и Среднем Востоке и основали монархическую власть на базе тюрко-монгольских традиций. Однако они нуждались в опытных администраторах на новых землях и многие сферы в правлении доверяли своим чиновникам-персам, назначая их не только на финансовые должности, но и губернаторами больших провинций.

Сафавиды предоставляли власть персам по другим причинам. Они пришли к власти на территории Среднего Востока и хорошо знали его культуру и обычаи. Поэтому они не очень нуждались в чиновниках из оседлого населения для управления этими землями, что объясняет относительно низкое положение визирей при шахе Исмаиле. Но персы были нужны им для другой цели – ограничить власть племенных вождей, которые командовали большей частью отрядов в армии. Поэтому шах Исмаил назначал на должность вакила – вице-регента по гражданским, религиозным и иногда военным делам – персидских чиновников, а не туркменских эмиров. Политика выдвижения персов в ущерб менее послушным вождям туркменских племен продолжалась и при преемниках шаха Исмаила.

Таким образом, существовало несколько способов использования кочевниками чиновников из оседлого населения: их могли назначать управляющими оседлых территорий, о нуждах и возможностях которых кочевники знали недостаточно; их использовали для строительства или для утверждения новой власти на основе местных обычаев и традиций; наконец, они и административная система, созданная ими, служили противовесом власти племенных вождей.

Темур же нуждался в чиновниках из оседлого населения совсем по иным соображениям. Он довольно хорошо знал покоренные народы, и его люди могли править самостоятельно. Он основывал законность своей власти, скорее, не на традициях Ближнего и Среднего Востока, а на традициях тюрко-монгольской империи, внутри которой он пришел к власти и от которой унаследовал отношение к оседлым народам. Персидское чиновничество не было нужно ему и для уменьшения могущества своих соплеменников, так как он уже имел в распоряжении более эффективные средства для контроля за ними. Поэтому персидским чиновникам отводилась достаточно скромная роль: техническое управление финансами и местными делами. Такое положение давало им мало возможностей для

усиления их власти или авторитета. Темур использовал должность и посты в качестве вознаграждения и контроля, дабы усилить свой новый политический порядок, не давая лицам, занимавшим их, добиться независимой власти, которой пользовались их предшественники.

Хорошей иллюстрацией этой политики служит пост эмира как представителя высшей власти. Этот титул был одним из самых высоких, и его занимали лишь выдающиеся люди, но их функции неопределенны и неясны. При помощи этого титула Темур выделял новую чагатайскую элиту и устанавливал в ней иерархию, и в то же время это был инструмент исключительности.

В начале своего правления Темур назначил на посты эмиров нескольких племенных вождей, и в этом, видимо, была попытка завоевать их лояльность.

Темур разделял верховенство над племенем от высших и почетных должностей в улусе Чагатай. Когда он потерпел неудачу склонить на свою сторону племенную знать, то начал планомерно исключать из своей элиты племенных вождей и не давал пост эмира даже своим сподвижникам, если те возглавляли какое-нибудь племя. Эмирами были люди, получившие этот пост благодаря их преданности в службе, а не по причине их знатности.

Однако Темур делал исключение для своего племени, барласов, допуская их к высшей власти, хотя их положение было ниже, чем у членов его семьи и его соратников. Представительство барласов в числе эмиров являлось на редкость постоянным: был один эмир из каждой главной ветви барласов (их было всего пять), и эти эмиры передавали свой титул сыновьям или братьям по наследству. Назначение барласов на этот пост говорит о стратегии Темура возвышать людей своего племени и сохранять, хотя бы формально, его структуру.

Следующим по значимости был пост бахадура, функции которого еще неопределеннее. Темур, видимо, использовал его как предоставление почета второму уровню своей элиты, т. е. для тех, кто ни по рождению, ни по своим заслугам не заслуживал титула эмира. Среди бахадуров было несколько соратников Темура, несколько каучинских эмиров, а также лица неизвестного происхождения, но не было представителей влиятельных племен улуса. Титулы эмир и бахадур служили для оформления и укрепления новой политической системы.

Темур был последователен в распределении должностей, дающих более четкие властные привилегии и функции. Значимость постов определялась количеством и формой власти, которую имели люди, их занимавшие, и любая власть тут же исчезала, как только начинала представлять самую малую опасность верховному властителю. Прежде всего, Темур проводил четкую грань между военной и провинциальной сферами деятельности, он отделял контроль за основными военными силами от управления каким-нибудь регионом.

В предыдущей части рассмотрено распределение власти в армии Темура. Самые крупные отряды в ней возглавляли либо его наследники, либо соратники, либо их родичи. На первый взгляд распределение военных должностей отражает его благосклонность к своим личным друзьям, получавшим самые высокие посты в армии. Назначение на высокие воинские посты людей, в руках которых сконцентрированы большие военные силы, будто бы способствует концентрации власти у отдельных лиц, но как бы ни были почетны должности эмир аль-умара и товачи, они не обеспечивали солидной базы для власти. Люди, занимавшие их, тесно сотрудничали с Темуром и работали под его надзором, их положение не давало им ни войск, ни земель, ни даже, насколько нам известно, определенной власти над частью армии. Выбор на эти два поста соратников и каучинских эмиров является логичным. И те, и другие знали военное дело, а сподвижники имели крепкие, на протяжении ряда лет, личные связи с Темуром. Другим постом, аналогичным вышеупомянутому, был пост мухрара – хранителя печати, который также занимали его соратники, в основном, члены семьи Эйгу Темира. Этот пост, как и предыдущие, якобы предполагал прочное положение, но, по сути, не давал ни самостоятельности, ни основы для независимой власти.

Должность, которая представляла больше возможностей для получения личной

власти, – это даруга, предполагавшая управление территорией на определенной дистанции от верховного властителя. Знаменательно, что ее занимали, как правило, барласы, каучинские эмиры или хорасанцы, что касается двух последних, их назначали правителями мест, удаленных от родных земель, они обладали небольшой властью в армии и контролировали меньшие силы, нежели сподвижники Темура. Однако сподвижники получали редко земли, за исключением племенных территорий, которые передавались им вместе с племенными войсками.

Темур часто менял людей на посту даруги, даже из числа своих сподвижников. Темур назначил Дауда Дуглата даругой Самарканда в 1370 г., но после 1372 г. Самаркандом правили другие люди, причем, когда Темур уходил в поход, он назначал нового даругу. Шейх Али Бахадур стал даругой Хорезма в 1379–1380 гг., но на короткое время, и есть сведения, что затем Хорезмом правил протееже Темура Тохтамыш. Столь частая смена лиц на посту даруги не давала времени для того, чтобы прибрать к рукам достаточно власти и богатств в подотчетных регионах. Административная политика Темура отличалась от политики других тюрко-монгольских стран, где пост даруги часто занимали высшие представители знати. Похоже, что в конце жизни он отказался от этой политики, так как в 1403–1404 гг. назначил несколько личных друзей или их наследников на пост даруги.

В империи Темура не было такого слоя, в чьих руках находились бы и земли и войска. Используя метод контролирования и вознаграждения представителей правящего класса, сама структура должностей предотвращала возможную опасность для Темура. Среди сподвижников и соплеменников, личных сторонников и конечно же родичей распределялись самые большие воинские отряды и высокие посты – эмир аль-умара, мухрдар, товачи. Однако, награждая своих соратников, Темур старался ограничить их возможности в получении независимости, не допуская их к должностям, предполагавшим власть над большими территориями империи.

Следует рассмотреть еще один аспект в административной деятельности Темура – служебные перемещения или переход должности от одного лица к другому. При той новой и не во всем упорядоченной системе вызывает удивление, до какой степени разнообразные атрибуты власти сохраняли наследственную структуру. Командование войсками, посты эмира и бахадур, должности мухрдара, эмир аль-умара и часто товачи – все это сосредоточивалось в пределах одной и той же семьи. Переход по наследству войск и должностей был распространен у тюрко-монгольских правителей, например, при великих тюрко-монгольских ханах и в Китае под владычеством монголов. Нам остается лишь выяснить, почему Темур сохранил такую же практику.

Наследование должностей можно считать как ограничение власти верховного властителя, поскольку это не позволяло ему выбирать высших чиновников и уменьшало количество должностей, которыми он мог манипулировать. Однако для Темура такая система, вероятно, имела много преимуществ. Потратив значительные силы на то, чтобы отобрать власть у племенных вождей и распределить ее среди своих сторонников и соплеменников, Темур не был заинтересован в сохранении свободного доступа к атрибутам власти и авторитета. Переход по наследству должностей и войск служил укреплению групп, к которым он благоволил, и недопущению к ним людей, которых он лишил власти. Это также способствовало сохранению разделения между представителями военной и региональной властей.

Кроме того, наследственные права на должности не означали утрату контроля над ними. В отсутствие правила приоритета ближайших родственников всегда имелось несколько вероятных кандидатов на любой пост, т. е. должности могли передаваться не только сыновьям, но и более дальним родственникам. И зачастую это решал сам Темур. Когда, например, в 1383–1384 гг. умер Чеку Барлас, Темур отдал его пост сыну покойного – Джаханшаху. После смерти Эйгу Темира в 1391 г. Темур оказал честь нескольким его родственникам, но в первую очередь Шахмалику, которому доверил пост мухрдара.

Пост даруги реже переходил по наследству, чем остальные. Единственными даругами,

передававшими свое место наследникам, были барлаские эмиры, это могло быть связано с традицией совместного правления, о чем речь шла выше. Города Балх и Бухара, управляемые эмирами-барласами, оставались до конца жизни Темура в руках одних и тех же семейств.

Что касается земли, то владение ею ограничивалось только соплеменниками Темура, которые жили в основном в центре империи. В провинциях, где население было меньше связано с Темуром и где было больше возможностей обрести независимую власть, землевладение не сосредоточивалось в одной семье. Если наследование должностей могло представить собой угрозу для верховного правителя, оно не разрешалось. Одним словом, такая система была выгодна властителю.

Управление империей было нелегким делом, но еще труднее было для суверена сохранить свою личную власть. Территории улуса Чагатай и завоеванные земли Ирана издавна не имели центрального руководства, а их политические системы были рыхлые, власть осуществляли племена в улусе и местные династии в Иране. Все это надо было заменить централизованным правлением, сосредоточением в руках суверена. Создавая свою администрацию, Темур использовал имеющиеся традиции – тюрко-монгольскую систему и исламскую чиновничью систему покоренных стран. Из этих элементов Темур создал правительство, служившее его целям. Активную и размытую политическую систему он заменил более послушной, пригодной как нельзя лучше для подавления независимых источников и политической активности, которая могла возникнуть вокруг них.

Чтобы понять логику администрации Темура, надо уяснить не только ее структуру, но и то, как он ею пользовался. Он использовал текучесть своей администрации для усиления личной власти, это была система, которой легко манипулировать, чтобы контролировать подчиненных. Если рассматривать ее под таким углом зрения, то система правления Темура является абсолютно логичной и последовательной.

Темуру могло угрожать не только появление отдельных центров власти, но и продолжение политической активности, которая имела место до его прихода к власти. Его манипулирование титулами и постами с целью появления политической активности особенно ясно видно на примере назначения на пост эмира. Не предоставляя его тем, кто правил племенами, даже тем, кто были его личными сподвижниками, он отказывал, таким образом, племенам в высоком положении внутри своего нового порядка и еще больше ослаблял этот источник независимой политики. Так как главенство в племени не давало ни военной власти, ни большого престижа, за это место не стоило и бороться. Поскольку борьба за власть над племенем, прежде всего, была главным фактором политической жизни в улусе, его устранение способствовало созданию спокойной политической системы, нужной Темуру для сохранения своей власти. Темур продолжил традиционное распределение титулов и должностей частично потому, что это служило упрочению нового порядка. Он мог влиять на выбор кандидатов, поэтому наследственные посты не были базой для усиления власти или центром продолжения политической активности.

Перед нами система, основанная не на четком разграничении функций, а на тщательном разделении и ограничении властных полномочий. Если старые традиции были ему выгодны, он их сохранял, но если они могли стать угрозой его положению, он от них отказывался. Хотя персидские чиновники и при нем исполняли свои традиционные функции, роль их теперь была неопределенной. Он оставил многие должности наследственными и назначал своих людей на самые ключевые посты, однако по главным направлениям он отошел от этой практики, почти преграждая своим сторонникам доступ к должности даруга и очень часто меняя людей на этом посту.

До конца жизни Темура его администрация работала исправно. Недостаточно четкая структура лишала подчиненных определенных властных полномочий и позволяла ему вмешиваться в их дела. В то же время систематическое распределение должностей не допускало появления независимой политики как источника возможной опасности для верховного властителя.

Дипломатия

В апокрифической автобиографии Темура есть строки, повествующие о том, что в возрасте шестнадцати лет он уже знал, что «...мир – это золотой сундук, полный змей и скорпионов», и, очевидно, этой сентенцией он зачастую руководствовался на дипломатическом поприще.

Еще до восхождения на высшую ступень власти, его неустанной заботой являлось поддержание тесных сношений, за развитием которых проследить очень трудно, с племенными вождями и соседними владетелями, правившими Моголистаном, Гератом, сербадарской «республикой», и, разумеется, со многими другими. Единственная дипломатическая миссия того периода, о которой мы располагаем мало-мальскими сведениями, – это посольство, направленное им в столицу Хорасана весной 1367 г. и возглавленное одним из его родственников, человеком верным, а именно эмиром Чакубарласом.

Избрание Темура в 1370 г. не только не положило конец этой деятельности, но и существенно ее активизировало. В указанном году – возможно, и раньше – он вновь имел контакты с сербадарами и, как свидетельствует Хафиз Аbru, послал им подарки; его же эмиссары оказались достаточно убедительными для того, чтобы «республика» не замедлила примкнуть к Темуру. Переговоры с Гератом происходили все чаще; в документах они датируются 1372 г., однако могли иметь место и ранее.

Одним из козырей в руках правящих семей средневекового Запада было заключение политических браков, приносивших им новые землевладения или, за неимением таковых, союзников. На Востоке, где женщины, за редким исключением, самодержавными правительницами не бывали, произвольно распоряжаться улусами они не могли, но были властны укрепить союз; увы, опыт свидетельствовал, что поставленная на них карта слишком часто бывала бита. То, что Хусейн и Темур были шуринами, естественно, их союзнические отношения упрочило, но не спасло от разрыва, который в конце концов произошел. Вместе с тем войти в семью, стоящую на ступеньку-другую выше семейства собственного, являлось делом почетным; вот почему Темур любил титуловать себя «царским зятем». Начиная с первых лет христианской эры, вся китайская иностранная политика вращалась вокруг обмена женщинами между императорским двором и родоплеменными вождями «северных варваров», и последние к этому заметно привыкли. Разумеется, Великий эмир тоже попробовал создать сеть союзов на основе перекрестных династических браков, однако результат оказался малоубедительным. В 1378 г. он высказал гератскому малику пожелание укрепить их старинную дружбу посредством брака. Тогда сына малика женился на Темуровой племяннице, что, тем не менее, не помешало разразиться конфликту всего через несколько месяцев. Красавица Хан-заде, став снохой владетеля Самарканда, тоже спасла Ургенч весьма ненадолго.

С объединением в единое государство огромных территорий Темур стремился к установлению как внутри своей империи, так и за ее пределами тесных экономических контактов. С этой целью Темур прежде всего восстановил и обезопасил караванные дороги Великого Шелкового пути, что сделало возможным увеличить приток товара и капитала в Мавераннахр. Следуя основными направлениями Великого Шелкового пути – семиреченскому, ферганскому и каратегинскому, – купцы не только везли товары, но и сообщали о состоянии экономики в других государствах, рассказывали о быте, обычаях и верованиях людей, выступая своеобразными распространителями культур различных народов. Несомненно, купцы представляли и разведывательные данные. Обладай и далее континентальная Азия той степенью безопасности и стабильности, которую сумел ей обеспечить Темур к началу XV в., морским путям было бы нелегко (если вообще возможно) выдержать конкуренцию с Великим Шелковым путем и другими караванными артериями.

С усилением влияния государства Темура в Центральной Азии и на западных ее

границах связи между странами начали расширяться. Мамлюкское государство в Египте, включавшее в себя Сирию и Хиджаз вместе с мусульманскими святынями, с середины 80-х годов XIV в., при султанах Беркуке, обладало мощной силой и служило защитой для сопредельных стран Востока. Взаимоотношения Темура с Беркуком начались еще в 1385 г., и тогда между странами установились официальные отношения. С 1386 по 1405 г. Темура более 20 раз обменивался письмами и посольствами с египетскими султанами Беркуком, затем с Фараджем, а также с их заместителями в Сирии.

Отношения между Темуром и Беркуком не складывались: Беркук в союзе с Баязедом и предводителями туркменских эмиратов объединился против Темура. Однако внезапная смерть Беркука в 1399 г. сделала султаном Египта и Сирии его сына Ан-Насир Фараджа, но тот следовал по отношению к дипломатическим миссиям Темура политике своего отца, что привело в 1400 г. к военным действиям, в результате которых пострадали города и население. И только в 1403 г. отношения между Темуром и Фараджем немного наладились, о чем свидетельствуют хроники об обмене посланиями и посольствами между двумя правителями: мир был подписан, и султан Египта признал верховную власть Темура. Очевидно, Темура не ставил перед собой цели завоевать Египет, но стремился заручиться поддержкой султана Египта против своих соперников. Так или иначе, Темура добился своего.

С Китаем и Индией у Амира Темура были весьма активные дипломатические отношения. В истории дипломатических отношений Темура с Китаем можно выделить два периода.

Первый из этих периодов начинается с 1384 г., когда устанавливались дипломатические отношения между Темуром и китайским императором Чжу-Юань Чжань (1360–1398 гг.). С 1387 по 1397 г. Темура отправил в Китай шесть посольств. Однако ухудшению отношений между государствами был виновен сам китайский император, назвав в одном из посланий Темура сыном, что означало признание Темура, самого могущественного правителя Востока, своим вассалом.

С 1397 г. начинается второй этап между государством Темура и Китаем, который характеризуется ухудшением дипломатических отношений, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо данных об обмене дипломатическими миссиями и торговыми караванами.

К началу 1405 г. 200-тысячная армия Темура была готова к походу на Китай, но его смерть спасла Китай от разрушения.

Постоянное дипломатическое представительство короля Испании Генриха III находилось при дворе Амира Темура. Как мы ранее отмечали, его возглавлял Руи Гонсалес де Клавихо, который написал «Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура», и там приводятся любопытные данные, свидетельствующие об оживленных международных дипломатических отношениях государства Амира Темура с сопредельными государствами и западными странами.

Решению Темура начать борьбу с османами, помимо отказа Баязета выполнить его требования, способствовали также призывы о помощи со стороны государств Запада. В предстоящем столкновении с турками Темура, по-видимому, намеревался сочетать свои действия на суше с действиями итальянцев и греков на море. Вот почему содействие Трапезунда и Константинополя, где еще были военные суда, казалось Темуру необходимым для достижения его целей. Вероятно, этими же мотивами руководствовался Темура, отправляя посольства с подарками и письмами в Геную и Венецию, которые в то время обладали солидными морскими силами.

До нас дошло письмо Амира Темура к Иоанну Палеологу, заместителю византийского императора в Константинополе. Это письмо, подлинность которого не вызывает сомнения, было составлено на персидском языке, но сохранилось в несколько искаженном итальянском переводе. Доставленное из Константинополя в Венецию знатным венецианцем, оно было опубликовано в 1793 г. итальянским историком Муратори.

Из письма следует, что Темура, уже выступивший против Баязета, требовал от

императора Трапезунда, где находились послы Темура, морских подкреплений в количестве 20 кораблей. Далее говорилось, что Темур в переговорах с Баязедом (посредниками были католические миссионеры) требовал от него возмещения нанесенного Византии ущерба и возвращения отнятых у нее областей. От наместника византийского императора Темур требовал выполнения договора, который, судя по письму, состоял в том, что наместник должен с 20 кораблями прибыть в Трапезунд. Однако после Анкарской битвы, на полвека отсрочившей падение Византии, трапезундский император Мануил не выполнил договора и открыто помогал разбитым туркам, а у Темура не было флота, чтобы наказать Мануила.

Во время пребывания в Малой Азии Темур вступил в дипломатическую переписку с отдаленными государствами Западной Европы, в частности с Францией и Англией. Эта переписка свидетельствует, что у европейцев и у Темура оказался один общий враг – могущественная Османская империя.

Об обмене официальными посольствами между Темуром и французским королем Карлом VI у нас сведений нет, а сохранившаяся в архиве Франции дипломатическая переписка между ними относится ко времени после Анкарской битвы. Однако из оригинала письма Темура Карлу VI можно заключить, что и до этого письма между ними велась переписка. Их послания передавались католическими монахами, за спиной которых стояла Римская курия.

Из этой переписки видно, что предложения французского короля не были отвергнуты Темуром и что Карл VI встретил со стороны Великого эмира поддержку в его восточной политике. До нас дошло только одно послание Темура Карлу VI (на персидском языке), подлинность которого не вызывает сомнения уже потому, что в двух местах поставлена печать Темура. Факсимиле письма было издано в Бомбее в 1928 г. в сборнике статей иранского востоковеда Мирзы Мухаммедхана Казвини.

Письмо датировано 1 августа 1402 г. Следовательно, оно было отправлено почти тотчас же после разгрома турок при Анкаре. Однако Темур ни единым словом не обмолвился в этом письме о блестящей победе над османами. Трудно допустить, что Темур не сообщил бы Карлу VI о своей победе над их общим врагом. Этому факту можно дать такое объяснение: по всей вероятности, письмо было заготовлено до анкарского сражения, а датировано и отправлено после этого события. Однако в письме приписано, что «отправленный к Вам монах Иоанн изложит Вам обо всем, что произошло». Вероятно, монаху, католическому архиепископу в Иране, игравшему значительную роль в сношениях Темура с Западной Европой, автору мемуаров о Темуре, было поручено устно доложить о событиях в Малой Азии. Письмо это было написано в необычной для восточных правителей манере. Стиль письма чрезвычайно прост, даже с оттенком небрежности. В нем нет обычных для такого рода писем гиперболических метафор и изысканных выражений. Наконец, в письме ясно выражено желание Темура установить регулярные торговые связи между его государством и Францией.

В Национальной библиотеке в Париже сохранилось еще одно письмо Темура Карлу VI, дошедшее до нас в латинском переводе. В заголовке письма стоит следующая надпись: «Это есть копия или изложение письма достославного повелителя Темур-бея, которое он прислал светлейшему королю Франции, переведенного с персидского на латинский язык». Персидский подлинник письма в архивах Франции обнаружен не был. Это письмо датировано тем же числом, что и первое письмо, т. е. 1 августа 1402 г. В нем уже говорится о победе Темура над Баязедом. Следовательно, оно было написано почти тотчас же после анкарской битвы, вслед за первым письмом.

Второе письмо Темура резко отличается по форме и по содержанию от первого письма. Он обращается к королю Франции в таких выражениях: «Светлейшему и победоноснейшему и другу Всевышнего, благодетельнейшему для мира, победоноснейшему в великих войнах, малику и султану, королю франков и многих других народов привет и мир я возвещаю». Насколько известно, мусульманские правители не жаловали христианским правителям титула «султан». Трудно поверить, что Темур в этом отношении представлял исключение.

К тому же в персидском письме мы этого титула не встречаем.

Далее в письме Темур, приглашая короля Франции верить тому, что ему будет говорить архиепископ Иоанн, делает такую оговорку: «...но не в делах веры». Это совершенно неожиданное ограничение могло прийти на ум монаху, но не Темуру или его министру. В этом письме встречаются противоречащие исторической действительности неточности в указании места и времени отправки письма. Наконец, нельзя не обратить внимание на весьма витиеватый стиль письма и весьма почтительные выражения в адрес французского короля. Все это отсутствует в первом, подлинном письме Темура французскому королю. Напрашивается вывод, что редактором данного латинского письма, по всей вероятности, был указанный монах Иоанн, который стремился вложить в письмо все, что могло бы польстить самолюбию французского короля, укрепить авторитет архиепископа и поднять значение возложенной на него дипломатической миссии. Нам неизвестно, на основании каких данных автор надписи в заголовке указывает, что письмо якобы было переведено с персидского на латинский язык. Не исключена поэтому возможность, что персидского текста вообще не существовало. Письмо могло быть составлено на латинском языке от имени Темура архиепископом Иоанном и привезено им во Францию в 1403 г. В «Повременной записи деяний франков» приведены не лишние интереса сведения о прибытии посольства архиепископа Иоанна в Париж в 1403 г. В хронике говорится, что, прибыв в Париж, посол Темура в торжественной обстановке изложил цели своего приезда, а именно: 1) известить о победе Темура над Османской империей, о взятии в плен султана; об освобождении христиан, взятых в плен Баязедом, и о намерении Темура предоставить свободу и другим христианам, если таковые найдутся; 2) желание увидеть величие трона Франции и поведать о блеске державы Темура. Далее посол заявил, сообщает летописец, что его посольство предлагает две существующие выгоды для христианской религии: 1) обеспечить свободу торговых отношений для купцов обеих стран и 2) если король и герцоги согласятся, эту свободу торговли закрепить заключением соответствующего соглашения или договора. Представляет известный интерес единственно сохранившееся письмо Карла VI Темуру, датированное 15 июня 1403 г. Более ранние письма, о существовании которых свидетельствует дошедшая до нас переписка, к сожалению, не сохранились. Письмо начинается такими словами: «Карл, Божией милостью, король франков, светлейшему и победоноснейшему государю Темурбею привет и мир». Не вызывает сомнения подлинность письма, так как его копия сохранилась в Национальной библиотеке в Париже. Редактором письма, по всей вероятности, был все тот же архиепископ Иоанн, которому в данном письме уделено очень много внимания, да и по форме оно является подражанием латинской редакции письма Темура. Немало места в письме короля Франции уделено развитию торговых отношений между Францией и государством Темура. Обе стороны были в этом заинтересованы. Из письма короля становится ясным, что подданные Франции имели свободный доступ во владения Темура и широко этим пользовались в своих интересах. Из сохранившейся переписки между Францией и Темуром видно, что речь идет о заключении торгового договора. Есть основание думать, что лишь смерть Темура, наступившая в 1405 г., помешала довести до конца начатое дело. В 1405 г. в Париже был воздвигнут Амиру Темуру памятник с надписью: «Освободителю Европы». Таковы наши сведения о связях государства Темура с Францией. Впервые занимался изучением упомянутой переписки видный французский востоковед начала XIX в. Сильвестр де Саси.

Менее изучены связи Англии с Востоком. Известно, что англичане в Средние века не приняли участия в исследовании Востока, если не считать фантастического путешествия английского рыцаря Джона Мандевиля в XIV в.

Из западноевропейской хроники известно, что Темур и его сын Мироншах вели дипломатическую переписку с Англией. Эта переписка со стороны Англии велась на латинском языке, а со стороны Темура – на персидском. До нас дошли только два послания английского короля Генриха IV (1399–1413 гг.): одно – Мироншаху, другое – Темуру. Подлинность этих посланий не вызывает сомнения, ибо копии этих документов сохранились

в архивах Англии. Послание Генриха IV к Мироншаху было издано в Лондоне в 1860 г. в многотомной переписке Генриха IV со своими корреспондентами, а его послание к Темуру – в Лондоне в 1846 г. (подлинник хранится в Британском музее). Указанные послания представляют несомненный интерес, так как они являются дополнительным источником, откуда можно почерпнуть сведения, которых нет в исторической литературе Востока и Запада. Доверенным лицом в сношениях между Темуром и Мироншахом, с одной стороны, и Генрихом IV, с другой, являлся тот же архиепископ Иоанн. Этот представитель Ватикана был не только служителем католической церкви на Востоке, но и ловким дипломатом.

Вспомним, что в рассматриваемый период отношения между Англией и Францией были весьма натянутыми. Заключенное ими в 1396 г. перемирие было вскоре нарушено: в 1404 г. снова возобновились военные действия между Францией и Англией. Следовательно, дипломатическая деятельность архиепископа Иоанна в Англии, сумевшего снискать полное доверие не только французского короля Карла VI, но и английского короля Генриха IV, могла иметь место между 1399 (год вступления на престол Генриха IV) и 1404 гг.

В послании Генриха IV к Мироншаху, которого король именует «Мирасса Амирасса» (т. е. Мирза Мироншах), выражается благодарность короля за неизменно дружественное и благожелательное отношение Мироншаха к католикам и «особенно к лицам духовным и франкам-католикам, даруя им милость и ласку и обеспечивая также безопасность купцам-христианам, как личную, так и в делах, – и равным образом для блага торговых выгод». Далее в письме выражается надежда, что «великий государь, покровитель католической религии... не отступит и впредь от столь благочестивых и счастливых намерений», поскольку, читаем далее в письме, «Ваше Величество по своему почину, как сообщают, возымело желание войти с нами в дружеское соглашение, во славу Божию, по некоторым вопросам, касающимся государственных дел и установления с этого времени мира, то да соблаговолит Его Величество ведать, что мы горячо желаем, дабы это самое соглашение было заключено от нашего лица и имени вышеназванным архиепископом», к которому король Англии питает полное доверие и который хорошо осведомлен об английских делах. В конце письма сказано следующее: «Словам его (т. е. архиепископа) соблаговолите оказывать полное доверие, как в силу этой нашей просьбы, так и в силу занимаемого им высокого положения; соблаговолите также принять всех его подчиненных и еще нескольких лиц, приставленных к нему с особой целью, описав нам с достоверностью, чтобы и мы с нашей стороны что-либо сделали, буде ваша милость того пожелает». Рассматриваемое послание было написано в Гертфорде в феврале месяце, но год не указан. Как можно усмотреть из доступных нам материалов, послание это могло быть составлено в 1401 г. У нас нет сведений, дошло ли послание Генриха IV до адресата.

Нам остается еще рассмотреть послание Генриха IV Темуру. Послание Темура Генриху IV в архивах не найдено; однако о нем упоминается в ответном послании английского короля, которое доставил также Иоанн. В начале послания указывается, что неизменно дружественное отношение Темура к английскому королю, о чем тот узнал от архиепископа Иоанна, ничем со стороны короля не заслуженное, высоко оценивается в Англии. В письме выражается за это благодарность. Далее в послании дается согласие на предложение Темура об установлении свободных торговых сношений между подданными Темура и Генриха. В послании мы читаем следующее: «Просим вас от всей души о вашем неизменном и впредь благоволении к нам и к нашим подданным и о том, чтобы наши купцы могли бы прибывать в ваши владения при вашей личной благосклонности к ним, поскольку и нам угодно, чтобы и ваши купцы могли прибывать в наши владения». В послании выражается «чувство большого облегчения и большой радости» по поводу «значительной победы» Темура над общим врагом – турецким султаном Баязедом.

В послании указывается, что архиепископ Иоанн, к которому автор письма отнесся «не столько с благоволением, сколько дружественно», должен не только передать Темуру данное послание короля, но и на словах поведать Темуру о его «делах и деяниях, поскольку ему (т. е. архиепископу Иоанну) подробнейшим образом сообщены наши соображения». Король

просит «отнестись с полным доверием к тому, что поручено ему сообщить вашему высочеству от нашего имени». Из послания видно, что архиепископ Иоанн, прежде чем посетить Англию, был во Франции по поручению Мироншаха, «по случаю мира и объединения» (так указано в послании) и вернулся обратно к Темуру. Подробности этой поездки нам неизвестны. Другим доверенным лицом Темура был монах из ордена доминиканцев Франциск, имя которого встречается в письмах Темура наместнику византийского императора (Франческо), в двух письмах Темура к французскому королю Карлу VI и в письме Генриха IV. Этот монах доставлял Темуру сведения о Западе и выполнял его дипломатические поручения.

Сохранившийся латинский текст послания Генриха IV к Темуру не дает сведений о месте и времени его составления. Но, поскольку в послании речь идет о поражении, нанесенном Темуром турецкому султану Баязеду при Анкаре, данное послание могло быть написано в конце 1402 или в начале 1403 г.

По форме и по содержанию письмо английского короля Темуру весьма близко к латинским посланиям Темура французскому королю Карлу VI. Отсюда можно предположить, что редактором и этого послания был архиепископ Иоанн. У нас нет сведений, было ли послание короля Англии вручено Темуру. Поскольку ответные послания королей Англии и Франции к Темуру датированы 1403 г., то они могли быть вручены ему до его возвращения в Самарканд осенью 1404 г. У нас нет также оснований полагать, что передатчик письма архиепископ Иоанн был в Центральной Азии и в столице Темура, Самарканде.

Приведенные факты свидетельствуют, что стремление к развитию торгово-посольских связей между государствами было основной частью политики государства Темура в международных отношениях.

Культура и религия

С Амиром Темуром связан расцвет культуры средневековой Азии – «Темуридский ренессанс». На фронтоне портала Ак-Сарая в Кеше Великий эмир велел выложить керамическими плитками слова: «Если сомневаешься в нашем величии, – посмотри на наши сооружения».

В начале своей победоносной карьеры Темур был особенно расположен к городу Кеш и сделал его духовным и культурным центром среднеазиатского мира, поэтому этот город и получил титул «куббатуль ильм валь адаб» (купол науки и морали); профессора знаменитых высших школ Хорезма, ученые Бухары и Ферганы должны были поселиться в его стенах, и Темур имел намерение объявить его своею резиденцией. В Кеше он построил прекрасный дворец Ак-Сарай. Этот дворец, строившийся более двенадцати лет, был произведением исключительно персидских архитекторов, которые остались верны национальному вкусу, и на верху главного фронтона поместили герб солнца и льва и украсили жилище туранского завоевателя эмблемою иранских властителей.

С течением времени Самарканд своим более удобным положением отнял преимущества Кеша и сделался настоящей столицей империи, и скоро, благодаря своей уникальной архитектуре, вышел на уровень великолепных столиц мира.

Весьма любопытна история этого города.

В IV в. до н. э. Александр Македонский вел свою армию на покорение Согдианы.

Город Мараканда (согласно источникам, так назывался Самарканд) – важнейший торговый центр в Согдиане – оказывал упорное сопротивление грекам, и во время последнего штурма войска Александра разрушили большую его часть.

Именно во время пребывания Александра Македонского в Мараканде был запятнан его образ героя-победителя: по случаю победы был устроен праздник, на котором, опьянев от вина и гнева, Александр ударом копья убил своего друга детства Клитуса. Очевидно, так было угодно Провидению.

Александр Македонскому понадобилось два года битв, походов и кровопролития, чтобы сломить сопротивление Согдианы.

После смерти Александра Мараканда перешла под власть его генерала Селевка и его наследников. В 256 г. до н. э. губернатор Диодот взбунтовался и основал Греко-бактрийское царство, в которое вошла и Мараканда. Век спустя городом овладел парфянский царь Митридат I.

В I в. здесь появился народ, происхождение которого окутано тайной, и известно лишь, что он родственник тюрков. Речь идет о кушанах. Из Кабула, ставшего их столицей, они создали огромную империю, которая охватывала северную часть Индии и большую часть Центральной Азии, где располагался и Самарканд.

В течение пятнадцати столетий происходил беспрецедентный культурный расцвет города. Самарканд был одним из тех блестящих центров, где в чудесном синтезе сливались дух и искусство греков, индусов, согдианцев и бактрийцев.

Кушанская империя пала под ударами новых соседей – сассанидов Ирана. Но и те недолго владели Центральной Азией, потому что, вытеснив кушанов, они вошли в контакт с варварами.

К 426 г. эфталиты, народ тюркского происхождения, вторглись в Согдиану и взяли Самарканд. Через 150 лет их сменили другие тюркские племена, пришедшие из районов Алтая, и властвовали здесь до прихода арабов. Эти западные тюрки оказались важным фактором цивилизации, обеспечив безопасность и религиозную терпимость в данной части Центральной Азии, властителями которой они были два столетия.

Их просвещенность способствовала исключительной активности согдианских вассалов. В Самарканде построили четыре монументальных выхода в виде ворот, ведущих на крупные трансасиатские пути, и торговцы воспользовались этим, чтобы добраться до Китая. Согдианский язык, алфавит которого имеет арамейское происхождение, стал международным языком торговой Азии. Следы, оставленные ими, включают: разные деревянные предметы, изображающие виноград, посуду из золота и серебра, части кольчуг, ткани, благовония и стеклянные сосуды изящной формы, которые пользовались спросом по всей Азии.

Китай благосклонно принял этих отважных торговцев, которые назывались «люди из страны Кан», или «самокийцы». Они научили китайцев делать и пить виноградное вино, посадили вишневые деревья своей страны в личном саду императора и выполнили сенсационный для того времени заказ – трон из радужного стекла. Взамен согдианцы покупали у китайцев шелк и перепродавали его персам и византийцам.

В то время Самарканд насчитывал двенадцать тысяч домов, расположенных внутри периметра большой стены, в том числе храмы, посвященные различным культам: в Согдиане были разрешены все религии. Проповедники Будды, Мани, Нестора и Зороастра шли по дорогам Азии, распространяя духовный свет. Грациозные танцовщицы из Самарканды украшали дворы царей.

Весь VIII в. прошел в Самарканде под знаком арабского завоевания и умиротворения в Согдиане, которую новые властители называли Мавераннахр, т. е. «страна за рекой». Китай, переживавший трудный период экспансии, начал считать тюркских принцев вассалами, но армия, посланная для защиты от арабов, вела себя настолько беззаконно, что население скоро перешло на другую сторону.

После тридцати лет конфликтов, споров и предательств произошло решающее столкновение недалеко от Самарканды, в 751 г. Это был один из тех решающих дней, которые определяют судьбы народов на века вперед. Столкнулись две сверхдержавы того времени: авангард молодой и воинственной империи арабов и передовые силы древней грозной Китайской империи.

Китайская армия и ее славный командующий Као-Сьен-Че были раздавлены арабскими войсками под командованием Зияд-ибн-Салиха, усиленными тюрко-согдианскими отрядами. Наступление китайцев окончательно захлебнулось под Самаркандом, но арабы, несмотря на

победу, так и не смогли продвинуться дальше на восток.

Самарканд вновь стал золотыми воротами между Западной и Восточной частями Азии, то закрытыми, то открытыми живительным ветрам торговли и цивилизации. Неожиданным результатом победы арабов было появление в Самарканде тысяч пленных китайцев, среди которых оказались мастера по изготовлению бумаги.

Местные жители научились у них этому методу и скоро стали поставщиками товара, пользовавшегося большим спросом во всех мусульманских странах. Бумага из Самарканда пришла на смену папирусу, была воспета поэтами и ценилась на вес золота.

В первые годы арабской оккупации произошли многочисленные восстания, после чего аббасидский халиф казнил Абу Муслима, тюркского героя из Хорезма, который когда-то помог ему взойти на трон «предводителя верующих». Это был один из самых смутных периодов в истории Самарканда.

За черными знаменами аббасидов, которые развевались над жертвами репрессий, появились белые штандарты тюрков, которые, в свою очередь, озаменовали истребление угнетателей. Армия халифа потерпела поражение, но тут на сцене появилась любопытная личность – Аль-Муканна – «крылатый пророк», который показывался на людях только в маске из золота. Со своими сторонниками, называвшимися «белые туники», по цвету одежды, он два года управлял Самаркандом с помощью террора.

Затем под властью далеких багдадских халифов, их губернаторов, которые с течением времени стали независимыми (саманиды), Самарканд снова стал процветающим городом, мировым торговым центром, перевалочной базой на Великом Шелковом пути, одним из сокровищ ислама, который в конечном счете стал его религией.

Самарканд продавал свои товары по всему миру: арбузы, пересыпанные снегом и перевозимые в свинцовых ящиках; вышитые серебром ткани, кубки и вазы, отделанные медью; знаменитый бархат; седла, украшенные подвесками из драгоценных металлов, и бумага.

В первой половине XIII в. этот город, одно из владений могущественного султана Хорезма шаха Мухаммада, находился на краю пропасти. С каждым победным походом воины Чингисхана все ближе подходили к воротам мусульманской Центральной Азии. Шах своими действиями провоцировал их, и, в конце концов, в 1220 г. тюрко-монгольский ураган опустошил цветущий город. Под неоднократными штурмами всадников, облаченных в кожу и железо, рухнули стены и замечательный акведук из свинца, питавший город водой, сгорела дотла мечеть, а перепуганные жители явились мишенью для стрел.

После смерти Чингисхана Самарканд стал собственностью его сына Чагатая и его потомков. Для опустошенного города это был долгий период почти полного забвения. Об этом пишет Марко Поло в своем «Описании мира», сообщая, что имеющаяся там христианская церковь, потерявшая свою центральную колонну, украденную мусульманами, держится только благодаря ангелам.

В царствование Святого Людовика Самарканд посетил Семпад, коннетабль царя Армении; он описал свое путешествие в письме, которое прочитал своим вассалам король Франции, затем сам царь Гайтон, попытавшийся изменить ход истории, призывая своих союзников монголов объединиться с рыцарями и уничтожить мусульманскую державу. Христиане, как известно, ответили отказом.

К середине XIV в. великий марокканский путешественник Ибн Баттута посетил Самарканд и описал раненый, но выздоравливающий город. Он писал, что «это – один из самых больших и красивых городов мира», но «его дворцы и памятники, пропорции которых свидетельствуют о возвышении духа жителей, большей частью разрушены так же, как и многие жилые кварталы. В городе нет ни стен, ни ворот, зато для полива садов установлены гидравлические машины. Тенистые берега реки застроены чайными, и много скамеек для отдыха людей, которые приходят туда вечером». Ибн Баттута присутствовал при свержении царствующего хана его двоюродным братом и при параде победившего войска численностью в 90 тыс. всадников в кирасах, на конях, покрытых кольчугами.

Всего лишь тридцать лет отделяют визит Ибн Баттута от торжественного вступления Темура в свою новую столицу, куда впоследствии стекались со всего мира по велению Великого эмира зодчие, художники, поэты, мастеровой люд...

Из содружества местных и пришлых мастеров уже в конце XIV в. складывается единая художественная школа. В стремлении к синтезу искусств (исключая скульптуру) создавались лучшие творения эпохи. Из таковых в наши дни в Самарканде сохранились три архитектурных ансамбля: большая мечеть, называемая Биби-Ханум, Гур Эмир – мечеть, ставшая мавзолеем темуридов, и Шах-и Зинда – мемориальный архитектурный ансамбль с великолепным орнаментом.

Темур играл активную роль в этих работах. Согласно историческим сведениям, он несколько раз приказывал сносить части этих сооружений, считая их непропорциональными, и строить новые по его личным указаниям. Он проявил в этом деле замечательные способности: безошибочно выбирал лучший проект из многих предложенных, со знанием дела обсуждал планы, предлагал оригинальные решения, организовывал строительные работы, иногда сам руководил ими, доверял талантливым людям, независимо от их происхождения. Рядом с Темуром, покорителем и разрушителем городов, уживался Темур – строитель прекрасных архитектурных памятников, школ, садов и каналов.

В отделке мавзолея Гур Эмир, мечети Биби-Ханум, ряда блестящих мавзолеев в комплексе Шах-и Зинда помимо облицовок были использованы настенные росписи в интерьерах, элементы из папье-маше с золочеными рельефами и прорезями в виде медальонов и цветов на синем фоне, создающие эффект художественных тканей. Великолепие и прелесть Самарканда заключались во внешней, загородной части, именно в садах, простиравшихся на два-три километра и щеголявших множеством увеселительных замков и дворцов. На востоке поднимался летний дворец Баг-и Дилкуш (Сад, восхищающий сердце) – увеселительное место, соединенное с городом красивой аллеей, а широкий, высокий, выложенный голубыми и золотистыми кирпичами портал этого дворца издали ослеплял блеском. Первый, или передний, двор был занят ханской гвардией в богатом вооружении, во втором дворе посетителя неожиданно поражали выстроенные в ряд шесть слонов с башенками, пестревшими разноцветными флагами, и только в третьем, самом внутреннем дворе здания, Темур обыкновенно давал аудиенции, сидя на ковре, расшитом шелками. Внутри этих дворов находились бассейны, густо обсаженные деревьями; в бассейнах струи фонтана играли красными и золотыми шариками.

В южной, загородной части Самарканда, располагался дворец Баг-и Бихишт (Райский сад), знаменитый как своей архитектурой, так и очаровательным расположением сада. По свидетельству Йезди, он был построен из чисто белого табризского мрамора на искусственном холме, окруженном глубоким рвом и соединенным мостами с парком, на одной стороне которого находился зоологический сад. Темур подарил этот дворец одной из своих внучек, дочери Мироншаха, и, так как он ее особенно любил, то и проводил зачастую именно здесь свои свободные часы. В этой части города находился и Баг-и Чинар (Сад чинар), названный так потому, что в нем были большие и роскошные аллеи в обрамлении чинар. В саду возвышался на искусственном холме выстроенный в форме креста увеселительный замок, снаружи украшенный искусными произведениями сирийского резца, а внутри расписанный альфреско и обставленный роскошной мебелью, как-то: массивными серебряными столами, кроватями и прочими дорогими, сказочно прекрасными вещами. Еще упоминается Баг-и Шимал (Сад ветра) и Баг-и Нав (Новый сад) – дворец квадратной формы, а длина каждого фасада определялась полутора тысячами шагов.

«Зафарнаме», Ибн Арабшах и Хафиз-и Абру свидетельствуют об определенном интересе Темура к рисункам, изображающим людей и животных, что, впрочем, противоречит предписаниям ислама, запрещающим отображать лики.

У Темура была галерея рисунков Мани (этому пророку доисламского периода приписывают самые лучшие рисунки в Центральной Азии), которыми он в часы отдыха любовался. Темур приказал художникам из Багдада и Ирана нарисовать еще более

замечательные фрески, чтобы украсить ими стены своих дворцов Баг-и Шимал и Баг-и Дилкуш. Это было время возрождения настенной тематической живописи.

Сюжетная живопись украшала лучшие дворцы Темура в Самарканде. По свидетельству современников, она отражает основные события жизни восточного властителя и его дворца: сражения в Иране, Дешт-и-Кыпчаке и Индии, приемы послов, правителей, ученых, празднества, пиры и пирушки, а также портреты Темура, членов его семьи и окружающей его знати – все то, что казалось главным в жизни общества, основанного на абсолютной власти и авторитете Великого эмира.

Настенная живопись времени темуридов (XIV–XV вв.) наряду с миниатюрой той же поры не уступала по широте охвата жизни миниатюрам известных «Больших французских хроник XV в.», но художественная концепция их разная. Живопись темуридов была верна вековым традициям изобразительного искусства Среднего Востока и являла собой синтез приемов отдельных его школ.

Пейзажная живопись возникла в убранстве интерьеров Самарканда около 80-х годов XIV в., после походов Темура и появления значительного числа иноземных мастеров. Известное влияние оказали на нее китайские мастера декоративной живописи.

Следы пейзажной живописи в настенных панно XIV–XV вв. имеются в росписи ряда самаркандских мавзолеев, в частности, Ширин-Бика-ака, 1385 г.; Биби-Ханум, 1404 г.; Туман-ага, 1405 г. Все они выполнены синей краской по белому ганчу в сочетании с позолотой.

Естественнонаучная живопись, частью аллегорическая, заключала в себе графические, иногда цветные рисунки к сочинениям о животных, растениях и небесных светилах. Интерес к научному познанию диктовал авторам этих рисунков возможно большее приближение к натуре. Вместе с тем уровень средневековой науки предполагал значительную долю домыслов, выражением их была аллегория.

Со временем аллегория теряла свое былое мифологическое и символическое значение, и уже лишённые всякого религиозного знания фигуры входили в архитектурный декор и настенную роспись в качестве распространенных украшений.

В хрониках темуридской эпохи упоминаются оформленные картинами дворцы Темура в Самарканде, Шахруха в Герате, Абу Саида в Исфахане. Сюжетный диапазон их был обширен: портретные изображения государя, его сородичей и сподвижников, сцены дворцовых приемов и пиршеств, походов и сражений, охоты и развлечений.

В послемонгольский период художественный металл возрождается сначала в отдельных местностях, а в пору Темура и темуридов – повсеместно, как общее явление всего Среднего Востока. Наряду с бронзой в качестве материала широко применяется луженая медь. Надписи на арабском языке вытесняются надписями ираноязычными.

Самаркандские мастера по-своему преломляли в творчестве лучшие образцы художественной бронзы и меди всего Переднего Востока. В отдельных школах сохранялись традиции, которые уходили в домонгольское прошлое. Лишь в последней четверти XIV и на протяжении XV в. эта стилевая общность стерла многие различия и утвердила некое единство.

Предметом увлеченности Темура была и литература, в особенности поэзия, большим знатоком и тонким ценителем которой он был. Во второй половине XIV – первой половине XV вв. в Самарканде, Герате, Балхе трудились и создавали свои бессмертные художественные произведения такие выдающиеся деятели тюркской литературы, авторы превосходных стихотворений и на фарси, как Атоий, Саккокий, Хафиз, Луфти, о которых возвышенно, с пафосом и глубоким уважением говорил в свое время Алишер Навои.

Важно отметить, что при решении важных вопросов Темура сначала советовался с учеными и сведущими людьми, а потом принимал решения. Как правило, Темура лично беседовал с представителями математических и астрономических наук, историками, поэтами, литераторами, лингвистами, а также с известными людьми в области теологии по самым насущным, жизненно важным вопросам созданной им Великой империи.

В этом отношении представляет определенный интерес приведенные Йезди факты созыва и проведения собраний известных в государстве Темура ученых и теологов. Собрав ученых, он сказал: «Люди, знатоки науки и религии, всегда царям в их деяниях оказывали помощь своими советами, а вы мне эту услугу не делаете. Моя цель заключается в том, чтобы вы оказывали содействие в установлении справедливости, в упрочении порядка и спокойствия, чтобы подданные жили в обеспеченности, а страна строилась и развивалась. Вам больше, чем кому-либо известно положение на местах, совершенных и совершаемых злоупотреблениях властью, притеснения властью простых людей, чтобы вы нам сообщали бы обо всем этом и предпринимали меры, обеспечивающие установление шариата и закона, если раньше военные походы на захват других стран занимали нас, теперь мероприятия, направленные на обеспечение спокойствия, составляют главную нашу заботу, прошу вас помочь мне в этом созидательном деле».

При дворе Темура служили мавлоно Абдужаббар Хорезми, мавлоно Шамсутдин Мунши, мавлоно Абдулла Лисон, мавлоно Бадриддин Ахмед, мавлоно Нигманиддин Хорезми, Ходжа Афзал, мавлоно Алаутдин Каши, Джалал Хаки и многие другие. Темур особое внимание обращал на развитие таких отраслей знания, как математика, архитектура, астрономия, литература, история, музыка.

Из светских наук он лучше всего знал историю; слова Хафиз-и Абру о его познаниях по истории тюрков, арабов и персов вполне подтверждаются тем впечатлением, которое, по словам Ибн Арабшаха, вынес из своей беседы с Темуром историк Ибн Халдун. Кроме того, Темур имел определенные познания в медицине и астрономии; среди ученых, привезенных им в Самарканд, были представители и этих наук, в частности, Хусам ад-Дин Ибрахим-шах Керманский – «мессия и Гиппократ своего времени», мавлоно Ахмед – врач и астроном, говоривший Ибн Арабшаху в 1406 г., что произвел астрономические вычисления за 200 лет. Есть, впрочем, данные, свидетельствующие о том, что Темур не признавал астрологии и предпочитал предопределять события по Корану.

Весьма любопытен и своеобразен этикет при дворе Великого эмира, где были синтезированы обычаи и церемонии всех тех земель и династий, на развалинах которых он утвердил свой могущественный трон. Придворный костюм из шелка, бархата и атласа имел арабский или мусульманский покрой, между тем как придворный наряд женщин, в котором главную роль играл шаукеле (высокий головной убор), напоминал староиранохорезмскую моду, именно: ханши носили длинное, падавшее пышными складками красное шелковое платье, отделанное золотыми кружевами; оно плотно охватывало шею, было без рукавов и имело такой длинный шлейф, что его обыкновенно несли часто до пятнадцати женщин. Лицо было под покрывалом, а в путешествии смазывалось белилами для предохранения от пыли и климатических воздействий. На голове они носили шапку из красного сукна, похожую на шлем, усыпанную жемчугами, рубинами и изумрудами, с круглым зубчатым украшением наверху и ниспадавшими длинными перьями. Отдельные перья опускались до самых глаз, придавая при движении особую прелесть лицу. Как женщины при дворе осыпали себя драгоценностями Азии и искусными изделиями ювелиров Мультана, Исфахана, Ганжи, Бурсы и Венеции, так и мужчины демонстрировали не менее ослепительную роскошь в осыпанных драгоценными камнями оружии и поясах.

Двор Темура был необыкновенно блестящ, что свидетельствовало о его богатом содержании.

Походный лагерь Великого эмира состоял из 10–15 тыс. палаток, где размещались не только двор и вельможи, но и прочий люд. Здесь были представители всех городских цехов, открывались богатейшие лавки, ремесленники устраивали свои мастерские, даже были импровизированные горячие ванны. Прежде всего разбивались палатки двора Темура, для чего обыкновенно выбирался центр лагеря, и ему придавалась форма раскрытого веера. Потом уже размещались прочие палатки.

Под этими шатрами устраивались великолепные пиры. Наиболее любимыми кушаньями были: жареное мясо, баранье и лошадиное, плов, как его и теперь

приготавливают, мучные блюда с фаршем, торты с фруктами и сладкие сухарики. Лакомым блюдом считалась задняя часть лошади, разрезанная на кусочки и залитая соусом; ее подавали в золотых и серебряных чашах, между тем как другое жаркое, разделенное на куски искусными резальщиками, клали на кожаные скатерти и обносили кругом только после того, как Темур съедал первый кусок. Блюда из рубленого мяса также подавались к обеду. На десерт подавали фрукты. Затем следовала очередь напитков, но без позволения Темура никто не смел пить спиртное ни в гостях, ни дома. Любимыми напитками были вино, буза, сливки с сахаром, кумыс, впрочем, предпочтение отдавалось вину. В начале застолья его разливали кравчие, которые, стоя на коленях, одной рукой подносили кубок на подносе, а другой держали шелковый платок или салфетку, чтобы гость не закапал себе платье. После того, как кубки совершали несколько церемониальных кругов, мало-помалу исчезали чинность, появлялись огромные бокалы для тех, кто желал осушить подобный за здоровье Темура.

Обряд поднесения вина женщинам был гораздо изящнее: один держал золотой кувшин, другой – золотой кубок и поднос. Только после троекратного коленопреклонения они смели приблизиться к женщинам, кравчий должен был обернуть руку салфеткой во избежание малейшего прикосновения к ханским дочерям, но это мелочное правило целомудрия не мешало прекрасному полу при дворе Темура оставлять пиршество в совершенно одурманенном состоянии.

Разумеется, в царствование Темура женщины не могли оказывать влияние на государственные дела, однако иногда им удавалось смягчить гнев Темура против какого-нибудь опального царевича.

Дневниковые записи испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо о свадебных торжествах внуков Великого эмира, состоявшихся в сентябре 1404 г. в Самарканде, дают возможность представить двор Темура во всем его блеске.

Праздник проходил на самой большой поляне в окрестностях Самарканда, называемой Ханский лагерь. Послы с удивлением увидели ряды разноцветных шатров, через которые они шли в сопровождении хозяев по аллеям, предназначенным для гостей и их подарков, затем направились вдоль реки, где стояли самые красивые и богатые шатры. Один из них выделялся роскошью и убранством – это был императорский шатер. Клавихо предположил, что он имел сто шагов в ширину и три боевых копия в высоту. Снаружи он был накрыт шелковой тканью в черную, желтую и белую полоску, а внутри слепило глаза от ярких цветов и золотых вышивок.

Он насчитал тридцать шесть огромных столбов сине-золотистого цвета, связанных пятьюстами позолоченными веревками со множеством крашенных шестов, которые поддерживали весь этот замок из войлока.

На концах самых высоких столбов сверкали медные шары, увенчанные полумесяцем. Пол шатра был устлан красивыми коврами и подушками.

Через один из двух выходов можно было пройти под круглой, просторной, выше человеческого роста, длиной более 300 шагов – навес из шелковой ткани, внутри которого стояли другие шатры, поменьше, богато украшенные и предназначенные для женщин императорской семьи.

Каждый день устраивались долгие трапезы с возлияниями. Послы понемногу богатели, потому что по окончании обедов Темур имел обыкновение раздавать подарки.

Однажды испанцам подарили столики, полностью отлитые из серебра, рулоны ткани и расшитые золотом одежды. Кроме того, они собирали серебряные монеты и золотые пластинки с вкрапленными в середину самоцветами, которые по тюрко-монгольскому обычаю щедро рассыпались над головами гостей.

В один из дней послов пригласили на женскую половину. Невестка Темура, жена его сына Мироншаха, полная белотелая женщина лет сорока, устраивала прием в своем роскошном шатре. Гости поклонились принцессе, которая предложила им сесть напротив нее. Ее окружали женщины из личной свиты; на коврах и небольших возвышениях сидели

вельможи и родственники, расположившиеся в углу, музыканты играли на разных инструментах.

Женщины начали с вина и подслащенного кобыльего молока; они пили из золотых чашек, которые им подносили слуги благородного происхождения с соблюдением сложного церемониала. Потом они предложили напитки приглашенным, причем в таких количествах, что некоторые вскоре свалились под стол мертвецки пьяные. В шатре царило безудержное веселье.

В этот момент вошла императрица Каньо и стала предлагать гостям еще вина. Особенно настойчиво она угощала брата Алонсо и Клавихо, но когда последний начал отказываться, ссылаясь на то, что вообще не пьет, она очень удивилась.

За возлияниями последовал обед, состоявший из большого количества мяса и других блюд, которые мужская компания оценила по достоинству; некоторые, особенно те, кто много выпил, закончили тем, что принялись обстреливать друг друга кусками пищи. А дамы нашли это занятие весьма забавным.

Затем испанцы были свидетелями церемонии бракосочетания, во время которой новобрачные девять раз меняли одежды, и их девять раз короновали золотыми диадемами, следуя древнему тюрко-монгольскому обычаю, который означает пожелание счастья будущим монархам. Близкие родственники сыпали им на головы жемчуга, золото и драгоценные камни, и в конце церемонии у их ног образовался сверкающий ковер, к которому не смели прикасаться гости, потому что все, что упало на землю, принадлежало слугам.

Наконец, в один из дней послы препроводили к императорскому шатру, рядом с которым они увидели два новых навеса из шелка, под которыми стояли яркие шатры. Они были предназначены для юных принцев, которые вступали в брак. Вокруг навесов поставили множество зонтов от солнца, а под каждым из них – большой кувшин с вином для гостей.

Перед обедом все послы вошли в шатер поприветствовать принца, который недавно прибыл из Малой Азии, своей вотчины. Это был Пир Мухаммад, сын старшего сына Темура, который проделал столь длинное путешествие, чтобы участвовать в свадьбе своих двоюродных братьев.

К полудню послы и избранных гостей пригласили к Темуру. Когда все расположились на возвышениях и коврах, из-под одного навеса вышла императрица Каньо и направилась к августейшему супругу. Клавихо описывает свое восхищение блестящим кортежем, который предстал взорам собравшихся. Первой шла Каньо, одетая в свободное платье из шелка, расшитого золотом, его шлейф несли пятнадцать придворных дам. Ее лицо, покрытое белилами, казалось маской. Она горделиво несла свою необыкновенную прическу, напоминавшую шлем воина, увенчанный пикой. Это сооружение было сделано из полосок ткани, прошитых золотыми нитями и украшенных гирляндами из жемчужин и драгоценных камней. Надо всем этим возвышалась диадема с тремя огромными рубинами, к ней был прикреплен белый плюмаж, который колыхался при каждом шаге императрицы. Ее иссиня-черные волосы свободно ниспадали на плечи. Рядом с ней шел евнух, который держал в руке белый зонт, защищавший голову госпожи от солнца. Свиту императрицы составляли три десятка дам в великолепных одеяниях. Войдя в шатер, она оставила их и села рядом с Темуром – но немного поодаль. Затем, к удивлению Клавихо, один за другим появились три кортежа, во главе каждого из которых шла женщина, одетая точно так же, как Каньо, а за ней следовало такое же количество придворных дам. Все три принцессы расположились в ряд, но позади императрицы.

Это были три другие жены Темура. Очевидно, одев их одинаково, он тем самым хотел устранить причины вполне естественного женского соперничества. Затем пришли пять женщин – жены его внуков.

Открывая празднество, Темур лично подал кубки с вином тем гостям, которым хотел выразить особое почтение. Один он протянул брату Алонсо, но не предложил вина Клавихо, так как знал от жены, что тот не пьет.

Немного позже состоялся парад боевых слонов, выкрашенных по такому случаю в зеленый цвет. Огромные животные, подробно описанные Клавихо, важно покружась, бросились в погоню за группой всадников, которых они, в конце концов, окружили, закончив впечатляющую скачку.

После парада начался обед. В течение нескольких часов сотни слуг разносили медные подносы с горами вареного мяса, а жареных баранов и лошадей привозили на повозках.

Когда все это невероятное количество пищи было съедено, Темур приказал зажечь множество фонарей из цветного стекла. После обеда принесли кувшины с вином и кумысом, которые быстро опустошались, не минуя и женщин. Поздно ночью уставшие послы удалились спать, а Великий эмир продолжал руководить праздником.

На следующий день, когда послы проснулись, их уже ждал человек от Каньо, чтобы передать им приглашение от госпожи. Близился полдень.

Они вошли под навес, где находились шатры императрицы и ее свиты. Многие знатные люди, включая женщин, пришли засвидетельствовать свое почтение Каньо по случаю браков, заключенных в императорской семье.

Испанцев привели в один из шатров, где по знаку императрицы им подали обед. После обеда два принца крови повели их по другим шатрам показать собранные там сокровища.

Среди шатров выделялся один, похожий на ротонду, очень высокий и просторный, как это принято у тюрко-монголов; он был настолько великолепен, что Клавихо посвятил ему несколько страниц. Шатер был накрыт многоцветной шелковой тканью, сверху ниспадали длинные полосы из парчи с привязанными к ним пластинками позолоченного серебра. В нем хранились сокровища мира.

Перед дверью испанцы увидели икону прекрасной работы, довольно большого размера, изображавшую Святых Петра и Павла с Евангелиями в руках. Икона была украшена золотом и серебром, эмалью самых ярких оттенков и драгоценными камнями византийского происхождения.

В центре шатра находился комод из золота, инкрустированный эмалью и драгоценными камнями, на котором стояли шесть графинов и шесть чашек, также из золота, отделанных необыкновенной красоты жемчужинами. Перед комодом стоял золотой столик, на котором красовался огромный изумруд, оправленный в ценный металл.

Немного в стороне стояло странное дерево с очень толстым стволом. Оно было сделано целиком из золота. Вместо плодов на ветках висели рубины, изумруды, самоцветы, сапфиры, жемчужины – круглые и овальные, необыкновенной чистоты. Среди дубовых листьев, сделанных из тонкого листового золота, сидели золотые птицы, покрытые эмалью разного цвета.

В шатре было немало других произведений ювелирного искусства, но дерево затмевало собой все остальное (ранее оно принадлежало багдадским халифам).

В другом шатре послы увидели небольшую мечеть из резного дерева, покрашенную в сине-золотистый цвет. Она была разборной, и Темур брал ее с собой в походы. Послы также побывали в шатре, который был покрыт ценными мехами, в том числе белыми соболями.

К празднеству присоединялись другие приглашенные: это были солдаты, явившиеся на зов Темура со всех провинций империи – «орда». «Орда Темура быстро и организованно соорудила более двадцати тысяч шатров и палаток, ничем не уступавших городским жилищам, с улицами, площадями и ступенчатыми переходами. Императорский шатер был центром этого города, появившегося как по волшебству.

Ордынцы прибывали все более многочисленными группами в боевом порядке, затем с шутками и смехом расходились по садам, счастливые от того, что их пригласил предводитель».

Таковы впечатления европейца о дворе Великого эмира и о проведении празднеств.

С необычайной жесткостью Темур относился к воспитанию своих наследников, считая это государственным делом. Он совершенно исключал этот процесс из ведения их собственных родителей. Когда ожидалось счастливое событие, родильницу вызывали ко

двору и окружали ее всяческими заботами, но тотчас же после разрешения от бремени у нее отнимали ребенка и поручали его воспитание назначенным для этого лицам, тщательно следившим за его пищей, одеждой и всем необходимым; когда наступало время, ребенка поручали воспитателю (атабеку), и тот обучал его всему, что нужно было знать будущему государю. Разницы между воспитанием наследника престола и воспитанием других царевичей не могло быть, так как не было точно установленного порядка престолонаследия; кроме того, государство считалось собственностью всего рода, и отдельные царевичи в своих уделах были почти совершенно самостоятельными правителями; вмешательство главы династии происходило только в тех случаях, когда удельный правитель обнаруживал мятежные наклонности или ссорился с другими правителями, или когда область подвергалась явной опасности через никчемное правление или через внешних и внутренних врагов.

В 1370 г., в разгар борьбы с Хусейном, Темур приобрел духовного покровителя, сейида Береке; о его происхождении приводятся разноречивые сведения. Сейид остался в государстве Темура и получил в удел город Андхой, оставшийся и в XV в. во власти его потомков. По словам Йезди, сейид Береке всегда в походах сопровождал Темура; после смерти они были похоронены в одном мавзолее, причем лицо Темура было обращено в сторону сейида Береке.

Немногим больше известно об отношении Темура к другим представителям духовенства. В хрониках о вступлении Темура на престол в 1370 г. вместе с сейидом Береке названы термезские сейиды, или худавадн-заде, братья Абул-Маали и Али-Акбар. Подобно Береке, эти сейиды оставались, по крайней мере внешне, влиятельными лицами в государстве Темура до конца его царствования, с той разницей, что в их жизни была минута, когда они изменили своему государю.

Кроме Термеза, влиятельные представители духовенства были, конечно, в других городах Мавераннахра, без сомнения, и в Кеше, и в Самарканде. В хрониках о прибытии к Темуру в Карабах зимой 1403–1404 гг. представителей духовенства после сейида Береке и термезских худавадн-заде отдельно названы только самаркандские шейх ал-исламы и ходжа Абд ал-Эввель и его двоюродный племянник ходжа Исам ад-Дин, кешский ходжа Афзаль и сыновья кешского шейх-ислама Абд ал-Хамид и Абд ал-Рахман; говорится о присутствии бухарских шейхов, но при этом не называется ни одно отдельное имя. Несмотря на то, что современником Темура был знаменитый Беха ад-Дин, основатель ордена Нахшбанди, источники вообще ничего не говорят о каких-либо связях между двором Темура и шейхами Бухары.

Не совсем обычная встреча была оказана Темуру представителями духовенства в Хорасане в 1381 г. Еще в Андхуде юродивый Баба-Сенгу, считавшийся святым, бросил перед Темуром кусок мяса от груди животного; Темур объявил, что считает это благоприятным предзнаменованием и что Бог, очевидно, передает в его руки Хорасан, «грудь земной поверхности». В местности к югу от нынешнего Кухсана, в селении Тайабад, жил отшельник Зайн ад-Дин Абубакр Тайабади. Темур, прибыв туда, велел передать ему, что хочет его видеть, на что отшельник ответил, что у него к Темуру дел нет, если же у Темура есть дело, пусть придет сам. Встреча произошла. Темур потом сам рассказывал Хафиз-и Аbru, что во всех других случаях он при свидании с отшельниками замечал в них признаки страха, только при свидании с Тайабади страх испытывал не отшельник, а сам Темур. Ибн Арабшах, посвятивший этому свиданию особую главу, рассказывает, что шейх положил руки на спину Темуру, преклонившему пред ним колени, и тому, как он потом рассказывал, показалось, что небо упало на землю и что он придавлен между ними. Выслушав наставления шейха, Темур спросил, почему не наставлял таким же образом своего государя, гератского царя, предававшегося запретным удовольствиям. Шейх ответил: «Мы ему говорили – он не послушался. Бог наслал вас на него; теперь мы говорим вам: если вы не послушаетесь – Бог пошлет другого на вас».

По словам Ибн Арабшаха, Темур считал Зайн ад-Дина одним из трех духовных

покровителей, которым он был обязан своими успехами (двое других были Шамс ад-Дин Кулал и сейид Береке); но в истории Темура после 1381 г. он больше не упоминается, хотя прожил еще восемь лет.

Историки, писавшие при Шахрухе, когда шариат уже явно преобладал перед законами Чингисхана, естественно, были склонны преувеличивать благочестие Темура и его исключительное отношение к вере. Несомненно, что Темур был покровителем улемов, беседовал с ними как равный с равными и относился с особым уважением к потомкам Пророка. Кроме наследников самого Темура, сейиды были в его государстве, быть может, единственными людьми, жизнь которых считалась неприкосновенной.

Отношение к вере будто бы побудило Темура закрыть увеселительные места в Багдаде, Табризе, Султании, Ширазе, Кермане и Хорезме, несмотря на доход, который они приносили казне.

Как свидетельствует история, для Темура религия чаще была орудием достижения политических целей, чем причиной, определявшей его поступки. Тот же Темур, который в Сирии выступил защитником Али и его потомков, вследствие чего сирийцы считали его ревностным шиитом, в Хорасане восстановил суннитское правоверие, в Мазандаране наказывал шиитских дервишей за оскорбление памяти потомков Пророка. Вполне естественно, что мусульманские богословы в беседах с таким государем всегда опасались западни.

Вопрос о религиозных воззрениях Темура вызывал споры уже в его эпоху Великих завоеваний. Его почтение к Пророку, генеалогическая схема на его могиле, ведущая его происхождение от Али, и присутствие в его армии шиитов дали повод некоторым современникам и поздним ученым назвать его шиитом. Но вряд ли это правильно, так как Темур – выходец из области сильного суннитского влияния – даже использовал необходимость защитить суннизм как предлог для походов против властителей-шиитов. Кроме того, его придворным религиозным советникам был ханафитский ученый Абд-аль-Джаббар Харазми. Религиозная вера Темура с примесью тюрко-монгольских элементов шаманизма была близка к суфийской традиции, и в этом вопросе (вопросе религии) он, очевидно, принадлежал к суфийскому ордену Нахшбанди, чья власть уже хорошо укоренилась в Мавераннахре.

Темур нашел ислам особенно приемлемым для мотивировки своей власти и своих завоеваний. Он предпринимал походы против грузинских царей, шиитских саидов Амула и Мазандарана и немусульманских народов на пути в Индию, руководствуясь принципами шариата. Он благоволил к суфийским шейхам Мавераннахра и Хорасана, чтобы утвердить свой авторитет среди своих соплеменников и оседлых народов, в связи с чем священники не только подтверждали его верховную духовную власть, но и оправдывали его вторжение в исламские страны. В 1382 г. влиятельные шейхи Андхуда и Турбат-и-Шаих-и-Джам в Хорасане поддерживали его предстоящий поход против династии курдов в Герате.

Поддержка Темуром религии служила и для возвеличивания его личности и его династии. Он строил мавзолеи для членов своей семьи рядом с усыпальницами важных суфиев, а один из самых величественных комплексов, сооруженных по приказу Темура, был усыпальницей шейха Ахмада Ясави. Всю свою жизнь Темур высказывал почтение суфийским шейхам, которые входили в число его приближенных, таким образом, он положил начало покровительству деятелям религии, как улемам, так и суфийским шейхам. Однако власть оставалась только в его руках, и он не делился ею со священниками, поэтому ни улемы, ни суфийские шейхи не обладали большим политическим влиянием при его дворе.

Наследники империи Амира Темура

27 ноября 1404 г. Темур выступил из Самарканда и начал свое последнее военное предприятие – поход на Китай. Известно, что он дошел только до Отрара, где умер, по словам Йезди и Ибн Арабшаха, в среду, 18 февраля 1405 г., однако, судя по надгробной

надписи, – тремя днями раньше. События следующего месяца, до захвата Самарканда внуком Темура Халил Султаном, рассказаны довольно подробно у Йезди, источником которого было, по-видимому, анонимное сочинение.

Йезди в «Зафарнаме», помимо обширных рассуждений о бренности всего сущего, в стихах и прозе сообщает следующее: «Помимо семилетнего похода, когда Темур завоевал почти всю Азию, он направил свои мысли на то, чтобы водворить в мире справедливость, и он не имел большего желания, как желание осведомляться о положении своих подданных и излечивать их беды; если они были притесняемы тиранами, он заставлял вступаться за них правосудию, если они были бедны, он одаривал их благодеяниями, и, таким образом, он сделал мир цветущим и вселил радость в сердца народов. С целью искупить грехи и получить прощение за них, он тотчас по прибытии в столицу после семилетнего похода – и не отдохнув больше пяти месяцев – вознамерился пойти войной на идолопоклонников Китая и отправился в поход так, как об этом уже было рассказано. В то время, когда славные знамена прибыли в Отрар, находящийся в 76 фарсах от Самарканда в среду 10 шаабана 1405 г., высочайшее здоровье отклонилось от пути равновесия, и тело стало сильно гореть... Так как ум Темура с начала до конца оставался здоровым, то он, несмотря на сильные боли, не переставал справляться о состоянии и положении войска. Когда, вследствие своей проникновенности, он понял, что болезнь была сильнее лекарств, он мужественно приготовился к смерти, приказал явиться к нему женам и собственным эмирам и с удивительной предусмотрительностью сделал завещание, где изложил свою волю в следующих словах: „Я знаю наверное, что птица души улетит из клетки тела и что мое убежище находится у трона Аллаха, подающего и отнимающего жизнь, когда Он хочет, милости и милосердию Которого я вас вручаю. Необходимо, чтобы вы не испускали ни криков, ни стонов о моей смерти, так как они ни к чему не послужат в этом случае. Кто когда-либо прогнал смерть криками? Вместо того чтобы разрывать ваши одежды и бегать подобно сумасшедшим, просите лучше Аллаха, чтобы Он оказал мне свое милосердие, произнесите и прочтите фатиху, чтобы порадовать мою душу. Аллах оказал мне милость, дав возможность установить столь хорошие законы, что теперь во всех государствах Ирана и Турана никто не смеет сделать что-либо дурное своему ближнему, знатные не смеют притеснять бедных, все это дает мне надежду, что Бог простит мне мои грехи, хотя их и много; я имею то утешение, что во время моего царствования я не позволял сильному обижать слабого, по крайней мере, мне об этом не сообщали. Хотя я знаю, что мир не постоянен и, не будучи мне верен, он не станет к вам относиться лучше, тем не менее я вам не советую его покидать, потому что это внесло бы беспорядки среди людей, прекратило бы безопасность на дорогах, а следовательно, и покой народов, и, наверное, в день Страшного суда потребуют ответа у тех, кто в этом виновен... Теперь я требую, чтобы мой внук Пир Мухаммад был моим наследником и преемником; он должен удерживать трон Самарканда под своей суверенной и независимой властью, чтобы он заботился о гражданских и военных делах, а вы должны повиноваться ему и служить, жертвовать вашими жизнями для поддержания его власти, чтобы мир не пришел в беспорядок и чтобы мои труды стольких лет не пропали даром; если вы будете делать это единодушно, то никто не посмеет воспрепятствовать этому и помешать исполнению моей последней воли“. После этого он приказал явиться всем эмирам и вельможам и заставил их поклясться великою клятвой, что они исполнят его завещание и не допустят, чтобы кто-либо воспрепятствовал этому. Эмиры, услышав эту речь, пришли в волнение и отчаяние, заплакали и бросились с заплаканными лицами на землю.

А Темур, повернувшись к ним, сказал свое последнее слово: „Помните все, что я вам советовал, осведомляйтесь всегда о положении подданных, будьте тверды и мужественны, держите в руках свою саблю с достоинством, чтобы вы пользовались, подобно мне, долгим царствованием и большим государством; я очистил земли Ирана и Турана от врагов и возмутителей общественного порядка, я сделал их цветущими справедливостью и благодеяниями, если вы исполните мое завещание и возьмете за правило ваших поступков

справедливость и милость, царство и корона останутся в ваших руках на долгие годы, но, если раздор утвердится среди вас, успех будет дурным, враги вызовут войны и возмущения, которые будет трудно потушить“. Если они будут поступать вопреки его приказам, то „поверхность земли наполнится преступлением, и гибель найдет путь к государству и вере“. Прежде чем испустить дух, он распорядился, чтобы сделали несколько копий завещания и отправили их всем принцам и правителям империи. Затем Темура произнес несколько раз слова: „Нет Аллаха, кроме Аллаха“, согласно Мухаммеду, который говорит, что тот, кто произнесет эти слова последними, войдет в рай, – и затем передал свою душу Аллаху».

Великий эмир имел четырех законных жен и многочисленных наложниц. Но титул принцев крови и наследников получали только дети от законных браков.

Из четырех его сыновей старшие – Джахангир и Умаршайх – умерли раньше его. Джахангир оставил двух сыновей – Мухаммад Султана, который также умер, и Пир Мухаммада, правителя Восточного Афганистана. Сыновьями Умаршайха были: Пир Мухаммад, Рустам, Искандар, Ахмад, Сиди Ахмад и Байкара. Они правили Фарсом и Восточным Ираном. Третий сын Темура – Мироншах – получил провинции Азербайджана и Западного Ирана, но в результате падения с лошади он повредился разумом, и правление перешло его сыновьям – Умару мирзе, Аба Бакру и Халил Султану. Четвертый сын – Шахрух – в возрасте 28 лет стал правителем Хорасана и отцом Улугбека и Ибрахим Султана, которые в то время были еще детьми.

Темура был мусульманином и хотел соблюсти исламские обычаи, передавая власть старшей ветви своих потомков, но по рождению он был туранец и уважал также монгольский закон, отдавая каждому принцу крови часть наследства при условии, что они будут признавать верховным властителем законного наследника, восседающего на троне в Самарканде. Темура прекрасно понимал противоречия этой политической системы, но, зная, что власть его преемника будет зависеть от его личных качеств, надеялся на несомненные достоинства и ум своего внука Мухаммад Султана, сына старшего сына Джахангира, который станет гарантом порядка и спокойствия в семье темуридов. К сожалению, его любимый внук умер за два года до смерти Темура. Поэтому пришлось объявить престолонаследником его младшего брата Пир Мухаммада, правителя Афганистана, отважного воина, как большинство темуридов, но не имевшего необходимых качеств настоящего монарха и к тому же питавшего слабость к вину. В ту пору ему еще не исполнилось 30 лет.

Темура представил его в качестве своего преемника всем принцам и эмирам, собравшимся в Самарканде по случаю помпезного курултая, на котором присутствовал посол Испании. Лежа на смертном одре в Отраре, Темура назвал престолонаследником Пир Мухаммада в завещании и потребовал от эмиров торжественной клятвы соблюдения его последнюю волю.

Однако стечение злополучных обстоятельств нарушило планы Великого эмира. В момент смерти его преемник Пир Мухаммад находился в Кандагаре, в нескольких неделях пути от Отрара. Шахрух, его четвертый сын, единственный из наследников, который мог бы спасти положение, обосновался в Герате. Зато самые амбициозные принцы со своими отрядами стояли недалеко от Отрара и Самарканда.

Что касается эмиров и правителей, которые командовали войсками во всех провинциях империи, они наверняка выполнили бы все условия завещания, если бы оно дошло до них вовремя. Но сильные морозы и снегопады сделали непроходимыми дороги для гонимых с копиями завещания. Сказалась также нерешительность эмиров, находившихся в Отраре. Изолированные от мира за стенами дворца Берди-Бег, которые дрожали от ураганного ветра, императрицы и эмиры приступили к похоронной церемонии, читая ритуальные молитвы и держа совет, что делать дальше.

Было приказано хранить молчание о смерти Темура и блокировать любое передвижение войск до прибытия Пир Мухаммада. Эмиры решили, что достаточно собрать большую армию и направить ее в Китай, и враг, не подозревавший о смерти Великого эмира,

сдастся без боя. Они не осознавали, что большая армия отныне представляет собой разрозненные части. Тем самым они нарушили последнюю волю покойного господина и решили начать поход, не дожидаясь законного преемника, ссылаясь на то, что приближается благоприятный для похода момент. Они вручили юному принцу, одиннадцатилетнему сыну Шахруха, Ибрахим Султану, который находился вместе с императрицами, черный штандарт с серебряным драконом и барабанами деда и принудили армию оказать ему императорские почести. Согласно их планам, Ибрахим должен был вести войско до Ташкента, где находился правый фланг армии под командованием его кузена, сына Мироншаха, Халил Султана, которому Ибрахим и передаст общее командование. Далее, победив китайцев, в чем никто не сомневался, Халил сдаст свои полномочия Пир Мухаммаду и совместными усилиями все помогут ему сесть на трон в Самарканде.

Дабы осуществить этот наивный план, эмиры, находившиеся в Отраре, допустили еще две оплошности, имевшие катастрофические последствия: они одновременно послали запечатанные письма всем принцам крови с известием о смерти Великого эмира и о решениях, принятых ими в отношении отсрочки с использованием завещания. Первыми оказались предупреждены те, кто находился поблизости, таким образом, у них было достаточно времени для действий и для того, чтобы опередить самых преданных принцев, которые находились в удаленных провинциях.

Наконец эмиры возложили на носилки тело Темура и отправили его в Самарканд в сопровождении императриц и небольшой охраны. Им даже не пришла в голову мысль, что любой претендент-авантюрист мог захватить караван по дороге или по прибытии в Самарканд, чтобы использовать в своих интересах восточный обычай: похороны организует тот, кто назначен преемником покойного монарха.

Султан Хусейн, племянник Темура, который однажды дезертировал под Дамаском, находился недалеко от Отрара во главе крыла армии, готовой к походу. Он первым получил сообщение. Этот принц, о котором историки пишут, что «он отличался извращенной завистью и неуемными амбициями», сразу начал плести заговор и собирать сторонников для захвата Самарканда и трона.

Предупрежденные шпионами, эмиры запаниковали и срочно отправили еще два сообщения. Первое было адресовано Аргуншаху, губернатору Самарканда: ему приказывалось оказать сопротивление Султан Хусейну и даже схватить его при возможности. Другое было для принца Халил Султана, командующего правым крылом, располагавшимся в Ташкенте: его предупреждали о коварных намерениях кузена и просили о помощи.

Халил Султан понял, что фортуна повернулась к нему лицом: извещенный одним из первых о смерти Темура, об отсутствии законного преемника, отсрочки исполнения завещания, заговоре Султан Хусейна и о беспорядках, которые начали проявляться в армии, он сумел навязать свою кандидатуру на трон в Самарканде, вопреки завещанию. Халил сумел доказать, что также имеет права на трон, будучи сыном третьего сына Великого эмира, и что судьба не благоволит к Пир Мухаммаду, раз тот отсутствует, наконец, необходимо срочно его короновать, дабы защитить столицу от злодея Хусейна, иначе империя погрузится в анархию.

В сущности, Султан Хусейн, довольно непопулярный и слишком импульсивный, не представлял большой угрозы, но служил хорошим козырем для Халила, которого армия приветствовала как преемника Темура и была готова пойти с ним на защиту столицы. Несколько эмиров, включая одного из сыновей Умаршайха, присоединились к нему под влиянием его «веских» аргументов, хотя их в основном прельщали сокровища Самарканда, которые Халил обещал разделить с ними в случае успеха. О Пир Мухаммаде скоро забыли, как и о самом завещании.

Главной фигурой в этой шахматной игре был губернатор Самарканда, и Халил сделал все, чтобы привлечь его на свою сторону, отправив к нему двух тайных эмиссаров, которые посулили ему от имени их хозяина часть сокровищ Великого эмира и очень высокий титул в

обмен на поддержку. Халил просил Аргуншаха не открывать ворота города кому бы то ни было и ждать его приезда. Он должен был пропустить только носилки с телом Темура без эскорта. Жены Великого эмира также могли войти в город при условии, что их охрана и слуги останутся снаружи. После чего никто не должен был выходить за пределы стен.

Этот план удался. Султан Хусейн не посмел приблизиться к закрытым воротам и к стенам, оцетинившимся лучниками. Юные принцы Улугбек и Ибрахим Султан также не были допущены в Самарканд: губернатор объявил им, что имеет приказ никого не впускать в город до прибытия Пир Мухаммада. Это выглядело как действия, согласные завещанию. Но, понимая, что это заговор, оба принца ушли в Бухару вместе со своими отрядами.

Между тем тело Великого эмира внесли в город и положили в усыпальницу Мухаммад Султана. Вскоре появились императрицы, одетые в траурные одежды, с всклокоченными волосами, в слезах, и начали оплакивать покойного супруга. Большая часть населения покинула рынки, закрыла свои лавочки и также пришла оплакивать Великого эмира. Таким образом, жители Самарканда оказались искренне верными памяти Темура, в отличие от высокопоставленной знати, которая получала из его рук богатства и титулы.

18 марта 1405 г. у городских стен появился Халил со своей армией, которую уже покинули многие эмиры, – некоторые в силу угрызений совести, а другие, более многочисленные, понимая, что триумф этого юноши будет кратковременным.

Предатель-губернатор открыл ворота и вручил Халилу ключи от города и императорской цитадели. Через несколько дней самозванец сел на трон, приветствуемый своими сторонниками и врагами Самарканда. Он получил клятву верности от эмиров, высших чиновников и нескольких членов темуридского семейства, затем посетил глубокие подземелья крепости, где, согласно историческим сведениям, «были собраны сокровища всей Азии». Увидев ямы, наполненные рубинами, алмазами, изумрудами, жемчугами, сундуки с золотом и серебром, мешки с монетами со всех стран, рулонами китайского шелка и ценных персидских ковров, Халил решил, что это и есть гарантия его амбициозных планов и его власти.

Чтобы завершить триумф, ему оставалось устроить торжественные похороны деда, что выглядело бы в глазах тюркских и монгольских подданных естественным актом наследника, получившего благословение Неба.

Перед гробом из черного дерева, в окружении принцев, эмиров, представителей племен и вдов Великого эмира, стоял Халил в траурном платье; в это время чтецы читали суры из Корана, а беднякам раздавалась милостыня. Он сидел во главе ритуального обеда в большом новом зале мавзолея и рассказывал о выдающихся делах Завоевателя и его преданности религии. Он приказал перенести гроб с телом потомка Пророка сейида Береке и поставить его чуть выше гроба Великого эмира, согласно предсмертному желанию последнего. Останки Мухаммад Султана поместили справа от его деда. Затем он велел повесить на стены мавзолея ценное оружие, ткани, вышитые золотом, и покрыть надгробья роскошными покрывалами.

Вечером Халил, соблюдая монгольский обычай, приказал принести большой боевой барабан Темура, и один старый солдат долго выстукивал на нем траурную мелодию, после чего инструмент разбили на тысячу кусочков и разбросали их по ветру.

Сделавшись хозяином Самарканда и его богатств, Халил мог считать себя триумфатором. Он полагал, что все провинции империи со своими принцами, эмирами и войсками тут же признают его наследником Темура.

Однако меньше чем за три года он потерял трон и стал инициатором и свидетелем краха государства. В истории падения империй подобную зловещую роль еще никто не играл.

Ситуация напоминала ту, что имела место до прихода Темура к власти. Военная активность улуса Чагатая, которую Темур обратил на соседние страны, снова вернулась в границы империи. Члены его династии соперничали между собой, и удержать политическую власть вновь стало трудно, так как эмиры то и дело переходили от одного правителя к

другому. В борьбе за власть после смерти Темура встречаются почти все действующие лица, которые участвовали на момент его прихода к власти и в первые годы его правления. Члены семьи Темура и его сторонники, тюрко-монгольские племена улуса, местные династии оседлых народов и кочевники Ближнего и Среднего Востока – все принимали участие в гражданской войне. Но здесь надо отметить и существенные различия: несмотря на то что почти все прежние группы остались, их относительное могущество и влияние резко изменились.

Влиятельные политические силы, соперничавшие между собой после смерти Темура, были представлены людьми, которым он лично покровительствовал. Первыми мобилизовались и вступили в борьбу за наследство члены семьи Темура. Принцы быстро забыли отцовское завещание и принялись утверждать личную власть в регионах, пытаясь распространить ее на земли братьев и других родичей. Вторыми были люди, которым он доверял больше всего, – его сподвижники и их наследники. Они также активно включились в борьбу за власть, и в первые же годы после смерти Темура большинство членов этого класса взбунтовались против своих новых господ. Третьей политически активной группой были местные правители, к которым благоволил Темура, – в Хорасане, Систане, Мазандаране и в меньшей степени в Азербайджане. Эти люди начали устанавливать независимую власть над своими землями и посягать на территорию соседей. Зато менее активны были теперь силы, которые прежде доставляли беспокойство Темуру. Правители и династии, которые ему сопротивлялись и которых он усмирал, почти незаметны в эти годы, и их власть резко уменьшилась. Племена улуса Чагатай остались нетронутыми и участвовали в политической борьбе, особенно в Мавераннахре, но не в той мере, как родственники или соратники Темура. Одним из народов, которых Темура так и не смог покорить, были племенные союзы Западного Ирана, в частности джелаиры и каракоюнлу. Как отмечено выше, все конфедерации сохранили свое могущество и сплоченность во время правления Темура и только лишились части территории, теперь же они вернули отнятое и восстановили прежние границы.

Но больше всего изменился характер политической активности. Темура пришел к власти в хорошо отлаженной политической системе, которая, будучи неопределенной и текучей, тем не менее, основывалась на признанных политических отношениях и относительно малом насилии. Темура превратил ее в другую систему, столь же бесструктурную, но основанную исключительно на личной преданности суверену и на постоянных завоеваниях.

Смерть сильного властелина, особенно кочевника, часто приводила к политическому краху и к вооруженной борьбе за наследство. Борьба после смерти Темура была особенно долгой, кровавой и разрушительной частью из-за его личной жажды власти, частью из-за его исключительно успешной карьеры. Сыновья и внуки Темура, борясь за власть, оказались втянутыми в войну без всяких правил. Было неясно, кто кому хранил верность. Принцы убедились в том, что нельзя доверять не только своим братьям, но и своим подданным – ни эмирам с их войсками, ни правителям оседлых народов, ни простым воинам. Война была активна и беспорядочна, поскольку вознаграждения за верность были ничтожны. С окончанием великих завоеваний наступил конец притоку добычи извне. Принцы, воюющие за власть в империи, не могли обеспечить нормальной жизни и могли предложить лишь деньги из своих запасов. Борьба велась на всех уровнях и всеми средствами.

После смерти Темура его империя распалась на четыре региона, и каждый стал ареной борьбы за власть. В Мавераннахре Халил Султан легко захватил и затем в течение трех лет развалил государство. Шахрух правил Хорасаном, Систаном и Мазандараном с 1397 г., и хотя ни один член династии не мог оспаривать его права на эти земли, он постоянно сталкивался с многочисленными местными династиями и влиятельными сподвижниками Темура. В Фарсе трое сыновей Умаршайха, каждый из которых правил в отдельном городе, претендовали на власть. Азербайджаном правили дети Мироншаха – Умар и Аба Бакр, которые постоянно воевали друг с другом, а также, впрочем безуспешно, против конфедерации Каракоюнлу. История этих народов иллюстрирует различные аспекты того

положения, в котором оказалась империя после смерти Темура. Рассмотрим каждый регион в отдельности, опустив Фарс и Керман, о которых информации очень мало.

Самым упорным противником Халил Султана был законный наследник Темура Пир Мухаммад. В конце 1405 г. он прибыл в Балх из Кабула, чтобы заявить свои права на трон. Он попросил помощи у Шахруха, который назначил своего сына Улугбека и одного из своих верных эмиров Шахмалика править районами Андхуда и Шабуркана, недалеко от Балха. Пир Мухаммаду с большим трудом удалось уговорить Шахмалика выступить в совместном походе против Халил Султана; армии встретились под Карши в феврале 1406 г., и Халил Султан одержал победу. Пир Мухаммад вместе со своим самым могущественным эмиром Пир Али Таз Сельдусом скоро вновь собрал войска и захватил крепость Хизар-и-Шадман в верховье Окса. В феврале 1407 г. Пир Али Таз собрал вокруг себя несколько эмиров и убил Пир Мухаммада.

Предательство Пир Али Таза заслуживает внимания и по причине важности этого бунта, и также потому, что это было одним из немногих выступлений того периода, который можно считать временем племенной организации.

Пир Али был среди тех, кого вместе с Халил Султаном послали в 1404 г. в Ташкент, но после смерти Темура он оставил Халила и вернулся в Балх. Скоро он стал одним из самых могущественных эмиров Пир Мухаммада и, по сведениям Хафиза Абру, управлял делами Пир Мухаммада, пока сам принц предавался удовольствиям. Он первым захватил Хизар-и-Шадман, уговорил Пир Мухаммада присоединиться к нему и дать отпор Халил Султану. Выбор этой крепости не случаен, так как это было местопребыванием главной ветви Сельдусов во время прихода к власти Темура, где правили эмиры-Сельдусы вместе с некоторыми барласами.

Поэтому поступок Пир Али мог быть попыткой вновь объединить племя сулдусов. Интересно, что сулдусскими войсками, участвовавшими в битве Пир Мухаммада с Халилом в феврале 1406 г., командовал не Пир Али, а эмиры из области Хизар-и-Шадман. Эти войска дезертировали, что обусловило поражение Пир Мухаммада, поэтому возможно, что эта экспедиция имела целью установление полного контроля над регионом, где имелась многочисленная, но ненадежная армия. Вскоре Пир Али убил Пир Мухаммада. После смерти последнего Пир Али Таз попытался захватить в этом регионе власть и хотя потерпел неудачу, но причинил много беспокойства, пока не был разбит в 1407–1408 гг. и убит своими сторонниками.

Другим крупным актом сопротивления со стороны племен можно считать восстание Шайха Нур ад-Дина, сына Сарыбуги Джелаира, которого Темур сделал вождем джелаиров. Шайх Нур ад-Дин ушел от Халила Султана в начале 1405 г. и обосновался в Отраре.

Вскоре Шайх Нур ад-Дин вступил в союз с Худайдадом против Халила Султана. В ходе набегов эти эмиры захватили всю пограничную область, включая Сайрам, Ташкент, Андижан, Ходжент, Шахрухию, Отрар и Сыгнак. Самые западные районы, в том числе Отрар и Сыгнак, были землями Шайха Нур ад-Дина, а восточные, включая Андижан, принадлежали Худайдаду. Хотя Халил совершил несколько походов против бунтовщиков, успеха он не имел: они удержали свои территории и дошли до Самарканда.

В конце зимы 1409 г. Худайдад, возможно под влиянием Шайха Нур ад-Дина, написал Шахруху письмо с предложением атаковать с юга, в то время как они пойдут с севера. Когда Шахрух выступил из Хорасана, Худайдад взял в плен Халил Султана и овладел Самаркандом. По мнению Ибн Арабшаха, Худайдаду помогла информация, исходящая от эмиров Халила, но Хафиз-и Абру это отрицает.

Факт, что Хафиз-и Абру считает необходимым отрицать заговор, указывает на то, что это все-таки могло иметь место. Когда Шахрух подошел к Самарканду, Худайдад отступил к Халил Султаном. Позднее Худайдад был убит монгольскими эмирами, у которых он просил помощи, а Халил Султан перешел к Шахруху; Шайх Нур ад-Дин также засвидетельствовал ему свою преданность. В конце 1409 г. Шахрух захватил Мавераннахр, назначил Улугбека правителем и вернулся в Герат. Это восстание надо считать бунтом самых влиятельных

соратников Темура, не желавших попасть под власть принца, не такого сильного и талантливого, как их прежний хозяин. Именно эти люди – высшие лица из свиты Темура – бросили самый большой вызов принцам-темуридам.

В эти годы было несколько аналогичных восстаний сподвижников Темура и в других провинциях. Они были преданны самому Темуру, но не считали себя подданными его наследников, поэтому подумывали над тем, чтобы продолжить политику племенной знати. Они возвращались к системе улуса Чагатая, где лояльность была делом добровольным, а союзы заключались по воле племенных вождей. Эмиры Темура, особенно его личные сподвижники, считали себя независимыми союзниками принцев. А принцы смотрели на них как на подданных, требовали от них послушания и стремились наказать строптивых. Кроме упомянутых выступлений, племена улуса почти не нарушали спокойствия.

История Мавераннахра при правлении Халил Султана свидетельствует об огромных изменениях, которые совершил Темур в улусе Чагатая. Во время прихода Темура к власти в этом регионе основными политическими силами были тюрко-монгольские племена улуса. После его смерти большинство племен продолжали существовать, и два из них – сельдусы и барласы – сохранили свою идентичность, но уже не были столь влиятельными. Борьбу за наследство вели представители новой элиты – семья Темура и его сподвижники, которые в основном базировались за пределами улуса. Когда Халил потерял свою власть, она перешла в Шахруху, правителю Хорасана.

Ситуация в Хорасане была совсем иной. Шахрух являлся властителем провинции с 1397 г. и держался настолько прочно, что не боялся соперничества со стороны других членов династии. Но после смерти Темура и он не мог доверять местным хорасанским правителям или военачальникам своей армии. Темур особенно благоволил к правителям Хорасана, Мазандарана и Систана, и они обладали достаточной мощностью, чтобы сопротивляться его наследникам.

В первые годы после смерти Темура Шахрух почти постоянно умирал восстания местных правителей, которые при жизни Великого эмира были исключительно верны ему и пользовались его особой благосклонностью. Поэтому они сохранили свое могущество и воспользовались расколом династии темуридов в собственных интересах.

В то же время Шахрух столкнулся с предательством и заговорами собственных эмиров, в частности соратников Темура и их сыновей. Самыми опасными оказались люди, приближенные к властелину. Эти эмиры потребовали привилегий и, не получив их, стали открыто проявлять недовольство. Первым восстал в начале 1405 г. Сулайман-шах бен-Дауд, породнившийся с династией через брак и назначенный правителем Райи и Фирузкуха. Непосредственной причиной восстания Сулайман-шаха была казнь Шахрухом племянника Темура Султан Хусейна, которого Сулайман-шах укрывал у себя, когда тот сбежал из Мавераннахра после бунта оппозиции Халил Султана.

В конце 1406 г. против Шахруха объединились некоторые самые влиятельные его эмиры. Восстание возглавил сын соратника Темура – Саид Хаджа. Шахрух снарядил большую экспедицию и обратил их в бегство. Саид Хаджа сбежал в Шираз, но Пир Мухаммад выдал его Шахруху, и тот казнил его. Некоторые примкнувшие к Саиду Хадже эмиры вернулись к Шахруху, другие остались в Фарсе.

В конце 1408 г. вновь организовался заговор другой группы влиятельных эмиров. Главой заговора был Джаханмалик бен-Мулкат. Джаханмалик был послан на службу Шахруху, когда принц был еще ребенком, и посему пользовался большим авторитетом. Причиной заговора было опасение высоких налогов со стороны визиря Шахруха, составившего подробный список всех владений людей Шахруха, в котором их богатства были весьма преувеличены. В результате многие эмиры проявили недовольство, которое переросло в предательство. Почти все заговорщики были сыновьями и внуками самых видных сподвижников Темура. Они покинули Герат, надеясь прибрать к рукам войска, подготовленные к походу в Систан, но Шахрух успел разоблачить их и разгромить. Многих он захватил в плен, казнил Джаханмалика и Саадата бен-Темурташа, некоторых помиловал.

Как и другие принцы, Шахрух нуждался в деньгах, чтобы обеспечить верность своей армии. Историки упоминают мало случаев раздачи наград Шахрухом. Возможно, это свидетельствует о нежелании истощать казну, которая образовалась за время его правления в Хорасане. В отличие от Халил Султана, ему была свойственна привязанность к управляемой им области и заинтересованность в ее благополучии. В 1405 г., когда Шахрух планировал поход в Мавераннахр с целью свергнуть Халил Султана, он послал эмиров собрать войско и деньги в своей провинции и одновременно отправил Шахмалика в Бухару за ее казной.

С целью поощрения своих военачальников он использовал земельные наделы, или «суюргалы». Количество подарков, которые Шахрух раздал в первые годы своего правления, и постоянное употребление слова «суюргал» свидетельствуют о том, что это были земельные дары, не подлежащие налогообложению и приносившие доход владельцам. Такой метод редко применялся при Темуре, но при Шахрухе стал основным средством оплаты.

Используя то силу, то дипломатию, Шахрух восстановил значительную часть империи отца. К своему царству Хорасан, где правил 50 лет, он прибавил Мазандаран, Мавераннахр с Самаркандом, Фарс с Ширазом, Исфаханом и Керман. Несмотря на два победоносных похода против Черной Орды, которая захватила Габриз, он не смог удержать Азербайджан и Западный Иран.

Шахрух был способен усмирять свои амбиции и соизмерять свои возможности в Центральной Азии, которая в то время стала добычей многих алчных и воинствующих правителей, в том числе и принцев-темуридов. Он мудро отказался от господства над Западным Ираном и Багдадом и ограничился укреплением границ своего царства, свободное же от государственных дел время посвятил трудам ума и религиозным размышлениям.

Оставив планы завоевания Китая и Индии, он направил в эти страны дипломатические и культурные миссии, которые привнесли много позитивного между странами.

При его дворе снова появился старый посол Китая, которого Темур когда-то унижил в присутствии Клавихо. Но теперь уже не стоял вопрос о войне: речь шла о торговых отношениях.

Большой любитель книг и просвещенный меценат, Шахрух создал большую библиотеку в Герате, впоследствии известной во всей Азии. Он построил «Дом книги», впечатляющий комплекс, в котором лучшие специалисты своего дела создавали рукописи: переписывали каллиграфическим почерком старые тексты, рисовали миниатюры, переплетали и классифицировали.

Не совсем типичным для этого темурида был тот факт, что он всю жизнь предпочитал Герат Самарканду.

Смерть Шахруха в 1447 г. ускорила крах огромной империи, созданной Амиром Темуром вокруг Самарканда.

Далее следует остановиться на истории Азербайджана, потому как она свидетельствует о самых слабых местах в системе, созданной Темуром. Азербайджан темуриды потеряли первым вместе с Западным Ираном.

После смерти Темура Азербайджаном правил сын Мироншаха Умар. Первой угрозой его власти стал Джаханшах бен-Чеку, один из самых верных и, возможно, самых влиятельных соратников Темура, который унаследовал от своего отца Чеку Барласа и войска караунасов, и пост эмир аль-умара. Темур сделал его опекуном Умара, назначив правителем этой провинции. У Джаханшаха и Умара была масса противоречий в вопросах правления, и Джаханшах, пытаясь убедить Умара продолжить политику Темура, видел, что тот все меньше следует его советам. Через месяц после смерти Завоевателя Джаханшах выступил против Умара: он вошел в палатку Умара, где тот беседовал со своими советниками, и убил нескольких его приближенных. Когда же Джаханшах понял, что силы неравны, он retirовался, но его преследовали и убили. Все историки сходятся на том, что это была попытка усилить свою власть и влияние. Согласно одним источникам, он чувствовал неприязнь Умара, которая должна была скоро излиться в какие-то действия против него, согласно другим – имея большую власть, он стремился к верховенству. Анализируя его

положение, можно сказать, что он был способен править Азербайджаном – с Умаром или без него. Но при этом он был, по собственному мнению, верным исполнителем воли Темура.

Другой угрозой власти Умара были его брат и отец. В 1403 г. Темура разделил Западный Иран между сыновьями Мироншаха, отдав Халилу Султану Армению и Грузию, Умару – Азербайджан, а Аба Бакру – западную часть Ирана и Курдистан. Сам Мироншах, ранее лишенный правления, поехал с Аба Бакром в Иран. Вскоре после смерти Темура Аба Бакр уступил Иран Ахмаду Джелаиру и вместе с Мироншахом присоединился к Умару в Азербайджане. Принцы начали ссориться, и Умар арестовал Аба Бакра, посадил его в тюрьму в Султании и присоединил к своим войскам его армию.

Аба Бакр с помощью охранников сбежал из тюрьмы, забрал казну Султании, поделив ее между своими воинами. Затем пошел на соединение войск с Мироншахом, который был уже в Хорасане (это случилось в начале 1405 г.). Аба Бакр и Мироншах затем вновь вернулись и захватили Султанию. Многие эмиры Умара перешли к Аба Бакру, в том числе двое, собиравшие налоги в Табризе, они и отдали собранные средства Аба Бакру. Тем не менее Аба Бакр убил многих из них как участников своего пленения.

Умар, покинутый большинством своих эмиров, отступил в Марагу, где собрал новое войско, состоявшее из барласов, Сельдусов и туркменов. Затем он пошел на Табриз, где рассчитывал укрепиться и набрать денег для армии. Но население, сильно пострадавшее от поборов его чиновников, не впустило его в город. Узнав о приближении Аба Бакра, Умар пошел к Фарсу просить помощи у сыновей Умаршайха. Вместе с ними он встретил Аба Бакра в Дхул-Када в апреле 1406 г. Аба Бакр разбил союзников и заставил их отступить в Исфahan, который затем захватил. После этого Умар бежал к Шахруху в Хорасан, где и умер в конце 1407 г.

Аба Бакр вновь захватил на некоторое время Табриз и Султанию, но, во многом из-за предательства среди приближенных, скоро уступил эту область Кара Юсуфу и его союзникам, которые разгромили его в октябре 1406 г. В 1407–1408 гг. Аба Бакр и Мироншах пытались захватить Азербайджан, но потерпели сокрушительное поражение от Кара Юсуфа; в апреле 1408 г. Мироншах был убит, а Аба Бакр скрылся сначала в Кермане, потом в Систане. Так Азербайджан был потерян для темуридов.

Принцы потерпели поражение в Азербайджане не только потому, что были сильны их противники, но в основном по причине несостоятельности их политической и финансовой базы.

История Азербайджана в те годы – это череда постоянных предательств и бунтов чагатайских эмиров и жестоких репрессий со стороны принцев-темуридов. Положение принцев усугублялось недостаточностью средств для выплаты воинам. Имевшиеся в казне деньги скоро иссякли. Когда Аба Бакр бежал из Султании в 1405 г., он взял с собой всю казну и раздал ее своим сторонникам. Казна Табриза также скоро опустела: в 1406 г. Умар послал чиновников собрать деньги у богатых жителей Табриза, после чего пытался обобрать население, когда готовился к битве с Аба Бакром, но его в город не пустили. Истощив все запасы, полученные и законными и незаконными путями, принцы начали грабить, чтобы платить войскам. Так, когда Умар пошел на Султанию против Аба Бакра, его армия по пути забирала скот у жителей. Аба Бакр, отступая после нанесенного ему поражения Кара Юсуфом в 1406 г., разрешил воинам разграбить Табриз. Позже он послал часть армии в Курдистан с той же целью. Он разграбил также области Марана и Ардабила в своих же собственных землях. Меры, принятые Темуrom для сохранения своей власти в Азербайджане, не дали возможности членам его семьи создать себе надежную базу, никоим образом не разрушили мощь местных кочевых союзов и не поколебали положения местных династий, к которым он благоволил. Мироншах, Умар и Аба Бакр рассорились между собой, потеряли верность своих сторонников, поэтому не смогли выдержать натиск местных противников.

Политическое положение в империи было аналогичным времени прихода к власти Темура. Претенденты на власть проводили время в постоянных походах, а их подданные – в

бунтах. Сложно было удержать власть, и эмиры то и дело меняли покровителей, когда это им было выгодно. И все-таки новая ситуация была отлична от прежней. Прежде всего люди, имевшие власть и участвовавшие в политической борьбе, являлись теми лицами, которые обладали влиянием раньше. Лишь самые преданные Темуру сохранили достаточно могущества для участия в борьбе за наследство. Вместо племенной знати теперь действующими лицами были представители новой элиты Темура – его наследники и приближенные.

Факт краха не должен удивлять нас. Естественно, что власть, основанная на личной преданности, не может переходить в неизменном виде. А в тюрко-монгольской системе борьба за наследство была обычным делом и полезной для поддержания эффективной системы правления. Следует задаться вопросом: почему борьба после смерти Темура была исключительно долгой и разрушительной? Не надо искать причину длительности этой борьбы в том, что Темур не централизовал свою империю и оставил отдельные провинции под властью сыновей. Напротив, его правление отличалось высокой степенью централизации, а проблемы, оставленные им, заключались не в слишком большом количестве обладающих властью принцев, а в слишком малой власти в их руках. Ни один из наследников Темура не имел прочной базы, опираясь на которую он мог бы претендовать на власть. Именно успешная монополизация власти так дорого обошлась потомкам Темура.

Затрудняло задачу наследников и отсутствие тех политических норм и отношений, которые регулировали подобные катаклизмы в прежние времена. Когда вновь встал вопрос о соперничестве за власть, определенной системы уже не было. Племена, чья практика мести помогала регулировать степень этой мести, больше не являли собой центр политики. Главные участники – наследники и приближенные Темура – не имели четких политических взаимоотношений за рамками, установленными для них Темуrom. Приближенные Темура и его наследники стремились получить права и привилегии, прежде предоставляемые племенным эмирам, и пользоваться той же независимостью. С другой стороны, принцы хотели проводить новый тип политики и требовать от подчиненных той же абсолютной преданности, которую требовал Темур. Обе группы пытались апеллировать к воле покойного, и каждый участник понимал ее по-своему. Выходит, именно могущество Темура, его успехи в устранении прежних норм взаимоотношений и в концентрации их на своей персоне сделало общий крах после его смерти таким полным.

Крах огромной империи ярко иллюстрируется на истории двух последних и самых известных правителей-темуридов – Улугбека – ученого, астронома и Бабура – Великого Могола.

Итак, в 1409 г. Шахрух оставил Улугбеку, которому в ту пору было 29 лет, умиротворенный, но обескровленный Мавераннахр, который перестал быть стержнем империи, каким был в славные времена Великого эмира.

Благодаря Улугбеку Самарканд прожил в мире еще 40 лет: это были годы настолько благоприятные для искусств и наук, что их называли «золотым веком Самарканда». Но это была и лебединая песня города.

В течение первых лет правления Улугбек находился под прессингом военного окружения. Следуя его советам и дабы почтить память своего великого деда, он возглавил несколько походов против кочевников. Но даже если Улугбек был человеком отважным, тем не менее он не унаследовал воинственных качеств Великого эмира. Существует надпись, выбитая на скале в начале Джизакского перевала: «С помощью Аллаха, великий султан, победитель царей и народов, тень Аллаха на земле, опора царей Аллаха, предпринял военный поход в монгольскую страну и вернулся из него живым и невредимым». Эти слова дают понять, что возвращение нынешнего властителя Самарканда вовсе не было триумфальным. Кроме того, было еще несколько походов в неуточненных направлениях.

В 1427 г. Шахрух приказал Улугбеку вести армию против узбеков, но эта кампания закончилась поражением для войск Самарканда. Военные неудачи сына очень огорчали Шахруха, он даже хотел отобрать у него власть над Самаркандом, но потом смиростивился

над ним.

Улугбек в конечном счете оказался неспособным полководцем, зато оставил глубокий след в других областях.

Он проявлял большие способности в поэзии, музыке, архитектуре, математике и особенно в астрономии. Обладавший оригинальным мышлением гения-самоучки, он был и выдающимся организатором, который собрал при дворе много талантов, направлял работу исследователей и оставил преданных учеников.

Ему приходилось вести упорную, хотя и не ярко выраженную борьбу, дабы избавиться от влияния военных, которые жаждали сражений, и религиозных деятелей, в чьих глазах любые интеллектуальные знания, кроме чтения Корана, были преступными. Эта борьба, которую Улугбек вел умело и энергично, вызывала ненависть и тех и других. Существовало несколько заговоров с целью его убийства.

Отстранив от дел военных советников и фанатиков-улемов, Улугбек смог наконец отдаться своим любимым делам, окружив себя поэтами, художниками и учеными. Будучи неутомимым строителем, как и его дед, он украсил Самарканд и Бухару прекрасными дворцами и садами. Он строил медресе, купола которых были очень высоки, удобные бани, облицованные цветным камнем, школы, где преподавались различные науки, и на фронтонах зданий был вырезан стих из Корана: «Долг каждого мусульманина и каждой мусульманки – просвещать свой разум...»

Улугбек завершил оформление мавзолея Гур Эмир, где покоился прах Темура, и поручил своему младшему сыну выполнить монументальный портал, ведущий во дворец Шах-и Зинда. Создав знаменитую обсерваторию в Самарканде, он посадил вокруг холма, служившего ей основанием, сад Баг-и Майдон (Сад площади), в котором построил красивый дворец с «сорока колоннами» и павильон «для размышлений» с фарфоровой башней, привезенной из Китая. «В царствование Улугбека ученые пользовались самыми большими привилегиями, люди достойные были возведены в ранг, который они заслуживали», – писал Давлат-шах, историк, поэт того времени.

Улугбек вовсе не был похож на сурового ученого-аскета, скорее, он напоминал правителей европейского Возрождения, любителей прекрасного и ценивших прелести жизни.

Этот необычный правитель сочинял музыку и хорошо исполнял ее сам. У него была великолепная память, и это подтверждают хроники. Улугбек был страстный охотник и вел записи убитых им зверей с указанием их характерных особенностей, а также даты и обстоятельства событий. Однажды кто-то из свиты потерял эту довольно объемистую книгу, и вместо того чтобы разгневаться, Улугбек позвал писцов и по памяти продиктовал ее. Через несколько дней книга нашлась, и когда сравнили оба текста, оказалось, что они отличаются тремя-четырьмя незначительными деталями. Он знал наизусть Коран и читал его вслух согласно всем семи правилам чтения; он вспоминал лицо человека, которого видел несколько лет назад.

Улугбек также был хороший писатель: есть свидетельства, что он написал большую часть исторического труда о временах царствования сыновей Чингисхана. Он свободно владел персидским, тюркским и арабским языками.

Страстно же он любил математику, астрономию и философию. Он отовсюду собирал при дворе математиков, астрономов и философов, давал им денежное содержание и защищал от неприязни военных и религиозных фанатиков.

Для развития и познания астрономии необходим был мощный и точный инструмент, по этой причине долгие годы Улугбек и его технические советники разрабатывали планы и чертежи, затем в 1428 г. вышел указ о строительстве обсерватории.

На вершине холма Кухак была построена огромная обсерватория Улугбека, которая в XV в. считалась одним из чудес света, где самаркандские астрономы осуществляли свои замечательные исследования. Главное трехэтажное здание представляло собой огромный цилиндр высотой 45 метров. Снаружи оно было отделано кирпичами, покрытыми эмалью,

внутри было множество помещений для приборов и исследований.

Самарканди так описывает обсерваторию: «На стенах были нарисованы небесные сферы с указанием углов и градусов и неподвижные звезды. Имелись географические карты с изображением климатических зон, гор, пустынь и морей. Все это было сделано с великим искусством и соблюдением всех пропорций...»

Основной частью обсерватории была огромная дуга окружности, представлявшая собой сектант размером более 60 метров, разделенный на градусы, выполненный из полированного мрамора и уходящий под землю. Стрелкой этого гигантского сектанта служила тележка, которая перемещалась по специальным опорам и в которой сидел наблюдатель. Он «целился» в нужную звезду при помощи системы визиров и мог измерять угол между этим объектом и линией горизонта. Этот удивительный инструмент располагался строго с юга на север по меридиану с точностью, которая и в наши дни достойна восхищения. При помощи этой удивительной обсерватории Улугбек и его единомышленники создали свои «Астрономические таблицы». Сегодня эти таблицы почти забыты, но в XVII в. они были очень известны в Европе. Есть голландские гравюры той эпохи, где изображен Улугбек – справа от Урании в окружении самых знаменитых астрономов, от Птолемея до Тихо Браге. В те времена считалось, что монументальный труд самаркандских астрономов представляет собой самый полный в мире звездный каталог. Потребовалась гигантская работа и исключительно высокая квалификация для того, чтобы выполнить его; он, например, содержит результаты наблюдений за полным циклом звезды (в данном случае – Сатурна), обращение которой длится тридцать лет. В нем также собраны результаты детального исследования всех астрономических календарей и новые наблюдения за движением планет, а также приводятся методы расчетов, причем некоторые из них разработаны для решения конкретных задач. В течение тридцати с лишним лет Улугбек активно участвовал в этих разработках и увлеченно руководил работой ученых. Соратники правителя умерли один за другим, заполняя длинные свитки цифрами и астрономическими знаками. Первым ушел Кади Задэ, которого называли учителем. За ним последовали другие – великий математик Гиясуддин, астроном Аль-Каши... Улугбек завершил «Астрономические таблицы» вместе со своим молодым учеником, блестящим астрономом Аль-Кушчи.

2 марта 1447 г. после скоротечной болезни умер Шахрух. Улугбек был настолько опечален смертью отца, что на несколько месяцев забросил государственные дела. Остальные принцы-темуриды воспользовались его трауром и предприняли попытку захвата власти. В конце концов, уступив просьбам членов своей семьи, Улугбек выступил из Самарканда во главе армии, чтобы наказать бунтовщиков. Но, увы... Пока правитель вел безрезультатные сражения, против него созрел заговор в самой столице. Ситуацией воспользовались узбеки и совершили поход на Самарканд. Они взяли летний дворец, уничтожили знаменитую бесценную коллекцию миниатюр и разрушили фарфоровую башню китайского павильона. Жизнь и смерть Улугбека предопределили звезды. В одном гороскопе, составленном в день его рождения, есть предсказания о том, что он станет властелином и добьется выдающихся успехов в науках, что действительно осуществилось. Улугбек очень интересовался астрологией и даже посвятил ей одну, хотя и краткую, главу в своих «Астрономических таблицах»; составляя свой гороскоп, он увидел, что его убьет собственный сын. Возможно, что это мрачное предсказание постоянно давило на него, и он испытывал недоверие к Абдуллатифу, своему старшему сыну, и невольно прислушивался к тем, кто советовал ему отдалить сына от себя и отдать предпочтение младшему сыну Абдаль-Азизу. Мулла Ходжа Ахрар (прототип доминиканского монаха, настоятеля монастыря Сан Марко Дж. Савонаролы; эпоха Возрождения) при поддержке претендентов на власть разжигал ревность Абдуллатифа, обладавшего необузданным и жестоким характером, и настраивал его против отца. Встав во главе армии, к которой присоединилось множество недовольных миролюбивой политикой Улугбека, Абдуллатиф разгромил войско отца у стен Самарканда. Потерпевший поражение Улугбек сдался сыну, который притворился, что

прощает и милует его, но при условии, если тот отречется от престола и совершит паломничество. В то же время Абдуллатиф отдал приказ персу, офицеру свиты по имени Аббас, убить отца. Убийство было совершено спустя несколько дней. Пока бывший правитель ждал караван, который должен был проводить его до Мекки, на него набросились солдаты, схватили и привели его к Аббасу, который отрубил Улугбеку голову. Это случилось 27 октября 1449 г. Улугбек был похоронен рядом с дедом в величественной гробнице Гур-Эмир. На надгробной плите сегодня можно прочесть: «Проклятие Абдуллатифу – отцеубийце».

После гибели Улугбека правитель, назначенный Абдуллатифом, начал преследовать ученых и поэтов, которые спешно покидали страну. Постепенно обсерватория обветшала и разрушилась, но великий труд самаркандских астрономов – «Астрономические таблицы» – были спасены благодаря Аль-Кушчи, последнему ученику и другу покойного, которому удалось с риском для жизни тайком увезти их в Константинополь, где их опубликовал Магомет II. Историческая заслуга Улугбека заключается в создании утонченной местной цивилизации, известность которой пережила века, продолжая темуридский Ренессанс. Под его влиянием появились и другие очаги высокой тюрко-персидской культуры, долго процветавшие в Центральной Азии.

Империя Великих Моголов

Когда в Центральной Азии шла к закату звезда темуридов в Фергане родился принц-темурид, которому предстояло стать не менее знаменитым, чем его славный предок Великий Амир Темура, и создать в Индии сказочную империю Великих Моголов. Захиреддин Мухаммед, более известный как Бабура, родился 14 февраля 1483 г. Внук Мироншаха, сын властителя Ферганы Умаршайха в 1494 г., в возрасте одиннадцати лет, унаследовал трон своего отца.

Бабура, будучи правителем Ферганы, был одним из многих властителей в конгломерате провинций, управляемых его дядями либо двоюродными и троюродными братьями, ведущими свое происхождение от Темура; что же касается Бабура, то по линии отца он был темурид, по линии матери – чингисид. Это вдвойне благородное происхождение, самое высокое в Азии, давало юноше права и уверенность в победе над конкурентами. Тем не менее вопрос о том, кому и на каком троне сидеть, служил постоянным поводом для военных столкновений между ними, поскольку право по рождению принадлежало каждому, но утвердить его мог только захват.

Однако во владениях темуридов находилось несколько городов определенной силы и значимости – Самарканд, Бухара, Герат, – правители которых устанавливали политический климат в государстве.

Но из всех городов и крепостей во владениях темуридов Самарканд, столица Темура, всегда оставался в глазах его потомков самой блистательной наградой. Стать властелином этого города было страстным желанием и юного принца. В начале правления Бабура представилась первая блестящая возможность совершить такую попытку: в течение полугода умерли один за другим правители Самарканда, разразилась гражданская война, – и в 1496 г. Бабура двинулся на запад с целью осадить заветный город, но на подступах к нему он встретился с войсками двух своих двоюродных братьев, преследующих те же цели. Принцы выступили объединенными силами, но с наступлением зимних морозов они были вынуждены ретироваться. На следующую весну Бабура вновь вернулся к стенам города и после семимесячной осады, в ноябре 1497 г., четырнадцатилетний принц с триумфом вошел в Самарканд, дорогой сердцу его знаменитого предка. Но, увы, этот город уже не был «жемчужиной Востока», «сокровищницей», «любимцем небес», как когда-то. Самарканд был почти опустошен: там властвовал голод.

Цепь событий лишила Бабура Самарканда почти столь же быстро, сколь быстро он его завоевал. Сторонники Бабура, разочарованные малым вознаграждением (город сильно

обнищал в результате гражданской войны и осады), вскоре покинули его, к величайшему удивлению и огорчению молодого правителя.

Тем временем зная Ферганы, прослышав, что Бабур утвердился в Самарканде, решила ублажить другого царевича и передала власть над большей частью провинции младшему брату Бабура, двенадцатилетнему Джахангиру. В феврале 1498 г. Бабур выступил в поход с целью спасти положение, но стоило ему покинуть Самарканд, как он его потерял, а в Фергану прибыл слишком поздно, чтобы удержать ее. Остаток зимы он провел в маленькой крепости Худжанд – единственном месте, где чувствовал себя в безопасности. «Это очень тяжело подействовало на меня, – писал он позже в «Бабурнаме» (произведение, сделавшее его известным тюркоязычным писателем и объективным историком своего времени), далеко от родных мест, в своей новой империи в Индии, вспоминая о четырнадцатилетнем мальчишке, чья удача едва не отвернулась от него окончательно в Мавераннахре. – Я не мог удержаться от горьких слез». Замечательная автобиография Бабура, основанная на записях, которые он делал всю жизнь, хотя целиком книга написана большей частью в последние годы в Индии, дает живое описание того, что сам он называет «временем без престола», когда он скитался с кучкой единомышленников в поисках пропитания, средств и царства.

Когда Бабур все-таки отвоевал земли Ферганы у своего младшего брата, для него снова стала доступной более приятная сторона жизни. Его мать и другие женщины его семьи присоединились к Бабуру – затворничество в гареме позволяло женщинам незаметно и в относительной безопасности перемещаться между воюющими сторонами, и после каждого переворота у них вошло в обычай дожидаться, пока их царевич снова займет престол, и затем присоединиться к нему. Теперь, поскольку ему уже исполнилось шестнадцать, его первая жена прибыла, чтобы представиться ему.

К февралю 1500 г., спустя два года после того, как Бабур покинул Самарканд, он отобрал у своего брата такую часть земель Ферганы, что Джахангир пожелал заключить договор. Каждый из царевичей получал власть над половиной Ферганы, но они должны были объединить свои силы, чтобы вернуть Самарканд: как только Бабур вновь утвердит свои права на Самарканд, Фергана переходит целиком к Джахангиру. Таким образом, честь и честолюбие стали побудительными стимулами к объединению в борьбе за возвращение Самарканда. В течение столетия город много раз переходил из рук в руки, но всегда от одного темурида к другому. Теперь же он был захвачен опасным человеком, вторгшимся в родовое гнездо темуридов. Его имя Шейбани-хан, и эта личность в последующие десять лет будет вносить радикальные коррективы в планы Бабура.

Бабур рассчитывал, что жители Самарканда не слишком восторженно относятся к своим новым хозяевам и что, если он войдет в город, население его поддержит. Получив от своих разведчиков информацию о том, что Шейбани, занятый усмирением окрестных земель, оставил для охраны Самарканда небольшой гарнизон, Бабур решился на отчаянный шаг. В сопровождении нескольких сторонников, темной безлунной ночью, он пробрался в город, а утром атаковал застигнутых врасплох узбеков. Жители узнали своего любимого правителя и бросились ему на помощь с палками и ножами. Когда Шейбани вернулся из карательного похода, Самарканд снова был в руках Бабура, и ему пришлось ретироваться под градом стрел, которые летели в его воинов со стен и крепостных валов.

Зимой 1500 г. Бабур, находясь в Самарканде, сформировал небольшую армию, а весной выступил с ней против узбекского войска, стоявшего около Бухары. Армия Шейбани-хана, более многочисленная и лучше вооруженная, одержала победу. Бабур сумел прорваться с десятком верных людей и вернуться в Самарканд. На следующий день узбеки окружили город. Когда припасы закончились, Бабур капитулировал, дабы не подвергать население ужасам осады и штурма. Когда Шейбани с триумфом входил в сдавшийся город, Бабур с помощью жителей уходил через другие ворота. Так он потерял Самарканд во второй раз. На тот момент Бабуру было всего лишь восемнадцать лет.

Собственное владение Бабура в Фергане также было захвачено врагами. Оставшийся без удела Бабур отправился к своему дяде Махмуд-хану, правителю Ташкента, который,

однако, не дал ему в управление ни одного из своих городов, на что Бабур, несомненно, рассчитывал. Тогда в 1503 г. он оставил дядю и решил попытать счастья в чужом краю.

Ему пришлось скрываться целый год у бедных кочевников-кыргызов, чтобы не попасть в руки Шейбани-хану, который назначил награду за его голову. В Мавераннахре не оставалось места, где он мог чувствовать себя в безопасности, поэтому Бабур попросил убежища у своего двоюродного брата Хусейна Байкары, правителя Герата. В июне 1504 г. в сопровождении своих соратников он направился на юг с намерением достичь Хорасана через горную цепь в Туркестане. Бабур так пишет об этом переходе: «Тех, кто шел рядом, веря в свою счастливую звезду, было не более трех сотен; оружием им служили только палки, обувь и одежды их были в жалком состоянии. Наше положение было настолько тяжелым, что мы располагали только двумя шатрами, и свой я отдал матери».

На этот раз Бабур не дошел до Герата, потому что по дороге к нему присоединились около 15 тыс. человек, также спасавшихся от Шейбани-хана, и он получил сообщение, которое круто меняло его судьбу: один из его дальних родственников был изгнан из Кабула местным вождем.

У Бабура сразу созрел план – использовать новых сторонников для того, чтобы вернуть Кабул. Он изменил направление, со своей маленькой армией перешел Гиндукуш и, несмотря на холод, голод, высоту и снег, преграждавшие путь, неожиданно появился у стен Кабула, в результате чего узурпатор обратился в бегство. Теперь Бабур мог расширить свои завоевания на всю провинцию.

Так в его власти оказалась территория, которая имела исключительно стратегическое значение: это были ворота в Индию, через которые проходили все завоеватели, включая Великого Темура. Но на тот момент мысли Бабура были заняты севером, потому что Шейбани-хан, продолжая свой победный поход, овладел Хивой, осадил Балх и угрожал Герату.

Чтобы помочь своим двоюродным братьям в Хорасане, он собрал самых надежных всадников и повел их на Герат. К сожалению, с полпути обстоятельства вынудили его спешно вернуться в Кабул для подавления бунта.

От нового похода он отказался, узнав ужасную новость: Шейбани-хан взял Герат и казнил всех членов царствующей темуридской семьи.

Бабур остался единственным наследником и потомком темуридов, имевшим в руках власть. Он получил титул падишаха в Кабуле и объявил, что является преемником Темура со всеми правами, соответствующими этому высшему званию. Кабул остался его базой до конца дней. Даже находясь в Индии и готовясь передать престол империи сыновьям, Бабур продолжал считать Кабул чем-то вроде родного дома, где он чувствовал себя спокойно и с наслаждением окунался в мир искусств.

Тем временем, зорко наблюдая за происходящим в Центральной Азии, Бабур не мог не думать о загадочной Индии, располагавшейся неподалеку от его новых владений. В январе 1505 г. он совершил поход на Джамну и Пешевар. Тогда он в первый раз увидел Индию. «Когда я достиг их, то увидел новый мир, – вспоминает Бабур. – Трава была иная, деревья – другие, дикие животные – новых видов, птицы иного оперения, обычаи и нравы народа совершенно другие. Я был изумлен, и в самом деле это место вызывало изумление». Во время этого первого индийского похода были захвачены крепости Кохат, Бангаш и Нагз.

В мае армия Бабура вновь вернулась в Кабул. Бабур не думал пока о создании своего царства в Индии, поскольку еще оставались надежды на сохранение власти темуридов в Центральной Азии. Часть зимы он провел в Герате, а в начале 1507 г., когда все перевалы были завалены снегом и стояли жестокие морозы, вернулся в Кабул. Город он застал во власти мятежников, смело ударил против них и восстановил порядок. Как место неожиданной стабильности в беспокойном мире двор Бабура сделался прибежищем для преследуемых темуридских царевичей, отступающих перед Шейбани-ханом.

К этому времени оставался еще один двор темуридов, правда более значительный, нежели двор Бабура. То был Герат, который стал городом художественной значимости при

любимом сыне Темуре Шахрухе. Но в 1507 г. Герат пал под натиском Шейбани-хана. «Как только дошла об этом весть, – пишет Бабур, – я созвал беков и устроил совет. Я завел речь о том, что столь чужие нам люди и исконные враги, как узбеки и Шейбани-хан, завладели всеми землями, прежде подвластными потомкам Темура... Я остался один в Кабуле; враг весьма силен, а мы – очень слабы. Заключить мир надежды нет, сопротивляться тоже нет возможности. Имея столь сильного и могущественного противника, нам надо найти для себя какое-нибудь место; пока еще есть время и возможность, следует уйти подальше от такого мощного и грозного врага». После долгого совещания большинство беков высказалось за то, что следует уходить в Индию. Второй поход Бабура в Индию, начавшийся в сентябре 1507 г., был плохо подготовлен и организован.

Спустя некоторое время стало известно, что Шейбани-хан ушел из-под Кандагара. Непосредственная угроза владениям Бабура миновала. В начале 1508 г. он вернулся в Кабул и пробыл здесь до смерти Шейбани-хана, т. е. до 1510 г.

Казалось более чем вероятным, что Шейбани продолжит свою экспансию и, миновав горы, рано или поздно доберется через Кандагар к Кабулу, но, к счастью, он совершил ошибку, вступив в противоборство с могущественным шахом Исмаилом, основателем династии Сефевидов в Иране. Оскорбительный обмен дипломатическими подарками, во время которого Шейбани-хан отправил шаху деревянную плошку для сбора подаяния, а в ответ получил прялку, естественно, привел к войне. Но Шейбани-хан встретил достойного противника – как по уровню военных ресурсов, так и по владению военной тактикой. В результате целой серии хитростей Шейбани-хан попал в 1510 г. в засаду и погиб. Его череп, оправленный в золото, был превращен в кубок, которым охотно пользовался сам шах.

Сефевиды, главой династии которых был шах Исмаил, были ярыми шиитами, т. е. в религиозном плане являлись противниками мавераннахрцев, ортодоксальных мусульман, или суннитов. За победами шаха Исмаила начались кровавые преследования всех, кто отказывался принять шиитскую веру. В это время шах Исмаил был на грани войны с тюрками-османами, и Бабур предложил ему союз против сына и племянника Шейбани-хана, которые снова собирали узбекские войска, при условии что шах Исмаил предоставит ему снаряжение и солдат для похода на Самарканд.

Шах Исмаил, желая нейтрализовать узбеков на тот случай, если ему придется сразиться с османами, принял предложение Бабура, но также с условием: Бабур должен принять шиитский толк ислама. Религиозный фанатизм шаха Исмаила соответствовал его территориальным притязаниям, и шах рассчитывал воспользоваться законными правами Бабура на Самарканд как средством присоединить эту область к своей империи. В обмен на военную помощь Бабур обязывался чеканить монету от имени Исмаила и упоминать в хутбе имя шаха, а поскольку то были два неперемных символа суверенности, Бабур, по сути дела, превращался в вассала, управляющего Самаркандом по воле иранского шаха. Но поскольку Бабуру было дозволено чеканить свою монету и упоминать свое имя в хутбе в Кабуле, он, далекий от фанатизма, видимо, решил, что ничего не теряет, возвращаясь хотя бы окольным путем в свой возлюбленный Самарканд, и принял, совершенно неразумно, условия шаха.

При таком раскладе шах Исмаил не замедлил отправить Бабура хорошо вооруженный экспедиционный корпус. Он сам возглавил поход против узбекской армии, которая отступила в степи во избежание полного уничтожения. Победившие войска прошли долину Зеравшан и в октябре 1511 г. были в Самарканде. Бабура встретили с энтузиазмом, таким образом, он в третий раз вернулся в Самарканд. Но скоро радость жителей Самарканда сменилась недоумением, потому что сефевидские отряды шаха Исмаила вели себя грубо и открыто оскорбляли почитаемых халифов.

Популярность Бабура резко упала, а когда войска шаха Исмаила ушли в Иран на зимние квартиры, большая часть его подданных, убежденных суннитов, отказалась помочь ему в борьбе с узбеками, которые вновь появились у стен Самарканда.

Бабур покинул Самарканд с небольшим отрядом верных ему людей и двинулся навстречу узбекам.

Он потерял Самарканд в третий и последний раз и больше туда никогда не возвращался.

Под Бухарой Бабур дал ожесточенное сражение, но проиграл узбекским воинам по причине малочисленности своих войск. Он укрылся за стенами города Хиссар и стал готовиться к обороне. Прибытие новых сефевидских подкреплений дало ему возможность перейти в наступление, но те вели себя по отношению к местному населению еще хуже, чем их предшественники. Увидев почти поголовное истребление людей, включая женщин и детей, возмущенный Бабур объявил о разрыве союза с шахом Исмаилом. Однако до этого дело не дошло – помешали чрезвычайные события.

Изгнанные из Бухары, узбеки отошли в Гадж-Даван, селение, окруженное густым кустарником и рвами, где устроили засаду. Их лучники перебили первые ряды сефевидов, которые наступали в авангарде. Бабур и его всадники снова отступили к Хиссару. Тюрко-монгольские наемники, служившие в его войсках, воспользовались ситуацией и разграбили обоз и даже попытались убить Бабура ночью, когда он спал. Ему удалось бежать; он добрался до Кундуза, где у него были сторонники. Тюрко-монголы разграбили всю округу, но с наступлением зимы они оказались без съестных припасов для себя и корма для своей конницы и были уничтожены узбеками, которые набирали силу и вскоре стали хозяевами всего Мавераннахра.

Два года Бабур находился в Кундузе, правитель которого был его вассалом и родственником, в ожидании каких-либо перемен.

Последняя надежда исчезла, когда в 1514 г. шах Исмаил потерпел сокрушительное поражение в сражении с османами. Смирившись со своей участью, Бабур в сопровождении нескольких верных сторонников вернулся в Кабул после четырехлетнего отсутствия. Там он начал серьезно заниматься своим маленьким государством.

Придворные историографы потомков Бабура в Индии оценивали его трижды не удавшуюся попытку удержать Самарканд как величайшее Божье благословение, а его последняя авантюра с персами, как им казалось, наконец-то изменила направление его честолюбивых устремлений – он перестал думать о севере и обратил свой взгляд на восток. Бабур уже предпринимал попытки проникнуть на территорию Индии через Хайберский перевал с целью почувствовать себя более уверенно по отношению к Шейбани-хану; более того, Хиндустан, а в особенности Пенджаб, он считал, как и Самарканд, своим по праву. Он постоянно возвращался в мыслях к молниеносному завоеванию Индии Темуrom в 1399 г.

Хизр-хан, которого Темур оставил управлять Пенджабом в качестве своего вассала, впоследствии стал султаном Дели и основал династию Сайидов, но даже при этом он открыто подтверждал свою верность дому Темура, отказываясь именовать себя шахом, а при сыне Темура Шахрухе утверждал, что он в Индии всего лишь наместник. Этот факт представлял для Бабура особую важность, и он, уже деятельно занимаясь подготовкой к захвату Хиндустана, отправил к султану Ибрахиму в Дели посла «во имя сохранения мира» и предложил, вероятно, самый оптимистичный в истории обмен. «Я послал ему ловчего ястреба-тетеревиатника, – писал Бабур в своих воспоминаниях, – и попросил у него земли, которые истари зависели от тюрков».

Бабур не слишком спешил начинать вторжение. Он упорно продолжал укреплять свои силы в Кабуле и лично занимался образованием собственных сыновей. Хумаюн родился в 1508 г., а двое других, Камран и Аскари, соответственно в 1509 и 1516 гг.; в 1519 г. весть о рождении самого младшего дошла до Бабура, когда он совершал подготовительный поход в Хиндустан, и потому мальчик получил имя Хиндал.

Подготовительные действия Бабура включали в себя захват Кандагара, сильной крепости, важной для него с точки зрения защиты Кабула с запада в то время, когда сам он углубится в земли Хиндустана, но понадобились одно за другим еще три лета, прежде чем мощная цитадель, прикрываемая высоким горным хребтом, пала перед ним в 1522 г. Еще одной части важных приготовлений Бабура суждено было стать решающей. В какое-то время между 1508 и 1519 гг., точно сказать невозможно, поскольку его записи за это достаточно

длительное время утрачены, Бабур приобрел первую партию пушек, а при пушках находился опытный артиллерист уста Али. Таким образом, Бабур извлек пользу из горького поражения, понесенного его соседом шахом Исмаилом, чья великолепная конница в 1514 г. галопом понеслась на османов и была уничтожена новым оружием. Шах немедленно ввез артиллерию и османских пушкарей для своей армии, а Бабур решил, что было бы вполне разумно последовать его примеру.

В то время пушки в Индии были в ходу только на западном побережье и вели обстрел османских и португальских кораблей, но на севере, на равнинах Хиндустана, ими не пользовались сколько-нибудь эффективно, пока Бабур не протащил их с собой по горным перевалам из Кабула. Помощь уста Али и его орудий поэтому носила столь действенный характер.

Свой пятый и последний поход в Хиндустан Бабур начал в октябре 1525 г., двинувшись к югу и востоку с двенадцатью тысячами воинов. Как раз в это время в Делийском султанате начались беспорядки, против султана Ибрахима выступали все более многочисленные группировки, и до самого конца февраля 1526 г., когда Бабур уже далеко продвинулся в Пенджаб, он не встретил серьезного сопротивления, пока Ибрахим не выслал ему навстречу свое войско. Бабур поручил командование правым крылом армии семнадцатилетнему Хумаюну, и царевич одержал победу, захватив сотню пленных и семь или восемь слонов. «Уста Али со своими стрелками из фитильных ружей получили приказ расстрелять для острастки всех пленных, – записал Бабур. – То было первое дело Хумаюна, его первый опыт сражения и прекрасное предзнаменование». Пример, преподанный экзекуцией пленных, не был, вероятно, просто проявлением жестокости, так как Бабур обыкновенно заботился об умиротворении поверженных врагов. Суть задачи этой первой расстрельной команды, употребившей дорогостоящий порох там, где проще было бы обойтись мечом, заключалась в ином: это была деморализующая демонстрация, известие о которой непременно дошло бы до армии Ибрахима и убедило всех ее воинов в магической силе нового оружия.

Две армии сошлись лицом к лицу в Панипате в середине апреля. Силы Бабура, по-видимому, возросли до двадцати пяти тысяч человек в результате пополнения во время похода, но армия Ибрахима, как утверждают источники, насчитывала сто тысяч человек и тысячу слонов. Бабур подготовил плацдарм, который в последующие годы сделался для него в Индии обычным, однако он признает, что заимствовал его из османской практики, – кстати, в этот же год османские пушки Сулеймана Великолепного пробивали путь далеко на запад, в Европу, и Турция после битвы при Могаче подчинила себе Венгрию. Бабур приказал своим людям собрать как можно больше повозок. Набрали семьсот штук и связали их между собой сыромятными ремнями. Из-за этого ограждения уста Али и его стрелки должны были палить во вражеской коннице, как это делали османы в войне с персами в 1514 г., а тремя столетиями позже – пионеры в Северной Америке, сражаясь с индейцами. Бабуру понадобилось несколько дней, чтобы вынудить Ибрахима предпринять атаку на подготовленные позиции, и когда он 20 апреля наконец преуспел в этом, армия Ибрахима, как и планировалось, остановилась под огнем мушкетов из-за ограждения, в то время как конница Бабура осыпала ее дождем стрел с обоих флангов. Жаркая битва продолжалась до полудня, и победа осталась за Бабуром. В индийской армии погибло около двадцати тысяч человек, в том числе и сам полководец. В знак уважения к Ибрахиму Бабур распорядился похоронить его на месте битвы, и гробница его до сих пор цела в Панипате. Но в ознаменование своей победы Бабур – и это было для него типично – не возвел в Панипате еще один монумент, а велел посадить прекрасный сад.

В тот же день Бабур отправил Хумаюна с небольшим отрядом охранять сокровища Агры, которая с 1502 г. служила столицей династии Лоди. На следующее утро Бабур с остальным войском выступил по направлению к Дели и достиг города в течение трех дней. Он, как обычно, немедленно принялся осматривать достопримечательности и отпраздновал событие, распивая арак с друзьями в лодке на Джамне. Он оставался в Дели столько времени, чтобы в ближайшую пятницу в мечети была прочитана хутба с упоминанием его имени; он

объявлял себя, таким образом, императором Хиндустана, ибо спокойное выслушивание хутбы во имя правителя означало молчаливое признание власти этого правителя народом. Потом Бабур направился в Агру, и по случаю его прибытия сын преподнес ему в подарок великолепный алмаз, о дальнейшей истории которого стоит рассказать. Его преподнесла в дар Хумаюну семья раджи Гвалиора: члены этой семьи укрылись в крепости Агры, и Хумаюн взял их под защиту. Сам раджа погиб вместе с Ибрахимом в Панипате. Почти с полной уверенностью можно утверждать, что камень этот и есть знаменитый Кохинор, впервые тогда упомянутый в истории. «Хумаюн передал его мне, когда я приехал в Агру, – писал Бабур. – Я просто вернул ему камень», – добавляет он небрежно, хотя уже подсчитал, что камень стоит столько же, сколько «пропитание на два с половиной дня для всего мира». Позже Хумаюн передал алмаз персидскому шаху Тахмаспу, тот отослал его в подарок Низам-шаху в Декан, а оттуда камень неизвестным путем попал обратно в сокровищницу Великих Моголов, к императору Шах Джахану. Им, как и всеми другими драгоценностями Моголов, завладел царь персидский Надир-шах, когда в 1739 г. разграбил Дели. Именно он и дал камню название Кох-и-Нор, то есть Гора света. От внука Надир-шаха он перешел к царствующей фамилии в Кабуле, от них – к Раджиту Сингху, знаменитому сикхскому правителю Пенджаба, а когда Пенджаб был в 1848 г. аннексирован британцами, камень передали верховному комиссару сэру Джону Лоуренсу, который был столь очевидно не заинтересован в приобретениях для империи, что шесть недель носил драгоценность в жилетном кармане, позабыв о ней. Наконец камень был отправлен им королеве Виктории и прибыл как раз вовремя, чтобы стать главным экспонатом Великой выставки 1851 г. и попасть потом в лондонский Тауэр, из которого ничто не исчезает.

Упадок династии Лоди казался полным. Правда, мать Ибрахима соблаговолила принять от Бабура милостиво предложенную им помощь, хотя позже едва не преуспела в своем намерении погубить завоевателя, подкупив повара, который подмешал яд в его еду. Что касается армии Бабура, то большая его часть, уstraшенная наступлением жаркого сезона в Индии, стремилась поскорее вернуться в прохладный летом Кабул, питая надежду, что теперешний поход – всего лишь затянувшийся набег, сравнимый с походом Темура. Даже Александр Великий, находившийся гораздо дальше от родных мест, вынужден был из-за недовольства войск повернуть назад сразу после переправы через Инд. Однако Бабур после созыва военного совета обратился к армии с речью, блестяще сочетавшей ободрение с иронией, и это возымело желаемое действие. Непосредственную опасность, в борьбе с которой Бабур нуждался в поддержке всех своих воинских сил, представляло объединение раджпутов под руководством Рана Санги из Читора.

Теперь они готовились выступить против него. Бабур снова оставался в меньшинстве, примерно в той же пропорции, как при Панипате, и его люди, уже недовольные перспективой долгого пребывания в Индии, были еще сильнее деморализованы слухами о несокрушимой отваге раджпутов. Но Бабур извлек максимум выгоды из того обстоятельства, что его воинам предстояла битва с неверными, первая за тридцать лет, проведенных им в сражениях. Он запретил им употребление вина, приказав вылить на землю только что доставленную из Газны партию напитков и разбить свои золотые и серебряные кубки на кусочки, раздав как милостыню беднякам. Подоплека «священной войны» побудила воинов Бабура поклясться на Коране, что ни один из них не «повернется спиной к врагу и будет сражаться до тех пор, пока жизнь не покинет его тело».

Оба войска встретились 16 марта 1527 г. возле Кханвы, примерно в сорока километрах к западу от Агры, и после битвы определенно более жесткой, чем при Панипате, Бабур в конечном счете выиграл сражение, приняв на себя после такого успеха гордый титул «гази» – воина за веру ислама.

Эта победа предоставила ему неоспоримую власть над центральным Хиндустаном, и он расширил ее самым простым способом: пожаловал своей знати те области, которые еще не были завоеваны, и отправил их туда, дабы они сами провозгласили себя правителями. Сыновьям своим Бабур предоставил провинции, наиболее удаленные от главного теперь

центра его деятельности в Агре. Кандагар был отдан на попечение Камрана; Аскари отправился в Бенгалию; Хумаюн стал правителем самой отдаленной провинции – Бадахшана, затерянного среди гор на север от Кабула.

Во время своих поездок по стране Бабур проявлял живой интерес к вещественным подробностям своих новых владений. В Чандери, крепость которого, удерживаемую сильным военачальником Рана Санги, ему пришлось брать штурмом, и он захватил ее в 1528 г., на Бабура произвело сильное впечатление то, что все дома были выстроены из камня, а «принадлежащие самым влиятельным людям украшены искусной резьбой».

У Бабура теперь было время для систематизации своих впечатлений. Он придавал отрывочным записям, представлявшим собой нечто вроде дневника, повествовательную форму, также нашел время для великолепного и очень подробного, на сорока страницах, описания своего нового владения, Хиндустана. Он объясняет в этой книге общественный строй и систему каст, повествует о географических особенностях страны и ее истории в последние годы; удивляется приемам счета и определения времени, изобилию индийских ремесленников и многому другому, однако главный интерес для него представляют флора и фауна страны, которые он наблюдает с тщательностью прирожденного натуралиста и описывает их как истинный художник – интерес и дар, во всей полноте унаследованные его правнуком Джахангиром.

Драгоценная рукопись была практически окончена к 1530 г. и заняла почетное место в быстро растущей семейной библиотеке. Собираение и хранение манускриптов было традицией темуридов. Бабур много книг привез с собой в Индию, и когда он овладел крепостью в Лахоре, то едва ли не первым его действием было посещение библиотеки Гази-хана, где он сам отобрал бесценные книги и отослал их сыновьям.

Положение падишаха, которым объявил себя Бабур в Кабуле, поскольку остался единственным царевичем из династии темуридов, обладающим тронном, стало теперь более прочным и законным, чем когда-либо, и Бабур получил возможность торжественно отпраздновать свое верховенство. Распространили известие, что все потомки Темура и Чингисхана, а также все, кто служил Бабуру в прошлом, должны явиться в Агру и «получить подобающие милости». К концу 1528 г., видимо, немалое количество народу приняло приглашение на великолепное празднество.

«Сокровища пяти царей достались ему, – писала позже дочь Бабура Гульбадан, – и он все раздал». Он хладнокровно вернул Кохинор Хумаюну. Он послал ворох самых великолепных драгоценностей женщинам своей семьи в Кабул.

В глазах индусов он стал Великим Моголом, т. е. великим господином, пришедшем с севера, из страны монголов, или моголов. Теперь он владел могущественной империей, которая простиралась на большой территории, имела огромные богатства, многочисленных подданных, являющихся в основном его союзниками и единомышленниками. Но его здоровье подкосили болезнь и печаль, что он никогда не увидит вновь Самарканд, не отобьет его у узбеков и не восстановит наследие Темура.

Было заметно, что после приезда в Индию Бабур стал болеть гораздо чаще, и это обстоятельство, несомненно, повлияло на решение Хумаюна поспешить из Бадахшана в Агру вопреки приказанию, данному ему 1529 г. Непосредственным поводом для этого послужило известие, что кое-кто из ближайших советников Бабура строит планы, как обойти Хумаюна и его братьев, решив дело в пользу некоего Махди-ходжи, всего лишь их дяди, ставшего таковым в результате женитьбы. В ходе событий дядюшка лишился всякой поддержки по причине своего высокомерного поведения, но тут Хумаюн, а не его отец, вскоре тяжело заболел. Прошло несколько месяцев между выздоровлением Хумаюна и последней болезнью Бабура, которая и в самом деле была очень недолгой.

Хумаюн, к которому послали гонца в Самбхал, оказался единственным из сыновей, находившимся достаточно близко, чтобы успеть к одру отца.

Бабур умер в Агре 26 декабря 1530 г., назначив своего сына Хумаюна наследником и преемником. Ему было 48 лет, и он успел поцарствовать в Северной Индии только пять лет.

Границы империи простирались от Кабула до Бенгалии, но в истории редко случалось, чтобы человек за столь короткий срок, с такими малыми ресурсами осуществил столь грандиозную работу. И, кроме всего прочего, он оставил потомкам замечательный литературно-исторический памятник – «Воспоминания» («Бабурнаме»).

Его любовь к родине отцов, Мавераннахру, была настолько глубока, что он пожелал, чтобы его похоронили в Центральной Азии как принца династии темуридов, а не в Дели как монарха Индии.

Бабур стал основателем Империи, как и его предок, Великий Тему́р. Кроме того, благодаря ему кровь Великого эмира еще 300 лет текла в жилах императоров, которые правили Индией. Некоторые из Великих Моголов были замечательными монархами. Несколько поколений Великих Моголов следовали концепции правления Бабура, которая по меркам того времени была безусловно либеральной.

Потомки Великого Бабура

Гульбадан, дочь Бабура, писала, что последние слова отца, обращенные к Хумаюну, были такие: «Не причиняй зла твоим братьям, даже если они того заслуживают». Впоследствии историографы Хумаюна приводили эти слова по поводу каждого из многих случаев, когда он проявлял необъяснимую иными причинами мягкость по отношению к трем своим непутевым единокровным братьям – Камрану, Аскари и Хиндалу. То был фатальный совет для человека от природы склонного к сентиментальности.

Итак, в декабре 1530 г. Хумаюн занял престол и стал вторым падишахом из рода Великих Моголов. С самого начала он столкнулся со значительными трудностями.

Немедленно после восшествия на трон Хумаюн позаботился о том, чтобы преобразовать двор в соответствии со своим вкусом и его новые правила превратили дело управления в сложнейшую астрологическую игру. Общественные учреждения были разделены на ведомства соответственно стихиям. Ведомство Земли занималось сельским хозяйством и строительством, ведомство Воды – каналами и винными погребами, ведомство Огня – делами военными.

Власть моголов держалась только благодаря военной силе. Афганские вожди на востоке – все еще многочисленные и могущественные – готовы были взяться за оружие. Раджпуты на юге могли подняться в любую минуту. Остальные сыновья Бабура были скорее соперниками Хумаюна, нежели союзниками, и покинули его в самую решительную минуту. Как показали дальнейшие события, новый государь мог время от времени проявлять большую энергию, но вообще не был способен к длительной напряженной деятельности. Его лень и любовь к развлечениям очень часто мешали ему закреплять победы. Вследствие чего удача то и дело отворачивалась от него, и все его царствование было полно драматических перипетий.

Прежде всего, Хумаюн двинулся на афганцев, объединившихся под началом Махмуда Лоди, и разбил их в битве при Даухруа. В ноябре 1534 г. он внезапно напал на правителя Гуджарата Бахадур-шаха, который возвращался с большой добычей после разграбления Читора. Гуджаратцы были блокированы в укрепленном лагере в Мандасоре и вскоре сдались. Бахадур-шах бежал ночью всего с несколькими своими приверженцами. Развивая успех, Хумаюн легко занял Мальву и вторгся в пределы Гуджарата. Под власть его перешли Ахмадабад и некоторые другие города. Бахадур-шах укрылся в Диу. Но едва Хумаюн покинул страну, против моголов начались повсеместные выступления, и Бахадур-шах легко вернул власть над своей державой. Из рук Хумаюна ушла даже Мальва. В конце 1530-х гг. грозным противником моголов стал афганский полководец Шер-хан из династии Сур, правивший Бихаром. В 1537 г. он напал на султана Бенгалии Махмуд-шаха III и завладел его столицей. Хумаюн поспешил с большой армией в Бенгалию, но Шер-хан уклонился от боя и ушел в Бихар. Весной 1539 г. противники встретились у Чаусы, близ Буксара. Один из хронистов пишет, что «в том положении, в каком он теперь оказался, Хумаюн должен был

получить помощь от своих братьев и из провинций, расположенных поблизости от его столицы. Но ни один луч надежды не проник в его душу. Вместо готовности помочь он встретил медлительность, интриги, измены». 27 июня 1539 г. Шер-хан неожиданно для противника обрушился на могольский лагерь. Армия Хумаюна была наголову разгромлена. Его жена и многие приближенные оказались в плену, но самому Хумаюну удалось бежать.

Впрочем, поражение не было пока окончательным. К началу 1540 г. Хумаюн собрал новую 40-тысячную армию и развернул наступление против Шер-шаха (тот короновался вскоре после своей победы). Решительная битва произошла в мае при Канаудже на берегу Ганга и была очень неудачной для Хумаюна. Хавас-хан, военачальник Шер-шаха, атаковал правый фланг моголов, опрокинул его и погнал многочисленных обозников на ее центр, что вызвало там смятение. Армия превратилась в беспорядочную толпу и бежала. Враги овладели всей Северной Индией. Хумаюн отступил в Пенджаб, но даже не пытался укрепиться здесь. Часть армии он отправил на завоевание Кашмира, а сам ушел в Синд. Летом 1541 г. он женился, а затем в поисках союзников отправился в Марвар. Однако никто не решился поддержать его в борьбе против Шер-шаха.

Хумаюн вынужден был уйти из Раджпутаны (по пути в Амаркоте у него в 1542 г. родился сын Акбар). Победенному падишаху пришлось искать убежища за пределами Индии. Сначала он отправился в Кандагар, но потом должен был бежать в Иран. «Изгоняемый отовсюду, где он только что властвовал, – пишет летописец, – и холодея от ужаса при мысли о возможности попасть в руки своего брата, он решил покинуть государство своего отца и довериться сомнительной милости чужеземца». Иранский шах Тахмасп I хорошо принял Хумаюна и согласился (в обмен на уступку Кандагара) оказать ему помощь. В 1545 г. Хумаюн при поддержке персидских войск овладел Кабулом, сверг своего вероломного брата Камрана и велел его ослепить. Следующие десять лет он провел в вотчине своего отца – в Кабуле. Тем временем Шер-шах умер. Распри, начавшиеся между его наследниками, позволили Хумаюну вновь вступить в борьбу за Индию. В феврале 1555 г. он захватил Лахор, а в июне у Мачивары наголову разбил армию наместника Пенджаба Сикандар-шаха Сура. В том же году были заняты Дели и Агра. На тот момент у Хумаюна были проекты перестройки управления империей намного более разумные, чем его прежние астрологические фантазии. Но Хумаюн не успел воспользоваться плодами своей победы, так как вскоре погиб – он разбился, упав с лестницы.

Жизнь Хумаюна, которая выглядит цепью неудач, имеет примечательные параллели с течением жизни его отца, бесспорно являющей собой путь к успеху. Каждый из них унаследовал царство, каждый утратил его – в основном в результате появления на сцене более могущественного завоевателя; каждый в последние годы жизни овладел Индией, однако сама параллель как бы определяет некую перспективу его неудач. И он оставил Индии благое наследство – Акбара.

Акбар родился в октябре 1542 г. в тяжелое для его отца время, когда Хумаюн потерпел тяжелое поражение в войне с Шер-шахом и скитался из одного города в другой в тщетной надежде отыскать союзников для продолжения войны. Впрочем, в дальнейшем его положение поправилось.

Одно из последних письменных распоряжений Хумаюна оказалось необыкновенно разумным. Всего за два месяца до смерти он назначил Байрам-хана, чей талант полководца вернул Великим Моголам их империю, опекуном Акбара.

В ноябре 1555 г. Акбар был объявлен номинальным правителем Пенджаба. Реальная власть над этой провинцией находилась в руках его опекуна Байрам-хана. В феврале 1556 г., когда пришла весть о смерти Хумаюна, Акбар был провозглашен императором. Войско принесло ему присягу.

Новый государь был сильный, здоровый мальчик, воспитанный среди походов, любящий охоту, езду на возбужденных слонах и все распространенные тогда виды физических упражнений. Смелый, не теряющийся в трудных ситуациях, он хорошо воспринимал военное дело и имел феноменальную память. Однако грамота ему не давалась,

и Акбар за всю свою жизнь так и не смог научиться читать и писать. Забегая вперед, следует отметить, что этот недостаток нисколько не отразился на его образованности. Акбар был большим любителем книг и заставлял много читать себе вслух по самым разнообразным предметам. Имперская библиотека к концу его жизни насчитывала 24 тыс. томов рукописей, многие из которых были специально для него скопированы и снабжены иллюстрациями. Сын Акбара Джахангир писал позже: «Мой отец всегда имел дело с учеными Индии, и хотя он был неграмотным, так много становилось ему ясным, благодаря постоянным беседам с умными и учеными людьми, что никто не знал про его неграмотность».

Первой задачей юного падишаха было упрочение власти моголов и борьба с могущественным афганским кланом Сур. Главными его врагами были Хему (полководец недавно изгнанного из Дели султана Мухаммада Адил-шаха Сура) и бывший правитель Пенджаба Сикандар-шах Сур. Это были серьезные противники. Сообщают, что армия Адил-шаха имела в своих рядах прекрасную афганскую конницу и 5 тыс. боевых слонов. Получив известие о смерти Хумаюна, Хему двинулся на Дели и без боя занял город. Акбар и его опекун находились в это время в лагере в Каланауре. 5 ноября 1556 г. произошла вторая по счету битва при Панипате (первая, как известно, была выиграна в 1526 г. Бабуром). Начиная сражение, Хему полагался главным образом на своих боевых слонов. Ему действительно удалось смять фланги более многочисленной армии Акбара. Но в тот момент, когда победа уже казалась обеспеченной, один из могольских лучников ранил Хему в глаз. От боли и неожиданности тот свалился со слона. Потеряв из виду своего полководца, воины Хему (как это часто бывало в аналогичных случаях в истории Индии) обратились в бегство, и Байрам-хан выиграл эту решительную битву. В следующие годы он разбил Сикандар-шаха Сура, отнял Аджмир и крепость Гвалиор у раджпутов и упрочил власть моголов в Пенджабе. Таким образом, заслуги Байрам-хана перед правящей династией были очень велики. В то время как юный император, по выражению философа и историографа Абу-ль-Фазла, «был скрыт занавесом», Байрам-хан весьма успешно вел государственные дела, осуществляя строгий контроль в центре, и время от времени проводил военные кампании с целью расширения границ империи. Тем не менее обстоятельства начали складываться против него. Первопричина в том, что он исповедовал шиизм, а большинство знати было суннитским. Однако религиозные разногласия были попросту благовидным предлогом для того, чтобы бороться с огромным личным влиянием Байрам-хана. Он вел настолько роскошный образ жизни, что даже Акбар понимал, что его приближенные куда беднее, чем люди Байрам-хана.

В 1560 г. члены семьи Акбара, заручившись поддержкой самого императора, совершили дворцовый переворот.

Байрам-хан был отстранен от власти и отправлен в почетную ссылку в Мекку (по дороге его убили). Управление страной сосредоточилось в руках узбекских ханов Адхама и Пир Мухаммада. При них в 1560–1561 гг. в основном завершилось покорение Мальвы, но поведение Адхам-хана и его сподвижника Пир Мухаммада после победы было возмутительным даже по отношению к Акбару. Вместо того чтобы отправить пленных и добычу в Агру, они отправили туда всего несколько слонов, а остальное оставили себе. Всех пленников, за исключением молодых девушек и гарема, безжалостно убили.

Когда известия из Мальвы дошли до Акбара, он показал себя как хозяин, способный действовать быстро и решительно. Беспредельная жестокость двух узбекских ханов вызвала небывалый гнев у Акбара, в результате чего Адхам-хан был убит, а Пир Мухаммад «утонул в реке». С этого времени Акбар взял власть в свои руки, и его твердой воле никто уже не смел перечить.

Он продолжил завоевания, начатые его дедом и отцом, и прежде всего покорил Раджпутану. Часть раджпутских княжеств была завоевана силой оружия, с другими были заключены брачные союзы. В 1564 г. моголы разгромили рани Дургвати, которая правила в Гондване в качестве регентши при своем несовершеннолетнем сыне. Гондвана вошла в состав Империи Великих Моголов. В октябре 1567 г. Акбар выступил против правителя Читора Удай Сингха. Крепость была взята после упорной четырехмесячной осады. В 1569 г.

пал Рантхамбхор. Большая часть князей раджпуты признала власть Акбара и стала его верными военачальниками. В 1569 г., после падения Каланджара, Акбар приступил к завоеванию Гуджарата. В ноябре 1572 г. он подступил к Ахмадабаду. Гуджаратский султан Музаффар III сдался на милость победителя. Затем, после осады, капитулировали Сурат, Камбей, Броч и Патан. В 1574 г., в сезон дождей, Акбар вторгся в Бенгалию, двинулся вниз по Гангу и взял Патну. Здешний султан Дауд отступил в Ориссу. В марте 1575 г. он был разбит в сражении при Тукарои, а в июле 1576 г. – окончательно разгромлен и убит в битве при Раджмахале. В 1586 г. к империи был присоединен Кашмир, в 1590 г. – Синд, в 1592 г. – Орисса, в 1595 г. – Белуджистан и Кандагар. Укрепив северные границы империи, Акбар продолжил завоевания на юге. В результате войны 1595–1600 гг. моголы взяли Ахмеднагор и установили свою власть над частью государства Низам-шахов. В том же году в Хандеше была осаждена неприступная крепость Асиргарх, которая сдалась после долгой блокады в 1601 г. Еще прежде пала столица Хандеша Бурханпур.

Акбар продолжал укоренившуюся при Байрам-хане политику постоянных и непрерывных походов ради расширения границ империи. Одним из так называемых «удачных изречений», как их определил Абу-ль-Фазл, было такое: «Государь должен быть всегда готов к завоеваниям, иначе соседи поднимутся на него с оружием». Он мог бы добавить, что иначе иссякнет поток поступлений в казну, потому что в государстве, по преимуществу милитаризованном, экспансия есть экономическая необходимость. Каждый из трех предпочитаемых Акбаром способов расширять пределы империи – посредством завоевания, договора или брака – приносил великолепное пополнение в имперскую сокровищницу. Так же, как Чингисхан или Темура, Акбар постоянно находился в движении, ни в малой мере не поддаваясь соблазну расслабиться после первого же успеха и предаться отдыху и удовольствиям, как это неизменно делал Хумаюн.

Когда Акбар выступал в поход «под предлогом участия в охоте», это выглядело настолько внушительно, что большинство оппонентов предпочитало придержать языки. Излюбленным способом охоты у моголов была «круговая облава», для участия в которой привлекались значительные воинские соединения. Способ этот, как мы отмечали ранее, ценили и Чингисхан и Темура, главным образом за то, что он обладал качествами военных учений, хотя такая многолюдная охота порой оказывалась занятием весьма опасным.

Акбар не только обладал талантами военачальника, но имел также исключительные административные способности. Он понимал, что простое механическое расширение пределов его государства не придает ему прочности. Для того чтобы держава Моголов обрела внутреннюю устойчивость, необходимо было уничтожить различия между победителями и побежденными и, прежде всего, смягчить противоречия между последователями различных религий.

Оглядываясь на историю правления девяти предшествовавших ему мусульманских династий в Индии, каждая из которых продержалась не более сорока лет, Акбар проявил недюжинную проницательность, осознав, что устойчивость власти в этой стране зависит от мирных и терпимых отношений между двумя основными религиозными конфессиями. Впрочем, он и по натуре был склонен к подобным реформам: «сын отца суннита, матери – шиитки, рожденный в стране суфизма и в доме индуса».

Еще во время завоевания Раджпутаны падишах познакомился со многими индусскими князьями и взял себе в жены несколько принцесс-индусок. Все они получили полную свободу в отправлении обрядов их веры, Брахманам впервые было позволено жить во дворце мусульманского правителя Индии. Вслед за тем последовали другие важные нововведения. В 1563 г. падишах отменил налог на индусов-паломников, а через год ликвидировал в своем государстве джизью – подушную подать, взимающуюся с иноверцев во всех мусульманских странах. Отмена двух важнейших налогов означала для казны потерю многих миллионов рупий, однако Акбар был уверен, что лояльность индусского населения, несомненно, этого стоит. И действительно, многие раджпутские князья – до этого непримиримые враги моголов – изъявили свою покорность падишаху, были с почестями приняты при его дворе и получили

высокие должности.

Склонность Акбара к религиозным размышлениям подогревалась, разумеется, широким потоком суждений в Индии того времени. В рамках ислама давно уже существовала традиция вольнодумного мистицизма, именуемого суфизмом и выступающего против жестких ограничений ортодоксии; в прошедшем столетии оно соприкасалось в Индии со сходными течениями в индуизме, в особенности с движением бхакти и зачинающейся религией сикхов, оба эти течения отрицали кастовую систему и веру в личного Бога.

В следующие годы Акбар пошел в своей религиозной политике еще дальше. В 1575 г. по его указанию при дворе в Фатхпур-сикри был построен молитвенный дом, где в присутствии государя началось широкое обсуждение религиозных вопросов. Сначала сюда приглашались только ортодоксальные сунниты, но с 1578 г. здесь стали выступать шииты различных толков, индусы, парсы, джайны, несториане и евреи.

Мусульмане были правы, утверждая, что император отошел от ортодоксального ислама. Он и в этом отношении поступал как политик. Сам принцип средневекового мусульманского государства предоставлял большую власть муллам, поскольку существовало твердое убеждение, что верное решение любого вопроса должно опираться на Коран или на один или два устоявшихся комментария к нему. Вопреки этому в 1579 г. появился знаменитый указ о непогрешимости, в котором утверждалось, что в случае несогласия между учеными о толковании того или иного места в Коране впредь надо считать решающим суждение Акбара о том, какое толкование следует считать верным, и если император предпринимает некий шаг на пользу государству, шаг этот должен быть одобрен, даже если он находится в противоречии с Кораном. Указ соответствовал догме ислама в том смысле, что он признавал священную книгу «высшей инстанцией», но он производил – по крайней мере, по замыслу своему – воистину потрясающий переворот в отношениях между собранием улемов – толкователей мусульманской теологии и светской властью.

В 1580 г. по требованию Акбара виднейшие улемы империи признали его муджтахидом, т. е. высшим мусульманским духовным авторитетом, и доверили ему решение всех спорных религиозных вопросов. Этим правом он воспользовался для утверждения полной веротерпимости. Чтобы привлечь к себе симпатии индусов, Акбар стал появляться на публичных аудиенциях с кастовым знаком брахмана на лбу и со шнурками, повязанными вокруг кистей рук. Он запретил забой коров и употребление в пищу говядины. Вместе с тем он приказал возжечь при дворе неугасимый светильник и, подобно парсам, стал публично простирается перед солнцем.

В 1579 г. император положил конец обыкновению ежегодно отправлять крупные суммы денег в Мекку и Медину; в 1580 г. отменил свое ежегодное паломничество в Аджмер; в 1584 г. отменил мусульманскую систему летоисчисления по Хиджре и заменил ее новой хронологией, ведущей отсчет дней с восшествия самого Акбара на престол. Все эти новшества очень не нравились воинствующим ортодоксам. Немалое возмущение вызвало его решение чеканить монету с двусмысленной надписью «Аллах акбар», которую можно истолковать либо как «Аллах велик», либо как «Акбар есть Аллах».

Недовольные политикой Акбара шейхи и мусульманская знать подняли в 1580 г. восстание в Бенгалии и Пенджабе под лозунгом защиты ислама. Мятежники объявили Акбара низложенным и провозгласили падишахом его сводного брата Мухаммада Хакима, наместника Кабула. Тот вторгся в Пенджаб и занял Лахор. Акбар немедленно выступил против мятежников, усмирил Бенгалию, вытеснил брата из Пенджаба и занял Кабул. Эти события оказались последней серьезной угрозой безопасности империи. Недовольные должны были смирить свое возмущение. Религиозные реформы продолжились. В этой связи любопытен факт относительно христианской религии.

В 1579 г. Акбар направил к португальским властям в Гоа послов, сообщив через них о своем интересе к христианской религии и обратившись с просьбой прислать к его двору несколько ученых отцов, а также «главные книги: Библию и Евангелие». Иезуитам это

показалось благоприятным случаем для еще одной победы христианства, посланной самим Небом возможностью обратить в эту веру целую империю язычников. Что касается португальцев, то они обосновались на западном побережье Индии еще до появления в 1522 г. Бабура, но их отношения с индийскими властями ограничились главным образом их соседями в Гуджарате. Акбар же, помимо искреннего интереса к сравнению разных религий, питал надежду, что дипломатический контакт с португальцами «поможет цивилизовать эту дикую расу». Все, казалось, вело к установлению дружеских отношений, так оно и вышло.

Миссия в составе трех отцов-иезуитов прибыла в Фатехпур Сикри в феврале 1580 г. Неудивительно, что миссионеры возликовали, когда убедились в том, что Акбар склонен к сотрудничеству в области религиозных материй и готов целовать священные книги и иконы, но они ошибались, принимая увлечение императора всеми религиями за его намерение присоединиться к их собственной. Христианство привлекало его в той же мере, как и любая другая религия, хотя Акбар был потрясен тем, что Христос позволил унижить себя такой позорной казнью, как распятие, а не воспользовался своей Божественной силой и не сошел с креста. Высказывались предположения, будто Акбар сознательно надеялся найти в христианстве религию, которая могла бы расширить расовые и религиозные противоречия в его империи, если обратиться в эту религию как мусульман, так и индусов, что и намеревались сделать иезуиты. Но Акбар был слишком проницательным политиком, чтобы вообразить, что он может ввести в Индии новую религию официальным указом. Скорее всего, его интерес к христианству происходил из личного пристрастия к философствованию. Поэтому естественно, что, когда он наконец выбрал религию собственно для себя, она получила широкое распространение и создала некий нимб святости вокруг его личности. Сообщение в 1582 г. об этой новой религии показало иезуитам, что они потерпели неудачу.

Акбар стал проповедовать новую «Божественную веру» – дин-и илахи, – в которой слились черты основных религий Индии. От сикхов Акбар взял учение о беспрекословной покорности учеников своему гуру, от движения бхакти – призыв к примирению индусов и мусульман, от ортодоксального индуизма – ношение брахманских знаков и запрещение есть говядину, от парсов – поклонение солнцу и огню, от джайнов – учреждение лечебниц для животных, от шиитов – учение о праведном правителе. Высшим духовным наставником, гуру новой религии, был провозглашен сам Акбар, и полная покорность правителю стала важнейшим символом веры дин-и илахи. У новой веры нашлось много поклонников, хотя прочной основы она не имела и после смерти Акбара быстро сошла на нет. Тем не менее религиозные убеждения Акбара оказались удачным соединением личных склонностей с государственной политикой. Духовная одиссея Акбара была важна не только с точки зрения его отношения к Богу, но и с точки зрения ее воздействия на отношения с легковозбудимыми и переменчивыми религиозными общностями Индии.

Что касается экономических и социальных преобразований Акбара, то анализ широкого круга его реформ указывает на общее направление его усилий к установлению рационального управления. И это было осуществлено благодаря относительно спокойному периоду его правления в течение пятидесяти лет, позволившему закрепить изменения в рамках единой системы, которая надолго пережила самого Акбара. В результате своих реформ он кардинально изменил Индию, превратив ее из государства военной диктатуры в государство, энергично управляемое разветвленной гражданской службой. Разумеется, в таком государстве имелись условия для развития искусств и ремесел. Весьма счастливым для истории искусства оказалось то обстоятельство, что ни персы, ни моголы не обращали внимания на запрет Корана изображать живые существа, будь то люди или животные. Мухаммед провозгласил, что любому человеку, осмелившемуся подражать могуществу Аллаха в созидании, изображая живых тварей, в день Страшного суда будет предложено надеть эти изображения жизнью, а если он в этом не преуспеет, ему придется пожертвовать изображенному свою жизнь.

Как и в области архитектуры, могольский стиль в живописи достигнет своей вершины уже после правления Акбара. Живописные произведения его времени полны изысканных

деталей, но им, как правило, не хватает общеобъединяющей художественной идеи, которой отмечены работы, исполненные по заказу его сына Джахангара.

Акбар проявлял страстный интерес к книгам, и это при его неграмотности. Он создал примерно к 1630 г. библиотеку в 24 тыс. томов. Он учредил департамент переводчиков, переводивших с тюркского на персидский язык темуридские хроники, индийских классиков с санскрита и даже христианское Евангелие с латыни.

Интересная личность при дворе Акбара был его личный хронограф Абу-ль-Фазл. Два труда Абу-ль-Фазла – «Акбарнаме», включающий 2506 страниц в издании на английском языке, и «Айни Акбари» («Уложения Акбара»), включающий 1482 страницы, безусловно, следует считать самым полным и подробным описанием дел и событий одного правящего двора, написанным одним человеком.

В то самое время как Абу-ль-Фазл получил приказание «изобразить пером правдивости славные события и наши завоеванные победы», Гульбадан, сестра Хумаюна, начала писать мемуары, сходные указания были даны в провинции каждому, кто владел какими-либо важными сведениями, – составить воспоминания и продиктовать их переписчикам. Абуль-Фазл, опираясь на факты и цифры, предоставляемые ему различными государственными учреждениями, совершил истинный подвиг координации, используя все это в своих хрониках. Обе книги Абу-ль-Фазла изобилуют подробностями широких реформ Акбара в области административной, экономической и социальной систем.

К концу жизни Акбара Могольская империя превратилась в огромное государство, простиравшееся от берегов Амударьи на севере до Декана на юге. Последние годы жизни Акбара были омрачены тяжелыми ссорами с сыновьями, большинство из которых выросли пьяницами и никчемными людьми. Особенно много неприятностей доставил падишаху самый способный из них Салим (известный позже как Джахангир). Воспользовавшись тем, что Акбар находился на юге, он в 1601 г. стал фактически независимым правителем Аллахабада. В 1602 г. по его указке вождь мятежного племени бундела убил друга Акбара, Абу-ль-Фазла. Это убийство потрясло престарелого падишаха, но он сдался на уговоры родственников и через несколько месяцев помирился с Джахангиром.

15 октября 1605 г. Акбар скончался. Участники споров о престолонаследии склонились на сторону Джахангира.

Абу-ль-Фазл приводит в своих хрониках замечательное письмо Акбара, посланное сыну, где император излагает свой взгляд на ответственность правителя: «Не позволяй различиям в вере вторгаться в политику, не будь пристрастным, налагая наказания. Советуйся наедине с людьми, которые знают свое дело. Если тебе приносят извинения, принимай их». Следуя этим принципам, употребляя силу для поддержания мира, предпочитая превращать бывших противников в сильных союзников, а не в слабых врагов, выбирая доверенных чиновников из числа тех, кто умел создавать и проводить в жизнь свои планы, Акбар, располагая плацдармом на северо-западе, сумел в течение полувека взять под контроль Индию, причем контроль нового и устойчивого порядка; Акбар привнес в Индию «процветание века и безопасность времени». И как же он опасался, что слабохарактерный Джахангир уничтожит созданные им блага, однако наследник отнюдь не погубил империю.

Итак, еще при жизни Акбара не раз обсуждался вопрос о том, чтобы, минуя Джахангира, престол перешел к сыну последнего, Хосрову. Однако большинство представителей знати высказалось за то, чтобы порядок престолонаследия не нарушался, и перед смертью Акбар объявил Джахангира своим наследником. Во время коронации 24 октября 1605 г. тот принял имя Нур ад-дин Мухаммад Джахангир, падишах Гази. Вскоре после этого Хосров бежал в Пенджаб, собрал 12-тысячное войско и выступил против отца. Джахангир разбил его и свирепо расправился с мятежниками: они были посажены на кол в два ряда, и Хосрова, по приказу отца, провели между этими еще живыми шпалерами, а потом выкололи ему глаза (в 1622 г. Хосров был задушен). То был ужасающий сценарий, свидетельствующий, что Джахангир маниакально и изобретательно жесток. Тем удивительней, что отличительной чертой Джахангира был его эмпирический рационализм в

сочетании почти с экстатическим откликом на обычные явления природы. Несомненно, император отнесся бы с пониманием к деяниям ученых, которые за тысячи миль от его страны и тридцать лет спустя после его смерти (1660 г.) собрались в Лондоне, чтобы основать Королевское общество.

Тем, что Джахангир мог уделять достаточно много времени наукам, он был обязан стабильному положению в стране, доставшемся ему в наследство от отца. Первые семнадцать лет его правления были периодом беспримерного спокойствия, если не считать мятеж его сына Хосрова.

Наиболее значительным событием первой половины правления Джахангира было возвышение двух человек – Мехруниси Нур Джахан (Свет Мира) и третьего сына Джахангира Хуррама, в будущем Шах Джахана (Владыки Мира).

Мехруниса была тридцатилетней придворной дамой, одной из вдов Акбара. Мехруниса четыре года отвергала домогательства императора, но в конце концов Джахангир женился на ней. Нур Джахан была неординарной женщиной: писала стихи, создавала рисунки для тканей, орнаменты для ковров и разрабатывала фасоны одежды, была страстной охотницей и, ко всему прочему, необыкновенной красавицей. Забегая вперед, следует сказать, что ее племянница Мумтаз Махал вышла замуж за Шах Джахана, который в ее честь построил знаменитый Тадж Махал.

Во время большей части правления Джахангира квартет советников, чьи голоса легко могли убедить императора, состоял из Нур Джахан, ее отца, брата и царевича Хуррама, который в 1613 г. был поставлен отцом во главе армии. После тяжелой двухлетней войны он победил правителя Мевара Амар Сингха. В 1616 г. ему поручили другую тяжелую войну против государства низам-шахов в Декане. В войне с Деканом Хуррам добился значительных успехов, за что в 1617 г. получил имя Шах Джахана. В 1620 г. он захватил столицу низам-шахов Харки. В том же году пала Кангра – почти неприступная крепость, господствовавшая над горной местностью между реками Рави и Сатледж. После этого власть моголов признали окрестные афганские племена.

Таковы были основные внешнеполитические события в годы правления Джахангира. Постепенно он отошел от государственных дел, всецело отдавшись пьянству и курению опиума. «Я дошел до такой крайности, – признается он в своих записках, – что уже не мог держать чарку в собственных руках. Я пил, а другие держали чарку вместо меня». Управление государством взяла на себя любимая жена Джахангира, Нур Джахан. Влияние ее на мужа было огромно: по словам Джахангира, он «передал ей государство за чашу вина и похлебку». С 1624 г. имя Нур Джахан чеканилось на монетах рядом с именем императора. Опасаясь властного и способного Шах Джахана, который считался наследником Джахангира, Нур Джахан попыталась передать престол другому сыну падишаха – безвольному и ни к чему не пригодному Шахрияру. Но Шах Джахан был не из тех людей, что сдаются без борьбы. Зная о происках мачехи, он втайне готовился к мятежу. Обстоятельства благоприятствовали его замыслам.

В 1622 г. персы захватили Кандагар. Шах Джахану было поручено вернуть его обратно. Встав во главе армии, он немедленно поднял восстание и двинулся на тогдашнюю столицу империи – Манду. Однако вскоре союзники его покинули. Шах Джахан с небольшой армией (5 тыс. слонов, 5 тыс. всадников, 10 тыс. пехотинцев) отступил в Голконду. В марте 1623 г. он потерпел поражение в битве при Биллочпуре и бежал в Бенгалию. Потом дела его поправились – он захватил Раджмахал, овладел Бихаром. В апреле 1624 г. в Акбапуре ему удалось разгромить наместника Бенгалии Ибрахим-хана и овладеть этой богатой провинцией. В руки победителей попали правительственная артиллерия, слоны и речной флот. Он поднял бунт против отца. Впрочем, успех Шах Джахана не был прочным. Вскоре он потерпел новое поражение под Аллахабадом, опять отступил в Голконду, а потом в Декан. Здесь он присоединился к Малику Амбару – могущественному министру в царстве низам-шахов – и вместе с ним повел войну против моголов. Наконец он осознал бесперспективность дальнейшей борьбы, запросил мира, был прощен отцом и направлен

правителем Балагхата.

28 октября 1627 г. Джахангир скончался. Несмотря на все его слабости, из Великих Моголов именно Джахангир был наиболее привлекательной личностью. Ни один из членов этой династии не кажется столь живым современному ученому. На это есть две причины, и обе они напрямую связаны с талантами и деятельностью самого Джахангира. Благодаря чему облик императора предстает перед нами в широком диапазоне тонко выполненных реалистичных и характерных изображений.

Джахангир в своих записках слагал строго эстетический отклик на жизнь со страстным желанием проанализировать и воспроизвести свое видение жизни. Дневник Джахангира полон мыслей об укреплении общественной справедливости и административного управления; в большинстве случаев он стремился следовать либеральным идеям отца, однако гораздо менее, чем Акбар, преуспел во внедрении этих идей в действительность. Акбар сделал глубокую зарубку на могучем древе чиновничьей коррупции, неизменно росли запасы наличных денег, что увеличивало силу и престиж империи; при Джахангире взяточничество снова возросло, а денежный запас уменьшился.

Джахангир сознательно и с уважением принял постулат религии Акбара, но религиозные воззрения Джахангира были по преимуществу импульсивными, в то время как у его отца они имели политическую подоплеку.

После смерти Джахангира с октября 1627 по февраль 1628 г. престол занимал его внук (сын Хосрова) Давар-Бахш. Но когда к столице приблизился Шах Джахан, Давар-Бахш бежал в Иран. Чтобы исключить в дальнейшем всякие возмущения, Шах Джахан велел «на всякий случай» перебить всех своих родных и двоюродных братьев. Встав во главе государства, он продолжил завоевания в Декане.

1631 г. был скорбный для Шах Джахана: во время родов скончалась его любимая жена Мумтаз Махал, давая жизнь своему четырнадцатому ребенку. Из предыдущих тринадцати выжили четыре сына и три дочери (третий сын Аурангзеб родился 23 октября 1618 г.). Они настолько безраздельно были преданы друг другу, что на этом стоит остановиться. Мумтаз Махал была влиятельной спутницей жизни Шах Джахана, как и ее тетя Нур Джахан для Джахангира, но если тетя господствовала над мужем, то племянница была прежде всего его опорой и советчицей. Известно, что Шах Джахан обсуждал с ней все государственные дела. После ее смерти целых два года Шах Джахан провел в глубокой скорби, отвергая все удовольствия жизни. Будучи человеком действия, он, тем не менее, предоставлял командование в походах своим сыновьям, сам оставаясь в Агре, Дели или Лахоре и отдаваясь новой своей любви – архитектуре. Первое большое сооружение, которому император посвятил себя, был памятник его жене, а само название этого памятника было разговорным сокращением ее имени – Тадж Махал. Единственными архитекторами Тадж Махала были Шах Джахан и традиция Моголов. Работы начались в 1632 г. и закончились в 1648 г. Английский путешественник, присутствующий на этих работах, писал: «Золото и серебро почитаются в строительстве этого сооружения самыми обычными металлами, а мрамор – обыкновенным камнем».

Стагнация роскоши никогда не была столь очевидной, как во время правления Шах Джахана. В то время как Империя Великих Моголов, казалось, достигла наивысшего великолепия, расцвет ее уже миновал.

Со времен Акбара империя не намного увеличила свою территорию. В 1633 г. под власть моголов перешли остатки султаната низам-шахов. В 1636 г. во главе 50-тысячной армии Шах Джахан двинулся против кутб-шахов Голконды и адил-шахов Биджапура. Оба правителя признали верховную власть Великого Могола и согласились на уплату дани. Шах Джахан оставил наместником в Декане своего сына Аурангзеба и вернулся в столицу.

Вновь обострились отношения между религиозными сектами, вероятно неизбежные в стране, где религиозное меньшинство столь долго управляло религиозным большинством. Одновременно с приказом об уничтожении индуистских храмов начались и массовые преследования христиан. Португальцы сделались вечными врагами Шах Джахана, отказав

ему в помощи в то время, как он находился в Бенгалии и поднял бунт против отца, а позже по оплошности забыв послать ему подарок по случаю восхождения на престол. Поэтому Шах Джахан повелел правителю Бенгалии как следует проучить беспокойных иностранцев. Но как и с антииндуистской политикой того же времени, положение вскоре стало более спокойным. К концу 30-х гг. христианская община в Агре вернулась к нормальному существованию.

По мере роста пышности империи и примечательного перехода от жизни преимущественно в военном лагере к почти постоянному существованию в резиденции одного из трех главных городов (Агра, Дели, Лахор), менялся распорядок дня Шах Джахана: по сравнению с Акбаром и Джахангиром у него было гораздо больше четко определенных публичных обязанностей.

У историков того времени находим описание Шах Джахана как «крупнейшего и богатейшего владельца драгоценных камней во всем обитаемом мире». В этом отношении Шах Джахан даже превзошел своего отца. Источники сообщают, что эксперту понадобилось бы не менее четырнадцати лет, чтобы сосчитать и оценить драгоценности, принадлежащие лично Шах Джахану.

В сентябре 1657 г. Шах Джахан внезапно заболел. Это послужило сигналом к началу междоусобной войны между его сыновьями. Падишах имел четырех сыновей. Из них старший Дара был наместником в Аллахабаде, Пенджабе и Мультане. В его распоряжении находилось 40 тыс. всадников, и он занимал положение, почти равное положению правителя, поскольку отец избрал его своим наследником. Шуджа, второй сын Шах Джахана, в течение семнадцати лет являлся наместником Бенгалии. Ленивый по природе, он мог иногда проявить большую энергию, но не был способен на длительные усилия. Пылкий, ищущий удовольствий и неумный Мурад, самый младший из братьев, был наместником Гуджарата.

Что касается Аурангзеба, то он стал играть заметную роль в политической жизни Могольской империи очень рано, задолго до своего восшествия на престол. В 1636 г. отец назначил его на ответственный пост наместника Декана, где столицей принца стал Аурангабад. В 1644 г. он ненадолго впал в немилость и был смещен. В 1645 г., когда положение Аурангзеба восстановилось, его послали наместником в Гуджарат, а оттуда – в Балх и Бадахшан. Здесь он вел безуспешную войну с неуловимыми узбеками, которые переходили Амударью и нападали на могольские аванпосты. В конце концов в 1647 г. Балх был сдан узбекам. В феврале 1649 г. персы внезапно отобрали у моголов Кандагар. В мае того же года Аурангзеб во главе 50-тысячной армии осадил этот город, однако из-за отсутствия тяжелой артиллерии взять Кандагар не удалось. В 1652 г. отец вновь вернул его в Декан.

Когда Аурангзеб во второй раз прибыл в Декан в качестве наместника, он обнаружил, что управление страной осуществляется плохо, налоговые поступления сократились и площадь обрабатываемых земель уменьшилась. Между тем в Декане, как в приграничной провинции, постоянно находились значительные войска. Извлекаемые из провинции доходы не покрывали расходов. К счастью для себя, принц нашел в лице перса Муршид Кули-хана исключительно способного чиновника, который сумел провести важную налоговую реформу. Не будучи очень обременительными, новые налоги стимулировали развитие земледелия и освоение заброшенных земель. Многие жители вернулись в покинутые деревни, и там возобновилась нормальная жизнь. Укрепив армию, Аурангзеб в 1656 г. вторгся в Голконду и взял Хайдерабад. Правитель страны Абдаллах Кутб-шах укрылся в Голконде и упорно оборонялся. Из-за происков своих недоброжелателей Аурангзебу не удалось довести войну до победного конца. В марте по требованию Шах Джахана был заключен мир. Кутб-шах выплатил моголам контрибуцию в размере 10 млн рупий. В 1657 г. Аурангзеб начал войну с Биджапуром, занял Бидар и Кальяни. С побежденных также была взыскана контрибуция в размере 10 млн рупий.

Тем временем в декабре 1657 г. Мурад в Ахмадабаде объявил себя падишахом. Его примеру последовал Шуджа в Бенгалии. Аурангзеб заключил союз с Мурадом, и братья

двинулись против старшего Дары. Первая битва между претендентами на престол произошла в феврале 1658 г. при Бахадурпуре. Шах Шуджа был разбит Дарой. В мае при Самугархе, возле Агры, 50-тысячная армия Дары сошлась в решительном сражении с армией двух остальных братьев. Аурангзеб и Мурад одержали полную победу. 10 тыс. сторонников Дары пали в этой битве, а сам он бежал в Пенджаб. В июне 1658 г. Аурангзеб вступил в Агру, низложил и заточил своего отца. Тогда же был брошен в темницу Мурад (в 1661 г. его обезглавили). Укрепив свой тыл, Аурангзеб опять обратился против Дары. Тот бежал, не принимая сражения. В январе 1659 г. при Хаджве Аурангзеб нанес полное поражение Шах Шудже. В марте того же года он во второй раз разбил Дару. Вскоре тот был захвачен в плен и казнен. Шах Шуджа отступил в Бенгалию, но не смог здесь удержаться и бежал в Аракан, где его в 1661 г. убили магхи. Шах Джахан оставался в строгом заточении в крепости Агры до самой своей смерти.

Шах Джахан прожил восемь злосчастных лет со дня своего низложения. В беломраморных покоях, возведенных в свое время по его велению, он упорно боролся против все более строгих установлений сына. Бывали времена, когда его лишали письменных принадлежностей и даже права пользоваться собственным гардеробом. Между Шах Джаханом и Аурангзебом шла переписка: негодующая со стороны отца, строгая и лицемерная со стороны сына. Аурангзеб требовал, чтобы отец отдал ему все драгоценности, вплоть до жемчужных четок для молитвы. Обычно Аурангзеб одерживал верх. В конце концов, когда горечь при мысли об уничтожении трех своих наследников сменилась признанием того, что не осталось альтернативы Аурангзебу, Шах Джахан даже немного уменьшил свою враждебность по отношению к бессердечному сыну, тем не менее они больше никогда не встречались.

Шах Джахан скончался 22 января 1666 г. На следующее утро его тело перевезли в Тадж Махал, где он и был похоронен рядом со своей женой. Жан Батист Тавернье, который находился в то время в Индии, писал, что Шах Джахан имел намерение построить повторение Тадж Махала из черного мрамора на противоположном берегу Джамны как мавзолей для себя, соединенный мостом с усыпальницей жены, однако расчетливый Аурангзеб отказался от возведения столь грандиозного ансамбля и без особых хлопот поместил прах отца в уже существующем Тадже.

Время правления Шах Джахана было отмечено грандиозным строительством во многих городах империи. Самыми замечательными сооружениями этой эпохи стали мавзолей Тадж Махал в Агре, Красный форт, мечети Джами Масджид и Моти Масджид в Дели. Помимо них в Дели при Шах Джахане был построен рядом со старым фактически новый город, названный Шахджаханпур.

Расправившись со всеми врагами, Аурангзеб прочно утвердился на престоле и оставался на нем около пятидесяти лет. Одаренный полководец, хороший организатор, вникавший во все мелочи правления, он был безжалостным и жестоким человеком, чуждым какого бы то ни было великодушия. Еще в молодости Аурангзеб обнаружил склонность к аскетизму, которую не утратил потом до самой смерти, – он не употреблял вина, не ел говядины, а пил только воду и питался таким же просяным хлебом, какой ели бедные люди, спал на голой земле, одевался очень просто, соблюдал все посты и не пользовался дорогой посудой. При всем этом он был очень суров в вопросах морали, имел сильную волю, никогда не поддавался влиянию фаворитов. Бережливый и даже скупой в своих расходах, он щедро раздавал милостыню, а все свои войны превращал в войны за веру.

В первые годы правления Аурангзеба его внимание было сосредоточено на северной границе. В 1672 г. здесь подняли восстание афганские племена афридиев и хаттаков. Началась тяжелая война в горах, в которой моголы то и дело терпели поражения. В июне 1674 г. на помощь своим военачальникам прибыл сам падишах. После полутора лет неустанной борьбы ему удалось добиться значительных успехов, и он мог вернуться в Дели. Наместником на севере он оставил ловкого и энергичного Амир-хана, который усмирил афганских вождей и, искусно натравливая одно племя на другое, раздавая подарки и взятки,

сумел разрушить их союз и держал перевалы открытыми для движения.

С самого начала царствования Аурангзеб был полон решимости восстановить мусульманский характер государства. Его взгляды, впрочем, ни для кого не были секретом. Еще будучи наследником государства, он проявлял враждебные отношения к индусам и осквернил несколько их храмов. Укрепив свое положение, падишах стал постепенно уничтожать все привилегии немусульманского населения, дарованные Акбаром. На одиннадцатом году правления Аурангзеба при дворе была запрещена музыка. Одновременно прекратилось совершение индусских обрядов, исполнявшихся во время дворцовых церемоний. Вслед за тем был издан указ о «разрушении храмов и школ неверных», положивший начало уничтожению индуистских храмов. В числе прочих были разрушены знаменитые индийские святыни – храмы Висванатха в Бенаресе, Кешава Раи в Матхуре и многоколонный храм Сомната. В 1679 г. был восстановлен подушный налог на индусов, а также некоторые другие налоги, которые взимались только с немусульман.

Ответом на эту политику стали мощные восстания индусов. Особенно тяжелой для моголов оказалась война в горной Раджпутане. Она была очень упорной, кровопролитной и требовала огромных средств. Кроме того, падишах лишился возможности пополнять ряды своей армии раджпутами, которые были раньше самыми лучшими и преданными воинами династии. Боеспособность могольской армии стала падать с каждым годом. Между тем враги становились все энергичнее и сильнее. На южной окраине Могольской империи образовалось и стало быстро набирать силу индусское государство маратхов. Занятый войнами в северных границах своей державы, Аурангзеб долго не обращал должного внимания на ее южные пределы, несмотря на то что маратхи захватили несколько важных могольских областей. Однако в 1682 г. произошло коренное изменение его внешней политики. Все началось с того, что сын падишаха Акбар восстал против власти отца и бежал под защиту царя маратхов Самбхуджи. Это переполнило чашу терпения Аурангзеба. Он решил лично отправиться в Декан, сокрушить Самбхуджи и заставить Акбара покориться.

В продолжение первых четырех лет (1682–1686 гг.) война против маратхов носила достаточно бесплодный характер. Тогда падишах решил уничтожить союзные им шиитские государства Декана. В апреле 1685 г. он вторгся в пределы Биджапура и в октябре 1686 г. после упорной осады овладел этим богатым городом. Голконда – столица кутб-шахов – была осаждена в январе 1687 г. и взята в сентябре того же года. Покончив с Биджаपुरом и Голкондой, Аурангзеб обрушился на государство маратхов. В короткий срок были взяты многие из маратхских крепостей, включая Райгарх. Акбар успел бежать в Иран. Сам Самбхуджи со всей своей семьей был захвачен в плен и после мучительных пыток казнен в 1689 г. Таким образом, Империя Великих Моголов достигла при Аурангзебе своих максимальных размеров, включив в свои пределы почти весь Индостан. Однако на этом ее наступательный импульс иссяк. Удержать за собой все завоеванные земли оказалось для моголов непосильной задачей. Именно тогда, когда они, казалось, достигли вершины могущества, их государство стало стремительно разлагаться. Длительное отсутствие падишаха привело к развалу централизованной системы управления. В государственном аппарате возобладала коррупция. Наместники отдельных областей набрали большую силу и стали проявлять признаки неповиновения. Возросли центробежные тенденции.

Аурангзеб видел постепенный упадок империи, но, несмотря на всю свою энергию, не мог остановить этот процесс.

Верных людей при Аурангзебе не осталось по его собственной вине, в результате стойкого недоверия к окружающим и отказа передавать кому-либо полномочия власти. Во время правления Акбара, Джахангира и Шах Джахана преемственность военачальников, надежных министров, доверенных женщин или царевичей смогла оставить след в истории благодаря их успешным действиям на благо империи. В течение полувека правления Аурангзеба главным действующим лицом был только он. Даже собственные сыновья и дочери Аурангзеба оставались на положении непослушных и шальных детей вплоть до того, как переступали рубеж сорокалетия или пятидесятилетия. Характер его обращения с

царевичами – это мерило полной неспособности Аурангзеба быть отцом. И Шах Джахан, и Аурангzeb строили свои отношения с сыновьями, имея в виду одну цель – избежать повторения собственного бунта против своих отцов. Решение Шах Джахана предусматривало максимум свободы для любимого им сына Дары, а решение Аурангзеба – минимум свободы для каждого.

Его последние годы прошли в упорных войнах с врагами, которые поднимались со всех сторон. Самыми непримиримыми его противниками оставались маратхи. Они сплотились вокруг Раджарама – младшего брата Самбхуджи – и начали против моголов поистине всенародную войну. Множество партизанских отрядов отважно нападали на имперские войска, не давая им ни минуты покоя. В 1690 г. большая могольская армия под командованием Рустам-хана была наголову разбита маратхами. Несколько раз падишах устраивал крупномасштабные карательные экспедиции в горные области. Положив огромное количество солдат, он сумел захватить многие важные крепости маратхов, однако спустя несколько лет все они были вновь отбиты индусами. Измученный безрезультатной войной, падишах серьезно заболел. В 1705 г. его изрядно потрепанная армия отошла к Ахмеднагару. Здесь он и умер в феврале 1707 г.

При Аурангзебе Могольская империя достигла своих максимальных размеров, но тогда же начался ее быстрый упадок.

Документально империя Великих Моголов в год смерти Аурангзеба прошла чуть более половины своего исторического пути. В течение ста восьмидесяти одного года империей правили шесть связанных узами прямого родства (от отца трон переходил к сыну в течение шести веков) Великих Моголов, чьи деяния выдерживают сравнение с деяниями семьи Медичи и горстки других семей в мировой истории. В оставшиеся полтора века номинального существования империи на троне побывало одиннадцать Великих Моголов, но Аурангzeb оказался последним, кто был достоин этого гордого титула.

После смерти Аурангзеба развернулась война за престол между его сыновьями. Старший из них, Шах Алам, находился в Кабуле, второй, Азам, и третий, Кам-Баш, правили в Декане. Шах Алам, узнав о кончине отца, быстро двинулся в Индию, занял Агру, завладел всеми сокровищами Великих Моголов и взошел на престол под именем Бахадур-шаха I. Вскоре к столице подступил Азам-шах, имевший под своим началом 100-тысячную армию. Решающая битва произошла 18 июня 1707 г. вблизи Джаджау, к югу от Агры. Азам был полностью разгромлен, он сам и двое его сыновей погибли. 13 января 1709 г. Бахадур-шах разбил при Хайдарабаде другого своего брата Кам-Баша, который умер от ран. Покончив с конкурентами, Бахадур-шах начал упорную войну с сикхами, быстро набиравшими силу в Пенджабе. В 1710 г. он лично возглавил против них поход. Большое сражение с мятежниками произошло в декабре под Садхаурой. Войска сикхов, насчитывавшие до 30–40 тыс. конницы и множество пехоты, дрались с большим мужеством, но после ожесточенной и кровопролитной борьбы потерпели поражение. В 1711 г. моголы заняли Сирхинд, оттеснив остатки сикхской армии в предгорья Гималаев.

Бахадур-шах умер в феврале 1712 г. Сразу же началась борьба между четверьмя его сыновьями, Джихандаром, Азим аш-Шаном, Рафи аш-Шаном и Джаханом. Наиболее способным из них был второй сын Азим аш-Шан. Три брата объединились против него. В том же 1712 г. армия Азим аш-Шана была разбита, а сам он погиб. После этого власть сосредоточилась в руках Джихандара, пьяницы и беспутника, от имени которого управлял главный визирь Зульфикар-хан. Одиннадцать месяцев спустя сын Азим аш-Шана Фаррух-Сийар нанес поражение своему дяде близ Агры. Джихандар был взят в плен и умерщвлен в тюрьме.

Фаррух-Сийар был слабым, лживым и трусливым правителем. Своей победой он целиком был обязан двум братьям-сайидам Абдаллах-хану и Хусайну Али. Абдаллах получил пост визиря и фактически сосредоточил власть в своих руках. Фаррух-Сийар тяготился его господством и тайно готовился к свержению братьев, но те его опередили. В 1719 г. в союзе с маратхами Хусайн Али взял Агру, низложил Фаррух-Сийара и спустя два

месяца велел его умертвить. На престол был возведен другой внук Бахадур-шаха I Рафи ад-дараджат. Больной туберкулезом, он начал очень быстро чахнуть и вскоре должен был уступить престол своему брату Шах Джахану II, также болезненному юноше, который в сентябре 1719 г. умер. Престол перешел к его двоюродному брату Мухаммаду. Братья-сайиды к этому времени нажили себе многочисленных врагов. В Декане поднял против них восстание Низам ал-Мульк. Хусайн Али вместе с падишахом начал против него поход, но был убит, причем Мухаммад-шах потворствовал убийцам. Когда Абдаллах-хан узнал о смерти брата, он возвел на престол марионеточного султана Нику-Сийара (внука Аурангзеба), но армия Мухаммад-шаха повернула на север, и у Билочпура Абдаллах был наголову разбит. Спустя два года его отравили в тюрьме.

Вновь страна объединилась под властью одного правителя. Однако Мухаммад-шах был неспособен восстановить престиж власти падишаха и возродить славу его оружия. Он был человеком безвольным, предавался наслаждениям и предоставил событиям идти своим чередом. В период его длительного правления фактически завершился распад Могольской империи. Еще в 1714 г. маратхи заняли Хандеш, Гондвану и Берар. В 1724 г. под их власть перешел Гуджарат. В то же время в Пенджабе обрели независимость княжества сикхов. Фактически независимыми стали наместники падишаха – навабы. Самым могущественным из них был Низам ал-Мульк, которому дважды удавалось стать наместником могольского Декана (в 1713–1714 гг. и 1720–1722 гг.) и побыть недолгое время (в 1722–1724 гг.) визирем империи. В конце концов он основал независимое государство с центром в Хайдарабаде. Фактически независимыми княжествами стали Бенгалия, Ауд, Карнатик и многие другие. Под непосредственной властью Мухаммада остался лишь Доаб с городами Дели, Кора и Аллахабад.

Смертельный удар Могольской империи нанесло вторжение иранского правителя Надир-шаха. Еще в ноябре 1738 г. он занял Пешавар, однако известие об этом не произвело никакого впечатления в Дели. Историк Гулям Хусайн несколько позднее писал: «Поскольку дороги не охранялись, всякий мог пройти по ним в любом направлении, оставаясь незамеченным; никакие разведывательные данные о происходивших событиях не поступали ко двору; и ни падишах, ни визирь никогда даже не спрашивали, почему они не получают этих сведений». Лишь в середине января 1739 г., когда персы выступили походом на Дели, Мухаммад-шах в сопровождении всего двора и министров, с громадным войском, при котором находилось 300 орудий и 2 тыс. боевых слонов, выступил ему навстречу. В конце февраля при Карнале (недалеко от Дели) произошло решающее сражение. Моголы имели огромное численное превосходство над врагом, но их армия уже никуда не годилась. Надир-шах с помощью хитрости напугал слонов падишаха: они обратились против индийского войска и прошибли в нем брешь, в которую ворвались персы. По преданию, побежденные потеряли 17 тыс. человек. 3 марта Мухаммад сдался Надир-шаху и по его требованию распустил свои войска. 20 марта победители без боя вступили в Дели и захватили колоссальную добычу, оцениваемую в 700 млн рупий. По мирному договору Мухаммад уступил Надир-шаху все свои владения к северу от Инда, вследствие чего моголы навсегда потеряли Афганистан. В середине мая, отягченные индийскими сокровищами, персы двинулись в обратный путь. После их ухода Могольская империя осталась «истекающей кровью и обессиленной». Ее слабость стала очевидна для всех, и от ее бывшего престижа не осталось и следа.

Мухаммад скончался в 1748 г. Перед смертью он совершенно утратил рассудок вследствие злоупотребления опиумом. Ему наследовал сын Ахмад-шах, такой же никчемный человек, как и его отец. В 1752 г. афганский шах Ахмад отобрал у моголов Кашмир. По мирному договору падишах передал афганцам всю восточную часть страны вплоть до Сирхинда. В 1754 г. он был свергнут и ослеплен своим визирем Гази ад-дином, который возвел на престол сына Джихандара Аламгира. Никакой реальной власти тот не имел и был послушным орудием в руках всемогущего временщика. Достоинство падишаха в это время пало, как никогда, низко. Даже в Доабе Великий Могол не считался теперь полновластным

правителем. В 1754 г. в Аллахабаде провозгласил себя независимым Мухаммад Кули-хан (правил до 1758 г.), а в 1756 г. в районе Агра-Дели возникло государство джатов, управляемое Сураджем Малой. В 1756–1757 гг. последовало новое вторжение в Индию афганского Ахмад-шаха. Он без боя вошел в Дели и взял огромную добычу, оцениваемую в 120 млн рупий. По новому договору Аламгир уступил ему Пенджаб, Кашмир и Синд. В 1757 г. Дели был захвачен маратхами. В 1759 г. афганцы отбили у них могольскую столицу и подвергли ее разгрому. Однако тотчас после их удаления Гази ад-дин с помощью маратхов снова взял город и велел заколоть падишаха (в ноябре 1759 г.). Сын Аламгира, Шах Алам, сумел спастись и бежал под защиту наваба Ауда. Новым падишахом победители объявили внука Кам-Баша, Шах Джахана III.

Это было время наивысшего могущества маратхской державы. Вслед за тем наступило ее быстрое ослабление. В 1760 г. Ахмад-шах взял Дели и возвел на престол сына Аламгира, Шах Алама. Он считается последним энергичным правителем из рода Великих Моголов. Но, несмотря на всю свою предприимчивость, Шах Алам был не в силах изменить жалкого положения правящей династии. Власть падишаха не распространялась за стены Дели, да и здесь он не мог чувствовать себя в безопасности. В январе 1761 г. афганцы нанесли маратхам сокрушительное поражение в грандиозной битве при Панипате, после чего Ахмад-шах отдал Дели одному из своих союзников – вождю рогиллей Неджебу.

Тем не менее Шах Алам пытался проводить активную внешнюю политику. В 1761 г. он назначил наваба Ауда своим визирем и выступил против старинного противника – наваба Патны. Последний был разбит. Но вскоре ему на выручку подоспела небольшая армия англичан (350 европейцев, 1 тыс. сипаев и союзная бенгальская армия наваба Мир Джафара численностью 15 тыс. человек). 22 февраля 1761 г. они нанесли Шах Аламу поражение под Патной и заставили отступить в Бегар. В апреле, собрав новую армию, падишах подступил к Патне и опять был разбит. Шах Алам собрал еще одну армию, лучшую часть которой составлял отряд французских наемников под командованием Лау, но опять потерпел поражение в сражении с англичанами при Гиа. Однако война на этом не кончилась. В 1764 г. Шах Алам сколотил новую антианглийскую коалицию, соединившись с навабом Ауда и свергнутым навабом Бенгалии Мир Касимом. Союзники двинулись к Бенаресу, но в сентябре 1764 г. потерпели поражение в битве при Буксаре. После этого падишах перестал бороться с англичанами, а напротив, постарался опереться на их поддержку в борьбе с другими врагами.

Эта политика вскоре дала благоприятный результат. В 1765 г. английский губернатор Клайв предоставил Шах Аламу Кору и Аллахабад для поддержания его достоинства и покрытия личных расходов. А 25 декабря 1771 г. с помощью наваба Ауда Шах Аламу удалось отобрать у рогиллей Дели. Новый великий визирь падишаха перс Мирза-Наджар добросовестно трудился над возрождением Могольского государства. В 1776 г. он разбил в кровопролитном сражении при Барсане джатов. В том же году у Панипата были побеждены рогилли. В 1779 г. близ Мирата Мирза-Наджар нанес поражение маратхам. Престиж Великого Могола стал вновь укрепляться, однако в 1782 г. Мирза-Наджаф умер, и вместе с ним навсегда ушли в прошлое мечты о воссоздании империи.

При дворе началась борьба за власть. Вскоре престарелый падишах стал испытывать страх перед своими генералами. В 1784 г. по совету английского губернатора он обратился за поддержкой к могущественному правителю Гвалиора Мадгаве-Рао из маратхской династии Синдия.

В марте 1785 г. Мадгава-Рао прибыл в Дели и принял начальство над армией Шах Алама. Могольская знать с трудом переносила главенство индусов. В том же 1785 г. влиятельный мусульманский вельможа Хулам Кадир изгнал из Дели маратхский гарнизон и заставил Шах Алама назначить себя на место Синдии. В ноябре 1787 г. Мадгава-Рао потерпел поражение от армии Хулам Кадира при Шаксане. Лишившись его поддержки, Шах Алам оказался совершенно беззащитен перед своеволием вассалов, озабоченных только собственной выгодой. В июне 1788 г. Хулам Кадир овладел Дели и разграбил его. Затем он

низложил Шах Алама и возвел на его место сына Ахмад-шаха Бидар-бахта. В поисках денег он велел обыскать всех жен и наложниц Шах Алама, отнял у них драгоценности, пытал слуг и даже высек самого падишаха. 10 августа Хулам Кадир велел ослепить Шах Алама. Приближение Синдии заставило Хулам Кадира покинуть Дели. Уходя, он велел поджечь дворец. В марте 1789 г. Хулам Кадир был разгромлен армией Мадгава-Рао и после жестоких пыток повешен. Шах Алам был восстановлен на престоле. В 1794 г. после смерти Мадгава-Рао ему наследовал двоюродный племянник Даулат-Рао.

Столица Великих Моголов оставалась под властью маратхов вплоть до начала XIX в., когда последние были окончательно разбиты англичанами. В сентябре 1803 г. Дели занял английский главнокомандующий лорд Лейк. Старый и немощный Шах Алам перешел под покровительство англичан. 23 мая 1805 г. падишаху было назначено постоянное содержание – 120 тыс. фунтов стерлингов. С этого времени он перестал быть сюзереном и не управлял даже теми территориями, с которых получал доходы. В распоряжении Шах Алама остался только Красный форт в Дели. За его стенами управление городом и окрестностями находилось в руках английского резидента. В следующем году Шах Алам умер. Его сын Акбар II и внук Бахадур-шах II были только прихлебателями британской Ост-Индийской компании. Никакой власти они не имели и проводили время в обществе наложниц, придворных поэтов и музыкантов.

В последний раз Великим Моголам суждено было появиться на политической арене во время великого сипайского восстания. 11 мая 1857 г. восставшие заняли Дели и заставили Бахадур-шаха подписать воззвание, в котором падишах сообщал о восстановлении имперской власти и призывал всех индусов объединиться для борьбы за родину и веру. Таким образом, волею восставших беспомощный, слабый духом и телом старец был поставлен во главе антианглийского восстания. Его сыновьям предоставили видные посты в сипайской армии. Впрочем, никакого реального влияния на дела падишах не имел. Позднее, уже после подавления восстания в Дели, когда началось судебное разбирательство, Бахадур-шах дал показания, из которых следовало, что он полностью находился в руках сипаев. «Все документы, – сказал он, – которые сипаи считали необходимыми, составлялись по их приказанию. После этого их приносили ко мне и заставляли прикладывать к ним печать... Часто они прикладывали печать на пустые и незаполненные конверты... Всякий раз, когда принцы Мирза Могол, Мирза Хайр Султан или Абубакр приносили ко мне петиции, их неизменно сопровождали сипайские командиры, которые приносили приказы, какие им было желательно, уже написанные на отдельных листах бумаги, и заставляли их переписывать моей собственной рукой... Я был во власти солдат, и они с помощью силы делали, что им нравилось».

В сентябре 1858 г., после падения Дели, англичане объявили о ликвидации института Могольской империи. Бахадур-шах был арестован и по решению суда приговорен к ссылке. Он умер в 1862 г. в Рангуне. Двое его сыновей и внук были предательски убиты английским офицером Ходсоном.

Лишив Великих Моголов права на трон, его в 1877 г. заняла королева Англии Виктория, получив для себя и своих наследников титул «императрицы Индии».

Этим актом Англия положила конец не только Великим Моголам, но и Темуридской династии, которую Великий Амир Темур основал за пять столетий до этих событий, когда, поднявшись на возвышение из белого войлока, провозгласил себя повелителем Маверраанхра.

Великий Гёте, размышляя о роли личности в истории, писал: «Легенда о Наполеоне представляется мне чем-то похожей на откровение Иоанна Богослова: каждый чувствует, что за этим скрывается еще что-то, только никто не знает что». Пожалуй, эти строки можно было бы поставить эпиграфом к историческим изысканиям, посвященным личности великого императора степей – Амира Темура (1336–1405 гг.).

Портрет Темура, каким он предстает перед нами в хрониках европейских и восточных историков, раскрывает личность сложную, пожалуй, самую сложную из всех завоевателей и

создателей империй. В некоторые моменты решающих битв он проявлял такую же жестокость, как Аттила, и такое же изощренное изуверство, как Чингисхан. В то же время он, как и Александр, живо интересовался историей цивилизаций, искусством и обычаями покоренных народов. По хитросплетениям политики его можно сравнить с Филиппом II Испанским или Карлом V.

Как Петр Великий и Людовик XIV, он обладал политической прозорливостью, сделав из своей столицы величественный и изысканный город. Сводить его поступки, мысли, чувства к простым и определенным реакциям – значит, лишить эту богатую личность полутонов и нюансов, которые притягивают нас и в то же время сбивают с толку. Военный тактический гений Темура, если проследить его во всей масштабности и разносторонности, мог бы составить целый том исследований. Его внешняя политика была настолько мудрой и гибкой, сочетающей удары по столу и вкрадчивую мягкость, что в ней трудно выделить основную линию и главные посылы. Этот человек необузданных страстей умел сохранять невероятное терпение, а когда надо было обмануть противника, он искусно притворялся пассивным и ошеломленным. Его аналитический склад ума позволял выйти наиболее удачно из самых критических ситуаций и даже извлечь из неблагоприятных обстоятельств определенную выгоду.

Когда он бросился на завоевание азиатского мира, у него была лишь горстка фанатически преданных сторонников, готовых на смерть ради него. Позже за ним шли толпы обожеествлявших его воинов, представлявших все народы Азии. Войска, которые он формировал, обучал и держал в кулаке, вдохновлялись единым патриотическим порывом: он мобилизовал их силой личного авторитета и присущего ему магнетизма, которому поддавались все, кто находился рядом.

С 1370 по 1405 г. этот Великий Завоеватель покорил Туркестан, Кавказ, Иран, Сирию, Египет, разграбил Дамаск, Багдад, Дели, разгромил Османскую империю, победил лучших воинов эпохи – тюрко-монголов, мамлюков, янычар.

Но если бы Темур был только лишь великим полководцем, жадным до сражений и завоеваний, он не стал бы настолько интересен для истории. Безусловно, он был гениальный стратег, энергичный военачальник и в этом качестве проявлял безжалостность и жестокость, но этим не исчерпывается характеристика этой неординарной личности.

Темур, чьи предки-кочевники, опьяненные окружающим пространством и свободой, считали городские стены убежищем для трусов, был неутомимый строитель; будучи убежденным мусульманином, воевал с мусульманскими странами и на какое-то время даже вступил в союз с христианами; впитав в себя иранскую культуру, разрушал великие центры персидской цивилизации. Он уважал ученых, людей искусства – и в то же время разжигал низменные инстинкты у своих солдат: усмирив мятежный город, он делал отбор среди местных жителей – с одной стороны выстраивал воинов, которые осуждались на смерть, с другой – священников, ученых, образованных и мастеровых людей, которым даровал жизнь. Бесспорно, неадекватное поведение для завоевателя. Но и немногие великие завоеватели в такой мере, как Темур, изменили ход мировой истории: впервые на территории Центральной Азии была создана государственность нового типа и образована великая мусульманская империя со столицей в Самарканде; победа над Тохтамышем навсегда избавила Русь от тюрко-монгольского ига, что дало ей возможность создать основу российской государственности; победа над Баязедом освободила европейские народы от османского ига и отсрочила падение Византийской империи на пятьдесят лет; его походы на Ближний Восток, в Иран и Северо-Западную Индию коренным образом изменили политическую ситуацию в этих регионах.

Не стремясь к мировому господству, он сумел обеспечить центральноазиатскому государству стабильность, превратить его в сверхдержаву. У этой сверхдержавы не было четких и укрепленных границ, подобных тем, которыми пытались отгородиться Китай и поздний Рим. Но их отсутствие свидетельствовало не о слабости, а о достаточной силе. В этом плане империю Темура правомерно сравнить с ранней Римской империей, которая

поддерживала союзников и нейтрализовала соперников решительными действиями по всем направлениям.

Суровый аскет, противник веселья, набожный человек, отважный воин, осторожный и мудрый политик, покровитель художников и литераторов, любитель персидской поэзии, особенно Ширази, – таким был Тему́р, ставший в 1370 г. правителем Центральной Азии, когда «он взошел на трон, надев на себя золотую корону, подпоясавшись императорским поясом в присутствии принцев и эмиров, которые пали пред ним на колени».

Тему́р решал вопрос политической власти виртуозно. Он не стал создавать совершенно новый закон, а создал новую ситуацию, синтезировав тюрко-монгольское правление с исконно тюркским.

Тему́р никогда не заявлял об отмене чингисханской Ясы или о замене ее шариатом. Как ни странно, Ибн Арабшах называет его плохим мусульманином, мотивируя это тем, что Тему́р предпочел закону ислама закон Чингисхана. Разумеется, это, скорее всего, формальное обвинение, так как в глазах населения Центральной Азии Тему́р являл собой преемника Чингисхана и в различных ситуациях обращался к Корану, а имамы и дервиши всегда были на его стороне.

Войны Тему́ра объявлялись «джихадом», т. е. священными, даже когда – что имело место почти всегда – он воевал с мусульманами. Тему́р просто обвинял их в вероотступничестве, будь то чагатайцы Или и Уйгурии, которые позже приняли ислам, или султаны Дели.

Являясь знаменем своего времени, в исторических хрониках его личности придавался образ сверхчеловека, каким он и прошел через несколько цивилизаций, ведь Тему́р всего за треть столетия, то есть за промежуток времени, в пять раз меньший продолжительности Столетней войны, успел построить сверхдержаву и тем воистину потрясти мир.

Любопытно, что после смерти Чингисхана его империя выжила даже при посредственных правителях. А от империи Тему́ра, в которой преуспевали талантливые люди и гении, например Шахрух, Улугбек, Бабур, осталась лишь небольшая территория Мавераннахра и часть Хорасана. Чем же это объяснить?

Долговечность империи чингисидов можно обусловить фундаментом, на котором она была построена. Чингисхан возвысил древнюю тюрко-монгольскую империю, «вечную» империю степей с центром в Орхоне, которую хунны в свое время передали жужаням и эфталитам, жужани – ту-кю, ту-кю – уйгурам и которая к моменту рождения Чингисхана перешла под власть кераитов. У нее была прочная основа – основа степей, этнический и социальный каркас – тюрко-монгольское кочевничество; она зиждилась только на законах природы, согласно которым скотовод ищет корм для себя и своего скота и покоряет оседлых земледельцев.

Чингисхан унаследовал культуру, коренившуюся на идее насилия. Он мог уничтожать своих противников, дробить племена и предавать смерти их членов. Придя к власти в «рыхлой» конфедерации, Тему́р не мог нарушить устои улуса Чагатая, общества, довольно устойчивого, с традицией, которая отвергала насилие. Поэтому Тему́р не мог позволить себе уничтожить большинство структур и людей, стоящих за ними.

Империя, созданная Тему́ром, не только являлась географическим центром, но и представляла собой источник динамизма. Государственная правовая система была тюрко-монгольской, политика и религия – тюрко-монголо-арабскими, культура – тюрко-персидской. То, что в XIV в. Мавераннахр стал «центром тайфуна», – это не случайность.

Важнее всего и сложнее всего для Тему́ра было изменить принцип политики, т. е. поставить в зависимость все политическое движение. Архиважным при этом было подавление всех течений племенной политики. За двенадцать лет упорных усилий Тему́р передал властные структуры улуса в руки преданных ему людей, но и это не могло гарантировать покорность племен. Было недостаточно усмирить племена и сместить их вождей – надо было в корне изменить внутреннюю политику племен. Не было уверенности в

том, что вновь назначенные правители племен смогут сохранить свою власть или пользоваться авторитетом соплеменников. Также было недостаточно ослабить племена как центры власти – их надо было устранить как очаги политической активности, которая позволяла им постоянно менять свои пристрастия, и Темур вывел племена за пределы структуры центральной власти, подавил их как источник личной власти. При этом он использовал и прямолинейные методы. Он отобрал у племен контроль над землей и людскими ресурсами, оставив вождям только наследственные отряды. В первые годы правления он лишил племена почетного места в империи. Отказывая в титуле «эмир» даже самым верным соратникам, которые правили племенами, он лишил племена высокого и почетного статуса.

Отношение Темура к формированию новой элиты свидетельствует, что ему нужна была в этом вопросе монополия. Темур определил состав этой группы в самом начале своего правления, выдвигая туда своих сподвижников, сыновей и внуков. В условиях частых военных походов каждый мог, казалось бы, попасть в правящий класс, но элита Темура сразу стала замкнутой группой, увеличивавшейся, скорее, за счет естественного воспроизводства, а не включения новых членов извне. Лишь немногие племенные эмиры и очень мало чужаков – в первую очередь хорасанцы – могли попасть в эту группу. Основная часть должностей, которые занимали люди из элиты, была наследственной, но выбор из нескольких родственников-кандидатов делал Темур. Посты, которые могли дать какую-то политическую независимость или влияние в регионах, были заказаны для самых могущественных представителей элиты и находились под личным контролем Темура. Темур не допускал также крепких личностных связей между членами элиты, следя за тем, чтобы все хранили верность ему лично. Примером служит почти одинаковый статус, который он предоставлял высшим членам своей свиты и своей семье. Хотя принцы имели свои войска, однако эмиры, входившие в их состав, были преданы в первую очередь Темуру. При таком положении, когда главенствующей была воля правителя, принцы крови не могли претендовать на большую власть, чем приближенные, составлявшие маленький круг у трона властителя. Чтобы править единолично, Темур не перестроил в корне политическую систему, а видоизменил ее. В администрации Темура было немного новых органов. Он не разрушил ни одну из структур улуса: племена и группы улуса, должности, традиционные для тюрко-монгольского государства, и сами люди, занимавшие их до его прихода к власти, – практически все остались на местах. Тем не менее это был настоящий творческий акт, за которым скрывался акт разрушения. Темур изменил – и причем радикально – смысл и функцию этих структур. Оставив в живых людей, он трансформировал их взаимоотношения и правила, регулировавшие их поведение. Темур завоевал полмира и, правя единолично, оставил систему, которая не смогла его пережить.

После смерти Амира Темура мир словно утратил свою энергетику.

Политический развал сопровождался культурным упадком. Ушли в прошлое Крестовые походы и величественные храмы. Запад исчерпал свои силы в выборе достойного папы между Авиньоном и Римом.

Но ислам, несмотря на мощный военный аппарат, который он, до некоторой степени, повернул против самого себя за неимением внешнего врага, так же, как и христианский Запад, вышел ослабленным из длинной череды катастроф. Мясорубка, которую Темур устроил в Иране, потрясла весь исламский мир. Отныне центром сарацинской культуры стала Кордова, а не Багдад. Но не надолго. Испано-берберский ислам, несмотря на все свое великопение, был слепком с восточного ислама и приходил в упадок вместе с ним.

Такая деградация поражала современников. Ибн Халдун сказал, что «мир должен пережить свое Сотворение». Смысл в том, что Старый Мир, который появился на руинах Рима, мир великих халифов и пап, Ричарда Львиное Сердце и Саладина, Мухаммеда и Карла Великого, себя полностью исчерпал. Ислам теперь являл собою смесь османского милитаризма и берберской анархии: мусульмане потрясали Полумесяцем, заклинали Аллаха, строго соблюдали предписания Корана, но творческая энергия иссякла. Аббасиды унесли с

собой в могилу великую эллино-ирано-арабскую цивилизацию. Османы и сам Темура почитали имамов, поэтов, художников, но не принадлежали к народам, породившим этих творцов. Победивший ислам Баязета и Темура представлял собой загнивающий организм, религия которого все больше напоминала простую вывеску.

Сам Туркестан оказался обреченным после великого предприятия, в которое его втянул Темура. «Тюркский Темура уничтожил тюркский гений», – так писал Леон Каен. И это справедливые слова. Тюркский гений был не чем иным, как привычкой побеждать, присущей рыцарям азиатских степей и гор. Темура победил их, используя смешанные народы Мавераннахра. Его победа над Тохтамышем означала «энергетический» поворот с Востока на Запад: это закон истории, ярчайшим выражением которого был Чингисхан. Темура продемонстрировал, что оседлое население не всегда будет слабее кочевников. Он доказал, что воины, возвращенные на Коране, могут побеждать воинов Ясы.

Тюркский мир так и не оправился от этого удара: большие надежды не оправдались. Господство тюрко-монголов над миром оказалось одной из тех иллюзий, которыми полна История.

После Темура все распри в Туркестане усилились. Тюрко-монгольская империя потеряла почти все политические связи с Западной Азией. Китай укрылся за своими стенами. Славяне, освободившись от господства Золотой Орды, создали Российскую империю, направленную против османов. Битва при Анкаре окончательно оторвала Османскую империю от своих тюркских корней. Ее азиатский характер начал исчезать, а ее экспансия повернулась на Запад.

Мавераннахр первым пострадал от великой катастрофы, которую сам и развязал. Он породил плод, который оказался слишком тяжелым для него, и корни оборвались и перестали питать его. Самарканд недолго оставался столицей мира.

Тюрко-монгольская система рухнула. Темура стал последним из великих императоров степи. Бабур не смог восстановить азиатскую империю. Поэтому он пошел на Индию.

Таким образом, все ушло в прошлое: порыв готического Запада, мусульманский мистицизм, военный порядок тюрко-монголов. Ничего от них не осталось, и после ухода мощной личности Темура казалось, что нет никого в пустой вселенной, где только Китай сохранял признаки жизни.

Что касается Европы, как и во все мрачные периоды своей истории, она оставалась простым продолжением Азии. Казалось, произошел возврат к той смутной эпохе, которая предшествовала рождению Мухаммеда. Все напоминало распад Римской империи. Все церкви шатаются и рушатся. Архитектура приходит в упадок вместе с ослаблением творческого порыва, стили вырождаются вместе с народами и людьми.

Эпоха Великой империи Амира Темура – осевое время, которое позволяет нам отчетливо видеть историческое значение тюркских народов для человечества в целом. Тюрков конца XIV – первой половины XV в. с полной уверенностью можно отнести к осевым народам, которые, продолжая свою историю, совершили скачок, как бы вторично родились в нем, тем самым заложив основу духовной сущности, подлинной истории центрально-азиатских народов.

Меняются географические центры, территории, народы, однако именно в Азии всегда остается нечто незыблемое: модифицируясь только в своем явлении, погружаясь в глубины катастрофических потрясений, оно все время вновь возникает на неизменной основе, вечно тождественное самому себе.

Но в тот период заполнила исторический вакуум, образовавшийся после распада империи степей в Центральной Азии и Византийской империи в Европе, дабы развиваться внутри этого пространства, – Великая Османская империя.

Глава 7

Османская империя

Истоки государства Османов

В конце 1270-х гг. на северо-западе Анатолии возникло владение, вошедшее в историю как бейлик Османов – по имени предводителя тюркской племенной группы. «Анатолия» или «Восток» – так греки называли в античное время обширную страну посреди Малой Азии, «Анадола» – так называли ее древние тюрки, поселившиеся на этой территории в III в. до н. э. Анатолия расположена в том месте, где сходятся три части света – Европа, Азия и Африка, и является естественным мостом, соединяющим Балканы со странами Ближнего и Среднего Востока. Такое положение всегда благоприятствовало ее экономическому и культурному развитию: через нее шло большинство путей сообщения между Востоком и Западом, что способствовало, в числе прочих причин, расцвету таких держав древности и Средневековья, как Хеттское царство, Византийская империя, государство Сельджуков Малой Азии и, наконец, Османская империя.

По преданию, кочевники-огузы, часть племени кайыг, мигрировали в Анатолию из Центральной Азии. Они кочевали в Малой Азии в районе Караджадага, к западу от нынешней Анкары, а затем перебрались в районы Ахлата, Эрзерума и Эрзинджана, дойдя до Амасьи и Алеппо.

Эртогрул был вождем этого племени, которое, по мере того как мигрировало в Малой Азии в количестве примерно пятисот шатров, оказалось на территории сельджукского султана Ала ад-Дина Кейкубата I. Так случилось, что Эртогрул с отрядом всадников оказался на поле боя между двумя группировками неизвестных ему соперников. Посоветовавшись со своими людьми, он по-рыцарски принял сторону проигрывавших, тем самым изменив соотношение сил и обеспечив им победу. Это были войска султана Ала ад-Дина из Коньи, сражавшиеся с отрядом тюрко-монголов.

Ала ад-Дин вознаградил Эртогрула земельным наделом вблизи Эскишехира, включавшим земли для летнего и зимнего проживания в Сегюте, к западу от Анатолийского плато. При этом Эртогрул дал обязательство отражать нападения Византии, стремящейся вернуть эти ранее принадлежащие ей земли.

Эртогрул расширил свои изначально небольшие владения за счет нападения на византийцев, и ему удалось сохранить завоеванные территории. К нему присоединились соседние тюркские бейлики.

Эртогрул жил долго и умер в 1288 г. в возрасте девяноста лет.

Напомним исторические события, предшествовавшие этому периоду в Малой Азии.

Малая Азия издавна заселялась тюркскими племенами, которые приходили в нее с армией халифата. Это были выходцы из Приаралья и Центральной Азии. Наступление сельджуков в Анатолии и образование Румского султаната стало источником постоянной военной угрозы для Византии и всей Юго-Восточной Европы. Их ответом стал 1-й крестовый поход (1096–1099 гг.), в результате которого сельджуки, потерпев поражение под Никеей и в битве при Дорилее (Эскишехире), отступили на восток Анатолии. Но в 1116 г. они отвоевали свои территории, и султанат получил название Конийского.

Восточными соседями сельджуков Коньи были Данишмендиды, вошедшие в состав султаната в 1174 г.

В 1176 г. император Византии Мануил Комнин объявил войну султану Кылыч-Арслану II из-за невыполнения последним пункта договора с Византией о возвращении некоторых ее бывших территорий. Мануил выступил в поход на Конью. Дорога была очень тяжелой – через горы. В сентябре 1176 г. армия Мануила сделала остановку в Мириокефалоне, а затем вошла в горное ущелье Циврица. Здесь, в самом неудобном для себя месте, она была атакована Кылыч-Арсланом II и понесла огромные потери. Император был вынужден подписать мирный договор с султаном, и Малая Азия вновь на долгие годы осталась во владении сельджуков. В составе армии Мануила находились крестоносцы, которые рассчитывали на то, что византийцы расчистят им путь на Восток. А через двадцать пять лет

они уже и Византию стали рассматривать как преграду на этом пути из-за ее нерешительности и неумения воевать с халифатом. В 1204 г. во время 4-го крестового похода Константинополь был захвачен, разграблен и обращен в руины. Византийскому императору пришлось перенести столицу в Никею на северо-западе Малой Азии, и только в 1261 г. его двор смог вернуться в отстроенный заново Константинополь.

Власть сельджуков на всей территории Малой Азии и большей части Армянского нагорья казалась незыблемой. Но весной 1243 г. султан Гияс ад-Дин Кейхосров II потерпел сокрушительное поражение в битве с тюрко-монголами у горы Кеседаг, к северо-востоку от Сиваса. Стовосемидесятитысячная армия султана, в составе которой находились отряды армян, греков, латинян и курдов, уступила тридцатитысячному отряду тюрко-монголов под командованием Бачу-нойона. Сельджуки сохранили самостоятельность, уплатив победителям огромную контрибуцию.

Арабский путешественник Ибн Баттута писал о Малой Азии 30-х гг. XIV в., что среди ее населения было очень много христиан, живших под управлением тюрко-мусульман. Меньше всего тюркских племен было на северо-востоке Анатолии и в Киликийском армянском царстве. Все народы Малой Азии сохраняли присущий им образ жизни, веру и язык.

Итак, сын Эртогрула Осман (1290–1326 гг.), давший имя будущей империи, родился в 1258 г. в Сегюте. Осман по-персидски означает «небо», османи – «небесный». В одной из хроник утверждается, что Осман однажды провел ночь в доме благочестивого мусульманина. Хозяин принес в комнату Османа книгу и сказал: «Это Коран, слово Аллаха, реченное миру Его Пророком Мухаммедом». Осман начал читать книгу и продолжал читать, стоя всю ночь. Уснул он ближе к утру. А во сне услышал слова: «Поскольку прочел ты Мое вечное слово со столь большим почтением, детей твоих и детей своих детей будут чтить из поколения в поколение».

Осман и его народ еще не были мусульманами во время их расселения в районе Эски-шехира. Первая волна тюркских переселенцев, вступившая в Малую Азию начиная с XI в. и дальше, в качестве тех, кто шел впереди или вслед за армиями сельджуков, состояла по большей части из обращенных в ислам в результате их предшествующего общения с арабо-мусульманским миром. Но уже следующая волна, в XIII в., состояла по преимуществу из язычников, и, похоже, именно к этой волне принадлежали османы. Большинство их пришло не в качестве поселенцев, а как беженцы, теснимые в западном направлении вторжением тюрко-монгольских войск.

По всей вероятности, это был именно тот период, когда последователи Эртогрула и Османа были обращены в ислам, который вдохнул в османский народ – и без того одаренный достоинствами и боевыми качествами кочевников – новый боевой дух защиты.

Народ, который видел себя не просто тюрками – понятие, ассоциировавшееся с жителями Туркестана в целом, – а османлы, последователи Османа, этот народ, тем не менее, едва ли обладал на начальном этапе качествами, особо отличающими его от тюркских соседей. Их государство было просто одним из десяти государств-наследников, которые остались от Империи Сельджуков и тюрко-монгольского протектората, и в то же время одним из самых небольших. Своей последующей имперской судьбой османы обязаны географической случайности: стратегически важному положению в северо-западном углу Малой Азии, непосредственно на азиатских границах Византийской империи в момент ее упадка, более того, возможности легко достичь моря и лежащих за ним земель Балканского полуострова. Уникальность османов в том, что они оказались способными воплотить плоды своих военных завоеваний в эффективный политический механизм. Осман был администратором в той же мере, в какой он был воином, к тому же ему очень помогала поддержка со стороны его тестя Эдебали, служившего визирем.

Осман Гази был известен европейским историкам Средневековья как Оттоман, и поэтому основанное им государство стали называть Оттоманской империей, хотя в исламском мире оно было известно под названием государства османов. Что касается имени

«Гази», то его давали тем, кто брал в руки оружие, чтобы вести завоевательные войны во имя ислама.

Осман не торопился расширять унаследованные им владения за счет соседей. Его план заключался в том, чтобы ждать и наблюдать, прокладывая свой путь на территорию Византии постепенно.

По мере разрушения центральной власти в Константинополе люди все больше чувствовали себя забытыми своими правителями и предпочитали относительный порядок и безопасность османского правления наряду с большей свободой выбора для мусульман и освобождением от обременительных налогов.

Издавна Византийскую империю фатально раздирала вражда между католиками и православными, латинянами и греками, папой и императором. Именно Осман-завоеватель, при всей чуждости его веры и культуры, восстановил мир и порядок в царстве православия, выступая не только в качестве его господина, но и в качестве его общепризнанного и активного защитника, приведшего поборников христианства к тому, что они стали предпочитать правление мусульманского султана «рабству» католического папы.

Горя истинным духом религиозного энтузиазма, Осман привнес в свой бейлик исламскую веру и рвение ранних мусульман. Но на территории османов не было всеобщей исламизации христиан, менее всего – в принудительном порядке. В духовном плане, с падением авторитета православной церкви, азиатские греки откликнулись на стимулы новой веры. Христиане становились мусульманами по собственному выбору, в ответ на собственные побуждения и преследуя собственные интересы. Таким образом, османская культура, составленная из элементов азиатского и европейского происхождения, мусульманства и христианства, тюрков, кочевников и оседлых жителей, была прагматичной в своем мировоззрении и свободной от более ортодоксальных культурных и социальных ограничений государств, лежавших к востоку. Возникшее общество стало прототипом общества, призванного наследовать Византии и трансформировать это наследство. Именно так империя тюрков-сельджуков заполнила вакуум, оставленный империей арабов. Именно так в свое время Византия наследовала Риму.

Начало османских завоеваний

Над уцелевшими землями Византии в Азии господствовали три укрепленных города: к югу, на склонах горы Олимп, лежала Бурса, властительница богатой Бифинской равнины; Никея – фактическая столица этого края; наконец, порт Никомедия, контролировавший морской путь в Константинополь и сухопутный путь к Черному морю.

Со времени правления Эртогула османы продвинулись всего лишь километров на пятьдесят от Экишехира до Енишехира, и захват этого города блокировал сообщение между Никеей и Бурсой. Осман, сознавая относительную слабость своей армии, не торопился с дальнейшими завоеваниями и ждал своего часа.

Тем временем численность его войска росла, пока из отряда в четыреста воинов при Эртогуле оно не выросло до четырех тысяч человек.

В 1291 г. он захватил Мелангию и сделал ее своей резиденцией. Осман получил от султана Ала ад-Дина Кейкубата II титул бея и символ власти – барабан и бунчук.

Только после двенадцати лет с момента его прихода к власти, в первый год четырнадцатого столетия, вступил Осман в прямой конфликт с императорскими войсками Византии под Коюнхисаром (греческим Бафеоном).

Поражение императорских войск, нанесенное им каким-то малоизвестным тюркским вождем, озадачило Византию, которой пришлось теперь рассматривать государство Османа как фактор, с которым необходимо считаться. Осману это принесло славу, и, как никогда раньше, воины начали стекаться под его знамена со всей Анатолии, гордые тем, что будут известны как османы. Его государство отныне прочно встало на ноги.

Но Осман не стал развивать успех, а занялся укреплением своей армии. По истечении

нескольких лет он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы атаковать крепости Акхисара. Он захватил их, тем самым открыв османам путь к морю. Османы впервые появились на берегах Босфора, постепенно покоряя гавани и крепости на прибрежной черноморской полосе полуострова к востоку от Босфора, и в конце концов проникли в Мраморное море, захватив остров Калолимини. Тем самым Осман блокировал морской путь из Бурсы и еще один из Никомедии в Константинополь, изолировав два города один от другого.

Бурсу завоевал сын Османа – Орхан (1326–1359 гг.), родившийся в год смерти своего деда Эртогрула. Осада Бурсы длилась в общей сложности десять лет. Город сдался в апреле 1326 г.

После десятилетней осады, во время которой даже пригороды попали в руки врага, греческий гарнизон был настолько деморализован отсутствием поддержки со стороны Константинополя – совершенно обессиленного династической борьбой между враждующими императорами, – что командующий гарнизоном Эвренос вместе с другими влиятельными греками сдал город и обратился в мусульманскую веру.

Бурса, которую турки стали называть Бурса, стала столицей Османов. В 1327 г. в ней начали чеканить первую турецкую серебряную монету – акче.

В дальнейшем Бурса перестала быть столицей, но вошла в историю как священный город Османской империи.

Осман был похоронен здесь, в Бурсе, на склоне горы в усыпальнице, обращенной через море в сторону Константинополя.

Историческая роль Османа заключалась в деятельности племенного вождя, сплотившего вокруг себя народ.

Что же касается его сына Орхана, то он преобразовал народ в государство.

Орхан был младшим из двух сыновей Османа, которого Осман назвал своим преемником, учитывая его недюжинные военные способности. По контрасту его старший сын Ала ад-Дин был человеком с жилкой ученого, увлекавшийся законом и религией. Легенда гласит, что он отказался от предложения своего младшего брата разделить наследство, по поводу чего Орхан заметил: «Поскольку, мой брат, ты не берешь стада и отары, я предлагаю тебе быть пастухом моего народа. Будь моим визирем». В этой должности Ала ад-Дин, вплоть до своей смерти (семь лет спустя), занимался вопросами управления государством, организации армии и разработкой нового законодательства.

Орхан, избрав своей столицей Бурсу, получил титулы «Султан, сын Султана Гази, Гази сын Гази, средоточие веры всей вселенной». Здесь он впервые отчеканил серебряную османскую монету, заменившую деньги сельджуков, с надписью: «Да продлит Бог дни империи Орхана, сына Османа». Задачей Орхана было завершить дело отца: объединить в государство смешанное население, которое Осман собрал вокруг себя; «округлить» им завоеванное и расширить его владения; сплотить воедино всех их жителей и тем самым сделать из государства новый центр могущества османов.

Орхан добивался целей благодаря своей неистощимой энергии, абсолютной целеустремленности и – сверх всего – редкой способности разбираться как в тонкостях управления, так и в искусстве дипломатии.

Следуя совету, исходившему от его брата Ала ад-Дина, он организовал регулярную армию под командованием суверена, профессиональную военную силу, находившуюся на военном положении, подобной которой в Европе не могли создать на протяжении последующих двух веков.

Армия его отца, Османа, состояла из нерегулярных турецких отрядов, добровольцев-кавалеристов, называвшихся акынджи. Рекрутируемые по деревням под возгласы «Каждый, кто хочет воевать», они должны были быть готовы с оружием к определенной дате. Это были опытные наездники, скакавшие сплошной массой, «как стена». Орхан, набирая своих воинов среди обладателей военных наделов, преобразовал это войско в авангард кавалеристов-разведчиков, роль которых заключалась в том, чтобы изучить

местность перед намечаемой атакой. Таким образом, их преданность гарантировалась самыми богатыми земельными наделами. В поддержку им давались проводники, так называемые чавуши, и регулярные корпуса кавалерии, сипахи, получавшие денежное содержание.

Таким образом, земля распределялась в качестве награды за службу и служила источником набора в армию в форме военных наделов, освобождаемых от налогообложения. Христиане были освобождены от военной службы и, следовательно, не имели возможности извлекать выгоду из подобных прав на землю. Вместо этого они платили налог с каждой головы на поддержку армии.

Орхан набирал также нерегулярную пехоту, именовавшуюся азабы-войско, которое можно было не щадить и место которого было на линии атаки, а задача – вызвать на себя первый залп противника. За ними противник, нередко к своему крайнему удивлению, наталкивался на более грозную линию вооруженных копьями, вымуштрованных войск. Взятые из корпусов солдаты, которые получали жалованье и назывались оджаками капы кулу, были вооруженной силой, хорошо обученной приемам совместного ведения боя под началом командиров, которых они знали и уважали. В отличие от преобладавших в то время наемников они были едины в своей преданности суверену, считая его дело своим собственным и целиком доверяя ему соблюдение своих интересов в смысле продвижения по службе и других наград за службу. В принципе они постоянно находились «у двери султанского шатра», подчиняясь абсолютной власти правителя, служа ему лично, под началом командира, которому поручено действовать от имени султана. Сила этих новых регулярных османских войск заключалась в абсолютной сплоченности и их постоянной готовности сражаться.

Османы всегда были начеку, их нельзя было застать врасплох. Армия была оснащена первоклассной службой разведки, хорошо информированной относительно того, когда и где может появиться неприятель, дополняемой безукоризненной работой проводников для сопровождения войск по нужному пути.

Итак, Орхану предстояло захватить два города – Никею и Никомедию.

Когда турки во главе с Ала ад-Дином, братом Орхана, двинулись к Никее, они в горах столкнулись с византийцами и дали им бой. Войско императора было разбито, а сам он ранен. Никея сдалась после осады в 1331 г. Блокада Никомедии продолжалась дольше – девять лет, поскольку ее гарнизон постоянно получал военную помощь и продовольствие морским путем. И только после блокады узкого залива Мраморного моря город сдался. Никомедия была переименована в Измит и стала первой османской гаванью и верфью. Укрепившись на берегах Мраморного моря и Босфора, турки получили возможность наступления на Фракию.

В 1338 г. Орхан с тридцатью кораблями появился у стен Константинополя, но был разбит. Император Иоанн VI предложил мир и даже отдал за Орхана свою дочь Феодору. Таким образом, Орхан уже мог рассчитывать и на территории азиатского берега Босфора.

К середине XIV в. османы начали активно действовать не только на западе Анатолии, но и на востоке, где их владения граничили с владениями ильхана Эртена. После смерти Эртена Орхан с выгодой для себя использовал междоусобицу, начавшуюся среди наследников ильхана, и присоединил их земли к своим, захватив в 1354 г. Анкару.

В своей внешней политике Орхан, как и его отец Осман, проводил активную экспансионистскую политику против «неверных» и всемерно избегал военных конфликтов с соседними тюркскими бейликами, хотя и не отказывался, разумеется, от дипломатических ходов: династических браков и т. п. для расширения границ своих владений.

К концу правления Орхана население его государства увеличилось до полумиллиона человек. К середине XIV в. османская армия была готова пересечь морскую стихию и высадиться в Европе. Орхан был первопроходцем Османской империи в Европе.

Военные походы в Европе

Следствием упадка и падения Византийской империи было вступление турок-османов в Европу.

В 1354 г. армия под командованием сына Орхана, Сулеймана, переправилась через Дарданеллы на Галлипольский полуостров и, воспользовавшись войной между католиками и православными, быстро захватила большую часть Балкан. Завоевание Балкан завершилось в 1356 г. Новые территории образовали провинцию Румелию. Интересы Османов сосредоточились на Европе – столица из Бурсы была перенесена в Эдирне (Адрианополь).

Орхан умер в 1359 г. Его старший сын, Сулейман, погиб годом раньше, упав с лошади во время соколиной охоты на Галлипольском полуострове. Его младший сын наследовал Орхану под именем Мурада I (1359–1389 гг.). Задачей для Мурада I было расширить сферу завоеваний Османской империи, покорить остатки Византийской империи и балканских христианских государств. Мураду было предназначено, очевидно судьбой, превзойти двух своих предшественников и в качестве военного лидера и в качестве государственного деятеля. И он осуществил это, превратив государство в империю.

Век османской экспансии в Восточной Европе совпал со временем упадка на Западе. С окончательной потерей Иерусалима в середине XIII в. и вторжением тюрко-монголов в Малую Азию феодальный христианский мир уже никогда больше не смог продвинуть свои границы на Восток. Порыв крестоносцев обернулся против них самих, поскольку христиане-латиняне ссорились и воевали друг с другом. Один за другим разорялись банковские дома Италии, наладившие прибыльную торговлю с Востоком и финансировавшие крестоносцев. Финансовый и экономический спад привел ко всеобщему и продолжительному социальному кризису. Европейское общество, негибкое и лишенное жизнеспособности, достигло низшей точки в своем упадке. Крестьянские восстания против землевладельцев, как феодальных, так и монастырских, восстания ремесленников против торговцев стали обыденными явлениями.

Бубонная чума, «черная смерть», занесенная с Востока, опустошила Средиземноморье и Западную Европу.

Таким был этот критический период Средних веков, кризис, который пошел только на пользу новой империи турок-османов, вступившей в эпоху расцвета.

Итак, после смерти Сулеймана военные походы на Балканах возглавил его брат, который, получив от халифа титул султана, остался в истории под именем Мурада I.

Османский султанат, будущая Османская империя, по своей административной структуре ничем не отличался от подобных ему провинций халифата. Только влияние тюркского языка сказывалось в наименованиях населенных пунктов, деловой переписке и титулах.

Формирование государственных и военных структур в Османской империи завершилось при Мураде I. К этому следует добавить, что наименование «империя» было не более чем условность, поскольку османские султаны находились в подчинении у халифа, а управляемые ими земли входили в единый Каирский халифат, который получил это название после того, как Багдад был захвачен тюрко-монголами. Исламское государство понесло значительный ущерб и разорение от нашествия тюрко-монголов, но своих характерных признаков, выражающих его сущность, не утратило. Исторически Османская империя стала правопреемницей халифата.

Завоеватели-османы были сравнительно малочисленны. В Европе им противостояло население более многочисленное, чем в любой из покоренных стран Азии, и более сложное по своему национальному, религиозному и политическому характеру. И Мурад проводил по отношению к ним политику определенной терпимости. Он использовал в войнах тысячи воинов христианского происхождения, нередко под командованием их собственных князей и правителей. В качестве платы за службу им гарантировались освобождение от налогов и право пользования выделенными государственными землями и получаемым с них доходом. Также проблема ассимиляции решалась и при обращении в рабство. В большинстве случаев

христиане предпочитали смену религии утрате своей свободы. Женщины обращались в рабынь и становились женами и наложницами завоевателей, которые не везли за собой своих собственных женщин.

Мурад набирал в свою армию из числа христиан особую, отборную пехоту, которая должна была служить лично султану. Это был корпус янычар («новые войска»). Туда отбирали мальчиков из христианских семей и воспитывали их в мусульманской вере. Воины были подобно монахам лишены права жениться, владеть собственностью, заниматься каким-либо другим делом. Их жизни были посвящены воинской службе под руководством султана. Во времена Мурада I янычар было немногим более тысячи человек.

Эта система военного рабства шокировала христианский мир. Но она была достаточно давно известна и распространена в исламском мире, особенно среди тюрков. Они на самом деле извлекли из нее пользу в период собственного порабощения на ранних стадиях своей истории.

Тюрки, подобным образом превращенные в рабов, нередко имели возможность подняться благодаря системе поощрений до высоких военных и чиновничьих постов.

Мурад I открыл со своими янычарами дорогу институту управления Османской империей.

Небольшой корпус янычар играл активную роль в продолжавшейся на Балканах кампании Мурада и его военачальников.

Покорение Фракии открыло армиям османов путь в Болгарию, а оттуда – в Македонию. В Болгарии в это время шел ее раздел между братьями, и страна даже была известна как «Три Болгарии». На протяжении трех лет, начиная с 1366 г. и далее, османы смогли овладеть всей долиной реки Марица и тем самым аннексировать большую часть Южной Болгарии. На западе султан дошел до болгарского города Филиппополя (Пловдив). Болгарский царь Шишман стал данником османов. Его дочь присоединилась к гарему султана с обещанием, что она не будет обращена в мусульманскую веру.

Македонию и Сербию, даже сильнее, чем Болгарию, раздирали внутренние противоречия. В 1371 г. сербская армия под Черноменом потерпела от османов полное поражение. Восточная Македония была завоевана столь же быстро, как и Фракия. Ее города Драма и Серес были колонизированы турками, а церкви переделаны под мечети.

В 1372 г. армии тюрков достигли реки Вардар и форсировали ее. Они отуречивали население восточной части долины, а северную низвели до положения вассальности. Таков был конец Македонской империи. После этой успешной кампании Мурад выдержал десятилетнюю паузу перед вторжением в Венгрию. В этот период он сосредоточил свое внимание на Анатолии: на востоке еще оставались небольшие независимые государства, но они вскоре также были покорены. Таким образом, в Малой Азии он расширил свое родовое владение за счет владений других тюркских князей.

Именно тогда Мурад узнал о внутренней измене. Его сын Савджи сговорился с сыном византийского императора Иоанна V Андроником и организовал мятеж против отца. Савджи и Андроник подняли во Фракии восстание. Но они вынуждены были сдаться, и возмездие Мурада было жестоким. Мурад повелел выколоть глаза своему сыну, затем обезглавить его. Отцы молодых тюрков, участвовавших в мятеже, последовали примеру своего султана. Греческие повстанцы были привязаны друг к другу и сброшены с городских стен в воды Марицы. Император также велел ослепить кипящим уксусом своего сына Андроника.

Для полного укрепления своих позиций на Балканах Мураду нужны были еще три города: София – чтобы распространить собственную власть на Северную Болгарию вплоть до Дуная; Ниш – в качестве ключа от Сербии; Монастир – чтобы установить господство османов на территории к западу от Вардара. Военачальники султана в 1380 г. сделали Монастир пограничной крепостью Османской империи.

София пала без сопротивления в 1385 г. Дорога на сербский город Ниш была теперь свободна. Ниш пал после борьбы на следующий год.

Теперь Мурад I в качестве властителя шести ключевых балканских городов

контролировал в Европе четыре пятых бывшей римской дороги из Константинополя в Белград и участок дороги от Белграда к Солоникам. Практически весь путь от Босфора до Адриатики проходил по территории османов.

Однако, чтобы чувствовать себя в полной безопасности, Мурад решил перебросить силы из Европы в Азию, хотя он мог достичь своих целей в Малой Азии и без военных действий; большая часть эмирата Гермияна была ему гарантирована женитьбой его сына Баязед на дочери эмира; территорию между Гермияном и государством Караман он купил у тамошнего эмира; за земли Теке, находящиеся к югу от османской территории, пришлось воевать.

В своих походах в Азии Мурад приказал войскам воздерживаться от грабежей и насилий. И этот приказ косвенным образом втянул османов в другую кампанию на Балканах. Дело в том, что сербский контингент армии Мурада был возмущен тем, что им запрещалось брать военные трофеи за службу. Большинство сербских воинов, кипя от возмущения, покинули османскую армию и присоединились к войску князя Сербии Лазарю. Лазарь создал Общесербский союз, заручившись поддержкой князя Боснии. В ответ османы вторглись в Боснию и, значительно уступая в численности, потерпели поражение под Плочником. Тогда сербы, боснийцы, албанцы, болгары, валахи и венгры воспряли духом и сплотились вокруг Лазаря в своей решимости изгнать турок из Европы.

Но Мурад, находясь в Малой Азии, держал паузу, так как хорошо знал, что солидарность среди славянских народов зачастую была эфемерной.

Прежде чем направить оружие против сербов, Мурад возобновил кампанию по полному завоеванию Болгарии.

В 1389 г. турки вторглись в Болгарию и осадили Никополь, где укрылся царь Шишман.

После недолгой осады он сдался и вновь подписал мирный договор с османами, признав себя их данником.

Таким образом, османы утвердили свое господство в Северной и Центральной Болгарии вплоть до Дуная.

Разделавшись с Болгарией, Мурад, которому было уже семьдесят лет, повел свою армию на заключительную битву против сербов.

В это время сербский князь Лазарь собрал большое войско. В июне 1389 г. армия Мурада I вторглась в Сербию. Пройдя трудными тропами Ихтиманского ущелья, она достигла реки Моравы, перешла ее вброд и заняла позиции на Косовом поле – равнине, находящейся в границах Боснии, Сербии и Албании. Эта равнина имела еще одно название – Дроздовая долина. Туркам противостояла союзная армия, главную силу которой составляли отряды сербов, боснийцев и албанцев при поддержке поляков, венгров и герцеговинцев.

Сражение началось 16 июня 1389 г. Первыми пошли в атаку янычары. Битва завязалась не на жизнь, а на смерть. Но Мурад был настолько уверен в победе, что приказал своим воинам в ходе сражения не разрушать замки, города и деревни. Христианские воины стали дезертировать к османам. Мурад оказался прав в своей оценке касательно единства славян. Однако зять князя Лазаря, Милош, желая доказать свою верность, симитировал переход на сторону турков. Согласно рангу Милоша его принял Мурад, и «перебезчик» сумел дважды пронзить кинжалом грудь султана.

Но эта трагедия не повлияла на исход сражения. Победа турок была полной. Лазарь попал в плен и был казнен. Успех обеспечило то, что на вооружении турок находились пушки и мушкеты – огнестрельное оружие, впервые примененное мусульманами в этом сражении.

После смерти Мурада I его преемником стал старший сын Баязед I (1389–1402 гг.). Сербия признала себя данницей Османской империи, а в середине XV в. вошла в ее состав.

За время правления Мурад I возвысил государство своих предков до уровня империи, которой суждено стать мощной мировой державой. Он разумно сеял семена многонационального, поликонфессионального и многоязычного общества, которое должно было эффективно функционировать под управлением его преемников в будущие века.

По своей сути составленная из разных частей Османская империя должна была в действительности стать, благодаря своей эклектичной политике, истинным преемником Римской империи. Ибо она позаимствовала римскую традицию представления гражданства представителям других народностей и вероисповеданий, тем самым дала им возможность использовать свои способности как к собственной выгоде, так и к выгоде империи.

В этой связи следует вспомнить, что во имя «Пакс Романа» римляне внутри своих собственных границ практиковали терпимость по отношению к иностранцам, нередко давая им римское гражданство и поощряя их использовать свои способности во имя империи и собственного блага. В рамках отношений между мусульманами и христианами существовал «Пакс Оттоманика», принципы устройства которого обнаруживали сходство между Османской и Римской империями.

Тойнби утверждает, что османы «были способны построить империю, которая действительно была пятым возрождением Римской империи на Ближнем и Среднем Востоке».

Столкновение двух великих тюркских империй

Прямо на поле битвы, после убийства Мурада I, его старший сын был провозглашен преемником как Баязед I. Первый приказ от нового султана последовал незамедлительно – умертвить путем удушения своего младшего брата Якуба, дабы не возникало конфликтов по поводу наследования. Этим актом Баязед ввел в практику братоубийство на имперском уровне.

К сожалению, Баязед не обладал многими из добродетелей своего отца. Он был по природе своей импульсивен, тороплив, очевидно, поэтому был непредсказуем как государственный деятель и неосмотрителен, в отличие от своих предшественников. Но как военачальник он был велик. «Молниеносным» его прозвали именно за быстроту перемещений его армий в Европе и Азии.

За смерть своего отца Баязед отомстил сполна – массовой резней сербской знати, находившейся на Косовом поле. Однако с сербским князем Стефаном он заключил дружественный союз на следующих условиях: за Сербией остается статус автономного вассального государства в обмен на уплату дани с серебряных рудников, поставку воинов-сербов в османскую армию и выдачи за султана сестры князя Деспины.

Баязед совершил поход в Филадельфию, расположенную к востоку от Смирны (Измир), и отвоевал у греков это их последнее владение в западной части Малой Азии. В 1393 г. он захватил болгарскую столицу Тырново. В 1395 г. Болгария вошла в состав Османской империи. До этого, в 1394 г., греки Пелопоннеса стали данниками Османов. Лишь горцы Албании остановили продвижение турок на запад. В период с 1389 по 1396 гг. последние независимые бейлики Анатолии – Айдын, Сарухан, Гермиян, Ментеше, Хамид, Караман и Сивас – также вошли в состав Османской империи.

Стремительные военные походы Баязеда I оправдывали его прозвище. В 1396 г. он решил осадить Константинополь, но его остановило известие о том, что венгерский король Сигизмунд готовит крестовый поход против османов.

Итак, вскоре после побед, одержанных Баязедом в Малой Азии, которую он передал в руки губернаторов, султан вернулся в Европу.

Следует отметить, что Баязед в своей политике по отношению к христианам был менее осмотрителен, нежели его отец Мурад I. Еще в начале своего правления он надменно объявил итальянским послам, что он после завоевания Венгрии совершит поход на Рим и накормит своего скакуна овсом на алтаре собора Святого Петра. Впоследствии, выступая главным защитником ислама, он был агрессивен в отношении христианства.

Все это подтолкнуло Сигизмунда организовать крестовый поход. Призыв венгерского князя нашел отклик в Европе. Это был тот момент, когда закончилась Столетняя война и в Римской империи установился мир.

Объединенное войско крестоносцев, в которое входили англичане, французы, итальянцы, немцы и чехи, насчитывало более шестидесяти тысяч человек. В последний раз сливки европейского рыцарства собрались для участия в крестовом походе с целью остановить продвижение Баязета и навсегда изгнать турок с Балкан.

С мая 1396 г. Сигизмунд ожидал вторжения армии Баязета в Венгрию из-за Дуная.

Рыцари, в отсутствие противника, рассматривали всю операцию скорее в духе пикника, наслаждаясь женским обществом, винами и предметами роскоши, увлекаясь азартными играми и попойками, перестав с присущим им высокомерием верить в то, что турки вообще когда-либо смогут быть для них опасным противником.

Никаких признаков появления османов не было еще несколько недель. Но вот Баязед вдруг, внезапно, с привычной для него быстротой передвижения появился под стенами города с армией в 200 тыс. воинов.

Подошедшая армия Баязета I вступила в сражение 25 сентября 1396 г. Оно было невероятно упорным и кровопролитным. Вначале французские рыцари как будто добились перевеса, смяв первую линию турок. Баязед I бросил в бой резерв, в составе которого находился и сербский отряд во главе с князем Стефаном Лазаревичем. Это переломило ход сражения. Союзная армия крестоносцев была разбита и обращена в бегство. Сигизмунд с несколькими приближенными спасся, уйдя от преследователей к берегу Дуная, где его ожидала лодка, доставившая короля на борт одного из кораблей венецианской Мальтийской эскадры.

В плен попали около десяти тысяч крестоносцев, почти все они были казнены. Самых знатных из них за огромный выкуп вызволил из плена французский король Карл VI. Болгария и Валахия окончательно отошли к Османской империи. Европейские монархи больше не решались нападать на турок. Население Балкан получило назад своих прежних правителей, которые стали данниками Османов.

И Баязед вновь обратил свой взор на Константинополь. В 1400 г. Баязед все же осадил Константинополь, хотя без сильного флота и соответствующей техники взять эту крепость было сложно. Баязед был готов нанести свой смертельный удар Византийской империи. Но в самый последний момент, весной 1402 г., его планы были разрушены страшной военной угрозой с востока – новый могучий завоеватель шел на запад и имя ему было – Амир Темура.

Столкновение двух могущественных правителей исламского мира было неизбежно.

Начиная с 1386 г., отряды Амира Темура совершали опустошительные набеги на Малую Азию. В 1395 г. войска Темура дошли до Сиваса, уничтожая все на своем пути. Сын Баязета I Эртогрул погиб в одном из сражений с тюрками. От Сиваса Темура повернул на восток и захватил Халеб, Дамаск и Багдад. Византийский император предложил Темуру объединиться в войне против турок. К Баязеду I прибыли послы Темура с требованием вернуть Византии все захваченные земли. Баязед I отвел армию от Константинополя в Анатолию.

Подробно о сражении этих двух тюркских гигантов под Анкарой в июле 1402 г. мы рассказывали в главе VI «Империя Амира Темура» (см. «Темура и Баязед»). Коротко напомним.

Весной 1402 г. громадная армия во главе с Темуром двинулась в Малую Азию. 25 июля 1402 г. под Анкарой началось сражение, названное позднее Ангорским. Ряд ложных маневров прекрасно удался Темуру, и Баязед I был захвачен врасплох на невыгодных позициях. Перед войском Темура шли тридцать боевых слонов. Первый удар обрушился на левый фланг турок, где находились сербские дружины. Разбить их не удалось. Темура ударил по правому флангу, где сражались анатолийские турки. После упорного сопротивления они отступили. Дольше всех держался центр, где дрались янычары и находилась ставка султана. Когда же янычары были перебиты, Баязед I попытался спастись, но был схвачен вместе с сыном Мусой.

Темура опустошил Конью, Бурсу, Денизли, Измир. В Самарканд были отправлены тысячи пленных.

Легенд о том, как Темура обращался с Баязедом, существует множество: что по ночам его держали в цепях, что он служил Темуру подставкой под ноги, что, завладев гаремом Баязеда, Темура унизил его жену – сербку Деспину, заставляя ее обнаженной прислуживать за столом, за которым сидели ее прежний господин и его покоритель. Страдания надломали дух Баязеда и в конце концов его разум. Через восемь месяцев он скончался от апоплексического удара, но существует версия, что он покончил жизнь самоубийством.

Баязед был побежден, потому что преждевременно и не имея соответствующих ресурсов встал на путь расширения империи в мусульманском мире, стремясь следовать распространяющимся на весь мир завоевательским тенденциям ислама. Таким образом, Баязед на свою гибель вступил в конфликт с мировой империей Темура, который в то время желал по сути дела всего лишь мирного сосуществования с Османским государством.

Это сокрушительное поражение османов в Анатолии повлекло за собой распад еще недолго существовавшей Османской империи.

Темура вернул бейликам Анатолии их правителей, а Османскую империю разделил между четырьмя сыновьями Баязеда I, обеспечив тем самым ее нестабильность из-за начавшейся борьбы за власть между наследниками.

Территория распадающейся империи разделилась на две части – между Европой, с одной стороны, где старший сын Сулейман правил из Адрианополя, и Анатолией – с другой, которой из Бурсы управлял младший сын Мехмед. Каждый боролся за расширение своего господства за счет другого, ведя периодически возобновляющуюся гражданскую войну, к которой подключились два других сына, Иса и Муса. После того как Муса убил Сулеймана, он в свою очередь был подавлен Мехмедом.

Возрождение Османов. Падение Константинополя

Османам понадобилось лишь девять лет для того, чтобы восстановить свою империю после темуридского нашествия. Некоторые турецкие историки этот период считали междоусобицей, некоторые – царствованием Сулеймана I. Все прошло удивительно легко и гладко, несмотря на восстановление анатолийских бейликов, несмотря на войны между сыновьями Баязеда и народное движение, возникшее в районе Айдика под предводительством Махмуда Симавнали.

В 1413 г. младший сын Баязеда Мехмед был возведен на трон как султан Мехмед I (1413–1421 гг.). Он избавился от своих братьев и заключил союз с Византией. Мехмед располагал поддержкой двух могущественных сил: анатолийских беев, которых его отец настроил против себя и власть которых восстановил Темура, и янычар, в первый раз в османской истории оказавших влияние на внутренние дела, чтобы поддержать Мехмеда I как «наиболее справедливого и наиболее добродетельного из османских принцев». Итак, после периода беспорядков и подрывающей единство децентрализации наиболее сильные элементы одержали верх. Центральная власть была еще раз установлена, и Османское государство обрело единство в лице Мехмеда I.

За восемь лет его правления Османская империя была поставлена на прочную основу, вернувшись к прежним единству и мощи.

Мурад II (1421–1451 гг.) по сути своей был мирным человеком и искал мира для своей страны. Однако в Европе османам теперь противостояли две державы – Венгрия и Венеция, оспаривавшие у них право владеть осколками Византийской империи.

После Византии бастионом христианского мира против поднимающейся волны турецкого ислама выпало стать Венгрии. Венгры мечтали о панславянской империи, которая включала бы Константинополь, венецианцы стремились окончательно закрепить свое господство на море.

Мурад долго и безуспешно осаждал Константинополь, совершил неудачный поход на Белград, не смог справиться с новым крестовым походом, в котором вокруг Яноша Хуньяди, военачальника Венгрии, объединились венгры, поляки, немцы, венецианцы, албанцы

Скандер-бега, и был вынужден заключить невыгодный мир в Сегеде (1444 г.). Тогда он решил отречься в пользу своего сына. Но христиане совершили ошибку – неожиданно нарушили перемирие. Тюрки же сохраняли верность принципам предков, для которых клятва соблюдать мир была священной. В этой ситуации Мурад спешно возвратился и разгромил крестоносцев в Варне, затем довершил разгром во время второй битвы в Косово (1448 г.). После чего он мог умереть спокойно: у Европы не осталось никакой надежды спасти Византию. Мурад старался сделать все возможное для Османской империи, чтобы поражение Баязеда больше не напоминало о себе.

Теперь, когда в пределах границ империи единство Османского государства было восстановлено, Мурад предпринял шаги к тому, чтобы достичь создания сильного централизованного управления. Он увеличил численность и расширил сферу деятельности корпуса янычар в качестве его главного инструмента, отныне набиравшегося не только из юношей, захваченных в бою, но и среди местного христианского населения в различных провинциях страны. Достигнув численности почти в семь тысяч человек, янычары теперь в качестве опоры государственности поддерживались сипахами, или собственной кавалерией султана и корпусом военных чиновников, будучи все одинаково рабского происхождения.

Потребность в пополнении постоянного войска была особенно велика, поскольку османское правительство видело в нем важнейший инструмент укрепления сильной центральной власти и совершения новых завоевательных походов. Десятки веков шла миграция тюрков из Великой степи в Среднюю, Переднюю и Малую Азию. И несмотря на беспрерывные войны, тюрки, как море, заливали и покоряли эти пространства. К XV в. миграция тюрков в Малую Азию прекратилась, и этот источник иссяк, поэтому османское правительство начало интенсивно увеличивать численность войск за счет балканских народов.

Мехмед II Завоеватель (1451–1481 гг.), родившийся при зловещих обстоятельствах – во время чумы, которая унесла жизни двух братьев его отца, – имел несчастливое детство и не лучшее воспитание. Он был третьим сыном у отца, отдававшего предпочтение двум его старшим братьям – Али и Ахмеду – и не рассматривавшего его в качестве возможного наследника трона. Более того, матери каждого из братьев были женщинами достаточно благородного происхождения и положения в обществе, тогда как мать Мехмеда была девушкой-рабыней предположительно христианского происхождения. Но старшие братья Мехмеда умерли преждевременно.

Итак, в 1451 г. в Адрианополе Мехмед в присутствии большого числа собравшихся взшел на трон. Увидев, что Халил, ближайший друг его отца, и второй визирь Исхак-паша стоят чуть-чуть в стороне, как бы опасаясь за свое будущее, он через главного евнуха передал им приглашение занять привычные им места. Затем он подтвердил, что Халил сохраняет свой пост, и назначил Исхака губернатором Анатолии с поручением доставить тело его отца в Бурсу. Затем вдова Мурада, женщина из знатного османского рода, подошла к Мехмеду, чтобы выразить ему соболезнования по поводу смерти отца и поздравить с восхождением на трон. Пока она делала это, ее малолетнего сына Ахмеда задушили в его ванне по приказу Мехмеда – так велик был страх Мехмеда, сына рабыни, потерять трон султана. Лишившаяся всех близких вдова Мурада была отправлена в Анатолию в качестве принудительной невесты губернатора Исхака-паши.

Мехмеду был 21 год – возраст отваги и удачи, возраст, когда не существует никаких авторитетов, между тем как Византия существовала, пользуясь почти мистическим уважением. Это был запуганный вассал, османский полупротекторат, пестрый и шумный город, почти тюркская колония. Молодой монарх будто предчувствовал, что перед ним стоит задача огромной сложности, и все предусмотрел. Он приказал построить мощную крепость-замок на европейском берегу Босфора, Румали Хисар (замок Румской земли), напротив которой Баязед когда-то построил Анадолу Хисар (замок Анатолии) на азиатском берегу. В Эдирне он начал с создания нового оружия, гигантской пушки, собрал войско в 12 тыс. солдат, приготовил 350 кораблей... Со своей стороны Константин XI Палеолог

бросил Европе последний отчаянный призыв: куда делись те времена, когда византийцы утверждали, что римской митре предпочтут турецкий тюрбан? И Европа прислала жалкое войско – 700 человек под командованием Джованни Джустиниани.

За мощными укреплениями Константинополя насчитывалось едва ли семь тысяч гарнизона, а флот, находившийся в бухте Золотой Рог для защиты со стороны моря, состоял из двадцати пяти кораблей.

Осенью 1452 г. турки овладели последними византийскими городами – Месимврией, Анхиалом, Визой и Силиврией. Генуэзцы, жившие в пригородном районе Константинополя, поспешили продемонстрировать туркам свою лояльность.

В течение зимы 1452 г. Мехмед был полностью занят приготовлениями к осаде Константинополя. Не зная сна, он мог проводить ночи напролет, сосредоточенно изучая чертежи обороны города, планируя свои атакующие ряды, позицию, которую должны были занять его войска, места установки своих осадных машин, своих батарей.

Армия, которую султан собирал во Фракии из каждой провинции своей империи, составила в конечном итоге несколько сотен тысяч человек, включая двадцать тысяч нерегулярных войск. Ее ядро составляли двенадцать тысяч янычар. Мехмед лично следил за тем, как снаряжалась армия, используя оружейные мастерские в своих владениях для изготовления нагрудных панцирей, щитов и джемов, дротиков, мечей и стрел, в то время как его инженеры сооружали катапульты и стенобитные орудия. Против этой силы греки могли выставить войско численностью всего в семь тысяч защитников. Испытывая нехватку не только в людях, но и в деньгах, император учредил фонд обороны, в который вносили пожертвования частные лица, монастыри и церкви. Серебряная утварь переплавлялась и шла на чеканку монет.

Султан прекрасно понимал, что предшествовавшие осады Константинополя оканчивались неудачей из-за того, что атаки шли только с суши. Понимая всю значимость господства на море, Мехмед составил флот не только из старых, но и из новых судов, срочно построенных на верфях Эгейских островов, насчитывавших около 125 кораблей. Для Мехмеда было ясно, что Османская империя без Константинополя – это не империя.

Общая протяженность линии укреплений Константинополя насчитывала около пятидесяти двух километров, и далеко не везде она была обеспечена защитниками. Силы были безнадежно неравны.

Шестого апреля Мехмед II передал императору Константину предложение сдаться, гарантируя ему сохранение жизни и имущества. В противном случае султан обещал жестокую расправу и смерть. Мирные предложения были отклонены. Тогда заговорили пушки. Но после обстрела выяснилось, что стены Константинополя почти не пострадали, а гигантская пушка разорвалась от первого же выстрела, чуть не убив своего создателя, стоявшего рядом.

Восемнадцатого апреля начался штурм. Ожесточенность нападавших и защитников была равной. Первая атака ничего не дала. Двадцатого апреля турки неожиданно для себя проиграли морское сражение трем генуэзским галерам и большому грузовому судну, шедшим на помощь византийскому флоту. Турецкая эскадра не смогла отразить «греческий огонь» – зажигательные бомбы византийцев. Генуэзцы благополучно преодолели турецкий морской кордон и вошли в Золотой Рог. Вслед за ними снова были натянуты тяжелые цепи, преграждавшие вход в бухту.

Султан приказал втащить свои корабли в Золотой Рог по суше. За ночь в бухте уже стояло семьдесят турецких кораблей. Флот византийцев оказался единственной защитой слабых со стороны моря укреплений города.

В начале мая артобстрел Константинополя усилился. Гигантская пушка была восстановлена и методично разрушала стены. Но штурм был вновь отбит. В середине мая турки начали вести подкопы. Кроме того, была построена еще и гигантская осадная машина, в башне которой стояли мортиры. В результате целого дня обстрела туркам удалось в одном месте завалить ров и подтащить осадную машину к стене. К часу ночи и эта атака была

отбита. На подкопы защитники крепости ответили встречными подкопами, поджигая деревянные опоры вырытых турками подземных ходов. Попытка проникнуть в город таким путем закончилась неудачей.

Наступающие казались измотанными до последней степени. Мехмед II предложил императору согласиться на выплату дани в размере ста тысяч золотых византинов либо покинуть город со всеми жителями, которые будут отпущены с миром. Такой дани Византия выплатить уже не могла, а жителям ее идти было некуда.

После почти семи недель осады с применением наиболее современных из имевшихся вооружений ни один турецкий солдат еще не ступил ногой в пределы города.

На военном совете Мехмед II решился на штурм. Ночь перед решающей атакой нападавшие провели за чтением Корана. Султан расставил отряды по местам, один из них он решил возглавить лично. На рассвете 29 мая 1453 г. штурм начался. Первые атаки были отбиты, но в них принимало участие ополчение. После него в бой вступили регулярные части, которые сражались с невиданным упорством. Наконец гигантская пушка разрушила стену в районе ворот св. Романа.

Константинополь дважды был на грани падения, и оба раза судьба спасала его. Первый раз в конце XI в. – когда к его стенам подходили сельджукские войска. И только распад Сельджукской империи и начавшиеся Крестовые походы спасли Константинополь. Во второй раз в начале XV в. войска Великого Темура разгромили армию султана Баязеда и тем самым вновь спасли Константинополь от завоевания. В третий раз судьба Константинополя была решена.

Как описывает Гиббон, после организованного входа войск через ворота солдаты толпами бросились по улицам города в безумии убийств, грабя церкви, женские и мужские монастыри, опустошая дворцы и дома, унося с собой не только их содержимое, но и забирая их обитателей, свирепо ссорясь друг с другом из-за обладания девушками и молодыми женщинами. Расхищению подвергся и храм Св. Софии, позднее превращенный в мечеть. Император Константин погиб одним из первых: «посреди суматохи боя он был зарублен неизвестной рукой, и тело его было погребено под горой убитых».

Вечером того же дня Мехмед II триумфально въехал в город. Эскортируемый янычарами, он торжественно вошел в церковь Св. Софии, взошел по ступенькам алтаря и произнес молитву во славу Аллаха, который принес ему победу. Затем султан отдал распоряжение, чтобы церковь была переделана в мечеть.

Константинополь стал нерушимой твердыней шестисотлетнего существования Османской империи. Отныне Османская империя командовала ключевым пунктом между континентами Европы и Азии. Константинополь стал столицей османов и получил новое название – Стамбул (Иstanbul).

Дата падения Константинополя – 29 мая 1453 г. – была концом Средневековья и началом Нового времени.

Критский историк Георгий Трапезундский уверял Мехмеда: «Вы являетесь императором римлян. Тот, кто законно владеет столицей империи, тот и есть император, а Константинополь есть столица Римской империи».

Падение Константинополя показало европейским державам, что они недооценивали силу восточного противника, что такому врагу необходимо что-то противопоставить. Тридцатого сентября 1453 г. папа Римский призвал европейских государей к крестовому походу, но его призыв не был услышан.

Сильное беспокойство овладело христианским миром. Нет никаких сомнений в том, что в большей мере, нежели резня греков и армян в период агонии османов, нежели Крестовые походы, именно падение Константинополя окончательно изменило представление европейцев о тюрках, которых вмиг лишили всех добродетелей и наградили всеми пороками. И еще царило всеобщее чувство бессилия и растерянности; были аннексированы Сербия, Босния, Герцеговина, Албания, Карамания, Трапезунд, генуэзские фактории на Черном море. Крымский хан признал себя вассалом. Черное море стало «турецким озером», о чем

подробнее далее.

Мехмед II унаследовал всю верховную власть, являющуюся извечной мечтой ислама о мировом господстве, отрицающую право Запада на то, чтобы стать «сувереном двух земель и двух морей» – Румелии и Анатолии, Средиземного и Черного морей. С захватом Константинополя султан добился успеха там, где прежде халифы терпели неудачу. Величайший мусульманский властитель со времен первых четырех султанов, Мехмед выполнил священную миссию как наследник династии, которую он соединил с династиями великого исламского прошлого. Определив себя в качестве хана, гази и кесаря в одном лице – универсальным властелином, персонифицирующим турецкие, исламские и византийские традиции, Мехмед должен был превратить город в центр одной империи.

Начало Нового времени

Наиболее остро стоявшей задачей Мехмеда Завоевателя был возврат к нормальной жизни Стамбула. В частности, эта задача включала репопуляцию города: многие районы города оказались безлюдными, население сократилось до 30 тыс. человек. Задолго до конца правления Завоевателя Стамбул вновь стал процветающим городом мастерских и базаров, отличавшимся промышленной активностью и смешанным населением, в три или четыре раза большим, чем оно было до завоевания.

В этой связи прежде всего следует отметить, что султан был достаточно лояльным человеком в отношении живших в городе греков, которые представляли собой самую большую и наиболее культурную немусульманскую общину. Он с уважением относился к накопленным греками знаниям.

Мехмед, благодаря своему отцу, сам имел первоклассное образование. Он свободно владел шестью языками – турецким, греческим, арабским, латинским, персидским, еврейским – и имел, благодаря своим многочисленным наставникам, основательную подготовку в области исламской и греческой литературы, в изучении философии и, в меньшей степени, в науках.

Он развил в себе подлинный интерес и искреннее уважение к западной и восточной культурам. Начиная с захвата Константинополя, султан привлек к своему двору многих итальянцев, включая представителей латинской гуманистической школы и специалистов по другим отраслям знаний. Конечно, когда Мехмед поступал подобным образом, его цель не была совсем уж бескорыстной – ему необходимо было обладать знаниями о мире, который он мечтал завоевать.

В период восстановления и перестройки имперской столицы, но теперь уже под названием Стамбул, задачей султана было соединение культурных традиций старой византийской ориентации с традициями старого ислама.

Это должна была быть империя под управлением ислама, секулярная и религиозная. Но одновременно это должна была быть и империя-космополит, подобная византийской, включающая в себя все народы и все вероисповедания, живущие вместе в порядке и гармонии.

И большой шаг в этом направлении был сделан Мехмедом, когда в январе 1454 г. в сан был введен новый патриарх Греческой церкви. Церковь Святых апостолов была одной из нескольких христианских церквей, в которой даже после завоевания продолжались христианские богослужения. Полученная власть и престиж нового патриарха были большими, чем у любого из его предшественников времен поздней Византии, что придавало ему статус почти «папы греческого», чем оправдывались лозунги того времени: «Лучше турки, чем латиняне!» По просьбе султана патриарх Геннадий написал изложение истории православной веры, которое было переведено на турецкий язык.

Такая лояльность Мехмеда породила в религиозных кругах Запада надежды на то, что султан может быть потенциальным новообращенным в христианство, а греческий философ Георгий Амирутци подготовил для властелина исследование, указывающее на общие корни

ислама и христианства, предлагая объединить их в одну религию.

Конечно же все это не могло повлиять на султана, рассматривающего себя лишь в качестве посланника Аллаха и наследника халифов, обвенчанного с Исламом.

Тем не менее Мехмед всегда оставался терпимым к христианам, демонстрируя предпочтение тем, кто разделял его, отличавшееся широтой взглядов мировоззрение.

Он поставил цель – дать полное развитие ресурсам своей страны. Поэтому неутомим султан был в своем содействии развитию экономики. Он старался совершенствовать традиционный исламский институт имарета, который уже был известен в прежних столицах – Бурсе и Адрианополе, – это был институт религиозного, культурного и коммерческого характера, контролируемый государством. Другим традиционным институтом исламской экономической жизни, который Мехмед всячески поддерживал, был институт цехов ремесленников – профессиональных организаций, или союзов, к которым принадлежала значительная часть населения. Цеха по закону несли перед государством ответственность за соблюдение тех коммерческих правил, которые касались системы мер и весов, стоимости труда, прибыли, качества товара, недопущения мошенничества и спекуляции.

Это совершенствование цеховой системы наряду с ростом урбанизации и увеличением возможностей рынка отражало новую стадию экономического развития Османской империи. Она приняла форму значительного расширения торговли с Западом, ставшей в последние десятилетия XI в. кардинальным элементом в отношениях империи с европейскими державами.

Османская империя с ее процветающим многонациональным сообществом торговала одинаково со всеми державами на основе четко установленных таможенных тарифов. Ее купцы с течением времени проникли из Восточной в Центральную и добрались до Северной Европы, основывая собственные торговые центры в ключевых городах и развивая свою собственную кредитную систему, поскольку они обменивали сельскохозяйственные продукты и изделия Востока на оружие, минералы и другое сырье Запада.

Что касается сельскохозяйственных земель, то на территории империи она принадлежала государству и централизованно контролировалась правительством. Большинство крестьянского населения составляли покоренные немусульмане, и их подушная подать в первую очередь шла в доход государства.

Однако основная часть дохода империи поступала от различных государственных учреждений и предприятий – таможен, портовых сборов, сборов за помол зерна, паромных переправ, сборов за взвешивание грузов, монополии на такие товары, как соль, мыло и воск для свечей. Эти предприятия и службы вместе с некоторыми промышленными предприятиями и природными ресурсами, включая рудники по добыче серебра, меди и свинца, часто передавались государством концессионерам. Это было выгодно обеим сторонам.

Другие средства, применявшиеся султаном в целях увеличения доходов в те моменты, когда он нуждался в больших суммах денег, чтобы поддерживать на должном уровне свои вооруженные силы (которым приходилось постоянно находиться в боевой готовности), включали периодические девальвации денег путем чеканки новых монет и скупки старых по заниженному курсу. Эта мера, равнозначная по эффекту налогу на серебряные деньги, вызывала недовольство народа, особенно когда чиновники, известные как «искатели серебра», направлялись в провинции для досмотра помещений и конфискации припрятанных монет.

Более конструктивным, однако, явился в конечном счете придуманный Мехмедом способ финансировать свои кампании с помощью торгово-экономического развития и последующего увеличения доходов государства.

В этом в общих чертах выражалась суть мудро организованной, тщательно проработанной и строго соблюдавшейся при правлении султана Мехмеда государственной феодальной организации, которая соединяла ко взаимной выгоде его производящие классы и вооруженные силы, ведь главным рычагом администрации в финансовой, социальной и

аграрной политике была привязанность к военным потребностям империи.

Общественной и политической основой этого централизованного имперского государства была военная теократия, по сути таковой была и Византия, олицетворяющая принцип «правления Бога».

Задача Мехмеда, как он видел ее, заключалась в том, чтобы устранить или по меньшей мере трансформировать и подчинить своему контролю каждый элемент, который мог бы угрожать или соперничать с его личной властью. Как человек, назначенный Аллахом, он – и только он один – мог править. Именно для того, чтобы гарантировать своей династии постоянное возобновление этого Божественного предназначения, он узаконил практику братоубийства.

Мехмед, перестав часто посещать заседания Дивана, будто бы передал эту привилегию своему великому визирю, однако тайно наблюдал за каждым собранием из расположенного над залом заседания помещения за решеткой – «глаз султана». Это стало общим прецедентом для его наследников. Таким образом, контроль со стороны султана всегда был в действии.

Что касается гражданской администрации, то она была основана на четырех «столпах империи» (символизация четырех ангелов, которые, согласно Корану, поддерживали трон). Первым столпом был сам великий визирь. Титул его был – паша (дословно «нога султана»). Второй столп – правосудие – двое кадиаскеров, армейских судей, один с юрисдикцией на Анатолию, другой – на Румелию. Третий столп – дефтедары – счетоводы, ответственные за финансовую администрацию. Четвертый столп – канцлеры, или государственные секретари.

Все турецкие традиции государственности были отражены в «Кануннаме» – книге законов и регламентаций, где давалось описание иерархии государства, его обычаев и церемоний, его обязанностей и институтов, его доходов и штрафов. «Кануннаме» была полностью составлена к концу правления Мехмеда по его указанию.

Сила и значимость такой административной системы заключалась в том, что она не была наследственной и исключала формирование потомственной аристократии.

В общей социальной структуре Османской империи этого времени привилегии рождения, как таковой, не существовало. Все располагавшиеся ниже уровня абсолютного суверена были равны в глазах закона и своих соотечественников-османов. Их государство было меритократией, в котором привилегии нужно было заработать. Таким образом, эта система предохраняла от политического соперничества абсолютную власть султана.

В своем стремлении создать мировую исламскую империю султан старался сделать столицу – Стамбул – достойной славы Османской империи, которая выросла из сельджукского султаната Рума. Мехмед уделял строительству и архитектуре города особое внимание, особенно в зимние периоды, между военными кампаниями, которые Завоеватель вел на протяжении оставшихся двадцати пяти лет своего правления.

Цель этих кампаний – консолидация империи и расширение ее границ.

По наследству Мехмеду перешли враги его отца: Хуньяди – в Венгрии, Георгий Бранкович – в Сербии, Скандербег – в Албании, венецианцы – в Греции и Эгейском море. Он по очереди методично выступал против каждого из них.

Сражение за Константинополь показало, что хорошо укрепленный город может успешно противостоять турецкому натиску. Дальнейшие события в Сербии, Албании и Черногории подтвердили это.

После победы над Византией Мехмед II стал стремиться к тому, чтобы установить господство Османов во всей Передней Азии. В 1461 г. была одержана важная победа над Трапезундской империей на севере Малой Азии. Сам Трапезунд (Трабзон) был атакован с суши и моря. Император Давид и его придворные отказались от борьбы и сдали город на условии сохранения своих жизней.

В 1454–1459 гг. Мехмед II лично совершил несколько походов в Сербию, обезлюдил страну массовым уводом жителей в рабство, после чего объявил о присоединении Сербии к Османскому государству.

В 1461 г. турецкий флот выбил из Эгейского моря генуэзский, в то время как комбинированными операциями турецких сухопутных и военно-морских сил планомерно захватывалось побережье Мореи.

В 1468 г. Мехмед II направил армию в Далмацию и Хорватию; почти одновременно в результате морской десантной операции был захвачен остров Эвбея (1470 г.).

Дипломатические ухищрения Венеции привели к тому, что в войну вступил Иран, однако персидская армия вторжения была разбита турками в Эрзинджанском сражении.

Более десяти лет Мехмед II воевал с караманским беим Узун Хасаном, правителем тюркского объединения племен аккоюнлу, который сумел распространить свое влияние на весь Иран до Хорасана, на Ирак и район Персидского залива. Одержав ряд побед в этой войне, Мехмед II добился установления турецкого господства над всей территорией Малой Азии.

Снова покорив Албанию, турки затем захватили большинство венецианских аванпостов на албанском побережье; тем временем турецкая кавалерия перешла через Альпы из Хорватии во владения Венеции и принялась терроризировать Северо-Восточную Италию. Разгромленные на всех фронтах венецианцы запросили мира, по условиям которого все венецианские земли, завоеванные турками в эту кампанию, отходили к Османской империи (1479 г.). Кроме того, к туркам отошел Скутари, где венецианский гарнизон успешно отразил многочисленные турецкие атаки (1478–1479 гг.).

Следует отметить, что в 1475 г. многочисленный десант на двухстасемидесяти судах обеспечил султану завоевание Крымского полуострова. Крымский хан признал себя данником Мехмеда II.

Затем в 1480 г. турки переплыли Адриатику, чтобы захватить Отранто.

В 1480–1481 гг. Мехмед II осадил Родос, но был с тяжелыми потерями отбит, благодаря сопротивлению рыцарей ордена Святого Иоанна (или госпитальеров).

В итальянском походе 1480 г. султан Мехмед II умер.

Итак, как завоеватель, султан Мехмед окончательно закрепил основы великой исламской империи; как государственный деятель, он воздвиг внутри империи структуру нового и прочного исламского государства с институтами, традициями и политикой, достойными того, чтобы наследовать имперским цивилизациям классического Рима и христианской Греции.

Максимализм и жестокость Мехмеда II хорошо иллюстрирует его указ от 1478 г.: «Тот из моих сыновей, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле».

Дух братоубийства, присущий Османской империи, вырвался на свободу после смерти Мехмеда II. Это был период продолжительной борьбы между двумя его сыновьями – Баязедом II и Джемом.

Баязед (1481–1512 гг.) был миролюбивым, терпимым, не стремившимся к завоеваниям. Это первый османский султан, отказавшийся от практики личного руководства своими армиями на поле боя.

Джем был натурой сильной, увлекающейся; после смерти отца немедленно взялся за оружие и выступил против брата. Но вскоре был вынужден бежать в Европу, где затерялся и загадочным образом погиб в Неаполе, без сомнения не без участия папы Александра VI (Борджия). Янычары встали на сторону Баязеда, который вручил им «приветственный дар», как когда-то сделал его отец.

Баязед II отказался от плана завоевания Италии, хотя и вел, в общем, безуспешную войну с Венецией. Войны велись также с Венгрией, австрийскими Габсбургами и Египтом. Молдавия признала сюзеренитет Турции, обеспечив себе путем дипломатических переговоров автономию (1502 г.).

В 1495 г. в Стамбул прибыло первое русское посольство. Султан разрешил русским купцам торговать в Османской империи. В дальнейшем, формально оставаясь с Россией в мире, Османская империя систематически натравливала на нее полчища крымского хана, не

давая Русскому государству возможности усилить свою военную мощь и стремясь получать отсюда, так же как и с Украины, пленников для невольничьих рынков и для галер.

В 1499 г. в битве при Лепанто турецкий флот одержал самую крупную победу над венецианским. Затем были захвачены несколько венецианских островных и прибрежных владений в Эгейском и Ионическом морях.

При нанесении поражения Венецианской республике султан Баязед II обратил внимание на Восток, против Сефевидов. К этому времени во главе Сефевидов стоял юный Исмаил. Он завладел Южным Азербайджаном и занял Тебриз, сделав его столицей, и принял здесь титул шахиншаха Ирана. В 1503 г. шах Исмаил (1501–1524 гг.) завладел всем Персидским Ираном. В 1503 г. сефевиды овладели Семнаном и Фарсом со столицей Шираз, а в 1504 г. – Йезедом. Затем шаху Исмаилу I подчинились династии Хузистана, Курдистана, Гиляна, Мазандарана и остальных частей Западного Ирана.

Держава Сефевидов была создана главным образом усилиями тюркских кочевых племен. Эти племена позднее получили общее название «кызылбашы» («красноголовые»). Сефевиды навязали разноплеменному мусульманскому населению своей державы одно государственное исповедание – шиитское. Кровавые гонения на суннитов происходили повсюду, где утвердилась власть Сефевидов. Гонениям подвергались также «еретические» течения суфизма и всякое свободомыслие, светская наука и философия.

В конце правления султана Баязеда II в 1511 г. в Малой Азии вспыхнуло восстание тюркских кочевников и крестьян под лозунгами шиитства и поддержки шаха Исмаила. Экстремизм кызылбашей вверх мусульманский Восток в кровавый водоворот религиозных войн и восстаний. С 1502 г. Египет находился на грани войны с Сефевидами. Восстание малоазиатских шиитов оказалось очень опасным для Османской империи. Для подавления его понадобилось собрать большое войско, которое в конце концов задавило это восстание, уцелевшие же повстанцы бежали в Иран.

Тем временем во дворце в Стамбуле началась борьба за власть между тремя братьями – Коркудом, Ахмедом и Селимом. По настоянию дворцовых кругов Баязед II принял решение отказаться от власти и назначил своим наследником принца Ахмеда, что послужило причиной недовольства воинственно настроенных феодальных кругов, особенно янычар, которые в столице подняли бунт. Селим узурпировал трон и принял меры предосторожности: казнил всех членов своей собственной семьи.

Так началось правление Селима I Грозного (1512–1520 гг.) – первого халифа из рода Османов.

К турецким султанам стекалось множество искателей наживы и приключений, называвших себя «гази». Феодальная раздробленность, феодальные и религиозные распри, происходившие в странах Балканского полуострова, благоприятствовали осуществлению стремлений турецких завоевателей, не встречавших объединенного и организованного сопротивления. Захватывая одну область за другой, турецкие завоеватели использовали материальные ресурсы покоренных народов для организации новых походов. С помощью балканских мастеров они создали сильную артиллерию, которая значительно увеличила военную мощь османской армии. В результате всего этого Османская империя к XVI в. превратилась в могущественную военную державу.

С приходом Селима I началась новая эра завоеваний. Это был величайший военачальник среди османских султанов. Правда, сосредоточено внимание его было главным образом на азиатских кампаниях, и империя упустила шанс воспользоваться разобщенностью, царившей в Европе до царствования Карла V. Не исключено, что от турецкого завоевания разобщенную Европу избавили периодические турецко-персидские войны. И Карл V, и Фердинанд благоразумно пестовали и подогревали персидско-турецкое противостояние.

Итак, Селим направил вооруженные силы на Восток, где его беспокоили две вещи: подстрекательское шиитское движение Сефевидов в тюркской среде в Анатолии и изменение маршрута международной торговли. Войну с Ираном в 1514 г. Селим

спровоцировал еще и потому, что персы поддерживали его брата Ахмеда, кроме того, Исмаил-шах в предыдущие годы снаряжал набеги в турецкие приграничные земли.

Летом 1515 г. Селим I выступил из Сиваса (самая восточная на тот момент точка османских земель) с армией численностью более 60 тыс. человек и через Эрзерум направился к верховьям Евфрата. Несмотря на применявшуюся персами тактику «выжженной земли», Селим I, благодаря грамотной организации фуражной службы, сумел пройти через горы к Хою, где шах собирал армию (численностью, вероятно, менее 50 тыс. человек и исключительно кавалерийскую: типичные для Юго-Западной Азии конные лучники и пикинеры тюрко-монгольского образца). За время марша османская армия уничтожила все заготовленные припасы.

Селим I выстроил свою армию перед персидским войском на Халдиранской равнине. На первый план, в качестве своего рода заградительного барьера, он выдвинул ополченцев и пехоту. Далее, за наспех вырытым рвом, размещались пешие янычары (лучники и аркебузиры). С флангов позицию Селима I прикрывали скованные цепями повозки, а перед янычарами, на левом и правом флангах, стояли турецкие пушки, связанные колесо к колесу. Еще дальше, на флангах, размещалась конная гвардия султана и османское феодальное легкое конное ополчение (тимариоты). Персы атаковали, они обратили в бегство турецкое ополчение, разбили тимариотов-европейцев на правом фланге Селима I, но были отбиты после ожесточенной схватки с тимариотами-азиатами на левом фланге. Янычары и гвардия султана стойко удерживали свои позиции, отражая одну атаку персидского фланга за другой. Затем турецкий левый фланг развернулся и затеял ожесточенную рукопашную с остальной персидской армией; в итоге Исмаил I был ранен, а войско его – разбито. Персы бежали к Хою, оставив голодающим туркам лагерь с запасами провианта. Сведений о потерях не сохранилось, но сомнительно, чтобы персы потеряли больше человек, чем турки, поскольку им удалось быстро отступить, избежав турецкого преследования.

Осенью 1515 г. без малейшего сопротивления Селим I захватил столицу шаха Исмаила. Вскоре после этого янычары подняли мятеж и отказались продолжать наступление. Тимариоты тоже не хотели идти дальше, так что Селим I скрепя сердце отдал приказ возвращаться домой через Эривань и Карс. Персы опять заняли Тебриз. Впрочем, турки закрепились в верховьях Евфрата.

Селим I вывез из Тебриза огромную военную добычу, в том числе личную казну шаха Исмаила, а также отправил в Стамбул тысячу лучших иранских мастеров для обслуживания двора и турецкой знати. Привезенные тогда в Изник иранские мастера положили начало производству в Турции цветной керамики, которая использовалась при строительстве дворцов и мечетей Стамбула, Бурсы и других городов.

Что касается тюрков-мамлюков, то международный престиж Египта в течение XIII–XIV вв. был весьма высок. Правители Египта претендовали на главенствующее положение в мусульманском мире. С XIV в. приток тюрков в Египет прекратился. Но к тому времени увеличился приток черкесов-рабов. Оставшиеся турки постепенно ассимилировались с местным населением, все это привело к тому, что в конце XIV в. тюркскую династию сменила династия черкесов. Первым черкесским султаном Египта стал Захир Сайф ад-дин Баркук (1382–1399 гг.). С этого времени наступило ослабление египетской армии, что уже исключало возможность крупных кампаний. Наиболее значительной операцией за все время правления черкесской династии было взятие в 1426 г. острова Кипр – прибежища европейских пиратов. Это событие пришлось на время правления Ашрафа Сайф ад-дина Барсбея (1422–1438 гг.), известного также своей жесткой политикой в области внутренней и внешней торговли. Военные действия в конце XV – начале XVI в. против португальских и испанских крестоносцев, активизировавшихся на захвате земель в Северной Африке, не принесли успехов.

Со всей очевидностью выявилась неспособность мамлюков противостоять Западной Европе. «Султан ислама» оказался не в состоянии защитить жизнь, имущество и саму религию мусульман. Более того, как покровитель священных городов, он не смог обеспечить

безопасность хаджа. Сотни паломников попали в руки португальцев. Другие стали жертвой насилия бедуинов во время хиджазского восстания (1502–1508 гг.). В 1503 г. Мекка подверглась разгрому, который современники сравнивали лишь с бесчинствами карматов. В 1506 г. впервые при мамлюкской власти хадж был временно остановлен. Мир ислама был потрясен. Со всей остротой встал вопрос о том, кто может и должен считаться истинным имамом времени и главой мусульманского мира.

До падения Константинополя в 1453 г. османские правители признавали религиозно-политический приоритет мамлюков как вселенских руководителей ислама и отводили себе скромную роль «фронтовых беев», защищавших общие границы всех мусульман. Мамлюки со своей стороны рассматривали их действия как часть общемусульманского дела. Взятие Константинополя было отмечено в Каире как победа всего мусульманства.

Положение в корне изменилось, когда после взятия Константинополя Мехмед II принял титул султана. Принятие султанской титулатуры символизировало переход османов к великодержавной политике. Она должна была подчеркнуть новую мировую роль Османского государства.

Великодержавная политика Мехмеда II привела к резкому ухудшению осmano-мамлюкских отношений. Борьба за гегемонию, прежде всего за первенство в мусульманском мире, стала основной и главной причиной осmano-мамлюкского конфликта. Первым открытым проявлением осmano-мамлюкских противоречий был дипломатический скандал, разразившийся в 1463 г., когда османский посол отказался пасть ниц перед повелителем Египта. В 1464 г. борьба претендентов в Коню и вопрос о караманском наследии привели к первому крупному политическому столкновению. Взятие Коню и присоединение Карамана в 1468 г. к османским владениям положили начало широкой конфронтации. Каир и Стамбул стали местами политического убежища для опальных сановников противоположной стороны. Многие из них получали помощь для борьбы со своими правительствами. В 1484 г. османы совершили поход в Черкессию и разгромили основные центры пополнения мамлюкских дружин.

С 1502 г. началась конфронтация Османов с Сефевидами. Османы были в трудном положении и мамлюки могли бы оказать им помощь в борьбе против Сефевидов – их общего врага. Как глава суннитского ислама, Кансух ал-Гури обязан был предпринять поход против кызылбашей. Однако он предпочел занять позицию стороннего наблюдателя и оставил Османское государство один на один с Сефевидами. При этом мамлюки рассчитывали уничтожить одного врага руками другого, а затем выступить в роли спасителей суннитского ислама.

Мамлюкская политика воспринималась в Стамбуле как неприкрытое проявление враждебности. Антимамлюкские настроения в османских правящих кругах усиливались. Они все более склонялись к тому, чтобы рассматривать мамлюков как своего самого главного и опасного противника.

То, что Селим I повел армию в долину Евфрата, находившуюся под сюзеренитетом мамлюков, показывает, с каким презрением относился он и к персам, и к мамлюкам, раз был готов одновременно воевать и с теми, и с другими. Он выступил в Курдистан и вытеснил персов обратно, в горные районы Ирана. Таким образом, Селим I восстановил авторитет османских султанов в Малой Азии.

Для решения следующей задачи (маршрут торговли) Селим аннексировал Сирию. В 1516 г. он взял Алеппо, Хомс, Дамаск, Иерусалим. Битва у горы Мукаддат (22 февраля 1517 г.), у ворот Каира, дала ему в руки мамлюкское царство. Селим I вошел в Египет как победитель. Халиф пожаловал ему титул «Служитель обоих священных городов», который носили султаны Египта. В августе 1517 г. Селим I покинул Каир. Арабский историк Ибн Ийас так описывает это событие: «Говорят, что, покидая Египет, потомок Османа увез с собой тысячу верблюдов, груженных золотом и серебром, и это не считая добычи, состоявшей из оружия, фарфора, бронзы, лошадей, мулов, верблюдов и прочего, не говоря

уже о великолепном мраморе. Из всего этого он взял самое лучшее, то, чем никогда не имели удовольствия пользоваться его отцы и деды».

Селим I увез с собой не только сказочные дары, с ним вместе покинул Египет и последний аббасид – халиф ал-Мутаваккил IV.

В Стамбуле Мутаваккил IV отрекся от прав на халифат в пользу Селима I. При Сулеймане I Великолепном бывший халиф вернулся в Каир, где и умер в 1538 г. Династия Аббасидов прекратила свое существование.

В результате победы над мамлюками турецкие завоеватели приобрели контроль над важнейшими торговыми центрами в Средиземном и Красном морях. Такие города, как Диярбекир, Халеб (Алеппо), Мосул, Дамаск, были превращены в опорные пункты турецкого господства. Здесь вскоре были размещены сильные янычарские гарнизоны, предоставленные в распоряжение султанских наместников. Они несли военно-полицейскую службу, охраняя границы новых владений султана. Названные города являлись одновременно и центрами турецкой гражданской администрации, осуществлявшей главным образом сбор и учет налогов с населения данных провинций и других поступлений в казну. Собранные средства отправлялись ежегодно в Стамбул ко двору.

Вскоре у Османов появились новые владения в Северной Африке: крупный порт Алжир и прилегающие к нему земли в 1516 г. были захвачены турецкими пиратами. Их главарь Хайреддин Барбаросса в 1518 г. признал верховную власть султана и получил от Селима I титул бейлербея Алжира.

Осенью 1520 г., готовя военную экспедицию на Родос, Селим I умер в возрасте 43 лет.

Он не питал уважения к человеческой жизни. Рассказов о его импульсивной жестокости имеется множество. Даже вошла в обиход того времени фраза: «Чтоб тебе быть визирем Селима», – где подразумевалось проклятие: «Порази тебя смерть». Это был поистине Селим I Грозный.

Завоевания Селима I на Балканах, в Юго-Восточной Анатолии и в Аравии, приобретения в Северной Африке почти вдвое увеличили владения османских султанов. В подвластных им странах было множество районов с плодородными землями, крупнейшие торгово-ремесленные центры. Османская администрация контролировала важные торговые пути – от границ Венгрии и вод Адриатики до Персидского залива. Ликвидация государства мамлюков в Египте и серьезное ослабление Ирана после турецко-иранской войны 1514 г. позволили османским султанам вновь перенести центр тяжести своих завоевательных операций в Европу.

Расцвет Османской империи. Эра Сулеймана I. Великие походы на Запад

Раскинувшимся на два континента было наследие сына Селима I – Сулеймана I (1520–1566 гг.).

За свои многочисленные военные победы и роскошь двора этот султан получил у европейцев имя Сулеймана Великолепного, а у собственных подданных – Сулеймана Законодателя. Сулейман I стремился расширить территорию империи не только на Востоке, но и в Европе.

1520 год – это был год поворотного момента в истории европейской цивилизации. Мрак позднего Средневековья с его отмиравшими феодальными институтами уступал место золотому свету Ренессанса. Под руководством юных суверенов, обладавших выдающимися индивидуальными способностями, набирали силу зрелые, цивилизованные государства. XVI век был веком Карла V и империи Габсбургов; Франциска I и дома Валуа во Франции; Генриха VIII и Тюдоров в Англии. Эти могущественные монархи в лице султана Сулеймана I увидели равного себе.

Безусловно, опасность со стороны турков для Европы постоянно присутствовала, однако в это время самое ярое противостояние было между Карлом V и Франциском I, и Сулейман эту вражду очень мудро использовал.

Итак, когда Карл V стал императором Священной Римской империи, он был всенародно провозглашен защитником христианства. Имперские владения Карла, благодаря сочетанию благоразумных браков и удачных смертей, простирались от Балтики до Средиземного моря, от Нидерландов, через Германию и Австрию, до Испании. Они включали также королевства Неаполя и Сицилии и опорные пункты в Мексике и Перу. На полученных им в наследство австрийских землях по ту сторону Альп Карл столкнулся с реальной угрозой со стороны турок-османов, которая теперь, при Сулеймане, возросла.

Франциск I, соперник Карла V, потерпел поражение на выборах претендента на мантию императора Священной Римской империи. Честолюбивой мечтой Карла было объединить в Священную Римскую империю весь мир западного христианства под властью Габсбургов. Препятствием на пути осуществления мечты о завоевании всей Европы была Франция, отделявшая его германские владения от его владений в Испании, препятствовавшая реализации его замыслов в Северной Италии, где два монарха были вовлечены в непрекращающиеся пограничные споры, и представлявшая угрозу морским коммуникациям, от которых зависели его военная безопасность и процветание торговли. Таков был конфликт, разделявший две главные христианские державы, который часто из «неверного» общего врага делал потенциального и желанного союзника.

Франциск вначале был проповедником великого крестового похода против турок, но вскоре стал искать поддержки в лице султана в своей борьбе против Карла.

Сулейман в нескольких случаях субсидировал его, послав ему в 1533 г. сумму в сто тысяч золотых, чтобы помочь создать коалицию против Карла V. Двумя годами позже Франциск потребовал субсидию в миллион дукатов. Венецианскому послу он заметил, что видит в Османской империи единственную силу, гарантирующую существование европейских государств в противовес императору – Габсбургу.

Когда Карл обвинил Франциска в промусульманских симпатиях, тот открыто пообещал присоединиться к крестовому походу, а затем пытался оправдаться через своего посланника в Стамбуле. Султан, который отлично понимал потребность французов в турках в качестве союзников, в конце концов сам пришел к тому, что стал полагаться на этот союз как на существенный элемент структуры своей внешней политики. Одним словом, Сулейману в Европе XVI в. была отведена роль балансира, что усиливало в дипломатическом и военном отношении мощь и престиж Османской империи.

Сулейман стремился с помощью имперских завоеваний достичь на Западе того же, чего его отцу, Селиму, удалось добиться на Востоке. Подобно Александру Македонскому, Сулейман вынашивал честолюбивую идею объединения земель и народов Востока и Запада, поэтому он был полон решимости встретиться лицом к лицу с императором Карлом и затмить его как «Повелителя Века».

Но прежде своей целью он сделал завоевание Венгрии, с конца XV в. подвергавшейся опустошительным турецким набегам. Удача этого похода могла открыть туркам дорогу для дальнейших завоеваний в Центральной Европе. Кроме того, покорение Венгрии позволило бы Сулейману I установить контроль над Дунаем – важнейшей торговой магистралью в Европе.

Весной 1521 г. Сулейман I выступил на север, якобы с целью покарать венгров за ранее проявленное неуважение. Он взял штурмом Шабац, а затем осадил Белград (входивший в состав Венгерского королевства); маленький гарнизон защищался доблестно, но в конце концов капитулировал. После взятия Белграда Сулейман на некоторое время приостановил военные операции в Венгрии, направив военно-морскую экспедицию – 300 судов с десятитысячным десантом – на остров Родос: военные корабли родосских рыцарей часто нападали на турецкие суда на путях, соединявших Стамбул с владениями османов в Аравии.

Напомним, что остров Родос – это был надежно укрепленный аванпост христианства. Его рыцари-госпитальеры из ордена святого Иоанна Иерусалимского, умелые и грозные мореходы и воины, печально известные туркам как «профессиональные головорезы и пираты», теперь постоянно угрожали торговле турок с Александрией; перехватывали

турецкие грузовые суда, везущие лесоматериалы и другие грузы в Египет, и пилигримов по пути в Мекку через Суэц; препятствовали операциям собственных корсаров султана; поддержали восстание против турецких властей в Сирии.

Таким образом, Сулейман во что бы то ни стало решил захватить Родос. С этой целью он направил на юг армаду из почти четырех сотен кораблей, тогда как сам повел армию в сто тысяч человек по суше через Малую Азию к месту на побережье напротив острова.

В Восточном Средиземноморье это была самая мощная крепость по состоянию на тот момент. Родос представлял собой крепость нового типа – с бастионами, широким рвом, гласисом и (на некоторых участках) двойными внутренними стенами. Порт защищали мощные башенные форты, возведенные по сторонам входа в гавань, который блокировался, кроме того, еще и массивными бронзовыми цепями. Под командованием великого магистра ордена Филиппа Вилье де Лиль Адама находились 700 рыцарей, а также шеститысячная вспомогательная армия, набранная из местного населения, в состав которой входили и кавалеристы, и моряки, и копейщики, и аркебузиры. Немало было и артиллерии, причем расставленной в стратегически важных местах.

В июне 1522 г. турки высадились на острове. При захвате плацдарма турки практически не встретили сопротивления. Османская армия, достигавшая численностью почти ста тысяч человек, состояла из опытных профессиональных солдат и включала в состав превосходный инженерный корпус, которому придавалась мощная осадная артиллерия.

Осада крепости была длительной, кровопролитной, с большими потерями для обеих сторон.

В начале декабря Сулейман I, осознавая, с какими трудностями приходится сталкиваться защитникам, и видя огромные потери в собственных войсках, предложил госпитальерам почетные условия сдачи, гарантируя местному населению разрешение покинуть остров или остаться и что никаких репрессий по конфессиональному признаку проводиться не будет. Однако переговоры были сорваны, и боевые действия возобновились.

Мысль о продолжении столь кровопролитных уличных боев большого энтузиазма у Сулеймана I не вызывала, и 20 декабря был произведен обмен пленными; турки покинули захваченный в городе плацдарм и отвели войска на полтора километра от стен. Вел переговоры и держал слово Сулейман I безукоризненно. Однако переговоры ни к чему не привели, и к концу 1522 г. османы захватили остров Родос.

Для христианского мира главная трагедия заключалась в том, что, очевидно, удерживать Родос можно было бы бесконечно долго, если бы удалось наладить доставку рыцарям подкреплений и припасов. Таковую помощь могли бы оказать, скажем, Венеция или Испания. Вероятно, именно искреннее раскаяние побудило впоследствии Карла V предоставить госпитальерам Триполи, а потом остров Мальту, где они заново возводили крепости.

Ничто теперь не представляло серьезной угрозы для турецких военно-морских сил в Эгейском море и в Восточном Средиземноморье.

После двух успешных кампаний, утвердивших превосходство османов в Европе, молодой Сулейман решил года три не предпринимать крупных военных походов, дабы усовершенствовать административное устройство государства и укрепить мощь своей армии.

Однако, изнывая от бездействия, пребывая в состоянии относительной праздности, янычары приобретали свойства угрожающей массы, которая весной 1525 г. вылилась в мятеж, жестоко подавленный с помощью казни большей части офицеров; солдаты же были успокоены денежными субсидиями, перспективой военной кампании на следующий год.

Сулейман в целях восстановления порядка зачастую использовал своего великого визиря Ибрагима-пашу. Это была довольно интересная личность, и отношения между султаном и визирем были доверительными. Остановимся на этом более подробно.

Ибрагим-паша – одна из могущественных фигур периода правления Сулеймана I. По происхождению он был греком из христиан. С Сулейманом они были одногодки. Ребенком

его захватили в плен турки и продали в рабство, причем в хороший дом, где он получил образование и научился играть на музыкальных инструментах. Будучи наследником трона, с ним встретился Сулейман и, пораженный его глубокими научными познаниями, приблизил к себе, сделал Ибрагима личным пажом, затем поверенным лицом и, наконец, близким фаворитом. Его восхождение к власти было настолько стремительным, что вызывало у самого Ибрагима некоторую тревогу. В самые горячие, взрывоопасные точки Сулейман всегда направлял Ибрагима. Так, в 1523–1525 гг. именно Ибрагим подавлял восстание в Египте.

Что касается мятежа янычар, возможно, Ибрагим, а может быть, поражение и пленение Франциска I императором Габсбургом ускорили решение Сулеймана осуществить поход в Венгрию.

Со времен падения Белграда пограничные стычки турок и венгров непрерывно происходили с переменным успехом.

Весной 1526 г. Сулейман из Стамбула выступил в свой поход на запад с армией, насчитывающей около 100 тыс. человек, из них приблизительно половину составляло ядро из регулярных войск, включавших пехоту (янычар), кавалерию (сипахов) – либо из наемных солдат, либо владельцев наделов и артиллерию; остальную часть составляло нерегулярное войско, также включавшее пехоту (азанов) и кавалерию (акынджи) – неоплачиваемое, но живущее за счет военной добычи войско.

Король Венгрии Людвиг (или Лайош) II осознавал, какая опасность угрожает его государству, но призывы о помощи к другим европейским державам остались безответными. Людвиг II, собирая армию, медлил, но зато получил дополнительные две недели, пока турки осаждали Петерварден. Собирая войска, Людвиг II двинулся на юг, к Мохачу, где его армия выросла до 25 тыс. человек (12 тыс. – кавалерия, 13 тыс. – пехота). В этот момент пошли слухи, что Сулейман I ведет трехсоттысячную армию, которые поколебали решимость Людвигу II и части его советников. Но опытный воин, архиепископ Томори, правильно оценивший численность турецкой армии, сумел убедить короля не идти на попятный.

В конце августа 1526 г. Сулейман I с юга подошел к Мохачской равнине. Высланный им на разведку отряд легкой кавалерии обнаружил, что венгерская армия выстроена боевым порядком в центре равнины к юго-западу от Мохача. Рельеф местности являлся идеальным для кавалерийского сражения – основу же обеих армий составляла именно конница.

Битва при Мохаче (29 августа 1526 г.) была выиграна турками примерно за полтора часа. Венгерские потери были огромными: 10 тыс. пехотинцев и 5 тыс. кавалеристов. Те немногие, кто попали в плен к туркам, были обезглавлены. Король Людвиг II, архиепископ Томори и большинство венгерских вождей погибли. Спасаящиеся бегством осколки венгерской армии, оставшись без руководства, просто рассеялись. Турецкие потери неизвестны, однако, вероятно, они были не меньше венгерских. Сулейман I три дня никуда не двигался от Мохача и переформировывал армию.

Победа у Мохача открыла туркам путь к столице Венгрии. Через две недели после этого сражения султан Сулейман вступил в Буду: город сдался без боя.

Больше никакого противодействия Сулейману I не оказывалось. Решив не аннексировать Венгрию, султан возвел на трон королевства главу трансильванской знати Яноша Запольяи, который не воевал при Мохаче, и заставил выплачивать дань Османской империи. Затем турецкая армия двинулась в обратный путь, уводя с собой десятки тысяч пленных. В обозе находились ценности из дворца венгерского короля, в их числе богатейшая библиотека. Венгрия была буквально опустошена. Людские потери – огромны: страна лишилась примерно 200 тыс. человек, т. е. почти десятой части своего населения.

С турецкой помощью Янош Запольяи подчинил почти всю Венгрию, кроме узкой полоски земли на севере и западе, остававшейся под властью Фердинанда Габсбурга (шурина Людвигу II, брата Карла V и будущего императора Священной Римской империи).

Когда армия Сулеймана I ушла из страны, в ней вспыхнула борьба за власть. Этим воспользовалась Австрия и вторглась в Венгрию. Король Янош Запольяи перед угрозой

австрийского завоевания обратился за помощью к туркам. Вскоре эрцгерцог Австрийский Фердинанд I захватил Буду, но Сулейман I смог выступить на помощь королю лишь в сентябре 1529 г. Турецкая армия заняла Буду и восстановила на венгерском троне Запольяи. Затем Сулейман I двинулся на Вену. Штурм Вены закончился неудачей: после полуторамесячных титанических усилий взять город султан, в преддверии зимы, снял осаду.

Таким образом, сердце христианской Европы не было отдано в руки турок, и Сулейман I потерпел первое поражение.

В 1533 г. Сулейман I предпринял второй поход на Вену, но был остановлен армией Карла V. Двадцать третьего июля 1533 г. в Стамбуле состоялось подписание мирного австро-турецкого договора, по которому Венгрия оставалась данницей Турции, но часть ее отходила к Австрии. На Карла V договор не распространялся; Священная Римская империя продолжала воевать с турками на Средиземноморье. Так началась эпоха длительного военного противостояния Турции с государствами Европы.

Сулейман теперь понимал, что в Центральной Европе находится город, вести военные кампании за который невыгодно. Вена в контексте военных событий века была, в сущности, вне досягаемости султана, находившегося в Стамбуле.

Однако страх Европы перед турецкой опасностью постоянно присутствовал. Здесь не было варварских орд из азиатских степей, здесь была высокоорганизованная, современная армия, с подобной на Западе в этом веке еще не сталкивались.

Имея за собой такую сплоченную силу, Османская империя теперь более, чем когда-либо, была влиятельной в делах Западной державой.

Походы в Азию и борьба за Средиземноморье

Сулейман постоянно вел войну на два фронта. Повернув свои сухопутные войска в Азию, тогда как его военно-морские силы все больше укрепляли свои позиции в Средиземном море, он лично провел в 1534–1535 гг. три следовавшие одна за другой кампании против Ирана.

Иран был наследственным врагом османов также и в религиозном смысле: турки были ортодоксальными суннитами, а персы – гетеродоксальными шиитами.

После смерти шаха Исмаила отношения между ними были относительно спокойными. Но в 1526 г. сын шаха – Тахмасп – воспользовался тем, что Сулейман I воевал в Европе, а также восстаниями в Анатолии (не исключено, что он сам их инспирировал), вторгся в турецкую Армению, а кроме того, отвоевал Багдад, Ван и другие земли, ранее захваченные Селимом I.

С целью подготовки почвы для проведения военных действий в Азии Сулейман направил Ибрагима. Летом 1534 г. Ибрагим-паша вторгся в Азербайджан, захватил Тебриз, при этом сопротивление ему было оказано весьма слабое.

В декабре у Тебриза Сулейман I присоединился к Ибрагиму-паше и через Хамадан повел турецкую армию в Месопотамию – отвоевывать Багдад. Сопротивление багдадский гарнизон оказал слабое, однако на марше турецкая армия понесла тяжелые потери от персидских и курдских партизан.

Воспользовавшись тем, что Сулейман занят в Месопотамии, шах Тахмасп отвоевал Тебриз.

Весной 1535 г. серией стремительных марш-бросков Сулейман I вернулся из Багдада; шах Тахмасп снова отступил без боя. Тебриз вновь принадлежал османам.

Сулейман I пустился преследовать Тахмаспа, но персидский шах избегал битвы. Трудности с провиантом вынудили Сулеймана I вернуться в Тебриз, который он сжег (август), а затем через долину Евфрата и Алеппо отправился обратно в Стамбул.

Тем временем кампания в Иране ознаменовала собой падение Ибрагима, который служил султану в качестве великого визиря на протяжении тринадцати лет и который теперь был командующим его действующей армией. За эти годы Ибрагим не мог не приобрести

врагов среди тех, кто ненавидел его за быстрое вхождение во власть, за чрезмерное влияние, за христианские пристрастия, за огромное богатство. Несомненное воздействие на мнение султана оказывалось и его амбициозной наложницей, известной под именем Роксоланы. Она ненавидела Ибрагима из-за того влияния визиря, которым ей самой хотелось бы обладать.

Одним словом, ранним мартовским утром 1536 г. труп Ибрагима-паши был обнаружен у ворот сераля со следами насильственной смерти. Убийство было совершено по приказу султана.

Спустя десять лет Сулейман возобновляет военные действия против Ирана. Это была череда военных походов вплоть до начала пятидесятых годов, однако территориальные приобретения турков были незначительными. Наконец, вновь турецко-персидская война началась в 1552 г.

Толчком для нее послужило персидское наступление, в результате которого был захвачен Эрзерум. Сулейман I лично повел армию отвоевывать город; затем выступил в Западный Иран, который опустошил и разорил (1553–1554 гг.). На этот раз он установил прочную власть над Эрзерумом, Эриванью, Ваном, Тебризом и Грузией, а также завоевал плацдарм на Каспийском море. Конец войне положило подписание мирного договора в Амасье (1555 г.).

Итак, сухопутные операции султана были направлены на продолжение экспансии Азии: было проведено три продолжительные кампании против Ирана. Тем не менее военные действия султана против Габсбургов продолжались столь же целеустремленно, как и ранее, но уже в другой стихии – Средиземноморье.

Благодаря великим мореплавателям и их открытиям океан шел на смену степям в качестве главного средства мировых сообщений XVI в. И время для перехода из тюрка-повелителя азиатского континента в тюрка-повелителя Средиземного моря было самое подходящее – падение халифата Фатимидов и, соответственно, упадок зависимых мусульманских династий. В результате берберское побережье Северной Африки попало в руки вождей, которые использовали гавани для пиратства. Это активно поддерживалось маврами, бежавшими в Северную Африку, после того как мусульманское королевство Гренада пало в 1492 г. под натиском испанских христиан. В своей жажде отмщения мусульмане совершали пиратские рейды к южным берегам Испании. Королева Испании Изабелла принимала ответные меры возмездия, перенеся войну в Северную Африку. Со стороны мавров было два лидера, брата-мореплаватели – Оруджа и Хайреддин Барбароссы. Они основали свою штаб-квартиру на острове Джерба, между Тунисом и Триполи, откуда можно было совершать налеты на побережье христианских государств. Орудж наряду с другими портами освободил от испанцев Алжир. Однако в битве за Тлемсене он погиб (1518 г.).

Его брат, Хайреддин Барбаросса, стал крупным флотоводцем на службе у турок в Средиземном море (о нем мы уже упоминали ранее как об османском вассале). Вплоть до 1533 г. Сулейман не вступал в прямые контакты с Барбароссой. Но сейчас султана беспокоил тот факт, что морские силы христиан проникли в восточную часть Средиземноморья. Ими командовал генуэзский адмирал Андреа Дория, который предал короля Франции и стал служить габсбургскому императору.

Имперский флот под его командованием захватил Корони и оставил там испанский гарнизон. С этого берет начало продолжительная турецко-христианская борьба за контроль над Средиземноморьем.

Что касается Барбароссы, то он был убежденным сторонником активного сотрудничества Турции и Франции в Средиземноморье. Он видел в этом союзе эффективный противовес морской мощи Испании. Это отвечало и планам Сулеймана, который стремился продолжить борьбу против Карла V на море.

Алжирский дей, вассал Османской империи Барбаросса был назначен Сулейманом I на пост капудан-паши (адмирала) турецкого флота. Получив задание султана «показать свое умение в строительстве кораблей», «морские волки», сопровождаемые Барбароссой,

направились на имперские верфи, чтобы осуществлять надзор и ускорять работы по строительству кораблей. Благодаря их усилиям в эту зиму морская мощь султана вскоре стала распространяться по всем водам Средиземного моря и большей части североафриканского побережья.

Флоты того времени состояли главным образом из больших галер, приводимых в движение гребцами, в основном рабами; весельных галеонов, приводимых в движение свободными людьми профессионального уровня; галеонов, приводимых в движение только парусами; галеасов, приводимых в движение частично парусами и частично гребцами. С таким флотом Барбаросса в 1533 г. отвоевал Корони и Патры.

Император Карл V к тому времени уже понимал, какую угрозу на море представляет собой турецкий флот, ведомый Барбароссой. Он направил к адмиралу генуэзца-шпиона с тем, чтобы путем подкупа склонить Барбароссу изменить султану в пользу императора, в противном случае – организовать убийство. Однако Барбаросса, узнав об этих планах, казнил шпиона.

В 1534 г. турецкий флот во главе с Хайреддином Барбароссой захватывает Тунис.

Бывший султан Туниса Мулай-Гассан бежал в Европу, где изъявил готовность стать вассалом Карла V в обмен на помощь против турок и Южной Италии.

Сухопутно-морская экспедиция Карла V в Тунис состоялась летом 1535 г. Имперскую армию защищал флот Андреа Дориа. В битве у побережья Туниса он нанес решительное поражение Хайреддину. Имперско-испанская армия высадилась и быстро захватила Тунис, восстановив на султанском троне Мулай-Гассана. После этого Тунис находился под испанским протекторатом почти сорок лет (1535–1574 гг.).

В Центральной Европе снова началась война, и Карл V был вынужден отказаться от планов нападения на Алжир.

После этого поражения Барбаросса, мастер стратегии и тактики, немедленно отплыл с тем, чтобы, во-первых, восстановить в Алжире флот, а во-вторых, нанести ответный удар по собственной территории императора. Это был эффект внезапности: эскадра адмирала под итальянскими и испанскими флагами была встречена с почестями, как возвращавшаяся с победой часть армады Карла V. И эта авантюра Барбароссы увенчалась взятием и опустошением турками острова Минорка. Таким образом, захват Туниса мало что давал императору до тех пор, пока турецкий адмирал Барбаросса имел свободу действий на море.

В 1536 г. Барбаросса встретился с Сулейманом I, дабы выразить преданность и подчинение своему господину, вернувшемуся после повторного захвата Багдада. Султан приказал адмиралу построить новый флот из двухсот кораблей для похода против Венеции.

В следующем году Сулейман объявляет войну Венеции, якобы в ответ на полученное от венецианцев оскорбление. Он приказал Хайреддину разорять и опустошать венецианские владения. Адмирал напал на Апулию, а турецкие отряды стали тем временем совершать набеги в глубь полуострова близ Таранто. Сам же Сулейман I привел армию на албанское побережье, напротив принадлежавшего венецианцам греческого острова Корфу (или Керкира).

Некоторое содействие турецким сухопутным и морским силам оказывал французский флот.

Когда к острову стал приближаться объединенный имперско-венецианский флот под командованием Андреа Дориа, тогда Фердинанд Габсбург, подчинившись приказу Карла V, объявил туркам войну в Венгрии, и Сулейман I был вынужден снять осаду, дабы подготовить войска к марш-броску в Венгрию.

Тем временем Барбаросса в 1539 г. развернул ширококомасштабные операции в Средиземноморье. Турецкий флот наводил страх на всю Адриатику и весь бассейн Эгейского моря, а также на сицилийское и южноитальянское побережье. Хотя венецианские гарнизоны в Неаполитане и Монемиасии (на побережье Мореи, т. е. Пелопоннеса) отразили турецкие атаки, турки захватили все остальные венецианские аванпосты на островах и побережье Эгейского моря, а также совершили несколько рейдов на Крит. У западного побережья

Греции и Албании турецкий флот, ведомый Барбароссой, и объединенный имперско-венецианский флот под командованием Андреа Дориа долго и безрезультатно маневрировали друг против друга (август– декабрь).

Победы не удалось добиться ни Хайредину, ни Дориа, но перевес был все же на стороне турецкого флота.

В 1539 г. Венеция заключила с турками сепаратный договор. Договор закреплял потерю Венецией бывших ее владений в Эгейском море, а кроме того, в течение 30 лет она должна была соблюдать нейтралитет. За пределами Адриатики из всех своих стратегически значимых владений Венеция сохранила лишь Корфу, Закинф, Крит и Кипр. Теперь ничто не могло помешать османской армаде перенести военные действия из восточной в западную часть Средиземноморского бассейна. Их флот триумфально прошел Сицилийским проливом вплоть до Геркулесовых столбов, осуществив жестокое нападение на Гибралтар из своего корсарского оплота в Алжире.

Осенью 1541 г. Карл V, воспользовавшись отъездом Барбароссы в Стамбул, дабы сорвать франко-турецкий союз, отплыл по направлению к Алжиру, несмотря на предупреждения Андреа Дориа об осенних штормах. Двадцатидесятитысячная армия высадилась в 20 км к востоку от Алжира. Как только Карл начал осаду, разразилась сильнейшая буря и уничтожила большую часть имперского флота. Осаждаемые воспользовались бурей, чтоб устроить вылазку, в результате которой германское войско понесло тяжелые потери. Карл V и оставшиеся от его армии 14 тыс. человек погрузились на уцелевшие галеры и транспортные суда и вернулись в Европу.

Таким образом, Средиземноморский бассейн стал принадлежать туркам.

В 1543 г. султан направил Барбароссу на запад командующим флотом. Турецкий адмирал опустошил побережья Неаполя и Сицилии. Флот достиг берегов французской Ривьеры. В Марселе Барбаросса был принят юным Бурбоном, герцогом Энгиенским. Для размещения военно-морского штаба турок был выделен порт Тулон. В порту наблюдались удивительные зрелища, довольно унижительные для христиан: мусульмане с украшенными тюрбанами разгуливали по палубам и христиане-рабы – итальянцы, германцы, французы – были прикованы к скамьям галер.

Итак, турки и французы разорили побережье Каталонии, затем осадили и сожгли Ниццу. Андреа Дориа укрылся в Генуе.

Перезимовав на побережье Прованса, Барбаросса продолжил свои лихие рейды на итальянские берега. Когда Франциск I неожиданно заключил мир в Крепи, Хайредин, лишившись базы на западном Средиземноморье, вернулся в Стамбул, где двумя годами позже умер в своем дворце (1546 г.). В этом же году было подписано перемирие между Сулейманом I и Карлом V.

Весь исламский мир оплакивал Барбароссу. В Средиземноморье после его смерти главным корсаром стал Торчхауд.

Однако в 1551 г. турки вновь обратили свои боевые сухопутно-морские действия против рыцарей-госпитальеров, изгнав их с острова Триполи.

Бесчинства турецкого флота в западном Средиземноморье продолжались, причем не без содействия французов.

Турецкая экспансия 1554–1556 гг. в Северной Африке привела к тому, что большинство североафриканских мусульманских княжеств признали сюзеренитет Османской империи.

А турки подбирались к Тунису, находившемуся под исламским протекторатом. Турецкие военные и пиратские флотилии наводили ужас на западное Средиземноморье; были захвачены и разорены Порт-Магон и остров Минорка.

С конца весны до начала осени 1565 г. велась турками осада последнего бастиона рыцарей-госпитальеров – острова Мальта. Турецкой армией командовал Мустафа-паша, осажденными госпитальерами – великий магистр ордена Жан де Ла Валетт. Первоначальная численность турецкой армии составляла 30 тыс.; подкреплений за время осады прибыло

примерно столько же. Под командованием де Ла Валетта находились 500 рыцарей и вспомогательная армия численностью 8 тыс. 500 человек, в том числе наемники и 4 тыс. мальтийских ополченцев; что касается подкреплений, то сквозь кольцо осады сумели проскользнуть 80 рыцарей с 600 солдатами. Обе стороны действовали не менее искусно и энергично, чем 43 года назад при осаде Родоса. Турки практически непрерывно вели обстрел, часто ходили на приступ, но крепость и защитники под великолепным командованием де Ла Валетта стояли одинаково непоколебимо. Когда на помощь осажденным прибыли испанские армия и флот во главе с неаполитанским вице-королем Гарсией Толедским, турки сняли осаду. Испанцы позволили туркам беспрепятственно погрузиться на корабли и отплыть.

Итак, завоевание Сулейманом I суши позволило расширить сферу экспансии на море: пока Барбаросса сражался против морских сил Карла V в Средиземном море, в 1538 г. был открыт второй военно-морской фронт.

Командующим флотом был Сулейман-аль-Хадим, паша Египта, затем, с 1551 г. – Пири Реис и, наконец, корсар Мурад-бей. Дело в том, что в водах Индийского океана португальцы добились угрожающего превосходства. В их планы входило повернуть торговлю Востока со старинных путей Красного моря и Персидского залива на новый маршрут вокруг мыса Доброй Надежды. Кроме того, португальцы направили армаду кораблей на помощь христианскому императору во время захвата им Туниса.

Все это послужило поводом для совершения этой морской экспансии. В результате военно-морских операций турецкого флота османы получили господство над Красным морем.

Но Сулейман I сверх меры растянул свои ресурсы и больше не мог поддерживать военные операции на двух столь различных морских фронтах. Поэтому его дальнейшие морские операции служили целям сохранения турецкого господства над Красным морем и сдерживания португальского военного контингента, постоянно находившегося у входа в Персидский залив.

Войны Сулеймана I в Европе

В то время, когда мощный турецкий флот лихо штурмовал Средиземноморье, Сулейман продолжал покорять Европу.

В конце 1537 г. состоялось австро-венгерское вторжение на территорию Венгрии, подвластную туркам.

По приказу Карла V Фердинанд Габсбург присоединился к коалиции Священной Римской империи, Венеции и Папского государства против Турции и Франции. Под Эссеком австрийская армия, командовал которой Янош Катвианер, была отбита и стала отступать в Австрию, по пути тая от турецкого преследования, холода и дезертирства. Остатки австрийской армии были практически уничтожены турками в серии столкновений возле Валпово (2 декабря). Австрийцы потеряли в общей сложности 20 тыс. человек; армия их была абсолютно дезорганизована. Турки же водили набеги на побережье Апулии.

В 1540 г. умер Янош Запольяи, бывший совместно с Фердинандом королем Венгрии с момента заключения между ними секретного договора о разделе территории; договор предусматривал, что в случае, если Запольяи умрет бездетным, его часть страны переходит к Габсбургам. В тот момент он не был женат, но после подписания договора Запольяи женился на Изабелле, дочери короля Польши. На смертном одре он получил известие о рождении сына. И в своем предсмертном завещании, наряду с повелением обратиться к султану, Запольяи провозглашает королем Венгрии своего сына Стефана.

Разгневанный Фердинанд Габсбург вторгся на подвластную туркам территорию Венгрии, но был отбит под Будой. Он послал в Иран своего посла подтолкнуть шаха к нападению на Турцию (см. «Походы в Азию...»). Тем временем султан признал престолонаследника Венгрии, которому дали имена его предков – Иоанн Сигизмунд. Он

будет править Венгрией, но лишь после надлежащего возраста и со статусом вассала султана.

На протяжении зимы 1541 г. султан готовился еще к одной кампании против Венгрии, в результате которой он усмирил Венгрию и аннексировал ее.

Буда стала турецкой провинцией под началом паши, а ее церкви начали переделываться в мечети.

Надо сказать, что все это весьма беспокоило австрийцев, у которых появились опасения относительно безопасности Вены.

Фердинанд тем временем вновь приступил к боевым действиям в попытке отвоевать Пешт. Он был отбит от Пешта, который тщетно пытался осадить. Сулейман I, готовивший очередной поход вверх по Дунаю, снова заключил союз с Францией.

Весной 1543 г. Сулейман вторгся в Австрию. Он выступил вверх по Дунаю, а потом по Драве, захватив Гран (август) и Штульвайссенберг (сентябрь). Дать бой главным австрийским силам, которые Фердинанд Габсбург держал под Веной, Сулейман I и не пытался.

В интересах всех соперничавших сторон наступило время провести мирные переговоры. В результате братья Габсбурги – Карл и Фердинанд – еще раз объединились в своей попытке прийти к договоренностям с султаном если не на море, то на суше.

Прошло три года, прежде чем они принесли плоды в 1547 г., выразившиеся в подписании Адрианопольского перемирия, основывавшегося на сохранении status quo. По его условиям Сулейман сохранил за собой все завоевания, за исключением небольшой части Венгрии, которую продолжал удерживать Фердинанд и с которой он теперь согласился уплачивать Блистательной Порте дань.

Остановимся кратко на названии «Блистательная Порта».

Стамбул по своему стратегическому положению и как резиденция халифа стал главным городом мусульман, таким же сказочным, каким был Багдад. В столицу Османской империи стекались огромные богатства: военные трофеи, контрибуции, дани и щедрые подарки от правителей разных стран. Узловое географическое положение на скрещении нескольких важнейших сухопутных и морских торговых путей, привилегии в снабжении, которыми Стамбул пользовался на протяжении веков, превратили его в крупнейшую европейскую столицу, при этом город олицетворял собой роскошь и великолепие Востока. Выдающиеся образцы мусульманского зодчества органично вписались в природный ландшафт и византийскую планировку новой столицы Османов. Ведомство великого визиря Османской империи именовалось «Баб-и-Али», что дословно означало «Высокие ворота». На французском языке это звучало как «Le Sublime Porte», т. е. «Блистательные ворота». В языке русской дипломатии французское слово «Porte» превратилось в «Порту». Так и стало турецкое государство «Блистательной Портой».

Однако вернемся к Адрианопольскому перемирию, которое не выдержало и пятилетнего срока: Фердинанд Габсбург возобновил войну с турками, вторгшись в Трансильванию. Австрийцы были отбиты, но смогли, успешно обороняя приграничные крепости, остановить турецкое контрвторжение. После этого лет десять периодически происходили пограничные столкновения (1553–1562 гг.).

В 1558 г. умер главный противник Сулеймана I – Карл V. Его наследником стал Филипп II.

Между Фердинандом Габсбургом и Сулейманом I в 1562 г. был заключен Пражский мир, условия которого никаких существенных изменений в прежний, Адрианопольский договор, не вносили. Фердинанд продолжал выплачивать дань. На Средиземном же море по-прежнему шли боевые действия между Священной Римской и Османской империями.

Напомним, что в это же время (1565 г.) состоялся военно-морской поход турецкого флота на Мальту, который закончился неудачей.

Сулейман, независимо от возраста (72 года) и плохого состояния здоровья, желал удовлетворить свое уязвленное самолюбие заключительной победоносной кампанией, чтобы

доказать непобедимость турецкого воина.

Весной 1566 г. Сулейман решил идти против Венгрии и Австрии. К тому же преемник Фердинанда Максимилиан II не только не хотел выплачивать османам дань, но и предпринимал набеги на Венгрию.

В результате 1 мая 1566 г. Сулейман в последний раз выступил из Стамбула во главе самого крупного войска, которым он когда-либо командовал, на тринадцатую лично им проводимую кампанию – и седьмую на территории Венгрии.

Стотысячную армию возглавил сам Сулейман I. У Семлина султан церемонно принял юного Иоанна Сигизмунда Запольяи, законные претензии которого на венгерский трон Сулейман признал, когда тот был еще грудным младенцем. Как послушный вассал, Сигизмунд теперь трижды преклонил колени перед своим господином, каждый раз получая приглашение подняться, и при целовании руки султана приветствовался им, словно дорогой любимый сын.

Из Семлина султан повернул к крепости Сигетвар, стремясь отомстить ее коменданту хорвату графу Николаю Зриньи. Злейший враг турок со времен осады Вены, Зриньи только что атаковал лагерь бея и фаворита султана, убив его вместе с сыном, увезя в качестве трофеев всю его собственность и большую сумму денег.

Несмотря на упорное и дорого стоившее сопротивление Зриньи, установившего в центре крепости крест, Сигетвар была взята в кольцо. После потери самого города Зриньи закрылся в цитадели с гарнизоном, поднявшем черный флаг и заявившем о решимости сражаться до последнего человека. Восхищенный подобным героизмом, но, тем не менее, расстроенный задержкой с захватом столь незначительной крепости, Сулейман предложил щедрые условия сдачи, стремясь соблазнить Зриньи перспективой службы в турецкой армии в качестве фактического правителя Кroatии. Однако все предложения были отвергнуты. После этого в ходе подготовки к решающему штурму по приказу султана турецкие саперы за две недели подвели мощную мину под главный бастион. 5 сентября мина была взорвана, вызвав опустошительные разрушения и пожар, сделавшие цитадель бессильной в обороне.

Но Сулейману не суждено было увидеть свою последнюю победу: он скончался той же ночью в своем шатре.

После падения Сигетвара кампания продолжалась так, как будто войсками по-прежнему командовал султан, причем армия постепенно отходила к турецкой границе, осуществив по пути небольшую осаду, приказ о которой султан якобы отдал.

Только когда было получено известие, что принц Селим достиг Стамбула, чтобы официально занять трон, великий визирь позволил себе сообщить солдатам о том, что их султан мертв.

«Блистательная Порта»

Во второй половине XVI в. Османская феодальная империя раскинулась на трех материках: от Будапешта и Северной Таврии до северного побережья Африки, от Багдада и Тебриза до границ Марокко.

Сулейман I был не только великим полководцем, властелином меча, какими до него были его отец и дед, именно он поднял тюркскую цивилизацию, происходившую из племенных, номадических и религиозных корней, до ее пика.

Первым законодателем империи был Мехмед Завоеватель, и на заложенном Завоевателем фундаменте развернул свою деятельность Сулейман.

Сулейман стремился не создавать новую правовую структуру, а осовременил старую, приводя законы в целом в соответствие с новыми условиями новых времен и необъятно разросшейся империи. Он делал это, продолжая опираться на два главных устоя османского правления: на институт государственного управления – секулярное и исполнительное учреждение; и на мусульманский институт – религиозное и законодательное учреждение. Объединенные под «крышей» абсолютной власти султана, они представляли с точки зрения

их различных функций приблизительный эквивалент западного разграничения между церковью и государством.

Османская правящая элита, армия и администрация, имели гетерогенный космополитический характер. Одним из первых хадиев Стамбула был француз, большинство визирей и других сановников Порты были по своему происхождению греками, славянами или албанцами. При Сулеймане I из девяти великих визирей – восемь были туркизированные, т. е. славяне, принявшие ислам. Из славяноязычных мусульман состоял основной костяк армии; они же составляли самый заметный элемент при дворе и османском правительстве. В силу космополитического характера в османском обществе и государстве господствовал национальный нигилизм. Единство османского общества, как целостной системы, поддерживалось исключительно исламом и основывалось на его фундаментальной противоположности социально-экономической модели Европы эпохи Возрождения. Культ арабского языка – языка Корана и Божественного Откровения, процветал во всех провинциях империи. Перед ним преклонялись, внимали его звукам с благоговейным трепетом паладинов. На арабском алфавите писались названия кораблей, изречения на личном и памятном оружии. Девизы, лозунги и другие надписи на боевых знаменах османских полков также писались только на арабском. На нем читались молитвы и рециатации из Корана. Осуществление мусульманского судопроизводства было попросту невозможно без знания арабского алфавита и языка. Арабы гордились тем, что арабский язык – самое дорогое и любимое наследие после ислама – оставался духовным языком турков. В Эдирне и Стамбуле тонкости арабского литературного языка знали нередко лучше и полнее, чем в иных арабских провинциях. Во всей Османской империи непрерываемым авторитетом пользовались медресе Каира и Мекки.

Институт управления состоял наряду с султаном и его семьей из чиновников его двора, руководящих работников его правительства, постоянной армии и большого числа молодых людей, которых готовили к службе в одном или другом из вышеупомянутых мест. Они были почти исключительно людьми или сыновьями людей, рожденных родителями христианского происхождения, и, таким образом, рабами султана. Но самое удивительное, что они были горды тем, что могли оказать: «Я являюсь рабом Великого господина».

Параллельно этой управленческой структуре существовал институт мусульманства, состоявший только из лиц, рожденных мусульманами. Судьи и юристы, богословы, священники, профессора – они составляли в качестве хранителей традиций и исполнителей священного закона ислама, улемов, то сословие ученых мужей, которое несло ответственность за поддержание всей структуры просвещения, религии и закона на всей территории империи.

Османская империя, захватив территории, которые в начале века были преимущественно христианскими, с тех пор необычайно расширила свои просторы благодаря широким завоеваниям в Азии, включая такие города бывшего исламского халифата, как Дамаск, Багдад, Каир, наряду с протекторатом над священными городами Меккой и Мединой. Четыре пятых всего населения империи – которое к концу правления Сулеймана насчитывало пятнадцать миллионов человек и состояло из представителей двадцати одной национальности, находившихся под управлением двадцати одного правительства, – были теперь жителями азиатской ее части.

Сулейман одновременно был покровителем исламского мира, защитником его веры и защитником, истолкователем и исполнителем его священного закона. Весь мусульманский мир смотрел на Сулеймана, и тот проявил себя в полной мере законодателем.

Сулейман поручил подготовку свода законов обладавшему глубокими знаниями судье мулле Ибрагиму из Алеппо. Получившийся в результате его трудов кодекс, причудливо названный им из-за океанических размеров последнего «Мултека-уль-усер», «Слияние морей», оставался реально действующим вплоть до законодательных реформ двадцатого столетия.

Введенная Сулейманом система налогообложения охватывала практически все стороны

человеческой деятельности.

Его «Канун Райя», или «Кодекс Райя», регулировал налогообложение десятины и подушевой налог, делая эти налоги одновременно и более обременительными, и более продуктивными, поднимая с уровня крепостного права, или крепостной зависимости, до статуса, приближавшегося в османских условиях к статусу европейского арендатора с фиксированными правами.

Были введены налоги на многие виды продукции, животных, рудники, торговую прибыль, а также в форме экспортных и импортных пошлин. Помимо налогообложения ощутимым источником доходов для государства была конфискация имущества высокопоставленных чиновников и других состоятельных частных лиц, впавших в немилость. Военные кампании Сулеймана с избытком покрывали первоначальные затраты на них, пополняя имперскую казну за счет военной добычи из покоренных провинций и дани вассальных христианских государств.

В финансовом отношении Османская империя становилась все более процветающей. Доходы Сулеймана, собираемые главным образом с собственных владений султана и в виде налогов на землю его подданных, вероятно, превышали доходы любого из современных ему христианских правителей. Это были доходы, которые быстро росли по мере процветания правления Сулеймана.

Сулейман развил систему образовательной подготовки мусульманского духовенства, школы которого по-прежнему финансировались религиозными фондами и функционировали при мечетях. Они давали мальчикам-мусульманам образование, которое в основном было свободным и, сверх того, значительно более обширным, чем любое образование, доступное в то время в христианских странах.

Колледжи предлагали курсы из десяти предметов, основывавшихся на либеральных гуманитарных науках Запада – грамматике, синтаксисе, логике, метафизике, философии, географии, стилистике, геометрии, астрономии и астрологии. Существовали также высшие медресе, правовые школы университетского уровня, большинство выпускников которых становились имамами или учителями.

Сулейман в великолепии этого «золотого века» был одновременно султаном-халифом и великим сеньором в традициях европейского Ренессанса. Умело соединяя священное величие восточного мира с королевской роскошью западного, султан стремился превратить Стамбул в столицу, достойную в своем архитектурном великолепии лучших городов цветущей цивилизации XVI в. При Сулеймане произошел полный расцвет того архитектурного стиля, который первым из византийской школы сумел извлечь Мехмед Завоеватель и который в осязаемой форме восславил ислам и распространение его цивилизации по миру, в котором до того времени преобладающую роль играло христианство.

Явившись связующим звеном между двумя контрастными цивилизациями, этот новый восточный архитектурный стиль благодаря таланту выдающихся архитекторов достиг своего пика.

В области литературы все еще преобладало культурное влияние Ирана.

Под активным патронажем султана классическая османская поэзия в персидских традициях достигла настолько высокой степени совершенства, какой не было никогда ранее. Сулейман ввел официальный пост имперского ритмического хроникера, вид османского поэта-лауреата, обязанностью которого было отражать текущие события в стихотворной форме в подражание манере Фирдоуси и других персидских хроникеров исторических событий.

Сулейман привнес в восточную цивилизацию новые черты великолепия, поэтому он не случайно был назван Западом Великолепным.

Ежедневная жизнь Сулеймана во дворце – от утреннего выхода до вечернего приема – следовала ритуалу, сравнимому в его детальной точности с ритуалом французских королей в Версале.

Большая часть его дня была занята официальными аудиенциями и консультациями с чиновниками. Но когда не было заседаний дивана, он мог посвящать свое время досугу, возможно, читая Книгу Александра – легендарный отчет персидского писателя о подвигах великого завоевателя, или изучая религиозные и философские труды, или слушая музыку и т. п.

Еда для его трех трапез на протяжении дня подносилась длинной процессией пажей, чтобы быть съеденной в одиночестве с превосходных фарфоровых и серебряных блюд, расставленных на низком серебряном столике, с подслащенной и ароматизированной водой (изредка вином) для питья, в присутствии стоящего рядом доктора в качестве меры предосторожности от возможного отравления.

Спал султан на трех малинового цвета бархатных матрацах – один из пуха и два из хлопка, – покрытых простынями из дорогой тонкой ткани, а в зимнее время – завернувшись в мягчайший соболий мех или мех черной лисицы с головой, покоящейся на двух зеленого цвета подушках с витым орнаментом. Над его кушеткой возвышался золоченый балдахин, а вокруг – четыре высоких восковых свечи на серебряных подсвечниках, при которых на протяжении всей ночи находились четыре вооруженных стража, гасившие свечи с той стороны, в которую мог повернуться султан, и охранявшие его до пробуждения.

Его развлечения на публике оправдывали его славу поклонника великолепия. К примеру, стремясь отвлечь внимание от своего первого поражения под Веной, он летом 1530 г. отметил день обрезания пятерых своих сыновей, празднества длились три недели.

Именно тогда, присутствуя на этих, потрясающих своей роскошью торжествах, один из венецианских посланников так описал Сулеймана I: «Ему 32 года, у него смертельно бледное лицо с орлиным носом, длинная шея; без внешних признаков физической силы, обладает, как я заметил, когда целовал ее, крепкой рукой, и утверждают, что он способен натянуть лук, как никто другой. По натуре он меланхолик, большой поклонник женщин, либерал, исполнен гордости, вспыльчив и все же временами очень мягкий человек».

Двор Сулеймана имел большое дипломатическое значение. В начале правления Сулеймана единственными представителями Запада были венецианцы. Время шло, и венецианцев дополняли представители разных держав, которые вели, в том числе для Запада, записи своих собственных наблюдений об Османском государстве. Выдающимся среди них был де Бусбек, выходец из фламандской знати, который с 1554 г. являлся послом Карла V в Стамбуле и который смог оценить цивилизованные аспекты этого незнакомого мира Востока.

Эпоха Сулеймана – одна из великих вершин в истории мировой цивилизации. Согласно законам истории, за периодом расцвета следует период заката, поэтому попробуем разобраться, когда же появились первые признаки упадка Османской империи.

Итак, царствование Сулеймана I знаменует апогей Османов. Это считается безапелляционной точкой зрения. Его походы, почти всегда успешные, были самыми славными страницами в истории империи. Он провел не менее 13 кампаний – 10 в Европе и 3 в Азии, – в которые водил иногда и более двухсот тысяч солдат с сотнями пушек. Он взял Багдад и захватил Иран, Белград, Буду и Венгрию, которая стала турецкой на 150 лет после блистательной победы при Мохаче над Людвигом II. В 1529 г. султан впервые осадил Вену. Корсары, обращенные в ислам, братья Барбароссы, а вслед за ними целый сонм ренегатов разных мастей обеспечили Османам абсолютный контроль над Средиземным морем и создали свои базы в Алжире, Тунисе, Джерба, Триполи, Адене. Барбаросса основал в Северной Африке царство, которое угрожало христианскому миру. Сулейман назначил его главнокомандующим всеми военно-морскими силами Османской империи и за несколько месяцев построил для него самый мощный флот, какой только существовал в мире.

Мир трепетал перед Сулейманом I, и, несмотря на европейские распри, вызванные Реформацией, и католики, и протестанты знали, что главной проблемой является угроза с Востока. Самые боязливые готовились к Апокалипсису, который покарает христиан за разъединение и преступления; Запад пытался возродить дух Крестовых походов и ненавидел

Великого турка, как они называли Сулеймана I.

Богатства султана были неслыханны и сказочны, его торговая деятельность – всеобъемлющей. Стамбул (около 700 тыс. жителей) был самым большим городом империи, в три раза больше Парижа. По темпам демографического роста Османскую империю можно было сравнить с Европой того времени: в течение XVI в. ее население выросло с 12 до 35 миллионов человек. Законодатели завершили государственную организацию. Ширилась известность самых видных османских поэтов: Баки и Фузули, которого Гибб считал «одним из самых настоящих поэтов, каких рождает Восток». Процветали искусства. Архитекторы, вдохновленные примером великого Синана (1489–1578 гг. или 1588 г.), воздвигали в столице и в провинциях величественные монументы и не боялись соперничать со Св. Софией – они сравнялись с ней благодаря мечети Сулеймание в Стамбуле и превзошли ее по красоте мечетью Селимийя в Эдирне.

Мы уже называли достаточно много географических пунктов, неоднократно упоминали те, в которых ранее побывали вместе с другими великими тюрками, – Дамаск, Каир, Багдад, а некоторые маршруты для нас новые – Белград, Буда, страны Магриба (Алжир, Тунис, Марокко). Кстати, как мы уже отмечали, большой интерес к Магрибу проявлял еще Амир Темура, в частности в беседах с Ибн Халдуном.

Посвятим несколько строк Магрибу – большому региону в Африке, история которого времен Османов пересекалась с историей Западной Европы.

Магриб был яблоком раздора турков и испанцев. Для христиан оккупация побережья Северной Африки была делом, давно решенным. Святой Людовик сделал древний Карфаген своей мишенью. У османов же только созревала мысль создания в этих странах, которые они называли «варварскими», своих баз, причем эту мысль им внушили корсары, которые не были ни тюрками, ни мусульманами по рождению. И тем не менее они блестяще реализовали ее. В 1516 г. турецкие корсары высадились в Алжире, в 1534 г. – в Тунисе, в 1551 г. – в Триполи и расположили там удобные плацдармы для походов по Средиземному морю. Христианское побережье было разграблено, галеры сожжены. В течение столетий там царил нестабильность, которая делала морские путешествия по Средиземному морю более опасными, чем переход через Атлантику. Кстати, забегаю вперед, вспомним Сервантеса, который жил в Магрибе с 1575 по 1580 г. и видел там гаремы и наложниц из Прованса, Калабрии и Кастилии. Самых красивых девушек посылали в подарок султану в Стамбул. Кузина Жозефины Богарне, которую похитили на Мартинике, сумела пробиться в султанский сераль и позже получила титул валиде, а впоследствии стала всемогущей королевой-матерью султана Мехмеда II Реформатора.

Когда речь идет о периоде упадка, часто считают, что турецкое владычество ограничивалось побережьем. В действительности оккупация Северной Африки происходила постоянно вплоть до границ Марокко, который, правда, остался нетронутым. В Алжире в 1522 г. под контроль турков перешли Сахарские оазисы, а в Туггурте появился турецкий гарнизон. В Тунисе в 1556–1559 гг. турецкая оккупация практически завершилась созданием плацдармов в Кайриане и Гафзе. После корсаров была установлена власть османской администрации с ее суровыми законами. Были учреждены постоянные советы высших чиновников – диваны, – подчинявшиеся паше, представителю Блистательной Порты. В XVI в. в Алжире было более 50 тыс. жителей, почти столько же, сколько в Дамаске (70 тыс.). Повсюду правящий класс состоял из семейств тюркского происхождения, которые часто враждовали со старой арабо-берберской аристократией; в эти космополитические порты приезжали попытать счастья авантюристы разных мастей, в основном ренегаты-христиане, люди, по сути, без чести и совести. И им удавалось многого добиться. Они напоминали разбойников, кем в сущности и были. Сервантес пылал гневом к исламу и тюркам, но он писал о них со знанием дела и так подавал красочный портрет венецианца Хасана-паши, властителя Алжира, своего господина: «Каждый день он кого-нибудь вешал; одного сажал на кол, другому отрезал уши по малейшему поводу и без повода, и сами турки говорили, что он делал это просто из удовольствия и потому, что родился палачом». Такие свидетельства

показывают, как воспринимали в Западной Европе образ турка.

Со временем положение в магрибских провинциях изменилось. Демографическая эволюция в Алжире привела к обеднению страны. Накануне французского вторжения в городе насчитывалось не более 30 тыс. жителей, между тем как в Багдаде проживало около 100 тыс. человек, в Дамаске – 150 тыс., в Алеппо – около 250 тыс., в Каире – 300 тыс. Моряки, которые занимали особую нишу в колониях, созданных ими и для них, и которые обеспечивали там процветание, не стесняясь, вмешивались в государственные дела, и им зачастую удавалось захватывать власть. В 1590 г. дей Туниса стал фактически правителем, а паша исполнял при нем лишь представительские функции. Дело дошло до того, что алжирский паша единолично назначал и снимал губернаторов провинций, беев, не оглядываясь на Стамбул. А в начале XVIII в. в Триполи Ахмад Паша Караманли (1711–1745 гг.), хотя и продолжал посылать в столицу взимаемые налоги, но, пожалуй, это была его единственная связь с империей. Тунис в 1705 г. стал независимым государством, а Ливия освободилась от янычар в 1816 г.

В 1830 г. в Алжире высадились французы, разгромили турков в городе и в целом в стране; лишь позже стали упоминать арабов. Блистательная Порта не смогла вернуть Алжир, но пыталась восстановить свою власть в Тунисе, где между ее агентами и французами началась тайная война за влияние. Она потеряла Сиренаику, которая заключала союз с сенуссисами, однако турки почти полностью прибрали к рукам Триполи, где турецкие гарнизоны размещались даже в самых пустынных местах, из-за этого в начале XX в. она оказалась втянутой в войну с Италией.

Так что же все-таки во времени осталось в Северной Африке от долгого турецкого присутствия? Архивы. И его народ, вспоминающий о своем османском происхождении и о традициях, значение которых не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать. Это сразу бросается в глаза. Если прогуляться по улицам магрибских городов, то в глаза бросаются просторные залы под куполами мечетей, цилиндрической формы минареты, дворцы, будто мечтавшие о другом небе, небе над Босфором. И еще в местах, называемых «сук», редкие керамические квадратные плитки, которыми все еще торгуют, ворсистые ковры воздушного прядения, ювелирные украшения – все это, несмотря на выраженный местный характер, представляет собой дальние отзвуки имперского блеска и величия Востока.

Однако вернемся к эпохе Сулеймана I – периоду безусловного апогея Османской империи. Разумеется, в XVI в. никто не замечал первых признаков «болезни», которая только-только намечалась.

Итак, абсолютным господином империи был «султан султанов, суверен суверенов, даритель корон монархам земли, тень Бога на земле», как называли Сулеймана I. Ему принадлежали все богатства, все земли. Он мог по своему усмотрению дарить и отбирать их. Земельные наделы и высшие титулы не были наследственными, они официально давались за заслуги или благодаря расположению монарха. Он был абсолютным господином рабского государства, в котором, однако, его собственная жизнь зависела от эскадрона гвардии янычар, где простой народ был более свободен, чем в любой другой стране, где право было настолько всемогущим, что тысячи законов защищали подданных, что сам великий визирь каждую неделю посещал рынки, чтобы лично убедиться в справедливости цен и отсутствии злоупотреблений. Повторим: это была тюркская империя, остро осознающая себя таковой, помнящая о своих истоках, сохраняющая характерные черты тюркского гения. Подобно всем тюркам, Сулейман любил теологические дискуссии, правда, он организовывал их только между учеными-мусульманами и не интересовался христианством, в отличие от своего предка Мехмеда II. Приведем свидетельство великого визиря Ибрагима, который, напомним, не был тюрком. Этот фаворит Сулеймана, которого предали смерти без всякой видимой причины, может быть, потому, что преданная дружба, как и безмерная любовь, в конечном счете заканчивается гибелью, однажды сказал: «На земле может быть только одна империя, как есть только один Бог на небе». Ну, чем не фраза Чингисхана и Темура Великого!

Однако, будучи тюрком по сознанию и по инстинкту, султан в большей степени был

мусульманином. Он был воплощением ислама. Чтобы соответствовать тому, что с самого начала имело основание быть тюрками в западном мире, ему приходилось бороться с ересями – отсюда его кампании против шаха Исмаила, – и благодаря победам расширять империю истинного Бога – отсюда его непримиримая вражда к Габсбургам, которая мешала ему видеть восточные проблемы, хотя о них постоянно информировали его. Набожный человек, он много времени посвящал переписыванию Корана, и сохранилось не менее восьми рукописных текстов, написанных им самим. Как и все принцы его дома, он уже был европейцем. Поскольку мусульман нельзя было обратить в рабство, а в гаремах находились только рабыни и рабы, матери командиров правоверных на протяжении поколений были христианского происхождения. Христианами были почти все высокие чиновники, тоже бывшие рабы, попавшие на службу благодаря «девширми»: малолетних детей отбирали у матерей и воспитывали в духе мусульманства, чтобы сформировать из них и ядро армии – гвардию, корпус янычар, – и корпус «ичоглан», пажей, которым была предназначена блестящая карьера. Ни один из великих визирей Великолепного не был тюрком. Ибрагим, фаворит и наперник молодости султана, был красивый греческий раб, Соколлу был босниец, Лутфи – албанец, Рустем – болгарин, – разумеется, все они приняли ислам. Такая же картина имела место среди чиновников более низкого ранга. Таким образом, как отмечает Андрэ Кло, все они были европейцы. Что касается меньшинств, они не только участвовали в системе, которую определил для них Мехмед II, но они стали важными шестеренками империи; у каждой «нации», если использовать терминологию османов, т. е. у каждого религиозного сообщества, были свои деревни, а в городах – свои кварталы, точно так же, как это было у уйгуров Синьцзяна или у хазар... В Стамбуле мусульмане не составляли и половины населения: 40 % были христиане и более 10 % – евреи. У евреев Сулейман находил большие способности и брал их на службу тем охотнее, чем больше их преследовали христиане. Их насчитывалось 160 тыс. в столице и в Салониках.

В своем роде эта конструкция действовала четко, но требовала добровольного участия всех и зависела от богатств, успехов и отсутствия национальной идеологии.

К концу царствования Сулеймана успехов стало меньше, и вскоре они стали сходить на нет. Богатства начали таять, на горизонте, еще далеко, маячила нищета. Поднимал голову европейский национализм, опасный продукт экспорта. Империя расширилась сверх меры, и, увы, она была не в руках кочевников! Чтобы добраться до ее окраин, уходили месяцы. Слишком громоздкой армии не хватало мобильности: Иран оставался непобедимым, так как османы не могли воевать далеко от своих баз. Несмотря на впечатляющие победы на западе, Сулейман все-таки не покорил Вену и постоянно вел войны с Габсбургами.

Султан, властитель самой большой империи на Земле, верховный арбитр в европейских делах, скоро перестал водить войска в походы и стал запирается в серале среди детей, одалисок и евнухов.

На смену энтузиазму пришел голый расчет; бескорыстие сменилось интересом. Адмирал Барбаросс, как и его соперник Андреа Дориа, не хотел решающей победы, которая сделала бы его ненужной фигурой, и продолжал бесконечную войну, в которой он был необходим. Остальные действовали точно так же. Всех охватило безразличие, на смену духу творчества пришла имитация, все думали только об удовлетворении собственных амбиций. Резко сузился кругозор. Первая кампания против Ирана закончилась неудачей, ее возобновляли дважды, совершая те же ошибки и не извлекая из них никаких уроков.

Первая из этих трех войн была запятнана последовавшей казнью, по науськиванию Роксоланы, фаворита султана Ибрагима. Начало третьей спровоцировало деяние еще более отвратительное – и наверняка более роковое в летописи Османской империи, чем многие другие в анналах мировой истории.

И вот здесь следует поразмыслить о роли, скажем, по сути обыкновенной, но любимой женщины в судьбе и деяниях великого мужчины.

На протяжении двух последних десятилетий Сулейман больше, чем когда-либо, подпал под влияние чар своей славянской фаворитки, ставшей широко известной европейцам как Ла

Росса, или Роксолана. Пленница из Галиции, дочь украинского священника, она получила от турок прозвище Хуррем, или «Смеющаяся», за свою счастливую улыбку и веселый нрав. В привязанности султана она заменила собой его прежнюю фаворитку Гюльбахор. Она сделала правилом ссылать и заключать в тюрьму своих соперниц, что противоречило тюркским традициям. В качестве советника она заменила ему Ибрагима, судьбу которого она смогла предопределить. С тонкой и изящной фигурой, Роксолана пленяла больше своей живостью, чем красотой. Она умиротворяла очарованием своих манер и стимулировала живостью своего ума. Быстро схватывающая и тонко чувствующая, Роксолана в совершенстве овладела искусством читать мысли Сулеймана и направлять их в русла, способствовавшие удовлетворению ее жажды власти. В первую очередь она избавилась от своей предшественницы Гюльбахор, которая была «первой леди» гарема Сулеймана после его матери, султанши валиде, и которая отправилась практически в ссылку на полгода в Магнесию.

Родив султану ребенка, Роксолана ухитрилась стать, невзирая на мусульманские законы, его признанной законной женой, чего не удалось добиться ни одной из наложниц турецких султанов за два истекших века. Когда примерно в 1541 г. внутренние покои старого дворца, где размещался гарем султана, были повреждены сильным пожаром, Роксолана создала новый прецедент, перебравшись непосредственно в Большой Сераль, где жил султан и где он занимался государственными делами. Сюда она взяла свои вещи и большую свиту, которая включала сто фрейлин наряду с ее личным портным и поставщиком, у которого было тридцать собственных рабов. По традиции до этого ни одной женщине не разрешалось ночевать в Большом Серале. Но Роксолана оставалась там до конца своей жизни, и со временем здесь был построен новый гарем, внутри его собственного закрытого двора, чтобы занять место старого.

Наконец, спустя семь лет после казни Ибрагима Роксолана обрела над султаном наивысшую власть, добившись назначения великим визирем Рустема-пашу, женатого на ее дочери Михримах и, следовательно, приходившегося Сулейману зятем, подобно тому, как Ибрагим был свояком Сулеймана. Так как султан все больше передавал Рустему бразды правления, Роксолана все больше приближалась к зениту своей власти.

Сулейман при всей терпеливости своего характера, неподкупности принципов и теплоте его привязанностей хранил внутри себя некий опасный запас холодности, скрытой жестокости, порожденных склонностью к абсолютной власти и тесно связанной с этим подозрительностью в отношении любого, кто мог бы соперничать с ним. Роксолана хорошо знала, как играть на этих струнах его натуры. Она родила султану трех наследников – Селима, Баязеда и Джихангира, старшему из которых она была полна решимости обеспечить наследование трона. Но Сулейман видел своим преемником родившегося первым сына Мустафу, матерью которого была Гюльбахор. Он был красивым молодым человеком, натурой невероятно многообещающей, «удивительно высокообразованным и рассудительным и в возрасте, когда можно править», который готовился его отцом на ряд ответственных постов в правительстве и был губернатором Амасьи. Щедрый духом и мужественный в бою, Мустафа завоевал любовь янычар, которые видели в нем достойного преемника своего отца.

В канун третьей персидской кампании Сулейман, вступивший в свое шестидесятилетие, впервые не захотел лично возглавить армии и передал верховное командование Рустему-паше. Но вскоре через посланца Рустема стали приходить сообщения, что янычары проявляют беспокойство и требуют, учитывая возраст султана, чтобы их возглавил Мустафа. Они говорили, сообщал посланец, что султан стал слишком стар, чтобы лично идти походом против врага, и что только великий визирь теперь противится тому, чтобы Мустафа занял его пост. Посланец от Рустема также передал султану, что Мустафа благосклонно прислушивался к подобным подстрекательским слухам и что Рустем умоляет султана ради спасения своего трона немедленно прибыть и взять командование армией в свои руки. Это был шанс для Роксоланы. Ей было легко сыграть на струнах

подозрительности в характере Сулеймана, заронить в нем неприязнь к амбициям Мустафы, внушить ему мысли о том, что его сын имеет виды на султана, сравнимые с теми, которые побудили его отца, Селима, сместить собственного отца, Баязета II.

Решая, идти в поход или нет, Сулейман медлил. Его мучили сомнения, связанные с тем шагом, который ему предстояло сделать в отношении собственного сына. В конце концов, придав делу безличностный и теоретический характер, он попытался получить беспристрастный приговор от муфтия, шейх-уль-ислама. Султан сказал ему, свидетельствует Бусбек, «что в Стамбуле жил торговец, чье имя произносилось с уважением. Когда ему потребовалось на некоторое время покинуть дом, он поручил присматривать за своей собственностью и хозяйством рабу, пользовавшемуся его наибольшим расположением, и доверил его верности своих жену и детей. Не успел хозяин уехать, как этот раб начал растаскивать собственность своего хозяина и замышлять нехорошее против жизни его жены и детей; мало того, замыслил гибель своего господина». Вопрос, на который султан попросил муфтия дать ответ, был следующим: «Какой приговор мог бы быть на законных основаниях вынесен этому рабу?» Муфтий ответил, что, по его мнению, «он заслуживал быть замученным до смерти».

Таким образом, религиозное сознание султана было спасено. Идя походом в восточном направлении, он достиг в сентябре своего полевого штаба в Эрегли и вызвал Мустафу из Амасьи. Друзья, предполагая о судьбе, которая могла ожидать его, умоляли Мустафу не подчиняться. Но он ответил, что, если ему суждено лишиться жизни, он не смог бы поступить лучше, чем вернуть ее обратно в источник, из которого он вышел. «Мустафа, – пишет Бусбек, – стоял перед трудным выбором: если он войдет в присутствии своего разгневанного и обиженного отца, он подвергнется несомненному риску; если он откажется, он ясно подчеркнет, что замышлял акт предательства. Сын избрал более смелый и более опасный путь». Он проследовал в лагерь своего отца.

Там прибытие Мустафы вызвало сильное возбуждение. Он смело поставил свои шатры позади шатров отца. После того как визирь выразил Мустафе свое почтение, он поехал на богато украшенном боевом коне, эскортируемый визирями и под возгласы толпившихся вокруг него янычар, к шатру султана, где, как он ожидал, должен был получить аудиенцию. Внутри «все казалось мирным: не было солдат, телохранителей или сопровождающих лиц. Присутствовали, однако, несколько немых (категория слуг, особенно высоко ценившаяся турками), сильных, здоровых мужчин – предназначенных ему убийц. Как только Мустафа вошел во внутренний шатер, они решительно бросились на него, изо всех сил пытаясь набросить на него петлю. Будучи человеком крепкого телосложения, Мустафа отважно защищался и боролся не только за свою жизнь, но и за трон, ибо не было места сомнению, что, сумей он вырваться и соединиться с янычарами, они были бы настолько возмущены и тронуты чувством жалости по отношению к своему фавориту, что могли бы не только защитить, но и провозгласить его султаном. Опасаясь этого, Сулейман, который был отгорожен от происходившего всего лишь льняными занавесями шатра, высунул голову в том месте, где в этот момент находился сын, и бросил на немых свирепый и грозный взгляд и угрожающими жестами пресек их колебания. После этого, в страхе удвоив усилия, слуги опрокинули несчастного Мустафу на землю и, набросив шнурок на шею, удушили его.

Тело Мустафы, положенное перед шатром на ковре, было выставлено на обозрение всей армии. Скорбь и причитания были всеобщими: ужас и гнев охватили янычар. Но перед смертью выбранного ими лидера, лежащего бездыханным, они были бессильны.

Чтобы успокоить воинов, султан лишил Рустема – вне сомнения, не полностью против воли последнего – его поста командующего и других званий и отослал его обратно в Стамбул. Но уже через два года, после казни его преемника, Ахмеда-паши, Рустем вновь был во власти как великий визирь, бесспорно по настоянию Роксоланы.

Три года спустя скончалась сама Роксолана, горько оплакиваемая султаном. Она была похоронена в усыпальнице, которую Сулейман построил для нее позади своей огромной новой мечети Сулеймании. Эта женщина добилась осуществления своих целей, и, возможно,

если бы не ее интриги, история Османской империи пошла бы по другому руслу. Она обеспечила наследование империи одним или другим из двух ее сыновей: Селимом, самым старшим и ее любимцем, который был ничем не интересующимся пьяницей, и Баязедом, средним, несоизмеримо более достойным преемником. Более того, Баязед был фаворитом янычар, которым он напоминал своего отца и от которого унаследовал лучшие качества его натуры. Самый младший из братьев, Джихангир, горбун, не отличавшийся ни здравым умом, ни крепким телом, но самый преданный поклонник Мустафы, заболел и умер, пораженный печалью и страхом за свою дальнейшую судьбу, вскоре после убийства своего сводного брата.

Два оставшихся брата испытывали взаимную ненависть, и, чтобы отделить их друг от друга, Сулейман дал возможность каждому командовать в разных частях империи. Но уже через несколько лет между ними началась гражданская война, в которой каждого поддерживали его собственные местные вооруженные силы. Селим с помощью войск своего отца в 1559 г. нанес Баязеду поражение под Коньей, заставив его с четырьмя сыновьями и небольшой, но боеспособной армией искать убежища при дворе шаха Ирана Тахмаспа. Здесь Баязед был сначала принят с королевскими почестями и дарами, полагающимися османскому принцу. На это Баязед ответил шаху подарками, которые включали пятьдесят туркменских скакунов в богатой сбруе и восхитившую персов демонстрацию мастерства верховой езды его кавалеристов. Затем последовал дипломатический обмен письмами между послами султана, требовавшими выдачи или, на выбор, казни его сына, и шахом, который сопротивлялся и тому, и другому, исходя из законов мусульманского гостеприимства. Сначала шах надеялся использовать своего заложника для того, чтобы поторговаться относительно возвращения земель в Месопотамии, которые султан захватил во время первой кампании. Но это была пустая надежда. Баязеда взяли под стражу. В конце концов шах был вынужден склонить голову перед превосходством вооруженных сил османов и согласился на компромисс. По договоренности принц должен был быть казнен на персидской земле, но людьми султана. Таким образом, в обмен на большую сумму золота шах передал Баязеда официальному палачу из Стамбула. Когда Баязед попросил дать ему возможность увидеть и обнять перед смертью своих четырех сыновей, ему посоветовали «перейти к предстоящему делу». После этого на шею принцу набросили шнурок, и он был удушен.

Вслед за Баязедом были задушены четыре его сына. Пятый сын, всего лишь трех лет отроду, встретился, по приказанию Сулеймана, с той же судьбой в Бурсе, будучи отданным в руки выделенного для исполнения этого приказа доверенного евнуха.

К тому времени накопленные богатства османов достигли опасной степени: богатство любит праздность, вырабатывает вкус к удовольствиям и стремится к постоянному росту. Коррупция начала вытеснять добродетель, и усилия потеряли всякий смысл. Любые заслуги можно было купить. Золото затмило все остальное. Каждая должность привлекала прибыльностью.

Итак, дорога к престолу для старшего сына Роксоланы – Селима II (1566–1574 гг.), получившего прозвище Пьяница, была открыта, цель достигнута, семена упадка посеяны.

Да, скоротечно время, летят столетия, но роль неординарной и к тому же любимой женщины в жизни даже великого государственного мужа незыблема, разница лишь в целевой направленности каждой из них, и мировая история тому подтверждение.

Первый из новой плеяды султанов. Военное ослабление империи

Страх Сулеймана потерять власть, подогреваемый Роксоланой, пересилил его рассудительность, мудрость, его чувство ответственности за государство настолько, что сразу после его смерти вызвал разрушение многого из того, ради чего он трудился всю свою жизнь в рамках эволюции величия османов.

Оба сына – Мустафа и Баязед, убитые Сулейманом, были наделены такими качествами, которые делали любого из них достойным представителем линии первых десяти османских

султанов и, следовательно, обеспечивали сохранение империи в качестве уважаемой державы в существовавшем в то время мире. Детоубийством Сулейман обеспечил престолонаследие правителю необычайно мелкого ума, абсолютно беспомощному Селиму II, известному последующим поколениям как горький пьяница. Это был первый из новой плеяды двадцати пяти султанов, которые, по мере того как проходили столетия, правили страной во времена относительного благополучия при процессе медленного упадка Османской империи.

Отсутствие у Селима интереса к делам государственного управления, тем не менее, приносило свою пользу стране. Ибо оно сохранило реальную власть в руках великого визиря Соколлу, к которому новый султан относился с должным уважением и на дочери которого женился официально.

Под патронажем Соколлу в политике не произошло никаких перемен. Темп, присущий правлению Сулеймана, был сохранен и в междуцарствие, что задержало поворот в развитии событий на следующие двенадцать лет.

Соколлу, завершив кампанию Сулеймана в Венгрии, в 1568 г. заключил с Габсбургами Адрианопольский мирный договор, который должен был быть в силе восемь лет и в действительности повлек за собой сохранение территориального status quo. Далее, Соколлу впервые развернул турецкие армии в новом направлении – в направлении Руси.

Перед лицом неумолимого подъема Руси в Европе оказались два тюркских государства: Османы и их вассал, Крымское ханство, которое еще принадлежало Степи, хотя Золотая Орда в какой-то мере сделала крымчан оседлым народом. Русские много пострадали от тюрков. И они готовились отплатить им за все.

На протяжении XVI в. Великое княжество Московское развилось в единое и сильное государство. Сначала русские не рассматривались турками как угроза, и с 1492 г. им было разрешено свободно торговать на территории империи. Затем на сцене появился Иван Грозный. В 1547 г. он принял титул царя, стремясь превратить великое княжество в империю. Его дед и предшественник Иван III женился на Софии, племяннице последнего императора Византии. Он тем самым заявил о своих претензиях на наследство Восточной Римской империи, избрав византийского двуглавого орла в качестве своего символа власти.

Экспансия Ивана в южном направлении за счет татарских ханов привела к захвату им Астрахани на Каспийском море. Осуществив поход на Азов и побережье Крыма, Иван напрямую посягнул на сферу интересов Османской империи – Крымское ханство.

Безусловно, здесь следовало вмешаться, ибо мусульмане из Туркестана – будь то паломники или торговцы – уже были лишены доступа в его империю из-за закрытия для них персидской границы, а теперь еще и из-за отказа пропускать мусульман и других препятствий на вновь завоеванной территории московитов. Их правители поэтому умоляли Стамбул отвоевать Астрахань и тем самым восстановить традиционный путь паломничества.

Таким образом, необходимо было остановить распространение русских на юг и способствовать турецкому продвижению на восток.

С этой целью Соколлу планировал построить канал между Доном, впадающим в Азовское море с северо-запада, и Волгой, впадающей в Каспийское море с северо-востока, в точке, где две реки разделяли всего тридцать километров. Это позволило бы соединить два моря, Черное, уже ставшее «Турецким озером», с Каспийским. С помощью каспийского флота канал способствовал бы доступу турок в Иран по окружному пути, обходя долгий и трудный наземный маршрут, открывая новый проход к Кавказу и к дорогам, ведущим в Центральную Азию через Тебриз. Канал повлек бы за собой возрождение исторического межконтинентального пути – центрально-азиатской, астра хано-крымской, дороги – и, как следствие, открыл бы перспективы торгового и стратегического преимущества, которое было жизненно важно для ислама, чтобы отразить московитов. Канал, подобный тому, что великий визирь ныне замыслил как собственное изобретение, на восемнадцать веков раньше был задуман Селевком Никатором, военачальником и наследником монарха Александра Великого.

В 1568 г. Соколлу направил большое войско по Черному морю в Азов, а еще более крупное – для захвата Астрахани.

Учитывая технические возможности XVI в., строители канала столкнулись с трудностями после того, как треть канала уже была прорыта. Так что в 1569 г. часть флота пришлось доставлять к Волге волоком, где он поплыл вниз по течению на осаду Астрахани. Осада не удалась из-за явной нехватки артиллерии, суровой зимы и общего упадка морального состояния турецких войск.

Во время возвращения домой значительная часть войска погибла из-за сильного шторма на Черном море. Оставшиеся в живых решили, что север не для них. И тогда на арену выступил крымский хан Давлет-Гирей: он решил предпринять поход на Москву. Это случилось в 1571 г. Хан со своим войском проник настолько далеко, что сжег пригороды Москвы. Вскоре после этого было заключено мирное соглашение между царем и султаном как результат первого столкновения между Османской империей и Россией. Селим II сохранил свою власть над Крымским ханством и отказался от претензий на Астрахань.

Тем временем слухи о строительстве канала Волга – Дон прекратились, а Соколлу задумал возводить канал вдоль Суэцкого перешейка, который бы соединил Средиземное море с Красным и далее с Индийским океаном. Но это пока было в планах. Обстановка же благоприятствовала возрождению роли Османской империи в качестве защитника ислама от натиска христиан: восстание мавров Гренады против короля Испании Филиппа II. Мавры нуждались в поддержке султана. Соколлу рассматривал Испанию в качестве главного врага империи, поэтому хотел развязать новую крупную кампанию в Средиземноморье. Однако Селим II проявил волю и не захотел помогать маврам, а решил направить военные действия против Венеции за владение Кипром, весьма лакомым кусочком. Таким образом, войска были направлены на Кипр вместо оказания помощи маврам.

На захват острова Селим II послал флот под командованием адмирала Пиэль-паши и пятидесятитысячную армию под командованием Лала-Мустафы. Кипрский наместник Никколо Дандоло разделил свою десятитысячную армию на два гарнизона, которые поставил в Никосии и Фамагусте.

Гарнизон в Никосии был слишком малочисленным, чтобы оборонять городские укрепления, сооруженные по последнему слову фортификационной науки. Город был взят турками штурмом, весь гарнизон и большая часть жителей перебиты.

Почти год, включая август 1571 г., длилась осада Фамагуста. Зимой осаждающие практически никаких действий не предпринимали, только поддерживали блокаду, но некоторое количество припасов и подкреплений в город доставлять все же удавалось – в обход турецкого флота. Комендант крепости Марк-Антонио Бригадино с толком использовал передышку, чтобы укрепить древние городские стены, для обороны которых он располагал гарнизоном в пять с половиной тысяч человек. Летом и зимой шли ожесточенные бои; оборонялся Бригадино с большим искусством. Когда у него кончились боеприпасы, а гарнизон сократился до двух тысяч человек, он принял условия капитуляции, предложенные Лала-Мустафой, который затем вероломно перебил оставшихся в живых защитников.

В 1571 г. папа Пий V основал Священную лигу. Целью его было снарядить против турок крестовый поход, чтобы снять осаду с Фамагуста, но из-за взаимных подозрений Испании и Венеции подготовка шла слишком медленно. Пока христианские армии собирались в Мессине, Фамагуста пала.

Полным ходом шли турецкие военно-морские операции. Адмирал – паша Али Монизин-даде – опустошил венецианские владения в Ионическом и Эгейском морях, затем двинулся на Адриатику и был замечен в непосредственной близости от Венеции. Получив известие, что в Мессине собирается объединенная христианская флотилия, он поспешил вернуться в Ионическое море.

К концу сентября 1571 г. был завершён сбор объединенного флота христианских держав. Флотилия насчитывала около 300 кораблей и судов самых различных типов, командовал ею дон Хуан Австрийский. 23 сентября он отплыл к Коринфскому заливу на

поиск турецкого флота.

Когда рано утром 7 октября турецкий флот был обнаружен близ Лепанто, в распоряжении дона Хуана Австрийского находились 108 венецианских галер, 81 испанская, 32 галеры, обеспеченных Папским и другими небольшими государствами, а также 6 огромных венецианских галеасов.

Полумесяц должен был встретиться с Крестом в последнем в истории Европы великом морском сражении гребных флотов. Символизируя крест, развевалось папское знамя, на котором была изображена фигура распятого Христа; символизируя полумесяц, развевался священный штандарт из Мекки с вышитыми на нем изречениями из Корана.

Османский флот вышел из гавани Лепанто. Под командованием Али Монизин-даде находилось 270 галер – в среднем чуть менее крупных, нежели корабли христианской флотилии. И не исключено, что османские моряки были не столь опытные, как европейские.

Оба флота выстроились классическим боевым порядком – в одну линию, тремя крупными группами, с резервом, сосредоточенным чуть поодаль. Не считая того, что на левом фронте османского флота кораблей располагалось больше, чем на правом (что говорило о запланированном обходном маневре), никаким тактическим планом ни та, ни другая сторона не располагали – ставка делалась только на таран и абордаж. Из общей численности судовых экипажей христианского флота, достигавшей 84 тыс. человек, 20 тыс. были солдатами абордажных команд; у осман аналогичные цифры составляли соответственно, 88 и 16 тыс. Единственное, чем эти флоты отличались от флотов, скажем, времен Пунических войн, так это тем, что на носу галер и вдоль бортов галеасов устанавливалось по несколько легких пушек. Христианские солдаты, часть которых составляли аркебузиры, носили легкие доспехи. Османы в большинстве своем доспехов не имели, а вооружены были луками и арбалетами.

Построившись в боевые порядки, флоты встали друг против друга, растянувшись по фронту на 8–10 км. Два флота сошлись вплотную, и бой принял всеобщий характер, от одного края линии до другого. К полудню главные силы обеих сторон были полностью вовлечены в битву. Хаотичное сражение длилось часа три, после чего начало сказываться превосходство христианской стороны как в подготовке матросов, так и в вооружении. К тому же направление ветра благоприятствовало христианскому флоту – впрочем, это давало не слишком существенный выигрыш. Османский правый фланг, не сумевший отойти далеко от суши, был прижат к берегу и уничтожен. В центре битва продолжалась несколько дольше, но и там, благодаря превосходству христианской стороны, османское сопротивление вскоре было сломлено. Удачней сражался османский левый фланг, где кораблей было больше, а командовал им лучший из мусульманских флотоводцев того периода – алжирский дей Улудж-али. На юго-западе борьба шла более или менее на равных, пока Улудж-али не обнаружил, что произошло с остальным турецким флотом, и не отступил с четырех из своих 95 (на момент начала битвы) кораблей, а также с одной захваченной венецианской галерой. Больше из турецкой флотилии никому спастись не удалось: 60 галер сели на мель, 53 были потоплены, а 117 захвачены. С захваченных и потопленных турецких галер были освобождены 15 тыс. христианских рабов, хотя по меньшей мере еще 10 тыс. пошли на дно вместе с османскими кораблями. Османские потери, убитыми и утонувшими, составили не менее 15–20 тыс. солдат и матросов; в плен было взято всего 300 турок. Объединенные христианские силы потеряли 13 галер; 7 тыс. 566 человек было убито и почти 8 тыс. ранено (среди них – потерявший левую руку Мигель Сервантес).

Поскольку сезон был уже достаточно поздний и грозили осенние бури, христианский флот вернулся в Италию – переждать до весны и уже тогда развивать достигнутый успех.

Битва при Лепанто явилась одной из самых решающих в мировой истории. Успех временно объединившегося христианского мира положил конец росту османского владычества в Центральном и Западном Средиземноморье; это был, можно сказать, гребень второй волны ислама, готовившейся захлестнуть христианскую Европу; дальше должен был начаться откат.

Итак, соединенный флот Испании и Венеции нанес в заливе Лепанто сокрушительное поражение османскому флоту. Неудача астраханского похода и поражение при Лепанто свидетельствовали о начавшемся военном ослаблении Империи.

Однако в течение шести последующих месяцев турки совершили невозможное: они построили новый флот, состоявший в целом из 250 кораблей. Это было такое достижение в области судостроения, сравниться с которым не могло ни одно христианское государство.

Улудж-али, теперь адмирал Османской империи (имя его было изменено султаном на Кылыч), на 160 галерах вышел из Дарданелл в июне 1572 г.

Тем временем, ожидая войны с Францией, Филипп II Испанский не позволил дону Хуану Австрийскому отплыть с флотом в Эгейское море. В конце концов венецианский адмирал Джакомо Фаскарини вышел в море с флотом, достигавшим численностью 150 вымпелов; только 20 среди них были испанскими (август). У мыса Матаран он заметил новый османский флот и, изумленный его численностью, увел свою эскадру к берегам Корфу, чтобы дожидаться подкреплений.

Главным врагом империи по-прежнему оставалась Испания. Нынешней костью раздора между ними был Тунис, который турки отвоевали в ходе кипрской кампании только для того, чтобы вновь в августе 1572 г. уступить его испанской эскадре под командованием дона Хуана Австрийского, который восстановил на троне династию Хафсидов.

На следующий год Кылыч-паша вернулся для штурма с таким же большим флотом, какой был под Лепанто. Раз и навсегда он взял Тунис. По прошествии всего лишь трех лет после поражения османов при Лепанто корсарский адмирал привел в Золотой Рог победоносный флот.

Тунис вновь был освобожден от испанцев. Падение Туниса означало окончательную утрату испанцами Северной Африки.

Вместе с Алжиром и Триполи Тунис превратился в османскую провинцию, помогавшую в наступавшие века поддерживать определенную степень власти турок над этими неуправляемыми пиратскими государствами Берберского побережья.

Данная ситуация также предопределила мирный договор, по которому Венеция официально уступила Кипр, готовая поступить подобным образом, поскольку мир настаивал на возобновлении торговли с территориями османов. Когда венецианский министр зондировал позицию великого визиря относительно перспектив урегулирования, Соколлу ответил: «Имеется большая разница между вашей и нашей потерей. Отвоевав у нас Кипр, мы отрубили одну из ваших рук; нанеся поражение нашему флоту, вы всего-навсего сбрили нашу бороду; отрубленная рука снова не отрастет, но сбритая борода вырастет более густой, чем была раньше».

Христиане, несмотря на громогласные заявления о согласованных планах закрепить значительное преимущество на море, оказались настолько подчиненными собственным противоречиям и конфликтам, что тем самым свели великую победу в Лепанто к нулю.

Поражение под Лепанто с точки зрения престижа османов было поворотным пунктом, поскольку турок, державший Европу в плену страха со времен захвата им Константинополя более века тому назад, впервые был увиден как человек, которого можно победить. Но с точки зрения могущества империя Османов оценивалась по-прежнему высоко. Ее материальные ресурсы не имели себе равных, ее практическое мастерство не пострадало, она вышла из поражения жизнеспособной. Благодаря руководству Соколлу и несмотря на бездарность Селима, империя оставалась в настоящем, как и в прошлом, и еще примерно на двадцать лет вперед фактически единой, что касалось морального духа, энергичности поступков, решительности в политике и мобильности в ее реализации. Османская империя была все еще связанной воедино исламской державой, которая вполне могла бы явить пример ее врагам в христианском мире.

Вскоре после захвата Туниса Селим II, в результате последней выпивки в одиночестве, внезапно умер. Соколлу обеспечил мирное восхождение на трон его сына Мурада III (1574–1595 гг.), хотя последний практически сразу ограничил эффективную власть Соколлу.

Начал Мурад свое правление с убийства пятерых братьев, но это было делом обычным при вхождении во власть.

В характере Мурада было немало отталкивающих черт, но особенно отвратительны были алчность и похотливость. Султан требовал услуг двух или трех любовниц в одну ночь. Это удвоило цену девушек на рынке рабынь в Стамбуле и позволило ему наплодить более сотни детей.

Вплоть до смерти Сулеймана государственная казна размещалась в Семибашенном замке, в одной из башен которого находилось золото, в другой – серебро, в третьей – золотая и серебряная посуда и драгоценные камни, в четвертой – ценные реликвии старины, в пятой – такого же рода предметы из Ирана и Египта, тогда как шестая башня служила арсеналом, а в седьмой хранились государственные архивы. Селим II перевел все, что сохранилось после дорогостоящих войн, в свою частную казну, и Семибашенный замок стал преимущественно тюрьмой. Но Мурад III пошел еще дальше. Он построил специальное хранилище с тройными запорами для казны и спал над ним на протяжении всего срока своего правления. Оно открывалось только четыре раза в год, чтобы принять свежий груз сокровищ, который обычно оценивался в миллионы дукатов.

Мурад любил до маниакального состояния женщин и золото, и эти, скажем, слабости в полной мере использовались его приближенными. Преобладающее влияние на султана оказывала венецианка Софийе Баффо. Несмотря на явную провокацию со стороны венецианских судовладельцев, венецианская султанша отговорила Мурада от нападения на ее родную республику Святого Марка; и на самом деле Венеция добилась от Блистательной Порты возобновления капитуляций и других торговых привилегий.

Коррупция в окружении Мурада процветала: на каждое назначение в государстве устанавливался тариф. Коррупция достигла своего апогея, когда султан лично оказался вовлеченным во взятки в крупных размерах в качестве его доли в суммах, выплачиваемых подателями прошений его придворным и министрам. Эта практика была предложена Мураду влиятельным фаворитом по имени Шемси-паша, который был известен как «Ястреб петиций». Шемси утверждал, что является наследником сельджукских правителей, а потому смотрел на тех, кто вытеснил их, т. е. на османов, как на врагов. Однажды (так пишет его биограф) он вышел от султана в состоянии заметного душевного подъема, произнеся с пафосом: «Наконец-то я отомстил за мою династию династии дома Османов. Поскольку она разрушила нашу, я сейчас подготовил ее собственное разрушение». Когда Шемси спросили, как ему это удалось, фаворит ответил: «Путем убеждения султана иметь долю от продажи его собственных льгот. Это правда, что я предложил ему заманчивую наживку. Сорок тысяч дукатов не такая уж маленькая сумма. Начиная с этого дня султан сам подаст пример коррупции, и коррупция уничтожит империю».

С 1574 по 1581 г. происходили периодические военно-морские столкновения с Испанией. Добиться в них решительного перевеса не удалось ни одной из сторон. Стычки случались, как правило, мелкие, в конце концов был заключен мир.

А интриги при дворе султана процветали. Соколлу еще держался у власти благодаря своим военным кампаниям: он завоевал Кипр, Тунис, Йемен, велась кампания против Ирана.

В 1578 г. армией под командованием Мустафы-паши, включающей и войска крымских татар, было совершено вторжение и захват большей части Грузии, христианского царства, которое находилось в союзе с Ираном. Тогда потерпели поражение две персидские армии.

В то же время турки проникли в Дагестан и в результате вышли к берегам Каспийского моря, чего Соколлу стремился добиться раньше, во время правления Селима, с помощью своей безуспешной попытки прорыть канал между Доном и Волгой. Персы активно сопротивлялись, и война растянулась еще на 12 лет. После этого Иран подписал мирный договор, подтвердивший уступку Грузии, Азербайджана, Ширвана, Тебриза и других провинций. Тем временем турки заложили в Карсе сильно укрепленную базу, направленную против Ирана, которая должна была служить в качестве оплота империи на Востоке на протяжении предстоящих веков.

Однако враги Соколлу продолжали активно плести интриги против него, в результате чего он был убит ударом кинжала в сердце. Его гибель, разумеется, была по политическим мотивам и наложила свой отпечаток на усугубление упадка империи.

С 1590 г. были возобновлены сухопутные боевые действия с Габсбургами. В битве при Сиссеке (1593 г.) австрийская армия в пух и прах разгромила войско Хасана, османского наместника в Боснии. Это вызвало негодование Синан-паши – великого визиря, который повел армию вторжения в Австрию и Венгрию.

Судя по всему, Синан-паша планировал наступать дальше, на Вену, однако янычары отказались продолжать воевать зимой, и великий визирь был вынужден вернуться в Белград. Весной 1594 г. Синан-паша вторгся в Северную Венгрию.

Он вынудил австрийцев снять осаду с Грана (1 июня), потом захватил Раб и ряд других приграничных городов. Он долго осаждал Комарно – стратегически важную крепость на Дунае, но был отбит.

В следующем году последовали одно за другим восстания в Трансильвании, Молдове и Валахии. Турки были временно изгнаны. Сложившейся ситуацией воспользовался Карл Мансфельд и повел в Венгрию австрийскую армию; при Гране он разбил местную турецкую армию (4 августа). Переправившись через Дунай, валахи сожгли Силистру и Варну. Вся северная граница Османской империи рушилась.

Ослабление механизма управления империей

Государственный строй, административная структура и военная организация Османской империи в XVI в. получили отражение в законодательстве Сулеймана I.

Султан распоряжался всеми доходами империи и ее вооруженными силами. При посредстве великого визиря и главы мусульманского духовенства – шейх-уль-ислама, – которые совместно с другими высшими светскими и духовными сановниками составляли диван, он управлял страной.

Вся территория Османской империи была разделена на провинции, или наместничества (эялеты). Во главе эялетов стояли назначаемые султаном наместники – бейлер-беи, – которые держали в своем подчинении всех ленных владетелей данной провинции с их феодальным ополчением. На войну они были обязаны выступать лично, возглавляя эти войска. Каждый эялет делился на области, называемые санджаками. Во главе санджака стоял санджак-бей, но только в пределах своей области. Он был подчинен бейлер-бею. Феодальное ополчение, поставляемое держателями ленов, представляло собой в XVI в. основную военную силу империи. При Сулеймане численность феодального ополчения достигала 200 тыс. человек.

Главным представителем гражданской администрации в провинции являлся кадий, который ведал всеми гражданскими и судебными делами в подведомственном ему округе, называвшемся «каза». Границы казы, по-видимому, совпадали с границей санджака. Поэтому кадий и санджак-бей должны были действовать согласованно. Однако кадии назначались по султанскому указу и подчинялись непосредственно Стамбулу.

Янычарское войско состояло на казенном жаловании. Это войско, численность которого в середине XVI в. достигала 40 тыс. человек, было серьезной ударной силой в турецких завоеваниях, особо важное значение оно имело в качестве гарнизонной охраны в важнейших городах и крепостях империи, прежде всего на Балканском полуострове и в арабских странах, где всегда существовала опасность народного возмущения против турецкого правления.

С середины XV в. и особенно в XVI в. турецкие султаны уделяли большое внимание созданию собственного морского флота. Используя венецианских и других иноземных специалистов, они создали значительный галерный и парусный флот, который постоянными корсарскими налетами подрывал нормальную торговлю в Средиземном море и был серьезным противником венецианских и испанских морских сил.

Внутренняя военно-политическая организация государства, отвечавшая в первую очередь задачам содержания огромной военной машины, с помощью которой осуществлялись завоевания в интересах класса турецких феодалов, делала Османскую империю единственной подлинно военной державой средневековья.

К концу XVI в., в то время, когда в Европе начали складываться сильные централизованные государства, в обширной и многоплеменной Османской империи внутренние экономические и политические связи не только не укреплялись, но, наоборот, стали ослабевать. Антифеодальные движения крестьянства и борьба нетурецких народов за свое освобождение отражали непримиримые внутренние противоречия, преодолеть которые султанская власть была не в состоянии. Консолидации Империи мешало также то обстоятельство, что центральная область – отсталая в экономическом отношении Анатолия – не стала и не могла стать для покоренных народов центром экономического и политического притяжения.

По мере развития товарно-денежных отношений увеличивалась заинтересованность феодалов в повышении доходности своих военно-ленных владений. Они стали самовольно превращать эти условные владения в свою собственность. Военные ленники начали уклоняться от обязанности содержать для султана отряды и от участия в военных походах, стали присваивать доходы от ленных владений. Одновременно с этим началась борьба между отдельными феодальными группировками за обладание землей, за ее концентрацию. Как писал современник, «между ними есть люди, имеющие по 20–30 и даже по 40–50 зеаметов и тимаров, плоды которых они пожирают». Это привело к тому, что государственная собственность на землю стала ослабевать и постепенно утрачивать свое значение, а военно-ленная система – разлагаться.

Столетия войн вселяли в османов единство цели, давали им богатства не только в виде военной добычи, но и территорий для оседлой жизни. Теперь таких отдушин, таких наград осталось совсем немного. За неимением врага, которого можно было бы грабить (Империя исчерпала способность к дальнейшим территориальным завоеваниям в Европе), люди стали грабить друг друга; в отсутствие земли они толпами устремлялись в города или же сеяли беспорядки в сельской местности.

Усиливался феодальный сепаратизм. В конце XVI в. появились несомненные признаки ослабления султанской власти.

Для достижения прошлых вершин требовалось обладать энергией и умом. Но Империя больше уже не располагала правительством, составленным из элиты, обученной и отобранной ее правителем на основании принципов заслуг и квалификации.

К изменениям в структуре государственного управления добавились разнообразные составляющие упадка османов, явившиеся определенным фундаментальным фактором социального и экономического развала. Первым из них был чрезмерный прирост населения в районе культивируемых земель. Вторым был рост цен, последовавший за притоком испано-американского золота из Нового Света. Это привело к обесцениванию серебряной турецкой монеты и к высокому уровню инфляции – обычному в то время явлению в значительной части средиземноморской Европы.

Обесценивание денег продолжалось до отметки, по достижении которой посол Испании в Стамбуле мог с полным основанием сообщить Филиппу II: «Империя настолько бедна и настолько истощена, что единственные монеты, имеющиеся сейчас в обращении, это асперсы, сделанные целиком из железа».

К концу века, в условиях продолжающегося кризиса, Империя действительно стала настолько слабой экономически, что была почти полным банкротом, часто неспособным содержать собственные вооруженные силы, и в обстановке широкого недовольства падающим авторитетом центральной власти неспособной держать под контролем демонстрации, восстания и беспорядки.

Дабы покрыть дефицит, казначейство было вынуждено искать новые источники доходов за счет повышения ставок налогообложения.

Его тяжесть в конечном счете легла на плечи крестьян.

Судьи были так же коррумпированы, как и прочие чиновники.

Султаны становились все слабее, все более несдержанными и категоричными в своих требованиях.

Янычары в 1589 г. впервые в истории штурмом проложили себе дорогу в сераль, где проходило заседание дивана, и потребовали голов министров, считавшихся виновными в снижении курса валюты, курса металлических денег, в которых они получали жалованье.

В 1593 г. подняла восстание султанская охрана из регулярной кавалерии – сипахи. Янычары сами восстановили порядок, причем власти пронизательно воспользовались – как это и будет происходить впредь – соперничеством между двумя родами войск.

В 1595 г. Мураду III, умершему от спазм желудка, наследовал его сын Мехмед III (1595–1603 гг.), первым делом которого было удушение девятнадцати братьев. Шесть беременных рабынь, их фавориток из гарема, были зашиты в мешки и брошены в Босфор, дабы они не могли дать жизнь претендентам на трон. Позже он предал смерти своего старшего сына, Махмуда, просившего отца доверить ему командование армиями. Эта просьба подогрела подозрительность султана. Мать Мехмеда и его компаньоны были брошены в тюрьму и казнены. Это, пожалуй, было самое крупное жертвоприношение во имя власти в истории османов.

При восхождении на трон Мехмеда III королева Англии Елизавета, продолжавшая искать помощи турок против ее католических врагов, прислала султану целый корабль подарков, среди которых был один уникальный – самоиграющий орган. Однако особое впечатление произвело на Мехмеда английское судно «Гектор». Послы даже начали опасаться, что корабль «откроет глаза туркам на вещи, о которых те не знают», но волнения были напрасны: урок кораблестроения не был усвоен, и флот Блистательной Порты угасал на галерах. К концу XVI в. турецкий флот не представлял собой ни угрозы врагу, ни поддержки союзнику.

Мехмед, слабый по натуре, тем не менее временами испытывал приступы решимости. Летом 1596 г. Мехмед с соответствующей помпой отправился походом в Европу во главе своих армий, впервые благословенных и вдохновленных развевающимся над их головами святым знаменем Пророка, которое было доставлено из Дамаска по столь необычайному случаю.

Мехмед и его великий визирь Ибрагим-паша выступили с турецкой армией на север и отразили австрийские вторжения, затем двинулись дальше и взяли Эрлау. Отвоевывать Эрлау направилась почти сорокатысячная австрийская армия под командованием эрцгерцога Максимилиана. Под его началом служил Жигмонд Баторий (племянник великого короля Стефана Батория), возглавлявший трансильванское войско. Турецкая армия численностью примерно 80 тыс. человек встретила их в 20 км юго-восточнее Эрлау.

В конце октября 1596 г. состоялась битва при Кересиге. В первый день австрийцы, оборудовавшие оборонительную позицию за рекой, отразили турецкие атаки. После суточного затишья на рассвете турки возобновили нападение. Австрийцы отбили его, контратаковали и погнали турок к их лагерю. В этот момент в тыл австрийцам ударил посланный в обход конный отряд. Австрийцы запаниковали и даже бросили свои 97 пушек; обратившись в бегство, они понесли огромные потери. В общей сложности австрийцы потеряли 23 тыс. человек; турки, вероятно, немногим меньше. Турецкая армия была настолько ослаблена и дезорганизована, что преследовать австрийцев не стала.

Это была решающая победа турок, которая в опасный момент, безусловно, спасла для Османской империи Болгарию, Македонию, половину Венгрии и, за исключением Трансильвании, большую часть территорий к северу от Дуная. Империя турок удерживала их еще на протяжении нескольких веков.

Мехмед возвратился в Стамбул, пожиная лавры победы. В 1603 г. ему предрек дервиш, что через 55 дней он умрет. Ровно через 55 дней Мехмед III умер, передав власть своему сыну – подростку Ахмеду (1603–1617 гг.).

При восшествии на трон Ахмед I воздержался от братоубийства, поскольку его брат Мустафа был слабоумным. Ахмед был первым из султанов, подвергнувшимся обрезанию уже на троне.

Несмотря на свой мальчишеский возраст, Ахмед был жестоким султаном и требовал от своих подчиненных беспрекословного подчинения. Однако он мало что делал по собственной инициативе, и в силу ограниченности ума он постоянно менял великих визирей, в значительной степени по требованию гарема.

При дворе процветали вымогательство и злоупотребление, опустошавшие земли и деморализовавшие государственные службы Империи.

В 1617 г. Ахмед I скончался в возрасте 27 лет. Это был последний из четырнадцати поколений султанов, кому империя передавалась от отца к сыну. От Ахмеда I престол османов перешел его слабоумному брату Мустафе, который просидел в заточении 14 лет и в момент выхода пребывал «между состоянием сумасшедшего и дурака».

Разумеется, править он не мог, поэтому вскоре отправился обратно в темницу, а султаном стал сын Ахмеда I четырнадцатилетний Осман.

Осман вынашивал мечту о воинской славе и совсем неплохо владел оружием. Наперекор совету министров он объявил войну Польше. В 1621 г. Осман собирал армию численностью поболее, чем любая со времен Сулеймана.

Одевшись в доспехи, которые принадлежали его предку, Осман повел свою армию через Адрианополь и Дунай к берегам Днестра. Это был трудный поход, осложненный ранним наступлением зимы, мятежным духом наемников и многими другими препятствиями. Султан не смог даже собственным примером убедить солдат сразиться, в результате Осман отступил с тяжелыми потерями и обратился к полякам с предложением мира.

Юный Осман настроил против себя янычар, прежде всего, неудачей в сражении и проявлением крайней скупости. В лице янычар появилась серьезная угроза для султана. Янычары превратились в господствующую силу и средоточие мятежных настроений.

Осман разработал тайную операцию по подавлению янычар и сипахов. Но янычары упредили его действия и восстали. Янычары ночью ворвались в Сераль с намерением напасть на самого султана, но тот бежал из своих апартаментов. Тогда они потребовали восстановить на троне Мустафу.

Мать Мустафы, султанша валиде, взяла слабоумного сына под свою опеку и от его имени начала управлять государством. Тем временем солдаты нашли спрятавшегося Османа и в жалком виде его препроводили во дворец. Он умолял о пощаде, но его вскоре удушили в тюрьме.

Осман был первым султаном, которого физически устранили от власти. Что это, как не фатальный признак упадка империи?

Что касается султана Мустафы, фактически не способного править, он оставался на троне на протяжении полутора лет. Это был период анархии.

Пока длился этот хаос, персы вернули себе Багдад и провинцию Эривань, восстали племена в Ливане, губернаторы Египта и других провинций не проявляли особой лояльности, государства берберов утверждали свою независимость, восстали крымские татары, захватив в плен так много турок, что их рыночная цена упала до стоимости порции бозы – напитка из перебродившего проса, тогда как промышленявшие мародерством казаки совершали набеги на Черноморское побережье, проникая в Босфор и угрожая непосредственно пригородам столицы.

В 1623 г. на османский престол вступил одиннадцатилетний Мурад IV.

По восшествии на трон султан проверил имперскую казну, где обнаружилось лишь шесть мешков монет, сумка с кораллами и сундук с китайским фарфором. Тогда султан поклялся наполнить богатствами казну. Он умудрился найти в своей собственной частной казне 3040 мешков монет, которые раздал армии, и в первую очередь янычарам.

Спасая себя на краю пропасти, Османская империя еще раз вдохнула воздух. Обладая

жизнерадостным характером, она лелеяла надежды на новую жизнь и обретение силы под началом нового султана, достаточно сильного для того, чтобы выполнить свою волю.

То, в чем государство Османов нуждалось и чего оно заслуживало при данных обстоятельствах, была власть тирана, которая могла бы установить железную дисциплину и противостоять его вооруженным силам и ненадежным союзникам; власть суверена, чтобы обуздать насилие столь же беспощадно, как это делали и они, чтобы заставить уважать власть закона, которую они низвели до презрения к нему. Именно в такого властелина превратился Мурад IV, по мере его возмужания, чтобы стать за отведенный ему непродолжительный срок правления турецким Нероном.

Начало его власти было сопряжено с восстаниями янычар, требующих предать смерти не угодных им чиновников. Молодой Мурад, опасаясь, что его может постичь судьба Османа, шел на уступки янычарам. Однако впоследствии он проводил политику «убей или будешь убит». В первую очередь султан сломил власть чиновников, далее следовало сломить тиранию своих вооруженных сил. И введенное Мурадом правление террора положило конец военной анархии.

Как отмечают историки, Мурад IV был наиболее кровавым из всех османских султанов. Погрязнув в кровавой вакханалии убийств, он полностью утратил уважение к человеческой жизни. Тем не менее тирания Мурада спасла Империю от гибели. Султан укрепил армию, провел реформу суда, увеличил доходы Империи, устранил лазейки для злоупотреблений в землевладении, тем самым защитив крестьянство.

Он жестко взялся за Малую Азию, подавив там восстание, которое длилось на протяжении пяти лет.

В 1635 г. Мурад начал военную кампанию в Азии. Эта кампания сопровождалась кровавым маршем по его азиатским владениям. После торжественного въезда в Эрзерум он направился отбивать у персов Эривань. Затем победоносно вернулся в Стамбул.

В 1638 г. Мурад начал свою вторую и последнюю военную кампанию. Цель – возвращение Багдада. Захват города сопровождался массовой резней. Триумфально возвратившись из Багдада, Мурад решил возродить военно-морскую мощь турок. Кроме того, он планировал провести реформу армии, сделав ее профессиональной. Однако эти планы не были осуществлены: в 1640 г. в возрасте 28 лет он скончался от лихорадки.

За периодом тирании и возрождения Османская империя вновь погрузилась в беспорядки и упадок. На престол вступил сын Мурада – Ибрагим – слабая, безвольная личность, проводившая большую часть времени в убажании своих фривольных желаний. Ибрагим не вызывал уважения солдат.

Первая из войн султана была направлена на Азов, внутреннее море которого господствовало над Крымом и северным побережьем Черного моря. Азов оказался в руках казаков, вассалов Московии. Казаки были изгнаны, оставив город в руинах. Царь направил к Ибрагиму посольство для восстановления изначальной дружбы между Россией и Османской империей.

Второй военный поход был проведен против острова Крит, т. е. против Республики Венеция. В результате в 1645 г. турецкий флот захватил Канею, западную часть острова; через год – Ретимо; осада столицы Кандии растянулась на двадцать лет – вдвое дольше, чем длилась осада Трои. На фоне медленно тянувшегося конфликта с Венецией нарастало возмущение султаном в стране. Не только лидеры янычар и сипахов, но даже муфтий и улемы выражали недовольство его действиями. Объединившись в решении сместить Ибрагима, они раскрылись султанше. Она вошла в сговор с ними, прекрасно понимая, что в стране торговля чинами перешла все мыслимые границы, султан, поглощенный удовлетворением прихотей своих пассий, уходит все дальше от закона, рынки опустошаются, невинные предаются смерти, фавориты султана управляют государством. В конце концов на трон был посажен семилетний ребенок, внук султанши – Мехмед (1648–1687 гг.).

Судьба же Ибрагима была предрешена – смерть. В 1648 г. был совершен второй акт

цареубийства в Османской империи.

Династия великих визирей

В период правления Мехмеда IV возрождения Империи не последовало, зато она опробовала сильное министерское правление под началом династической семьи – Кепрюлю, албанцев довольно скромного происхождения.

Прислушиваясь к советам реформаторски настроенных лиц, султан Мехмед не в открытой форме, но фактически полностью передал управление своей Империей в руки Мехмеда Кепрюлю, а позже – в руки его сына Ахмеда, сменившего отца. Султан сам не стремился править, но оказывал каждому из них полную и последовательную поддержку против всех интриг и соперников в борьбе за власть.

Вследствие чего в XVII в. центром управления больше не был дворец султана, а стал дворец великого визиря.

Мехмед Кепрюлю был диктатором несгибаемой воли, который начал свое «правление» с чистки чиновников. Он был жесток, но отличался от Мурада IV тем, что уничтожал лишь тех, кто представлял угрозу власти государства. Он воссоздал единый эффективный механизм суверенной воли. Визирь был полон решимости вернуть Османской империи внутреннюю стабильность и внешние могущество и престиж. Кепрюлю восстановил дисциплину в армии, очистил от венецианцев Дарданеллы, утвердил власть турок в портах и на островах Эгейского моря, возобновил осаду Кандии, в Малой Азии подавил попытку восстания, укрепил оборонительные рубежи против казаков за Черным морем, поставив крепости на Дону и Днепре, возглавил успешную экспедицию в Трансильванию, тем самым открыв путь для операций против Венгрии и Австрии.

В 1661 г. Мехмед Кепрюлю скончался, и на посту великого визиря его сменил двадцатилетний сын Ахмед Кепрюлю I, который управлял империей последующие пятнадцать лет.

Находясь на смертном одре, Кепрюлю-старший завещал султану, которому было тогда двадцать лет, четыре принципа правления: никогда не следовать совету женщины; не позволять подданному становиться слишком богатым; содержать государственную казну наполненной; быть в седле, т. е. держать армию в постоянном действии.

Султан страстно любил охотиться, в то время как великий визирь Ахмед воевал. В 1663 г. Кепрюлю повел армию в Белград. Переправившись через Дунай, турки прошли Венгрию и Трансильванию, затем проследовали в Буду; захватив Уйвар, одержали победу над австрийцами. Эта победа побудила великого визиря овладеть самой Венной.

В 1664 г. у Сен-Готарда произошел поворот в течении конфликта между Османской империей и империей Габсбургов, ибо туркам было нанесено первое решительное поражение христианскими войсками. Османы при всем начальном успехе Кепрюлю не смогли идти в ногу с развитием военного дела в XVII в. в Европе. Турецкие армии по сравнению с армиями западных стран, которые приобрели колоссальный военный опыт в Тридцатилетней войне, становились отсталыми в силу приверженности традиционным методам ведения войны.

Следует отметить, что австрийская армия была укреплена наемными войсками Франции, направленными Людовиком XIV в поддержку папской Священной лиги. Французы, хотя и придерживались политики союза с турками, были близки к его разрыву на момент вступления в должность первого Кепрюлю.

Тем не менее, был заключен Варшавский договор, удивительно благоприятный для турецкой стороны. Ахмед Кепрюлю, прекрасно владея искусством дипломатии, смог увеличить территорию Империи.

Следующей военной кампанией Ахмеда было завершение захвата острова Крит. Венеция сохранила за собой имевшиеся на острове порты, остальная территория стала турецкой, тем самым Восточное Средиземноморье стало «турецким озером».

В 1672 г. великий визирь обратил свой взор в сторону России и Польши, акцентируя внимание на Украине – предмету их спора.

Лидер казаков обратился за помощью к султану и предложил ему стать сюзереном над его территорией. Он был принят в Стамбуле, и султан облек его полномочиями бея турецкого санджака провинции Украины. Последовали угрозы Польши и России в адрес турков. Тогда Мехмед IV направил армию через Молдову к берегам Днестра и сам принял участие в кампании. В 1676 г. польская армия под руководством Яна Собеского потерпела от турок решительное поражение. Таким образом, власть турок утвердилась к северо-западу от Черного моря, что давало возможность султану оказывать давление на поляков и мешать русским осуществлять свои замыслы относительно Украины.

Историки сравнивали Ахмеда Кепрюлю как воина и как государственного деятеля с великим визирем Сулеймана – Соколлу. Ахмед ввел меры по обеспечению соблюдения законов ислама и канунов султана; сократил численность состоящих при дворе войск, пересмотрел в пользу крестьян систему налогообложения. Несмотря на занятость, он был покровителем наук и искусств.

По возвращении из своего последнего похода в Стамбул Ахмед Кепрюлю спустя несколько дней умер от водянки.

Итак, на протяжении двух десятилетий отец и сын Кепрюлю мощно поддерживали угасающую Османскую империю. После смерти последнего Кепрюлю власть их рода в Османской империи прекратилась на тринадцать лет.

Османе полагали, что после смерти Ахмеда пост великого визиря будет наследован его братом, однако Мехмед IV решил в пользу свояка Ахмеда, ставшего позже и свояком самого султана, – Кара Мустафы. Его управление длилось тринадцать лет и нанесло Империи непоправимый ущерб. Этот человек был преисполнен гордыни и амбиций, а в своей мании величия мечтал о всемирной славе человека, завоевывающего для империи новые территории. Ненавидя христиан, он, подобно Баязеду I, повторял угрозу, что однажды поставит своих лошадей в соборе св. Петра в Риме, а после захвата Вены он сразится с Людовиком XIV.

Однако на деле все обстояло иным образом. Османе в результате двух неудачных кампаний под руководством Мустафы в 1681 г. подписали с русскими мирный договор, в котором отказались от всех претензий на Украину.

В 1683 г., преследуя свои амбициозные цели относительно захвата Вены, Мустафа собрал последнее великое мусульманское войско, которое должно было идти во имя веры против христианской Европы. Весной того же года турецкая армия выступила в поход. Вопреки рекомендациям советников, Мустафа не стал обеспечивать контроль за враждебным пограничным районом и выжидать паузу, а сразу двинулся на Вену и появился под ее стенами 13 июля. Началась осада, и сразу стало ясно, что Мустафа повторил оплошность Сулеймана, который не смог транспортировать столь далеко тяжелую артиллерию. Кроме того, Мустафа, нацеленный на осаду, не спланировал оборону собственных сил. На помощь же осажденным шла польская армия Яна Собеского. 12 сентября началось наступление поляков. Все решилось в течение одного дня. Турецкие войска оказались зажатыми между двух огней. Огромная масса османов сломала свои ряды и бросилась в бегство, оставляя на поле боя 10 тыс. убитых. Великий визирь поспешно бежал вместе со своим войском. Остатки турецкой армии ушли к Белграду. Султан из Адрианополя послал своего старшего постельничего с приказанием вернуться с головой великого визиря, что тот и сделал.

Поражение Мустафы было поражением, которое раз и навсегда подорвало в глазах Европы престиж османских турок в качестве нации-завоевателя. Это был погребальный звон по мусульманской агрессии в Европе. Однако должны были пройти еще 16 лет до окончания начатой Османской империей войны.

В 1684 г. в Священную лигу вошли три христианские державы – Австрия, Польша и Венеция. Была отчеканена медаль в память о согласии трех героев лиги: императора Австрии, короля Польши и дожа Венеции. На протяжении пяти последующих лет лига была

достаточно эффективна в качестве военного инструмента.

Впервые в своей истории Республика Венеция в 1684 г. объявила войну Османской империи. Они захватили Преветзу и прибрежный остров Санта-Маура, затем развернули наземные силы в Албании и Боснии, осуществили завоевание Мореи. Год спустя венецианцы захватили Афины.

В том же году австрийцы захватили Хорватию, сделав ее своей провинцией, отвоевали Уйвар; в 1686 г. город Буда, к восторгу Европы, вернулся в руки венгров.

В 1687 г. новый великий визирь Сулейман в сражении под Мохачем (вспомним первую решающую победу под Мохачем султана Сулеймана) потерпел поражение, потеряв 20 тыс. человек. В результате австрийскому императору отошла большая часть Венгрии.

В течение года принц Людвиг Баварский возвратил Белград и ряд других ключевых крепостей в бассейне Дуная. Этот процесс возвращения захваченных турками земель продвигался в сторону Болгарии вплоть до Никополя, а также в Сербию вплоть до Ниша.

Тем временем в результате мятежа в армии и восстания в столице султан Мехмед IV был смещен и отправлен в ссылку. Ему наследовал его старший брат Сулейман II, доставленный из «Клетки». Принцев больше не казнили, а запирали в «Кафес» (Клетку), довольно комфортабельное помещение во дворце, которое обслуживали евнухи и стерилизованные девушки. Институт евнухов очень рано появился у Османов – подарок Византии! – где-то в конце XIV в.; они занимали во дворце очень завидные посты, тем самым множилось число честолюбивых кастратов (как после этого говорить, что стимулом для мужчин служит лишь желание обладать женщинами?). Вначале евнухами были белые, главным образом кавказцы, которые плохо переносили кастрацию, к тому же их привлекательность вызывала ревность; позже для этого отбирали негров, эфиопов, суданцев, чадцев, способных выдержать операцию, причем выискивали самых уродливых, за которых платили огромные деньги. Их начальник, «кизляр агаси», т. е. «повелитель девушек», с XVI по XIX в. был одним из главнейших лиц в османской иерархии и одним из самых отвратительных. Хотя в принципе у них было одно преимущество – неспособность к воспроизводству, и тем не менее эта порода людей оставалась неистребимой. Так вот, вариант «Клетки» был еще хуже для возможных престолонаследников. Часто избранный наследник выходил оттуда, помраченный рассудком, и садился на трон.

Прежде всего, по настоянию своих советников, Сулейман назначил своим великим визирем третьего из Кеprüлю, брата Ахмеда, Фазыла Мустафу-пашу, которому тринадцать лет тому назад предпочли Кара Мустафу.

Кеprüлю III, будучи человеком умным, энергично взялся за работу: пополнил казну, провел реформу управления, восстановил и укрепил армию, при этом всегда вспоминая имя и законы Пророка.

Мустафа-паша настраивал турок на очередную войну против Габсбургов, дабы не давать им передышки. Это был 1688 г., время, когда произошла Английская революция и появился Вильгельм Оранский, который вскоре был втянут Священной лигой в войну против Людовика XIV. Французский посол склонял великого визиря предпринять войну против императора. В 1690 г. Кеprüлю сделал это. Во главе основной армии визирь двинулся в Сербию, вновь занял Ниш и Белград. В 1691 г., сформировав еще более крупную армию, летом повел войска вверх по Дунаю. В Сланкамене турки столкнулись с опытной армией принца Людвига. Игнорируя советы командиров отложить сражение, Мустафа атаковал противника. В отчаянном бою Мустафу убили, армия бежала, оставив артиллерию врагу.

Турки утратили Венгрию, Трансильванию. Сулейман II умер, пробыв у власти четыре года, ему наследовал брат, опять-таки из «Клетки», – Ахмед II, который правил еще четыре года, под грузом позора и отчаяния. Ахмед II скончался от водянки, и место на троне занял Мустафа II. При нем произошло возрождение османского флота на Восточном Средиземноморье благодаря заслугам главного адмирала, корсара по имени Хасан, по кличке Мецсаморто. Но эти победы нивелировались поражениями на Черном море от нового противника – России в лице Петра I.

На центральном театре военных действий успешно действовал молодой султан Мустафа II, человек большой энергии, жаждавший возродить боевые традиции своих великих османских предков. Он решил лично повести свои армии против Габсбургов.

В 1696 г. Мустафа повел армию из Белграда, захватил несколько мелких крепостей, но, свернув военную кампанию, вернулся в Стамбул. Султан Мустафа, как и его предшественники, вновь понадеялся на род Кепрюлю, и назначил на должность великого визиря Хусейна Кепрюлю.

Со времен осады Вены имперские войска Габсбургов одержали победы в девяти главных сражениях и захватили девять главных крепостей. Если Хусейн из соображений предосторожности все же готовился к войне, он был, как бывший губернатор Белграда, достаточно хорошо осведомлен о превосходстве имперских войск, чтобы выступать за мирные отношения. И мир стал наконец неизбежен. Он устраивал практически всех.

Венеция была истощена. Польша со смертью Собеского в 1696 г. постепенно сходила со сцены. Император Леопольд был занят своими европейскими обязательствами, особенно в связи с назревавшей угрозой войны за испанское наследство. Только Петр I встал на путь русской агрессии и стремился вести войну. Он нанес визит в Вену с целью создания союза, но Англия и Голландия его упредили с предложениями о мире. В то время отношения этих двух стран с османами главным образом были коммерческие. С восхождением на трон Вильгельма III Англия с Голландией настаивали на мире с турками в интересах собственной войны против Людовика XIV, дабы не допустить появления Франции в качестве преемника торговой империи Венеции. Представитель Людовика XIV в Стамбуле стремился добиться этого, склоняя султана к изгнанию венецианцев из его владений.

Англия и Голландия были посредниками при подготовке мирного договора между Османской империей и христианскими государствами. Принцип мирного договора был «владей, чем владеешь».

В конце 1698 г. в Карловицах была проведена мирная конференция, по результатам которой 26 января 1699 г. был подписан Карловицкий договор сроком на 25 и более лет. Согласно этому договору империя Габсбургов сохранила за собой Славонию, Трансильванию, значительную часть Венгрии, без Темешвара, и часть территории к востоку от Тиссы, оставив туркам примерно одну треть их прежних владений в Венгрии и, соответственно, наконец-то утвердилась у ворот на Балканы. Польша вновь получила Подолию, Каменец и Западную Украину с участком территории к востоку от Тиссы, но ушла из Молдовы. Венеция вновь обрела Морею, остров Санта-Мауру, но уступила захваченные ею территории к северу от Коринфского перешейка.

Что касается России, то Петр I, с его морскими планами относительно Керченского пролива, ведущего в Черное море, не был удовлетворен урегулированием, которое разрешало ему владеть только Азовом и окружающими землями, уже и без того находившимися в его владении.

Вот так XVII в. подошел к своему завершению. Он стал концом целой эры в истории Османской империи.

Османская империя и Россия

Одним из внешнеполитических факторов, оказывающих значительное влияние на общее положение Османской империи на рубеже XVII–XVIII вв. становятся отношения с Россией. И хотя характер открытого военного противостояния русско-турецкие отношения приобрели только в XVIII в., острые конфликтные ситуации не раз бывали и в более ранний период – XVI–XVII вв. Не будет преувеличением сказать, что важнейшим фактором быстрого развития наметившейся тенденции к проведению реформ стали русско-турецкие войны XVIII в., поэтому остановимся более подробно на отношениях Османской империи и России.

Начало непосредственных сношений между империей Османов и Московским

государством датируется 1492 г., когда Иван III послал через крымского хана грамоту «турецкому султану» Баязеду II. В течение нескольких последующих лет турецкий султан и князь московский продолжали изучать возможность установления прямых контактов между их государствами. В результате чего в 1496 г. из Москвы в Стамбул было отправлено первое посольство: Иван III стремился к защите интересов русской торговли, шедшей через Азов и Кафу. По этому поводу султан направил в Москву специальную охранную грамоту.

С 1512 г. между новым султаном Селимом I и московским князем Василием III мирно решались вопросы о набегах на русские земли крымских ханов и отрядов турок из Азова. Хотя московские послы пытались склонить султана к заключению письменного договора о дружбе, тот, однако, уклонился от этой процедуры. Почти полвека в русско-турецких отношениях происходил обмен посольствами, велась взаимная торговля. Но по мере роста военных затруднений турок на западе правители Османской империи все чаще обращали свои взоры на север и восток. Уже Сулейман I, потерпевший поражение под стенами Вены, стал подумывать о войне против Ирана и Московского государства.

Первым значительным проявлением антирусского политического курса османских султанов был приказ от 1568 г. крымскому хану идти походом на Астрахань, которая в 1556 г. была присоединена к России. Военная кампания османов 1569 г. по захвату Астрахани была неудачной и в Стамбул в конечном счете добралось не более 700 участников астраханской экспедиции.

В последней четверти XVI в. султану не удалось осуществить свои экспансионистские планы, поскольку в 70–80-х гг. XVI в. силы империи были отвлечены на длительную войну с Ираном и более значительную с Австрией.

В первой половине XVII в. отношения между русским государством и Османской империей поддерживались посредством довольно регулярного обмена посольствами. Десятилетие с 1651 по 1660 г. было отмечено приостановкой дипломатических сношений между Стамбулом и Москвой. В эти годы Швеция пыталась втянуть султана в войну против России.

В 1666–1672 гг. в центре переговоров оказались украинские земли: шла война между Польшей и Османской империей за обладание Украиной. В 1672 г. турецкая армия опустошила Правобережную Украину, а это была уже открытая агрессия против России (в 1654 г. произошло воссоединение Украины с Россией). В такой обстановке в 1676 г. началась русско-турецкая война. В августе 1677 г. османская армия была разгромлена русской армией под Чигирином. И все же полностью изгнать турецкие войска с Правобережной Украины России тогда оказалось не под силу.

В январе 1681 г. в Бахчисарае было подписано перемирие сроком на 20 лет, по условиям которого Россия сохранила за собой Левобережную Украину и Киев; Правобережная Украина отошла к Османской империи.

Постоянная угроза агрессии со стороны Османской империи и ее крымского вассала побуждала Россию к принятию действенных мер. В числе этих мер были три неудачных похода русских войск в Крым (1686, 1687 и 1695 гг.). Более успешной оказалась вторая азовская экспедиция Петра I во время которой русские войска после двухмесячной осады в июле 1695 г. овладели Азовом. Летом 1700 г. в Стамбуле был подписан русско-турецкий договор, закрепивший за Россией Азов и близлежащие районы. Война России со Швецией за выход к балтийским берегам, получившая название Северной войны (1700–1721 гг.), диктовала России необходимость мирных отношений с южным соседом, поэтому главной задачей первого российского посла в Стамбуле графа П. А. Толстого (1702–1714 гг.) было обеспечение мира с Османской империей.

И все же мирный период в русско-турецких отношениях оказался не очень длительным. Опасаясь усиления своего северного соседа, Порты, как правило, становилась на сторону врагов России. Кроме того, ее пугала реальная перспектива поддержки Россией зарождавшегося стремления славянских народов Османской империи к свободе.

Когда в Полтавском сражении (27 июня 1709 г.) шведский король Карл XII потерпел

полное поражение, Ахмед III предоставил ему убежище. В октябре 1710 г. Петр I, озабоченный ухудшением русско-турецких отношений, призвал султана срочно выслать из страны Карла XII, иначе России придется принимать необходимые меры для защиты южных границ, на что султан никак не среагировал. Шведы тем временем подстрекали Порту к военному конфликту с Россией, суля поддержку Швеции и Польши.

В конце декабря 1710 г. войско крымского хана вторглось на Украину. 22 февраля 1711 г. Россия объявила войну Османской империи. Со стороны России военные приготовления были произведены по всей русско-турецкой границе – от Кубани до Молдовы, тем не менее, силы сторон были не равными: у Петра I было 38 тыс. человек, тогда как в армии султана насчитывалось 100–120 тыс. 9 июля началось большое сражение. 10 июля военный совет русской армии решил предложить туркам перемирие, османское командование, плохо представляя себе реальное соотношение сил, приняло это предложение.

12 июля 1711 г. был подписан русско-турецкий мирный трактат. Условия договора были для России тяжелыми: возвратить Азов, не вмешиваться в польские дела, пропустить Карла XII в его владения, ограничиться сухопутными торговыми операциями, не иметь своего посла в столице султана и т. д. Условия договора долгое время не выполнялись, и окончательно русско-турецкие отношения были нормализованы в 1713 г. подписанием Адрианопольского мирного договора со сроком действия на 25 лет. Однако не прошло и трех лет, как Россия и Османская империя вновь оказались на грани вооруженного конфликта. Поводом стали вторжение турецких войск в Грузию, захват Тбилиси и подготовка дальнейшей экспансии в Закавказье. Это произошло в 1723 г., вскоре после окончания персидского похода Петра I, в результате которого Россия установила свою власть в Дагестане и Северном Азербайджане. Именно в эту трудную для народов Закавказья пору армяне и грузины обратили свои взоры к России. Однако Петр I, недавно завершивший длительную Северную войну, не мог позволить себе втянуть страну в войну с турками в Закавказье. Османская империя, натолкнувшись на упорное сопротивление народов Закавказья и испытывая внутренние неурядицы и экономические трудности, готова была к компромиссу. Таким компромиссом стал русско-турецкий договор 1724 г., который привел к разделу между Россией и Османской империей бывших владений иранских шахов на Кавказе.

Последующее десятилетие до середины 30-х гг. XVIII в. было сравнительно мирной полосой в русско-турецких отношениях. Однако, когда правительство Анны Иоанновны заключило договор с иранским шахом в 1735 г., вернув Ирану все прикаспийские земли, реакцией султана стал поход крымского хана в Закавказье через русские земли, который фактически стал началом новой русско-турецкой войны.

В 1736 г. Россия объявила войну Османской империи. В Крым была отправлена военная экспедиция, в результате чего русские захватили Бахчисарай и заняли Азов. В 1737 г. в войну вступила Австрия на стороне России. Русские войска захватили Очаков, провели ряд удачных операций в Крыму. Османская империя запросила мира. Мирные переговоры завершились в Белграде 18 сентября 1739 г. В 1740–1741 гг. Россия и Османская империя обменялись чрезвычайными посольствами. Именно усилиями дипломатии мирные отношения не нарушались более четверти столетия.

Ухудшение русско-турецких отношений наступило в начале 60-х гг. XVIII столетия. На то было несколько причин: постоянная угроза нападения на Россию крымских и ногайских татар, подвластных османскому султану, запрет на плавание русских судов в Черном море; обращение народов Балкан и Кавказа за помощью к России, как избавителю от османского владычества. Поводом к войне стал незначительный пограничный инцидент.

Войну России султан Мустафа III объявил 4 октября 1768 г. В апреле 1769 г. бои между русскими и турецкими войсками начались на Дунайском фронте и велись с успехом для русских; на Кавказском фронте также преимущество было на стороне русской армии.

Кампания 1770 г. вновь принесла успех России: русский флот блокировал Дарданеллы, прервав морские коммуникации противника. В кампании 1771 г. главным событием стало

заятие Крыма. Это был сильнейший удар по Османской империи, дотоле считавшей Черное море своим внутренним морем.

Весной и летом 1774 г. произошли события, предопределившие исход войны: в начале мая русские войска форсировали Дунай и заняли Пазарджик. В сражении при Козлудже русский корпус под командованием А. В. Суворова, имевший в своем составе только 8 тыс. солдат, наголову разгромил 40-тысячную армию турок. Наступление русских войск на Балканах развивалось стремительно. 20 июня Порты предложила перемирие. В июле 1774 г. в Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор. Он отразил явное экономическое и военное превосходство Российского государства над Османской империей и зафиксировал принципиальные перемены в международном положении Османской державы.

19 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест о присоединении Крыма, Таманского полуострова и земель до реки Кубань к России. После этого воинственность антирусской партии в Стамбуле усилилась, кроме того, ряд европейских держав, в частности Англия, Пруссия, Голландия и Швеция, подталкивали султана к войне.

24 августа 1787 г. Османская империя объявила России войну.

Победы Суворова в битвах при Фокшанах и Рымнике закрепили военный успех России.

22 декабря 1790 г. крепость Измаил, имевшая 35-тысячный гарнизон, была штурмом взята войсками под командованием Суворова. Вооруженные силы султана были на грани полного истощения. Османская империя запросила мира. 29 декабря 1791 г. в Яссах был подписан мирный договор, который принес России новые территориальные выгоды и политические преимущества.

Итоги русско-турецких войн конца XVIII в. четко выявили экономическую и военную слабость Османской империи, а также очевидную необходимость серьезных реформ в государственном и военном механизме страны.

От империи к республике

Уже никогда больше Османская империя не считалась агрессивной, расширяющейся державой, какой ее знали и боялись христианские страны на протяжении более чем трех минувших столетий. Раз и навсегда, хотя она и оставалась сильной державой в Азии, начался период сокращения ее владений в Европе с тем, чтобы продолжиться рядом поражений, отмеченных чередой все более и более невыгодных договоров. Больше определенно не могло быть возврата к великим дням завоевателей.

Итак, Петр Великий столь же абсолютный суверен, что и султаны в годы расцвета Османской империи, стремился завоевать едва ли не весь мир. Самое удивительное, что именно эта угроза продлила существование Османской империи.

Во времена своего могущества Османская империя обеспечивала равновесие сил внутри самой Европы, ее же слабость стала жизненно важной для равновесия сил между европейскими державами и Россией. Империя султана должна была любой ценой поддерживаться в качестве буфера против царя. Это соображение вело к глубоким переменам, по мере того как османы, не зависевшие больше от силы оружия, а от переговоров за столом конференций и конгрессов, сблизилась с теми западными державами, в чьей поддержке Османская империя теперь нуждалась. В результате она стала ключевым элементом в дипломатии, как когда-то в войне.

К концу XVIII в. империя пережила унижающее поражение на поле боя во время продолжительной войны с русскими, в ходе которой те проникли со своим флотом в восточное Средиземноморье, чтобы высадиться в Греции и Бейруте. Затем последовали вторжения в Египет Наполеона и союз Османской империи с Англией и Россией, целью которого было изгнание войск Наполеона из этой богатой провинции. С конца XVIII в. европейское влияние на империю становится активным и первостепенным. В первую очередь оно помогло задержать распад империи; во-вторых, оказало давление на османское правительство в плане его собственного реформирования и улучшения положения его

христианских подданных.

Мощной реакцией Османской империи стал танзимат, т. е. реформы. XIX в. явился веком реформ. Первым султаном-реформатором, имевшим перед собой пример Великой Французской революции, был Селим III (1780–1807 гг.). Селим III понял, что необходимо менять структуру государства, дабы оно смогло выжить в новых условиях. Но он был свергнут и отстранен от власти, представив угрозу материальным интересам янычар, и в конце концов, из-за этого лишился жизни. Двадцать лет спустя корпус янычар был сам уничтожен.

Дело Селима III продолжил Махмуд II (1808–1839 гг.), ставший Великим Реформатором в истории османов. Его программа радикальных перемен означала трансформацию государства из средневековой империи, организованной в соответствии с принципами ислама, в современное государство, с собственной конституцией и основанное на принципах гражданского общества Запада. То, что он планировал, было разрывом с прошлым в форме новых институтов и более гибких концепций управления наподобие тех, которые в данный момент развивались в Европе. Разумеется, эта программа могла быть реализована только с помощью жестких мер. Султан восстановил сплоченность уменьшающейся, из-за притязаний иностранных государств, империи; уничтожил корпус янычар, существовавший на протяжении пяти веков, сначала, как терроризировавший Европу, а затем – собственных султанов угасавшей Османской империи; восстановил автократию, провел военную реформу.

После совершенной им государственной реформации наступил период просвещенного развития, в ходе которого Махмуд II все силы отдавал на создание более гибкого и либерального общества. Великий реформатор заложил для своих преемников главные направления широкой программы преобразований, которая была предназначена с течением времени взрастить новую Турцию в тесной близости с западной цивилизацией.

Махмуду II наследовал его сын Абдул-Меджид I (1839–1861 гг.). Он провозгласил равенство всех граждан перед законом, реформировал финансы, администрацию, юстицию, построил армию на новых принципах, открыл большие школы, отменил рабство чернокожих.

Развитие реформаторского движения приостановила Крымская война 1853–1856 гг., сыгравшая очень большую роль в исторической судьбе Османской империи. В числе причин ее возникновения было англо-русское и франко-русское соперничество. Когда возникла угроза разгрома Османской империи, западные державы, опасаясь усиления России и потери своих позиций на Ближнем Востоке, решили открыто вмешаться в конфликт. В марте 1854 г. Англия и Франция заключили союзный договор с Османской империей и вскоре после этого объявили войну России. Крымская кампания вошла в историю благодаря героической обороне Севастополя, которая длилась почти год. Союзникам удалось взять Севастополь в сентябре 1855 г.

Менее успешно для союзников развивались параллельно события на Кавказском фронте: длительные бои почти полностью лишили султана анатолийской части его армии. Ход войны диктовал противникам необходимость заключения мира.

Мирный конгресс, в котором участвовали Россия, Франция, Англия, Австрия, Пруссия, Турция, Сардиния, завершился договором о мире, который был подписан в Париже 30 марта 1856 г. По условиям договора Россия теряла Южную Бессарабию и устье Дуная. Турция получала Каре в обмен на Севастополь; Россия и Турция лишались права иметь на Черном море военные флоты. Договор сохранял сюзеренитет султана над Сербией, Молдовой и Валахией.

Англия, Франция и Австрия, со своей стороны, заключили соглашение, которое содержало их обязательство обеспечить гарантии независимости и целостности Османской империи в рамках положений подписанного договора. Одним словом, эти державы получили постоянный повод для вмешательства во внутренние дела Османской империи под предлогом обеспечения условий договора.

Итоги Крымской войны были неутешительны. Империя потеряла почти всю армию; стране был нанесен огромный экономический ущерб, в полном расстройстве оказались ее финансы. В годы войны были сделаны первые шаги на пути ее финансового закабаления европейскими державами; в 1854 г. Османская империя взяла заем у Англии и Франции. Средств этих хватило ненадолго, уже в августе 1855 г. банкирский дом Ротшильда предоставил стране новый заем. Условия займов были для Империи крайне невыгодны.

Новый этап танзимата – хатт-и хумаюн 1856 г. провозгласил проведение ряда экономических реформ. В целом эпоха танзимата отмечена положительными сдвигами в политико-административной, экономической и культурной жизни страны. Но достигнутые результаты никак не соответствовали потребностям развития огромного многонационального государства в условиях середины XIX в.

Проникновение иностранного капитала в экономику Османской империи ощутило усилилось в 60–70-х гг. В этот период были заложены основы для превращения страны в полуколонию. К 1876 г. Османская империя получила 14 займов, ее внешний долг составлял 277 млн лир; около половины бюджетных расходов шло на погашение долга и на выплату процентов по займам. Иностранные предприниматели получили в середине XIX в. ряд концессий, в том числе, на разработку природных ископаемых и учреждение банков. В 1856 г. англо-французским капиталом был создан Оттоманский банк со статусом государственного банка.

Европейские державы по любому поводу вмешивались во внутренние дела некогда могущественной державы султанов. Она не стала колонией и не была разделена между колониальными империями Запада только потому, что соперничество держав постоянно мешало прямому захвату ими территорий Османской империи. Она являла собой арену не прекращавшейся дипломатической борьбы империалистических государств за преобладающее экономическое и политическое влияние.

В среде турецкой буржуазии крепло стремление добиться условий, благоприятных для укрепления ее экономических позиций, для социально-политического и культурного прогресса страны. Выразителем этих идей стала молодая турецкая интеллигенция – феодально-бюрократическая по происхождению, но уже буржуазная по умонастроениям. В этой социальной среде впервые зародились планы превращения Османской империи в конституционную монархию.

Конституция 1876 г. провозгласила личную свободу и равенство перед законом всех подданных империи. Конституция весьма мало ограничила власть султана, но сам факт торжественного провозглашения личной свободы гражданина и установления парламентарного режима был, бесспорно, важным событием в истории страны. Но мрачным парадоксом истории стал тот факт, что именно первый в истории Турции конституционный монарх Абдул Хамид II вскоре превратил страну в арену кровавых злодеяний.

В начале июля 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Османской империи, поддержав повстанцев в Боснии и Герцеговине. В октябре Россия в ультимативной форме потребовала от империи, войска которой готовились к маршу на Белград, прекратить военные действия против Сербии. Выработку проекта автономии для Боснии, Герцоговины и Болгарии предполагалось осуществить с участием Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии и России в декабре на Стамбульской конференции.

В результате провала Стамбульской конференции, в марте 1877 г. в Лондоне была созвана конференция шести держав для решения проблем балканских народов Османской империи. Но турецкое правительство отклонило предложение держав по улучшению положения христианских подданных султана. Решение османов вызвало резкую реакцию в Петербурге, и 4 апреля 1877 г. Россия объявила войну Османской империи.

Военные действия одновременно развернулись на Балканском и Кавказском фронтах. Успешными оказались военные действия русских войск и на Кавказском фронте, и на Балканском. Султан запросил перемирия. В Сан-Стефано 3 марта 1878 г. был подписан русско-турецкий мирный договор, который определил полную независимость Сербии и

Черногории, установил для Болгарии статус независимого княжества. Османская империя взяла на себя обязательство предоставить автономию Боснии и Герцеговине, Россия вернула себе Южную Бессарабию, закрепила власть в Ардагане, Баязиде, Батуме и Каре. Однако в результате противодействия европейских держав, боявшихся усиления влияния России на Балканах и Ближнем Востоке, России пришлось согласиться на проведение в Берлине общеевропейского конгресса для обсуждения вопросов, связанных с русско-турецким мирным договором. Конгресс открылся 13 июня 1878 г., где был подписан Берлинский трактат, изменивший в ущерб России и славянских народов Балкан положения Сан-Стефанского договора. И все же западным державам не удалось полностью ликвидировать важные для исторических судеб балканских народов результаты русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: на Балканах возникли более благоприятные условия для социального и национального прогресса.

Война 1877–1878 гг. с новой силой продемонстрировала социальную и политическую отсталость Османской империи. После этой войны феодальные круги сделали все для ликвидации либерально-конституционного движения; разгром сторонников конституции вернул средневековые условия жизни османов.

Новая волна протеста социальных и политических сил, которая составляла социальную базу движения за Конституцию, вылилась в движение младотурков. Воззрения участников первых ячеек младотурков формировались под влиянием литературных и публицистических работ И. Шинаси, Н. Кемалея, Мидхата и Зии. Центральное место в младотурецкой пропаганде занимала мысль о необходимости восстановления конституционного строя и созыва парламента. Выдвигался тезис, согласно которому конституционные реформы нужны как средство, способное предотвратить распад Османской империи и ее раздел между великими державами.

Летом 1896 г. младотурки попытались совершить государственный переворот, но из-за предательства заговорщики были арестованы и сосланы. Однако уже ничто не могло остановить развитие этого движения: активизировалась деятельность младотурецких организаций как за рубежом, так и внутри Османской империи. 27 апреля 1909 г. султан Абдул Хамид III был низложен; новый султан – Мехмед V (1909–1918 гг.) не обладал способностью управлять государством.

Наступил новый период в истории Турции: младотурки взяли в руки управление страной. За десятилетний период правления младотурок в стране сменилось 14 правительств. В результате страна оказалась совершенно не подготовленной к войне, возникшей в результате итальянской агрессии против Триполитании осенью 1911 г. Итальянские войска оккупировали острова Южные Спорады, бомбардировали турецкие укрепления в районе Дарданелл; итало-турецкая война продолжалась без успеха для турецкого оружия. 18 октября 1912 г. был подписан мирный договор, по которому Триполитания и Киренаика стали колонией Италии (под названием «Ливия»). В тот же день началась война на Балканах. Против османов выступила коалиция в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории (первая Балканская война) за автономию Македонии и Фракии. По сути дела это была борьба за освобождение балканских народов, оставшихся под турецким владычеством. По Лондонскому мирному договору 1913 г., потерпевшая поражение Турция теряла все свои европейские владения, кроме Стамбула и небольшой части Восточной Фракии.

С конца 1913 г. в Османской империи установилась младотурецкая диктатура, которая принесла стране дальнейшее ухудшение ее экономического положения, привязала Османскую империю к кайзеровской Германии. Военный союз с Германией обязывал Османскую империю выступить на ее стороне в начавшейся Первой мировой войне.

В пламени Первой мировой войны сгорели остатки независимости и былой военной мощи. Это был крах Османской империи.

В ноябре 1918 г. в водах Босфора стали на якоря военные корабли Англии, Франции, Италии и Греции. Султан и Блистательная Порта стали марионетками в руках оккупантов. Лидеры младотурок бежали в Германию.

В конце 1918 – начале 1919 г. английские и французские войска оккупировали Юго-Восточную Анатолию; греки начали движение в Анатолию с запада. В 1919 г. вся Анатолия была охвачена партизанской борьбой против интервентов. Ее возглавили патриотические силы турецкой национальной буржуазии, лидером которой стал Мустафа Кемаль-паша. Турция находилась на пороге нового этапа своей истории.

Итак, за два столетия непрерывного упадка, сопровождаемого то принятием, то отторжением европейских нравов, усиливающегося давления иностранных держав и вмешательства во внутренние дела, экономической зависимости, Османская империя постепенно пришла к полному краху. К сильному прессу России, к периодическим ударам со стороны Австрии прибавлялись восстания «аборигенов». Национальная идеология Французской революции всколыхнула народы. Интриги, подстрекательства, обещания из-за рубежа подталкивали христиан к восстаниям, по сути, к освободительному самоубийству. Европа, тайная подстрекательница, радовалась; эти кровавые события воспевали Гюго, Байрон, Делакруа; в эпоху торжества романтической школы европейцы видели в греческих разбойниках, которые вели партизанскую войну, наследников Праксителя и Сократа. Что касается армян, то они были для них лишь пешками на шахматной доске, и в конце концов их бросили на произвол судьбы и заговорили о геноциде. Пропаганда была более тонкой, чем греческая, она запятнала турков таким обилием крови, которой хватило до времен республики, хотя в действительности обвинять следовало только Османскую империю. Европа, которая сама дехристианизировалась, хотела видеть христианство, стонущим под игом ислама. Она забывала о том, что мусульмане подчинялись тем же центробежным силам, и так же, как христиане, способствовали разрушению здания: ваххабиты в Аравии, боснийцы и албанцы Али-паши из Янина на Балканах, Мехмет-Али, основной вассал империи, который в какой-то момент был близок к тому, чтобы изменить ее, и сделал бы это, если бы не европейцы, а позже это были все арабы Ближнего Востока во времена знаменитого Лоуренса Аравийского. Перемены во благо Османской империи стали реальными в эпоху танзимата, но не следует гадать, почему они не дали результатов, способных удержать процесс разрушения. XVIII в. был веком поражений. В XIX в. имел место международный крестовый поход против «Больного человека в Европе» и невозможность жить в гармонии народам, которых всегда сближал культ короны и стремление к выгоде, получаемую путем завоеваний. Распад империи набирал обороты. Греция объединилась между 1828 и 1913 гг.; Сербия, Черногория, Босния, Герцеговина отделились от Империи между 1830 и 1878 гг.; государство Румыния образовалось между 1858 и 1878 гг.; Франция завоевала Алжир в 1830 г.; Тунис, ставший независимым в 1705 г., принял французский протекторат в 1881 г.; после 1882 г. Египет под франко-английским, затем только английским контролем оставался турецким лишь формально. XX веку оставалось завершить этот процесс.

Империя все быстрее раскалывалась под давлением нарастающих сил европейского национализма. Апогеем их концепции были Балканские войны начала XX в., за которыми последовала фактическая утрата всей территории Турции в Европе с превращением турецких провинций в независимые национальные государства.

Болгария получила независимость в 1912 г., а в том же году Италия, хотя и не без труда, захватила Киренаику и Триполитанию. 31 октября 1914 г. Турция, управляемая триумvirатом в лице трех пашей – Талата, Кемалю и Энвера, но номинальную власть которой представлял Мехмед V, вступила в войну на стороне Германии и ее союзников. Турецкие войска храбро сражались: едва не блокировали Суэцкий канал (январь 1915 г.), отразили высадку французов и англичан в проливе Дарданеллы (май– август 1916 г.), заставили капитулировать Туансанда в Кут аль-Амара (28 апреля 1916 г.), упорно сопротивлялись восставшим сирийцам и русским, которых поддерживали армянские партизаны и с которыми они сражались за Ван с таким ожесточением, что его развалины до сих пор свидетельствуют об этом. Но в конце концов пали Эрзерум, Тренизонд, Багдад, и когда капитулировала Болгария, союзница Турции, туркам пришлось подписать перемирие в Мудросе (30 октября 1918 г.). Оно привело к Севрскому договору (1920 г.)

За Турцией Севрский договор сохранял Центральное Анатолийское нагорье; столицей ее оставался Стамбул, но союзники имели право отнять его в случае невыполнения турками мирного договора.

Турция признавала мандатными государствами Сирию, Иран, Палестину, «независимыми» – королевство Хиджаз, английский протекторат над Египтом, англо-египетский кондоминиум над Суданом, французский протекторат над Марокко и Тунисом, а также отказывалась от Ливии. Таким образом, Севрский мирный договор фактически лишил Турцию права суверенного государства.

Но Турция, исчезнув как империя, должна была выжить как страна. Величайшим из всех национальных лидеров Среднего Востока был Кемаль Ататюрк, который, опережая своих современников – младотурок, с юных лет придерживался убеждения, что дни империй сочтены и что наступали дни национальных государств. Его целью было возрождение сильного, здорового тела путем отсеечения от него внешних частей и полного отказа от имперской экспансии.

23 апреля 1920 г. в Анкаре собрался новый парламент – Великое национальное собрание Турции (ВНСТ). Новое правительство возглавил Мустафа Кемаль (Ататюрк). Широилось национально-освободительное движение.

В 1922 г. турецкая армия одержала ряд крупных побед в боях с оккупантами. Правительства держав Антанты, испытывавшие давление собственного общественного мнения, были вынуждены предложить ВНСТ начать переговоры о перемирии. 15 октября 1922 г. вступил в силу договор о перемирии. В результате национально-освободительной войны возникло новое Турецкое государство. 1 ноября 1922 г. ВНСТ приняло решение об упразднении султана, Мехмеда VI; последний, тридцать шестой по счету, монарх из Османской династии бежал на Мальту. Летом 1923 г. на мирной конференции в Лозанне был подписан договор, который зафиксировал признание великими державами правительства Турции. 29 октября 1923 г. ВНСТ приняло закон о провозглашении республики. Тогда же столицей нового государства была объявлена Анкара. Занимая часть Малой Азии, сопоставимую с той, которую занимали родственные туркам сельджуки, Турция показала себя наиболее стабильной, из всех подобным образом возникших государств-наследников Великих тюркских империй.

Карты

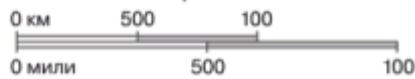

Государство хуннских шаньюев

Эпоха сяньби и жуаньжуаней

- Изначальные территории сюнну
- Империя Хань достигает наивысшего могущества ок. 200 г. н.э.
- Сасанидская Персия ок. 250 г. н.э.
- Империя Гуннтов в период расцвета ок. 400 г. н.э.
- Кушанская империя ок. 275 г. н.э.
- Тоба Вэй ок. 500 г. н.э.
- Восточные тюрки ок. 600 г. н.э.

Степные царства

	Ставки тюркских каганов		Сражения, закончившиеся победой:		тюрк
	Тюркские памятники, стелы и надписи		китайцев		уйгур
Тайхар чулу			тюрк		

Второй тюркский каганат

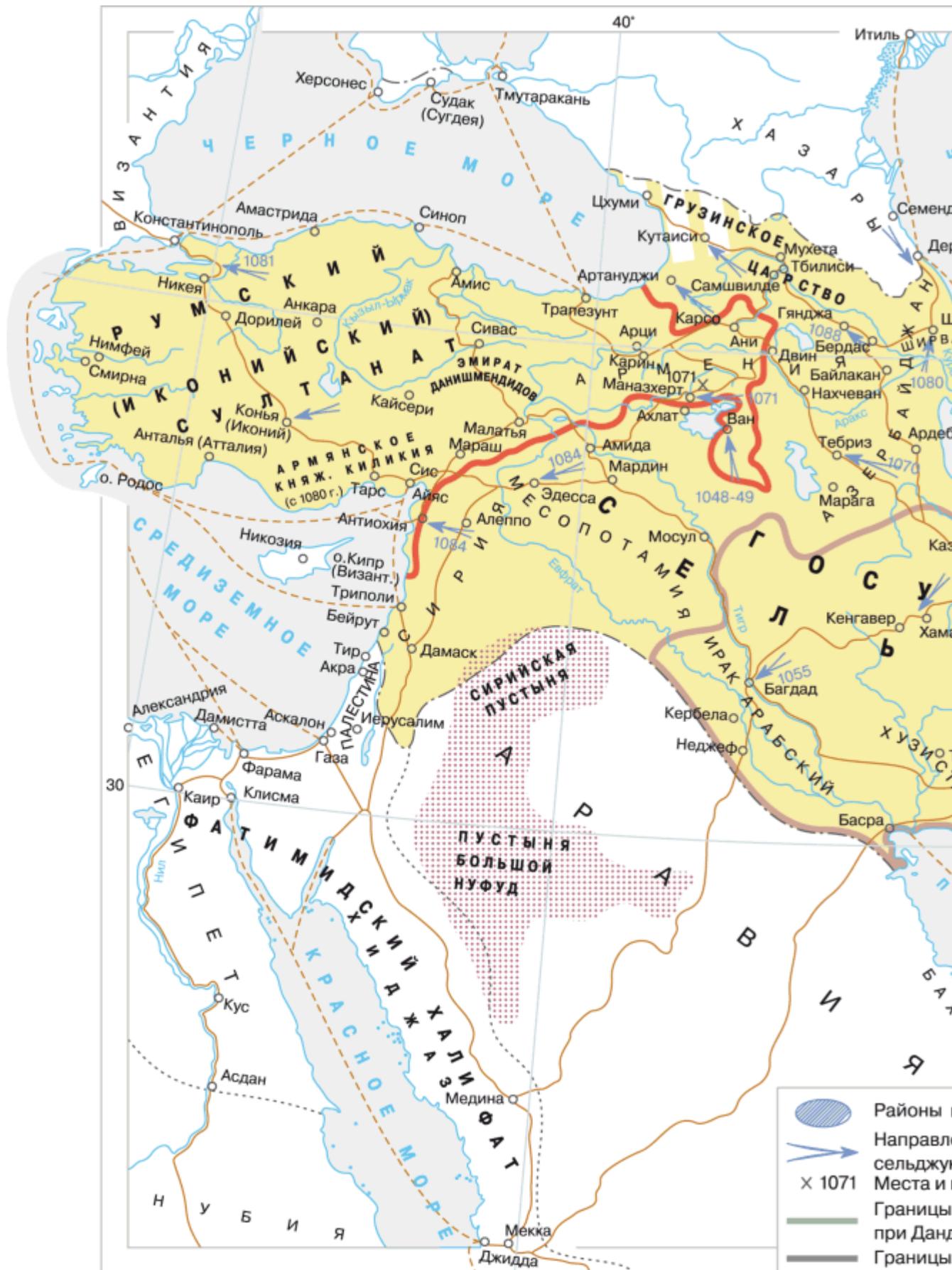
Эпоха уйгурского каганата

Кыргызский каганат в IX в.

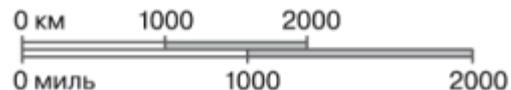
Турецкие империи, 1038–1492 гг.

Сельджукское государство на территории Ирана и сопредельных стран в конце XI в.

Походы тюрко-монголов в Китай в первой половине XIII в.

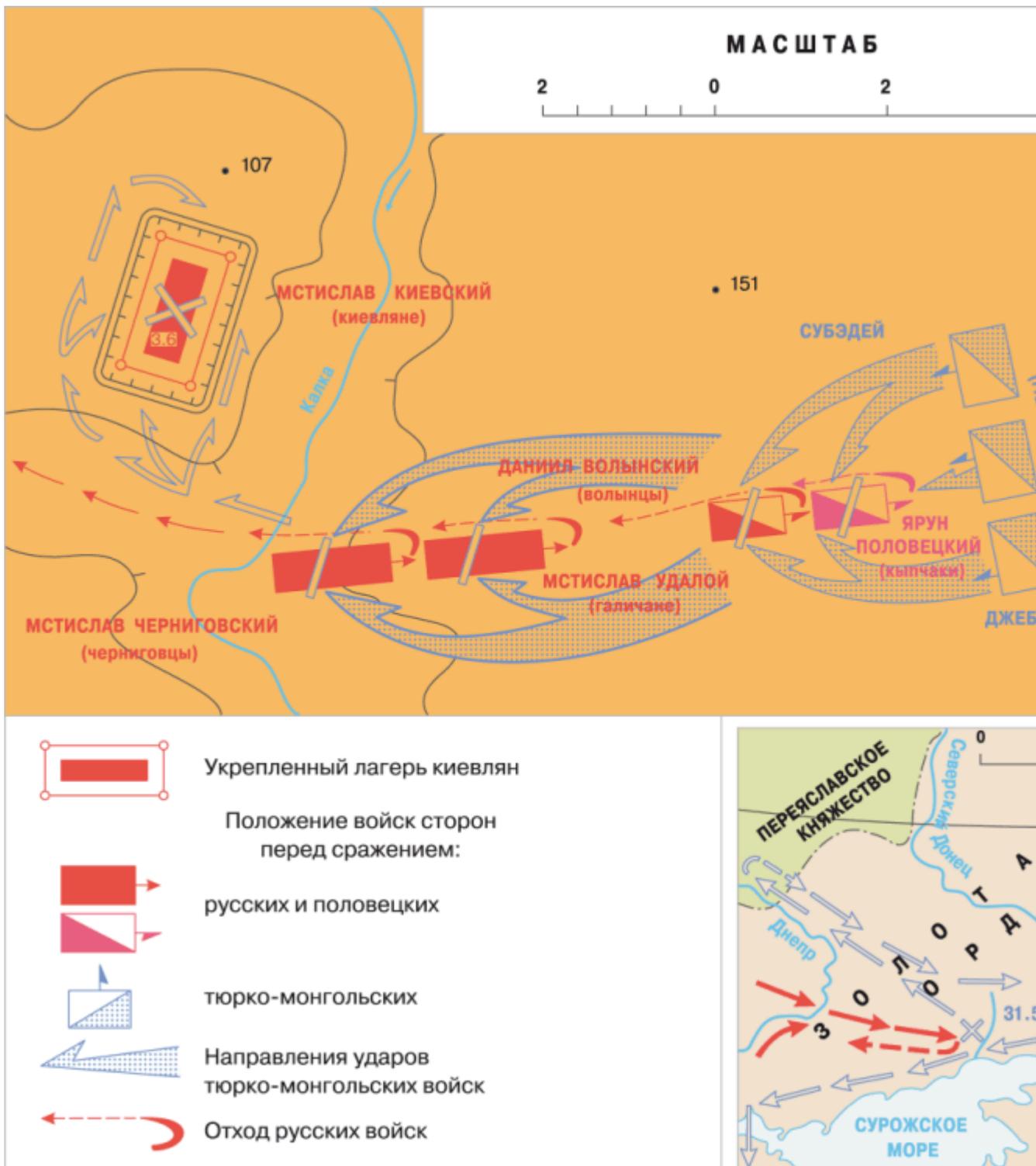

- К Л Ю Ч**
- Походы Чингисхана 1206
  - Империя Чингисхана, 1227
  - Походы наследников Чингисхана
  - Владения наследников Чингисхана
  - Шелковый путь

Монгольская империя

Тюрко-монгольские завоевания XIII в.

Сражение на р. Калка 31 мая 1223 г.

Тюрко-монгольская империя, 1260–1502 гг.

Бой русского передового полка с авангардом тюрко-монгол

Фронтальный удар главных сил тюрко-монгол и прорыв левого фланга русских войск

Перемещение резерва русских войск для прикрытия левого фланга и тыла большого полка

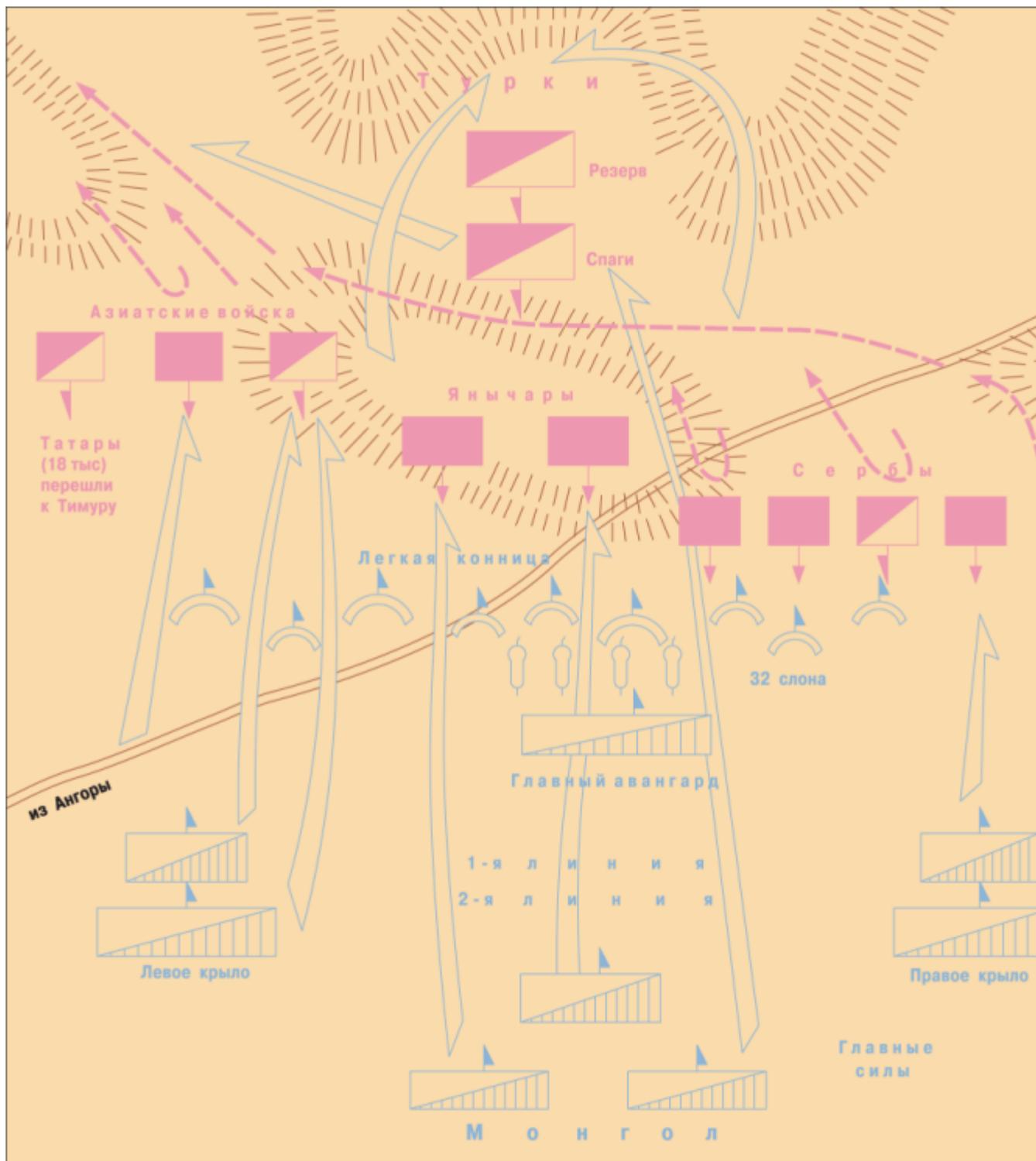

Внезапный удар засадного полка и разгром тюрко-монгол

Преследование тюрко-монгол русскими войсками

Куликовская битва 8 сентября 1380 г.

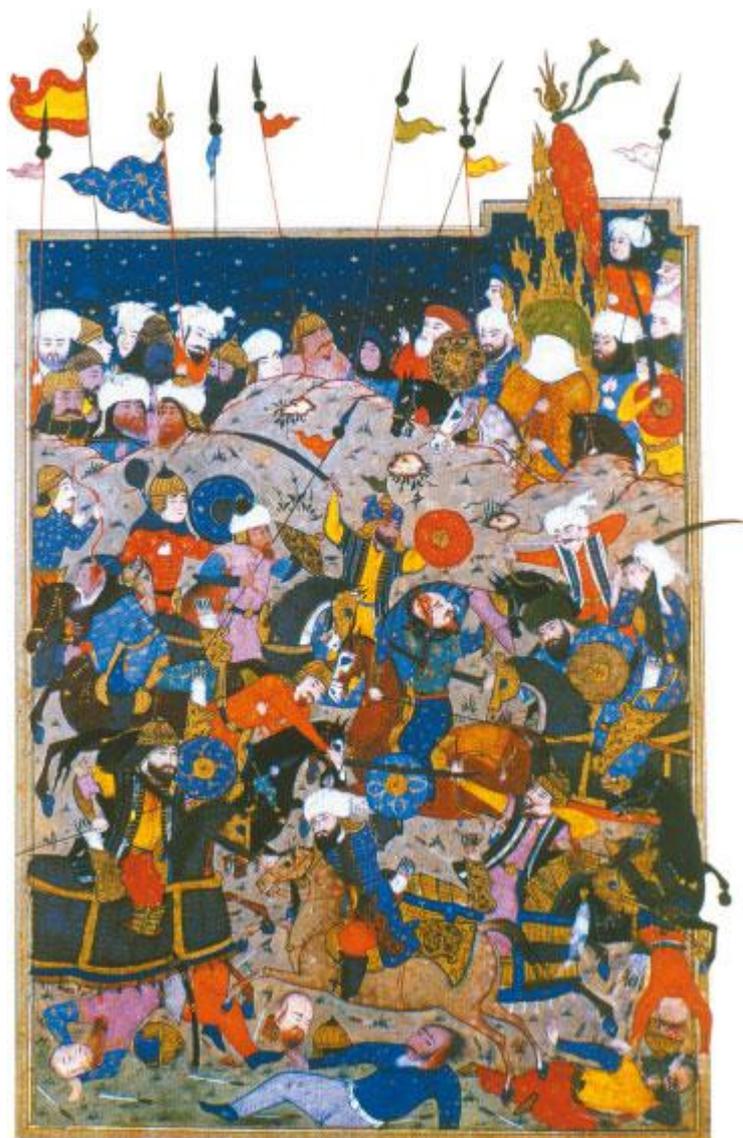
Битва при Анкаре в 1402 г.

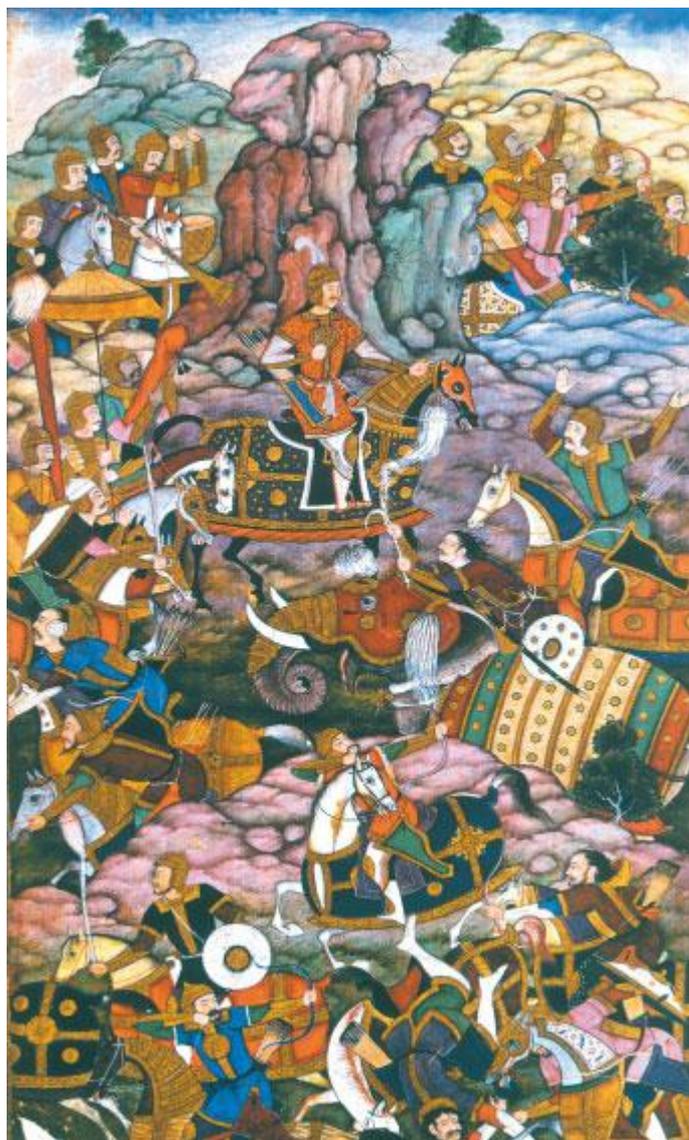
Походы тюрков под командованием Амира Темура в конце XIV и начале XV в.

Центральная Азия и Сефевиды, 1500–1800 гг.

Тебризская миниатюра начала XVI в., изображающая поражение византийской армии от воинов Пророка (музей Резы Аббаси, Тегеран)

Миниатюра XV в.